



Туркменистан, Гонур-депе, 9 октября 2005 г.

Turkmenistan, Gonur Depe, October 9th, 2005

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МАРГИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том 6

Памяти Виктора Ивановича Сарияниди

Редакционная коллегия

**Н.А. Дубова (главный редактор),
Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев,
Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин**

Москва 2016

УДК 05 [902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)
Т 78

Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди / Ред. Н.А. Дубова (гл. ред.), Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин – М.: Старый сад, 2016 — 580 с.
ISBN 978-5-89930-150-6

Данный выпуск Трудов посвящен памяти открывателя нового центра древневосточной цивилизации, основателя и постоянного руководителя Маргианской археологической экспедиции В.И. Сарианиди. Он состоит из трех разделов. В первый из них включены воспоминания друзей и коллег выдающегося археолога; во второй — описание и анализ новых находок и открытий, сделанных на известном памятнике эпохи бронзы Гонур-депе (2300-1600 до н.э.); а в третий — характеристика Гонура и других объектов Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) в сравнительном контексте с синхронными памятниками Центральной Азии и Ближнего Востока. Затрагиваются вопросы строительства и архитектуры, древней металлургии, мировоззрения населения, глиптики и сфрагистики, биоархеологических реконструкций, реставрации археологических предметов. Значительное место уделяется анализу торговых и культурных связей в пространстве Евразии, значению древней дельты Мургаба как перекрестка путей. Вводится в научный оборот ряд новых уникальных объектов эпохи бронзы, в том числе найденные и на Гонуре.

Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 6. To the Memory of Professor Victor Sarianidi / N.A. Dubova (editor in chief), E.V. Antonova, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin – M.: Staryi sad, 2016 — 580 p.
ISBN 978-5-89930-150-6

This issue of Transactions is devoted to the memory of the discoverer of a new center of ancient oriental civilization, the founder and the permanent head of the Margiana archaeological expedition Victor Sarianidi. It consists of three sections. The first one included the memories of friends and colleagues about the outstanding archaeologist; the second one – description and analysis of new findings and discoveries made in the famous Bronze Age archaeological site Gonur Depot (2300-1600 BC); and the third one – the characteristics of Gonur and other objects of the Bactria-Margiana archaeological complex (BMAC) in a comparative context with synchronous monuments of Central Asia and the Middle East. The construction and architecture, ancient metallurgy, ideology, glyptic and sphragistics, bioarchaeological reconstructions, restoration of archaeological objects are affected. The significant attention is given to the analysis of trade and cultural relations in the Eurasian area, to the value of the ancient delta of the Murghab river as the crossroads. New series of unique Bronze age objects, including those have found at Gonur are introducing into scientific circulation.

.....

ТРУДЫ МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ТОМ 6
Памяти Виктора Ивановича Сарианиди

Подписано в печать 23.09.2016 г. Формат 90x60/8. Усл. печ. л. 66,07. Тираж 1000 экз.
Издательство ООО «Старый сад»
Типография «Медиагранд»

ISBN 978-5-89930-150-6

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016
© Маргианская археологическая экспедиция, 2016

N.N. MIKLUKHO-MAKLAY INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MARGIANA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

ALTAY STATE UNIVERSITY

TRANSACTIONS OF MARGIANA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Volume 6

To the Memory of Professor Victor Sarianidi

Editorial board

N.A. Dubova (editor in chief),
E.V. Antonova, P.M. Kozhin, M.F. Kosarev,
R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin

Moscow 2016

Foreword

The next, sixth volume of the Transactions of Margiana expedition we dedicate to the memory of its founder and permanent leader Viktor Ivanovich Sarianidi. The Editorial Board of Transactions has received a considerable number of texts, but to this volume we have selected only those that were directly linked to his name, with the development of his ideas or discussion on them, with the assessment of important discoveries of the scientist or his overall contribution to the historical science. All submitted for publishing texts on other issues, which were reviewed, will be published in the next volume. We had to thank the family of Viktor Ivanovich, his colleagues and friends including Georgiy Kotanov, Andrey Iliopulo, Georgiy Neopulo, Hristofor Topuzov, Georgiy Iliadis, Anastasios Vasiliadis, Odissey Zahariadis, Nikos Sidiropulos, Al'bert Yanakov, Konstantin Simeonidis, Irakliy Aslamazov, Fedor Karafulidis, Irakliy Aslanidis, Anesti Ksinopulo, Mihail Ksandopulos, Pavel Aslanov, Konstantin Shotidis, Pavlos Arzumanidis, Georgiy Martasidis and also MIN Byung-Hoon and Christina Yu for their invaluable financial support for the publication of this book.

Since many years the Margiana expedition carried out in the framework of the Agreement on Cooperation between the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences and the National Department for the Protection, Study and Restoration of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of Turkmenistan, as well as the fact that archaeologists from Altai (Barnaul city) and Kemerovo state universities have begun to take an active part in the excavations of the recent years, the editorial board of the collection has been expanded. We very much hope that in the future it serve further the spread of information about the unique treasures that were kept and still keeps the Turkmen land. It is a great pity that whereas the book was prepared for delivery to the printing house, one of its main editors, friend and colleague of Victor Ivanovich Sarianidi – Pavel Mikhailovich Kozhin has passed away (18 July 2016). His valuable advice and rich erudition contributed in many ways to the fact that this serial publication was such what it is. The Editorial Board hopes to dedicate one of the following issues of the Transactions to the memory of that outstanding scientist.

Despite the fact that this volume is a memorial edition, the editors considered important to preserve the overall structure of the issues of the series. Therefore, the first section, as in the previous volumes, is connected with the name of Viktor Ivanovich, memories of him, the second is traditionally devoted to the works at Gonur Depe and to the finds made there and the third – to the cultural relations of Margush country and Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAK) that researchers have been able to trace.

Editorial board

Предисловие

Очередной, шестой том Трудов Маргианской экспедиции мы посвящаем памяти ее основателя и бессменного руководителя Виктора Ивановича Сарианиди. Редколлегия Трудов получила значительное число текстов, но в данный том мы отобрали только те, которые были непосредственно связаны с его именем, с развитием или обсуждением его идей, с оценкой отдельных открытий ученого или его общего вклада в историческую науку. Все представленные для публикации тексты, посвященные другим вопросам и прошедшие рецензирование, будут опубликованы в следующем томе. Нельзя не поблагодарить родных Виктора Ивановича, его коллег и друзей, включая Георгия Котанова, Андрея Илиопуло, Георгия Неопуло, Христофора Топузоя, Георгия Илиадиса, Анастасиоса Василиадиса, Одиссея Захариадиса, Никос Сидиропулоса, Альберта Янакова, Константина Симеонидиса, Ираклия Асламазова, Федора Карафулидиса, Ираклия Асланидиса, Анести Ксинопуло, Михаила Ксандопулоса, Павла Асланова, Константина Шотидиса, Павлоса Арзуманидиса, Георгия Мартасидиса, а также Мин Бьюнг-Хоона и Кристины Ю., оказавших бесценную финансовую помощь для издания книги.

Учитывая, что многие годы работы Маргианской экспедиции проводятся в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии РАН и Национальным Управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана, а также тот факт, что в последние годы активное участие в раскопках начали принимать археологи из Алтайского (г. Барнаул) и Кемеровского государственных университетов, редколлегия сборника была расширена. Мы очень надеемся, что в дальнейшем это послужит еще большему распространению информации об уникальных богатствах, которые хранила и еще хранит туркменская земля. К большому сожалению, в то время, когда книга была подготовлена для сдачи в типографию, ушел из жизни (18 июля 2016 г.) один из ее основных редакторов, друг и коллега Виктора Ивановича Сарианиди – Павел Михайлович Кожин. Во многом, его ценные советы и богатейшая эрудиция способствовали тому, чтобы это серийное издание было таким, каким является. Редколлегия очень надеется один из следующих выпусков посвятить памяти это выдающегося ученого.

Несмотря на то, что издание мемориальное, редколлегия сочла важным сохранить общую структуру серии. Поэтому первый раздел, как и в предыдущих томах, связан именно с именем Виктора Ивановича, воспоминаниями о нем, второй – традиционно посвящен работам о Гонур-депе, сделанным там находкам, а третий – тем культурным связям страны Маргуш и Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), которые исследователям удалось проследить.

Редколлегия

Виктор Иванович Сарияниди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги

1930 г. Виктор с родителями
Афиной Васильевной и Иваном
Панайотовичем.
Фото из архива И.И. Сарияниди.

Victor with his parents Athina Vasilievna
and Ivan Panayotovich. From private
archive of Inna Sarianidi.



В.И. Сарияниди родился 23 сентября 1929 г. в г. Ташкент (Узбекистан) и был единственным сыном из трех детей в семье греков-понтийцев. Папа Иван Панайотович Сарияниди родился в с. Гюмюшхана/Аргирополис около Трапезунда в Малой Азии, а мама Афина Васильевна – в крымском г. Ялта. Семья переехала из Краснодарского края в Среднюю Азию во второй половине 1920-х годов не как беженцы или вынужденные переселенцы, а в поисках достойной работы и более спокойной жизни. Отец держал небольшую пекарню. Как говорил сам Виктор Иванович, одним из самых «вкусных» и приятных воспоминаний его детства был запах только что выпеченных булочек и, особенно, торта «Наполеон», предпочтение которому он отдавал среди прочих кондитерских изысков до последних лет своей жизни.

Археология вообще-то могла и не увидеть ни его блестящих работ, ни фантастических находок. Как сам Виктор Иванович рассказывал, в самые первые месяцы своей жизни он был очень слабым ребенком, и врачи не давали никаких гарантий того, что он выживет. Его маме было рекомендовано увезти мальчика из

Victor Ivanovich Sarianidi. Life, oeuvre, friends, colleagues¹

1943 или 1944 гг.
В саду ташкентского дома.

In the home garden at Tashkent.



Victor Sarianidi was born on September 23, 1929 in Tashkent (Uzbekistan) and was the only son of three children in a family of Pontic Greeks. His father, Ivan Panayotovich Sarianidi, was born in the village of Gümüşhane/Argyroupolis (Αργυρούπολις) near Trebizond in Asia Minor, and his mother, Athena Vasilyevna, in the Crimean city of Yalta. The family moved from the Krasnodar region to Central Asia in late 1920s, not as refugees or forced migrants, but in search of a decent job and a more peaceful lifestyle. His father kept a small bakery. As Victor Ivanovich remembers, one of the most “delicious” and pleasant memories of his childhood was the smell of freshly baked bread rolls and, especially, the Napoleon cake, which was his all-time favorite confectionary delight, up to the last years of his life.

Archaeology actually could not have seen any of his brilliant works, nor his fantastic discoveries. As Victor Ivanovich himself used to say, he was a very weak baby in the very first months of his life, and the doctors did not give any guarantee that he would

¹ English translation by the specialists of the company “Perevodchik.ru” (<http://www.perevodchik.ru>)

города в горы, чтобы чистый целительный воздух и свежее молоко дали возможность ему окрепнуть. Когда его, младенца, на телеге везли по дороге, положение было настолько опасное, что время от времени Афина Васильевна отворачивала краешек пеленок и проверяла, дышит ли крошечное существо, завернутое в них... И именно тогда Виктор одержал свою первую победу – он стал поправляться, дышал полной грудью и стал активно расти.

И во время отдыха в экспедиции, и встречаясь с друзьями в своей последней маленькой однокомнатной квартире около станции метро Беляево, он нередко вспоминал уютный ташкентский двор, игры со сверстниками, тесные связи с соседями разных национальностей – греками, узбеками, русскими, таджиками... Дружбу с одним из своих ровесников-ташкентцев он сохранил на всю жизнь. Он был безмерно рад тому, что, благодаря Интернету, Андрей, сын Юрия Андреевича Пленсковского в 2012 г. нашел его телефон и адрес. В гости к Виктору Ивановичу приехала вся семья Пленсковских, вспоминали Ташкент, детство, зрелые годы... Потом друзья встречались не раз, приглашали его на свою дачу, обсуждали разные вопросы – от политики до садоводства...

Еще одним, но совсем не радостным воспоминанием из ташкентской жизни была ночь ареста отца Виктора. Картина, когда в дом вошли грозные мужчины в кожаных пальто, чего-то уси-



1952 г.

survive. His mother was advised to take the boy from the city to the mountains, so that the pure healing air and fresh milk gave him a chance to get stronger. When the baby was traveling in a cart along the road, the situation was so dangerous that from time to time Athena Vasilyevna opened the edge of the swaddle to check whether the tiny creature in their middle was breathing... It was Victor's first victory – he began to recover, breathe deeply and grow actively.

At expedition camps and having friends over in his small one-room apartment in the south-west of Moscow, he often recalled the cozy Tashkent yard, playing with his peers, close relations with neighbors of different ethnic groups – Greeks, Uzbeks, Russians, Tajiks... One of Victor's Tashkent peers remained his friend for life. He was immensely pleased that, thanks to the Internet, Andrey, son of Yuri Andreyevich Plenskovsky, found his phone number and address in 2012. The whole Plenskovsky family came to visit Victor Ivanovich, they recalled Tashkent, their childhood and adulthood... Then the friends met again, invited him

Семья Пленсковских в гостях у Виктора Ивановича. Москва, 23.06.2012.

Plenskovski family visiting Victor Sarianidi. Moscow.





*В гостях у Б.А. Литвинского
и Е.А. Давидович. 16.07.2005.*

*Visiting Boris A. Litvinskiy
and Elena A. Davidovich*

ленно искали, приказали отцу одеваться, а недавно родившаяся сестра Инна безутешно плакала, осталась в душе семилетнего ребенка на всю жизнь. Несмотря на то, что через некоторое время отца выпустили за полным отсутствием каких-либо прегрешений, Виктор Иванович в последующие годы всегда называл большевиков и коммунистов только «коммуняками», не допуская никаких их положительных оценок или попыток говорить о том, что и коммунисты были разные...

К школьному возрасту относится знаковое событие, которое в какой-то степени определило и дальнейший путь Виктора. Эту историю он не раз рассказывал в своих многочисленных интервью в качестве ответа на вопрос, почему же он стал археологом. В семье Сарияниди была любимая коза, которую после ее смерти не убрали куда-то, а закопали в садике около дома. Через какое-то время, когда память об этом захоронении уже ушла, Виктору поручили вскопать участок в саду под новую грядку. И, как он рассказывал, для него стало потрясением, что в один из «копков» лопата обнажила, не просто кости этого животного, а небольшой ошейничек, который ему был так хорошо знаком и находился, как ему и положено, на шее козочки ... Именно тогда, как рассказывал Виктор Иванович, мысль о том, что земля таит многие разгадки прошлых эпох, стала основной, будоражившей его всю остальную жизнь. Ему очень захотелось

to their country house, discussed various issues – from politics to gardening . . .

Another Victor's memory of his life in Tashkent was not merry at all: the night his father was arrested. The sight of menacing men in leather coats, who entered their house, strenuously looking for something and ordering his father to get dressed, while Victor's new sister Inna cried inconsolably, remained in the soul of the seven-year old child forever. Despite the fact that after a while, Victor's father got released due to having done absolutely nothing, later on, Victor Ivanovich was always full of contempt towards the Bolsheviks and the Communists, always called them only "communyaky" not allowing any positive feedback about them, nor tolerating attempts to say that there were different kinds of Communists. . .

*1950-е годы, Туркменистан.
Виктор Сарияниди с
ружьем и Игорь Хлопин в
экспедиционной машине.
Фото из домашнего архива
В.И. Сарияниди.*

*1950s, Turkmenistan. Victor
Sarianidi (with a gun)
and Igor Khlopin in the expedition track.*



быть тем, кто, как Шерлок Холмс, поймет, что же произошло на самом деле. Поэтому по окончании школы в 1947 г. он решил поступать на юридический факультет Среднеазиатского государственного университета им. А. Навои и понес туда документы. Как он дальше рассказывал, здесь ему еще раз повезло. В приемной комиссии оказалась добрая разумная женщина, которая отговорила его подавать бумаги на юриста. Дело в том, что, как и у всей семьи Сарияниди, у него был тогда не советский, а греческий паспорт, т.к. и отец, и мать всей душой мечтали со временем переселиться на родину предков. А с паспортом гражданина другого государства было почти невероятно поступить на юридический факультет. Из имевшихся возможностей он выбрал историю, ибо, как он позднее не раз подчеркивал, работа археолога во многом похожа на работу следователя: из отдельных фактов, находок сложить общую картину.

Будучи деятельным и активным, молодой археолог не упускает ни одной возможности побывать в экспедиции: уже в 1948 г. он работает на раскопках обсерватории Улутбека в Самарканде, где экспедиция Института истории и археологии Академии наук УзССР, руководимая В.А. Шишкиным, завершает последний этап раскопок, обнажив фундаменты обсерватории и фрагменты здания вплоть до их основания на природной скале. Тогда же он впервые попадает и в Туркменистан: в составе разных от-

When Victor was a schoolboy, there was a significant event, which is to some extent determined the path he chose later on. He told this story often in numerous interviews, answering why he became an archaeologist. The Sarianidis had a pet goat, which died and got buried in the garden near the house. After some time, when the memory of the burial was gone, Victor was told to dig for a new garden bed in the garden. And he recalls he was shocked that one of the shovel digs revealed not just the animal's bones but the collar he knew on the goat's neck... It was then, as Victor used to tell, that he got forever captivated by the idea that the earth conceals many clues of the past eras. He wanted to be the one who, like Sherlock Holmes, would understand what really happened. Therefore, after finishing high school in 1947, he decided to enroll at the Faculty of Law of the A. Navoi Central Asian State University. So he went to submit all the necessary papers. Then he said he once again got lucky. In the selection committee, there was a kind sensible woman, who dissuaded him to submit the papers to study to be a lawyer. As a matter of fact, like all the Sarianidis, he had a Greek passport, for both his parents dreamed of eventually moving to the land of their ancestors. And if you had a foreign passport, it was almost impossible to enter the Faculty of Law. From the available options, he chose History because, as he later stressed more than once, an archaeologist's work is in many ways similar to that of a detective: both should restore the whole picture basing on individual facts and findings.



*Туркмения, 1950-е годы.
С Вадимом Массоном.*

**Turkmenistan, 1950s.
Together with Vadim Masson.**

*1950-е годы. Туркменистан.
С И.Н. Хлопиным при расчистке
погребения. Фото из личного архива
В.И. Сарияниди.*

*Turkmenistan. With Igor N. Khlopin
digging up a burial. Photo from the private
archive of Victor Sarianidi.*





1991 г. Гонур-депе.

Gonur Depe.

рядов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) работает на Нисе (1949–1954), на Султанкале в Мерве (1950–1954), участвует в маршрутных разведках на юго-западе Туркменистана в Машад_Мисриане (1949). Его учителями на факультете были Александр Александрович Семенов, Михаил Евгеньевич Массон, Борис Анатольевич Литвинский. В студенческие годы зародилась его дружба с Вадимом Михайловичем Массоном. Первая научная статья, опубликованная В.И. Сарияниди в 1953 г., была посвящена керамическим печам древнего Мерва. Именно Туркменистан, его предгорные районы, древние дельты речных потоков, необозримая пустыня, явно что-то скрывающая под своими песками, становится той силой, которая притягивала и юношу, и зрелого мужчину, и уже убежденного сединой аксакала. Именно сюда до самых последних дней своей жизни были устремлены все его помыслы, и именно здесь он чувствовал себя «дома».

Уже в эти годы, в пытливом уме все чаще появляется мысль о том, что в древности люди могли осваивать не только предгорья Копетдага, но и те территории, которые ныне скрывает пустыня. Яркие свидетельства этому принесли его работы в составе ЮТАКЭ на Тахирбае и Яз-депе в Мургабском оазисе (1955–1956). Это были очень непростые годы для молодого специалиста, закончившего к тому же не «столичные» мо-

Геоксюр, 1964.

**В.И. Сарияниди сидит в машине.
В.П. Алексеев – с котенком на руках,
рядом с ним стоит П.М. Кожин.
Слева – туркменские рабочие.**

Geoksyur. Victor I. Sarianidi is sitting in the cabin. Valeriy P. Alexeev – with a kitten in his hands, Pavel M. Kozhin is standing next to him.



The young active archaeologist never missed any opportunity to take part in an expedition: already in 1948, he worked on the excavation of Ulugbek's observatory in Samarkand, where the expedition of the Institute of History and Archaeology of the Uzbek Academy of Sciences led by V.A. Shishkin was completing the final stage of the excavations, exposing the foundations and fragments of the observatory up to their bases on a natural rock. It was also the first time Victor went to Turkmenistan, as part of different YuTAKE groups working at Nisa close to Ashgabad (1949–1954) and at Sultan Kala in Merv (1950–1954). He also participated in the route explorations in the south-west of Turkmenistan (Meshed-Misrian) (1949). His teachers at the Faculty were Professors Aleksander Aleksandrovich Semenov, Mikhail Evgenyevich Masson, Boris Anatolievich Litvinsky. As a student, he made friends with Vadim Mikhailovich Masson. The first scientific article published by Victor Sarianidi in 1953, was dedicated to the ceramic kilns of ancient Merv. Turkmenistan, its foothills, ancient river deltas, boundless desert that is clearly hiding something under its sand, became the very force that attracted Victor as a student, and as a mature man, and already gray-haired yashuli (old man in Turkmenistan). It is here that all his thoughts

сковский или ленинградский, а «периферийный» ташкентский университет. Отсутствие жилья и в то время необходимой постоянной прописки, а соответственно и возможности быть принятым на постоянную работу в академический Институт археологии, заставляли его постоянно находиться в экспедиции. Ни холод ранней весны или поздней осени, ни невыносимая жара середины лета в Туркмении не были препятствием для его раскопок. От холода можно было спастись теплой одеждой и активным движением, преодолеть же июльскую температуру очень сложно. Ее с трудом переносят даже сами туркмены. Но молодость и желание увидеть, что же там, в глубине культурного слоя, брали свое: обливаясь через каждые полчаса водой, изредка отдыхая под навесом (палатки в солнечную погоду больше походят на жаровню или раскаленную духовку), археологи все же двигались вперед.

С этим же ранним периодом жизни связана и первая женитьба Виктора, о которой он по какой-то причине упоминал только в том случае, когда говорил, что был женат три раза и что у него есть три дочери. Женой была Дина Григорьевна Зильпер, дочь назвали Анной. Брак был недолгим. Дина Григорьевна тоже была археологом. Позднее вместе с Олегом Обельченко и



*В гостях у друзей в Ашхабаде.
Справа – Мурат Емутбаев,
рядом с Виктором Ивановичем –
Сахатмурат Караджаев.
24.10.2010 г.*

*Visiting friends in Ashgabad.
Murat Emutbaev (on the right),
Sahatmurat Karajaev (next to Victor
Sarianidi).*

were directed to until the very last days of his life, and it was here that he felt “at home”.

Already in those years, his inquiring mind produced the idea that in ancient times people might have explored not only the foothills of Kopet Dagh, but also the areas that are now concealed by the desert. Clear evidence of this emerged from the work of Victor Sarianidi at Takhirbai and Yaz Depe in the Murghab oasis (1955–1956). These were very difficult years for the young specialist, who had graduated not in Moscow or Leningrad, but from the “peripheral” Tashkent University. He had nowhere to live, nor had the permanent residence certificate, which was obligatory at that time to be hired for a permanent job in the Academic Institute of Archaeology. So Victor was forced to take part in expeditions all the time. Neither the cold early spring or late autumn, nor the unbearable heat of summer in the middle of Turkmenistan were an obstacle to his excavations. For the cold, there was always warm clothing and active movement; as for the July heat, it was very difficult to cope with. It is difficult to tolerate even for the locals. But Victor was young and eager to see what is there, in the depth of the cultural layer: showering every thirty minutes, occasionally resting under a canopy (when it's sunny, tents are more like hot ovens), archaeologists still proceeded.

Victor's early period of life also includes his first marriage, which he, for whatever reason, mentioned only saying that he was married three times and that he had three daughters. His wife's

*С Халназаром Агахановым в
ашхабадском аэропорту. 11.09.2009.*

*With Halnazar Agakhanov in Ashgabad
airport.*





П.М. Кожин. 1960 г.

Pavel M. Kozhin.

впоследствии ставшим академиком Юрием Буряковым, а также с представителями Института истории и археологии, государственных музеев искусств и истории и кафедры археологии САГУ под руководством М.Е. Массона вели наблюдения над застройкой районов Ташкента. Она работала в составе Ташкентской археологической экспедиции, созданной в 1967 г., где на раскопках согдийского замка Чуянчитепа, что в области Мианкаля, неподалеку от современного города Катта-Кургана, ее коллектором был будущий академик Эдвард Ртвеладзе¹. По имеющимся сведениям, и Дина Григорьевна, и Анна живут в Санкт-Петербурге. У Анны достаточно давно родился сын.

В 1957–1959 гг. московский Институт археологии АН СССР, где начал по договорам работать В. Сарианиди, поручает ему руководство раскопками в дельте р. Теджен в Южном Туркменистане. Вместе с начинающими тогда исследователями Павлом Михайловичем Кожиным (1934–2016; последние несколько десятилетий был главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН, известный специалист-востоковед, археолог Евразии, китаевед и культуролог) и Валерием Павловичем Алексеевым (1929–1991; впоследствии – выдающийся исследователь

1 К 2200-летию Ташкента. «Кухня» легендарного Афрасиаба. 17.04.2009 – http://www.jahonnews.uz/rus/rubriki/obshestvo/kuxnya_legendarnogo_afrosiaba.mgr

По окончании полевого сезона в Багире. Рядом с Виктором Ивановичем сидят Н.А. Дубова и Р.Г. Мурадов. Стоят (слева направо): С. Караджаев, С. Винкельман, В.Н. Пилипко, Р.М. Сатаев. 24.10.2013.

After the end of the field season in Bagir. N.A. Dubova and R.G. Muradov are seating next to Victor Ivanovich. Standing (from the left to right): S. Karajaev. S. Winkelmann, V.N. Pilipko, R.M. Sataev.



name was Dina Zilper, their daughter was called Anna. The marriage was short-lived. Dina was also an archaeologist. Later, together with Oleg Obelchenko, and the academician-to-become Yuri Buryakov, as well as with representatives of the Institute of History and Archaeology, State Museums of Art and History and the Department of Archaeology of SAGU under the direction of M.E. Masson, she conducted observations of the development of Tashkent regions. She worked as a part of Tashkent archeological expedition established in 1967, where, at excavations of the Sogdian

castle Chuyanchitepa (Miankal, near the modern city of Katta-Kurgan). Her collector was the future academician Eduard Rtveldadze². According to available information, both Dina and her daughter Anna live in St. Petersburg. Anna had a son quite a while ago.

In 1957–1959 the Moscow Institute of Archaeology of the Academy of Science of the USSR, where V.I. Sarianidi had begun to work, handed him the directorship of excavations in the delta of the Tedjen River in Southern Turkmenistan. Along with at that time other novice researchers such as Pavel M. Kozhin (1934–2016; last decades was the chief scientific researcher of the In-

2 К 2200-летию Ташкента. «Кухня» легендарного Афрасиаба. 17.04.2009 14:40 - http://www.jahonnews.uz/rus/rubriki/obshestvo/kuxnya_legendarnogo_afrosiaba.mgr

антрополог, автор большого числа фундаментальных работ, в том числе на стыке антропологии, археологии и этнографии; академик, директор Института археологии РАН) он изучает энеолитический памятник Геоксюр. В силу сложившихся тогда обстоятельств, В.П. Алексеев не получил возможности изучить собранную им же палеоантропологическую серию из Геоксура. Она была опубликована Т.А. Трофимовой (Трофимова, Гинзбург, 1961). Как великолепная расписная тонкостенная керамика, украшенная сложным геометрическим орнаментом, выполненным в полихромной технике, так и ряд других предметов, найденных на Геоксюре, значительно отличались от таковых с других известных к тому времени памятников Туркменистана, но находили определенное сходство с предметами, изготовленными в Эламе и Месопотамии. Эти параллели Виктор Иванович склонен был связывать не только с торговыми связями между регионами, но и с миграциями, реальным перемещением племен на значительные расстояния. Уже тогда его начала занимать мысль, сложившаяся в некую концепцию позже, о роли водных потоков в жизни древних обществ и о том, что именно ее недостаток мог вызвать значительные передвижения населения.

С Тедженским оазисом, где расположен Геоксюр, и его центром г. Тедженом у Виктора Ивановича были связаны не только научные, но и самые теплые личные воспоминания, которыми

stitute of the Far East RAS, a famous orientalist, archaeologist of Eurasia, Sinologist and culturologist) and Valery P. Alekseev (1929–1991; later academician, outstanding anthropologist, author of a large number of fundamental studies, including at the junction of anthropology, archeology and ethnography; director of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science), he examined the Neolithic site of Geoksyur. In view of the prevailing circumstances of that period, Valery Alekseev did not get the opportunity to study paleoanthropological Geoksyur series he had collected. It was published by Tatyana A. Trofimova (Трофимова, Гинзбург, 1961). Splendid painted thick-walled pottery, decorated with complex geometric ornament, executed in a polychromatic technique, as well as a series of other objects, noticeably distinguished from those from the well-known sites of Turkmenistan but possessing a definite similarity with objects manufactured in Elam and Mesopotamia. Victor Ivanovich was inclined to see these parallels as evidence for not only trade connections between regions but also for a migration, the actual movement of tribes over a significant distance. Already then the idea began to form that later dominated his thinking about the role of water resources in the life of ancient society and how lack of it might cause significant population movement.

The Tedjen oasis, where Geoksyur is located, and its center, the town of Tedjen gave Victor Ivanovich not only scientific experience, but also affectionate memories for his entire life. Here he first made



Дома за работой с амулетами и печатями. Конец 1990-х.

At home in Moscow working with amulets and seals. Late 1990s.

П.М. Кожин выступает в Большом зале (ул. Дм. Ульянова, д. 19, 4 этаж) Института археологии РАН. 1990-е годы.

Pavel Kozhin is speaking at a meeting in the Large hall (Dm. Ulyanov street, 19, 4th floor) of the Institute of Archaeology of RAS. 1990s.





**1962 г. С дочерью Ириной.
Фото из архива И.И. Сарияниди.**

With the daughter Irina. Photo from the private archive of Inna Sarianidi.

он жил всю свою жизнь. Здесь зародилась его дружба с такими известными в Туркменистане личностями как Дангатар Гулмурадов (много теплых слов Сарияниди сказал о нем в научно-популярной книге «В поисках страны Маргуш» (1993), которую и посвятил ему, так неожиданно ушедшему из жизни в 1990 г.), Халназар Агаханов (1952–2013; впоследствии министр торговли и внешнеэкономических связей, а с 2000 до 2013 г. – Чрезвычайный и Полномочный посол Туркменистана в России), Сахатмурад Караджаев (много лет проработавший на ответственных должностях в Министерстве торговли) и Мурат Емутбаев (долгие годы был руководителем Союза арендаторов и предпринимателей Туркменистана; ушел из жизни в 2015 г.). Приезжая в Туркменистан, Виктор Иванович неизменно обзванивал своих друзей. Если он не успевал этого сделать, то следовали шуточные и серьезные обиды. Последняя встреча, на которую по традиции были приглашены все, кто работал в тот сезон на раскопках, состоялась, как нередко бывало и прежде, в любимом выдающимся археологом ресторане, расположенном в с. Багир около Ашхабада, у подножья Старой Нисы в конце октября 2013 г. Сахатмурад и Виктор Иванович читали стихи Махтумкули и Омара Хайяма, шутили друг над другом; все вспоминали «легендарного Сапаршиха» из того же Теджена, которому пытались и звонить; в сотый раз рассказывали о том, как Дангатар помогал снабжению

**6.11.2009. В Музее народов Востока
с дочерью Ириной.**

*In the Oriental Art Museum (Moscow)
with the daughter Irina.*



friends with such famous Turkmen personalities as Dangatar Gulmuradov (Sarianidi mentioned him quite affectionately in his popular science book «In Search of Margush Country», and dedicated the book to him, though he had suddenly passed away in 1990), Khalnazar Agakhanov (later, Minister of Trade and Foreign Economic Relations, and from 2000 till 2013 – an Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Turkmenistan to Russia), Sakhatmurad Karadzhaev (still working in the Ministry of Commerce of Turkmenistan) and Murat Emutbaev (who later was the director of the Union of Tenants and Entrepreneurs of Turkmenistan for many years, passed away in 2015). Whenever Victor Ivanovich came to Turkmenistan, he always called his friends. If he did not have time to do so, comic and serious offenses were taken. The last meeting of those who worked in that excavation season took place, as it had often happened before, in Victor's favorite restaurant in Bagir village near Ashgabat, at the foot of the Old Nisa at the end of October 2013. Sakhatmurad and Victor recited poems by Makhtumkuli and Omar Khayyam, teased each other; everyone recalled «the legendary Sapar-shikh» from the same Tedjen, trying to phone him, too; told for the umpteenth time how Dangatar helped supply the employees of archaeological expeditions in the complete deficiency of products, as well as «real stories» about mermaids...

Around the mid-1950s, Sarianidi got married for the second time. Irina, daughter of Marianne Georgievna Parichka (her parents

сотрудников археологических экспедиций в условиях полного дефицита продуктов, а также «реальные истории» о русалках...

К середине 1950-х годов относится вторая женитьба Сариниди. Ирина — дочь Марианны Георгиевны Паричка (родители ее были словаками; она работала в Лаборатории гидрогеологии Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук – ИГЕМ АН СССР) и Виктора Ивановича — родилась в 1957 г. Ирина закончила Строгановское училище, сейчас – художник-миниатюрист. Она — автор многих работ, выполненных по заказу Афонского монастыря в Греции. Ирина очень часто помогала отцу в выполнении прорисовок уникальных находок. Именно она участвовала в реконструкции одежд кушанских царевен из Тиллятепе. Виктор Иванович всегда «активно использовал свои связи» на пользу науки. Так, например, после весны 2004 г., когда на Гонуре в первой царской гробнице были найдены первые мозаики, он предпринял все усилия, чтобы найти реставраторов для работы во время осеннего сезона. Он много раз повторял: «Что мы будем делать, если найдем живопись?» Когда оказалось, что в экспедиции не сможет принять участие опытнейший реставратор монументального археологического декора из НИИ реставрации Министерства культуры России Наталья Алексеевна Ковалева, благодаря помощи Ирины, на



29.02.2008. Московский дом национальностей. С правнучкой Алей.

Moscow House of Nationalities. With great-granddaughter Alya.

were Slovaks; she worked in the Laboratory of Hydrogeology at the RAS Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy, and Geochemistry) and Victor Ivanovich, was born in 1957. Irina graduated from the Stroganov Art School, she is a miniaturist. She is the author of many works ordered by Mount Athos Monastery in Greece. Irina very often helped her father make sketches of his unique finds. She was the one who participated in the reconstruction of the clothes of Kushan princesses from Tilla Tepe. Victor Ivanovich always «actively used his connections» to the benefit of science. For example, after the spring of 2004, when the first mosaics were found in the royal tomb in Gonur, he did his best to find the restorers to work during the autumn season. He repeated many times: «What do we do if we find paintings?» When it turned out to be that the experienced restorer of monumental archaeological decor from the Institute of Restoration of the Ministry of Culture of Russia, Natalya Alekseevna Kovaleva, could not make it to take part in the expedition, Irina assisted in inviting Natalya Igorevna Chudnovskaya of the Moscow Office for the Conservation of Archaeological Heritage. Thanks to her efforts, most of the priceless works of Margush masters found during that season were conserved and prepared to transport. She also helped M. Begliev and A. Niyazmuhammedova (Shayimova) to make first

Раскопки «царской гробницы» 3220 в момент нахождения Шатлыком Халлыевым каменной скульптуры барана. Внутри погребения (слева направо): Шатлык Сапаров, Наталья Чудновская, Шатлык Халлыев и еще двое рабочих.

Digging of the «royal sepulture» 3220 in the moment of detection of stone sheep sculpture by Shatlyk Khallyev. Inside the tomb (from the left to the right): Shatlyk Saparov, Natalya Chudnovskaya, Shatlyk Khallyev and two workers more.





Любимое место отдыха – на балконе в квартире сестры Инны Сарияниди (справа). 21.11.2009. Афины, Греция.

Favorite resting place – at the balcony of the apartment of sister – Inna Sarianidi (on the right). Athens, Greece.

Виктору Ивановичу помогает общаться с греческими друзьями и поклонниками Вероника Сарияниди (рядом). Греция. Встреча в обществе «Аргонавты Комнины».

Veronica Sarianidi (next to Victor Ivanovich) assisting his uncle to communicate with Greek friends and admirers. Greece. Meeting in the «Argonauts Komnenoi» society. 24.11. 2009.



Гонур была приглашена Наталья Игоревна Чудновская из Управления по сохранению объектов археологического наследия г. Москвы. Ее усилиями была законсервирована и нужным образом подготовлена к транспортировке большая часть найденных в том сезоне бесценных творений мастеров страны Маргуш. Она же помогла сделать первые шаги в консервации и реставрации археологических находок М. Беглиеву и А. Ниязмухаммедовой (Шайимовой)... До последних дней жизни отца Ирина Викторовна проявляла заботу о нем. Ей часто помогала ее дочь – Надежда Максимова – дизайнер. У нее самой – три дочери. Лицо Виктора Ивановича

всегда расцветало доброй улыбкой, когда в его небольшой комнате появлялись юные существа. Но он никак не допускал, чтобы его называли дедушкой или тем более прадедушкой...

В третий раз Виктор Иванович был женат на Эльмире Ахмедовне Акаевой, и в 1973 г. у них родилась дочь, которую в честь бабушки назвали Афиной. Эльмира Ахмедовна работала в Институте общей генетики АН СССР, защитила кандидатскую диссертацию. Афина несколько лет работала в посольстве Кипра в

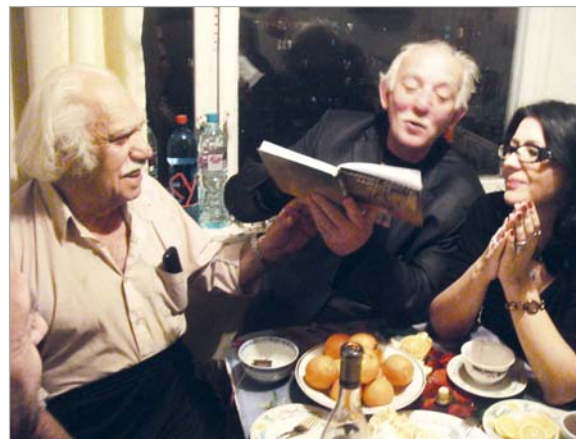
steps in the conservation and restoration of archaeological finds... Until the last days of her father's life, Irina took care of him, often helped by her daughter, Nadezhda Maksimova, a designer. She herself has three daughters. The face of Victor Ivanovich always blossomed with a kind smile when the young creatures appeared in his small room. But he never allowed to be called Grandpa or Great-Grandpa. . .

The third wife of Victor Ivanovich was Elmira Akhmedovna Akaeva, and in 1973 their daughter was born, who was named Athena in honor of her grandmother. Elmira worked at the RAS Institute of General Genetics, she had a Ph.D. degree. Athena worked at the Embassy of Cyprus in Russia for several years; now she's married, lives in Cairo (Egypt). She had a son a while ago. This family didn't work out for Victor, either. And from 2002 until his unfortunate fall at home in the early morning December 10, 2013, V.I. Sarianidi lived alone in a tiny one-room apartment in the south-west of Moscow.

Undoubtedly, an important part of Victor's family was his sister Inna Ivanovna Sariannidis and her daughter Veronika, Nika. Since the mid-1980s, they live in Athens, Greece. They were the ones whom the archaeologist visited every winter until 2007, coming directly from the excavations in Turkmenistan, and from there he went to start the new spring season. Only the summer – the hottest period both in Central Asia, and in the Mediterranean – he spent

России. Сейчас, выйдя замуж, живет в г. Каир (Египет). У нее недавно родился сын. Отношения в этой семье не сложились. И с 2002 г. до своего неудачного падения дома ранним утром 10 декабря 2013 г. В.И. Сарияниди жил отдельно, в крошечной однокомнатной квартире неподалеку от ст. метро «Беляево».

Бесспорно, важной частью семьи Виктора Ивановича являются его сестра Инна Ивановна Сарияниди и ее дочь – Вероника, Ника. С середины 1980-х годов они живут в Греции, в Афинах. Именно к ним каждую зиму до 2007 г. археолог приезжал прямо с раскопок в Туркменистане и оттуда же ехал начинать новый, весенний сезон. Только лето – самое жаркое время и в Средней Азии, и в Средиземноморье – он проводил в Москве. Квартира в Афинах была тем эпицентром общения друзей, которые жаждали узнать прямо из уст археолога самые последние новости. Этот адрес знали и официальные лица греческого правительства, когда имели возможность выделить финансовую поддержку работам своего выдающегося соотечественника. Инна Ивановна во всем – и в быту, и в работе – помогала брату. Именно она, прекрасно зная английский и греческие языки, являлась переводчиком нескольких его книг, в том числе изданных в Греции. Часто при общении со слушателями после ярких выступлений Виктора Ивановича во многих аудиториях Афин, Салоник и других городов страны помощь в переводе, кроме



Надежда Носик и Костас Шотидис в гостях у Виктора Ивановича. 6.01.2012. Фото Н. Сидиропулоса.

Nadehzda Nosik and Kostas Shotidis visiting Victor Ivanovich. Photo by N. Sidiropoulos.

in Moscow. The apartment in Athens was the epicenter of mixing with friends who were eager to learn the latest news directly from the archaeologist. This address was also known by the officials of the Greek government, when they had the opportunity to provide financial support for the work of their illustrious compatriot. Inna Ivanovna helped her brother in everything, both at home and at work. She was fluent in English and Greek, so she was the translator of some of his books, including those published in Greece. Often, when Victor communicated with the audience after his brilliant lectures in many auditoriums in Athens, Thessaloniki and other Greek cities, Nika also helped to translate. She also assisted her uncle in computer skills, and she took him in her car to different areas of the city. Victor Ivanovich loved Nika, as though she was his daughter. He became the namesake for her son, born in 2012. The baby's picture took pride of place on one of the bookshelves, right in front of his couch. He often remembered as the little one vigorously ran around the room, glittering with his enormous sky-blue eyes, when Nika briefly brought the son to Moscow in summer 2013. And Victor's entire face, framed by a shock of gray hair, lit up.

I must say that, for health reasons, since the winter 2007/2008, Victor could not come to Athens, which was actually his second home. He often missed his friends who lived there, the possibility to wear just a jacket (or even a shirt!) sitting on his spacious balcony in January, going to a restaurant on Plaka or at least a small tavern

Никос Сидиропулос и Павел Арзуманидис в гостях у Виктора Ивановича в его квартире в Москве. 28.12.2011.

Nikos Sidiropoulos and Pavel Arzumanidis visiting Victor Ivanovich's flat in Moscow.



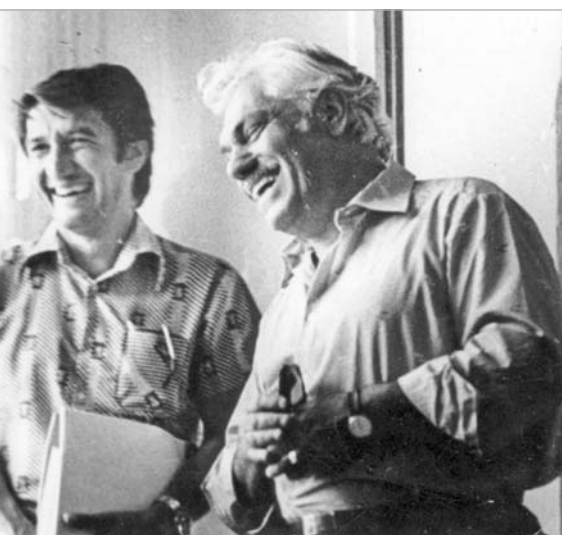


1974. Афганистан. Дашлы тепе.
На первом плане – Б. Лионе,
в центре – А.-П. Франкфор,
В. Сарияниди стоит спиной.
Фото их архива А.-П. Франкфора.

Afghanistan. Dashly tepe. Bertille Lyonnet (in the foreground), A.-P. Francfort (in the center). V. Sarianidi (stands with his back). Photo from the private archive of A.-P. Francfort.

С Зафаром Хакимовым. 1980-е годы.
Фото из домашнего архива
В.И. Сарияниди.

With Zafar Khakimov. 1980s.
Photo from the private archive
of Victor Sarianidi.



Инны Ивановны, оказывала Ника. Она же в полной мере помогла своему дяде активнее «общаться с компьютером», являлась его «перевозчиком» в разные районы города. Виктор Иванович любил Нику как свою дочь. Родившегося у нее в 2012 г. сына назвали в его честь – Виктором. Его фотография стояла на самом видном месте – на одной из книжных полок, прямо напротив дивана. Виктор Иванович нередко вспоминал, как тот энергично бегал по комнате, сверкая небесного цвета глазищами, когда Ника летом 2013 г. привезла сына ненадолго в Москву. И все лицо, обрамленное копной седых волос, просветлялось.

Надо сказать, что по состоянию здоровья с зимы 2007/2008 гг. Виктор Иванович не смог приезжать в Афины, этот, фактически свой второй дом. Он часто тосковал по общению с друзьями, жившими там, по возможности посидеть в январе в одном пиджаке (а то и рубашке!) на обширном балконе, по посещению ресторанчика на Плаке или хотя бы небольшой таверны на соседнем перекрестке. Эту меланхолию немного скрашивали журналист Никос Сидиропулос, дизайнер Надежда Носик, профессор-нефтяник Костас Шотиди, художник Павел Арзуманидис (кстати, создавший интересный портрет выдающегося археолога) – друзья, жившие в Москве и нередко навещавшие Сарияниди. В компании говорили по-гречески, играли в нарды, фотографировались, обсуждали только что сделанные находки...

at the next turn. This melancholy was a little mitigated by his Moscow friends prof. in oil sciences Kostas Shotidis, journalist Nikos Sidiropoulos, designer Nadezhda Nosik, artist Pavel Arzumanidis (the author of interesting portrait of great archaeologist) and others, who often visited Sarianidi. They spoke Greek among themselves, played backgammon, took pictures and discussed the most recent findings. . .

All of that was decades later, and from the end of the 1950s until 1965, Sarianidi worked as a member of one part of the North-Caucasian archaeological expedition of E.I. Krupnov. Along with the future corresponding member of the RAN, Rauf Magomedovich Munchaev, they took part in the excavation of the Late Bronze Age Bamut kurgans. But this did not excite Sarianidi's interest; all of his thoughts were turned toward Central Asia.

In 1969, the Soviet-Afghan expedition began its work. As Victor Ivanovich, due to the aforementioned reason, did not want to join the Communist Party, he was assigned Head of Expedition along with Irina Timofeevna Kruglikova. The composition of the archaeological expedition, including the division working with Bronze Age monuments, was multinational. It included representatives from Uzbekistan (e.g. Galina Pugachenkova, Vadim Yagodin, Zafar Khakimov, Rustam Suleymanov), Tajikistan (e.g. Uktam Pulatov, Abduljohn Mirbabaev), Turkmenistan (e.g. Ovlyakuli Berdyev, Tirkesh Khodjanizayov) and Russia (apart from the above two leaders,

Это все было на десятилетия позже, а с конца 1950-х до 1965 г. Сарияниди работает также в составе Северо-Кавказской археологической экспедиции Евгения Игнатьевича Крупнова. Вместе с будущим членом-корреспондентом РАН Рауфом Магомедовичем Мунчаевым они участвуют в раскопках Бамутских курганов, относящихся к позднебронзовому веку. Но этот регион не захватил внимание исследователя. Все его помыслы были в Средней Азии.

В 1969 г. начала свои работы Советско-Афганская экспедиция. Только тот факт, что В.И. Сарияниди по уже помянутой выше причине не желал вступать в Коммунистическую партию, руководство экспедицией было поручено ему вместе с Ириной Тимофеевной Кругликовой. Состав археологов экспедиции, в том числе отряда, занимавшегося памятниками эпохи бронзы, был многонациональным. В нее были включены представители Узбекистана (Галина Пугаченкова, Вадим Ягодин, Зафар Хакимов, Рустам Сулейманов), Таджикистана (Уктам Пулатов, Абдуллоджон Мирбабаев), Туркменистана (Овлякули Бердыев, Тиркеш Ходжаниязов) и России (кроме упомянутых руководителей, Александр Виноградов, Вячеслав Долгоруков, Юрий Десятчиков, Сергей Панарин, реставратор Владимир Бурый, фотограф Владимир Теребенин и мн. др.), а также коллеги из Института археологии Афганистана (см., например: Кругликова, Сарияниди, 1976).



Кабул, Афганистан. С фотографом Владимиром Теребениным во время фотографирования «Бактрийского золота». 1981. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

Kabul, Afghanistan. With photographer Vladimir Terebenin during the photo session on Bactrian Gold.

e.g. Aleksander Vinogradov, Vyacheslav Dolgorukov, Yuriy Desyatchikov, Sergey Panarin, restorer Vladimir Buryi, photographer Vladimir Terebenin and many others) and colleagues from the Institute of Archaeology of Afghanistan (see e.g.: Kruglikova, Sarianidi, 1976).

For various reasons, the accidental(!) discovery of the so-called Bactrian gold is well-known, which will be discussed below, and the main results of a decade of efforts of a large team of top-notch professionals remain the property of experts. That's how A.D. Davydov and B.A. Litvinsky describe it in the Preface to the book by V.I. Sarianidi «Bactria Through the Depth of the Centuries» (1984): «One of the clearest manifestations of friendship between the Soviet and Afghan peoples was the help of Soviet scientists in the study of the history and culture of Afghanistan, joint archaeological research. The interest in the past and the culture of the neighboring Afghan people is traditional for Russian science. The outstanding Russian scientist, Academician of the Russian Academy of Sciences B.A. Dorn already in the 40s of XIX century, almost one century

1977 г. Раскопки монументального крепости-цитадели Тиллятепе. На заднем плане, на горизонте — г. Шибарган. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

Excavations of the monumental fortress-citadel Tillyatepe. Shebergän city — on the horizon. Photo from the private archive of V. Sarianidi.





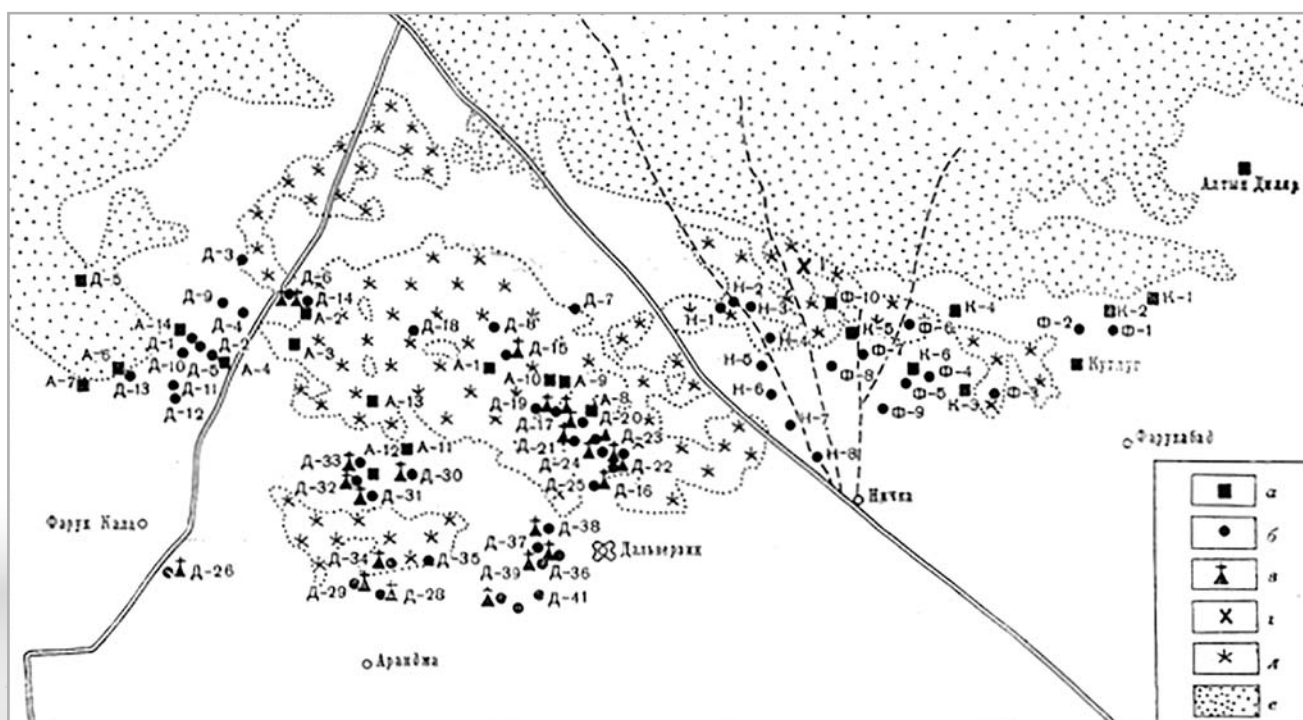
1977. Тиллятепе. Сарияниди около машины проверяет по списку наличие рабочих перед началом раскопочного дня.

Tillya Tepe. Sarianidi standing close to the track before the excavating day checks the presence of the workers by the list.

По разным причинам, большинству хорошо известна случайная(!) находка так называемого Бактрийского золота, о которой будет сказано далее, а основные результаты десятилетних усилий большого коллектива первоклассных специалистов остаются достоянием только узких знатоков. Вот что об этом пишут А.Д. Давыдов и Б.А. Литвинский в «Предисловии» к книге В.И. Сарияниди «Бактрия сквозь глубь веков» (1984): «Одним из ярких проявлений дружбы советского и афганского народов явилась помощь советских ученых в изучении истории и истории культуры Афганистана, совместные археологические исследования. Интерес к прошлому и культуре соседнего афганского народа в русской науке традиционен. Выдающийся русский ученый, академик Российской Академии наук Б.А. Дорн уже в 40-х годах XIX в., почти полтора столетия назад, опубликовал серию блестящих работ по истории этнографии и литературе афганцев. основополагающими были его работы по афганскому языку, он выступил как пионер в области научного изучения и преподавания афганского языка. В 1855–1857 годах, впервые в истории мировой науки, он начал преподавание в Петербургском университете афганского языка» (Давыдов, Литвинский, 1984. С. 9). «Продолжая труды своих предшественников, советские историки, востоковеды, лингвисты, литературоведы, этнографы внесли огромный вклад в изучение истории и истории культуры Афганистана. Советские археологи

Схема расположения памятников Дашлинского, Фарукабадского и Ничкинского оазисов, выявленных, благодаря работам Советско-Афганской экспедиции к 1976 г. а) – памятники ахеменидского времени; б) – памятники эпохи бронзы; в) разграбленные могильники; г) стоянки степной бронзы; д) – такыры; е) – пески (по: Сарияниди, 1977. С. 30).

Location scheme of the monuments of Dashly, Farukabad and Nichka oases detected to the 1976 thanks to the works of the Soviet-Afghan expedition. a) – Achaemenid sites; б) – Bronze Age sites; в) – looted burial grounds; г) camps of Bronze age nomads; д) – takyr; e) – sands (after: Sarainidi, 1977. P. 30).

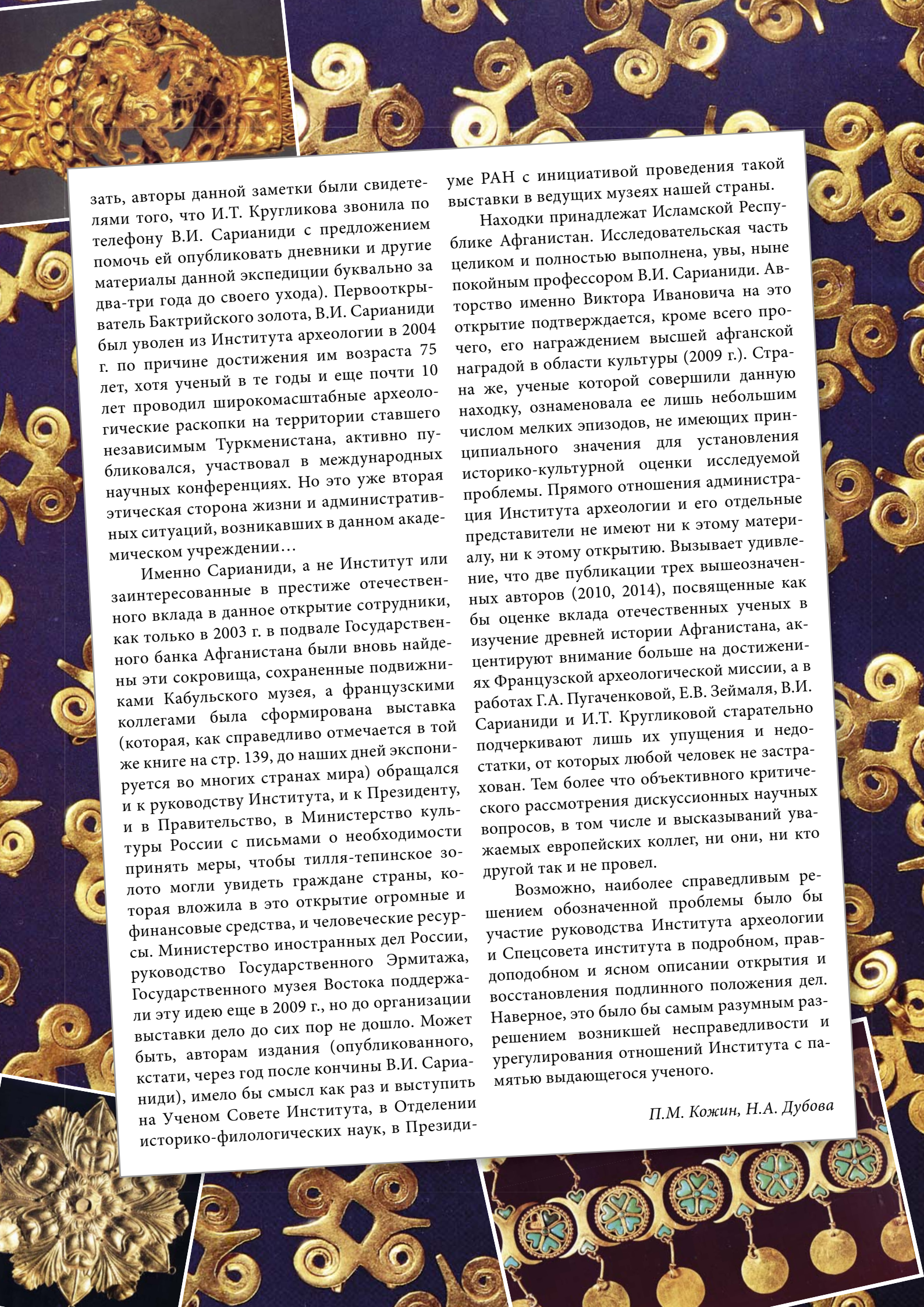


Недоразумение

В истории афганских археологических исследований, написанной Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаевым и В.А. Гаибовым (2014), и в рецензии на эту работу (Захаров, 2014) оказалась неожиданным образом описана довольно тривиальная ситуация, которая сравнительно часто возникала и возникает в связи с ответственными научными открытиями. Авторы обратили внимание, что в споре между начальником экспедиции И.Т. Кругликовой и начальником отряда В.И. Сарияниди директор института, перед которым был поставлен вопрос о приоритетах, отдал предпочтение правам Виктора Ивановича. Единственное право на претензии Ирины Тимофеевны сводилось к тому, что, не имея никакого отношения к сделанному им открытию и к работам на соответствующем объекте, она являлась начальником экспедиции, в состав которой, кроме нескольких других, входил и данный отряд. Стоит заметить, что правовая основа не дает администратору никаких особых прав на открытие, если оно ему не принадлежит, и он не участвовал в нем. Директор института, академик Б.А. Рыбаков за несколько лет до этой истории уже сталкивался с подобным казусом. Тогда возник спор между начальником Приазовской экспедиции С.И. Капошиной и начальником отряда, раскапывавшего Садовый курган в Приазовье, Л.С. Клейном. В том случае Б.А. Рыбаков отдал права на открытие начальнику экспедиции, что повлекло за собой массу сложностей, недоразумений, склок и взаимных обвинений. По всей видимости, все авторы указанного издания были полностью осведомлены об этой истории.

Таким образом, мы уверены, что Б.А. Рыбаков попросту исправил свою ранее допущенную ошибку, хотя и в другой ситуации, не дав данному конфликту развиваться до серьезного административного, а, может

быть, и судебного дела. Стоит отметить, что найденный В.И. Сарияниди на памятнике Тилля-тепе могильник кочевой знати буквально сразу после его открытия посетили представители Международной конференции, посвященной кушанской проблеме, проходившей в это время в Кабуле. Они смогли непосредственно ознакомиться с находками, рассказом автора раскопок и открытия о том пути, которым он пришел к этой выдающейся находке. Таким образом, никакие осложнения вокруг этой находки на том уровне не могли произойти. Другое дело, В. И. Сарияниди сумел вскрыть шесть из найденных семи могил, полностью их зафиксировал и предоставив все драгоценные материалы руководству Республики Афганистан. К счастью для этих находок, талибы, завладевшие на определенный период страной, не успели заинтересоваться этими чуждыми их идеологии открытиями, и поэтому, когда их власть кончилась, В.И. Сарияниди был приглашен в Афганистан, в его государственный банк, где собственными руками мог распаковать драгоценные находки (http://news.nationalgeographic.com/news/2004/11/photogalleries/afghan_treasure), широко опубликованные во всем мире и побывавшие в виде экспозиций во многих странах, открытие которых принадлежит ему и только ему. Что касается вопроса о правах Института археологии на этот материал, то о них рассуждать довольно сложно. Все свои исследования как Тилля Тепе, так и других многих других памятников Северного Афганистана, которые он раскапывал, В.И. Сарияниди публиковал и в трудах и в периодических изданиях под грифом именно этого научного учреждения. Авторы указанной книги совершенно справедливо отмечают, что именно он, в отличие от подавляющего большинства других весьма многочисленных участников Советско-Афганской экспедиции, постарался достаточно подробно опубликовать свои находки (см.: Кошеленко и др., 2014. С. 119. Кстати ска-

The background of the page is a dark blue color, decorated with various golden artifacts. At the top left, there is a large, intricate golden mask or helmet. Below it and to the right are several golden pendants or amulets with circular and spiral designs. At the bottom left, there is a golden floral or sunburst-shaped ornament. At the bottom right, there is a golden necklace with circular pendants and small gold beads. The text is printed on a white rectangular area that is slightly tilted and overlaps the artifacts.

зять, авторы данной заметки были свидетелями того, что И.Т. Кругликова звонила по телефону В.И. Сарияниди с предложением помочь ей опубликовать дневники и другие материалы данной экспедиции буквально за два-три года до своего ухода). Первооткрыватель Бактрийского золота, В.И. Сарияниди был уволен из Института археологии в 2004 г. по причине достижения им возраста 75 лет, хотя ученый в те годы и еще почти 10 лет проводил широкомасштабные археологические раскопки на территории ставшего независимым Туркменистана, активно публиковался, участвовал в международных научных конференциях. Но это уже вторая этическая сторона жизни и административных ситуаций, возникавших в данном академическом учреждении...

Именно Сарияниди, а не Институт или заинтересованные в престиже отечественного вклада в данное открытие сотрудники, как только в 2003 г. в подвале Государственного банка Афганистана были вновь найдены эти сокровища, сохраненные подвижниками Кабульского музея, а французскими коллегами была сформирована выставка (которая, как справедливо отмечается в той же книге на стр. 139, до наших дней экспонируется во многих странах мира) обращался и к руководству Института, и к Президенту, и в Правительство, в Министерство культуры России с письмами о необходимости принять меры, чтобы тилля-тепинское золото могли увидеть граждане страны, которая вложила в это открытие огромные и финансовые средства, и человеческие ресурсы. Министерство иностранных дел России, руководство Государственного Эрмитажа, Государственного музея Востока поддержали эту идею еще в 2009 г., но до организации выставки дело до сих пор не дошло. Может быть, авторам издания (опубликованного, кстати, через год после кончины В.И. Сарияниди), имело бы смысл как раз и выступить на Ученом Совете Института, в Отделении историко-филологических наук, в Президи-

уме РАН с инициативой проведения такой выставки в ведущих музеях нашей страны.

Находки принадлежат Исламской Республике Афганистан. Исследовательская часть целиком и полностью выполнена, увы, ныне покойным профессором В.И. Сарияниди. Авторство именно Виктора Ивановича на это открытие подтверждается, кроме всего прочего, его награждением высшей афганской наградой в области культуры (2009 г.). Страна же, ученые которой совершили данную находку, ознаменовала ее лишь небольшим числом мелких эпизодов, не имеющих принципиального значения для установления историко-культурной оценки исследуемой проблемы. Прямого отношения администрация Института археологии и его отдельные представители не имеют ни к этому материалу, ни к этому открытию. Вызывает удивление, что две публикации трех вышеозначенных авторов (2010, 2014), посвященные как бы оценке вклада отечественных ученых в изучение древней истории Афганистана, акцентируют внимание больше на достижениях Французской археологической миссии, а в работах Г.А. Пугаченковой, Е.В. Зеймаля, В.И. Сарияниди и И.Т. Кругликовой старательно подчеркивают лишь их упущения и недостатки, от которых любой человек не застрахован. Тем более что объективного критического рассмотрения дискуссионных научных вопросов, в том числе и высказываний уважаемых европейских коллег, ни они, ни кто другой так и не провел.

Возможно, наиболее справедливым решением обозначенной проблемы было бы участие руководства Института археологии и Спецсовета института в подробном, правдоподобном и ясном описании открытия и восстановления подлинного положения дел. Наверное, это было бы самым разумным решением возникшей несправедливости и урегулирования отношений Института с памятью выдающегося ученого.

П.М. Кожин, Н.А. Дубова

получили возможность изучать археологические памятники Афганистана с конца 60-х годов. К этому времени они уже подробно исследовали Среднюю Азию, в историческом, историко-культурном и этническом отношениях теснейшим образом связанную с Афганистаном. Для будущей работы на территории Афганистана это оказалось важным по нескольким причинам. Исторические закономерности развития древнейших, древних и средневековых общин на территории Афганистана и Средней Азии во многом близки, порой даже идентичны; природно-экологическая ситуация, особенно в Северном Афганистане, имеет тот же характер, что и во многих областях Средней Азии. Именно поэтому облик и самих археологических памятников в обеих странах однотипен. Опыт, накопленный во время среднеазиатских экспедиций, навыки, которыми уже владели советские археологи, во многом облегчили исследования в Афганистане, сделали их максимально плодотворными» (Давыдов, Литвинский, 1984. С. 9–10). К тому времени, как на территории Северного Афганистана начались работы Советско-Афганской экспедиции, в стране «уже много лет систематически работала Французская археологическая миссия, организованная в 1922 г., приезжали американские, английские, итальянские, японские исследователи. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты французскими учеными, осуществившими раскопки в столице древней Бактрии — городе



Тиллятепе. 1979 г. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

Tillya Tepe. Photo from the private archive of V. Sarianidi.

and a halfago, published a series of brilliant works on the ethnography of Afghan history and literature. His work on the Afghan language was fundamental, he was a pioneer in the field of scientific study and teaching of Afghan language. In 1855–1857, for the first time in the history of world science, he started teaching Afghan at the University of St. Petersburg» (Davydov, Litvinsky, 1984. P. 9). «Continuing the works of their predecessors, the Soviet historians, orientalists, linguists, literature researchers, ethnographers have made a great contribution to the study of history and culture of Afghanistan. Soviet archaeologists got the opportunity to study the Afghan archeological sites from the late 1960s. By that time, they had already studied Central Asia in detail, which historically, culturally and ethnically is closely related to Afghanistan. For the subsequent work on the territory of Afghanistan, it was important for several reasons. Historical patterns of ancient and medieval communities on the territory of Afghanistan and Central Asia are similar in many ways, sometimes even identical; natural and environmental situation, especially in northern Afghanistan, has the same character as in many areas of Central Asia. That is why the archaeological sites in both countries look alike. The experience gained during the Central Asian expeditions, as well as the skills already owned by the Soviet archaeologists, largely facilitated research in Afghanistan, having made them most fruitful» (Davydov, Litvinsky, 1984. P. 9–10). By the time the Soviet-Afghan expedition started working in the

Тиллятепе. 1978 г. Женщины-афганки рассматривают погребение № 2. Фото из домашнего архива В.П. Бурого.

Tillya Tepe. Afghan women are visiting the Tomb № 2. Photo from the private archive of Vladimir P. Buryi.





Посетители, охранники и рабочие на Тиллятепе. 1979 г. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

Visitors, guards and workers at Tillya Tepe. Photo from the private archive of V. Sarianidi.

Бактры (современный Балх) и в одном из культовых центров — Сурхкотале. Неожиданными и исключительно важными были находки в Айхануме – греческом городе на берегу Амударьи, который в древности назывался Александрия-на-Оксе. В этом городе были найдены памятники греческой письменности и замечательные шедевры эллинистической искусства. Были сделаны и другие открытия.

Однако все эти работы западных и японских экспедиций давали представление лишь об отдельных Центрах культуры, причем хронологические рамки были довольно ограниченными. Оставались неизученными археологические памятники основной части территории Северного

Афганистана. Археологи могли предложить историкам материалы для характеристики лишь отдельных периодов и отдельных сторон жизни: эти материалы не «состыковывались» друг с другом и не образовывали единого ряда. Для целых эпох и периодов не имелось практически никаких данных» (Давыдов, Литвинский, 1984. С. 10). Перед Советско-Афганской экспедицией стоял целый ряд вопросов первостепенной важности. «Среди них — проблема формирования древнебактрийской цивилизации. Каким образом возникла, через какие стадии формирова-

northern part of the country, «the French archaeological mission had worked systematically since 1922, American, British, Italian, Japanese researchers worked there also. Especially impressive were the results achieved by French scientists, who had carried out excavations in the capital of ancient Bactria – the city Bactra (modern Balkh) and in one of the religious centers, Surkh Kotal. Unexpected and exclusively important were the findings in Ai Khanoum, a Greek city on the banks of the Amu Darya, which in ancient times was called Alexandria on the Oxus. Here Greek writings and wonderful masterpieces of Hellenistic art were found. Other discoveries were also made.

However, all of these works of Western and Japanese expeditions only gave an idea about the individual centers of culture, while the chronological framework was quite limited. The archaeological remains on most of the territory of Northern Afghanistan remained unexplored. Archaeologists could only give historians material to characterize individual periods and of single life aspects, which mismatched each other and couldn't make a unified sequence. For entire eras and periods there was virtually no evidence» (Davydov, Litvinsky, 1984. P. 10). The Soviet-Afghan expedition was facing a number of issues of paramount importance. «Among them, the problem of forming the Ancient Bactrian civilization. How it arose and which stages had it gone through even before Bactria was mentioned in ancient Iranian inscriptions of the Achaemenid dynasty,

ния прошла древнебактрийская цивилизация еще до того, как сообщения о Бактрии попали в надписи древнеиранских царей из династии Ахеменидов и в сочинения античных авторов? Исследуя эту проблему, советские археологи сделали много первоклассных открытий. Установлено, что население в Приамударьинской долине проживало уже в эпоху мезолита. Оно стало многочисленнее в последующую эпоху неолита.

Впервые обнаружена также серия памятников эпохи бронзы. Они сконцентрированы в четырех древнеземледельческих оазисах. Здесь выявлены укрепленные и неукрепленные поселения. На одном из них – Дашлы-3 при раскопках обнаружены монументальные постройки, в том числе круглый храм и дворец. Имеются и многочисленные могильники. Богатая и разнообразная культура, открытая при раскопках этих памятников, имеет близкое сходство и иногда даже идентичность с синхронной культурой Южного Узбекистана и Южной Туркмении. Вместе с тем эта культура не имеет местных истоков на бактрийской почве. По-видимому, носители этой культуры переселились из Южной Туркмении или из иранского Хорасана. Это был один из миграционных потоков, которыми были так богаты середина и вторая половина второго тысячелетия до н.э., когда в Иране, Средней Азии, Афганистане и Северном Индостане распространились индоиранские племена, иначе арийцы. Анализ памятни-

and in the works of ancient authors? Investigating this problem, Soviet archaeologists made a lot of first-class discoveries. It was found that the Amu-Darya valley was inhabited by people as early as the Mesolithic period. The population became more numerous in the subsequent Neolithic era.

Furthermore, a series of Bronze Age sites was found. They are concentrated in four ancient agricultural oases. Fortified and unfortified settlements were discovered there. In one of them (Dashly-3) excavations revealed monumental buildings, including a round temple and a palace. There are many burial grounds, as well. The rich and diverse culture discovered during the excavation of these sites resembles and sometimes even is identical to a synchronous culture of South Uzbekistan and South Turkmenistan. However, this culture does not have local origins in Bactria. Apparently, the carriers of this culture moved to Bactria from South Turkmenistan or Iran Khorasan. It was one of the numerous migration flows of the middle and second half of the second millennium BC, when Indo-Iranian tribes, or Aryans, came to Iran, Central Asia, Afghanistan and Northern Hindustan. Analysis of the Bronze Age sites of Northern Afghanistan gives a lot to understand the ethnic and cultural history of the period. One more thing. It has now been found that the foundations of the Ancient Bactrian civilization were formed as early as the middle of the second millennium BC, i.e. these civilizations were formed as urban ones. Early Iron Age sites are also known.

Тиллятепе. 1979 г. Афганские рабочие Джура и Арефджан несут золото из раскопанных погребений в лагерь экспедиции. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

Tillya Tepe. Afghan workers Jura and Arefjan are carry gold from the excavated graves to the expedition camp. Photo from the private archive of V. Sarianidi.





Конец 1960-х годов. С Геннадием Андреевичем Кошеленко и Вадимом Михайловичем Массоном.

Late 1970s. With Gennadiy A. Koshelenko (left) and Vadim M. Masson.

ков эпохи бронзы из Северного Афганистана дает очень много для понимания этнической и культурной истории того периода. И еще одно. Теперь установлено, что основы древнебактрийской цивилизации возникли уже в середине второго тысячелетия до н. э., причем эти цивилизации складывались как городские. Известны также памятники раннежелезного века. Произведены раскопки на поселениях VI–IV вв. до н.э. (ахеменидский период) с прекрасными архитектурными сооружениями. Советско-афганская экспедиция проводила также многолетнее исследование древних поселений эпохи существования Греко-Бактрийского и Кушанского государств (III в. до н. э. – III–IV вв. н.э.), а также более позднего времени. Большими успехами ознаменовались раскопки на городищах Емшитепе и др. Изучены фортификация и фортификационные системы, жилая застройка, храмы и т.д. Стены некоторых зданий оказались покрытыми превосходными росписями, обнаружены также скульптуры — все это обогатило историю искусств Афганистана, вошло в сокровищницу древнего искусства народов Востока. Кроме того, это позволило внести серьезный вклад в изучение развития религиозных представлений людей того времени, а если говорить шире — их идеологии. Экспедиция изучала и памятники средневековья, в том числе шедевры архитектуры» (Давыдов, Литвинский, 1984. С. 11–12).

19.12.2006. С Хулио Бендезу-Сармиенто около афиши выставки «Афганистан. Спрятанные сокровища из Национального музея Кабула» в Музее Гиме (Париж).

With Julio Bendezu-Sarmiento near the poster of the exhibition «Afghanistan. Hidden treasures from the National Museum, Kabul» in the Museum Guimet (Paris).



There was an excavation on the settlements of the VI–IV centuries BC. (Achaemenid period) with beautiful architectural buildings. The Soviet-Afghan expedition also carried out a long-term study of the ancient settlements of the Greco-Bactrian and Kushan states (III century BC – III–IV centuries AD), as well as of more recent ones. Excavations at Yemshitepe and other sites were extremely successful. The fortification systems, residential buildings, temples, etc. were studied. The walls of some buildings were covered with superb frescoes, sculptures were also found – all of this has enriched the history of Afghan art, as well as the treasury of the ancient Oriental art. In addition, it allowed making a major contribution to the study of the development of religious beliefs of people of that time, and in a broader sense, of their ideology. The expedition studied medieval monuments, as well, including masterpieces of architecture» (Davydov, Litvinsky, 1984. P. 11–12).

Maybe this paper wouldn't need these words quoted in such detail, but it was Victor Sarianidi who was directly involved in the majority of those discoveries. In Afghanistan, he led the research groups studying Bronze and Early Iron Age sites, including the Achaemenid period. It was his team that, investigating Tilla Tepe Hill in the average flow of rivers Darya-i-Safid and Darya-i-Salah (3 km from the modern city of Sheberghān) to discover and excavate in 1970–1971 and in 1977–1979 a fortress/citadel with the remains of monumental structures at the top, dating from 2800–2270 BC (Sari-

В данной статье можно было бы и не приводить столь подробно эти слова, но именно Виктор Иванович Сарияниди имеет к большинству из этих открытий самое непосредственное отношение. Работая в Афганистане, он руководил отрядами, изучавшими памятники как бронзового, так и раннежелезного века, в том числе и ахеменидского периода. Его же отряд, исследуя холм Тиллятепе в среднем течении рек Дарья-и-Сафид и Дарья-и-Салах в 3 км от г. Шибаргана, обнаружил и раскопал там в 1970–1971 и в 1977–1979 гг. крепость-цитадель с остатками монументального сооружения наверху, датируемые 2800–2270 до н.э. (Сарияниди, 1989. С. 43). Как оказалось, к середине I тыс. до н.э. жизнь на этом поселении прекратилась в связи с приходом греко-македонских войск и окончательной гибелью державы Ахеменидов. Но она активно продолжалась в греко-бактрийское время в полукмилометре отсюда, в г. Емшитепе. К кушанскому времени это был уже крупный город площадью около 20 га. По предположению В.И. Сарияниди, именно правящей верхушке, проживавшей в этом городе, и могли принадлежать те, ныне во всем мире известные семь богатых погребений, усыпанные золотом, расположенные в одном секторе холма Тиллятепе, обращенном в сторону города. Все могилы были впущены в руины храма эпохи бронзы, и к моменту раскопок располагались внутри сплошной кирпичной кладки и глинистых слоев (Сарияниди, 1989. С. 46–47).

anidi 1989. P. 43). As it turned out, by the middle of I millennium BC, life in the settlement had ceased due to the advent of Greco-Macedonian troops and the Achaemenid empire being definitively crushed. But it continued actively in the Greco-Bactrian period, a dozen feet from here, in Yemshitepe. By the Kushan period, it was already a large city (about 20 hectares). According to Victor Sarianidi's hypothesis, the seven wealthiest burials (now well-known around the world), covered with gold, located in the sector of Tillya Tepe hill facing the city, might have belonged to the ruling elite who lived there. All the graves were in the ruins of the Bronze Age temple, and by the time the excavations were carried out, they were located inside brick walls and clay layers (Sarianidi 1989. P. 46–47).

Media covered these burials thoroughly, with many popular articles written by journalists. Victor Ivanovich managed to publish a beautiful colorful album in English, German and French with «Aurora» publishing house, as well as two popular-science («pocket books», as he called them), several articles and a well-detailed, though not complete, preliminary description of the burials. Part of the book was republished in German, Japanese, and Greek. He also wrote a detailed catalog of finds from all burials, which was edited by the Iskusstvo (Art) publishing house, the layout was prepared, and the typeset was made. But the set was broken up, because it took place in 1991 – another big breakthrough in Russian history. The only thing that remained is the finished manuscript, that Irina



19.12.2006. Около одного из первых стендов выставки «Афганистан. Найденные сокровища из Национального музея Кабула» в Музее Гиме (Париж), где дана информация о работе Французской археологической миссии в Афганистане.

Near one of first stands at the exhibition «Afghanistan. Hidden treasures from the National Museum, Kabul» in the Museum Guimet (Paris), where information about the activities of French archaeological Mission in Afghanistan is presented.

Антропологическая реконструкция облика женщины по черепу из погр. 6 на Тиллятепе. Работа Т.С. Балуевой.

Anthropological reconstruction of the image of the woman by the skull from the tomb 6 at Tillya Tepe. Work by Tatyana S. Balueva.





Золотая фигурка «Афродита Бактрийская». Тиллятепе, Афганистан. Погр. 6.

Golden high relief figurine «Bactrian Aphrodite». Tillyatepe, Afghanistan. Tomb 6.

Об этих погребениях имеется много информации в СМИ, журналистами написано множество популярных статей. Виктор Ивановичу удалось опубликовать на английском, немецком и французском языках прекрасный красочный альбом в издательстве «Аврора» (1985), две научно-популярные, как он сам их называл, «карманные книги» (pocketbook) (1983, 1984), несколько статей и довольно подробное, хотя далеко не полное, а предварительное описание погребений (1989). Часть книг была переиздана на немецком, японском, греческом языках. Он подготовил, редактор издательства «Искусство» отредактировал, была сделана верстка и набрана в типографии книга с подробным каталогом находок из всех погребений. Но набор был рассыпан, т.к. это совпало с 1991 г. – временем очередного большого перелома в жизни страны. Осталась лишь готовая рукопись, ныне переданная И.В. Сарияниди в 2014 г. вместе с оригинальными слайдами, сделанными В. Терехениным в 1981 г., в Государственный Эрмитаж.

Но кроме подробной публикации кушанских погребений, их искусствоведческого анализа остаются неизвестными широкого кругу и специалистов и просто заинтересованных людей детали той тяжелейшей, поистине сравнимой с чудом работы по сбору, фиксации, сохранению и реставрации крупных с уникальными инкрустациями полудрагоценными камнями, а особенно тысяч(!)

После вручения государственной награды Афганистана Чрезвычайный и Полномочный посол этой страны Залмай Азиз поздравляет археолога в кругу друзей. 19.08.2009.

Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Afghanistan Zalmay Aziz congratulated archaeologist among friends after the official presenting of the state award of this country.



Sarianidi gave to the State Hermitage Museum in 2014, along with the original slides made by B. Terebenin in 1981.

But apart from the detailed publication of the Kushan tombs, and analysis of their artworks, neither experts nor just interested people know the details of the hardest, really almost miraculous work of collection, fixation, preservation and restoration of large amount of unique incrustations with semi-precious stones, and especially thousands(!) of fine gold jewelry. Today only one man knows about it, the one who actually did all of that fine work, Vladimir Prokopyevich Buryi, one of Russia's leading restorers (see: Palamarchuk, 2014). And the dream of Victor Ivanovich for the Gold of Bactria to be finally seen by the Russians who invested money and effort in finding it, hasn't come true so far.

It makes little sense to repeat here what Victor Ivanovich described and the journalists published more than once – the vivid pictures of horsemen with rifles circling around the excavation, about a sad poor man on the golden hill – the owner of the land, who never suspected what he had kept, of the scales with iron weights from a nearby store that were used to weigh unique works of art... It is more important to pay attention to what is rarely mentioned in connection with the discovery.

Thus, it is not always remembered that the Kushan problem still remains unsolved in modern historical science. Until now, the origin of the Kushans is debated, as well as their ethnical/linguistic

мелких золотых изделий. Об этом ныне знает только один человек, руками которого в основном та ювелирная работа и была проделана – один из крупнейших отечественных реставраторов Владимир Прокопьевич Бурый (см.: Паламарчук, 2014). И осталась так и не осуществленной мечта Виктора Ивановича о том, чтобы коллекцию «Золота Бактрии» увидели, наконец, и россияне, на деньги, а также многими руками которых оно было найдено.

Вряд ли имеет смысл здесь повторять не раз обрисованные Виктором Ивановичем и опубликованные и им, и журналистами яркие картинки о круживших вокруг раскопа конниках с винтовками, о тоскующем на золотом холме бедняке – владельце этой земли, не подозревавшем о том, что он хранил, о хозяйственных весах с чугунными гирями из соседнего магазина, на которых взвешивались уникальнейшие произведения искусства... Важнее обратить внимание на то, о чем редко в связи с данной находкой говорится.

Так, далеко не всегда вспоминается о том, что сама кушанская проблема до сих пор остается одной из нерешенных в современной исторической науке. До сих пор обсуждается вопрос о происхождении кушан, их этнолингвистических особенностях, их соотношении с бактрийцами. Разные источники показывают, что племена, завоевавшие Греко-Бактрийское царство, называются юэжжами (китайские источники), тохарами (гре-



Золотая фигурка «Афродита Кушанская». Тиллятепе, Афганистан. Погр. 2.

Golden high relief figurine «Kushan Aphrodite». Tillyatepe, Afghanistan. Tomb 2.

characteristics, and their relationship with the Bactrians. Various sources indicate that the tribes that conquered the Greco-Bactrian kingdom were called the Yuezhi (Chinese sources), Tókharoi (Greco-Roman), Asii, Sakarauks. It is still unknown if those are different names for the same tribes, or rather two waves of conquerors. Even less accurate data there are to decide on the language spoken by those tribes, and its relation to the Bactrian. Almost nothing is known about the internal chronology of four hundred years of Kushan history. This is not the exhausting list of its contentious and controversial issues. Not all of these questions have been answered yet, but the discovery of elite burials made a lot of them much clearer.

Kushan burials had been known before. Hundreds of them were excavated in the southern regions of Central Asia. But all of them known previously belonged to freemen, whose graves could contain only daily use items. The Tilla Tepe burials clearly belong to the elite, the top of society. They contained not just single fine examples of jewelry art, but whole sets thereof. A lot of new information was



Сандро Сальватори (слева от Сарияниди) и Маурицио Каттани (справа) на Гонур-депе. 29.09.2002. Фото из архива С. Сальватори.

Sandro Salvatori (left from V. Sarianidi) and Maurizio Cattani (on the right) at Gonir Depe. Photo from the private archive of S. Salvatori.



«Кабул-базар». 1981 г. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

«Kabul- bazar». Photo from the private archive of V. Sarianidi.

Одна из «витрин» «Кабул-базара». 1983 г. Фото из домашнего архива В.И. Сарияниди.

One of the «showcases» of «Kabul- bazar». Photo from the private archive of V. Sarianidi.



ко-римские), асиами, сакарауками. Разное ли это обозначение одних и тех же племен или же две волны завоевателей – пока неизвестно. Еще меньше точных данных для решения вопроса о языке, на котором говорили пришельцы, и о его соотношении с бактрийским. Почти ничего не известно о внутренней хронологии четырехсотлетнего существования кушанской истории. Этим далеко не ограничивается перечень ее спорных и дискуссионных вопросов. Не на все эти вопросы удалось найти ответы, но многое, благодаря находке элитарных погребений, стало значительно более ясным.

Погребения кушанского времени были известны и раньше. Сотни их раскопаны в южных районах Средней Азии. Но все известные ранее принадлежали рядовым общинникам, в могилы которых могли попасть только вещи повседневного обихода. Захоронения Тиллятепе явно принадлежат элите, верхушке общества. Они содержали не просто отдельные прекрасные образцы произведений ювелирного искусства, но целые их комплексы. Много нового стало известно и о погребальном обряде, в этом случае также отличающегося от рядовых могил. Выявленный комплекс ценен и для раскрытия социальной истории Кушанского государства, его идеологии и культуры. Уже первые публикации материалов ярко продемонстрировали синтетический характер кушанской культуры, сочетающей в себе лучшее

revealed about the funeral ceremony, in this case also different from ordinary burials. The discovered complex is also valuable for the understanding of the social history of the Kushan state, as well as of its ideology and culture. Already the first publication of materials vividly demonstrated the synthetic nature of Kushan culture, combining the best of local ancient traditions, the influence of the Hellenistic and steppe nomadic worlds.

Here there is another bright stroke to the portrait of the scientist. Working for many years in Afghanistan and often visiting Kabul Viktor could not fail to pay attention to the antiquities derived from predatory excavations, which filled the bazaars. And the first thing that caught him in the eye, it is the similarity of forms between Afghan and South Turkmenistan artifacts. He did his best to take pictures; sketches to describe and remember everything he could in order to these items are not lost forever for science in the well-protected homes of collectors, or simply have been lost³. Archaeologists of some countries have taken solutions that will not publish studies on such finds from the black market, condemn others for it. But, unfortunately, such restrictions is unlikely to shut the black market (especially in a poor country), but to withdraw from the scientific turnover a large amount of invaluable information,

3 The largest work, the base of which was made from these findings, was much needed catalog of the images of Bactrian and Margiana seals and amulets (Sarianidi, 1998a).

из местных древних традиций, влияние эллинистического и степного кочевнического миров.

Еще один яркий штрих к портрету ученого. Работая много лет в Афганистане и часто бывая в Кабуле, Виктор Иванович не мог не обратить внимания на древности, происходящими из грабительских раскопок, которыми были заполнены базары. И первое, что бросилось ему в глаза, это сходство форм между афганскими и южнотуркменскими артефактами. Он постарался сфотографировать, зарисовать описать и запомнить все, что смог, дабы эти предметы не пропали навсегда для науки в хорошо охраняемых домах коллекционеров или просто были утрачены². Археологи некоторых стран принимают некие решения, что не будут публиковать исследования подобных находок с черного рынка, осуждают других за это. Но, к сожалению, такими запретами закрыть черный рынок (особенно в небогатой стране) вряд ли удастся, а вот вывести из научного оборота большой объем бесценной информации, как раз и получится. Благодаря анализу увиденных и полученных в Афганистане предметов, Сарианиди удалось вскрыть интереснейшие пласты древней культуры, показать ее богатство и связи с другими цивилизациями. Такое отношение к сбору всех

2 Самой крупной работой, основу которой составили именно подобные находки, стал каталог изображений на бактрийских и маргианских печатях и амулетах (Sarianidi, 1998a).

just come out. Through analysis of the items seen in Afghanistan Sarianidi could reveal interesting layers of ancient culture, show its wealth and connections with other civilizations. Such attitude to the collection of all possible knowledge and drawing an overall picture from the grains of it once again demonstrates his selfless passion for science, the desire to grasp the essence of phenomena and historical processes...

No matter how much the Bactrian gold shone, Victor Sarianidi, along with the Afghan expedition, gave a lot of effort to the continuing excavations in Turkmenistan. The same period marks his research of the Togolok oasis with interesting temples Togolok 21 and Togolok 1, as well as the discovery of Gonur Depe in Margiana in 1972 and its first excavations in 1974. We can say that it was in the 1970s that Victor Sarianidi made his most important discoveries, which he developed later on. So, intensive exploration and excavation in the sands of the Karakum desert, in the ancient Murghab delta, allowed to speak by the middle of the decade about the clear localization of Mouru-Margush-Margiana, which had only been known before by references in the Avesta and on the famous Behistun rock. Here is how Victor Ivanovich described it in one of his first papers on the subject. "The expedition was fortunate to find a previously almost unknown ancient country, whose area 35–40 centuries ago comprised about 100 km in the latitudinal direction and a little less in the meridional (earlier surveys carried out in the



1997 г. Гонур-депе. Справа и слева от В.И. Сарианиди американский антрополог Брайан Хемпфил с супругой; крайний слева стоит Туркеш Ходжаниязов; перед ними стоят Аккыз Беглиева (слева) и Эджегуль Мурадова; справа сидит Мухаммед Беглиев.

American Anthropologist Brian Hemphill and his wife – to the right and left from Victor I. Sarianidi; Tirkesh Khojaniyazov – standing leftmost; in front of him Akkыз Beglieva (left) and Ejegul Muradova are standing; Mukhammed Begliev is seating on the right.

1996 г. Около «слепого окна» в Храме огня Северного Гонура. Фото Р. Гарнера.

Near the «blind window» in the Fire Temple of Northern Gonur. Photo by R. Garner.





Греческие друзья поздравляют археолога с 80-летием. Стоит крайний справа – Христос Галанидис. Встреча в обществе «Аргонавты Комнины». 24.11.2009.

Greek friends congratulate the archaeologist on his 80th anniversary. Meeting in the «Argonauts Komnenoi» society.

Гонур-депе. Виктор Иванович показывает новые находки представителям местной администрации.

Gonur Depe. 23.04.2006. Victor Ivanovich demonstrates new discoveries to the representatives of the local administration.



возможных крупиц знания и составление из них общей картины еще раз демонстрирует его беззаветное увлечение наукой, стремление постичь суть явлений и исторических процессов...

Как бы не сияло бактрийское золото, но В.И. Сарияниди, параллельно с афганской экспедицией много сил отдавал и продолжению раскопок в Туркменистане. К тем же годам относятся и его исследования Тоголокского оазиса с интереснейшими храмами Тоголок 21 и Тоголок 1, открытие в 1972 г. и первые раскопки в 1974 г. Гонур-депе в Маргиане. Можно сказать, что именно в 1970-е годы В.И. Сарияниди сделал самые важные свои открытия, которые развивал в дальнейшем. Так, интенсивные разведки и раскопки в песках Каракумов, в древней дельте р. Мургаб уже к середине того десятилетия позволили говорить о том, что теперь ясна локализация страны Моуру-Маргуш-Маргианы, до этого времени известной лишь по упоминаниям в Авесте и на известной Бехистунской скале. Вот как Виктор Иванович пишет об этом в одной из своих первых работ, посвященных этой теме: «Экспедиции посчастливилось найти ранее почти неизвестную древнюю страну, занимавшую 35–40 веков назад площадь около 100 км в широтном направлении и несколько меньше в меридиональном (старые разведки 1950-х годов коснулись лишь южных ее окраин). Даже неполное картирование былых поселений показывает, что располагались они вдоль основных водных

1950s affected only its southern suburbs). Even partial mapping of past settlements shows that they were located along the main water ducts of the Murghab delta fan, forming several well-isolated oases” (Сарияниди, 1976. Р. 97). Excavations limited to the Togolok oasis, which were continued in the 1980s, yielded impressive results: monumental architecture, outstanding examples of glyptics and seals, fire altars, evidence of a hallucinogenic drink cult associated with Soma-Naoma. Victor Sarianidi developed the idea that the rituals, traditions, cults that were typical for the ancient inhabitants of Margiana might have eventually evolved into the Zoroastrian religion (Сарияниди, 1987, 1988, 1989a, 1989b). This idea, first expressed in a monograph in 1977, later received its monographic description (Сарияниди, 1991; Sarianidi, 2010), but it still causes heated debate and disagreement of its opponents (e.g. see the discussion in the Bulletin of Ancient History – ВДИ. 1989. № 1, 2).

The work on Yaz Depe, as well as in the Tahirbay, Auchin, Togolok oases, and the first stage of research in the Gonur oasis were vividly described by Victor Ivanovich in his book «In Search of Margush country» (1993), which was also in Turkmen (1997). The outstanding value of the impressive cultural layer discovered during the excavation became truly palpable only in the mid-1990s, when the irrepressible energy and authority of the archaeologist allowed him to continue his studies, though many of his peers were forced to abandon research. As for Victor Ivanovich, he managed to find

протоков дельтового веера Мургаба, образуя несколько достаточно изолированных оазисов» (Сарианиди, 1976. С. 97). Раскопки только в Тоголокском оазисе, продолжавшиеся и в 1980-е дали впечатляющие результаты: монументальная архитектура, выдающиеся образцы глиптики и сфрагистики, наличие алтарей огня, свидетельства культа галлюциногенного напитка, ассоциируемого с сомой-хаомой. У В.И. Сарианиди все более отчетливо формулируется идея о том, что именно из ритуалов, традиций, культов, свойственных древним жителям Маргианы, могла впоследствии вырасти зороастрийская религия (Сарианиди, 1987, 1988, 1989а, 1989б). Эта мысль, впервые высказанная в монографии 1977 г., позднее получила и свое монографическое описание (Сарианиди, 1991, 2010), но до сих пор, вызывает бурные дискуссии и несогласие оппонентов (см., например, дискуссию в Вестнике древней истории: 1989. №№ 1, 2).

Работы на Яз-депе, в Тахирбайском, Аучинском, Тоголокском и начало исследований Гонурского оазиса ярко описаны Виктором Ивановичем в его книге «В поисках страны Маргуш»



Гонур-депе. В.И. Сарианиди проводит экскурсию по только что найденным объектам для представителей местной администрации. 22.10.2003.

Gonur Depe. Victor I. Sarianidi conducts a tour along the newly found objects for the representatives of the local administration.

new sources of financing and expand them. A major role was played by his Turkmen and Greek friends, whom he was grateful to and never stopped expressing it until his last days. Those are primarily F. Stoltidis, Ch. Galanidis, P. Psomiadis and many other members of the Societies of Pontic Greeks. Thanks to the energy of Professor Dmitry Glaros, researches in the distant Turkmenistan were supported by the University of Ioannina. For over ten years (from 1995 to 2006), the excavations received substantial financial assistance from the Government of Greece, including with the support of Evangelos Venizelos, Minister of Culture.

As soon as the government of Turkmenistan, having recovered from the shocking collapse of the Soviet Union and breaking all its former industrial and trade relations, had established the general livelihood of the population, it started supporting archaeologists, as well. This was expressed by two decades of immense technical support for the works in the desert. Technical support might seem a pure formality. But behind those formal words lies a scope of work that is simply impossible to carry out manually or even using conventional agricultural machinery. Thanks to this support, Victor managed to carry out excavations of an unprecedented scale (so far, the excavated area of Gonur Depe only exceeds 50 hectares) and thoroughness. Everyone who had the opportunity to visit Gonur Depe in the 2000s (experts, as well as tourists and locals), were quite impressed by the grandeur and magnificence of the monument. Ap-

В.И. Сарианиди обсуждает с директором заповедника «Древний Мерв» Реджепом Джеббаровым и представителями администрации возможности консервации и музеефикации уникального «погребения тайчаных» на Гонур-депе. 9.04.2006.

Victor I. Sarianidi discusses the possibilities of conservation and museification of the unique «Taichanah burial» at Gonur Depe with the director of the State Historical and Cultural Reserve «Ancient Merv» Rejep Jeparov and the representatives of the local administration.





Участники Международной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации» слушают рассказ В. Сарияниди об уникальном ритуальном погребении трех баранов и осла на Гонур-депе, рядом с этой находкой. 15.11.2006.

The participants of the International conference «Ancient Margiana is the New Center of the World Civilization» listen to the story of Victor Sarianidi about the unique ritual burial of three sheep and a donkey at Gonur Depe near this object.

С членами Маргианской археологической экспедиции во время экскурсии участников Международной конференции на Гонур-депе. 15.11.2006.

With the members of Margiana archaeological expedition in time of the excursion of the participants of the International Conference along the Gonur Depe.



(1993), изданной и на туркменском языке (1997). Выдающееся значение вскрытого раскопками впечатляющего культурного пласта стало по-настоящему осязаемым только к середине 1990-х, когда неудержимая энергия и авторитет археолога позволили ему не прекратить исследования, как многие в те годы, а найти новые источники финансирования и расширить их. Большую роль здесь сыграли его туркменские и греческие друзья, благодарность к которым он не переставал не только чувствовать, но и высказывать до своих последних дней. Это, прежде всего Ф. Столтидис, Х. Галанидис, П. Псомиадис и еще многие члены обществ понтийских греков. Благодаря энергии профессора Дмитрия Глароса, исследования в далеком Туркменистане поддерживались университетом Янины. Более десяти лет (с 1995 по 2006 гг.) значительную финансовую помощь раскопкам предоставляло Правительство Греции, в том числе при поддержке министра культуры Евангелоса Венизелоса.

Когда руководство Туркменистана после шока развала СССР и разрыва всех прежних промышленных и торговых связей в целом наладило жизнеобеспечение населения своей страны, оно стало протягивать руку помощи и археологам. Это выражалось в течение двух десятилетий в громадной технической поддержке работ в пустыне. Казалось бы – формальные слова «техническая поддержка». Но за ними скрывается такой объем работ, кото-

parently, the administrative and religious center of Margush now is a city with a fully excavated central part. Those who have visited the famous cities of Mesopotamia, Elam, Bactria, not without reason say that the Gonur excavations are now the largest in the Middle East. And that «technical support», which during the archaeological work normally unattainable, made this possible.

Turkmenistan authorities, governmental and local administrative structures have always (even in the most challenging periods of the 1990s) provided invaluable assistance in the organization of work, as well as in the publication of scientific papers. Some richly illustrated books by Sarianidi were published in three languages (Russian, Turkmen and English): «Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab River», «Gonur Depe. City of Kings and Gods» (2005), «Margush. Mystery and Truth of the Great Culture» (2008) и «Treasures of Ancient Margiana» (2013). Annual International scientific conferences devoted to the ancient past of the country, some of which includes sightseeing trips to different ancient monuments are organizing. The first one «Ancient Margiana – the New Center of World Civilization» was organized in 2006. It was attended by many world leading experts nominated by Victor Sarianidi. Over 200 participants of the conference enjoyed a visit and a detailed tour around Gonur Depe (Turkmenistan, 2006). These publications and conferences revealed Margush and its splendid culture to the scientific world. It started to be discussed not only by the domain experts.

рый руками или даже с помощью обычной сельскохозяйственной техники выполнить просто невозможно. Именно благодаря ей В.И. Сарияниди удалось осуществить уникальные по масштабам (к настоящему времени раскопанная площадь только Гонур-депе составляет более 50 га) и по тщательности раскопки. Все, и специалисты, и туристы, и местные жители, кто имел возможность посетить Гонур-депе в 2000-е годы, находятся под впечатлением грандиозности, монументальности памятника. По всей видимости, административный и религиозный центр страны Маргуш ныне предстает городом, с полностью раскопанной центральной частью. Те, кто посещал известные города Месопотамии, Элама, Бактрии, не без основания говорят, что раскопки Гонура в настоящее время – крупнейшие на всем Ближнем Востоке. И именно «техническая поддержка», которая при проведении археологических работ в обычном режиме недостижима, сделала это возможным.

Высшее руководство Туркменистана, правительственные и местные административные структуры оказывали всегда (даже в самые сложные 1990-е годы) и оказывают до настоящего времени бесценную помощь в организации работ, а также в издании научных трудов. На трех языках (русском, туркменском и английском) были изданы богато иллюстрированные книги В.И. Сарияниди «Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте реки Мур-



Виктор Иванович с частью полученных наград. 28.10.2010.

Victor Ivanovich with a part of received awards.

Victor Sarianidi's contribution was highly praised in Turkmenistan. He was conceded numerous awards in the country, including, for the contribution to the development of the country, the award «For the Great Love of the Independent Turkmenistan» (2009), the Golden Chain of President of Turkmenistan (2006), the Makhtumkuli International Prize (2001). In 2012, the President of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov handed the archaeologist the gown and diploma of Honorary Academician certifying the title conferred to him by the Presidium of the Academy of Sciences of Turkmenistan. The Greek Government awarded Victor Ivanovich the title of «Honorary Ambassador of Hellenism», as well as Gold Cross of the Order of Merit for his deeds for Hellas (2002). On the 19th of August 2009 Afghanistan's Ambassador to Russia, Zalmay Aziz, gave Victor Sarianidi the highest award of the Islamic Republic of Afghanistan in the domain of culture – the Sayyid Jamāl-al-dīn al-Afghānī medal. He has commemorative medals from the University of Crete, Pontian Greek communities of Thessaloniki and Athens, Golden Wreath of the Pontian Community of Thessaloniki. As for the country, which can only take pride in the great archaeological discoveries made by its citizens, the Soviet Union (and its successor, Russia) found it possible to award him only two medals “Veteran of Labor” (1989) and “In Honor of the 850th Anniversary of Moscow” (1999).

С рабочими, нашедшими клад золотых, серебряных и бронзовых сосудов в гробнице 3235 на Гонур-депе. 18.10.2004.

With the workers found a treasure of gold, silver and bronze vessels in the sepulture 3235 at Gonur Depe.





2000 г. На официальном приеме. Слева направо: Ж. Фуссман, Г. Исмаилзаде, О. Лордкипанидзе, В. Сарияниди, Дж. Херманн, В. Массон. Фото А. Джуса.

On the official reception. From the left to the right: G. Fussman, G. Ismailzade, O. Lordkipanidze, V. Sarianidi, J. Hermann, V. Masson. Photo by A. Jus.

Во время работы на Большом некрополе Гонура. Слева стоит Г. Росси-Осмиди; рядом с В.И. Сарияниди – Э.А. Мурадова. Фото из архива Р. Гарнера. 2000.

During the excavations at the Large Gonur necropolis. G. Rossi-Osmida stands on the left; E.A. Muradova – next to the V. Sarianidi. Photo from the private archive of Ron Garner.



габ» (2002), «Гонур-депе. Город царей и богов» (2005), «Маргуш. Тайна и правда великой культуры» (2008) и «Сокровища древней Маргианы» (2013). Ежегодно проводятся международные научные конференции, посвященные древнему прошлому страны, часть из которых включает экскурсионные выезды на памятники. Первая из подобных конференций «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации» была организована в 2006 г. В ней приняли участие приглашенные Виктором Ивановичем ведущие специалисты всего мира (Туркменистан..., 2006). Большим подарком участникам конференции была экскурсия более чем 200 ее участников на Гонур-депе. Эти книги и конференции открыли страну Маргуш и ее блестящую культуру научному миру. О ней заговорили не только узкие специалисты.

Заслуги В.И. Сарияниди высоко оценили в Туркменистане. Он не раз был награжден наградами этой страны, в том числе за вклад в развитие страны орденом «За большую любовь к независимому Туркменистану» (2009), Золотой цепью Президента Туркменистана (2006), Международной премией имени Махтумкули (2001). В 2012 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов вручил археологу мантию и диплом Почетного академика, удостоверяющие звание, присвоенное ему Президиумом Академии наук Туркменистана. Правительство Греции присвоила Виктору Ивановичу звание «Почетный посол

To preserve a unique monument built entirely of mud brick, the value of which is comparable with the Egyptian pyramids, Gonur Depe, Margiana archaeological expedition conserves and restores it since 2003. USA Ambassadors Fund for Cultural Preservation (AFCP) program double awards grants to carry out these works. In 2015, it was given for the restoration of the unique Gonur mosaics.

Considerable financial support to the excavations after the collapse of the USSR was provided by the Ligabue Research Center (Venice). An important role in the establishment of these relations was played by the famous Italian archaeologist Sandro Salvatori, who collaborated with Victor Sarianidi at the initial stage at Gonur Big Necropolis. A restorer Gabriele Rossi-Osmida was taking part in it also. For many years, Victor Sarianidi kept in touch with Giancarlo Ligabue, whose rich collections, including on ancient Bactria, gave much mental food and a wide range of comparisons. They shared a passion for antiquity, which allowed them to make friends. Victor said that when Giancarlo was young, he wanted to be a paleontologist so he got the corresponding degree. But his father never allowed him to choose such a career, ordering his son to continue the family business (advertising). Unable to do what he liked, Giancarlo still invested part of his income in archaeological and other kinds of expeditions. Here, as in other cases, Sarianidi's extraordinary ability to talk about the past was important. His narrations left no one indifferent, they were full of details that made you feel present in the events described.

Эллинизма», наградило его за заслуги перед Элладой Золотым крестом Ордена Почета (2002). 19 августа 2009 г. посол Афганистана в России Залмай Азиз вручил В.И. Сарияниди высшую награду Исламской Республики Афганистан в области культуры – медаль Саида Джамалетдина Афгани. Он имеет памятные медали Критского университета, обществ понтийских греков городов Салоники и Афины, Золотой венки от Понтийского общества города Салоники. Страна, которая может только гордиться великими археологическими открытиями, сделанными ее Гражданином, СССР (и ее преемник Россия) сочла возможным наградить его всего двумя медалями: «Ветеран труда» (1989) и «В честь 850-летия г. Москвы» (1999)...

Чтобы сохранить от разрушения силами природы уникальный памятник Гонур-депе, полностью сооруженный из сырцового кирпича, значение которого вполне можно сопоставить, например, с египетскими пирамидами, начиная с 2003 г. Маргианской экспедицией проводится консервация и реставрация Гонур-депе. Фонд посла США в Туркменистане по программе «Сохранение культурного наследия» дважды выделял гранты на проведение этих работ. В 2015 г. им же были выделены средства на реставрацию гонурских мозаик.

Немалую финансовую поддержку раскопкам В.И. Сарияниди после развала СССР оказал Научно-исследовательский центр



Во время расчистки одного из погребений на восточном фесе на Гонур-депе. Справа от В. Сарияниди – Мухаммед Беглиев и Айджан Ниязмухаммедова (Шайимова); на первом плане – Мустафа Халмаммедов (слева) и Алты Бяхбидов. 22.04.2005.

Digging of one of the tombs on the east side of Gonur Depe. Mukhammed Begliev and Aijan Niyazmukhammedova (Shayimova) – to the right from Victor Sarianidi; Mustafa Khalmammedov (left) and Alty Byakhbidov – in the foreground.

It is this feature of Viktor Ivanovich, his passion for his work in many ways helped him to find sponsorship. In addition to the above-mentioned donators, we had to say the words of gratitude to the many who have not even begun to call his name, but simply singled out the funds which could, in the carrying out of the expedition, on the publication of books (during the life of Viktor Ivanovich and now), on his maintenance in hotels when he came to give lectures, and so on. Works in the latest season of great archaeologist were made possible thanks to the help of Reza Hazeli – ascetic scholar of the ancient history of the region, the roots of the Zoroastrian religion in particular.

In the 1990s, excavation principle changed drastically. Previously, the primary “labor force” in the Karakum desert expeditions were those who loved exotic adventures and didn’t care about serious earnings. But the formation of new international borders, and later visas between Russia and Turkmenistan, over-increased the travel expenses for workers from Russia. On the other hand, at the end of the twentieth century, in Turkmenistan there were enough people who were willing to dig for a little cash, even though it wasn’t an easy job. So from that moment on, only some experts came to excavate from outside, but the workers were locals. Victor Sarianidi always tried to choose the most skillful ones among those who had already had some experience. Many of them first came to the expedition when they were teenagers, and keep the job to this day. Being

24.09.3004. Гонур-депе. С раскопа – в лагерь на «путном транспорте».

Gonur Depe. From the excavations to the camp by «the associated transport».





15.05.2004. Раскопки первой из гробниц (№ 3200) на царском некрополе Гонура. С молодым архитектором Довлетом Акиниязовым.

Excavations of the first sepulture (N 3200) at the Royal Gonur Necropolis. With the young architect Dovlet Akiniyazov.

Лигабуе (г. Венеция). Важную роль в налаживании этих связей сыграл известный итальянский археолог Сандро Сальватори, вместе с которым Виктор Иванович начал работы на Большом некрополе Гонура. Одним из участников работ тогда стал и реставратор Габриэль Росси-Осмида. В.И. Сарияниди долгие годы сохранял дружеские связи с Джанкарло Лигабуе, чьи богатые коллекции, в том числе по древней Бактрии (см., например: Ligabue, Salvatori, 1988), дали богатую пищу для ума, широкий спектр сопоставлений. Их сблизила общая увлеченность древностью. По рассказам Виктора Ивановича, Джанкарло в молодые годы очень хотел стать палеонтологом, и получил соответствующее образование. Но его отец не разрешил выбрать такую карьеру, он обязал сына продолжить семейный бизнес, связанный с рекламой. Не имея возможности заниматься любимым делом, Джанкарло часть получаемой прибыли все же вкладывал в археологические и другие экспедиции. Здесь, как и в других случаях, в том числе, сказалась и необычайная особенность Сарияниди увлеченно рассказывать о прошлом. Его повествования никого не оставляли равнодушным, они были полны таких деталей, которые создавали впечатление полного присутствия в описываемом событии.

Именно эта черта Виктора Ивановича, его увлеченность своим делом во многом помогли ему находить спонсорскую помощь. Кроме уже упомянутых выше донаторов, нельзя не

18.04.2004. Зоран Милович с семьей и друзьями в гостях у В. Сарияниди на Гонуре.

Zoran Milovich and his family visiting Victor Sarianidi at Gonur Depe.



surprisingly calm and patient, some of them can spend hours (literally!) clearing the bone or wood residues, which can crumble from the slightest wind, with finest brushes and pins. Others, knowing very well the features of the Turkmen land and having many years of experience with mud brick buildings, are better even than those who have a degree in archaeology, can find and delineate the ancient walls, which are often preserved only a few centimeters thick. Their sharp eyes, and sometimes attention are staggering: rapidly clearing the upper layers of soil with a regular bayonet spade, between soil lumps (sometimes hard as a rock) they can, for example, spot tiny (as small as 2–3 mm) stone or gold beads; or something made of clay by human hands, even if it was broken in many fragments over time. So many priceless items (though not made of precious metals, but only of raw clay) are exposed museum thanks to such people! Without any special knowledge, but simply by being extremely careful and attentive, they helped preserve many unique works of ancient masters! This also applies to bronze, silver, ivory items that got completely oxidized over the past thousands of years, but even more, to unique mosaic compositions with elements of painting. Of course, without Natalya Chudnovskaya's knowledge of restoration, it would hardly have been possible to preserve the integrity of many compositions found in the royal tombs in the fall 2004, and bring them to museum stores. But cleaning, preservation of tiny fragments of pigments and inserts in the burials in place is definitely the merit of

сказать слова благодарности тем многим, кто даже не стал называть своего имени, а просто выделял те средства, которые мог, на проведение экспедиции, на издание книг (и при жизни Виктора Ивановича и теперь), на его обеспечение в гостиницах, когда он приезжал для чтения лекций, и проч. Работы последнего для большого археолога сезона работ стали возможными, благодаря помощи Резы Хазели – подвижника изучения древней истории региона, корней зороастрийского религии, в особенности.

1990-е годы в корне изменили организацию раскопок. Ранее основной «рабочей силой» экспедиций в Каракумах были любители романтики, экзотики, не очень-то гонящиеся за серьезным заработком. Но образование новых межгосударственных границ, а позже и введение виз между Россией и Туркменистаном, сделало слишком дорогостоящей оплату проезда рабочим из России до места работ. С другой стороны, в конце XX в. в самом Туркменистане было достаточно людей, которые готовы были за небольшие, но наличные средства даже на тяжелую работу землекопа. Поэтому теперь только часть специалистов-археологов приезжала на раскопки извне, а рабочими были местные жители. Виктор Иванович всегда старался из нескольких уже не один сезон участвовавших в раскопках выбрать самых умелых. Многие из них, впервые придя в экспедицию юношами, работают здесь до настоящего времени. Будучи

the skillful hands of a few experienced workers. During his 60-plus years of experience in Margiana, Victor Ivanovich, as well as several generations of archaeologists working in the Middle and Near East, managed to create a cohort of almost professional archaeology workers in Turkmenistan. Of course, we can't list them all here. I will mention only a few. They are: Juma and Shatlyk Saparovs, Mustapha Khalmammedov, Alty Byakhbidov, Dovlet Mammedov, Dovran and Merdan Berdyevs, Shatlyk Khallyev, Allanazar Mammedov and some other.

Muhammad Begliev deserves to be mentioned separately. He started at the expedition as an ordinary driver. But his responsibility, hard work, striving to master a lot of knowledge, and a serious understanding of the importance Gonur Depe as a historical monument in general allowed him to take the post of inspector of the Historical and Architectural Reserve "Ancient Merv". Moreover, after a restoration course at the State Research Institute of Restoration in Moscow, as well as on the basis of the French archaeological mission working at Ulug Depe near Dushk in Ahal velayat of Turkmenistan, he became a qualified restorer of ancient metal. Victor Sarianidi treated him like a son, encouraging him but also demanding a lot. When Muhammad was guilty of something, Sarianidi could apply harsher penalties... After a Russian-language school in Yagtyyol of Karakum etrap of Mary velayat and having served in the Soviet army on the territory of the German



21.05.2010. Гонур-депе. С «рабочей гвардией». Слева направо стоят: Шатлык Сапаров, Аман Маммедов, Давран Бердыев, Джума Сапаров, Шатлык Халлыев; рядом с Виктором Ивановичем сидят Довлет Мамедов, Алты Бяхбидов и топограф Какаджан Шадурдыев.

Gonur Depe. With the «Working Guard». Shatlyk Saparov, Aman Mammedov, Davran Berdyev, Juma Saparov and Shatlyk Khallyev (standing from the left to the right); Dovlet Mamedov, Alty Byakhbidov and topographer Kakajan Shadurdyev (seating next to the V. Sarianidi).

29.04.2007. Гонур-депе. С Викторией Крюковой при расчистке пом. 88 на раскопе 16.

Gonur Depe. With Victoriya Kryukova during the cleaning of the room 88 at the Area 16.





Мухаммед Беглиев
(рядом с В.И. Сарияниди), топограф
Какаджан Шадурдыев и антрополог
Алексей Нечвалода. Гонур-депе.
2.10.2005.

Mukhammed Begliev (next to Victor Sarianidi), topographer Kakajan Shadurdyev and anthropologist Alexey Nechavaloda. Gonur Depe.

удивительно спокойными и терпеливыми, одни из них часами (в прямом смысле слова!) тончайшими кисточками и булавками могут расчищать рассыпающиеся просто от дуновения ветра кости или остатки дерева. Прекрасно зная особенности туркменской земли и имея многолетний опыт работы с сырцово-архитектурой, другие лучше, чем многие даже имеющие специальное археологическое образование, могут находить и оконтуривать древние стены, которые зачастую сохранились на несколько сантиметров толщины. Их острые глаза и внимательность иногда просто поражают: быстро расчищая верхние слои грунта обычной штыковой лопатой, между комками земли (иногда твердой как камень) они могут углядеть, например, мельчайшие (размером всего в 2-3 мм) каменные или золотые бусины; среди тех же комков глины увидеть то, что было сделано из глины человеческими руками, даже в том случае, когда время безжалостно разрушило их на многие фрагменты. Сколько бесценных (пусть не из драгоценных металлов, а только из необожженной глины) изделий дошло до экспозиций музеев именно благодаря им! Не имея никаких особых знаний, но просто, будучи крайне аккуратными и опять же внимательными, сколько уникальных произведений древних мастеров они сохранили! Это касается и полностью окислившихся за прошедшие тысячи лет бронзовых, серебряных, костяных

**1994 г. С гостями на стене
кремля Гонура.**

*With guests on the walls of Gonur Depe
Kremlin.*



Democratic Republic, Muhammad was almost fluent in Russian. Being respectful and knowledgeable all the features of the Turkmen etiquette, thanks to being brought up in a traditional Turkmen family, and knowing how to build relationships with different people, he gradually became right hand of prof. Sarianidi. Considering that, in the last five or six years of his work at Gonur, it was often difficult for Sarianidi to visit the Mary city to address organizational issues, and telephone connection is still a rare guest at Gonur, Muhammad was (and still is) a link between the expedition and the local administration. He knows and loves the equipment: so only when he was away, the camp could stay with no light due to a broken generator. He is a keen hunter: thanks to that, many parties that the great archaeologist loved throwing, or, let alone important expedition milestones like discovery of royal tombs or major items, never were celebrated without fresh wild game. The relationship between Victor Sarianidi and Muhammed was really beyond mere close friendship, they were family.

Of course, beside local workers, the Turkmen archaeologists were of great help, for they were managing all of excavations in Margiana: Dr. Tirkesh Khojaniyazov, who had worked with him back in Afghanistan; Dr. Berdy Udeumuradov, one of the last experienced experts with serious knowledge of BMAC; Dr. Ejegul Muradova, a lady who wasn't only a good cleaner of tombs and walls, as well as an excellent log keeper, but also in love with archaeology, the ancient

изделий, но еще в большей степени уникальных мозаичных композиций с элементами живописи. Конечно, без реставрационных знаний Н. Чудновской осенью 2004 г. вряд ли бы удалось сохранить целостность многих композиций, найденных в царских гробницах, и довести их до музейных хранилищ. Но расчистка, сохранение мельчайших фрагментов пигментов и вставок в погребениях на своих местах – это однозначно заслуга умелых рук нескольких опытных рабочих. За свои 60 с лишним лет работы в Маргиане Виктору Ивановичу удалось, как и нескольким поколениям археологов, работающим на Среднем и Ближнем Востоке, создать в Туркменистане целую когорту почти профессиональных рабочих-археологов. Перечислить все их имена, конечно, здесь нет возможности. Упомяну лишь некоторых. Это Джума и Шатлык Сапаровы, Мустафа Халмамедов, Алты Бяхбидов, Довлет Мамедов, Довран и Мердан Бердыевы, Шатлык Халлыев, Алланазар Мамедов и другие.

Особого упоминания достоин Мухаммед Беглиев, который начинал работать в экспедиции обычным шофером. Но его ответственность, работоспособность, стремление овладеть многими знаниями, в общем-то серьезное понимание значения Гонур-депе как исторического памятника позволили ему и занять должность инспектора заповедника «Древний Мерв» и пройдя курсы реставрации в ГосНИИ реставрации в г. Москве, а также на базе



После удачной охоты. С Мухаммедом Беглиевым. Гонур-депе. 6.10.2005.

After the successful hunting. With Mukhammed Begliyev

past of the Turkmen country, and with Victor Sarianidi himself. Dr. Ludmila Terentyeva Pyankova from Tajikistan studied ceramics there for several seasons. Long before I joined the expedition in 2000, such legendary people as Vladimir Orlov and Oleg Markovitch Rozenthal took part in the excavations. The latter was dedicated many kind words in the aforementioned book “In Search of Margush Country”. Having first met him, Sarianidi described him as a “hereditary intellectual, a Faculty of Mathematics graduate, he started teaching, but soon he traded his pen for a shovel, and textbooks, for heavy backpacks” (P. 117).

Thanks to his greatheartedness and incredible charm, Victor Sarianidi not only made friends, but also stayed that way with many people. Some of them have already been mentioned, and un-

23.04.2006. Гонур-депе. На Пасху. Слева направо: М. Джуманазаров, К. Шадурдыев, В. Сарияниди, Н. Дубова, О. Папахристу, О. Беглиева.

Gonur Depe. At Easter. From the left to the right: M. Jumanazarov, K. Shadurdyev, V. Sarianidi, N. Dubova, O. Papachristou, O. Beglieva.





7.05.2010. Гонур-депе. В начале раскопочного дня. Стоят у машины (слева направо): Давран Бердыев, Джума Сапаров, Мердан Джуманазаров и Мухаммед Беглиев.

Gonur Depe. In the beginning of the digging day. Near the car are standing (from the left to the right): Davran Berdyev, Juma Saparov, Merdan Jumanazarov and Mukhammed Begliev.

Французской археологической миссии, работающей на памятнике Улуг-депе у Душака в Ахалском велаяте Туркменистана, стать квалифицированным реставратором по древнему металлу. Виктор Иванович относился к нему как к сыну, причем и в смысле поощрения, и в смысле требований. Когда Мухаммед был виноват в чем-то, Сарианиди мог применить к нему самые жесткие меры...

Закончив русскоязычную школу в с. Ягтыйол Каракумского этрапа Марыйского велаята и отслужив еще в советской армии на территории ГДР, Мухаммед почти свободно говорит по-русски. Будучи, благодаря традиционному туркменскому воспитанию, уважительным и знающим все особенности туркменского этикета, умея хорошо налаживать отношения с разными людьми, он постепенно стал правой рукой Виктора Ивановича. Учитывая, что в последние пять-шесть лет своих работ на Гонуре по состоянию здоровья Сарианиди было сложно часто выезжать в район или г. Мары для решения организационных вопросов, а телефонная связь и до сих пор на Гонуре появляется только при благоприятных условиях, именно Мухаммед был (и остается сейчас) настоящим связующим звеном между экспедицией и местной администрацией. Он прекрасно знает и любит технику; поэтому только тогда, когда он находился в отъезде, лагерь мог остаться вечером без света из-за сломавшегося генератора. Он – увлеченный охотник: благодаря этому многие «приемы» для

10.10.2010. В гостях у участников Туркмено-Итальянской экспедиции на раскопках стоянки подвижных скотоводов недалеко от Аучинского оазиса. Слева от Сарианиди стоят Р. Линн, Б. Черазетти и Э. Мурадова; справа – М. Беглиев и В. Крюкова.

Visiting the excavations of the Turkmen-Italian expedition of the nomad camp close to Auchin oasis. R. Lynn, B. Cerasetti and E. Muradova (on the left from Sarianidi); M. Begliev and V. Krukova (on the right).



fortunately it would be impossible to list all of them. We shouldn't forget a magnificent person, whom Victor was friends with from the very moment they met. It is Stanislav Lionidovich Pokrovskiy (1939–2012), who preferred to be called Stas. He was a corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, as well as a member of the Union of Journalists of Russia. From 1966 to 1991, he was the editor, and then a special correspondent for the legendary TV show “Camera Traveling Club”, where he started working with Vladimir Shneyderov himself (the founder of the show). As the author and director, he created over 1,000 episodes of the show that was loved all over Russia. Among his guests (such people as Jacques Yves Cousteau, Thør Heyerdahl, Timothy Severin, and other great “apostles of the world of mysteries and scientific discoveries” [<http://www.photosight.ru/photos/5866242/>]) was Victor Sarianidi, telling him about the gold of Bactria. That's when they first made friends. Pokrovskiy created the *Pilgrim* TV show (1991–1998), which covered mostly traveling in Russia. He also created the project *World Travel Encyclopedia*, and became the first president of the *Travel Academy*, which extensively covered the activities of the Margiana expedition (<http://www.planetguide.ru/>). It was Stas who organized the production of a movie about the Kara-Kum expedition, which Ron Garner mentions in his memoirs (see his text in this volume). During the last years of his life, he promulgated the works of Victor Sarianidi through a special TV network (<http://www.sgutv.ru/>),

гостей, которые так любил организовывать великий археолог, или (тем более!) важные события в жизни экспедиции типа нахождения царских гробниц или особо выдающихся находок не обходились без свежей дичи. Виктора Ивановича и Мухамеда действительно связывали отношения не обычной тесной дружбы, а настоящие «родственные» связи.

Конечно, кроме местных рабочих, большими помощниками, осуществлявшими все оперативное руководство раскопками в Маргиане, были туркменские археологи, кандидаты наук: это и Тиркеш Ходжаниязов, работавший с ним еще в Афганистане, и Берды Удеумурадов – один из последних опытнейших специалистов, обладавших серьезными знаниями о керамике БМАК, и Эджегуль Мурадова – не только прекрасно расчищающая погребения и сырцовые стенки, очень тщательно и подробно ведущая всю полевую документацию, но и всей душой влюбленная в археологию, древнее прошлое туркменской земли, а также в самого Виктора Ивановича. Несколько сезонов проработала, изучая керамику, специалист из Таджикистана Людмила Терентьевна Пьянкова. Намного ранее моего появления в составе экспедиции (2000 г.), в организации раскопок, в их проведении участвовали такие легендарные личности, о которых вспоминали все, кто их знал, как Владимир Орлов и, конечно, Олег Маркович Розенталь. Последнему в уже упоминавшейся книге «В поисках страны Мар-



6.11.2009. Москва. В Государственном музее народов Востока с Натальей Ковалевой (справа), Александром и Еленой Романьковыми (в центре).

Moscow. In the State Museum of Oriental Art with Natalya Kovaleva (on the right), Alexander and Elena Roman'kovs (in the center).

having created a series on Turkmenistan, latest archaeological discoveries there, including in a series of interviews called *Contemporaries*. Unfortunately, human life is limited, so a long movie he had planned about the discovery of a new center of Ancient Oriental civilization wasn't meant to be.

Besides amateur video recording, which was constantly on in the course of the expedition, from 2003 onwards, and includes several documentary interviews with prof. Sarianidi, a great video about the outstanding archaeologist himself, his personality, world view, position in the development of archeology in general and Central Asian studies, in particular, was made during several years by the Turkmen cinematographers Lora Grigorievna Stepanskaya and Bayram Muradovich Abdullayev, assisted by Ata Taganovich Meredov. The priceless professional shots are preserved. A small part of them is sometimes used in the preparation of documentary films about the monuments of Turkmenistan. Remarkably, Bayram Abdullayev passed away two days earlier than Victor Ivanovich did.

For many years, especially since the 1990s, the reliance and the support of all the works in Margiana were employees of several Turkmen institutions. First of all – of the National Department for the Protection, Study and Restoration of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of Turkmenistan. Many who worked there before and are working now prepared the documents necessary for carrying out excavations and on other organizational



Олег Маркович Розенталь. 1990-е годы. Маргиана. Фото из архива И. Бахшиева.

Oleg Markovich Rozental. 1990th. Margiana. Photo from the private archive of I. Bakhshiev.



Лора Григорьевна Степанская и Байрам Мурадович Абдуллаев (рядом с Виктором Ивановичем) во время съемок документального фильма про Сариниди на Гонуре. 9.06.2006.

Lora G. Stepanskay and Bairam M. Abdullaev (next to the Victor Ivanovich) during the filming of the documentary on Sarinidi at Gonur Depe.

гуш» (1993) Сариниди посвятил много добрых слов. При первой встрече он характеризовал его так: «потомственный интеллигент, закончивший математический факультет, он попытался было заняться педагогической работой, но уже вскоре сменил перо на лопату, а учебники – на тяжеленные мешки» (С. 117).

Благодаря широте своей души, удивительной притягательной силе, В.И. Сариниди не только собирал вокруг себя, но и надолго оставлял в кругу друзей многих. Часть их была уже упомянута, сказать обо всех просто невозможно. Но нельзя обойти особым вниманием замечательного человека, с которым Виктор Иванович сохранял дружеское общение всю жизнь с момента знакомства. Это – Станислав Леонидович Покровский, как и он сам представлялся, и большинство называли его – Стас. Покровский (1939–2012) был членом-корреспондентом РАЕН, членом Союза журналистов России. В 1966–1991 он был редактором, а затем спец. корреспондентом легендарной телепередачи «Клуб кинопутешествий», где начинал работать еще с самим Владимиром Шнейдеровым – основателем программы. Как автор и режиссер, он создал более тысячи выпусков этой всенародно любимой программы. Среди его гостей, Жака-Ива Кусто, Тура Хейердала, Тимоти Северина, других величайших «апостолов мира загадок и научных открытий» (<http://www.photosight.ru/photos/5866242/>) был и Виктор Иванович, рассказавший о

С заместителем директора Музея изобразительных искусств Туркменистана Дженнет Сейитниязовной Карановой и Русланом Гельдыевичем Мурадовым. 18.05.2009.

With the vice-director of Museum of Fine arts of Turkmenistan Jennet S. Karanova and Ruslan G. Muradov.



issues, provided a continuous ongoing help the numerous incoming and outgoing participants, were always ready to support the friendly advice, do much to resolve the arising extraordinary situations. It is impossible not to say specifically about the friendly participation, human support of Muhammed Annaevich Mamedov and Ruslan Gelgyevich Muradov, they generously shared with Victor Ivanovich. A lot of good was done to the famous archeologist by the director of the National Historical and Cultural Reserve “Ancient Merv” in Bairamali city Rejep Jepbarov, by the directors of Mary velayat Museum and the Museum of Fine Arts of Turkmenistan in Ashgabat. List everyone who was close to the Victor Sarianidi in joy and in difficult times, it is simply impossible: it is the members of administrations at all levels in Mary province, and various government agencies in Ashgabat, and medical workers, and management of various technical departments. Viktor Ivanovich often, especially not being on an expedition, recalled with gratitude the many highly appreciated their warmth and responsiveness...

Viktor Sarianidi always worked with passion: whether on excavation or in libraries or in completing some three dozen books. Thanks to the ability to quickly find a common language be it with excavators, professors, drivers or administrators at all levels, including the highest, he had many friends. He often loved to spend time with friends where he was the soul of the company. But the goal of his entire life was knowledge and the desire to convey it as

Золоте Бактрии. Тогда-то и началась их дружба. На РТР С.Л. Покровский создал передачу «Пилигрим» (1991–1998), в которой рассказывалось, в основном, о путешествиях по России. Он был создателем гуманитарного проекта «Всемирная Энциклопедия Путешествий» и первым председателем «Академии путешествий», в котором неоднократно освещалась и деятельность Маргианской экспедиции (<http://planetguide.ru/>). Именно Стас организовал и съемки фильма о работе экспедиции в Каракумах, о которых в своих воспоминаниях пишет Рон Гарнер. Работая последние годы своей жизни в Современной гуманитарной академии, он широко пропагандировал работы В.И. Сарияниди через специальную телевизионную сеть СГУТВ (<http://www.sgutv.ru/>), создав целую серию передач, посвященных Туркменистану, новым археологическим открытиям там, в том числе в цикле телеинтервью «Современники». Увы, но человеческая жизнь конечна, поэтому задумывавшемуся большому фильму об открытии нового центра древневосточной цивилизации со съемками в Каракумах не суждено было состояться.

Кроме любительской видеосъемки, которая постоянно ведется в процессе работы экспедиции, начиная с 2003 г. и включает, в том числе и несколько документальных интервью с Виктором Ивановичем, большой видеоматериал о самом выдающемся археологе, его внутреннем мире, взглядах на жизнь, на



1982. Гонур-депе. Станислав Покровский (слева) и Александр Федорченко варят обед. Участие в раскопках и съемки сюжета для «Клуба кинопутешественников». Фото их архива А. Федорченко.

Gonur Depe. Stanislav Pokrovskiy (left) and Alexander Fedorchenko are cooking. Taking part in the excavations and filming scenes for "Camera Traveling Club". Photo from the private archive of A. Fedorchenko.

quickly as possible to everyone who knew him. This was something he never forgot. From getting up in the morning until his very last days, he was at his desk, first writing, then typing, and finally using a computer to relay what he had discovered, understood, explained... This is clearly evidenced by the list of his works. For example, «Sites of the Late Eneolithic of South-East Turkmenia» (81 pages, XXVII tables) appeared in 1965; his joint (with G.A. Koshelenko) popular science book «The Past behind the Dunes» (187 p., ill.) in 1966; also the popular «Secrets of the Vanished Art of Karakum» (107 p., ill.) in 1967. In 1972, three works appeared at once: Masson, V.M. and V.I. Sarianidi «The Karakum: Dawn of Civilization» (168 p., ill.; in series «From the History of World Culture»); Sarianidi V.I. and V.M. Masson «Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids» (Ancient Peoples and Places. Vol. 79. NY-L., 219 p.); V.I. Sarianidi «Excavations at Tillya Tepe in Northern Afghanistan»; and one more in 1973: V.M. Masson and V.I. Sarianidi «Central Asian Terracottas of the Bronze Age (Culture of the Peoples of the East; Materials and Research)» (208 p., 23 ill., XLIV tables) and so on. Moreover, there were not just books but also large serious articles, conference presentations, congresses. And let's not forget that during these years there was the fieldwork in Turkmenistan (excavations of Ulug Depe, Khapuz Depe, Altyn Depe, surveys) and in Afghanistan (the oases of Dashly, Davletabad and others), and it was not simply a matter of writing the books but the illustrations had to be selected and pre-

На съемках сюжета для «Клуба кинопутешественников». Слева направо: Стас Покровский и Юрий Сенкевич. Фото их архива А. Федорченко.

On the set of scenes for «Camera Traveling Club». Photo from the private archive of A. Fedorchenko.





*С М.А. Мамедовым и К. Гандымовым.
г. Мары. 16.11.2006.*

*With Mukhammed A. Mamedov and
Kurban Gandymov. Mary city.*

развитие археологии вообще и среднеазиатских исследований, в частности, несколько лет собирался известными туркменскими кинематографистами Лорой Григорьевной Степанской и Байрамом Мурадовичем Абдуллаевым при содействии Ата Тагановича Мередова. Бесценные, профессионально снятые кадры сохранились. Небольшая их часть иногда используется при подготовке документальных пленок о памятниках Туркменистана. Удивительно, но Байрама Абдуллаева не стало на два дня раньше Виктора Сарияниди...

В течение многих лет, особенно после 1990-х годов, опорой и поддержкой всех работ в Маргиане являлись сотрудники нескольких туркменских учреждений. Это, прежде всего – Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана. Многие работавшие там ранее и работающие ныне готовили документы, необходимые для проведения раскопок, по другим организационным вопросам, оказывали постоянную текущую помощь многочисленным приезжающим и отъезжающим участникам, всегда были готовы поддержать дружеским советом, многое делали для урегулирования возникающих неординарных ситуаций. Невозможно не сказать специально о дружеском участии, человеческой поддержке М.А. Мамедова и Р.Г. Мурадова, которыми они щедро делились с Виктором Ивановичем. Много доброго сделали для

13.11.2006. Участники Международной конференции в холле гостиницы «Ак-Алтын» в Ашхабаде (слева направо): Колин Ренфрью, Джеймс Мэллори и Аско Парпола.

Participants of the International Conference in the hall of «Ak Altyn» hotel (from the left to the right): Colin Renfrew, James Mallory and Asko Parpola.



pared, bibliographies needed to be assembled, and when necessary, the books required translation into English, edited and readied for printing.

Perhaps that is why few scientists have managed to accomplish as much as V. I. Sarianidi. His discoveries are spread across 30 well-written scientific and popular books and more than 300 articles (the last should appear in 2016–2017). And although he more than once admitted that some of his brilliant discoveries were a matter of luck (among which were the Kushan graves at Tilla Tepe, one of the richest discoveries of the 20th century), it is obvious that the basis of this archaeological luck was incessant work, the experience of many years of wide-scale field work, a profound knowledge of his material and a thirst for knowledge.

Often when a major scholar completes his earthly journey, he leaves much unpublished. This was not the case for Victor Sarianidi, who always sought to convey to the public whatever he had discovered in the field or in his researches as soon as possible. But alas, this was the reason some scholars opposed him... We can say that only one work (a significantly amended text of the book “In Search of the Margush Country” named by him as “Brilliant Margiana”) wasn’t completed, which is one of the tasks for the next while.

In the words of the director of the State Hermitage Museum, Mikhail B. Piotrovsky, on the death of Viktor Ivanovich, “wherever Sarianidi worked, there everywhere were breakthroughs, opening

знаменитого археолога директор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» Р. Джеббаров, руководство Марыйского велаятского музея, Музея изобразительных искусств Туркменистана. Перечислить всех, кто был рядом с В.И. Сарианиди и в радости и в тяжелые минуты, просто невозможно: это и члены администраций всех уровней в Марыйском велаяте, и различных государственных структур в Ашхабаде, и медицинские работники, и руководство разных технических управлений. Виктор Иванович нередко, особенно, будучи не в экспедиции, вспоминал многих с большой благодарностью, высоко ценил их сердечность и отзывчивость...

Виктор Иванович всегда работал много и жадно: и на раскопках, и в библиотеках, и готовя свои более чем три десятка книг. Благодаря умению быстро найти общий язык и с землекопом, и с профессором, и с водителем, и с администраторами всех уровней, включая самый высокий, у него была масса знакомых, дружески относящихся к нему людей. Он очень любил проводить время в дружеской компании, был их душой. Но целью всей его жизни было познание и желание как можно быстрее донести до всех то, что понял он. Ни в какой ситуации он не забывал об этом. Встав утром с кровати, фактически до самых последних дней, он садился за письменный стол, писал ручкой, печатал на машинке, а затем и набирал на компьютере информацию о том,

new pages of ancient history". We also should mention that Victor I. Sarianidi had a kind of "sixth sense" that directed him to select a territory where one should look for sites or choose which mound might reveal the key findings for a given period while his mind was able to compile thousands of images, reports, various plans and schemes as well as legends and information from people to discern both the general and specific, bringing things together and isolating out others.

His most significant contribution in terms of Indo-European studies was his identification of the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC) and the definition of its limits of distribution (Сарианиди, 1974; 1977. С. 4–5). It is astonishing that Victor Sarianidi came forward with them when he was in his mid-thirties. While still preparing to work in Afghanistan, he drew attention to the production of stone objects whose source of origin lay far from the sites where they were found. This prompted his pioneering work dedicated to the "Lazuli road" of the Bronze Age (Сарианиди, 1968; Sarianidi, 1970), appearing as one of the sections of the later so-called "Great Silk Road". Then he drew attention to the significant amount of evidence for traffic from the region of Elam and Mesopotamia to the east, not only northwards through the Kopet Dagh but also south through southern Iran (Сарианиди, 1969; 1975; 1977. P. 5). This idea permeated all of Victor I. Sarianidi's subsequent work and there is very little that he wrote in the period 1980-2013 that did



18.04.2007. Гонур-депе. За работой в своей комнате.

Gonur Depe. Working in his room.

15.11.2006. В г. Мары с Колином Ренфрю. За соседним столом сидят А. Любоцкий и Е.Е. Кузьмина.

In Mary city with Colin Renfrew. A. Lubotsky and E.E. Kuzmina are seating at the next table.





23.11.2009 . г. Салоники, Греция.
Общество понтийских греков
«Аргонавты Комнины». Вероника
Сарияниди помогает дяде делать
дарственные надписи на книгах.

Thessaloniki, Greece. The «Argonauts Komnenoi» society. Veronika Sariannidi helps her uncle to sign his monographs.

что удалось раскопать, найти, понять, объяснить. Не успев приехать или в Афины к сестре, или в командировку в любой город, В.И. Сарияниди старался использовать все возможности для работы в библиотеках, прочитать все, что было доступно, проглядеть как можно больше изображений.

О такой интенсивности работы красноречиво свидетельствует список его трудов. Например, «Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении» выходят в 1965 (81 с., XXVII табл.); совместная с Г.А. Кошеленко научно-популярная книга «За барханами — прошлое» в 1966 г. (187 с., ил.); также научно-популярная «Тайны исчезнувшего искусства Каракумов» в 1967 (107 с., ил.). В 1972 г. выходит сразу три работы: Массон В.М., Сарияниди В.И. «Каракумы: заря цивилизации» (168 с., ил.; сер. «Из истории мировой культуры»); Sarianidi V.I., Masson V.M. «Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids» (Ancient Peoples and Places. Vol. 79. NY-L., 219 p.); Сарияниди В.И. «Раскопки Тиллятепе в Северном Афганистане»; в 1973 г. еще одна – Массон В.М., Сарияниди В.И. «Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. (Культура народов Востока; материалы и исследования)» (208 с., 23 ил., XLIV табл.) и т.д. Добавлю – это только книги, но были и большие, серьезные статьи, выступления на конференциях, конгрессах. Причем, не будем забывать, что в эти годы идут работы и в Туркменистане (раскопки Улуг-депе, Хапуз-депе,

26.11.2009. В небольшой trattoria
по дороге из Салоник в Афины с
Матулой и Христом Галанидисами.

In a small trattoria by the way from Thessaloniki to Athens with Matula and Christos Galanidis.



not touch on these themes. Probably the first and most comprehensive treatment of this appearing in English was his monograph *Margiana and Protozoroastrism* (Athens, 1998). But the work of his later years only produced additional archaeological evidence that he had been right: the vivid images of horse burials from Gonur Depe (e.g. Сарияниди, 2001. Tabl. 10, 2; Sarianidi, 2007. P. 127), where specialists have confirmed the presence of bones of this animal in the same site (Sataev, 2008, 2016); four-wheeled wagons in elite burials with a wheel construction fully comparable to those known in Elam (Дубова, 2004; Сарияниди, 2005, 2006, 2007; and other); brilliant mosaics from Gonur in many ways similar in style to those from the Near East (see e.g.: Сарияниди, Дубова, 2013).

The hypothesis of long and fairly peaceful mutual relations between the settled farmers of the southern region of Central Asia and mobile pastoralists, advanced back at the end of the 1970s (Сарияниди, 1977. P. 5) now finds more support and the hypothesis of attributing the collapse of the Harappan civilization to a massive invasion of nomads has long been rejected by specialists. Above you can only find references to the ideas, brief overview of the author's point of view in the monograph dedicated to ancient farmers of Afghanistan, but the paper as a whole is dedicated to the analysis of the existing materials and rationalizing the ideas.

The work in Afghanistan also revealed evidence, which fully complimented his impressions as a student from the beginning of

Алтын-депе, разведки), и в Афганистане (оазисы Дашлийский, Давлетабадский и др.), что книгу надо не только написать, но и подобрать, подготовить иллюстрации, надо оформить библиографию, в нужных случаях перевести текст на английский язык, пройти редакционную подготовку в издательстве и дождаться тиражирования. Думается, именно поэтому далеко не каждому ученому удастся сделать столько, сколько смог В.И. Сарияниди. Им опубликовано более 30 ярко написанных научных и научно-популярных книг, более 300 статей (последние должны выйти в 2016–2017 гг.). И хотя сам археолог не раз и в шутку и всерьез говорил, что ряд его блестящих находок – дело случая, очевидно, что в основе его археологической удачи – постоянный труд, опыт многолетних широкомасштабных полевых работ, глубочайшее знание материала и жажда познания.

Нередко, когда большой ученый заканчивает свой земной путь, многие работы остаются не опубликованными. Для Виктора Сарияниди это не было свойственно. Он всегда стремился как можно быстрее донести то, что нашел под землей или в публикациях, до всех, кто данной проблемой интересуется. Но, увы, именно это было причиной претензий к нему некоторых исследователей... Можно сказать, что только одна работа – существенно дополненный текст книги «В поисках страны Маргуш», названный им «Блистательная Маргиана», не было дове-

the 1950s about the Yaz culture. It demonstrated that accompanying the famous gold of Tillya Tepe, in the very early level (Tillya 1) in a temple, belonging to the Bronze Age, were the same ceramics as that found in distant Turkmenistan. Similar layers were recorded at other sites – Ulug Depe and Anau in Turkmenistan, Kuchuktepe and Mirshade in southern Uzbekistan (Альбаум, Аскарлов, 1982), at Naibabad and Nadi-Ali in contemporary Afghanistan and at Pirak in Pakistan. In contrast to V.M. Masson, who published material from his investigations of Yaz Depe (Массон, 1959) and wrote that this culture belonged to the further development of agricultural pastoral communities of southwest Turkmenistan (Массон, 1966. P. 189), V.I. Sarianidi mentioned that the semi-nomadic tribes who appeared at this time who utilized both wheel turned ceramics as well as hand-made painted wares and copper-bronze objects (including single-edged knives and long tubes of uncertain purpose) may have had their origins connected with eastern Khorasan. He pointed out that both types of painted ware – both wheel-turned and hand-made painted – appear to have existed at the same time, and that settlements of this culture constantly followed after the remains of the ВМАС (Сарияниди, 1972, 1989).

V.I. Sarianidi's suggestion back in the 1960s concerning the existence of a precursor to the Silk Road across the vast territory of the Near East, Middle East, India and Central Asia received more evidence that is substantial in the following years. This was seen, on the



23.11.2009. Салоники, Греция. Перед выходом в прямой эфир на одном из греческих телеканалов.

Thessaloniki, Greece. Before going out on the air on one of the Greek TV channels.

6.02.2011. В греческом клубе «Ромиосини» в г. Москве.

In the Greek «Romiosini» Club in Moscow.





13.11.2006. Ашхабад. Перед возложением цветов к памятнику Независимости Туркменистана. Слева – Грегори Поссел, рядом с Виктором Сарияниди – Холли Питтман, на заднем плане – Аско Парпола.

Ashgabad. Before the laying flowers at the monument of Independence of Turkmenistan. Gregory Possehl (on the left), Holly Pittman (next to the Victor Sarianidi), Asko Parpola (on the background).

ден до конца. Завершение этой книги – одна из задач ближайшего времени.

Как совершенно справедливо отметил в своем письме в связи с кончиной Виктора Ивановича директор Государственного Эрмитажа член-корреспондент РАН М.Б. Пиотровский, «там, где работал Сарияниди, всюду происходил научный прорыв, открывались новые страницы древней истории». Нельзя не сказать и о том, что у него было некое «шестое чувство», которое не только позволяло точно выбрать или территорию, где можно и нужно искать памятники, или среди множества тепе определить именно то, которое даст ключевые находки для изучаемого периода. Точно также как и обобщив в своем воображении тысячи образов, сообщений, разнообразных планов и схем, а также легенд и представлений народа, увидеть то общее и особенное, что объединяет одних и выделяет других.

Самое поразительное, что многие важные идеи были выдвинуты Виктором Ивановичем уже в четвертое десятилетие его жизни. Это, прежде всего, выделение Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) и определение границ его распространения (Сарияниди, 1974; 1977. С. 4–5). Еще только готовясь к работам в Афганистане, он обращает внимание на происхождение изделий из камней, месторождения которых находятся далеко от памятников. Так появляется его пионерское исследование, по-

one hand, in the large number of characteristic objects of ivory in Turkmenistan as well as the Harappan seals and, on the other hand, objects of the BMAC in sites of the Indus Valley Civilization. The decades-old well-founded idea of the existence in southern Turkmenistan of a center of Near Eastern civilization at the end of the III millennium BC was only accepted after 2000 (see e.g., the material from the conference: Turkmenistan..., 2006).

One of the founding archaeologists of Central Asia, a world-famous archaeologist, the discoverer of the “Bactrian Gold” in Afghanistan and, in the middle of the 20th century, the discoverer of a new center of ancient civilization in the sands of the Karakum desert in Turkmenistan, passed away on 22 December 2013 in Moscow. His entire life was associated with and dedicated to archaeology. For the most part, to his final days (Viktor Ivanovich’s excavation season finished on 26 October 2013) he worked in field conditions under a blazing Asiatic sun, in windblown tents, at times having to bring water over several tens of kilometers from the camp and having only several pieces of dry bread for dinner. V.I. Sarianidi was a bright star in the Pleiades of the foremost researchers – M.E. Masson, B.A. Kuftin, S.P. Tolstov, A.N. Bernshtam, A.M. Mandel’shtam, B.A. Litvinsky, V.M. Masson, I.N. Khlopin, B.Ya. Stavitsky, B.I. Marshak, Yu.A. Zadenprovsky and others – who brought to light for the scientific world the ancient history of the vast territory between the Caspian Sea and the Pamirs, who created an entire epoch in the study of the history of Central Asia, the

12.11.2006.
В г. Ашхабаде с Грегори Посселом.
In Ashgabad with Gregory Possehl.



священное «лазуритовому пути» эпохи бронзы (Сарианиди, 1968; Sarianidi, 1970), явившемуся одним из фрагментов сложившегося столетия позже так называемого Великого шелкового пути. Тогда же он обращает внимание на значительное число свидетельств движения из районов Элама и Месопотамии в восточном направлении, причем не только северным (через Копетдаг), но и южным (через Южный Иран) путями (Сарианиди, 1969; 1975; 1977. С. 5). Эта мысль пронизывает все последующее творчество В.И. Сарианиди. Можно назвать очень мало его работ в 1980–2013 гг., в которых бы она не затрагивалась. Наверное, первое наиболее полное и доступное для мировой науки (в смысле написания на английском языке) изложение ее представлено в монографии «Margiana and Protozoroastrism» (Athens, 1998). Но и работы последующих лет приносили автору только дополнительные археологические свидетельства его правоты: яркие изображения лошади в погребениях Гонур-депе (например: Сарианиди, 2001. Табл. 10, 2; Sarianidi, 2007. Р. 127), затем подтверждение специалистами наличия костных остатков этого животного на том же памятнике (Сатаев, 2008, 2016); четырехколесные повозки в элитарных погребениях с конструкцией колес, полностью совпадающей с таковой, известной в Эламе (Дубова, 2004; Сарианиди, 2005, 2006, 2007 и др.); блестящие, во многом сходные по стилю изображения с Месопотамией гонурские мозаики (см. например: Сарианиди, Дубова, 2013) и др.

Near East and Eurasia as a whole. With the departure of V.I. Sarianidi this epoch has ended but the results of his labors represented by his great scientific legacy will survive as long as scientific research lasts. Archaeologists, historians and linguists will interpret them agreeing with some and calling into question others.

“Everyone who was a colleague or friend of Victor Ivanovitch Sarianidi, could be sure that he was a strong-willed, vigorous and noble man. Many people admired his wisdom, hard work, and scientific ideas. The best memories about the outstanding scientist Victor I. Sarianidi will stay forever in our hearts. Let his soul rest in peace in the paradise!” says the obituary signed by the President of Turkmenistan and the members of the Turkmen Government. Many of us were lucky enough to have witnessed or even taken part in his magnificent discoveries. That’s why, no matter how hard it is for us who worked with Victor Ivanovitch to miss his wonderful smile, his deep distinctive voice or his hand pointing out where one should excavate next, we would like to do everything we can to clarify those things (that one might not have agreed with) that he himself did not have time to explain. No matter how banal the saying that one is alive as long as we remember them, it is still accurate and in the case of Victor Ivanovitch Sarianidi, this will be true of his works for generations.



Nadezhda A. Dubova



31.05.2012. В хранилище Музея изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад). Виктор Сарианиди обсуждает с директором музея Сапармаммедом Мередовым готовность отреставрированных мозаичных панелей «дарохранильницы» из гробницы 3230 к экспозиции.

In the storage of Museum of Fine Arts of Turkmenistan (Ashgabad). Victor Sarianidi and director of the museum Saparmammed Meredov are discussing the readiness of restored mosaic panels of «ostensory» from the tomb 3230 to the exposition.

24.10.2013. Реставрационная лаборатория Музея изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад). Н.А. Ковалева показывает В.И. Сарианиди результаты реставрации мозаичных композиций с Гонур-депе.

Restoration laboratory of the Museum of Fine Arts of Turkmenistan (Ashgabad). Natalya A. Kovaleva shows Victor Sarianidi the results of the restoration of mosaics compositions from Gonur Depe.





16.12.2006. Париж. В гостях у друга – профессора Оливье Леконта.

Paris. Visiting friend – prof. Olivier Lecomte.

Мысль о длительном и достаточно мирном взаимодействии оседлых земледельцев южных районов Средней Азии и окружавших их подвижных скотоводов, высказанная им тогда же, в конце 1970-х годов (Сарианиди, 1977. С. 5), ныне находит все больше сторонников, а гипотеза о «падении» Хараппской цивилизации в результате «прихода масс кочевников» давно отвергнута специалистами. Выше указаны лишь ссылки на формулировки, тезисное упоминание позиции автора в монографии, посвященной древним земледельцам Афганистана, но весь труд в целом и посвящен анализу имеющихся материалов и обоснованию этих мыслей.

Работы в Афганистане принесли данные, которые существенно дополнили его еще студенческие впечатления начала 1950-х годов о культуре Яз. Оказалось, что на знаменитом своим золотом Тиллятепе, в его самом раннем слое Тилля-1, в храме, относящемся к эпохе бронзы, присутствовала та же керамика, что и в далеком Туркменистане. Такие же слои были зафиксированы на других памятниках – Улуг-депе и Анау в Туркменистане, Кучуктепе и Миршаде в Южном Узбекистане (Альбаум, Аскарлов, 1982), в Наибабаде и Нади-Али в современном Афганистане и в Пираке в Пакистане. В отличие от В.М. Массона, который опубликовал материалы исследования Яз депе (Массон, 1959) и писал о том, что эта культура – период дальнейшего развития земледельческо-скотоводческих общин юго-запада

Библиография

1. Давыдов А.Д., Литвинский Б.А. Предисловие // Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглы веков. М., 1984. С. 5–14.
2. Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254–281.
3. Кругликова И.Т., Сарианиди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 3–20.
4. Массон В.М. Древнеземледельческая Культура Маргианы. М.;Л., 1959.
5. Массон В.М. На пороге раннеклассового общества (оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н.э.) // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966.
6. Паламарчук А. Золото Бактрии: дары из прошлого // National Geographic. Россия. № 126. 2014. С. 74–91.
7. Сарианиди В.И. Керамические печи городищ Древнего Мерва // Сб. студенческих работ САГУ. Вып. V. Ташкент, 1953. С. 82–91.
8. Сарианиди В.И. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр // КСИИМК. Вып. 76. Л., 1959. С. 50–55.
9. Сарианиди В.И. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении // СА. 1959а. № 2. С. 235–238.

Туркменистана (Массон, 1966. С. 189), В.И. Сарияниди отмечал, что появившиеся в то время полукочевые племена, которые употребляли в своем быту как гончарную, так и лепную расписную посуду и медно-бронзовые изделия (в том числе однолезвийные ножи и длинные трубочки не совсем ясного назначения), могли быть связаны своим происхождением с восточным Хорасаном. Он обратил внимание на то, что оба типа расписной керамики – и гончарная, и лепная – появляются и существуют одновременно, а также то, что расселение этой культуры постоянно идет вслед за памятниками БМАК (Сарияниди, 1972, 1989).

Отмеченные В.И. Сарияниди еще в 1960-х годах свидетельства существования предтечи Великого шелкового пути на обширном пространстве Ближнего, Среднего Востока, Индии и Центральной Азии в последующие годы также получили дополнительные весомые доказательства. Это, с одной стороны, присутствие в Туркменистане большого числа характерных изделий из слоновой кости, хараппской печати, а, с другой – типичных изделий БМАК на памятниках цивилизации долины Инда. Обоснованная им десятилетия назад мысль о существовании в Южном Туркменистане в конце III тыс. до н.э. особого центра ближневосточной цивилизации, только в середине 2000-х годов получила признание (см., например, материалы уже упоминавшейся конференции: Туркменистан..., 2006).



16.12.2006. В холле гостиницы «Мольер» в Париже.

In the hall of «Molière» hotel in Paris.

10. Сарияниди В.И. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1963. 32 с.
11. Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 114. М., 1968. С. 3–9.
12. Сарияниди В.И. Терракотовая головка с Улуг-депе и ее месопотамские прототипы // СА. 1969. № 3. С. 243–246
13. Сарияниди В.И. Раскопки Тиллятепе в Северном Афганистане. М., 1972. 95 с., ил.
14. Сарияниди В.И. Бактрия в эпоху бронзы // СА. 1974. № 4. С. 49–71.
15. Сарияниди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1975. 55 с.
16. Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975а. № 2. С. 20–29.
17. Сарияниди В.И. В поисках страны Маргуш // Природа. 1976. № 9. С. 93–104.
18. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 172 с.
19. Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983. 159 с., илл.
20. Сарияниди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984. 160 с.
21. Сарияниди В.И. Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып.13. М., 1987. С. 52–65.
22. Сарияниди В.И. Протозороастрийский храм в Каракумах // Природа. 1988. № 11. С. 117–118.



1981. Афганистан.
Afghanistan.

Один из основоположников археологии Средней Азии, всемирно известный археолог, нашедший «золото Бактрии» в Афганистане и открывший в середине XX в. в каракумских песках Туркменистана новый центр древневосточной цивилизации, ушел из жизни 22 декабря 2013 г. в Москве. Вся его жизнь была и связана, и посвящена археологии. Большую ее часть, до своих последних дней (раскопчный сезон закончился у Виктора Ивановича 26 октября 2013 г.) он провел в полевых условиях под палящим азиатским солнцем, в рвущихся от ветра палатках, порой доставляя воду за несколько десятков километров от лагеря и имея лишь несколько кусков сухой лепешки на обед. В.И. Сарианиди был яркой звездой той плеяды подвижников – М.Е. Массон, Б.А. Куфтин, А.Н. Бернштам, А.М. Мандельштам, Б.А. Литвинский, В.М. Массон, А.А. Марущенко, И.Н. Хлопин, Б.Я. Ставиский, Б.И. Маршак, Ю.А. Заднепровский и др. – которые открыли для мировой науки древнюю историю пространства между Каспийским морем и горами Памира, создали целую эпоху в изучении истории Центральной Азии, Ближнего Востока, Евразии в целом. С уходом В.И. Сарианиди эта эпоха закончилась, но результатами деятельности представлявших ее больших ученых потомки будут пользоваться до тех пор, пока будет существовать наука. И археологи, и историки, и лингвисты будут осмыслять их, соглашаться с одним, и подвергать сомнению другое.

23. Сарианиди В.И. Храм и Некрополь Тиллятепе. М., 1989. 240 с.
24. Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане, и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989а. № 1. С. 152–169.
25. Сарианиди В.И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1989б. № 2. С. 178–181.
26. Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратуштра. М., 1991. 248 с., илл.
27. Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш. М., 1993. 362 с., илл.
28. Сарианиди В.И. Маргуш юрдуныц гезлегинде. Ашгабат, 1997.
29. Сарианиди В.И. Гонур-депе. Туркменистан. Город царей и богов (Gonur-Depe. Turkmenistan. City of Kings and Gods). Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary. Ашхабад, 2005. 327 с., илл.
30. Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре (Royal necropolis in North Gonur) // Вестник древней истории (ВДИ). 2006. № 2 (257) С. 155–192.
31. Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1. С. 49–63.
32. Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. М.: Старый сад, 2010. 200 с., илл.
33. Сарианиди В.И. На древнем перекрестке путей // Возрождение Великого шёлкового пути в счастливую эпоху могучего государства: глубокие истоки и современные возможности. Ашхабад, 4-6 декабря 2012 г. Ашхабад, 2012. С. 153–157.
34. Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Мозаики III тыс. до н.э. в Гонур-депе (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня

«Все, кто работал вместе с Виктором Ивановичем Сарияниди, дружил с ним, убедились в том, что это был сильный духом, энергичный, благородный человек. Многих восхищали его мудрость, трудолюбие, научные идеи. Светлая память о выдающемся ученом Викторе Ивановиче Сарияниди навсегда сохранится в наших сердцах. Да упокоится в раю душа его!» – говорится в некрологе, подписанном Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым и членами правительства. Судьба многим из нас дала счастливую возможность быть в какой-то степени свидетелями, а иногда и соучастниками тех великолепных открытий, которые он сделал. Поэтому, как бы ни было тяжело всем, работавшим с В.И. Сарияниди, осознание того, что мы не сможем больше увидеть его чудесную улыбку, услышать его низкий особый голос, проследить за его рукой, показывающей, где надо дальше копать..., хотелось бы сделать все, чтобы уточнить то, что он не успел, разъяснить что-то до сих пор не согласившимся с ним. Как ни банальна фраза, что люди живы до тех пор, пока мы их помним, но она очень точна. То, что успел сделать В.И. Сарияниди, будет анализировать и осознавать и, конечно, развивать еще не одно поколение заинтересованных исследователей.

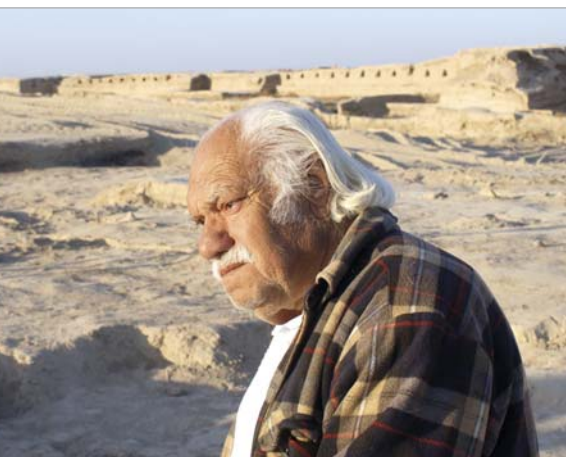
Н.А. Дубова



17.12.2006. В замке принцев Конде в Шантийи под Парижем с Оливье Леконтом.

In the castle of Conde princes in Chantilly, near Paris with Olivier Lecomte.

- рождения Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 379–413.
35. Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 138–142.
 36. Сатаев Р.М. Животные в культуре древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.
 37. Трофимова Т.А., Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпохи энеолита // Труды ЮТАКЭ. Т. 10. Ашхабад, 1961. С. 478–528.
 38. Туркменистан. Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Ашхабад, 2006.
 39. Хлопина Л.И., Хлопин И. Н. К происхождению комплекса Яз-депе 1 Южного Туркменистана // СА. 1976. № 4. 200–203.
 40. Ligabue G., Salvatori S. Bactria: an Ancient Oasis civilization from the Sands of Afghanistan. Unknown Binding, 1988. 244 p.
 41. Sariandi V. Bactrian Gold. From the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985. 260 p., 166 Pl., 260 ill.
 42. Sariandi V. The Lapis Lazuli Route in the Ancient East // Archaeology. 1970. Vol. 24. № 1. P. 12–15.
 43. Sarianidi V. Margiana and Protozoroastizm. Athens: Kapon editions, 1998. 192 p.
 44. Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. М.: Pentaraphic Ltd, 1998a. 335 p., 1802 fig.



6.11. 2009. Гонур-депе.
Gonur Depe.

Маргиана в среднеазиатской археологии

Девятнадцатый век переориентировал интерес к «библейскому прошлому» Мира. Специалисты, пораженные открытием подлинной римской культуры в Помпеях, отважились начать исследования археологических памятников в странах Древнего Востока, прошлое которых было ранее известно только по письменным свидетельствам Библии. Фактически с этих раскопок начиналась научная археология. Здесь не приходится говорить о дилетантизме исследователей. Они были первооткрывателями и сами создавали новую науку. Причем разнообразие и изобилие объектов исследования затрудняли само создание четких научных нормативов. Каждый памятник требовал специфических приемов работы. Где-то представлялось возможным вскрытие значительных площадей. В других случаях было необходимо закладывать глубочайшие колодезь-шурфы, пытаясь проследить всю свиту напластований, оставленных культурной жизнью древних местных обитателей. К тому же исследователям мерещилось, что в остатках древних

Margiana in the Central Asian Archaeology

The nineteenth century reoriented the interest toward the “biblical past” of the world. The experts, affected by the discovery of a genuine Roman culture in Pompeii, dared to begin the study of archaeological sites in the countries of the Ancient East, whose past had only been known previously according to written testimony of the Bible. In fact, these excavations marked the beginning of scientific archeology. Here we can't speak about the dilettantism of the researchers. They were the pioneers, creating a new science themselves. And the diversity and abundance of research objects hampered the very establishment of clear scientific standards. Each monument required specific methods of work. Somewhere it was possible to open up large areas. In other cases, it was necessary to lay the deepest wells-pits, trying to trace the entire suite of strata left by the cultural life of ancient local residents. In addition, the researchers imagined that in the remains of the ancient clay buildings, they would doubtlessly find the actual evidence of the vital episodes depicted by the ancient written sources. This typical misconcep-

6.11.2009. Москва. Заместители
директора Государственного Музея
Востока Татьяна Христофоровна
Метакса и Тигран Константинович
Мкртычев поздравляют В.И.
Сарианиди с 80-летием.

Moscow. Tatyana Kh. Metaxa and Tigran
K. Mkrtychev (vice-directors of the State
Museum of Oriental Art) are congratulating
Victor Sarianidi to his 80th anniversary.

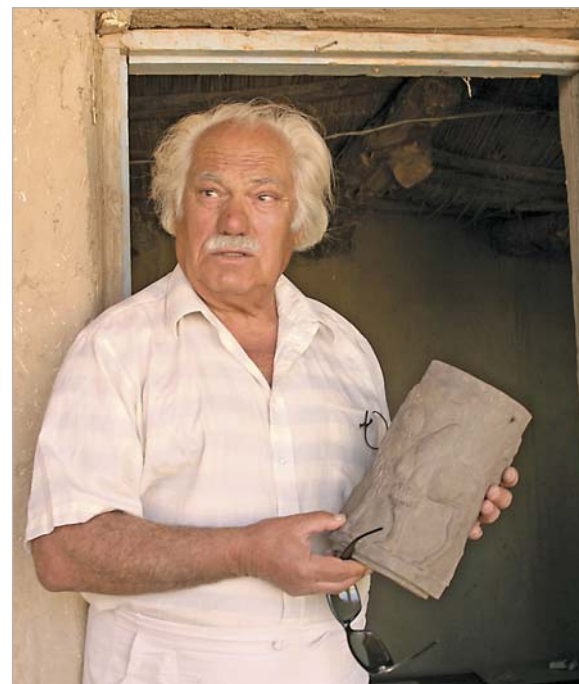


глинобитных строений они обязательно найдут фактические свидетельства тех жизненных эпизодов, которые живописали древние письменные источники. Это типичное заблуждение вечно давало себя знать: неспособность соразмерить длительность жизни типичного жилого холма-телля с краткосрочными, сиюминутными бытовыми и общественными эпизодами, которые на них случались постоянно и многократно. К тому же исследователи были европейцами, тогда еще часто мало знакомыми с условиями местной природы, бытом, обычаями, законами чужих для них стран. Все это придавало уникальность каждой раскопной кампании в Странах Древнего Востока – так привычно стало называть страны древнего культурного мира, о которых сохранились древние же письменные свидетельства.

Одним из величайших достижений при интенсификации раскопных работ, помимо установления и уточнения реальной географии, топографии, палеоэтнологии, хронологии «библейского мира», стало появление новых письменных источников, даже целых библиотек, обнаруживавшихся в развалинах древних культурных центров. Некоторые письменные памятники, по мере их дешифровки и прочтения, пополняли знания о библейской истории. Другие открывали специалистам пути в

tion always made itself known: the failure to calculate the ratio of life span of a typical residential hill with short-term domestic and public episodes that happened to them constantly and repeatedly. In addition, the researchers were from Europe, thus often unfamiliar with the terms of the local nature, life, customs and laws, all of which was foreign to them. All this made each excavation campaign in the countries of the Ancient East unique.

One of the greatest achievements of the intensification of the excavation work, in addition to establishing and clarifying the real geography, topography, palaeoethnology, chronology «of the biblical world», was the emergence of new written sources, even entire libraries found in the ruins of the ancient cultural centers. Some written records, upon being deciphered and reading, replenished the knowledge of biblical history. Others opened previously unknown ways in the field of spiritual culture and ancient history. By the end of the nineteenth century, the cultural world of the ancient East was able to show some quite distinctive and representative linguistic traditions. The most evident were Semitic and Indo-European languages in very diverse species. The former was preserved in the Bible, Phoenician, Punic, Arab texts, as well as in the languages of modern peoples of the Mediterranean, the Arabian Peninsula and the Middle East. As for the latter, the ancient similarity of lan-



1.10.2004. Гонур-депе. С недавно найденным в тайнике гробницы 3220 серебряным сосудом. Фото Анны Минтер.

Gonur Depe. With the newest find – a silver vessel from the hiding-place in the sepulture 3220. Photo by Anne Minter.

15.05.2005. Гонур-депе. На «бугорке». Направо от В.И. Сарьяниди — Н. Дубова, Э. Мурадова, А. Ниязмухамедова, О. и М. Беглиевы, К. Шадурдыев. Фото А. Нечвалоды.

Gonur Depe. On the «hubble». TO the right from Victor Sarianidi – N. Dubova, E. Muradova. A. Niyazmukhammedova, O and M. Beglievs, K. Shadurdyev. Photo by Alexey Nechvaloda.





15.05.2005. Гонур-депе.
Слева направо: К. Шадурдыев, А. Нечвалода и В.И. Сарияниди.

Gonur Depe. From the left to the right: K. Shadurdyev, A. Nechvaloda and V. Sarianidi.

неведомые ранее области духовной культуры и древней истории. К концу XIX в. культурный мир Древнего Востока уже мог демонстрировать несколько вполне самобытных и представительных языковых традиций. Наиболее ярко проявились семитская и индоевропейская речь в весьма многообразных разновидностях. Первая из них была сохранена в библейских, финикийских, пунических, арабских текстах и языках современных народов Средиземноморья, Аравийского полуострова, Ближнего и Среднего Востока. Что касается второй, то была подтверждена древняя общность языков большинства народов современной Европы, а, кроме того, уже в 80-х годах XVIII в. английский судейский чиновник в Калькутте сэр Уильям Джонс выявил связь между языками Европы и Индии. Так закладывалась новая обширная область междисциплинарных исследований – индоевропейское этнокультурное, языковое, историческое изначальное единение. А изучение ритуальных, культовых, мифологических текстов древней Индии (Веды) и Ирана (Авеста) позволило приоткрыть для современного человечества духовные истоки его собственной культуры (Массон, 1964. С. 3–8).

Казалось, бурное развитие полевой археологии в период после окончания Второй Мировой Войны урегули-

23.11.2009. г. Салоники, Греция.
На праздновании 80-летия Виктора Сарияниди в Обществе «Аргонавты Комнины». Выступает представитель местной администрации; за столом сидят Христос Галанидис, Илиас Петропулос и Виктор Сарияниди.

Thessaloniki, Greece. At the celebration of Victor Sarianidi's 80th anniversary in the «Argonauts Komnenoi» society. The representative of the local administration is speaking; Christos Galanidis, Ilias Petropoulos and Victor Sarianidi are seating at the table.



guages of most of the peoples of modern Europe was confirmed. In addition, as early as the 1780s, the English magistrate in Calcutta, Sir William Jones revealed a link between the languages of Europe and India. Thus was laid the new vast area of interdisciplinary research: the ethno-cultural, linguistic, historical original unity of Indo-European peoples. And the research of ritual, religious, and mythological texts of ancient India (Vedas) and Iran (Avesta) allowed revealing to modern humanity the spiritual origins of their own culture (Массон, 1964. С. 3-8).

It seemed that the rapid development of the field of archeology in the period after the Second World War had already settled and streamlined the problems of theory and methodology of archaeological research in the countries of ancient Oriental civilizations, but the sensational discoveries continued to happen, albeit not very often. Some of them were in conflict with the ancient written evidence (or demanded a more careful and informed reading thereof), while others caused heated debate about the chronology and synchronization of the events of antiquity that had long been considered firmly established. Even the unique artifacts, returning unexpectedly from deep half-forgotten ancient times to the modern civilized world astounded you with the grace of its shape, perfection of execution, as well as with incredible aesthetic, artistic beauty.

ровало и упорядочило уже проблемы теории, методики, методологии археологических исследований в странах древневосточных цивилизаций, но сенсационные находки продолжали, пусть и не слишком часто, случаться. Одни из них вступали в противоречие с древними письменными свидетельствами (или требовали их более внимательного и осознанного прочтения), другие вызвали бурные дебаты о хронологии и синхронизации событий древности, давно считавшихся незыблемо установленными. Да и сами уникальные артефакты, возвращающиеся неожиданно из глубокой полузабытой древности в современный культурный мир могли поражать воображение изяществом форм, совершенством исполнения, невообразимой эстетической, художественной красотой. Однако у специалистов (востоковедов, археологов, историков науки, техники, искусства и т.д.) и ценителей древней культуры возникало некоторое чувство самоуспокоенности: познание древнего мира входит в некие нормативные рамки. Дальнейшие исследования виделись уже чередой уточнений, углубленных исследований различных «темных мест» исторического процесса, устранением погрешностей прежних несовершенных методик, использованием новых инструментальных



26.04.2006. Гонур-депе. М. Беглиев, О. Папахристу и В. Сарияниди около экспедиционного домика.

Gonur Depe. M. Begliev, O. Papachristou and V. Sarianidi near the house of the expedition.



28.05.2005. Гонур-депе. А. Нечвалода (в красном) и К. Шадурдыев (рядом) с рабочими на айване экспедиционного домика.
Gonur Depe. A. Nechvaloda (in the red) and K. Shadurdyev (next to him) with workers in the aivan of the house of the expedition.



18.10.2004. Гонур-депе. За расчисткой очередного погребения.

Gonur Depe. Cleaning next burial.

способов исследований. В общем, казалось, работы могут продолжаться уже в параметрах устойчивых прочных знаний «науки о прошлом».

Но вдруг в 1970-х–2000-х годах итогом советских и российских археологических экспедиций на Востоке оказываются несколько сенсационных открытий. Кульминационными моментами их становятся особые строения, отмечавшие и структурировавшие популяционно-организационные центры бронзового века в Афганистане. Они позволили германскому ученому К. Йеттмару (Jettmar, 1981. P. 220–229) реконструировать в широтном поясе азиатских полупустынь гигантскую сплошную территорию распространения крупных круглоплановых святилищ, обозначивших, по-видимому, определенный этап популяционной консолидации¹, ведущий к формированию крупных государственных единств, собственно ранних единовластных империй, с которых начинается новый длительный и мощный этап развития гуманитарной государственности. Однако крупнейшими открытиями становятся могильник кочевой знати на холме Тиля-тепе в

¹ По всей видимости, именно его отголоски проявляются и в раннем железном веке (курган Аржан, Тува)

10.2005. Ашхабад. Виктор Иванович передает первые отреставрированные мозаичные композиции, найденные в царских гробницах Гонур-депе на хранение в Музей изобразительных искусств Туркменистана.

Слева от него – директор музея С. Мередов; справа – Н.А. Дубова и А. Ниязмухаммедова (Шайимова).

Ashgabad. Victor Sarianidi transmits first restored mosaic compositions found in the royal sepultures of Gonur Depe to storage in the Museum of Fine Arts of Turkmenistan. To the left from him – director of the museum S. Meredov; to the right – N. Dubova and A. Niyazmukhammedova (Shaiymova).



However, experts (orientalists, archaeologists, historians of science, technology, art, etc.) and lovers of ancient culture had sense of complacency: the knowledge of the ancient world was within certain regulatory frameworks. Further research was seen as a string of updates, in-depth studies of various «dark places» of the historical process, eliminating errors of the previous imperfect techniques, use of new methods of instrumental studies. In general, it seemed that work could continue in the parameters of stable solid knowledge of the «science of the past».

But suddenly, in the 1970s-2000s, Soviet and Russian archaeological expeditions at the Orient resulted in more sensational discoveries. The climax there of were special structures that marked and structured the population-organizational Bronze Age centers of Afghanistan. They allowed the German scientist K. Jettmar (Jettmar, 1981. P. 220–229) to reconstruct a giant territory of large round sanctuaries in the latitudinal belt of the Asian semi-deserts, indicating apparently a certain stage of population consolidation¹, leading to the formation of large state unities, actually early autocratic empires, which marked the beginning of a new, long and powerful stage of humanitarian statehood. However, the most important discoveries were the

¹ Apparently, its echoes manifested in the Early Iron Age (Arzhan, Tuva).

Афганистане² и гигантский комплекс престижных городских построек, монументальных сооружений самого разнообразного назначения в бассейне Мургаба в Туркменистане. Последний был обнаружен еще в 1950-х годах, а с 1980-х подвергавшийся планомерным широкомасштабным раскопкам Маргианской археологической экспедиции, которую до последних дней своей научной подвижнической жизни возглавлял один из наиболее успешных и продуктивных исследователей доисторического и раннеисторического прошлого Средней Азии проф. Виктор Иванович Сарианиди.

Конечно, возрастание объемов коллективов резко ощущаемое после активного внедрения металла в хозяйство и во все формы производственной деятельности знаменует собою переход к новым фазам общественной жизни, когда людской коллектив полностью выходит из под давления стойких разновидностей видového биологического родства и адаптируется

2 Этот гигантский комплекс престижной ремесленной продукции, восходящей ко многим азиатским производственным центрам, получил широчайший отклик в СМИ и в научной прессе большинства стран мира (например: Кошеленко, Сарианиди, 1979, 1982; Кузьмина, Сарианиди, 1982; Сарианиди, 1979, 1979а, 1980, 1981, 1983, 1983а, 1984, 1989; Сарианиди, Ходжаниязов, 1979, 1980, 1980а; Sarianidi, 1980, 1980а, 1980b, 1985; и многие другие).

nomadic elite cemetery on the hill of Tilla Tepe in Afghanistan² and a huge complex of prestigious urban buildings, monumental structures of various applications in the Murghab River Basin in Turkmenistan. The latter was discovered back in the 1950s, and since the 1980s it was subjected to systematic large-scale excavation of Margiana archaeological expedition, which, until the last days of his scientific life, was led by Victor Sarianidi, one of the most successful and productive researchers of prehistoric and early historic past of Central Asia.

Of course, the increase in the group size, noticeable after the active introduction of metal in the economy and in all forms of productive activities, marks a transition to a new phase of social life, where the human group completely freed itself of the pressure of resistant varieties of biological relationship and adapted to the structures of social organization. In the vast necropolis of Gonur, even taking into consideration the less than ideal preservation of the bone material, the phenomenon of diversity of anthropological types is expressed quite clearly (Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004, 2007).

2 This giant complex of prestigious craft products, associated with many Asian manufacturing centers, has received a wide response in the media and in the scientific press in most countries of the world (e.g.: Кошеленко, Сарианиди, 1979, 1982; Кузьмина, Сарианиди, 1982; Сарианиди, 1979, 1979а, 1980, 1981, 1983, 1983а, 1984, 1989; Сарианиди, Ходжаниязов, 1979, 1980, 1980а; Sarianidi, 1980, 1980а, 1980b, 1985; and many other publications).



29.11.2007. Москва. С дочерью Ириной и другом, кинорежиссером Христофором Триандафиловым.

Moscow. With daughter Irina and a friend, filmmaker Christophor Triandaphilov.

29.02.2008. Московский дом национальностей. Коллеги, друзья. Слева направо: Михаил Федорович Косарев, Павел Михайлович Кожин, Борис Анатольевич Литвинский, Виктор Иванович Сарианиди.

Moscow House of Nationalities. Colleagues, friends. From the left to the right: Mikhail F. Kosarev, Pavel M. Kozhin, Boris A. Litvinskiy, Victor I. Sarianidi.





29.02.2008. Московский дом национальностей. С замечательной греческой певицей Ксенией Георгиади.

Moscow House of Nationalities. With wonderful Greek singer Kseniya Georgiadi.

к структурам социальной организации общества. В огромном некрополе Гонура, даже при далеко не идеальной сохранности костного материала, это явление – разнообразие антропологических типов – оказывается достаточно ясно выражено (Бабков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004, 2007). Ясно, что такое гигантское раннегородское образование явилось результатом многообразных и разнонаправленных миграционных процессов. Сам по себе характер популяции Гонура позволяет окончательно и безоговорочно отвергнуть идею о возможности преобразования культуры местного земледельческого населения, характеризующегося распространением неукрепленных долговременных поселений, производством расписной крашенной керамики и прочей домашней и полуремесленной продукции под влиянием одних только внутренних технико-технологических процессов в культуру нарождающегося классового общества, связанную с монументальной дворцовой и оборонительной архитектурой, с массовым производством престижной продукции, использованием гончарного круга в керамическом производстве и другими признаками складывающейся высокой цивилизации. До недавнего времени постулат, подразумевающий именно такое перерождение, служил основным объяснением культурных перемен в среде населения южно-туркмен-

29.02.2008. Московский дом национальностей. Российский космонавт греческого происхождения Федор Юрчихин приветствует Виктора Сарияниди.

Moscow House of Nationalities. Russian cosmonaut Greek origin Feodor Yurchikhin greets Victor Sarianidi.



It is clear that such a huge early urban formation was the result of multiple and divergent migration. By itself, the nature of the Gonur population allows to completely reject the idea of the possibility of transforming the culture of the local agricultural population characterized by the spread of durable unfortified settlements, by production of painted ceramics and home-craft and semi-craft production into the new one of the nascent class of society, associated with the monumental palace and defensive architecture with mass production of prestigious products, the use of the potter's wheel in the ceramic industry and other signs of emerging high civilization. Until recently, postulate, implying just such a rebirth, served as the main explanation of cultural change among the population of the South-Turkmenistan foothills (compare: Массон, 1981. С. 119-131). At the same time, the specificity of anthropological types represented in the Gonur necropolis allows to obtain a clear enough idea about the areas of the Ancient Orient where some migration flows started from, to determine the ultimate composition of the mixed population inhabiting it. Characteristically, the numerous and varied imported products found at Gonur and other sites close to it in time and culture originate from the same centers that provided the inflow of migrant population.

Comparison of classical culture of Chalcolithic settlements in the piedmont strip of Turkmenistan with the Early Bronze Age cultures,

ской предгорной полосы (ср.: Массон, 1981. С. 119–131). В тоже время специфика антропологических типов, представленных в некрополе Гонура, позволяет достаточно ясно представить, из каких именно областей Древнего Востока происходили миграции населения, определившие, в конечном итоге, состав населения его смешанной популяции. Характерно, что многочисленные и разнообразные импортные изделия, находимые в Гонуре и других близких к нему по времени и культуре памятников, происходят из тех же центров, которые обеспечивали приток мигрирующего населения.

Сравнение культуры населения классических поселений неолитического времени в подгорной полосе Туркменистана с близкими по времени находками культуры раннего бронзового века, находимыми здесь же, указывает на стремительный технический и производственный прогресс. Меняется кардинально не только керамика, но и обработка металла – качественно и количественно: нарастает разнообразие ассортимента и художественно-эстетическое совершенство изделий. Такого рода процессы просто недостижимы в условиях внутреннего, без внешней технической поддержки, развития. Эти данные позволяют уверенно утверждать, что смена культуры и ее совершенствование происходили вслед-

being also found here, indicates rapid technological and industrial progress. The dramatical change concerns not only ceramics, but also metal processing, both qualitatively and quantitatively: the range and diversity of artistic and aesthetic perfection of the products increases. Such processes are simply unattainable in terms of internal development (without any external support). These data allow us to be confident that the change of culture and its improvement is due to the major movements of the population, including a large number of migrants from various areas of the Ancient East (virtually, a considerable part of the population had to move in organized masses). And one of the objectives future researches should be to determine the ratio of «free» and organized migrants in different periods of settlement and then abandoning the Murghab Oases, as their aridity increased. The very existence of consistently inhabited centers, such as Kelleli, Gonur and Togolok, should facilitate the development of technical capabilities for such calculations. And it is quite logical to assume that people left damped oases together, as well. This idea is suggested by the observations of prof. V.I. Sarianidi concerning the character of robberies of the burial plots of the «royal necropolis», where all the hiding-places were completely cleared of values. This was usual for organized abandoning places of permanent habitation. Notable examples of this kind are known from the chronicle on the abandonment of the capitals of



11.09.2005. Гонур-депе. Слева направо: М. Джуманазров, А Ниязмухаммедова, К. Шадурдыев, В. Сарияниди. Фото А. Нечвалоды.

Gonur Depe. From the left to right: M. Jumanazarov, A. Niyazmuhammedova, K. Shadurdyev, V. Sarianidi. Photo by A. Nechvaloda.

27.04.2008. Иранский археолог Джафар Мехр-Киян в гостях на Гонур-депе.

Iranian archaeologist Jafar Mehr-Kian visiting Gonur Depe.





9.08.2008. Греческий кинорежиссер Анастасис Агатис начинает съемки документального фильма про В. Сарияниди и Гонур-депе «Черные пески».

Greek filmmaker Anastasis Agathos begins to make documentary about Victor Sarianidi and Gonur Depe «Black sands».

стве крупных подвижек населения, в которые включалось значительное количество мигрантов с различных территорий Древнего Востока (практически, значительная часть этого населения должна была переселяться организованными массами). И одной из задач будущих исследований должно стать определение соотношений «свободных» и организованных мигрантов в разные периоды заселения, а потом и оставления Мургабских оазисов по мере усиления их засушливости. Уже само наличие последовательно заселявшихся центров, таких как Келлели, сам Гонур и Тоголок должно облегчить выработку технических возможностей для таких расчетов. Причем вполне закономерно предполагать, что и покидали люди затухающие оазисы коллективно. На такую мысль наводят наблюдения проф. В.И. Сарияниди над характером ограблений погребальных участков «Царского некрополя», где все тайники оказались полностью очищены от ценностей. Такая картина возникала обычно при организованном оставлении мест постоянного обитания. Яркие примеры такого рода известны из летописных сведений об оставлении столиц Ханьской династии в Китае (ср.: Gernet, 1972. P. 156–160) (Подобные факты стали накапливаться в последнее время, и их должно включать в регулярное рассмотрение и тщательный учет).

9.05.2008. Съемка одного из сюжетов для документального фильма «Черные пески».

Taking one of the scenes for the documentary «Black sands».



the Han dynasty in China (e.g.: Gernet, 1972. P. 156–160) (Such facts began to accumulate in the recent years, and they should be included in the regular review and careful consideration). It is possible that the outgoing people organized groups to inhabit small oases, hills and foothills in the south-west of the Transcaspian region, returning to forgotten rural household (Хлопин, 1997, 2002).

In connection with this conclusion, it is necessary to revise (at least partly) the issues of ratio of nomadic and agricultural communities in some areas of Central Asia. So the complete publication of archaeological sites of the settled inhabitants of the region – the large farmers' cemetery Bustan VI in Uzbekistan (Аванесова, 2014) – made the scientists pay attention to certain features of the ratio of regular filling of burial space of the fully preserved farmers' graves. Based on the configuration of the cemetery plots, memorial ceremonies could have been repeatedly committed over these graves. However, the relatively scarce Tazabag'yab/Andronovo pottery was preserved only in fragments here. Sometimes they are quite large, which may indicate that the vessels originally formed part of the funerary equipment, but further neglecting them confirms that the farmers treated the memorials of the **previously buried nomads without reverence**. These considerations allow us to assume that the farmers could have displaced the nomads in order to capture the fertile soil they needed for farming. This approach can

Нельзя исключить, что уходящее население организованными группами занимало мелкие оазисы и склоны предгорной полосы и области юго-западного Закаспия, возвращаясь к позабытому сельскому бытию (Хлопин, 1997, 2002). Т.е. население как бы следовало за убывающей, «уходящей» водой. В связи с этим выводом необходимо пересмотреть, хотя бы отчасти вопросы соотношения в отдельных районах Средней Азии кочевых и земледельческих коллективов. Так полная публикация памятника оседлых насельников края – большого кладбища земледельцев Бустан VI в Узбекистане (Аванесова, 2014) – заставила обратить внимание на определенные особенности соотношения регулярного заполнения могильного пространства полноценно сохранявшимися захоронениями земледельцев. Судя по конфигурации участков кладбища, над этими могилами могли неоднократно совершаться мемориальные обряды. Тогда как относительно немногочисленная тазабагъябско-андроновская керамика сохранилась здесь исключительно в виде фрагментов. Иногда они оказываются достаточно крупными, что может указывать на то, что сосуды первоначально входили в состав погребального инвентаря, но дальнейшее небрежное обращение с ними подтверждает, что поселенцы-земледельцы без почтения относились к ме-

dramatically change the perception of social and group relations of the two major opposing economic systems in the region.

The last problem calls for the need for greater consideration of the issues of the size and territorial distribution of the groups belonging to each of the above structures. The nomadic way of life based on animal husbandry depended directly on the admissible limit of the size of their herds and the species composition thereof. The decisive role here was played by the question of how much the cattle could damage the pastures. It affected the size and quality of the pasture, grazing peculiarities and, ultimately, the life of the nomadic pastoral groups³. Standard, compact, utilitarian equipment, household and public property, as well as the severity of the collective routines (sustainable mutual subordination of individual families and their associations in the monolithic [not in the sense of uniformity and simultaneity of all joint actions, but of their coordinated submission to a single management will] nomadic groups) – all this made nomadic groups threatening to its neighbors, especially for the agricultural population that was tied to individual plots of land during the vegetation season and the entire cycle of agricultural work. The farmers' relation with "land and water" acquires

³ The development of these problems was conducted in the early 2000s by prof. Sergey P. Polyakov from Moscow State University (personal communication). Unfortunately, they were not implemented.



11.05.2008. Байрамали. В гостях у друзей – Зои Кирилловны (в центре) и Петра Ивановича (справа от нее) Сербовых.

Bairamali. Visiting friends – Zoya Kirillovna (in the center) and Peter Ivanovich (to the right from her) Serbovs.

23.09.2009. Гонур-депе. Первые гости на 80-летем юбилее:

справа – Реджеп Джеббаров, рядом с ним – Петр Сербов.

Gonur Depe. First guests at the 80th anniversary: Rejep Jepbarov (right) and Peter Serbov (next to him).





13.09.2009. Гонур-депе. За изучением фрагментов керамики на новом раскопе.

Gonur Depe. Studying of sherds at a new excavation area.

мориалам **ранее захороненных кочевников**. Эти соображения позволяют допускать, что земледельцы могли вытеснять кочевников в целях захвата плодородных земель, необходимых им для ведения хозяйства. Такой подход может резко изменить представление о социально-групповых отношениях в регионе представителей двух основных противостоящих хозяйственных укладов.

Последняя проблема вызывает необходимость более широкого рассмотрения вопросов о размерах и территориальном размещении коллективов, принадлежащих к каждому из указанных укладов. Кочевой быт, основанный на животноводстве, испытывал прямую зависимость от допустимых предельных размеров своих стад и их видового состава. Здесь решающая роль отводилась вопросу о том, какой ущерб мог наносить соответствующий скот пастбищам. От этого зависели размеры и качество пастбищ, особенности пастьбы и в конечном итоге сам образ жизни пастушеско-кочевых коллективов (ср.: Масанов, 1995).³ Стандартность, компактность, утилитарная целесообразность снаряжения, бытового и общественного имущества

³ Нереализованные, к сожалению, разработки этих проблем в начале 2000-х годов проводились проф. МГУ С.П. Поляковым (устное сообщение).

10.10.2006. На Гонур-депе приехали гости с экскурсоводами.

Gonur Depe. Guests with guides came to Gonur Depe.



an entirely different sustainable character, compared to the nomadic lifestyle. Tied to certain localities due to economic needs, the need to defend themselves and their herds against attacks, farmers were forced to use a very considerable amount of all kinds household inventory, create long-term buildings, which required special engineering knowledge and meticulous construction practice. Along with the expansion of economic objectives, intensified the specialization of activities and the need to increase the composition of adult working population. One can say confidently that the economic activity and the very lifestyle of the farmers oriented their communities to organize **complex societies**, where problems of family relations gradually recede into the background, giving way to the primacy of the public official hierarchy needed for an integrated economy.

Freed from the thousand-year-surface strata, Gonur Depe (it's hard to call the gigantic monumental structures "the ruins", for the height of the walls could once reach eight meters) revealed a palace complex that united for centuries the vast expanses of the ancient Margiana, its oases, gardens, ponds, river beds and channels and established close ties with most of the cultural centers of Ancient Orient. The very nature of migration relations of this cultural center, named ВМАС (Bactria-Margiana Archaeological Complex) among the professionals, indicates that here many languages of the Ancient Orient might have been spo-



15.09.2009. Гонур-депе. Сестра Инна (стоит за спиной) и племянница Ника (сидит рядом) приехали «проверить» как идут раскопки. Крайние слева – Ольга и Мухаммед Беглиевы, справа от них – Владимир Куфтерин и Мердан Джуманазаров.

Gonur Depe. Sister Inna (stands behind) and niece Nika (sitting next to) came to «check» as excavations go. Olga and Mukhammed Beglievs (leftmost); Vladimir Kufterin and Merdan Jumanazarov (right from them).

коллектива, строгость коллективных распорядков (устойчивое взаимное соподчинение отдельных семей и их объединений в монолитных [не в смысле единообразия и одномоментности всех совместных акций, а их согласованного подчинения единой управляющей воле] кочевых коллективах) – все это делало кочевые группы опасными для соседей, особенно для земледельческого населения, привязанного к отдельным участкам земли периодами вегетации культурной растительности и всем

ken. The discoverer of this ancient paradise oasis (what could be more beautiful than the fertile oases of Asian deserts!) thanks to his prophetic intuition, Victor Sarianidi noted elements of Protozoroastrianism in the local culture, and linguists don't reject the possibility of the ancient Iranian language having been widespread here (История древнего Востока, 2004. С. 215, 216). The mix of languages, ethnic and cultural elements is quite a permissible and justified phenomenon on the far outskirts of the Ancient Oriental cultural world.

But this particular marginal environment established on the basis of older Chalcolithic civilization, which is still difficult to express any findings on the ethnic and linguistic affiliation of its carriers. The only thing that is evident is that this environment was powerful, resilient and highly authentic. It managed to transmit its unique identity to the cultures of the Near and Middle East peoples. It gave the newly developed culture a powerful charge of identity and assisted to the irradiation of many features of this culture, in fact secondary civilization (Кожин, 2004. С. 85–86), on the vast expanses of the Asian continent. Thus, the Margiana ceramic complex with complicated forms of circular ceramic profiles implemented on the territory of Kazakhstan. Med-brick architecture in the Bronze Age came near to the Urals. Varieties of metal jewelry and casting products of quite complicated shapes get distributed throughout the territory of Siberia. Particularly

9.10.2010. Гонур-депе. В. Сарияниди обсуждает с Максатом Амановым реконструкцию царской гробницы.

Gonur Depe. V. Sarianidi discusses the reconstruction of the royal tomb with Maksat Amanov.





21.06.2013. Москва. Писательница
Галина Долгая в гостях у археолога.

Moscow. Writer Galina Dolgaya visiting
archaeologist at home.

циклом сельскохозяйственных работ. Связь земледельцев с «землей и водой» приобретает совершенно иной устойчивый характер по сравнению с бытием кочевников. Привязанные к определенным местностям жители в силу хозяйственных потребностей, необходимости самозащиты от нападений (в том числе и стадных травоядных животных), ради организации комфортного быта и т.п. вынуждены использовать очень значительный объем всевозможного бытового и хозяйственного инвентаря, создавать долговременные постройки, требующие специальных инженерных знаний и упорной строительной практики. Вместе с расширением хозяйственных забот усиливается специализация видов деятельности и возрастает необходимость в увеличении состава взрослого трудоспособного населения. С большим основанием можно говорить, что хозяйственная деятельность и сам образ жизни земледельцев ориентирует их коллективы на организацию **комплексных обществ**, где проблемы родственных отношений понемногу отступают на второй план, уступая первенство общественной должностной иерархии, необходимой для ведения комплексного хозяйства.

Освобожденные от тысячелетних поверхностных напластований постройки (трудно назвать развалинами эти гигантские монументальные строения, высота стен которых могла

24.06.2013. Москва. Дома с Русланом
Мурадовым и Робертом Сатаевым.

Moscow. At home with Ruslan Muradov
and Robert Sataev.



striking are the miniature portraits of ancestors in the middle Yenisei (Кожин, 2013. С. 28–34). Short-legged quadrangular small clay altars (Хлопин, 2002. С. 201, 203, 210, 217, 218, 223, 228–230 et al.) (walls of their box-containers, decorated with bas-reliefs of rams' heads and numerous snake bodies) are the prototypes of *Ding* bronze cauldrons, which later became the main shrines of the early Chinese provinces. China also inherited the metal pins with massive shaped tops that often depicted entire sculptural genre scenes. They become China's most typical types of fasteners intended for fastening two panels and other reliable fastenings.

Shapes and technology of manufacturing compartment seals and images on them, which appeared in BMAC were one of its major features, spread far to the East and preserved their "general look" in the still not fully understood complex of the so called Ordos Bronzes (Internal Mongolia, China), where a lot of other features of the Middle East and Central Asian arts by means of Saka culture can be traced (Артамонов, 1973; Ma Liqing 2005). Unfortunately, despite the large amount of work, the influence of the southern cultural impulses on the art of the Scythians and later steppe nomads is not studied thoroughly. And the BMAC materials, especially the discoveries made by Victor Sarianidi, their careful study, undoubtedly can provide rich food for all sorts of comparisons.

некогда достигать восьми метров) Гонур-депе предстали перед нашими современниками именно как дворцовый комплекс, объединивший на столетия вокруг себя гигантские просторы древней Маргианы, ее оазисы, сады, речные русла пруды и каналы, установивший тесные связи с большей частью центров культурного мира Древнего Востока. Сам характер миграционных связей этого культурного центра, проходящего среди специалистов под условным наименованием БМАК (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), свидетельствует, что в этих краях могла звучать речь многих народов Древнего Востока. Первооткрыватель этого древнего райского оазиса (что может быть прекраснее плодородных оазисов Азиатской Пустыни!) проф. В.И. Сарияниди своим провидческим чутьем уловил в представленной здесь культуре протозороастрийские элементы, и лингвисты не отвергают возможности распространения здесь древнейшей иранской речи (История древнего Востока, 2004. С. 215, 216). Смешение языков, народностей, этнокультурных элементов вполне допустимое и оправданное явление на данной отдаленной окраине древневосточного культурного мира.

Но эта особая маргинальная среда утвердилась на базе более древней энеолитической цивилизации, по поводу ко-

All professionals involved in the study of life of the countries, peoples and the centers of the Ancient Orient, inevitably wonder about the possibility of finding written evidence within their field-work area and monuments thereof. Many narrow-minded experts are beginning to wonder about the «inferiority» of the cultures where written records have not been found. However, current knowledge about the standard of Oriental urban cultures allows us to approach to this topical issue more efficiently. When monuments show standard urban architecture with dedicated monumental buildings, symbolizing the high authority of the city founders and their heirs; when the operating culture of the population of these centers reaches the level of centralized crafts; when city is centuries old, and the originally planned structural features are not violated by any splashes of other inappropriate types of buildings, spoiling the harmony and expediency (and, as a consequence, the functionality of the original form) of the original design and its construction implementation, local written evidence findings must be not only probable, but also expected. Even if the substrate local culture was unwritten (in this case, the field of possible searches of written evidence narrows drastically: their findings may be concentrated in the areas of placement of the governing unit) a certain number of literate people from among migrants had to be present as traders, politicians, soldiers, construction workers etc.



Аэрофотография центральной части Гонур-депе. Вид с северо-востока. Справа – парадные залы дворца, слева – комплекс келий, по периметру – двойная стена кремля. Фото Гургена Давтяна.

Air photo of the central part of Gonur Depe from the North-East. Parade (official) halls of the palace (on the right); «complex of kilyas» (on the left); double wall of the Kremlin (on the perimeter). Photo by Gourguen Davtian.

17.09.2004. Гонур-депе. Н. Чудновская и М. Беглиев расчищают мозаичную композицию в царской гробнице 3210.

Gonur Depe. N. Chudnovskaya and M. Begliev are cleaning mosaic composition in the royal sepulture 3210.





10.10.2004. Гонур-депе. Рабочие Маргианской экспедиции на краю погребения 3225, в котором находилась четырехколесная повозка.

Gonur Depe. Workers of Margiana archaeological expedition are seating on the edge of the tomb 3225 where there was four-wheel wagon.

торой пока еще трудно высказать какие-то строго обоснованные соображения в связи этнической и языковой принадлежностью ее носителей. Ясно лишь, что среда эта была мощной, жизнестойкой и в высокой степени самобытной. Она сумела передать свое уникальное своеобразие надвигающейся на нее культуре ближне- и средне-восточных народов. Она вдохнула в эту вновь освоенную культуру мощный заряд самобытности и способствовала иррадиации многих особенностей этой культуры, фактически вторичной цивилизации (Кожин, 2004. С. 85–86), на широчайшие просторы Азиатского материка. Так маргианский керамический комплекс со сложными формами профилей круговой керамики внедряется на территории Казахстана. Сырцовая архитектура в бронзовом веке приближается к Уралу. Разновидности металлических украшений и литых изделий достаточно сложных форм распространяются по всей территории Сибири. Особенно ярким проявлением связей оказываются портретные миниатюры предков на среднем Енисее (Кожин, 2013. С. 28–34). Глиняные четырехугольные алтарики на невысоких ножках (Хлопин, 2002. С. 201, 203, 210, 217, 218, 223, 228–230 и др.) (стенки их ящичных емкостей, украшены барельефами бараньих голов и многочисленными извивами змеиных тел), оказываются прообразами бронзо-

28.09.2009. Гонур-депе. Лагерь экспедиции. За расчисткой «дарохранильницы», украшенной мозаикой из царской гробницы 3880.

Gonu Depe. Camp of the expedition. Cleaning the «ostensory» decorated with mosaics from the royal sepulture 3880.



However, in the antiquity there was a very special attitude towards writing. Some peoples, until recently, and even today, consider the written culture a sacred gift that requires especially careful attention and storage. In China, it was impossible to throw paper with written characters carelessly. It had to be burned on special altars located on the town square. A lot of historical knowledge, characterizes the Middle Ages, obtained in the study of ancient written documents, carefully stored in special storage facilities (Geniza) inside the ancient Jewish synagogues. Writing can become the symbol of culture, the way it happened to the Cyrillic alphabet with the Slavs, Arabic writing with the Muslims, etc. Therefore, it is possible that, leaving Gonur, educated residents took all the written documents along. And their presence is confirmed and by the Harappan and the ancient Akkadian seals found at Gonur.

It is impossible to neglect the following feature of the huge monument (not only in volume but also in its diversity of materials extracted in less than half a century by Russian and Turkmenian experts). Most of them in general confirm what was known about the culture of the Bronze Age people prior to these studies. It is, in particular, the base of the already mentioned concept of development of ceramic production under the only influence of the internal technical and technological processes. The reason for this is the fact

вых котлов–динов, ставших главными святынями ранних китайских провинций. В Китай также попадают металлические булавки с фигурными массивными навершиями, часто передающие целые скульптурные жанровые сцены. Они становятся в Китае наиболее типичными видами застежек, предназначенных для скалывания двух полотнищ и других надежных скреплений.

Формы, технология изготовления перегордчатых печатей, и изображения на них, появившиеся именно в БМАК и являвшиеся одной из наиболее характерных его черт, распространились далеко на восток и сохранились «общий облик» в до сих пор не до конца понятном комплексе так называемых Ордосских бронз (Внутренняя Монголия, КНР), в которых посредством культуры саков, прослеживается немало и других черт ближневосточных и среднеазиатских культур (Артамонов, 1973; Ma Liqing 2005). К сожалению, пока, несмотря на большое число разработок, незначительно изученным остается влияние южных культурных импульсов на искусство скифов и более поздних кочевников степей. И, думается материалы БМАК, прежде всего открытия В.И. Сарияниди, их тщательное изучение, бесспорно могут дать богатую пищу для разного рода сопоставлений.

that Gonur (and Margiana in general) ceramics belong to Namazga V and VI (Удемурадов, 1993; Пьянкова, 1994; Кирчо и др., 2008; Udeumuradov, 2002). But except for «the bulk», there are multiple samples that are similar to very different cultures, such as the culture of the Indus valley, the Hissar culture of the South Caspian, Kerman, Northern Mesopotamia and others. And one can hardly limit the explanation therefor to trade and exchange processes. Even less serious-looking are the attempts to explain the appearance of mosaics of very similar plots and style in Gonur and (though at a later time) and in the Syrian Mari palace (compare: Akkermans, Schwartz, 2003 and Сарияниди, 2010. С. 23, 59, 79; Сарияниди, Дубова, 2013. С. 384) exclusively through cultural contacts.

The real migration of population, the volume of which, however, cannot yet be assessed, are confirmed by paleoanthropological data. The research in Gonur Depe, on the one hand, completely confirmed the conclusion of Lev V. Oshanin back in 1920 and then replicated by many researchers, about the distribution in southern Turkmenistan, as well as in other regions of southern Middle Asia, of dolichocephalic (long-headed) and high-faced population (so named East-Mediterranean anthropological variant). On the other hand, it also confirmed the idea of Tatyana A. Trofimova about presence of an anthropological component, similar to those characteristic of the Indus valley, in



30.09.2009. Гонур-депе. Часть керамических изделий, найденных за полевой сезон.

Gonur Depe. A part of the pottery found during one field season.

Гонур-депе. Знаки на керамике.

Gonur Depe. Marks on the sherds.





14.10.2004. Гонур-депе.
М. Халмаммедов разбирает
погребальные приношения (в том
числе из слоновой кости) в погр.
3245.

Gonur Depe. M. Khalmammedov
disassembles funeral offerings (including
ivory ones) in the tomb 3245.

Каждый специалист, связанный в своей работе с изучением жизнедеятельности стран, народов и центров Древнего Востока, неизбежно задается вопросом о возможности находок письменных свидетельств на изучаемой им при полевых работах территории и ее памятниках. Многие недалекие специалисты начинают задумываться об «ущербности» тех из изучаемых культур, где письменные памятники не обнаружены. Однако современные знания о стандартных городских культурах Востока позволяют подходить к этому актуальнейшему вопросу более рационально. Когда в памятниках представлена стандартная городская архитектура с выделенными монументальными постройками, символизирующими высокие властные функции строителей городов и их наследников; когда производственная культура населения таких центров достигает уровня централизованного ремесла; когда жизнь городов длится веками и их первоначально намеченные структурные особенности не нарушаются никакими вкраплениями других неподобающих видов застройки, уродующих стройность и целесообразность (а, как следствие, и функциональность первоначальных форм) первоначального замысла и его строительного воплощения, – то находки местных письменных свидетельств должны быть не только вероятны, но и ожидаемы. Даже если субстратная

Гонур-депе. Терракотовая фигурка из
пом. 108 на раскопе 9.

Gonur Depe. Terracotta figurine from the
room 108 on the excavation area 9.



the Bronze Age population of the region (Трофимова, 1961; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 44). But most importantly, as noted by a large group of anthropologists, at Gonur, unlike all previously studied sites of all the south of the Central Asian region, male brachycephalic skulls were registered. At the same time, in accordance with the general biological laws, women are always more brachycephalic than men. This indicates that the population is to a certain extent represented by migrants from the Middle East, where brachycephalization was noted much earlier than in other areas (Babakov et al., 2001. P. 230–231).

The accumulation of this type of evidence allowed to maintain that the whole vast region of ancient civilizations, spanning the area from Anatolia in the west to the Hindu Kush in the east and from the Kara-Kum desert in the north to the Arabian desert to the south, was embroiled in a «great transformation» of major Neolithic centers into urban settlements (Salvatori, Tosi, 1997. С. 122–123). It should be emphasized that it is not about “kulturtraegerizm” in the old sense of the word. Cultural and technological innovations arising in one part of the space interact with local centers during their distribution. And where these innovations, as if they were valuable seeds, «fell on fertile soil», i.e. the local culture had already reached a high level of development, so that advanced innovations could most effectively not only be perceived, but also be the catalysts for development, such cen-

местная культура была бесписьменной (в этом случае резко сужается поле возможных поисков письменных свидетельств: их находки могут быть сосредоточены в пунктах размещения управляющего аппарата) определенное количество грамотных людей из числа мигрантов должно было присутствовать в качестве торговцев, политиков, воинов, строителей и т.п. Однако древность отличалась совершенно особым отношением к письменности. У некоторых народов до недавнего времени, и даже поныне, письменная культура представляется священным даром, требующим особо бережного внимания и хранения. В Китае нельзя было небрежно бросать бумагу с письменными знаками. Ее надо было сжигать на специальных алтарях, располагавшихся на городских площадях. Много исторических знаний, характеризующих развитое средневековье, получено при изучении древних письменных документов, бережно сохраненных в специальных хранилищах (генизах) при древних еврейских синагогах. Письменность может стать символом культуры, как это произошло у славян с кириллицей, у мусульман с арабским письмом и т.п. Поэтому не исключено, что, покидая Гонур, грамотные жители захватывали и все письменные документы. А наличие их подтверждено и хараппской и древнеаккадской печатями, найденными на Гонуре.



25.10.2011. Гонур-депе. Глиняная антропоморфная фигурка из пом. 161 раскопа 18.

Gonur Depe. Clay anthropomorphic figurine from the room 161 on the excavation area 18.

ters as Margush are born. Just like a few thousand years later in the medieval Merv (and similar «nodal points» of the Great Silk Road), an important factor contributing to the rapid advancement of various technologies, a common culture, art, philosophical concepts, of course, was the fact that the area was an important intersection of various roads. This gave the opportunity for the representatives of remote communities to meet and share their achievements, and then carry them further apart.

This view of civilizational development processes could be stated, first of all, thanks to the new data from the large-scale excavations in the ancient delta of the Murghab River, on the one hand, and on the other, due to Victor Sarianidi's thorough analysis of all available material to identify similarities in the huge space delineated above. It should be added that the number of parallels that he observed in the late 1960s increased repeatedly in the recent years. We can be sure that the expansion of archaeological work in Anatolia, the Transcaucasian region, Kerman, Afghanistan, the Persian Gulf, in southern Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan, will bring a lot of new evidence of the processes of this kind, and, most likely, will provide an opportunity to identify new important centers like Margiana.



P.M. Kozhin, N.A. Dubova

Тоголок 1. Фрагмент каменной миниатюрной колонки из пом. 20

Togolok 1. Fragment of the stone miniature column from the room 20.





Гонур-депе. Скульптурная реконструкция мужчины по черепу из погр. 2380. Работа Е.В. Веселовской.

Gonur Depe. Sculpture reconstruction by the male skull from the tomb 2380. Work by E.V. Veselovskay.

Нельзя не обратить внимания и на такую особенность огромного не только по объему, но по своему разнообразию материалов, извлеченных менее чем за полвека отечественными специалистами. Значительная их часть в целом подтверждает то, что было известно о культуре населения эпохи бронзы до этих исследований. Именно на этом, в частности базируется уже упомянутая концепция развития керамического производства под влиянием только внутренних технико-технологических процессов. Основанием этому является принадлежность массы гонурской (и маргианской в целом) керамики комплексу Намазга V и VI (Удеумурадов, 1993; Пьянкова, 1994; Кирчо и др., 2008; Udeumuradov, 2002). Но, кроме «основной массы» имеются опять же не единичные, а множественные образцы, имеющие совсем другие аналогии – с культурой долины р. Инд, с гиссарской культурой Южного Прикаспия, с Керманом, Северной Месопотамией и др. Причем вряд ли можно признать обоснованным объяснение их только торговыми и обменными процессами. Еще менее серьезными выглядели бы попытки объяснить появление очень сходных не только по сюжетам, но и по стилистике изображений мозаик на Гонуре и (отметим несколько в более позднее время) на таком сирийском памятнике как дворец Мари (ср.: Akkerman, Schwartz, 2003 и Сарияниди,

Библиография

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: «Искусство». 1973. 280 с.
2. Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе [Babakov et al. Human skeletal remains from the necropolis of Gonur-Depe] // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132. [Р. 219–240].
3. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
4. Захаров А.О. Рецензия на: Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаилов В.А. Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М.: Институт археологии РАН, 2014. 164 с., ил. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 180–185.
5. История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М.: Вост. лит., 2004. 895 с.: илл., карты. М., 2004
6. Кирчо Л.Б., Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб, 2008.
7. Кожин П.М. Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. М., 2004.
8. Кожин П.М. Древнейший портрет на Енисее // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1(5). Абакан, 2013.
9. Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаилов В.А. Археология Афганистана в дни мира и войны. М.: Институт археологии РАН, 2014. 164 с., ил.

2010. С. 23, 59, 79; Сарияниди, Дубова, 2013. С. 384) исключительно культурными контактами.

Наличие реальной миграции населения, объемы которой, однако, пока не могут быть оценены, подтверждается данными палеоантропологии. Именно исследования на Гонур-депе, с одной стороны, полностью подтвердили вывод, сделанный еще Л.В. Ошаниным в 1920-х годах и затем тиражировавшийся многими исследователями о распространении в Южном Туркменистане как и в других регионах юга Средней Азии долихокефального, узко-высоколицего населения (т. наз. восточно-средиземноморского антропологического варианта), с другой – поддержали идею Т.А. Трофимовой (1961; Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 44) о присутствии в составе населения эпохи бронзы региона антропологического компонента, сходного с таковым, характерным для долины р. Инд. Но самое важное, как было отмечено целой группой антропологов, на Гонуре, в отличие от всех ранее изученных памятников всего юга среднеазиатского региона, впервые зафиксированы брахикефальные черепа, причем мужские. В то же время, в соответствии с общими биологическими закономерностями, женщины всегда более брахикефальны, чем мужчины. Это является свидетельством того, что популяция в определенной степени представлена мигрантами с Ближнего



Гонур-депе. Скульптурная реконструкция женщины по черепу из погр. 3401. Работа А.И. Нечвалоды.

Gonur Depe. Sculpture reconstruction by the female skull from the tomb 3401. Work by A.I. Nechvaloda.

10. Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И. Два головных убора из погребений Тилля-Тепе и их семантика // КСИА. 1982. Вып. 170. М. С. 19-27.
11. Куфтин Б.А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау» // Известия Академии наук Туркменской ССР. 1954. N 1. С. 22–29.
12. Лубоцкий А. Кто были жители Гонура, и на каком языке они говорили? // На пути открытия цивилизации. СПб: Алетейя, 2010. С. 18–22.
13. Масанов Н.Э. Кочевая Цивилизация казахов. Основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы, 1995. 320 с.
14. Массон В.М. Алтын Деде. Л.: Наука, 1981. 176 с.
15. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964. 467 с.
16. Марущенко А.А. Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1. М.; Ашхабад, 1939. С. 101.
17. Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Кушанский город Бактрии (По результатам работ Советско-Афганской археологической экспедиции) // Вестник древней истории. 2014. № 1(288). С. 24–45.
18. Пьянкова Л.Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Российский этнограф. Вып. 21. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 135–158.
19. Сарияниди В.И. Царский некрополь в Северном Афганистане // Вестник АН СССР. 1979. № 7. С. 76–88.
20. Сарияниди В.И. Золото безымянных царей // Вокруг Света. 1979а. №7(2466), июль. С. 16–18.
21. Сарияниди В.И. Сокровища безымянных царей // Курьер ЮНЕСКО. 1980, январь. С. 29-32.
22. Сарияниди В.И. Сокровища Золотого холма (на греч. яз.) // Antropos. 1981. №4.
23. Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983 г. 160 с.
24. Сарияниди В.И. Сокровища Золотого холма // Наука и человечество. М., 1983а. С. 64–80
25. Сарияниди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М.: Мысль, 1984 г. 176 с.



Гонур-депе. Серебряная печать из погр. 570. Фото К. Самурского.

*Gonur Depe/ Silver seal from the tomb 570.
Photo by K. Samurskiy.*

Востока, где процесс брахикефализации отмечается намного ранее, чем на других территориях (Бабаков и др., 2001. С. 120).

Накопление такого рода свидетельств позволило говорить о том, что весь обширный регион распространения древних цивилизаций, охватывающий территории от Анатолии на западе до Гиндукуша на востоке и от Каракумов на севере до Аравийской пустыни на юге, был втянут в «Великую трансформацию» основных неолитических центров в городские поселения (Salvatori, Tosi, 1997. С. 122–123). Следует подчеркнуть, что здесь не идет речь о «культуртрегерстве» в старом смысле этого слова. Культурные и технологические новации, возникающие в одной из частей этого пространства, при своем распространении вступают во взаимодействие с локальными центрами. И в тех из них, где эти новации, как ценные семена, «попали на плодородную почву», т.е. сами местные культуры достигли высокого уровня развития, и прогрессивные новшества могли с максимальной эффективностью не только быть воспринятыми, но и явиться катализаторами развития, возникают такие центры как страна Маргуш. Там, как на несколько тысяч лет позднее и в средневековом Мерве (и в подобных «узловых пунктах» Великого Шелкового Пути), важным фактором, способствовавшим бурному прогрессу разнообразных технологий, общей культуры, искус-

26. Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе / Отв. ред. Кошеленко. М.: Наука, 1989. 236 с.
27. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры [Long before Zaratushtra]. М.: Старый сад, 2010. 200 с., илл.
28. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур Деде (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 379–413.
29. Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Царский некрополь античного времени на поселении Тилля-тепе // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 74–75.
30. Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. М., 1982. С. 307–318.
31. Сарияниди В.И., Ходжаниязов Т. Сокровища холма Тилля-тепе // Памятники Туркменистана. 1979. № 2(28). С. 13–17 (на рус. и туркм. яз).
32. Сарияниди В.И., Ходжаниязов Т. Продолжение работ на Тилля-тепе // КСИА. 1980. Вып.162. М. С. 109–118.
33. Сарияниди В.И., Ходжаниязов Т. Раскопки царского некрополя в древней Бактрии // Известия АН Туркменской ССР. 1980а. Сер. обществ. наук. № 4. С. 41–51.
34. Трофимова Т.А. Черепа из могильника газабгабьской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. (Материалы ХАЭЭ. Вып. 5). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 97–146.
35. Удеумуратов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана (связи, хронология, происхождение). Ашхабад: Ылым, 1993. 147 с.
36. Akkermans P.M.M.G., Schwartz G.M. The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (c. 16000–300 BC). Cambridge University press, 2003.

ства, мировоззренческих концепций, безусловно, явился тот факт, что та территория оказалась важным перекрестком разнообразных путей. Это давало возможность представителям удаленных сообществ встречаться в одном месте, обмениваться своими достижениями, а затем нести их далее в разные стороны.

Подобный взгляд на процессы цивилизационного развития мог быть сформулирован, прежде всего, благодаря тем новым данным, которые дали крупномасштабные раскопки в древней дельте р. Мургаб, с одной стороны, а с другой – внимательный анализ В.И. Сарианиди всего доступного ему материала на предмет выявления аналогий на огромном, очерченном выше пространстве. К этому следует добавить, что число параллелей, которые он отмечал еще в конце 1960-х годов, в последние годы многократно увеличились. Можно уверенно говорить, что расширение археологических работ в Анатолии, Закавказье, Кермане, Афганистане, в районе Персидского залива, в южных областях Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана принесет немало новых свидетельств процессов именно такого рода, и, скорее всего, даст возможность выявить и новые яркие центры, подобные Маргиане.

П.М. Кожин, Н.А. Дубова



Тиллятепе. Фрагмент золотой рукоятки кинжала из погр. 4.

Tillya Tepe. Fragment of the golden handle of dagger from the tomb 4.

37. Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Сарианиди / Ред.: Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 317–336.
38. Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, Kapon Editions, 2007. P. 296-329.
39. Gernet J. Le monde chinois. Paris: Librairie Armand Colin, 1972.
40. Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 220–229.
41. Ma Liqing. The Original Xiongnu. An Archaeological Exploration of the Xiongnu's History and Culture. Hohhot: Inner Mongolia University Press, 2005.
42. Sarianidi V.I. Die Schätze der Kuschanen Könige // Afghanistan Journal. 1979. № 4. Graz.
43. Sarianidi V.I. Ancient Gold from the Melting-pot of Central Asia // The Courier the UNESCO. December, 1979a.
44. Sarianidi V.I. Die Schätze des «Golden Hugel» // Das Altertum. 1980. Bd 26.
45. Sarianidi V.I. The Treasure of Golden Hill // Am. J. of Archaeology. 1980a. Vol. 84. № 2. P. 125–131. Pl. 17–21.
46. Sarianidi V.I. Le Tombe Regali della «Collina d'oro» // Mesopotamia. 1980b. Vol. XV. P. 5–18.
47. Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Leningrad: Aurora, 1985 r. 260 p. (in English, German, French).
48. Udeumuradov B.N. Ceramic material from Gonur-depe necropolis // Margiana. Gonur-depe. Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre / ed. G. Rossi-Osmida. Venice: Il Punto Edizioni, 2002. P. 133-143.

В.Н. Пилипко

Институт археологии РАН, г. Москва

За барханами не только прошлое, за барханами — жизнь

Первую свою научно-популярную книгу Виктор Иванович Сарияниди назвал «За барханами – прошлое» (Сарияниди, Кошеленко, 1966. Фактически это две книги под одной обложкой) и это название стало провидческим, судьбоносным. В юношеские годы, движимый любопытством, он заглянул за каракумские барханы, и очарованный увиденным, провел в пустыне значительную часть своей жизни. И теперь раскопанный им Гонур можно воспринимать не только как остатки далекого исторического прошлого, но и как памятник неистребимому человеческому стремлению к познанию. Возрожденный из небытия Гонур, это в значительной степени продукт творческого и физического труда В.И. Сарияниди, поэтому его долгая жизнь в науке представляет самостоятельный интерес.

Она достаточно четко разделяется на три периода. Самым трудным был первый – время становления его как ученого. В 1952 г. после окончания Среднеазиатского государственного университета он по распределению был направлен в Самарканд, город славный своим историческим прошлым, но в то время совершенно неразвитый, как археологический научный центр. В областном музее с его скромным бюджетом по остаточному принципу совершенно не было возможности заниматься самостоятельными археологическими исследованиями. Да и сердце Виктора Ивановича уже было отдано Туркмении. Работая в Самарканде, он продолжал

ездить в Туркменистан, где принимал участие в изучении памятников эпохи раннего железа и поздней бронзы в составе археологической группы под руководством В.М. Массона. Объектами исследования были ныне широко известный, но до сих пор загадочный, Яз-депе и памятники эпохи поздней бронзы у колодцев Тахирбай и Аравали. Затем он принимает активное участие в раскопках Геокюрского оазиса. Именно эти исследования сделали его имя известным в профессиональной среде.

Коллегами он стал восприниматься как серьезный специалист по энеолиту Средней Азии. Он создает несколько интересных статей на эту тему, в рамках серии «Свод археологических источников» подготавливает обстоятельную работу о памятниках позднего энеолита Южного Туркменистана, которая до сих пор является добротной основой для исследований в этой области (Сарияниди, 1965). Конечным итогом всей этой деятельности стала защита в 1963 г. кандидатской диссертации на тему «Древнеземледельческие племена Юго-Восточного Туркменистана». Этим он подтвердил свою высокую квалификацию как ученый, но организационной самостоятельности пока не имел. Все эти исследования проводились в рамках деятельности XIV отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР (ЮТА-КЭ), возглавляемого В.М. Массоном, и соответственно где и как копать определялось не самим В.И. Сарияниди, а руководителем экспедиции.



Вся жизнь впереди. Самарканд, 1950-е годы.

Его тянуло продолжать работы в Маргиане, но ему было предложено начать исследование на Улуг-депе. Это один из крупнейших памятников Туркменистана, его площадь достигает 13 га, высота 30 м, длительностью своего функционирования он затмевает даже Намазгу. Виктор Иванович храбро бросается на эту «цитадель», но средств, выделяемых его группе, явно было недостаточно для постижения сложной истории этого археологического гиганта.

В эти же годы перед В.И. Сарияниди открываются новые возможности. В недрах Академии наук и других правительственных структур зреет план создания Советско-Афганской археологической экспедиции. В ней В.И. Сарияниди как специалисту по Средней Азии в ранге заместителя начальника было предложено сосредоточиться на сплошном разведывательном изучении памятников Северного Афганистана с уделением особого внимания поиску остатков древнеземледельческих культур, и Виктор Иванович блестяще справился с возложенными на него задачами. На экспедиционном «уазике» он исколесил весь Северный Афганистан и открыл до того неведомые здесь памятники эпохи бронзы и раннего железа.

Советско-Афганская экспедиция обладала мощными ресурсами, и Виктор Иванович имел возможность не только обнаружить эти памятники, но и произвести их широкие раскопки. Итогом этой активной работы стали — защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (1975 г.) и книга «Древние земледельцы Афганистана» (1977). В тот период Виктор Иванович искренне считал, что он уже добился всего, что мог, и полностью реализовал себя, как ученый. Об этом он, напри-



Обложка книги «За барханами – прошлое».

мер, говорил мне с И.С. Масимову во время дружеских вечерних бесед в 1977 году на одном из советско-французских симпозиумов в Душанбе. Но оказалось, что это совсем не так. Он слишком скромно оценил свои возможности.

В 1978 г. начальник экспедиции И.Т. Кругликова по каким-то причинам не поехала в Афганистан, и в этот сезон В.И. Сарияниди принял на себя обязанности руководителя всей экспедиции. Основным объектом раскопок в то время было городище Дильберджин, расположенное неподалеку от Шибергана, и Виктор Иванович, естественно, должен был находиться на главной базе экспедиции. Но чтобы не остаться без работы по собственной теме, он решил провести контрольные раскопки на небольшом поселении Тилля-Тепе, представляющем эпоху раннего железа. Эта попытка привела к неожиданным результатам. Оказалось, что через несколько сотен лет после гибели этого поселения, его руины стали местом захоронения группы знатных лиц. Был открыт знаменитый Тиллятепинский некрополь. За несколько дней Виктор Иванович из знатока древнеземледельческих культур Средней Азии,

известного только узкому кругу специалистов, превратился во всемирную знаменитость.

Мне трудно судить, что больше принесла Виктору Ивановичу эта неожиданная удача – огромных душевных волнений или радости и удовлетворения. Но если выстроить в хронологической последовательности его известные фотографии, то, кажется, именно на этот период приходится превращение Виктора Ивановича из жгучего брюнета в белогривого мэтра. Сама расчистка, фиксация и сохранение огромного количества мелких ювелирных изделий, в условиях дефицита времени и вовлечения в этот процесс большого числа людей, требовали огромного напряжения.

После успешного завершения этой работы наступил новый этап нервотрепки, связанный с тем, что кулуарно стал обсуждаться вопрос – имеет ли В.И. Сарияниди право на публикацию добытого им материала. Противники этого говорили о том, что публикация столь необычных и важных находок – это большая ответственность, а Виктор Иванович специалист совсем по другому историческому периоду. Но



Гонур-депе. Царское святилище. Вид с юго-запада.



Гонур-депе. 1974 г. Начало раскопок юго-западного угла дворца.

директор Института археологии академик Б.А. Рыбаков принял решение, если В.И. Сарияниди сам считает, что может выполнить эту работу на должном уровне, то пусть он ее и делает. Виктор Иванович взял на себя ответственность и достойно выполнил эту работу. Я имею в виду первичную публикацию материала. В нескольких статьях и небольшой книге «Храм и некрополь Тилля-Тепе» (1989) он дал подробное техническое описание всех обстоятельств раскопок тиллятепинского некрополя, и этих данных было вполне достаточно для того, чтобы другие исследователи могли самостоятельно ориентироваться во всех подробностях раскопок на Тилля-Тепе. Примеры этому уже есть. С.А. Яценко, пользуясь материалами В.И. Сарияниди, опубликовал собственное исследование о костюме погребенных на Тилля-Тепе персонажей (Яценко, 1989).

Виктор Иванович действительно специализировался на изучении памятников энеолита и бронзы, но он закончил кафедру археологии Среднеазиатского государственного университета (САГУ), где давали добротную базовую подготовку по всем периодам древней и средневековой истории Средней Азии. Благодаря этому и активному изучению современной литературы по тиллятепинской тематике, он составил собственное мнение об историко-культурном значении этих находок, об этнической и социальной принадлежности похороненных здесь персонажей. Насколько верна эта оценка мне судить трудно, но анализ В.И. Сарияниди выполнен достаточно квалифицированно, и до сих пор его мнение принимается во внимание в продолжающихся на эти темы дискуссиях.

Кроме того, прилагая неимоверные усилия, В.И. Сарияниди организовал роскошную публикацию находок из Тилля-Тепе, которая в течение нескольких десятилетий была единственным источником сведений об этой замечательной коллекции (Sarianidi, 1985). Таковой она могла остаться навсегда. Раскопки могильника закончились уже в начале 1979 г. Все сроки работы вышли, но оставалось еще одно, седьмое погребение, которое Виктор Иванович, скрепя сердце, законсервировал, намереваясь завершить раскопки в следующем сезоне. Но этого не случилось. В Афганистане началась война, экспедиция прекратила свое существование. Когда, несмотря на осложнившуюся политическую ситуацию, В.И. Сарияниди вновь приехал на Тилля-Тепе, он обнаружил, что холм практически полностью разрушен, и седьмое погребение бесследно исчезло.

На этом волнения из-за тиллятепинских находок не закончились. При захвате столицы Афганистана талибами здание Кабульского музея сильно пострадало, и многие коллекции пропали. По миру поползли слухи, что «клад» из Тилля-Тепе также исчез. Стали высказываться разные инсинуации о его возможной судьбе. Среди прочих распространялась версия о том, что в музее хранились копии, а подлинники были тайно вывезены в Советский Союз, и исполнителем этой операции был не кто иной, как В.И. Сарияниди. Даже в России желтая пресса изощрялась на эту тему. Я помню статью в одной из московских газет под разухабистым заголовком «Кто хапнул бактрийское золото». Каково было читать и слышать все это Виктору Ивановичу, который также ничего не знал о судьбе тиллятепинских находок. Но все закончилось благополучно. Благодаря самоотверженности и стойкости работников Кабульского музея, после свержения режима талибов, тиллятепинские находки в 2004 г. были предъявлены в полной сохранности, и Виктора Ивановича специально приглашали в освобожденный Кабул для того, чтобы он подтвердил оригинальность и полноту коллекции. Ныне «тиллятепинский клад» возят по всему миру, но в России, стране, усилиями ученых которой она стала всеобщим достоянием, ее в подлиннике так и не видели.

Затянувшийся рассказ о тиллятепинском золоте можно резюмировать следующим об-

разом. То, что В.И. Сарияниди обнаружил их, это, конечно, случайность. К слову сказать, это было первое, но не последнее благоволение богини Тюхе к Виктору Ивановичу. С тех пор о нем пошла слава, как о наиболее удачливом среднеазиатском археологе. Но все остальное — это заслуги самого руководителя раскопок, блестяще

продемонстрировавшего свои профессиональные и организаторские качества.

Третий период жизни Виктора Ивановича в археологии — самый продолжительный и не менее яркий. Он также отмечен покровительством Тюхе, но опять же, на 95% это заслуга самого исследователя, проявившего на финаль-



ном этапе своей жизни все лучшие качества своей натуры.

Когда Виктор Иванович работал в Афганистане, то в многочисленных магазинчиках Кабула он впервые познакомился с предметами, добываемыми местным населением при нелегальных раскопках древних памятников Бактрии. Как это ни странно, но простые афганские дехкане раньше археологов научились обнаруживать остатки древних некрополей эпохи бронзы. Археологи в то время даже не подозревали о существовании таких могильников. При раскопках соответствующих памятников на юге Туркменистана и Узбекистана археологи нередко фиксировали захоронения в пределах поселений, и возникла уверенность, что именно такие захоронения характерны для оседлого земледельческого населения. Изредка встречающиеся грунтовые погребения в «чистом поле» связывались с подвижным скотоводческим населением. Знакомясь с местными древностями в кабульских дуканах В.И. Сарианиди сразу заметил, что они очень близки, а иногда идентичны находкам с прилегающих территорий советской Средней Азии. И у него возникла мысль о принадлежности южно-туркменистанских и северо-афганских памятников к единой археологической культуре.

Для проверки своих догадок он параллельно с работами в Советско-Афганской экспедиции, возобновил раскопки на нижнемургабских памятниках. Остатки поселений поздней бронзы в дельте Мургаба изучались еще в середине 1950-х годов, и В.И. Сарианиди в составе группы В.М. Массона принимал участие в их раскопках. Но тогда археологи своими исследованиями затронули только южный краешек «страны Маргуш». В значительной степени это объясняется слабой технической оснащённостью археологических экспедиций. Основным средством передвижения были изношенные автомобили ГАЗ-51, на которых было просто опасно забираться вглубь пустыни. К 1970-м годам ситуация изменилась, археологи получили прекрасный, ранее использовавшийся только военными, вездеход ГАЗ-66. Именно благодаря этому «техническому прорыву», В.И. Сарианиди получил возможность свободно передвигаться по пескам и открыл гонурский оазис (1972 г.). Начав его раскопки в 1974 г., он окончательно убедился в том, что памятники Мургаба и Бактрии образуют историко-культурное единство, которое он предложил

называть Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом.

Сейчас это обозначение и особенно его аббревиатура БМАК привычны для профессионалов, но принимаются далеко не всеми. Некоторые находят его странным и неудобным. Действительно, оно довольно громоздкое, но его аббревиатура вполне приемлема в частом употреблении. Второй часто повторяющийся вопрос: почему археологический комплекс, а не культура? Здесь нужен экскурс в историю появления данного термина. Материальная культура Бактрии эпохи поздней бронзы первоначально была известна по предметам из разграбленных могильников. Причем доступны были лишь некоторые категории мелких вещей – печати, украшения, мелкие металлические изделия, изредка сосуды, сведения об устройстве самих погребений отсутствовали. Поэтому Виктор Иванович и другие исследователи могли оперировать лишь некоторыми категориями вещей, о происхождении которых не было надежных данных. В этих условиях естественно не было оснований говорить об археологической культуре – понятии, обладающим четкими физическими, хронологическими и пространственными характеристиками. Это и заставило В.И. Сарианиди использовать название БМАК. Первоначально оно основывалось на сопоставлении ограниченного круга артефактов с территории Бактрии и Маргианы. В настоящее время, после впечатляющих раскопок В.И. Сарианиди на Мургабе, БМАК можно уверенно переименовать в Бактрийско-Маргианскую историко-культурную общность эпохи поздней бронзы. Это название будет более точным, но еще более неудобным в условиях частого употребления в



«Геоксюрское трио». Слева направо: В.М. Массон, В.И. Сарианиди, И.Н. Хлопин.

научном контексте. Поэтому в знак уважения к вкладу В.И. Сарияниди в изучение этих культур можно оставить предложенный им термин БМАК. Между понятием археологический комплекс и археологическая культура нет большого противоречия. Культура – это не что иное, как комплекс мегакомплексов (Бочкарев, 1975). Сам Сарияниди иногда БМАК также называл культурой (Сарияниди 1990, с. 78-80).

Во всяком случае, определение БМАК более точное, чем активно внедряемый в археологическую практику французскими археологами термин «Цивилизация Окса» (Francfort, 2005). Последний звучен, краток, легко запоминается, но не отражает археологическую реальность. Родоначальник этого определения Анри-Поль Франкфор, вероятно, воплотил в нем ностальгические воспоминания о своей археологической юности, прошедшей на берегах великой среднеазиатской реки Амударья. Но как научное понятие это определение очень аморфно. Вместо того чтобы внести ясность в понимание рассматриваемого историко-культурного явления, оно, напротив, создает ложное о нем представление.

Начать можно со слова «цивилизация». В современном словоупотреблении оно сильно измельчало и прилагается к самым простым явлениям. Но в исторической науке оно употребляется для обозначения крупных (по значению, хронологическому и пространственному континуитету) самобытных очагов культурного развития, как правило, оказавших и оказывающих существенное влияние на последующее развитие человечества.

Культуры Бактрии и Маргианы периода поздней бронзы, несомненно, были яркими яв-

лениями, но до определения цивилизации они не дотягивают. Это продукт симбиоза представителей ближневосточных цивилизаций с аборигенами Среднего Востока. Эти процессы охватывали относительно небольшую территорию и существовали, по историческим меркам относительно недолго.

Вторая часть этого определения «Окс» – греческое название великой среднеазиатской реки, ныне называемой Амударья. Эта река за последние три тысячи лет неоднократно меняла свое название. Наиболее устойчивое из них – Вахш. Именно так ее называли жители Средней Азии, когда на ее берегах появился Александр Македонский. Для греков название Вахш оказалось труднопроизносимым и они переименовали его в Окс. Самими греками и небольшой прослойкой сотрудничавших с ними местных жителей оно использовалось относительно недолго. После падения власти греков, в местной среде перестало употребляться и навязанное греками название реки. Но в Европе это название живет до сих пор, особенно среди историков, воспитанных на трудах греко-римских авторов. На этот анахронизм можно было бы не обращать внимания, но в данном случае он несет определенную смысловую нагрузку. Во-первых, он создает ложное представление у мало сведущих людей о том, что эта «цивилизация» связана с греками и эллинистическим периодом, во-вторых, жестко связывает данную «цивилизацию» именно с побережьем Окса-Амударья, что совершенно неверно. Основные очаги развития этой культуры расположены на северной предгорной равнине Гиндукуша и в низовьях реки Мургаб, вообще не имеющей никакого отношения к бассейну Амударья. Отдельные небольшие очаги этой куль-



Афганистан. Дашлы-3. Центральная часть.

туры на правом берегу Амударьи образовались относительно поздно. Но, даже принимая во внимание этот факт, нельзя объявлять местом формирования данной культуры побережье и даже бассейн Амударьи, так как река от слияния Вахша и Пянджа до впадения в Аральское море имеет протяженность 1415 км, а в ареал «Цивилизации Окса» входят лишь несколько оазисов в ее верхнем течении. Кроме того, следует иметь в виду, что Бактрийско-Маргианская историко-культурная общность (БМАК) – это лишь часть более широкого исторического явления, охватывающего всю территорию между Ближним Востоком и Индией, то, что П. Амье называл «Внешним Ираном» (Amiet, 1986).

Однако вернемся к основной теме – третьему этапу научной деятельности Виктора Ивановича Сарияниди. Из-за политических осложнений Советско-Афганская экспедиция прекратила свое существование. Появилась возможность сосредоточиться на раскопках в Маргиане. Но здесь работы проводились совсем на другом финансовом, организационном и техническом уровне, чем в Афганистане. Хотя В.И. Сарияниди находился в несколько лучших условиях, чем основная масса археологов, работавших в Туркменистане, возможностей было недостаточно для проведения широкомасштабных раскопок, подобных афганским. Кроме того, в этот период много времени занимала работа, связанная с обобщением материалов, полученных в Афганистане. В это время, как уже отмечалось, он защищает докторскую диссертацию и издает на ее основе монографию. Это была в тот период его основная научная работа. Но параллельно приходилось заниматься публикацией материалов тиллятепинского могильника. Все это требовало от Виктора Ивановича большого напряжения сил. Приходилось вживаться в совершенно другую отрасль археологического знания. В целом полевые работы 1972-1991 гг. проводились не так интенсивно, как хотелось. Итоги их, в основном, изложены в монографии «Древности страны Маргуш», изданной в 1990 г. в Ашхабаде.

После 1991 г. наступил новый этап развития среднеазиатской археологии. Началось стремительное разрушение многолюдного и деятельного советского среднеазиатского археологического сообщества. Исследователи из Москвы и Ленинграда мгновенно превратились в иностранцев и в большинстве своем лишились



Афганистан. Раскопки некрополя Тилля Тепе. 1979 г.
Фото из личного архива В.И. Сарияниди.

возможности самостоятельно работать в Туркменистане. Какое-то время часть из них пыталась продолжать сотрудничество с европейскими специалистами, которые в советское время благодаря им получили возможность работать на туркменских памятниках. Но далеко не все западные исследователи оказались способны на ответный благодарственный жест. В этих условиях «старейшины» В.М. Массон и Г.А. Кошеленко отошли от активной раскопной деятельности. Относительно молодых российских и туркменистанских археологов постигла еще более незавидная участь. Самостоятельно работать они не могли, а в состав западных экспедиций их, в большинстве случаев, включали не как партнеров, а как технических работников.

В этих условиях по-иному сложилась судьба В.И. Сарияниди. В нем пробудилась собственная его предкам целеустремленность и предприимчивость. В отношениях с европейскими археологами он поставил себя как равноправный партнер. Кроме того, известный в Европе по результатам своих работ в Афганистане, он сумел найти там спонсоров, которые оказали ему финансовую поддержку без всяких поползновений на научные результаты исследований. Во всяком случае, их ему удавалось эффективно пресекать. Он побывал на своей прародине и нашел там искренних друзей и почитателей, которые также поддержали его исследования в далекой Азии и, в общем-то, не имеющих отношения к самой Греции. В по-

следние годы, насколько мне известно, активную поддержку ему оказывали общественные организации понтийских греков, гордившихся своим соотечественником.

Прекрасные отношения у него были с представителями разных слоев туркменского общества от марыйских дехкан до самого президента страны. В первые годы становления независимости туркменское правительство не могло оказать Маргианской экспедиции финансовой помощи, но В.И. Сарияниди на всех уровнях получал моральную и организационную поддержку. Он стал первым иностранным лауреатом, утвержденной в 2000 году Международной премии им. Махтумкули. Местные власти шефствовали над его экспедицией. В частности, они взяли на себя работу по удалению с раскопов многих тысяч кубометров отработанной земли и тем значительно ускорили работу археологов. Марыйский историко-культурный заповедник принял участие в работах по консервации выявленных на Гонуре архитектурных остатков, организовал постоянную их охрану.

Продолжала помогать ему и Тюхе. В Афганистане он познакомился с находками из разграбленных могильников эпохи бронзы. Но как искать подобные некрополи археологи не знали. Но в начале 1990-х годов в опасной близости от Гонура местные земледельцы провели оросительный канал. При осмотре выбросов земли из него археологи обнаружили фрагменты человеческих костей и керамические изделия, которые вполне могли быть погребальными приношениями. Тщательное обследование показало, что совсем недалеко от Гонура расположено обширное синхронное ему кладбище. Сплошные раскопки небольшого участка такыра выявили несколько древних могил. Позже археологи по особенностям структуры современной поверхности земли научились выявлять внешние признаки, указывающие на наличие древних погребений. Это был первый древний некрополь БМАК, открытый и исследованный самими археологами. Было обнаружено около 3000 погребений, выявлены разные типы погребальных сооружений, особенности обряда захоронения, обильный сопутствующий инвентарь и богатый антропологический материал. Все это позволило узнать много нового о жизни обитателей Гонура.

Параллельно с раскопками некрополя продолжалось изучение поселенческих структур.

Прогулки Виктора Ивановича по городищу или его неподвижное сидение в какой-нибудь части древнего поселения внешне могли показаться релаксацией после утомительной работы на раскопе, но на самом деле это была напряженная интеллектуальная работа – исследователь пытался постичь логику создателей гонурского комплекса и в определенной степени ему это удавалось. По незначительным особенностям современного рельефа он угадывал местонахождение важных в структурном отношении древних объектов. Так были открыты «храм огня», «храм воды» и ставшие еще одной сенсацией так называемые «царские могилы» – подземные погребальные сооружения, видимо, предназначенные для упокоения высшей знати гонурского общества.

Последние двадцать лет своей жизни Виктор Иванович работал самозабвенно и неутомимо. Одна только его полевая работа заслуживает восхищения и уважения. Маргианская экспедиция была относительно небольшой. Ее научное ядро, как правило, составляли всего два археолога сам В.И. Сарияниди и еще кто-нибудь из ближайших помощников. Первоначально это был Тиркеш Ходжаниязов, также выпускник кафедры археологии Ташкентского университета (бывшего САГУ), т.е. археолог широкого профиля. С ним Виктор Иванович сблизился во время работ в Афганистане. Тиркеш Ходжаниязович принимал активное участие в раскопках погребений на Тилля-Тепе. Затем его сменил Берды Удеумурадов, один из наиболее способных туркменских археологов-полеви́ков, ученик еще одного представителя ютакинской школы И.С. Масимова. Затем в течение пяти лет основной помощницей Виктора Ивановича была Э.А. Мурадова – первая и до сих пор единственная женщина-археолог из числа туркмен. В последние годы ближайшим помощником была Н.А. Дубова, антрополог по основной своей специальности, но за долгие годы работы в Маргианской экспедиции, она стала неплохим археологом-полеви́ком. Кроме археологов в работе экспедиции принимали участие архитекторы, художники, реставраторы, керамисты, антропологи, палеозоологи и другие специалисты, помогающие фиксировать, сохранять и интерпретировать результаты работы археологов. Общая численность сотрудников экспедиции обычно составляла 40-50 человек. Она лимитировалась

не только финансовыми возможностями, но и условиями работы. Гонур находится в глубине пустыни, все необходимое приходилось раньше и приходится до сих пор завозить с «большой земли».

Этот относительно небольшой коллектив работал с потрясающей производительностью. Экспедиционный (полевой) сезон, как правило, продолжался 4 месяца (два весной и два осенью). С 1972 по 2013 гг. экспедиция (т.е. В.И. Сариниди лично и его ближайшие меняющиеся помощники) осуществила тщательное разведывательное обследование Нижнемургабского оазиса, составили карту памятников эпохи бронзы на этой территории. Провели контрольные раскопки на отдельных объектах. На Тоголок-21 полностью раскопан уникальный культовый комплекс площадью 10000 кв. м. На Гонуре проведены археологические раскопки на площади 50 га.

Не лишне отметить, что большей частью эта работа выполнена человеком пенсионного возраста. По продолжительности своей деятельности в качестве активного археолога-полевика – 66 лет, Виктор Иванович не имеет себе равных среди всех археологов Центральной Азии. Эта преданность профессии и неукротимая энергия вызывают искреннее восхищение.

В археологии важно не только вызволить из небытия остатки далекого прошлого, но и понять, когда и с какой целью это было создано, как оно функционировало и как это можно использовать для реконструкции общих исторических процессов. Во время раскопок и после их окончания требуется решить множество других специфических профессиональных задач. Если сам процесс раскопок в достаточной степени формализован и результаты его, как правило, понятны и однозначно воспринимаются другими исследователями, то историческая интерпретация найденных предметов, архитектурных сооружений, градостроительных структур, в виду уникальности многих из них, часто вызывают бурные дискуссии.

Раскопанные В.И. Сариниди памятники представляют неполные, сильно деформированные остатки совершенно неведомой древней культуры. В подобных случаях попытки определить место этого явления в системе уже существующих представлений вызывают множество конкурирующих объяснений. Виктор Иванович,

являющийся не только археологом-полевиком, но и специалистом по древней истории, предложил собственную интерпретацию раскопанных объектов. И ему пришлось ее отстаивать в спорах с многочисленными оппонентами. Здесь нет возможности и необходимости детально вникать в суть этих споров. Тем более, что дискуссия далека от завершения. Но важно отметить, что многие предлагаемые В.И. Сариниди общие оценки и заключения по частным вопросам при продолжении дискуссии, несомненно, будут приниматься во внимание как его сторонниками, так и противниками. Источником для тех и других будут как сами раскопанные Виктором Ивановичем памятники, так и его идеи.

В общих суждениях В.И. Сариниди о БМАК можно выделить четыре главные идеи.

1. Культура древнеземледельческого населения Маргианы и Бактрии эпохи поздней бронзы изначально близки и образуют историко-культурное единство. Этот тезис находит полную поддержку со стороны исследователей, занимающихся этим кругом проблем.

2. Между БМАК и синхронными культурами Месопотамии и Анатолии обнаруживается много общих черт, что, по-видимому, свидетельствует об их тесных контактах и даже переселении в Маргиану и Бактрию значительных групп обитателей указанных областей. Первая часть этого тезиса также не вызывает возражения у других исследователей, но предположение о миграции значительных масс населения разделяется не всеми.

3. Изучая различные артефакты, отражающие идеологические представления обитателей Гонура, В.И. Сариниди пришел к выводу, что во многих своих аспектах они обнаруживают сходство с более поздними зороастрийскими верованиями и это дает основания называть их протозороастрийскими. Эта гипотеза Виктора Ивановича вызвала наибольшую критику. Но если в этой гипотезе правильно расставить акценты (верования создателей БМАК это один из возможных источников формирования зороастрийской идеологии), то она становится вполне достойной дальнейшего обсуждения и развития.

4. Еще одна важная проблема, которую поставили на обсуждение раскопки Гонура – это вопрос об уровне социального развития рассматриваемого общества. В.И. Сариниди склонен



*Бронзовая перегородчатая печать
из погр. 2412 Большого некрополя Гонура.*

считать, что общество, создавшее Бактрийско-Маргианскую историко-культурную общность, имело сложно организованную социальную структуру, и его можно относить к числу раннегосударственных образований. Во многих своих публикациях древнеземледельческую культуру Маргианы и Бактрии он рассматривает как обособленную «цивилизацию», а некоторые могилы, обнаруженные в пределах Гонура называет «царскими». Весь гонурский комплекс он склонен был рассматривать как место обитания верховного правителя всего нижнемургабского оазиса. Этот тезис Виктора Ивановича также разделяется далеко не всеми исследователями.

Научные дискуссии относительно места мургабских и бактрийских памятников в историческом развитии Среднего Востока, несомненно, будут продолжаться еще долго. Вполне возможно, что не все идеи высказанные В.И. Сарияниди, получат всеобщее признание, но в памяти последующих поколений исследователей он, несомненно, останется, прежде всего, как первооткрыватель этого исторического феномена.

Следует обратить внимание еще на один аспект. Большинство людей, знакомящихся с памятниками Гонура, приходят в изумление от раскопок, уходящих за горизонт. Но некоторые коллеги выражают озабоченность, что обратной стороной масштабности этих исследований может быть недостаточная их тщательность. Что можно ответить на это? Раскопки вели специалисты, имеющие многолетний опыт изучения памятников такого рода. Возможно, при тщательной критической оценке их результатов выявятся какие-то просчеты, упущенные возмож-

ности, но в целом, добротность проведенных исследований сомнений не вызывает. Об этом, например, свидетельствует архитектурный анализ результатов раскопок на Гонуре, проведенный архитекторами В. Артемьевым и А. Урмановой. (Артемьев В., Урманова А. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010).

Активность и целеустремленность В.И. Сарияниди (пришел, увидел, раскопал) имеют еще один важный аспект. Помятуя о седьмой могиле некрополя Тилля-Тепе и участии располагавшихся не так далеко от Гонура поселений Келлели-1 и Таип¹, он стремился в рамках имеющихся у него возможностей максимально исследовать Гонур, и эту задачу он практически выполнил. Это справедливо по отношению центральной части Гонура. Но еще в 1974 г., забывая колышки-метки на малых безымянных холмах в окрестностях Гонура, В.И. Сарияниди присваивал им все то же имя Гонур 5, 7, 10 и т.д. Это обычная археологическая практика – безымянным холмам давать порядковые номера, а затем разбираться к одному времени они относятся или нет. В данном случае обозначение их одним именем Гонур стало провидческим. Все объекты оказались принадлежащими к одной эпохе, и, как понял В.И. Сарияниди в последние годы своих исследований, они совместно со «столичным» Гонуром-1 образуют единый социальный организм, и у археологов еще есть возможность изучить его устройство. Это грандиозная перспектива была уже видна Виктору Ивановичу, но опаленный жизнью прагматик понимал, что это уже не его игра.

¹ Келлели-1 – памятник в том же нижнемургабском оазисе и также относящийся к эпохе бронзы. Но он, как показали контрольные раскопки И.С. Масимова, представлял более ранний этап развития местной культуры. Однако широкие раскопки Келлели-1 так и не были проведены. Памятник был разрушен при строительстве газопровода Средняя Азия – Центр. Таип-депе, несомненно, был еще одним важным центром нижнемургабского оазиса. Виктор Иванович мне говорил, что когда он закончит раскопки Гонура, то, непременно, займется Таипом, так как он чувствует, что этот памятник также играл важную роль в жизни оазиса. Но сейчас уже нет В.И. Сарияниди. А в окрестности Таипа пришла современная жизнь, и его былой исторический рельеф сейчас сильно деформирован. Судьбу Келлели и Таипа мог разделить и Гонур, если бы не Виктор Иванович.

Первые два периода своей научной карьеры В.И. Сарияниди прожил в условиях советской действительности. В Советском Союзе о науке всегда говорили с большим уважением. Фундаментальные и прикладные науки (космос, атом, энергетика, химия, геология) действительно пользовались большой поддержкой, но гуманитарные, в частности археология, находились на положении пасынков. На словах им также придавали большое значение, но финансировали по остаточному принципу. Особенно в бедственном положении находилась финальная, завершающая часть археологического исследовательского процесса – публикация результатов.

Археологическое исследование состоит из четырех последовательных этапов. 1. Поиск (выбор) объекта. 2. Процесс его раскопок. 3. Обработка полученного материала, анализ и интерпретация результатов. 4. Обнародование результатов второго и третьего этапов исследования. Именно публикация делает археологическое исследование законченным, доступным для обсуждения коллегами и представителями других наук. Но из-за недостаточности финансирования в советское время трудно было добиться достойной публикации результатов своего труда. Сильно ограничивался объем печатного издания, жестко лимитировалось количество иллюстративного материала, без которого археологическая публикация просто становилась бесполезной. Но если все эти препятствия были преодолены, будущей книге грозило еще одно испытание – скверная полиграфическая база. Если графическими иллюстрациями еще можно было пользоваться как документальными источниками², то фотографии практически сразу можно было изымать из рукописи – на большинстве из них даже контуры изображенных предметов прослеживались с трудом. Чтобы не быть голословным, отошлю читателя к работе В.И. Сарияниди «Древности страны Маргуш» (Ашхабад: Издательство «Ылым», 1990). Причем следует отметить, что по своим полиграфическим достоинствам эта книга превосходит средний уровень продукции указанного издательства (ответственным редактором этой книги все-таки был вице-

2 Хотя по требованию издателей, из-за соображений экономии, они безжалостно «прессовались», несколько иллюстраций объединялись в одну таблицу, на которой было трудно рассмотреть детали уникальных находок.



Каменный амулет из верхнего слоя раскопа 2 памятника Гонур 20.

президент Туркменской академии наук, академик А.А. Росляков). Это была первая большая научная работа В.И. Сарияниди на маргианскую тему. Можно только предполагать, какие противоречивые чувства обуревали его после получения книги из типографии. Наконец-то он смог представить на суд коллег результат своей 15-ти летней напряженной работы, но полиграфическое исполнение не соответствовало его ожиданиям. Виктор Иванович уже был «испорчен» своей первой хорошей книгой «Bactrian Gold», действительно изданной достойно. Он разослал свою новую книгу всем знакомым и незнакомым специалистам по культуре эпохи бронзы и получил в ответ множество фолиантов, изданных на современном полиграфическом уровне. Среди них его бирюзовая книжка смотрелась «золушкой». Она явно заслуживала более достойного оформления. С присущей ему энергией В.И. Сарияниди взялся за решение этой проблемы, и через несколько лет действительно появилась целая серия прекрасно изданных книг, достойно представляющих древнюю культуру Маргианы. Книги были изданы при поддержке руководства Туркменистана, исследовательского центра Лигабуе, общества понтийских греков, правительственных организаций Греции. Поскольку они издавались не научными издательствами, то по своему содержанию они больше напоминали научно-популярные работы. Они написаны жи-



*В.И. Сарияниди в мантии почетного академика АН Туркменистана. 21 января 2013 г.
Слева Надежда Дубова, справа – Надежда Носик.*

вым доступным языком, в них нет громоздкого научного аппарата. Но в них обсуждаются все важнейшие проблемы, связанные с изучением этой вновь открытой древней культуры. Главная цель этих книг состояла в доведении результатов археологических раскопок в Маргиане до как можно большей аудитории — специалистов, и просто любителей истории. Вторая не менее важная задача – представить находки из Маргианы в достойном художественном и полиграфическом исполнении.

Третья особенность части этих книг, тех, что изданы в Туркменистане, это их трехязычность. Они содержат параллельный текст на туркменском, английском и русском языках. Русский – это родной язык автора. Туркменский – позволяет ознакомиться с достижениями археологов в Маргиане основной части жителей Туркменистана, страны, в пределах которой находятся эти замечательные памятники. Английский дает возможность познакомиться с результатами раскопок и идеями В.И. Сарияниди жителям остальных стран мира. Особенно важны эти книги для ученых из Европы, многие из которых не знают русского языка. Для части западных исследователей ознакомление с научной литературой на русском языке заканчивается знакомством с иллюстрациями и кратким резюме на английском. Книги В.И. Сарияниди, изданные в Туркменистане, позволяют ознакомиться с полным авторским текстом и «картинки» в них великолепные.

Организацию публикации этой серии книг, следует считать большим достижением Виктора Ивановича. Он не только раскопал замечательные памятники, но и сделал их всеобщим досто-

янием. Правда, некоторые педанты морщат нос, мол, это же не научные публикации. Что можно ответить на это? Эти книги – лишь малая часть научного творчества В.И. Сарияниди. Причины их появления объяснены выше. Помимо этого В.И. Сарияниди опубликовал еще несколько добротных монографий и около 300 научных статей, более половины последних посвящены исследованиям в Маргиане. В последние годы жизни Виктор Иванович начал издание Трудов Маргианской экспедиции, издано уже пять томов. И это издание до сих пор остается прекрасной площадкой для обсуждения проблем, связанных с изучением Бактрийско-Маргианской культуры.

Еще одна черта В.И. Сарияниди, о которой необходимо упомянуть – это его оперативность и широта души. Все, что он раскопал, он старался сразу же опубликовать – вот мой материал, вот мои мысли по этому поводу, пользуйтесь или спорьте. После него не осталось залежей необработанных коллекций. Если он чувствовал, что что-то он не может должным образом опубликовать, то это он просто дарил. Так, например, он передал свои материалы по Улуг-депе (дневники, отчеты, описи) французскому археологу Оливье Леконту, когда тот изъявил желание продолжить работы на этом памятнике. Фактически весь гонурский материал, на котором базируется часто цитируемая англоязычными специалистами диссертационная работа американца Ф. Хиберта (Hiebert, 1994), это – результаты работ В.И. Сарияниди, которыми он безвозмездно одарил своего аспиранта.

Завершая статью, посвященную памяти В.И. Сарияниди, хочу сделать еще один штрих к его портрету. Как настоящий ученый, он был чужд национальной зашоренности. Он не работал во славу какой-то одной страны, он занимался решением проблем, интересующих все человечество. Но он не был космополитом, «человеком мира». В тезисах международных конференций кроме имени автора принято указывать страну, которую он представляет. В последние годы жизни Виктор Иванович иногда указывал не одну страну, а целых три (Россия, Греция, Туркменистан). И это органически выражало его самоощущение, восприятие своего места в мире. Россия вспоила-вскормила его, сделала ученым. В Греции он никогда не жил, но он был грек по крови,

и современные греки, повинувшись таинственному зову генетического родства, привечали своего «блудного сына», бескорыстно оказывали ему поддержку. А Туркмению он просто любил, ему нравилась ее суровая контрастная природа, ее

люди и он с увлечением занимался изучением ее древней культуры. Обремененный годами, он каждой весной и осенью, как перелетная птица, повинувшись необъяснимому зову, покидал Москву ради встречи со своей страной Маргуш.

Библиография

1. Sarianidi V.I. Bactrian Gold. From the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. *Lenin-grad*, 1985. 260 p., ill.
2. Артемьев В., Урманова А. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 172–203.
3. Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. 1975. С. 35–38.
4. Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ. БЗ-8, 4, IV. М., 1965. 81 с.
5. Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. За барханами – прошлое. М., 1966.
6. Яценко С.А. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-Тепе (Афганистан) // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1989.
7. Amiet P. *L'age des echangens, 3500-1700 av. Jc.C.* Paris, 1986. 332 s.
8. Francfort H.-P. *La civilization de L'Oxus et de recherches et les Indo-Aryens en Asie centrale* // *Aryas, Aryens en Asie centrale.* Paris. 2005. S. 253–328.
9. Hiebert F.T. *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia.* (American School of Prehistoric Research. Bulletin 42). Cambridge, MA., 1994. 240 p.



R. Garner
Los-Angeles, USA

93

To Victor's Memorial

Victor Sarianidi and I first crossed paths in Kabul, Afghanistan during the 1970s but we did not meet. He was working on excavations and I was with the Agency for International Development. Our first face to face meeting was in 1994 when I invited him to my home in California. He was in Washington, D.C. at that time. We had previously corresponded by email regarding our mutual interest in ancient Bactria. Victor knew that I am not a scholar, but he was interested in examining my collection and discussing his proposed work that was later published as «Myths of Ancient Bactria and Margiana on Its Seals and Amulets» (1998).

When Victor arrived at my home, we became friends almost instantly. Although our backgrounds were completely different we thoroughly enjoyed each other's company. While in California we drove to the University of California at Berkeley and he lectured to the students of the Department of the Ancient Near East. On another trip my wife Ann and I took him on a sight-seeing trip to San Francisco. One of our stops was China Town. As luck would

have it, we arrived at the beginning of Chinese New Year and watched the colorful dragon parades. Victor was absolutely fascinated with the dragon dance! He followed the dancing dragon down the street, mesmerized by the dragon figure covering the dancers as they slithered in their festival parade. I am sure that Victor's imagination was filled with ancient BMAC seal images.

Victor and I also traveled to the Los Angeles area where he examined another private collection which I photographed for Victor's book. Victor was able to visit the Los Angeles County museum and view their Bactrian artifacts. Then we went to Malter Gallery where Victor was able to view their Bactrian artifacts.

Victor invited me to come to his excavation at Gonur Depe as a tourist visitor. I happily agreed and in 1994, I made my first of seven trips to the excavations, each based on Victor's invitations. Victor was always a wonderful host. It was a vacation for me to take photographs and wander around the site. Victor was always willing to explain his find-



Gonur Depe. 1998. With Ron Garner.

ings and answer my amateur questions about the site.

On my first trip to Gonur Depe I met Dr. Igor Klotchkoff. Igor and Victor were friends and Igor was visiting the site. I remember asking Igor if my visits would be an inconvenience to Victor. Igor replied that when Victor befriended a person, it was for life, so I was not to worry about visiting Victor's excavations.

Life at Gonur Depe was not easy for the archeologists and the crews. During my first few trips I saw that everyone slept in tents. Usually there was no electricity and water had to be carried from the irrigation canal. Later they built a brick mud house for Victor and guests. In 1998 the weather turned brutal during my visit. As I recall the weather seemed fine at first. Sasha, a young Russian working at the site, and I were in the Necropolis of Gonur Depe examining a grave site. Suddenly we heard people yelling at us to return to camp. We looked up and saw a massive cloud of dust like a huge wave on the ocean coming toward us. Sasha and I ran back to the camp. I went into the guest house with Victor who was not overly concerned about the dust storm. After the dust storm passed, it began to rain which I had never seen on the Kara Kum. Victor and the Turkmen all thought the rain would cease after a short time, but it did not. The roof on the guest house washed away in places and the house became flooded. The takyr prevented the rain from soaking into the earth. At about two o'clock in the morning Victor announced that we had to leave while we could. The site was evacuated for that season.

In spite of weather and other hardships on the Kara Kum, life at Gonur Depe was enjoyable and exciting. The camaraderie among the crew was delightful. Victor never missed a chance to declare a festival when a visitor arrived or departed. Everyone enjoyed the barbecues, vodka and wonderful conversations. On one occasion Achi, the cook, dressed in full Turkoman regalia including a robe and beautiful Turkoman jewelry.

Victor had a good sense of humor. He loved to entertain his crew and guests with stories about his trip to California. One story he enjoyed telling was about a six-pack of beer that we had bought in Los Angeles. When we left the store and I started to drive away, Victor began to open a bottle of beer. I explained that it was against California law to have an open bottle of beer in the car while driving. Later we got out of the car and Victor started to open the bottle again there on the street. I had to explain once more that we could not have an open bottle of beer while on a public street. And then Victor would finish the story loudly complaining about me as a host that would not let him drink his beer.

Another of his stories concerned my television set. I live in the country and we have no cable and I had no antenna on the roof of my house. I had a small TV with a small indoor antenna. I could only receive three local stations. In the evenings we would sit in the living room of my home and Victor would request that I show a European football match on the TV. At Gonur Depe my television was the source of much ridicule by Victor. He laughed

and laughed about the American with a tiny television set that could only receive three stations and no football!

Victor and I were in Ashhabad on one of my trips when a large Moscow television crew were touring the deserts of the world with the purpose of producing videos. They wanted to visit Gonur Depe on the Kara Kum. Victor invited them and we rode in their vehicles out to the site. At Gonur Depe

the television crew filmed the site and they also had artists sketching the scenes. That night Victor organized a large party. Fortunately the generator was working and we had one light bulb for the large group. Someone brought out a guitar and started singing in English. As usual Victor was a gracious host and everyone had a wonderful time.

All in all, I can say that Igor was right. Victor Sarianidi was truly a life-long friend.



Е.В. Антонова¹, Л.В. Летникова², И.Л. Станкевич³

¹Институт востоковедения РАН, г. Москва; ²г. Москва; ³г. Ярославль

Незадолго до Гонура

В 1960-е годы мы, авторы этой заметки, были студентками кафедры археологии Истфака МГУ. Нас чрезвычайно интересовал древний Восток. Естественно, хотелось проходить ежегодную полевую практику на раннеземледельческой ойкумене, окраина которой – в Южной Туркмении. Это было необычно для нашей кафедры: специализация здесь в основном ограничивалась европейской частью СССР. В Туркмении же работала ЮТАКЭ, которую возглавлял сотрудник ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее – ИА) В.М. Массон. В его экспедиции тогда не было принято брать студентов, тем более студенток (традиция, позже отмененная). Он нам отказал, хотя за нас ходатайствовал наш руководитель Н.Я. Мерперт (это был первый, но не последний случай неудачных попыток наладить контакты с В.М. Массоном). Сказать, что мы были расстроены, значит определить наше состояние неадекватно. К счастью, Николай Яковлевич, сотрудник московского ИА, обратился к своему коллеге Виктору Ивановичу Сарияниди, отряд которого входил в ЮТАКЭ. Он согласился взять нас. Уже в этом сказались присущая ему широта души и доброта. Еще до начала полевого сезона он позволил нам заняться обработкой своих керамических коллекций. Надо сказать, что в археологии тех лет существовали неписанные правила, по которым руководитель любой

экспедиции мог «закрыть» свой материал от посторонних. Некоторые ревниво относились к изучению даже опубликованных вещей, считая, что тот, кто их нашел, все о них знает лучше, и вообще «Нечего...». Виктор Ивановичу это было совершенно чуждо. Но об этом дальше.

В мае 1966 г. мы стали членами маленького отряда (вместе с нами в нем было лишь 7 человек), копавшего маленькое поселение на окраине Каракумов – Хапуз-депе. Начальник предупредил нас, что с непривычки нам будет трудно и добавил: «Учтите, мы там будем без галстуков!», имея в виду себя и других членов экспедиции за исключением Г.Н. Лисицыной. Мы думали, что иначе и быть не могло, у нас уже был полевой опыт.

На второй день после приезда поднялся сильный горячий ветер («афганец») с неизбежной пылью и невозможностью что-нибудь делать – бич этих мест. На вопрос, что нам нужно делать, Виктор Иванович ответил спокойно: «Выжить».

Не прошло и пяти дней, как по требованию В.М. Массона наш отряд перебрался на Алтын-депе, где велись основные раскопки. Здесь все участники экспедиции, за исключением В.М. Массона и палеокарполога Г.Н. Лисицыной, копали физически. Виктор Иванович работал постоянно. Бывали дни, когда мы работали вместе с ним, одна из нас объявляла ему перерывы, и он

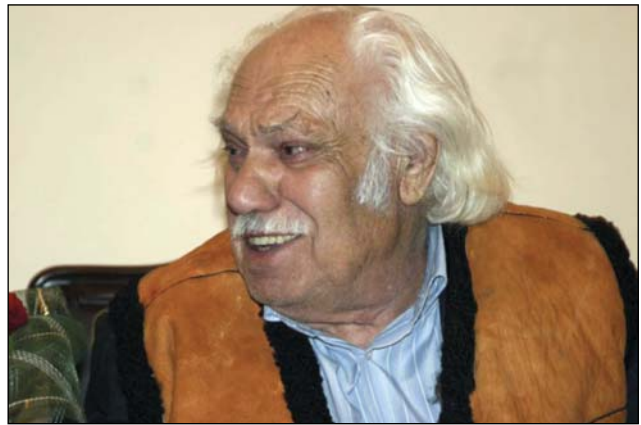
очень удивлялся. Много времени он с лопатой и чайником зеленого чая ходил по дepe, обнаруживая погребения (тогда это была тема его исследований в ИА) или собирал столь обильную там подъемку. Последнее обстоятельство очень нас удивило: помимо черепков встречались фрагменты статуэток, металлических вещей, каменных бус и т.д.

Большое удобство – лагерь размещался рядом на плоской такырной поверхности. Она была такой ровной, что бегущие на закате фаланги отбрасывали заметные тени. Лагерь состоял из тента со столом и стульями и места для приготовления пищи (она была умеренной; запомнились макароны по-флотски). Спали на раскладушках под потрясающим звездным небом. Мужчины для аппетита, которого при жаре до 50 градусов в так называемой тени не было, иногда позволяли себе аперитив на основе спирта.

Виктор Иванович провел нас по дepe. В нескольких местах культурный слой был потревожен танковыми траншеями – следами деятельности военных. В разрезах опытный глаз мог различить сырцовые кирпичи и уровни полов. Виктор Иванович легко их распознавал, а нам это представлялось недоступным искусством. Вообще археологи-старожилы всячески подчеркивали, что для полевого успеха был необходим долгий опыт и интуитивный «психоконтакт» с памятником. Виктор Иванович обладал этим качеством в высшей степени, он был потрясающим поисковиком. Старожилы называли себя барханными львами и тиграми и снисходительно относились к таким молодым, как А.Я. Щетенко (с ним нам позже случалось работать).

Откровенно говоря, нам было трудно, но показать это, конечно, не хотели. А.Я. Щетенко сочинил песню, в которой был такой куплет: «Пять черепов, скелетов нет, а чистит их один скелет – Ирина, Ирина». Костяков маленьких детей в развалинах домов было много, и расчищать их приходилось тогда subtilной Ирине Станкевич. Виктор Иванович мог быть суровым, когда касалось дела. Как-то во время «афганца» со стола смело находки – не уследили. Он устроил нам серьезный нагоняй, вопрошая: «Зачем вас сюда взяли?». Но он был отходчив.

Было немало забавных и полузабавных случаев, которые разнообразили трудовые будни. В.М. Массон уехал ненадолго, а о возвращении прислал таинственную телеграмму: «Сарым ав-



11.2012. После удачного полевого сезона.
В аэропорту г. Мары.

After the successful field season. Mary Airport.

тобуза. Пос. Вадим». Ее чудом расшифровали: «Вторым автобусом. Подпись Вадим». Юра Десятчиков для опыта дал укусить себя фаланге. Народ очень волновался, Виктор Иванович восхищался его смелостью. Дали выпить. К нашему огорчению прокисло вино, привезенное из Москвы ко дню рождения одной из нас...

Виктор Иванович не был «сидящим на материале», которого при его поразительной работоспособности всегда было много. Когда экспедиция закончилась, он продолжал предоставлять нам хранившиеся в Институте вещи для дипломных работ, а потом и диссертаций (отметим на всякий случай, что мы не ограничивались этими, а то читатель мало что может подумать). Он был добрым человеком, отзывчивым в жизненных коллизиях, которых всегда хватало.

Он был приятен в общении, прост, даже трогателен. Если хотел кого-то похвалить, говорил «Мужчина! Ахеец!». Он нежно относился к Греции, что вызывало настоящее уважение. Он был человеком, по-настоящему «помнящим родство».

В этом сборнике, конечно, будут статьи, в которых долгий и без преувеличения ярчайший творческий археологический путь Виктора Ивановича будет всесторонне представлен. Мы же коснулись только нашего первого знакомства с ним.

Хочется все же добавить, что его всегда привлекали свидетельства отдаленных контактов юга Туркменистана с отдаленными регионами. Совершенно естественно, что многие годы именно он посвятил раскопкам Гонура – центра межрегиональных связей эпохи бронзы. Кроме того примечательно, что его нашел

и исследовал человек, который воспринимал себя наследником великой цивилизации. Виктор Иванович ввел в научный оборот огромное количество разнообразных памятников, представляющих крайне интересный и сложный феномен БМАК. Интерпретируя их, он исходил из вполне осознаваемых им позиций, в частности, о том, что вещи свидетельствуют

сами о себе и что они без людей не ходят. Его тщательные раскопки и обширные знания в области переднеазиатской археологии позволили создать целостную картину открытой им культуры. Нет сомнений, что поколения археологов и историков будут его вспоминать с благодарностью, снова и снова обращаясь к его замечательным открытиям.



Г.М. Курпалидис
г. Афины, Греция

Подвижничество и горизонты прошлых цивилизаций (О Викторе Ивановиче Сариниди)

В середине девяностых годов прошлого столетия мы с братом Александром близко познакомились с Виктором Ивановичем, который пришел к нам в лабораторию, располагавшуюся на восьмом этаже старого здания по улице Зинонос в районе площади Омония в центре Афин. Эту личную встречу мы ждали с особым вниманием. Совершивший крупнейшие научные открытия в области археологии, которые привлекли огромный интерес научной общественности во всем мире, Виктор Иванович Сариниди был чутким, внимательным и весьма доступным ученым. Мы с ним вспоминали, как в начале восьмидесятых годов прошлого века он вместе с академиком АН СССР Г.М. Бонгард-Левиным приходили в наш Сектор исторического источниковедения Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР и достаточно долго беседовали с заведующим Сектором, д.и.н., профессором Еленой Абрамовной Давидович. Меня в это время вызвали в другой отдел, и после моего возвращения в сектор, Виктор Иванович и Григорий Максимович уже ушли. Поэтому в тот раз мне не удалось ближе познакомиться с известным археологом. Елена Абрамовна мне сказала, что она пригласила его принять участие во всесоюзной научной конференции востоковедов «Бартольдские чтения», которая ежегодно проходила в пансионате Академии Наук в подмосковном Звенигороде. На конференцию, кро-

ме ученых Москвы, приезжали научные работники, преподаватели, руководители вузов, музеев и рукописных фондов, археологи, историки-«древники», медиевисты, политологи, лингвисты, текстологи, искусствоведы и представители других смежных специальностей из Ленинграда (Санкт-Петербурга), Ворошиловграда, Баку, Махачкалы, Дербента, Казани, Тбилиси, Еревана, Ашхабада, Ташкента, Алма-Аты, Душанбе, Бухары, Самарканда и других городов. Приглашая Виктора Ивановича на «Бартольдские чтения», Е.А. Давидович сказала, что ему не надо специально готовиться. Аудиторию будет интересовать его методика работы в полевых условиях, которая привела к столь блестящим грандиозным результатам. Идея и организация проведения «Бартольдских чтений», на которых совершенствовались методы исторического источниковедения, текстологии, палеографии, нумизматики, эпиграфики, сфрагистики, а также проблемы товарно-денежных отношений, социальной стратификации населения городов Передней и Центральной Азии, принадлежала Елене Абрамовне. Сотрудники сектора, участвующие в оргкомитете конференции, вместе с его руководителем готовили программу и сборник тезисов докладов участников конференции. Позднее тексты докладов перерабатывались, редактировались и публиковались в виде сборников статей. Виктор Иванович согласился приехать на конференцию. Однако когда речь пошла



Виктор Иванович с сестрой Инной Ивановной и Георгием Курпалидисом перед началом конференции в Салониках. 13 января 2007 г.

о времени работы конференции (апрель), выяснилось, что в это время археологическая экспедиция под руководством Виктора Ивановича приступает к полевым работам. Другой наш общий знакомый и коллега, д.и.н., член-корреспондент АН Туркменистана С.Г. Агаджанов, пытался нас близко познакомить. Однако наше знакомство и тесное общение произошло первый раз в Афинах, в фотолаборатории. Здесь у нас состоялась теплая беседа. Мы обменивались мнениями относительно некоторых сюжетов истории и культуры Центральной Азии и Ирана. Затем мы обсуждали сельджукскую тематику, которой я начал заниматься, будучи студентом университета. Виктор Иванович в нашей беседе коснулся истории Мерва, мавзолея султана Санджара, развалины которого своей монументальностью и самобытной архитектурой не одно столетие привлекают внимание исследователей. Виктор Иванович отметил, что изыскания и публикации В.А. Жуковского конца девятнадцатого века, а также других более поздних ученых, не утратили своего научного значения. Тем не менее, историческая наука, базирующаяся на источниках материальной культуры и современных методах исследования, открыла новые горизонты и большие возможности ретроспективного обзора прошлого народов, обитавших на просторах Азии. На вопрос Виктора Ивановича, чем занимаюсь я, мной в достаточно сжатой форме была изложена сфера научных изысканий, а именно изучение арабско-персидских исторических источников (в том числе и литературных) по истории Передней и

Центральной Азии IX–XV вв. Кроме нарративных источников, меня привлекает и средневековая дипломатика. Мной переведена на русский язык и издана коллекция официальных документов сельджукских султанов Малик-шаха и его сына Санджара, которая известна под названием «Атабат ал-катаба». Санджар, прежде чем стать великим султаном и отправиться в Мерв, стольный град государства (дар ал-мулк-и мамлакат), являлся правителем Балха и его округа. Так написано в одном из указов сборника официальных указов. По всей вероятности, последнему Великому сельджукиду, который носил громкое прозвище Второй Александр Великий (Искандар-и сани), было известно, что в некоторых литературных произведениях, легендарных сказаниях, а также в местном фольклоре на персидском языке имеются сообщения о далеком прошлом, когда жителями Бактрии являлись македонский царь и его диадохи. Мы с Виктором Ивановичем также вспоминали одного из самых выдающихся поэтов Ирана Абулкасима Фирдоуси (жил в X в. н.э.), создавшего стихотворный эпос иранского народа, где он, используя арабские, персидские и другие источники, а также устные предания народов Ирана, Центральной Азии и Афганистана, прославляет в панегирической форме Александра, его род, греческих мудрецов и греческую науку. Фирдоуси всю жизнь прожил в городе Тус, который находится на незначительном расстоянии от Балха и Мерва. «Шахнаме» Фирдоуси содержит немало материала (пусть в чисто восточных традициях) о греках и их свершениях. На большое влияние античной литературы, в частности, на персидскую поэзию другого знаменитого персидского поэта Унсури (X в. н.э.) вполне обоснованно указывают такие известные востоковеды, как Н.Я. Марр, К.И. Чайкин, И.С. Брагинский. В своей работе, посвященной творчеству Унсури, И. Каладзе также подчеркивает влияние греческой литературы и мировоззренческих постулатов эллинов на восточную. В следующий раз мы с Виктором Ивановичем встретились в центре понтийского общества «Аргонавты Комнины». Здесь демонстрировался документальный фильм, снятый немецкими кинематографистами о работе археологической экспедиции под его руководством на Тилля тепе в Афганистане. В фильме были запечатлены фрагменты работы экспедиции. Но среди всех особо выделялась

энергичная фигура руководителя, который очень умело и профессионально организовывал все раскопочные работы. После просмотра выступали присутствующие, которые высоко оценили просмотренный фильм и комментарий к нему. Во время перерыва местные историки подходили к Виктору Ивановичу и выражали ему свое глубокое удовлетворение и желали новых успехов. Присутствующая публика была в определенной степени поражена, когда во время демонстрации киноленты увидела на экране золотые художественные изделия древней Бактрии. Их было найдено более двадцати тысяч. Обнаруженные в царских могилах на севере Афганистана золотые предметы несли в себе следы синтеза греческого и восточного искусства. Роскошный альбом «Царские могилы Бактрии», изданный В.И. Сарияниди в 1995 г. на греческом языке, демонстрирует часть этих ярких находок. Они дают возможность исследовать основные категории культуры и идеологии в регионах Бактрии и Маргианы селевкидского, парфянского, по всей вероятности, и более раннего периода, и комплексно рассмотреть проблемы развития цивилизационного взаимодействия греческого и восточного социокультурного пространства. Бактрийское наследие также ведет к предположению, что процесс полиэтнической универсализации в ареале Бактрии и Маргианы шел в позитивной обстановке. Как замечает Р. Фрай в своей работе «Наследие Ирана», «греки никого не пытались эллинизировать. Они, скорее, учили примером. Твердо уверенные в том, что их образ жизни является самым совершенным, лучшим, чем любой другой. Греки не только проявляли терпимость к местным культурам, но и поддерживали их. Помимо успехов в распространении греческого языка и законодательства и таких преимуществ городской культуры, как упорядоченная администрация и твердая шкала взимания налогов, греки смогли добиться единства в системе денежного обращения, мер, и выпуска монеты. Тем не менее Селевкиды, следуя примеру Александра, сохранили иранцев в аппарате государственного управления» (Frue, 1963). Делопроизводство осуществлялось на двух языках – арамейском и греческом. Что касается идеологии, господствующей в Маргиане и Бактрии, то, как показывают археологические раскопки дворцов и храмов, посвященных культам огня и другие ритуальные

атрибуты огнепоклонства в Маргиане, осуществленные В.И. Сарияниди, и его анализ погребальных обрядов некрополя Тилля-тепе, говорит о том, что зороастризм был широко распространен во всем регионе. Наряду с этим выводом, материалы раскопок и их глубокое и всестороннее изучение Виктором Ивановичем, дали ему возможность говорить «о протозороастризме». Как отмечает академик АН Таджикистана, профессор Б.А. Литвинский, помимо Гонура, «поразительных успехов В.И. Сарияниди достиг при раскопках и ряда других поселений, в частности, ценнейшие материалы были получены им при обнаружении храмов на Тоголок-1 и Тоголок-2, которые во многом дополняют результаты раскопок Гонура» (Литвинский, 2004). Если мне не изменяет память, примерно в 2000 г. в министерстве культуры Греции состоялась конференция с участием греческих и зарубежных ученых, а также представителей научной общности Греции. Тема конференции касалась исключительно результатов археологических работ и колоссальных открытий В.И. Сарияниди Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. На конференции присутствовали руководители министерств культуры Туркменистана и Греции. Здесь выступили с докладами ученые из Российской Федерации, Туркменистана, Греции, Финляндии, Франции. В обсуждении докладов и сообщений участвовали греческие и российские археологи и историки. Конференция завершалась в фойе зала заседания министерства. Виктор Иванович долгое время находился в окружении лиц, которые желали познакомиться с ним, задать ему интересные их вопросы. Это были преподаватели высших учебных заведений, журналисты, писатели, представители массмедиа. Часть вопросов касалась тем, относящихся к пустыне Каракумы, которую долгие годы упорно и последовательно исследовал Виктор Иванович. По всей вероятности, Каракумы были тем научным полигоном, который закалил его, Победителя, и способствовал новым выдающимся свершениям в области мировой археологии. Возвращаясь в фойе актового зала министерства, я видел, как некоторых из присутствующих живо интересовала история и судьба эллинизма в далеком Афганистане, Белуджистане, Туркменистане.

Виктору Ивановичу задавали вопросы и по истории Ахеменидов. Некоторые из задававших

вопросы знали, что французская археологическая миссия, долгие годы работавшая в Афганистане, не смогла найти подтверждения того, что Бактрия в эпоху Ахеменидов была развитой страной и обладала относительно высокой культурой. Отчаявшись в поисках, глава французской миссии А.Фуше стал говорить о «бактрийском мираже». Однако, во второй половине двадцатого века французские археологи Д. Шлюмберже, а затем П. Бернар открыли специалистам эллинистическую культуру Афганистана. Но эпоха Ахеменидов для Бактрии все еще оставалась неизвестной. Лавры обнаружения памятников эпохи бронзы на севере Афганистана принадлежат В.И. Сарияниди. После этого Виктором Ивановичем были изучены памятники ахеменидского периода. Один из таковых в районе Дашлинского оазиса был им раскопан. Там обнаружены два монументальных сооружения. Они находились на окраине большего поселения эпохи поздней бронзы. Таким образом, «белое пятно» в истории Бактрии было ликвидировано.

Присутствующие интересовались и Великим шелковым путем. Ответы Виктора Ивановича не только удовлетворили публику, но и завершились аплодисментами. В следующий приезд в Грецию Виктор Иванович был приглашен Греческим Научным Центром, где он рассказал о новых находках в Маргиане. Страна Маргуш интересовала Виктора Ивановича во многих аспектах. Как замечают все коллеги, Виктор Иванович обладает (невозможно говорить о нем в прошедшем времени!) «необычайным археологическим чутьем и прозорливостью, которые не могут быть заменены никакой книжной эрудицией». Мне представляется, что В.И. Сарияниди обладал неукротимым научным и поисковым темпераментом, а также особым внутренним камертоном, который сопровождал его постоянно. Им была выработана особая система исследовательской работы. Она его не подводила.

После тщательного ознакомления с трудами Виктора Ивановича уже в несколько ином аспекте нами воспринимаются и некоторые сообщения античных авторов. Во время нашей беседы я сказал Виктору Ивановичу, что информация, содержащаяся в трудах арабских историков и особенно географов, может оказаться весьма полезной при выборе объектов для археологических исследований. Арабы завоевали

Иран в середине VII в. н.э., позднее – Афганистан. Арабская историография появляется в девятом веке. У арабского историка Ибн ал-Асира (XIII в.), создавшего крупнейший исторический свод трудов предшествовавших ему историков, мы находим подробный рассказ о вооруженном столкновении арабов с китайцами в 751 г.н.э. Это явление подтверждается китайской «Историей династии Тан». Оно решило судьбу западной части Средней Азии. Описывая исторические и политические события, арабские авторы в своих хрониках приводят важные сведения о населении городов, о языках и культурах, обычаях и традициях местного населения. Арабских и персидских географов средневековья интересовало прошлое и настоящее стран, городов, поселений и любых населенных пунктов на территории всего Халифата, в том числе его восточных и северо-восточных провинциях. Географы писали о старых и новых дорогах, в том числе о шахской дороге, построенной при Ахеменидах. Они не оставили без внимания систему орошения. Подробно ими описаны подземные каналы (*каризы*) по которым вода текла в населенные пункты, а также на поля для полива урожая. Порой приводятся даты сооружения этих каналов, которые относятся к сасанидскому и более древнему периоду. Географами описываются не только цветущие города, но и развалины древних столиц, крепостей, культовых сооружений, дворцов, построек, предназначенных для размещения местных гарнизонов и др. Приводятся расстояния между населенными пунктами, называются реки, горы, оазисы, родники, караван-сарай на маршруте следования. Безусловно, географов интересовало и экономическое состояние городов, уровень и качество ремесленного производства, состояние сельского хозяйства, торговля, статьи экспорта и импорта, материальное состояние горожан. Не оставалась без внимания и оценка местной валюты. Мы согласились, что информация арабских и персидских географов может быть весьма полезной.

Предпоследний раз мы виделись с Виктором Ивановичем на презентации его книги «Зороастризм: новая родина древней религии», изданной на греческом и английском языках (Sarianidis, 2008). В этой книге он пишет об истории изучения зороастризма в Европе. О спорах между археологами и лингвистами относительно тематики, касающейся зороастриз-

ма, времени и места его возникновения. Виктор Иванович в своей книге отмечает, «что до середины двадцатого века ученые не располагали достаточным фактическим материалом для освещения проблемы зороастризма. И это положение продолжалось до тех пор, пока в Восточном Туркменистане была обнаружена древняя страна Маргиана. Она, как было исследовано, являлась частью арийской культуры и была местом обитания древних племен, в среде которых мог зародиться культ зороастризма» (Sarianidis, 2008). Далее Виктор Иванович пишет, что сегодня, исходя из обнаруженных и исследованных данных, можно прийти к заключению, что Маргиана вместе с Бактрией представляют собой основу древнего арийского общества. Он нисколько не сомневается в том, что в будущем будут раздвинуты не только географические пределы Бактрийско-Мар-

гианской древней культуры, но и значительно увеличатся наши знания относительно настоящего существования этих родственных (по его мнению, арийских) племен, восточная граница обитания которых доходила до северо-западных пределов Китая.

Грандиозное научное наследие, оставленное Виктором Ивановичем Сарияниди будущим поколениям, порой поражает воображение. В нем содержится богатейшая научная информация по самым разным областям знаний. Большое число отечественных и зарубежных специалистов еще долгие годы смогут пользоваться уникальными материалами, добытыми Виктором Ивановичем под палящим южным солнцем. Открывая горизонты прошлых цивилизаций, он внимательно всматривался в будущее. Он твердо знал, что его труды подарят мировой науке в будущем новые свершения.

Библиография

1. Бартольд В.В. Работы по исторической географии. Соч. Т. 3. М., 1965.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т.3. М.,1963.
3. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.,1973.
4. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. 2 испр. изд. М.,1988.
5. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М.,1956.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.,1970.
7. Давидович Е.А. Золото в денежном хозяйстве Средней Азии IX–XVIII вв. // Ближний и Средний Восток (Товарно-денежные отношения при феодализме). М.,1982.
8. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.,1980.
9. Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.,2004. С.254–281.
10. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб.,1894.
11. Иванов Вяч. Вс. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (на материале комплекса Тоголок-21) // ВДИ.1989.№2. С. 171–175.
12. Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: звук, слово, образ / Отв. ред. Иванов Вяч. Вс. М., 2003. С.14–53.
13. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М., Л., 1957.
14. Крачковский И.Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии // Бируни. Сб. статей / под ред. С.П. Толстова. М.;Л., 1950.
15. Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб.,2005.
16. Курпалидис Г.М. Государство Великих Сельджукидов. Официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М., 1992.
17. Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 5–22.
18. Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ. 1989. №1.
19. Сарияниди В.И. В поисках страны Маргуш. М.,1993.
20. Сарияниди В.И. Древности низовий Мургаба // АО. М., 1972. С. 485–484.
21. Сарияниди В.И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА.№ 4. М., 1970. С. 19–32.
22. Сарияниди В.И. Итоги работ Советско-Афганской экспедиции // 2-ая Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии и восточных республик РСФСР. Тез. докладов. М.,1970.
23. Сарияниди В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА.1971. №4. С. 165–177.
24. Сарияниди В.И. Сокровища кушанской Бактрии. Кабул, 1982.
25. Сарияниди В.И. Царский некрополь в северном Афганистане // Вестник АН СССР. 1979. № 7. С. 76–88.
26. Сарияниди В. Царские гробницы Бактрии. Салоники, 1995 [Σαρίαννίδης Β. Βασιλική Ταφός Στην Βακτριή. Θεσσαλονίκη, 1995] (на греческом языке)

27. Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
28. Сарияниди В.И., Кругликова И.Т. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. № 1. М., 1977. С. 203–224.
29. Christensen A. L'Iran sou les Sasanides. Copenhagen, 1944.
30. Frye R.N. The Golden Age of Persia. Arabs in the East. L., 1977.
31. Frye R.N. The Heritage of Persia. Cleveland; NY, 1963.
32. Grainger J.D. The Rise of the Seleucid Empire. Oxford, 2014.
33. Al Masudi. Les prairies d'Or / Ed.avec Ch.Pellat. Vol. II. Paris, 1965.
34. Narshakhi. History of Bukhara / Transl. by R.N. Frye. Cambridge, Mass., 1954.
35. Sarianidis V.I. Zoroastrianism. A new motherland of old religion. Θεσσαλονίκη, 2008.



Р.Г. Мурадов
г. Ашхабад, Туркменистан

Рядом с легендой

Ему было шестьдесят, когда я увидел его впервые. Абстрактный автор научно-популярных книжек, которые увлекали меня в школьные годы, оказался простым и очень контактным человеком без тени снобизма, с которым как-то сразу и легко завязалась дружба. Я в то время был аспирантом Института истории Академии наук Туркменской ССР и подрабатывал, сотрудничая с местной (тогда еще советской) прессой. Виктор Иванович Сарияниди еще не был так известен, как десять лет спустя, хотя за его плечами блестело золото Бактрии и уже была открыта бронзовая Маргиана. Но в Туркмении кроме коллег его знали в основном лишь те, с кем он много лет соприкасался по экспедициям и мы занялись, как теперь говорят, пиаром. Благо, материал для этого был более чем добротный, а сам археолог обладал ярко выраженной харизмой: и его колоритная внешность, и умение свободно и увлекательно говорить публично, писать просто о сложном, и, конечно, личное обаяние, коммуникабельность, широта натуры и чувство юмора немало способствовали его грядущей славе.

Многие еще помнят, что к весне 1989 г. официально санкционированная в стране гласность претворилась в практически неограниченную свободу слова. Воспользовавшись моментом, мы с приятелем-журналистом «прибрали к рукам» кондовый партийно-пропагандистский журнал «Агитатор Туркменистана» и за считанные месяцы подняли его тираж до масшта-

ба, испугавшего учредителя – ЦК Компартии республики. Именно тогда я впервые стал редактором текстов В.И., подготовив к печати его научно-популярный очерк «Древнейший Мерв» – он выходил с продолжением в трех номерах нашего журнальчика. Потом, в начале 1990-х, была его книга «В поисках страны Маргуш», изданная в переводе на туркменский язык в нашем частном издательстве «Юрт». Сарияниди очень своевременно понял, как важна известность, узнаваемость общественно значимой, публичной фигуры и как необходимы разветвленные местные контакты для ученого-практика, если он хочет продолжать свои исследования в условиях развала прежней системы государственного финансирования науки.

В той ситуации большинство ранее успешных советских археологических экспедиций не только в Средней Азии вынуждены были свернуть свои работы. Полностью прекратились раскопки Хорезмской экспедиции на левобережье Амударьи, в Южном Туркменистане наступила пауза в деятельности экспедиции ЛОИА и ИА АН СССР, фактически перестала существовать и ЮТАКЭ, хотя формально она еще не была ликвидирована. Каковы бы ни были трудности переходного периода, очень многое зависело от личности лидеров, от их настойчивости, активности, способности эффективно решать организационные проблемы ради сохранения своих экспедиций и, в конечном счете, ради науки! И Виктор Иванович оказался единствен-



В гостях у Гельды Мурадовича (в центре) и Руслана Гельдыевича (справа от отца) Мурадовых. 8 октября 2008 г. Виктор Иванович Сарияниди и Надежда Дубова (слева), Хулио Бендесу-Сармиенто (справа). Фото А.И. Нечвалоды.

ным из всех своих российских и туркменских коллег, кто не только не снизил темпы, а напротив, превратил свою миссию на Гонуре в крупный интернациональный проект и еще более двадцати лет удивлял не только научный мир масштабами своих раскопок и обилием поразительных открытий. И это при том, что никаких денег «родной» Институт археологии РАН ему не давал и, более того, поспешил избавиться от неугомонного сотрудника, отправив его в 2003 г. на пенсию. С тех пор деньги он научился находить сам: ездил с лекциями на Запад, наладил связи с богатыми земляками в Греции, принимал спонсорскую помощь от иностранных и первых отечественных бизнесменов, умея убедить даже далеких от археологии людей в том, сколь выгодны инвестиции в изучение далекого прошлого для современной культуры.

Хорошие, если не сказать дружеские отношения с высоким туркменским начальством позволили ему осенью 1990 г. успешно провести первый в Туркмении международный полевой семинар на Гонур-депе. Это была давняя идея Сарияниди – дать возможность коллегам не по книгам и докладам, а воочию познакомиться с результатами раскопок нескольких десятков поселений, обнаруженных его экспедицией в старой дельте Мургаба. Он хотел, чтобы его многочисленные научные оппоненты и просто скептики увидели всё своими глазами и потом делали выводы. Приехали американские археологи – профессор Гарвардского университе-

та Карл Ламберг-Карловски и его сотрудники – археолог Фред Хиберт и палеозоолог Ричард Мидоу, финский индолог Аско Парпола и Хогне Юнгнер – заведующий лабораторией радиоуглерода из Хельсинкского университета, немецкий иранист и историк архитектуры Дитрих Хуфф, итальянский археолог Рафаэль Бишони, а также москвичи: археолог и культуролог Елена Ефимова Кузьмина и архитектор Валерий Антонов – автор первых графических реконструкций и планов древнемаргианских сооружений. Действительно, обмен мнениями в поле у костра за кружкой чая – это совсем не то, что официальные речи в конференц-зале. Об этом семинаре сам ВИ хорошо написал в своей мемуарной книге (Сарияниди, 1993. С. 330-332). Кого-то он смог тогда убедить, а кто-то в силу личных амбиций, а может быть, и простой зависти со временем перешел в стан непримиримых противников.

В том же 1990 г. в ашхабадском академическом издательстве «Ылым» («Наука») вышла его монография «Древности страны Маргуш» и я набрался наглости дать на нее коротенькую рецензию в одной местной газете. В.И. был доволен, но одна фраза там его слегка задела: «Тираж монографии (всего 2000 экземпляров) примерно соответствует спросу на нее: не многих сегодня волнуют тайны, покрытые пылью веков». По этому поводу он иронически заметил: «Ты думаешь, твои колониальные дома (они были темой моей диссертации – Р.М.) волнуют многих?». И теперь, через четверть века, когда почти все

объекты моих исследований снесены, а интерес к его памятникам в мире постоянно растёт, я бы так уже, конечно, не написал.

Виктор Иванович очень любил шумные, веселые застолья, когда собирались близкие и не очень, но однозначно симпатичные ему люди, а он, само собой, был в центре внимания, рассказывал удивительные истории, балагурил и живо реагировал на анекдоты и шутки других. Много, конечно, забылось и спасибо тем, кто что-то записывал. Кое-что уже опубликовано. Вот одна из таких баек, рассказанная И.С. Ключковым: «В мае 1962 г. археологи заканчивали раскопки маленького раннеземледельческого поселения Джейтун в Южных Каракумах, недалеко от предгорий Копетдага. Под глинобитным полом одного из раскопанных домишек нашли детское погребение. Возник вопрос: что с ним делать?»

— Честно говоря, тут и смотреть не на что. Закопать его надо в отвале, — предложил аспирант Анатолий Щетенко.

— Нет, Толя, так нельзя, — возразил Вадим Михайлович Массон, руководитель экспедиции. — Как-никак, а все-таки это первый антропологический материал с памятника. Надо брать.

(Могильники поселения обнаружили потом через несколько лет под соседними барханами.)

— Но, Вадим Михайлович, во-первых, снимать — это полдня возни, во-вторых, чтобы его закрепить, спирт нужен, а у нас его нет, — не сдавался Анатолий.

— Сколько спирта надо выписать? — живо и, как всегда, по-деловому спросил Массон.

Ответил Виктор Иванович Сарияниди, который уже закончил свои раскопки и приехал на Джейтун в гости:

— Граммов так двести, чтобы закрепить, и литров пять, чтобы увековечить. (Выписали, помнится, три)» (Стеблин-Каменский, 2006. С. 43).

Я и сам не раз имел возможность убедиться, какой он был остро слов. Одной фразой мог так «припечатать» человека так, что тот потом долго ходил с этим «клеймом», а мог и сходу, в двух словах, емко и точно охарактеризовать личность ему малознакомую. Но вот парадокс: при этом он был как-то по-детски доверчив и порой жестоко ошибался в людях, о чем потом немало сожалел. «Надо же, какую змею я пригрел» — с удивлением и горечью сказал он как-то об одном молодом пройдохе, который втёрся к нему в доверие и хорошенько обобрал пожилого чело-

века. Про таких он говорил: «Ну всё, больше он для меня не существует». Этот максимализм он проявлял и в отношении некоторых коллег, с которыми в силу разных причин отношения были испорчены. Так, однажды, на мой вопрос, жива ли Ирина Тимофеевна Кругликова (она была начальником Советско-Афганской экспедиции, во время которой Сарияниди сделал сенсационное открытие некрополя Тилля-тепе) он ответил с лукавым прищуром: «А это кто?». Тема была таким образом закрыта раз и навсегда и лишь потом уже от других я узнал о давнем серьезном конфликте между ними.

Не так категорично, но весьма прохладно относился он и к другой незаурядной даме из той экспедиции — Галине Анатольевне Пугаченковой. Еще во времена его студенческой юности она преподавала у него на кафедре археологии САГУ, и, по его словам, сосредоточиться на ее лекциях парням было непросто, потому что молодая женщина отвлекала их внимание своей сексапильной внешностью. Двадцать лет спустя они встретились в Афганистане уже на равных, как участники и безусловные лидеры одной экспедиции, формально возглавляемой Кругликовой. Вспоминая ту славную эпопею, В.И. с восхищением говорил о Пугаченковой — о ее поразительной работоспособности и такте в отношениях с людьми, о ее редком умении оставаться элегантно даже в сложных полевых условиях. Но их научные взгляды на предмет исследований (то самое золото Бактрии), как известно, сильно расходились, и В.И. довольно болезненно реагировал на ее критические публикации. Зная об этом, я по глупости не упомянул ее, когда в одной статье написал о его учителях. Сарияниди устроил мне за это выволочку: «Как же ты мог ее забыть? Ну и что, что я с ней не общаюсь, но ведь она великий специалист!».

Размолвка, затянувшая на десятилетия, была у него и с другом юности, однокурсником и соавтором ранних книг Вадимом Массоном. Оба выдающихся археолога сорок лет не здоровались, иногда обмениваясь публично взаимными колкостями, но при этом прекрасно понимали, какой весомый вклад в историческую науку внес каждый из них. Я не знаю, как поссорился Виктор Иванович с Вадимом Михайловичем, но от Сарияниди не раз приходилось слышать, что еще никто не написал книгу о древней Средней Азии и ее внешних связях лучше Массона (име-

лась ввиду монография 1964 года «Средняя Азия и Древний Восток»). Последний же, когда я навещал его в Петербурге, первым делом спрашивал: «Ну что там нового у Виктора?». Раскопки Гонура, как бы ревниво он не относился к свершениям коллеги, волновали его по-настоящему, ведь и свою последнюю статью, опубликованную уже посмертно, он посвятил этому феномену бронзового века (Массон, 2011. С. 70-79).

Конечно, у Сарияниди, как у всякого живого человека, была куча недостатков и слабостей. Много претензий к нему лично и к его трудам имелось у его коллег. Было и есть немало тех, кто его попросту ненавидел, у кого он вызывал приступы ярости и злобы. А разве бывает иначе? Если человек своим неутомимым трудом чего-то добился в жизни, преуспел или просто ему везло, и если он был «обладателем благой судьбы», которую, согласно иранской мифопоэтической традиции дарует избранным ниспосланный свыше *фарн*, то число завистников и «доброжелателей» растет за его спиной как на дрожжах. Сарияниди реагировал на это, пожалуй, самым мудрым образом: он их не замечал.

И еще он был довольно сентиментален. Я замечал, как слезы наворачивались у него на глазах, когда он слышал какие-то душещипательные истории, как эмоционально он сопереживал драматическим моментам на экране, будь то художественный фильм или футбольный матч. Да, он был страстным болельщиком. Не фанатом, конечно, но старался не пропускать встречи сильных команд. В старости, когда ноги уже плохо слушались и передвигаться без посторонней помощи стало невозможно, он мучительно это переживал и стеснялся своей немощи. Когда малознакомые люди бросались помочь, он, словно оправдываясь, приговаривал: «А ведь когда-то я играл в футбол!». Долго приходилось родным и друзьям уговаривать его пользоваться инвалидным креслом – гордый дух противился этому жалкому состоянию. В качестве аргумента я как-то привел пример президента США Франклина Рузвельта – страна, где всегда был культ здоровья, в самый быт может критический момент своей истории доверила судьбу нации инвалиду в кресле! Он только рукой махнул – дескать, с кем ты меня сравниваешь.

Запомнился один давний эпизод, когда я гостил у него в старой московской квартире на Профсоюзной. Был хмурый, пасмурный день,

только что прошел ливень и лучи солнца уже пробивали тучи. Разговаривая, мы вышли на балкон и просто ахнули, увидев на небе полную радугу. Она висела над городом величественной дугой, сияя солнечным спектром от края до края полукругом. Даже понимая природу этого явления, глаз невозможно оторвать от столь редкостной красоты! Несколько минут мы просто восхищенно молчали. И тут Виктор Иванович произнес: «Интересно, что думали древние, когда такое видели...». Я понял, что его это занимает постоянно: понять мировосприятие, мотивацию и логику действий людей, живших тысячи лет назад – тех людей, которые строили загадочные для нас сооружения, которые он теперь раскапывает.

Попытки «вживания» в строй мышления древнего человека предпринимались многими учеными, в том числе и его сотрудниками. Так, Игорь Сергеевич Клочков – автор замечательного труда, посвященного некоторым аспектам духовной культуры Месопотамии II-I тысячелетий до н.э. – признавался, что именно участие в экспедиции Сарияниди весной 1974 г. способствовало возникновению замысла книги, в которой он попытался реконструировать в наиболее общих чертах систему ценностей и поведенческих стимулов, выработанную обитателями оазисных цивилизаций Древнего Востока: «Несколько недель, проведенных в безлюдных песках на руинах древнего города, создали то психологическое настроение, которое заставляет особенно ярко представлять и воспринимать прошлое» (Клочков, 1983. С. 4). В.И. провел в этих местах, пожалуй, четверть своей долгой жизни: по три-четыре месяца полевых работ ежегодно в течение примерно шестидесяти лет. Соответственно, глубина его погружения в контекст изучаемой эпохи вряд ли имеет прецеденты.

Этнографы не без оснований полагают, что их инструментарий позволяет «доказательно и наглядно раскрыть известный тезис о том, что источник мировоззрения вытекает из условий материальной жизни человека, причем не только подтвердить тезис, но и проследить возникающую «обратную связь», т.е. влияние мировоззрения на материальную жизнь в ее непосредственных проявлениях» (Родионов, 1992. С. 3). Археолог же в свою очередь идет от обратного – получая в свое распоряжение необъяснимые артефакты. Чтобы понять их,

он представляет себя человеком далекого прошлого и пытается имитировать его поведение, мысли и чувства. Выражаясь языком психологии, «субъект использует всего себя для моделирования другого. Он активизирует не только свою когнитивную сферу, но и моторную. Он напоминает актера, играющего роль другого человека. Имитация – это акт трансформации себя в другого» (Лефевр, 2003. С. 248). Такая методика, разумеется, далеко не всегда работает, и тогда исследователь обращается к нарративным источникам. Именно внимательное штудирование Авесты дало В.И. Сарияниди ключ к разгадке функционального назначения вскрытых им планировочных структур, которые он приурочил к культовым практикам и погребальным обрядам жителей древней Маргианы. Для их объяснения он ввел понятие «протозорастризм», вызвавшее бурную и до сих пор не закрытую научную дискуссию.¹

Рассказывая о том, как он пришел в археологию, Виктор Иванович вспоминал один эпизод своего детства, ставший своего рода матрицей будущей судьбы, выбора профессии. Когда он был еще в нежном возрасте, жила у них в ташкентском дворе козочка, всеобщая любимица, бегавшая с детьми в их резвых играх. Когда она сдохла, отец закопал ее в дальнем углу участка. Прошли годы, дети подросли, козочку забыли. Но однажды, помогая взрослым рыть лунки для посадки деревьев, юный Витя наткнулся на кости маленького животного. «Папа припомнил, — рассказывал В.И., — что именно здесь он когда-то зарыл их козу». Случайная находка произвела сильное впечатление на подростка. Почти как Гамлет с черепом Йорика, он поразился метаморфозам жизни, но ощутил при этом страсть искателя, жажду дознавателя истины, что естественным образом подпитывалось прочитанными детективами. Так он открыл для себя метод индукции. Возникла ранняя мечта стать следователем-криминалистом, которую вскоре сменило другое, гораздо более сильное стремление к раскрытию тайн далекого прошлого. Но если романтизм природы в сочетании с наблюдательностью и логическим мышлением обеспечивают сыщику уникальные качества Шерлока Холмса

или комиссара Мегрэ, то в сфере археологии те же свойства человека позволяют ему обрести некий особый дар, без которого невозможны никакие серьезные открытия. История науки изобилует примерами того, что отнюдь не университетские дипломы гарантируют профессиональный успех.

Эпоха, которой занимался В.И. Сарияниди, чрезвычайно сложна для постижения. Известный французский историк Марк Блок констатировал: «...исследователь доисторических времен столь же неспособен из-за отсутствия письменных данных восстановить религиозные обряды каменного века, как и палеонтолог — железы внутренней секреции плезиозавра, от которого сохранился лишь скелет» (Блок, 1973. С. 35). Надежда найти хоть какие-то признаки протописьма в старой дельте Мургаба никогда у В.И. не угасала, и он радовался даже ее косвенным признакам – таким как примитивные глиняные шарики-токины с нацарапанными на них штрихами и две вполне читаемые импортные печати-амулеты с хараппским и старовавилонским текстами. Я в этой связи напоминаю ему, что не надо так уж огорчаться из-за отсутствия гонурского письменного архива и преувеличивать его роль, а стоит прислушаться к суждению Мирчи Элиаде: «Свидетельства месопотамских культур, как и в случае других архаических культур, лишь отчасти выражены письменами. Большая их часть, и самая содержательная, передана символами, архитектурой, космографией и т.д. Мы бы ошиблись, не признав за этими источниками той же значимости, которую обычно склонны придавать письменным документам» (Элиаде, 1998. С. 85). И ведь действительно, Сарияниди смог на основе добытого им материала представить довольно убедительную картину цивилизации древневосточного типа, которая процветала в нынешней пустыне больше четырех тысяч лет тому назад.

Интуиция, которой обладал Виктор Иванович, была, безусловно, основана на его академических знаниях и огромном полевом опыте. Но столь тонкое чутье и удивительная проницательность, без которых знания и опыт зачастую оказываются бесполезным грузом, проявились во многом благодаря его природному таланту и, пожалуй, характеру его личности. Он быстро схватывал суть вещей, слушая лек-

¹ См., в частности, блок статей нескольких археологов и лингвистов в журнале «Вестник древней истории», 1989, № 1. С.152-180.

ции (а с учителями ему невероятно повезло), читая научные отчеты, статьи и книги. Он мог легко налаживать контакты с людьми и умел дружить. Всему этому нельзя научиться, каким бы прилежным ни был ученик, это тем более нельзя купить, как покупают ныне дипломы о мнимом образовании. Таким надо родиться. Я даже думаю, что таких больше нет. И не скоро будут.

В судьбах людей, особенно людей незаурядных и творческих, важную роль играет география их жизни. Виктор Иванович родился и вырос в Ташкенте – этот интернациональный в то время город, безусловно, был для него, понтийского грека, родным. Поселился в Москве в 1956-м и с тех пор до конца своих дней формально являлся москвичом – там, на Троекуровском кладбище обрел и свой последний приют. Особое место в его жизни занимала родина предков – Греция, город Афины. Он стал бывать там довольно часто с тех пор, как туда эмигрировали его сестра Инна Ивановна Сарияниди и племянница Вероника. Но фактически душой и мыслями он постоянно пребывал в Каракумах, на просторах древней Маргианы.

Я уверен: только там, вдали от современной цивилизации, всегда в окружении друзей, он был по-настоящему счастлив. Это стало особенно заметно, когда его могучий организм начали одолевать возрастные недуги. Летними и зимними месяцами в Москве он почти не выходил из своей последней квартиры в Беляево. Когда стало трудно ходить, отказался даже от прогулок рядом с домом и порой казалось, что физическое состояние уже не позволит ему вернуться в любимую Маргиану. И сам он в последние годы после каждого полевого сезона повторял: «Ну все, это была моя последняя экспедиция». Возвращение в Москву означало тоску и уныние, болезни и одиночество. Конечно, он не был там ни одного дня всеми забыт: кроме постоянно опекавшей его дочери Ирины и ближайшего друга и соратника Надежды Анатольевны Дубовой чуть ли не ежедневно являлись визитеры: сородичи-греки, журналисты, ученые, да и просто друзья – старые и новые. Скучать ему не давали, хватало и письменной работы. Но все это было не то. Смысл жизни был там, в дорогой его сердцу Маргиане. Уже за пару месяцев до следующего полевого сезона мысли его, казалось, были только об этом:

найти деньги, договориться с людьми, подготовить лагерь. Конечно, он напрягал всю свою волю и вопреки советам врачей твердо настаивал на поездке. Самое удивительное, что после мучительного перелета в инвалидном кресле по маршруту Москва – Ашхабад – Мары, а потом еще трехчасовой езды на внедорожнике до Гонура, попав туда, он как-то приободрился и действительно начинал чувствовать себя значительно лучше! Не воздух, а сам дух места был для него целебным. Жизненные силы давал ему древний *genius loci*. Вот почему, мне кажется, он не мог там умереть, хотя наверняка думал об этом. Неспроста же сказал однажды, когда мы сидели у костра под яркими звездами пустыни: «Вот здесь вы меня и похороните».

Но вышло иначе и это не суть важно. Память о нем все равно живет наиболее объемно и зримо только на туркменской земле, чьи тайны он раскрывал. Только там он еще при жизни стал легендой. Там его знает едва ли не каждый школьник, потому что он и его открытия давно включены в учебники истории Туркменистана. Народные музыканты-бахши поют о нем песню, а однажды ему показали кроссворд в какой-то туркменской газете, где на вопрос «первооткрыватель Маргианы» требовалось слово из девяти букв... Этот факт его позабавил и порадовал, он об этом с юмором говорил: «Ну всё, я попал в кроссворд. Жизнь удалась!».

Вспоминая бесконечно дорогого для меня Виктора Ивановича, я вовсе не хотел его идеализировать и лепить из него икону. «Такие изображения, — писал один классик, — вредны для истории... они и безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было... надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания» (Ходасевич, 1991. С. 44-45). А ведь как часто именно отсутствие понимания ранит больше, чем откровенно враждебные действия недругов.

В жизни Сарияниди всего хватало: страданий и счастья, ненависти и любви, лишений и наград, поражений и триумфа. Активная профессиональная деятельность его была достаточ-

но долгой и насыщенной, и хотя дни, месяцы и годы суровой и однообразной, казалось бы, работы археолога в поле не богаты внешними событиями, внутренняя динамика, постоянная

работа мысли, напряженное ожидание открытий и радостей, когда они случаются, делают её значимой для общества, а личное существование — цельным.

Библиография

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр. М.: Наука, 1973.
2. Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983.
3. Лефевр В.А. Алгебра совести. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003.
4. Массон В.М. Формирование и расцвет цивилизации древневосточного типа на юге Туркменистана // Памятники истории и культуры Туркменистана. Научные открытия, исследования и реставрационные работы за 20 лет независимости / Под общей
- ред. М.А. Мамедова. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011.
5. Родионов М.А. Введение // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука, 1992.
6. Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш. М., 1993.
7. Стеблин-Каменский И.М. Анекдоты про востоковедов // *Turcica et Ottomanica*: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006.
8. Ходасевич В. Некрополь. М.: Советский писатель – Олимп, 1991.
9. Элиаде М. Азиатская алхимия. Пер. с англ. М., 1998.



Н.А. Ковалева

ГосНИИР МК РФ, г. Москва, Россия

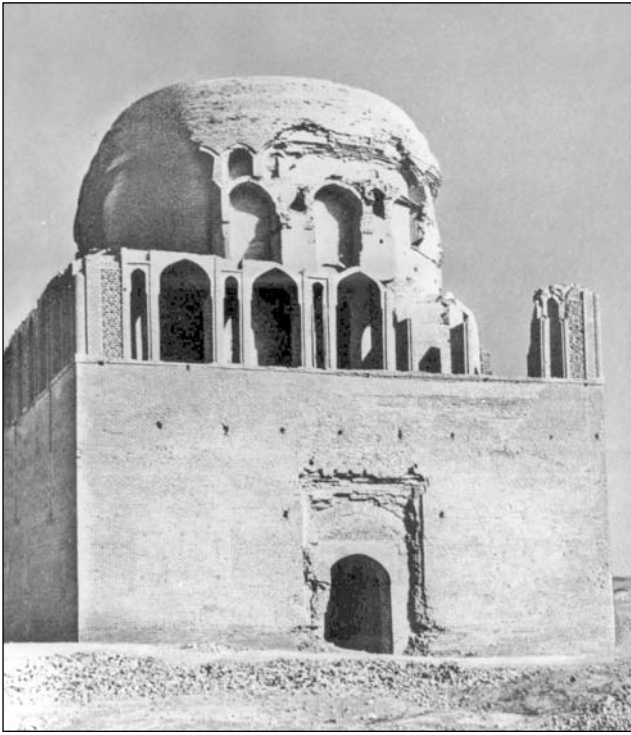
Виктор Сарианиди – последний Крылатый Лев Маргианы

Этот рассказ о том, как я несколько раз пыталась попасть в экспедицию к Виктору Ивановичу Сарианиди, о прекрасных людях, которые прямо или косвенно принимали в этом участие, о том, как всякий раз на пути вырастали непреодолимые препятствия, и о том, что все в этой жизни непредсказуемо и взаимосвязано гораздо более, чем мы себе представляем.

Мое знакомство с Виктором Ивановичем Сарианиди состоялось почти случайно. В августе 1978 г. Геннадий Андреевич Кошеленко (в 1971–1972 гг. – заведующий, а на самом деле – создатель и «крестный отец» нашего Отдела монументальной живописи ВЦНИЛКР, а теперь ГосНИИР¹), познакомил меня с Вик-

тором Ивановичем, и тот спросил, не хочу ли я поехать к нему в экспедицию «в Маргиану» реставратором? При первом знакомстве он сразу озадачил меня своим немного диковатым, каким-то «львистым» обликом, резкой безапелляционной манерой решения любых вопросов и цветными сказками о Туркмении и о жизни в пустыне Каракумы – в Маргиане. Его внешность вполне вязалась с моими представлениями о Каракумах. Надо сказать, что многие сотрудники нашего отдела ездили на раскопки в разные места Средней Азии – от Узбекистана до Афганистана, и я ныла, что тоже «хочу в экспедицию», тем более что после рождения дочки я хотела поехать «все равно куда». А Маргиана – это, как оказалось, тоже Туркменистан, и я, конечно, захотела туда попасть очень и очень. Тем более что мы с Виктором Соловьевым только что вернулись из командировки в Байрамали, расположенного в нескольких километрах от г. Мары. Туда мы ездили с

1 ВЦНИЛКР – Всесоюзная (позднее – Всероссийская) центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей; позднее – Всесоюзный; ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры РФ.



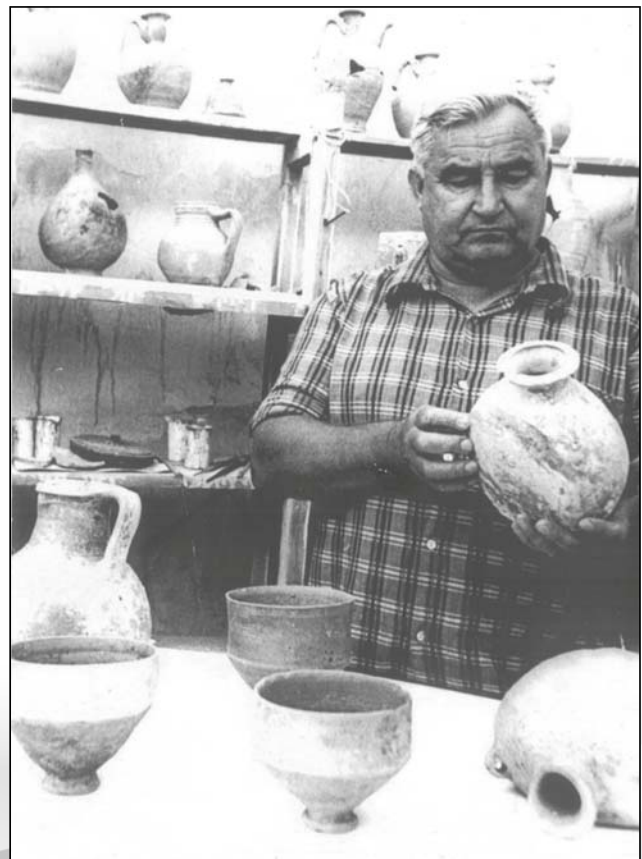
Мавзолей Султана Санджара, XII в. Туркменистан, 1984 г.

фотографами переснимать результаты наших работ прошлого, 1977 г. по реставрации живописи XII в. фриза Восточной стены в мавзолее Султана Санджара. Фотографировать росписи заново пришлось потому, что границы кадров съемки 1977 г. «после реставрации» почему-то не совпали с кадрами «до реставрации», да и с промежуточными «процессами реставрации» тоже. А в таком виде невозможно было сдать отчет о проделанной работе. Получилось так, что за документацию, в том числе и за фотографии, теперь отвечала я. Побывав однажды в этом благословенном месте (и вообще – в Азии), я «заболела» Туркменией на всю жизнь.

В экспедицию к В.И. Сарияниди мы должны были ехать втроем: Лена Жаренкова (теперь Данченко), прекрасный реставратор-монументалист Алипий Балдин и я. Поехали же Лена с Алипием без меня. Дело в том, что фотографы никак не могли напечатать заново отснятые на Санджаре фотографии, потому что у одного из них, Гены Жукова по возвращении случились неприятности семейного характера, а Валя Пичугин (второй фотограф) вообще куда-то пропал. Надо сказать, что фотографы ВЦНИЛКР – это была особая каста, прямо «брахманы» такие. Они гордо жили по своим собственным законам, которые частенько не совсем совпадали с работой реставраторов. Но это – уже совсем другая история...

Итак, пока я «отлавливала» фотографов, сдача отчета по живописи мавзолея Султана Санджара затягивалась. И тогда Олег Владимирович Обельченко (который, благодаря своим связям, и «устроил» нам работу на мавзолее, за что я ему и по сей день чрезвычайно благодарна) вычеркнул меня из списка командированных в экспедицию к В.И. Сарияниди.

О.В. Обельченко – это особая тема в жизни нашего Отдела. Геннадий Андреевич и Виктор Иванович участвовали в его переводе из Ташкентского Университета в Москву. После того как Г.А. Кошеленко вернулся на работу в Институт Археологии АН СССР, О.В. Обельченко стал (до 1975 г.) нашим заведующим. В 1978 г. он уже был заместителем директора ВЦНИЛКР по науке, а по совместительству и заведующим хозяйственным «Отделом внедрения», им же и созданным незадолго до того. Но когда перевод Обельченко еще только предполагался, Геннадий Андреевич за обеденным чаем «кормил» нас такими, например, байками о нем: «это такой рассказчик, что когда рассказывает в курилке «Ленинки» (библиотеки им. В.И. Ленина) о футболе, все умолкают». Правда, я никогда не видела, чтобы Олег Владимирович курил...



Олег Владимирович Обельченко. 1980-е годы.



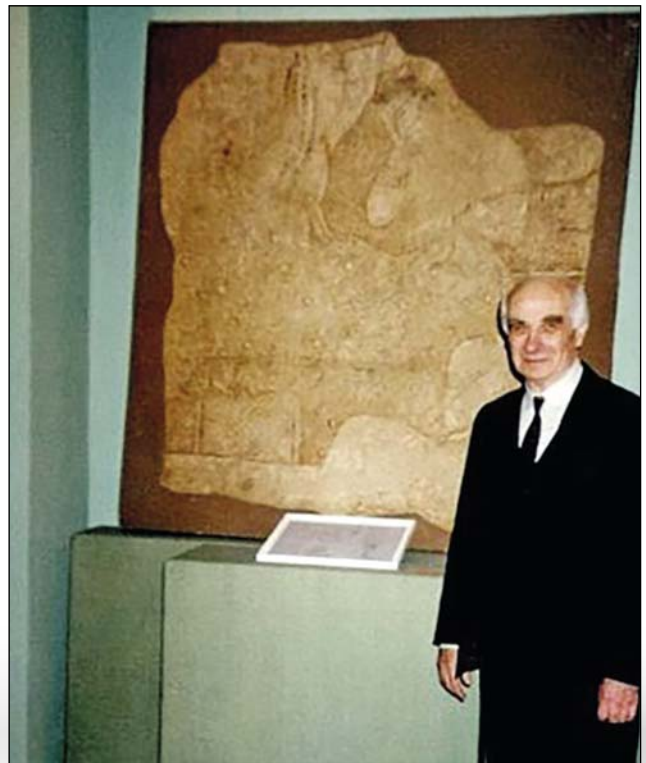
Леонид Аркадьевич Лелеков. Сарнатх, Индия.

Когда экспедиция Сариниди уехала, фотографии, конечно, нашлись, и отчет был сдан. Так печально закончилась моя первая попытка попасть в Маргиану.

Возмущения и обиды мои невозможно было описать. С Обельченко я смертельно поругалась. И тогда, устав нас мирить, Леонид Аркадьевич Лелеков (заведующий отделом монументальной живописи после Обельченко; какие едкие эпитафии он писал – Гафт «отдыхает»!) предложил мне поехать в Хорезмскую экспедицию на раскопки знаменитой Топрак-кала. Как раз поступила информация о том, что на ее северном комплексе «пошла живопись». Так что, вместо Маргианы, я вместе с Виктором Соловьевым и научным руководителем экспедиции Юрием Александровичем Рапопортом из Института этнографии АН СССР полетела в город Нукус – столицу Каракалпакии. На аэродроме в Нукусе нас встретил экспедиционный водитель Саша Гончаров вопросом: «А где экскаваторы?». Оказывается, пришла телеграмма: «...прилетаю двумя экскаваторами Юра». Телеграфисты просто не подозревали о существовании такого понятия как «реставратор»... Как мне потом рассказали в экспедиции, бывали тексты и похлеще, например, такой: «Черти живы слоны почти», что означало «Чертежи высланы почтой». Так что «экскаваторы», было даже, вроде бы, «поближе

к теме». Из Нукуса нас повезли на Топрак, где я провела в дальнейшем несколько счастливых сезонов под мудрым отеческим присмотром Юрия Александровича и начальника отряда Владимира Анатольевича Лоховица. А когда в отряд приезжала жена Юрия Александровича тоже известный археолог Ольга Александровна Вишневская и привозила с собой «яичный ликер», с помощью которого устраивала традиционный «девишник», – это был настоящий праздник. В раскопках участвовала и их дочь – решительная и талантливая Надя Вишневская, теперь – научный сотрудник и хранитель фонда керамики Музея Востока.

В тот первый приезд вечером я познакомилась и с Еленой Евдокимовной Неразик, копавшей городище Топрак-кала, а также с работавшей в ее отряде писательницей из Ленинграда Милицей Измайловной Земской, автором романтической книги о раскопках на Топрак-кала в 1960-е годы. С ней была ее огромная собака, кажется, алабай Хайдар. На обратном пути через Нукус в Москву мы с Виктором Соловьевым, Милицей Измайловной и Хайдаром, предводительствуемые незабвенным создателем и директором знаменитого Нукусского Художественного музея Игорем Витальевичем Савицким, ночью бродили по темным, попеременно освещенным



Юрий Александрович Рапопорт возле фрагмента росписи «Траурная сцена» из помещения 1-38 Северного комплекса Топрак-кала. 1990-е годы.

щаемым, залам музея. Это невозможно описать словами! Музей мы потом традиционно посещали всякий раз, бывая в Нукусе. Здесь можно было сидеть прямо на полу и смотреть на любимые картины знаменитых художников – Фалька, Волкова, Павла Кузнецова, Мазеля, других. До сих пор стоят перед глазами картины Козочкина – нашего «Босха 1930-х годов». В кабинете Игоря Витальевича была огромная папка настоящих гравюр Дюрера. И.В. Савицкий жил в Музее и был настоящим героем: сколько картин прекрасных художников, да и самих художников он просто спас! Музей живот и в наши дни, располагаясь в новом, стеклянном здании... На Топраке я освоила первые приемы полевой консервации археологической живописи, побывала в Бухаре и Хиве, куда нас возили на выходные... И окончательно полюбила Азию.

Теперь я вот думаю, что если бы не Сариниди со своим приглашением, и не моя отчаянная безуспешная попытка поехать к нему в Маргиану, то вполне могло случиться так, что я больше никогда и никуда, ни на какой Топрак, ни в какую экспедицию, ни в какую Азию не попала бы. Тем более, что вообще-то тогда я числилась в секторе древнерусской живописи. Сектор принято было называть еще и «известковым», потому что росписи в России выполнялись на известковом основании, а в Азии – на ганчевом (гипсовом). К тому времени в моем активе уже были такие памятники, как часовня Св. Анастасии с росписями Н.К. Рериха во Пскове (1971 г.), античный «Синдский» склеп в Анапе, где на закопченных кострами «туристов» стенах осталось не более, трех дециметров очевидных росписей (1972 г.), фрески шатра Покровской церкви XVI в. – живопись времен Иоанна Грозного в Александровской слободе (1973 г.). Последние два объекта были моей стажировкой в замечательной бригаде по-настоящему великого владимирского реставратора Александра Петровича Некрасова, который спас десятки памятников во Владимире и области, а главное – знаменитый «Страшный суд» Андрея Рублева во владимирском Успенском соборе.

Так что я уже достаточно прочно вошла в профессию и полюбила ее, но все мои перспективы и чаяния в «известковом» направлении спутала командировка в Байрамали в мавзолей Султана Санджара. Завершило этот процесс приглашение Виктора Ивановича в Маргиану.

Лена и Алипий вернулись, наконец, из экспедиции. Впечатлений различного рода была масса, в том числе и бытовых, но выяснилось, что живописи у Сариниди не было, зато было много керамики. И впоследствии, когда мы с Виктором Ивановичем «сталкивались» в коридорах Института археологии, он неизменно с любезным «рычанием» спрашивал, собираюсь ли я к нему в экспедицию, а я, каюсь, нахально предлагала найти для этого живопись. Просто теперь у меня с того самого 1978 г. уже «была живопись» в Северном комплексе Топрак-кала. Потом, с 1981 г. прибавился буддийский пещерный монастырь Кара-тепе под Термезом, где была и живопись, и скульптура, и интереснейшие граффити – рисунки и надписи на стенах пещер, оставленные, когда монастырь был уже заброшен, пастухами и странниками на кушанском, бактрийском, арабском, индийских и других языках. Потом добавилось еще и Краснореченское городище в Киргизии, где кроме росписей и скульптуры была еще роскошная полихромная резьба по сырой глине и резьба по ганчу. Здесь работами руководила прекрасный археолог, ныне доктор наук Валентина Дмитриевна Горячева.

Да и командировки в Байрамали, по договору с Министерством культуры ТССР, стали регулярными. Правда, к сожалению, начатые в 1977 г. реставрационные работы в Мавзолее Султана Санджара после 1991 года мы были вынуждены прекратить, не завершив. Но все же нам удалось сохранить для потомков – «довести до экспозиционного вида» росписи фриза на трех стенах интерьера – восточной, северной и южной – живую, великолепную живопись XII в., сильно потраченную, но не тронутую до нас никем. Также нам удалось исследовать все участки с красками, куда только мы могли дотянуться. На западной стене мавзолея работы в 1990–1991 г. были лишь начаты, т.к. только-только установили леса.

Работу в мавзолее можно было сравнить только с жизнью в Раю: он был густо населен самыми разнообразными птицами, летавшими среди нас, громко щебетавшими и выкармливавшими птенцов иногда прямо у нас под ногами. Не могу удержаться и не рассказать потрясающую историю. Впервые в жизни я наблюдала взросление птенцов почти от самого рождения. Гнездо было устроено прямо на лесах, в метре



Мавзолей Султана Санджара. Живопись восточной стены после реставрации. Фото любезно предоставлено М.А. Мамедовым.

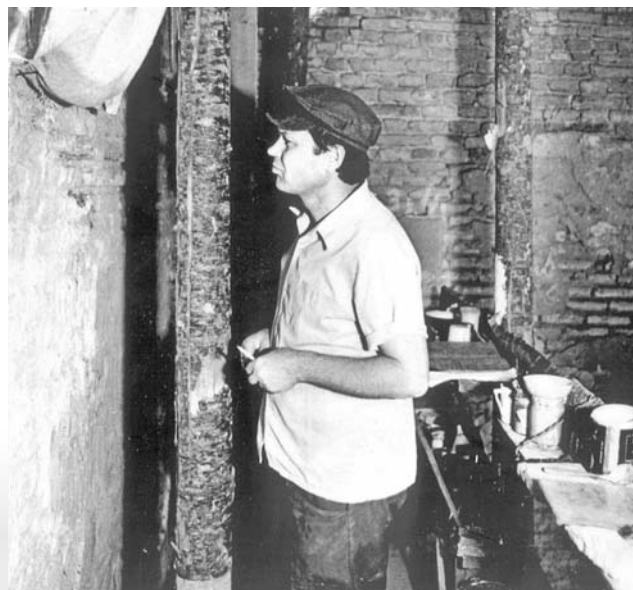
от места моей работы на северной стене. Сначала это были четыре яйца. Они очень скоро полопались и появились четыре голых птенчика, которых мама, маленькая горlinkа принялась кормить. Так вот теперь самое интересное: с самого начала они не стали делать «свои делишки» в гнезде, а подползали своими маленькими попочками к самому его краю. В конце концов, вокруг гнезда выросло широкое кольцо экскрементов, а в самом гнезде было чисто и сухо. Задумаешься тут о жизни!

Кстати, при нас же Мерв, а в нем мавзолей Султана Санджара, в 1986 г. стал музеем и заповедником, который задумал и создал прекрасный человек и энтузиаст Азим Салихович Ахмедов. Этот по-настоящему государственный человек раньше жил в Ашхабаде, пел в Оперном театре, затем работал, кажется, на телевидении, а потом вернулся в родные места, в колхоз Туркменистан и стал директором Заповедника «Древний Мерв». Племянник Азима Салиховича Хошгельды, который иногда заходил к нам в мавзолей, оказался необыкновенно талантливым художником и графиком. Он учился в Москве, но не выдержал климата. Его чарующие полотна есть теперь и в Музее изобразительных искусств г. Ашхабада. К сожалению, в 1986 г. он умер – отказало сердце. Ему было 40 с небольшим. Азима Салиховича тоже недавно не стало...

О Викторе Ивановиче, до знакомства с ним, я знала только то, что он – великий археолог и помогал Кошеленко – тогда еще нашему заведующему Отделом «перетащить в Москву из Ташкентского университета» О.В. Обельченко. И

еще, что он много лет «копает» почти в одном и том же месте, правда, иногда отвлекаясь в сторону, например, Афганистана. Там его и Ирины Тимофеевны Кругликовой экспедиция вела археологическую разведку и раскопки разных памятников, в том числе античного городища Дильберджин-тепе. Реставрационные работы там в течение ряда лет проводил ведущий реставратор (после Л.А. Лелекова руководивший нашим отделом) Владимир Прокофьевич Бурый. Он же работал с Виктором Ивановичем там же, в Афганистане на раскопках Тилля-тепе, где были найдены царские захоронения с сокровищами, составившими богатейшую коллекцию, гордость культурного наследия Афганистана – знаменитое «Бактрийское золото». Через руки В.П. Бурого прошли все золотые находки Тилля-тепе. Он раскрывал их в поле, фиксировал, зарисовывал, фотографировал и потом готовил эту коллекцию к экспозиции. Если бы не он!..

В.П. Бурый был зав. сектором Среднеазиатской живописи, а в 1980–1985 гг. заведовал нашим Отделом монументальной живописи и вел все среднеазиатское направление. С 1971 по 1988 гг. он работал над созданием методики консервации и реставрации настенных росписей средневековых памятников Центральной Азии, в том числе – и мавзолея Султана Санджара. Вместе с В.И. Сарияниди он много лет проработал в Афганистане. Только присутствие в экспедиции Бурого стало залогом спасения огромного числа фрагментов бесценных росписей и скульптуры Дильберджина.



Бурый Владимир Прокофьевич в мавзолее Султана Санджара на лесах у Южной стены. 1984 г.



«Искандер». Предполагаемый портрет Александра Македонского. Афганистан, Дильберджин.

Начиная консервацию и реставрацию античных росписей Дильберджина еще в самом начале 1970-х, В.П. Бурый, сам и реставратор, и, исследователь, и химик (счастливое сочетание!), понимал, что существующие методы полевой консервации и последующей реставрации археологических находок (фрагментов настенных росписей и полихромной скульптуры) далеко не совершенны и стал искать им альтернативу. И нашел! Если в 1978 г. мы с Виктором Соловьевым выполняли полевую консервацию фрагментов росписей в Топрак-кала по методу, разработанному в Эрмитаже (с использованием полибутилметакрилата, ПБМА, растворенным в ксилоле), то в 1979 г. В.П. Бурый сам приехал с нами (В.А. Соловьевым, А.Д. Дорофеевым и мною) на раскопки Топрака с новым материалом (БМК-5 – сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой), опробованным им в Афганистане и в Узбекистане на раскопках развалин дворца Бухар-худдатов на Варахше. Это был прорыв! Как показали дальнейшие исследования, БМК-5 не менял цвета и фактуры нежной свежераскопанной живописи, лишенной связующего. В то же время он достаточно укреплял ее и позволял, при необходимости, обрабатывать в поле вплоть до экспозиционного вида. И самое главное, были подобраны растворители, наименее токсичного ряда (изопропиловый спирт, ИПС, и введенный позднее уайт-спирит), что в противовес ксилолу было ощутимо менее вредно для реставратора. Теперь и в поле, и в лаборатории мы уже работали только с БМК-

5, доводя метод до совершенства. С помощью БМК-5 нами законсервировано огромное количество фрагментов полихромной монументальной живописи и скульптуры на раскопках замечательных центральноазиатских памятников. Во-первых, это Топрак-кала, а затем, с 1981 г. – Кара-тепе, с его бессменным руководителем Б.Я. Стависким. Они стали прекрасным полигоном для разработки методики полевой консервации и реставрации с помощью БМК-5. Основа монументального декора Среднеазиатских памятников, лёсс очень чувствителен к использованию различных консолидантов, т.к. легко меняет цвет. Поэтому отбор растворных пропорций и режима обработки у нас происходили на натурном материале, а не на «модельных образцах».

Потом в 1987–1990 гг. была Варахша – затерянный среди барханов прекрасный дворец Бухар-худдатов, Ниса (1986–1987, 1990), Калалыгыр 2 (1990, 1991), Мансур-депе (1986), Краснореченское городище (1983–1985, 1987, 1988), Бурана (1985), Зар-тепе (1981). И теперь – последнее наше «пристанище» – страна Маргуш и ее столица – величественный Гонур, упрянтанный в песках Каракумов и скрывающий еще множество тайн. Теперь мы работаем над находками из раскопок Гонура, используя тот же БМК-5. За годы работы на этих прекрасных памятниках под руководством таких Учителей, как Ю.А. Рапопорт, В.А. Лоховиц, Л.А. Лелеков, В.П. Бурый, Б.Я. Ставиский, Г.В. Шишкина, Т.К. Мкртычев, другие, не говоря уже о создателе



Кара-тепе, Узбекистан, 1984 г. Б.Я. Ставиский с археологами. Слева направо: Л. Антипов – археолог из Ленинграда; солдат пограничник, К. Мееров – физик из ВНИИР, Б.Я. Ставиский, Н.А. Ковалева, начальник стрельбища Виталий, В.Н. Мазурина – зав отделом буддизма Музея истории религии, Ленинград.



Кара-тепе, Узбекистан. Буддийский культовый комплекс в Старом Термезе, II–V вв. Граффити «Ваза с цветами и свастики» на полу двора комплекса В. 1982 г. Рисунок В. Бузкова.

и первом заведующем Отделом монументальной живописи ВЦНИЛКР Г.А. Кошеленко, неутомимом организаторе полевых работ О.В. Обельченко и последнем Льве Гонуре В.И. Сарияниди, нам удалось многое «впитать» и уяснить. Главное: можно сколько угодно спорить о том, наука ли реставрация или ремесло, но все равно прийти к выводу, что, хотя, конечно, она – наука. И в то же время она – ничто без опыта, который накапливается многими годами работы над собой, вдумчивого труда, груза сомнений, профессиональных споров и «реставрационных советов» — обмена мнениями и тем самым опытом.

БМК-5 прекрасно показал себя также и в работе с археологической известковой живописью при раскопках дворца VIII в. на острове Пор-Бажын в Тыве и с обломками фресок X в. из раскопок руин прелестного византийского храма Крион-Нерон в горах под Адлером.

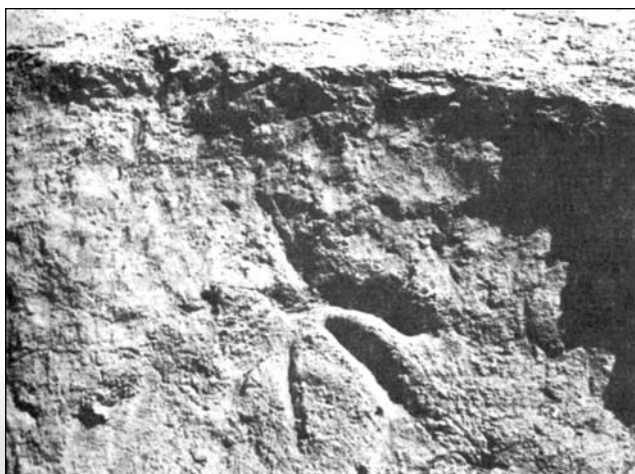
Уже после перехода В.П. Бурого в 1988 г. из НИИ реставрации в Строгановскую Академию, методика была оформлена в виде Пятилетнего Отчета Среднеазиатского сектора Отдела монументальной живописи за 1986–1990 гг. Среди его авторов первой стояла фамилия ее создателя – Владимира Прокопьевича Бурого.

Кстати, о «Бактрийском золоте». Моя подруга Тамара Анатольевна Подлесная (тогда Шумейко), работала в те времена в Музее Востока. Когда она узнала, что я пишу о моих встречах с Сарияниди, рассказала мне такую историю. В 1981 г. она оказалась в командировке в Афганистане, в Кабульском музее с заданием подбора

экспонатов и составления списков для выставки в Москве из постоянной выездной экспозиции этого музея, посетившей уже многие столицы мира. Однажды (она не рассказала, по какой причине) хранители Музея, по словам Тамары, «высоко образованные, интеллигентнейшие, с великолепным английским» специалисты, вдруг повели ее в подвал Музея, в уставленное ящиками дальнее хранилище. Там они открыли один из ящиков и начали доставать и показывать ей, а также, к ее глубокому изумлению, примерять на нее необычайной красоты золотые украшения – подвески, ожерелья, роскошный пояс... Это было оно – «Бактрийское золото», о котором она до того только слышала. Тамара была просто потрясена и действиями хранителей, и видом удивительно красивых, драгоценных вещей. Только царский головной убор она отказалась примерить – «не посмела, побоявшись возможного гнева царицы». Кроме того, как «настоящий музейщик», она опасалась еще и за сохранность вещей. По ее словам – это был один из самых загадочных, удивительных и счастливых дней ее жизни! Хранители же Музея говорили, что это – в знак уважения и благодарности Советскому Союзу и в особенности – Виктору Сарияниди, о котором все они отзывались с глубочайшим почтением. Тамара по долгу службы была знакома с Сарияниди лишь «шапочно». Но теперь, по ее словам, вдруг почувствовала необычайную гордость и за принадлежность к великой стране, и за знакомство с великим человеком.

В.И. Сарияниди после моей несостоявшейся поездки в Маргиану все-таки был со мною вполне общителен и изредка дарил мне свежие книги и статьи об очередных этапах своих раскопок. Одна из них, о раскопках Тоголока, даже вдохновила меня на попытку объяснить смысл одного из наиболее интересных и загадочных изображений, обнаруженных при раскопках Кара-тепе. Там прямо в глиняном полу комплекса «В» было вырезано изображение большого сосуда, в который были «вставлены» три «цветка». Этот рельеф располагался в направлении с запада на восток, вдоль пилонов, обрамлявших входы в пещеры, но ближе к южной стене небольшого святилища, где мы с Леной Жаренковой в 1981 г. нашли остатки буддийских росписей и большую, немного разрушенную статую Будды. Все называли этот сосуд просто «Ваза с цветами и свастиками», потому что на ее тулове было раз-

мещено довольно крупное изображение свастики. Другая свастика была вырезана на стене к востоку «над вазой». Глубина прорезей составляла 5-8 см, а от донца вазы до завершения верхней свастики было более трех метров. Безусловно, это – одно из самых «монументальных» изображений, встреченных мною когда-либо, простое и величественное. Начальник раскопок Б.Я. Ставиский, с 1961 и по 1994 г. руководивший раскопками на Кара-тепе, говорил, что посетители должны были ходить кругами вокруг этого рельефа. И вот я прочитала у В.И. Сарияниди, что в одном из круглых храмовых помещений Тоголок-21 был раскрыт фрагмент углубленного рельефа: вырезанное в полу изображение, похожее на трехпалый след огромной птичьей лапы. И высказывалось предположение, что в этих помещениях готовили легендарный ритуальный напиток сому-хаому, в состав которого входила, в том числе, эфедра. «Птичья лапа», вырезанная в центре пола, напоминает рисунок ветки эфедры. Там же присутствовала фотография этого действительно круглого помещения с большой «лапой» в центре. В энциклопедии я тут же нашла изображение эфедры. Сходство и в самом деле было впечатляющим. Так вот, центральный «цветок» из трех, вставленных в горло «Вазы» из Кара-тепе, сильно напоминал «лапу – эфедру» из круглого храма Тоголок-21. Правый цветок, трактуемый как «гранат», был скорее похож на маковую коробочку. Как, кстати, и левый, который, правда, был немного деформирован в результате многочисленных расчисток во время нескольких раскопочных сезонов (до тех пор, пока не появилась в 1981 г. я и не укрепила его).



Тоголок 21, Маргиана, Туркменистан.
Трехпалчатый знак, вдавленный на боковой поверхности
Большого алтаря.

А мак, как известно, также входил в рецептуру «сомы». И тогда у меня «сочинилась» целая поэма в прозе о том, как в горшке, подобном нашей «вазе», готовили священную сому-хаому. «Цветы» – это основные ее компоненты, их стебли – символическое изображение барсмана, которым взбивали пену (не отголосок ли этого ритуала – известная японская чайная церемония, в процессе которой специальным бамбуковым венчиком тоже взбивают пену?), а соляренный знак свастика – яркое образное олицетворение процесса брожения сказочного напитка под лучами солнца. Нашлись даже подходящие стихам из Авесты:

*«Из хаомы сока, прутами барсмана
И речи искусством, и мыслью, и делом,
И истинным словом я солнце почту»
Там было еще много...*

Это сочинение, к негодованию Людэ Бузковой, редактора, я вставила в пятилетний отчет, составленный в 1995 г. по научной теме «Исследование материалов и разработка методов консервации и реставрации...», а тезисы на ту же тему, послала на конференцию, посвященную 65-летию зав. отделом реставрации Самаркандского Института археологии А. Абдуразакова. Теперь этим подразделением заведует прекрасный реставратор, моя подруга и ученица Марина Реутова, с которой мы в 1981 г. удачно провели на Зар-тепе под Термезом полевую консервацию крупного фрагмента живописи. Ю.А. Рапопорт нашел и показал мне подобный сюжет, один к одному, изображенный на серебряном сасанидском блюде: огромная птица держит в когтях обнаженную женщину. Марина приехала с этим фрагментом на стажировку во ВНИИР, и мы с ней мы расчищали красочный слой этого шедевра. Тогда, на Зар-тепе сразу после снятия фрагмента я успела укрепить БМК-5 отпечаток лапы с когтями этой птицы и даже еще сырым заклеить. Жалко было бросать его: лапа была такая мощная. Теперь этот фрагмент висит у меня над столом в отделе....

Упомянутые выше тезисы напечатали. На конференцию я, конечно, не поехала. Тогда я готовила «Вазу» к экспозиции и очень прониклась ее таинственным очарованием. Мне кажется, что из всех достоинств этого замечательного произведения, кроме аскетичного его исполнения, есть одна основная загадка: расположение «вазы» во дворе комплекса «В», точное ее

направление ее горлышка на восток, прямо на проем в стене двора, навстречу восходу солнца.

Конечно, не все старшие товарищи одобрили такую вольную трактовку серьезного сюжета, а Тигран Константинович Мкртычев, пожурив меня, описал нашу «вазу» (в шестом сборнике «Кара-тепе») как *Пурну Бгхату* – банальный сосуд с цветами и плодами, изображениями которых часто украшались комнаты храмов, дворцов и жилищ простых горожан в Узбекистане, начиная с древности и до наших дней. Сама видела эти чудесные картины. Такая проза!

Только ведь ни на одной стене Кара-тепе среди многочисленных граффити – ни в пещерах, ни в наземных постройках, ни в округе (например, на Фаяз-тепе) ничего подобного нашей прекрасной «вазе» найдено не было. Добавлю к этому, что изображение «вазы» мы с Галей Вересоцкой в 1991 г. окончательно укрепили, заклеили, разрезали на 15 частей и увезли в Москву. Только «верхняя» свастика нам не досталась – ее «вырезала» еще до моего приезда Лариса, реставратор из Узбекистана, и увезла в Самаркандский музей. Зачем было разрушать композицию? Ведь комплексы Кара-тепе были изначально строго закреплены за отдельными музеями – участниками экспедиции, и комплекс «В» числился за Музеем Востока. Теперь, после реставрации, «ваза» с последней свастикой находится в Музее Востока и даже выставлялась на двух выставках: в 1996 г. к юбилею Бориса Яковлевича Ставиского, а потом – на выставке керамики из собрания Музея – эдакий монументальный тематический керамический символ. Говорят, что тот Самаркандский музей после 1991 г. был разрушен, а коллекции куда-то переданы... Где она теперь наша одинокая свастика?

На рисунке представлена панорама двора комплекса В с «вазой» на полу, сделанная замечательным художником из Ленинграда Славой Бузковым. Они с Людой Бузковой (ранее Федотовой), химиком-аналитиком, а потом – реставратором познакомились в экспедиции в Кара-тепе в 1982 г. и поженились там же, в Узбекистане в 1983 г. Потом на раскопки в Кара-тепе с ними ездил и их сын Клим.

Виктор Иванович, когда я поделилась с ним своими детективно-семантическими изысканиями, только хитро улыбнулся и, как мне показалось, одобрительно «хмыкнул». И сказал, что



«Ваза» из Кара-тепе после реставрации в экспозиции Выставки к юбилею Б.Я. Ставиского в зале Музея народов Востока. 1998 г.

вот и его книга пригодилась. Мне показалось, моя мысль ему понравилась.

Однако мечта попасть в Маргиану меня не оставляла. По неумолимому сценарию судьбы состоялась и вторая попытка. Летом 2004 г. мне позвонил Сарияниди и предложил поехать к нему на Гонур для консервации найденной в одном из захоронений деревянной повозки с деревянными колесами, имеющими бронзовые ободья. Повозка, конечно, не живопись, но сохранившееся дерево бронзового века – это тоже не «фунт изюма». К тому времени у меня уже накопился богатый полевой опыт: в экспедициях я успела поработать и с живописью, и со скульптурой, немного с тканями, костью, деревом, керамикой и даже чуть-чуть с металлом. Среди моих любимых работ был даже необыкновенной красоты (и столь же необыкновенных разрушений) египетский саркофаг, из Художественного музея города Иванова. Он происходил из привезенной морем из Каира Египетской коллекции создателя музея купца Дмитрия Геннадьевича Бурьлина – ивановского «Третьякова». Этот замечательный человек после Октября 1917 г. работал сторожем в созданном им Музее. Недавно в Иванове был объявлен конкурс на проект памятника ему.

Кроме того, в 1994 г. я успела аттестоваться на высшую категорию по специальности «Фрагменты археологического монументального декора музейного хранения». Поэтому повозки

я не испугалась, а страшно обрадовалась. Но и тут возникла одна маленькая, и как оказалось, роковая проблема: у меня не было загранпаспорта. Я бросилась в ОВИР. Надо было видеть эту огромную очередь, состоявшую преимущественно из бедных запуганных гастарбайтеров. Комнатка, где вершились людские судьбы, была одна, и все проблемы бурлили там, как теперь модно говорить, «в одном флаконе». Через три дня очередей мне было сказано, что раньше, чем через месяц, паспорт мне не получить, а паспорт нужен был срочно. За срочность, правда, можно было заплатить, но денег (особенно таких!) у меня не было.

Опять экспедиция уехала без меня! Реставратором же пригласили Наташу Чудновскую – прекрасного специалиста. И только благодаря ее присутствию, было спасено несколько замечательных фрагментов мозаик бронзового века, хотя занималась она этим материалом впервые. Но об этом чуть позже.

И тут от Виктора Николаевича Пилипко, с которым мне удалось еще в 1990 г. поработать в «белой комнате» роскошного парфянского памятника III-II вв. до н.э. Старая Ниса (в 1986-1987 гг. я работала в Нисе с Г.А. Кошеленко и его прекрасным помощником Васифом Обидовичем Гаибовым) я случайно узнаю, что в Ашхабаде этой же осенью 2004 г. состоится конференция, посвященная завершению реставрации моего любимого мавзолея Султана Санджара, которую провела турецкая компания «ТИКА», а также презентация этой реставрации.

Узнав о конференции, я связалась с Начальником Национального управления по охране памятников Туркменистана Мухаммедом Аннаевичем Мамедовым (с 1985 по 1991 гг. ангелом-хранителем наших работ в мавзолее Султана Санджара), послала ему свои тезисы и уговорила пригласить меня на эту конференцию. Ко времени проведения конференции загранпаспорт мне в аварийном порядке устроили через знакомых-знакомых... А то я и в этот раз никуда бы не поехала.

По прилете в Ашхабад одним из первых, кого я встретила в гостинице, был Виктор Иванович Сарияниди. Я давно его не видела и была поражена произошедшей в нем переменой: теперь со своей травмированной ногой – это был настоящий «Раненый Лев» с роскошной седой гривой, и его «сдержанное рычание» наполняло

смыслом пышный интерьер холла отеля. Кстати, почему «рычание»? Голос у него был вполне нормальный, но изредка «включались» такие интонации, описать которые невозможно, а впечатление они производили самое «львиное». А когда он показал мне фотографии находок того сезона (клянусь, я вообще-то совсем не плаксива!), то слезы навернулись на глаза: это были необыкновенной красоты мозаики, выразительно дополненные живописными вставками. На мой вопрос, что это за материал, он ответил, что – это, по-видимому, раскрашенный гипс. Однако потом было установлено, что это не гипс, а другой материал. Особенно впечатляло изображение «крылатого льва». Тут-то я поняла, что должна, просто обязана была занять любые деньги и заплатить за оформление загранпаспорта, так как лишилась, возможно, главного счастья моей жизни. Потому что удовольствие работать с такими вещами переоценить невозможно!

Под этим впечатлением конференция и даже посещение любимого города Байрамали прошли уже как в тумане. Правда я опять немного поплакала, войдя в мавзолей Султана Санджара, потому что с тоской рассталась с ним после 1991 г., проработав там 14 сезонов. Тогда это была величественная руина, способная потрясти любого, только лишь возникнув на горизонте. Теперь же я увидела аккуратный, полностью достроенный, незнакомый мавзолей, который, казалось, стал даже немного ниже ростом. И все же – это был Он! Невозможно описать нашу (мою!) благодарность М.А. Мамедову, который сумел настоять на том, чтобы росписи XII в., расчищенные и укрепленные нами, сохранились. Хотя и были пропитаны турецкими реставраторами каким-то клеем и немного изменили тональность, став «коричневатыми» (вероятно, в Турции так принято). Но зато они не были поновлены, что нередко случается в России! Дописаны были только частично утраченные ленты «плетенки», окаймлявшие белые пространства каждой стены, кое-что на парусах и на куполе, а также почти все размещенные в углах изумительной красоты орнаментальные вставки. Последние были поименованы знаменитой исследовательницей памятников среднеазиатского искусства Г.А. Пугаченковой типом *мадахили бадам* или «миндальный орех».

Мухаммед Аннаевич – это и в самом деле необыкновенный человек. Думаю, что в значительной мере благодаря ему и его помощнику Руслану Мурадову, красавцу и умнице, великолепному эрудиту с которым я познакомилась сразу же по приезде на конференцию, в Туркменистане до наших дней сохраняются прекрасные памятники древности. Отечественная забота Мухаммеда Аннаевича в период наших работ в мавзолее была поистине неоценимой. Знаю, что точно также, деликатно и ответственно помогал он и Виктору Ивановичу.

И надо, конечно, отдать должное высшему руководству страны, построившим и в Ашхабаде, и во всех велаятах роскошные музеи с великолепно оборудованными реставрационными мастерскими. Личная забота Президента о культурном наследии Туркменистана ощущается во всем, в том числе и в высокой оценке работы В.И. Сарияниди, присвоении ему почетного гражданства и звания почетного академика АН Туркменистана.

В мавзолее Виктор Иванович был со мною очень любезен. Мы немного поговорили. И тут, в разговоре о «Бактрийском золоте», я не смогла удержаться и рассказала о моем «Санджарском золоте». Азия, а в ней и Туркменистан – такое место, где у каждого, вероятно, есть «свое золото». Надо только быть внимательным. А дело было так: в первый наш сезон памятного 1977 г., работая на стене мавзолея, я очень заинтересовалась «техникой живописи». Лупы или чего-то подобного под руками не оказалось. Но наш фотограф Юра Ахметзянов научил меня: надо вывинтить из фотоаппарата объектив и получаешь почти микроскоп. На рассматриваемый участок с помощью карманного зеркальца надо направить солнечный зайчик. Была вторая половина дня, лучи солнца, проникали сквозь отверстия в куполе и ярко освещали живопись на стене. И вот, рассматривая красочную поверхность в мой «микроскоп», я увидела, как что-то блеснуло: на темно фиолетовом фоне обозначилось золотистое пятнышко, ограниченное прямым углом. Спутать невозможно – это был уголок листка сусального золота. Но почему – на темно-фиолетовом фоне? Ведь в России, да и в других местах в качестве подложки под золочение используют красную или желтую краски. Потом я поискала вокруг и нашла еще несколько маленьких золотых пятнышек, размером не более зернышка.



Н.А. Ковалева за расчисткой росписей Южной стены мавзолея Султана Санджара. 1984 г.

Побежала и рассказала, и показала эту красоту нашему руководителю В.П. Бурому. Сказать, что он удивился – это значит, ничего не сказать. Он удивился так, что даже в связи с этим открытием упомянул мою фамилию в отчете о реставрации 1977 г. Потом пожалел, конечно, но было уже поздно – «из песни слова не удалишь». Этот эпизод оказался поворотным моментом в деле изучения памятника, он показал, что колорит росписей мавзолея на самом деле был иной, нежели представляли до того. Основным элементом было золото, а фиолетовая краска – это всего лишь подложка под него, хотя как показали анализы – и не совсем обычная, на свинцовой основе. Уже потом, где-то году в 1990 мы с Людой Бузковой облазили все доступные участки росписей, даже на парусах, и везде на всех фиолетовых образцах наш замечательный аналитик Светлана Писарева нашла следы позолоты. Золото — это ведь такая «штука»: его не спрячешь! Криминалисты это хорошо знают. Представляю, как сверкали росписи мавзолея в XII в! А еще есть предположение, что и наружные стены Мавзолея были покрыты позолоченной резной штукатуркой. Об обломках золоченого резного

ганча у стен мавзолея писал Бачинский. Также могла быть покрыта позолоченной резьбой и панель в интерьере, от которой осталось лишь углубление в кирпичной стене. Не на эту ли роскошь пошло золото, которое Султан Санджар привез из удачного похода на Индию, и которое потом долго искали, но так и не нашли?

Надо сказать, что Султан Санджар — это был необычный султан, и женой у него была настоящая Пери, которая, даже поссорившись с ним, все же прилетала к нему по пятницам поговорить через отверстие в куполе мечети (или — нашего мавзолея?) Ему посвящал стихи поэт Низами, и ни о каком другом султанине не сложено столько необычных добрых легенд. И вот вам, пожалуйста, совсем свежая легенда о Санджаре, о которой я не могу не написать. Совсем недавно, в 2015 г. в Ашхабаде мы с Галей Вересоцкой возвращались из Музея изобразительных искусств после трудового дня. Было уже 11 часов вечера, и у Гали в руках была 5-ти литровая канистра с водой (дома вода была хуже). И что самое ужасное — это был первый дождливый день (после почти месяца жары), и зонтиков у нас, конечно, не было... Мы стоим на газоне под сосной и ловим такси, а редкие машины проносятся мимо, а дождь не стихает. И вот я взмолилась вслух (что на меня нашло?) и в полном отчаянии выдала такой текст: «Дорогой Султан Санджар, ты же видишь, две твои Пэри уже совсем про-



Султан Санджар. Картина Аннадурды Мурадалиева. 2011 г. Холст, масло, 100 x 80.

мокли и абсолютно несчастны! Мы пропадем. Помоги нам, пожалуйста!» Галя все слышала и не даст солгать! И что вы думаете, подкатывает одинокая машина и прекрасный молодой человек на хорошем русском языке приглашает нас в нее сесть. На заднем сиденье сидит тоже прекрасная молодая девушка и тонкими пальчиками играет на смартфоне. Я тут же назвала его Ангелом, и мы рассказали нашу историю. Оказалось, что он «увидел нас под елкой и понял, что надо спасать». Кто такой Сарияниди, он знает и бывал на Гонуре с экскурсией. Водитель довез нас прямо до подъезда, и три маната, которые Галя ему пыталась дать, не взял — отказался. Такого с нами еще не было — под дождем, до подъезда и бесплатно... И что теперь прикажете думать о Высших силах? Вот вам и Султан Санджар! Спасибо ему!

Потом был еще один эпизод с обращением к Султану Санджару и он опять помог, но это — уже не моя тайна. После этого я немного испугалась и зареклась...

В 2004 г. в мавзолее, может быть, из-за моих растрепанных чувств, Виктор Иванович пригласил меня ехать в мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани в его машине: вместо общего автобуса ему выделили командирский джип. Там он показал мне еще несколько новых экспедиционных фотографий, окончательно разбив мое сердце.

Однако в душе зрело огромное уважение к этому человеку, который много лет упорно работал почти в одном и том же месте и, наконец, был достойно вознагражден судьбой, раскопав богатые, хоть и ограбленные еще в древности, захоронения, где нашел такие необыкновенные артефакты, каких нет и в лучших музеях Мира. Это была моя вторая попытка «проникнуть» в Маргиану, неудачно завершившаяся, как и первая. Но с судьбой не поспоришь, ведь была еще и третья.

В Москве я еще долго вспоминала эту прекрасную поездку, где, кроме всего остального, мы познакомились с замечательной и радостной семейной парой — двумя чудесными архитекторами из Ташкента Алией Муясаровной Урмановой и Владимиром Ивановичем Артемьевым, взявшими меня в Ашхабаде под свое крыло и очень скрасившими мое расстроенное состояние. Второй раз я встретилась с ними уже в 2011 г. в экспедиции у Сарияниди, все же попав на Гонур в компании с Галей Вересоцкой и Татьяной Шапошниковой.

Памятник поразил меня. Я видела много других раскопанных археологических руин. Одна величественная Топрак-кала чего стоит! Но здесь было и в самом деле нечто особенное и загадочное. И одна из самых интересных, на мой взгляд, загадок Гонура – это «зал с кельями». Представьте себе огромной помещению с остатками очага в центре. Я не архитектор и не понимаю, как и на чем здесь могли держаться своды и куда выходил дым: возможно, в центре потолка было отверстие? По всему периметру зала, перпендикулярно всем четырем стенам располагались узкие длинные пустоты, перекрытые сырцовыми кирпичами, поставленными «домиком». Сверху все это было плоско обмазано глиной и выглядело, как обширные «суфы». Надежда Анатольевна Дубова – правая рука Виктора Ивановича в Маргианской экспедиции, любезно устроившая нам экскурсию по Гонуру, рассказала, что относительно этого сооружения высказывается много предположений. Естественно, я предложила свои версии. Возможно, это – система обогрева помещения, термос такой. Но, как показали раскопки, эти пустоты не имели отверстий, куда можно было бы заводить теплый воздух. Хотя зачем его заводить? Там и так воздух должен быть теплее.

Не исключено также, что это – своеобразные «голосники» – устройства для усиления звука. Потом, уже вернувшись в Москву, я узнала, что в огромных античных амфитеатрах такие пустоты располагались под сиденьями, поэтому каждый зритель все очень хорошо слышал. В русских храмах подобные приспособления (керамические горшки) устраивались в стенах ближе к сводам. Оказывается, бывало и так, что некоторые обиженные на заказчика строители, недовольные оплатой своей работы, вмазывали в стены пустые горшки, что отравляло заунывными звуками дальнейшую жизнь жильцов дома. А, уж, древние жрецы, наверняка обладали неограниченными техническими и финансовыми возможностями и использовали их в полной мере. Могу себе представить, как мощно звучали их песнопения или другие ритуальные звуки, наполняя огромный зал... Виктор Иванович выслушал мои предположения со скептическим выражением на лице, не обругал, но и не согласился. Жаль, что мы не смогли поговорить об этом и многом другом, что поразило меня на Гонуре, более подробно!

Итак, весной 2011 г. мне позвонила Надежда Анатольевна и предложила поехать в Ашхабад поработать в музее, где хранятся мозаики, привезенные за эти годы из раскопок Гонура. Тут уж я напрягла все свои возможности, и мы поехали туда с Галиной Эдуардовной Вересоцкой, с которой в течение более чем 30-ти лет проработали вместе на многих памятниках нашей бывшей Средней Азии (да и в России кое-где тоже). С нами еще была архитектор из Питера – Т.А. Шапошникова. Мы с Галей познакомились и работали с ней два сезона (в 2007–2008 гг.) в Тыве на раскопках необычайно интересного уйгурского памятника – крепости VIII в. Пор-Бажын («глиняный дом»), которая стоит на острове посреди озера Терре-Холь, расположенного среди пушистых, покрытых лиственницами и кедрами, тувинских гор на высоте около 1500 м.

Как говорится, «Бог Троицу любит!»: мне все же удалось начать работать с находками Маргианской экспедиции. Виктор Иванович «нашел-таки для меня живопись», да еще и в комплекте с удивительными мозаиками. Нам с Галей для начала достались три пластины (одна – ей; две – мне) – стенки ящика-«дарохранильницы» из гробницы 3230, найденные и законсервированные в поле Н. Чудновской в 2004 г. Это были те самые сокровища, «уплывшие» от меня тогда из-за отсутствия загранпаспорта, но все же дождавшиеся нас все же в Ашхабаде.

В этих мозаиках больше всего поражает чередование двух видов квадратных мозаичных элементов узора со стороной 0,5 сантиметров, но с разной толщиной – от 1 до 4-5 миллиметров. Так вот под тоненькими (толщиной меньше 1 мм) пластинками была проложена черная мастика, изготовленная, как показали анализы В. Киреевой, из вареных растительных смол. Расположены были эти квадратики в шахматном порядке. Черная мастика нивелировала тыльную сторону до одинаковой толщины. Тонкие пластинки в одних случаях были чуть желтоватыми, а в других – зеленоватыми. Более толстые же квадратики, собственно, составлявшие контурную основу рисунка, были ярко-белыми. Но до сих пор не ясным остается вопрос: зачем было «шахматно» чередовать такие различные по толщине и материалу, но одинаковые по лицевому формату элементы, которые отличались только тоновыми характеристиками?

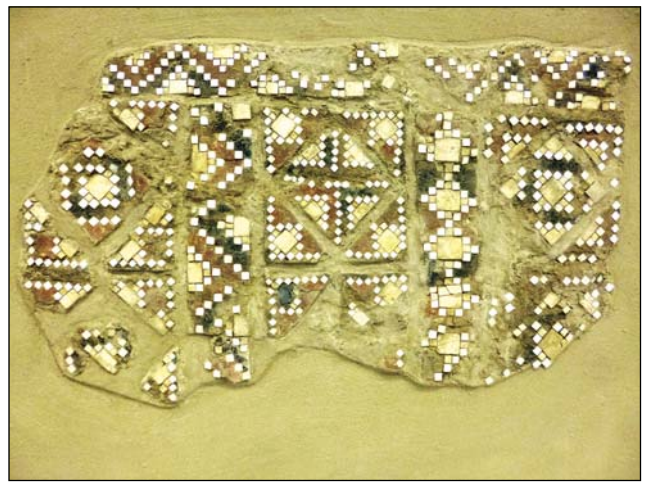
Думаю, весь «фокус» заключался в том, что отдельные элементы узора набирались не «прямым», а «оборотным» способом, когда на столе в прямоугольной или в треугольной форме располагался шаблон с орнаментом, на который с помощью какого-то водорастворимого клея (например, меда) накладывались одинаковые по форме, но разновысокие мозаичные детали. Эти участки нивелировались черной мастикой. Затем все заполнялось и выравнивалось уже известково-лессовой мастикой. Иначе трудно объяснить, каким образом черная масса попадала только под отдельные участки? Когда пластина была готова, ее переворачивали, а свободные участки на лицевой стороне раскрашивали красками. Предварительно с нее удалялся шаблон (видимо, ткань) и остатки клея. Думаю, что части орнаментальных композиций (треугольные, квадратные и продолговатые узоры) заготавливались заранее, хранились в мастерской и при

необходимости монтировались на деревянные пластины – стенки ящиков-дарохранилищ или шкатулок.

Теперь, спустя четыре года, реставрация «дарохранилищ» из гробницы 3230 завершена, и все три пластины-стенки вот-вот войдут в экспозиционный фонд Музея изобразительных искусств Туркменистана. Тут я не могу не сказать о том, какой любовью, уважением и почетом был окружен Виктор Иванович в этом музее и как тепло относились к нему все-все сотрудники, директор музея, прекрасный художник Сапармаммед Мередович Мередов, и заместитель директора Дженнет Сейитниязовна Каранова (эта поистине великая женщина с материнской заботой несет на своих плечах не легкие музейные проблемы и решает их легко и изящно). Кстати сказать, Дженнет Сейитниязовна рассказала нам свою историю знакомства с Виктором Ивановичем. Это было еще в



Гонур-депе. Фрагмент № 14 мозаики с росписью «дарохранилищ» из гробницы 3230 после реставрации.



Гонур-депе. Фрагмент № 15 мозаики с росписью «дарохранилищ» из гробницы 3230 после реставрации. Гонур.



Гонур-депе. Реконструкция орнамента фрагмента № 14 мозаики с росписью «дарохранилищ» из гробницы 3230.



Гонур-депе. Реконструкция орнамента фрагмента № 15 мозаики с росписью «дарохранилищ» из гробницы 3230.

то время, когда она работала в Музее истории. Больная гриппом, и потому закутанная и совсем несчастная Дженнета в тот день была дежурной по музею. Вдруг открывается дверь, и в музей входит В.И. Сарияниди со своим учеником. Оказалось, что они обошли весь Ашхабад в поисках пластилина, нужного им для получения оттисков найденных экспедицией печатей. Его не удалось найти нигде: ни в магазинах, ни в каких-либо иных местах – время было советское, и дефицит самых простых вещей был вполне обычен. Они рассказали ей о своей беде, она увидела их запыленную обувь, и ей стало жалко этих «бедных ученых». Когда молоденькая, красивая и полностью простуженная девушка достала из ящика стола коробку пластилина, удивлению и восхищению мужчин не было предела, а когда она достала из сейфа вторую... Тогда она и познакомилась с Виктором Ивановичем и навсегда сохранила с ним прекрасные отношения.

Кроме этой «дарохранительницы», в Музее находится еще несколько коробок, наполненных фрагментами мозаик из разных погребений – шедевров, с которыми еще предстоит работать. Среди этого великолепия особенно впечатляют необыкновенной красоты изображения крылатых грифонов, змей, козлов и других животных. «Львиные грифоны» или «крылатые львы» выполнены с таким необыкновенным мастерством, что дух захватывает. Особенное впечатление производят их головы: выражение благородной ярости передано всего лишь несколькими округлыми складками на носу зверя. Возникает даже устойчивое ощущение того, что головы (не могу сказать «морды», а хочется – «лица») этих созданий разные, чуть ли не «портретные»...

Каждый раз, когда Виктор Иванович посещал нашу мастерскую в музее, удивительно, но я поняла, что он очень похож на одного из Крылатых львов, последнего «Крылатого Льва Гонура»!

За годы, прошедшие с начала раскопок захоронений, с некоторыми из мозаик успели поработать реставраторы Музея. Были уже смонтированы две пластины со львами и с крылатыми существами. Но когда мы обратились к полевым фотографиям, стало очевидно, что «пояс» с изображениями противостоящих «крылатых львов» и другой, где были изображены существа с распростертыми крыльями – это единая композиция, разделенная на две. Галя взялась за титанический труд изучения этих изображений

и результат необыкновенно интересен, надеюсь, она напишет об этом сама.

У меня же работа со следующей композицией, названной «Коврик», из гробницы 3200 была драматичнее: я получила россыпь, состоящую почти из ста обломков орнаментальных изображений. На полевой фотографии этот фрагмент был целым и располагался «лицом» вниз, а укрепленной тыльной поверхностью вверх. Теперь же это были различного размера части мозаики с окрашенными черной или красной краской пространствами между отдельными элементами узора, по технике исполнения совершенно подобные уже знакомым пластинам «дарохранительницы» Мне удалось собрать отдельные части этой композиции. Это оказались типовые модули, хитроумно составленные из квадратов и треугольников по единой схеме, в чем-то подобные, но колористически – различные. И эта работа еще не закончена.

Хочется упомянуть и мою последнюю работу. Я называю ее просто «Профиль», потому что в основе – прекрасный белый мозаичный профиль женского лица, уже опубликованный во многих изданиях. Вместе с несколькими об-



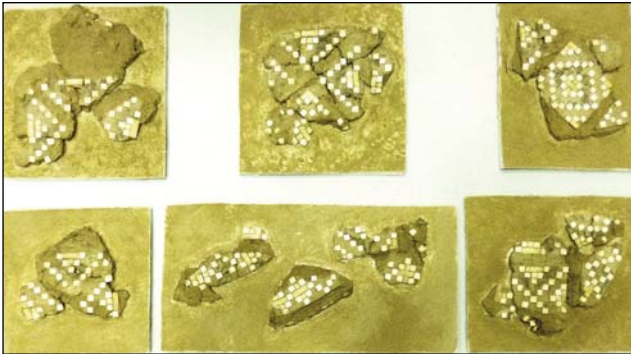
Гонур-депе. Фрагменты мозаичной композиции «Коврик» из гробницы 3200 в процессе расчистки и укрепления.



Гонур-депе. Фрагменты мозаичной композиции «Коврик» из гробницы 3200 в процессе подбора фрагментов и реконструкции орнаментации.



Гонур-депе. Линейная часть мозаичной композиции «Коврик» из гробницы 3200 после реставрации.



Гонур-депе. Отдельные модули мозаичной композиции «Коврик» из гробницы 3200 после подбора деталей.



Гонур-депе. Мозаичная композиция «Коврик» из гробницы 3200, фрагмент № 4 и реконструкция композиции орнамента.

ломками, на которых сохранились остатки красочного слоя, он лежал в коробке несколько лет. Когда я попробовала соединить эти фрагменты, то три из них очень плотно и убедительно сложились вместе. Был еще четвертый, но он, к сожалению, оказался отпечатком одного из трех.

Конечно, основным был фрагмент с мозаичным профилем. Справа верху к нему примыкает крупный фрагмент со следами черной краски, справа внизу – фрагмент, на котором сохранились остатки изображения: вертикально расположенная неровная красная «лента», с также неровными черными контурами – очевидная часть одеяния фигуры. Кстати, именно этот фрагмент

имел в паре вышеупомянутый отпечаток. К сожалению, краски на отпечатке сохранились несколько лучше. Так бывает.

Но самое интересное случилось, когда мне попала одна первых из полевых фотографий, где на третьем фрагменте с изображением части одеяния в небольшом угловатом углублении оказался фрагмент белой мозаичной вставки. На более поздних фотографиях его уже не было. И тут я поняла – это рука! Я тут же вырезала руку из бумаги по форме углубления. Поставила ее на место... и это было очень убедительно. Сразу вспомнились так называемые составные статуэтки, найденные в ряде могил: массивные сидящие каменные фигурки, с изготовленными отдельно небольшими белыми каменными головами и тонкими белыми же руками, спокойно лежащими на коленях. На некоторых статуэтках сохранились парики, выполненные из темного камня. Даже в композиции на вершиях очаровательной серебряной булавки, найденной так же на Гонуре, обнаруживается сходство с нашим сюжетом. Таким образом, перед нами было миниатюрное плоскостное повторение этих скульптур, выполненное в технике мозаики с живописью. Таких скульптур в разных музеях мира довольно



Гонур-депе. Фрагмент мозаики «Профиль» из погр. 3245 в процессе полевой консервации.



Гонур-депе. Фрагмент мозаики «Профиль» из погр. 3245 с имитацией утраченной мозаичной вставки «рука».



Навершие серебряной булавки из «Погребения Агнца» на Гонур-депе.

много, но наш-то «Профиль» пока единственный – мозаика с росписью!

К трем фрагментам прибавился еще один – небольшого размера, с остатками красной краски, который, к сожалению, не имел точек соприкосновения с остальными и чуть не спутал при монтаже всю картину. Я долго над ним думала, потому что именно он давал представление о доминирующем акценте в цвете одежды Дамы. И тогда, чтобы сохранить это предположение, я вмонтировала его чуть ниже

общей композиции. В отрыве от нее, но ближе к длинной красной «ленте» на одежде фигуры. Мне кажется, Виктору Ивановичу понравилось бы то, что у меня получилось.



Составная статуэтка из погр. 2900 Гонур-депе в экспозиции Музея изобразительных искусств Туркменистана.



Гонур-депе. Фрагмент мозаики «Профиль» из погр. 3245 после реставрации.



В реставрационной мастерской Государственного Музея изобразительных искусств Туркменистана. Рядом с В.И. Сарияниди стоят слева направо: Г.Э. Вересоцкая, Н.А. Дубова, Н.А. Ковалева. 21 октября 2013 г. Фото Х. Магадова.

* * *

В тот наш первый сезон 2011 г. в Маргиане, прилетев в Мары, мы ехали мимо Байрамали, мимо мавзолея Султана Санджара, потом по пустыне и приехали на Гонур уже в темноте. Вся



A. Parpola

University of Helsinki, Finland

In memoriam: The Tiger of Margiana

I am not going to describe Viktor Sarianidi's life and achievements in detail, as they are surely well accounted elsewhere in this book. My intention is to reminisce about my personal meetings with this heroic archaeologist. Yet I would like to start with a few general characterizations. Viktor Sarianidi spent most of his long life as a field archaeologist, right from his study time to his death «with boots on» while excavating Gonur at the age of 84. He was totally devoted to the archaeology of Central Asia. Archaeologists can be very slow in publishing their excavations, and it is not rare that the finds even remain unpublished in go downs of museums. In his promptness of publishing Sarianidi was in a class of his own, as he was also incredibly generous in sharing information. Especially during the latter half of his career, in addition to the toilsome excavation,

экспедиция сидела за большим столом, над которым горела одна мощная лампа – мы успели к ужину. А чуть в стороне, в свете той же лампы – удивительное зрелище: множество крупных и мелких жуков скарабеев метались и сталкивались в страшной спешке, подбирая и теряя свою добычу, отбирая ее друг у друга и борясь за нее. Никогда не видела такого количества подобных тварей, такого столпотворения, даже представить себе не могла! Вероятно, и во времена шумеров другие скарабеи точно также яростно спешили делать свою главную работу. Жизнь продолжается и она, со своими законами, кажется, вечна! Поневоле задумаешься тут о смысле бытия...

Во главе стола – величественная фигура с копной седых волос – Виктор Иванович, последний «Крылатый лев Гонура». После общего знакомства и обмена приличествующими случаю любезностями особенно трогательно прозвучали его слова: «Ну, теперь я спокоен, теперь реставрация у нас будет по науке». А я была счастлива: я, наконец, в Маргиане!

he also had to secure the financial support for it. In the intervals of the field seasons, he wrote the reports, studied literature to understand what he was unearthing and to find parallels, attended and organized conferences, and gave lectures. We did not meet many times, but became good friends. I feel privileged to have known this goal-conscious and practical researcher, who was also a warm-hearted and positive person. This did not prevent him from occasionally expressing his anger at the unjust treatment that he felt he himself or another person had suffered.

Having attended the international conferences of the European Association of South Asian Archaeology regularly since their foundation in 1970, I became early on informed about Sarianidi's gradual discovery of the previously unknown Bronze Age civilization of southern Central Asia, eventually

called BMAC (see below), and have in my publications tried to relate Sarianidi's finds with the Protohistory of South Asia. Already in my book «The Sky Garment» (1985), I took notice of the trefoil-ornament bull-mosaic ornamented unearthed by Sarianidi at Dashly-3 and published in 1977. But I came personally acquainted with Sarianidi only after I sent him my longish paper published in 1988.

The hymns of the Rigveda, the oldest readable texts of the Indian subcontinent, are composed in an Old Indo-Aryan language called Vedic Sanskrit. It has long been assumed that the Rigvedic hymns date from the times of Indo-Aryan immigration to the Indus Valley or soon thereafter. The Indo-Aryan words in the cuneiform texts of the Mitanni and Hittite kingdoms of West Asia, dated to the 15th century BCE, attest to a slightly more archaic stage of linguistic development, and thus suggest a slightly later date for the Rigveda. The Rigvedic hymns speak of inimical people or demons called Dāsa. Dāsa can in most contexts be understood as an ethnic name, but in some places it already has the standard meaning of later Sanskrit, 'slave', apparently from the self-appellation of captured enemies. The principal god of the Rigveda is Indra, the god of war and thunder-weather, who is worshipped with offerings of a sacred drink called Soma; the Dāsas however did not prepare and sacrifice Soma, but had different religious rites. The Rigveda repeatedly speaks of Dāsa fortresses, which were torn asunder by Indra. When Sir Mortimer Wheeler in 1947 exposed the mighty walls of Harappa, he concluded that the Indus cities were the fortresses of the Dāsas. Wheeler's conclusion was widely accepted until 1977, when the Rigvedic references to Dāsa strongholds were carefully examined by Wilhelm Rau. Rau pointed out that the Dāsas forts differed from the extensive and usually square Indus cities, as they apparently were relatively simple constructions with a circular layout and multiple concentric walls.

In my 1988 paper entitled «The coming of the Aryans to Iran and India, and the cultural and ethnic identity of the Dāsas», I compared the Dāsa strongholds with the «temple fort» of Dashly-3, which had triple, circular, concentric walls. On this basis I suggested that the Rigvedic Aryans met the Dāsas and their forts already in southern Central Asia on their way to the Indus Valley. The Dashly-3 site in northern Afghanistan excavated by Sarianidi in the 1970s belonged to the Bronze Age culture he later chose

to call the Bactria and Margiana Archaeological Complex, Bactria being the Greek name for roughly the northern Afghanistan and Margiana the Greek name for southeastern Turkmenistan. The BMAC area is largely the same region in which the Old Persian and Greek sources place Saka tribes called Daha — this name is derived from earlier Dasa — and which word in Saka languages also is a noun meaning 'man, human being'. Hence the Dāsas were likely to be Aryans, like the Rigvedic people, but belonging to a different branch that had arrived in these parts earlier.

Karl Jettmar (1981) observed that the Dashly-3 «temple-fort» probably was not inhabited continually, but was used only for short periods of time as a venue of religious festivals celebrated seasonally. I enlarged upon this by suggesting a new interpretation for the expression «autumnal fort» (*śārādī pur*) that occurs in the Rigveda a few times: in later Hinduism, as still practiced in Kashmir and Nepal, the fortress is the venue for the celebration of the autumnal festival of the war-goddess Durgā, who is for this reason also called Śārādā. The explanation is supported by the name Śambara, a king or deity of the Dāsas, who according to the Rigveda has many forts in the mountains. For the word *śambara* in the Rigveda also means 'wall, palisade', while in later Hinduism and Tantric Buddhism Śambara or Samvara is a horrifying deity associated with the Goddess worship. It can also be connected with the Avestan war-god Hamvarti, and the *vara*, 'fortress', built by the Avestan divine king Yima.

In 1988 I could not place all the pieces of the Aryan immigration puzzle into their right slots, but the above proposals have survived in my final reconstruction presented in the book «The Roots of Hinduism: The Early Aryans and the Indus Civilization» that came out in 2015. Anyway, my hypotheses appealed to Viktor Sarianidi, to whom I sent the 1988 paper. He immediately responded by sending publications and expressing a wish to visit Helsinki in 1989. Sarianidi arrived on Sunday the 12th of November and staid for one week. He held three guest lectures at the University, on Dashly, Tillyatepe and Togolok. Characteristically, he allowed me to copy all his numerous colour slides. We visited the National Board of Antiquities, where Dr Paula Purhonen showed us the antiquities collections of V. I. Zausailov of Kazan and I. P. Tovostin of Minusinsk, comprizing 11,000 and 1000 pieces respectively, acquired to Helsinki in the early 20th century. We

also met Professor Ari Siiriäinen at the University's Department of Archaeology, and inspected the Slavica department of the University Library, which is unique among the four libraries in the former Tsarist realm that received a duty copy of all printed documents: after the revolution it was the only one outside the Soviet Union, and the only one to still possess most of the Tsarist time publications. Sarianidi absolutely wanted to visit the University's Radiocarbon dating laboratory. Its director Dr Högne Jungner considered it possible that the laboratory could process some dates for Gonur. On the last day of Viktor's stay we attended the orthodox service at the Uspenskij cathedral (the largest orthodox church outside Russia) and then visited the city of Porvoo 50 km east of Helsinki, seeing its Iron Age castle hill and the museums.

Högne Jungner and I were invited to a field seminar held in Gonur, the capital of the BMAC that Sarianidi was currently excavating. I have kept the provisional typewritten programme of the seminar that he had drawn up and sent us in advance:

ПРОГРАММА

Международного Полевого Семинара в Маргиане, 1990 г.

№ 1. Вылет из Москвы в Ашхабад — в ночь с 2 на 3 октября.

№ 2. Прибытие на экспедиционную базу экспедиции — 3 октября.

№ 3. Ознакомление с памятниками Гонурского оазиса и раскопками — 4 октября.

№ 4. Поездка в Келлелийский оазис — 5 октября.

№ 5. Поездка в Тоголокский оазис — 6 октября.

№ 6. Поездка в Аучиский оазис — 7 октября.

№ 7. Обсуждение и обмен мнениями о древностях Маргианы — 8 октября.

№ 8. Вылет из Ашхабада — 9 октября.

№ 9. Прибытие в Москву и разъезд — 10 октября.

Besides Jungner and myself from Finland, Sarianidi had invited also C.C. Lamberg-Karlovsky, Richard Meadow and Fred Hiebert from the United States (Sarianidi had allowed Hiebert to excavate a small part of Gonur for his doctoral dissertation, which was published in 1994), Dietrich Huff from

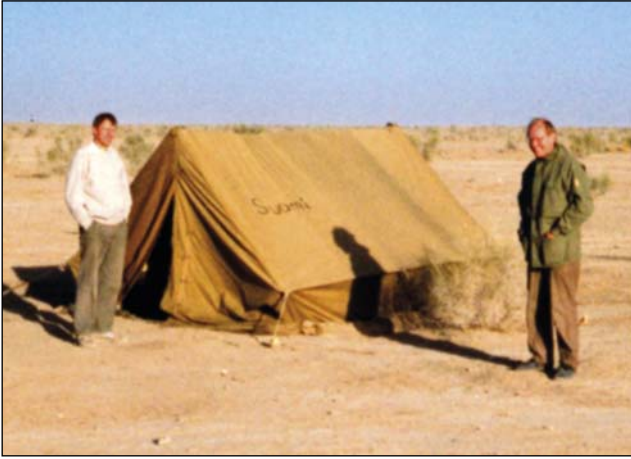
Germany, Raffaele Biscione from Italy, and Elena E. Kuz'mina from Russia. Kuz'mina, known as «Madame Andronovo» as she was a pre-eminent expert of these Bronze Age steppe cultures, was included among the participants at my express wish, as I believed that the Aryan speakers came to southern Central Asia from the Andronovo cultures of the northern steppes, extending from the Ural river to southern Siberia, Kazakhstan and Turkmenistan. Sarianidi did not agree with my views (according to him the Aryans came to southern Central Asia from Syria), but broadmindedly invited Kuz'mina, whom he of course had known for a long time, in spite of his disagreements and grudges against Kuz'mina. At some moments when Sarianidi was particularly angry with Kuz'mina, he hissed to me: «yooorrrrr BEST friend!».

Högne and I took a train from Helsinki to Moscow on the 30th of September, arriving at 9 in the morning of the 1st of October. Viktor Sarianidi took us to a lunch in a restaurant, and thereafter to the hotel of the Academy of Sciences, offering a welcome party there in the evening. On the 2nd of October we visited the Institute of Archaeology, meeting Viktor's colleagues, in particular Valerij I. Gulyaev (whom I met again in Helsinki in May 1992); the evening we spent with Viktor at his home nearby at Profsoyuznaya street, 8.

On the 3rd of October we flew to Ashgabat, where Sarianidi took all his guests for breakfast to a restaurant on the Caspian Sea; I had one of the most delicious meals of my life, fried fresh sturgeon.



Elena Kuz'mina at Gonur. Photo by A. Parpola. 1990.



*Högne Jungner and Asko Parpola near the tent at Gonur.
Photo from the archive of A. Parpola. 1990.*

From Ashgabat we flew to Mary (Merv), and after a visit to its market continued by cars to the expedition camp at Gonur. Högne and I shared a tent with the vodka reserves of the expedition, trusted to our custody. From Merv Sarianidi had bought for his male guests traditional Turkmen hats and coats (mine are now in the National Museum of Finland). We were wearing them in the evening meals in which the Russian members of the expedition also participated. These meals ended in a drinking party with numerous speeches and toasts prompted by our host (“Asko, a speech please!”). I repeatedly proposed toasts to «the Tiger of Margiana». When we were leaving Mary by flight, someone of our group jokingly drew attention to «a tiger of Margiana» on a colourful circus advertisement in the window of a nearby building: it depicted a tiger kept in control by a scantily dressed beauty wielding a whip. I was glad that Sarianidi was not present, as he was making flight arrangements. My best photo of Victor Sarianidi shows him toasting with Richard Meadow. One important topic that Sarianidi wanted to discuss with us one evening was how



*Colourful circus advertisement
“Tiger and circus beauty”. Mary.
Photo by
A. Parpola. 1990.*

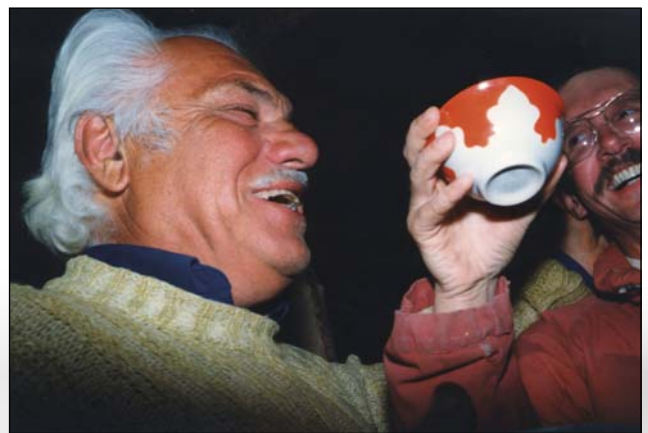
to call this Bronze Age culture of southern Central Asia. It was then that Sarianidi finally decided on the name Bactria and Margiana Archaeological Complex = BMAC. Later on, Henri-Paul Francfort has suggested the name the Oxus Civilization.

On the 5th of October we visited the Togolok oasis, stopping at the sites Togolok-1 (where Poltavka ceramics had been found), Togolok-21, and Togolok-11 (where Yaz-1 ceramics had been found). I was deeply impressed by the size of the fortification walls. On the 6th of October our jeep broke down causing considerable delay, but we managed to see Kelleli-1, Kelleli-3 and Taip-depe. Back to Gonur at 22.

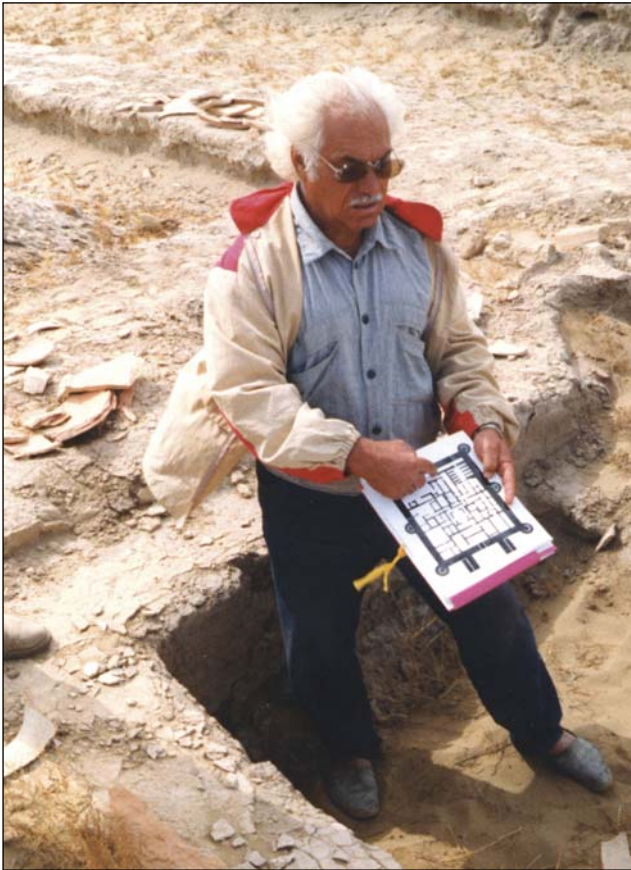
On the 7th of October Gonur-1 was examined, including the excavation of Fred Hiebert with a nomadic camp. Högne Jungner insisted that he must personally take the samples for C-14 dating to avoid any contamination and for knowing exactly where they come from. On the 8th of October, Fred Hiebert and Lyudmila P’yankova were sorting out and photographing the nomadic ceramics before we left for Göblek-tepe, Yaz-tepe and Old Merv (with Gëur Qala) before flying to Ashkhabad and on the 9th morning to Moscow. While Högne visited the



*Viktor Sarianidi at Gonur.
Photo by A. Parpola. 1990.*



*Viktor Sarianidi and Richard Meadow at Gonur.
Photo by A. Parpola. 1990.*



*Viktor Sarianidi at Togolok-21.
Photo by A. Parpola. 1990.*

C14 laboratory at the Geological Institute, I acquainted myself with the museums of Kremlin. In the evening Högne and I were invited to their home by Elena Kuz'mina and her husband Sergej B. Pezner. On the tenth morning, I visited at her home Tat'yana Ya. Elizarenkova, wife of Academician V.N. Toporov and former Professor of Sanskrit at the Institute of Oriental Studies, who had been very unjustly fired — her magnificent feat is an accurate annotated Russian translation of the entire Rigveda and Atharvaveda. In the evening Högne and I returned to Helsinki by train.



*Fortification walls of Togolok-21.
Photo by A. Parpola. 1990.*



*Högne Jungner taking sample for C14 dating at Gonur.
Photo by A. Parpola. 1990.*



Fred Hiebert and Lyudmila P'yankova photographing nomadic pottery at Gonur. Photo by A. Parpola. 1990.

Together with my wife Marjatta, we met Viktor Sarianidi next in July 1991 in Berlin, at the conference on South Asian archaeology. When the three of us were walking along the Kurfürstendamm, and Viktor commented on the affluence that surrounded us: “We won the war and they lost, but what is the situation now here and in Russia!” The chairman of the conference session did not allow Viktor any extra time for his presentation, and Viktor hissed to me afterwards: “yooorrrrr BEST friend!” I hosted the next South Asian Archaeology Conference in Helsinki in July 1993, but Viktor Sarianidi could not come there, although he had intended to do so. He sent, however, the paper on “Margiana and the Indo-Iranian world”, read on his behalf and published in the Proceedings of the conference in 1994.

In 2001, when my students published a Festschrift for me on my 60th birthday, Viktor Sarianidi felicitated me with a paper on “The Indo-Iranian problem in the light of the latest excavations in Margiana”. I reciprocated by sending a study to two Festschriften published for the 75th and 80th birthday of Viktor Sarianidi, published in 2005 and 2010. Viktor and I agreed that Indo-Iranian speakers had come from elsewhere and taken the BMAC into control, but, as already mentioned above, our opinions dif-



Asko Parpola and Tat'yana Elizarenkova in Moscow. Photo from the archive of A. Parpola. 1990.

ferred regarding their origin: Viktor followed Gamkrelidze & Ivanov and Renfrew in deriving the Aryan speakers from Syria, while I followed Tallgren and many other scholars in deriving them from the northern steppes.

Viktor Ivanovich Sarianidi is the Russian variant of the original Greek name of our hero: Viktor Sarigiannidis, Βίκτωρ Σαρηγιαννίδης. His father Giannis Sarigiannidis belonged to the «Pontic Greeks», Greeks who originally lived in Turkey, but were in the 1920s forced to flee Turkish persecutions to Yalta in Crimea. The Sarigiannidis family then settled in Tashkent in Uzbekistan, where Viktor was born in 1929 and where he received his basic training in archaeology. Viktor's father told his children stories from the Iliad and Odyssey, and the family members spoke Greek at home, never forgetting their Greek roots. After the collapse of the Soviet Union, Viktor's sister Inna Sarigianni-



Viktor Sarianidi with sister Inna Sarigiannidis in Athens. Photo by A. Parpola. 2002.

dis moved permanently to Athens. Viktor too, acquired a second home in Athens, but also kept his home in Moscow, living alternately in the two between the excavation seasons. He was welcome to return to Greece, where his work was appreciated and where he could get governmental support for his excavations in Central Asia. I know that at least one of Viktor's three daughters was studying in Greece, at the University of Thessaloniki. Another



Viktor Sarianidi & daughter in Venice. 1992. Photo from the archive of V. Sarianidi.



Viktor Sarianidi's daughter Afina with Asko and Marjatta Parpola. Photo from the archive of A. Parpola. Helsinki, Finland. 1996.

daughter, Afina (named after Viktor's mother and the Greek goddess Athena), visited us in Finland in July 1996 (on the photo Marjatta on the right is holding presents sent by Viktor).

In 2002, Viktor Sarianidi received the Gold Cross of the Greek Order of Honour. He was permitted to invite foreign colleagues to the award investiture ceremony at the expense of the Greek Ministry of Culture. It turned out that I was the only one of Viktor's invitees to come. During this visit to Greece I felt as if it was me who was being celebrated and not Viktor, so overflowing was his hospitality. He knew that I had studied ancient Greek at the university and asked if there was any

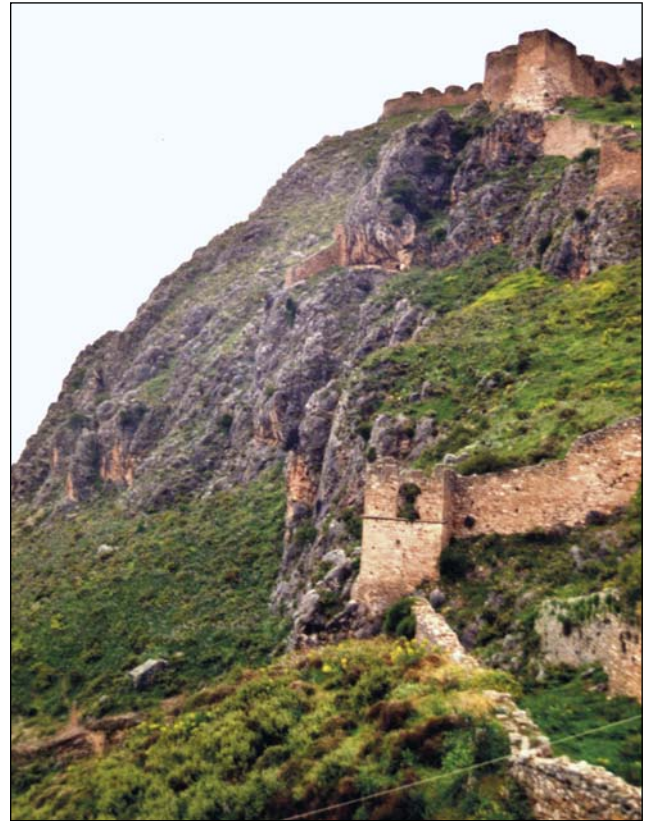


Victor Sarianidi's friend — artist and Master of mosaics Nikos Masteropoulos in Corinth, Greece. Photo by A. Parpola. 2002.

archaeological site in Greece that I would like to see, insisting to take me there by car. I had previously been to Delphi, Mycenae, Tiryns, Sparta, Pylos, Olympia..., but had not seen Akro-Korinthos, which was within the range of a one-day trip, so I suggested it. Viktor's Pontic Greek friend Niko (Nikolaj) was our driver to Corinth. Viktor too was pleased at mighty sight we had from the top of the steep castle hill of Akro-Korinthos. Back in Athens, we visited Akropolis and had lunch with Viktor's sister Inna. She has translated from Russian to English several of Viktor's books, which were also



Viktor Sarianidi and Nikos Masteropoulos in Old Corinth museum, Greece. Photo by A. Parpola. 2002.

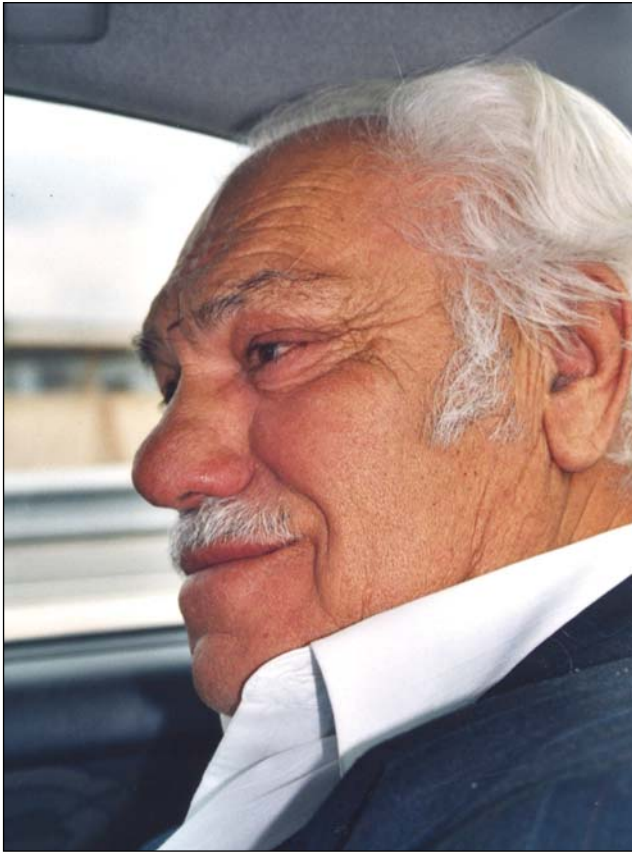


Akrocorinthos. Photo by A. Parpola. 2002.

published in Athens. When it was my time to leave, Viktor wanted to take me to the airport by taxi; I used this opportunity to take some close-ups of him. Parting, I got a fatherly hug from him.

Viktor Sarianidi spent another week in Helsinki in March 2003. While he came from Athens on Monday the 3rd, his new «right hand», Nadezhda Anatolievna Dubova, Professor of Physical Anthropology, arrived by train from Moscow on Tuesday the 4th. Nadezhda faithfully and capably assisted Viktor in the Gonur excavations, and continues the work even now, years after Viktor's death. She has been instrumental also in putting together Viktor's Festschrifts and this memorial volume, as well as other publications, writing herself studies of the human remains excavated. Viktor met again several Finnish archaeologists, both at various institutions and on dinners at our home, among them Högne Jungner, Ari Siiriäinen, Christian Carpelan and Pirjo Uino. Viktor had brought me as a present from Athens expensive Metaxa cognac, which I offered to our guests. One of them helped himself several generous refills until Viktor hissed: «It is not WATER!»

It must have been during this week in Helsinki that Viktor told us of a traumatic incident in Rome. Visiting Colosseum happy for the two thousand dollars in his shirt pocket that he had just received



Viktor Sarianidi in Athens. Photo by A. Parpola. 2002.

for an article in the National Geographic Magazine, he was suddenly surrounded by a gang of street urchins. One boy pushed some sort of advertisement in front of his face while another picked the money, and in the next second the gang vanished. Eking out in Moscow on a small salary, Viktor felt devastated at this flash robbery.

Two months later, in May 2003, Christian Carpelan and I traveled to the city of Cheboksary on the Volga to participate in a conference on the Abashevo culture, and then continued further south to Samara where significant new excavations had been carried out. On our way back in June we stopped in Moscow, visiting among others Nadezhda Dubova, who guided us around in her Institute of Ethnography.

In the spring of 2004, Viktor Sarianidi had a bad accident in Gonur, which broke his thigh bone. He had to lie months in bed in Moscow, and he suffered from the injury the rest of his life. But he had also finally found the royal cemetery in Gonur. An exciting find excavated in the first opened grave was a wagon with four big wheels provided with metal shoes. I received photographs and a preliminary report written by Viktor in Russian. Consulting Wolfram Nagel's good summary of the wagon finds in Mesopotamia (1986), I could see that only Susa offered close par-

allels, which were dated to c. 2200-2000 BCE. Viktor to whom I immediately communicated this was overjoyed, and extended me the invitation to come to Gonur in September 2004 to see the wagon in situ and also to witness the opening of the second grave nearby. According to Nadezhda Dubova he was very sorry when I wrote that I could not come.

In November 2004, a large seal with an elephant and a row of pictograms of the Indus script, arranged in sequences well attested in the Indus Valley. Nadezhda Dubova immediately sent me good photographs and information on the contexts of the find, which I was allowed to publish. I read a paper on this topic in an international symposium in Kyoto, Japan, in the summer of 2005, published in 2006. This was the first Indus seal found in Gonur; its impressive size, relatively rare iconography, and high workmanship suggested that it might have belonged to a high-ranking person, perhaps some sort of ambassador. The find could be compared to a cylinder seal found in Gonur, which according to the unfortunately very worn-out cuneiform inscription had belonged to the cup-bearer of a Mesopotamian king.

In October 2006 I had the opportunity to visit Gonur a second time, attending along with many other colleagues the big international symposium at Gonur with lavish hospitality offered by Viktor Sarianidi and the Government of Turkmenistan. Viktor and Nadezhda guided the big crowd everywhere in Gonur, showing all the important nooks and corners of the site, which in 16 years had been fundamentally transformed through the extensive excavations of the intervening period. A similar transformation had taken place in Ashgabat, where innumerable marble palaces had mushroomed. The treasures from Gonur were housed in the impressive National Museum.

This was the last occasion when I saw Viktor Sarianidi. We nevertheless stayed in touch, exchanging news and publications. According to Nadezhda, Viktor was particularly happy to receive Vol. 3.1 of the «Corpus of Indus Seals and Inscriptions» (2010). I had earlier received from Viktor his book «Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets» (1998), which I reviewed along with Susanne Baghestani's book «Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China» (1997) in 1999 («Bronze Age seals of Central Asia: New Perspectives»). Nadezhda Dubova has seen to it that I have received important publications of the Gonur expedition even after Sarianidi's death.

I great hero has fallen.

ἤριπε δ' ὡς ὄτε τις δρυῶς ἤριπεν ἢ ἀχερωῖς,
ἠὲ πίτυς βλωθρή, τήν τ' οὖρεσι τέκτονες
ἄνδρες

ἔξέταμον πελέκεσσι νεήκεσι νήϊον εἶναι

(Iliad 13,389-391; 16,482-484)

Тот повалился, как валится дуб или серебряный
тополь,

Или сосна, если плотник своим топором отто-
ченным

Дерево срубит в горах, корабельные балки готова.

(Илиада 13, 389-391; 16,482-484).

Bibliography

1. Baghestani S. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China [Archäologie in Iran und Turan. Bd. 1]. Rahden/Westfalen: Leidorf 1997.
2. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Vol. 3: New material, untraced objects, and collections outside India and Pakistan. Pt. 1: Mohenjo-daro and Harappa in collaboration with R.H. Meadow, J. Mark Kenoyer and with the assistance of E.Lahdenperä, J.Lyytikä, A.Vuohelainen / Eds. A. Parpola, B.M. Pande, P. Koskikallio. [Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora. N 359 / Memoirs of the archaeological survey of India. 96]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2010.
3. Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / Ред М.С. Азимов. М., 1981. С. 220—229.
4. Parpola A. The Sky-Garment: A study of the Harappan religion and its relation to the Mesopotamian and later Indian religions [Studia orientalia. Vol. 56]. Helsinki: Societas Orientalis Fennica, 1985.
5. Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India, and the cultural and ethnic identity of the Dāsas // Studia Orientalia. 1988. Vol. 64. P. 195-302.
6. Parpola A. Bronze Age seals of Central Asia: New Perspectives // Studia Orientalia. 1999. Vol. 85. P. 422-431.
7. Parpola A. The Roots of Hinduism: The Early Aryans and the Indus Civilization. Oxford: Oxford University press, 2015.
8. Sarianidi V. The Indo-Iranian problem in the light of the latest excavations in Margiana // Vidyārṇavandanam. Essays in Honour of Asko Parpola / Eds. Klaus Karttunen & Petteri Koskikallio [Studia Orientalia, Vol. 94]. Helsinki, 2001. P. 417-442. 2001
9. Sarianidi V. Margiana and the Indo-Iranian world // South Asian Archaeology 1993. [Proceedings of the twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University, 5-9 July 1993 / Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series B. N 271]. Vol. I-II. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. P. 667-680.
10. Sarianidi V. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. М., 1998.
11. Nagel W. Die Entwicklung des Wagens im frühen Vorderasien // Achse, Rad und Wagen. Fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte / W. Treue. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1986. S. 9-34.



М.Ы. Беглиев

Заповедник «Древний Мерв», г. Байрамали, Туркменистан

Так начиналось мое знакомство с Виктором Ивановичем и с Гонуром

Познакомился я с Виктором Ивановичем Сариниди в 1992 году. Был сентябрь месяц. Брат Шаназар Беглиев позвал меня домой и сказал, что приехали гости. Я в то время работал у брата водителем в налоговой инспекции. Приехал домой, смотрю за дастарханом сидит крупный, с умными глазами, светловолосый в белой одежде человек (мне показался как Лев пустыни). Это был Виктор Иванович. Рядом с ним сидел брат Шаназар и туркменские друзья и

коллеги. В первую очередь я поздоровался с Виктором Ивановичем, а потом с остальными. Брат посадил меня за дастархан и познакомил Башлыком. Так я с самого начала стал называть Виктора Ивановича. Он сказал, что это – открыватель Маргианы, археолог. Познакомились и с остальными туркменскими друзьями. Потом я принес всем чай, нахар (туркм. – еда), закуски. Когда сидели за дастарханом, Виктор Иванович завел разговор обо мне. Спросил про меня у брата. Он



Гонур-депе. 1998 г. Мухамед Беглиев и Берды Удеумурадов. Фото Р. Гарнера.

ответил, что я молодой и только пришел из армии, «его надо воспитывать». Виктор Иванович сказал, что воспитает меня. После того дня я начал помогать ему во всех экспедиционных делах.

Виктор Иванович во время полевых работ не раз приезжал к брату Шаназару. Они разговаривали друг с другом. Говорили, что времена тогда были тяжелые (1993-1996 гг.), распад СССР. Ему было тяжело, водители часто обманывали. Я понял, что у Виктора Ивановича не было надежного водителя и машины: он приезжал в поселок на попутках, тракторных тележках. В одном из таких разговоров Виктор Иванович сказал, что где-то в поселке находится экспедиционная машина УАЗ и ее надо починить – «сделать». Брат сказал, что мы с ним это сделаем. Шаназар, ко-

нечно, поручил мне найти машину. Оказалось, что она стояла в одной мастерской около г. Байрамали, в колхозе им. Магтумкули. От машины остались только рама и двигатель. Коробки передач и колес у нее не было, и запчастей тоже не было. Мы начали искать и доставать запчасти. В то время у меня был слепой теленок. Когда на запчасти денег не хватило, я его продал.

Уже в следующий, весенний сезон 1994-го года УАЗ-469 был отремонтирован. Я встретил Виктора Ивановича в аэропорту на машине. Он ходил вокруг нее, все внимательно осматривал. И с удивительной улыбкой сказал: «Неужели это машина экспедиции меня встречает? Первый



Турнир по нардам на праздновании дня рождения Виктора Ивановича на Гонуре. 23.09.2005 г. Мухамед Беглиев (слева) и Мердан Джуманазаров (справа).



Гонур-депе. Французская археологическая миссия (слева) в гостях у Маргианской археологической экспедиции. 10 октября 2004 г.



В.И. Сариниди проводит экскурсию по Гонур-депе для участников Международной конференции. Рядом с ним слева – Мухамед Беглиев, справа – Виктория Крюкова. 15 ноября 2006 г.

раз...» Потом он спросил меня, будет ли машина работать? Я сказал, что да, будет. Мы сели на узик и поехали на рынок, где закупили все необходимое для экспедиции вещи и продукты. Заехали ко мне домой, где я познакомил Виктора Ивановича с отцом и мамой. Приехал Шаназар, и мы все вместе посидели за дастарханом. Стали собираться в пески, на Гонур.

Виктор Иванович спешил быстрее попасть туда. По дороге мы забрали в машину тракториста Гульгару, который показывал дорогу в песках. У всех было хорошее настроение. Гульгара напевал песню «Бибиджан», другие туркменские песни. Стемнело, нечего кроме костров пастухов видно не было. И вдруг он заблудился. Виктор Иванович спрашивает Гульгару: «Куда ты нас привел? Где лагерь?». Он говорит: «Где-то здесь рядом. Сейчас найдём». Но поскольку плутали мы довольно долго, Виктор Иванович сказал: «Все! Никуда мы до утра не поедим и будем здесь ночевать». Я начал разжигать костер, и вдруг из темноты вышел человек. Это оказался пастух, знакомый Виктора Ивановича. Поздоровавшись, пастух спросил, что случилось, и не нужна ли какая-то помощь. Мы объяснили, что не можем найти лагерь экспедиции. По его словам, он был рядом, километрах в трех отсюда. Мы долго сидели около костра, пили чай из тумчи. Пастух угостил нас кавурмой, а Виктор Иванович подарил ему книгу «В поисках страны Маргуш». Пастух очень обрадовался. Сариниди сказал, что дорога была дальняя и надо

отдохнуть. Попрощавшись, пастух ушел к своей отаре. Мы с Гульгарой не спали, поддерживая костер. Тракторист все говорил о том, как это получилось, что он потерял дорогу, а я его успокаивал словами, что «иногда так тоже бывает».

Утром, когда красное солнышко начало всходить, лагерь уже был виден. Виктор Иванович сказал мне: «Видишь? Заводи машину!» А трактористу: «Ты же пески-барханы знаешь, как свои пять пальцев. Как так получилось?» Тот ответить не смог, просто растерялся.

Когда приехали в лагерь, Виктор Иванович познакомил нас с Володей Орловым и Галей, показал Гонур и сказал, что машина все время должна быть наготове. Через несколько дней приехали археолог Теркеш Ходжаниязов и антрополог Ораз Бабаков, а еще позже археолог Берды Удеумурадов.

Вот так началось мое знакомство и с Виктором Ивановичем и с Гонуром. Годы шли,



Один из последних экспедиционных дней весеннего сезона на Гонуре. 20 мая 2013 г. Фото В.И. Артемьева.

каждый сезон Гонур-депе удивлял все новыми открытиями. Но каждый осенний сезон, сидя под вечер в тени около своей побелевшей от времени палатки, Виктор Иванович нарезал арбузы. После окончания рабочего дня именно сюда к нему подходили Теркеш Ходжаниазов, Ораз Бабаков, Берды Удеумурадов. Они подробно рассказывали ему, что нашли, обсужда-

ли вопросы раскопок, а он угощал их остывшим арбузом и, шутя, говорил: «Башлыки, а что же мы копаем?» Теркеш в ответ всегда говорил: «Если Вы, Виктор Иванович не знаете, мы тоже не знаем...» Так подшучивая, В.И. Сариниди и открывал цивилизацию. Я тогда занимался только машиной и должен был все время быть на чеку...



А.И. Нечвалода

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Россия

Последняя фотография Памяти Виктора Ивановича Сариниди

Современные люди все реже и реже используют песочные часы. Их еще можно найти и приобрести в сувенирных лавках как особый предмет интерьера. У нас на руках электронные или механические хронометры, которые создают обманчивую иллюзию бесконечности времени...

Мои небольшие зарисовки, это небольшие штрихи к портрету замечательного Ученого, Исследователя древних цивилизаций Маргианы и Бактрии – Виктора Ивановича Сариниди.

136

Зарисовка 1. Сосуд для сомы-хаомы. Это была, казалось бы, обычная просьба со стороны Виктора Ивановича – всего лишь помочь Мухамеду Беглиеву, выполнявшему в Маргианской экспедиции функции реставратора, восстановить разрушенный временем керамический сосуд, который имел большие утраты. Сохранилась разве что одна треть от его первоначальной формы: крупный фрагмент стенки сосуда со сливным носиком, но без доньшка. Тип керамики, к которому относился разбитый сосуд, Виктор Иванович интерпретировал как ритуально-церемониальную утварь, игравшую важную роль в религиозной жизни древних гонурцев, и придавал ей большое значение. Возможно, разрушенный сосуд использовался для приготовления священного напитка, о котором упоминается в Ведах, – сомы/хаомы. К нему прикасались руки жреца-вершителя таинственных маргианских культов... Все эти яркие образы, картины, подпитанные текстами книг Виктора Ивановича о Гонуре и древней Маргиане, возникали у меня в голове.

Да, это была всего лишь просьба! Я часто наблюдал, как Виктор Иванович отвлекаясь от работы над очередной статьей, брал эти фрагменты прекрасно обожженного сосуда в руки, вертел их и внимательно разглядывал изображение «елочки», процарапанное еще по сырой глине, и размещенный рядом налеп в виде стилизованного «верблюда», нанесенные древним гончаром. На другом фрагменте было изображение длиннорогого козла.



Гонур-депе. 22 сентября 2012 г. А.И. Нечвалода создает модели колес повозки из погр. 3900.

Но реставрация сосуда с такими значительными утратами потребовала бы от меня много времени и сил, тем более что я занимался тогда совсем другим делом. В мои обязанности, в период полевых сезонов осени 2012 года, входило моделирование некоторых артефактов из музеефицированного объекта «Котлован 3900». Земля древней Маргианы с городскими и ритуальными центрами: Тоголок, Гонур-депе, Аджикуйи с четкой и строгой планировкой, стала своеобразной туристической «Меккой» Туркменистана.

Туристов из Европы и Америки как магнитом влекло в пески Каракумов. Они с завидной периодичностью приезжали то в комфортных джипах, оборудованных кондиционерами, то на уазиках, еще советского производства, стойчески перенося все тяготы неблизкого пути от г. Мары до Гонур-депе: жару, духоту и вездесущую, всепроникающую дорожную пыль!

Завидев Виктора Ивановича, разноязыкая стайка туристов подходила к нему засвидетельствовать свое восхищение и восторг. Пожилые туристы (как правило, это были трогательные супружеские пары европейских пенсионеров) присаживались отдохнуть в тени тента, натянутого над столом, за которым собирались участники экспедиции. Их угощали чаем. Далее следовала общая фотография с Виктором Ивановичем, и группа, возбужденная общением с патриархом советской/российской археологической науки уходила приобщаться к древней истории Маргианы, гуляя вместе с экскурсоводом по раскопанным кварталам Гонура. На территории Гонур-депе над самыми интересными исследованными археологическими комплексами по инициативе Виктора Ивановича Сарияниди и Надежды Анатольевны Дубовой и с помощью местной администрации было возведено несколько своеобразных музейных домиков с крышей и стенами из саманного кирпича. Они выполняли функцию защиты от атмосферных осадков уже открытого археологического комплекса с находившимися на своих местах находками.

Нужно было видеть выражения лиц туристов, когда они оказывались в таком мини-музее, после прогулки по обширным развалинам древнего города под нещадно палящим солнцем Каракумов. Стены домика поглощали звуки работающей на раскопе техники, свет, проникав-



*Этапы реставрации/реконструкции сосуда.
Фото А.И. Нечвалоды.*

ший через широкие окна, освещал предметы, извлеченные археологами из тысячелетнего забвения. Крыша, сложенная из камыша и обмазанная толстым слоем глины, дарила прохладу и комфорт. Глаза, уставшие от яркого солнца, постепенно привыкали к мягкому боковому освещению, позволяющему рассмотреть все подробности раскопанного археологами погребения. Это была удивительная возможность прикоснуться к тайне одной из исчезнувших в песках Каракумов древних цивилизаций!

И несомненный успех идеи создания таких мини-музеев на территории музея-заповедника Гонур-депе! Со временем подлинные артефакты извлекались из музеефицированных комплексов, передавались в фонды музеев Ашхабада или Мары, и вместо них помещались копии/муляжи. Понятно, что требования к таким копиям предъявлялись достаточно жесткие – должно быть достигнуто несомненное сходство с оригиналом как по форме, цвету, так и по фактуре. Кроме того муляж должен быть долговечным. В этой связи меня очень беспокоили агрессивные каракумские термиты, со следами деятельности которых, я уже сталкивался в экспедиции. Очень не хотелось, чтобы результат моих напряженных усилий был банально съеден и пропущен через желудочно-кишечный тракт прожорливого насекомого. Тем более что муляжи представляли определенный гастрономический интерес для термитов – это был «бутерброд» из картона, подобранного на Марыйском рынке, пенопласта, армированной сетки и краски – все исключительно производства «великой» Турции.



Виктор Иванович Сарияниди. Полевой сезон осени 2012 г.

Мне приходилось, не разгибаясь, с утра и до вечера ползать на четвереньках (спасали наколенники для роликовых коньков) моделируя колеса с бронзовыми ободьями из котлована 3900, в котором была обнаружена четырехколесная повозка, возможно, запряженная верблюдами. Удивительная, яркая, эксклюзивная находка!!! Причем, надо сказать, что весь процесс происходил на глазах Виктора Ивановича, который посматривал на меня, как мне тогда казалось, с изрядной долей иронии и скепсиса.

Надо признаться, я очень торопился, ибо боялся не успеть отмуляжировать колеса до конца своего пребывания в экспедиции. А тут эта просьба Виктора Ивановича, по поводу какого-то несчастного разбитого горшка!? Он что не видит: я занят совсем другим делом?! Во мне боролись противоречивые чувства: отказать «шефу» в наиболее вежливой форме и продолжить «долбить» свои колеса или же помочь Мухамеду в нелегком деле реставрации горшка? На Мухамеде лежал просто «океан» разнообразных хозяйственных обязанностей по обеспечению бытовых нужд экспедиции, и этот процесс занял бы у него много времени: горшок надо было «лепить» чуть ли не заново!

Кроме того, мне стало казаться, что Виктор Иванович весьма положительно оценил мою «перековку» из палеоантрополога в художни-

ка-бутафора, и вероятно имеет все основания предполагать, что я лучше справлюсь с этой задачей (вот, что делает уязвленное самолюбие с человеком!). Чаша весов склонилась в пользу ответа: «Да!». Вот так умудренный жизненным опытом «шеф» использовал на пользу экспедиции известные человеческие слабости! Моим девизом в этой работе стало спасительное: «быстро, качественно, еще быстрее!» К тому же Виктору Ивановичу очень не терпелось поддержать в своих руках не фрагменты горшка, а ощутить его целым, обретшим свою былую совершенную форму, и чтобы обязательно все сливные носики были на месте!

Виктор Иванович, часто отрывался от своих занятий, и из комнатки на айване, где размещались его скромные экспедиционные «апартаменты», слышалось: «Ну, Алексей, как идут наши дела?». Несколько раз я подходил к Виктору Ивановичу и демонстрировал свои скромные успехи. Дело двигалось медленно, совсем не с той скоростью как я планировал! Когда Виктор Иванович брал сосуд в свои мощные руки, мое сердце сжималось от волнения: вдруг он в этот момент развалится на составные части или в лучшем случае треснет!!!

Мне никак не удавалось достигнуть надлежащей сцепки между керамическим фрагментом и смоделированной гипсовой стенкой. Поэтому я принял решение нарастить толщину доньшка сосуда, чтобы увеличить площадь соприкосновения. Кажется, сработало. Теперь можно было не бояться, что горшок, распавшись на изначальные фрагменты, подпортит мою заработанную «потом и кровью» репутацию «палеоантрополога-реставратора». Но оставалась другая проблема: никак не удавалось достигнуть той идеальной формы, которую сосуд приобрел в древности на гончарном круге. Это была сложная задача, ведь гончарного круга у меня не было! А была лишь наждачная бумага и макетировочный нож. И вот я, вооружившись наждачкой, усиленно тер новообретенные гипсовые бока сосуда, покрываясь гипсовой же пылью с головы до ног, пытаюсь добиться совершенства формы!

И, чего уж греха таить, я все же обрел похвалу нашего замечательного «шефа», Виктора Ивановича Сарияниди за хорошо выполненную работу. О колесах я уже не думал, целиком поглощенный процессом достижения идеала

в работе с «заговоренным» (не зря – ритуальным!) горшком.

Ну вот, наконец, мне показалось, что удалось приблизиться к результату, пожалуй, самого захудалого маргианского гончара. Теперь можно в очередной раз сдавать «экзамен» Виктору Ивановичу.

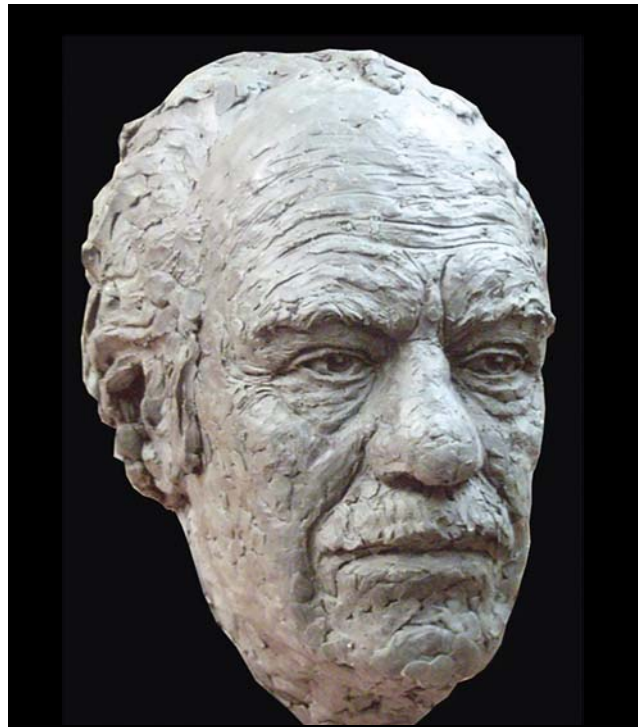
В тот, далекий уже, день осени 2012 г. Мухамед вынес на айван пластиковое кресло как трон, и Виктор Иванович занял стратегическую позицию, наблюдая, как рабочие после жаркого трудового дня возвращаются с раскопа в свои камышовые бивуаки. Выбрав подходящий момент, я подошел к начальнику экспедиции с отреставрированным сосудом, обклеенным заплатами пластыря, как раненный боец. Виктор Иванович бережно принял в свои руки маргианскую керамическую «тару», повертел ее и так и сяк... К счастью, удалось запечатлеть этот момент на фотокамеру. Пока начальник вертел горшок в руках, я «отщелкал» небольшую фотосессию. На фотографии, выбранной из серии снимков, Виктор Иванович на миг задумался. Куда унесся мыслями ученый-археолог, первооткрыватель кушано-бактрийского золота Афганистана, бактрийско-маргианской цивилизации, занесенной песками Каракумов, автор многочисленных научных и популярных книг об искусстве и древней истории народов Центральной Азии? О чем думал в тот момент Виктор Иванович?

Фотография позволяет взглянуть в черты ушедшего от нас Ученого, приближает к пониманию невозможной утраты, которую понесла историческая наука и археология...

После 2012 г. я уже не бывал на Гонур-депе. Это был для меня последний эпизод общения с Виктором Ивановичем Сарияниди, «живым» классиком археологии. Это была последняя фотография ученого-археолога, которую я сделал в Туркменистане на раскопках открытого им Гонур-депе, и куда он возвращался, пока были физические силы и остатки здоровья, и где он хотел, чтобы упокоилось его тело и душа.

А моей работой Виктор Иванович, как мне кажется, остался доволен. Мне очень хочется в это верить!

Зарисовка 2. Французы и королевские фазаны. Один из эпизодов, в котором проявилась во всей силе широта души Виктора Ивановича, и какое-то, восточное, греко-византий-



*Скульптурный портрет В.И. Сарияниди.
Автор А.И. Нечвалода*

ское гостеприимство, мне довелось наблюдать во время пребывания французского археологического десанта на Гонур-депе. Возглавлял десант старый знакомый Сарияниди – французский археолог профессор Оливье Леконт. Он появился на Гонур-депе в окружении дам бальзаковского возраста. Дамы же представляли знаменитый Лувр. Предстояли переговоры о выставке золотых артефактов, найденных в Царской гробнице на Гонур-депе, в залах этого уважаемого музея.

К приезду французских гостей началась основательная подготовка. Виктор Иванович напутствовал Мухамеда, отправлявшегося на охоту за зайцами, ни в коем случае не охотиться на джейранов. Это было строжайшее табу, которое надо признать, мы с Мухамедом все-таки, нарушили. Кроме зайцев, которых мы тогда подстрелили, нам с Мухамедом повезло еще наткнуться в камышовых зарослях на чудоптиц – настоящих королевских фазанов! Предстоящий гостевой стол грозил превратиться в королевский! Образ настоящего королевского, царского стола был прекрасно нарисован А. Гайдаем в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Мы по мере сил и возможностей попытались все эту роскошь воспроизвести. И как мне кажется, даже превзошли самих себя! Тушки фазанов были аккуратно отпрепари-



*Гонур-депе. 9 октября 2005 г. Справа от Виктора Сарияниди – Анни Кобэ, Оливье Леконт, Анье Бенуа.
Фото А.И. Нечвалоды.*

рованы, мной была изготовлена проволочная основа для изготовления чучел королевских фазанов. Чучела удались на славу, и были достойным украшением стола.

Тот самый вечер....

Виктор Иванович по-царски вел застолье, восседая на своем традиционном месте во главе стола. На нем была клетчатая рубашка с залихватски расстегнутым воротником. Всем своим обликом Виктор Иванович напоминал тогда «крестного отца» всемирной «археологической мафии». Он разливал греческий коньяк, который только недавно ему привезли в подарок. На столе красовались фазаны. Французы наслаждались зайчатинной и уже готовились перейти к барашку, целиком запеченному Мухамедом в тамдыре...

Застолье продолжалось до поздней ночи. Все гости произносили тосты, и не по одному разу. За этим очень внимательно следил Виктор Иванович, каждому гостю предоставляя слово. Несмотря на позднее время, никому из присутствующих не хотелось покидать веселую и оживленно беседующую кампанию. На Гонуре и потом было много гостей и посиделок за столом, но это застолье запомнилось особенным духом дружбы и товарищества, прекрасным настроением и остроумием нашего «крестного отца»! Но, к сожалению, выставка в Лувре, как мечтал и задумывал Виктор Иванович, так и не состоялась.

Зарисовка 3. Голова Зевса. Когда я в первый раз увидел Виктора Ивановича Сарияниди, а было это в далеком 2005 году, у меня сразу же возникло желание нарисовать его. Большая, крупная голова с копной волнистых седых волос, широкий лоб, изборожденный складками морщин, кустистые брови, под которыми находились внимательные и умные глаза, широкий, прямой греческий нос, щеточка аккуратно подстриженных усов. Очень трудно передать на словах то впечатление, которое производил образ Виктора Ивановича, поэтому рука тянулась к карандашу и бумаге. Используя свободные минуты отдыха в экспедиции, я пытался рисовать Виктора Ивановича с натуры, делая наброски и эскизы. Казалось бы, такая физиогномическая фактура облегчала работу над портретом, но рисунки мои получались слабыми и невыразительными. Портрет Виктора Ивановича никак не давался мне в графическом исполнении.

После того как Виктора Ивановича не стало, я все никак не мог решиться начать работать над скульптурной головой, «Головой Зевса», как я называл для себя эту работу. Неожиданным толчком для начала создания скульптуры стало известие о смерти другого известного грека – Демиса Руссоса. Я вдруг обнаружил какое-то отдаленное, не сразу бросающееся в глаза, сходство между ними.

Мне очень хотелось передать свое живое впечатление о личности Виктора Ивановича,

применяя не застывшие, законченные скульптурные формы, а используя прием текучей, импрессионистической лепки. Начиная работать, я уже представлял, как будет выглядеть окончательный вариант работы. Самым сложным в процессе работы было даже не достижение внешнего сходства, хотя и это тоже важно, а именно передача внутренней сути Ученого

и Человека, которого уже нет рядом с нами, в мире живых.

«Голова Зевса» не отпускала меня на протяжении месяца, мне казалось, что мои «мемории» о Викторе Ивановиче будут неполными без скульптурного портрета, который я стремился закончить к моменту издания, но продолжаю работать над этим портретом до сих пор.



Р.М. Сатаев¹, В.В. Куфтерин², Л.В. Сатаева³

¹Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

²Башкирской государственной педагогический университет, г. Уфа

³Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа

В одной лодке под названием «Гонур»

О личностях масштаба Виктора Ивановича Сарияниди сложно писать в прошедшем времени. Причин тому несколько: с одной стороны слишком мало времени прошло с момента его ухода, с другой – очень непросто осознать (и выразить в немногих словах) его исключительный вклад в среднеазиатскую и мировую археологию. О наследии В.И. Сарияниди, десятках книг и сотнях статей лучше напишут другие. Мы можем лишь поблагодарить судьбу за возможность бок о бок работать с подлинной «легендой археологии Центральной Азии» (эпитет, очень удачно использованный по отношению к ВИ другим выдающимся археологом – Б.А. Литвинским) (Литвинский, 2004) в составе также ставшей легендарной Маргианской археологической экспедиции.

Этот текст не является в строгом смысле ни биографическим очерком, ни воспоминаниями. Скорее это попытка через призму собственного опыта показать отдельные стороны личности ученого, которого мы знали и уважали. Поэтому просим воспринимать предлагаемый текст как коллективное эссе, т.е. подборку разных и по форме и по содержанию индивидуальных соображений и впечатлений, вызванных памятью о покинувшем нас человеке. Добавим, что авторство отдельных частей изложения соответствует их порядку в оглавлении.

Всем хорошо известна шутливая фраза про «подводную лодку в степях Украины», обыгрываемая в ряде анекдотов советского времени. Обычно она использовалась, когда хотелось продемонстрировать парадоксальность, сюрреальность какой-либо ситуации. Для полевых исследователей, чья специфика работы связана с длительными экспедициями, это выражение приобретает особый смысл. Под «подводной лодкой» здесь можно понимать обстановку, когда группа людей длительное время занимаются общим делом в отрыве от «большой земли» (в той или иной степени изоляции от «благ цивилизации»). Все это, безусловно, приводит к появлению собственного небольшого обособленного мира (очень не хочется называть его «мирком»), со своими порядками, традициями, отношениями между людьми, которые нередко выходят далеко за пределы обычного общения между коллегами. Безусловно, образ жизни коллектива, стиль работы, ценностные ориентиры во многом зависят от личности лидера – «капитана подводной лодки». Маргианская археологическая экспедиция – это «подводная лодка в песках Каракумов», выстроенная и долгое время бессменно управлявшаяся В.И. Сарияниди. Масштабность, многогранность и сложность личности этого человека и исследователя, ярко проявившись в его научных изысканиях, оставила свой отпечаток на всем, что так или иначе



3 мая 2008 г. Рядом с Виктором Ивановичем сидит Роберт Сатаев. Стоят (слева направо): Гозель Беглиева, топограф Какаджан Шадураев, Мерддан Джуманазаров, Джафар Мехр-Киян, Меред Рзаков, Мурад Бердыев, Ольга и Мухамед Беглиевы, Владимир Куфтерин, Алексей Нечвалода.

связано с экспедицией – его любимым детищем.

Хотя авторы этого эссе представляют разные научные направления, именно широкие взгляды Виктора Ивановича, его внимание к разным аспектам изучения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, не ограничивающимся собственно археологическими раскопками, на долгое время определили наши личные научные интересы и исследовательские приоритеты, сделав нас его единомышленниками. Так мы все трое оказались с ним в одной лодке. Поэтому, несмотря на то, что каждого из авторов в отдельности, судьба свела с Виктором Ивановичем в разное время, мы надеемся, что имеем право назвать его своим учителем, даже понимая некоторую пафосность такого заявления.

Память каждого из нас как калейдоскоп воспроизводит разные моменты жизни, связанные с именем Виктора Ивановича. Одни из них достаточно личные, другие широко известные. В такой ситуации хочется остановиться только на нескольких эпизодах, важных для нас и характеризующих выдающегося исследователя.

1. «Лошадиная история»

Имя археолога В.И. Сарияниди я узнал еще в школьные годы, благодаря книге «Каракумы: заря цивилизации» (библиотечный экземпляр был сильно зачитан и часть страниц порвана), написанной им в соавторстве с В.М. Массоном. А впервые увидел я его в телевизионной

передаче «Клуб кинопутешественников», когда в одном из выпусков он рассказывал об успехах Советско-Афганской экспедиции. Все, что было связано с «восточной археологией», тогда мне представлялось жутко интересным, но нереально далеким и практически недоступным для простого смертного. Сам Сарияниди казался такой же «экзотикой» как герои книги Эриха Церена «Библейские холмы», давно ставшие историей. Но в 2005 г. я с большим удивлением узнал, что В.И. Сарияниди это не «прошлое», а «настоящее» археологической науки. В тот год в составе Маргианской археологической экспедиции начал работать мой хороший товарищ, антрополог А.И. Нечвалода. После полевого сезона при каждой встрече с друзьями он много рассказывал о Викторе Ивановиче и Гонуре, возбуждая интерес и зависть всех слушателей. Именно Алексей Иванович по просьбе Н.А. Дубовой предложил мне посмотреть небольшую коллекцию костей животных из раскопок Гонур-депе на предмет их видовой принадлежности. Среди остатков животных (быка, овцы, козы, свиньи, верблюда, осла, собаки, джейрана) оказался один зуб лошади, чему я особого внимания не придал, поскольку для бронзового века Волго-Уральского региона это дело обычное. Зато кости верблюда, осла и джейрана меня, конечно, заинтересовали, в чем сказались незнание среднеазиатской специфики.

Из публикаций и личных выступлений В.И. Сарияниди всем специалистам хорошо извест-



30 сентября 2008 г. В ашхабадской гостинице перед отъездом на Гонур. Слева направо сидят рядом с В.И. Сарияниди: Роберт Сатаев, Марина Мартынова, Надежда Дубова.

но, с каким пристальным вниманием он относился к «арийской проблеме», считая, что одним из обязательных признаков принадлежности древнего населения к арийским племенам является наличие в их хозяйстве домашней лошади. Находки на Гонур-депе захоронений целых скелетов явных представителей рода лошадей, а также изображений лошади и сигнальных труб, которые, по его мнению, использовались для тренинга лошадей, позволило В.И. Сарияниди (Сарияниди, 2002) говорить о возникновении коневодства у древних племен Туркменистана уже на рубеже III – II тыс. до н.э. При этом, он полагал, что лошади в то время были редкими экзотическими животными и принадлежали

элите общества. Именно желание Виктора Ивановича провести более подробное исследование остатков гонурских лошадей стало основной причиной начала нашего сотрудничества. При этом он хорошо знал о сложностях, возникающих при установлении видовой принадлежности представителей эквид, и, не будучи полностью уверенным в своих выводах, с нетерпением ждал их подтверждения. Однако изучение уже известных скелетов животных показало их принадлежность к домашним ослам, а я оказался в положении человека, принесшего дурную весть. Сказать, что Виктор Иванович был расстроен – почти ничего не сказать. Но результаты экспертизы были приняты, хотя он еще много лет поминал мне, что я «всех гонурских лошадей в ишаков превратил» (когда ему хотелось поддеть посильнее, фраза звучала так: «всех наших лошадей превратил в кошек»). Однако это обстоятельство не повлияло на судьбу наших с ним дальнейших отношений, а присказка о превращении лошадей в ишаков, стала «фирменной» шуткой, понятной только посвященным людям с нашей «лодки».

Но на этом история с гонурскими лошадьми не закончилась. Очень скоро выяснилось, что среди костей животных, обнаруженных на памятнике, кроме упомянутого выше зуба, присутствуют и другие достоверные остатки этого животного. Таким образом, основные выводы



9 мая 2009 г. Слева направо сидят: Ольга и Мухамед Беглиевы, Лилия Сатаева, Виктор Иванович, Меред Рзаков, Виктория Крюкова; стоят: Роберт Сатаев, Какаджан Шадурдыев, Алты Бяхбидов, Мердан Джуманазаров.

В.И. Сарияниди на «лошадиную» тему, оказались верными, интуиция его не подвела: на Гонуре обнаружены самые ранние для Средней Азии свидетельства присутствия домашней лошади в хозяйстве древнего населения.

Добавим, что сам факт присутствия на памятнике большого количества костей ослы, в том числе целых или почти целых скелетов, связанных с ритуальными объектами, оказался весьма интересным, поскольку В.И. Сарияниди считал, что целый ряд культов, и ритуальных действий, практиковавшихся древними гонурцами, позднее были ассимилированы и адаптированы первой монотеистической религией – зороастризмом. А «трехногий осел» в Авесте стоит в центре мироздания, что, вполне возможно, не простое совпадение. Впоследствии В.И. Сарияниди часто интересовался особенностями контекста нахождения остатков ослы, задавая вопрос: «Что же это может значить? Что мы копаем?». Поэтому, нередко, обращая внимание на мой «задумчивый вид», спрашивал: «Что Роберт, опять ишака нашел?». Но это уже другая, «ослиная» история.

II. «Мои университеты»

Автору этих строк удалось попасть на Гонур в 2008 г. и на протяжении 7 сезонов, совместно с Н.А. Дубовой и А.И. Нечвалодой выполнять в составе экспедиции обязанности антрополога. Помимо собственно изучения человеческих останков, на меня была возложена обязанность помогать «правой руке» Виктора Ивановича – Н.А. Дубовой, описывать и разбирать погребения. Нужно отметить, что пристальный интерес Виктора Ивановича к раскопкам погребений приучил антропологов проводить их контекстные исследования, т.е. курировать материал, начиная с момента его расчистки и заканчивая перезахоронением костей после комплексного обследования. Такой подход позволял сводить к минимуму информационные потери, а наличие в составе экспедиции зачастую одновременно двух–трех специалистов-антропологов давало возможность «на месте» проводить коннексию данных. Сложно забыть своего «первенца» – рядовое погребение на Раскопе 16. В первый же трудовой день Виктор Иванович поручил мне взять рабочего (им оказался Шатлык Халдыев, специализировавшийся на расчистке погребений) и посмотреть «что и как». Первое же

сделанное «описание погребения» всех очень позабавило – обозначенные мною как «керамика» несколько черепков сосудов вызвали легкое недоумение: «Володя, ты где керамику увидел?» Мне, работавшему до этого большей частью на синхронных памятниках Волго-Уральского региона, тогда было невдомек, что здесь «керамика» – это целые или «более-менее» целые сосуды. Учитывая гигантские объемы материала, когда поверхность многих тепе как причудливая мостовая покрыта слоем черепков, понимаешь, что это вполне оправдано.

В.И. Сарияниди очень часто в археологическом сообществе называют «везунчиком». Однако мало кто задается вопросом об истоках этого «везения». По крайней мере, с двумя из них я столкнулся воочию. Первое – это потрясающее «археологическое чутье» (знаменитые афоризмы ВИ «здесь копайте» и «это пустышка»), основанное на доскональном знании топографии памятника, второе – колоссальная работоспособность. Последняя, в частности, проявлялась в масштабе работ. До Гонура «нормой» для меня было изучение 1–3 погребений в день (включая описание, фиксацию и разбор). В первый же гонурский сезон планка поднялась до 10(!) погребений. Из других личных «рекордов» можно отметить, что ни до, ни после не приходилось за один полевой сезон исследовать до 100 могил, включая все процедуры от описания погребения до обработки костяков по комплексной программе (в среднем 50–70 за сезон). Даже только эти цифры уже красноречиво свидетельствуют о масштабах раскопок, проводившихся под руководством Виктора Ивановича, причинах его «везения» и высокой результативности экспедиции в целом.



Гонурская весна – «подарок ботанику». 26 апреля 2009 г. Виктория Крюкова (слева), Роберт и Лилия Сатаевы неподалеку от Гонура изучают флору.

Вспоминается еще одна черта характера Виктора Ивановича – умение ценить свое и своих сотрудников рабочее время, а, следовательно, четко отделять «зерна от плевел». В этой связи вспоминается один эпизод. В один из сезонов я вместе с Р.М. Сатаевым «как обычно» занимался разбором погребения. На шее усопшего (усопшей? – уже не вспомнить) имелось ожерелье из белых бусин. Большая часть его была благополучно изъята и доставлена в лагерь. Далее проявив усердие, мы решили просеять грунт на предмет поиска утраченных бусин. «Добычей» стали 2 – 3 бусинки, с гордостью представленные Виктору Ивановичу, на что он отреагировал следующей фразой: «Хватит ерундой заниматься – работать идите!»

Огромные объемы работ, естественно, приводили к тому, что дело доходило до аврала (особенно, если нужно было «подчищать хвосты» в плане обработки скелетов из прошлых сезонов). Но к просьбам несколько «притормозить» с раскопками погребений В.И. Сарияниди оставался обычно глух. Теперь, по прошествии времени можно лишь признать, что, благодаря такому подходу, антропологические материалы из Гонура во многом являются эталонными для эпохи бронзы (и не только Средней Азии). Не в последнюю очередь это обусловлено беспрецедентной численностью раскопанных погребений (к настоящему времени база данных содержит сведения об антропологических особенностях около 5000 гонурцев). А высшей похвалой для меня была фраза самого Виктора Ивановича, сказанная после окончания одного из сезонов: «Володя, ты трудяга – тебя ждет большое будущее».

Надо сказать, что Виктора Ивановича живо интересовали и собственно антропологические вопросы. В частности один из последних моментов, привлечших его внимание – несколько женских черепов выраженного «экваториального облика», послуживших А.И. Нечвалюде основой для скульптурных антропологических реконструкций (Нечвалюда, 2012). В них В.И. Сарияниди совершенно справедливо усматривал факт, подтверждающий наличие связей Маргианы с долиной Инда и цивилизацией Хараппы.

И еще одна вещь, про которую не могу не написать. Как-то на борту самолета, летевшего в Ашхабад, Виктор Иванович поинтересовался: «Володя, ты уже продумал план докторской



Травянистая растительность в Каракумах весной 2009 года. Виктория Крюкова и Лилия Сатаева среди маков обсуждают методы приготовления Сомы-Хаомы.

диссертации?» (я тогда не был еще и кандидатом наук). На что автор этих строк отреагировал в том духе, что сначала надо кандидатскую защитить. Но В.И. Сарияниди как будто «не услышал»: «Давай не откладывай это дело». Сейчас я хорошо понимаю, что «Гонурские университеты» не прошли для меня даром, это и урок, и задел на всю жизнь.

III. «Священная Хаома»

Моя первая встреча с Виктором Ивановичем, о котором к тому времени была много наслышана, состоялась весной 2009 г. Год во всех отношениях был примечательным. Обычно к концу апреля Каракумы уже соответствовали своему определению «пустыня» (желтая, высохшая трава с редкими зелеными пятнами молодых побегов саксаула и кустарниковых солянок). Но то, что я увидела в первый свой приезд в Туркменистан, пустыней назвать язык не поворачивался. Зеленая трава, множество цветов разных оттенков (из-за которых воздух был просто опьяняющий), многоголосье птиц. Все шутили: «Это потому что приехал ботаник». Даже для человека, который, по сути, занимается не столько самими растениями, сколько сохранившимися от них остатками, это был настоящий сюрприз – посмотреть, как могут (и могли) выглядеть известные своей суровостью каракумские пески. Виктор Иванович принял очень любезно (хотя меня предупреждали, что он человек настроения и к новым людям относится с большой осторожностью), спросив, указывая на моего супруга: «Где ты его нашла? Знаешь, что он всех наших лошадей в кошек превращает?». Сразу же за разговором, были поставлены основные задачи: выяснить, что выращивали, ели, какое дерево жи-



В середине дня можно работать только в тени айвана экспедиционной базы. Р. Сатаев изучает коллекцию костей животных, Л. Сатаева – остатки растений. Уходит с айвана – А. Нечвалода. 24 сентября 2012 г.

гали в печах. Отметим, что какие-то сведения на этот счет, полученные нашими заграничными коллегами, уже имелись, но были очень отрывочными. Задачи вполне понятные и выполнимые. Потом был задан каверзный вопрос: «А ты читала статью Мейер-Меликян? Вот она на Тоголке нашла сому-хаому. Сможешь здесь найти?» Речь шла о статье Н.Р. Мейер-Меликян «Определение растительных остатков из Тоголок-21» в приложении к книге Виктора Ивановича «Древности страны Маргуш» (1990). В ней Нонна Робертовна Мейер-Меликян, известный российский палинолог (и палеопалинолог), указывает на находки в образцах, взятых со дна хумов, остатков листьев и пыльцы эфедры, а в заполнении костяной трубочки и на поверхности каменного пестика – остатков семян мака. Предполагалось, что эфедра и мак являются основными ингредиентами тонизирующего, ритуального напитка древних арийцев – хаомы. Конечно, обнаружить необугленные остатки – большая удача, и ждать, что получится «на ура» найти следы эфедры и мака, подтверждавшие бы факт приготовления легендарного напитка, весьма самонадеянно. Однако пожелание Виктора Ивановича заставило меня с большим вниманием относиться к исследованию любого содержимого сосудов, «ванночек», ямок, поверхности пестов и курантов и т.д. И хотя пока (учитывая прозорливость Виктора Ивановича, возможно, это дело недалекого будущего), наказ на счет «сомы-хаомы», не выполнен полностью, благодаря такому подходу, были получены интереснейшие результаты.

Активно взявшись за поиски и выделение любых растительных остатков, по просьбе Виктора Ивановича я переключилась на содержимое печей, в первую очередь, двухкамерных, в которых, по его мнению, готовили ритуальную пищу. В одной из печей удалось обнаружить то, что меня, как археоботаника, очень обрадовало. Находка представляла собой комки спекшихся зерен винограда, т.е. остатки виноградного жмыха – свидетельство отжима ягод и достоверный факт распространения у древних жителей Гонура виноделия. С этой новостью я и отправилась к Виктору Ивановичу, находившемуся на другом раскопе. Он меня внимательно выслушал, покачал головой и сказал, повернувшись к моему мужу, работавшему неподалеку: «Это только такие *гидаи*¹, как мы с тобой, Роберт, вино пили. Настоящие гонурцы пили сому-хаому».

В.И. Сарияниди нередко упрекают в его особом пристрастии к «дорогим» находкам (драгоценным металлам и пр.). В действительности все, кто с ним работал, знает, что Виктору Ивановичу было не столь важно, из чего был сделан тот или иной артефакт (например, он очень радовался миниатюрным колонкам, которых к разряду драгоценностей отнести сложно), сколько новизна и информативная ценность находок. В 2009 г., когда на территории царского некрополя было открыто несколько новых элитных погребений, содержавших много разных, а нередко и

¹ Гидай – туркм. бедняк.



Владимир Куфтерин (слева) за исследованием костных останков человека. Алексей Нечвалода уже изготовил основу для модели колеса из погр. 3900. 24 сентября 2012 г.



Вечерняя фотосессия. В доме от холода пыталась спрятаться небольшая змейка, которую держит в руках Мухамед Беглиева (справа). Рядом с Виктором Ивановичем стоят Роберт Сатаев и Сергей Зарубов, со стороны наблюдает – Анатолий Юминов. 12 октября 2013 г.

дорогих вещей, внимание Виктора Ивановича было приковано к бронзовому котлу (погребение 3900), мозаикам, фрагментам фаянсовых фигурок, рельефному оформлению стен одной из гробниц, но никак не к «драгоценным металлам». Вспоминается эпизод, когда я находилась в погребении, принадлежавшему, вероятно, какому-то сановнику, а В.И. Сарияниди сидел на краю ямы, наблюдая за ходом расчистки. Замечу, что здесь была найдена деревянная дарохранительница (мой прямой интерес), к тому же украшенная мозаикой. На шее погребенного было внушительного вида украшение – пружина из золота, но она особого восторга у Виктора Ивановича не вызвала, он внимательно следил как идет процесс расчистки дарохранительницы. Вдруг он нагнулся и попросил: «Дай-ка мне вон тот кубок». Я ему ответила: «Да очень интересная находка, наверное, дорогая». По моему мнению, кубок того стоил, это был хорошо выполненный серебряный сосуд и почти без окислов. Виктор Иванович долго вертел его в руках, заглядывал внутрь его (в это время я ждала, что он скажет). Ответ был несколько неожиданным: «Пустышка! Ни тебе быков, ни зайцев, ни волков с высунутыми языками. Убери его». Не сразу я поняла, почему сосуд не понравился. Он

хотел увидеть на кубке какое-либо изображение (например, как на кубке из погребения 3235), а не просто очередную дорожную находку. Из этой же серии можно упомянуть эпизод, когда мы с питерским авестологом Викторией Крюковой собирали обрывки золотой фольги, покрывавшей когда-то фаянсовый рельефный декор стенки гробницы, разрушенный грабителями. Виктор Иванович долго смотрел на наши занятия. Когда наконец-то все было собрано и разложено по пакетикам, он заявил: «Ну, наконец-то! Идите, уж, ничего интересного здесь нет».

Меня поначалу удивляла, а затем стала казаться сама собой разумеющейся его постоянная настроенность, наточенность, устремленность к одной цели – понять, что же было тут, на Гонуре четыре тысячи лет назад. Его широчайшая эрудиция позволяла сопоставлять разные события, культуры и времена, и он все время думал, анализировал, рассуждал вслух, писал, работал. Писал он практически все свободное время, если не был на раскопе или не «резался» в шаш-беш. Для него включали бензиновый электрогенератор, и он работал на ноутбуке. Я знаю многих людей и помоложе, которые не знают, как обращаться с компьютером. Но для Виктора Ивановича это был необходимый рабочий инструмент. Его

книги привлекали и привлекают людей из разных стран. Туристы приезжают на Гонур-депе из Японии и Австралии, Европы и Новой Зеландии, чтобы своими глазами увидеть «цивилизацию, затерянную в песках» и легендарного Сарияниди.

Когда я приезжала сильно загорелая из каракумских экспедиций, переполненная впечатлениями, то не могла не поделиться ими с коллегами и студентами: вот это был аншла! Полуторачасовой лекции было мало. Студенты слушали, вытянув шеи, привставая с последних парт. Задавали вопросы. Кто-то успевал зайти на сайт и удостовериться в моих словах. Самый первый вопрос почти всегда был: «Как туда попасть?»

Второй следовала просьба: «Возьмите нас с собой на Гонур!» Благодаря Виктору Ивановичу Сарияниди, очень много людей, включая меня, увидели, узнали столько интересного, прикоснулись к Большой Истории.

* * *

Конечно, эти несколько сумбурные зарисовки ни в коей мере не могут передать атмосферы непосредственного общения и работы рядом с исследователем такой величины, как В.И. Сарияниди. В заключении остается лишь сказать: «Спасибо, Виктор Иванович, что Вы были в нашей жизни!»

Библиография

1. Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 5-22.
2. Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголок 21// Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.С. 203-205.
3. Нечвалода А.И. Черепа веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур-депе: краниология и антропологическая реконструкция // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 87-100.
4. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
5. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.



Реза Хазели (Кей Ашкан Ардалан Афшарнадери)
г. Мельбурн, Австралия

Великий человек в поисках Иранведжа и зороастрийской цивилизации согласно географии Авесты

С пятнадцатилетнего возраста, когда я приступил к изучению древнеиранских языков и древней истории и культуры «Большого Ирана», я постоянно задавался вопросом, как археология в такой степени обделила вниманием древнюю географию Иранведжа, первое арийское государство, о котором открыто упоминается в Авесте?

В восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом столетиях европейские археологи, в основном христиане или иудеи, выходцы из христианской Европы, избрали Тору, Евангелие и иудейские предания в качестве почвы и ос-

новного направления для молодой археологии того времени и таким образом искали древний мир и историю цивилизации в географических рамках этих книг и преданий. При этом они достигли удивительных результатов в Месопотамии и Египте.

Таким образом, востоковедами были написаны многочисленные книги, в которых они искали источники блестящей древней греческой и римской цивилизации в Месопотамии и Египте. Конечно, нет никаких сомнений в том, что на протяжении истории всегда существовал культурный обмен между различными



Виктор Сарияниди в Музее изобразительных искусств Туркменистана. 6 июня 2013 г.

странами и народами, а культурное и торговое сотрудничество на побережье Средиземноморья очевидно. Но не следует забывать, что блестящие цивилизации Греции и Древнего Рима расцвели в древнем мире, в котором христианско-иудейская и месопотамско-египетская цивилизации или пока не появились, или были слишком слабыми, чтобы иметь влияние. Первой империей истории человечества в древнем мире была Персидская империя, протянувшаяся от Средней Азии и границ Китая до Греции и Египта на севере Африки и подготовившая предпосылки культурного обмена в древнем мире, ограничивающемся этой империей. Хотя культура и цивилизация Греции, Египта и Месопотамии были частью этой империи, создавшие ее персы, говорили на иранском языке. Согласно зороастрийскому писанию Авесте, они пришли из Иранведжа или первой страны арийцев в Средней Азии. Многочисленные древние свидетельства, в частности Авесты и прочих, написанных на языке пехлеви, книг подобно карте определяют место существования первой страны арийцев и путь их переселения. Но этот важный регион, по всей видимости, по следующим причинам не был доступен археологам или же в нем не были проведены тщательные исследования и раскопки:

В XVIII и XIX столетиях христианско-иудейское религиозное рвение, которое еще оставалось в Европе после Ренессанса, «перетянуло» географическую зону археологических раско-

пок в Египет и Западную Азию, занимавших важное место в священных писаниях.

В начале XX в. коммунистическая революция в России и становление государства Советов закрыли для археологов других стран путь в Среднюю Азию. Деятельность же советских археологов до прихода легенды советской археологии Виктора Ивановича Сарияниди и его поколения специалистов была весьма ограниченной.

Прямые наследники зороастрийской цивилизации Средней Азии и Иранведжа после столетий оккупации арабами и монголами и принятия ислама резко отделились от своей древней культуры и цивилизации и приложили крайне незначительные усилия для изучения своей древней истории и археологии. Причем все эти работы были проделаны в эпоху иранского национализма и модернизма в период правления династии Пехлеви в Иране и завершились по религиозным мотивам после свершения Исламской революции в Иране.

Между тем с середины XX в. до начала XXI столетия советский археолог греческого происхождения, который родился в городе Ташкенте в Средней Азии и с молодых и студенческих лет работал с известными археологами Советского Союза и помогал им в раскопах, изумил мир в самом прямом смысле этого слова. До того времени большинство археологических находок в Средней Азии касалось энеолита, работы по которым были проведены экспедицией Р. Помпелли в начале XX в. в Анау недалеко от Ашхабада, или железного века и цивилизации ашканидов и парфян. Однако эпоха бронзы в Средней Азии по-прежнему оставалась неразгаданной тайной. Бронзовый век имеет особое значение в истории человеческой цивилизации. Открытия, относящиеся к бронзовому веку, сделанные в Месопотамии, принесли Ближнему Востоку популярность «колыбели цивилизации». Однако в Средней Азии, земле первых арийцев, бронзовый век по-прежнему оставался загадкой, пока великий ученый и легендарный археолог Виктор Иванович Сарияниди не сделал изумительные открытия, свидетельствующие о прогрессивной цивилизации, подобной цивилизациям Месопотамии на Ближнем Востоке и Египта на севере Африки. Это стало возможным, благодаря более чем шести десятилетиям его упорного и сложного труда в XX – начале XXI столетий в

Средней Азии (в частности в пустыне Каракумы на Гонур-депе недалеко от древнего Мерва) и на севере Афганистана (рядом с г. Балх). С некоторых точек зрения, эта цивилизация оказалась более древней и даже более прогрессивной, чем другие.

Географический ареал, охватываемый данной цивилизацией, известной сегодня как Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), чрезвычайно обширен и находится в тесной взаимосвязи с внутренними цивилизационными очагами на территории Ирана, в том числе Шахдад в Кермане, Шахр-е-Сухте в Систане, а также с таковыми Харалпы в долине р. Инд. Подобного рода протяженность и связи не свойственны ни для Месопотамии, ни для древнего Египта. Видимо, эта цивилизация не имела себе подобных, что может свидетельствовать об открытии В.И. Сарияниди «забытой колыбели цивилизации человечества».

Сопоставив достижения и признаки этой цивилизации с текстами Авесты и зороастрийской и дозороастрийской культурой, а также сопоставив географический ареал находок с географией Авесты, Виктор Иванович понял, что ему удалось открыть самую важную зону культуры бронзового века, принадлежащих арийским народам и одну из важнейших колыбелей человеческой цивилизации. Изумительные находки, относящиеся к культуре БМАК, выставленные в музеях Ашхабада и Мерва, а также многочисленные книги, написанные Виктором

Ивановичем Сарияниди об этой культуре и ее проявлениях, открыли новые горизонты в археологии, в изучении человеческой цивилизации и, думаю, пройдут долгие годы, пока мир и академические круги осознают глубину этих открытий.

Виктор Иванович Сарияниди, который продолжал свои раскопки и в трудные времена после распада Советского Союза, для продолжения своего дела он вложил значительное количество собственных средств, чтобы спонсировать исследования и экспедиции. Вне всяких сомнений он был не только великим ученым, но и героем и легендой археологии. Крайне тяжелые условия, в которых ему приходилось работать, могут быть осознаны лишь теми, кто сопровождал его в его раскопках.

Хотя я долгие годы был знаком с трудами и достижениями этого великого ученого, однако очень рад, что мне удалось лично познакомиться с ним в последний год его жизни, сопровождать его в его последней археологической экспедиции на Гонур-депе осенью 2013 г. и очень многому у него научиться. Виктор Иванович Сарияниди, великий человек и уникальный ученый, продолжал свою работу до последних дней своей жизни и скончался в день официальной кончины Заратустры, для изучения эпохи которого он потратил столько лет. Несомненно, он обогнал свою эпоху, и пройдет много лет, пока будет осознана глубина его научных трудов и то влияние, которое он оказал на археологию, историю и антропологию.



Э.А. Мурадова
г. Ашхабад, Туркменистан

Мэтр археологии

Мне хочется поделиться своими воспоминаниями о Викторе Ивановиче Сарияниди. В нашей научной среде, которая объединяла сотрудников отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР, руководимого Еге-

ном Атагарыевым, всегда царил обстановка дружелюбия, взаимопонимания, взаимоподдержки, взаимовыручки. Был слаженный, хороший, преуспевающий научный коллектив. Полевые условия не были тяжелы нам, так как все сотрудники отдела были молодыми, энер-

гичными, целеустремленными и, конечно, романтиками, а, может быть, и фанатиками. Как и полагалось, у каждого археолога была своя плановая экспедиция, в которой могли участвовать и коллеги. У нас была и Маргианская археологическая экспедиция, возглавляемая Иминжаном Сулеймановичем Масимовым, который после каждого полевого сезона приезжал с новыми находками, интересными идеями. Все больше и больше научной информации мы получали о Маргиане.

В 1980 г. я принимала участие в работе археологической экспедиции, возглавляемой И.С. Масимовым, который исследовал Келлелийский оазис, расположенный в древней дельте Мургаба. Александр Федорович Ганялин, Берды Нефесович Удеумурадов, Владимир Юрьевич Вдовин работали в этой экспедиции каждый полевой сезон. Была с нами и Дженнет Масимова – жена Иминжана Сулеймановича, приехавшая воочию увидеть полевую жизнь археологов. Рабочих не было, так как работали далеко от культурной зоны. Жили в палатках, стояли на лопатах, а вечера-

ми дружно пели песни у костра. Музыкальнее всех был Иминжан Сулейманович, который мог сам себе аккомпанировать. Тогда я впервые увидела звездную, чарующую, полную таинств Маргиану.

С Маргианой крепко было связано имя Виктора Ивановича Сарияниди, о котором уже тогда в 70-80-ых годах XX столетия ходили легенды, как о самом счастливом археологе, которому сопутствует удача. Фортуна всегда улыбалась ему! Я всегда мечтала попасть в экспедицию Виктора Ивановича. Хорошо помню, как после работы в Маргианской экспедиции приходила в наш отдел Людмила Терентьевна Пьянкова (археолог из Таджикистана, специалист по эпохе бронзы) и делилась своими впечатлениями: «Съездила я очень хорошо. Фред [Фредрик Хиберт – американский аспирант В.И. Сарияниди – Э.М.] копал на раннем Гонуре. Я рисовала поздний Гонур. Теперь, когда я приезжаю регулярно, керамика не скапливается тоннами, и можно продохнуть. Было очень интересное погребение с большим количеством сосудов и бронзовых вещей. В Кара-



Гонур-дене 1998 г. Раскопки большого некрополя Гонура. С Эджегуль Атаевной Мурадовой.

кумах тоже почти ежедневно были жуткие ветры, естественно, с песком, изредка с дождем. Мою палатку сносило. Из ночных посетителей палаток очень докучали какие-то крысы, вернее, полевые мыши. Они – серые, с огромными ушами, очень черными глазами и длинным голым хвостом. Выгнать их совершенно невозможно. Но в целом, это – лучшее место на Земле». Я с восхищением слушала ее, и еще больше хотелось попасть в Маргиану.

Прошли годы, я продолжала работать в Институте истории, выезжала в свою экспедицию, в Мисрианский оазис, но ничто не предвещало мою поездку на Гонур. Наконец-то в 1997 г. коллеги-археологи порекомендовали меня Виктору Ивановичу. За этим последовало приглашение. Добиралась я до места назначения, т.е. до самого Гонура, целый день. Это была моя первая, самая долгая, длинная дорога в Каракумы. Приехав в поселок Ягтыйол, я познакомилась с водителем Мухаммедом Беглиевым, который работал у Виктора Ивановича и его мамой. В те годы Мухаммед был еще очень молод, но только он знал дорогу на Гонур и мог даже в кромешной тьме добраться до лагеря. Ночью не было видно ничего. Дорог много, но нужно выбрать направление и ехать только по одной из них, которая может в любую минуту куда-то исчезнуть и тогда... попросту можно заблудиться. Но этого не случилось, и мы благополучно доехали до места. Приехали в лагерь ночью, но, несмотря на это, меня сразу же разместили в палатке с Акгыз, сестрой Мухаммеда, которая работала в экспедиции поваром. Так я попала на Гонур.

В 1997 г. работали на основном холме Гонур-депе и были начаты раскопки некрополя. Я никогда раньше не видела такого числа рабочих на раскопе, выполнявших определенный объем работ. В 1997–2001 гг. в экспедиции за сезон работало до 40-50 рабочих. Помню и Тиркеша Ходжаниязова, который успевал и постоянно следить за ходом работ, и записывать в дневнике информацию, которая менялась очень быстро. Хорошо помню, как кипела работа. В ночное время громыхал трактор, который должен был убрать отвалы, накопившиеся за день.

Хорошо помню, как Виктор Иванович не разрешал ходить в западную часть поселения,

находившуюся рядом с каналом, где находился некрополь и были начаты раскопки. Через несколько дней после моего первого приезда на Гонур Виктор Иванович спросил меня: «С кем из археологов Вы работали? Работали ли когда-нибудь на могильнике?». Я ему ответила, что в 1988 г. принимала участие в работе Сумбарской археологической экспедиции, возглавляемой И.Н. Хлопиным и расчищала погребения на могильнике Пархай II. На следующий день Виктор Иванович отвел меня на западный участок, показал место раскопок и где я буду работать. Это был могильник и, соответственно, требовалась другая методика раскопок. Работа постепенно вошла в ритм и впервые в одном из погребений была найдена цилиндрическая печать из мраморовидного оникса. После окончания полевого сезона я сдала свой дневник (тетрадь в клеточку) и полевые чертежи Виктору Ивановичу.

В этот сезон 1997 года я впервые увидела Виктора Ивановича и во время отдыха, и в работе. Виктор Иванович любил Маргиану! Он восхищался звездами и пустыней! Любил смотреть на чистое небо, усеянное яркими звездами! Наслаждался воздухом и необычайной тишиной! У него была полная гармония с окружающим его миром!

Виктор Иванович раньше всех приходил на раскоп, делал записи в своём дневнике, планировал дальнейший ход раскопок и больше всех работал. Его всегда можно было увидеть на раскопе, так как он всегда был там, где неожиданно возникали вопросы, на которые только он мог ответить. Но он находил время и сидеть за своим ноутбуком и писать новые книги о Гонуре и древневосточных цивилизациях.

В экспедиции все главное – и работа, и отдых. Экспедиционный сезон составлял два полных месяца или 60 дней. Рабочие работали 5 дней в неделю. На субботу и воскресенье они уезжали домой. Археологи, антропологи или другие специалисты, кроме основных пяти рабочих дней, находили время в субботу и воскресенье для заполнения и приведения в соответствующий порядок полевых дневников, для камеральной работы с археологическим или антропологическим материалами, составления описей археологических

находок. И когда после выходных дней приезжали рабочие, у нас поднималось настроение, так как мы знали, что новая неделя будет еще интересней, еще результативней, чем предыдущая. Это – закономерность! Всегда, когда уже заканчивается полевой сезон, археологических находок становится все больше и больше, и они уже предвещают новый полевой сезон, с новыми археологическими открытиями. И, конечно, археологи всегда возвращаются на свои памятники!!! Действует сила их притяжения!!!

Есть моменты, которые врезались в мою память. Сам Виктор Иванович не часто бывал на могильнике. Большую часть времени он проводил на самом поселении. Помню, осень 2001 года, когда мы уже заканчивали копать некрополь. Он отвел меня на еще не тронутый раскопками участок поселения и спросил мое мнение относительно следующего участка работ. По всей вероятности, сам Виктор Иванович уже «видел» раскопанный город с составляющими его элементами, характеризующими городскую структуру. С самого начала он считал, что Гонур – столица страны Маргуш, и она, конечно, должна была соответствовать всем столичным критериям и параметрам. Прежде всего ему хотелось найти обводные стены вокруг основной, уже раскопанной кремлевской. Так, рассуждая и беседуя, мы с ним обошли весь холм Гонур-депе и пришли к выводу о том, что северная часть поселения наиболее многообещающая. Для выявления стратиграфических горизонтов, периодов и культурных слоев северного сектора я должна была раскопать шурф, что и было сделано. Получив стратиграфию северной части поселения, заложили раскоп. И, как и предполагал Виктор Иванович, сначала нашли одну, а потом и вторую обводные стены вокруг кремля (или крепости).

Экспедиция Виктора Ивановича Сарияниди отличалась дисциплиной, четким планом намеченных работ, перспективной стратегией научных исследований. Научный состав экспедиции включал археологов, антропологов, топографа и художника. Виктор Иванович не только организовывал всю работу экспедиции, но и координировал её. Каждый из спе-

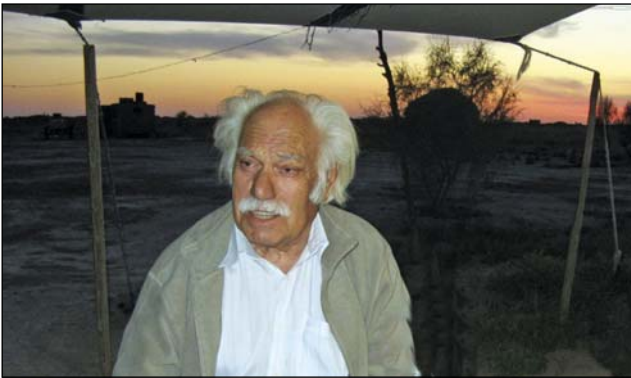
циалистов выполнял свой, закрепленный за ним участок и отчитывался за результаты работ. Виктор Иванович был немногословен, но требователен. Он всегда был на Раскопе и мог неожиданно появиться возле любого участника экспедиции или рабочего. Ежедневно в конце рабочего дня обсуждались итоги работ. Делились впечатлениями о находках. Виктор Иванович говорил: «Вы еще не до конца понимаете то, что вы сейчас делаете!!! Всё, что сейчас найдено на Гонуре, еще неизвестно научному миру. Гонур раскрывает нам свои тайны!!! Выйдут книги, появятся многочисленные учебники... О Гонуре будут писать... Будут печатать находки из одной книги в другую. Будут переписывать книги и учебники.» Все его предвидения сбылись!

Археологические раскопки на Гонур-депе проводились два раза в году. Были весенний и осенний полевые сезоны. Мне посчастливилось работать с Виктором Ивановичем 10 последних лет и весной, и осенью. Как незаметно они пролетели! Каждый полевой сезон был особенным и незабываемым, так как сопровождался новыми археологическими открытиями. И мы так привыкли к этому и были избалованы судьбой! И когда долго не находили что-то особенное начинали переживать: все ли мы правильно сделали, работали-ли с полной отдачей сил, с полным рвением? Археология не любит половинчатости! Работать, так работать! Любить археологию, так любить!

Отличительной особенностью научной деятельности В.И. Сарияниди являлась незамедлительная публикация результатов полевых исследований. Профессионализм и эрудиция отразились в его многочисленных научных трудах. Благодаря научным исследованиям Виктора Ивановича Сарияниди, ученый мир смог соприкоснуться с Маргианой, о которой до его работ известно было очень мало.

Эрудиция, интуиция, профессионализм, колоссальная энергия и работоспособность, организаторские способности, научная этика, сила воли, мужественность, порядочность, человечность являются отличительными чертами, характеризовавшими Виктора Ивановича Сарияниди на протяжении всей его жизни.

Беседы на закате



Гонур. «Беседы на закате». Фото В. Артемьева.

*Пустыни шепот еле слышен
Под пологом прозрачным тишины.
Едва усталый ветер дышит
В гирляндах саксаула. Чьи-то сны
Неспешно проплывают облаками...
Здесь время отмеряется веками.
Пространство - беспредельными песками,
Скользящими за горизонт волнами...*

А. Урманова, 2012

Виктор Иванович Сарияниди прожил две жизни. Одну – с нами сегодня, вторую – там, за четыре с лишним тысячелетия до нас, с народом открытой им загадочной страны и остался там навсегда...

Часто на докучливые расспросы о далеком прошлом Гонура, Виктор Иванович шутливо отвечал: «Откуда я знаю, я тогда не жил...» Но он жил «тогда» и видел их мир их глазами, потому что прожил параллельную жизнь в их мире. Жизнь там, среди них, была ему значительно интересней и ближе, чем сегодняшние заботы и суетная повседневность. И потому так удивительны его прозрения в науке, в истории науки, в истории древнего мира, в истории восточных цивилизаций.

Тот, кто внимательно читал публикации В.И. Сарияниди, ничего нового в этих строках не найдет. Все, о чем мы беседовали под диктофон, есть в его книгах и ни это главное, главное – его голос, его интонации, мысли вслух и рождение легенды. Легенды, которой теперь суждено стать историей.

РОЖДЕНИЕ ЭМБЛЕМЫ

Пасха 2012 года была ранней, 15 апреля. Подготовка была церемонной и начиналась загодя. Виктор Иванович утверждал смету, закупались продукты для праздничных куличей и пирогов; Мухаммед ездил в райцентр на базар за яйцами, мукой, маслом, прочей снедью и, конечно, припасали бутылки с «горючим». Оля-



В.И. Сарияниди в айване дома экспедиции на Гонур-депе.
Фото В. Артемьева.

повариха и Аля-автор будущего праздничного пирога и настоящих строк, заняты на кухне подготовкой застолья.

Мы решили сделать пасхальный сюрприз для Виктора Ивановича и поздравить участников экспедиции каким-то дружеским шаржем. Долго ничего не получалось. Надобно объяснить тем, кто не бывал на Гонуре, что давным-давно Виктор Иванович построил на такыре небольшой экспедиционный домик, сердцем которого был двухколонный айван, служивший универсальным местом как напряженной работы, так и отдыха в полуденный зной. И вот Виктор Иванович



Вид айвана дома экспедиции. Фото В. Артемьева.

после обеда, укрывшись в тени айвана с книгой в руке на ветерке, читал. Так он часто любил сидеть в знойной тишине раскаленной пустыни. Его профиль, резко очерченный на стене, выглядел, как чеканная медаль. Осенило, а что, если эту медаль стилизовать под древнюю находку и повесить на эту саманную стенку айвана, как знак, эмблему Гонура. Через пару часов рисований, тушевок, заливок, вырезаний из разноцветной бумаги и наклеивания на картон появился круг с могучим силуэтом, воинственные усы и развевающаяся на ветру «грива» усиливали монументальность события, сопровождаемого подписью дат – сегодняшней 2012 год нашей эры и шуточной датировки Гонура – 2312 ВС. Картонку прибили над входом в экспедиционный домик в знаменитом айване, а уменьшенные копии, «сии глупости», по выражению Виктора Ивановича, не любившего суеты вокруг своей персоны, были торжественно вручены в виде открыток за праздничным обедом всем участникам Пасхи-2012 с такой шуточной сопроводительной надписью: «Сенсация! Найдено изображение последнего царя Гонура. Оказывается, гонурцы были понтийцами! 15 апр.2012 года».



Дружеский шарж на В.И. Сарияниди, 15 апреля 2012 г.



В ожидании праздника Пасхи 15 апреля 2012 г.

Эта история имела самое неожиданное продолжение. Многочисленные туристы, посещавшие нашу экспедицию, любили фотографироваться с Виктором Ивановичем в айване на фоне экспедиционных материалов и этой «гонурской сенсации» – шарж на Виктора Ивановича явно набирал такую же популярность, как и его прототип. И в один прекрасный день кто-то из находчивых предпринимателей поместил эту эмблему на бокалы-сувениры, которые были подарены самому Сарияниди и членам экспедиции. Продукция с импровизированным гонурским логотипом множилась, вскоре на местных туристических развалах удачно расходились и кепки, и футболки, и шляпы, и сумки с гордым профи-



Пасхальные традиции, 15 апреля 2012 г.



Беседа с архитекторами Владимиром Артемьевым и Алией Урмановой, весна 2012.

лем Сарияниди. Мы только посетовали, что на благополучии нашей экспедиции никак не отразилось появление этого импровизированного местного бизнеса и рекламы Гонура.

«ОТКУДА Я ЗНАЮ, Я ТОГДА НЕ ЖИЛ...» ИЛИ МЫСЛИ ВСЛУХ

Сидим в уютном айване по вечерам, беседуем. Эти записи на диктофон особо не планировались, рутинные рабочие, и жаль, что их так мало... Мы думали, что общение с Виктором Ивановичем будет таким же бесконечным, как эта пустыня, в которой суждено было провести в его обществе несколько полевых сезонов. Бренность бытия надо бы фиксировать каждую минуту... Обычные деловые будни экспедиции теперь превращаются в реликвию, и каждая бумажка, каждое слово Виктора Ивановича теперь становится достоянием истории. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем курсивом выделена прямая речь Виктора Ивановича, чтобы было понятно, что это документ, т.к. в других случаях возможен и вольный пересказ авторов и некоторый художественный оттенок содержания наших воспоминаний, не претендующих на документальную подлинность.

О храмах

В 2011 г. мы составляли таблицу типов храмов, встречающихся на Гонуре.

Естественно, спросили, что думает по этому поводу Виктор Иванович. Он скептически отнесся к этому, сказав, что, по сути, вся структура Гонура посвящена ритуалу и выделять какие-то типы – дело субъективное, неблагодарное и

согласился обсудить эту тему при включенном диктофоне.

2.04.11

В.И. Сарияниди (далее – ВИС): В.М. Масона статью о храмах советую прочесть... Какие-то мысли вы там почерпнете. В этой статье, возможно, и об укрепленных храмах тоже есть. Я даже помню, где она у меня лежит, посмотрите потом...

О теменосе

Ведь сначала никто не признавал здесь храм. Американец Ламберг-Карловский сказал, что это караван-сарай (не прав он!).

В. Артемьев: Это храм, но не исключено, что путники — паломники жили в храмовом комплексе?

ВИС: Нет, не жили, но они готовили там хаому. Хаома готовилась очень сложно. По несколько недель только отмачивали алкалоидные растения. Может, несколько месяцев.

Храмы похожи на греческие, Аллалах (восточное Средиземноморье): по четыре-пять рядов кирпичей оставили от предшествующего периода, а потом свою планировку (сделали) 12-башенную, похожую на Тепе Нуш-и-джан в Иране (смотрите Стронаха, археолога, публикации в английском журнале «Иран»)

В. Артемьев: Там такие же 12-башенные сооружения, как в теменосе?

ВИС: Точно такие же, абсолютно! У нас это последний период, на этом все кончилось...

...они на культурном слое построили 12-ти-башенное сооружение (там мощнейший куль-

турный слой из угля, костей, керамики и прочего мусора – более метра).

В. Артемьев: Укрепления теменоса были в руинах, так что 12-башенный форт предполагался оборонительным?

ВИС: Читайте журнал *Иран*, статью *Стронаха* подробно.

В. Артемьев: Сама архитектура по планировке очень интересна.

ВИС: Они сели на бассейн (при втором периоде строительства).

В. Артемьев: Если убрать мысленно второй период, по аэрофото читается 7-метровый бассейн и храмик в юго-западной части (теменоса). Я хочу посмотреть с Вами храмик на теменосе. Там мы вновь сделали обмер для нанесения на общий план.

ВИС: Регулярная кладка выделяет планировку храма.

В. Артемьев: тщательно обмерили входную группу (в кремль) читаем зеленую книгу Вашу, как настольную (Сарианиди, 2009).

ВИС: Стенку размыло... там были две чаши, обмазанные гипсом и амулет с изображением цветка.

Вновь о храмах

В. Артемьев: У Вас хорошо систематизированы все храмы в последней книге (во время беседы 2011 г. последней была Сарианиди, 2009), мы только хотим их рассмотреть с точки зрения их архитектуры. Мы должны все обосновать, по возможности, конечно, ...интересные перекрытия сложенные из двух рядов кирпичей (показывает чертеж).

Виктор Иванович! Простудировал я от начала до конца выводы в Вашей новой книге. Много нового для себя нашел. Вот один из выводов по поводу алтарей...

ВИС: ...Все алтари посвящены жертвоприношениям: прямоугольные – вечному огню, круглые – это жертвенники.

В. Артемьев: И всё это храмы?

ВИС: На той ступени их познания (зороастризма) я не уверен, что (у них) были храмы. Но лучше сказать так – **ритуальные комплексы**.

В. Артемьев: А храмы в чистом виде, как мы представляем сегодня, имеющие планировочные системы, существовали тогда?

ВИС: Существовали культовые помещения, не бытовые... более не скажу

В. Артемьев: Виктор Иванович, а следующий тип храма – храм Сомы-Хаомы, чем отличался от других?

ВИС: Культовые печи содержат остатки жира, мяса, а здесь остатки из растительных волокон в хумах, изнутри обмазанных гипсом.

В. Артемьев: А большой круг-алтарь, можно рассматривать как храм Солнца, как святилище Митры? (Сарианиди, 2009, с.114)

ВИС: Там (на западе Сев. Гонура) мы нашли сначала (стену) круг 11 метров диаметром, даже выше. Он стоит на песчаном материке. (Затем) три печи, одна, поздняя, в стене, а две, культовые (внутри), относятся к первому периоду. Здесь и модель «келий» присутствует. Похожий круг мы нашли в Бактрии (на Дашилы). От жара обмазка глиняная там превратилась в рулон, такая же скрученная, возможно, и здесь (на раскопе 13 и 14) был и не сохранился культ по типу (храма) Митры. Только здесь и было единственное место, где в рулон свернутая обмазка...

В. Артемьев: Значит, каждое помещение с ритуальной печью можно назвать неким храмом?

ВИС: Я не уверен... Вот, к примеру, **храм Воды** – лучший комплекс, не храм... – нужно называть осторожно. Я писал в скобках (для себя): «от воды какой может быть для археолога «навар»? Ничего не остается, никаких следов... вода...» Я вас прошу не называть (это) храмом, просто святилище, а то мы... в глупое положение попадем. (Улыбается)

В. Артемьев: А мы, было, начали собирать материал для статьи с претенциозным названием «Храмы Гонура», систематизируем табличку с их типами... Лопнула теперь идея!..

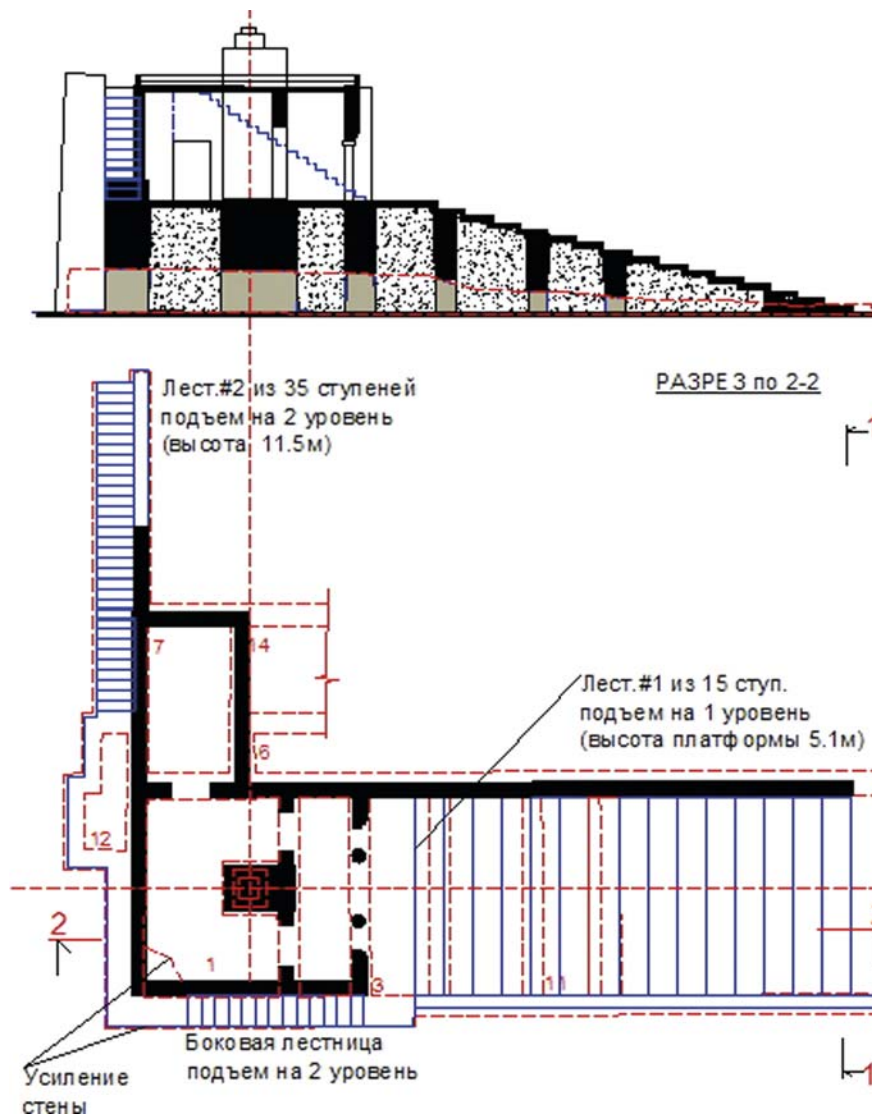
А в Тоголок-21 есть место, где два больших алтаря, его можно назвать храмом?

ВИС: Да. Это алтари, которым специально был посвящен храм, найден и очажок.

В. Артемьев: Полностью засыпан чистым песком, у Вас написано: «полностью глиняная обмазка, в виде ... чаши». А хранилища священной золы – это тоже алтари?

ВИС: Ни в коем случае! Алтари были рядом, а это – контейнер, куда ссыпалась зола. Он облицован кирпичом плашмя.

В. Артемьев: Тепа Мингурюк (первые века н.э.) в Ташкенте есть, помните? И там трехметровый слой золы был от культов многовековых...



Высокий храм-башня «песчаные комнаты». Реконструкция. План и разрез (по: Артемьев, Урманова, 2010).

ВИС: У гонурцев был культ огня и золы. И все это, как священное, было заложено кирпичом, спрятано, чтобы никто не нарушил. Не осквернил...

В. Артемьев: Вот еще **комплекс погребальных ритуалов** во дворце?

ВИС: Это никакой ни храм. Это просто постройка внутри дворца, связанная с погребениями. Комплекс погребальных ритуалов или культов – только так называть.

В. Артемьев: Хорошо, а «песчаные комнаты»? ...Мы их назвали «Высокий храм-башня», т.к. песок для организации второго уровня полов и подсыпали...

ВИС: Называйте, но вас не поймут. Когда я пишу «песчаные комнаты», всем все понятно: засыпанные песком полностью... Может быть, они и занимались там астрономическими наблюдениями, но это домыслы... пока.

В. Артемьев: А зачем два таких комплекса?.. Южный был вне дворца с широкой монументальной лестницей, а второй внутри дворца – с более скромными ступенями.

ВИС: Не знаю. Ругать будут вас... (улыбаясь.) Думайте!

Круглые алтари

В. Артемьев: В круглых алтарях огонь не возжигали?

ВИС: Круглые алтари — жертвенники. Там в центре горел слабый огонь. Они наливали масло или жир (по контуру края углубления). Масло топилось, стекало вниз, касалось очажка, огонь вспыхивал.

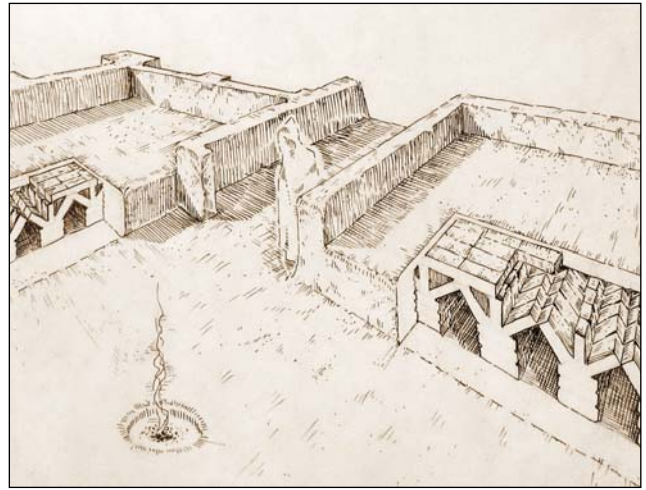
О «кельях»

В. Артемьев: Кельи можно к храмам отнести?

ВИС: Я вам сейчас скажу (с ударением): мож-



Фрагмент раскопа 18 с «кельями», 2012.



Реконструкция комплекса «келий» в кремле. Поперечный разрез (по: Урманова, 2014)

но! потому что все кельи в Маргиане и Бактрии располагаются только в культово-ритуальных комплексах. В мире еще никто не решил, что это такое. Одни называют магазинами, другие...

В. Артемьев: ...что, это зернохранилища, читал, читал...

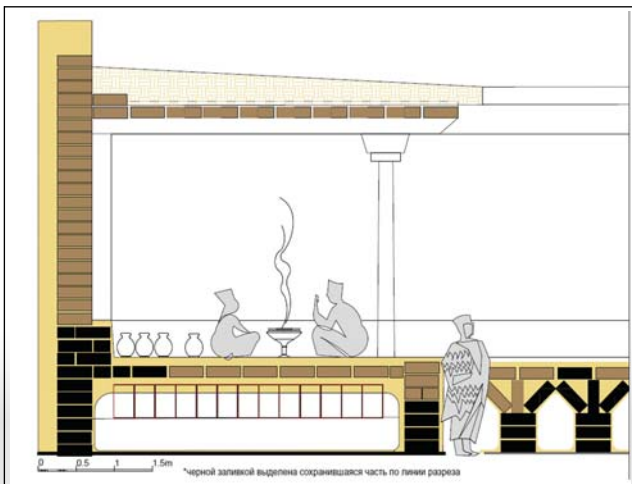
ВИС: Нет! Я вам железно говорю, что это культовые сооружения! Они всегда олицетворяли храмы. Никто их не находил, кроме меня.

В. Артемьев: В Месопотамии, кажется, их нет. Здесь в Маргиане создали модель?

ВИС: Такие встречаются в Хеттском царстве, в Передней Азии. Вы совершенно правы, их нет в Месопотамии.

В. Артемьев: Им память была не нужна?

ВИС: Кельи были привнесены теми, кто переселился в Маргиану. В Узбекистане и Афганистане кельи разные, их привнесли из Передней Азии, «в виде архитектурной памяти», как пишет Леонард Вулли.



Реконструкция комплекса «келий» в кремле, 2013. Общий вид (по: Урманова, 2014)

Вот еще загадка – Дашлы-3 в Северном Афганистане. К сожалению, я там не имел бульдозера, и пришлось «идти через отвалы». Но четвертую часть (все-таки) мы раскопали. Смотрите, сорок «келий» раскопаны. Ламберг-Карловский считает, что это стойла для лошадей (с иронией). Ну, лошадей только втиснуть туда боком можно. А что это? Загадка...

В Передней Азии у хеттов есть комплекс «келий» и рядом бассейн. Когда царь шел на общественные трапезы, он подходил к бассейну, обмывал руки, лицо и шел дальше на трапезу. Смотрите источник – это путеводитель по Малой Азии и Турции (и он произнес по-английски): Барнэ, «From village age to Empire». Поищите, там есть Буюк-кале, 1200 до н.э. с кельями. Эти кельи – целые помещения шириной до 5 м и длиной до 30. Здесь огромная планировка и, если пренебречь масштабом, очень похоже на наши «кельи» в кремле Гонура.

Напомним, что беседа эта была в 2011-м и по ее итогам, в сборнике «Трудов Маргианской экспедиции» вышла статья А.М. Урмановой «К проблеме сооружений типа “кельи”» (Урманова, 2014) о систематизации «келий» и их вероятном предназначении. Виктор Иванович ее читал, так как был редактором этого последнего прижизненного издания.

О «фильтре»

В. Артемьев: Я не понял принципа работы фильтра для воды, как она туда попадала?

ВИС: Фильтр находится в малом бассейне, вода из большого протекала в фильтр, который

имеет два входа. В один вход втекала грязная вода, а из фильтра через второй — в малый бассейн попадала чистая... Священники жили рядом (на раскопе 9) и брали чистую воду отсюда.

В. Артемьев: Из большого в малый вода должна идти самотеком, поэтому фильтр должен быть ниже большого бассейна, а впечатление, что он стоит на горке...

ВИС. Он над (сегодняшней) дневной поверхностью возвышается. Внизу «дырка», откуда вода поступает в фильтр, затем отстаивается в камыше и через второе отверстие выходит в малый бассейн. Им нужен был бассейн для омовения перед молитвой. Они же должны были каждое утро Богу Огня и Богу Земли прочитать молитву, а без омовения (это делать) нельзя.

В. Артемьев: Фильтр ведь не из жженого кирпича выстроен, размоет...

ВИС: Они сделали, видимо, какое-то устройство из жженого, но оно не сохранилось, а кирпичи мы нашли жженные неподалеку...

В. Артемьев: Может быть, фильтр был обложен и жженым кирпичом?

ВИС: Может... Желоб, по которому вода поступала в фильтр, и был из жженого... (пока не знаем). Он тянется из большого бассейна в малый метров на пятнадцать. И сейчас еще следы камыша сохранились (в слоях фильтра). Они черпали воду из малого бассейна и готовили жертвенный обед для общинников и жрецов на этой очищенной воде...

В нашу последнюю встречу на городище у «фильтра» мы обсуждали с Виктором Ивановичем новые данные по этому интереснейшему объекту. Так предстояло ответить на два главных вопроса. Что означают следы деревянных столбов на западной стене «фильтра», не замеченные ранее, и как интерпретировать огромные завалы кирпича внутри помещения «фильтра», по объему сопоставимые с сохранившимися кирпичными стенами. Ведь никаких других построек поблизости нет. А это означает, что стены «фильтра» были когда-то вдвое выше существующих. А значит, это гидротехническое сооружение было гораздо сложнее и имело, по видимому, и другие функции, кроме простой фильтрации воды. В последнем разговоре с Виктором Ивановичем было решено в будущих сезонах продолжить исследование этого любопытного объекта.

О полевом музее

В. Артемьев: Около домика жеребенка лежит слегка обожженный и целый кирпич, надо принести его в полевую коллекцию, как образец основных строительных конструкций Гонура.

ВИС: Принесите, что ж...

В. Артемьев: Я-то не донесу, он размерами 44x32x13 см и килограмм сорок весит, не меньше... Надо бы поручить рабочим.

ВИС: Что ж. Надо сохранить как экспонат, скажу ребятам...

О номадах

ВИС: ...Саки-хаомаварга были кочевниками, но варили хаому. Многие западные ученые считают, что андроновцы это и есть арийцы. Вот около Аучина, в десяти километрах от Гонура, копают итальянцы. Типичное кочевническое поселение в землянках, отсутствует гончарный круг, кирпичи. Жили они одновременно с Гонуром...

В. Артемьев: Как Вы пишете в своей книге: «это те, кто с завистью взирал на город...»

ВИС: Да! Но я не верю в эту версию об арийцах...

О религии

ВИС: Смотрите Тоголок-1: там культовый сосуд с козлами на задних ногах у древа. Такой же нашли вчера на Гонуре. Они, гонуры, считали, что это – древо мира. Я хочу представить себе мифотворчество этих людей. Они искренне верили, что это все так и было. Ведь сохранилась примерно четверть книги «Авеста». Ребенок Зороастр ведет за повод верблюда. Зороастр – владелец старого верблюда, так интерпретируется его имя-оберег.

В. Артемьев: Как бы псевдоним? И сжег ее (книгу) сначала Македонский, а потом арабы?

ВИС: Чушь! Ну, может, один араб и сжег одну-две книги... но не все! А как Македонский мог сжечь книгу, (отделанную) золотом на бычьей коже? Это все фантазии.

Никто не видел подлинного текста настоящей Авесты. Да, сохранилось мало... Миф Десятый о погребениях полностью, а остальные – кусочками (сохранились).

Как Мэри Бойс пишет о погребальных ритуалах, и точно, как она описывает, (у нас тоже) маленький очажок полусферической формы на-

ходится в центре помещения (погребальных ритуалов).

В. Артемьев: Может быть, она пишет о современном зороастризме, и совпало?

ВИС: Это значит, что (задолго) до рождения Зороастра эта религия уже существовала в Передней и Средней Азии – это Малая Азия, Сирия, Палестина, юг Средней Азии... По моим представлениям, когда им стало плохо там жить, они пошли на восток... и продолжали молиться своим богам, но не чисто зороастрийским, возможно, потом были какие-то изменения... Круглые алтари они сразу построили, когда основали Гонур. У них была память об этом (об алтарях). Они принесли с собой (как воспоминание) площади общественных трапез, вот эти камеры «кельи» и (прежде всего) круглые алтари... камеры «кельи» — не бытовые сооружения, так я думаю. Вот Сузы. Они точно оставили большой след своей материальной культуры здесь и дальше на восток...

О городе и цивилизации Гонура

В. Артемьев: В целом, градостроительная схема представляется такой: планировка дворца, кремля – регулярная, каре – подквадратное, а потом начинаются странности – появляется неправильной формы овал, включающий озеро (бассейн) и хаотичные постройки рядом с неким руслом...

ВИС: На юге был бассейн, были там (постройки) побогаче, коллективные погребения животных (на раскопе 16)

В. Артемьев: ...И еще одна стена появилась городская? Логика такая у нас, архитекторов: как только новые постройки появляются, они сразу обносятся новой стеной. Это так?

ВИС: Совершенно ясно, что обводная стена – не оборонительная, а стена, отделяющая светский мир от религиозного... высотой всего метра три, у нас здесь (в обводе) нет башен. Это показательно: внутри есть (в кремле и каре), а здесь нет.

В. Артемьев: Но зато в ней есть кобуры, мне нужна их схема (для работы над ирригацией)

ВИС: Возьмите у Дубовой. Кобуры вели воду в это поселение, внутрь.

В. Артемьев: А как дальше распределяли (воду)?

ВИС: Они (кобуры) доходили до бассейнов. Я думаю, что большой бассейн был естественный,

а маленький вырыли, чтобы иметь чистую воду для священной еды. Но это мы так предполагаем. Думаем еще... Всякие детали, вроде слепых окон без зубчиков, у них там есть. Я думаю, что когда был закат Хараппской цивилизации, в то же время был расцвет появления арийцев...

В. Артемьев: А «индоевропейцы» – это кто?

ВИС: Я не верю в «индоевропейцев». Мы считали ранее, что первое тысячелетие – это верхняя граница зороастризма в мире. Теперь мы на две тысячи лет его удревели, нашли зачатки зороастризма здесь (в Маргиане).

В. Артемьев: Термин «индоевропейцы» не корректен в этой связи?

ВИС: (С иронией). Я думаю, что все остальные в тысячу раз умнее меня. В десятом тысячелетии какой язык был у них, и был ли он? (смеется) письма-то нет!..

В. Артемьев: В отвалах керамики на некоторых – знаки: решетка, луч, квадрат и прочие символы. Письма?

ВИС: Когда-то около северных ворот я нашел сгнивший мешочек, в котором находились высушенные на солнце шарики-токины, до 2-3 см диаметром. (Думаю,) это сторож около ворот сидел и регистрировал там сборы. Краска на токины после обжига красная наносилась... В книге «Маргиана и протозороастризм» все эти знаки опубликованы (мною), в Греции. Надо было знать, сколько кирпича сделано для строительства – это и была как бы числительная письменность. Иностранцы ученые сказали, что это не письменность. Книга-то издана на английском.

Токины впервые описаны и в книге «Маргуш. Древнее царство в дельте Мургаба» (Сарианиди, 2002).

В. Артемьев: Некрополь Гонура – есть и на русском... Но там нет этих рисунков.

ВИС: Вторая (греческого издания) книга Некрополь Гонура тоже на английском языке. Это действительно великолепная книга с иллюстрациями. Она получила в Греции премию, как лучшая книга года.

В. Артемьев: Наша конечная идея собрать максимум мелких штрихов: быта, верований, обрядов, знаков. И все это собрать в архитектурный или даже градостроительный комплекс, чертеж... непосильно трудно...

ВИС: Точно. Непосильно трудно!

В. Артемьев: ...потому что мы не знаем ни конечных размеров города, ни его формы,

водоснабжения, ни деталей архитектуры, декора, надписей... Знаем только сердцевину – кремль, теменос, некрополь... Я знаю у вас место (на Гонуре), где три тысячи захоронений найдено.

ВИС: Да, там было у них специальное кладбище. Есть и богатые (находками) камеры, одна неграбленная с золотыми находками. Мы передали все находки в ашхабадский и марыйский музеи Туркменистана...

В. Артемьев: Еще важно узнать, где общинники и жрецы спали (жили)?

ВИС: Мы с вами определили, что вокруг Гонура в (нескольких) километрах есть обжитая земля (малые поселения). Они (протозорастрийцы) по утрам каждый день приходили сюда на молитву. «Без этого они не начинали свой день» – пишет Мэри Бойс, а она с ними (современными зороастрийцами) жила! После университета она прожила в Иране с иранскими зороастрийцами, потом поехала в Индию, и там (долго) прожила с ними. Написала трехтомник об этом.

Вторая часть моей книги – выйдет в следующем году – называется «Археология Гонура и Авеста». Еще будет книга «Блистательная Маргиана», она написана для... «шалопаев» – это беллетристика. Я ее уже почти написал.

В. Артемьев: Было бы неплохо, если бы Вы, Виктор Иванович, включили туда и мемуарную часть, о своей молодости, Ваши впечатления, эмоции о прожитом, о друзьях...

ВИС: Друзья...(Смеется) Книгу «В поисках страны Маргуи» когда-то напечатал, и весь тираж раздарил друзьям, не продавал...

...Мэри Бойс – самый сильный исследователь в этой области (зороастризме – Elisabeth Mary Boyce «Zoroastrianism» (1992). А Джеймс Меллори, филолог, бог языковедения, так и он не верит «в эти сказки» о здешних зороастрийцах – Mallory James Patrik «In Search of the Indo-Europeans» (1989))

В. Артемьев: Вы же доказываете деталями сходство их быта (с этой религией)!

ВИС: Сколько я ему не показывал (доказательства), он не хочет верить, но правда, как западный человек, Меллори написал в своей последней книге, что «Маргиана является наиболее вероятным кандидатом в «индоарийцы»». Когда он был здесь, не верил: «это не значит,

что я в это верю, я думаю так...». А Колин Рейнфрю – очень крупный ученый, великолепно говорит по-гречески, отнесся более мягко к нашим исследованиям и согласился со многими идеями...

Когда племена из Передней Азии и предгорий Копетдага в конце третьего тысячелетия пришли в Маргиану, они здесь не остановились, пошли дальше, до долины р. Инд. Но кто-то и остался... Есть и такие (ученые), кто верит в теорию обратного распространения, с Инда сюда.

О «царском святилище»

В. Артемьев: А третий тип храма этот, как Вы пишете, «киоск», нечто, окружающее алтарь?

ВИС: Не надо! Если они стен не имели, то имели столбы. Я условно назвал это навильоном или «киоском».

В. Артемьев: Четыре угловых устоя и между ними столб. Как про это узнали? Там была база колонны или след?..

ВИС: Это были врытые в землю столбы

В. Артемьев: Там были ямки от баз?

ВИС: Рабочие нашли там сгнившее дерево (след) диаметром около 30 см.

В. Артемьев: Ступенчатые окна заканчивались раскреповкой, посередине столб и обязательно порог.

ВИС: Порог, безусловно, был. Когда я копал Тоголок-21, я ломал тогда голову, зачем там двор в обводе коридоров, зачем там пороги – от пола в 1 кирпич, 15 см высотой. Для чего?.. Потом понял, что это обозначение сакральности...

В. Артемьев: ...И в царском святилище, где стены с нишами, узкие коридоры перекрывались, как в могилах двумя кирпичами...

ВИС: Да, дерево дефицит, но вдоль Мургаба росли вяз, ива, другие (породы).

В. Артемьев: Вы считаете, что были перекрытия деревянные плоские?

ВИС: Или-или...

В. Артемьев: И в коридорах шириной до 1,45 см?

ВИС: Могу согласиться с вами, что перекрывали двумя наклонными кирпичами и замковым (третьим). Эта система известна.

В. Артемьев: Если мы опираем на эти стены плоское перекрытие (показывает), центральный киоск не может быть темным, он должен иметь освещение.

ВИС: Я думаю, что середина была пустая (открытая).

В. Артемьев: Дворик? И столбы для того, чтобы балку положить?

ВИС: Угловые устои были, между ними стен не было, существовала только верхняя притолока.

В. Артемьев: Перемычка, я ее и рисую, а потолок мог быть или не быть вовсе.

ВИС: Полностью с вами согласен.

В. Артемьев: Отверстия я оставляю по всему периметру.

ВИС: А я не здесь оставил бы, вот здесь полностью открыто, столб поддерживает притолоку. Тогда выходит – у нас на полу порог в один кирпич, а выше ничего нет, кроме угловых устоев. Вот этой части нет (показывает на чертеж)

В. Артемьев: Толстые стены только?

ВИС: Земля показала (уровень), вот такой высоты они были. Комната практически без стен, нам было удивительно это...

В. Артемьев: По периметру – три порога, напрашивается и четвертый – как свастика?

ВИС: Четвертый покажите штрихом...

В. Артемьев: Пространство коридора с нишами разделено порогами и ...логично сместилась печь с оси, что говорит о том, что столб здесь был, т.к. мешал бы подходу к печи...

ВИС: Был, был! Я же его нашел, говорил об этом.

В. Артемьев: Вход был один в Царское святилище?

ВИС: Второй мог и не сохраниться...

...Вернемся к (царскому) святилищу, я не думаю, что это храм. Там нашли статуэтки, настольные игры. Там (они) ели-пили, играли и... немножко молились. (Улыбается)

В долине Инда есть точно такая же архитектура в Мохенджо-Даро. Это «комнаты без стен». В чем ведь значение этой комнаты без стен (здесь в «царском святилище»), – она есть и у нас, и на Инде!

В. Артемьев: Но на Инде она (появилась) позже?

ВИС: Я так думаю...

«Царское святилище» – для В.И. Сарияниди «любимое детище» и один из важнейших архитектурных микрокомплексов Гонура, ему в наших воспоминаниях далее мы уделили особую главу.

**«Мне трудно забыть,
но и помнить уже нелегко...»**

Каждая весна в цветущей пустыне пробуждает не только природу, но и новые силы в людях на целый год вперед – это, по-видимому, остро ощущал Виктор Иванович, когда уже в марте начинал сборы на новый сезон Гонура.

Так сложилось, несколько раз бывая в экспедиции на Гонуре, мы приезжали сюда исключительно весной, в самый цветущий период пустыни. Комфортности климата хватало едва на первую половину апреля и потом пол-апреля и май жара стояла уже невыносимая. Это время – примерно с 11-ти утра до 5-ти вечера. Зной испепелял все живое и неживое. На раскаленном такыре можно было поджарить яичницу.

Виктор Иванович ввел строгий распорядок работы, который никто не смел нарушить. Подъем в 6 утра (сам он вставал и раньше). Быстрое приготовление к выходу в поле, легкое чаепитие, – и уже к 7-ми потянулись рабочие с лопатами на раскопки. В лагере остаются повара Оля и те, кто занят обработкой полевых материалов. До 11-00 –утренний отрезок активной полевой работы. Затем, вслед за всепроникающей жарой, все расползаются по тенистым продуваемым комнатам, располагаются на прохладном айване. Сиеста длится до четырех часов вечера, когда зной постепенно ослабевает. С четырех до семи – вновь вечерний отрезок работы на памятнике. Кто-то делает записи в дневник, кто-то возится со свежими находками, иногда тишину нарушает чей-то возглас... Вот одна из смешных дневниковых записей тех минут. Мухамед обращается с вопросом: «Виктор Иванович, а кости Надежды Анатольевны тоже почистить?...» И никто не удивился, ведь Надежда Анатольевна-антрополог, главный специалист по костям Гонура... Самый смешной археологический курьез записан в нашем дневнике 13 мая 2013 года:

«На раскопе Ника (Николас Бороффка, педантичный немецкий археолог) на днях открылось большое круглое погребение из кирпича хорошего качества и с классическим дромосом. Ник торжествует, предвкушая богатые находки. Виктор Иванович сидит неподалеку и наблюдает в нетерпеливом ожидании... Сегодня Ник возится в самом низу обширной глубокой ямы, тщательно зачищая каждый сантиметр, и вдруг его пронзительный немецкий акцент: «Кто

здесь *копаль?!?!*» – он извлекает из завала *четырёхтысячелетней* давности огромный пучок... обрывков полиэтиленового пакета, каких-то веревок. Все потрясены. Только опытный ВИ невозмутимо произносит в гнетущей тишине: «Крыса! Это ее гнездо...» Повеселились. Могила оказалась не только грабленная, но и оскверненная... Справедливости ради следует добавить, что именно здесь в тот сезон 2013-го были найдены золотые украшения, среди которых знаменитый сайгачонок с бирюзой, а еще изящный косметический флакончик из стеатита, несколько прорезных печатей, сильно пострадавших...»

...Следует отметить, что Виктор Иванович предпочитал активный отдых и свое послеобеденное время отдавал всецело книгам и записям. После короткого сна он обычно, как уже упоминалось, усаживался в тени айвана с книгой, иногда цитируя что-то вслух, иногда делая быстрые пометки или записи в дневник. Читал он запоем, книги для него привозились из соседнего кишлака, где была удивительно обширная и систематическая библиотека мировой художественной литературы, чудом сохранившаяся. Читая, он иногда сетовал на память, в которой сохранялось далекое прошлое, но прочитанное сегодня или сделанное вчера быстро стиралось: *«Мне трудно забыть, но и помнить уже нелегко...»*.

Память в глине

Царское святилище – любимое детище Виктора Ивановича. Его открытие в 2002 году воодушевило Сарияниди, еще раз подтвердив одну из основных его гипотез о близких связях гонурцев с Хараппской цивилизацией. Находки на Царском святилище и архитектурные особенности «киоска», как первоначально назвал это сооружение Виктор Иванович, явно соотносились с фрагментом «плотной застройки» в Мохенджо-Даро и тамошними артефактами. Это, вкуче с найденной ранее хараппской печатью, давало еще одно убедительное доказательство единства двух культур. Этот факт не раз подчеркивал Виктор Иванович в своих книгах и выступлениях.

Действительно, сооружение *Царского святилища* уникально на Гонуре и по своему расположению, и по архитектурным особенностям, что требует некоторых подробностей. В

сакральной символике планировки кремля и построения его башен, описанной нами ранее (Артемьев, Урманова, 2010), угловая северо-западная башня выделена, как особая, с которой, по нашему представлению, началось строительство всего комплекса Гонура. Именно к ней почти вплотную примыкает «киоск» Царского святилища, насыщенный священными *«слепыми окнами»* (по Сарияниди) и «священными» порогами. Нас, как историков архитектуры, давно занимали проблемы реконструкции первоначального образа этого загадочного сооружения. Центральное помещение, игравшее, видимо, главную роль в проходивших здесь ритуалах или действиях, явно доминировало над остальными, чтобы иметь и верхнее освещение проемами под крышей. Вокруг центра по всему периметру идет *обводной коридор* с нишами, который разделен на отсеки *«священными» порогами*, дающими в плане рисунок *«свастики»* – картина, явно указывающая на значительную сакральность всего комплекса (отсюда и его условное название по Сарияниди), что дополняется большой двухкамерной жертвенной печью.

Вот цитата из статьи В.И. Сарияниди «Индия и страна Маргуш. «Царское святилище» Северного Гонура» (Сарияниди, 2014. С. 322):

«Как видно, новые фактические археологические материалы дают дополнительные доказательства гипотезе постепенного проникновения бактрийско-маргианских племен в Индию в самых последних столетиях III тыс. до н.э. Вместе с тем, все это не исключает, а предполагает торговые и культурные связи и контакты в обратном направлении, которые шли из долины Инда в речные долины Мургаба, Теджена и далее. В этом отношении весьма показательно основание на берегу Окса древнехараппской торговой фактории, что имеет огромное историческое значение в части исторических контактов и культурных связей между хараппской цивилизацией и БМАК».

И термин БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, и обоснование его выделения в отдельную цивилизацию также введены в научный оборот В.И. Сарияниди.

Наша попытка воссоздать всю картину святилища графически наткнулась на препятствие в виде полного отсутствия архитектурных деталей в раскопках, карнизов или капителей, следов балок кровли, лепных украшений и т.д. Все то,

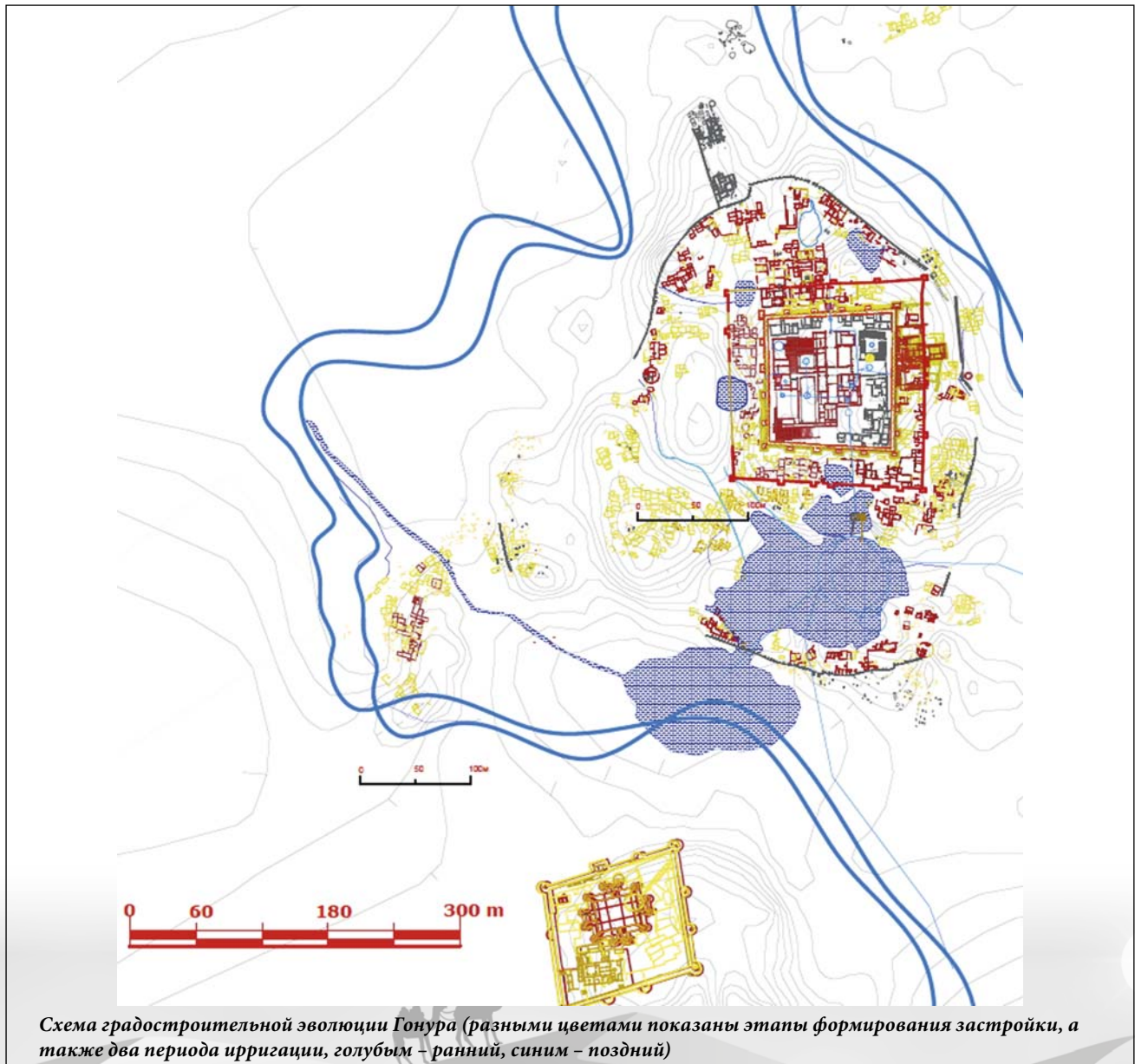
что должно сопровождать монументальность сооружения, напрочь отсутствовало. Работа эта застопорилась на стадии черновых набросков и предположений.

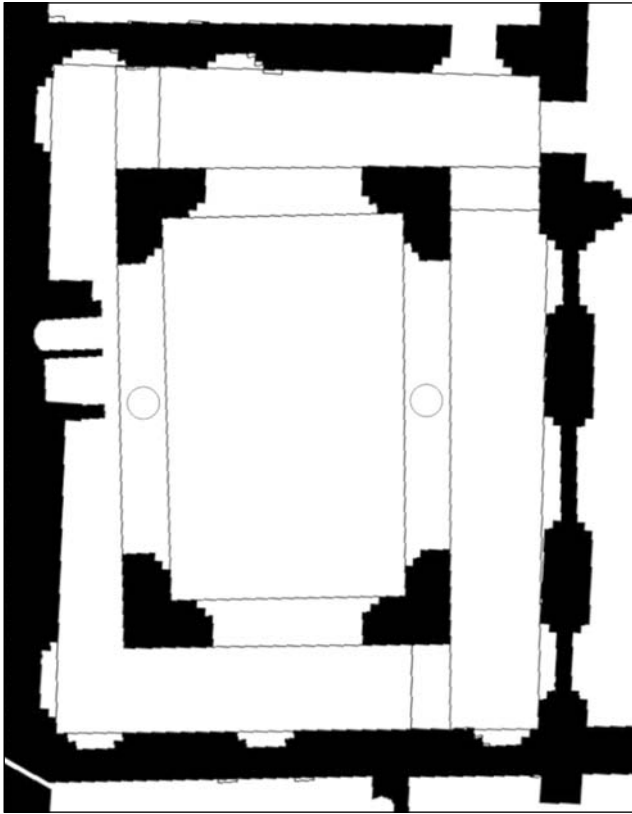
...Новый 2014-й год наступил без Виктора Ивановича...

Его уход из этого привычного ритма жизни неожиданно и непоправимо разрушил все планы на предстоящий весенний сезон. Накануне, еще совсем недавно, в ноябре 2013-го, мы, сидя в его тесной московской квартирке, обсуждали с ним программу «весеннего поля», строили планы по дальнейшему уточнению градостроительных деталей Гонура и... в декабре прощались с ним на Троекуровском кладбище...

А сколько осталось нерешенным, сколько загадок не разгадано! В частности, проблема

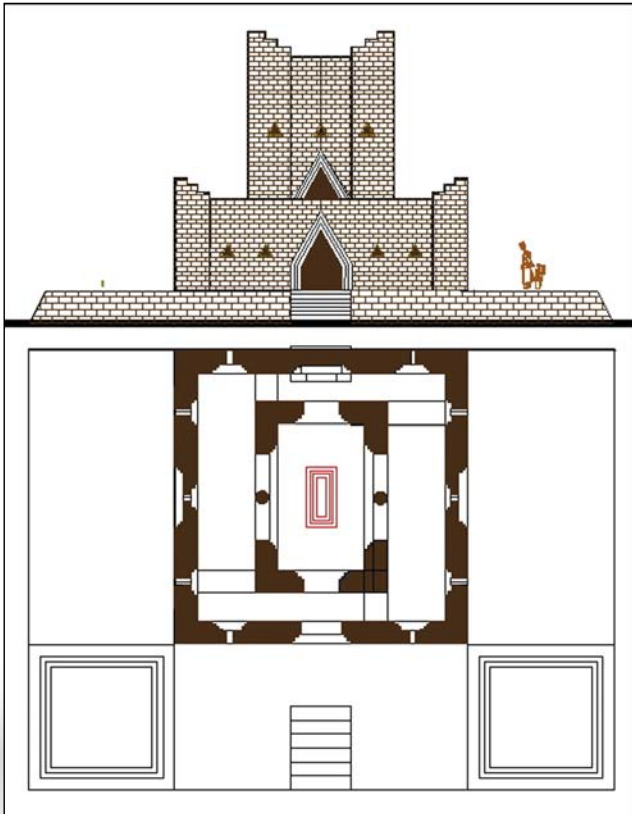
резкого понижения первоначального (древнего) рельефа к востоку, что предполагало наличие еще одного древнего водного русла. Об этом же свидетельствовало нелепое с планировочной точки зрения вынужденное «прижатие» внешней обводной стены почти вплотную к северо-восточной башне «каре». Как будто какое-то препятствие не давало городу раздвинуться на восток. Речь шла о дальнейших исследованиях самой ранней ирригации Гонура, возможно, и первоначального канала, который обеспечил городу воду и жизнь уже в XXIV веке до н.э. «Я дам вам трактор, покажете, где отодвинем отвалы, посмотрим, что под ними, сделаем стратиграфию для начала» – резюмировал Виктор Иванович обсуждение этой темы в Москве... Незаконченная еще схема эволюции Гонура представлена на прилагаемом рисунке.





План царского святилища на Гонуре, раскоп 5

...Для всех нас 2014-й стал годом памяти В.И. Сарияниди, и когда ко дню его рождения 23 сентября 2014 года возникла идея установить на Гонуре памятный знак с его именем,



Проект мемориального музея В.И. Сарияниди на Гонуре. План и главный фасад.

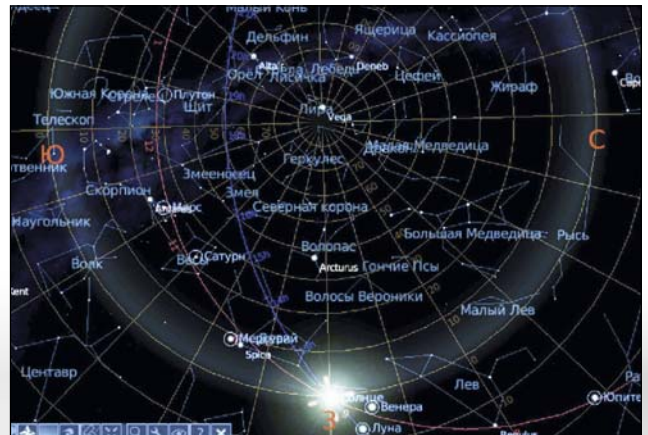
мы, архитекторы, задумали предложить проект небольшого мемориала со скромной экспозицией, связанной с увековечением деятельности первооткрывателя Гонура и основателя Маргианской экспедиции. Тема реконструкции так любимого Виктором Ивановичем Царского святилища сразу стала основной идеей будущего проекта.

Прежде всего, план будущего мемориального сооружения напоминает планировку это-

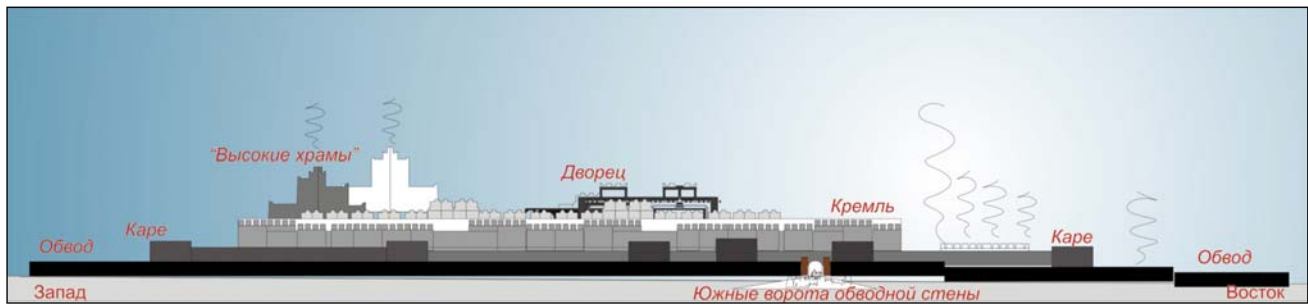


Проект мемориального музея В.И. Сарияниди на Гонуре. Поперечный разрез.

го комплекса. В центре композиции – памятная стелла с надписью. По периметру обводного коридора размещается небольшая экспозиция по истории экспедиции В.И. Сарияниди. Она скудно подсвечивается двумя рядами треугольных окон – стилизованных бойниц кремля Гонура, треугольный проем двери – это также дань прототипу арочных проемов в царском дворце. Высокий подиум с лестницей «из дворца Гонура», на котором покоится мемориал (или мемориальный музей), подчеркивает монументальность всего здания. Предполагается соорудить мемориал из того же материала, что и все гонурские постройки, – из крупного кирпича-сырца, кладка которого стала бы, по-



Карта звездного неба в День осеннего равноденствия 23 сентября 2014 года



Общий вид Северного Гонура с юга (архитектурная реконструкция В.Артемяева, 2015)

путно, научным экспериментом в проблемах реконструкции и воссоздания древних конструкций, в частности, возведения кирпичных арок и сводов по древней технологии, без применения дерева. Но главное таинство возможного сооружения заключается в его астрономической ориентации, так же напоминающей о важной для древних гонурцев связи с небом и точкой весеннего равноденствия, отмечаемой праздником Новруз. Дело в том, что Виктор Иванович родился почти в день *осеннего* равноденствия – антипода весеннего, Новруза. Поэтому все главные проемы будущего мемориала устроены таким образом, что ежегодно именно в этот день, 23 сентября – день рождения В.И. Сарияниди, последний солнечный луч на закате проникнет в центральный зал и на несколько минут осветит установленную в определенном месте памятную доску с надписью:

**«Человеку, открывшему
цивилизацию Гонура...»**

Виктор Иванович Сарияниди прожил одну жизнь с нами, а вторую проживет еще долго, *с ними*, народом, им открытым. И будет жить, пока существует Гонур!

Мы начали наброски этих воспоминаний со стихотворных строк, рожденных на Гонуре. Жизнь там, в экспедиции, соприкасаясь с тысячелетиями «вплотную», располагает к некоей возвышенности бытия, *поэтизированию* происходящего. Как-то, еще в году 2011-м, заполняя дневник, один из нас пытался изложить ход рассказанных в книгах В.И. Сарияниди событий о появлении цивилизации Гонура «гомеровским слогом». Участь сего творенья была печальна – выслушав «поэта», терпеливый Виктор Иванович, по окончании чтения рукописи, вздохнул и произнес коротко: «Делом и фактами надо доказывать гипотезы, а *словоплетения* оставьте потомкам».

Оставляем...



КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Он вывел свой народ и род из *небытия*,
Скитаясь долго по пустыне
И вставшие на их пути
Хребтов отроги преодолев.

И вот,

Когда почти иссякли силы,
Отчаянье и ропот пресекая,
Вдали блеснул призывно луч надежды –
То гладь речной излучины
Манила страждущих прохлады
И свежая струя сухой такыр обильно окропила,
Забрезжил свет в усталом полумраке
Долгого скитанья:

«Здесь будет Царство Наше» –

Произнес Пророк, и утомленный посох
Был воткнут в глиняный такыр.

Он молвил:

«Спасены! Пророчество сбылось –
Народ да будет здесь! Навечно
Процветет досель печальный род,
И не придет его погибель,
Умножив поколения, во благо
Прорастет обильно сдобренное семя
На многие века»

«...Да будет так! «–

Пророк услышал Голос Бога,
И жизнь в пустыне потекла рекой
На этом некогда безжизненном такыре.

.....
Здесь появилось капище сначала,
Куда был принесен огонь неугасимый.
Затем и башня первая могущественного замка
Была воздвигнута –
начало всех начал.

И от нее – сначала на восток, затем на юг,
И снова на восток, где солнца луч, -

начало всех начал,
Вставал неотвратимо ежедневно,
Он приказал возвысить по пять таких же башен
С каждой стороны – и грозную ограду замка
Завершил... Начало всех начал.

...Затем сказал Он:
«Здесь, в этом получившемся квадрате
Длиной в один первоначальный гимн,
Который пропоет наш главный певчий
(А башен, как столпов всех, будет 20
И к ним еще одна!)

.....

Навеки

Построен будет дом Царя и Бога.
Не оскверненный посторонним взглядом
Чертог, овеянный воспоминанием
О том далеком теплом море,
Где некогда купались наши предки...

И было так, как Он сказал.

...Дворец и замок встали среди пустыни
дикой

И город вдруг вдруг зашумел рекой.
Взлетели в небо огненные искры
Священных алтарей, печей священных
Взметнулся дым священный
От золы священной...

Чертог сиял,

В нем Царь и свита воздавали
Богу трапезой обильной. *Возлияли*
Крепкое питье священной *Сомы*.
Воздушным легким полумраком в залы
Лишь узкая полоска света пробивалась
Сквозь бойницы - луч в темном царстве
Глинобитных стен без окон.

.....

Сокровища Богов привезены
Со всех концов бескрайней *ойкумены*.
Курильня благовоньями встречала
Процессии жрецов и царской свиты.
Обильно угощенье и крепкое питье из трав
Священной *Сомы* – все принесено
К столу или ковру, не ведаю о том.
Но знаю про секрет священной *Сомы*.

...Ее готовили жрецы в сосудах в рост барана
И щедро украшали астральным знаком

Кубки, *хумы*, чаши, вазы, которые
Хранили божественный напиток. Сии сосуды
Тончайшим черепком прославились,
Что мастеровито возделывали
И днем, и ночью тысячи гончарных рук
И тысячи сосудов ежедневно поставляли
В тот царский замок и дворец, где постепенно
И неумолимо превращались в черепки они –
...Привет передавая через многолетье
Вам, потомкам нашим...

...Увы!

Тысячелетняя страна Маргуш не прожила и ста
веков.

Не потому, что враг степной иль южный разорил.
Беда пришла и незаметно, и неотвратимо
Ушла вода, питавшая обильно этот край
Народов и владык священной Маргианы.

Застыли прежде бившие фонтаны,
Усохли русла когда-то бурных и обильных рек.
Призыв к Богам был безуспешен, приговор не-
отвратим.

...Последняя – предвижу – тщетная
Попытка спасти народ и царство –
Царь последний приказал собрать
Со всей округи воду дождевую
И поместить ее в бассейн близ храма,
Как священный водоем для возлиянья
Богу и народу - жалкая надежда вновь
Жаждающей толпы...

...Но это

Ненадолго приостановило наступление
Пустыни, как беда другая подступила -
Река, служившая преградой неприступной,
Иссякла, и через ее сухое русло номады
Хлынули, бродившие когда-то за рекою и
Завистливо глядевшие на роскошь
Быстро обветшавших стен.

...Все,

Что отдала пустыня людям –
То и забрала назад в свои владенья,
Не оставляя им надежды на спасенье.

Все! Ушла вода...

И в путь обратный двинулся народ Гонура,
Не оставляя ничего пустыне,
Кроме стен безмолвных

И могил бесчисленных поколений.
Замер замок,
Башни опустели, слышен лишь
То птиц тревожный шелест крыл,
То вой волчицы тяжкий,
То хихиканье шакала –

Нового хозяина дворца и замка,
То мерный шум *перекати-песка* барханов,
Что скроют чрез тысячелетья
Безмолвные развалины Гонура.

Записано в апреле на Гонуре лета 2011 от Р.Х.

Библиография

1. Сарияниди В.И. Индия и страна Маргуш. «Царское святилище» Северного Гонура // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 322–326.
2. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте Мургаба. Ашхабад, 2002.
3. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2009.
4. Артемьев В.И., Урманова А.М. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации. М., 2010. С. 172–203.
5. Урманова А.М. К проблеме сооружений типа «ке-льи» // Труды МАЭ. Т. 5. М., 2014. С. 127–150.
6. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1988.
7. Boyce E.M. Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour. Columbia Lectures on Iranian Studies. N 7. 1992.
8. Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames & Hudson, 1989.



О. Бабаков

Институт истории АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

169

Воспоминание о В.И. Сарияниди

В памяти всегда оставляет самое приятное о человеке. Тем более, если мы говорим о жизни и деятельности, о работе корифея археологии Виктора Ивановича Сарияниди. Первое мое знакомство с Виктором Ивановичем состоялось далекой весной 1972 года, когда меня включили в состав Мургабского отряда Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменистана, которым руководил Анна Сапарбердиев. В те годы работы археологов Института проходили в тесном содружестве с московской и ленинградской частями Института археологии АН СССР.

Экспедиционные работы проходили на памятнике эпохи поздней бронзы Тахирбай I. Этот памятник представляет собой небольшой низкий равнинный холм с высотой около 50–60 см. Он так сильно развеян, что в некоторых случаях даже видны останки погребенных в могиле.

Вспоминаю, что Виктор Иванович обычно вставал раньше всех и, сбривая бороду меха-

нической бритвой, часто говорил мне: «Ораз, найди печать!» Потом он шел на памятник в поисках подъемного материала. Наш экспедиционный лагерь был небольшим. В обеденный перерыв все участники спасались от жары кто как мог. В это время Виктор Иванович, как правило, сидел под тентом и, куря сигареты «Ява», обрабатывал сделанные находки.

В один из последних дней экспедиции В.И. Сарияниди предложил мне поехать на разведку в поисках неизвестных еще памятников. Мы поехали на узике. За рулем был сам Виктор Иванович. Мы отправились на восток от Тахирбая. Проехав несколько километров, мы увидели большой серый холм. Он занимал очень большую площадь. На его поверхности совершенно отсутствовала растительность, а вокруг были зеленые заросли саксаула и другой растительности пустыни.

Мы пошли искать находки на расстоянии 15–20 м друг от друга. Не успел я пройти 10

метров, как уже нашел целую женскую terra-cottовую статуэтку, и тут же сообщил об этом Виктору Ивановичу. Еще не взяв в руки эту находку, Сарияниди и говорит мне: «Ораз, ты всю мою работу свел насмарку!», но тут же добавил: «С меня тебе коньяк!». Найденные нами тогда фрагменты керамики показали, что этот холм скрывает поселение эпохи бронзы. Вот так и был открыт ныне всемирно известный величественный памятник Гонур-депе.

Спустя еще несколько лет, в 1999-2001 гг. мне опять посчастливилось работать с В.И. Сарияниди на Гонур-депе. Должен сказать, что работать с ним – одно удовольствие, со всеми участниками он всегда доброжелателен. Еще необходимо отметить, что где бы он не находился, всегда был в тесном контакте с местным населением. Стоило ему сообщить хякиму этрапа или веляята, даже более высокопоставленному лицу о какой-нибудь нужде в экспедиции, вопрос обычно решался положительно. Когда Виктор Иванович разговаривал с рабочими, он всегда говорил им, что надо работать очень внимательно, чтобы не упустить ценные находки. За

каждую найденную целой, неповрежденной находку он выдавал рабочим небольшую премию – «бакшиш». Эти слова Виктора Ивановича рабочие всегда вспоминали и работали аккуратно и тщательно.

В один из рабочих дней произошел такой необычный, забавный случай. Утром Виктор Иванович, как обычно, шел на памятник. Тогда мы копали могильник. Раскопки велись на другом берегу недавно сооруженного канала. Ближе к обеду я возвращался с могильника через из-за лагерь, где жили рабочие, который устраивался около канала. Вдруг, к своему изумлению, я увидел В.И. Сарияниди в мокрой одежде, с одежды которого капала вода. Спросив его, что случилось, я получил ясный ответ: «Ораз, я форсировал реку!»

Виктор Иванович, начав свою археологическую карьеру еще в 1950 годах в Геокюрском оазисе, долгие годы работал на многих памятниках подгорный полосы Копетдага и на просторах пустыни Каракумы. Поэтому, а также за богатую пышную седую шевелюру коллеги нередко называли его Львом пустыни...



Середина 1990-х годов. Около экспедиционной машины. Справа от В.И. Сарияниди – Берды Удеумурадов. Слева направо: антрополог Ораз Бабаков, Мухамед Беглиев, Аннамурад Оразов и рабочий.

Передняя Азия, Маргиана и Сибирь Памяти Великого Ученого и Человека. Моему наставнику

Автор искренне благодарен одному из редакторов данной книги, верной спутнице и сподвижнице Виктора Ивановича Сарияниди, д.и.н., Надежде Анатольевне Дубовой, за возможность принять участие в издании, посвященном памяти выдающегося археолога. К сожалению, ничто не властно над временем, но величие его дела и фигуры дают нам постепенное понимание того, что мир после него стал немного другим. Мемориальные сборники диктуют свои каноны, поэтому воспоминания чаще всего создают гляцевый и отретушированный образ. Но мне почему-то кажется, что Виктор Иванович пришел бы в ужас от этого.

Увидел я его впервые зимой 2005 г., во время запоздалого чествования, по случаю 75-летия в «Доме национальностей» на Малой Басманной улице в Москве. В президиуме собрания были его коллеги: акад. Борис Анатольевич Литвинский – один из его первых учителей и проф. Михаил Федорович Косарев. Затем был показан фильм о его работах. До этого мне довелось видеть его в фильме итальянского археолога Г. Росси-Осмида, снятого на Гонуре. Героем фильма был, «конечно» Габриель. Лишь мельком был показан седовласый джентльмен с ниспадающей на плечи львиной гривой, в майке безрукавке, каких-то немислимых брюках, с босыми ногами. По ходу съемки Росси-Осмида «удостоил» его пары слов. Виктор Иванович вспоминал этот эпизод с улыбкой.

Не забуду первую встречу у него дома, когда он хотел понять цель моего визита. Когда он наконец понял, что перед ним просто «любитель древностей», решивший заняться изучением их на пенсии, то не смог скрыть улыбку недоумения и удивления. Но стал весьма тактично выяснять степень моей «вменяемости». Во время «светской» беседы, я рассказывал о своих «успехах», перечисляя прочитанное, стараясь ничего не пропустить. Когда я дошел до Монгайта(!),

Виктор Иванович и Надежда Анатольевна еле сдержали улыбку. Однако за первой последовала вторая, третья, и как-то после долгой и обстоятельной беседы по душам, он просто сказал: «Двери моего дома всегда для Вас открыты».

Вспомнив историю своей семьи, бежавшей от средневекового варварства печальных событий 1915 года, он рассказал, что его бабушка пряталась от озверевших погромщиков вместе с соседкой-армянкой на кладбище. Мне, как потомку чудом спасшихся жителей Западной Армении, все это было очень близко и понятно. Когда стало ясно, что на безумца я не очень похож, он стал одним из первых экспертов того, что сейчас называют «календарный миф». Мы встречались с Виктором Ивановичем все чаще, и он, еще не решив для себя окончательно, стоит ли возиться со мной дальше, все-таки решил пропустить меня через «молотилку» д.и.н. П.М. Кожина. Встреча состоялась, и после «экзамена» Павел Михайлович даже не возражал против включения статьи по проблемам календаря в юбилейный сборник. Когда я не раз пытался рассказывать В.И. Сарияниди о своих календарных поисках, добавляя еще про числа и звезды, он, улыбаясь, повторял «может быть». И как-то археолог сказал: «Знаете, если бы я что-то понимал в математике, я пошел бы на физмат. А Вам очень советую заняться составными статутками». До этого я долго убеждал его, что каменные сверленные топоры являются всего лишь ритуальными, и долго уговаривал прочитать написанную статью, но читать ее он не стал. Я попросил порекомендовать ее кому-нибудь. Он жестом падишаха, прочертил какую-то фигуру в воздухе, и дал телефон своего давнего друга и коллеги по институту д.и.н. М.Ф. Косарева. Оценка Михаила Федоровича была краткой, но важной: «Я принял ваши доводы». Я на крыльях полетел к Виктору Ивановичу, и на тебе – холодный душ: «Ну, и где статья по составным статуткам?». Я решил бросить все и заниматься ими

больше года, за что сейчас бесконечно ему благодарен. Во время работы над статьей возникли вопросы, связанные с работами П. Амье. На вопрос, а что сейчас по этому поводу думает Амье, Виктор Иванович, пожал плечами, и сказал: «А мы его об этом спросим». Через две недели, он мне показал перевод ответа проф. П. Амье.

В.И. Сарианиди очень высоко ценил работы Вяч.В. Иванова, посвященные изучению древнейших этапов индоевропейского языкового единства, и «объясняя» свою «возню» со мной, всегда шутил, говоря «Ведь греко-армяно-арийский симбиоз имеет почтенный возраст». Поэтому он не удивился, когда я его попросил устроить мне встречу с Вячеславом Всеволодовичем. Три месяца непрерывных созвонов с его помощниками, и, наконец, в приемной ректора РГУ встреча состоялась. Я передал акад. В.В. Иванову книгу Виктора Ивановича о зороастризме. Вяч.В. Иванов справился о его здоровье и настроении, но так как к нам все подходило и прерывали разговор важные персоны, мне пришлось очень быстро рассказать о своей работе. Его это, видимо, заинтересовало, но он ждал встречи с ректором. Поэтому под конец сказал: «Дайте мне какой-то текст», что и было потом мной сделано.

Знакомство с П.М. Кожиним и М.Ф. Косаревым имело для меня еще одно важное последствие, у меня появился устойчивый интерес к археологии и этнографии Сибири. Сопоставление символики БМАК и археологических культур Сибири II тыс. до н.э. позволили развить гипотезы С.В. Киселева, П.М. Кожина и других о культурных связях БМАК и Сибири во II тыс. до н.э. Летом 2009 г. я очень осторожно сказал об этом Виктору Ивановичу. Но его реакция была молниеносной и решительной: «Если это было бы так, тогда бы я нашел хотя бы окуроч». Он, помолодевший, только что приехал с Гонура: в этот сезон было найдено элитарное захоронение с огромным бронзовым котлом, и еще много всякой всячины. Часа три он рассказывал о раскопках. Потом он устал и сказал: «Все! Поеду туда в последний раз, – тут он замялся, – ну, может быть еще раз...» Слушавшая его сестра безнадежно махнула рукой, и сказала: «Вот так уже последние пять лет». При прощании он спросил, чем я все-таки занят. Я виновато отвел глаза, и, отшутился: «окурочки ищу». На это он с досадой махнул рукой и попросил сестру меня

проводить. Через год, когда уже набралось много материала по связям БМАК и культур Сибири, улыбаясь, он вдруг спросил: «Что-то Вы про Сибирь больше не рассказываете». Я развел руками, и тогда он сказал очень просто: «Я больше так не думаю, хотя это уже проблемы археологии 21 века». Я потерял дар речи. Как надо любить свое дело, отличать важное от личного, какое величие духа иметь, что бы это сказать. Вот это в нем поражало: он всегда был готов к новому, дискуссии, без всяких скидок на возраст и авторитет.

Кажется, весной 2013 г. на Гонуре была найдена еще фигурка льва, о чем он шутил, «наверно, какая-то, туристка обронила». И это не удивительно, учитывая то невероятное количество золотых изделий, которых он сумел найти и вернуть человечеству. Это сильно контрастирует с поведением многих его «титованных» коллег по цеху, у которых нет за душой даже «ржавого гвоздя».

Вообще, как мне показалось, он был равнодушен и к деньгам, и к вещам как таковым. Как-то во время разговора он сказал: «То, что Вы ищете, есть в книге Хакеми (несравненное, как он говорил, «образцовое» изучение памятника Шахдад в Иране). Она – вон там». На полу лежал солидный том, с оторванными обложками. Он пояснил с улыбкой: «Целиком в самолет ее не разрешили пронести, ну и пришлось по частям. И без обложек удобнее пользоваться». Его отношение к коллегам при всех непростых перипетиях 1990-х, было внешне очень ровным. Никогда ни о ком он не сказал ни одного худого слова, хотя, оснований для этого и «доброжелателей» у него хватало. Если вдруг заходила речь о человеке, разговор о котором был ему не по душе, он просто его прекращал. Однажды, показав статью одного коллеги – «друга» из «Review of Archaeology», который раз в несколько лет считал своим долгом с «высоты» своих открытий напомнить миру о своем научном «величии», Виктор Иванович сказал: «И что ему не сидится?» Потом, махнув рукой, добавил: «Дай бог, чтобы у тебя было столько, чтобы сколько у тебя ни уводили, все равно бы осталось вдоволь...»

Ему приходилось общаться с огромным числом людей. Один из них – журналист Никос Сидиропулос. Оказалось, что по телефону наши голоса очень похожи, и когда я звонил Виктору Ивановичу, то всегда говорил: «это – не Никос»,

и он сразу понимал. За пару дней до трагедии декабря 2013 г., я подробно, стараясь ничего не упустить, рассказывал ему о новых фактах связью БМАК и сибирских культур ранней бронзы. Но он выглядел рассеянно, «слушая» больше себя. Затем глядя «сквозь» меня, невпопад сказал «Пора». Я вскочил: «Извините, что засиделся». Тут он улыбнулся, и сказал: «Это я так, не про Вас». С ним такое и раньше бывало, я старался превращать это в шутку: «Да кто же Вас отпустит?!» Это была наша последняя встреча.

Что касается масштаба его личности, дарования и открытий, то не будет преувеличением сказать, что ученый мир не осознал пока в полной мере их значение, для реальных и достоверных реконструкций картины древнего мира. Я не оговорился, речь не только о Передней Азии, но и Сибири, Дальнем Востоке, Северном Китае и Египте. Что касается его человеческих качеств, то целеустремленность, энергия и работоспособность были поразительны. И еще об одной черте его характера, следует сказать особо. Гены ли сыграли свою роль, или его биография, но это был яркий представитель той породы людей, ко-

торые соединяют и сближают народы, оставаясь при этом верными сыновьями своего. Великая ему слава и память! «Мир его праху, победу его мыслям!».

Думаю, что каждый, кто имел счастье слушать его, говорить с ним, стать частью этого великого дела, сделает все от него зависящее, чтобы не пропала ни одна крупинка его открытий, сделать все, чтобы его делам, «как винам дорогим, пришел и свой черед». Эти строчки Марины Цветаевой стали эпиграфом к его книге «Некрополь Гонура и иранское язычество», ставшей важной вехой в публикации работ о Гонуре. После работ Виктора Ивановича, и возглавляемой им Маргианской экспедиции мир получил не только сотни и тысячи бесценных артефактов, но и постановку новых научных проблем. Их разработка и осмысление в значительной степени изменяют представления о путях и хронологии развития и распространения цивилизации в Передней и Центральной Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке, начиная с середины III тыс. до н.э., сделав объективнее и правдивее реконструкции прошлого.



Я. Тиркишова

Марыйский музей, г. Мары, Туркменистан

Неутомимый археолог

Один из талантливейших археологов эпохи, гордый, полный достоинства человек, непоколебимо верящий в высшее предназначение Науки, Виктор Иванович Сариниди принадлежит к числу тех редких, по праву выдающихся ученых, чье имя навсегда останется в анналах мировой истории. Его данный от бога талант исследователя, его великая работоспособность, его новаторские идеи и поиски, умение мыслью проникать в сокровенные тайны истории – вот что определяет личность Виктора Ивановича как ученого-исследователя. За увлеченность полевой работой его называли «nonstop archaeologist», неутомимый археолог. Спокойный, благожелательный и доступный, настойчивый в ученой и общественной деятельности, был

он примером кипучей энергии, вдохновенного, самоотверженного труда и любви к науке.

Заслуги известного археолога были высоко оценены в нашей стране, он стал победителем конкурса Президента Туркменистана «Türkmeniň Altyn asyry», а также решением Академии наук Туркменистана ему было присвоено звание почетного академика.

В своей многогранной деятельности Виктор Иванович много общался с представителями различных областей науки и культуры. Неравнодушное, взволнованное отношение к людям, событиям, непосредственность эмоционального наслаждения результатами труда, энциклопедические знания в области истории и теории искусства, музейного дела сочета-

лись с безграничной душевной деликатностью в общении с людьми. Эти качества сочетались в нем с удивительной стойкостью в убеждениях, в отстаивании интересов дела, которому он посвятил свою жизнь. В этом проявлялась необычайная цельность его натуры, это притягивало к нему людей. Таким добрым, искренним, скромным, мягким человеком с огромным внутренним темпераментом, с широко распахнутой душой и чутким сердцем был Виктор Иванович Сарияниди. Он не мог не оказывать влияния на тех, с кем соприкасался. Своим отношением к людям и к делу, своими взглядами он служил примером, особенно для молодежи. Общение с ним создавало атмосферу душевной доброжелательности, приподнятое настроение, превращало нас, робких, тогда начинающих музейщиков в уверенных, знающих свое дело специалистов.

Наше первое знакомство с ним произошло заочно, через его книги, научные статьи. В самой его фамилии «Сарияниди» было что-то мифическое, что-то из глубины веков... Помню потрясение, которое мы испытали, когда впервые увидели Виктора Ивановича на раскопках Гонурдепе. Это было точное и отчетливое осознание того, что ты стоишь рядом с легендой, вот он, патриарх археологии, реальный, но такой великий... Мы

увлеченно слушали его рассказ о том далеком времени. Именно тогда пришло настоящее осознание, что мы существуем во времени: неповторимое, непохожее чувство исторической связи с прошлым и некоей собственной причастности к тому, что было на этой земле до нас.

Нам посчастливилось знать его, видеть и беседовать с ним. Это были редкие, недолгие встречи, во время раскопок, на научных конференциях. При любой возможности, начиная или заканчивая очередной археологический сезон, Виктор Иванович непременно заезжал в наш, Марыйский музей, радовался, если в экспозиции был выставлен новый экспонат, давал дельные советы по реставрации и экспонированию. Он, как никто другой, понимал, что музей способен дать человеку то, что не могут дать ни школа, ни книга, ни телевидение, ни другие новейшие достижения цивилизации – опыт личного соприкосновения с реальностью культуры и истории, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности.

Нельзя не сказать о роли Виктора Ивановича в создании одного из филиалов Историко-краеведческого музея Марыйского велаята. Вот, как он пишет об этом в своей книге «В поисках



Осень 2008 г. Руководство и сотрудники Марыйского музея в гостях на Гонуре.

страны Маргуш»: «Наш полевой музей пополнился все новыми находками, расширяющими наши представления не только о самом Гонуре, но и о самой древней стране Маргуш. Именно тогда возникла мысль о создании краеведческого музея, куда археологи предполагали поместить все многолетние находки из Маргианы и где все жители смогли бы познакомиться с историей своего края». Правильно оценив значение подобного краеведческого музея, Виктор Иванович сумел убедить всех остальных в необходимости устройства его в так называемом «дворце Гульджамал-хан» – небольшом, но уютном здании, расположенном в глубине одного из сел велаята (ныне дайханское объединение «Мекан» Байрамалийского этрапа).

Выстроенный из кирпича и светлого песчаника этот миниатюрный дворец, состоящий из анфилады вытянутых в цепочку помещений, как нельзя лучше подходил для предполагавшегося музея. В это здание были перевезены все находки за время многолетних раскопок Маргианы. Первая экспозиция этого музея была создана под непосредственным руководством Виктора Ивановича Сарияниди. Выставленные здесь печати-амулеты с изобразительным орнаментом, культовые предметы, разнообразные украшения, изящная тонкостенная керамика различных форм стали основой будущей археологической экспозиции «Древнейшие цивилизации земли туркменской» Историко-краеведческого музея Марыйского велаята.

Стараниями возглавляемой им в течение многих лет археологической экспедиции сегодня в нашем музее собрана уникальная коллекция шедевров древнего искусства одной из самых загадочных и волнующих воображение цивилизаций бронзового века.

Значительное место в археологической экспозиции занимает замечательная коллекция древнемаргианских печатей, украшенных геометрическими и астральными символами, а иногда и целыми композициями, включающими людей, животных, рептилий, птиц и насекомых. Восхищает мастерство камнерезов, сумевших точно передать стремительные движения и различные позы тел, их анатомическую правильность в миниатюрном масштабе.

Интересна коллекция терракотовых статуэток богинь, известных как Анахита – богиня плодородия или Великая Маргианская богиня.

Здесь же представлены кажущиеся на первый взгляд очень хрупкими, идеально совершенные по форме гончарные изделия, великолепные ювелирные украшения из золота, серебра, бронзы, а также символы власти – церемониальные медно-бронзовые топоры с намеренно затупленными лезвиями и обухами в виде загнутого «петушиного» хвоста, массивные скипетры с фигурными навершиями и, так называемые «гарпуны». В экспозиции можно увидеть образцы древней мозаики, украшенные изобразительными и орнаментальными многофигурными композициями. Выполненные с большим мастерством эти образы по вложенному в них смыслу сближаются со сложными узорами. Зачастую их даже трудно объяснить.

В строгой тишине музейных залов красота этих произведений древнего искусства особенно значительна. Внимая им, как бы слышишь, как из глубины столетий доносится дробный стук молоточков сотен и тысяч кузнецов и ювелиров. Все эти экспонаты не только показывают высокий уровень местного искусства, но и дают возможность погрузиться в атмосферу мифов, легенд и ритуалов древней Маргианы, понять богатый духовный мир жителей этой древней страны, далеких предков туркменского народа.



В холле Марыйского музея. 2 апреля 2010 г. Рядом с Виктором Ивановичем справа сидит зав. археологическим отделом музея Виктор Турик. Стоят (слева направо): директор музея Торе Нобатов, Мухамед Беглиев и директор заповедника «Древний Мерв» Реджеп Джеббаров.

За много лет работы в Туркменистане Виктор Иванович как никто другой понимал туркменский народ, национальный характер которого ковался на протяжении длительного исторического и культурного периода. Вот, что говорил он об этом в одном из интервью: «Туркменам присущ абсолютный исторический слух. Вдумайтесь – культура, в которой ничего не исчезает и не устаревает, является в то же время открытой системой. Разве это не поразительно?» Туркмены унаследовали от предков такое духовное богатство и такой творческий потенциал, что никакие войны, нашествия и социальные катаклизмы минувших времен не смогли уничтожить дух, язык,

искусство, нравственность и идеалы великого народа.

Предстоит еще много сделать и вложить немало сил и средств, чтобы изучить эти произведения древнего искусства, результаты многолетнего труда выдающегося археолога. Со временем они помогут ученым заполнить множество чистых страниц, посвященных самым ранним этапам развития цивилизации в Туркменистане. Но уже сейчас стало ясно, что мы имеем дело с поистине великой культурой, которая не исчезла бесследно с лица земли, а сохранилась в материальных памятниках, в народных традициях, в самом народе.



О. Сапармаммедова

Институт истории АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Лев Каракумов или легенда среднеазиатской археологии

176

Виктор Иванович Сарианиди, это не просто имя, отчество и фамилия человека, он был ученым, археологом с большой буквы. Он будто родился археологом, искателем.

Первый раз судьба столкнула меня с Виктором Ивановичем Сарианиди весной в 2010 г., когда впервые с его любезного разрешения я участвовала в работе возглавляемой им Маргианской археологической экспедицией на Гонур-депе. Я переживала и волновалась, как пройдет первая встреча с легендарной личностью. Но все прошло сердечно и приветливо.

Масштабы проводившихся научно-полевых работ удивляли и поражали. Здесь работали специалисты разных профилей из различных стран, в том числе из Туркменистана. Работа была очень четко и хорошо спланирована. Каждый специалист работал на конкретном, отведенном ему месте и с конкретным материалом. И все это, благодаря четкой координации всех работ начальником экспедиции, Виктором Ивановичем Сарианиди. Так четко

и без проволочек может идти работа только у человека, заранее обдумавшего каждый следующий шаг.

В состав экспедиции Виктор Иванович сумел собрать прекрасный ансамбль специалистов разного профиля: археологов, палеонтологов, антропологов, палеозоологов, палеобиологов, геологов, гидрологов, архитекторов, художников, этнографов и инженеров. Работать под его руководством было одно удовольствие.

Он интересовался всем и вся. Работа началась обычно утром в 7 час. Каждого специалиста Виктор Иванович спрашивал про его план работы на день и дополнял его дальнейшие действия и с нетерпением ждал возвращения на обед, чтобы узнать, чтобы было сделано. Также регулярно он объезжал все раскапываемые территории Гонура. Там, где были наиболее интересные помещения, погребения, находки, В.И. Сарианиди чаще всего находился в течение всего рабочего дня, давая указания рабочим, где копать тщательнее, на какую глубину и в какую



Гонур-депе. 18 октября 2012 г. Оразнабат Сапармаммедова разбирает находки последних дней.

сторону двигаться. После вечернего «отчета» специалистов подводились дневные итоги и строились дальнейшие планы.

Даже в мелочах быта Виктор Иванович требовал соблюдения дисциплины. Хочется об этом рассказать немного подробнее. На завтрак, обед и ужин всегда в лагере звучит гонг. Если кто-то опоздает или замешкается к столу, Виктор Иванович бывал очень суров. Обычно (за редкими исключениями) он опоздавшего никогда не журил, замечание не делал, только взглядом давал понять, что так делать не следует. Все старались беспрекословно соблюдать дисциплину. Во главе большого обеденного стола стоит кресло Виктора Ивановича, а по бокам – скамейки для других участников экспедиции. Обычно В.И. Сариниди брал чурек и лично отламывал кусок хлеба и передавал каждому участника. Затем обязательно говорил «Бисмилла» и брал в руки свою деревянную ложку. Только потом все начинали принимать пищу. Это впечатляет. Действительно, в Туркменистане в больших семьях, где есть старшее поколение, делают именно так. Это почет и уважение по отношению к главе семьи.

Хочется вспомнить один показательный случай. По окончании весенних полевых работ, по пути домой я заехала к своей старенькой маме, которая почти никуда не выезжает из своего поселка. После приветствия, расспро-

сов, почему и зачем ездила в экспедицию, я стала объяснять маме, что ученые, археологи из разных стран приехали в Туркменистан работать на Гонур-депе и среди них есть знаменитый археолог, который открыл этот памятник. Я даже не успела полностью рассказать о том, с кем работала, что делала, что наши, вдруг мама перебивает меня и говорит: «Я знаю, это Сариниди...» Я всплеснула руками и спрашиваю: «Откуда знаете?». Мама в ответ: «Про него и его работу каждый день по телевизору показывают...» Это говорит о том, насколько популярен сам Виктор Иванович. Насколько я знаю, во всех уголках Туркменистана с гордостью произносят его имя.

И действительно, почти нет веляята или этрапа в Туркменистане, где бы он не работал: он участвовал в раскопках на Нисе, на Машад-Мисриане, на Султан-кале, Гяур-кале, Тахирбае, на Аджикуи, на Аучин-депе, Геоксюре и еще на многих других памятниках.

Каракумы, одна из величайших пустынь мира скрывала такие памятники и сокровища, открытие которых стало свидетельством, что тысячелетия назад здесь существовал один из центров древневосточной цивилизации. Именно Виктор Иванович Сариниди выдвинул и идею о том, что корни древнейшей мировой религии, зороастризма, находились где-то здесь, на земле древней Маргианы.

Виктор Иванович полагал, что общие представления о священных стихиях огне, воде и земле, противоборство всегда существующих в мире добра и зла и др. верования в качестве общей идеологии объединяли разные племена и народы, жившие на обширных пространствах Юго-Восточного Туркменистана и близлежащих территориях.

Нельзя не отметить поразительную трудоспособность и упорство, умение преодолевать трудности, организаторский талант В.И. Сариниди. Понимание жизни древних людей в сочетании с особым археологическим чутьем порождало то необъяснимое предвидение, которое заставляло Виктора Ивановича упорно продолжать работать на тех памятниках, которые иные коллеги считали бесперспективными. Но он работал и добивался успеха.

Многие десятилетия Виктор Иванович возглавлял Международную Маргианскую археологическую экспедицию. Его усилиями

среди каракумских песков и такыров обнаружена не только монументальная архитектура, датируемая концом III-II тысячелетием до нашей эры, но прекрасные образцы ювелирного, декоративно-прикладного искусства. Прекрасная керамическая посуда, произведения глиптики, бронзовые и серебряные печати, ювелирные украшения из золота и серебра, тонкая резьба по кости обогатили коллекции музеев Туркменистана и позволили ученым всего мира говорить о высочайшем уровне развития культуры далеких предков туркменского народа.



В.И. Сарияниди является почетным академиком Академии наук Туркменистана, почетным членом Антропологического общества Греции, почетным профессором Критского университета (Греция), иностранным членом Национальной академии ДеиЛинчеи (Италия), а также гражданином Туркменистана, лауреатом Международной премии имени Махтумкули. Он награжден орденом Почета за заслуги перед Туркменистаном, многими другими наградами этой страны. И сейчас имя Виктора Ивановича Сарияниди пользуется большим уважением и известностью среди туркменистанцев.

Г.Э. Вересоцкая

ГосНИИР МК РФ, г. Москва, Россия

Сарияниди Виктор Иванович. Короткие встречи

178

Встреча первая.

Отдел. Бактрийское золото.

Про Виктора Ивановича Сарияниди я узнала сразу, как только пришла работать во ВЦНИЛКР (ГосНИИР). Это было в 1979 году. Сотрудник нашего отдела – реставратор высшей категории Владимир Прокофьевич Бурый только что вернулся из Афганистана, где в 1969–1979 годах проводила работы Советско-Афганская археологическая экспедиция под руководством д.и.н. И.Т. Кругликовой и В.И. Сарияниди. С 1972 по 1979 годы В.П. Бурый работал с В.И. Сарияниди в Афганистане, в ее составе.

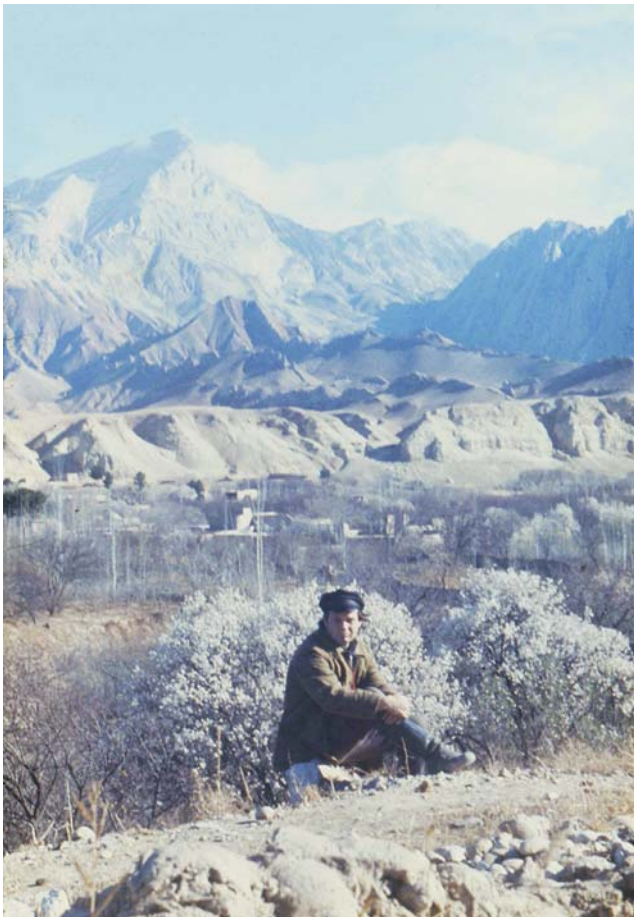
В 1978 г. при раскопках Храма эпохи бронзы на Тиллятепе недалеко от г. Шибарган неожиданно было выявлено несколько кушанских элитных захоронений I в. до н.э. – I в. н.э. Там были найдены многочисленные золотые предметы, так называемое Бактрийское золото. Теперь это уже страница мировой художественной культуры, а тогда – только начало истории. В.П. Бурый принимал непосредственное участие в раскопках, консервации, документировании уникальных артефактов из царских гробниц. Затем было опасное путешествие в Кабул, куда нужно было перевести эти ценные находки. В.П.

Бурый часто вспоминал о работе в Афганистане, и не только про целый грузовик золота, который ему пришлось сопровождать без охраны через перевал...

Более подробно его воспоминания об этой захватывающей истории можно прочитать в журнале National Geographic за 2014 г. (Пала-



В.И. Сарияниди с Т. Ходжаниязовым (слева) и В. Долгоруковым (справа) на Даилы в Афганистане. Фото А.-П. Франкфора. Victor Sarianidi with T. Khojaniyazov (left) and Vyach. Dolgorukov (right) at Dashly in Afghanistan. Photo by H.-P. Francfort. 1974.



В.П. Бурый в Афганистане. 1970-е годы.

марчук, 2014)¹. Здесь я процитирую лишь небольшие выдержки из статьи:

«С 15 ноября 1978-го по 8 февраля 1979 года возглавляемая Виктором Сарияниди группа из четырех советских и двух афганских археологов, советского реставратора и трех его афганских ассистентов раскопала на территории древней Бактрии шесть царских захоронений двухтысячелетней давности. Из земли были должным образом, слой за слоем, извлечены, а затем отреставрированы и описаны 20600 золотых украшений – нашивки, подвески, ожерелья, кольца, броши, браслеты, пояса, ножны, короны, – а также изделия из серебра, бронзы, других материалов. Сам Сарияниди позже говорил, что в «нормальных условиях» каждое захоронение такого рода требовало около полутора месяцев работы. Неполных три месяца на все – под дождем и ветром, при дефиците необходимых материалов, от химикатов до упаковки (в ход шли

¹ Паламарчук А. Золото Бактрии: дары из прошлого (О работе советской археологической экспедиции в Афганистане под руководством Виктора Ивановича Сарияниди) // National Geographic. № 126. Март 2014. С. 74–91.

даже коробочки для зубных буров из кабинета стоматолога в Шибаргане) – условия были далеки от нормальных. К тому же, по всему Афганистану прошла весть: шурави нашли золото! На раскопки стали приезжать сотни, тысячи людей из окрестных городов и сел.

Золото свалилось на участников раскопок как снег на голову. Экспедиция не была готова к такому объему работ – и к такой огромной ответственности...

«Тилля-Тепе был под постоянной охраной афганских солдат, но никто не запрещал местным жителям толпиться вокруг, – вспоминает Владимир Бурый. – Это невероятная нагрузка на психику – работать, все время ощущая на себе взгляды, слыша шепот, видя, как на тебя показывают пальцем. Кроме того, не забудьте – там было золото!»...

По календарю полевой сезон подходил к концу, но конца работам видно не было. Через три дня после первого обнаружили второе погребение, 14 декабря – третье, 26-го – четвертое, затем – пятое, шестое...

Последовательность событий восстанавливает, заглядывая в дневник, реставратор Владимир Бурый: «У меня была команда ассистентов – два местных туркмена, Гафур-ака и Чары-кара, и молодой афганец из Кабула...

...Подходил к концу январь 1979 года. По плану, Сарияниди должен был вылететь в Кабул с теми предметами, которые успели описать и сфотографировать, оставив часть сотрудников завершить работу. Виктор Иванович вспоми-



Тиллятепе. Подвеска «Правитель и драконы» из кушанского погребения 2.

нал: ровно за неделю до его отъезда археолог из Ашхабада Теркеш Ходжаниязов отозвал его в сторону, протянул перед собой руку и разжал кулак. На солнце блеснули золотые бляшки – новое, седьмое захоронение!... Времени и сил на раскопки не оставалось, и находку решили законсервировать до следующего сезона.

Археолог Зафар Хакимов и реставратор Владимир Бурый отвечали за доставку оставшегося золота в столицу: приняли, упаковали в ящики, погрузили в кузов старого грузовика ГАЗ-66. Сверху в кузов накидали ватники, спальные, посуду – замаскировали, как могли, и рано утром 13 февраля выехали в Кабул. Впереди более 500 километров – через Гиндукуш, тоннель Саланг. Охраны не было, ..., а откладывать поездку нельзя!...

И вот, когда внизу в долине уже показались огни Кабула, в свете фар на дорогу выскочили солдаты – ружья наперевес. «Как выяснилось потом, в тот день в столице убили американского посла Адольфа Дабса, – вспоминает Бурый. – И вот нас собираются обыскивать. В этот момент стало по-настоящему страшно. Помню, Зафар что-то говорит на фарси, лезем в кузов, поднимем спальные... Нам повезло, добираться до самого дна патруль поленился. Кто знает, что случилось бы, обнаружь солдаты золото на той ночной дороге. Если даже святые меняются в лице...».

Все золото благополучно добралось до Кабула, где нашло место в Национальном музее, но обстановка в Афганистане в 1979 году не благоприятствовала новой экспедиции. А в декабре СССР ввел в страну войска. О седьмом погребении пришлось забыть (как оказалось, навсегда: могилу разграбили) (Паламарчук, 2014. С. 85).



Тиллятепе. Застежки «Амуры верхом на дельфинах» из кушанского погребения 3.



Тиллятепе. Застежки с любовной сценой из кушанского погребения 6.

В каждом из шести раскопанных захоронений было обнаружено около трех тысяч золотых изделий, всего – более 20 тыс.: золотые украшения, золотое оружие. Археологи планировали дальнейшие исследования «Золотого холма», но их работе в 1979 г. помешало начало гражданской войны в Афганистане. Найденные золотые изделия были помещены в Кабульский Национальный музей.

В 1989 г. в связи с кризисной ситуацией в стране по распоряжению президента ДРА Мохаммада Наджибуллы золотые изделия были перемещены в хранилище Центрального Банка Афганистана.

После свержения Наджибуллы в 1992 г. ключи от хранилища находились у пяти человек, одним из которых был директор Национального музея Омар Хан Массуди. Для открытия хранилища требовались все пять ключей одновременно. Их хранители договорились, что если кто-



Тиллятепе. Фрагмент застежки для обуви «Колесница с драконом» из кушанского погребения 4.

то из них умрет, то ключ перейдет к старшему ребенку этого человека. Захватившие Кабул в 1996 г. талибы пытались получить у хранителей сведения о местонахождении сокровища, но, несмотря на угрозы, им этого не удалось.

В 2003 г. о местонахождении бактрийского золота было официально сообщено. В 2004 г. хранилище было вскрыто в присутствии Виктора Ивановича Сарияниди, который подтвердил подлинность изделий.

С декабря 2006 по апрель 2007 г. коллекция выставлялась в Париже под названием «Афганистан, заново открытые сокровища». Далее она демонстрировалась в Италии, Нидерландах, США, Канаде, Великобритании, Швеции, Норвегии, Австралии... Это принесло в бюджет афганского государства почти 3 миллиона долларов. В самом же Афганистане по соображениям безопасности, а также, как это не парадоксально, и в России коллекция никогда не демонстрировалась...

Ныне В.П. Бурый – заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры «Реставрация монументально-декоративной живописи» академии им. С.Г. Строганова. Занимается проблемами консервации монументальной живописи, историей и атрибуцией произведений искусства.

В.П. Бурый говорил, что Виктор Иванович звонил ему несколько лет назад и приглашал работать на Гонур, но, как сказал Владимир Прокофьевич, – я вежливо отказался.

Встреча вторая.

Туркмения, Ниса, книжный магазин в Багире.

Шли годы и произошли глобальные перемены и в нашей стране и в мире. Мы уже несколько лет не были в Туркменистане, но в 2004 году Виктор Николаевич Пилипко пригласили меня работать в Нисийскую археологическую экспедицию. Туркменистан уже стал независимым государством, и теперь, чтобы приехать сюда, нужно было получить приглашение и оформить визу. Я была несказанно рада снова побывать в этой стране после такого большого перерыва.

Вместе с нами летела в Ашхабад и реставратор из Главного управления охраны памятников г. Москвы Наталья Чудновская. Она летела на Гонур по приглашению В.И. Сарияниди. К тому времени только начали раскрывать первые погребения Царского некрополя, и в одном из них

(№ 3200) были обнаружены фрагменты колесницы. Сохранились деревянные колеса, укрепленные медными «шинами». Но тогда, в самом начале работ, еще не могли точно определить, что это такое. В ашхабадском аэропорту Наташу встречал Руслан Мурадов из Управления по охране памятников Туркменистана. Нас познакомили, и мы разъехались в разные стороны. Мы в Нису, а Наташа – на Гонур. Наташа ехала на Гонур реставрировать колесницу, а из под лессовых завалов Царского некрополя вдруг стали «высыпаться» мозаичные детали. Наташа вспоминала, что мозаики стали появляться сразу на нескольких участках, распыленный красочный слой был такой яркий и чистый, что хотелось просто лечь сверху, чтобы защитить его от сильного ветра, который нес с собой лесс и песок. Несколько человек помогали раскрывать мозаичные композиции, материалов для укрепления не было. Но помогли французские реставраторы и археологи. Кто-то дал паралоид (полимерный клей), кто-то синтетическую ткань для дублирования, которой укрепляют археологические предметы в процес-



Ниса. Фрагмент полихромной росписи фриза с изображением головы лошади. До реставрации. Фото Г.Э. Вересоцкой.

се полевой консервации. Но обо всех этих проблемах мы узнали много позже, когда сами занялись реставрацией гонурских мозаик.

А сейчас, весной 2004 г. я приехала в Нису первый раз. Жили мы на территории базы нисийского Музея, в вагончиках, оборудованных когда-то под домики. В более приличном домике была контора и кабинет директора Музея-заповедника «Древняя Ниса» Курбана Балыевича Балыева. В одном из домиков, по легенде, жила очень ядовитая змея – эфа, и туда никто не заходил. Другое помещение было отведено под хранение керамики и фрагментов лессовой живописи. Вдоль стен этой небольшой комнатки стояли картонные коробки и фанерные ящики, заполненные кусками лесса и обломками лессовой (глиняной) штукатурки.

Мне предстояло разобрать и обработать всю эту коллекцию фрагментов с остатками настенных росписей, скопившуюся за несколько археологических сезонов. Но главной задачей сезона была реставрация большого фрагмента росписи, найденного еще в 2002 году.

В общем, работы было много, но иногда, в перерывах между работой, я ходила в поселок Багир, чтобы пополнить запасы еды, да и немного проветриться.

Нужно сказать, что уезжая, меня напутствовали мои коллеги-реставраторы, когда-то уже поработавшие в Нисе: «Ты обязательно сходи в книжный магазин в Багире!» Это была часть нашего экспедиционного ритуала – ходить по книжным магазинам и скупать в большом количестве книги на русском языке, выпущенные местными издательствами. Чего только там не было в эпоху тотального дефицита! Но времена книжного дефицита закончились, а ритуал остался. И вот, помня напутствие своих коллег, я двинулась по направлению к книжному магазину. Была жара, и ярко светило южное солнце, поэтому, открыв дверь магазина, я не сразу зашла в него, так как внутри было темно и ничего невозможно было разглядеть. Немного постояв, я осторожно стала продвигаться вперед. Постепенно, когда глаза стали привыкать к темноте, я увидела прямо перед собой на кошке, постеленной на полу, лежащего человека. Перед ним стоял фарфоровый чайник и две пиалушки.

– Вероятно, ошиблась, – я мысленно засуетилась, – столько лет прошло; а может, и нет здесь уже никакого книжного магазина?

– А где же книги? – спросила я на всякий случай (как-то неловко было уходить сразу).

Лежащий человек широким неторопливым жестом повел рукой, показывая в темный угол комнатки: «А вот же они...!»

Делать нечего, я пошла медленно в темноту, и... действительно, вдоль стен на низких полках, стояли книги, причем все одинаковые. Это были книги В.И. Сарияниди «Древности страны Маргуш» (1990) на туркменском языке! И тогда я поняла, что В.И. Сарияниди – национальный герой Туркменистана. И в дальнейшем, я убедилась, что это так: о Сарияниди в Туркменистане слышали все!

Не зная, увы, туркменского языка, я подержала эту книгу в руках и для приличия немного поговорила с продавцом-хранителем книг. После этого я удалилась с чувством выполненного долга, хотя и без покупки. Уже потом, немного позже, я нашла и с интересом прочитала эту книгу, уже на русском языке. Тогда я еще не знала, но, вероятно, чувствовала, что уже имею какое-то отношение к этому маргианскому археологическому сообществу. Но...

Подходил к концу мой полевой реставрационно-археологический сезон. Я проработала целый месяц в Нисе и много всего сделала. И вот, в конце этого сезона, приехавший из Ашхабада В.Н. Пилипко, торжественно вручил мне газету «Нейтральный Туркменистан» (единственную в стране газету на русском языке). В ней была напечатана большая статья В.И. Сарияниди о сенсационных находках на Царском некрополе Гонур-депе! Я прочитала текст. Это действительно была настоящая сенсация: найдены колесница, клад с золотыми и серебряными со-



Ниса. Фрагмент фриза с изображением всадника. После реставрации и монтирования на новое основание. Фото Г.Э. Вересоцкой.

судами, фрагменты мозаики! Я была потрясена! В.Н. Пилипко, видимо, тоже. Правда, будучи, как всегда, весьма сдержанным, он сказал мне только что-то про удачливость Сарияниди.

Надо же, я была здесь, рядом с Маргианой, в то время, когда они нашли эти сокровища! Даже не верилось.

В следующем году, весной, я опять была в Нисе, и мы с В.Н. Пилипко посетили Музей изобразительных искусств Туркменистана. Там мы увидели уже смонтированные на новую основу два фрагмента: фризы «Пары противоборствующих грифонов», «Орлы в геральдической позе» и «Грифон в картуше» – мозаичные композиции, которые обнаружили на Гонуре в прошлом (2004) году. Это было что-то уникальное! Нигде до этого не приходилось видеть ничего подобного.

Изображения были выполнены в смешанной технике – мозаики и полихромной росписи. Уже потом, когда мы сами стали заниматься мозаиками и пересмотрели горы материалов в поисках аналогов подобной техники и сюжетов, то поняли, с каким уникальным материалом нам предстоит работать. Как представляется, в истории культуры это уникальная мозаичная техника была обнаружена впервые!

Встреча третья. Юбилей.

Самое интересное, что Виктора Ивановича Сарияниди я увидела первый раз только в 2009 г., когда ему исполнилось 80 лет. Это было в Москве, в Музее искусств народов Востока, где проходило торжественное чествование знаменитого археолога. Виктор Иванович показывал свою презентацию о находках на Гонур-депе, и его красочный рассказ захватил и нас. Мы смотрели, не отрываясь, на экран, где нам показывали уникальные находки. Мы узнали, что в 2009 г. были обнаружены еще несколько погребений Царского некрополя, и меня особенно потрясли так называемые «дарохранильницы», особенно из гробницы 3220 с мозаичным декором в виде сердец. Еще совершенно уникальная коллекция мозаик была обнаружена в погребении 3880: это прекрасно сохранившаяся «дарохранильница», плакетка с геометрическим орнаментом, и еще один не очень понятный экспонат в виде наличника. В процессе демонтажа дарохранильницы был обнаружен еще один уни-

кальный мозаичный экспонат – пара летящих драконов с развивающимися гривами и крыльями. Эта мозаика сейчас находится в экспозиции Марыйского музея.

Мы с Натальей Алексеевной Ковалевой пытались фотографировать с экрана, чтобы потом подробней рассмотреть эти уникальные находки. Ничего подобного раньше нам видеть не приходилось. Тогда же мы познакомимся и с Надеждой Анатольевной Дубовой – помощником и соратником В.И. Сарияниди, которая и предложила нам работать с коллекцией гонурских мозаик. Что тут скажешь – это судьба!

Встреча четвертая.

Апрель 2011 г.; начало работы с гонурскими мозаиками. Дарохранильница 3230.

Это уже была не встреча, а сотрудничество в качестве реставраторов в составе Маргианской археологической экспедиции, которой руководил Виктор Иванович Сарияниди. Первоначально наша группа состояла из трех человек: Наталья Алексеевна Ковалева – художник-реставратор высшей категории из ГосНИИР, Татьяна Анатольевна Шапошникова (сейчас – художник-реставратор керамики и стекла Музея истории религии в Санкт-Петербурге) и я.

Это теперь мы уже пишем статьи о гонурских мозаиках, выступаем на конференциях..., а тогда, весной 2011 г. мы еще не очень представляли себе, с каким материалом нам предстоит иметь дело.

К этому времени были раскопаны все обнаруженные «царские» погребения и извлечены уникальные находки, которые потом распределили по трем музеям: Музей изобразительных искусств, Национальный музей Туркменистана и в Марыйский веляятский музей. Основная коллекция мозаик была передана в Музей изобразительных искусств.

Директор музея Сапармамед Мередович Мередов и зам. директора Дженнет Сейитниязовна Каранова приняли нас как дорогих гостей и всячески помогали в нашей работе, предоставив роскошную реставрационную мастерскую. Эта мастерская была невероятных размеров, да еще укомплектована всем самым необходимым оборудованием – вытяжкой, для работы с токсичными растворителями, огромным кондиционером, столами на колесиках, лупами с подсветкой...

В первый же день нашей работы из хранения привезли на специальной тележке несколько картонных коробок и фанерных ящиков. В трех плоских фанерных ящиках лежали фрагменты дарохранительницы из царского погребения № 3230, с которыми нам предстояло работать в первую очередь.

Также на хранении в музее находились мозаики из следующих погребений Царского некрополя: 3200, 3210, 3220, 3230, 3235, 3245, 3880, 3905, 3915.

Мы стали осторожно открывать ящики. Перед нами были уникальные фрагменты декоративного искусства древнейшей цивилизации – Маргианы. Чего тут только не было: львиные головы с оскалившейся пастью, головки и рога баранов, головы и змеиные шкуры, ноги копытных животных, хобот слона. Но больше всего было деталей неправильной формы без какого-либо рельефа или покрытия на лицевой поверхности. Такое впечатление, что этими пластинками закрывали фон композиций, вырезая каждый кусочек индивидуально к месту. Детали были выполнены из светлого или желтоватого материала, который внешне очень напоминал фаянс. Но это были только первые впечатления. В дальнейшем мы провели исследования всех материалов мозаики, и изучение их продолжают. Только подумайте: эти мозаики были изготовлены в эпоху бронзы в конце III тыс. до н.э., и все это время они находились под толщей песков пустыни Каракумы. За это время рождались и рушились города и даже цивилизации, менялись русла рек, начинались и заканчивались войны, а эти необычные орнаментированные коробочки, шкатулки



Фрагменты мозаик до начала разбора и систематизации. Фото Г.Э. Вересоцкой. 2011.

и дарохранительницы лежали себе спокойно в песке, недалеко от города Мары долгие тысячелетия.

Но, продолжая открывать картонные коробочки, и вынимая все новые и новые детали, мы начинали понимать, какую гигантскую работу нам предстоит проделать. Это была огромнейшая коллекция мозаик, но..., в основном и, к сожалению, в разрозненном виде.

Удивительным образом сохранились лишь несколько сюжетных композиций из погребения 3210. Часть из них уже были смонтированы на новую основу искусствоведом и реставратором Айджан Шайымовой (Ниязмухаммедовой). Это уже упоминавшиеся композиции «Пары противоборствующих грифонов», «Орлы в геральдической позе», «Змеи, заглатывающие архаров» и «Грифон в картуше» – самая целая из всех сохранившихся древних композиций, представленных в Музее Изобразительных искусств.



Фрагменты мозаик из Гонура находились в картонных коробках. Фото Г.Э. Вересоцкой. 2011.



Мозаичная композиция «Грифон в картуше» в гробнице 3210 в процессе расчистки. Фото Н. Дубовой. 2004.



Фрагмент мозаичной композиции фриза с грифонами в гробнице 3210 в процессе расчистки. Фото Н. Дубовой. 2004.



Н.А. Ковалева распаковывает фрагменты с мозаиками. Апрель 2012 г. Фото Г.Э. Вересоцкой

В Марыйском историко-краеведческом музее хранится дарохранительница из погребения 3880 (раскопана в 2009 г.), отреставрированная музейным реставратором Мередом Рзаковым, композиция с летящими драконами, коробочка с орнаментальным узором в виде розеток и плакетка, похожая на орнаментальные наличники на окнах.

Также в Музее изобразительных искусств находились и фрагменты дарохранительницы из погребения 3230 – та, что еще лежала в ящиках, и с которой нам предстояло работать в том сезоне.

Вся остальная коллекция существовала в виде отдельных разрозненных деталей, завернутых в бумагу, переложенных газетами или просто собранных в полиэтиленовые пакеты. Пакеты были промаркированы и уложены в картонные ящики.



Коллекция гонурских мозаик обширна, но, к сожалению, в основном это – разрозненные тессеры. Фото Г.Э. Вересоцкой.

Честно говоря, в первый момент, когда мы все это увидели, то не могли сразу понять, что же с этим можно сделать. Мешки, пакетики, кулечки с отдельными тессерами самых различных форм и размеров. Но материал был такой богатый, интересный и совершенно новый для нас, что скоро мы увлеклись и азартно принялись за работу.

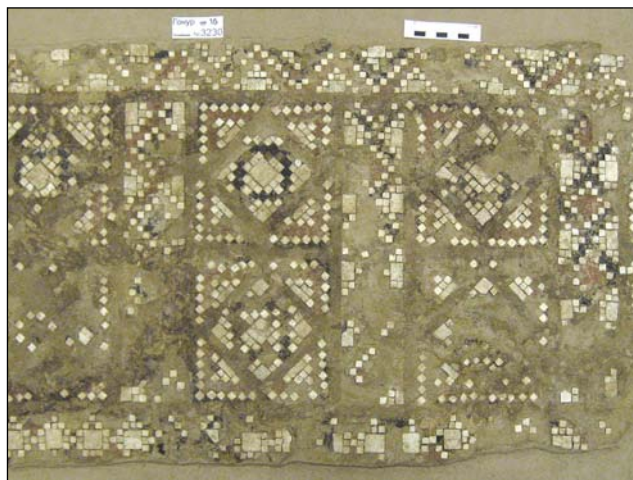
Нам с Н.А Ковалевой передали на реставрацию фрагменты дарохранительницы из погребения 3230. А Татьяне Шапошниковой было поручено разбирать и делать описание мозаич-



Коллекция гонурских мозаик обширна, но, к сожалению, в основном это – разрозненные тессеры. Фото Г.Э. Вересоцкой.



Н.А. Ковалева в процессе работы над мозаиками из погребения 3230 Царского некрополя Гонура. Фото Г.Э. Вересоцкой. 10.04.2012.



Стенка ларца-дарохранительницы (3230, № 16) после реставрации и монтирования на новое основание. Фото Г.Э. Вересоцкой.

ных вставок. Таня проработала с нами два сезона и проделала огромную работу: разобрала, упаковала и промаркировала почти всю, за небольшим исключением, коллекцию гонурских мозаик. Осталось не разобранными лишь погребение 3220 с сердцами и 3245.

Мы же с Натальей Алексеевной в сезоны 2011–2012 гг. были заняты, в основном, реставрацией стенок дарохранительницы 3230. Но, по мере того, как Таня доставала и раскладывала на планшетах для фотофиксации все новые и новые мозаичные детали, мы тоже припадали к этим «картонкам», чтобы обсудить очередную версию того, что же это могло быть? Эти два первых сезона, когда мы занимались реставрацией дарохранительницы, и изучали остальные мозаичные детали, были очень важными для нас. Так как в процессе реставрации и исследований мы прикоснулись к древнейшим технологиям, секреты которых нам еще предстоит раскрыть.

Но нужно сказать, что и в новом качестве экспедиционных реставраторов мы не часто

виделись с Виктором Ивановичем, так как он все свое время пребывания в Туркменистане был в поле, а мы работали в музее в Ашхабаде. Но в конце полевого сезона В.И. неизменно



В.И. Сарияниди в реставрационной мастерской Музея изобразительных искусств (г. Ашхабад). А.М. Урманова. В.И. Артемьев (слева), Н.А. Ковалева (напротив), Н.А. Дубова и С. Винкельман (справа). Фото Г.Э. Вересоцкой. 29 марта 2012.



Один из фрагментов ларца-дарохранительницы до реставрации (3230, № 16). Фото Г.Э. Вересоцкой.



В.И. Сарияниди подарил реставраторам свои книги. Фото Г.Э. Вересоцкой. 25 октября 2013.



Подготовка графической реконструкции композиции фриза с грифонами. Фото Н. Ковалевой. 5 октября 2015



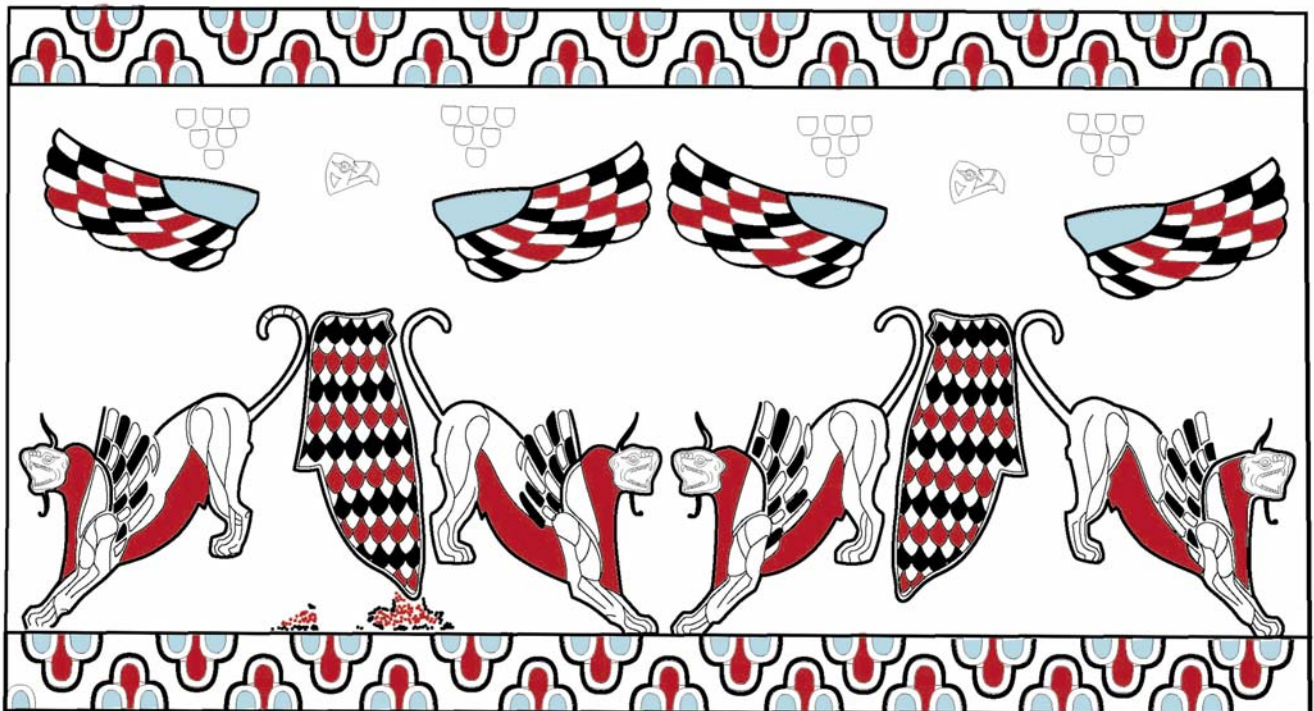
Фрагмент мозаики с грифонами (Фриз-2) в поле до извлечения из лессового заполнения гробницы. Фото Н. Дубовой. 2004.

посещал нашу мастерскую. Последние годы он был очень болен, и ему трудно было передвигаться, но с палочкой или в инвалидном кресле в сопровождении Н.А. Дубовой он каждый год заезжал к нам в мастерскую, чтобы посмотреть новые результаты работы над мозаиками.

К сожалению, Виктор Иванович не увидел моей последней работы выполненной в Ашхабаде в 2015 г. Этому предшествовала большая предварительная работа с архивными фотографиями, затем подбор и консервация огромного количества разрозненных мозаичных деталей. Были сделаны прориси сохранившихся фрагментов фризов, и на их основе затем выполнена графическая реконструкция композиции с

грифонами. Следующий этап работы – это реконструкция самой композиции второго фриза с грифонами, большая часть которой была утрачена. Но в процессе тщательного изучения знаков на тыльной стороне тессер удалось понять систему построения подобных композиций и подобрать разрозненные детали, принадлежащие именно этой группе грифонов. В результате удалось сделать реконструкцию одной из древнейших в мире мозаичных композиций, иконографические аналоги которой берут свое начало в искусстве древних шумер.

Работы с гонурскими мозаиками еще много и, надеюсь, в Туркмении нас ждут еще много интересных встреч и открытий!



Графическая реконструкция композиции с грифонами (Фриз-2). Работа Г.Э. Вересоцкой.

Вечер памяти

24 марта 2014 г. по инициативе Посольства Греции в России и греческой общности в г. Москве, в Доме национальностей состоялся вечер, посвященный памяти всемирно известного археолога Виктора Ивановича Сарияниди

Специальным гостем вечера, приглашенным организаторами, Посольством Греции в России и Послом Греции Данаи-Магдалини Куманак, стал друг В.И. Сарияниди консул Греции в Москве (1988–1992 гг.), посол Греции в Иране Никос Гарилидис. В Вечере Памяти приняли участие Посол Республики Кипр Др. Георгиос Х. Касулидис, Советник Посла Туркменистана в России С. Дурдыев, члены семьи Виктора Ивановича – дочь Ирина Викторовна, внучка Надежда и правнучка Аля, друзья, коллеги Виктора Ивановича, в том числе сотрудники Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Института истории материальной культуры РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (г. Санкт-Петербург), ГосНИИ реставрации МК РФ, руководство и многие члены Московского Общества греков, Греческого культурного центра в России, представи-

тели средств массовой информации, в том числе журнала «Туркменистан», российского издания «National Geographic».

С приветствием и теплыми словами о В.И. Сарияниди, характеризовавшими его жизнь, яркую личность, огромный вклад в археологическую науку, а также в развитие культурных связей между Грецией, Россией и Туркменистаном выступила Посол Греции в России госпожа Данаи-Магдалини Куманак. Яркими воспоминаниями о друге поделился посол Греции в Иране Никос Гарилидис. Затем был показан документальный фильм «Эллинизм Востока. Встреча двух цивилизаций» (Греческое телевидение ЕТ-1 и Творческое Объединение «Орбита». 1988 г. ЕТ-1 и Совинфильм; автор сценария Георгий Илиади при участии Ирины Киселевой. Режиссер-постановщик – Ирина Киселева. Фотографии – Олег Згуриди). О большом уважении и любви к В.И. Сарияниди туркменского народа, руководства страны, высокой оценке его подвижнического труда, способствовавшего познанию древней истории Туркменистана, сказал Советник Посла Туркменистана в России Сердар Дурдыев. О научном пути Виктора Ивановича, двух великих археологических открытиях



Организаторы и некоторые участники Вечера памяти В.И. Сарияниди в Московском Доме национальностей, 24 марта 2014 г. Слева направо: Я. Сейидов, Д. Яламас, С. Дурдыев, Н. Гарилидис, И. Сарияниди, Д.-М. Куманак, Н. Дубова, П. Арзуманидис, Н. Сидиропулос, А. Шахбазов.



На вечере памяти выступает Посол Греции в Иране Никос Гарелидис.

– находке «Золота Бактрии» и открытию нового центра древневосточной цивилизации в песках Каракумов, – сделанных выдающимся ученым, а также о многочисленных его публикациях, интереснейших результатах проведенных им раскопок в Туркменистане и в Афганистане на многих памятниках говорила сотрудник ИЭА РАН Надежда Дубова, более десяти лет проработавшая вместе с Виктором Ивановичем.

Большой друг В.И. Сарияниди Георгий Илиади рассказал о нескольких интересных сюжетах съемки фильма «Встреча двух цивилизаций». В том числе о том, что после показа фильма, где есть сюжет о встрече двух выдающихся археологов-греков Виктора Сарияниди и Манолиса Андрионикоса, автор находки могилы Филиппа Македонского – отца Александра Великого – подарил Георгию свою книгу. В ответ на слова благодарности и вопрос, что могло бы быть ответным подарком, тот сказал, что самым большим подарком ему от автора фильма была встреча с Виктором Сарияниди.

Известный греческий, российский художник Павел Арзуманидис рассказал о своей работе над художественным портретом Виктора Сарияниди, выставленном в зале, где проходил Вечер памяти. Будучи другом В.И. Сарияниди и автором многих публикаций в средствах массовой информации о великом археологе и одним из инициаторов проведения данного вечера, автор данной статьи поделился воспоминаниями об общении с Большим человеком, великим греком. Поблагодарив Посла Греции, госпожу

Д.-М. Куманаку, посольство Греции в России, Московский Дом национальностей за организацию этого вечера, всех пришедших на вечер и почтивших память В. Сарияниди, была подчеркнута важность таких встреч. Отмечалось также, что было бы ценно, если бы и другим известным, выдающимся личностям, например, дирижеру Одиссею Димитриади и философу Феохарису Кессиди, также дружившими с Виктором Сарияниди, были посвящены подобные встречи.

Туркменский оператор, снявший не один десяток художественных и документальных фильмов на студии «Туркменфильм» Язгельды Сейидов рассказал, что у него в видеоархиве хранится ряд интереснейших съемок Виктора Ивановича в разные годы, и он был бы рад принять участие в работе над специальным фильмом, посвященном великому археологу, всю жизнь, посвятившему изучению истории его народа.

От Московского общества греков всех пришедших вспомнить выдающегося грека археолога Виктора Сарияниди приветствовал председатель Общества Архимед Шахбазов. Ирина Викторовна Сарияниди высказала слова благодарности и организаторам Вечера Памяти и всем принявшим в нем участие. Она сказала, что Виктор Иванович был в той же степени гражданином России, как гражданином Греции и Туркменистана. Он любил все эти страны, их народы. Она подчеркнула, что для ее отца археология была жизнью, что все остальное, кроме работы, отходило у него на второй план и именно это дало ему возможность сделать то, что он сделал для мировой науки. Ирина Викторовна



Выступает Георгий Илиади.



Выступает Никос Сидирупулос.

отметила, что в сложные 1990-е годы именно Правительство Греции много лет выделяло финансовые средства на раскопки в Туркменистане. Позднее так же финансово и в других формах (в том числе выделяя экспедиции необходимую тяжелую технику) руководство Туркменистана поддерживало раскопки в Каракумах. Она подчеркнула, что Виктор Иванович постоянно это помнил, очень высоко ценил и также был очень тронут той высокой оценкой его работ, которую оказали Правительства и Президенты этих двух стран, также как и Правительство Афганистана. В заключение своего выступления Ирина Викторовна сказала, что Виктор Иванович очень хотел, чтобы работы Маргианской экспедиции в Каракумах не прекращались, чтобы исследование тех памятников, открытию которых и изучению он посвятил всю свою жизнь, были бы продолжены. Он также мечтал, чтобы

в России все же состоялась выставка коллекции Бактрийского золота, чтобы не только народы разных стран, но и жители страны, сделавшей это открытие в 1978–1979 гг., увидели эту прекрасную коллекцию. В связи с этим она упомянула и о том, что, к сожалению, до сих пор эта коллекция остается очень слабо изученной с научной точки зрения. Что даже полный каталог находок, подготовленный Виктором Ивановичем к изданию (книга была подписана к печати! в конце 1990 г.), до сих пор остается не опубли-



Портрет В.И. Сарияниди работы художника П.А. Арзумандиса. 2012 г. Холст, масло. 130-100.



Выступает Ирина Викторовна Сарияниди.

кованным. Осуществление этой публикации, также как и выставка предметов в России были бы главным делом, памятником самому Виктору Ивановичу.

Вечер завершился кратким выступлением ведущего – культагташе Посольства Греции в России Дмитрия Яламаса, который поблагодарил всех принявших в нем участие и выразил надежду, что вечер, посвященный В.И. Сарияниди будет первым в череде встреч, посвященных великим соотечественникам.

2

Гонур-депе приносит новые открытия

Е.В. Антонова

Институт востоковедения РАН, г. Москва

К интерпретации погребений баранов в БМАК

Феномен БМАК известен своей сложностью. Раскопки памятников затруднены спецификой культурного слоя, его плохой сохранностью, нарушениями комплексов в древности и в наши дни. Археологи столкнулись с новой цивилизацией, элементы которой отмечены неповторимым своеобразием. Ее генезис, история и угасание во многом загадочны. Комплексы вещей указывают на связи, объяснение которых неоднозначно, не только с близкими, но нередко с неожиданно очень отдаленными регионами. Трудности раскопок разнообразных объектов сопровождается не менее сложная кабинетная работа. Несомненная заслуга коллектива исследователей (помимо собственно археологов, антропологов, археозоологов и ботаников, реставраторов), который много лет бесменно возглавлял В.И. Сарияниди – систематичность введения в научный обиход новых материалов. Благодаря многочисленным статьям и монографиям отечественных и зарубежных исследователей стали доступны интереснейшие комплексы. Проблематика их исследований поистине необъятна. Хотелось бы пожелать, чтобы долготрудный труд был продолжен, несмотря на уход от нас В.И. Сарияниди.

Интересы автора предлагаемой статьи лежат в области интерпретации археологических памятников как источников мировосприятия до- и бесписьменных народов Древнего Восто-

ка. В данном случае предпринимается попытка исследования одной из групп ритуальных захоронений животных БМАК и прояснение назначения отдельных вещей – элементов обрядовых контекстов. Главными объектами статьи являются погребения баранов, в первую очередь те, из особенностей которых можно извлечь информацию об обрядово-мифологической сфере носителей БМАК. Особый интерес представляют комплексы, в которых полные костяки занимают центральное место: «Наиболее интересными и важными, с точки зрения изучения, прежде всего, духовной культуры маргушцев, является особая группа могил, где основными погребенными являются сами животные» (Дубова, 2012. С. 116). На Гонуре они обнаружены в разных местах, но не на «большом» и «царском» некрополях (Там же).

Исследованиями захоронений и вообще останков животных систематически занимается Н.А. Дубова, накопившая огромный банк данных. Ее скрупулезные публикации сопровождаются классификациями, статистическими сводками сведений о погребениях различных животных помимо баранов (собак, верблюдов, ослов и т.д.). Детальность содержащихся в них материалов позволяет автору этой статьи избежать подробных описаний и ограничиться в необходимых случаях ссылками. Это дает возможность сосредоточиться на деталях, необходимых для выяснения по-

ставленных вопросов и привлечении дополнительных материалов.

Для начала представляется целесообразным обратиться к самому общему положению предлагаемой Н.А. Дубовой классификации – делению погребений баранов на две группы – отдельные с инвентарем или (вместе с другими животными) за пределами основного захоронения (Дубова, 2012. С. 111 сл.). Во вторую группу формально объединены различные археологические контексты. Поскольку контексты – важнейшие из объектов исследования их элементов по интересующих автора смысловому, а не формальному принципу, целесообразно обращение к одной, первой группе. Вторая может быть разделена на несколько подгрупп в зависимости от их смысловой направленности, а не по формальным признакам (естественно, правомерность последнего подхода не отрицается).

Признаки, определяющие эту группу, в немалой степени близки тем, которые свойственны погребениям людей. Совместное рассмотрение захоронений людей и животных, анализ данных как взаимодополняющих, позволяет выйти на проблематику представлений об образе мира носителей БМАК, об их восприятии жизни и смерти. Таким образом осуществляется выход на некую общую картину, без определения контуров которой невозможно исследование составляющих ее элементов.

В связи с поставленными задачами за пределами внимания автора в этой статье остаются останки в захоронениях рядом с погребениями людей, в «поминальниках», в жертвенных ямах, во дворах «царских» погребений (в последних случаях останки баранов редки), а также такой замечательный комплекс, как захоронение трех баранов и осла. Оно может быть связано с обрядом заключения договора между сообществами, но это отдельная тема.

Н.А. Дубова, один из ведущих исследователей многих проблем истории БМАК, в том числе связанных с комплексами костных останков животных, неоднократно отмечает, что избегает интерпретаций, оставляя их будущим исследователям. Строго говоря, это не так. Она, опытный полевик, в своих сочинениях систематически акцентирует внимание

на тех элементах захоронений и деталях контекста погребений, которые считает важными для их интерпретации и по ходу описаний выдвигает собственные предположения. При этом ставятся вопросы, исподволь указывающие направления дальнейших интерпретаций, что очень важно.

Вообще как бы ни были археологи твердо ориентированы лишь на интерпретации «на самых надежных материальных остатках», эти же самые остатки неизбежно побуждают их к культурно-историческим реконструкциям. Особенно если их открытия воспринимаются как настолько меняющие сложившиеся стереотипы, что их приравнивают к шлимановским.

В.И. Сарияниди в начале исследований БМАК подчеркнуто избегал этого направления, считая его вместе со многими отечественными археологами второстепенным. Об этом он сам как-то сказал мне, посетовав, что я занимаюсь подобной нематериальной ерундой. Это слово не было произнесено, но явно напрашивалось. При этом он сжал рукой бесспорно материальный угол письменного стола.

Однако реальность, находки без преувеличения не только специфически археологического, но и общеисторического значения, заставили его обратиться к истолкованиям, неизбежно выходящим за пределы видимой и осязаемой археологической реальности. Объектами его интерпретаций стали многие объекты, от отдельных вещей до монументальных сооружений.

Несколько слов о способе исследования, которому следует автор настоящей статьи. Главное – анализ информации, содержащейся в археологических остатках БМАК. Это погребения животных и людей с их инвентарем; варианты рассматриваются как взаимодополняющие. Привлекаются изобразительные материалы, а также данные из археологической среды, генетически связанной с БМАК, анауской культуры, т.е. сочетается синхронный и диахронный подход (Антонова, 2011). Результаты получаются путем перекрестного анализа. Дополняющую и корректирующую роль играют аналогии из погребальной практики и ритуалов древневосточных народов, соображения общего характера о бытии явлений из

сферы обрядов и мифологии на древнем Востоке и в архаических обществах.

Еще до находок на Гонуре и в Маргиане немногочисленные и не отличающиеся выразительностью погребения баранов были обнаружены при советских раскопках в Афганистане и узбекском Сапаллитепа, и уже тогда привлекали внимание. Их можно было объяснить как обряд замещения жертвой обреченного смерти человека (Антонова, 1984. С. 112). Такую интерпретацию не отрицает и Н.А. Дубова, однако она кажется ей недостаточной, в частности, потому что не объясняет помещение с животными ценных и явно престижных вещей, а также иногда встречающиеся погребения трех баранов (Дубова, 2012. С. 135).

Действительно, стоило ли хоронить само животное, а с ним безусловно ценные, в том числе престижные, «статусные» вещи, для освобождения человека от смерти, болезни или (что то же самое) нарушения им религиозных установлений? Если следовать логике современного европеизированного человека, освобождение от смерти может быть достигнуто врачебным вмешательством и лишь в крайних случаях и/или обращением к шаманам, ворожеям и т.д. Проблема материальных затрат в печальных и трагических случаях считается несущественной. Между тем, по представлениям древних, ритуальный выкуп был одним из главных способов спасения обреченного смерти. В таком положении оказывались даже божества: достаточно вспомнить нисхождение месопотамской Инанны/Иштар в Мир мертвых к ее сестре Эрешкигаль, его царице. Эта родственница отказывалась выпустить Инанну без замены. После продолжительных поисков кандидата на ее место им оказался не кто иной, как муж Инанны Думузи, на которого славившаяся причудливым характером богиня и указала демонам. Попытки спастись под разными обличьями (в том числе, в виде животных) не спасли Думузи: он был обречен проводить среди умерших половину года, а в течение второй его заменяла самоотверженная сестра. Благодаря этому жизнь на земле продолжалась, периоды расцвета сменялись временами увядания.

Нельзя сомневаться в том, что избавление от тенет Того света не просто заботило древ-

них: это было их насущной потребностью. Загробный мир был источником не только смерти, но и болезней, колдовства и т.д., от которых считали невозможным избавиться сомнительными снадобьями. Заговоры и жертвы были надежней. Тексты такого рода известны в традициях древних, в том числе обитателей Месопотамии. Не менее обильны данные этнографии; среди них – обряды с ритуальным поеданием жертвенных животных и захоронение в особых местах их сохранных целыми костей (Антонова, 1984. С. 111–113, 218).

Предуготованное место на Том свете не должно было оставаться пустым. Для этого и отправляли туда ритуальных заместителей. Примечательно, что кости их нельзя было разрушать. Земля воспринималась не только как страшная обитель смерти. И там при определенных условиях (первое – заупокойные обряды сородичей) существование могло быть пусть не радостным, но сносным (Антонова, 1990. С. 99–100, 106–108).

Время существования БМАК было чрезвычайно беспокойным на Востоке. Вторая половина 3-го – первая половина 2-го тыс. до н.э. – период резкого подъема торговли и усиления военных столкновений. Торговля и война стали повседневностью: Маргиана и Бактрия находились на важнейших путях перемещений разного рода. Недаром из грабленных погребений на территории Афганистана происходит так много оружия. Есть оно и в погребениях Гонура. Вероятно, многие люди гибли и лишались погребений на родине, и их сородичи хотели обеспечить их загробное существование, сооружая кенотафы. На обширном некрополе Гонура на долю погребений с инвентарем, но без человеческих останков приходится 6,5% (Сарианиди, 2001. С. 33). Нельзя исключать возможность, что какая-то часть баранов в захоронениях была именно такими ритуальными заместителями; с ними могли класть вещи, присущие их статусу. Примечательно, однако, что на некрополе такие захоронения не обнаружены.

Почему же в захоронения помещали именно баранов, причем часто молодых, ягнят, хотя изредка и козлят? То, что именно мелкие копытные занимали важное место в

обрядов, легко было бы объяснить их преобладанием среди разводимых животных. Однако К. Леви-Стросс, роль которого в исследовании традиционных обществ невозможно переоценить, подчеркивал, что животные занимают то или иное место в картине мира древних и традиционных народов не по той причине, что их употребляли в пищу, а потому, что посредством их образов было удобно этот мир осмыслять (Lévi-Strauss, 1962. Р. 92). Действительно, мелкие копытные в классификациях древних сближались с людьми и мифологическими антропоморфными существами. Они занимали одно место посредников между космическими зонами, жизнью и смертью (Антонова, 1984. С. 86, 97, 105, 113). Но нельзя не учитывать, что в жертву полагалось приносить ритуально чистое, т.е. молодое животное. При этом молодые животные вкуснее, а боги, как известно, привередливы.

В публикациях наибольшее внимание уделяется погребениям с особыми признаками, с богатым и разнообразным инвентарем. Но для более полной картины следует сначала остановиться на относительно или вовсе бедных погребениях баранов, чтобы выявить ядро обряда, незамутненного ритуальными излишествами элиты.

Два из них происходят с Гонура (Дубова, 2012. С. 122-123). В цисте № 3547 на раскопе 15 обнаружен взрослый баран в обычной позе на боку с поджатыми ногами, но голова его находилась в большом сосуде. С ним поместили 13 сосудов. В соседней цисте № 3548 похоронен также взрослый баран, под шеей которого найдена бронзовая булавка; перед мордой – небольшой сосуд. В пол был вкопан хум, а около задних ног лежал фрагмент задней части барана, на котором – согнутый бронзовый нож, т.е. остатки заупокойного приношения (Дубова, 2012. С. 122-123). Эти два захоронения допустимо трактовать как следы обрядов рядовых семей. Умерший, для которого была устроена циста № 3547, не был значительным лицом, однако членом довольно многочисленного коллектива: большое число сосудов предполагает многочисленность участников заупокойных обрядов, трапезы, совместной с умершим.

Раскопки производились не только на «столичном Гонуре», но и на небольших окрестных поселениях, где также найдены захоронения баранов. Примечательно, что по предположениям исследователей, некоторые из них могли быть оставлены осевшими на землю подвижными скотоводами (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 40). На так называемом Гонуре 20 на раскопе 1 было раскопано 10 могил, 3 из них принадлежали баранам (Там же. С. 41). Об инвентаре не сообщается, вероятно, его не было. На раскопе 2 из 54 погребений в двух погребениях бараны: в одном два, в другом три (Там же. С. 42). Об особенностях их расположения не говорится.

В небольшом поселении Гонур 21, обнесенном стеной, найдено два ограбленных, но не потревоженных в остальном погребениях баранов (Там же. С. 44). Внутренняя планировка напоминает Сапалли. Во «дворе» в котловане найдено захоронение телки и барана в традиционной позе. С ним было 33 сосуда, большая бронзовая вилка, согнутый бронзовый нож и часть позвоночника барана – «видимо, погребальная пища» (Там же. С. 44-45).

Такие и подобные им захоронения с территории БМАК (Дубова, 2012. С. 23) не позволяют сомневаться в широте распространения практики захоронений баранов не только среди элиты, но и у рядовых обитателей. Целью их могло быть лечение или проводы на тот свет умершего, а может быть, пропавшего сородича, т.е. были обрядами замещения.

Первое явно особое захоронение барана было обнаружено на Северном Гонуре на руинах дворца около его северных ворот. Оно получило название «погребение агнца» (№ 18). Значение его для дальнейших исследований столь велико, что оно заслуживает подробного описания (Дубова, 2012. С. 117). В яме площадью 3,5 на 2,0 и глубиной 1,7 м при помощи двух перегородок были сооружены три камеры. В одной из них на обожженном докрасна полу на правом боку лежал баран без головы, грудины и передних ног, обращенный шеей на север. Среди позвонков был бронзовый ножик. За его спиной лежал «посох» из кристаллического сланца длиной 105 см, толщиной в средней части ок. 5 см. Он имел медное полое навершие с семью крестообразными отверсти-

ями и орнаментом в виде плетенки на верхней поверхности; внутри него были шарики, производящие при потряхивании «специфический шум». Рядом находилась каменная «миниатюрная колонка», на которой лежала краснолощенная ваза. Перед бараном на полу обнаружено около 20 кремневых стрелок, а рядом – детали инкрустации из слоновой кости, как полагают, украшавшие шкатулку.

Два предмета представляют особый интерес, в частности, потому, что они постоянно встречаются в ритуальных контекстах. Назначение «колонок» здесь более или менее ясно, благодаря контексту – это подставка, предназначенная для размещения сосудов и, вероятно, других подношений (см. ниже материалы цисты № 3790). Разумеется, символическое значение колонок могло этим не исчерпываться (Антонова, 1999; Абдуллаев, 2010). Быть может, благодаря символике (П. Амье сближал их с египетским символом «джед») они могли использоваться как самостоятельные ритуальные вещи; на это указывает, в частности, богато декорированный экземпляр (Дубова, 2012, С. 115), а также небольшая (около 12 см) инкрустированная колонка из Бактрии (Amiet, 1986. P. 311, fig. 157). Изготовление их, как и «посохов», требовало немалого труда. Использование их в качестве подставок показательно: это своеобразные алтари, а последние – передатчики жертв от людей к богам.

Второй предмет – каменный «посох». Его семантика – предмет особого исследования, хотя предположения на эту тему делались давно. Это явно ритуальная вещь, возможно, принадлежность лица особого статуса или ритуального действия. Данный образец обладает примечательной особенностью: при потряхивании он производил некий шум. Отменим, что «колонок» и «посохи» могли восходить к египетским прообразам.

Во второй камере было около 20 сосудов и отдельные кости животных, преимущественно баранов. Скорее всего, это следы заупокойных ритуалов с участием многих людей, на что указывает количество сосудов.

Наконец, в третьей камере находились скелеты «двух верблюдов, которых поместили сюда в качестве жертвы для агнца» (Дубова, Там же). (Возникает вопрос: «для

– значит «кому»? О неоднозначности объектов обрядов см. (Новик, 1984, с. 110). Здравый смысл подсказывает, что верблюды – это «средство» доставки похороненного на место назначения, в погребение и/или на Тот свет. Они постоянно фигурируют в «царских» захоронениях и ритуальных комплексах, где с ними клали и повозки, так что в этой их функции невозможно усомниться. На высокий статус человека, связанного с «захоронением агнца», указывает и тайник с четырьмя серебряными булавками.

Это погребение, судя по особенностям останков, несет явные признаки жертвоприношения – это удаление части барашка, которая по всей видимости имела особое предназначение. Аналогий именно такого обращения с животными на Гонуре пока как будто не обнаружено, хотя ножики в позвоночнике встречены неоднократно; есть и обезглавленные костяки.

Находка произвела немалое впечатление. Одну из первых ее публикаций В.И. Сарияниди назвал «Библейский миф об агнце и погребальные обряды Маргианы и Бактрии» (Сарияниди, 1995). В ней он писал о традициях ритуальной замены животным человеческой жертвы в библейской и античной традициях. Ягненок был умерщвлен особым образом. Нож в позвоночнике должен был, как указывала Н.А. Дубова, обездвигнуть животное. Возможно, также и причинить ему при заклании меньше страданий. Такое обращение предписывали, в частности, библейские установления заклания животных (Толковая Библия, 1904-1907. С. 411 сл.).

Ценность Библии как источника, в частности, сведений о древних ритуалах не нуждается в доказательствах. Эти обряды сложны и детализированы. Ориентироваться в них совсем не просто. (Помощь можно найти, например, обращаясь к «Толковой Библии», где даются разъяснения и толкования многих ситуаций, реалий и проч., упоминающихся в этой великой книге). Приведем несколько примеров обрядов принесения жертв.

Из животных для них предназначались молодые, возрастом обычно до одного года. После определенных действий разделенное на части мясо с костями, положенное в опреде-

ленном порядке, сжигалось (некоторые части в ряде случаев предназначались священнослужителю). Акт сожжения – знак полной жертвы и знак предания жертвователем самого себя богу, а также принятия богом жертвы. Отдельными предписаниями регламентированы обращение с жертвенной кровью, золой и т.д.

Хотя самым важным видом принесения жертвы было всесожжение, очень распространенной и любимой была «жертва мирная», или «жертва спасения». Она совершалась (что важно), всегда коллективно в благодарность за что-либо или по обету. В этом случае сжигали внутренний жир и курдюк, а лучшие части, грудь и правое плечо, отдавали священнику для использования в его семье. Предварительно совершали обряд «потрясения» этим мясом в знак посвящения Иегове. Остальное мясо жертвователю забирал себе для устройства коллективного пиршества (Там же, С. 416-417).

Для нашей темы особенно важно отношение к костям жертвенных животных, обычно не упоминавшимся. Однако были особые случаи. Так, выделяется обряд принесения пасхального агнца. В связи с этим ритуалом очевидна широта смыслов важного общественного праздника. Разумеется, археологические остатки не могут сохранить даже малую часть этих смыслов, однако полезно иметь в виду саму возможность их существования.

Пасхальные обряды знаменуют собой возрождение народа вследствие освобождения евреев из египетского плена (Исх.12). Перед уходом они, согласно библейскому преданию, совершили искупительные обряды с принесением ягненка. Его кровью отметили косяки домов, чтобы избежать карающей египтян руки губителя («песах» означает «прохождение мимо»). Пасха – праздник многозначный, объединяющий всех и проводившийся в каждой семье. Его весенняя приуроченность – один из признаков старых пастушеских традиций, время рождения, искупления, обновления жизни.

Пасхального ягненка или козленка предписывалось испечь на огне целиком, с головой и внутренностями, и так есть, а остатки сжечь. Кости ломать запрещалось (Числа,

9.12). Памятуя пасхальное жертвоприношение, не перебили голени у распятого Иисуса Христа, Агнца Божия (Иоан., 19, 33).

Особенности ритуала имеют древнейшие корни; сохранение костей целыми – знак возрождения. Во множестве традиций по всему миру с целью обновления жизни людей и животных после смерти сохранение костей считалось необходимым (Антонова, 1990, С. 96).

Обратимся к другим погребальным контекстам. В цисте № 3790 козленок возрастом до года лежал в традиционной позе на правом боку головой на север. Перед его черепом находилась каменная колонка, у основания которой «стоял кубок на ножке и еще пять сосудов». За спиной лежало два овальных камня неясного назначения и глиняный сосуд, у передних ног – бараний астрагал (Дубова, 2012, С. 119). Этот комплекс – один из указывающих на назначение колонок, около которых (или на которых – см. погребение № 18) располагались сосуды.

Еще яснее указание на назначение колонок, но в данном случае и на смысл захоронения животного, дает циста 3310. Она разделена перегородкой на две части (Дубова, 2012, С. 117). В западной на специальном земляном возвышении на правом боку лежал ягненок, под шеей которого была положенная на бок колонка. Вряд ли и здесь избрание вида «подголовника» случайно.

В этой же части цисты на полу лежала в обычном скорченном положении женщина 50-60 лет. В одном из углов вмазан «крупный сосуд, наполовину заполненный пережженными костями барана», по определению Р. Сатаева, молодого и сожженного в другом месте (Там же). Около ног барана стояли глиняные и бронзовые сосуды и бронзовый секач со сломанной ручкой, а также кости барана и козы, по мнению Н.А. Дубовой, от жертвенной пищи. (Во многих традициях сломанное орудие убийства было знаком жертвоприношения).

Погребение № 3310 относится к богатым и значимым в ритуальном отношении. Над погребением ягненка лежала стеатитовая шкатулка с инкрустациями. Для вещей, указывающих на ритуальные действия, предназначалась вторая камера. Здесь на возвы-

пении стоял сосуд с отверстиями в дне, как пишет Н.А. Дубова, для изготовления ритуального питья. На стенке сосуда процарапано дерево со стоящими по сторонам на задних ногах козлами – излюбленный мотив на юге Туркменистана, как и во всей Передней Азии еще с энеолита. Вокруг этого сосуда стояло девять других. Перед нами – свидетельство совершения заупокойного ритуала, в котором, вероятно, употребляли и какие-то напитки, и пищу (здесь найдены бараньи ребра).

Здесь же найдены остатки «игральной доски» с инкрустациями из слоновой кости и другие особые вещи из того же материала. Бронзовое ситечко и воронка, возможно, использовались вместе с вышеупомянутыми глиняными сосудами. Особого упоминания заслуживает серебряная «сигнальная труба». Н.А. Дубова отмечает, что некоторые приношения в этом захоронении подобны найденным в погребениях мужчин-воинов (№№ 2900 и 3280).

Итак, в погребении № 3310 находятся останки предположительно жертвенного ягненка-заместителя, вероятно, сопровождающая его пожилая женщина и вещи, указывающие на совершение заупокойных обрядов с возлиянием каких-то напитков. Примечательно наличие здесь «игральной доски», подобные которой найдены и в других захоронениях (о ритуальном назначении игр см., в частности: Пандей, 1982. С.11). Все в целом указывает на высокий (воинский?) социальный статус погребенного, ритуальным заместителем которого был ягненок.

Значительным для интерпретации погребений животных был комплекс на сей раз с захоронением человека. Он находился в одной из самых богатых многокомнатных гробниц «царского» некрополя, № 3220 (Сарианиди, 2006, С. 168 сл.). В основном захоронении (всего было четыре камеры) обнаружены останки человека; его голова находилась на каменной фигурке лежащего на подогнутых ногах длинноногого барана.

Напомним, что в погребении № 3310 шея главного захороненного, ягненка, лежала на каменной колонке. В погребении № 3220 на том же месте находится фигурка барана. Может ли назначение колонки, т.е. алтаря, а это

назначение весьма вероятно, и фигурки барана, быть сходным или идентичным, если оба эти предмета служили опорами останков умерших? Вряд ли такие предметы избирали случайно. Возможно, как колонка, так и фигурка барана – ритуальные вещи, посредники, при помощи которых жертвы (в данном случае человек и баран-заместитель) отправлялись на Тот свет.

Баран под головой умершего – счастливая находка и для прояснения еще одного вида их останков. Дело в том, что в захоронениях и людей, и баранов в непосредственной близости от них, около верхних частей или под ногами, в нескольких погребениях найдены костяки ягнят (примеры №№ 3124, 3130, 2900, 3245, 3155 (Сарианиди, 2006, С. 187-191). Каменный баран-подголовник – это посредник, как и колонка-алтарь, предположительно – указание на назначение ягнят при взрослых особях или людях. Они предназначались для обеспечения пути и помощи на Том свете.

Подтверждения этому – представления о том, что животные, принесенные в жертву одновременно со смертью человека или незадолго до нее, должны были помочь ему в загробной жизни (см., например, в Средней Азии – Антонова, 1984, С. 112-113 – и в Индии согласно ведическим традициям – Пандей, 1982, С. 198 сл.).

Особый интерес представляет парное погребение взрослых баранов № 3130 (Дубова, 2012, С. 118-119). В этой цисте сосудов было относительно немного – 8 глиняных и 2 бронзовых. Бараны лежали «лицом друг к другу», головами на северо-запад. За спиной северного барана головой на юго-восток был помещен ягненок. Именно при этом северном баране, также за его спиной, находились самые примечательные вещи. Это два своеобразных меча (по описанию Н.А.Дубовой, «...так называемых «гарпуна», а точнее бронзовых жезла – символов власти: один размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом»). Они были тщательно завернуты в ткань. Здесь же был косметический флакон с аппликатором, большой кинжал и зеркало. На бронзовых вещах лежали три куска мяса молодого верблюда. Гораздо более скромным был инвентарь южного барана: у таза бронзовая булава, у

ног, как и у северного, множество бронзовых, сердоликовых и гипсовых бусин. Кроме того, в цисте найдено три кремневых наконечника стрел и «игральная доска».

В погребении № 3130 примечателен возраст баранов – это не ягнята, как в других случаях, а взрослые животные. Лежащие около них вещи как по набору, так и по количеству существенно различаются. Это можно рассматривать как свидетельство разного пола и/или социального статуса, вероятно, взрослых умерших, которых заменяли бараны. Судя по описанию, «северный баран» в той или иной мере имел отношение к основной части инвентаря и таким престижным вещам, как пресловутые «гарпуны» – они находились рядом с ним. Именно около него положен ягненок. Наконец, его напоследок угостили верблюжатиной, а не бараниной, как обычно было принято.

Если исходить из предположения о «заместительной» функции баранов, красноречивей этого захоронения трудно найти. Инвентарь предполагает разнополость тех людей, кого могли заменять животные, и их неравный социальный статус: мужчина явно занимал более высокое положение и скорее всего был воином, а женщина, добровольно или нет, сопровождала его на Тот свет.

В связи с этим вспомним погребение № 3310, где главным захороненным был ягненок, а около него лежала пожилая женщина. Инвентарь с воинскими признаками вряд ли предназначался ей. В обоих случаях женщина – лицо не главное, а скорее сопровождающее.

Итак, молодые животные в тех случаях, когда они не представляли основное захоронение, а находились рядом с погребениями взрослых людей или баранов, возможно, были сопровождающими на Тот свет людей, в том числе лиц особого статуса (на него указывает обилие воинских, а также чужеземных вещей). Они могли принадлежать элите, часть которой составляли воины и/или торговцы.

Прежде речь шла о погребениях, в которых животные занимали центральное место. Сейчас следует обратиться к неоднократно опубликованной цисте 2900, где похоронена также пара, но на сей раз не баранов, а людей (Сарианиди, 2006, С. 187 сл.; Дубова, 2012,

С. 113). Мужчина и женщина около 60 лет лежали на правом боку головами на север. У двух стен было более 20 сосудов. Под тазом мужчины находился ягненок. Сопровождающий инвентарь особенно богат и разнообразен тоже около скелета мужчины: украшения и детали одежды из серебра и фаянса, шкатулка из слоновой кости, металлические сосуды, набор металлических вещей разного назначения. «Импортное» происхождение многих очевидно или вероятно. У ног находились предметы вооружения – 31 кремневый наконечник стрел, бронзовый наконечник копья, рубящее орудие («секач»), два медных навершия булав. Женский костяк не отмечен обилием вещей. В публикации обращено внимание на один предмет неизвестного назначения в форме «лесенки», который в изданиях материалов раскопок именуется «погоном» (возможно ли пребывание на Гонуре «женских батальонов» или каких-то амазонок? Скорее можно полагать, что это какое-то украшение или его деталь. Подобные, но гораздо более изощренные изделия – ожерелья обнаружены в Аварисе). Редкая находка – каменная женская составная статуэтка, положенная в лепной необожженный расписной сосуд, обнаружена в этом погребении.

За пределами погребения за восточной его стенкой найдено захоронение нескольких животных: двух баранов, помещенных лицом друг к другу; за каждым – по ягненку (тоже ритуальные «проводники?»), у ног баранов – по собаке. Все они лежали на слое зерен пшеницы и ячменя толщиной около 10 см (Дубова, 2004, С. 257). Его сходство с захоронениями в гиксосской столице Аварисе сразу привлекло внимание (Дубова, 2004, С.258). Сходство настолько велико, что автор настоящей статьи рискнул предположить, что гиксосы были в числе обитателей Гонура, где некоторых из них настигала смерть (Антонова, 2013, С. 56).

Может возникнуть вопрос: почему в основном погребении бывают и взрослые, и молодые бараны? Ответить на это трудно, если вообще возможно. Не зависело ли это от возраста людей, которых они замещали? Как говорилось выше, по библейским установлениям в жертву приносили ягнят и козлят. Но Аврааму вместо сына, которого он был готов

принести в жертву, был послан баран (Быт. 22. 13). Впрочем, аналогии из библейской традиции вряд ли могут в этом случае помочь.

Погребения не только баранов, но и людей далеки от единообразия, причем не только по признаку качества инвентаря. Такая вариативность свойственна обществам, где формы обрядовой деятельности не были жестко кодифицированы. Они могли зависеть от разных обстоятельств в более или менее широких пределах. Быть может, накопление данных позволит наметить, корреляцию, например, между возрастом животных и другими признаками (социальный статус, пол погребенного человека и его предполагаемого «заместителя», принадлежность к разным культурным традициям, т.к. население не было однородным, и т.д.).

Погребения – сложные по составу комплексы. В них важное место занимает инвентарь. Естественно, ему уделяется большое внимание. В связи с этим уместен вопрос: кому предназначались вещи, находимые с умершими? Распространенная среди археологов точка зрения – самим погребенным: в самом деле, ведь с ними и положены вещи. Но так ли это? Как сказал Козьма Прутков: «Антонов есть огонь, но нет того закону, чтобы огонь всегда принадлежал Антону». Тем, что предстает перед глазами археолога, вещи и их комплексы, вряд ли можно ограничивать их осмысление, хотя обнаружившие их и могут полагать, что вещи «говорят сами за себя».

В данном случае, как и во многих других, направляющую роль могут сыграть работы этнографов (этнологов). В чрезвычайно содержательной и полезной для археологов книге фольклориста и этнографа Е.С. Новик приводится пример из жизни нганасан. Конечно, не только они, но они в частности, знали три формы жертвоприношений. Это отдача доли съестного – корм, еда; принесение жизни собаки или оленя взамен человеческой; отправка жертвы-посланника с просьбой от человека (Новик, 1984, С.136). Подобные разновидности могут выявить и археологи, в том числе и исследователи БМАК: пища в погребениях; баран-заместитель (не исключено и какое-либо другое животное); вещи, которые могли предназначаться не только самому умершему;

жертвенные животные и вещи-посредники.

Умерший находился в разнообразных отношениях с обитателями двух миров – со своими живыми сородичами; с теми умершими родственниками, кто уже приобщился печальной обители до него, и с постоянными жителями Мира мертвых, духами и богами. Письменные и археологические памятники Древнего Востока содержат данные о том, как воплощались представления об отношениях умерших с обитателями разных миров (Антонова, 1990, С. 98-101, 113-115 и др.). Как полагают, в Месопотамии, письменные свидетельства которой известны наиболее полно, в инвентаре погребений был принадлежавший умершему: с ним помещали личные вещи (постоянно носимые украшения, печати, туалетные наборы, оружие). Ему были необходимы сосуды с пищей и питьем для себя и обитателей Того света. Наконец, он доставлял дары для его обитателей.

В захоронениях при погребении и около них, а также при совершении периодических и окказиональных ритуалов в Месопотамии делали ритуальные приношения, которые называли «киспум» (от глагола «касапу», означавшего «делить на куски»). Подобные обряды были приняты на Древнем Востоке повсеместно и делались не только при погребениях и поминаниях, но и в случае заключения разнообразных договоров.

На Гонуре обнаружены признаки заупокойных ритуалов в «царских» гробницах и около них. Их адресатами безусловно были умершие, но вероятно и другие обитатели Мира мертвых. Все, включая самого умершего, могли считаться участниками совместных пиршеств.

Можно ли обнаружить признаки представлений о том, каким рисовался Мир мертвых «маргушцам» и культурно близким им предшественникам и современникам на территории «Внешнего Ирана» (существование такого единства предполагал П. Амье)? В культуре этого региона благодаря историческим судьбам и торговле на далекие расстояния выделилась субкультура элиты, характеризовавшаяся теми же признаками, что определяют БМАК. Но продолжала бытовать и низовая культура с древними корнями и

многовековым будущим. Пришельцы из подгорной полосы Копетдага, «анаусцы», скорее всего и определяли в Маргиане того времени лицо этой стойкой субкультуры. Ее признаки не так бросаются в глаза, как замечательные вещи комплекса БМАК, возникшие благодаря деятельности и взаимодействиям ремесленников, торговцев и правителей Востока от Палестины до Инда.

Захоронения «анаусцев» небогаты, но все же достаточно информативны. В ряде случаев удается проследить тенденцию соблюдать северную ориентацию скорченных костяков. В них клали сосуды, скромные украшения, редко печати-штампы и фигурки покровителей в основном женского пола (Антонова, 1990, С. 94). Безусловно, от этих статуэток Намазга V происходили многочисленные фигурки с поверхности поселений Маргианы. Многие находки указывают на то, что люди БМАК, как и их предшественники, применяли их в семейных обрядах в жилищах, вероятно, по разным поводам. Они могли быть разнообразными по форме и простыми до примитивности: определенность внешнего облика не всегда считалась важной, поскольку сила воздействия определялась контекстами обрядов, в которых они участвовали вместе с людьми. Судя по находкам, им подносили угощение в маленьких сосудах. Свидетельства таких обрядов найдены в раскопе 16 Гонур Депе (Сарианиди Дубова, 2008, С. 36-38). Попытки реконструировать их конкретную семантику не имеют твердых оснований. Они принадлежали миру семейно-родовых покровителей.

Здесь еще раз хочется вспомнить незаслуженно забытые глиняные фигурки эпохи Намазга V с их прочерченными по сырой глине условными геометризованными знаками. Среди них центральное положение занимало схематичное, но вполне узнаваемое и явно доминирующее изображение растения, охватывавшее всю фигуру и поднимающееся из крупного треугольника – признака пола в нижней части. Сравнение композиции знаков на статуэтках с более ранними орнаментальными мотивами определяет их генезис и дает основание рассматривать их как своего рода космограммы (Антонова, 2011), в которых мир отождествлялся с мифическим существом

женского пола. Подобие такого образа можно видеть в ведической Адити, отождествлявшейся с Землей и Природой, матери богов-хранителей космического порядка (этих Адитьев, что примечательно, было семь или восемь – это числа, определяющие целостность мира). В то же время важно отметить вслед за Е.Ю. Березкиным, что «напряженность ритуальной жизни не имеет... прямого отношения к уровню развития религии и формированию культа определенных божеств. Система верований в период Намазга V и ранее представляла собой скорее всего обычное, универсально распространенное в догосударственных и отчасти в крестьянских обществах почитание предков... Подобный «пантеон» то сжимается до элементарной персонификации основных оппозиций мужского-женского, своего-чужого, то дробится на бесчисленное множество персонажей, с которыми почти сливаются и образы реально существовавших, недавно умерших сородичей» (Березкин, 1994, С. 33).

Такие фигурки семейно-родовых покровителей и отдельных их членов в анауских поселениях находят в жилищах и рядом с ними, в погребениях. Преимущество, поскольку продолжала существовать порождавшая их среда, прослеживается на Гонуре. Глиняные и каменные составные фигурки обнаружены в большом некрополе Гонура (Сарианиди, 2001, С. 48-51; см. также (Сарианиди, Дубова, 2008, С. 36-37). В «царском» некрополе Гонура в погр. № 3155 глиняная женская статуэтка находилась в руке молодой женщины (Сарианиди, 2006, С. 191). Здесь ясно указание на стремление защитить себя с помощью мифической женщины-покровительницы. Несколько каменных составных фигурок женщин или их фрагменты обнаружены на Гонуре. В погребении № 2900 — целая внутри лепого сосуда (Сарианиди, 2006. С. 187-188). Также целая найдена в изголовье женского погребения № 1799 на некрополе (Сарианиди, 2001, С. 50). Фрагменты составных статуэток встречены в погребениях №№ 3210 и 3230 (Сарианиди, 2006, С. 168). Такие составные статуэтки встречены в разных частях Переднего Востока (Вртанесян, 2012). Первые их образцы происходят из грабительских раскопок погребений в Афганистане. П. Амье определил

их генезис на основании сходства с изображениями эламских цариц первых веков 2 тыс. до н.э. Там они предназначались для храмов, а в Бактрии для погребений (Amiet, 1986, Р. 200). Там же их находят в Маргиане (Сарианиди, 1995; 2011).

Нахождение составных фигурок в центральной части Гонура, отмеченной признаками высокого статуса обитателей, не случайно. Элита неизбежно должна была связывать себя не только с семейно-родовыми коллективами, но и с целыми территориальными сообществами. Для утверждения своего статуса ей понадобились новые мифологические покровители. Сведения о более или менее далеких царствах должны были проникать и на края тогдашней ойкумены, поскольку торговые связи простирались почти по всей Передней Азии, где почитали могущественных богов.

Так сложилась ситуация, заставившая элиту «страны Маргуш», в которой местный компонент смешивался с пришлым, обратиться к чужим или только отчасти чужим образам. Уникальное свидетельство этого – фигурка из погребения на «царском» некрополе № 3200, которое было ограблено, но и после этого сохранило черты чрезвычайного богатства (Сарианиди, 2006, С. 158 сл.). Это необычное изображение женского существа сделано из золотой фольги, укрепленной на конической основе из несохранившихся материалов. На ее теле на металлических стерженьках-стеблях были укреплены гипсовые колосья пшеницы или ячменя, внизу – два также гипсовых плода (Там же. С. 160).

Изображение из этого погребения при всех объяснимых различиях напоминает статуэтки анауской культуры: женское существо – породительница и/или покровительница растений, в данном случае совершенно определенных – злаков. Не менее примечательно ее сходство с изображениями на месопотамских печатях аккадского времени (Антонова, 1990, С. 240).

Изображение из погребения № 3200 привлекло внимание В.Ю. Крюковой в статье «О гонурских тюльпанах» (Крюкова, 2012). В ней она обращается и к нескольким цилиндрическим печатям с некрополя Гонура. Центральный персонаж одной из них – богиня с цветущими

тюльпанами на теле и голове, сидящая над змеей. Перед ней и чуть выше – козел с поджатыми ногами на некоем возвышении, которое В.Ю. Крюкова толкует как травяную подстилку на жертвенном столе; таким образом, он изображает жертву. «Маркером принадлежности богини сфере земли служит помещенная под нее змея» (Крюкова, 2012, С. 224). Итак, богиня так или иначе связана с землей.

Изображенный таким образом козел, как и богиня с растениями, не единожды встречаются на печатях с территории Внешнего Ирана. Подобные им, как отмечает В.Ю. Крюкова со ссылкой на П. Амье, происходят из Шахдада и, добавим, из Тепе Яхья (Amiet, 1986, Р. 299). Обитатели Внешнего Ирана, как он установил, создали своеобразную культуру и свой изобразительный язык, общее для всех «койнэ». Обращение к реалиям с этой территории может помочь пониманию изображений на печатях с Гонура.

В.Ю. Крюкова обратилась не только к изображениям на печатях, но и к вещам из грабительских раскопок на территории Бактрии. Среди них – рельефное изображение на косметическом бронзовом флаконе, где передан совершаемый различными животными ритуал. Центральным его персонажем является козел (коза?), «который, как мы видели, на печатях играет роль скорее жертвенного животного» (Крюкова, 2012, С.225). Здесь ситуация иная. Оттолкнувшись от изображений тюльпанов в БМАК, В.Ю.Крюкова пришла к заключению, что носители этого комплекса, как и позднейшие обитатели этой территории, почитали богиню плодородия в пору цветения тюльпанов, т.е. весной (Там же).

Признавая это, мы попробуем двинуться несколько дальше. Рождающая растения богиня, как замечает В.Ю. Крюкова, – богиня земли. На печатях рядом с ней изображен козел в жертвенной позе. Богиня – подательница растений/жизни, выступает по-видимому и как принимающая жертвы, в данном случае баранов. Все это позволяет видеть в ней владычицу Мира мертвых, но она же рождает растения. Таким образом, она связана не только со смертью, но и с жизнью. Такая двойственность, амбивалентность, присуща представлениям о богах не только на Древнем Востоке.

Положение – скорченное на боку с поджатыми ногами, в котором находятся козлы, не может рассматриваться как отражение наблюдений за реальным поведением животных. Безусловно, это результат целенаправленного отбора визуальных впечатлений. В III–II тыс. до н.э. на Востоке изобразительные мотивы были стереотипизированы и ориентированы на обряд и миф (в этой сфере, конечно, в разных культурных регионах была специфика). Образ мира обобщен. Жизнедающий центр – мифологизированное растение, благодать которого воспринимают предстоящие перед ним мелкие копытные. Из того, что они обычно имеют облик козлов, не следует, что животных именно этого вида обычно приносили в жертву. Напротив, такими были бараны и овцы. Козлы же обладали свойствами, более соответствующими их положению около космического растения.

Итак, поджатые ноги животного (или животных) указывают на то, что оно – жертвенное. Вероятно, перед закланием их ноги связывали (при принесении их могли обездвиживать и другими способами: вспомним металлические орудия в позвоночниках нескольких погребенных баранов).

Здесь хотелось бы обратиться к аналогии, быть может, не такой отдаленной. Лежащий с поджатыми ногами олень – один из ключевых образов изобразительного искусства и

мировосприятия скифов, ему посвящены многие исследования. Согласно одной из гипотез, олени и другие копытные символизировали мир смертных созданий, воплощенных «в облике не плотоядных, то есть несущих смерть (хищников – Е.А.), а рождающихся и умирающих зверей» (Раевский, Кулланда, Погребова, 2013, С. 78).

Вывод напрашивается: погребальный обряд людей и их ритуальных заместителей в «стране Маргуш» был направлен не на смерть, а на продолжение жизни, на возрождение. Поэтому их воспринимали как жертвы Земле. Позы тех и других, их ориентировка, сопровождающие обряды и вещи – явное тому свидетельство. Это – старая и прочная традиция. Она знакома и нам. А.С. Пушкин писал, что Е. Онегин, не застав дяди живым, «Его нашел уж на столе / Как дань, готовую земле» (Евгений Онегин, LII). Стол – место поддерживающей жизнь пищи, в символической перспективе – алтарь и последнее ложе умершего в доме перед уходом в вечную обитель.

Итак, анализ погребений баранов привел к выводу о целях отправления «маргушцами» этих заместителей людей в стихию земли, поглощающую, но и дающую новую жизнь. Люди и животные в погребениях и, вероятно, других ритуальных контекстах – не конечные «адресаты» ритуалов. За ними стояли могущественные божественные силы.

Литература

1. Абдуллаев А.А. К атрибуции «каменных колонок» в Бактрии и Маргиане в эпоху бронзы // На пути открытия цивилизации. М., 2010.
2. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
3. Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
4. Антонова Е.В. История ритуального предмета в контексте контактов народов древнего Востока // По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999.
5. Антонова Е.В. К интерпретации вещественных источников: синхрония и диахрония // ВДИ. 2011, 4.
6. Антонова Е.В. Бактрийско-маргианский археологический комплекс в контексте взаимодействий сообществ Передней Азии // КСИА. Вып. 230. М., 2013.
7. Березкин Ю.Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // ВДИ. 1994. 3.
8. Вртанесян Г.С. Составные статуэтки эпохи бронзы // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М., 2012.
9. Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации / Ред. Косарев М.Ф., Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008.
10. Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экс-

- педиции. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2011 гг. М., 2012.
11. Крюкова В.Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. М., 2012.
 12. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М., 1984.
 13. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М., 1982.
 14. Раевский Д.С., Куланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.
 15. Сарияниди В.И. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. 1995. № 1. С. 75-79.
 16. Сарияниди В.И. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Маргианы и Бактрии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн.1. Челябинск, 1995.
 17. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
 18. Сарияниди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2.
 19. Сарияниди В.И. Каменные составные статуэтки в Маргиане // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб.– Великий Новгород: 2011. Т. 2. С. 276-277.
 20. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008.
 21. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 г. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М., 2012.
 22. Толковая Библия – Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т.1. СПб., 1904-1907.
 23. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. P., 1986.

Погребения собак на «царском некрополе» Гонура

Весной 2011 г. к востоку от «царской» гробницы 3235 (раскоп 8) было вскрыто несколько ямных погребений, которые вызвали большой интерес. В первую очередь это было обусловлено тем, что целый ряд из них представляли собой самостоятельные могилы собак. Особо выделялось погребение, получившее порядковый номер 4065, где находились остатки семи последовательно уложенных туш этих животных. Нужно отметить, что в 2004 г. когда проводилась расчистка царских могил и поиски других элитарных захоронений, никаких дополнительных, кроме уже зафиксированных, контуров могильных ям на этой территории выявить не удалось. И лишь весной 2011 г., в результате не прекращавшихся поисков, а также за счет развеивания и размыва верхних слоев грунта на обсуждаемом участке, здесь было найдено несколько новых ямных могил.

Рядом с могилой 4065 находились человеческие погребения (№№ 4068, 4072) и могилы с костями других животных (№№ 4069, 4071). К югу от этого скопления, приблизительно в 10 м к востоку от другой царской гробницы (№ 3220) было раскопано еще несколько подобных же сооружений (№№ 4073-4077, 4079-4083). Далее на юг (в 15 м к юго-востоку от гробницы 3915, устроенной за пределами обводной стены), осенью того же года обнаружено и третье сходное сосредоточение как пустых, так содержащих останки животных (в большинстве своем собак) ямных могил (№№ 3886, 3888, 4085-4099; 4100-4102; 4116-4120). Расположение этих погребальных комплексов на окраине царского некрополя, группировка могил животных с кенотафами

(№№ 4092, 4118-4120) и с пустыми, но для чего-то приготовленными ямами (№№ 4074, 4079, 4980, 4083, 4084, 4089, 4093, 4094, 4102), а также ямами, содержащими разрозненные кости МРС и КРС (№№ 4071, 4078, 4081, 4082, 4085-4088, 4090, 4098, 4100, 4101, 4107), бесспорно, не могло быть случайным. Надо упомянуть еще семь человеческих погребений (также в ямах), устроенных в первом (к востоку от 3235) и третьем (к юго-востоку от 3915) скоплениях, а также две достаточно глубокие ямы, напоминающие верхние части колодцев (3330 и 3331), где были найдены нижние конечности ослов (рис. 1). Краткое упоминание об этих захоронениях, правда, в контексте общего обзора погребений животных на Гонуре, уже было опубликовано (Дубова, 2012; Сараниди, Дубова, 2015; Sataev, 2014). Поскольку никаких аналогий подобным скоплениям могил в литературе пока не было описано, нам представилось важным дать подробное описание выявленных сооружений и костных останков в них. Учитывая значительный объем общей информации и обычно придаваемое особое значение захоронениям собак, задачей данной статьи мы поставили описание только их погребений.

Мы считаем, что они являются отражением существования у населения неких традиций, предполагавших использование в погребальном обряде животных (целых туш или дериватов), среди которых важное место занимали собаки.

Всего к настоящему времени на Гонуре выявлено 40 только самостоятельных погребений животных. Из них почти половину (19 могил) составляют погребения баранов. На втором месте по численности (16 могил) нахо-

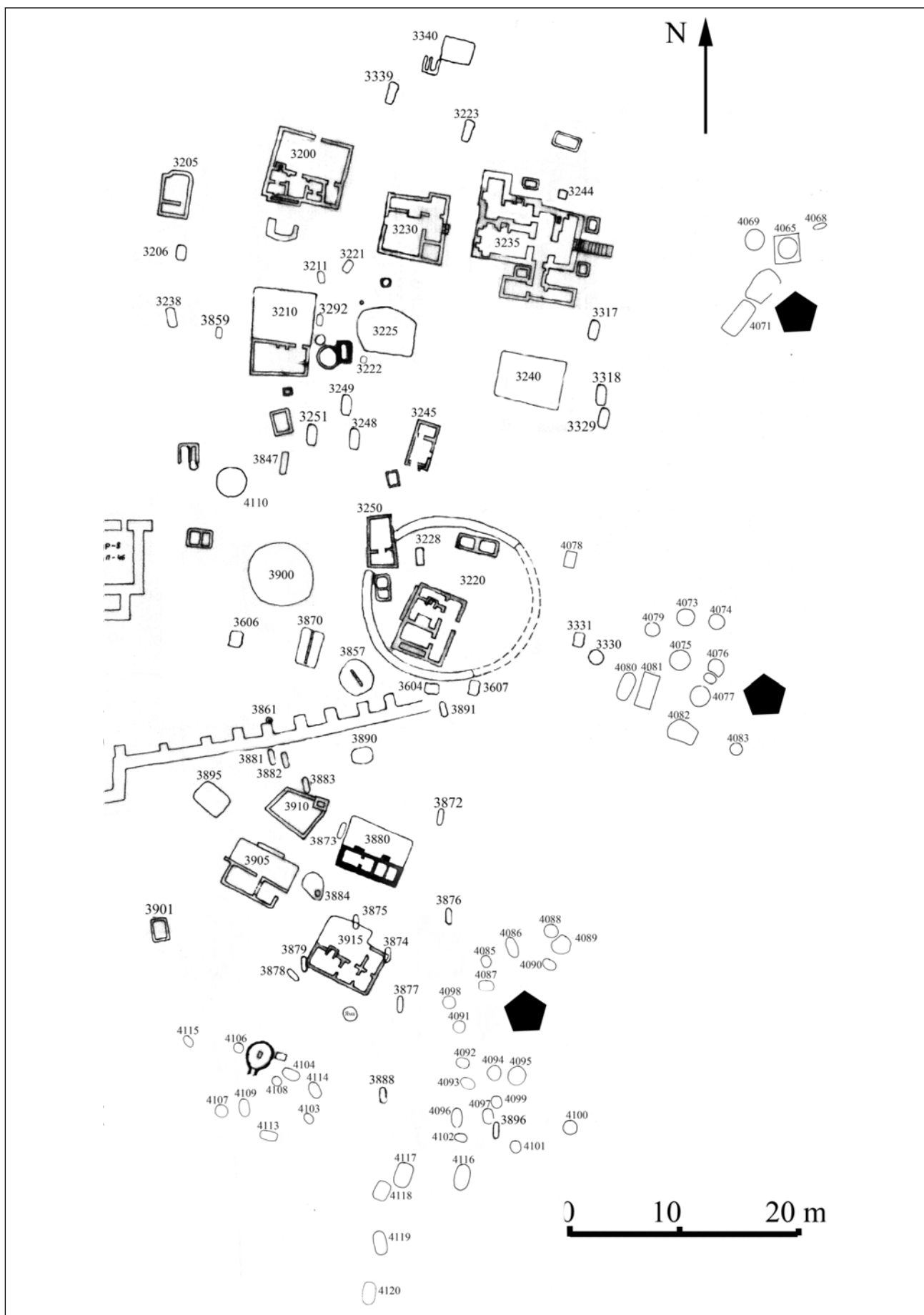


Рис. 1. Схема «царского некрополя» Гонура. 2011 г.
 Многоугольниками отмечены три группы погребений животных и пустых ям.

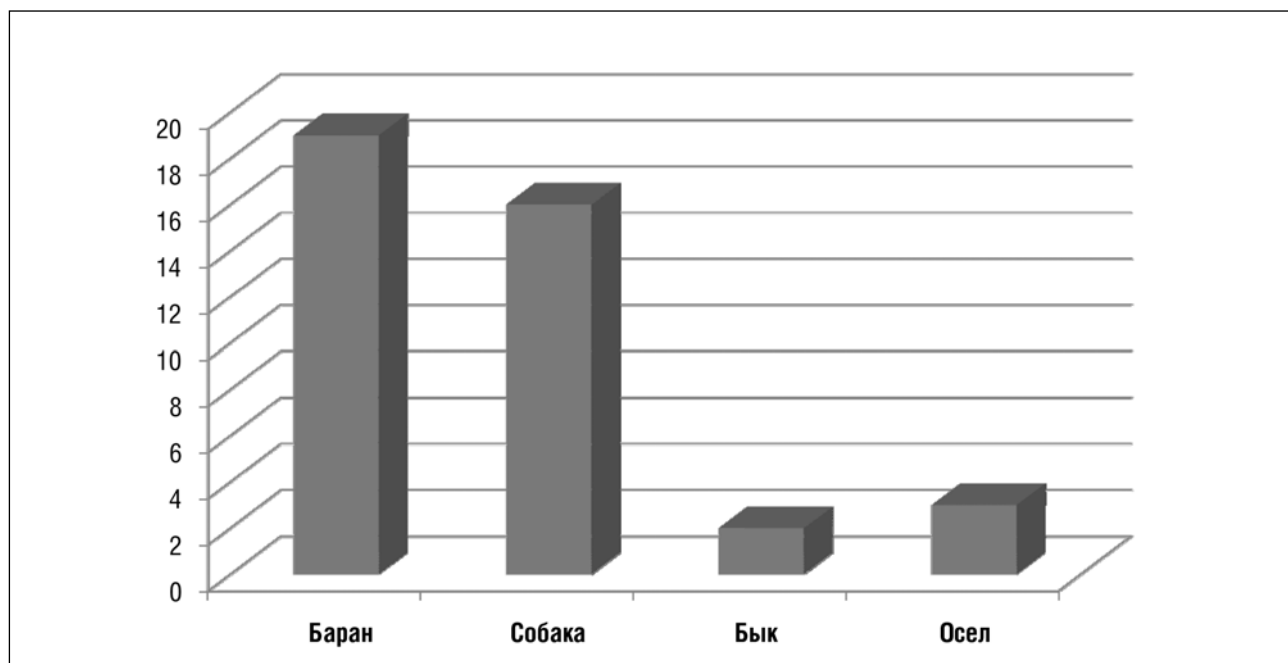


Рис. 2. Численность погребений отдельных туш животных разных видов на Гонур-депе.

дятся собаки (рис. 2). Характерно, что семь из них устроены на царском некрополе.

На памятнике встречены и изображения этого животного, в основном, глиняные фигурки. Кроме того, собака фигурирует в составе композиции на булле с отпечатком цилиндрической печати (рис. 3). Виктор Иванович Сарияниди считал, что собака занимала почетное, но вместе с тем двойственное место в верованиях маргушцев. Он полагал, что, «если обобщить все имеющиеся прямые археологические факты и наблюдения о погребальных обрядах Маргианы, то здесь... можно увидеть корни главных зороастрийских ритуалов, как они зафиксированы в священных книгах Авесте и, отчасти Ригведе» (Сарияниди, 2001. С. 44). Придерживаясь этой точки зрения, он неоднократно обращался к представлениям, существующим в зороастризме. Согласно им, собаку не почитали, но считали, что она создана из земли подобно человеку, а ее смерть, как и смерть человека, обладала высокой оскверняющей силой. Он писал: «За ее членовредительство и за убийство [собаки] полагалась едва ли не смерть самого человека. Установлено, что кормление собаки, в том числе ритуальное, имеет в зороастризме большое значение: «пища, данная собаке, предназначается для душ умерших родственников и близких». Точно также общеизвестно, что без собаки не совершалось ни одного погребения умершего зороастрийца (обряд *sagdid*).

Но, с другой стороны, к ней относились как к низшему существу. Авеста говорит о собаке: «Угодливая как раб, коварная, как раб... В этом она как раб. Ждущая темноты как вор, промышляющая ночью как вор, вслепую хватающая пищу как вор, ненадежная как вор... Угодливая как потаскуха, коварная как потаскуха... В этом она как потаскуха» (Рак, 1998. С. 289). Иначе говоря, к собакам зороастрий-



Рис. 3. Оттиск цилиндрической печати на одной из сторон глиняной буллы (5,9 × 3,0 × 2,3 см) из пом. № 591 Южного Гонура (Теменоса). По обеим сторонам буллы повторяется оттиск одной и той же цилиндрической печати, изображающей стоящую голую женскую фигуру с поднятыми руками. Перед женщиной стоит собака(?), что-то держащая во рту. За собакой(?) стоит двугорбый верблюд. Между женской фигурой и собакой(?) присутствует фаллический символ. По бокам буллы оттиснута основная поверхность цилиндра, изображающая трех орлов в «геральдической позе» (по: Sarianidi, 1998. P. 319. N 1761.1).

цы относились, как современные индусы к касте «неприкасаемых» – без них не может обойтись ни одно человеческое погребение, в то же время «неприкасаемые» в Индии – одна из низших каст» (Сарианиди, 2010. С. 67-68).

Первым было обнаружено упомянутое выше погребение 4065. Оно располагалось в 15 м к востоку от царской гробницы 3235 (I группа погребений на востоке царского некрополя). Групповое захоронение собак вскрыто на глубине около 10 см от древней дневной поверхности. Могильная яма имеет подпрямоугольную форму с неровным контуром (борта ямы оплывшие, в том числе и, как указывалось, из-за песчаного грунта), размером 1,5 × 1,0 м. Всего в погребении находилось семь скелетов собак, принадлежащих четырем взрослым особям и трем животным до года. Приведенная ниже нумерация скелетов соответствует порядку их изучения. Целостность скелетов различная. Сохранность костей, преимущественно, средняя. Кости хрупкие (хотя встречаются «рыхлые» – крошащиеся в руках), в основном, светлоокрашенные (белые, охристые), местами пятнистые (покрыты мелкими темными пятнами) (рис. 4).

Собака I лежит головой на ЮВ на левом боку. Скелет почти полной комплектности, принадлежит самцу (на черепе хорошо развит сагиттальный гребень, обнаружен фрагмент бакулюма¹). Относительно позы животного, стоит отметить, что тело (осевой скелет) вытянуто вдоль своей длиной оси (шея прямая), а конечности, вплоть до кистей и стоп максимально выпрямлены, т.е. располагаются почти перпендикулярно осевому скелету. При этом правые и левые конечности приведены друг к другу. Такое положение тела, чаще всего, приобретает в результате быстрой гибели животного. Хотя стертость резцов и клыков собаки соответствует возрасту в 10 лет и старше, лобный шов полностью не зарос (младше 7 лет), поэтому, животному, вероятнее всего, было не более 6 лет. Сильная стертость зубов, по-видимому, обусловлена преобладанием в рационе костей,

что подтверждает наличие на резцах и щечных зубах многочисленных микросколов и каверн (наш опыт показывает, что при таком рационе зубы могли стираться почти в два раза быстрее, чем обычно). Поверх шейного отдела этого животного, почти перпендикулярно ему, располагается поясничный отдел собаки II. Длинные кости задних конечностей (бедренные, большие и малые берцовые) частично лежат под со-



Рис. 4. Фото во время обнаружения и прорисовка в процессе разборки погр. 4065. Рис. Р. Сатаева.
Условные обозначения: I – VII номера скелетов собак в порядке их описания.

¹ Бакулюм (лат. *baculum* – палка, посох; также: *os priapi*, *os penis*) – кость в соединительной ткани полового члена. В разной степени развития обнаружена у 5 отрядов млекопитающих: насекомоядных, летучих мышей, грызунов, хищных и большинства приматов (за исключением некоторых мартишковых, долгопятов и человека)

баками III и VII, а область заплюсны находится под собакой VII.

Собака II лежит головой на ЮЗ на левом боку. Скелет принадлежит самке, в возрасте от 2 до 4 лет. Обращает на себя внимание поза животного. Шея собаки круто выгнута вверх почти под прямым углом к грудному отделу. Вероятнее всего, собаке сломали шею, возможно, при удушении. Передние конечности согнуты в локтевом суставе, поэтому если плечо почти перпендикулярно отходит от тела, то предплечья дистальными отделами направлены вперед. Задние конечности вытянуты назад. При этом правые и левые конечности плечевого и тазового отделов сведены вместе. Передние конечности располагаются под собакой III, задние – поверх грудной клетки собаки I и черепа собаки V.

Собака III лежит головой на север, на правом боку. Череп и первые два шейных позвонка отсутствуют. Поскольку, никаких фрагментов черепа или нижней челюсти обнаружено не было, нельзя исключать, что голова была предварительно удалена (захоронена в другом месте?). Шея животного круто выгнута вниз, положение конечностей, как при движении. Грудная клетка перекрывает череп и переднюю часть скелета собаки V. Возраст животного старше 2 лет (все эпифизы и головки позвонков приросли).

Собака IV лежит на левом боку, головой на С-З, в основном под собакой III. Голова животного приподнята (шея изогнута вверх и вперед), конечности вытянуты перпендикулярно телу. Лицевой отдел черепа сильно разрушен. Лобные кости вдавлены под теменные, при

этом края излома крайне неровные – «заноэчатые», что позволяет говорить, что это не результат постмортального разрушения (в этом случае края изломов, обычно ровные, плавные). По всей видимости, собака была убита ударом тяжелого предмета в лоб. Возраст животного около 7 месяцев (эпифизы фаланг и метаподий приросли, плечевой кости нет).

Собака V лежит на животе с уклоном на правый бок по пологой дуге (конечности располагаются под телом), головой на ЮВ. Череп ориентирован базальной стороной вниз и располагается под дистальной частью левого предплечья собаки II (которая, в свою очередь находится под грудной клеткой собаки III). В основном, скелет залегает под остатками собак II и VII. Возраст животного около 7 месяцев (эпифизы фаланг и метаподий приросли, плечевой кости нет).

Собака VI лежит на правом боку (несколько западая на живот), головой на запад. Череп сильно наклонен назальной частью вниз, вдавлен в грудную клетку (лопатки упираются в затылок), позвоночник дугообразно изогнут, конечности подведены под тело. По всей видимости, животное находилось в скорченном положении. Большая часть скелета располагается под собакой II, передние конечности – под собакой V. Скелет принадлежит самцу, возраст животного оценивается в интервале от 2 до 4 лет (рис. 5).

Собака VII лежит на правом боку, головой на юг. Череп не сохранился, обнаружены лишь фрагменты черепной коробки, верхней челюсти и обломки зубов. Нижняя челюсть представлена зубным рядом левой ветви. Шея животного

Таблица 1

Поло-возрастные характеристики собак из погр. 4065 и возможные способы их умерщвления.

№ животного	Пол	Возраст	Возможный способ умерщвления
I	♂	≈ 6 лет	?
II	♀	2-4 года	Удушение
III	?	2 года	Голова предварительно удалена
IV	?	7 месяцев	Удар тяжелого предмета в лоб
V	?	7 месяцев	?
VI	♂	2-4 года	?
VII	?	4-5 месяцев	?



Рис. 5. Позвоночный столб и таз осла в погр. 4065 после расчистки

вытянута вперед, грудной и поясничный отдел дугообразно изогнуты. Правые и левые конечности сведены вместе. Плечо направлено вниз, предплечья и нижние отделы – вперед. Бедрa отведены назад, голень и стопа смотрят вперед. Возраст животного 4–5 месяцев (не приросли проксимальные эпифизы фаланг).

В центре погребения, непосредственно под скелетами собак I, III, V, VI залегают части позвоночного столба и таз осла (рис. 5). На уровень черепа собаки V выступает изолированный атлант, под ним располагается 3-й шейный позвонок, другие шейные позвонки отсутствуют. Рядом с позвонком обнаружен фрагмент ребра. От грудного отдела сохранились передняя часть, включающая сочлененные в анатомическом порядке 12 позвонков (с 1-го по 12-й), и задняя часть с 15-го по 19-й позвонок сочлененные с тремя первыми поясничными позвонками (13-й и 14-й грудные позвонки отсутствуют). Передняя часть грудного отдела лежит на вентральной стороне, субгоризонтально, краниальной стороной на СВ. Первые три позвонка задраны вверх под углом 30° . В сочленении с позвоночником сохранились фрагменты трех ребер (3-е, 4-е левые и 9-е правое), обломанные в верхней трети. Задняя часть грудного отдела с первыми поясничными позвонками лежит на правой стороне, краниальной стороной на север, под углом 35° к горизонтали. Описанные выше части позвоночника располагаются относительно друг друга почти перпендикулярно (под углом в 115°). Каудальная часть поясничного отдела (с 4-го по 6-й поясничные позвонки)

сочленены с крестцом, последний – с тазом. Сочлененная с тазом часть позвоночника лежит субгоризонтально (под углом около 15°), частично перекрывая часть позвоночника с последними грудными и первыми поясничными позвонками. Каудальная часть крестцового позвонка обломана. В сочленении с тазом выявлена головка правой бедренной кости. Изломы ребер и остистых отростков позвонков несут следы погрызов собакой. Принимая во внимание характер залегания остатков, можно сделать заключение, что они еще до полного разрушения связок были помещены в неглубокую, с пологими бортами воронку.

Несколько ниже уровня костей осла обнаружена метатарзальная кость и фаланга человека, а под передними отделами скелетов собак V и VI выявлены части керамических сосудов, в том числе ножка вазы. Состав черепков и характер их расположения показывает, что они происходят от трех сосудов, и скорее всего, представляют собой, остатки подношений, помещенных в погребение, предшествующее захоронению собак. Также под черепом собаки V найдена левая ветвь нижней челюсти овцы.

Анализ взаимного положения скелетов собак показывает, что их туши были уложены в яму последовательно, в следующем порядке: VI, V, I, VII и IV, II, III. Обращает на себя внимание, что животные лежат в разных позах, без какой-либо явной системы взаимоположения тел или ориентации, и, по всей видимости, погибли от разных причин. Представляется наиболее вероятным, что собаки были помещены в яму не одновременно и уже после наступления трупного окоченения, чем объясняются их разнообразные, «причудливые» позы, большинство из которых сложно специально придать свежезабитым тушам. Заметим, что хотя время наступления трупного окоченения варьирует от массы животного, его физического состояния, температуры окружающей среды, в среднем, полное окоченение наступает через 12–24 часа, продолжаясь от 2-х до 4-х суток и, в первую очередь, окоченевают конечности (Жаров, 2001; Тагаев, 2003). К сравнению, позы собак, одновременно забитых и сброшенных в котлован 3900, устроенный в связи с похоронами лица высокого социального статуса, отнюдь не отличаются разнообразием (все они близки к таковой у собаки I

из обсуждаемого погребения). Поэтому можно предположить, что в погребение были помещены собаки, погибшие в разное время, и, возможно, не только или не столько в результате целенаправленного умерщвления.

Все собаки относятся к одному физическому типу, который мы условно называем, «пастьешским-сторожевым». Это сравнительно некрупные животные с хорошей профилировкой лба. Высота в холке у самцов достигала 50 – 60 см, у самок 40 – 50 см. По-видимому, представители этой группы собак были наиболее многочисленными на Гонуре, их остатки встречаются чаще всего. Можно предположить, что эти собаки охраняли стада и жилье. Обращает на себя внимание, что даже у сравнительно хорошо сохранившихся скелетов в наличии не более трех хвостовых позвонков. Учитывая тщательный разбор погребения, это может говорить о купировании хвостов у собак данного типа (у крупных, «бойцовых» сохранялись длинные хвосты), или об отрезании хвостов у убитых животных.

Очевидно, что остатки осли, обнаруженные под собаками, попали в яму значительно раньше. Следы целенаправленного расчленения туши на имеющихся в наличии костях не выявлены, т.е., по всей вероятности, они происходят от целой неразделанной туши. Поскольку почти на одном уровне с остатками осли были найдены кости человека, челюсть овцы и фрагменты разбитых керамических сосудов, возникает вопрос, как связаны они между собой. Представляется очевидным, что на месте захоронения собак ранее всего было устроено человеческое погребение, впоследствии разрушенное. Скорее всего, из него происходят керамические сосуды и челюсть овцы. При этом, остатки осли, судя по всему, попали в яму уже после того, как она была освобождена от прежнего содержимого (в первую очередь, от человеческих останков). К этой мысли склоняют следующие обстоятельства. Во-первых, сама могильная яма не очень большая (ее первоначальные размеры, до осыпания бортов, были еще менее указанных выше), чтобы кроме человека вместить еще тушу осли. Во-вторых, если предположить, что осел все же находился в человеческом погребении, то при его очистке сломать кости оказалось бы непросто (если их не раскалы-

вать целенаправленно), поскольку у скелета еще частично сохранялись связки (что демонстрирует наличие соединений между позвонками, ребрами, а также бедренной костью и тазом), т.е. скелет был сравнительно свежим, поэтому достать его из могилы по отдельным костям было сложно. Куда проще было вытащить его целиком. Добавим, что, поскольку обнаруженные здесь кости человека были потеряны при изъятии костяка, у скелета человека, по сравнению с остатками осли, связки уже полностью разложились, т.е. со времени погребения прошло более 5 лет (Тагаев, 2003).

В-третьих, остатки осли располагаются почти в центре ямы и при изъятии человеческих останков они просто бы мешали этому процессу, поэтому в лучшем случае они были бы сдвинуты в сторону. Конечно, можно предположить, что кости осли были сброшены обратно в могилу после того, как оттуда достали человеческие кости. Но в этом случае закономерно возникает вопрос, почему это было сделано столь избирательно, ведь других костей осли обнаружено не было. Вероятнее всего, остатки осли происходят от туши, разлагавшейся на открытом воздухе и объединенной собаками (выше упоминалось, что отдельные кости несут следы собачьих погрызов).

Нам представляется следующий порядок событий. Через какое-то время после погребения человека могила была вскрыта, и человеческие останки изъятые (не исключено, что с большей частью погребального инвентаря). По всей видимости, после этого яма оставалась открытой. Возможно, в санитарных целях туда были сброшены обглоданные кости осли, которые позже частично занесло песком. Нельзя полностью исключать и того, что туша осли могла играть и какую-то ритуальную роль. И в эту яму, освобожденную от костей человека, был сознательно уложен только позвоночный ствол с тазом. Возможно, это подтверждает нахождение (правда в отдалении, ближе к гробнице 3220) костей только конечностей этого животного (№№ 3330, 3331). Но можно утверждать однозначно, что собаки были помещены в яму не сразу, а только по прошествии некоторого времени. Заметим, что даже учитывая возможность разрушения слоя, покрывающего остатки собак под действием ветровой дефляции и эрозии, животные были погребены неглубоко.

Вероятно, что старая могильная яма ко времени устройства в ней захоронения собак, уже была сильно разрушена и частично засыпана (представляла собой неглубокую воронку с оплывшими бортами). Кроме того, дно первоначальной могилы фиксируется на глубине не более 40–45 см от верхнего края (глубже материковый песок), т.е. ее глубина сразу не превышала 50–60 см (если принять, что уровень дневной поверхности был выше).

Остаются открытыми два основных вопроса: для чего было вскрыто и очищено от человеческих костей первоначальное погребение, и с какой целью были захоронены собаки. Относительно первого вопроса, нужно отметить, что факт изъятия человеческих костей из могилы хорошо согласуется с данными В.И. Сарияниди, указывающими на распространение у населения Гонура практики устройства «временных» могил, когда человеческие останки через некоторое время из такого погребения изымались. Он отмечает, что «в Маргиане временные могилы были если не самой распространенной, то характерной чертой погребального обряда» (Сарияниди, 2001. С. 42). Насчет того, для чего из могил изымались человеческие кости, В.И. Сарияниди пишет: «Пока мы можем лишь предполагать варианты дальнейшей судьбы изъятых костей, которые могли перезахораниваться или просто ссыпаться в колодцы, как это практико-

валось в некоторых типах дахм» (Сарияниди, 2001. С. 43). Таким образом, можно предположить, что погребение, предшествующее захоронению собак, было «временной» могилой, и его разрушение никак не связано с последующим использованием оставшейся могильной ямы. Не исключено, что временные могилы были неглубокими, как в описываемом случае. Ко второму вопросу, касающемуся непосредственно захоронений собак, мы вернемся после завершения описания других подобных погребений «царского некрополя».

Погребение 4069. Данное захоронение собак находится всего в 30 см к ЮЗ от выше описанного, т.е. практически примыкает к нему. Остатки трех собак (от двух сохранились лишь отдельные кости) выявлены на глубине 50 см в круглой, расширяющейся книзу яме (верхний диаметр 145 см). До глубины 30–35 см стенки ямы обмазаны глиняным раствором. На древней дневной поверхности края ямы обозначены глиняным валиком шириной 15 см. В заполнении ямы встречаются фрагменты кирпичей из топки, по всей видимости, гончарной печи, о чем свидетельствует их сильная пористость и значительные зеленоватые натёки от расплавленной глины (рис. 6).

Почти в центре могилы располагаются части разрушенного скелета собаки. На своих местах сохранились череп с нижней челюстью, ряд позвонков шейного отдела позвоночника,

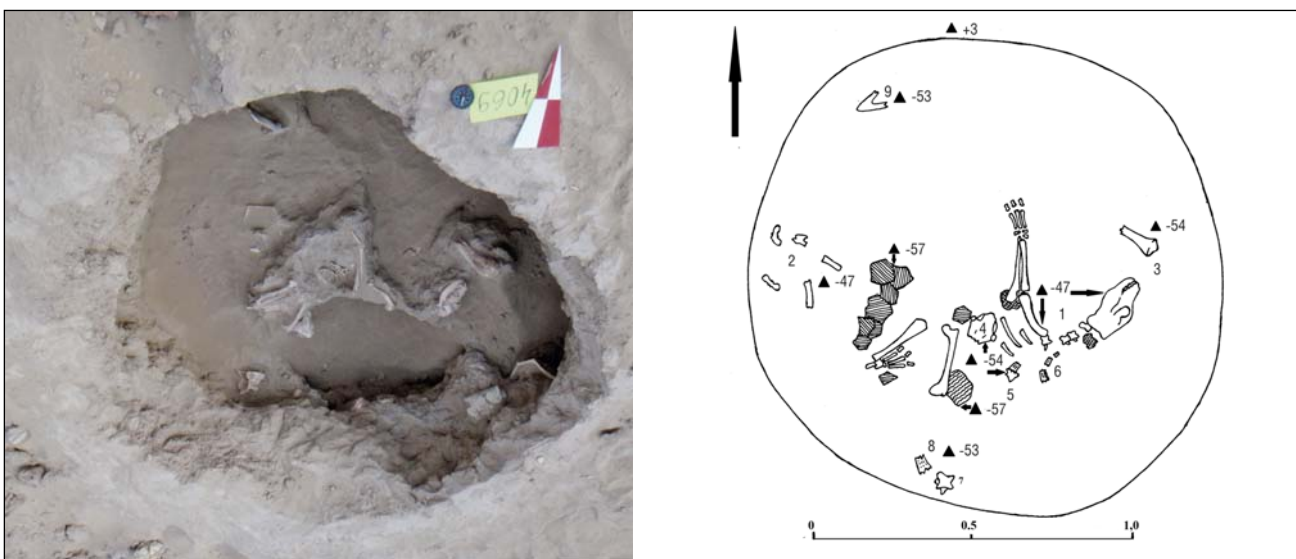


Рис. 6. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4069. Рис. Р. Сатаева.

Обозначения: 1 – разрушенный скелет взрослой собаки; 2 – остатки двух молодых собак; 3 – фрагмент большой берцовой кости человека; 4 – фрагмент черепа овцы; 5 – фрагмент черепа джейрана; 6 – фрагменты рогового стержня джейрана; 7 – позвонок КРС; 8 – фрагмент рогового стержня КРС; 9 – фрагмент нижней челюсти свиньи.

фрагменты правых ребер, правые элементы передних и задних конечностей: стилоподия (плечо – бедро), зейгоподия (предплечье – голень) и автоподия (кисть – стопа). Несколько выше уровня скелета, в заполнении, были найдены фрагменты левых ребер, левые бедренная кость и коленная чашечка. Лопатка и таз отсутствуют. Осевой скелет представлен лишь атлантом, третьим, четвертым, седьмым шейными позвонками и фрагментами ребер (4 правых, 9 левых). Позвонки других отделов не обнаружены. Анатомический порядок скелета нарушен. Череп лежит на правой стороне, направлением на восток, т.е. вероятнее всего туша укладывалась на правый бок, но говорить о позе, в которой находилось животное, представляется сложным. Можно лишь предположить, учитывая положение правой передней конечности, что конечности были максимально распрямлены и отведены от тела. Судя по размерам черепа (общая длина – 181,5 мм) и слабому развитию сагиттального гребня, скелет принадлежит самке собаки «пастушеского-сторожевого» типа. Обращает на себя внимание, что правый верхний и левый нижний клыки, часть верхних резцов (нижние резцы не сохранились) были прижизненно обломаны и частично затерты. Разной величины прижизненные сколы выявляются и на щечных зубах. Судя по степени стертости необломанного второго левого верхнего резца и четвертого премоляра возраст животного должен быть около 10 лет. Однако, учитывая рацион животного, в котором, несомненно, преобладали кости, реальный возраст может быть оценен в 6 лет (лобный шов полностью не зарос).

На периферии разрушенного скелета, ближе к западной стенке ямы, обнаружены единичные кости двух собак (2 атланта, эпистрофей, проксимальные отделы плечевой и лучевой кости с отпавшими эпифизами). Кости принадлежат молодым животным, не старше 6 месяцев.

В слое, подстилающем остатки собак, обнаружены проксимальная часть большой берцовой кости человека (кость выступает из грунта, покрывающего дно ямы, под углом в 45°, рядом с мордой собаки), фрагмент рогового стержня и шейный позвонок крупного рогатого скота, фрагмент черепа овцы и джейрана, роговой стержень джейрана и обломок нижней челю-

сти свиньи. Кости располагаются ближе к стенкам ямы. Также под скелетом собаки, глубже его на 10 см, выявлены слабые следы прокала, кусочки обожженной глины, фрагменты толстостенных светло- и красноглиняных сосудов. По всей видимости, и в этом случае для захоронения собак была использована могильная яма, оставшаяся после разрушения/разбора человеческого погребения (первоначальная глубина 60 см). После изъятия из могилы человеческих останков, дно ямы было занесено песком, на который уже укладывались туши животных. Нельзя полностью исключать, что дно присыпалось песком целенаправленно, но скорее всего это результат естественного процесса, поскольку поверхность слоя неровная, а его заполнение имеет разноориентированную слоистость, что лучше соответствует естественному накоплению слоя.

Остается неясным, из-за чего или в результате каких действий произошли нарушения первоначального порядка захоронения. Можно было бы предположить, что погребение собак стало жертвой «грабителей», что на Гонуре, в том числе на «царском некрополе», встречается достаточно часто. Однако, скелет собаки, лежащий в середине могилы, хотя частично и был разрушен, но не сдвинут с места. Обычно при «ограблении» кости (особенно находящиеся в центре) отбрасываются, сдвигаются к бортам. Сильнее всего разрушаются черепа. Возможно, что «грабители», вскрыв погребение и поняв его бесперспективность, не стали продолжать здесь свои поиски. Нам представляется более вероятным другое объяснение. Яма, по всей видимости, не засыпалась полностью, и остатки животных оказывались только присыпаны песком (слоем не более 10–20 см, приблизительно также как и в предыдущем погребении). Вполне очевидно, что такой покров плохо защищал захороненные туши от доступа к ним животных и действия атмосферных факторов. К тому же, при развевании грунта часть остатков могла временно выступать на поверхность, что собственно и объясняет, почему левая сторона скелета, по сравнению с правой, лежащей на грунте, оказалась почти полностью разрушенной.

Погребение 4073 – одно из группы могил к востоку от гробницы 3220 (II группа могил на востоке царского некрополя). Оно также

представляет собой самостоятельное захоронение собаки. Погребение устроено в круглой, расширяющейся в средней части яме (диаметр входа и дна – 150 см, диаметр площадки, на которой лежит скелет – 170 см). Скелет животного располагается на глубине около 50 см на слое песка, тогда как первоначальное дно фиксируется на глубине 75 см. На самом дне ямы, около южной стенки обнаружен череп свиньи и фрагменты костей МРС. Это указывает на то, что могильная яма была использована вторично. Несмотря на то, что человеческие останки (даже фрагментированные) здесь обнаружены не были, возможно, эта могила, как и ранее описанные, могла первоначально принадлежать человеку, а кости свиньи и МРС являются остатками подношений. Тогда, как

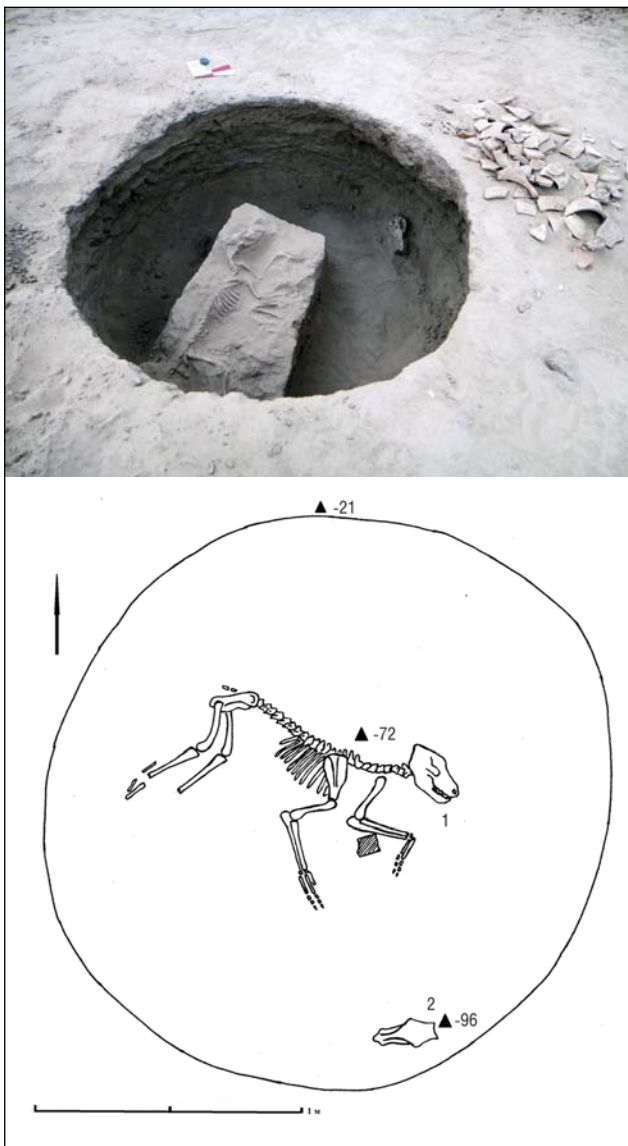


Рис. 7. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4073. Рис. Р. Сатаева.
Обозначения: 1 – скелет собаки; 2 – череп свиньи.

и в прежних случаях, еще до того как здесь была похоронена собака, из ямы изъяли человеческие останки, а дно покрыл песок (как уже отмечалось, вероятно, что дно присыпалось специально). Нельзя полностью исключать и того, что вместо человека первоначально могила являлась кенотафом или использовалась в качестве поминальника (рис. 7).

Собака лежит на левом боку, головой на ЮВ, в «позе движения» – левая передняя и задняя лапы отведены вверх, как при беге. В сомкнутых челюстях животного плотно зажат небольшой (4 × 3 см) черепок от красноглиняного сосуда. В пространстве между правой и левой кистями находится еще один черепок покрупнее (10 × 15 см). Другие находки на этом уровне отсутствуют. Скелет принадлежит молодой самке (особенности строения таза, невыраженность сагиттального гребня) в возрасте около 1 года (дистальный сустав плечевой кости прирос, проксимальный нет). Размеры животного средние, высота в холке около 45 см («пастушеский–сторожевой» тип). Хотя целостность скелета не нарушена, от хвоста сохранились лишь два позвонка. Обращает на себя внимание отсутствие на верхних челюстях третьих премоляров (олигодонтия) и, соответственно, образование диастемы, а также разворот (ротация) левого первого премоляра буккальной стороной вперед. В первом случае, причиной является наследственный дефект (скорее всего, результат близкородственного скрещивания), а во втором – нагрузка на челюсти в период роста зуба. Нужно также отметить, что на левой верхней челюсти был прижизненно обломан четвертый премоляр («хищный зуб»), который принимает активное участие в разгрызании костей. На нижней челюсти первый коренной зуб сильно «заходит» на предыдущий четвертый премоляр, что также может свидетельствовать о нагрузках на челюсти во время формирования зубного ряда.

Погребение 4075 устроено в 2 м к югу от № 4074. В нем захоронены две разновозрастные собаки. Остатки животных располагаются в округлой яме (160 × 134 см), на глубине 35 см от дневной поверхности. Остатки взрослой собаки локализируются в западном секторе ямы. Костное вещество плохой сохранности, кости хрупкие, местами, рыхлые, неоднород-

но окрашенные, пятнистые (на белом фоне пятна темно- и светло-коричневого цвета). Скелет как бы разделен на две неравные половины. Одна из них, вплотную примыкает к борту ямы и включает сочлененные между собой часть осевого скелета (начиная с шестого грудного позвонка), таз с обеими задними конечностями и хвост (длиной 50 см – 18 позвонков). Стоит заметить, что если поясничный отдел и таз лежат на вентральной стороне (как при положении животного на животе), практически прямо и горизонтально, сохранившаяся часть грудного отдела заходит на борт ямы и западает на правую сторону (т.е. грудной отдел был, несколько, развернут влево). Другая половина включает череп с нижней челюстью, шейный отдел позвоночника и два грудных позвонка. Она лежит на левой стороне, головой на север (шейный отдел изогнут и сам череп смотрит на восток) под углом в 60° к первой, и частично ее перекрывает (последние шейные позвонки, грудные позвонки и ребра располагаются поверх бедра и голени). Третий, четвертый, пятый грудные позвонки, лопатки и кости передних конечностей не обнаружены, хотя в погребении присутствуют мелкие обломки костей (плохой сохранности), которые могут происходить от них (рис. 8).

Представляется, что первая часть скелета сохранила свое первоначальное положение, поскольку здесь отмечается строгий анатомический порядок костей. В случае смещения (сдвигания в сторону) скелета даже с сохранившимися связками, придать ему естественную позу сложно (в случае, когда это кому-нибудь бывает нужным). Однако обращает на себя внимание некоторое несоответствие взаимного положения отделов задних конечностей тому, которые они принимают, когда животное укладывается на брюхо. Если животное (скелет) лежит на животе, то стопы (кости стоп) располагаются почти вдоль голени и частично под ней. В нашем случае стопы отставлены в стороны почти под прямым углом к берцовым костям, что более соответствует тому, если бы собака находилась в сидящем положении. Поэтому, можно предположить, что туша не была уложена горизонтально, а частично прислонена к стенке, а затем постепенно скатывалась назад. Это, возможно, объясняет и положение второй половины. Если эта

часть прислонялась к борту ямы, то в процессе разложения под весом черепа она могла изогнуться и упасть назад (хотя к этому времени связки еще частично сохранились). На то, что падение было, указывает взаимное положение черепа и атланта: хотя они располагаются рядом, сочленения между ними нет (черепа «оторвался»), и атлант лежит на вентральной стороне, т.е. развернут на 90° относительно затылочных мышцелков и эпистрофея (сочленение с которым сохранилось). К тому же, чуть в стороне обнаружено ребро, которое также оторвалось при падении. Важно подчеркнуть, что все это могло произойти в том случае, ког-

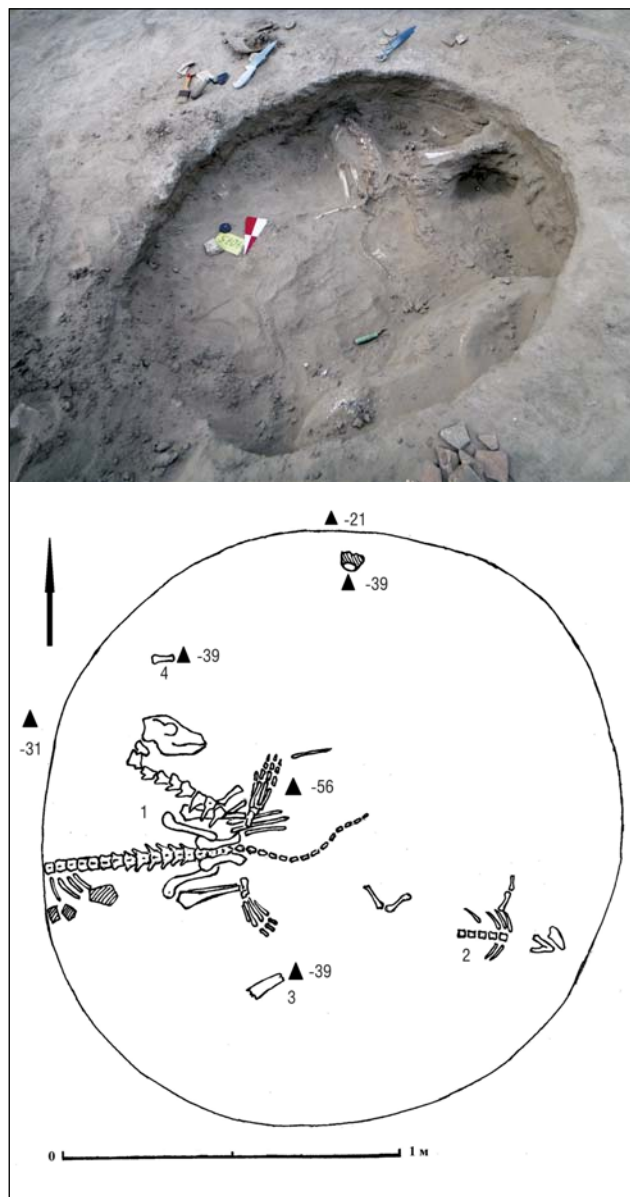


Рис. 8. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4075. Рис. Р. Сатаева.

Обозначения: 1 – скелет взрослой собаки; 2 – части скелета молодого животного; 3 – фрагмент ребра верблюда; 4 – фрагмент плечевой кости овцы.

да туша разлагалась в открытой, не засыпанной яме. Это, в какой-то степени, объясняет, почему не сохранились (почти полностью разрушились?) кости передних конечностей. По всей видимости, отрыв и падение передней части скелета (имевшей наименее устойчивое положение), произошло сравнительно рано, когда яма была еще слабо занесена песком. Именно поэтому кости упавшей части вплотную примыкают к костям, лежащим на месте (кости стоп уже находились в грунте). Это могло произойти ориентировочно через 2 года после гибели животного (и соответственно помещения его в яму), когда мягкие ткани уже разрушились, и начали разрушаться связки и хрящи. Хотя в открытых условиях (погребение на глубину не более 20–30 см также приравнивается к ним) и жарком климате процесс разложения мог идти быстрее (хотя температура выше 55° и сухость его тормозят). Передние конечности собаки, вероятно, были приподняты вверх и прислонены к борту ямы и, выступая, еще долгое время находились под действием факторов разрушающих кости (солнце, ветер, насекомые и т.д.). Т.е. они были погребены грунтом значительно позднее других отделов скелета (если вообще сохранились к этому моменту). Конечно, такая реконструкция первоначального положения туши животного в погребении отличается от того, что приходилось встречать раньше, но она лучше всего объясняет зафиксированные особенности залегания костных остатков.

По сравнению с собаками из описанных выше захоронений, данное животное относится к категории крупных собак, которых условно можно назвать «бойцовыми» или «боевыми». По нашим данным (включающим результаты изучения семи разной сохранности скелетов подобных собак из котлована 3900), представители этого типа имели мощную голову и могли достигать в холке более 80 см. Обсуждаемый скелет, судя по размерам черепа (общая длина 229,2 мм), слабому развитию сагиттального гребня и особенностям строения таза, принадлежит самке в возрасте 2-х лет (головки позвонков приросли, площадки стирания на резцах только намечаются). Обращает на себя внимание редкая посадка зубов. Так, в ряду переднекоренных зубов нижней челюсти между всеми зубами имеются хорошо замет-

ные промежутки (тремы). Никаких патологий зубной системы не выявлено. Сравнивая состояние зубов этой собаки с зубами собак «пастушеского-сторожевого» типа, обнаруженных в выше описанных погребениях, можно сделать вывод о значительном различии их рациона. Представляется, что если «пастушеским-сторожевым» собакам доставались в основном твердые кости (кости конечностей), «бойцовые» собаки поедали, преимущественно, мясо и мягкие кости (ребра, позвонки). Возможно, часть рабочих собак специально не кормили, они добывали пищу сами, а «бойцовые», по всей видимости, принадлежали элите и «состояли на довольствии».

В восточном секторе могильной ямы обнаружены фрагменты сильно разрушенного скелета щенка. От него сохранились фрагменты черепа, верхняя и нижняя челюсть, часть грудного отдела позвоночника, правое предплечье и кисть, правые бедренная и большая берцовая кости. Взаимное положение остатков позволяет говорить, что, в целом, они сохранили свое первоначальное положение. Также можно сделать заключение, что животное располагалось на спине (остатки черепа и нижней челюсти лежат вверх базальной стороной, а позвоночник – вентральной). Щенку ориентировочно было 4 месяца (начал прорезаться первый коренной зуб). Учитывая состав и сохранность костных остатков, а также возраст животного, однозначно определить его морфологический тип сложно. Можно лишь отметить массивность нижней челюсти и сравнительно крупные ее размеры (наибольшая длина ветви 94,7 мм). Поэтому вполне вероятно, что щенок принадлежит к тому же типу собак, что и взрослая особь. Не исключено, что эти животные между собой связаны (возможно, щенок происходит от этой самки). Стоит обратить внимание, что в могиле находились элитные собаки, которые, по всей видимости, высоко ценились и умерщвлялись в ритуальных целях лишь в особых случаях (например, при похоронах лиц высокого социального статуса). Даже собаки, чьи остатки были обнаружены в элитных могилах (3200, 3210, 3880, 3915), принадлежали к группе «пастушеских-сторожевых». Поэтому возможно, что животные из обсуждаемого погребения не были убиты, а умерли собственной смертью.

Нужно отметить, что скелеты собак находятся выше первоначального дна ямы на 20 см. В этом погребении костей человека найдено не было. Как и в случае погребения 4073, можно предполагать два варианта: первый – что первоначально яма принадлежала человеческому погребению, и второй – что первоначально, до размещения здесь туш собак это был поминальник или кенотаф. В верхней части заполнения ямы обнаружены фрагменты керамики, обломок ребра верблюда и фрагмент плечевой кости овцы.

Погребение 4077, в котором захоронены четыре разновозрастные особи собак, находится в 2,5 м к юго-востоку от № 4075. Животные размещены в почти круглой (165 × 177 см), слабо расширяющейся книзу яме, которая была заложена на склоне естественного понижения. Склон понижения падает на ЮВ, и перепад высот между верхними краями ямы в СЗ и ЮВ секторе составляет 30 см. Поэтому, хотя площадка, на которой лежат остатки собак, горизонтальная, глубина их залегания, измеренная от дневной поверхности, в разных частях различается (на СЗ – 65 см, на ЮВ – 35 см). Из четырех скелетов собак в ненарушенном состоянии сохранился только один, остатки остальных особей, представлены отдельными костями, в основном локализованными в двух скоплениях – в северо-восточном (два скелета) и юго-западном (один скелет) секторе. Состояние костного вещества удовлетворительное, кости хрупкие, но не «рыхлые», имеют пятнистую окраску (на светлом фоне пятна темно коричневого цвета) (рис. 9).

Целый скелет щенка располагается вдоль западной стенки ямы (примыкая к ней правым боком), дорсальной стороной вверх (животное укладывали на живот), головой на юг. Шея повернута к центру ямы и череп лежит на правой стороне, лицевой частью на СВ. Почти все элементы скелета находятся в строгом анатомическом порядке, исключением является лишь отсутствие элементов хвостового отдела (если к этому возрасту хвост купировали, оставшиеся позвонки, при разложении мягких тканей могли легко утеряться). В целом, можно заключить, что скелет сохранил свое первичное положение. Под грудной клеткой собаки обнаружены два фрагмента керамики.

Возраст щенка около 5 месяцев (первый нижний моляр прорезался на половину, эпифизы фаланг не приросли).

В юго-западном секторе ямы, за головой первого щенка, у стенки ямы, отмечается развал костей, принадлежащих другой молодой особи. От скелета сохранились фрагменты черепа, нижней челюсти, часть грудного отдела позвоночника с ребрами (последние семь позвонков), три первых поясничных позвонка, фрагмент левой лопатки, обе плечевые кости и кости предплечья, часть правой кисти. Полностью отсутствуют шейный отдел позвоночника, кости таза и задних конечностей. Поскольку, сохранившиеся отделы скелета сильно смещены относительно друг друга, говорить о перво-

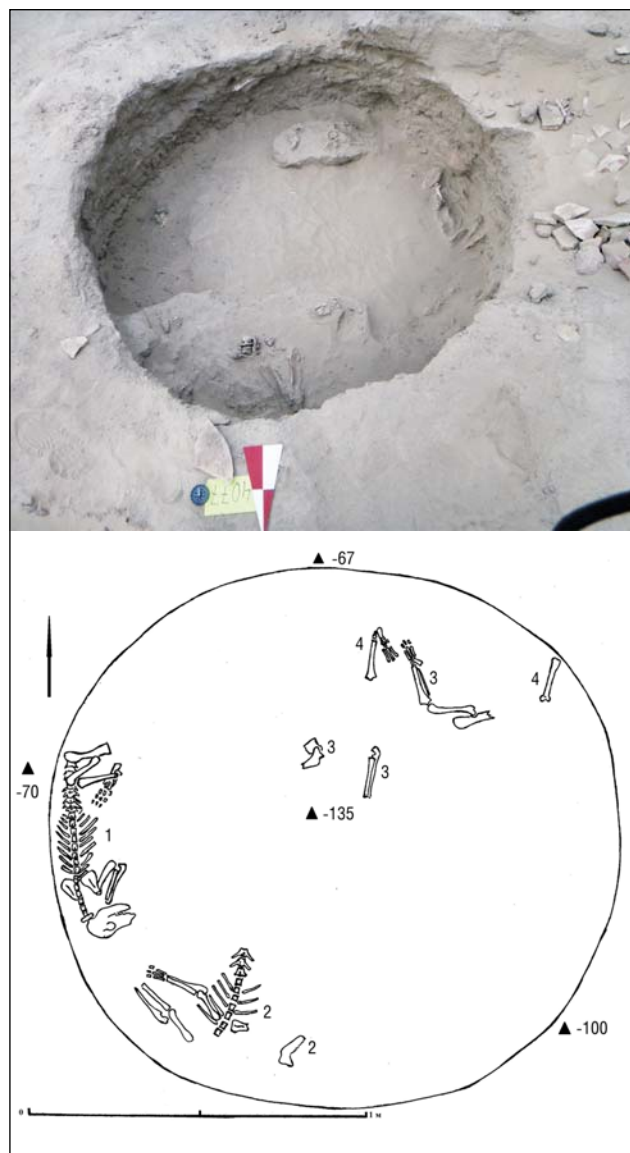


Рис. 9. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4077. Рис. Р. Сатаева.
Обозначения: 1 – скелет молодой собаки; 2-4 – части скелета разных особей собак.

начальном положении животного не представляется возможным. Возраст собаки, такой же, как и у предыдущего щенка – около 5 месяцев.

В скоплении костей, локализуемом у стены в северо-восточном секторе ямы выявлены костные остатки двух собак. Кости лежат бессистемно, хаотично, части скелетов разных особей перемешены друг с другом. Одной из собак принадлежат фрагмент черепа (затылочная часть) с сочлененной с ним задней частью правой ветви нижней челюсти, фрагмент таза, левое предплечье (лучевая и локтевая кости), левая бедренная кость, правая задняя конечность (сочлененные бедренная, берцовые кости, элементы заплюсны, третья и четвертая плюсневые кости). Возраст животного – около 5 месяцев (первый нижней коренной зуб прорезался на половину).

От другой собаки происходит фрагмент зубного ряда верхней челюсти, фрагмент бедренной кости (с отпавшим нижним эпифизом), дистальная часть левой большой берцовой кости с сочлененными с ней костями заплюсны и элементами стопы. Возраст животного оценивается в промежутке 1 год 3 месяца – 1,5 года (приросли дистальный эпифиз большой берцовой кости и пяточный бугор, дистальный эпифиз бедренной кости не прирос). Отметим, что в скоплении полностью отсутствуют элементы осевого скелета (позвонки и ребра).

Оценивать молодых животных на предмет их отнесения к тому или иному морфологическому типу сложно. Вероятнее всего, принимая во внимание грацильность черепа и нижней челюсти, первый щенок принадлежал к типу «пастушеских-сторожевых» собак. Возможно, и два других щенка, происходят из этой группы. Для взрослой собаки, поскольку в материале имеется фрагмент верхнего зубного ряда, можно уверенно сказать, что она также относилась к категории «рабочих» (размеры зубов сравнительно мелкие). Вероятнее всего, этот скелет принадлежал самке.

Обращает на себя внимание, что по сравнению с ранее описанными погребениями, собаки лежат почти на дне могильной ямы, а не на покрывающем его слое песка. Кроме того, за исключением двух фрагментов керамики (под первым щенком), другие находки на этом уровне отсутствуют (нет ни костей человека, ни других животных). Таким образом, либо

яма готовилась специально для захоронения собак, либо, если она использовалась вторично, собаки были похоронены здесь через непродолжительное время после извлечения прежнего содержимого (дно еще не занесло песком). Теоретически могло быть, что яму очистили от накопившегося осадка непосредственно перед помещением туда животных. Хотя этот вариант кажется нам менее вероятным. Судя по другим погребениям, нигде перед захоронением собак дно специально не зачищалось. Мощность слоя осадка между дном ямы и уровнем залегания остатков, по всей видимости, определялась тщательностью очистки ямы и временем, когда она находилась открытой.

Здесь снова встает вопрос, касаясь причин нарушения целостности и первичного положения скелетов. Как и ранее (при обсуждении погребения 4069), мы полностью не исключаем, что могила была вскрыта грабителями, которые в поисках ценностей нарушили ее порядок. Но больше склоняемся к версии разрушения скелетов в результате естественных процессов. По-видимому, как и в прежних случаях, скелеты засыпались плохо, поэтому в той или иной степени подвергались риску оказаться на дневной поверхности, или быть раскопанными падальщиками. Наличие в слое, непосредственно покрывающем скелеты, отдельных фрагментов собачьих костей можно объяснять по-разному. Если было «ограбление», кости оказались выше при раскапывании слоя, содержащего остатки животных, или даже были выброшены наружу, а впоследствии ветром занесены в яму. Однако, как показывает наш опыт, при развеивании грунта и, особенно, при перекапывании его животными, картина представлялась бы практически такой же. Добавим, что нередко деятельность животных «землероев», приводит к еще большим разрушениям, чем мы здесь наблюдаем. Сейчас сложно точно установить, как первоначально располагались разрушенные скелеты взрослой собаки и двух щенков: находились ли они ближе к центру ямы и лишь потом были сдвинуты к ее бортам или, как сохранившийся скелет щенка, сразу же лежали вдоль стенок. Однако при «ограблении», когда кости отбрасываются в сторону, они обычно образуют «кучки». В нашем же случае кости просто рассеяны. Кроме того, судя по тому, что часть

костей второго щенка находится в сочленении, на момент разрушения скелета у него сохранялись связки, т.е. нарушение его целостности произошло через относительно небольшое время после захоронения животного.

Погребение 4095 принадлежит уже III скоплению могил, располагающемуся к югу-юго-востоку от гробницы 3915 (рис. 10). Оно представляет собой самостоятельное, одиночное захоронение собаки. Животное похоронено в округлой яме (158 × 141 см) с вертикальными бортами на уровне 25 см от верхнего края (дно ямы находится на глубине 50 см). Полный скелет располагается в северо-восточном секторе ямы. Собака лежит на правом боку, несколько завалившись на брюхо (остистые отростки позвонков находятся под острым углом к горизонтали), головой на ЮВ (поскольку голова опущена, лицевая часть смотрит на СВ). Пасть ее открыта, хотя обычно бывает сомкнута. От хвоста сохранилось два позвонка, конечности направлены в сторону стенки и находятся от нее на расстоянии 20 см. Кости хрупкие, светло окрашенные, с мелкими темными пятнами. Обращает на себя внимание положение задних конечностей. Правое бедро вытянуто вдоль позвоночника, голень согнута в коленном суставе и располагается под телом, подошва стопы смотрит вверх. Левое бедро несколько отведено вниз, а голень приведена к бедру (под острым углом), стопа отходит назад. Хотя состояние передних конечностей, в целом, физиологичное, левая кисть неестественно подогнута под тело. Такое положение конечностей близко к тому, когда животное ползет, пытается встать и падает. В целом, эти признаки, скорее всего, указывают на долгую предсмертную агонию и дальнейшее окоченение трупа в таком состоянии (при быстром умерщвлении, обычно отмечается расслабление и вытягивание конечностей). Поскольку никаких следов говорящих (даже косвенно) о целенаправленном умерщвлении животного на скелете не выявлено, можно предположить, что оно погибло ненасильственной смертью. Вероятнее всего, в могилу было уложено уже окоченевшее тело. Под открытой пастью, левым локтевым и коленным суставом собаки, находятся фрагменты керамики (размером около 10 × 10 см), происходящие от толстостенных светлоглиняных сосудов типа «хума». Сомне-

ний, что черепки были положены преднамеренно, нет: они располагаются точно под челюстями и суставами. Заметим, что подобные черепки обнаружены и в слое, покрывающем первичное дно ямы. Скорее всего, при обустройстве захоронения собаки были использованы уже находившиеся здесь обломки сосудов.

Собака относится к типу «пастушеских-сторожевых» (высота в холке у данного животного составляла около 45 см). Морфологические и морфометрические признаки указывают, что скелет принадлежал самке. Стертость верхних резцов (остались лишь короткие «пеньки») соответствует возрасту в 10 – 12 лет. Однако, как



Рис. 10. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4095. Рис. Р. Сатаева.

Обозначения: 1 – скелет собаки; 2-3 – ребра крупного рогатого скота; 4 – верхняя челюсть КРС.

уже неоднократно отмечалось выше, возраст собак, питающихся твердыми костями, плохо коррелирует с состоянием их зубов (в особенности резцов и клыков). Щечные зубы животного также заметно стертые, но состояние верхнего четвертого переднекоренного зуба и нижнего первого коренного соответствует возрасту в 8 лет, хотя, скорее всего, эта цифра тоже завышена. Поэтому, поскольку лобный шов полностью не облитерирован, ориентировочно возраст данной собаки можно оценить в 6 лет. Отметим также, что на верхних клыках, верхних и нижних щечных зубах отмечаются крупные сколы.

В отношении самой могильной ямы можно уверенно сказать, что она использовалась вторично, хотя о ее первоначальном назначении можно лишь строить предположения. В профиле заполнения ямы, в 10 см выше поверхности, на которой лежит скелет собаки (т.е. в 15 см от верхнего края ямы), хорошо фиксируется следующий уровень накопления материала, маркируемый фрагментами керамики и обломками ребер крупного рогатого скота. Нужно заметить, что все остатки располагаются практически горизонтально, т.е. попали на слежавшийся грунт. Накопившейся выше этого уровня слой содержит разнообразные включения (фрагменты керамики, древесные угли, кости животных), не имеющие четкой пространственной ориентации. Почти на уровне дневной поверхности выявлена верхняя правая челюсть КРС, лежащая вверх зубами. Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что при погребении собаки данная яма также не засыпалась грунтом до верхнего края, а, в лучшем случае, была только присыпана.

Как и в трех других выше отмеченных случаях, можно предполагать, что это яма была первоначальной одной из «временных» могил, откуда человеческие останки были изъяты, или кенотафом, или же поминальником.

Погребение 4099 находится в 1,5 м к югу от № 4095. Оно представляет собой захоронение двух собак – взрослой и молодой. Могильная яма имеет округлую форму (верхний диаметр около 100 см), с неровным контуром, расширяющаяся книзу (нижний диаметр 130 см). Остатки собак залегают почти на дне ямы на глубине 60 см от поверхности (рис. 11).

Части скелета взрослой собаки располагаются вдоль восточной стены, уходя почти на

половину в нишу, образованную наклонным бортом могилы. Кости очень плохой сохранности, «рыхлые», т.е. крошатся в руках. От скелета сохранились череп с нижней челюстью, шейный, часть грудного и поясничного отделы позвоночника, пять хвостовых позвонков, два левых ребра, правая и левая лопатки, сочлененные между собой правые кости предплечья, запястья и пясти, кости левого предплечья, правая и левая большие берцовые кости. Хотя часть костей отсутствует, судя по всему, анатомический порядок взаимного расположения отделов скелета не был нарушен (кости

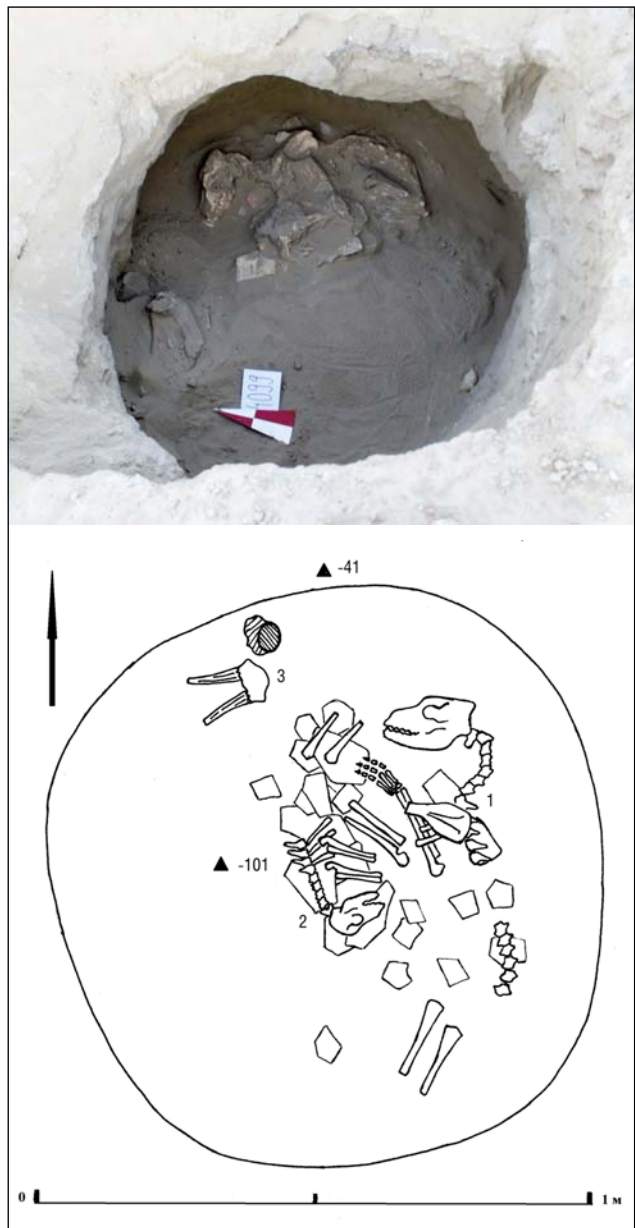


Рис. 11. Фото во время обнаружения и прорисовка после расчистки погр. 4099. Рис. Р. Сатаева.

Обозначения: 1 – разрушенный скелет взрослой собаки; 2 – разрушенный скелет молодой собаки; 3 – фрагмент черепа джейрана с рогами.

не смещались с первоначального места). Поэтому можно установить, что собака лежала на правом боку, спиной к стене (на расстоянии 15 см), головой на север (лицевая часть смотрит на запад). Скелет принадлежит самцу собаки «пастушеского–сторожевого» типа (череп не крупный, с хорошо выраженным сагиттальным гребнем). Судя по стертости верхнего правого клыка и нижнего первого моляра (резцы не сохранились), возраст собаки оценивается в 6 лет. Обращает на себя внимание, что состояние зубов нижней челюсти резко отличается от такового, у описанных выше собак подобного морфологического типа. Зубы нижней челюсти сидят не плотно, между переднекоренными зубами отмечаются заметные тремы, коронка первого моляра, заступает на коронку четвертого премоляра слабо. Прижизненные сколы и изломы на зубах не выявлены. Таким образом, можно заключить, что у собаки была преимущественно мясная диета. Поэтому, принятый нами зубной возраст, вероятнее всего, соответствует биологическому. В целом, несмотря на то, что морфологически собака принадлежит к группе так называемых «рабочих» собак, условия ее жизни, по всей видимости, заметно отличались от реконструируемых для этого типа. Кроме того, хотя скелет сохранился плохо, а крестец и таз не сохранились совсем, были обнаружены пять хвостовых позвонков, т.е. по всей видимости, хвост не купировался. Это может говорить о том, что внутри самого типа «пастушеских-сторожевых» собак существовала функциональная, и, возможно, «социальная» дифференциация.

В области передних конечностей описанной выше собаки, выявлены остатки щенка. Большая часть костей разрушена. Сохранились череп с нижней челюстью, шейный и часть грудного отдела позвоночника, передние ребра, правые и левые плечо и предплечье, и берцовые кости. Как и в предыдущем случае, скелет со своего места не смещался. Поэтому, можно сказать, что животное лежало на правом боку, головой на юг, ногами в сторону скелета взрослого животного. Возраст щенка около 3 месяцев.

Под скелетом взрослой собаки и щенка, обнаружены многочисленные обломки сосудов (щенок практически полностью лежит на керамических черепках). Однако поскольку ке-

рамические черепки лежат хаотично, налегая друг на друга, к тому же, встречаются по всей площади дна ямы, сложно утверждать, что они подкладывались под туши собак преднамеренно. Кроме того под поясничным отделом позвоночника взрослой собаки найдена правая ветвь нижней челюсти свиньи и сочлененные между собой фаланги задней конечности овцы. У северной стенки обнаружена лобная кость джейрана с рогами, концы которых были спилены. Целые или спиленные на том или ином уровне роговые стержни джейрана с участками лобной кости встречаются в погребениях достаточно часто. Все это указывает на то, что, скорее всего, яма использовалась под захоронение собак вторично. Собак, по-видимому, уложили на незначительно припорошенные песком остатки прежнего содержимого погребения. К тому же, хотя четких стратиграфических границ в профиле заполнения ямы не выявлено, выше 15 см от поверхности залегания скелетов отмечается концентрация костей животных (роговой стержень джейрана с частью лобной кости, 16 костей козы, 8 костей овцы), часть из которых несет следы раскалывания и термического воздействия. Поэтому, скорее всего, как и в предыдущих погребениях, яму с собаками не засыпали полностью, что объясняет крайне плохую сохранность костей, несмотря на отсутствие явных следов вмешательства извне (например, действия грабителей могил). В таком случае остатки животных подвергались воздействию температуры, атмосферных осадков и риску быть поврежденными в результате разрывания могил животными.

Напомним, что параллельно с аккумуляцией эолового материала происходит его выветривание, когда частицы осадка выносятся, обнажая, в том числе, захороненные в нем кости. Естественно возникает вопрос: если собаки во всех погребениях были покрыты маломощным слоем грунта, почему в одних случаях скелеты сохранились лучше, а в других – хуже. На этот счет можно высказать ряд соображений. Во-первых, нельзя быть уверенным, что все могилы засыпались одинаково тщательно. Во-вторых, характер и, соответственно, плотность грунта в разных погребениях отличается (плотный лессовидный суглинок, рыхлый лессовидный суглинок, лессовидная супесь). Создается впечат-

ление, что в отдельных случаях (например, в погребении 4065) грунт, возможно, специально уплотнялся (утрамбовался, утаптывался). В-третьих, погребения находятся на разном гипсометрическом уровне, т.е. их содержимое подвергалось воздействию атмосферных явлений в разной степени. Таким образом, можно сказать, что естественное обнажение из грунта остатков человека и животных (приводящее к их полному или частичному разрушению) сильно зависит от узколокальных особенностей местоположения погребения и характера осадка. Кроме того, как нам приходилось неоднократно наблюдать самим, нарушение погребений роющими животными, хотя и связано с выше упомянутыми факторами, но, в целом, бывает непредсказуемым, т.е. в значительной степени случайным.

Нужно добавить, что в 30 см к ЮЗ от обсуждаемого погребения выявлена овальной формы яма (№ 4097 из III скопления), заполнение которой представлено материалом культурного слоя, т.е. она, скорее всего, оставалась открытой, пока не засыпалась естественным путем.

Стоит напомнить, что кроме описанных погребений собак, на восточной периферии «царского некрополя» обнаружен целый ряд ям круглой, овальной или подпрямоугольной формы, содержащих единичные разрозненные кости животных (вместе с фрагментами керамики, обломками кирпичей, углями), которые фиксируются на разных уровнях их заполнения. Анализ самих остатков и характера их залегания (а также положения сопутствующих им предметов), показывает, что кости более всего напоминают кухонные отходы (нередко несут следы раскалывания и обжига), и в яму они попали не в результате целенаправленного обустройства ритуального объекта. Однако учитывая специфику обсуждаемого участка памятника, нельзя исключать, что находимые в заполнении ям кости являются остатками поминальных тризн или подобных им действий. Ямы, по всей видимости, долго оставались открытыми и засыпались естественным путем, постепенно и неравномерно. Так, например, в профиле ямы № 4082 (II скопление), где были обнаружены кости верблюда, хорошо видно, что она интенсивнее заполнялась с восточной стороны. И к тому времени, когда туда попали кости животных,

первоначальное дно ямы (было покрыто слоем песка мощностью 20 см) и восточная половина были засыпаны. Поэтому кости верблюда располагаются последовательно, сверху вниз, под уклоном в 40°. То, что они лежат не на дне, а на склоне, демонстрирует, что кости не были сброшены в яму, а постепенно туда скатились.

Таким образом, все это еще раз демонстрирует широкое распространение на Гонуре «пустых могил». Описывая могильники долины р. Сват, Д. Туччи характеризует подобные погребальные сооружения так: «Они пустые, исключая несколько очень мелких фрагментов от мелких костей. Это, по-видимому, показывает, что покойник лежал в могиле определенное время, после которого он изымался оттуда» (Tucci, 1977. P. 35). В нашем случае, эти ямы можно назвать «резервными могилами». Представляется очевидным, что выкапывание ям, учитывая имевшейся в наличии у древнего населения инструментарий, является трудозатратным делом, особенно на участках, где верхний слой лессовидного суглинка сильно уплотнен. Поэтому, если принять, что через какое-то время (скорее всего через 5 и более лет, когда связки уже полностью разложились) после погребения человека они раскапывались и очищались от содержимого, можно с большой долей вероятности предположить, что после этого акта они не засыпались, а оставались открытыми на случай их повторного использования. С другой стороны, нельзя исключать наличие у древних жителей Гонура неких ритуалов поминания, предусматривающих посещения могил. В таких случаях открытые могилы могли играть роль своеобразных жертвенников. В пользу этого, в частности, могут свидетельствовать небольшие «кенотафы – поминальнички» (небольшие ямы – диаметром до 50 см) с несколькими сосудами около гробницы 3235, устроенные на уровне древней дневной поверхности около ее южной и северной стенок, почти рядом с алтарями огня. Кроме того почти рядом со всеми элитными погребениями имеются, печи, алтари и другие объекты имеющие безусловно ритуальное назначение.

Поскольку, как говорилось в начале статьи, кроме описанных самостоятельных погребений целых туш собак, указанные группы могил включают и человеческие погребения, и пустые

ямы, и кенотафы, и могилы, включающие разрозненные кости разных животных, пока мы можем подвести лишь предварительные итоги результатов означенного выше исследования:

1) Все изученные захоронения собак устроены в «пустых» или «временных» могилах, образовавшихся, вероятно, или после изъятия из них человеческих останков или вторичного использования поминальников или кенотафов.

2) Хотя об этом сложно говорить однозначно, между освобождением могил от их содержимого, и захоронением в них собак могла существовать определенная связь. Обращает на себя внимание, что для вторичного погребения сохранялись ямы (более или менее продолжительное время после их «очистки»), которые располагались не в любых, а в определенных местах. В нашем случае на периферии царского некрополя. В период их «пустования» они, по видимому, выполняли роль «кенотафов – поминальников», куда могли складываться остатки подношений духам и/или поминальных трапез. Не исключено, что остатки пищи укладывались не собственно в яму, а на ее краю.

3) В захоронениях погребены собаки разного пола (в большинстве своем самки) и возраста (от 3 месяцев до 6 лет), и принадлежащие к разным морфофункциональным типам, но преимущественно «пастушеские – сторожевые» собаки.

4) Захороненные животные погибли от разных причин и в ряде случаев были помещены в яму через много часов (или нескольких суток) после их смерти. Специальная поза животным не предавалась. Вероятнее всего, погребения были устроены в разное время.

5) Трупы собак не засыпались на всю глубину ямы, а лишь присыпались песком, в среднем слое не более 20 см.

6) Нарушение целостности и разрушение скелетов в погребении, вероятнее всего, происходило в результате естественных процессов и было обусловлено узколокальной неоднородностью площади могильника.

Отвечая на вопрос, поставленный при обсуждении результатов обследования погребения 4065 (с какой целью были захоронены собаки?), можно предложить несколько версий, которые рассмотрим далее.

Первая версия. Устройство самостоятельных погребений собак являлось частью

какого-то ритуала. Возможно, что это одна из предусмотренных местными культами форм жертвоприношений. Как выше уже отмечалось, из 16 самостоятельных погребений собак пять устроены на царском некрополе. Из более чем 2850 погребений Большого некрополя Гонура только в трех были погребены целые туши собак. На других территориях памятника встречено еще 8 таких захоронений. Но скопления погребений именно собак на небольших пространствах, кроме описанных в данной статье, не известны (собаки из котлована 3900, не представляют собой самостоятельного погребения – см.: Сарианиди, Дубова, 2010). Жертвенники могли устраиваться в разное время и по разному поводу. Поскольку проведение ритуала жертвоприношения вполне может быть привязано к специально определенному для этой цели месту, не удивительно, что жертвенники локализованы на относительно небольшой площади. Кроме того, все они устроены в «пустых могилах» (6 из 7 жертвенников устроены в ямах круглой или близкой к ней форме).

Эта версия представляется самой очевидной, однако не лишена слабых мест. Традиционно жертвенное животное (или животные) умерщвляется в процессе проведения самого ритуала и практически сразу помещается в жертвенник (если не предусматривается его разделка или кремация). Если в жертву приносят нескольких животных, они забиваются практически одновременно. В нашем случае часть животных из изученных погребений, по всей вероятности, погибли ненасильственной смертью. К тому же собаки из наиболее примечательного захоронения (погребение № 4065) были помещены в могилу не одновременно, и, судя по всему, только через значительное время после их гибели. Т.е. можно предположить, что в жертвенник клали несвежие трупы животных. Однако приведенные выше замечания говорят лишь о вариативности ритуала, все нюансы которого на имеющемся археологическом материале понять сложно.

Другая версия основана на том, что особый статус собак, закрепленный в религиозных представлениях древних гонурцев, требовал обязательного погребения мертвых животных. Не исключено, что в отношении собак существовал свой погребальный обряд, предусматривающий, в том числе, устройство массовых захоро-

нений, где хоронились животные, погибшие на протяжении какого-то определенного времени. Хотя остатки собак обнаруживаются на всей площади памятника, доля их костей в бытовых отходах невелика. В наиболее «чистых» кухонных отходах (в смысле минимальной примеси в них материала ритуального генезиса из разрушенных погребений, жертвенников и т.д.) остатки собак, по нашим данным, составляют 0,4% (раскоп 23). Сравнительно высокий процент костей собак в материале с раскопа 19, достигающий 5,8%, обусловлен как раз наличием здесь разрушенных (ограбленных) могил с животными, включающими в том числе и собак. Таким образом, остатки этого вида попадали в бытовой мусор, по-видимому, в основном уже после разрушения их самостоятельных могил или погребений, где они были похоронены вместе с человеком.

Возможно, что умерших животных хоронили специально, а не бросали, как придется. Учитывая чистоплотность гонурцев (бытовые отходы сваливали либо в специально устроенные ямы, либо в естественные понижения рельефа, поэтому собственно культурный слой памятника беден костными остатками), такое отношение к трупам собак могло играть и утилитарную (санитарную) функцию. Хотя дискутировать вопрос о первичности сакрального или профанного не имеет большого смысла.

Слабое место такого предположения состоит в том, что именно на восточной окраине

«царского некрополя» обнаружены семь собачьих могил, устроенных в пустых погребениях и расположенных относительно недалеко друг от друга. Таким образом, выбор места для них был продиктован не только или не столько «санитарными» целями.

Третья версия о целях устройства захоронений собак непосредственно связана с местом их расположения – «царским некрополем», где отмечается концентрация сложно устроенных могил и сопутствующих им объектов, принадлежащих лицам высокого социального статуса. Она была предложена авторами еще в процессе раскопок и полевого изучения обсуждаемых объектов и условно может быть названа «синтетической». Согласно ей, погребения собак являлись не просто могилами (которыми они, безусловно, являются) и/или своеобразными жертвенниками, а кроме всего прочего, символизировали защиту, охрану покоя представителей правящей элиты Гонура. Поэтому собаки были похоронены именно здесь в специально очищенных и/или сохраняемых какое-то время открытыми могилах, независимо от того, где и когда погибли животные.

Как можно заметить, все три версии не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Вполне вероятно, что последующие исследования памятника, открытие новых объектов, подобных рассмотренным выше, помогут ближе подойти к пониманию описанного феномена.

Литература

1. Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 101-139.
2. Жаров А.В. Судебная ветеринарная медицина: учебник. М.: «Колос», 2001. 264 с.
3. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998.
4. Сарияниди В.И. Погребальные обряды Маргианы эпохи иранского язычества // Культурные ценности. Международный ежегодник – 1999. СПб: «Европейский дом». 2001. С. 35-50.
5. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры. М., 2010.
6. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144-171.
7. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Культ животных в Маргиане // Записки Восточного Отдела Российского Археологического Общества. Вып. 3. Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007-2015). Археология, история, культура. СПб., 2015.
8. Тагаев Н.Н. Судебная медицина: учебник. Харьков: «Факт». 2003. 1253 с.
9. Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998.
10. Sataev R. Animals in the Funeral Rite and Ritual Practice of the Ancient Population of Gonur-Depe // Вестник Московского Университета. Серия XXIII. Антропология. 2014. № 3. С. 108.
11. Tucci G. On Swat. The Dards and Connected Problems // East and West. N.s. Vol. 27. 1977. P. 9-104.

Эпоха бронзы в Маргиане: строительные материалы и конструкции

Втеперь уже далеком 1996 году у нас, студентов-архитекторов Государственной академии художеств Туркменистана вел курс истории архитектуры и реставрации исторических памятников преподаватель кафедры архитектуры и дизайна, кандидат исторических наук М.А. Мамедов. Однажды весной, на одной из лекций он предложил мне поехать на Гонур-депе и принять участие в Маргианской экспедиции, где требовался архитектор для обмерных работ на памятнике. До этого Мухаммед Аннаевич уже рассказывал нам об истории и строительной культуре древних маргушцев, о первооткрывателе этой загадочной страны Викторе Ивановиче Сарияниди. Предстоящее знакомство и возможность совместной работы с легендарным археологом, конечно, приводили в трепет. И вот я впервые попал на Гонур.

Ранним утром 1 мая 1996 года, когда еще не взошло солнце, Виктор Иванович, сидел в своем любимом кресле на свежем воздухе под навесом, наслаждаясь черным кофе и о чем-то размышляя. Я подошел к нему, поздоровался, он разрешил сесть рядом и сказал так, будто давно меня знает: «Аннамурат, все эти вещи в экспедиции принимай как свои, пользуйся бережно. После завтрака Тиркеш-ага покажет тебе, где нужно разбить палатку. Все понял, студент?». Очень скоро вся моя робость куда-то испарилась, стало как-то легко и просто общаться с человеком, который с ходу выдал тебе кредит доверия и вдохновил на труд, еще не зная, способен ли я справиться с теми задачами, которые на меня возложены. Конечно, это стало серьезным стимулом и все последующие годы я стремился оправдать его ожидания и не подвести преподавателя, рекомен-

довавшего меня. В тот период (1996–2001 гг.) на Гонур-депе проводились исследования центральной части дворцово-храмового комплекса, или, как его часто называл Виктор Иванович, кремля, а также в 300 м западнее, на территории огромного некрополя (Сарияниди, 2001. С. 122). Мне он поручил заняться изучением конструкции дворца и разнообразных погребений.

В археологических памятниках невозможно увидеть бывшие архитектурные формы после разрушительного действия времени, включающего антропогенный и природный факторы. Но оставшиеся в толще культурного слоя строительные материалы и фрагменты конструкций все-таки позволяют нам получить представление об архитектуре далекого прошлого.

Как теперь известно благодаря работам В.И. Сарияниди, вдоль старой дельты Мургаба с конца III до середины II тыс. до н.э. существовала цивилизация древневосточного типа. Эпизодическими исследованиями с конца XIX в. и до середины XX в. там были открыты многочисленные памятники эпохи поздней бронзы, а в 1972–1986 гг. была составлена схема поселений вдоль древней дельты реки Мургаб (Сарияниди, 1990. С. 2–5).

В археологических комплексах Гонур-депе, Келлели-3, Келлели-4, Келлели-6, Тоголок-1, Тоголок-21, Тахирбай-3 (Мамедов, 2003. С. 15–34; Myradowa, Orazow, 2013. S. 33; Orazow, 2013. S. 12–13), расположенных вдоль старой дельты реки Мургаб, также были проведены археологические работы. В 2001–2013 гг. совместными усилиями Научно-исследовательского центра Лигабуе (Италия), Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации

памятников истории и культуры, а также Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» изучены комплексы Аджикуи-1 и некрополь Аджикуи-9 (Rossi-Osmida, 2011a. P.185–203; Удеумурадов, 2011. С. 204–213; Orazow, 2006. S. 40–42). В сентябре 2013 г. из комплекса Таип-1 получено немало новой информации об архитектурных конструкциях, аналогичных тем, что мы уже знали по другим памятникам Маргианы (Myradowa, Orazow, 2013. S. 33).

Для настоящей статьи я использовал материалы, полученные в 1996–2013 гг. в ходе работ на Гонур-депе, Аджикуи и Таипе.

Эти материалы еще раз подтверждают, что архитекторы и строители Маргианы бронзового века были мастерами, которые успешно учитывали условия окружающей среды, в том числе погоду, умели проводить правильные расчеты строительных конструкций, чувствовали пропорции и формы, знали азы геометрии.

Некрополь Гонур-депе – одно из самых крупных кладбищ конца III – II тыс. до н.э. в Средней Азии. Он был устроен на песчаном такыре, занимающем площадь более 10 га. При его раскопках обнаружены камерные погребения, представляющие собой макеты жилых комнат. Отличительной особенностью камерных могил является наличие у них входов (Сарианиди, 2001. С. 22). Камеры имели пропорции 1:2 и были сложены из сырцовых кирпичей с размерами 44(42)×24(22)×12(10) см, 42(45-48)×20(24)×10(12) см. Почти сразу после совершения погребения большая часть могил была ограблена, что, безусловно, и способствовало их последующему разрушению.

Большинство камерных погребений (№№ 23, 124, 194, 256, 262, 270, 350, 550, 555, 570, 575, 585, 757, 850, 1090, 1300, 1337, 1615, 1745, 1750, 1999, 2000, 2213, 2240, 2244) практически не сохранили своих конструкций (Сарианиди, 2001. С. 23–29). Но почти везде сохранились частично разрушенные своды, которые завалились вовнутрь погребения. Других строительных материалов не было, но при раскопках дворца Гонура на полу были найдены фрагменты дерева, упавшего с потолка. Погребение № 850 отличается от других камер своими размерами: длина 3,84 м, ширина 2,04 м, а сохранившаяся вы-

сота стен от пола 1,10 м (внутренние размеры), размер котлована: 4,34 м×2,62 м. Чтобы устроить такое огромное сооружение, требовалось время, поэтому камеры устраивались заранее. Внутри погребения учитывалась каждая мелочь, и это доказывает, что жители Маргианы были очень внимательными и опытными мастерами своего дела.

В северо-западной части некрополя у входа в одну из камер было оставлено пустое место, а сама камера разделена на две части. Уменьшение ширины камеры облегчало создание свода. Эти камеры относятся к более раннему периоду. Погребения в юго-восточной части некрополя устраивались гораздо позже. Местные строители умели возводить своды больших размеров. Высота свода, не сохранившаяся полностью, в среднем составляет 1,50 м от уровня пола, но не исключено, что она достигала 2 м (Сарианиди, 2001. С. 30). В свое время 1/3 часть камеры была выше этой плоскости и перекрыта кирпичным полусводом. Несмотря на то, что эти погребения были разграблены, там найдено много погребальных приношений: золотая фольга, серебряные сосуды, косметические флаконы, изделия из слоновой кости, подтверждающие, что это были захоронения маргианской аристократии (Сарианиди, 2001. С. 32). Камеры построены в виде одно- или двухкомнатного дома (рис. 1). Это одни из первых подобных погребальных сооружений бронзового века Средней Азии (Сарианиди, 2001. С. 33).

Конструкция перекрытий может быть восстановлена также по перекрытиям другого типа могильных сооружений – цист. У цист, перекрытых сводом (№№ 1337 на Гонур-депе, и №№ 5, 6 на Аджикуи), измеренная нами ширина изменяется так: 86 см – 1,12 м – 1,26 м (соответственно). Полусвод может состоять из трех (цисты № 5 и 16 на Аджикуи 1) и пяти (№ 1337 Гонур-депе) кирпичей. Кирпичи, формирующие своды, состоящие из трех кирпичей опираются на главную северную стену с уклоном 65°–72°. Их размеры составляют: 48-52×18-20×12-14 см, 42-50×20×12-13 см (Orazov, 2003. S.99-102) (рис. 2). Для устройства свода в его замковой части устанавливался специальный кирпич трапециевидной формы. Между кирпичами свода вставляли крупные фраг-

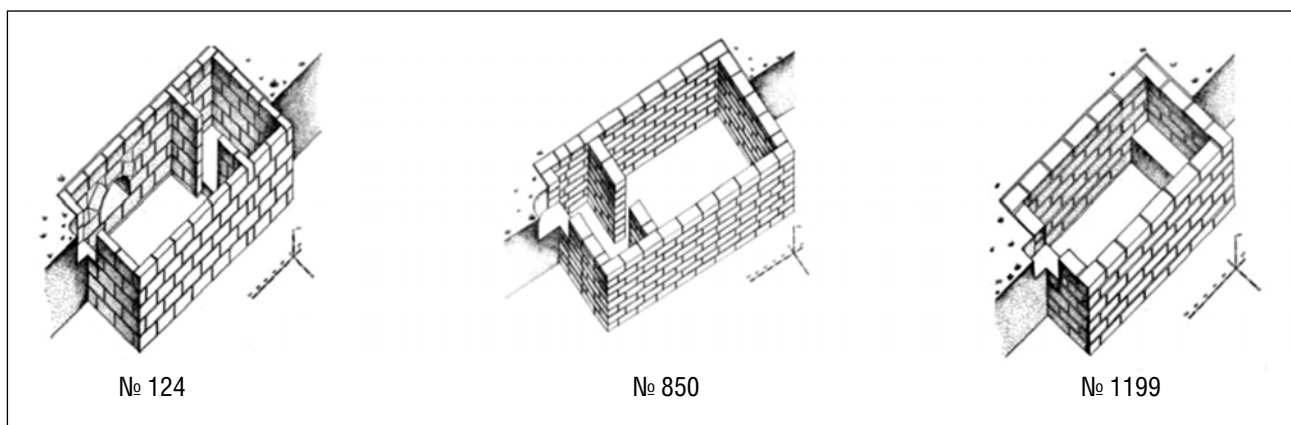


Рис. 1. Аксонометрия камерных погребений

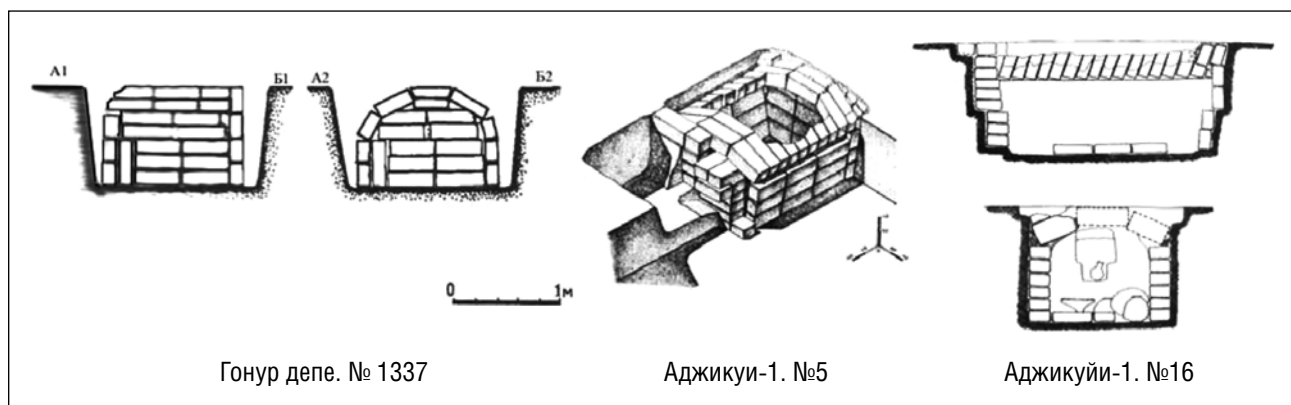


Рис. 2. Разрезы и аксонометрия цист

менты керамических сосудов, что повышало арматурную прочность всей конструкции (Оразов, 2004. С.225). Аналогично устраивали свод из пяти кирпичей (погребение № 1337 на Гонур-депе). Использованные там кирпичи имеют размеры: 48-52×18-20×12-14 см, 42-50×20×12-13 см.

Весной 2001 г. мы реконструировали этапы строительства одного из погребений. Последовательность устройства камеры была следующей: 1) рытье котлована для строительства; 2) возведение основных стен; 3) сооружение перекрытия и прохода (Сариани-

ди, 2001. С. 22) (рис. 3). Чтобы построить камеру, аналогичную погребению № 850, по расчетам, понадобится 360–370 штук кирпичей. Кладка стенок камеры бывает, в основном, трех видов: 1) вертикальная кладка; 2) горизонтальная кладка; 3) кирпичи укладываются поперек продольной оси стены (рис. 4).

Камеры и цисты некрополя Гонур-депе отличаются по своим размерам (табл. 1). Высота гонурских сводов изменяется в пределах от 0,86 до 2,04 м, а длина от 1,04 м до 3,84 м (Orazow, 2006. S. 42). Основным материалом для строительства стен являлся сырцовый

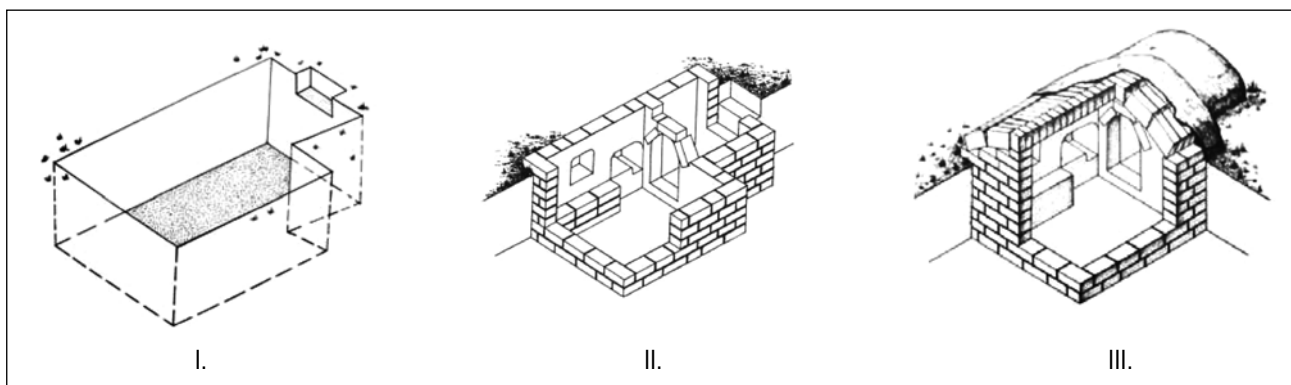


Рис. 3. Последовательные этапы строительства камерного погребения № 1300 на Гонур-депе. Аксонометрия

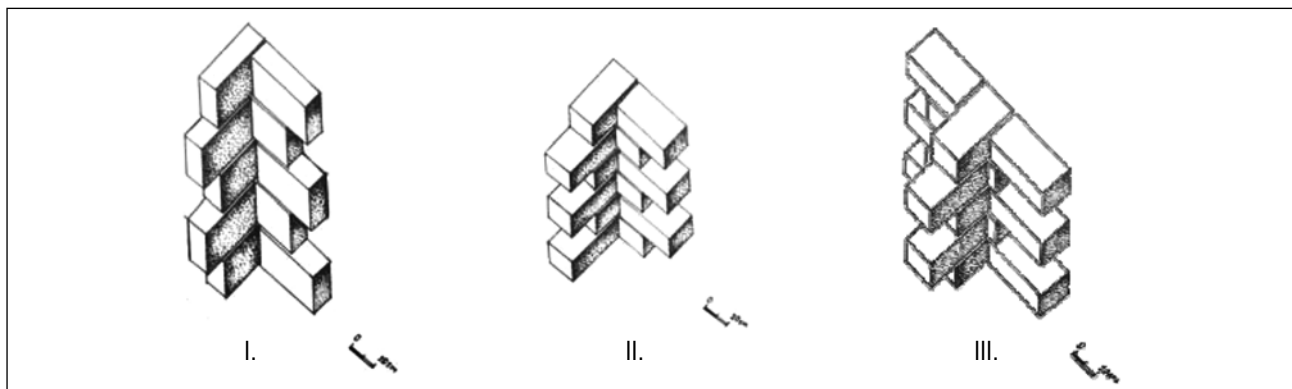


Рис 4. Виды кирпичной кладки стен камерных погребений и цист

кирпич, а в качестве заполнителя щелей – глина с саманом (рубленной соломой). Эти материалы были самыми доступными местным мастерам, их не надо было привозить. Тол-

щина как оборонительных стен, так и стен жилых помещений на исследованных памятниках различалась, также как и размеры использованных кирпичей (рис. 5, 6).

Таблица 1

Размеры стен и конструктивных элементов оборонительных стен и стен жилых помещений на Аджикуи-1 (АК-1), южные жилые комплексы Аджикуи-1 (АКЮ) и Аджикуи-9 (АК-9)

№ п/п	Номер и тип погребального сооружения	Сохранившиеся высота погребения	Размер котлована	Ширина свода изнутри	Длина свода изнутри	Общая ширина изнутри	Общая длина изнутри
1.	23, камера	0,80	3,50 – 2,25	1,50	3,12	0,86	1,04
2.	124, камера	1,36	3,75 – 2,00	1,65	3,36	1,04	1,12
3.	194, камера	1,08	3,36 – 2,00	1,80	2,90	1,13	1,4
4.	262, камера	1,10	2,60 – 1,65	1,25	2,38	1,25	1,8
5.	270, камера	1,32	4,20 – 2,40	1,95	3,63	1,4	2,38
6.	757, камера	0,64	3,08 – 2,06	1,42	2,68	1,42	2,64
7.	850, камера	1,10	4,34 – 2,62	2,04	3,84	1,5	2,68
8.	1199, камера	1,12	3,12 – 1,90	1,40	2,64	1,6	2,9
9.	568, циста	1,20	2,20 – 1,26	0,86	1,80	1,65	3,12
10.	1337, циста	1,10	3,50 – 1,30	1,12	1,40	1,8	3,36
11.	1741, циста	0,46	2,32 – 1,34	1,04	1,50	1,95	3,63
12.	2228, циста	0,82	2,28 – 1,60	1,10	1,80	2,04	3,84

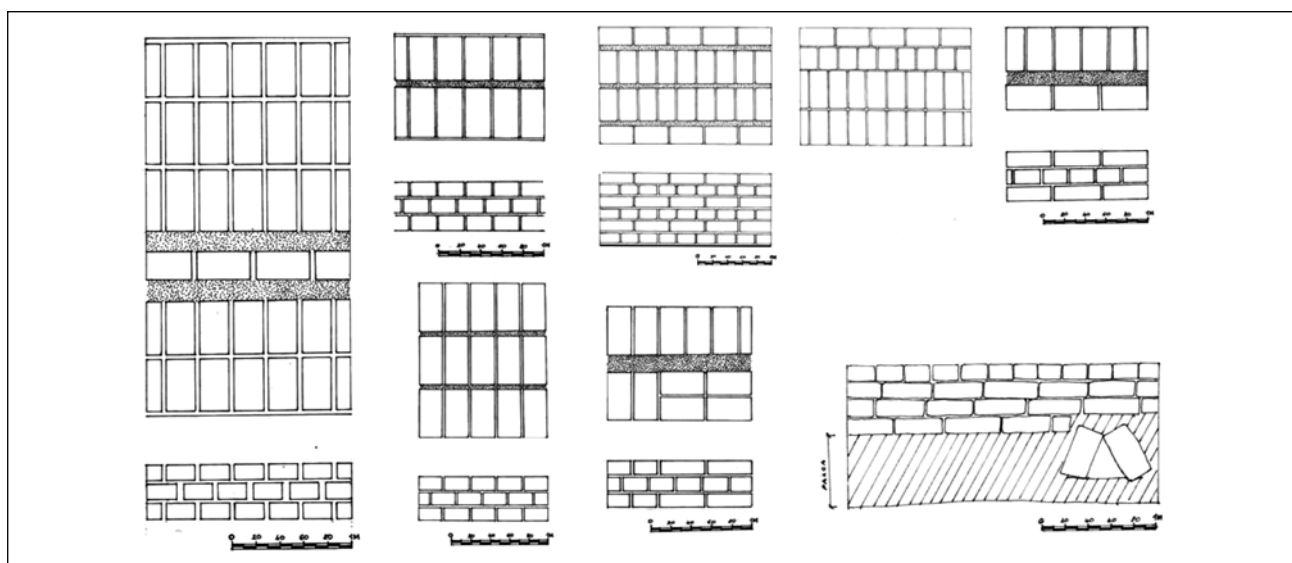


Рис 5. Конструкция кирпичной кладки внешних оборонительных стен и башен.

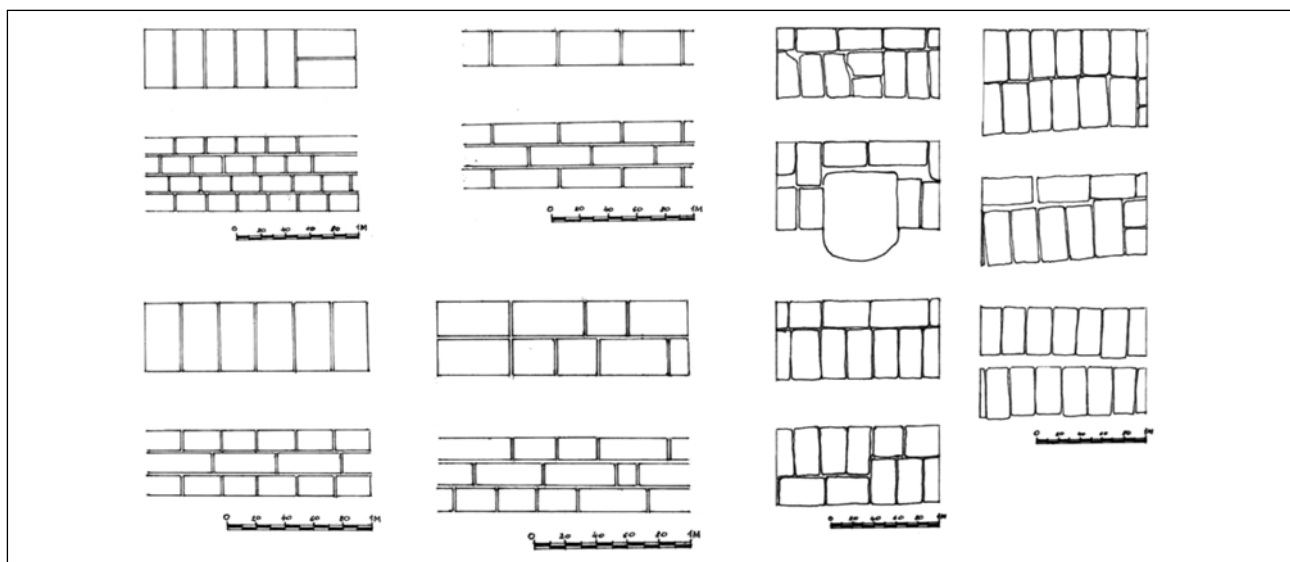


Рис. 6. Разновидности кирпичной кладки стен жилых помещений.

Осенью 2003 г. на АК-1 в самом верхнем слое одного из помещений южного жилого комплекса был выявлен участок, где использовался жженный кирпич очень вы-

сокого качества (размеры $34,5 \times 16,5 \times 7$ см, $34 \times 17 \times 6,5$ см) (рис. 7, 8). Всего было найдено 165 штук жженных кирпичей. Сохранилась конструкция первого и второго ряда

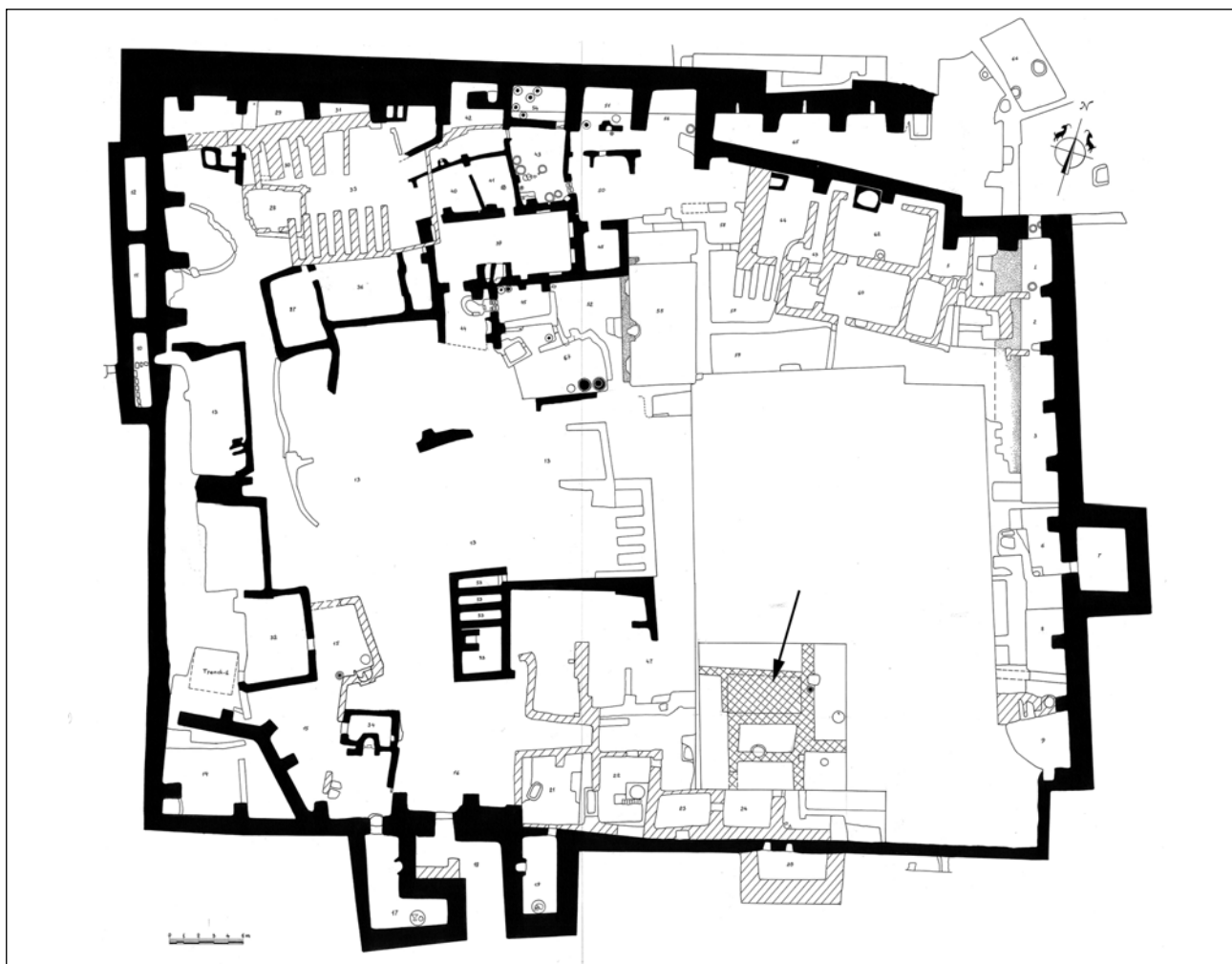


Рис. 7. Аджики 1. Общий план поселения.

Стрелкой показано размещение помещений со стеной из жженого кирпича, (см. рис. 8).

Таблица 2

**Размеры стен и конструктивных элементов оборонительных стен и стен жилых помещений на Аджикуи-1 (АК-1),
южные жилые комплексы Аджикуи-1 (АКЮ) и Аджикуи-9 (АК-9)**

№ п/п	Памятник	Толщина оборонительных стен	Толщина стен жилых комнат	Размеры кирпичей оборонительных стен	Размеры кирпичей жилых комнат	Толщина заполнения щелей между кирпичами в оборонительных стенах	Толщина заполнения глиной щелей между кирпичами в стенах жилых комнат
1.	АК-1	96 см - 1,00 м - 1,05 м - 1,10 м - 1,20 м - 1,14 м - 170 м - 1,50 м - 1,60 м - 3,00 м - - 3,15 м.	24 см-30 см-40 см- 42 см-48 см-50 см- 52 см-54 см-56 см- 60 см-64 см-68 см- 70 см-75 см-80 см- 85 см-86 см.	40-41-42-43×21-22- 23-24×10-12-13-14 см, 44-45-47×20-21-22- 24×13-15-16 см, 50×21- 24×14 см, 52-54-56-58× 24×14 см, Обломки кирпичей: 30-35-40×18-19-20-21- 26×10-12 14 см.	41-43×22-24×10- 11 см; 41-42×21- 24×12-14 см, 43-44-45-47×20-21- 24×13-14-15-16 см, 48-52-54-56×20-21- -24×14 см Обломки кирпичей: 30-35-40×18-21- 26×10-12-14 см	0,5 см-1 см-1,5 см Щели которые плотно заполняются саманом: 6-7-8-10- 12-14-16-20 см	0,5 см-1 см-1,5 см Щели которые плотно заполняются саманом: 4-6-8-10 см
2.	АКЮ -1	70-80-90-95 см- 1,10 м-1,25 м.	24-30-40-42-48-50- 56-60-65-70-75-80- 85-86 см.	40×21×10 см, 42-46-47×21-20×14 см, 45×20-21×10-12-13- 10 см	40×21×10 см, 42-46-47×21-20×; 14 см, 45×20-21×10-12- 13-10 см	0,5-1-1,5 см Щели которые плотно заполняются саломянной глиной 6-7-8-10 см-	0,5-1-1,5 см Щели которые плотно заполняются саломянной глиной 4-6-8-10 см
3.	АК-9	78 см-80 см-86 см- 90 см-95 см.	21-23-30-40-42-48- 50-56-60-65-72-75- 80 см.	40-41×18-21×13-14 см, 35-39×18-20×? см; 42-46×21-24×13-14 см, 46-48×22-24×14 см, Обломки кирпичей	40-41×18-21×13- 14 см, 35-39×18- 20×? см 42-46×21-24×13- 14 см, 46-48×22-4×14 см Обломки кирпичей	0,5-1-1,5 см Щели которые плотно заполняются саманом 6-7-8-13-14 см	0,5-1-1,5 см Щели которые плотно заполняются саломянной глиной 6-7-8-10 см

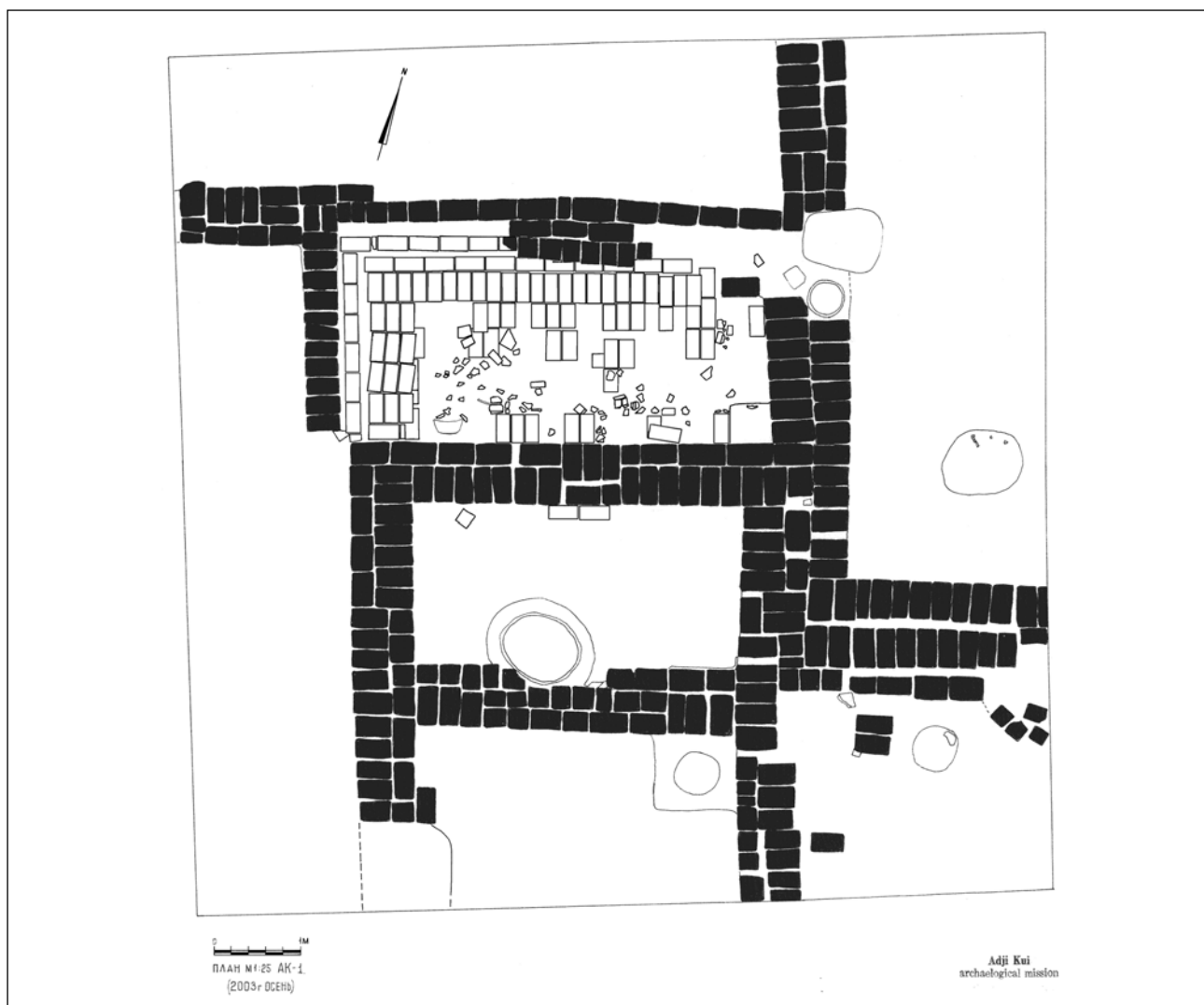


Рис. 8. Аджикуи 1. Группа помещений со стеной из жженого кирпича (показан только обводкой, без заливки).

кирпичей. Внешние оборонительные стены и башни отличаются от стены жилых комнат и по толщине глиняного заполнения щелей между кирпичами. Внешние оборонительные стены сложены горизонтальной кладкой и между кирпичами специально допущены швы шириной 6–20 мм, которые плотно заполнялась глиной с саманом. Это способствовало прочности стен и ускоряло строительство.

Во внешних стенах в основном использовались кирпичи, имеющие размеры 42-46-48×24×14 см. Первый ряд кладки в основании стен делался продольной кладкой в два или три ряда. Второй ряд складывался поперечной, швы между первым и вторым рядом 6–20 см толщиной заполнялись глиной с саманом. Кладка стен жилых комнат отличается толщиной швов между кирпичами, запол-

ненными глиной. Здесь она может доходить до 8–10 см. В строительстве жилых домов были использованы кирпичи разных размеров. Во всех архитектурных комплексах АК-1, АКЮ-1, АК-9 толщина стен и кладки кирпичей повторяются. Обычно они сложены в два кирпича. При постройке жилых домов в комплексе АКЮ-1 строители использовали сырцовые кирпичи с размерами 42×21×10 см (Rossi-Osmida, 2003. P. 59).

Качество кирпичей во всех местах одинаковое. Полы и стены жилых домов обмазывались глиной с саманом. Их ремонт проводился многократно.

Приготовление сырцовых кирпичей в течение тысячелетий и до наших дней в Центральной Азии проводят одним и тем же способом. Глину месили с водой в специальной яме. До заливания ее водой она какое-то



Рис. 9. Одна из стадий изготовления сырцовых кирпичей (заполнение современной специальной деревянной формы глиняным тестом) для консервации стен Гонур-депе. Сентябрь 2009 г.



Рис. 10. Сушка современных малоразмерных кирпичей на солнце в процессе консервации стен Гонур-депе. Сентябрь 2009 г.



Рис. 11. Сушка на солнце и складирование готовых современных сырцовых кирпичей, по размерам аналогичных древне-маргианским. Пос. Сарихосор, Бальджуванский район Таджикистана. Август 2015 г.

время находилась в этой яме, а затем процеживалась. До того, как залить глину водой, чтобы повысить прочность кирпича, в нее добавляли саман или мелко изрубленную верблюжью колючку. Чтобы получить кирпичи одинаковых размеров, использовали специальные деревянные формы без дна (Мамедов, 2003. С. 110) (рис. 9–11). В эпоху бронзы в Маргиане в строительстве использовались прямоугольные сырцовые кирпичи с пропорциями 1:2:4 и весом до 40 кг. По своему весу и размерам такие размеры были удобны для устройства сводов и других конструкций. Это упрощало процесс самой кладки и позволяло укорить завершение строительства.

Литература

1. Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.
2. Оразов А. Архитектура погребальных сооружений Аджикуи // КЦ. 2002–2003. Международный ежегодник. СПб., 2004.
3. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
4. Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
5. Удемурадов Б. Древнеземледельческие поселения Аджикуинского оазиса // Памятники истории и культуры Туркменистана. Ашхабад, 2011.
6. Myradowa E., Orazow A. Таъур депанин gorag desgalarynyň öwrenilişi // Türkmenistanyň münýýlyklardan gözbaş alýan binagärlik medeniýeti Aşgabat-Mary, 2013.
7. Orazov A.T. Architecture of funeral structures in Adjı Kui // Central Asia Cultural Values. Vol. I. No 2, June 2003.
8. Orazow A. Ajyguýy jülgesiniň ojaklary // Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir. Halkara maslaharynyň nutuklarynyň gysgaça beýany Mary, 2006.
9. Orazow A. Goňur depe gonamçylygyň gurluşygy // Türkmenistanyň münýýlyklardan gözbaş alýan binagärlik medeniýeti Aşgabat-Mary, 2013.
10. Rossi-Osmida G. Preliminary report on result of study in the settlements and necropolis Adjı Kui 1 and 2 // Central Asia Cultural Values. Vol. I. N 2, June. Venezia, 2003.
11. Rossi-Osmida G. Adjı Kui Oasis. The Citadel of the Figurines. Vol. II. Il Punto. Venezia Italy, 2011.
12. Rossi-Osmida G. Activities undertaken by the Ligabue Study and Research Centre in Turkmenistan from 1996 to 2006 // Monuments of History and Culture of Turkmenistan. Ashgabat, 2011 a.

О.А. Папахристу

Пиреос, Инспекция археологии доисторического
и классического периодов, Греция;
Институт археологии Университетского колледжа
в Лондоне (UCL), Великобритания

Опыт сопоставления: мастерская металлистов на городище Гонур-депе (Туркменистан) и квартал металлистов на городище Шахдад (Иран)

*Посвящается светлой памяти
величайшего русского и греческого
археолога В. И. Сарияниди.*

Открытие мастерской металлистов на городище Гонур-депе

Во время осеннего полевого сезона 2005 г. на северо-западном берегу главного южного бассейна Северного Гонура В.И. Сарияниди раскопал архитектурный комплекс из 10–12 помещений, который, по его мнению, скорее всего, являлся ремесленной мастерской по изготовлению медных и бронзовых изделий при царском дворце. О том, что это была мастерская именно при царском дворце, по мнению исследователей, говорят ее размеры. Так, каждая из комнат имеют площадь около 20–25 м². Исследователями отмечено наличие в производственных комнатах множество форм для литья предметов и фрагментов самих бронзовых изделий (Сарияниди, Дубова, 2006. С. 128–131).

Зимой 2006 г. В.И. Сарияниди находился в Греции в Афинах, где мы и встретились с ним. Он пригласил меня приехать на Гонур-депе во время весеннего полевого сезона 2006 г., чтобы познакомиться с этим новым материалом, продолжить раскопки, и как специалиста, знакомого с материалами по археометаллургии, помочь разобраться как с архитектурными конструкциями, так и с инвентарем металлистов, которые были раскопаны ранее. Более всего Виктора Ивановича волновал вопрос о том, насколько эти новые

материалы из Гонура могут быть сопоставлены с известными материалами по археометаллургии из квартала металлистов, который был раскопан Али Хакеми на городище Шахдад в Иране (Накеми, 1992. Р. 119–132; 1997).

Весной 2006 г. раскопки на раскопе 9 были продолжены автором настоящих строк. Дополнительно были проанализированы материалы по археометаллургии из раскапываемых одновременно раскопов (Р 13 и Р 15), обследованы ранее раскопанные площади на городище, а также старые полевые музеи. Прежде всего, дополнительно были зачищены, ранее открытые на раскопе 9 пом. 107, 108, 109, 112 и 119. Следует отметить, что к моему приезду эти помещения и археометаллургические конструкции в них были уже достаточно размыты. Часть находок были переданы в музей, и я не смогла ознакомиться с ними. Но, открытая площадь мастерской, также как и находки, были подробно описаны и опубликованы Н.А. Дубовой, которая проводила раскопки этого участка в 2005 г. (Дубова, 2008. С. 94–104). Она же оказалась инициатором проведения радиоуглеродного исследования раскопанной в том году части мастерской по производству сплавов на основе меди. На основании трех образцов древесного угля, обнаруженных в помещениях 108, 109 и 112, радиоуглеродное исследование по-

казало разбросанные даты в пределах 2150–1430 гг. до н.э. Последняя дата была скорректирована методом комбинированной версии и лимитирована в пределах 1780–1678 гг. до н.э. (Дубова, 2008. С. 99; Зайцева и др., 2008. С. 178).

К югу, западу и северо-западу от помещений, выявленных весной 2006 г., была открыта серия новых, среди которых к производственным, ориентируясь на находки фрагментов тиглей и литейных форм, могут быть отнесены пом. 111, 117, 118, 121, 122, 123, 126, 130, 131, 132, 141, 147.

Из серии новых помещений, только помещения 111 и 122 содержали скученные фрагменты, свидетельствующие о былом производстве (остатки тиглей, литейные формы, льячки, фрагменты от тигельных налетов металла с характерным слоем лессовой оплавленности, отслоенных от сосудов), расположенные *in situ* на полах. В остальных помещениях обнаружено по 2–3 фрагмента от тиглей или литейных форм в каждом. Следует оговорить, что данная часть комплекса раскопа 9, в отличие от части, раскопанной ранее, более сильно разрушена впускными погребениями, а также более поздними керамическими печами и арыком, проходящим с северо-запада по направлению к большому южному бассейну и его западному отводу.

Две специальные предварительные статьи, посвященные тиглям и литейным формам из мастерской на Гонур-депе, были опубликованы автором настоящих строк (Папахристу, 2008. С. 196–224; 2010. С. 265–284), также как общие сведения о мастерской были представлены в виде докладов на текущих научных конференциях (Папахристу, 2011. С. 87–92; 2014. С. 105–106). Вместе с тем, общий план мастерской металлистов на Гонур-депе, публикуется в представляемой статье впервые.

Мастерская металлистов на Гонур-депе

В целом, архитектурный комплекс, относящийся к раскопу 9, включает около 150 подквадратных, подпрямоугольных и трапецевидных в плане помещений. Первые раскопанные помещения этого архитектурного

комплекса расположены на северо-восточном берегу главного водного бассейна Северного Гонура. Вторая половина комплекса находится на северо-западном берегу. Именно во второй части комплекса, начиная с помещения 107 и кончая помещением 147, фиксируются отходы производственной деятельности металлистов. Причем отходы производства отмечаются не во всех помещениях (рис. 1).

Помещения рассматриваемого архитектурного комплекса, сооружены из сырцового кирпича размером 43x26,5x13,5 см, 43-45x20-25x12-15 см. Толщина стен в пределах 50–60 см. Помещения имеют достаточно ровные углы. Многие из них снабжены двухкамерными печами-очагами. Данные печи – своеобразная визитная карточка Гонура, всего их встречено несколько сотен.

В.И. Сарияниди считал двухкамерные печи культовыми и интерпретировал их как очаги для приготовления жертвенного мяса (Сарияниди, 2008. С. 13). Подобные ритуальные печи отмечаются и во дворце Северного Гонура. Там их всего 12. Почти все они расположены на продольных осях – линиях «север-юг» и встроены в стены помещений. В башнях кремля Северного Гонура 21 такая печь. Аналогичные печи в большом числе найдены и во многих помещениях многочисленных храмов Северного Гонура.

В гонурском дворце исключение оставляет только одна печь, та, которая расположена посередине «Царской молельни» (пом. 185). Там она устроена, как не раз отмечал В.И. Сарияниди и подчеркивают архитекторы, изучающие комплекс, на подиуме и по размеру несколько больше остальных (Артемьев, Урманова, 2010. С. 191).

В архитектурном комплексе раскопа 9 пом. 147 аналогично «царской молельне». Оно содержит подобного рода ритуальную печь на подиуме в центре помещения. Данное помещение, несомненно, было ритуальным.

Создается впечатление, что архитектурный комплекс, раскопанный на Р 9, так же как и дворец (Сарияниди, 2000; Артемьев, Урманова, 2010), первоначально был построен по заранее подготовленному плану. Возможно, на этом плане уже имели свое место двухкамерные печи. Конечно, со временем



Рис. 1. План раскопа 9 на Гонур-депе. Серым цветом отмечены производственные помещения. А – Основная печь для вторичной плавки. В – «Кузнечный горн». С – «Кузнечный горн». D – «Производственный горн». E – Двухкамерная культовая печь. + – Производственные горны для вторичной плавки металла

помещения ремонтировали, перестраивали, но, судя по плану и наличаю двухкамерных печей, рассматриваемый архитектурный комплекс, скорее имел бытовое назначение и его помещения отнюдь не предназначались для производственных целей.

Как уже отмечалось выше, материалы, связанные с производственной деятельностью металлостов, отмечаются, начиная с помещения 107.

Помещение 107. Подпрямоугольное в плане помещение 107, было определено В.И. Сарияниди и Н.А. Дубовой как одно из главных помещений производственного комплекса. В его северо-западном углу располагалась печь, предположительно, для плавки металла (рис. 1, А). Н.А. Дубова в ее специальной

статье описывает порядок расчистки и конструкцию печи. Описание сводится к следующему: «...В северо-западном углу (комната 107) уже на дневной поверхности прослеживалось темно-коричневое пятно размером 1,5×1,0 м, которое расширялось в нижних горизонтах. Пятно образовалось из сильно прогоревшей земли, смешанной с золой разного цвета – от черного до светло-серого. При расчистке пятна оказалось, что в этом месте находилось возвышение (с севера на юг по западной стене 3,2 м; с запада на восток по северной стене 2,4 м и 1,8 м по средней части помещения), на котором найдены остатки нескольких тиглей, специфической формы сильно обожженные кирпичи, а также фрагменты бронзовых изделий, глинные формы

для отливки, застывшие ручейки бронзы. Возвышение представляет собой земляную насыпь неправильной формы высотой 30 см, по периметру которой лежал один ряд сырцовых кирпичей. Около юго-восточного угла возвышение упирается в прямоугольный очаг(?) или ямку той же высоты, доверху заполненную черной золой, внутри которой также найдены фрагменты и целые формы для литья бронзовых изделий. Стенки ямки не обожжены ни снаружи, ни изнутри.

На поверхности возвышения...было сооружено не менее трех небольших прямоугольных камер...

В центральной части возвышения обнаружены два небольших сооружения из глины 30×30 см и высотой 15–20 см. В центральном углублении этих сооружений находятся застывшие остатки расплавленной бронзы. По всей видимости, это – остатки тиглей, в которых и происходил процесс вторичной плавки металла. В каждом из двух тиглей внизу сбоку имеется отверстие. От одного из тиглей тянулся длинный (70 см) желобок, внутри которого находились мелкие капельки и шарики из бронзы. Здесь же, в центральной части площадки, находилось небольшое возвышение (90×50 см) высотой 10 см, на котором можно проследить остатки трех подобных тиглей, но практически не имеющих следов застывшего металла» (Дубова, 2008. С. 94).

Из описания понятно, что в какой-то период существования помещения в его северо-западном углу из земли возвели трапециевидное по форме возвышение высотой 30 см. Размеры возвышения: 3,20 м (вдоль западной стены помещения) × 2,40 м (вдоль северной стены помещения) × 1,80 м (от северной стены к центру помещения) × 3,00 м (от западной стены к центру помещения, примерно, по нашим подсчетам). По периметру возвышение было обложено булковидными сырцовыми кирпичами, которые были очень сильно обожжены (рис. 2, 6)¹. На его поверхности были устроены три глиняные конструкции. Две из них были квадратными в плане и имели размеры 30×30 см и высоту

15–20 см. В обе конструкции были вставлены тигли, которые внизу сбоку имели отверстия (судя по всему, похоже для стока мелалла). От одной из упомянутых конструкций тянулся желобок длиной 70 см, внутри которого находились маленькие капельки и шарики металла (медь-бронза).

Н.А. Дубовой опубликована фотография одного из тиглей, который находился на возвышенности (рис. 2, 1). В.И. Сариниди и Н.А. Дубова реконструируют устройство тигля, который мог находиться в печи следующим образом: «Округлый предмет с плоским толстым дном (до 10 см толщиной) и углублением в центре лепился из хорошо промешанной глины. Предположительно тигли сверху покрывали слоем глины толщиной до 1,5 см таким образом, что образовывалось сферическое сооружение с плоским дном. Снаружи и изнутри слой глины тщательно заглаживали. Такой тигель помещали в камеру горна, в которой разводили сильный огонь. После процесса плавления металла, тигель извлекали из производственного горна и переносили в соседнее (108) помещение. Именно в этом помещении предположительно производили разливку горячего металла в заранее приготовленные литейные формы для изготовления предметов» (Сариниди, Дубова, 2006. С. 128–131).

В центре возвышения находилась прямоугольная в плане конструкция размерами 90×50 см и высотой 10 см, внутри которой находились фрагменты трех тиглей. Но эти тигли не имели следов застывшего металла.

Дополнительно в юго-западном углу возвышения было устроено округлое в плане сооружение с ямой в центре, в котором находились зола, вместе с целыми литейными формами и их фрагментами. Последнее сооружение, имея внутри золу, не имело следов обожжения стен ни снаружи, ни изнутри.

Из производственных находок следует отметить фрагменты тиглей: венчик диаметром 22 см от крупного тигля (рис. 2, 2,3); фрагмент венчика от тигля диаметром 20 см, обнаруженный в северо-западном углу возвышения; два фрагмента от придонной части тигля; шесть фрагментов стенок от ти-

¹ Отсутствующие в основном тексте статьи иллюстрации представлены на цветной вклейке.

гля, диаметром 14–16 см; два фрагмента стенок от тигля диаметром 20–24 см; фрагмент прямо поставленного венчика диаметром 16 см, плавно переходящего в расширенное тулово, рядом с которым обнаружен фрагмент придонной части сосуда с рифленой внешней поверхностью, сосуд предположительно имел крышку (рис. 2, 5).

Отмечаются детали от старых поломанных бронзовых предметов, которые, вероятно, пускали в переплав; фрагмент тигельного слитка с вертикальной кристаллизацией; фрагменты металлического тигельного сплава со скученностью корольков от 0,7 до 0,2 см в диаметре; фрагменты древесного угля, произведенного от крупных веток, а также горелые кости животных.

В помещении были обнаружены также литейные формы:

1) литейная форма, которая могла быть предназначена для отливки довольно крупного предмета: сельскохозяйственного орудия труда типа тямки или, возможно, топорика. Фрагмент очень маленький и на рисунке не указан;

2) фрагмент составной глиняной литейной формы для производства оружия (топорик) (рис. 2, 9);

3) створка глиняной литейной формы для отливки сельскохозяйственного орудия типа тямки (рис. 2, 11);

4) фрагмент массивной двухстворчатой литейной глиняной формы для отливки сельскохозяйственного орудия типа тямки. По форме створка типа «сапожка», объемная с тупиковым отверстием (рис. 2, 8);

5) литейная форма для изготовления пергородчатой печати (рис. 2, 7).

В комплексе присутствуют фрагменты от двух льячек (2, 4).

Дополнительно следует отметить находки, предположительно, лощил (рис. 2, 10); бронзовое зубильце (рис. 2, 14); фрагменты бронзовых орудий и булавок (рис. 2, 13); в юго-западном углу помещения на высоте 15 см над уровнем пола лежала бронзовая пергородчатая печать в форме отдыхающего архара, на спине которого сидит птичка (рис. 2, 15) (Дубова, 2008. С. 95), фрагменты терракотовых статуэток (две женские терракото-

вые фигурки без голов) (Дубова, 2008. С. 97), фрагменты крупных керамических сосудов.

Помещение 108. Г-образное в плане пом. 108 находится к юго-востоку от пом. 107 и связано с ним проходом. В западной стене помещения устроена двухкамерная печь. У прохода в юго-западной части помещения находилась наковальня (рис. 2, 5). Мастера использовали камень черного цвета, очень плотный и зернистый по фактуре. Сохранившаяся рабочая часть размерами 26×25 см (наибольшая длина и ширина). Высота – 22 см. На одной из сторон находится стеночка шириной 5 см и высотой 4 см. На поверхности многочисленные следы сбоев и налеты меди-бронзы.

Пол у печи был устлан фрагментами крупных керамических сосудов (не менее четырех крупных сосудов-хумов с широким горлом), фрагментами тиглей и литейных форм.

Тигли:

1) несколько фрагментов от одного крупного сосуда, с венчиком диаметром 18 см, форма донца вытянутая, на ней более всего сохранился налет металла. С данным фрагментом встречен один бараний альчик; 2) фрагмент венчика диаметром 18 см и стенки от другого тигля, рядом с которым встречено два альчика; 3) фрагмент придонной части тигля; фрагменты тигельного сплава на основе меди.

Из других находок отмечаются два фрагмента поломанных бронзовых предметов; древесный уголь, произведенный из крупных веток; обгорелые и нет кости животных.

Литейные формы.

1) фрагмент утрачиваемой литейной формы для изготовления металлического навершия жезла (посоха) (рис. 2, 1); 2) шесть фрагментов от утрачиваемой литейной формы с ручкой; 3) фрагмент двухстворчатой литейной формы, для отливки какого-то металлического предмета с ручкой (рис. 2, 2).

В комплексе присутствовали керамические трапецевидной и цилиндрической формы тяжелые конструкции, которые могли использоваться как подставки или затычки (рис. 2, 3, 4).

Н.А. Дубова отмечает среди производственных материалов: 1) наличие нескольких изделий из кремня (в статье В.И. Сариа-

ниди и Н.А. Дубовой 2006 г. они трактуются как наконечники стрел) и отщепов этого камня; 2) лощила, подобные найденным в помещении 107 (рис. 2, 9); 3) камень с множественными следами пиления на нем; 4) часть вазы на ножке, верхняя часть которой была сломана еще в древности, и ее использовали уже в таком, сломанном, виде для хранения ярко-красной краски (рис. 2, 9); 5) многочисленные фрагменты вазы на ножке (кубка), предположительно из оникса (рис. 2, 7), который, вероятно, был сознательно разбит в древности, а его куски раскиданы по полу помещения (Дубова, 2008. С. 98).

В противоположной, южной половине помещения, найдены достаточно компактно лежавшие мозаичные вставки (рис. 2, 8) и один фаянсовый, но, возможно, и из обожженного камня предмет неясного назначения (рис. 2, 11). Н.А. Дубова, оговаривает, что подобные предметы были найдены в нескольких «царских» гробницах и богатых аристократических камерных могилах на некрополе Гонура (Дубова, 2008. С. 98).

Среди находок из пом. 108 отмечается наличие уникальных статуэток, которые, по мнению В.И. Сарияниди и Н.А. Дубовой, «были сознательно разбитыми и разбросанными вблизи ритуального двухкамерного очага в окружении фрагментов литейных форм, тиглей для плавки металла, каменных изделий» (Сарияниди, Дубова, 2006. С. 128–131).

Н.А. Дубова подробно останавливается на описании статуэток. Она поясняет, что на полу пом. 108, преимущественно к северо-востоку от двухкамерной печи были разбросаны фрагменты нескольких разбитых терракотовых статуэток. Удалось собрать 3 практически целые статуэтки (рис. 2, 6) и одну без головы. Еще три статуэтки представлены отдельными фрагментами: одна головой, одна – фрагментом шеи и одна – ногами.

Наиболее необычными оказались две почти полные фигурки, изображающие женщин с выделенными ногами. Такие фигурки обнаружены на Гонур-депе, также как и в Маргиане, впервые (рис. 3, 3). Обычно стоящие женские статуэтки в археологических материалах из Южного Туркменистана эпохи бронзы не имеют ног (историю вопроса



Рис. 3. Терракотовые статуэтки, найденные на Гонур-депе: 1 – мужская статуэтка; 2 – женская статуэтка; 3 – одна из двух статуэток, обнаруженных в пом. 108 поздней мастерской (по: Сарияниди, Дубова, 2013. С. 22–25)

см.: Массон, Сарияниди, 1973). Известные женские стоящие статуэтки из Гонур-депе имеют головы, украшенные шапочками или коронами, а на шее – изображение бус или кулона. Нижняя часть тела треугольная с процарапанным треугольником с мелкими насечками, который расположен вершиной вниз. Основание треугольника отмечено двумя линиями. Талия обозначена, а остро заканчивающиеся руки расставлены широко в стороны. Грудь показаны остроконечными налестками (рис. 3, 2). Важным отличием мужских фигурок являются пояса, завязанные на талии; ноги, стопы которых иногда напоминают лапы, а иногда в широких сандалях. Руки мужчин часто изображены в виде более или менее стилизованных крыльев, а головы похожи на птички (рис. 3, 1) (Сарияниди, Дубова, 2013. С. 173).

Обе фигурки из пом. 108 имеют босые ступни ног. Колени подчеркнуты прищипыванием еще по сырой глине. Их шеи достаточно длинные и украшены процарапанными бусинами, подвешенными на двух нитях. Головы увенчаны расширяющимися кверху «коронами», в которых имеется по два небольших отверстия. Внизу «корон» имеются V-образные знаки (обозначение украшения или, возможно, прядей волос). Глаза, переданные налестками с глубокими длинными, идущими чуть наклонно прорезами, расположены по обеим сторонам от сильно выступающего вперед носа орлиной формы. Н.А.Дубова, при

описании двух уникальных терракотовых статуэток, подчеркивает, что кроме обычного треугольника пол обозначен рельефным изображением женских наружных половых признаков, что может подчеркивать девственность персонажа (Дубова, 2008. С. 97).

Предложенная Н.А.Дубовой версия очень интересна и вполне вероятна. Вместе с тем, мне хотелось бы предложить еще одну версию, о том, что на двух статуэтках представлено наложение двух фигур – мужской и женской. Иными словами, мужчина находится в женщине. Объединение женского и мужского начал – своеобразная абстрактная форма передачи секса.

Техника наложения фигур очень характерна для искусства и абстрактного мышления именно металлостов на Гонур-депе. Мы ее можем видеть на примерах металлических предметов, найденных на памятнике: 1) уникальный по форме ритуальный медно-бронзовый топор, острие которого сделано в форме рыбьего хвоста, а обух в виде головы петуха (Сарианиди, Дубова, 2013. С. 196–197); 2) навершие серебряной булавы в форме фантастического существа, имеющего два тела крылатых львов и одну голову, больше напоминающую дракона (Сарианиди, Дубова, 2013. С. 203).

Идея объединения женского и мужского начал очень характерна для металлургического производства Средней Азии. Она переживает вплоть до средневековья. К примеру, мы можем видеть ее в производстве знаменитых тигельных высококачественных сталей, зафиксированном на Гяур-кале в Мерве IX–X вв. (Туркменистан) и на Ахсикете в Северной Фергане IX–начало XIII вв. н.э. (Узбекистан), когда тигли, имеющие форму фаллоса, вставлялись в женское лоно – металлургическую печь (форму сосудов см.: Papachristou, Rehren, 2008. P. 519–528).

Интересно, что Е.Н. Черных среди материалов с селища Горный срубной археологической общности позднего бронзового века (XVIII–XIV вв. до н.э.), расположенного в Каргалинском горно-металлургическом центре (50–140 км северо-западнее Оренбурга, Российская Федерация), также упоминает сооружения ритуально-магической направ-

ленности – «мужские траншеи фаллосы» под полами жилых отсеков и плавильных дворов, которые почти всегда были устремлены к «женскому лону» металлургических очагов, т.е. к тому месту, где, как верили, и может зарождаться металл (Черных, 2004. С. 16).

В.И. Сарианиди и Н.А. Дубова акцентируют внимание и на том, что эти уникальные в своем роде фигурки «найжены сознательно разбитыми и разбросанными вблизи ритуального очага», и что в пом. 108 «проходили какие-то религиозные ритуалы, целью которых было получение благосклонности духов и/или богов, дабы они сделали сплав, соответствующий требованиям, а изделия из него – прочными и долговечными» (Сарианиди, Дубова, 2006. С. 128–131; Дубова, 2008. С. 98).

Помещение 109. Подквадратное в плане помещение расположено к востоку от пом. 108 и сообщалось с последним проходом в юго-западном углу. На полу, в проходе помещения, были обнаружены два полуразрушенных тигля (рис. 2, 1,2). Следует упомянуть, что к моему приезду на Гонур-депе, тигель из пом. 107 и два тигля из пом. 109 уже передали на хранение в музей, и мне не посчастливилось ознакомиться с ними. Фотографии этих тиглей опубликованы (Дубова, 2008. Рис. 6, 8, 9). Среди находок из пом. 109 Н.А. Дубова отмечает фрагмент фигурного слива в виде головы какого-то животного с гривой (2008. С. 98, рис. 34) и кремневое орудие типа длинного наконечника или ножичка (рис. 2, 9) (2008. С. 98, рис. 35).

Дополнительные расчистки в юго-западном углу помещения в проходе выявили семь фрагментов от футеровки производственного горна, который, видимо, был устроен прямо на полу. Стенки горна были толщиной 2–2,5 см. Черепок рыхлый, жаростойкий, но более плотный, чем у тиглей. В тесте редкая примесь рубленной соломы, редкие белые включения и древесный уголь. Среди материалов присутствует тигель, фрагмент венчика диаметром 18 см (рис. 2, 8).

Производственные остатки зафиксированы также в восточной части помещения у двухкамерной печи. Здесь в 45 см к западу от культовой печи в полу, расчищена яма диаметром 65 см и глубиной 40 см, в которую,

по всей вероятности, был вмонтирован сосуд типа хума. На полу вокруг ямы зафиксированы: фрагмент тигля высотой примерно 14 см при диаметре венчика 16 см (рис. 2, 3); фрагмент венчика диаметром 22 см от тигля-сковороды (рис. 2, 7); фрагмент венчика диаметром 20 см от тигля или льячки (рис. 2, 6); стенки тигля крупного размера, диаметром примерно 18 см; фрагмент венчика диаметром 20–22 см от тигля или льячки полусферической формы; сосуды с рыхлым черепком и характерной для литейных форм Гонур-депе прокаленностью внутри черепка до черного цвета (рис. 2, 4, 5); фрагмент тигельного металлического сплава. Присутствует также двухстворчатая литейная форма, предположительно, для отливки копья. Фрагменты маленькие и на рисунке не указаны.

Следует оговорить, что часть пом. 109, также как и пом. 108 разрушены искусственным каналом, прорытым с северо-запада на юго-восток в последний период заселения Гонура.

Помещение 111. Открытое типа двора помещения. Материалы по производству в нем были сосредоточены к юго-западу от прямоугольной конструкции двухкамерной культовой печи. Следует отметить, что данная печь, отличается от других печей комплекса тем, что две камеры расположены внутри квадрата стен и не имеют входов или открытой части. Здесь на полу помещения скучено были обнаружены: тигель с венчиком 18 см с преднамеренным рифлением придонной части (рис. 2, 11); фрагмент венчика диаметром 18 см с подцилиндроконическим туловом, аналогичный тому, что был найден в помещении 122, но чуть большего размера (рис. 2, 10); разбросанные по полу помещения два фрагмента стенок тигля (примерный диаметр 13 см). Отмечаются фрагменты футировки производственного горна, толщиной 3–3,5 см. Тесто их жаростойкое с примесью шамота, более крупного, чем в тесте тиглей, рубленной соломы и белых гипсовых включений. Из литейных форм присутствуют:

1 – фрагмент двухстворчатой литейной формы, предположительно для литья топорика (аналогичный, найденному в пом. 107) (рис. 2, 6);

2 – керамическая глиняная литейная форма для отливки сельскохозяйственного орудия (рис. 2, 1). Предположительно фрагменты от других частей той же формы (рис. 2, 2, 3);

3 – фрагмент глиняной литейной формы, возможно, для деталей фигурного топорика (2, 4);

4 – створка литейной глиняной формы в виде крышки (аналогичная створка, найдена в пом. 107) (рис. 2, 5). Представляется, что данный тип створки от двухстворчатой литейной формы был многократно использован, в то время как объемную часть, видимо, ломали после отливки предмета.

5 – фрагмент объемной створки от глиняной литейной формы для отливки сельскохозяйственного инструмента или оружия (рис. 2, 7). Очень похожая литейная форма была обнаружена на поселении Арисман 1, расположенного у пос. Кашан на западе Центрального Ирана в слоях Сиалк IV (конец IV – первая половина III тыс. до н.э.) (Chegini *at al.*, 2000. Fig. 20).

6 – фрагмент стенки и ручки-отростка от литейной глиняной формы (рис. 2, 8).

7 – плохой сохранности фрагмент керамической глиняной литейной формы с орнаментом в виде выпуклых и вогнутых кругов или восьмерки. Аналогичный найден среди материалов из пом. 107 или 108 (рис. 2, 9).

Помещение 112. Прямоугольное в плане помещение, вырубленное с пола пом. 111 на глубину 1,5 м. В его южной стене была устроена двухкамерная культовая печь. В отличие от культовых печей других помещений комплекса она не сложена из сырцового кирпича, ее вылепили прямо в материковой глине. В северной стене, напротив печи, устроено сооружение типа неглубокой ямы с высокой стеной. В других стенах на разной высоте от пола выявлены ямы и ниши неправильной формы. По мнению Н.А.Дубовой, прямо в этом помещении могли добывать глину для изготовления тиглей и литейных форм, а в ванне эту глину могли замешивать, поскольку описываемое помещение находится в непосредственной близости от помещений, где производилась выплавка металла и отливка изделий (Дубова, 2008. С. 98). Она также

упоминает, что в верхних слоях помещения были найдены глиняные формы для литья и обломки бронзовых предметов (Дубова, 2008. С. 99). При дополнительных зачистках в помещении был обнаружен фрагмент тигельного слитка от сплава на основе меди с характерным слоем лессовой оплавленности от тигля.

Помещения 117 и 118. Прямоугольное в плане пом. 117 и трапецевидное в плане пом. 118, расположены к юго-западу от пом. 107, но не связаны с ним проходами. В находках из этих помещений присутствуют: фрагмент стенки тигля; спекшиеся корольки от металлического сплава на основе меди с характерным налетом тигельного лесса; губка металла от сплава на основе меди с корольками.

Помещение 119. Прямоугольное в плане помещение, расположено к западу от пом. 118. Оно также как и пом. 112 было углублено на 1,5 м и имело две двухкамерные печи, вылепленные прямо в материковой глине. Среди прочих находок, в нем были обнаружены два фрагмента от литейных форм, которые не реконструируются.

Помещение 121. Подпрямоугольное в плане помещение, расположенное к юго-западу от пом. 111. В его юго-западном углу обнаружен фрагмент крупной двухстворчатой литейной формы, которая не реконструируется.

Помещение 122. Открытое типа дворика помещение. Около двухкамерной печи, принадлежавшей пом. 123, на полу на площади 110×60 см зафиксирован производственный мусорный разброс, состоящий из фрагментов тиглей, литейных форм, костей животных (горелые и не горелые), альчиков и бытовой керамики. Среди упомянутых фрагментов, обнаружен археологически целый тигель с венчиком диаметром 14 см (рис. 2, 1) и остатки стенок толщиной 5–8 см от производственного горна. Горн монтировали из специальной жаростойкой рыхлой глины с обильной примесью органических включений, похожих на мелко рубленную солому или шелуху какого-то злакового растения. Показателен один фрагмент, сохранивший специально сделанный в нем канал для подачи воздуха(?). На этом фрагменте четко видны белые гипсовые включения, кроме органических примесей. К сожалению, производственный

горн не реконструируется. Можно лишь отметить, что это была конструкция с невысокими стенками, примерно 9–10 см, устроенная прямо на полу помещеия.

В 80 см на северо-запад от описанного участка в этой комнате зафиксирован еще один участок с отходами производства и бытовым мусором. Находки расположены на высоте 30–35 см от пола. Они концентрируются вокруг крупного хума с выгнутым наружу валикообразным венчиком диаметром 34 см, переходящим в яйцевидное тулово. Сосуд был вмонтирован в пол. Среди находок отмечаются: фрагмент пористого медного слитка; фрагменты от стенок горна; булкообразные сырцовые кирпичи без следов обожженности; фрагмент ручки от тигля в виде жаровни; фрагменты от крупных и мелких зернотерок, пестиков и гладких галек; фрагменты древесного угля, обожженных костей животных и роговых стержней; тяжелые конструкции трапецевидной и цилиндрической формы, которые могли использоваться как подставки или затычки.

Помещения 123 и 126. Оба помещения сильно разрушены искусственным каналом и его западным отводом. В них обнаружены по два-три фрагмента от металлического сплава на основе меди с характерным налетом тигельного лесса.

Помещение 130. Квадратное в плане помещение, расположенное к юго-западу от пом. 126. В его южном углу расчищен округлый в плане кузнечный горн, диаметром 46×43 см и глубиной 12 см, который с северной стороны имеет отверстие для подачи воздуха диаметром 6 см (рис. 1, В). Рядом обнаружены булкообразные кирпичи, которые металлосты использовали в производстве.

Помещения 131 и 132. Квадратные в плане помещения в свите комнат к югу от западного отвода от позднего канала. Пом. 132 имеет двухкамерную культовую печь в восточной стене. Помещения сообщаются между собой проходом. Но оба они как бы изолированы и не имеют проходы в другие помещения.

При расчистке пом. 131 обнаружены три фрагмента от округлого донца одного тигля и достаточно крупные фрагменты тигель-

ного сплава на основе меди. В данном помещении также присутствовали фрагменты от каменной одностворчатой литейной формы. Камень черного цвета, имеет очень хорошую заглаженную поверхность. На внешней поверхности отмечены следы насечек и участки со следами меди. От рельефа литейной формы сохранилось только завершение луча. Скорее всего, форма служила для отливок ювелирных украшений (Папахристу, 2010. Рис. 8).

В одной из камер культовой двукамерной печи пом. 132 обнаружены фрагменты от одного тигля и кусок от тигельного сплава на основе меди.

Помещение 141. Квадратное в плане пом. 141 расположено к западу от комнаты 130. В его западной стене была устроена двухкамерная культовая печь. Вблизи от южной духовки печи расчищен округлый в плане кузнечный горн, размерами 60×50 см и глубиной 32 см. С восточной стороны горна находилось отверстие для подачи воздуха диаметром 7 см (рис. 1, Г).

Помещение 147. Прямоугольное в плане, расположенное на юго-западе производственного комплекса, оно является последним помещением мастерской. В его центре на платформе была устроена двухкамерная культовая печь. Вероятно, что в своей основе, помещение представляло целлу с обводным коридором. На каком-то этапе к северо-западному углу культовой печи вплотную был пристроен производственный горн. Размеры этого овального в плане горна: 50×30 см, глубина 20 см, толщина футеровки 5–7 см.

Внутри горна, кроме золы, находился фрагмент стенки тигля с приблизительным диаметром 6 см. Представляется, что это тигелек ювелира. Глина, из которой изготовлен данный тигелек, существенно отличается от глины тиглей крупных и средних размеров, обнаруженных в других помещениях комплекса. Она светлого, почти белого цвета, т.е. каолиновая. Тесто с примесью шамота, мелко рубленой соломы и, возможно, шелухи злакового растения. Толщина стенок – 0,5–1 см. Тигли, изготовленные из каолиновой глины, известны в находках из поселения Тел-и Иблис (Южный Иран), которое находится вблизи месторождения

медных руд (около Бафта) (5500–3500 вв. до н.э.). Они являются предметом спора исследователей (см.: Сарияниди, Панарин, 1971. С. 279; Терехова, 1975. С. 44–45; Pigott, 1999a. P. 110).

Как уже оговаривалось в начале статьи, пом. 147, по всей видимости, было основным культовым помещением производственного комплекса. Расположение производственного очага в непосредственной близости от культовой печи не случайно. В этом помещении явно происходили какие-то магические ритуалы, связанные с получением первого священного огня для успешных производственных работ (прочие находки из данного культового помещения планируется опубликовать в специальной статье).

В целом следует отметить, что, судя по производственным конструкциям, производственному инвентарю и отходам производства в описанных помещениях, на начальных этапах, мастерская была большой. Но, затем, в силу каких-то причин, она была сокращена и функционировали только пом. 107, 108, 109, 111 и 122. Собственно поэтому самые массовые находки *in situ* расположены на этих площадях. Пом. 112 и 119 были построены позже, так как их вырубали, первое, с уровня пола пом. 111, а второе – с уровнем полов пом. 118 и 162. Вместе с тем, данные помещения, могли быть одновременны с ранее перечисленными производственными площадями.

Конечно, следует учесть факт того, что юго-западная часть производственного комплекса более сильно разрушена впускными погребальными ямами, а также более поздними керамическими печами и западным отводом позднего канала. Тем не менее, судя по разнице теста тигелька из пом. 147 и тиглей из пом. 107, 108, 111 и 122, складывается впечатление, что юго-западная часть комплекса могла быть более древней по стратиграфии.

Квартал мастеров-металлистов на городище Шахдад

В.И Сарияниди придавал большое значение археологическим материалам, которые были раскопаны в 70-х годах 20 века на городище Шахдад, расположенного на юге

Дашт-и-Лут в Восточном Иране. В связи с получением новых археологических находок в Булуджистане, в одной из своих работ В.И. Сарияниди писал, что «все авторы единодушны во мнении, что наиболее показательные аналогии, соответствующие белуджистанским памятникам, находятся в материалах Бактрии и Маргианы, а в общей форме – в Шахдаде...» (Сарияниди, 1990. С. 85) и задавал себе вопрос: «Что же это на самом деле – отражение племенной инфильтрации или обычное культурное взаимовлияние?» (Сарияниди, 1990. С. 88).

К концу 1970-х годов на городище Шахдад уже были раскопаны Основной некрополь («Местоположение А»), и два более скромных некрополя («Местоположение В» и «Местоположение С»). Стало очевидным, что находясь на половине пути между Индией и Месопотамией, Шахдад играл роль перевалочного пункта в торговле между двумя этими цивилизациями. По мнению Н. Бяшимовой, археологические находки на этом памятнике свидетельствуют о хорошо налаженном пути и в направлении севера – в сторону современного Туркменистана. Автор дополняет, что в том же Керманском оазисе находится Яхья тепе, где его верхний, IV слой характеризуется материалами бронзового века, сходными с маргушскими. Важное значение имеют и параллели с материальной культурой Элама – широкой долины в междуречье Керхе и Каруна в Юго-Западном Иране. На это впервые обратил внимание еще 100 лет назад американский исследователь Рафаэль Пампелли (Бяшимова, 2006. С. 206).

Во время кампании 1977 г., сотрудники археологической экспедиции «Лут» под руководством А. Хакеми на трех поврежденных изолированных курганах в 800 м к северо-востоку от «Основного некрополя» («Местоположение А», на южной дороге между Шахдадом и Дехе обнаружили отходы от производства металла (сплавы на основе меди), а также камнерезного.

Раскопки на этом объекте, площадью около 25×25 квадратных метра, получившем название «Местоположение D» или «Раскоп D», начались в том же году и продолжались два месяца. В результате археологических

работ было раскопано здание, состоящее в общей сложности из 30 малых и больших комнат, прямоугольной или квадратной формы. Стены помещений имели толщину 25–60 см и были возведены посредством *chineh* (уплотненная или битая глина) и сырцовых кирпичей размером 42×42×10 см и 42×21×10 см (рис 4, 1).

Следует оговорить, что следы производства прослеживаются на более широкой площади, но городище Шахдад очень сильно подвержено эрозии и много его площадей разъедено временем. Итальянские исследователи С. Салватори и М. Видале, посетившие городище, упоминают огромное пространство, площадью около 500 х 500 м, буквально покрытое шлаками от выплавляемой меди, кроме того, не редко по поверхности прослеживаются следы округлых или подквадратных структур, предполагающих присутствие печей (Salvatori, Vidale, 1982, P. 7).

Помещения раскопанного на «Местоположение D» архитектурного комплекса А. Хакеми разделил на пять комплексов А–Е. В. Пиготт который пытался объяснить производственные конструкции и производственный процесс с позиции археометаллургии (Pigott, 1999, 1999a), говорил о пяти мастерских (рис 4, 2). Речь идет о квартале металлостов, который в научной литературе считается наилучше представленным и наиболее изученным на Ближнем Востоке (Hakemi, 1992, 1997; Moorey, 1982. P. 83, 90–91; Amiet, 1997. P. VII–XII; Salvatory, Tosi, 1997. P. 121–132). Но, как справедливо отметил В. Пиготт, хотя А. Хакеми провел великолепные раскопки и очень подробно описал производственные конструкции, тем не менее, процесс производства, используемый здесь остается не ясным (Pigott, 1999. P. 89–90; 1999a. P. 116–118).

Обратимся к первоисточнику (Hakemi, 1997. P. 85–114). Выделенные на «Местоположении D» комплексы А. Хакеми обозначает так: комплекс А (мастерская 1) состоит из 5 помещений (пом. 1–4, 30); комплекс В (мастерская 2) состоит из 7 помещений (пом. 5–8, 24–25, 29); комплекс С (мастерская 3) состоит из 5 помещений (пом. 9–13); комплекс D (мастерская 4) состоит из 11 помеще-

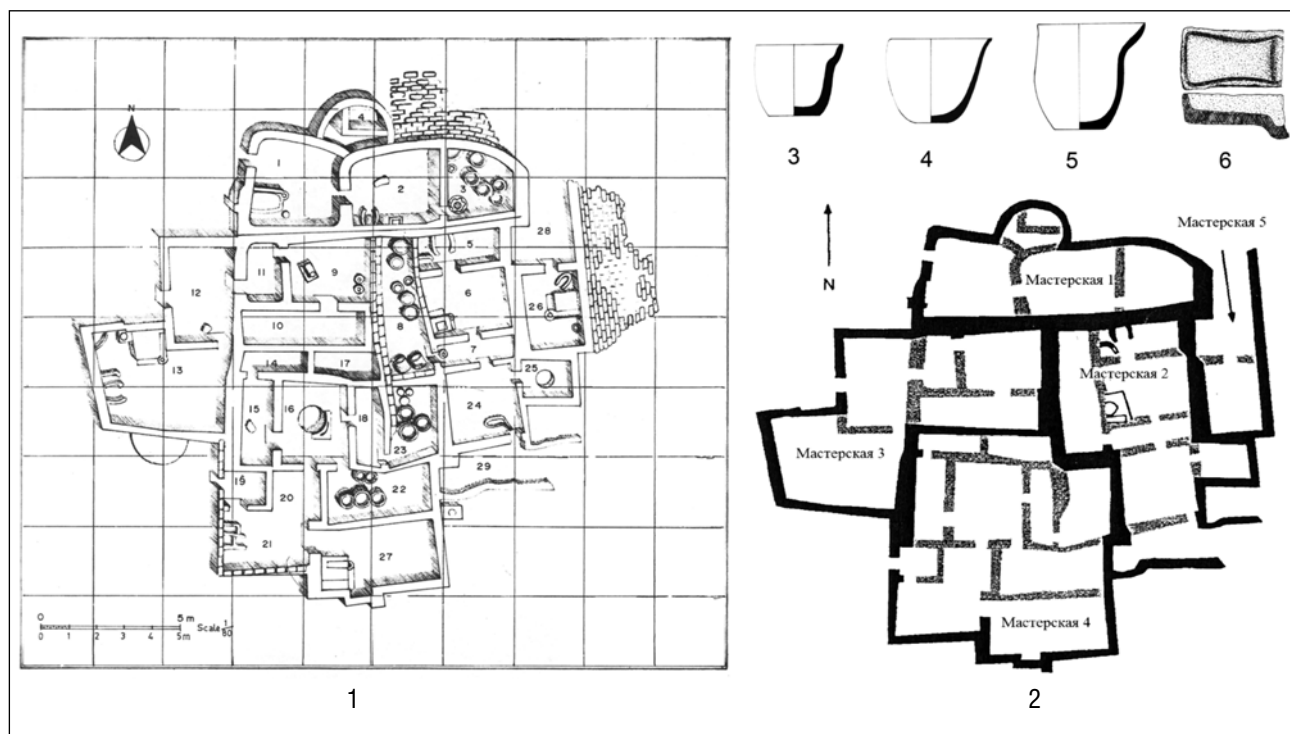


Рис. 4. Шахдад «Местоположение D»

1 – План памятника, сделанный А. Хакеми в 1977 г. (1997. Р. 90, fig. 54). 2 – План квартала металлостов в Шахдаде (по: V.C. Pigott, 1999. Р. 116, fig. 6). 3 – Тигель из пом. 9 (комплекс В – Мастерская 2). 4 – Тигель из пом. 28 (комплекс Е – Мастерская 5). 5 – Тигель из пом. 28 (комплекс Е – Мастерская 5). 6 – Литейная форма для отливки топорика, обнаруженная в пом. 9 (комплекс В – Мастерская 2).

ний (пом. 14–23, 27) и комплекс Е (мастерская 5) состоит из 2 помещений (пом. 26, 28).

Основные, центральные комнаты выделенных мастерских, содержали так называемые «основные металлургические печи». Настоящие печи уникальны по устройству и представляют собой единственные на Иранском плато экземпляры *in situ* (рис. 5, 1–7).

Комплекс А (мастерская 1). Печь из помещения 1:

«В юго-западном углу пом. 1 располагалась металлургическая печь. Длина печи 115, а высота 31 см. Верхняя часть печи была разрушена. В центре печи находился литейный горн, углы которого были округлой формы и были всего несколько см в высоту. Прослежены следы широкого ободка по периметру горнового устройства. Пол горна был покрыт глиняной штукатуркой и мелким песком и был наклонен слева направо. В правом углу горнового устройства имелся наклонный канал, по которому выплавляемый металл стекал в глиняный тигель, вмонтированный в пол.

В передней части печи располагалась маленькая платформа, а слева находилось место для сбора золы и дров. В северном углу

помещения была устроена другая маленькая печь, которую использовали для вторичной плавки. Вне комнаты были найдены большие гранитные камни».

Комплекс В (мастерская 2). Печь из пом. 6:

«Плавильная печь размером 130×50 см была устроена в юго-восточном углу у западной стены. Пространство между печью и южной стеной использовалось как кладовое пространство. Простой сосуд находился на полу у кладовой территории.

Печь была построена на прямоугольной платформе и имела горн с левой стороны и канал для стока расплавленного металла справа. Горн был квадратной формы с округлыми углами, размером 50×50 см, и его левая сторона была тоньше чем правая. В правом углу было отверстие для стока расплавленного металла. Канал имел перекрытие».

Комплекс С (мастерская 3). Печь из пом. 13:

«Большая печь размерами 120×94 см и с маленькой разницей была аналогична уже описанным. С правой стороны печи была тонкая стенка с тиглем, устье которого было диаметром 25 см».

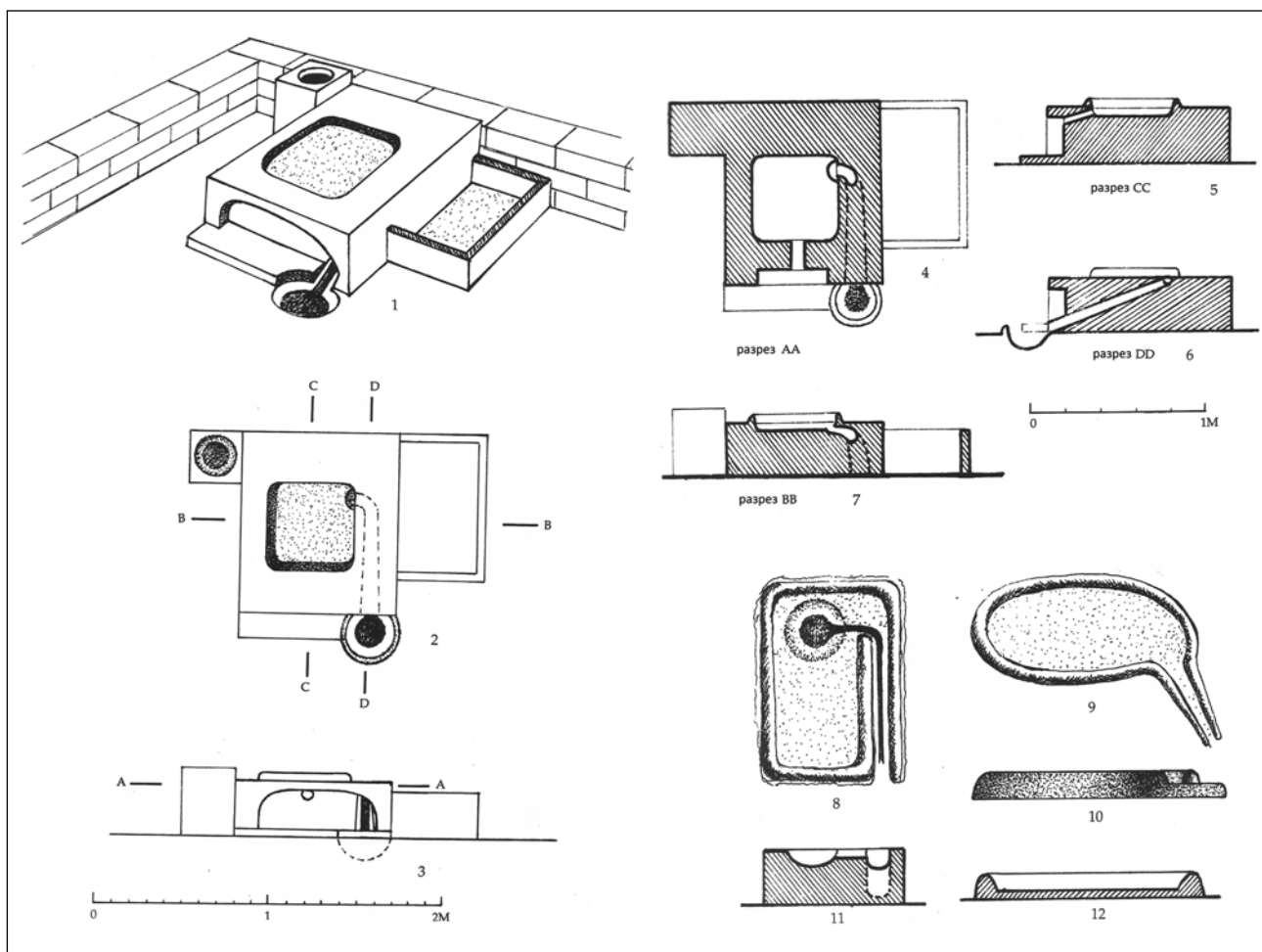


Рис. 5. Шахдад «Местоположение D». Конструкция основной печи и горнов для вторичной переплавки или перегонки металла (по: Nakemi A., 1997. P. 87–88, fig. 50–51)

1 – 7 – Основная металлургическая печь из пом. 6 (комплекс В – Мастерская 2), план и разрезы.

8 – 12 – Конструкции горнов для вторичной плавки металла

Комплекс D (мастерская 4). Печь из пом. 27:

«Печь была расположена в юго-западном углу помещения и имела приблизительные размеры 150×120 см и диаметром 41 см. Перед печью находилась платформа с размерами 52×32×14 см».

Комплекс В (мастерская 5). Печь из пом. 26:

«Металлургическая печь была построена у восточной стены и конструкция этой печи была аналогична тем, что уже были найдены на Местоположение D. Платформа и канал для расплавленного металла кирпичного цвета был возле установленного тигля (первая основная печь – О.П.). С правой стороны печи была другая кубической формы платформа с отверстием, и с другим отверстием в правой стороне, третье отверстие было найдено на полу помещения (вторая основная печь

– О.П.). У основной печи и в пространстве между печью и северной стеной была третья маленькая печь, построенная на высоту 10 см от пола. Внутри последней печи было выкопано эллипсовидное отверстие, а с правой стороны был устроен узкий канал (печь для вторичной плавки – О.П.). В соседстве с каналом была сооружена трапецевидной формы поверхность».

Это была единственная комната с двумя основными печами и одной печью для вторичной, найденных вместе».

Среди производственных конструкций А. Хакеми выделяет печи или горны для вторичной плавки.

Комплекс А (мастерская 1), пом. 1:

«В северном углу помещения была устроена другая маленькая печь, которую использовали для вторичной плавки» (она подробно не описана – О.П.).

Комплекс В (мастерская 2) пом. 24:

«Маленькая овальной формы плавильная была найдена, которая у северной стены имела три плавильных горшка с золой и древесным углем».

Комплекс С (мастерская 3) пом. 9 (рис. 5, 8, 11):

«Маленькая прямоугольная печь для вторичной плавки с высотой стен 20 см была построена у основного прохода. На поверхности печи отмечено круглое отверстие, которое сообщалось с длинным узким каналом, имеющим небольшой наклон. Недалеко от печи находилась литейная форма для трапециодальной формы топора, аналогичный которому был найден в Главном некрополе (Местоположение А)».

Комплекс С (мастерская 3) пом. 13:

«В юго-западном углу помещения была построена другая маленькая печь. Это была печь для вторичной плавки с двумя высокими и широкими стенами, сообщающиеся с перекрытием. В пространстве между стенами и перекрытием была плавильная территория. С правой стороны от печи имелось узкое прямоугольное пространство, окруженное тонкими высокими стенами, обложенное во круг камнем».

Комплекс D (мастерская 4) пом. 16:

«В центре помещения находилась маленькая печь для вторичной плавки, аналогичной таковой из пом. 9. У печи было маленькое отверстие, стены которого были покрыты песком великолепного качества».

Комплекс D (мастерская 4) пом. 21:

«Маленькая печь для вторичной плавки была построена у его западной стены. Печь представляет собой две вертикальные параллельные стены, разделенные одна от другой очень маленькой стеной на два отделения».

Центральные помещения каждого комплекса в квартале металлостов, которые имели основную плавильную печь, были окружены корридорами и кладовыми с группой глиняных сосудов. Последние были вмонтированы в пол и имели глиняные крышки. Данные сосуды (или как их называет В.С. Пиготт, контейнеры) содержали кусочки раздробленной медной руды. Следует упомянуть, что, по мнению В.С.Пиготт, описан-

ные А. Хакеми контейнеры очень похожи на низкие осевые металлургические печи, некоторые из них даже суживаются книзу в коническую форму (Pigott, 1999. P. 89; 1999a. P. 116). Добавлю, что это очень весомое замечание, поскольку при описании этих глиняных конструкций из пом. 9 (мастерская 3), А. Хакеми пишет, что в юго-восточном углу помещения находились два глиняных сосуда, которые были вмонтированы в пол, а на полу возле этих сосудов было сделано отверстие цилиндрической формы. Очень возможно, это отверстие являлось продухом для подачи воздуха. В.С. Пиготт добавляет, что те округлые структуры, которые упоминают при поверхностном исследовании городища Шахдад в их статье С. Салватори и М.Видале (Salvatori, Vodale, 1982. P. 7), есть то, что А. Хакеми обозначал как рудные хранилища. Если бы эти конструкции были металлургическими печами, то надо было бы ожидать (как отмечают авторы), что они были бы обожжены, ошлакованы и остеклованы местами. Но в текстах А. Хакеми таких замечаний не имеется А. Хакеми (Pigott, 1990. P. 90).

А. Хакеми отмечает также, что все проходы в помещениях квартала были расположены в южной или западной стенах, чтобы избежать сильных ветров с севера и востока.

Огромные гранитные камни, которые присутствуют в помещениях, предположительно могли являться наковальнями для дробления руды.

Из инвентаря металлостов в археологических материалах целого квартала, присутствует одна литейная форма для отливки топорика (рис. 4, 6), а также в тексте упоминается присутствие тиглей в десяти помещениях. Три археологически целых тигля чашевидной формы со сливом представлены в иллюстрациях (рис. 4, 3–5). Тигли разных размеров и, по мнению В.С. Пиготт, их форма прекрасно подходит скорее для разжижения и выливания разжиженного металла в литейные формы, чем для плавки металла (Pigott, 1999. P. 89; 1999a. P. 116).

А. Хакеми упоминает также керамические затычки, которые использовались для затыкания каналов, по которым стекал расплавленный металл.

В материалах из квартала металлостов в Шахдаде нет никаких намеков на магические ритуалы. Единственное, что отмечает А. Хакеми, это то, что некоторые, особо важные для металлостов помещения, имели стены с покрытием штукатуркой светло-зеленого цвета или стены из сырцового кирпича.

А. Хакеми дополняет, что анализы археологических материалов из «Местоположения D» (квартал медных дел ремесленников и металлургов), так же как и некрополя («Местоположение A») Шахдада были начаты в 1977 г. в центре «Research and Application of Radioisotopes (CRAR)» – Организации Атомной Энергетики в Иране (АЕОИ) в сотрудничестве с Иранским Центром Археологических Исследований (ICAR). Первые результаты были представлены на шестом ежегодном симпозиуме археологических исследований в Иране, который проводился в Тегеране в 1977 г.

Артефакты, которые были собраны и исследованы Археологической Миссией в Дашт-и-Лут включали металлические объекты и их фрагменты, медные руды и шлаки, фрагменты соли и древесного угля. Анализы проводились химическими методами, методом атомной абсорбции, электронной микроскопии, рентгеновской флуоресценции и металлургических приемов.

А. Хакеми представил результаты графических анализов некоторых металлических объектов из «Местоположения D» (Nakemi, 1997. Fig. 78). Элементный состав также как и металлургическое исследование этих материалов, показали высокое содержание меди (более 95%) и наличие других компонентов, таких как мышьяк, свинец, железо, алюминий, никель и кремний (в пределах 2–4%). Следы элементов с содержанием менее чем 1% не были учтены. Элементный состав металлических объектов из «Местоположения D» выглядит следующим образом:

Cu – 95–98%;

Pb – 0,5–3,0%;

As – менее чем 1,0%;

Прочие (железо, никель, алюминий, олово, кремний и т.д.) – менее чем 0,5%

Металлургический анализ объектов демонстрирует наличие случайно распре-

ленных пузырьков воздуха, что является результатом высокого содержания меди, доказательства кузнечного отжига и того, что металлические объекты были изготовлены посредством литья. Кристаллографическое исследование минералов, обнаруженных на «Местоположение D», дает ясное представление о том, что малахит был главным компонентом руд, используемых для плавки (металлургии).

А. Хакеми приводит также ряд исследований шлака, который был обнаружен и в «Местоположение D», и в его окрестностях. Шлаки, как правило, двух типов: а) частично выплавленные; б) абсолютно выплавленные. Частично выплавленные шлаки содержали металлические и не металлические порции. Металлические порции этих шлаков содержали в среднем примерно 80% меди, 5% железа, 10% свинца и менее чем 5% других элементов. Главные элементы в не металлических порциях в шлаках составляли примерно: медь 10%, железо 35%, свинец 5% и кремний 30%. В качестве примера результаты одного такого анализа элементного состава шлака демонстрируются в табл. 7 книги А. Хакеми.

Как контраст, абсолютно выплавленные шлаки были гомогенного состава и в среднем имели примерно 80% железа, 10% кремния, и менее чем 5% меди и свинца.

Основной общий вывод, к которому пришел А. Хакеми на основании исследований металлических артефактов, найденных на «Местоположении D», сводится к тому, что получены четкие доказательства того, что материалом, из которого сделаны объекты (судя по содержанию меди и очень малых количеств таких элементов как олово и цинк), не есть специальные, умышленные бронзовые сплавы. По его предположению, технология плавки металлов из «Местоположения D», очевидно, принадлежит медному веку и является по сути, останками квартала медных дел мастеров или кварталом медников.

По просьбе А. Хакеми, Dr. Wellin из отдела Изотопогеологии Шведского Института Геологических исследований в Стокгольме, провел радиоуглеродное исследование одного фрагмента древесного угля, найденного в пом. № 15 в мастерской медников. Образец

показало дату 2050 ± 80 г. до н.э. А. Хакеми оговаривает, что если учесть возможность загрязнения угля во время сбора образца, или из-за резких экологических изменений, таких как наводнения, которые могли иметь место в этом регионе за прошедшие тысячи лет, то реальная датировка квартала медных дел мастеров в «Местоположении D» должна быть не позже, чем конец III тыс. до н.э. (Nakemi, 1997. P. 109–114). Таким образом, раскопанный А. Хакеми комплекс на «Местоположении D» вошел в научную литературу как квартал по работе с металлом, датированный второй половиной III тыс. до н.э.

Согласно С. Салватори и М. Този, все страны в Центральной Азии от Каракумов до Аравийской пустыни были вовлечены в эволюцию цивилизаций эпохи бронзового века, с мозаикой различий по регионам. Шахдад является одним из наиболее значимых среди таковых.

По общим представлениям, начиная с 2600 г. до н.э. центральные поселения в каждой из региональных неолитических систем Центральной Азии стали преобразовываться в настоящие городские центры, с их административной, религиозной и промышленной деятельностью. Археологические данные показывают, что в течение очень короткого промежутка времени эта большая трансформация произошла на пространстве всего Среднего Востока, от Инда до Египта. Торговый обмен охватывал все большие области, отдаленные друг от друга на большие расстояния, попутно включая все новые регионы. Шахдад был вовлечен в этот общий процесс роста и расширения, становясь городским центром региональной системы территориального объединения с интенсивным сельским хозяйством, животноводством, торговлей и промышленным производством.

Раскопанные А. Хакеми некрополи датируются между 2500 и 1800 годами до н.э. Аэрофотоснимки и ряд наземных разведок позволили оценить общую площадь городища в 400 га. Распределение артефактов показывают, что около 2000 г. до н.э., поселение было расширено по площади от 50 до 100 га. Поскольку вокруг города на близком расстоянии располагались кладбища, сады и пригородные ремесла, то это число можно

удвоить до площади около 200 га. Этот показатель определяет Шахдад как один из крупнейших населенных пунктов Центральной Азии современного ему времени. Поскольку на поселении присутствует и керамика энеолитического времени, полагают, что протогородская основа относится к V тыс. до н.э., когда известны и другие региональные центры в пустынях Центральной Азии, фундамент которых был заложен приблизительно на два тысячелетия раньше. Т.е. город Шахдад эпохи бронзы был сооружен на основе города раннего энеолита, по той же схеме преемственности, которая уже известна в Сялке, Гиссаре, Намазге, Алтын-депе и Мундигаке.

Второй замечательный результат, полученный Итальянской миссией, это определение областей промышленной деятельности поселения бронзового века. Уже по первому впечатлению, при визуальном обследовании поселения в 1974 г. сложилось мнение о том, что Шахдад был крупным центром промышленного производства.

Из ремесленных производств на городище, судя по археологическим отчетам, лучше всего представлены камнерезное производство и деятельность металлостов. Отходы камнерезного производства отмечены к северу от некрополя (Местоположение А), в то время как отходы от производственной деятельности металлостов распространяются на больших пространствах. Предварительные рекогносцировочные исследования были подтверждены позже, когда команда А. Хакеми раскопала один из этих участков, в результате чего был выявлен целый комплекс небольших комнат и дворов, заполненных отходами металлургического производства и смежных инфраструктур (Salvatory, Tosi, 1997. P. 121–132).

В то же время, другой ученый из Ирана, специалист по археометаллургии, А. Ватандуст, рассматривая медные месторождения в непосредственной близости от города Керман, указывает, что открытие металлообрабатывающей деятельности на таких древних памятниках как Тепе Яхья, Тал-и Иблис и Шахдад, которые расположены в провинции Керман, а также встречаемость медных ме-

сторождений в этом регионе, позволяют говорить о том, что Керман вполне мог (или был сразу) крупным металлообработывающим центром Старого Света. «Свидетельства плавки меди в Тал-и Иблис, приуроченной к концу V тыс. до н.э., а также открытий «город ремесленников» в Шахдаде, состоящий из медеплавильных печей, относящихся к последней части IV тыс. до н.э., поддерживают идею принадлежности Кермана к древнему региону Западной Азии, в котором плавил медные руды» (Vatandoust, 1999. P. 124).

Таким образом, разница между датировкой квартала металлостов в Шахдаде, предложенной А. Хакеми (вторая половина III тыс. до н.э.), и таковой, предлагаемой А. Ватандустом (конец IV тыс. до н.э.), составляет примерно 1000 лет. А. Ватандуст проанализировал 16 предметов, происходящих из Шахдада. В заключение своей статьи он пишет, что химический анализ медных объектов из Шахдада показывает большое количество содержания в сплаве мышьяка (например: Vatandoust, 1999. Табл. 2, № 13). Однако, хотя и полагают, что источниками медной руды для Шахдада были Кале Зари в южной части города Бирджанд, добыча в области Дехсалм, в непосредственной близости от Систана и Белуджистана, а также шахты Чехель Курех близ Захедана, но все перечисленные – свинцовые и цинковые, а не медные рудники. Согласно результатам анализа образцов, полученных до настоящего времени из этих горнорудных объектов, мышьяк в них отсутствует полностью или его концентрация чрезвычайно мала. А. Ватандуст заключает, что хотя Шахдад и был широко вовлечен в культурные и экономические связи с древневосточными цивилизациями, было бы неверным предполагать, что металлосты этого поселения получали сырье для своих работ из восточных регионов. Внимание специалистов по археометаллургии должно быть сосредоточено на еще не исследованных рудниках вокруг Кермана (Vatandoust, 1999. P. 139).

Обсуждение

Поскольку основная цель предлагаемой статьи есть сопоставление двух конкретных объектов (квартала металлостов на городи-

ще Шахдад, Восточный Иран и мастерской металлостов на городище Гонур-депе, Туркменистан), постараемся придерживаться основной темы. Тем более, что вопросы реконструкции тиглей и литейных форм из мастерской, предполагаемые процессы плавки в тиглях, также как вопросы маркетинга и рудных возможностей Средней Азии, уже были рассмотрены в ранних статьях (Папахристу, 2008; 2010). Добавим, что за последнее время появилась серия новых статей и фундаментальных монографий, которые требуют в этой связи подробного рассмотрения (Kaniuth, 2006; Рузанов, 2010; 2013; Григорьев, 2013).

Начнем с низких осевых металлургических печей. На Гонур-депе и в его округе нет никаких свидетельств наличия печей данной конструкции, также как нет находок медной руды. В 2006 г. во время обследования Теменоса – «священного участка» (Южный Гонур), в старом полевоом музее мной был обнаружен фрагмент ладьевидного камня с лункой в центре. Как мне представлялось, камень являет собой фрагмент чрезвычайно богатой руды (Папахристу, 2010. С. 267, рис. 4, 7). Как показал анализ этого образца, проведенный в Институте геологии и разведки полезных ископаемых (И.Г.М.Е.) в Афинах (Греция), это – действительно богатая комплексная руда, но не медная (данный материал будет опубликован в специальной статье).

По как отмечает В.С. Пиготт, в квартале металлостов в Шахдаде в маленьком подквадратном пом. 3 А. Хакеми упоминает шесть таких конструкций, в узком прямоугольном пом. 8 – восемь (один из них был керамическим), в узком прямоугольном пом. 22 – пять, и в маленьком подквадратном пом. 23 – также пять. Конструкции действительно похожи на металлургические печи. Но возникает вопрос: как можно было работать, если учесть их количество и расположение?

В.С. Пиготт попытался суммировать информацию о конструкции основных печей из центральных помещений квартала металлостов в Шахдаде, на примере печи из пом. 6. Она сводится к следующему: 1) мастера воздвигали платформу или возвышение толь-

ко посредством глины; 2) в верхней части печи находилась квадратная конструкция – огненный ящик или горн (возможно лоток для древесного угля); 3) по периметру горн был обложен кирпичами; 4) в правом углу конструкции было отверстие, ведущее в наклонный желоб, который использовали для циркуляции разжиженного металла; 5) наклонный желобок был продолжен до пола помещения и заканчивался в установленный на полу тигель конической формы; 6) желобок имел перекрытие на всем пути, от правого угла огненного ящика до тигля (Pigott, 1999a. P. 117). Дополним, что по описанию А. Хакеми, когда тигель, установленный в полу, заполнялся, желобок для стока металла закрывали керамической затычкой, по-видимому для смены тигля.

Из описания печи, обнаруженной в пом. 107 в мастерской металлистов на Гонур-депе, предложенного Н.А. Дубовой, понятно, что в какой-то период существования помещения в его северо-западном углу из земли возвели трапециевидное по форме возвышение, которое по периметру было обложена булковидными сырцовыми кирпичами. Последние были очень сильно обожжены. На поверхности возвышения были устроены три глиняные конструкции. Две из них были квадратными в плане и имели размеры 30×30 см и высоту 15–20 см. В обе конструкции было вставлено по одному тиглю, которые внизу сбоку имели отверстия (вероятно, для стока металла). От одной из упомянутых конструкций тянулся желобок длиной 70 см, внутри которого находились маленькие капельки и шарики металла (медь-бронза).

Как видно из сопоставления описаний конструкций печей Шахдада и Гонур-депе, они в целом аналогичны, особенно, если учитывать желобок для стока металла. Но в случае с Гонур-депе мы имеем как бы усовершенствованный вариант. Печь на этом памятнике по размерам больше, чем в Шахдаде. На ее поверхности уже не один, а два огненных ящика. В огненные ящики вставлены тигли, из которых металл стекал, по-видимому, в другой тигель, который по аналогии с Шахдадом, должен был быть вмонтированным в пол (рис. 6, 1).

Среди находок из мастерской на Гонур-депе присутствуют керамические конструкции, которые, вероятно, были затычками, по аналогии с материалами из квартала металлистов Шахдада.

По описанию Н.А. Дубовой, в центре возвышения находилась также прямоугольная в плане конструкция размерами 90×50 см и высотой 10 см, внутри которой были найдены фрагменты от трех тиглей. Но эти тигли не имели следов застывшего металла. Можно предположить, что данная конструкция являлась хранилищем свежих сосудов для смены заполняющихся тиглей, устраивающихся в полу.

Дополнительно, в юго-западном углу возвышения в пом. 107 было устроено округлое в плане сооружение с ямой в центре, в котором находились зола, вместе с целыми литейными формами и их фрагментами. Последнее сооружение, имея внутри золу, не имело следов обожжения стен ни снаружи, ни изнутри. А. Хакеми также отмечает присутствие конструкций для сбора золы (хранения золы) и дров (к примеру, в пом. 1 комплекса А – мастерская 1).

Из конструкций, раскопанных на квартале металлистов Шахдада, кроме основных печей, А. Хакеми выделяет также малые печи или горны для вторичной плавки. Согласно рисункам, существовало четыре типа таких горнов (рис. 5, 8–12). Некоторые из них, как мне представляется, судя по описанию, могли быть кузнечными горнами. Например, конструкция из помещения 16 (комплекс D – мастерская 4), которая описывается так: «в центре помещения находилась маленькая печь для вторичной плавки; у печи было маленькое отверстие, стены которого были покрыты великолепного качества песком» (Nakemi, 1997. P. 104). В том же убеждают результаты исследований, которыми оперировал А. Хакеми, доказывающими кузнечный отжиг.

Согласно археологическим материалам из мастерской металлистов на Гонур-депе, в пом. 109, 111 и 122 также фиксируются горны, которые были устроены прямо на полу. К сожалению, их нельзя реконструировать. Рядом с их остатками скущенно находились

тигли и литейные формы. На рис. 1 публикации они обозначены как производственные горны для вторичной перегонки металла. На самом деле в этих тиглях могли дополнительно очищать металл, перегонять, или же добавлять лигирующий компонент, подходящий к конкретному типу изделия, которое хотели отлить. Анализы некоторых предметов из Гонур-депе, проведенные разными исследователями и в разное время, показывают достаточное число различных видов сплавов на основе меди (см.: Терехова, 1990. С. 182–192; Гиберт, Киллик, 1993. С. 217–232; Вертман, Дубова, 2014. С. 188–196).

Интересно, что в квартале металлостов Шахдада один из таких горнов в пом. 24 (комплекс В – мастерская 2) расположен у прохода в помещение (рис. 4, 1). То же самое наблюдается в пом. 109 в мастерской металлостов на Гонур-депе (рис. 1).

Тигли, обнаруженные в квартале металлостов в Шахдаде (те, которые были изображены и описаны) имеют чашевидную форму со сливом. Размеры их разные. По мнению В.С. Пиготта, такая форма хорошо приспособлена для разжижения и выливания разжиженного металла, в большей мере, чем для плавки металла (Pigott, 1999. P. 90).

В мастерской металлостов на Гонур-депе в пом. 107 было найдено два фрагмента сливов от подобной формы тиглей (Дубова, 2008. С. 101, рис. 18, 19). Аналогичные по форме тигли-ляльки были найдены также на раскопе 13 в пом. 114 (Папахристу, 2010. С. 276–277, рис. 1, 2; рис. 2, в-с).

Все другие тигли, обнаруженные в мастерской металлостов на Гонур-депе, имеют иные формы. Они находят разные аналогии. Тигель из пом. 109 (рис. 2, 3) – с Тел Эдх Джиба-и (мастерская металлостов в пригороде современного Багдада, Ирак; предположительная дата разрушения мастерской – первая четверть II тыс. до н.э.; Davey, 1983. P. 169). А тигли из пом. 111 (рис. 2, 10) и пом. 122 (рис. 2, 1) на Гонур-депе – с сосудами-тиглями из мастерской металлостов в храме Джаркутана (Узбекистан; середина II тыс. до н.э.; Аскарлов, Ширинов, 1993. Рис. 52, III).

Как уже было отмечено, в квартале металлостов в Шахдаде, состоящего из пяти

мастерских, обнаружен один фрагмент литейной формы для отливки топорика трапецевидной формы. Но в мастерской металлостов на Гонур-депе найдено значительное число литейных форм, большинство из которых являются формами для отливки крупных предметов: сельскохозяйственные орудия труда, оружие, металлическое навершие посоха. В этой связи очень интересными для нас являются наблюдения Н.Н. Тереховой, сделанные еще в 1990 г., когда раскопки памятников эпохи бронзы в дельте реки Мургаб только начинались. Н.Н. Терехова исследовала в то время с помощью металлографического исследования 211 металлических предметов. По периодизации В.И. Сарияниди, этот этап местной культуры эпохи бронзы в то время стратиграфически ранжировался как: 1) ранний – Келлилинский этап; 2) средний – Гонурский; 3) поздний – Тоголокский этап. Интересующий нас Гонурский этап представлялся временем расцвета местной культуры эпохи бронзы. Материалы этого периода были собраны на многочисленных поселениях, которые сгруппированных в пяти оазисах: Гонурском, Аучинском, Адамбасанском, Аджикуинском и Таипском. Каждый из этих оазисов включал несколько поселений, в некоторых случаях даже более 10. В каждом оазисе присутствовало центральное поселение, которое по размерам значительно превосходило другие.

Металлические изделия обнаружены на всех поселениях. В основном это были мелкие орудия труда, типа шильев-проволок, лопаточковидные орудия, обломки ножевидных лезвий, отдельные инструменты, обломки сосудов, стержни с утолщением на конце, браслеты, височные подвески, печати. Следы тигельного производства, огромное количество всевозможных отходов (слитков, капель, шлака), как и отливку крупных предметов, Н.Н. Терехова отмечает, в материалах Тоголокского этапа больше всего на поселении Тоголок 1, хотя фиксируются они и на ряде других памятниках (Тоголок 2, Тоголок 15, Тоголок 21) (Терехова, 1990. С. 192–202).

Таким образом, отходы производства, как и орудия труда мастеров, обнаруженные в мастерской металлостов на Гонур-депе, по

уровню развития более характерны для Тоголокского, а не Гонурского этапов по старой стратиграфической колонке.

Из сопоставления материалов по производству из квартала металлостов Шахдада и мастерской металлостов на Гонур-депе очевидно их родство, хотя в последнем случае, мы наблюдаем более развитый вариант. Материал, судя и по аналогиям тиглей, принадлежит достаточно развитому периоду БМАК (Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс).

В 1990 г. В.И. Сарияниди писал, что в настоящее время материалы, сменяющие комплекс Намазга V, лучше и полнее всего представлены не в Южном Туркменистане, а в Маргиане, представляющей не «Мургабский вариант Намазга VI», а БМАК. «Создается впечатление, что племена, которые принесли с собой эту керамику, предположительно из Восточного Ирана, не задерживались в Южной Туркмении и оставили здесь лишь незначительные группы населения, широко колонизовав дельту Мургаба, еще раньше частично обжитую уже к тому времени южно-туркменистанскими племенами. Иначе говоря, центр жизни из традиционно земледельческих оазисов Южного Туркменистана переместился в Маргиану» (Сарияниди, 1990. С. 83-84; о проблеме БМАК см. также: Lyonnet, 2005. Р. 191-200; Парпола, 2006. С. 184-188; Поссел, 2006. С. 189; а также др. публикации).

В связи с мастерской металлостов на Гонур-депе хотелось бы отметить два факта:

1) совершенно очевидно, что материалы по металлургическому производству, судя по их расположению, как бы жмутся к культовым двухкамерным очагам, но не затрагивают их. Это видно по скученным материалам из пом. 108, 111, 122, 141 и 147. Только в одном случае (пом. 132) в двухкамерной культовой печи были обнаружены фрагменты от одного тигля и кусок от тигельного сплава на основе меди.

2) очень удивительно большое число сохранившегося производственного материала *in situ* в пом. 107, 108, 109, 111, и 122. Это говорит о том, что данная часть мастерской или, иными словами, поздняя мастерская по-

гибла насильственным путем. И, если учесть наблюдения В.И. Сарияниди и Н.А. Дубовой о том, что уникальные статуэтки из помещения 108 «были сознательно разбитыми и разбросанными вблизи ритуального двухкамерного очага в окружении фрагментов литейных форм, тиглей для плавки металла, каменных изделий», то создается впечатление, что мастерскую металлостов уничтожили те, кому не нравилось то, что производилось, или те магические ритуалы, которые сопутствовали производству.

Хотя очевидно удивительное родство между производственными конструкциями из квартала металлостов Шахдада и мастерской металлостов на Гонур-депе, уместно было бы привести совершенно справедливое замечание С.А. Григорьева о том, что любые культурные процессы зависят от двух факторов – культуры прежнего населения той или иной территории и влияний или миграций со стороны. Процессы культурных взаимодействий разных форм обеспечивали формирование сходных стереотипов в рамках относительно больших ареалов. Прежние традиции редко исчезали бесследно. Они проявлялись в той или иной степени в культуре дериватов. Это в полной мере касается и технологии металлургического производства. Следует учитывать тот факт, что если любые иные производства или особенности материальной культуры зависимы от традиций слогаемых компонентов, то металлургическое производство зависит и от рудной базы. «Поэтому местный компонент может выражаться как в заимствовании местных технологических традиций, что является стандартным культурным процессом, и зависит от конкретной ситуации межкультурного взаимодействия, так и в переходе на новую для пришельцев местную рудную базу, что является вынужденным шагом» (Григорьев, 1913. С. 35).

В развитии производства сплавов на основе меди, зафиксированном на Гонур-депе, нельзя не учитывать как слагающую традицию и опыт использования местной рудной базы земледельческими оазисами Южного Туркменистана. Это наилучшим образом представлено и изучено на археологических материалах Алтын-депе (Жирчо, 2001. С. 60–

84; 2014. С. 578–581; Терехова, 2001. С. 104–117; Егорьков, 2001. С. 85–103).

Согласно исследованиям В.Д. Рузанова, который на своем обширном материале выделил так называемый третий этап развития древнейшей металлургии Средней Азии. Последний, по его мнению, связан с эпохой поздней бронзы (XVII – VIII вв. до н.э.). Он характеризуется повсеместным распространением металла. В развитии медно-бронзовой индустрии этапа автор отмечает две фазы:

- Фаза расцвета (XVII–XI вв. до н.э.).
- Фаза спада производства (X–VIII вв. до н.э.).

Автор отмечает, что во второй–третьей четвертях II тыс. до н.э. процессы перемещения земледельческих племен становятся наиболее масштабными. Для этого времени отмечается интенсивное освоение оседлым населением оазисов на юго-востоке Туркменистана, юге Узбекистана и севере Афганистана, появление там большого числа памятников таких высокоразвитых протогородских культур, как келлелинско-гонурская, сапаллинская и дашлинская, представляющие собой в то время крупные металлургические и металлообрабатывающие центры, входящие в состав Ирано-Афганской металлургической провинции.

В металлообработке племен келлелинско-гонурской культуры наряду с технологическими и типологическими местными южнотуркменистанскими традициями предшествующего периода (Намазга V) явно прослеживаются новации, выраженные в первую очередь ростом производства. Прогрессивный скачок отмечается также в технике и технологии металлообработки племен Мургаба. Складывается впечатление о проникновении в нижнюю дельту Мургаба в начале II тыс. до н.э. больших групп земледельческих племен, имевших два истока движения.

1. Первый исток был связан с памятниками подгорной полосы Копетдага эпохи средней бронзы (Алтын-депе).

2. Второй, как полагал В.И. Сарияниди (1990. С. 74–89) находился за пределами Южного Туркменистана, скорее всего, на территории южных предгорий Копетдага (Гиссар III, Шахдад).

Позже передвижение групп популяций этого нового культурного объединения было направлено на юг в Средний бассейн Мургаба, а затем на северо-восток в Северный Афганистан и Южный Узбекистан.

В.Д. Рузанов полагает, что эти миграции привели к зарождению металлургических и металлообрабатывающих очагов в Бактрии – сапаллинского в Южном Узбекистане и дашлинского в Северном Афганистане.

В формировании сапаллинского очага металлообработки принимали участие два импульса, исходящие из центров с разной традицией употребления типов сплавов. Один импульс, состоящий из двух слагаемых, исходил, скорее всего, от сходных между собой производств племен низовий Мургаба Юго-Восточной Туркмении и Дашлинского оазиса Северного Афганистана, другой – из центра, который, видимо, функционировал где-то за южными пределами Маргианы и Бактрии, скорее всего, на территории Ирана или Афганистана.

Литейщики очага использовали оловянистые, оловянно-свинцовистые, свинцовистые, свинцово-мышьяковистые, оловянно-сурьмяно-мышьяковистые бронзы и чистую медь. Для изготовления некоторых украшений употреблялись биллон, серебро и золото. Ведущее место в металлообработке занимали сплавы с оловом и чистая медь, среди которых преобладали оловянистые бронзы. По этому показателю сапаллинский очаг отличается от производств земледельческих культур Юго-Восточной Туркмении и Северного Афганистана, мастера которых редко использовали оловянистые сплавы. Другой примечательной особенностью очага являются вотивные, маленького размера, металлические изделия, изготавливающиеся специально для погребений (Рузанов, 2010. С. 290–292).

Заключение

Городище Шахдад многослойное и, к сожалению, еще мало раскопанное. Итальянские исследователи С. Салватори и М. Тоси отмечают, что комплексы керамики подтвердили современность между материалами из могил Некрополя А и материалами из обширных областей производственной деятельно-

сти. Богатство захоронений и сложность производства подчеркивают важность Шахдада в международной системе обмена. Несомненно, мы сталкиваемся с центром столицы региона, который мог бы простирается от Лута до Кух Райех на Керманской равнине. Никакие другие городища эпохи бронзы, занимающие такие площади неизвестны в этой области. Будущие раскопки, безусловно, позволят выявить также дворцы власти и помещения для церемониальных структур города эпохи бронзы. Создание новых политических институтов в III тыс. до н.э., по-видимому, явились причиной роста города, что позволило наладить координацию крупных и более дифференцированных популяций на еще более обширных территориях. Торговля и промышленная специализация были более эффективно интегрированы в фермерских, животноводческих, и горнодобывающих отраслях производства. Подразумевается консолидация политического контроля в руках местных элит над трудом большей части населения и природными ресурсами территории, но действия этих механизмов пока не ясны (Salvatory, Tosi, 1997. P. 127).

Цивилизации эпохи бронзы на территории современного Туркменистана (Страна Маргуш или Древняя Маргиана) и Иранского плато, как и Эгейские цивилизации, по справедливому замечанию К. Ренфрю (Renfrew, 2006. P. 129–131), были основаны не на великих реках, таких как: Нил, Тигр и Евфрат, Инд. Центральноазиатские цивилизации характеризуются как оазисные. В Эгейском случае протогородские или дворцовые центры (*To Anáktorō*) располагались на островах или побережьях и были разделены морем. Как говорят аналогии, морские пути и пустынные пути играли сопоставимую роль.

Уже первые исследователи Древней Маргианы отмечали общую для всех оазисов закономерность, когда определенное число мелких холмов оазиса группируется вокруг одного, центрального и наиболее крупного. Самым большим по площади и наиболее изученным памятником эпохи бронзы в дельте Мургаба является Гонур-депе.

Согласно последней интерпретации В.И. Сарияниди в последние века III тыс. до н.э. вдоль многоводных протоков старой мургаб-

ской дельты стали вырастать все новые и новые поселения прибывших с далекого запада племен земледельцев, гонимые «ксеротермическим кризисом». Первые свои поселки маргушцы возводили на окраинных частях дельты, где вскоре выросли и небольшие дворцы и храмы. В северной части дельты складывается автономный ирригационный оазис, именуемый ныне Келлелийский. Параллельно с обустройством этого оазиса возводится и главный столичный город страны Маргуш, локализованный с городищем Гонур-депе (Сарияниди, 2005).

Столичный Гонур был возведен в стратегически важном месте, в замковой части дельты реки Мургаб – откуда легче всего было распределять и контролировать подачу воды многочисленным поселениям, находившимся к северу. В центре столицы был построен огромный кремль с мощными оборонительными стенами, усиленными прямоугольными башнями. Внутри кремля находился дворец, предназначенный для царя и его семьи. Кремль был защищен стенами каре, усиленными по периметру башнями и угловыми бастионами. К северу от дворцово-храмового комплекса – Северный Гонур, располагался предполагаемый комплекс общественных трапез. В юго-западной части от дворца был устроен храм жертвоприношений. К югу от дворцово-храмового комплекса находился гонурский храм воды. Весь монументальный гонурский архитектурный ансамбль был заключен в гигантский круг обводной стеной диаметром 400 м. Последняя стена в отличие от стены каре усилена контрфорсами, а не башнями.

Следует отметить, что если храмы Северного Гонура располагались внутри оборонительного каре, то храм воды, как и комплекс «общественных трапез», находился с внешней стороны – между обводной стеной и огромным бассейном. Храм включает группы сооружений условно названных восточным, средним и западным комплексами (Сарияниди, 2005. С. 176, 177).

Величайшая заслуга В.И. Сарияниди, состоит в том, что он год за годом, планомерно раскапывал городище Гонур-депе. В наше сложное время это было нелегко. Я знаю, как

он почти каждый год зимой приезжал в Грецию и с большим трудом убеждал Министерство культуры и Министерство иностранных дел этой страны, а также своих греческих друзей-бизнесменов выделить финансовые средства на раскопки этого памятника. В результате мы имеем уникальный пример почти полностью раскопанного протогородского центра эпохи бронзы. Его имя, также как и имя А. Хакеми, обросло легендами и грязными слухами, но оба эти исследователи уже при жизни своими раскопками возвели себе памятники.

В целом культовая направленность протогородского центра не могла не сказаться на мировоззрении мастеров по производству сплавов на основе меди. Поэтому логично, что в материалах из мастерской металлостов на Гонур-депе выделяются архитектурные блоки и археологические артефакты, свидетельствующие о зарождении магических ритуалов, способствующих успешному завершению столь сложного и столь важного для эпохи бронзы производственного процесса.

Первое впечатление В.И. Сарияниди и Н.А. Дубовой, сложившееся во время осеннего полевого сезона 2005 г. при открытии мастерской, заключалось в том, что она, скорее всего, являлась ремесленным центром по изготовлению медных и бронзовых изделий при царском дворце (Сарияниди, Дубова, 2006. С. 128–131). Если их идея верна, то насильственная гибель мастерской логически должна соответствовать времени пожара в Кремле, т.е. в пределах 1995–1744 гг. до н.э., по данным радиоуглеродного исследования (Зайцева и др., 2008. С. 173). В то же время, общая картина состояния металлургического производства на Гонур-депе, пока не ясна, поскольку присутствующие сходные материалы с раскопов 13, 15, 16, а также полученные в последнее время и на западной окраине «царского некрополя» (т. наз. «скопление камней разных размеров, в том числе крупных, фрагментов керамики, тиглей и др. изделий»; см. Сарияниди, Дубова, 2014. С. 105-109) еще не подвергнуты серьезному анализу.

Ситуация прояснится только в случае, если «составить все пазлы».

Библиография

1. Артемьев В., Урманова А. Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура. // На пути открытия цивилизации. СПб., Алетей, 2010. С. 172–203.
2. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии / Отв. ред. В.И. Гуляев. Самарканд, 1993.
3. Бяшимова Н. Культурные связи Древней Маргианы с соседними странами. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации (Материалы Международной научной конференции 14–16 ноября). Мары, 2006. С. 205–206.
4. Вертман Е.Г., Дубова Г.А. Анализ металла Гонур Депе методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // ТрМАЭ. Т. 5. М., 2014. С. 188–196.
5. Гиберт Ф., Киллик Д. Металлургия Маргианы бронзового века. // В.И.Сарияниди. В поисках страны Маргуш. Приложение. Москва, 1993. С. 217-236.
6. Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск, 2013.
7. Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 94–104.
8. Егорьков А.Н. Особенности состава металла Алтын-депе. // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 85–103.
9. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 166–179.
10. Кирчо Л.Б. Металлические изделия Алтын-депе. // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 60–84.
11. Кирчо Л.Б. Новая сводка по металлообработке Средней Азии. Рец. на: Рузанов В.Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: Институт археологии АН Республики Узбекистан, 2013. 348 с. // Российский Археологический Ежегодник. 2014. № 4. С. 578–581.

12. Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы (опыт классификации и интерпретации). М., 1973.
13. Папахристу О. А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонур-Депе // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 196-224.
14. Папахристу О.А. Литейные формы из мастерской столичного Гонура (предварительное исследование) // На пути открытия Цивилизации. СПб: Алетейя, 2010. С. 265–284.
15. Папахристу О.А. К вопросу о мастерской металлургов на Гонур-Депе // Древняя Материальная Культура Туркменистана и ее место в развитии Мировой Цивилизации (Материалы Международной научной конференции 7–8 апреля 2011 года). Ашхабад, 2011. С. 87–92.
16. Папахристу О.А. К вопросу о мастерской по производству предметов из сплавов на основе меди на Гонур-Депе (Туркменистан) // Древнейшие цивилизации Центральной Азии (Материалы международной конференции, посвященной тридцатилетию Среднеазиатской Археологической Экспедиции Государственного Музея Востока). Москва, 2014. С. 105-106.
17. Парпола А. Арийская проблема и Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации (Материалы Международной научной конференции 14-16 ноября). Мары, 2006. С. 184–188.
18. Поссел Г.П. Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс и Великая Долина Инда // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации (Материалы Международной научной конференции 14–16 ноября). Мары, 2006. С. 189.
19. Рузанов В.Д. Этапы развития древнейшей металлургии Средней Азии (энеолит и эпоха бронзы) // На пути открытия Цивилизации. СПб: Алетейя, 2010. С. 285–303.
20. Рузанов В.Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013.
21. Сарияниди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2. С. 248–259.
22. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
23. Сарияниди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005
24. Сарияниди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 9–27.
25. Сарияниди В.И., Панарин С.А. Рец. на: «Investigations at Tal-i-Iblis» // СА. 1971. №1. С. 279.
26. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-депе // Miras. N 1(21). Ashgabat, 2006. С. 128–131.
27. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Сокровища Древней Маргианы. Ашхабад, 2013.
28. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011–2013 гг. // ТрМАЭ. Т. 5. М.: Старый сад, 2014. С. 92–111.
29. Терехова Н.Н. Металлообработывающее производство древнейших земледельцев Туркмении. // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975. С. 14–75.
30. Терехова Н.Н. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177–202.
31. Терехова Н.Н. Техника металлообработки на поселении Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5. СПб., 2001. С. 104–117.
32. Черных Е.Н. Введение // Черных Е.Н., Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Равира С., Вальков Д.В., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Каргалы: Селище Горный. Том III / Под редакцией Е.Н. Черных. М., 2004. С. 15–21.
33. Amiet P. Introduction // Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran / Translated and Edited by S.M.S. Sajjadi. Rome: Instituto Italiano per il Medio ed estremo Oriente Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1997. P. VII–XII.
34. Chegini N.N., Momenzadeh M., Parzinger H., Pernicka E., Stollner Th., Vatandoust R., Weisgerber G. et al. Preliminary report on archaeometallurgical investigations around the prehistoric site of Arisman near Kashan, Western Iran // AMIT. Bd. 32. Berlin, 2000. P. 281–318.
35. Davey Chr. The Metalworkers' Tools from Tell Edh Dhiba`I // Bulletin of the Institute of Archaeology University of London. Vol. 20. L., 1983. P. 169–185.
36. Hakemi A. The copper smelting furnaces of the Bronze Age in Shahdad // SAA 1989 / Ed. C. Jarrige. Monographs in World Archaeology. Vol. 14. Madison (Wisconsin), 1992. P. 119–132.
37. Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran / Translated and Edited by S.M.S. Sajjadi; with an introduction by P. Amiet and a Postscriptum by S. Salvatory and M. Tosi. Rome: Instituto Italiano per il Medio ed estremo Oriente Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1997.
38. Kaniuth K. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // AIT. Bd. 6. Mainz, 2006.
39. Lyonnet B. Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade // SAA 2001. Vol. 1 (Prehistory) / Eds. C. Jarrige, V. Lefevre. Paris, 2005. P. 191–200.

40. Moorey P.R.S. Archaeology and Pre-Achaemenid Metalworking in Iran: A fifteen Year Retrospective // Iran. Vol. 20. 1982. P. 81–98.
41. Papachristou O., Rehren Th. A Tentative Comparison of Steel-making Crucibles from Central Asia and the Indian Subcontinent // Proceedings of the 4th Symposium of the Hellenic Society for Archaeometry (National Hellenic Research Foundation, Athens 28-31 May 2003) / Eds. Facorellis Y., Zacharias N., Polikreti K. [BAR 1746]. Oxford, 2008. P. 519–528.
42. Pigott V.C. The Development of Metal Production on the Iranian Plateau: An Archaeometallurgical Perspective // The Archaeometallurgy of the Asian Old World / Ed. Pigott V.C. [University Museum Symposium Series. Vol. VII. MASCA Research Papers in Science and Archaeology Vol. 16. University Museum Monograph 89]. The University Museum University of Pennsylvania, 1999. P. 73–106.
43. Pigott V.C. A heartland of metallurgy Neolithic/ Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // The Beginning of Metallurgy (Proceedings of the International Conference «The Beginning of Metallurgy») / Eds. Hauptman A. et al. Bochum, 1999a. P. 107–120.
44. Renfrew C. Margiana and Beyond // Ancient Margiana is the New Center of the World Civilization (Materials of the International Scientific Conference, 14–16 November). Mary, 2006. P. 129–131.
45. Salvatori S., Vidale M. A brief surface survey of the protohistoric site of Shahdad (Kerman, Iran): preliminary report // Revista di Archeologia. N 6. 1982. P. 5–10.
46. Salvatori S., Tosi M. Some Reflections on Shahdad and Its Place in the Bronze Age of Middle Asia (Post-scriptum) // Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran / Translated and Edited by S.M.S. Sajjadi. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed estremo Oriente Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1997. P. 121–132.
47. Vatandoust A. A view on prehistoric Iranian metalworking: Elemental analyses and metallographic examinations // The Beginning of Metallurgy (Proceedings of the International Conference «The Beginning of Metallurgy») / Eds. Hauptman A. et al. Bochum, 1999. P. 121–139.

Metallurgical Investigations at Gonur Depe, Turkmenistan

Gonur Depe is the largest prehistoric settlement in the Murgab delta in the south-east of Turkmenistan. The Murgab river originates on the western slopes of the Hindu Kush in the northwest of Afghanistan and disperses in the Karakum desert where it peters out. Gonur is located in the northeast delta region, around 85 km north from the ancient city of Merv and occupies an area of at least 50 ha (Сарианиди, 1973, 1990, 2002, 2006, 2009 и др.; Kohl, 1984. P. 148).

According to radiocarbon data the site of Gonur dates back to the late 3rd millennium B.C. until the middle of the 2nd millennium B.C. (Сарианиди, 1994; 2006. С. 36; Hiebert, 1994. P. 78-80). It consists of two large fortifications with citadels, temples and palaces, surrounded by living and craftsman quarters (for a detailed description of the site see: Сарианиди, 2002, 2006, 2009). West of this complex is a large necropolis which was discovered during drainage works (Salvatori, 1993; Sarianidi, 2007). The finds from Gonur include imported objects that provide evidence for long-distance contacts to the Indus valley, Mesopotamia and Syria as well as to the steppes of the Ural (see Kohl, 1984; Pittman, 1984; Chernykh, 1992; Kaniuth, 2000). Characteristic ceramics are wheel-made and include conical bowls, biconical beakers, high conical beakers, cups, pedestalled vases, basins with a formed bottom and rounded wall and small pots (Kaniuth, 2000. P. 44).

The archaeometallurgical studies at Gonur are part of the interdisciplinary project «ROXIANA», funded by the French National Research Agency (ANR) and the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG). The main focus of the investigations lies on the identi-

fication of alloys used for the objects to find out whether specific alloys were used for the various typological groups in order to obtain information on the possible choice of materials. In addition lead isotope analyses on selected metal objects were conducted to discuss the origin of the raw material used. First study on metallurgy at Margiana as a whole and especially at Gonur was published by N.N. Terekhova (Терехова, 1990). Later some information has been presented by O.A. Papachristou, E.G. Vertman and N.A. Dubova (Дубова, 2008; Папахристу, 2008; Вертман, Дубова, 2013, 2014).

Methods

To determine the chemical composition of the metal artefacts surface analyses of the objects were conducted with a portable energy dispersive X-ray fluorescence spectrometer (Niton Xl3t 980-HE), which allows a fast, non-destructive multi-element analysis (to the discussion on validity of such analyses see: Giunlia-Mair, 2005). As excitation source a X-ray tube with a Ag anode (50 kV / 2 W / maximum 100 μ A) is installed in the instrument. The X-ray fluorescence radiation is detected by a silicon drift detector (SDD). For the measurements the internal program «Alloys» was used. All together 866 objects from Gonur depe were analyzed with this method.

The determination of the lead isotope ratios was carried out using a multi-collector mass spectrometer with inductively coupled plasma (MC-ICP-MS). A detailed description of the methodology and measurement procedure can be found in Niederschlag et al. (2003. P. 64–67) as well as in Höppner et al. (2005. P. 303). 17 objects were studied with this method.

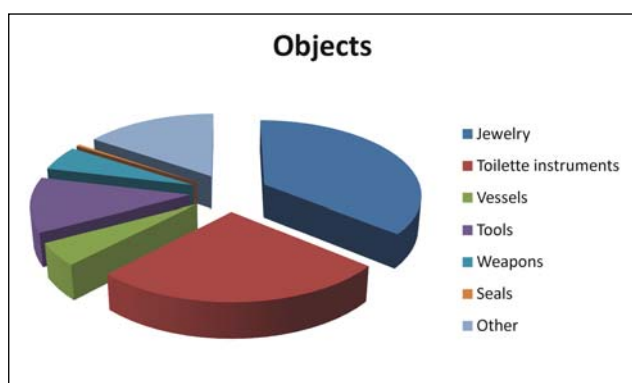


Fig. 1: Typological classification of the metal objects from Gonur Depe (Jewelry $n = 311$, Toilette Instruments $n = 228$, Vessels $n = 42$, Tools $n = 101$, Weapons $n = 46$, Seals $n = 4$, Other $n = 134$).

Typological classification of the analyzed Bronze Age metal objects from Gonur Depe, Turkmenistan

Preliminarily the analyzed metal objects from Gonur are divided into six different groups according to their form and function. These are «Jewelry», «Toilette Instruments», «Vessels», «Tools», «Weapons» and «Seals» (fig. 1). Fragments and objects with no distinct form or function are assigned to the category «Other». In this group also some objects are included, that do not fit to the other groups like ingots, wheel fittings and decorative panels.

The majority of the analyzed objects belong to jewelry and toilette instruments. While the jewelry mainly comprises pins, bracelets and rings the dominant toilette instruments are flacons, spatulas and mirrors. The main weapons are daggers and axes as well as ceremonial axes. The group of tools is dominated by awls and chisels as well as sickles and most vessels are bowls.

The main metal groups. Based on their chemical composition the analyzed metal objects are assigned to five different types of metal. Apart from precious metal finds of gold and silver mainly non-ferrous metal finds have been investigated. Besides some lead objects these are mainly different copper based alloys (fig. 2). Three fragments consist mainly of an Arsenic-Iron-Copper alloy and are assigned to the metal group «Other».

Some objects consist of two parts that are made of different metals. For example two pins have a golden head while the shaft is made of arsenic bronze. Another pin also has a golden

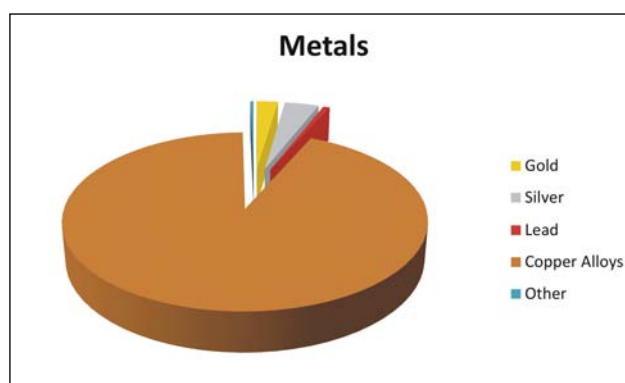


Fig. 2: Distribution of main types of metal of the analyzed objects from Gonur Depe (Gold $n = 20$, Silver $n = 32$, Copper Alloys $n = 813$, Lead $n = 6$, Other $n = 3$).

head but a shaft made of silver (fig. 3). For the following discussion these objects are assigned to both types of metal.

Gold objects. The investigated gold objects include only jewelry (predominantly earrings and tutuli). The objects consist mainly of a gold-silver-alloy. Based on their silver content two groups can be divided (fig. 4). The objects of the first group contain between 10 and 20 % silver, while the objects of the second group has a silver content of more than 30 %. All analyzed gold objects contain up to 4% copper. This suggests an intentional alloying with copper, since natural gold contains only a few 100 mg/kg of copper (Schmiderer, 2008).

Silver objects. The majority of the analyzed silver objects comprise again jewelry (mainly pins and earrings). But also smaller vessels like goblets and bowls were made of silver. The most object were still covered with a corrosion layer, which contains up to 25 % bromine, suggesting the formation of bromargyrite (AgBr). This is



Fig. 3: Pin with golden head and a shaft made of silver (MA-135710; AK 2033) from grave 397 (Sarianidi, 2007. P. 96; Photo by author)

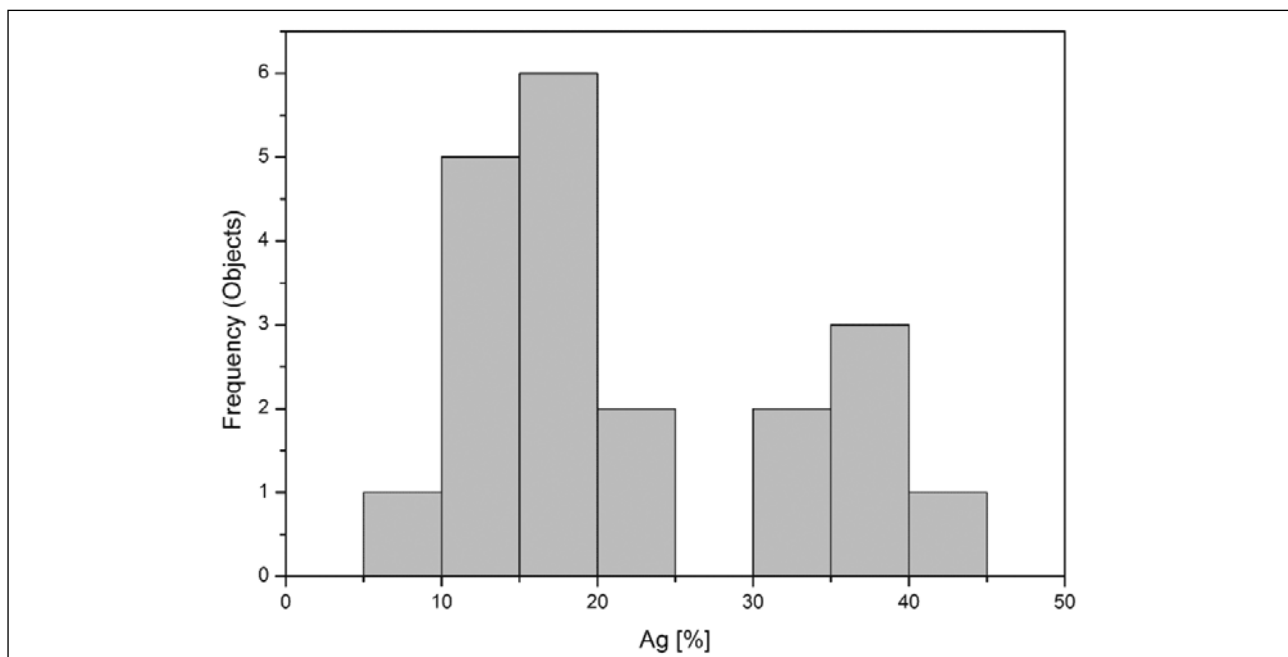


Fig. 4: Histogram of the Silver contents of the analyzed gold objects

typical for heavily corroded silver objects from a semiarid environment. The development of such a characteristic corrosion has long been known (Hedges, 1976; Becker et al., 1994; Rehren et al., 1996), but always associated with silver chloride (horn silver AgCl)¹. Therefore a grouping of these heavily corroded objects based on their chemical composition seems to be problematic. Moreover, it is noticeable that almost all silver objects have significant copper concentrations ranging from 0.1 to 35% that indicate a systematic addition of copper in most cases.

Other metal types

The lead objects include five ring ingots and a «vessel» with no distinct function. In all cases it is pure lead. Only the «vessel» contains about 1% copper. Also unclear is the function of the three objects made of an arsenic-iron-copper alloy. According to their macroscopic properties and their chemical composition these objects seem to be speiss fragments that indicate an early copper production in Gonur. The appearance of five copper (ingot?) fragments with an iron content up to 44% supports this suggestion. In this context, also the crucibles found in Gonur should be mentioned (Дубова, 2008. С. 94). After Папахристу (2008. Р. 213) the crucibles might have been used for the production of arsenic bronze.

¹ Chlorine was not considered in the studies carried out with the portable X-ray spectrometer.

Copper alloys. The objects made of copper alloys are divided into several groups according to their major alloying metal, namely arsenic, lead, tin, zinc and iron (fig. 5). Copper objects with more than 1% arsenic are termed «arsenic bronzes», objects with more than 1% lead are termed «lead bronzes» and objects with more than 1% tin are termed «tin bronzes». A further division into low alloyed «copper» (the content of the alloying metal is between 1 and 3%) and high alloyed «bronze» (the content of the alloying metal is more than 3%) as suggested by Kaniuth (2000. P. 159) seems not very reasonable for the discussion about the alloys used for the objects only on the basis of surface analyses. Often arsenic and lead appear together as alloying element. In these cases the alloy

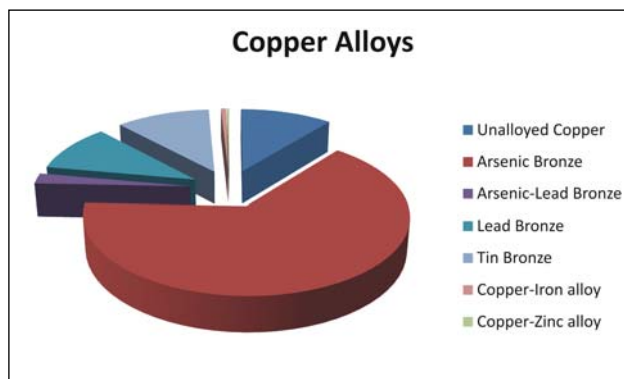


Fig. 5: Distribution of copper alloyed objects from Gonur Depe (unalloyed copper n = 88, arsenic bronze n = 527, arsenic-lead bronze n = 18, lead bronze n = 83, tin bronze n = 90, copper-iron alloy n = 5, copper-zinc alloy n = 2).

is termed according to the dominant alloying constituent. If the arsenic/lead ratio is between 0,8 and 1,2 the alloy is termed «arsenic-lead-bronze». Copper objects in which all other elements are below 1% are referred to «unalloyed copper». Furthermore, there are some copper-iron (with up to 44% iron) and two copper-zinc alloys («brass»)².

The analyses show that the majority of the objects are made of arsenic bronze (nearly 67%). Also both earlier studies performed by N. Terekhova (Терехова, 1990) and the recent investigations of E. Vertman (Вертман, Дубова, 2013; 2014) demonstrate the dominance of arsenic bronze in the metallic finds from Gonur. According to Erb-Satullo (2011. P. 161) the preferred use of arsenic bronze is known since the beginning of the III mill. B.C. in the Southern Central Asia. 83 objects are made of lead bronze, 90 objects are made of tin bronze and 88 objects are made of unalloyed copper. It is remarkable that especially for flacons, spatulas and pins arsenic and lead appear together as alloying elements. Tin bronze was mainly used for jewelry and vessels as well as for the majority of the ceremonial axes. One ceremonial axe and one bracelet are made of a copper-zinc alloy. These objects are significant insofar that very few copper-zinc alloys are known from prehistoric times and raise the question of whether they are intentional or accidental products (see: Biswas, 1993. Thornton, Ehlers 2003; Thornton, 2007; Fan et al., 2012).

Alloys used for typological groups. Fig. 6 presents the alloys used for the different types of VESSELS. The majority is made of arsenic bronze. Some bowls, a jug and one handle consist of tin bronze. However, lead only occasionally was used as alloying element. The one object made of lead bronze is a kidney-shaped bowl. This type of vessel was found mostly in temples of Margiana as well as of Bactria and is considered to be used in religious ceremonies (Сарианиди, 2006. С. 278; 2007. С. 87). Also rare are vessels made of unalloyed copper, which are mainly bowls.

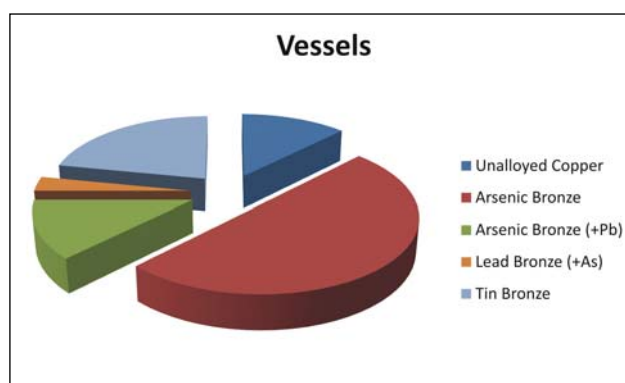


Fig. 6: Distribution of copper alloys used for vessels (unalloyed copper n = 4, arsenic bronze n = 16, arsenic bronze with lead n = 4, lead bronze with arsenic n = 1, tin bronze n = 7)

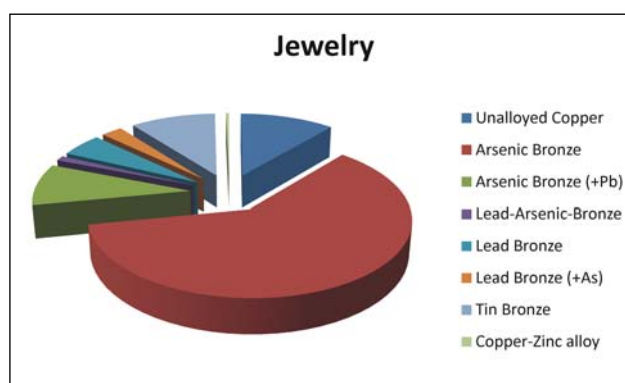


Fig. 8: Distribution of copper alloys used for toilette instruments (unalloyed copper n = 24, arsenic bronze n = 107, arsenic bronze with lead n = 34, lead-arsenic-bronze n = 8, lead bronze n = 15, lead bronze with arsenic n = 25, tin bronze n = 15)

For JEWELRY the preference for arsenic bronzes is apparent (fig. 7). Some objects like bracelets, rings, pins as well as the tiara have a higher content of silver (up to 40%), which is probably due to a coating of the surface with silver. Two pins have a shaft made of arsenic bronze while the head is made of gold and in one case a gold head was combined with a silver shaft (fig. 3). There are few copper alloys containing lead. Most of them are pins and bracelets. Further, there is one bracelet made of a copper-zinc alloy. Currently it is unclear, whether zinc in this case is alloyed intentionally or it is an incidental zinc alloy produced by smelting polymetallic ores that contain zinc (e.g. fahlore). Moreover, the analyses show that high alloyed tin bronze was used mainly for bracelets and rings. Unalloyed copper was used for bracelets, rings and pins.

Also for TOILETTE INSTRUMENTS the dominance of arsenic bronze is clearly visible (fig. 8). It is remarkable that the most flacons

² It is noticeable that for one object (AK 5249) up to 20% zinc were determined. A sample (MA-134009) was taken and analysed in the laboratory again. It turned out that this object is not made of a copper-zinc alloy but of tin bronze.

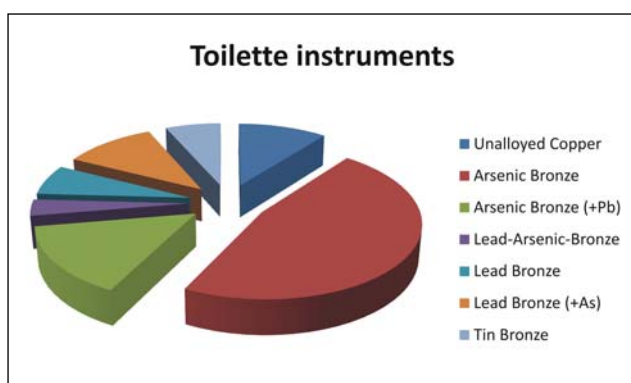


Fig. 8: Distribution of copper alloys used for toilette instruments (unalloyed copper n = 24, arsenic bronze n = 107, arsenic bronze with lead n = 34, lead-arsenic-bronze n = 8, lead bronze n = 15, lead bronze with arsenic n = 25, tin bronze n = 15)

and nearly one third of the spatulas as well as a few cosmetic scrapers contain lead or consist of lead bronze. High quality tin bronze occurs rather rarely in this group and was predominantly used for mirrors. Unalloyed copper was only used for some spatulas, two flacons and three mirrors.

For the production of WEAPONS almost entirely arsenic containing copper alloys were used (fig. 9). A higher concentration of arsenic in the copper lead to better casting properties on the one hand and increased the hardness of the metal on the other hand, which is of advantage for the function as a weapon. Therefore, it is not surprising that unalloyed copper and lead containing copper alloys do not play a significant role in this group. Two axes and the majority of the ceremonial axes are made of high quality tin bronze. Tin bronze is, like arsenic bronze, harder than unalloyed copper, but also possesses better casting proper-

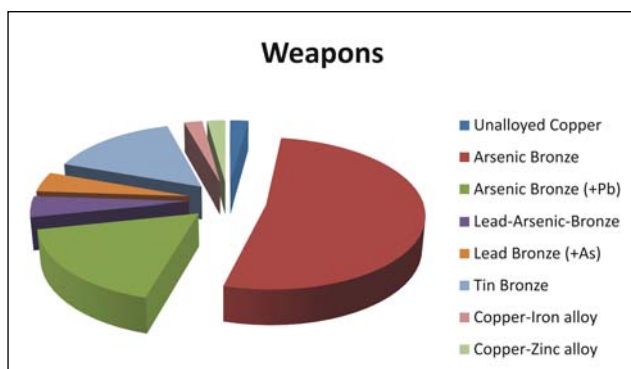


Fig. 9: Distribution of copper alloys used for weapons (unalloyed copper n = 1, arsenic bronze n = 24, arsenic bronze with lead n = 8, lead-arsenic-bronze n = 2, lead bronze with arsenic n = 2, tin bronze n = 7, copper-iron alloy n = 1, copper zinc-alloy n = 1)

ties than arsenic bronze (Pernicka, 1998). On the other hand also the «golden colour» might have been the reason for the choice of alloy. This also can be suggested for the ceremonial axe made of a copper-zinc alloy.

Similar to the weapons arsenic bronze was the preferred alloy for the production of TOOLS (fig. 10), most probably due to their better properties compared with unalloyed copper. Nevertheless, some objects like awls, chisels, sickles and a shovel are made of unalloyed copper. Lead as main alloying metal occurs rather rarely and tin bronze was only used for a few awls.

Lead isotope ratios. In addition to the determination of the chemical composition some selected objects from Gonur were analyzed for their lead isotope ratios in order to gain information about the provenance of the ores that were used.

The comparison of the lead isotope ratios from metal objects from Gonur with literature data from different ore deposits show no correlation (fig. 11). On the one hand it is possible that a mixture of different ore sources were used for metal objects. On the other hand and more likely this is due to a lack of information particularly in view of the fact that not all known ore deposits (see Garner, 2013) have been investigated for their isotopic signature. Thus the question of the provenance is still unanswered.

Based on their chemical compositions the metal objects are assigned to five different metal types. Besides gold, silver and lead, mainly non-ferrous metal artefacts were identified. The gold objects involved comprise exclusively jewelry and consist of gold-silver-alloys with

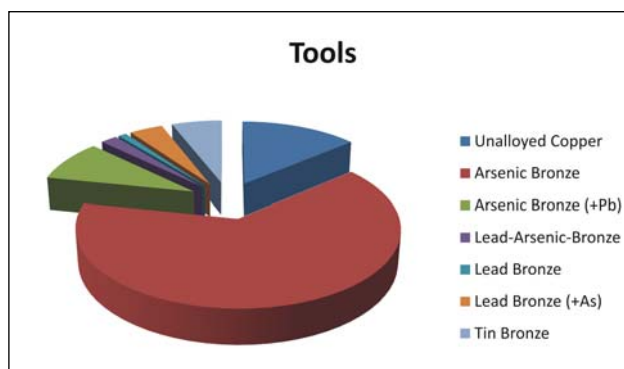


Fig. 10: Distribution of copper alloys used for Tools (unalloyed copper n = 14, arsenic bronze n = 65, arsenic bronze with lead n = 9, lead-arsenic-bronze n = 2, lead bronze n = 1, lead bronze with arsenic n = 4, tin bronze n = 6)

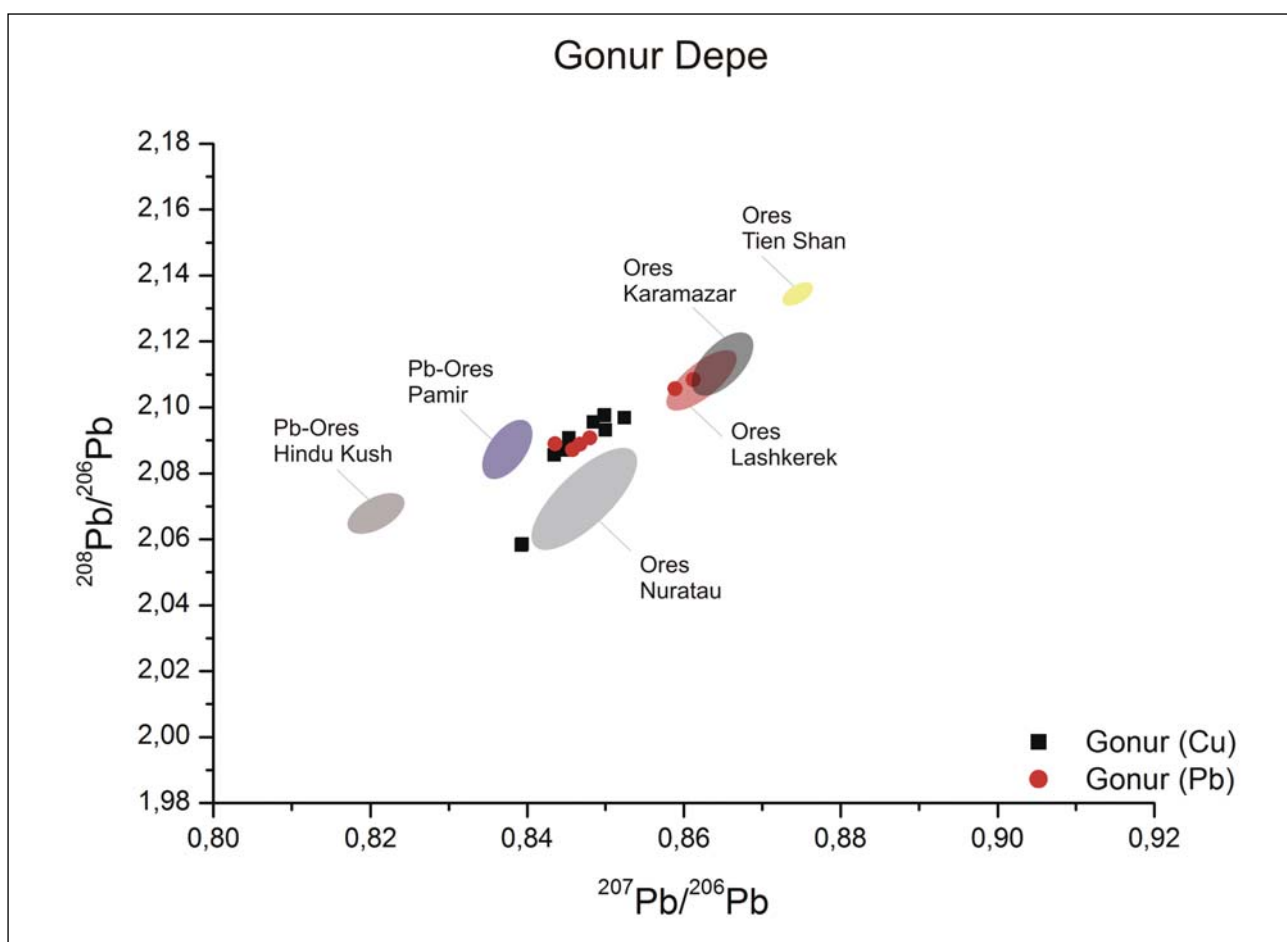


Fig. 11: Lead isotope ratios of metal finds from Gonur Depe in comparison with ores from different ore deposits in Central Asia (ore data see Brill et al., 1997; Chiaradia et al., 2006; Pavlova, Borisenko, 2009; Merkel et al., 2013)

copper contents up to 4% indicating an intentional alloying with copper. The analyzed silver objects comprise again jewelry and some small vessels like goblets and small bowls. Almost all silver objects have significant copper contents ranging from 0,1 to 35% that again indicate a systematic addition of copper in most cases.

The main alloying metals for copper are arsenic, lead, tin and zinc, whereby arsenic and lead often occur together. Although no definitive relationship between alloy and object types were observed some trends can nevertheless be recognized. Altogether objects of arsenic bronze dominate and make up about two third of the analyzed alloys. As has recently been shown (Thornton et al., 2009; Rehren et al., 2012) arsenic may have been alloyed with copper by adding so-called speiss, a mixture of iron arsenides that could be produced by roasting arsenopyrite, a mineral that commonly occurs in copper deposits. However, the arsenic concentration cannot be tightly controlled in this process and, therefore, the spread of arse-

nic contents in copper-arsenic alloys exhibits a much larger variation than in copper-tin alloys. The analyses also show that lead-copper alloys were preferably used for flacons and some spatulas. Tools and weapons were primarily made of copper-arsenic alloys. Tin bronze was mainly used for small bowls and ceremonial axes. The use of copper-zinc alloys is rather unusual for the Early Bronze Age and cannot be related to a specific type. It is also not clear whether these brasses were produced intentionally or are accidental products. Some pieces of jewelry show surface treatment (mostly silver-coating) to create specific colour contrasts.

Although the determined lead isotope ratios of the metal objects from Gonur provide initial information the question concerning the origin of the used raw materials for the metal objects remains unanswered. This is mainly due to the lack of data base which can be used for a comparison between deposits and artefacts. Therefore, further investigations of the known deposits are necessary.

Bibliography

1. Вертман Е.Г., Дубова, Н.А. Реконструкция химического состава металла памятника бронзового века Гонур Депе (Туркменистан) по данным анализа методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой // Вестник Томского государственного университета, История 2013. No. 4 (24). P. 5-9.
2. Вертман Е.Г., Дубова, Н.А. Анализ металла Гонур Депе методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // ТрМАЭ. Т.5 / Отв. ред. В.И. Сарияниди, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. М., 2014. Т. 5. P. 188-203.
3. Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (западная часть раскопа 9) // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. М., 2008. Т. 2. P. 94-104.
4. Папахристу, О.А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонура // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. М., 2008. Т. 2. P. 196-224.
5. Сарияниди В.И. Древности низовий Мургаба // АО 1972 г. М., 1973. С. 483-484.
6. Сарияниди В.И. Древности страны Магуш. Ашхабад, 1990.
7. Сарияниди В.И. Маргиана на древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19. М. С. 6-32.
8. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
9. Сарияниди В.И. Город царей и богов. Ашхабад, 2006.
10. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2009.
11. Терехова Н.Н. Обработка металлов в древней Маргиане // Сарияниди В.И. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177-202.
12. Becker L., Piloni L., Schorsch B. An Egyptian Silver Statuette of the Saite Period – A Technical Study // Metropolitan Museum Journal 1994. No. 29. P. 37-56.
13. Biswas A.K. The primacy of India in ancient brass and zinc metallurgy // Indian Journal of History of Science 1993. No. 28/4. P. 309-330.
14. Brill R.H., Felker-Dennis C., Shirahata, H., Joel, E.C. Lead Isotope Analyses of Some Chinese and Central Asian Pigments // Conservation of Ancient Sites on the Silk Road / Ed. N. Agnew - Los Angeles, 1997. P. 369-378.
15. Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
16. Chiaradia M., Konopelko D., Seltmann R., Cliff R.A. Lead isotope variations across terrane boundaries of the Tien Shan and Chinese Altay // Mineralium Deposita 2006. No.41. P. 411-428.
17. Erb-Satullo, N.L. Alloys from Anau: The Manipulation of Metallic Properties in 3rd Millenium B.C. Southern Central Asia // Materials Issues in Art and Archaeology IX / Eds. P.B. Vandiver Materials Research Society Proceedings. Vol. 1319.
18. Fan X., Harbottle G., Gao Q., Zhou W., Gong Q., Wang H., Yu X., Wang C. Brass before bronze? Early copper-alloy metallurgy in China // Journal of Analytical Atomic Spectrometry 2012. No. 27/5. P. 821-826.
19. Garner J. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien II. Die montanarchäologischen Forschungen an den Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. Vol. 12. Berlin, 2013.
20. Giumlia-Mair A. On surface analysis and archaeometallurgy // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B 2005. No. 239. P. 35-43.
21. Hedges R.E.M. On the Occurrence of Bromine in Corroded Silver // Studies in Conservation 1976. No. 21. P. 44-46.
22. Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.
23. Höppner B., Bartelheim M., Huijsmans M., Krauß R., Martinek K.-P., Pernicka E., Schwab R. Prehistoric Copper Production in the Inn Valley (Austria), and the earliest Copper in Central Europe // Archaeometry 2005. No. 47/2. P. 293-315.
24. Kaniuth K. Metalobjekte der Bronzezeit aus Nord-Baktrien // PhD thesis at the University of Münster, 2000.
25. Kohl P.L. Central Asia. Paleolithic beginnings to the Iron Age // Éditions Recherche sur les Civilisations. Synthèse. Vol. 14, Paris, 1984.
26. Merkel S., Sverchkov L., Hauptmann A., Hilberg V., Bode M., Lehmann R. Analysis of slag, ore, and silver from the Tashkent and Samarkand areas: Medieval silver production and the coinage of Samanid Central Asia // Archäometrie und Denkmalpflege 2013. Jahrestagung an der Bauhaus-Universität Weimar 25. - 28. September 2013 / Eds. A. Hauptmann, O. Mecking, M. Prange. Metalla, Sonderheft. Vol. 6. Bochum, 2013. P. 62-66.
27. Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. The Determination of Lead isotope ratios by Multiple Collector ICP-MS: A case study of Early Bronze Age artefacts and their possible relation with ore deposits of the Erzgebirge // Archaeometry. 2003. No. 45/1. P. 61-100.
28. Pavlova G., Borisenko A. The age of Ag-Sb deposits of Central Asia and their correlation with other types of ore systems and magmatism // Ore Geology Reviews 2009. No. 35. P. 164-185.
29. Pernicka E. Die Ausbreitung der Zinnbronze im 3. Jahrtausend // Mensch und Umwelt in der Bronzezeit

- Europas. Man and Environment in European Bronze Age / Ed. B. Hänsel. Kiel, 1998. P. 135-147.
30. Pittman H. Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia, and the Indus Valley. New York, 1984.
31. Rehren T., Hess K., Philip, G. Auriferous Silver in Western Asia: Ore or Alloy? // *Historical Metallurgy* 1996. No. 30/1. P. 1-10.
32. Rehren T., Boscher L., Pernicka E. Large scale smelting of speiss and arsenical copper at Early Bronze Age Arisman, Iran // *Journal of Archaeological Science* 2012. No. 39(6). P. 1717-1727.
33. Salvatori S. The discovery of the graveyard of Gonur-Depe 1 (Murghab delta, Turkmenistan): 1992 campaign, preliminary report // *Rivista di Archaeologia* 1993. No. 17. P. 5-13.
34. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur, Athens, 2007.
35. Schmiederer A. Geochemische Charakterisierung von Goldvorkommen in Europa // PhD thesis at the Martin Luther University of Halle-Wittenberg, 2008.
36. Thornton C.P. Of brass and bronze in prehistoric Southwest Asia // *Metals and Mines. Studies in Archaeometallurgy* / Eds. S. La Niece, D. Hook, P.T. Craddock - London, 2007. P. 123-135.
37. Thornton C.P., Ehlers C.B. Early brass in the ancient Near East // *Institute for Archaeo-Metallurgical Studies Newsletter*. 2003. No. 23. P. 3-8.
38. Thornton C.P., Rehren T., Pigott V.C. The production of speiss (iron arsenide) during the Early Bronze Age in Iran // *Journal of Archaeological Science* 2009. No. 36. P. 308-316.

А.М. Юминов¹, Я.М. Тютчев²

¹Институт минералогии УрО РАН, г. Миасс

²Южно-Уральский государственный университет,
Миасский филиал, г. Миасс, Челябинская область, Россия

Каменные орудия из «мастерской» на Раскопе 8 административно-культурного комплекса Гонур-депе¹

При проведении раскопок Маргианской археологической экспедиции на Раскопе 8 в восточной части административно-культурного центра Гонур-депе весной 2012 г. в непосредственной близости от «Царского некрополя», к западу от погр. 3340 было обнаружено скопление каменных и керамических изделий. Судя по всему, это разрушенное помещение существовало на восточном берегу Большого южного бассейна Гонура, а затем было размыто водой в результате расширения последнего (Сарианиди, Дубова, 2014. С. 105–109). По мнению археологов, характер найденных там предметов и костных остатков позволяет говорить, что это могла быть мастерская пока не полностью ясного назначения, но сходная с таковой для вторичного обогащения сплавов на основе меди в западной части Раскопа 9, на его границе с Раскопом 13 (Дубова, 2008; Папахристу, 2008). Гонур-депе, один из наиболее значимых объектов бронзового века, расположенных на территории бывшего Советского Союза (Сарианиди, 2002 и др.), который находится на юго-востоке пустыни Кара-Кум, в древнем высохшем русле реки Мургаб. Памятник существовал в период конца III – середины II тыс. до н.э. За период его многолетних исследований была собрана и изучена богатая коллекция керамики, многочисленные изделия из бронзы и драгоценных металлов, а также уникальные культовые предметы, статуэтки и украшения, изготовленные из камня (Сарианиди, 2007). Несмо-

тря на большой срок изучения памятника, последовательные и планомерные работы по изучению каменного материала были начаты сравнительно недавно (Юминов, 2012).

Каменные орудия на Гонур-депе, после керамических изделий, являются вторым по распространенности на памятнике типом артефактов. Несмотря на то, что город существовал на равнине, вдалеке от источников камня, их находят на всей площади раскопок, они присутствуют практически в каждом погребении, в жилых, административных и культовых помещениях. Особый интерес вызывают раскопки производственных помещений, в которых по найденным орудиям можно установить специализацию древних мастеров. Одним из таких объектов является «мастерская» на раскопе 8. Этот комплекс каменных изделий по сравнению с другими важен еще и тем, что он собран и проанализирован полностью.

«Мастерская», как уже отмечено, находится в юго-восточной части древнего города



Рис. 1. Общий вид скопления каменных и керамических изделий на Раскопе 8 Гонур-депе в процессе расчистки. Май 2012 г.

1 Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН 12-М-456-2024 и гранта РФФИ №13-06-0023313а. Авторы благодарят за содействие в исследованиях Н.А. Дубову и П.В. Хворова.



Рис. 2. Коллекция каменного материала из «мастерской» на Раскопе 8. Гонур-депе. Весна 2012 г.

и была основана, скорее всего, ближе к периоду его заката. Помещение имело прямоугольную форму с длиной стен 3 м с севера на юг и 4 м с запада на восток. Стены были сложены сырцовым кирпичом (сейчас сохранилась только их нижняя часть) (Сарианиди, Дубова, 2014. С. 105). Во время раскопок с этой территории было извлечено более 60 каменных предметов: из них 45 орудий, 14 заготовок и 1 изделие (табл. 1).

Задачами настоящих исследований являлись:

- общая классификация каменных орудий;
- петрографическая диагностика горных пород, применявшихся для их изготовления.

Подобная работа способствует оценке минерально-сырьевой базы древнего общества и позволяет вести целенаправленный поиск источников добычи полезных ископаемых, разрабатываемых на данной территории в древности.

Диагностика каменных орудий осуществлялась по фиксации рабочей поверхности, оценки степени ее износа, а также наличию на образцах специальных сколов, предназначенных для захвата орудия пальцами рук. Петрографическое определение пород проводилось на макроскопическом уровне с использованием бинокулярного микроскопа МБС-9, стальных и медных игл, 10% раствора соляной кислоты. Для определения цвета породы и ее текстурно-структурных характеристик на тыльной стороне орудия делались микроскопы. Для диагностики отдельных образцов был использован рентгено-фазовый анализ.

Каменные орудия, найденные в «мастерской», по характеру их использования делат-

ся на две большие группы: абразивные и орудия ударного действия (табл. 1). Большая их часть относится к *абразивам* (около 80% от общего объема выборки). Орудия представлены точильными камнями, лоцилами, пестами, ступками и терочниками.

Точильные камни (оселки, или собственно абразивы) представляют собой орудия плитчатой формы, предназначенные для заточки или обработки поверхности металлических и других каменных изделий путем их стачивания. Точильные камни являются наиболее распространенным видом каменных орудий, обнаруженных в исследуемом помещении. Общее количество точильных камней составляет 15 образцов. Среди инструментов по форме рабочей поверхности выделяются три разновидности: плоские (8 шт.), выпуклые (4 шт.) и вогнутые (3 шт.). Подобное разнообразие позволяло проводить обработку (обтачивание, выравнивание, шлифовку) любой плоской или криволинейной поверхности. Орудия имели небольшие размеры и изготавливались из обломков галек мелкозернистых песчаников. На отколотые ребра наносилось несколько грубых сколов, дополнительная обработка боковых поверхностей и ребер не производилась. Примечательно, что у большинства изделий рабочая поверхность только намечена или выработана очень незначительно.

Лоцило является инструментом для лоцирования (натирания до блеска и гладкости, полировки) изделий из металла, керамики или кости. Гонурские лоцила представляют собой небольшие целые гальки или их обломки, имеющие на концах одну-две небольшие приполированные (заложенные) поверхности. Размер орудий по удлинению достигает 3–5 см, в отдельных случаях до 8 см. Для захвата лоцил часто использовались естественные неровности на поверхности галек. На более крупные инструменты наносились специальные сколы. В «мастерской» обнаружено 8 подобных инструментов. Из них более половины было изготовлено из известняка, два – из тонкозернистого песчаника, один – из силицита (табл. 1). Кроме того, в помещении было найдено несколько галек, близких по форме и размерам к вышеописанным лоцилам, но не имеющих следов

Таблица 1

Горные породы и минералы, обнаруженные в «мастерской» на Расколе 8 Гонур-депе

ГОРНЫЕ ПОРОДЫ	КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ, шт.													сумма типов пород	%	МИНЕРАЛЬНОЕ СЫРЬЕ, ЗАГОТОВКИ ДЛЯ ОРУДИЙ	ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ
	УДАРНЫЕ			АБРАЗИВНЫЕ						терочные камни	точильные камни						
	наковальня	молотки	отбойники	песты	ступки	плоские	выпуклые	вогнутые	лощила								
Габбро		1												1	2,22		
Дунит	2														4,44		
Серпентинит																1	
Известняк												4			8,89	3	1
Известняк (ракушечник)												1			2,22	1	
Известняк окремненный		2	1											3	6,67		
Силицит		1		2								1		4	8,89		
Песчаник кварцевый				1	1	1	1	1	1	4				8	17,78		
Песчаник оркозовый				2								1		3	6,67		
Песчаник полимиктовый			1	4	1	1	7	2	2					18	40,00	1	
Гравелит																1	
Гипс																1	
Кварц жильный				1										1	2,22	2	
Мраморный оникс																3	
Эпидотизит																1	
Сумма групп орудий	2	4	2	10	2	2	8	4	3	8	4	3	8	45		14	1
Процентное соотношение	4,44	8,89	4,44	22,22	4,44	4,44	17,78	8,89	6,67	14,55	8,89	6,67	14,55	100	100		

Примечание. В строке «Определение активной руки» указано количество орудий изготовленных: слева – под левую руку; справа – под правую; в скобках – число орудий, которые могли быть использованы как левой, так и правой рукой.

использования. Возможно, эти гальки являлись заготовками для производства лоцил. Две гальки были известняковые, остальные – кварцевые. Кварц жильный светло-серого цвета, льдистого облика, мелкозернистый, плотный, с пленками гидроокислов железа и карбонатов.

К пестам относятся каменные орудия в виде тяжелого стержня продолговатой или грибовидной формы, предназначенные для толчения, растирки или дробления какого-либо материала. Всего в «мастерской» было обнаружено 10 пестов. Размеры орудий варьируют в пределах (см): высота 3–12 (чаще всего около 6–7), ширина в поперечнике 2,5–6 (около 4,5), диаметр ручки 2–4 (в среднем 2,5). Рабочие поверхности пестов слабо выражены и имеют небольшую площадь. Это свидетельствует о том, что данные орудия после их изготовления практически не были использованы в работе.

Для изготовления пестов была использована речная галька. На большей части поверхности инструментов сохранилась естественная шлифовка, возникающая в результате обработки камня водным потоком. Древние мастера при производстве данных инструментов, использовали гальки песчаников и силицитов. Породы имели различный состав, скрыто- и мелкозернистую структуру, однородную текстуру. Один пест был изготовлен из горного хрусталя и, возможно, мог применяться в ритуальных целях.

Каменные ступки в Гонур-депе представляли собой сосуды в виде неглубокой миски. Они были предназначены для растирания (смешивания) какого-либо вещества при помощи песта. В Хижине ремесленников было обнаружено две каменные ступки. Ступки имеют примитивную форму и больше напоминают терочные плиты небольших размеров. Однако на их ребрах и по периферии лицевой поверхности фиксируются специальные сколы для пальцев, что позволяет держать эти орудия в руках на весу. Форма ступок уплощенная, рабочая поверхность расположена в центре и фиксируется по небольшому понижению, глубиной 5–6 мм от борта. Поверхность шершавая, ямчато-бугорчатая, выработана по всей площади. Для изготовления использовался разнозерни-

стый кварцевый и полимиктовый песчаник.

Терочные камни (терочники) – каменные орудия, используемые для растирания различных веществ (зерна, лекарственных и жертвенных растений минералов, красок и т.п.). От точильных камней отличаются более крупными размерами, особенно это заметно по ширине орудия. В помещении «мастерской» было обнаружено два терочника. Оба инструмента имеют плитчатую форму, их размер варьирует в пределах 1,5–2×6–8×8 см. Рабочая поверхность ровная, плоская, шероховатая. Тыльная сторона выпуклая, бугристая. На ней (а не на лицевой, как у ступок) фиксируется серия специальных сколов, предназначенных для упора пальцев рук. Для изготовления орудий использовался кварцевый и полимиктовый песчаник. Породы разнозернистые, однородные, относительно прочные и обладают хорошими абразивными свойствами.

Количество изделий *ударного действия* (к ним относятся молотки, отбойники, наковальни), найденных в Хижине ремесленников составляет чуть менее 20%.

Отбойники – орудия клиновидной или яйцеобразной формы небольших размеров, используемые для направления и передачи удара на каменную заготовку. На рабочей поверхности орудия фиксируются многочисленные раковистые сколы. В хижине были обнаружены два отбойника размером 1–3×3–4×6 см. Один изготовлен из черного окремненного тонкозернистого известняка, второй – из полимиктового песчаника.

Набор каменных молотков, присутствовавших в хижине небольшой. Всего описано 4 образца, что составляет порядка 9% от общего объема орудий. Данные орудия, в первую очередь выделяются крупными размерами (10–15 см по удлинению), что является определяющим фактором для придания им большей массы. В Гонур-депе каменные молотки, как правило, не имели рукояти. Захват орудия производился руками. Молотки изготавливались из галек крепких и прочных пород: окремненного тонкозернистого известняка (2 шт.), силицита (1 шт.) и мелкозернистого габбро (1 шт.).

Минеральное сырье. На территории «мастерской», кроме каменных орудий были

найжены отдельные горные породы и минералы, не имеющие следов воздействия человека. Подобные экофакты можно отнести к минеральному сырью. Среди них были диагностированы:

- Гипс. Порода светло-серого цвета, легко царапается ногтем и режется ножом, превращаясь в порошок белого цвета, прилипает к языку. Материал пористый, непрочный, в воде быстро распадается, превращаясь в глиноподобную массу. Сложен мелкозернистыми агрегатами. Частично вскипает при взаимодействии с соляной кислотой. На Гонур-депе гипс широко использовался для побелки стен сакральных сооружений и в качестве внутренней обмазки больших хумов, предназначенных для хранения Сомы-Хаомы.

- Серпентинит карбонатизированный. Порода от темно-серого цвета до зеленовато-черного цвета. Структура мелкозернистая, текстура однородная. Образец характеризуется очень высокими прочностными свойствами. Он практически не колетса при ударе, но без особых усилий царапается стальной иглой. Количество акцессорных минералов (магнетита, хромита) ограничено. На Гонуре подобные породы шли на производство косметических сосудов, пряслиц, частей составных статуэток из камня.

- Мраморизованный известняк. Порода светло-серого цвета, до белого цвета, мелкозернистая, однородная, без трещин и минеральных включений. Легко поддается обработке каменным ножом или скальпелем. Является идеальным сырьем для резки небольших фигурок.

- Известняк органогенный, сложен обломками морских раковин, цемент – глинистый. Отдельные обломки достигают до 1 см в поперечнике. Порода светло-серого цвета, относительно мягкая, легко пилится и обрабатывается каменным ножом (скребком). Материал мог использоваться для производства колонок и декоративных подставок.

- Мраморный оникс светло-серого цвета с небольшим зеленоватым оттенком. Содержит серию чередующихся параллельных полос медово-серого цвета толщиной 3–5 мм. Мраморный оникс широко использовался на археологическом памятнике в качестве материала для изготовления культовых и ювелирных предметов (ваз, колонок, бус, пряслиц и т.д.).

Изделия из камня. Большой удачей является находка в «мастерской» культового изделия – каменной миниатюрной колонки. Колонка была изготовлена в форме цилиндра диаметром около 12 см и несколько за-



Рис. 3. Круговая диаграмма распределения горных пород, использованных для изготовления каменных орудий из «мастерской» на раскопе 8.



Рис. 3. Круговая диаграмма распределения типов каменных орудий из «мастерской» на раскопе 8.

уженной «талией». Высота изделия 12–13 см. Поверхность тщательно пришлифована, но полировка отсутствует, что говорит о незавершенности работы. В верхней части и на боках колонки вырезаны прямолинейный желобки шириной 1–1,3 см и глубиной 0,2–0,3 см. Контуры желобков частично намечены и в нижней части. Колонка вырезана из мраморизованного известняка. Порода светло-серого цвета, мелкозернистая, рассечена серией параллельных полос. Полосы темно-серые шириной 3–5 мм, находятся на расстоянии 5–10 мм друг от друга.

Таким образом, на основании изучения большого количества каменного материала, обнаруженного в стенах «мастерской» на Раскопе 8, можно сделать предположение, что данное помещение являлось камнеобрабатывающей мастерской. Древние мастера специализировались в двух основных направлениях.

Первым являлось производство каменных орудий, прежде всего пестов и ступок, для их последующей продажи или обмена. Это предположение основано на том, что общее число найденных пестов превышает разумное количество данных орудий, необходимое для работы в тесном помещении. И главное, подавляющее большинство произведенных инструментов не имеют хорошо выраженной ра-

бочей поверхности, т.к. после изготовления они не эксплуатировались. Присутствие в помещении ударных инструментов (молотков, ударников, наковален), при помощи которых возможно изготовить другие орудия, а также наличие каменного сырья (необработанной гальки, «дикого» камня и пр.), доказывает возможность производства каменных орудий труда непосредственно на поселении.

Ко второму направлению специализации древних ремесленников относилось непосредственное производство каменных изделий. Об этом свидетельствует большой объем и широкое разнообразие абразивного инструмента разного типа, предназначенного для обработки камня. находка недоделанной каменной колонки, также подтверждает данное предположение.

Набор горных пород, использовавшийся для изготовления орудий на данном памятнике, крайне ограничен и, в основном включает породы осадочного комплекса: силициты (окремненные алевролиты), песчаники, и известняки. Всего для изготовления каменных орудий древними мастерами Гонура было использовано 15 различных типов горных пород и минералов.

Как показали наши исследования, к наиболее распространенным типам горных пород, шедших на изготовления орудий, отно-

сятся различного рода песчаники (около 65% от общего объема пород). Из них 40% приходится на полимиктовые песчаники (они являлись основным материалом для производства плоских точильных камней); 18% составляют кварцевые песчаники (эти породы шли на изготовление выпуклых точильных камней); и – 7% на оркозовые песчаники (использовались для изготовления пестов). Довольно часто встречаются известняки (около 18%) и силициты (9%). Эти породы из-за повышенных прочностных свойств применялись для производства молотков, пестов, отбойников, а скрыто- и мелкозернистая структура, позволяла использовать их и в качестве лоцил. Самыми редкими по распространенности от общего объема пород являются дуниты (4,5%) и габбро (около 2%).

Кроме целых каменных орудий в Хижине ремесленников было обнаружено 25 обломков. Из них наиболее часто встречается куски песчаников различных типов (15 шт.), известняков (4 шт.), силицитов (3 шт.), а так-

же по одному образцу габбро, диабаз и эпидотизита. Последние породы являются завозными из района Копетдага или Койтендага и на Гонур-депе встречаются крайне редко.

В целом, типы горных пород, обнаруженных в Хижине, не отличались большой разнообразием, что связывается с общим дефицитом каменного материала, который без больших трудозатрат можно было бы добыть в пустыне. Источник сырья для производства орудий на памятнике к настоящему времени пока достоверно не определен. Известно, что на ближайшей территории в радиусе 20–25 км выходы коренных пород отсутствуют. Вся площадь перекрыта мощным слоем эоловых песков. Одним из ближайших районов, где имеются выходы указанных пород, являются северные предгорья Копетдага. Они удалены от Гонура на расстояние 150–200 км. Вместе с тем, не исключена возможность получения камня (галек) из русла реки Мургаб, которая в древности протекала возле стен города.

Библиография

1. Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (западная часть раскопа 9) // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М., 2008. С. 94–104.
2. Папахристу О.А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонур-депе (предварительное сообщение) // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М., 2008. С. 196–224.
3. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ashgabat: Turkmendowlethabarlary, 2002. 360 с.
4. Сарияниди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1. С. 49–63.
5. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011–2013 гг. // ТрМАЭ. Т.5 / Отв. ред. В.И. Сарияниди. М., 2014. С. 92–111.
6. Юминов А.М. Горные породы, употреблявшиеся для изготовления орудий и изделий из камня, обнаруженные при археологических раскопках административно-культового комплекса Гонур-депе (Южная часть дворца и Теменос) // ТрМАЭ. Т. 4 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 163–166.

Особенности биологической и социальной адаптации населения страны Маргуш¹

Антропологическая коллекция, полученная в результате раскопок предполагаемого столичного поселения страны Маргуш (Маргианы) – Гонур-депе, проводившихся на протяжении 40 лет под бесменным руководством легенды среднеазиатской археологии – Виктора Ивановича Сарияниди (1929 – 2013) (Сарияниди, 1990; 2001; 2002; 2005; 2008; Sarianidi, 2007), является поистине уникальной. Помимо беспрецедентной для эпохи бронзы численности (к настоящему времени на большом некрополе и руинах дворцово-храмового комплекса памятника изучено более 5000! погребальных сооружений), эта уникальность обусловлена тем, что к гонурской серии в полной мере применимы критерии палеопопуляции (Медникова, 1995). Несмотря на скептическое отношение некоторых авторов к самой возможности рассмотрения скелетных выборок в качестве прообраза популяций (Герасимова, 2004. С. 61; Saunders, 1978. Р. 7), предложен ряд вероятных критериев, позволяющих рассматривать их (выборки) в качестве таковых. В частности, М.Б. Медникова выделяет три группы палеопопуляционных критериев – историко-культурные, демографические и биологические (Медникова, 1995). Учитывая долгое время функционирования Гонура (2300 – 1500 гг. до н.э.) (Зайцева и др., 2008), непрерывность культурных традиций населения на всем протяжении существования памятника (что подчеркивалось В.И. Сарияниди во всех публикациях) и общность его морфологических характеристик (Dubova, Rykushina, 2004; 2007), данные критерии, с

точки зрения автора, применимы здесь в полной мере. Последнее обуславливает возможность рассмотрения всех гонурских материалов в качестве эталонных, по крайней мере, для эпохи бронзы Ближневосточного региона и Средней Азии.

Систематические исследования антропологических материалов Гонура продолжаются около 20 лет (Бабаков и др., 2001; Бабаков, 2004; Дубова, 2005; Sperduti et al., 1995; Hemphill et al., 1996; Babakov, 2002; Bondioli, Macchiarelli, 2002; Dubova, Rykushina, 2004; 2007 и др.). Антропологами рассматривался и ряд специальных вопросов: палеодемография памятника (Дубова, Рыкушина, 2007), одонтологические особенности его населения (Рыкушина и др., 2003), бытование традиции искусственной деформации головы (Дубова, 2004; 2006). Усилиями ряда специалистов (Т.С. Балужева, Е.В. Веселовская, А.И. Нечвалода) по гонурским черепам был выполнен ряд графических и скульптурных антропологических реконструкций. Начиная с 2008 г. особое внимание уделяется экологическим аспектам изучения палеоантропологических материалов Гонур-депе (Дубова, Куфтерин, 2008; Куфтерин, 2009; 2010; Kufterin, Dubova, 2008; 2013). Основные результаты этих работ (преимущественно до 2009 г. раскопок) обобщены и изложены в диссертационном исследовании В.В. Куфтерина (2012; 2012а).

Данная публикация представляет собой обобщение данных по экологическим аспектам антропологии гонурского населения, полученных, в основном в 2010–2012 гг. или материалов, оставшихся за рамками упомянутой диссертации. Обсуждаются результаты исследования фенетических особенностей населения, темпов продольного роста детей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00233а).

и подростков, индикаторов двигательной активности и физических нагрузок, распределения патологических и стрессовых маркеров у индивидов, захороненных на руинах дворцово-храмового комплекса (группа относительно поздних погребений). Общей методической основой исследования выступала совокупность подходов, принятых в практике историко-экологических и биоархеологических реконструкций (Историческая экология человека, 1998).

Исследование неметрических вариаций (фенов) черепа и посткраниального скелета

В современной антропологической науке, наряду с традиционным морфометрическим подходом к скелетному палеоматериалу, большую популярность получил в значительной степени альтернативный способ его анализа – исследование описательных признаков и неметрических вариаций черепа и посткраниального скелета. При этом среди специалистов занимающихся изучением описательных признаков черепа (краниоскопия), методическое единство отсутствует. Данное обстоятельство имеет вполне определенные исторические предпосылки в виде существования нескольких альтернативных подходов (традиций) краниоскопического исследования – анатомической (Быстров, 1957; Kadanoff, Mutafov, 1970), суммарно-статистической (Berry, Berry, 1967) и классической, заключающейся в отдельном рассмотрении характера внутривидовой изменчивости каждого признака (Анучин, 1880; Алексеева, Шауро, 1970; Козинцев, 1988). Принципиальное разногласие между двумя последними подходами, практикуемыми российскими антропологами московской (Мовсесян, 2005) и Санкт-Петербургской школ (Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992) несколько нивелируется единодушным признанием значимости дискретно-варирующих признаков (фенов) для решения вопросов расо- и этногенеза.

Исследованная по краниоскопической программе краниологическая коллекция из Гонур-депе включала в общей сложности 31 единицу (материалы из руин дворцово-храмового комплекса и объекта Гонур 20, полевые

сезоны 2005–2010 гг.). Основным критерием отбора черепов выступала их удовлетворительная сохранность. Материал изучался с опорой на фенетический подход московской школы (Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005). В программу исследования было включено 34 признака. Межгрупповое сопоставление с рядом древних и близких к современности групп (Мовсесян, 2005) проводилось с использованием анализа соответствий, а также включало построение дендрограмм (кластеризация производилась по правилу полных связей («дальнего» соседа) и методу наименьшей внутрикластерной дисперсии (Уорда)) (Дерябин, 2008; Халафян, 2008; Эверитт, 2010) в пакете программ Statistica 6.0. Полученные результаты сопоставлялись с данными краниометрии (Дубова, 2008; 2010 и др.).

Основные итоги проведенного исследования можно представить следующим образом (табл. 1, рис. 1 – 3):

1. В показателях краниоскопии наблюдается тяготение гонурской серии к ряду групп эпохи бронзы и железа Закавказья (Неркин Геташен 2 и 3, Кармир), что можно рассматривать как подтверждение вывода о прочных связях Закавказья с древневосточными культурами Передней и Средней Азии (Пиотровский, 1949). В то же время явных предпочтений среди степных серий (носители ямной, катакомбной, срубной культур и скифы Поднепровья) гонурские материалы не обнаруживают.
2. Среди современных групп, особенно по результатам кластерного анализа, к Гонуру наиболее близки серии болгар и турок, что демонстрирует выраженные южноевропейские параллели в фенетическом комплексе жителей Древней Маргианы.
3. Полученные данные, в целом, хорошо согласуются с результатами краниометрического исследования, а некоторые расхождения можно объяснить фактом неполного соответствия традиционной морфометрической системы и системы ДВП (Козинцев, 1988; Ефимова, 1991; Kozintsev, 1992)². Последнее проявляется в отсутствии полного параллелизма в структуре крани-

² Точка зрения о существовании общих краниометрических факторов, определяющих формирование дискретных признаков, отстаивается Т.В. Томашевич (2001).

ометрического и краниоскопического комплексов гонурцев.

Изучение фенотипов посткраниального скелета проводилось с использованием про-

граммы, предложенной М. Финнеганом (Finnegan, 1978) и включало определение 30 дискретно-варьирующих признаков. Распределение частот некоторых неметриче-

Таблица 1

Распределение частот неметрических вариаций (фенов) черепа в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2005 – 2010 гг.)

Признак	N	M
1. Sutura frontalis (metopica)	29	0
2. Foramen supraorbitale	31	0,516
3. Foramen frontale	31	0,096
4. Spina trochlearis	29	0,241
5. Foramen infraorbitale accessorium	30	0,066
6. Os zygomaticum bipartitum	27	0
7. Ossa Wormii suturae coronalis	25	0,040
8. Foramen parietale	24	0,708
9. Spina processus frontalis ossis zygomatici	30	0,466
10. Stenocrotaphia	28	0,142
11. Processus frontalis ossis temporalis	28	0
12. Os epiptericum	27	0,037
13. Ossa Wormii suturae squamosae	25	0,040
14. Foramen tympanicum	29	0,103
15. Os postsquamosum	24	0,166
16. Os Incae	24	0
17. Os triquetrum	24	0
18. Sutura mendosa	25	0,160
19. Os apicis lambdae	23	0,130
20. Processus interparietalis squamae occipitalis	25	0
21. Ossa Wormii suturae lambdoideae	23	0,391
22. Os asterii	23	0
23. Ossa Wormii suturae occipito-mastoideae	26	0,038
24. Foramen mastoideum extrasuturale	26	0,653
25. Canalis condylaris	19	0,789
26. Facies condylaris bipartitum	22	0
27. Canalis hypoglossalis bipartitum	23	0,304
28. Tuberculum praecondylare	24	0
29. Foramen spinosum apertum	26	0,346
30. Foramen pterygospinosum	26	0
31. Sutura palatina transversa concavus	23	0,043
32. Sutura palatina transversa fractus	23	0,173
33. Torus palatinus	29	0,068
34. Torus mandibularis	21	0
35. Foramen mentale accessorium	21	0
36. Canalis mylohyoideus	21	0,047

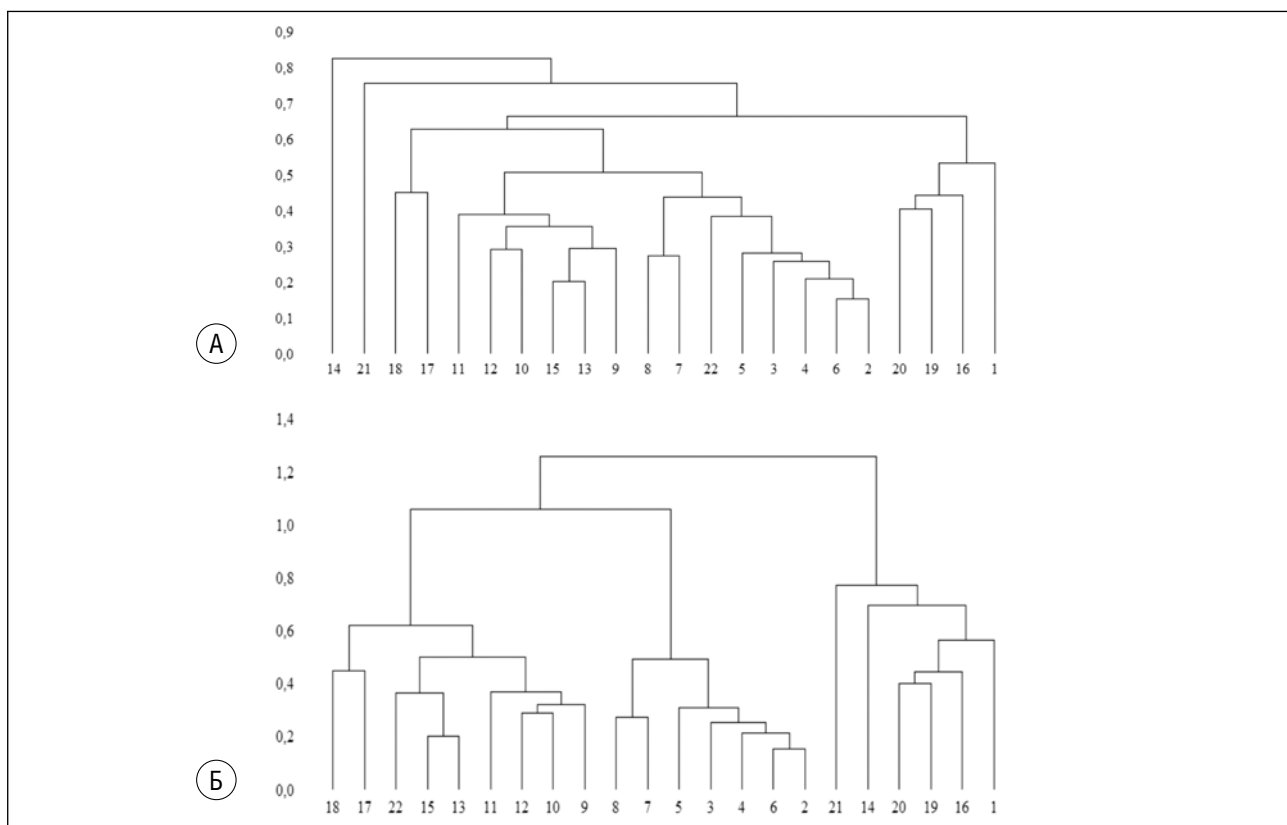


Рис. 1. Дендрограмма, иллюстрирующая положение гонурской серии на фоне различных групп древнего населения (иерархическая процедура, правило полных связей (а), метод Уорда (б), сравнение по частотам 30 дискретно-варьирующих признаков): 1 – Гонур; 2 – Серово (Ангара); 3 – Серово (Лена); 4 – Глазково (Ангара); 5 – Глазково (Лена); 6 – Китой; 7 – Уэлен; 8 – Эквен; 9 – ямная к-ра Поднепровья; 10 – катакомбная к-ра Поднепровья; 11 – срубная к-ра Поднепровья; 12 – скифы Поднепровья; 13 – Лчашен; 14 – Геташен 1; 15 – Артик; 16 – Геташен 2; 17 – Акунк; 18 – Карашамб; 19 – Кармир; 20 – Геташен 3; 21 – Карчакпюр; 22 – Ширакаван. Источник сравнительных данных: Мовсесян, 2005.

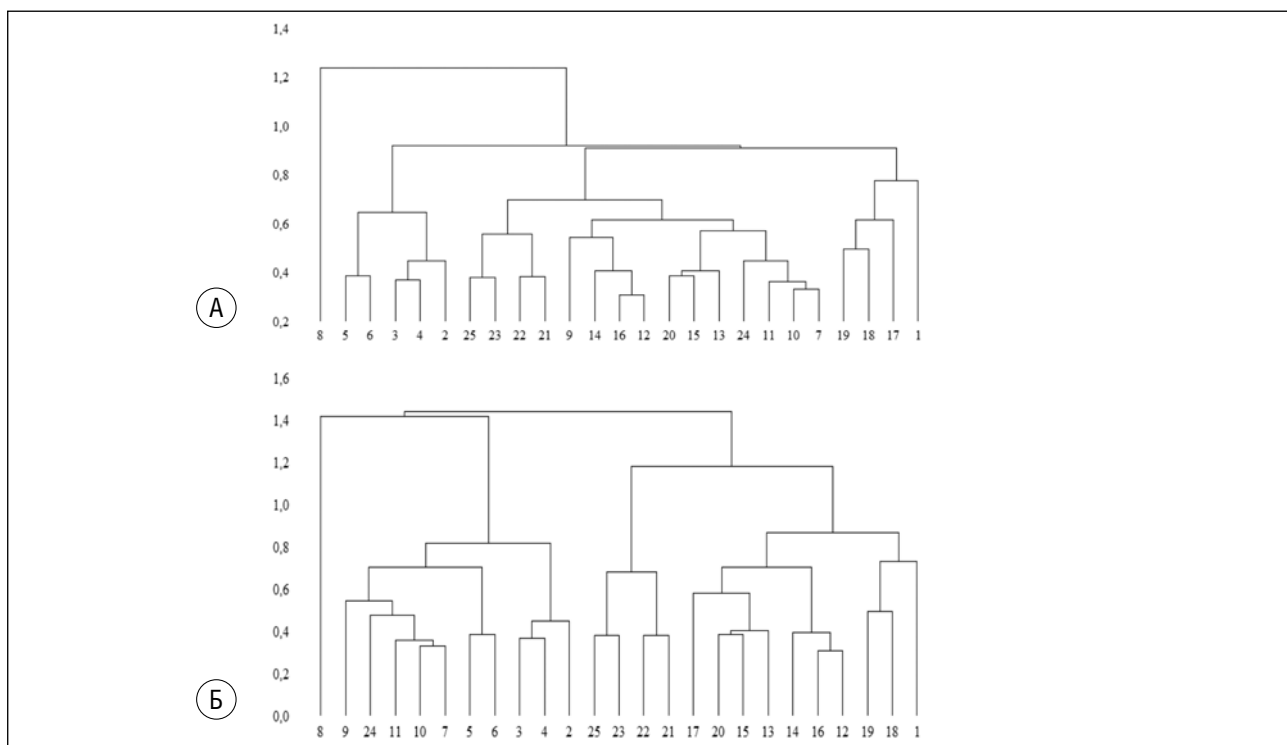


Рис. 2. Дендрограмма, иллюстрирующая положение гонурской серии на фоне различных современных групп (иерархическая процедура, правило полных связей (а), метод Уорда (б), сравнение по частотам 30 дискретно-варьирующих признаков): 1 – Гонур; 2 – эскимосы; 3 – чукчи береговые; 4 – алеуты; 5 – негидальцы; 6 – эвенки; 7 – ханты; 8 – селькупы; 9 – сагайцы; 10 – буряты; 11 – киргизы; 12 – узбеки; 13 – мордва-эрзя; 14 – мари луговые; 15 – мари горные; 16 – чуваш южные; 17 – чуваш северные; 18 – турки; 19 – болгары; 20 – индийцы (Бенгалия и Пенджаб); 21 – сомалийцы; 22 – хайа (Танзания); 23 – австралийцы; 24 – папуасы Муруа; 25 – меланезийцы. Источник сравнительных данных: Мовсесян, 2005.

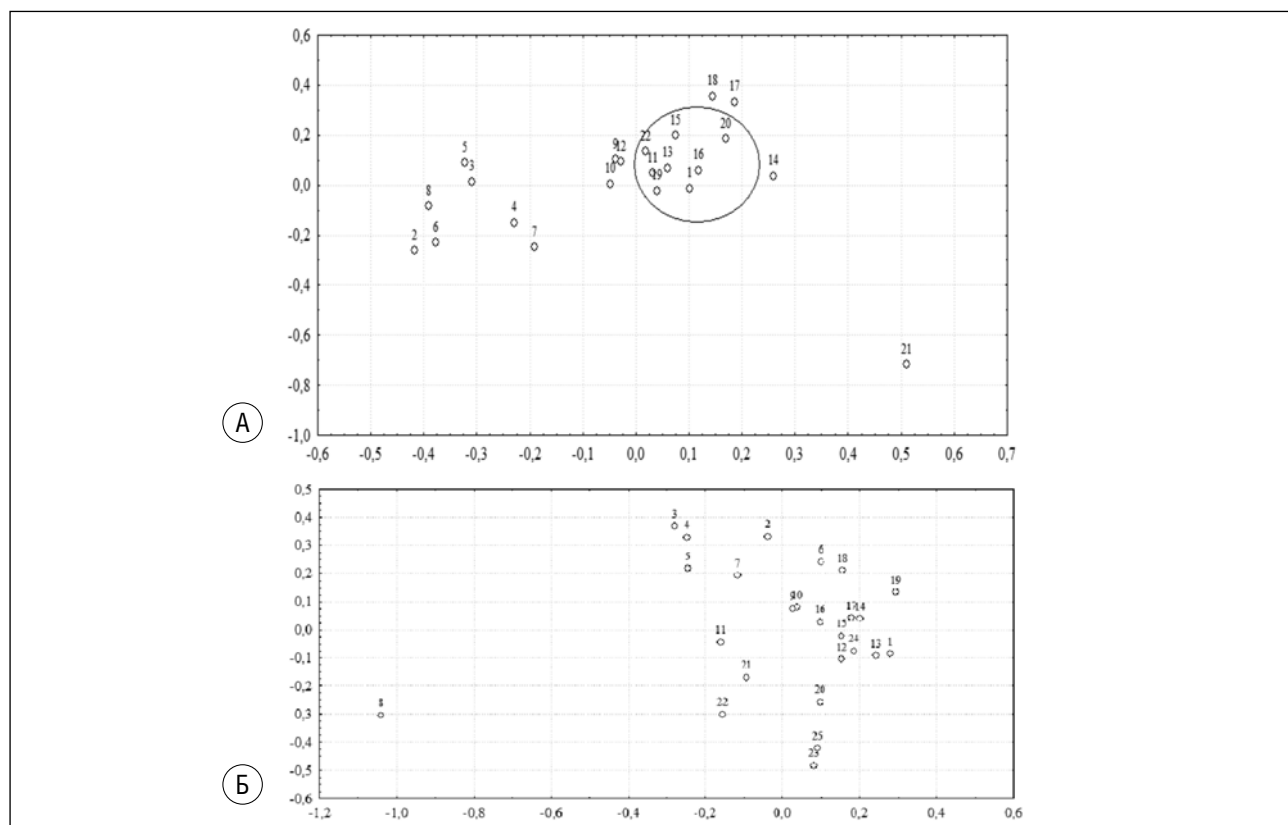


Рис. 3. Результаты корреспондентного анализа (анализа соответствий): гонурская серия на фоне древних (а) и современных (б) групп (сравнение по частотам 30 дискретно-варьирующих признаков). Обозначения групп: см. подпись к рис. 1 и 2.

ских вариаций посткраниума представлено в табл. 2. Следует особо отметить, что анализ фенетической информации по посткраниальному скелету существенно затруднялся не всегда удовлетворительной сохранностью и комплектностью материалов. На данном этапе исследования можно лишь констати-

ровать, что в мужской выборке с наибольшей частотой регистрировались следующие признаки: третий вертел и/или ямка под ним на бедренных костях, удвоение или отсутствие передней фасетки на пяточных костях. В более многочисленной женской подгруппе к этому перечню добавляется наличие экзо-

Таблица 2

Распределение частот некоторых неметрических вариаций (фенов) посткраниального скелета в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые индивиды)

Признак по М. Финнегану	♂ N=26	♀ N=45
Poirier's facet present	0	0,022
Exostosis in trochanteric fossa	0,038	0,155
Third trochanter and hypotrochanteric fossa present	0,115	0,133
Medial or lateral tibial squatting facet	0,076	0,200
Septal aperture present	0	0,155
Suprascapular foramen present	0	0,022
Vastus notch or vastus fossa present	0,076	0,022
Emarginate patella	0,038	0
Anterior calcaneal facet double or absent	0,115	0,066
Posterior or lateral bridge present	0,038	0,133
Transverse foramen bipartite	0,076	0,288

стозов в вертельных ямках бедренных костей, дополнительных суставных площадок на нижних суставных поверхностях большеберцовых костей, межмышцелкового отверстия на плечевых костях, латерального или заднего костных мостиков атланта и удвоенных отверстий поперечных отростков шейных позвонков.

Обобщая итоги исследования неметрических вариаций черепа и скелета, в плане внутригруппового анализа важно отметить, что гонурская палеопопуляция может рассматриваться как группа, состоящая из больших отдельных семей (населения поселков-сателлитов?), имевших невысокий уровень близкородственных связей. О последнем, вероятно, свидетельствует относительно невысокая концентрация генетических аномалий черепа и посткраниального скелета в целом. Данный результат подтверждает ранее выдвигавшееся автором положение (Куфтерин, 2012). Также следует подчеркнуть, что информация по распределению фенотипов посткраниума, в связи с немногочисленностью наблюдений, нуждается в уточнении.

Анализ темпов продольного роста у детей и подростков

Анализ ростовых кривых, как правило, подкрепляемый демографическими и палеопатологическими данными, – одна из наиболее распространенных, применительно

к неполовозрелым индивидам, исследовательских процедур (Федосова, 1997; 2003; Mensforth, 1978; Hummert, Van Gerven, 1983; Molleson, 1989). В настоящей работе исследованы темпы продольного роста длинных костей 23 детей и подростков, происходящих из раскопок 2009 – 2010 гг. Оценка возраста субадультичных субъектов осуществлялась, главным образом, по степени оссификации зубов (Алтухов, 1913) и особенностям формирования зубной дуги (Buikstra, Ubelaker, 1994). При отсутствии зубов внимание обращалось на синостозирование первичных и вторичных центров окостенения, сроки прирастания эпифизов (Пашкова, 1963; Алексеев, 1966; Bass, 1987) и продольные параметры диафизов длинных костей (Scheuer, Black, 2000). Возраст плодов устанавливался по общим размерам отдельных костей и длинам ключиц (Пашкова, 1963). Элементы посткраниального скелета измерялись по экстраполированной на более старшие возрасты и модифицированной системе I.G. Fazekas и F. Kosa (1978) (штангенциркуль, точность 0,1 мм). В качестве возрастных стандартов использованы данные М. Мареш в редакции В.Н. Федосовой (2003) (дети и подростки европеоидного происхождения, 0–18 лет) и данные М. Стлоукала и Х. Ханакковой (Stloukal, Hanakova, 1978) по средневековой славянской популяции IX в. (дети 0,5 – 14 лет). Результаты представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Продольные параметры длинных костей детей и подростков в отношении к возрастной норме (правая сторона) в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2009 – 2010 гг.)

№ погр.	δl_i (Мареш - Федосова)						δl_m	δl_i (Стлоукал, Ханакова)				δl_m
	H	U	R	F	T	f		H	R	F	T	
3899	1,00	1,00	0,94	0,96	1,03	0,99	0,99	0,97	0,94	0,98	1,03	0,98
3902	0,86	0,86	0,84	—	—	—	0,85	0,93	0,91	—	—	0,92
3916	0,80	—	—	0,83	—	—	0,82	0,94	—	1,01	—	0,98
3917	0,93	0,98	0,98	0,91	—	—	0,95	1,01	1,06	1,03	—	1,03
3918	0,89	—	0,89	0,85	—	—	0,88	0,87	0,89	0,87	—	0,88
3919	0,82	—	—	0,81	0,81	0,80	0,81	0,91	—	0,93	0,93	0,92
3921	0,78	0,83	0,81	0,79	0,78	0,78	0,80	0,94	0,94	0,98	1,00	0,97
3923	0,73	0,77	0,76	0,72	0,72	0,70	0,73	0,80	0,83	0,81	0,82	0,82
3928	—	0,95	0,93	—	—	—	0,94	—	0,99	—	—	0,99
3930	1,03	1,03	1,01	0,97	1,02	1,02	1,01	1,01	1,01	0,99	1,01	1,01

Таблица 3 (окончание)

Продольные параметры длинных костей детей и подростков в отношении к возрастной норме (правая сторона) в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2009 – 2010 гг.)

№ погр.	δl_i (Мареш – Федосова)						δl_m	δl_i (Стлоукал, Ханакова)				δl_m
	H	U	R	F	T	f		H	R	F	T	
3931	0,75	0,81	0,78	0,79	0,76	0,77	0,78	0,89	0,90	0,99	0,98	0,94
3932	—	0,93	0,92	—	—	—	0,93	—	0,98	—	—	0,98
3934	0,90	0,90	0,86	—	—	—	0,89	0,88	0,85	—	—	0,87
3941	—	—	—	—	0,80	0,80	0,80	—	—	—	1,03	1,03
3942	0,98	1,01	0,99	0,95	0,96	0,94	0,97	1,08	1,07	1,10	1,11	1,09
3943	0,92	—	—	—	—	—	0,92	0,90	—	—	—	0,90
3944	0,96	1,02	—	—	—	—	0,99	1,06	—	—	—	1,06
3948/2	—	0,96	—	—	—	—	0,96	—	—	—	—	—
3949	—	—	—	—	1,03	1,01	1,02	—	—	—	1,03	1,03
3953	0,85	—	—	—	—	—	0,85	0,90	—	—	—	0,90
3957	0,97	0,97	—	0,97	0,95	0,93	0,96	1,07	—	1,11	1,09	1,09
3960	0,81	—	—	—	—	—	0,81	0,97	—	—	—	0,97
3962	—	—	0,93	—	—	—	0,93	—	1,07	—	—	1,07
δl_m	0,88	0,93	0,90	0,87	0,89	0,87	0,90	0,95	0,96	0,98	1,00	0,97

Таблица 4

Изменчивость продольных параметров длинных костей детей и подростков в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2009 – 2010 гг.)

Возраст (лет)	Правая				Левая			
	N	M	Min	Max	N	M	Min	Max
<i>Плечевая кость</i>								
0	—				1	64,3	—	
0,5	5	81,7	76,9	89	3	84,5	77,2	89,9
1	1	87,8	—		2	94,6	90	99,2
1,5	2	105,4	100,8	110	2	106,2	102,3	110
2	3	125,3	124	126,5	2	127	126	128
3	2	110,5	107	114	1	115	—	
5	1	142,5	—		1	144	—	
7	—				1	167	—	
8	1	173,5	—		1	173	—	
9	1	173	—		1	172	—	
12	1	214	—		1	217,5	—	
<i>Локтевая кость</i>								
0	—				—			
0,5	4	74,2	68,7	78,8	4	73,7	68,7	78,2
1	1	84,5	—		2	82	79,2	84,8
1,5	3	94	87,1	99	2	93,8	87,1	100,5
2	3	108,3	105	110,5	2	108,4	105,8	111
3	1	93,8	—		1	93,6	—	

Таблица 4 (продолжение)

**Изменчивость продольных параметров длинных костей детей и подростков в палеопопуляции
Гонур-депе (материалы 2009 - 2010 гг.)**

Возраст (лет)	Правая				Левая			
	N	M	Min	Max	N	M	Min	Max
5	—				1	128	—	
7	—				—			
8	1	150	—		1	152	—	
9	1	154	—		1	154	—	
12	—				—			
Лучевая кость								
0	—				—			
0,5	4	64,3	59,5	70,3	3	65,5	60,3	69,7
1	1	75	—		2	73,1	70,7	75,2
1,5	3	83	76,2	89	1	76,6	—	
2	1	96,1	—		3	97,5	96,6	98
3	2	90	84	96	1	86,9	—	
5	1	124,4	—		1	113,5	—	
7	—				—			
8	1	134	—		1	137	—	
9	1	135	—		1	135	—	
12	—				1	167	—	
Бедренная кость								
0	—				1	74,2	—	
0,5	3	102,6	94	107,7	3	102,8	94	108,1
1	—				1	119	—	
1,5	1	142	—		1	142	—	
2	2	165	164	166	2	164,5	162	167
3	2	145	141	149	2	145,3	141	149,5
5	1	206	—		1	203	—	
7	—				—			
8	1	249	—		1	251	—	
9	1	265	—		1	265	—	
12	—				—			
Большая берцовая кость								
0	—				1	69,7	—	
0,5	3	90,7	89,7	91,3	2	90	90	90
1	—				—			
1,5	—				1	116	—	
2	2	133,3	132,5	134	2	133	132	134
3	2	119,5	116,5	122,5	2	120,8	118,5	123
5	—				—			
7	1	194	—		—			
8	1	202	—		1	201,5	—	
9	1	210	—		1	211	—	
12	—				—			

Изменчивость продольных параметров длинных костей детей и подростков в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2009 – 2010 гг.)

Возраст (лет)	Правая				Левая			
	N	M	Min	Max	N	M	Min	Max
<i>Малая берцовая кость</i>								
0	—				1	66	—	
0,5	3	85,1	83,6	86,1	3	85,1	83,2	86,8
1	—				—			
1,5	—				—			
2	2	128,8	128	129,5	2	128,5	128,5	128,5
3	2	115,8	112,5	119	2	117	114,5	119,5
5	—				—			
7	1	192	—		—			
8	1	200	—		1	200	—	
9	1	209	—		—			
12	—				—			

Данные об отношении длин диафизов шести костей (плечевая, локтевая, лучевая, бедренная, большеберцовая, малоберцовая) к возрастной норме у индивидов с известным возрастом приводятся по правой стороне, без поправки на ошибку асимметрии. Индивидуальные значения показателя δl_m , характеризующего среднее отклонение от стандартных размеров, варьируют в пределах 0,73 – 1,02, среднегрупповое значение – 0,90 (данные Мареш – Федосовой). По сравнению со средневековой славянской популяцией (данные по четырем костям – плечевой, лучевой, бедренной, большеберцовой), отставание в темпах продольного роста менее значительно: индивидуальные вариации – 0,82–1,09, среднее значение – 0,97. Проксимальные сегменты, в сравнении с дистальными, обнаруживают большую задержку в росте. Наименьшее отставание по показателям продольного роста демонстрируют дети в возрасте 0,5–2 лет. У детей более старших возрастных групп задержка ростовых процессов выражена значительно.

Отставание скоростей роста в палеопопуляциях от современных стандартов, как известно, скорее правило, чем исключение (Федосова, 2003). Причем периодом наименьших несоответствий является, как и в рассмотренной группе древнего населения, время от рождения до 2–3 лет. Объяснение

настоящего феномена, помимо оптимального для данного возраста питания, находится обычно в устойчивой генетической детерминации роста в этот период (Федосова, 2003). Также предсказуемым результатом можно считать меньшую, по сравнению с современными стандартами, разницу в темпах продольного роста гонурских детей и инфантильной выборки средневековых славян IX в. Последняя группа, как отмечается авторами исследования, характеризуется более поздним (на 2 года) наступлением подросткового скачка и меньшими размерами костей, по сравнению с современными детьми (Stloukal, Hanakova, 1978). Преимущественный дистальный рост в детско-подростковой выборке Гонур-депе хорошо согласуется с типом пропорций взрослого населения, отличающегося удлиненными относительно плеча и бедра предплечьем и голенью, а также общей мезоили долихоморфией (Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004; 2007).

В палеоэкологическом контексте важно подчеркнуть, что с высоким уровнем жизни и демографическим благополучием гонурцев (Дубова, Рыкушина, 2007. С. 318) хорошо согласуется положение о некотором замедлении процесса онтогенеза в «долгожительских» популяциях, обусловленном ретардацией скелетной зрелости у детей (Павловский, 1987; Бужилова, 2005. С. 20). Исследование

темпов продольного роста у гонурских детей, таким образом, также подтверждает вывод о хорошей адаптированности рассматриваемой группы древнего населения к условиям окружающей среды.

Исследование остеологических маркеров физической активности (характеристика элементов рельефа длинных костей)

Реконструкция физических нагрузок и двигательной активности древнего населения – энергично развивающееся и перспективное направление современной палеоантропологии. Среди значительного разнообразия методик и методических подходов в этой области, одной из часто применяемых категорий является оценка развития мускульного компонента (компонента мезоморфии) (Бужилова, 1998а). По большому счету, она сводится к изучению и последующей визуальной (реже измерительной или рентгенографической) оценке места прикрепления какой-либо мышцы (МПИМ). В настоящее время существует ряд подобных систем (Федосова, 1986; 1997а; Ражев, 2009. С. 254-256, 486-488; Crubezy, 1988; Hawkey, Merbs, 1995; Hawkey, 1998; Stirland, 1998). Их отличие заключается в основном в разном числе используемых признаков или в различной их градации. В отечественной палеоантропологии наибольшее распространение получила остеоскопическая программа В.Н. Федосовой (1986). В общем виде она подразумевает детальную оценку рельефа в местах прикрепления мышц, составляющих характерную основу мышечной массы того или иного сегмента. Выраженность рельефа оце-

нивается по трехбалльной шкале (от слабого до сильного или гипертрофированного развития данного элемента). В редакции М.Б. Медниковой эта методика нашла отражение в сводке «Историческая экология человека» (Медникова, 1998).

С целью изучения остеологических маркеров физической активности исследованы материалы из 61 погребения (скелетные останки 19 ♂ и 43 ♀) на руинах дворцово-храмового комплекса Гонура. Изучение показателей физического развития проводилось по программе Федосовой – Медниковой (Федосова, 1986; Медникова, 1998) и включало определение 21 остеоскопического признака. Традиционная трехбалльная шкала, для большей детализации описания элементов рельефа, была преобразована в пятибалльную путем введения промежуточных градаций. Помимо вычисления средних баллов по отдельным признакам, рассчитывался средний балл развития каждой кости (ППР) и показатели двусторонней асимметрии (As). При вычислении последних из баллового значения признака на правой стороне вычитались значения на левой. Таким образом, в данном случае, знак «+» свидетельствовал о наличии правосторонней асимметрии, а «-» – левосторонней. Учитывая неоднозначность данных по возрастной изменчивости остеоскопических показателей (Медникова, 1998а), зачастую недостаточно хорошую сохранность и комплектность отдельных скелетов, все взрослые индивиды объединены в две тотальные выборки – мужскую и женскую. Полученные результаты представлены в табл. 5 и 6.

Таблица 5

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей по системе Федосовой – Медниковой в палеопопуляции Гонур-депе (мужчины)

Признак	Правая		Левая		As		Суммарно	
	N	M	N	M	N	M	N	M
<i>Плечевая кость</i>								
Малый бугорок	3	2,16	2	1,75	1	0,50	5	1,96
Межбугорковая борозда	3	2,33	1	2,00	1	0,00	4	2,17
Дельтовидная бугристость	5	2,30	5	2,10	2	0,25	10	2,20
Латеральный край	4	1,75	3	1,66	—	—	7	1,71
Средний балл (ППР)	2	2,15	—	—	—	—	2	2,15

Таблица 5 (окончание)

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей по системе Федосовой – Медниковой в палеопопуляции Гонур-депе (мужчины)

Признак	Правая		Левая		As		Суммарно	
	N	M	N	M	N	M	N	M
Локтевая кость								
Задний край	3	1,33	3	1,50	2	0,00	6	1,42
Межкостный край	4	2,00	5	1,60	2	0,25	9	1,80
Бугристость	4	1,75	6	1,83	1	0,00	10	1,79
Гребень супинатора	5	2,10	7	1,78	3	0,16	12	1,94
Гребень квадратного пронатора	5	1,90	6	1,66	3	0,16	11	1,78
Средний балл (ППР)	1	1,90	3	1,70	—	—	4	1,80
Лучевая кость								
Бугристость	5	2,20	8	2,06	4	0,00	13	2,13
Межкостный край	6	1,66	3	1,33	2	0,00	9	1,49
Бороздки, бугорки	5	2,30	6	2,25	1	0,00	11	2,28
Средний балл (ППР)	1	2,20	—	—	—	—	1	2,20
Бедренная кость								
Большой вертел	2	2,00	3	2,00	1	0,00	5	2,00
Малый вертел	2	2,00	4	1,62	1	0,00	6	1,81
Ягодичная бугристость	2	1,75	3	1,83	2	—0,25	5	1,79
Шероховатая линия	2	1,75	4	1,62	1	0,00	6	1,69
Средний балл (ППР)	—	—	—	—	—	—	—	—
Большая берцовая кость								
Бугристость	1	2,00	2	2,00	—	—	3	2,00
Передний край	3	2,33	—	—	—	—	3	2,33
Межкостный край	3	2,00	—	—	—	—	3	2,00
Линия камбаловидной мышцы	2	2,25	—	—	—	—	2	2,25
Бороздки, бугорки	3	1,66	—	—	—	—	3	1,66
Средний балл (ППР)	1	2,10	—	—	—	—	—	—

Таблица 6

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей по системе Федосовой – Медниковой в палеопопуляции Гонур-депе (женщины)

Признак	Правая		Левая		As		Суммарно	
	N	M	N	M	N	M	N	M
Плечевая кость								
Малый бугорок	10	2,10	11	1,90	5	0,20	21	2,00
Межбугорковая борозда	10	1,95	8	1,87	4	0,00	18	1,91
Дельтовидная бугристость	21	1,92	19	2,02	13	0,00	40	1,97
Латеральный край	13	1,34	19	1,31	8	-0,06	32	1,33
Средний балл (ППР)	2	1,65	4	1,77	—	—	6	1,71

Таблица 6 (окончание)

**Балловая характеристика развития рельефа длинных костей по системе
Федосовой – Медниковой в палеопопуляции Гонур-депе (женщины)**

Признак	Правая		Левая		As		Суммарно	
	N	M	N	M	N	M	N	M
Локтевая кость								
Задний край	8	1,25	12	1,37	5	0,10	20	1,31
Межкостный край	8	1,68	13	1,84	6	-0,08	21	1,76
Бугристость	19	1,68	18	1,63	13	0,00	37	1,66
Гребень супинатора	13	1,69	16	1,68	8	-0,06	29	1,69
Гребень квадратного пронатора	18	1,80	18	1,83	16	0,00	36	1,82
Средний балл (ПРР)	4	1,77	7	1,62	—	—	11	1,69
Лучевая кость								
Бугристость	23	1,56	17	1,61	11	0,04	40	1,59
Межкостный край	20	1,35	17	1,23	9	0,05	37	1,29
Бороздки, бугорки	21	2,04	18	1,88	13	0,07	39	1,96
Средний балл (ПРР)	11	1,65	8	1,58	—	—	19	1,62
Бедренная кость								
Большой вертел	9	1,61	9	1,72	3	-0,16	18	1,67
Малый вертел	8	1,50	11	1,50	5	0,00	19	1,50
Ягодичная бугристость	8	1,56	9	1,61	5	0,20	17	1,59
Шероховатая линия	8	1,56	11	1,31	5	0,00	19	1,44
Средний балл (ПРР)	3	1,55	3	1,76	—	—	6	1,66
Большая берцовая кость								
Бугристость	5	1,70	3	1,66	1	0,00	8	1,68
Передний край	7	1,07	6	1,41	3	0,00	13	1,24
Межкостный край	9	1,38	5	1,60	3	0,00	14	1,49
Линия камбаловидной мышцы	8	1,50	10	1,80	4	-0,12	18	1,65
Бороздки, бугорки	7	1,57	9	1,61	4	0,12	16	1,59
Средний балл (ПРР)	2	1,35	1	1,40	—	—	3	1,38

Мужчины гонурской палеопопуляции в целом характеризуются средним или несколько пониженным развитием макрорельефа длинных костей. Несколько повышен рельеф в таких областях как: малый бугорок, межбугорковая борозда и дельтовидная бугристость плечевых костей; бугристость лучевой кости и бороздки / бугорки ее дистального эпифиза; передний край и, вероятно, линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей. Крайне слабого развития каких-либо элементов и выраженной асимметрии по отдельным признакам у гонурских мужчин не наблюдается. Более многочисленная жен-

ская выборка, что закономерно, суммарно демонстрирует более слабое развитие мышечного рельефа. К элементам развитым средне или выше среднего можно отнести: малый бугорок и дельтовидную бугристость плечевых костей; бороздки и бугорки дистального эпифиза лучевых костей; возможно, гребень квадратного пронатора локтевых костей. Необычно слабо выражены межкостный край лучевой кости и задний – локтевой. Резкой асимметрии в развитии элементов макрорельефа не наблюдается. Стоит отметить, что у отдельных индивидов фиксировалось гипертрофированное (на грани нормы и патоло-

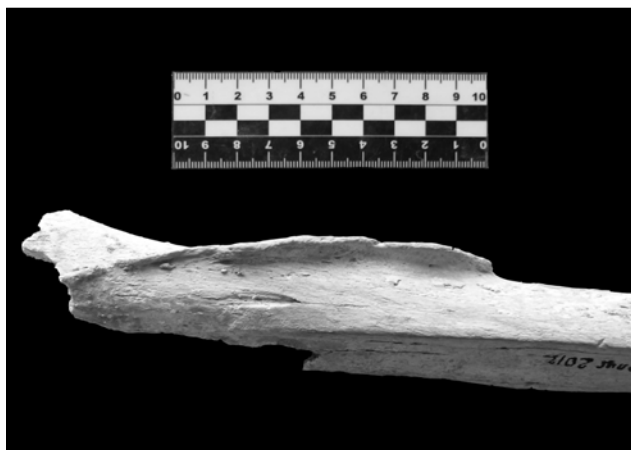


Рис. 4. Гипертрофия костного рельефа (балл 3) в области прикрепления камбаловидной (*m. soleus*) и подколенной мышц (*m. popliteus*) на левой большой берцовой кости (погребение 4200, ♀, 25 – 40 лет)

гии) развитие мест прикрепления отдельных мышц или связок, в частности линии камбаловидной мышцы на больших берцовых костях (рис. 4).

Таким образом, остеоскопический комплекс гонурских мужчин и женщин демонстрирует вполне ощутимые параллели (с учетом полового диморфизма). Состояние мышечной компоненты жителей Гонурского оазиса в наибольшей степени связано с нагрузкой на мускулатуру плечевого пояса, интенсивной работой кисти, сгибанием голени, разгибанием и сгибанием стопы (у мужчин), возможно, удержанием голени на таранной кости при фиксированной стопе (гипертрофия линии камбаловидной мышцы у отдельных субъектов). Реконструируемый тип физической активности, на наш взгляд, не противоречит тезису об интенсивном занятии жителей Гонура земледельческим трудом.

Анализ состояния зубочелюстного аппарата

При регистрации патологических изменений зубочелюстного аппарата использовались показатели как индивидуального, так и зубного счета. Таким образом, рассматривалась не только частота, но и интенсивность распространенности стоматологических заболеваний. Использовались различные балловые системы ранжирования выраженности показателей (Бужилова, 1998; Lukacs, 1989), однако в итоговый подсчет включены все стадии развития тех или иных патологий. Частоты встречаемости стоматологических заболеваний у гонурского населения (материалы 2010 – 2012 гг.), с разделением по возрасту и полу, сгруппированы в табл. 7–12.

У детей и подростков наиболее часто регистрировались отложения зубного камня (в том числе и на молочных зубах) и гипопластические дефекты развития зубной эмали. По поводу последнего стрессового маркера, особенно с учетом взрослой группы, следует подчеркнуть существенное отличие приводимых данных от таковых по населению, захороненному в большом некрополе Гонура (Бабаков и др., 2001; Рыкушина и др., 2003). Данное расхождение можно объяснить как некоторыми методическими разночтениями³ в фиксации этого стрессового индикатора (нами учитывались лишь наиболее выраженные случаи линейного варианта эмалевого гипоплазии передних зубов – *linear enamel*

³ Г.В. Рыкушиной учитывались все варианты эмалевого гипоплазии на всех зубах (а не только резцах и клыках), в том числе нелинейные и одиночные дефекты.

Таблица 7

Распространенность заболеваний зубочелюстного аппарата в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., дети и подростки, индивидуальный счет*)

Признак	Infantilis I N=25		Infantilis II N=23		Суммарно N=48	
	п	%	п	%	п	%
Кариес	1	4,0	2	8,7	3	6,25
Зубной камень	1	4,0	11	47,8	12	25,0
Сколы эмали	1	4,0	—	—	1	2,1
Гипоплазия	1	4,0	4	17,4	5	10,4

* Индивидуальный счет подразумевает вычисление процента исследованных зубных патологий по отношению к количеству обследованных индивидов (черепов), зубной (см. далее) – по отношению к числу изученных зубов.

Таблица 8

**Распространенность заболеваний зубочелюстного аппарата в палеопопуляции Гонур-депе
(материалы 2010 – 2012 гг., дети и подростки, зубной счет)**

Признак	Infantilis I молочные) N=302		Infantilis II (молочные) N=98		Infantilis II (постоянные) N=278		Суммарно (молочные) N=400	
	п	%	п	%	п	%	п	%
Кариес	1	0,3	2	2,0	1	0,4	3	0,75
Зуб. камень	3	0,9	9	9,2	59	21,2	12	3,0
Сколы эмали	1	0,3	—	—	—	—	1	0,25
Гипоплазия	3?	0,9?	—	—	7	2,5	3?	0,75?

Таблица 9

**Возрастные различия в распространенности заболеваний зубочелюстного аппарата в
палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые мужчины)**

Признак	Индивидуальный счет				Зубной счет			
	<35 лет N=6		>35 лет N=17		<35 лет N=81		>35 лет N=202	
	п	%	п	%	п	%	п	%
Кариес	—	—	3	17,6	—	—	7	3,5
Апикальный абсцесс	1	16,6	4	23,5	1	1,2	9	4,5
Пародонтопатия	—	—	—	—	—	—	—	—
Зубной камень	4	66,7	14	82,4	38	46,9	153	75,7
Абразия зубов	—	—	—	—	—	—	—	—
Прижизненная утрата зубов	1	16,6	6	35,3	9	11,1	17	8,4
Сколы эмали	1	16,6	2	11,8	1	1,2	4	1,9
Гипоплазия	—	—	1	5,9	—	—	1	0,5

Таблица 10

**Возрастные различия в распространенности заболеваний зубочелюстного аппарата
в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые женщины)**

Признак	Индивидуальный счет				Зубной счет			
	<35 лет N=20		>35 лет N=24		<35 лет N=375		>35 лет N=321	
	п	%	п	%	п	%	п	%
Кариес	5	25,0	12	50,0	17	4,5	31	9,7
Апикальный абсцесс	2	10,0	4	16,7	2	0,5	7	2,2
Пародонтопатия	3	15,0	5	20,8	18	4,8	24	7,5
Зубной камень	19	95,0	15	62,5	196	52,3	133	41,4
Абразия зубов	—	—	4	16,7	—	—	30	9,3
Прижизненная утрата зубов	2	10,0	12	50,0	5	1,3	76	23,7
Сколы эмали	4	20,0	4	16,7	11	2,9	19	5,9
Гипоплазия	3	15,0	—	—	6	1,6	—	—

Таблица 11

Сравнение распространенности заболеваний зубочелюстного аппарата у мужчин и женщин в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые, индивидуальный счет)

Признак	♂ N=23		♀ N=44		Суммарно N=67	
	n	%	n	%	n	%
Кариес	3	13,0	17	38,6	20	29,9
Апикальный абсцесс	5	21,7	6	13,6	11	16,4
Пародонтопатия	—	—	8	18,2	8	11,9
Зубной камень	18	78,3	34	77,3	52	77,6
Абразия зубов	—	—	4	9,1	4	5,9
Прижизненная утрата зубов	7	30,4	14	31,8	21	31,3
Сколы эмали	3	13,0	8	18,2	11	16,4
Гипоплазия	1	4,3	3	6,8	4	5,9

Таблица 12

Сравнение распространенности заболеваний зубочелюстного аппарата у мужчин и женщин в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые, зубной счет)

Признак	♂ N=283		♀ N=696		Критерий хи–квадрат		Суммарно N=979	
	n	%	n	%	χ^2	p	n	%
Кариес	7	2,5	48	6,9	6,75	0,009	55	5,6
Апикальный абсцесс	10	3,5	9	1,3	5,05	0,024	19	1,9
Пародонтопатия	—	—	42	6,0	—	—	42	4,3
Зубной камень	191	67,5	329	47,3	9,61	0,001	520	53,1
Абразия зубов	—	—	30	4,3	—	—	30	3,1
Прижизненная утрата зубов	26	9,2	81	11,6	1,00	0,315	107	10,9
Сколы эмали	5	1,8	30	4,3	3,55	0,059	35	3,6
Гипоплазия	1	0,4	6	0,9	0,72	0,394	7	0,7

hypoplasia) (Barakauskas, 1995), так и предположить некоторое снижение уровня диетарного стресса у более позднего населения Гонура (захоронения в руинах) вследствие оптимизации адаптивных процессов в популяции.

Частота встречаемости кариеса, нередко в сочетании с верхушечным абсцессом (рис. 5), в показателях индивидуального счета попадает в пределы таковой для эпохи Средневековья России (Бужилова, 1998. С. 131), а в показателях зубного счета – находится в середине интервала неолита – бронзы Великобритании (Roberts, Manchester, 2005). Частота встречаемости зубного камня, если рассматривать появление его отложений как первую стадию развития пародонтоза, близ-



Рис. 5. Апикальный абсцесс в сочетании с кариесом правого P² (погребение 4174, ♀, 45 – 60 лет)

ка к показателям, отмеченным у населения, захороненного на гонурском некрополе (Рыкушина и др., 2003. С. 131). Прижизненная утрата зубов (учитывались только случаи, когда наблюдалась полная облитерация альвеолы) также регистрировалась довольно часто. Существование достоверных гендерных различий в распределении кариеса и зубного камня (табл. 12), позволяет выдвинуть предположение о том, что у женщин наиболее вероятной причиной утраты зубов был кариес и сопутствующие процессы, а у мужчин – пародонтические изменения альвеол, вследствие обызвествления питающих их сосудов. По всей видимости, можно констатировать наличие определенных различий в диете мужского и женского населения (вероятно, растительная компонента существенно преобладала в питании женщин). Интересно в этой связи отметить, что некоторые различия (на меньшем уровне значимости) наблюдаются и по частоте сколов эмали зубов (у женщин фиксировались чаще). Все случаи патологической стертости зубных коронок также приходятся исключительно на женскую группу.

В целом, полученные данные подтверждают вывод о довольно высоком для древних коллективов общем уровне стоматологической заболеваемости (встречаемости хоть одной патологии у одного индивида) (Бабаков и др., 2001; Рыкушина и др., 2003; Куфтерин, 2012а; Dubova, Rykushina, 2007). Данный результат мы не склонны рассматривать как проявление нарушения адаптивных процессов в популяции, а скорее как определенную форму приспособления к экологическим условиям места обитания коллектива и, возможно, «городскому» образу жизни. На фоне благоприятной демографи-

ческой ситуации (Дубова, Рыкушина, 2007) такое предположение представляется достаточно обоснованным.

Анализ распределения маркеров анемии: поротический гиперостоз и *cribra orbitalia*

Признаки анемии в виде поротического гиперостоза костей черепного свода и его локального варианта в области орбит (*cribra orbitalia*) учитывались на выборке из 139 черепов (раскопки 2010 – 2012 гг.). Наличие *cribra orbitalia* фиксировалось по трехбалльной шкале, предложенной Nathan & Haas (Бужилова, 1995; 1998). В итоговый подсчет вошли все градации развития патологии. Результаты приведены в табл. 13.

Поротический гиперостоз костей свода (*cribra cranii*) в изученной выборке зафиксирован лишь в одном случае. Суммарная частота встречаемости *cribra orbitalia* приближается к нижним границам распределения маркера в ближневосточных популяциях неолита – железного века и к верхним – неолита Европы (Бужилова, 2001. С. 232; 2005. С. 211). С наибольшей частотой этот признак регистрируется в возрастной группе *infantilis* II (дети 7 – 14 лет), что согласуется с ранее полученными данными (Куфтерин, 2012б). Фиксируемые между детскими возрастными подгруппами различия по встречаемости *cribra orbitalia* не являются статистически достоверными. То же касается гендерного распределения показателя, что подтверждается литературными данными (Carlson et al., 1974; Lallo et al., 1977). Однако сравнение детской и взрослой (без разделения по полу) подгрупп показало существование достоверных различий ($\chi^2 = 11,04, p = 0,000$) по частоте

Таблица 13

Распределение маркеров анемии в разных возрастных подгруппах палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг.)

Подгруппа	N	Cribra orbitalia		Cribra cranii	
		n	%	n	%
Infantilis I	50	12	24,0	—	—
Infantilis II	26	12	46,2	1	3,8
♂ (adultus – senilis)	23	1	4,3	—	—
♀ (adultus – senilis)	40	2	5,0	—	—
Суммарно	139	27	19,4	1	0,7

те этого стрессового маркера (закономерно чаще фиксировался у детей и подростков).

Известно, что распределение маркеров анемии демонстрирует зависимость от географической широты – чем ближе к экватору, тем значительнее степень распространения *cribra orbitalia* (Бужилова, 2001). В нашем случае учет географического положения памятника (38° с.ш.), позволяет констатировать, что средняя частота встречаемости этого маркера закономерно превышает такую в среднем, например, у наиболее южных групп древнерусского населения, расположенных в границах 50 – 40° с.ш. (Бужилова, 2001. С. 233).

Распределение показателя *cribra orbitalia* на гонурском материале мы склонны рассматривать не как индикатор некачественного питания и антисанитарных условий жизни, а как показатель адаптации к высокому содержанию патогенных микроорганизмов в среде (что не удивительно в условиях крупного поселения протогородского типа) (Бужилова, 2001). Очевидно, что к периоду *infantilis* II, характеризующемуся выраженным увеличением частоты встречаемости поротического гиперостоза, значительный процент

детского населения элиминировался под воздействием комплекса патогенных факторов. Немногочисленные случаи *cribra orbitalia* у взрослых, как отмечается большинством авторов (см. Бужилова, 2001), по-видимому, и в нашем случае следует рассматривать либо как проявление хронической анемии, либо как последствия неполного восстановления костной ткани после анемии, перенесенной в детском возрасте.

Исследование травматических повреждений

Для специального изучения распространенности травматизма у гонурского населения были привлечены материалы, полученные в результате раскопок руин дворцово-храмового комплекса в 2009 – 2012 гг. В общей сложности, исследовано 77 черепов (26♂ и 51♀) и 83 посткраниума (28♂ и 55♀). Основными критериями отбора материала служила удовлетворительная сохранность и однозначное установление половозрастной принадлежности. Регистрировались только прижизненные повреждения со следами заживления. Основные результаты представлены в табл. 14 и 15.

Таблица 14

Гендерные особенности локализации травм посткраниума в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2009 – 2012 гг., счет по количеству вовлеченных элементов)

Локализация	♂		♀		Суммарно	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
Ключица	—	—	—	—	—	—
Лопатка	—	—	—	—	—	—
Грудина	—	—	—	—	—	—
Ребра	2	4	5	2	7	6
Плечевая кость	—	—	—	—	—	—
Лучевая кость	—	—	—	1	—	1
Локтевая кость	—	—	2	3	2	3
Бедренная кость	—	—	—	1	—	1
Большая берцовая кость	—	—	—	—	—	—
Малая берцовая кость	—	—	—	—	—	—
Кости кисти	—	—	—	1	—	1
Кости стоп	—	—	—	—	—	—
Позвоночник	Шейный отдел		—		—	
	Грудной отдел		1?		6?	
	Поясничный отдел		—		—	

**Обобщенная частота встречаемости травматических повреждений в палеопопуляции
Гонур-депе (материалы 2009 – 2012 гг., индивидуальный счет)**

Локализация	♂			♀			Суммарно			
	N	n	%	N	n	%	N	n	%	
Череп (свод)	26	0	0	51	0	0	77	0	0	
Череп (лицевой скелет)	26	0	0	51	0	0	77	0	0	
Посткраниальный скелет	28	3	10,7	55	11	20,0	83	14	16,9	
Хрящевые грыжи позвоночника (узлы Шморля)	Шейный отдел	28	0	0	55	0	0	83	0	0
	Грудной отдел	28	9	32,1	55	4	7,3	83	13	15,7
	Поясничной отдел	28	7	25,0	55	5	9,1	83	12	14,5

В изученной выборке ни разу не зафиксированы травматические повреждения черепа, обычно рассматриваемые как маркер агрессивности и неблагополучия социальной атмосферы в популяции (Янкаускас, 1993; Бужилова, 1998; Walker, 1989). Из травм посткраниального скелета у мужчин отмечались переломы ребер (10,7%), хрящевые грыжи грудного (32,1%) и поясничного (25,0%) отделов позвоночника (рис. 6). В 1 случае (3,6%) наблюдалось правостороннее искривление остистого отростка верхнегрудного позвонка (возможно, результат перелома «землекопа»⁴) (Knusel et al., 1996). У женщин зафиксированы следующие повреждения: перелом диафиза локтевой кости (9,1%) в 1 случае (1,8%) сочетающийся с переломом лучевой, межвертельный перелом бедра (1,8%), переломы ребер (7,3%), компрессионные переломы (5,5%) (пример травмы приведен на рис. 7) и хрящевые грыжи (7,3%) грудного и (9,1%) поясничного отделов позвоночника. По частоте встречаемости хрящевых грыж между мужчинами и женщинами фиксируются достоверные различия ($\chi^2=8,13$, $p=0,004$) (у мужчин признак регистрировался чаще) – по-видимому, механическая нагрузка на осевой скелет мужчин была более значительной. Примечательно, что среди всех длинных костей в изученной выборке, наиболее подверженными травмам являются кости предплечья, что хорошо согласуется с литературными данными

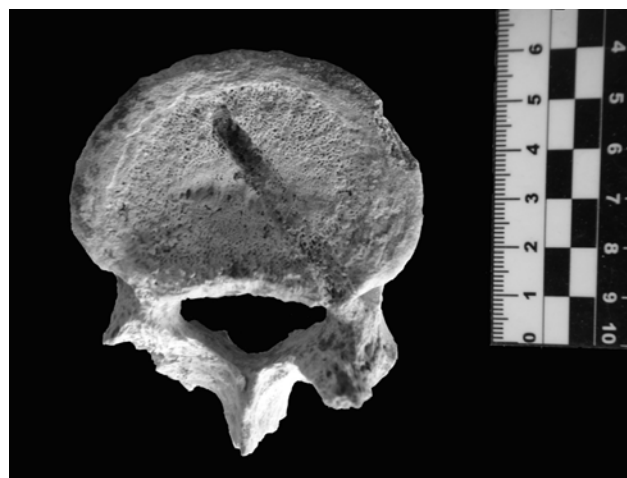


Рис. 6. Центральный и диагональный хрящевые узлы (грыжи Шморля) на краниальной поверхности III поясничного позвонка (погребение 4046, ♂, 25 – 35 лет)

ми по другим популяциям (Lovejoy, Heiple, 1981; Jurmain, 1991). В то же время, некоторое недоумение вызывает преобладание посткраниального травматизма в женской, а не в мужской подгруппе (11 случаев против

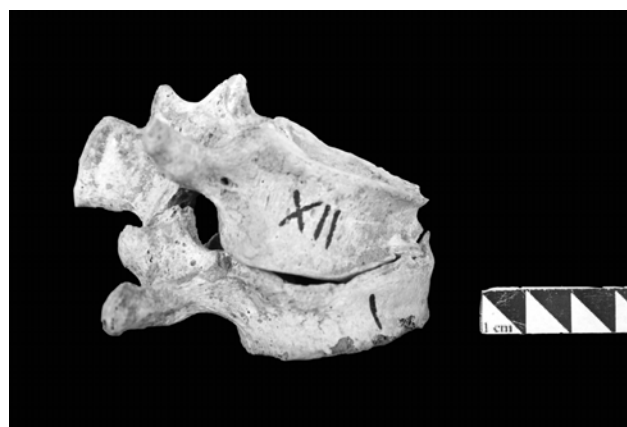


Рис. 7. Компрессионный перелом тела I поясничного позвонка в сочетании с передним травматическим хрящевым узлом XII грудного позвонка (Гонур 20, погребение 69, ♂, 25 – 35 лет)

⁴ Перелом дуги VII шейного или I грудного позвонков вследствие силового воздействия трапециевидной (*m. trapezius*) и ромбовидной (*m. rhomboideus*) мышц.

3). Вероятно, это обстоятельство можно объяснить недостаточной репрезентативностью мужской части исследованной серии. Все зафиксированные у женщин повреждения локтевой кости являются переломами типа Монтеджи и возникают при отражении удара палкой по поднятому вверх и согнутому под углом 90° в локтевом суставе предплечью, а также при падении на землю (Юмашев, Епифанов, 1983; Бургенер и др., 2011). Этот факт можно рассматривать как проявление бытового насилия в гонурском обществе. Полученные результаты подтверждают выдвинутый ранее тезис о бытовом характере травматизма и довольно благополучной социальной атмосфере в обсуждаемой популяции (Куфтерин, 2012; 2012а).

Анализ распространенности дегенеративных, воспалительных и других патологических изменений посткраниального скелета

Дегенеративно-дистрофические изменения (ДДИ) крупных суставов и позвоночника оценивались по балловой системе, предложенной П. Уолкером и С. Холлимоном (Walker, Hollimon, 1989). При этом в связи с плохой комплектностью многих скелетов специальная программа реконструкции изношенности суставов (Бужилова, 1995; 1998) не применялась. В итоговый подсчет (26♂ и 45♀) вошли все градации развития патологий. Признаки воспалительных заболеваний

на длинных костях (прежде всего, периостит) фиксировались по трехбалльной шкале. Специфические инфекции и заболевания из общего подсчета исключены. Среди других маркеров анализировалась встречаемость некоторых генетических аномалий (*spina bifida sacralis*), доброкачественных опухолей (остеом) и экзостозов. Результаты приводятся в табл. 16.

Частоту дегенеративных изменений различной локализации в исследованной выборке (материалы 2010 – 2012 гг.) в целом можно оценить как довольно значительную. Статистически достоверных гендерных различий по встречаемости ДДИ суставов верхней и нижней конечностей, грудной клетки и различных отделов позвоночника не наблюдается. Полученные результаты подтверждают сделанный ранее вывод о присутствии в гонурской палеопопуляции значительного механического стресса (Куфтерин, 2012).

Парадоксальной, в условиях протогородского поселения, представляется очень низкая частота неспецифических инфекций, поскольку известна статистически достоверная связь между увеличением встречаемости признаков воспалительных процессов и плотностью населения (Lallo et al., 1978). В нашем случае все периоститы локализованы на костях голени, что хорошо согласуется с данными литературы (Steinbock, 1976; Brothwell, 1981). В то же время, предполагается, что периостит большеберцовых костей больше рас-

Таблица 16

Частота некоторых патологических изменений посткраниального скелета в палеопопуляции Гонур-депе (материалы 2010 – 2012 гг., взрослые индивиды)

Признак	♂ N=26		♀ N=45		Суммарно N=71		
	n	%	n	%	n	%	
ДДИ суставов верхней конечности	11	42,3	17	37,8	28	39,4	
ДДИ суставов нижней конечности	11	42,3	14	31,1	25	35,2	
ДДИ грудной клетки	6	23,1	10	22,2	16	22,5	
ДДИ на позвонках	Шейный отдел	6	23,1	11	24,4	17	23,9
	Грудной отдел	10	38,5	15	33,3	25	35,2
	Поясничный отдел	14	53,8	13	28,9	27	38,0
Периостит	1	3,8	1	2,2	2	2,8	
Экзостозы / остеомы	2	7,7	1	2,2	3	4,2	
Spina bifida sacralis	2	7,7	1	2,2	3	4,2	

пространен в земледельческих группах, где травмы голени не редкость (Бужилова, 1998. С. 135). Можно предложить несколько интерпретаций низкой встречаемости воспалительных заболеваний у населения Гонур-депе. Возможно, дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура, действительно не являлся местом проживания захороненного здесь населения, а представлял собой резиденцию царской семьи и место совершения различных ритуалов (Сарианиди, 2010). Рядовое население, в свою очередь, могло концентрироваться в различных сателлитных объектах, окружающих памятник (например, таких как Гонур 20 и Гонур 21). С другой стороны, можно предположить, что захороненные в руинах дворцово-храмового комплекса находились на полном или частичном пищевом довольствии и не занимались активно земледелием (Бужилова, 1998. С. 135). Наконец третья возможность интерпретации заключается в допущении скоротечного протекания большинства инфекций, приводивших к летальному исходу до остеологических проявлений патологии (Куфтерин, 2012).

Частота встречаемости такой генетической аномалии как несрастание крестцовых дуг низка (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998. P. 61), остеом / экзостозов длинных костей несколько повышена (Волков, 1974; Михайлов и др., 1985), однако корректная интерпретация распределения этих редких вариаций на групповом уровне, требует привлечения большего материала.

Обобщая представленные данные, можно констатировать, что они подтверждают высокий уровень адаптированности жителей стра-

ны Маргуш (в частности, палеопопуляции Гонур-депе) к биологическим и социальным факторам среды. Помимо благополучной демографической обстановки (Дубова, Рыкушина, 2007), подтверждением этому служит, например определенная ретардация темпов созревания скелета у детей, характерная для «долгожительских» популяций. Высокая распространенность некоторых заболеваний (например, стоматологических и дегенеративных), казалось бы, должна указывать на низкое «качество жизни» жителей Гонура. В действительности же, по нашему мнению, «...они свидетельствуют об увеличении продолжительности жизни и профессиональной специализации людей, что в целом можно связать с высоким уровнем развития производящего хозяйства и урбанизацией...» (Сатаев и др., 2011. С. 13). Другим аргументом может являться низкая (несмотря на предполагаемую высокую плотность населения) распространенность инфекций и проявления адаптации к патогенным инвазиям в популяции (распределение маркеров анемии). В целом, все изложенное еще раз свидетельствует, что население, захороненное в руинах дворцово-храмового комплекса Гонура, было хорошо приспособлено к условиям окружающей среды. Несмотря на ухудшающуюся экологическую обстановку, связанную с миграцией русла Мургаба и деградацией продуктивной, но неустойчивой экосистемы Гонурского оазиса (Сатаев, Сатаева, 2008), довольно высокий адаптивный потенциал населения позволил «последним гонурцам» и их потомкам в середине II тыс. до н.э. благополучно освоить более благоприятные районы.

Библиография

1. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
2. Алексеева Т.И., Шауро Э.А. Аномалии черепа в их географической, социальной и генетической обусловленности // Морфофизиологические исследования в антропологии. М., 1970. С. 142-185.
3. Алтухов Н.В. Анатомия зубов человека. М., 1913.
4. Анучин Д.Н. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам // Известия Императорского
- О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ. М., 1880. Т. 38. Вып. 3.
5. Бабаков О.Б. Население Гонур-депе в эпоху бронзы (в свете данных антропологии) // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 337-348.
6. Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132.

7. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.
8. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87-146.
9. Бужилова А.П. Возможность реконструкции физических нагрузок по костным останкам // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998а. С. 147-151.
10. Бужилова А.П. Анемия у древнего населения как один из индикаторов окружающей среды: анализ остеологических маркеров // ВкА. 2001. Вып. 7. С. 227-236.
11. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М., 2005.
12. Бургенер Ф.А., Кормано М., Пудас Т. Лучевая диагностика заболеваний костей и суставов. М., 2011.
13. Быстров А.П. Прошлое, настоящее, будущее человека. М., 1957.
14. Волков М.В. Болезни костей у детей. М., 1974.
15. Герасимова М.М. Отечественная палеоантропология: проблемы, методология и методы // Расы и народы. 2004. Вып. 30. С. 45-85.
16. Дерябин В.Е. Курс лекций по многомерной биометрии для антропологов. М., 2008.
17. Дубова Н.А. Еще раз о тысячелетней давности долихоцефалии туркмен // Мирас (Ашхабад). 2004. № 4. С. 78-85.
18. Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. М., 2005. С. 32-49.
19. Дубова Н.А. Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // Орус. Междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 22-36.
20. Дубова Н.А. Антропология Гонур-депе: так есть ли степной компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 201-205.
21. Дубова Н.А. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его биологическая и социальная история. М.–Одинцово, 2010. Т. 1. С. 67-78.
22. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур-депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113-116.
23. Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М., 2007. С. 309-319.
24. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
25. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. 2008. Т. 2. С. 166-179.
26. Историческая экология человека. Методика биологических исследований / А.П. Бужилова, М.В. Козловская, Г.В. Лебединская, М.Б. Медникова. М., 1998.
27. Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.
28. Куфтерин В.В. К палеоэкологии населения эпохи бронзы Южного Туркменистана (материалы Гонур-депе) // Курсом развивающейся Молдовы. 2009. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М., 2009. С. 149-156.
29. Куфтерин В.В. Материалы к палеопатологии Гонур-депе (Туркменистан) // Человек: его биологическая и социальная история. М.–Одинцово, 2010. Т. 2. С. 97-102.
30. Куфтерин В.В. Антропоэкология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии: Дис. ...канд. биол. наук. Уфа, 2012.
31. Куфтерин В.В. Антропоэкология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии: Автореф. дис. ...канд. биол. наук. Тольятти, 2012а.
32. Куфтерин В.В. Биоархеологические аспекты исследования детских погребений Гонур-депе (по материалам 2009 – 2010 гг.) // Этнос и среда обитания. Вып. 3. М., 2012б. С. 46-65.
33. Медникова М.Б. К определению понятия и критериев палеопопуляции в антропологии // РА. 1995. № 3. С. 92-96.
34. Медникова М.Б. Описательная программа балльной оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 151-165.
35. Медникова М.Б. Вопросы возрастной изменчивости рельефа // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998а. С. 166-169.
36. Михайлов М.К., Володина Г.И., Ларюкова Е.К. Дифференциальная рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Л., 1985.
37. Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М., 2005.
38. Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // ВА. 1975. Вып. 51. С. 58-77.
39. Павловский О.М. Биологический возраст человека. М., 1987.

40. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
41. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
42. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.
43. Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Однотологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М., 2003. С. 130-140.
44. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
45. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
46. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
47. Сарияниди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.
48. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
49. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. М., 2010.
50. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Исторический анализ экологического кризиса Древней Маргианы // Природное наследие России в 21 веке. Уфа, 2008. С. 354-356.
51. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В., Нечвалода А.И. Исторические аспекты изучения природопользования // Проблемы региональной экологии. 2001. № 6. С. 12-17.
52. Томашевич Т.В. О роли краниометрических характеристик в появлении дискретно-варьирующих признаков // ВкА. 2001. Вып. 7. С. 176-198.
53. Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // ВА. 1986. Вып. 76. С. 105-116.
54. Федосова В.Н. Некоторые аспекты исследования процессов роста и развития в палеопопуляциях (на примере неолитической серии Сахтыш Па) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997. С. 69-74.
55. Федосова В.Н. Морфологическая характеристика костей конечностей неолитического населения памятника Сахтыш Па // Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997а. С. 75-92.
56. Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М., 2003. С. 521-530.
57. Халафян А.А. Statistica 6. Статистический анализ данных. М., 2008.
58. Эверитт Б.С. Большой словарь по статистике. М., 2010.
59. Юмашев Г.С., Елифанов В.А. Оперативная травматология и реабилитация больных с повреждениями опорно-двигательного аппарата. М., 1983.
60. Янкаускас Р.П. К антропоэкологии средневекового города (на литовских палеоостеологических материалах) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 123-145.
61. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge encyclopedia of human palaeopathology. Cambridge, 1998.
62. Babakov H. (Babakov O.) The settlement of Gonur-depe in the light of anthropological findings // Margiana: Gonur-depe Necropolis. Venezia, 2002. P. 144-163.
63. Barauskas S. Dental enamel hypoplasias as a tool of investigation of population health status // Papers on Anthropology. 1995. VI. Tartu. P. 27-31.
64. Bass W.M. Human osteology. A laboratory and field manual. Missouri, 1987.
65. Berry A.C., Berry R.J. Epigenetic variation in the human cranium // Journal of Anatomy. 1967. Vol. 101. No. 2. P. 361-379.
66. Brothwell D.R. Digging up bones. Ithaca, 1981.
67. Bondioli L., Macchiarelli R. Paleobiology of the third Millennium B.C. graveyard of Gonur Tepe. A preliminary report // Margiana: Gonur-depe Necropolis. Venezia, 2002. P. 164-179.
68. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archeological Survey Research Series. 1994. No. 44.
69. Carlson D., Armelagos G., Van Gerven D. Factors influencing the etiology of Cribra orbitalia in prehistoric Nubia // J. Hum. Evol. 1974. No. 3. P. 405-410.
70. Crubezy E. Interactions entre facteurs bioculturels, pathologie et caracteres discrets. Exemple d'une population medievale: Canac (Aveyron) These de Medecine. Montpellier, 1988.
71. Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М., 2004. P. 317-336.
72. Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007. P. 296-329.
73. Fazekas I.G., Kosa F. Forensic fetal osteology. Budapest, 1978.
74. Finnegan M. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journal of Anatomy. 1978. No. 125. P. 23-37.
75. Hawkey D.E. Disability, compassion and the skeletal record: using musculoskeletal stress markers (MSM) to construct an osteobiography from early New Mexico // IJOA. 1998. Vol. 8. P. 326-340.

76. Hawkey D.E., Merbs C.F. Activity-induced musculo-skeletal stress markers (MSM) and subsistence strategy changes among ancient Hudson Bay Eskimos // *IJOA*. 1995. Vol. 5. P. 324-338.
77. Hemphill B.E., Christensen A.F., Mustafakulov S.I. East meets West: a diachronic analysis of Bronze Age biological interactions across the Indo-Iranian borderlands // Allchin B. (Ed.) *South Asia Archaeology*. New Delhi, 1996.
78. Hummert J.R., Van Gerven D.P. Skeletal growth in a medieval population from Sudanese Nubia // *AJPA*. 1983. No. 60. P. 471-478.
79. Jurmain R.D. Paleoepidemiology of trauma in a prehistoric central California population // *Human paleopathology: current syntheses and future options* / D.J. Ortner, A.C. Aufderheide (Eds.) Washington, 1991. P. 241-248.
80. Kadanoff D., Mutafov S. Untersuchungen über die Schädelvarietäten und Anomalien und ihre Ausnutzung als Rassenmerkmale // *Доклады Болгарской Академии наук*. 1970. Т. 23. № 12. С. 1557-1560.
81. Knusel C.J., Roberts C.A., Boylston A. When Adam delved... an activity-related lesion in three human skeletal populations // *AJPA*. 1996. No. 100. P. 427-434.
82. Kozintsev A.G. Ethnic epigenetic: A new approach // *Homo*. 1992. Vol. 43. P. 213-244.
83. Kufnerin V.V., Dubova N.A. To postcranial palaeopathology of the population of Gonur-depe (Southern Turkmenistan). Preliminary report // *Papers on Anthropology*. 2008. XVII. Tartu. P. 169-183.
84. Kufnerin V., Dubova N. A preliminary analysis of Late Bronze Age human skeletal remains from Gonur-depe, Turkmenistan // *BNE*. 2013. Vol. 7. P. 33-46.
85. Lallo J., Armelagos G.J., Mensforth R.P. The role of diet, disease and physiology in the origin of porotic hyperostosis // *Human Biology*. 1977. No. 49. P. 471-483.
86. Lallo J., Armelagos G.J., Rose J.C. Paleoepidemiology of infectious diseases in the Dickson Mounds population // *Medical College of Virginia Quarterly*. 1978. No. 14. P. 17-23.
87. Lovejoy C.O., Heiple K.G. The analysis of fractures in skeletal populations with an example from the Libben site, Ottawa County, Ohio // *AJPA*. 1981. No. 55. P. 529-541.
88. Lukacs J.R. Dental paleopathology: methods for reconstructing dietary patterns // *Reconstruction of life from the skeleton* / M.Y. Iscan, K.A.R. Kennedy (Eds.). New York, 1989. P. 261-286.
89. Mensforth R.P. Relative tibia growth in the Libben and Bt-5 prehistoric population // *AJPA*. 1978. No. 29. P. 228-249.
90. Molleson T.I. Social implications of mortality patterns of juveniles from Pundbury Camp, Romano-British Cemetery // *Anthropologischer Anzeiger*. 1989. Bd. 47. P. 27-38.
91. Roberts C., Manchester K. *The archaeology of disease*. Ithaca, 2005.
92. Sarianidi V.I. *Necropolis of Gonur*. Athens, 2007.
93. Saunders S. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. Ottawa, 1978.
94. Scheuer L., Black S. *Developmental juvenile osteology*. London, 2000.
95. Sperduti A., Bondioli L., Macchiarelli R. Paleobiology of the third Millennium B.C. graveyard of Gonur Tepe (Turkmenistan). Preliminary report. Roma, 1995.
96. Steinbock R.T. *Palaeopathological diagnosis and interpretation: bone diseases in ancient human populations*. Springfield, 1976.
97. Stirland J.E. Musculoskeletal evidence for activity: problems of evaluation // *IJOA*. 1998. Vol. 8. P. 354-362.
98. Stloukal M., Hanakova H. Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen – unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // *Homo*. 1978. Bd. 29. P. 53-69.
99. Walker P.L. Cranial injuries as evidence of violence in prehistoric Southern California // *AJPA*. 1989. No. 80. P. 313-323.
100. Walker P.L., Hollimon S.E. Changes in osteoarthritis with the development of maritime economy among southern Californian Indians // *IJA*. 1989. Vol. 4. No. 3. P. 171-183.

Древнее население Гонур-депе: визуальный образ палеопопуляции по данным антропологической реконструкции

Небольшая преамбула

Антропологическая реконструкция головы человека по черепу¹ является одним из научных направлений физической антропологии аккумулирующим знания о морфологии черепа, сложных зависимостях между костной основой и мягкими тканями лица (Герасимов, 1955, Лебединская, 1998, Никитин, 2009). Исследования в этой области продолжаются, а с появлением разных видов томографии человеческого тела только активизировались.

Роль антропологической реконструкции, многим часто видится, весьма вспомогательной, в том широком комплексе палеоантропологических исследований древних коллективов, включающих в себя, как правило, краниологию, остеологию, одонтологию, палеопатологию и другие области исследований.

В этой связи весьма любопытно мнение, высказанное И.В. Перевозчиковым и А.М. Маурером относительно той роли, которую может играть один из таких прикладных методов в антропологической науке, как составной обобщенный фотопортрет в изучении группового разнообразия человека.

«Наш внутренний (мыслительный) образ популяции может быть сформирован на основе статистической обработки измерительных и описательных признаков (т.н. статистический гештальт), но может образоваться и на основе мысленного интегрирования отдельных образов (эммерджентный гештальт)» (Перевозчиков, Маурер, 2009. С. 42).

Создание реконструкции головы по черепу и есть по сути своей, конструирование образа – перевод измерительных, краниометрических, морфологических данных черепа в пластический образ. Скульптурные реконструкции, как правило, выполняются по черепам, несущим на себе выразительные черты расового типа изучаемой палеопопуляции. «Типологический образ формируется на основе сравнительно редко встречающихся признаков, но отличающих данную группу людей от соседей» (Перевозчиков, Маурер, 2009. Там же).

Об этом важном нюансе хорошо сказал В.П. Алексеев (1993), говоря о работах М.М. Герасимова: «...создаваемые им портреты наших отдаленных предков и исторических лиц приближали их к нам, давали о них зримое представление, мы как бы входили в, если можно так выразиться, историческую толпу, которая казалась безвозвратно потерянной и которая (это отчетливо понималось!) *должна была чем-то отличаться от современной*» (курсив мой А.Н.)»

Особый интерес для специалиста антрополога, владеющего методом антропологической реконструкции, представляет работа с краниологическим материалом, отражающим сложные пути этно- и расогенеза древнего населения той или иной территории.

С этой точки зрения, работа по восстановлению, реконструкции внешнего облика древних жителей Гонура, одного из, едва ли не главных, городских центров древней Маргианы, представляет несомненный исследовательский интерес.

По мнению В.И. Сариниди, «... в конце III тыс. до н.э. из передовых центров тогдашнего мира и в первую очередь из областей, распола-

¹ Термин, который был предложен С.А. Никитиным, наряду с уже существующим: «реконструкция лица по черепу».

гавшихся между северной Сирией и приурмийским районом и отчасти Загросскими горами, в результате наступления ксеротермического периода [...] местные племена были вынуждены сняться с веками насиженных мест и отправиться на поиски земли обетованной, где бы имелись вода и плодородные земли, столь необходимые для успешного занятия земледелием [...]. Первые колонисты древней долины Мургаба, попав сюда в последние столетия III тыс. до н.э., начали обустраиваться на новом месте и сразу же приступили к строительству столичного города, руины которого получили название Гонур» (Сарианиди, 2006. С. 68, 69).

Города, добавим мы, ставшего весьма космополитичным центром тогдашнего древнего мира, о чем свидетельствуют археологические артефакты, демонстрирующие связи с древней Индией, Ираном и Месопотамией.

Общий палеоантропологический контекст

По краниологическим данным население Гонур-депе было охарактеризовано на материалах двух больших выборок – собственно большого некрополя, функционировавшего на протяжении существования Гонура (Бабаков и др., 2001; Бабаков, 2004; Дубова и др., 2002, 2010) и т.н. «некрополя на руинах» – захоронений, которые совершались жителями на территории стагнирующего городского центра (Дубова, 2010).

В целом краниологическими особенностями гонурской серии являются долихокрания, при большом продольном и малом поперечном диаметрах. Лицевой скелет демонстрирует небольшие величины скулового диаметра и высоты лица. Орбиты низкие. По общему лицевому углу серия ортогнатная с резкой горизонтальной профилировкой на орбитном и среднем уровнях. Переносье высокое. Носовые кости, резко выступают над плоскостью лица. Грушевидное отверстие средней ширины.

О. Бабаков констатирует принадлежность серии к длинноголовому европеоидному типу и ее близость к сериям из Сапаллитепа, Джаркутана и ряда памятников Передней Азии (2004).

Т.К. Ходжайов, относит черепа ранней и поздней бронзы из Алтын депе, Гонура в Южном Туркменистане, Сапаллитепа и Джаркутана в Южном Узбекистане, Макони Мора, Ти-

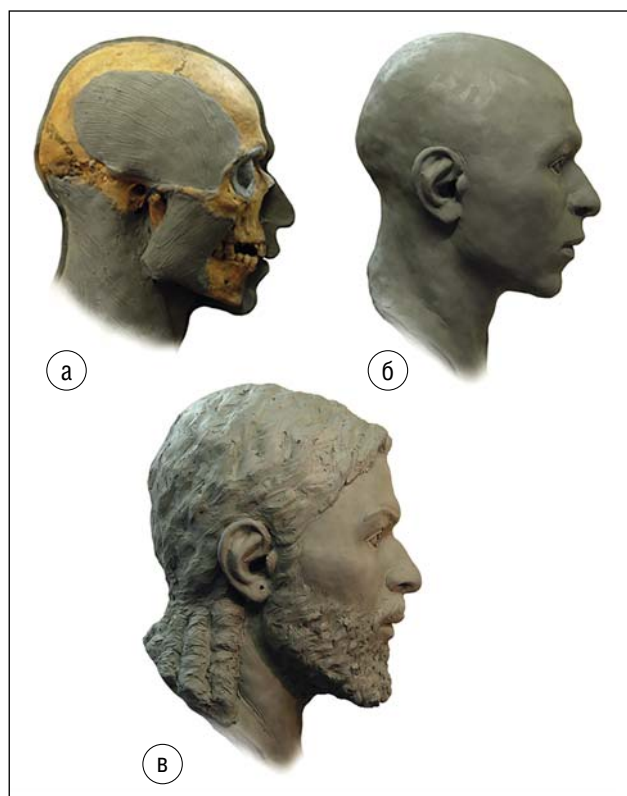


Рис. 1. Реконструкция по черепу головы мужчины из погребения 3331 на руинах Гонур-депе. Автор А.И. Нечвалода. а, б – этапы реконструкции; в – завершающий этап реконструкции

гровой Балки в Южном Таджикистане к так называемому второму морфологическому комплексу восточномедиземноморского типа. Наиболее характерные черты данного комплекса – грацильное строение черепа и сравнительно низкий свод нейрокраниума (Ходжайов, 1983). В свое время нами была выполнена реконструкция головы по черепу молодого мужчины из погребения 3331 на руинах Гонур-депе. Созданный скульптурный портрет мужчины-гонурца (рис. 1) дает наглядное и убедительное представление об одном из вариантов восточномедиземноморского типа, распространенного среди населения древней Маргианы (Нечвалода, 2008).

Выборка черепов из некрополя Гонура, наряду с материалами из Алтын депе, Сапаллитепа и Тигровой Балки демонстрирует своеобразный краниологический «эталон европеоидности» по такому показателю как индекс уплощенности лица² (табл. 1).

2 Указатель уплощенности лица вычислен нами по средним показателям серий способом, предложенным Ю.Д. Беневоленской (1974. С. 66) по формуле, включающей в себя только угловые размеры $= 360 - (\langle fmo + \langle zm \rangle + \langle pnr \rangle) / 3$

Таблица 1

**Среднегрупповые величины преаурикулярно фацио-церебрального указателя (ПФЦ),
угловых размеров лицевого скелета и указателя уплощенности лица в некоторых мужских сериях
эпохи бронзы Среднего Востока, Кавказа и Индии и выборках близких к современности**

№	Группа	ПФЦ	< рпг	<fmo	<zm`	указатель уплощенности лица
1	Гонур некрополь, Туркменистан	90,6	33,7	132,8	125,8	44,9
2	Сапаллитепа, Узбекистан	90,0	34,1	135,6	122,9	45,2
3	Алтын дөпе, Туркменистан	89,5	34,4	137,1	123,1	44,7
4	Тигровая балка I, Таджикистан	89,4	39,0	136,2	125,0	45,9
5	Джарарат, Армения	85,7*	29,0	133,5	124,0	43,8
6	Киш, Ирак	-	32,1	137,9	126,1	42,7
7	Хасанлу, Иран	-	25,7	139,8	125,6	40,1
8	Западная и Южная Индия	82,4*	22,0	135,0	136,0	37,0
9	Осетины	91,4	30,2	138,6	125,7	42,0
10	Русские	90,2	30,7	139,9	125,1	41,9

Во всех случаях отмеченных * фигурирует упрощенный ПФЦ, вычисленный по формуле $(45+48) / ((5+17) \times 100)$

В табл. 2 приведены индивидуальные показатели уплощенности лицевого скелета гонурских черепов, по которым автором статьи уже были созданы пластические реконструкции. Обращают на себя внимание параметры уплощенности двух женских черепов веддоидного типа, которые находятся в диапазоне групповых средних черепов эпохи неолита и бронзы из Западной и Южной Индии (III-II тыс. до н. э. из Лангнаджа, Теккалакота и Неваса), относящихся к средиземноморскому типу со значительным влиянием протоавстралоидного (веддоидного) элемента (Абдушелишвили, Алексеев, Малхотра, 1980) и черепов из Хасанлу (поселения II-I тыс. до н.э. в северо-западном Иране), которые, по-видимому, тоже имели заметную примесь дравидоидного компонента.

Находки определенных артефактов в погребальных комплексах Гонура (изделий из слоновой кости, каменной печати с хараппской надписью) говорят о связях с древней Индией. Краниологический материал также свидетельствует о связях с Индостаном. Среди черепов, извлеченных из могил как на некрополе Гонура, так и «руинах» дворцово-храмового комплекса присутствуют черепа с выраженным экваториальным краниологическим комплексом веддоидного типа. По двум черепам веддоидного облика, которые принадлежали молодым женщинам, нами были созданы скульптурные антропологические портреты (рис. 2; по: Нечвалода, 2012).

Нами представилась возможность продолжить работу над восстановлением облика древних жителей Гонура. Череп, происходящий из погребения 3870, был передан нам для

Таблица 2

**Индивидуальные показатели преаурикулярно фацио-церебрального указателя (ПФЦ),
угловых размеров лицевого скелета и указателя уплощенности лица черепов из Гонур-дөпе послуживших
краниологической основой для пластической реконструкции головы по черепу**

№	Гонур-дөпе / № погребения / пол	ПФЦ	< рпг	<fmo	<zm`	указатель уплощенности лица
1	3870/мужской	90,4	36,0	135,3	119,3,	47,1
2	3734/женский		11	142,9	125,1	34,3
3	3952/женский		22	136,8	123,8	40,4



Рис. 2. Этапы реконструкция головы по черепу женщины веддоидного типа из погребения 3952 на территории Гонур-депе. Автор А.И. Нечвалода.
а, б – восстановленная левая половина головы и лица;
в, г – завершающий этап реконструкции с воспроизведенным волосианым покровом

воссоздания портретного облика древнего жителя Гонур-депе. Погребение было совершено в подбое. Скелет в могильной яме находился на левом боку, головой на юг.

Процесс антропологической реконструкции включает в себя не только работу над созданием скульптурной маски, а затем и бюста, который будет экспонироваться в музее, но и этап исследование и описания черепа по определенному алгоритму:

1. Краниометрия и морфоскопия: индивидульно-типологический анализ. Череп хорошей сохранности, что позволило взять на нем все необходимые краниометрические измерения. На черепе хорошо выражен макрорельеф в области прикрепления крупных лицевых мышц, формирующих овал и форму лица – *m. masseter*, *m. temporalis* (табл. 3). Лоб наклонный с очень развитой глабеллярной областью (5 баллов по шкале Р. Марина). В латеральной норме фиксируется небольшое постбрегматическое углубление. Затылок заметно выступает, что придает ему «шиньонобразный» вид. Весьма развит затылочный бугор (4 балла по шкале П. Брока) и выйные линии.

Таблица 3

Данные морфоскопии черепа 3870. Выраженность признаков полового диморфизма на черепе и нижней челюсти

No	Характеристика	Выраженность признака
1	Tuber frontale / Лобные бугры	0
2	Inclinacione frontale / Наклон лба	+1
3	Tuber parietale/ Теменные бугры	+1
4	Glabella	+2
5	Margo supraorbitalis / Форма надглазничного края орбиты	+2
6	Processus mastoideus / Сосцевидный отросток	+2
7	Protuberantia occipitalis externa / Затылочный бугор	+2
8	Occipital surface / Выйные линии	+2
9	Arcus zygomaticus/ Подглазничный край скуловой кости	0
10	Facies zygomaticus / Рельеф поверхности скуловой кости	0
11	Processus zygomaticus / отросток скуловой кости	+1
12	Corpus mandibulae /Тело нижней челюсти	0
13	Mentum / Подбородок	0
14	Gonion region / Рельеф в области гониона / угла нижней челюсти	0
15	Caput mandibulae / головка суставного отростка нижней челюсти	0
	Средний балл	+0.86

Таблица 4

Некоторые индивидуальные краниометрические параметры черепа из погребения 3870

No Martin	Признак	Значение признака
1	Продольный диаметр	198,0
5	Длина основания черепа	111,0
8	Поперечный диаметр	145,0
9	Наименьшая ширина лба	100,0
10	Наибольшая ширина лба	120,0
11	Ширина основания черепа	132,0
12	Ширина затылка	115,0
17	Высотный диаметр	145,0
38	Емкость черепа/см ³	1443
40	Длина основания лица	106,0
43	Средняя ширина лица	111,0
45	Скуловой диаметр	140,0
48	Верхняя высота лица	76,0
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	47,0
52	Высота орбиты	36,5
54	Ширина носа	26,0
55	Высота носа	52,0
65	Мыщелковая ширина <i>mandibula</i>	132,0
66	Угловая ширина <i>mandibula</i>	103,0
69	Высота симфиза <i>mandibula</i>	35,0
72	Наклон лба от <i>п</i>	74,0°
75(1)	Угол выступания носа	36,0°
77	Назюмалярный угол	135,3°
<Zm	Зигмаксиллярный угол	119,3°
SS	Симотическая высота	7,4
SC	Симотическая ширина	9,0
<S	Симотический угол	62,6°
DS	Дакриальная высота	13,2
DC	Дакриальная ширина	21,5
<D	Дакриальный угол	78,3°
S	Высота изгиба скуловой кости по Woo	8,8
C	Ширина скуловой кости по Woo	54,8

Сосцевидный отросток очень массивный с притупленной вершиной (3+ балла). В вертикальной норме череп овоидной формы по рубрикации *Sergi*. Нижний край грушевидного отверстия притуплен (тип *infantilis* по *Hovorka*). Подносовая ость развита слабо (2 балла по шкале Брока). Из морфологических особенностей черепа можно отметить утолщение лобных отростков скуловых костей.

Череп принадлежал мужчине с развитой мышечной компонентой. Судя по состоянию швов черепа и стертости зубов – на момент смерти ему было около 30-35 лет.

Абсолютные краниометрические параметры черепа представлены в табл. 4, краниометрические индексы в табл. 5. Согласно приведенным показателям, черепная коробка крупная с большим продольным и поперечным диаметрами, так что по поперечно-продольному указателю (73,2) она долихокрания. Наименьшая ширина лба по абсолютным размерам большая, но по отношению к скуловому диаметру лоб среднеширокий. Высотный диаметр черепа, измеренный от точки *basion* – 145 мм, находится в категории очень больших величин. Нейрокраниум, таким образом, высокий. По соотношению (табл. 5) размеров высотного и продольного диаметров мозговой капсулы – ортокрания (средневысокий), высотного и поперечного – акрокрания (высокий). Ауркулярная ширина, как и ширина затылка, большая.

Лицо широкое и высокое. Вертикальный профиль лица мезогнатный, о чем свидетельствует небольшой угол общего профиля лица и указатель его выступания, который находится на границе средних и больших величин. В горизонтальном плане лицо резко профилировано, в особенности на среднем уровне. Орбиты высокие и широкие, по своим пропорциям мезоконхные. Верхний орбитальный край имеет притупленную форму. Ширина носа средняя, что при средней его высоте определяет относительную ширину грушевидного отверстия как мезоринную. Переносье широкое и высокое. Носовые кости среднеширокие и очень высокие, резко выступающие из плоскости лица. Форма носовых костей извилистая.

В итоге череп, послуживший краниологической основой для реконструкции головы по черепу, может быть охарактеризован следую-

Таблица 5

Некоторые краниометрические индексы черепа из погребения 3870

Указатели		Значение указателя
8:1	Поперечно-продольный	73,2
17:1	Высотно-продольный	73,2
17:8	Высотно-поперечный	100,0
9:45	Лобно-скуловой	71,4
40:5	Выступания лица	95,5
48:45	Верхний лицевой	54,3
52:51	Орбитный	77,6
54:55	Носовой	50,0
SS:SC	Симотический	82,2
DS:DC	Дакриальный	61,4
S:C	Изгиба скуловой кости	16,0

щим образом: долихокранная, высокая черепная коробка крупных размеров с широким, умеренно наклонным лбом, с широким основанием, широким и выступающим затылком. Лицо высокое и широкое, мезогнатное, резко профилированное, с высокими глазницами и сильно выступающими носовыми костями.

От средних показателей краниологических серий, характеризующих население городского центра Маргианы – Гонура (табл. 6), череп отличается более высоким диаметром от точки *basion*, широким и высоким лицом, высокими орбитами. Проводя сравнение отдельного краниологического объекта со средними по целой серии, мы понимаем, что оно весьма

условно и вряд ли правомерно, кроме того демонстрируемые отличия черепа из погребения 3870 могут быть проявлением индивидуальной изменчивости.

Самые близкие аналогии вышеописанный краниологический комплекс черепа из гонурского погребения 3870, находит среди черепов из могильника Ранний Тулхар, исследованных Т.П. Кияткиной (1976, 1987).

Расогенетический аспект

Мы провели внутригрупповой анализ, в который были включены индивидуальные данные по черепам из некрополя Гонура (Бабаков, 2004), и могильника ранний Тулхар с территории Южного Таджикистана (Кияткина, 1976). В анализе были использованы лишь семь линейных признаков: продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, верхняя высота лица, высота и ширина орбиты. Столь ограниченная программа внутригруппового анализа объясняется весьма посредственной сохранностью некоторых черепов сопоставляемых выборок. При этом у большинства черепов из некрополя Гонура, вместо отсутствующих двух-трех измерений параметров включенных в анализ были использованы средние размеры по серии из некрополя и руин Гонура (Дубова, 2010).

Первая компонента (рис. 3) дифференцирует черепа по высотному диаметру черепа, продольному и поперечному диаметрам мозговой капсулы, и в меньшей степени по ширине и высоте лица. Вторая главная компонента разделяет черепа по высоте и ширине

Таблица 6

Средние некоторых краниометрических параметров мужских серий черепов Гонур-Деде, Раннего Тулхара и данными по черепу из погребения 3870

№ признака (по Р. Мартину)	Погр. 3870	Гонур (некрополь) / численность серии	Гонур (руины) / численность серии	Ранний Тулхар / численность серии
1	198,0	187,8 / 20	190,7 / 13	196,0 / 4
8	145,0	131,3 / 20	134,7 / 9	138,0 / 4
9	100,0	92,7 / 17	101,4 / 6	97,8 / 5
17	145,0	135,1 / 16	132,1 / 10	142,0 / 2
45	140,0	124,0 / 12	123,8 / 6	139,0 / 3
48	76,0	69,8 / 19	69,4 / 10	77,0 / 3
52	36,5	31,9 / 15	33,3 / 8	34,0 / 5
54	26,1	23,9 / 18	23,6 / 11	25,4 / 5

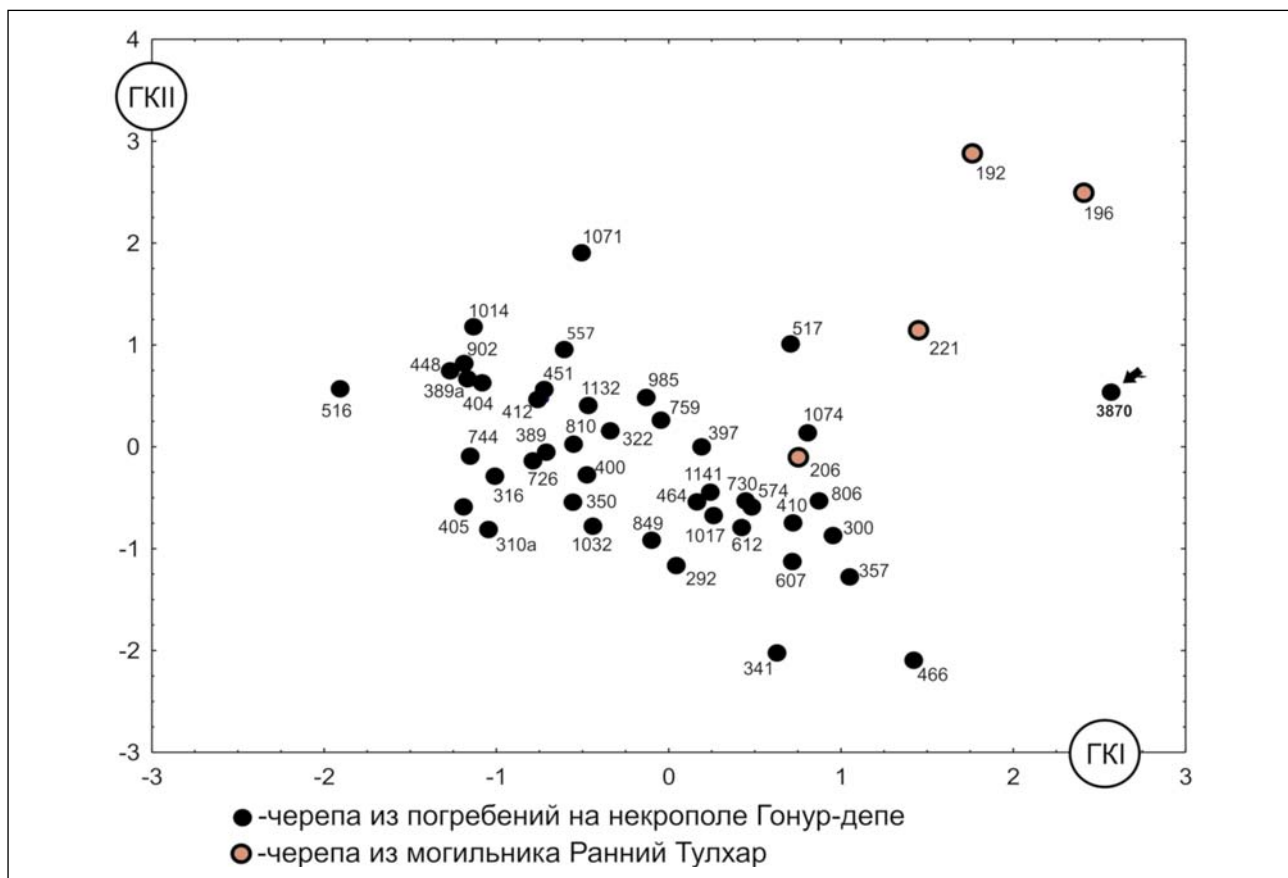


Рис. 3. Положение мужских черепов из некрополя Гонур-депе (по: Бабаков, 2004. С. 338 – 341. Табл. 1) и могильника Ранний Тулхар (по: Кияткина, 1976. С. 30,31. Табл. 2) в пространстве первой (ГК I) и второй (ГК II) главных компонент. Стрелкой обозначен череп из погребения 3870 на Гонур-депе

орбиты. Крайнее положение в секторе положительных значений графа заняли черепа из могильника Ранний Тулхар и оторвавшийся от основного морфологического ядра серии черепов из гонурского некрополя, краниум из погребения 3870.

Могильник Ранний Тулхар, раскопанный А.М. Мандельштамом, оставлен скотоводческими племенами т.н. бишкентской культуры. Т.П. Кияткина, исследовавшая тулхарские черепа, отнесла их к особому гиперморфному (южно-таджикскому) варианту восточно-средиземноморской расы (Кияткина, 1964, 1965, 1968, 1976).

Т.К. Ходжайов рассматривал черепа из Раннетулхарского могильника, Тахирбая 3 и курганов Красноводского полуострова в рамках III восточно-средиземноморского варианта. Типичными для них являются большие горизонтальные размеры черепной коробки, мезогнатный лицевой скелет, с большим скуловым диаметром и верхней высотой лица, средневысокие орбиты, среднеширокий, выступающий нос.

Продолжим сравнительный анализ, на межгрупповом уровне также используя метод главных компонент с целью определения места исследуемого черепа в ряду contemporaneous серий с территории Закавказья, Центральной Азии, Среднего Востока и Индостана. В анализ были включены 12 краниометрических признаков: продольный, поперечный, высотный диаметры черепной коробки, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина орбиты от mf , ширина и высота носа, назомаллярный угол, зигомаксиллярный угол и угол выступания носа.

В результате проведенного анализа были выделены две главные компоненты, собственные числа которых больше 1. Они отразили в совокупности 60,24% дисперсии (табл. 7).

Для сопоставления были привлечены следующие краниологические серии (табл. 8): 1. Киш, погребальные комплексы (III–II тыс. до н.э.) на территории древнейшего города Южной Месопотамии – Киша на юге совре-

Таблица 7

Элементы первых двух главных компонент (ГК) для мужских черепов из некрополя Гонур-депе и могильника Ранний Тулхар

Признак	ГК I	ГК II
1	0.636	0470
8	0.609	0.205
17	0.846	-0.115
45	0.592	0.569
48	0.500	0.562
51	0.193	0.751
52	-0.018	0.776
Собственные числа	2.132	2.084
Доля в дисперсии / %	30.46	29.78

менного Ирака (Алексеев, 1980); 2. Хасанлу, поселение (II–I тыс. до н.э.) на северо-западе Ирана (Алексеев, 1984); 3. Лангнадж, Теккалкота, Неваса (могильники Западной и Южной Индии), эпохи неолита и бронзы (III–II тыс. до н.э.) (Абдушелишвили, Алексеев, Малхотра, 1980); 4. Джарарат, эпоха энеолита, юго-западное побережье озера Севан (Алексеев, 1974); 5. Алтын-депе. Юго-Восточный Туркменистан (конец III – начало II тыс. до н.э.) (Алексеев, Кияткина, Ходжайов, 1986); 6. Геоксюр, энеолит, юго-восток Туркменистана (Гинзбург, Трофимова, 1972); 7. Кара-депе, энеолит, южный Туркменистан (Гинзбург, Трофимова, 1972); 8. Сумбар. Серия черепов из могильника XIII–X вв. до н.э. из могильника на юго-западе Туркменистана (Кияткина, 1987; Громов, 1995); 9. Пархай II, поздняя бронза, юго-запад Туркменистана (Громов, 1995); 10. Караэлематасай и Патмасай, эпоха бронзы, курганы Красноводского полуострова на западе Туркменистана (Гинзбург, Трофимова, 1972); 11. Гонур-депе, некрополь (конец III – II тыс. до н.э.), Юго-Восточный Туркменистан (Дубова, 2010; Dubova, Rykushina, 2007); 12. Гонур-депе, руины (середина II тыс. до н.э.) Юго-Восточный Туркменистан (Дубова, 2010); 13. Кокча 3, тазабагъябская культура, низовья Амударьи (XIII–XI до н.э.) (Гинзбург, Трофимова, 1972); 14. Тумек-Кичиджик, Присарыкамьшская дельта Амударьи, кельтеминарская неолитическая культура – IV–III тыс. до н.

э. (Алексеев, Гохман, 1984); 15. Дальверзин, поселение (II–I тыс. до н.э.), восток Ферганской долины (Гинзбург, Трофимова, 1972); 16. Учтут, около неолитических шахт Учтута, Бухарская область Узбекистана (Ходжайов, 2004); 17. Бустон 6, поздняя бронза, Юг Узбекистана (Аванесова, Дубова, Куфтерин, 2002); 18. Джаркутан, сапаллинская культура (вторая половина II тыс. до н.э.), Южный Узбекистан (Алексеев, Кияткина, Ходжайов, 1986); 19. Сапаллитепа, эпоха бронзы (XVII–XV вв. до н.э.), Юг Узбекистана (Ходжайов, 1977); 20. Дашти-Казы, (XII–XI вв. до н.э.), север Таджикистана (Ходжайов, 20014); 21. Тигровая Балка, правобережье Амударьи (II–I тыс. до н.э.), вахшская культура (Алексеев, Кияткина, Ходжайов, 1986); 22. Макони-Мор, правый берег Амударьи, вахшская культура (Алексеев, Кияткина, Ходжайов, 1986); 23. Ранний Тулхар (II–I тыс. до н.э.), юго-запад Таджикистана, бешкентская культура; 24. Андроновская культура Западного Казахстана (сборная серия) (Алексеев, Гохман, 1984); 25. Срубная культура Нижнего Поволжья (Объединенная серия) (Алексеев, Гохман, 1984); 26. Афанасьевская культура Алтая (объединенная серия) (Алексеев, Гохман, 1984).

В результате анализа были выделены 3 главные компоненты. Они отразили в общей сложности 63,05% общей изменчивости, внутри использованных в анализе серий.

Обратимся к графику (рис. 4) отражающему в визуальной форме результаты анализа главных компонент на котором краниологические серии расположены в координатном пространстве двух первых компонент. Главная компонента I отразила 25,2% изменчивости. Основные нагрузки легли на широтные размеры: поперечный, скуловой диаметры, ширину орбиты. Максимальные нагрузки по второй компоненте (20,5% дисперсии) – на продольный диаметр, высоту лица и высоту носа.

Череп из погребения 3870 на территории дворцово-храмового комплекса Гонур-Депе мы находим в секторе положительных значений графа, в окружении серий с большими широтными размерами черепа и лица, широкими орбитами, большим продольным диаметром и высотой лица.

Таблица 8

Сравнительные данные (средние и индивидуальные) по некоторым сериям черепов эпохи неолита и палеометалла Закавказья, Средней Азии, Ирана и Индии

№ Martin	1. Кши, Ирак	2. Хасанлу (5_4 слои), Иран	3. Западная и Южная Индия	4. Джарарат, Армения	5. Алтын-депе, Туркменистан	6. Геокюр, Туркменистан	7. Кара-депе, Туркменистан	8. Сумбар, Туркменистан	9. Пархай II, Туркменистан	10. Каразематасай, Патмасай	11. Гонур-депе, некрополь	12. Гонур-депе, руины	13. Кокча-3, Туркменистан
1.	189.5	189.0	188.4	181.0	189.4	195.3	194.8	190.3	187.1	199.0	186.7	190.7	186.1
8.	137.4	133.3	130.9	142.0	136.0	136.2	134.9	141.2	138.0	140.3	132.6	135.2	138.1
17.	132.7	135.6	132.0	13.0	134.6	138.2	143.7	136.0	138.4	139.0	134.3	136.5	141.1
38.	1.443	1.433	1.390	1.440	1.502	1.502	1.529	1.496	1.473	1.556	1.408	1.460	1.489
45.	125.3	123.4	132.0	131.0	129.1	132.0	129.9	129.5	131.8	136.0	125.8	128	133.4
48.	75.3	69.4	64.5	70.0	70.6	72.4	72.6	72.6	69.1	75.7	68.5	72.3	68.4
51.	41.5	40.5	38.0	41.6	42.6	43.6	42.5	42.6	42.1	42.0	41.5	41.6	43.2
52.	34.0	32.2	33.2	30.5	32.4	33.9	31.8	31.6	33.3	33.0	31.9	32.9	30.9
54.	23.8	23.6	25.8	24.3	25.2	26.1	26.6	24.4	24.2	26.6	24.4	23.6	23.5
55.	57.0	51.9	47.8	51.7	51.5	53.2	51.2	52.2	49.0	53.3	50.7	51.9	51.4
75(1)	32.1°	37.5°	26.0°	34.0°	34.4°	31.8°	31.4°	34.3°	43.1°	31.5°	32.6°	37.5°	137.2°
77.	137.9°	136.9°	147.7°	143.0°	137.1°	135.9°	134.2°	135.1°	141.1°	140.7°	135.8°	136.9°	129.6°
Zm`	126.1°	124.6°	129.7°	125.0°	123.1°	126.5°	126.0°	121.2°	125.7°	122.3°	124.7°	124.6°	30.7°

No / Martin	14. Тумекчиджи, Туркменистан	15. Дальверзин, Узбекистан	16. Учтут, Узбекистан	17. Бустон VI, Узбекистан	18. Джаркутан, Узбекистан	19. Сапалитена, Узбекистан	20. Дашти_Казы, Узбекистан	21. Тигровая Балка, Таджикистан	22. Макони-Мор, Таджикистан	23. Ранний_Тулхар, Таджикистан	24. Анроновцы, Западный Казахстан	25. Срубники, Нижнее Поволжье	26. Афранасьецы Алтая
1.	179.5	193.0	182.0	186.1	190.0	187.7	186.2	188.4	188.3	196.0	188.0	188.6	191.7
8.	139.5	140.0	140.0	135.5	138.3	136.3	139.0	136.9	137.2	138.0	138.3	138.4	142.4
17.	131.0	138.0	133.0	135.7	137.3	133.5	135.3	134.9	135.0	142.0	139.8	136.2	140.2
38.	1.397	1.516	1.426	1.434	1.484	1.433	1.456	1.450	1.452	1.546	1.491	1.470	1.542
45.	131.0	132.0	130.0	130.7	130.3	130.5	135.5	131.8	130.8	139.0	134.4	136.6	141.6
48.	66.0	74.0	70.0	70.7	70.9	71.5	67.7	71.8	72.4	77.0	68.2	70.3	71.7
51.	44.7	41.0	42.0	42.3	40.4	42.4	44.0	42.4	42.2	46.6	41.6	43.2	43.7
52.	33.4	31.0	33.0	33.4	31.9	33.6	30.5	31.2	31.0	34.0	32.3	32.0	32.3
54.	25.4	25.0	24.0	25.2	25.0	23.2	25.5	24.7	24.8	25.4	25.0	25.4	27.1
55.	47.0	48.5	51.0	50.5	51.0	50.7	48.7	51.6	52.2	52.6	50.8	51.9	53.1
75(1)	135.9°	134.0°	29.0°	23.0°	31.6°	34.1°	28.0°	35.8°	32.0°	39.6°	32.8°	33.9°	34.7°
77.	124.8°	129.0°	138.0°	137.0°	136.7°	135.6°	137.7°	135.6°	138.8°	133.6°	134.4°	137.0°	138.3°
Zm`	35.5°	25.0°	125.0°	122.9°	126.7°	122.9°	129.5°	122.4°	122.3°	127.7°	120.2°	128.3°	128.0°

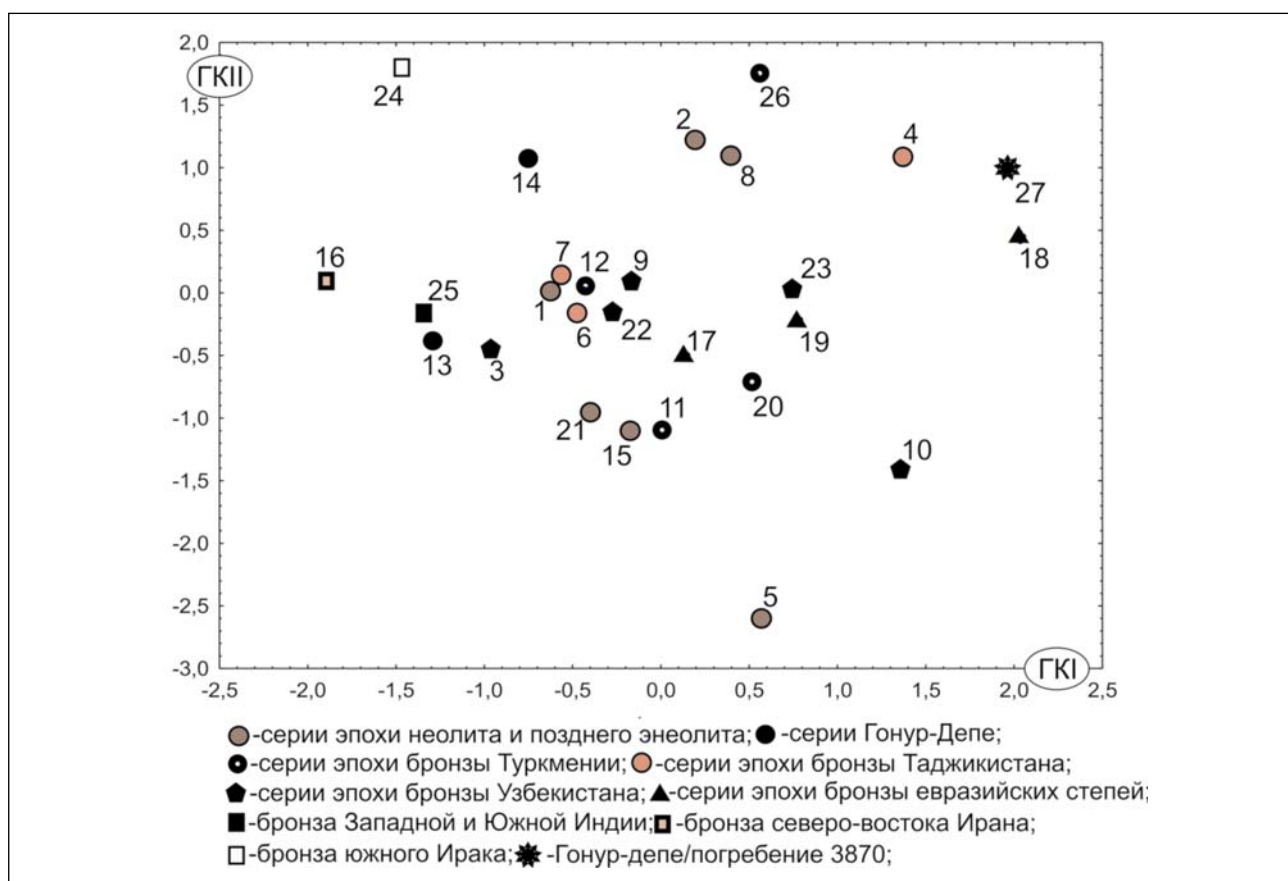


Рис. 4. Положение мужских краниологических серий неолита, энеолита и эпохи бронзы в пространстве первой (ГК I) и второй (ГК II) главных компонент: 1 – Алтын-депе; 2 – Геоксюр; 3 – Сапаллитепа; 4 – Ранний Тулхар; 5 – Тумек-Кичиджик; 6 – Тигровая балка I; 7 – Макони Мор; 8 – Кара-Деде; 9 – Джаркутан; 10 – Дашти Казы; 11 – Пархай 2; 12 – Сумбар; 13 – Гонур/некрополь; 14 – Гонур/руины; 15 – Джарарат; 16 – Хасанлу/5_4_слой; 17 – Андроновцы Западного Казахстана; 18 – Афанасьевцы Алтая; 19 – Срубники Нижнего Поволжья; 20 – Кокча 3; 21 – Учтут; 22 – Бустон 6; 23 – Дальверзин; 24 – Киш; 25 – Западная и Южная Индия; 26 – Каразлематасай и Патмасай; 27 – Гонур, погребение 3870.

Анализ гонурских краниологических материалов показывает, что население Гонура в целом относится к кругу средиземноморских форм, представленных грацильным и матуризованным вариантами с некоторой долей веддоидной примеси (Бабаков и др., 2001; Дубова и др., 2002; Dubova N.A., Rykushina G., 2004), что предпринятый нами анализ еще раз наглядно продемонстрировал.

Пластическая реконструкция головы по черепу

Нами была осуществлено скульптурное восстановление головы мужчины из погребения 3870. Реконструкция лица это своеобразный завершающий этап антрополого-краниологического исследования черепа.

Достоверное воспроизведение общих размеров и формы головы, лицевого отдела, а

также его профилировки, лба, надбровья, носа, разреза глаз, ротовой области, нижней части лица, общей асимметрии перечисленных структур, достигается строгим следованием краниологической основе в процессе реконструкции.

В своей работе мы руководствовались методическими разработками, положенными в основу советско-российской школы антропологической реконструкции (Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009). Этапы работы представлены на рис. 5; завершающий этап можно видеть на рис. 6, 7.

Таким образом, предлагаемая реконструкция дает представление об одном из древних пластов средиземноморского матуризованного типа, входившего в антропологическую мозаику древнего населения Гонура, и вероятно уходящему своими истоками к мезолиту, или верхнему палеолиту (Кияткина, 1987. С. 51).

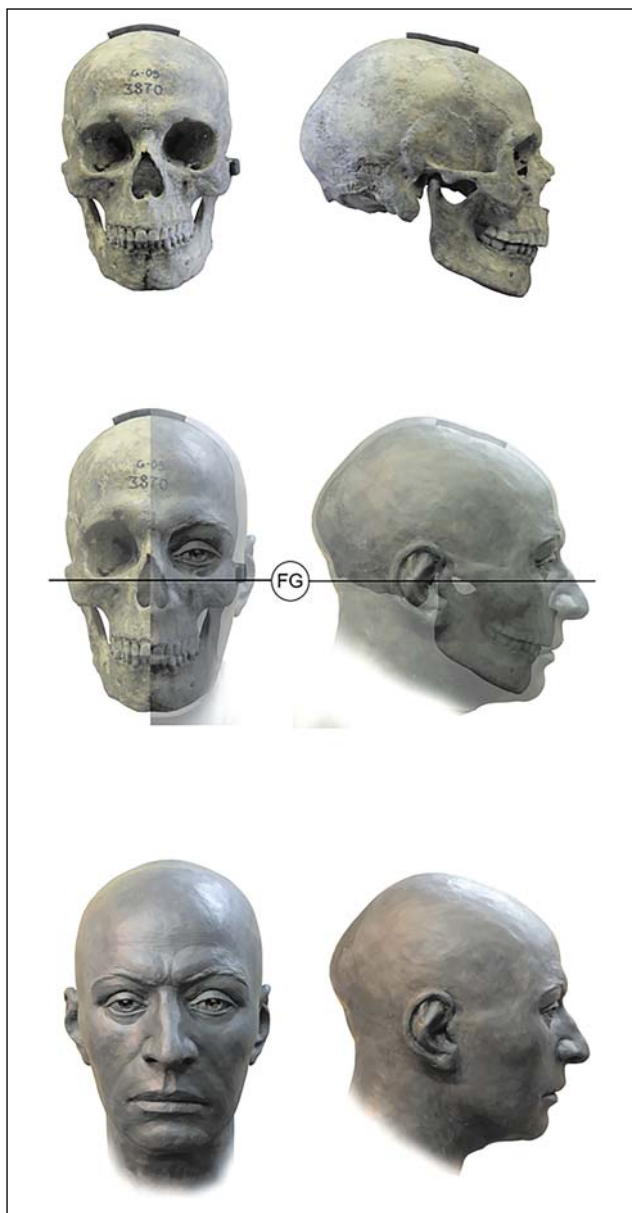


Рис. 5. Основные этапы реконструкции головы по черепу мужчины из погребения N 3870.

В верхнем ряду череп с нанесенными пластилиновыми гребнями, маркирующими толщину мягких тканей; в среднем ряду совмещение краниологической основы и выполненной по левой половине черепа реконструкции лица; в нижнем ряду восстановленная голова мужчины в норме анфас и профиль.

Библиография

1. Абдушлишвили М.Г., Алексеев В.П., Малхотра К.Ч. К характеристике профиля и уплощенности костей некоторых групп населения Западной и Южной Индии в эпохи неолита и бронзы // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980.
2. Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя Бустон VI // Вестник



Рис. 6. Окончательный вариант реконструкции головы по черепу мужчины из погребения N 3870 (скульптурный портрет) с воспроизведенными элементами костюма. Автор А.И. Нечвалода.

а – скульптурная модель в три четверти; б – скульптурная модель анфас со смоделированными элементами одежды и атрибутики; в – совмещение черепа и «оживленной» с использованием фактурных фильтров в графическом редакторе 2D реконструкции с черепом.

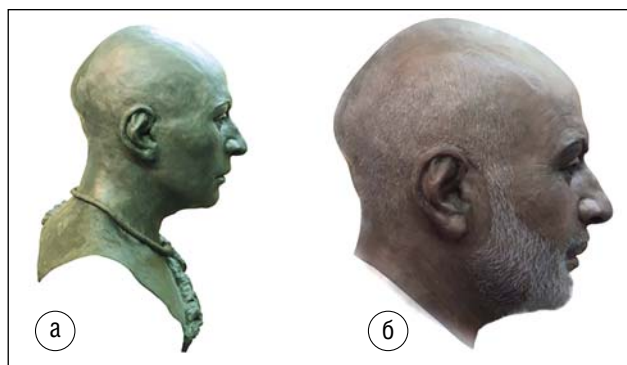


Рис. 7. Окончательный вариант реконструкции головы по черепу мужчины из погребения N 3870.

Автор А.И. Нечвалода.

а – скульптурная модель в профиль; б – «оживленная» с использованием фактурных фильтров в графическом редакторе 2D реконструкция в профиль.

5. Алексеев В.П. К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран) // Вопросы антропологии. Вып. 74. 1984.
6. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
7. Алексеев В.П. Общение (часть 4) // ЭО. 1993. № 4. С. 142–150.
8. Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-Депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105–132.
9. Бабаков О. Население Гонур-Депе в эпоху бронзы // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 337–349.
10. Беневоленская Ю.Д. Морфология затылочной области черепа и закономерности групповых вариаций // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 43–71.
11. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). ТРИЭА. Нов. Серия. Т. XXVIII. М., 1955.
12. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
13. Громов А.В. Население юго-западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 151–160.
14. Дубова Н.А., Рыкушина Г.В., Ходжайов Т.К., Васильев С.В., Бабаков О. Новые данные по антропологии населения эпохи бронзы Туркменистана (некрополь Гонур-Депе) // Материалы IV Международного конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002. С. 129–130.
15. Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетей, 2010. С. 484–504.
16. Кияткина А.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.
17. Кияткина А.П. Палеоантропология Западных районов Центральной Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
18. Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. М., 1998.
19. Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Московского Кремля. Т. 1. М., 2009.
20. Нечвалода А.И. Люди города царей и богов: внешний облик жителей Гонур-Депе по данным антропологической реконструкции // ТрМАЭ. Т. 2 / Отв. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2008. С. 112–121.
21. Нечвалода А.И. Черепа веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур-Депе: краниология и антропологическая реконструкция // ТрМАЭ. Т. 4 / Отв. ред. В.И. Сарияниди. М.: Из-во: Старый сад, 2012. С. 87–101.
22. Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты // Вестник МГУ. Серия XIII. Антропология. 2009. № 1. С. 35–44.
23. Сарияниди В.С. Царский город богов и храмов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. Сб. статей. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 68–94.
24. Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: авары и сарматы. Л., 1970. С. 69–201.
25. Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1977.
26. Ходжайов Т.К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит – начало XX века) // СЭ. 1983. № 3. С. 99–105.
27. Ходжайов Т.К. Новые антропологические материалы эпох неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зеравшана // Вестник антропологии. Вып. 11. М., 2004. С. 87–101.
28. Dubova N.A., Rykushina G. Necropolis and Area 5 of Gonur-Depe: Some Anthropological Data // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 317–336.
29. Dubova N.A., Rykushina G. New Data on Anthropology of the Necropolis of Gonur-Depe / Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. P. 296–329.

Результаты исследований остатков древесины из раскопок Гонур-депе

Регулярные целенаправленные археоботанические исследования на Гонур-депе проводятся с 2008 г., хотя к этому времени уже имелись отдельные сведения о видовом составе культурных и дикорастущих растений (в том числе древесных), использовавшихся жителями поселения.

Наиболее ранние систематизированные данные о составе растительных остатков из раскопок памятников Южного Туркменистана VI–I тыс. до н.э. приводятся в работах Г.Н. Лисицыной (Лисицына, 1964, 1978). Однако изученные ею памятники располагаются в подгорной равнине Копетдага и на аллювиальных равнинах р. Атрек и р. Тенджен, т.е. значительно западнее территории Древней Маргианы. Поэтому первым исследованием микро- и макроархеоботанического материала с памятников Древней Маргианы стоит признать работу Н.Р. Мейер-Меликян (Мейер-Меликян, 1990). Она изучила органические остатки, собранные со дна хумов, с поверхности каменных пестиков и терок, заполнение костяной трубочки, происходящие из раскопок храмового комплекса Тоголок 21. Анализ макроскопических остатков (обломков стеблей, листьев, частей плодов), а также пыльцевых зерен показал, что растительные остатки из сосудов принадлежат эфедре. Внутри костяной трубочки были выявлены пыльцевые зерна мака, а на поверхности каменного пестика – остатки семян мака (Мейер-Меликян, 1990). Эти крайне интересные данные позволили В.И. Сариниди (Сариниди, 1990) связать храмовый комплекс Тоголок 21 с «культом галлюциногенных напитков», а также предположить, что жители древней Маргианы организовывали специальные экспедиции в предгорья Копетдага за эфедрой – хвойни-

ком промежуточным (*Ephedra intermedia*). Произрастающая в Каракумах эфедра – хвойник шишконосный (*Ephedra strobilacea*) практически не содержит эфедрина. Действительно, из 10 видов эфедры, распространенных на территории современного Туркменистана, непосредственно в Каракумах встречается только эфедра (хвойник) шишконосная (*Ephedra strobilacea*) (Никитин, Гильдиханов, 1988), содержание алкалоидов в котором составляет всего 0,41% (Мухамедов, 1972).

Непосредственно на Гонур-депе первые определения растительных остатков были сделаны Н. Миллер (Миллер, 1994; Miller, 1999; Moore et al., 1994). Изученный ею материал был получен в основном путем сухого просеивания мусорных наслоений и включал семена растений, навоз, древесный уголь. При этом угли специально не изучались, поэтому ее рассуждения о древесной растительности Гонурского оазиса имеют общий, предположительный характер, основанный на аналогиях. Ботаническая идентификация образцов древесины из четырех могил с раскопа 8 Северного Гонура («царских гробниц») была выполнена М. Тенгберг (Тенгберг, 2008). Определения отдельных растительных остатков из раскопок обсуждаемого памятника производились также С.А. Афониним (Афонин, 2008), который, в частности, идентифицировал обуглившиеся плоды яблони, найденные на территории дворца Гонура. Дальнейшие археоботанические исследования на Гонур-депе проводились автором данной статьи. Отдельное внимание уделялось определению археологической древесины, результатам изучения которой посвящен настоящий обзор.

Необходимость изучения остатков древесных растений (древесины, плодов, древес-

ного угля), а также конструкций и изделий из дерева, обнаруживаемых в процессе археологических раскопок и целенаправленного обследования культурного слоя памятников, обусловлено тем, что они являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Сами по себе растительные остатки несут сведения о характере древесной растительности территории (дикорастущие виды), наличии садоводства (плодовые деревья и кустарники), а форма (угли, конструкции, изделия и т.д.) и археологический контекст их нахождения – об особенностях использования этих растений древним населением (топливо, строительный материал, сырье для изделий). К тому же, сам факт присутствия на памятнике древесины (или изделий), других продуктов, получаемых от древесных растений (плоды, смола и т.п.), которые принадлежат видам, не произрастающим в данной местности или в регионе в целом, может свидетельствовать о ландшафтных перестройках природного и антропогенного генезиса (смещениях границ природных зон, сведения лесов), торговых и культурных контактах с населением других регионов, практике организации экспедиций (разной дальности) за растительным сырьем.

Кроме того, нужно отметить, что остатки остатков отдельных видов деревьев и кустарников (как древесина, так и другие части – плоды, корни, ветки) могут являться материальными свидетельствами духовной практики древнего населения: они могли использоваться как атрибуты ритуальных действий (для разжигания огня, в виде подношений, в качестве убранства помещений и сервировки стола), для изготовления амулетов и оберегов, приготовления ритуальных напитков (например, эфедра).

В материалах археологических раскопок Гонур-депе, присутствуют две основные формы сохранения древесных остатков: древесные угли и истлевшая древесина (нередко законсервированная солями меди). Древесные угли происходят, как от топлива, использованного в бытовых, гончарных и металлургических печах, так и от сгоревших деревянных конструкций (в частности, во дворце Гонура выявлены следы двух сильных пожаров). Древесина представлена в основном различными изделиями и их фрагментами (детали повоз-

ок, рукояти орудий, украшения). К отдельной категории археоботанических материалов можно отнести отпечатки веток на глиняных и гипсовых обломках.

Изучение анатомических особенностей, позволяющих проводить идентификацию древесных углей, производилось на тонких сколах разной ориентации (поперечной, радиальной и тангенциальной) в отраженном свете при разных увеличениях ($\times 8 - \times 56$). Для изучения клеточной структуры необугленных фрагментов древесины использовались срезы, полученные с помощью лезвия, или поперечные и продольные разломы. Определения проводились при помощи бинокулярных микроскопов МБС-1 и Биолам (увеличение $\times 8 - \times 320$), использовались определители древесины (Бенькова, Швейнгрубер, 2004; Вихров, 1959, Гаммерман и др., 1946). Ископаемые образцы сравнивались с эталонными образцами древесины из коллекции автора, включающей основные рода деревьев и кустарников, произрастающих в настоящее время на территории Каракумов, Копетдага и Кавказа, что снижало риск ошибок определения.

Наиболее массовым археоботаническим материалом, представленном на памятнике, являются древесные угли. Заметим, что для Южного Туркменистана древесные угли являются важным палеоэкологическим (а в отношении реконструкции растительности часто единственным) и историческим источником. Как отмечает Г.Н. Лисицына, «слабая палинологическая изученность Южной Туркмении и неэффективность полученных результатов... послужили причиной того, что для восстановления растительности возникла необходимость максимально использовать другие палеоботанические методы, прежде всего микроскопическое исследование углей, найденных при археологических раскопках», поскольку, «не отражая всей специфики растительного покрова, угли... характеризуют состав древесной флоры, непосредственно произраставшей близ поселений и использованной человеком для своих хозяйственных нужд» (Лисицына, 1978. С. 90). Не отличается в этом отношении и мнение известного палеоботаника М. Тенгберг, что «лес, используемый в ежедневных действиях, типа приготовления пищи, обычно происходит из не отобранного

специально топливного леса в окрестностях и таким образом отражает ближайший растительный покров» (Тенгберг, 2008. С. 164).

Однако нужно заметить, что избирательность в отношении древесины, идущей на топливо, все же существует. Печи и очаги, используемые для приготовления пищи и обогрева жилищ, действительно обычно топят наиболее распространенными в окрестностях селения и доступными (т.е. удобными для заготовки) видами древесных растений. Хотя и в этом случае предпочтение может отдаваться вполне определенным формам. Наши наблюдения за использованием топлива современным населением Средней Азии в быту показывают, что при возможности выбираются растения, чья древесина при горении дает более сильный жар и меньше чадит (например, на Копетдаге это клен, в Каракумах – саксаул). Для древесины, используемой в гончарных и металлургических печах, основными критериями отбора являлись температура и длительность горения.

Изучение углей показало, что в качестве топлива на Гонуре использовались, в основном, саксаул (*Haloxylon sp.*), кустарниковые формы солянок (*Salsola sp.*), ива (*Salix sp.*) и тамариск (*Tamarix sp.*). Кроме древесины в печах бытового назначения сжигали одревесневшие стебли верблюжьей колючки (*Alhago pseudoalhago*) после их плодоношения и высухания на корню (возможно сухие растения скашивали поздней осенью или зимой), а также стебли тростника (*Phragmites australis*) и высушенный помет животных (кизьяк). В ритуальных и гончарных печах использовалось только древесное топливо. Угли, собранные на территории дворцово-храмового комплекса принадлежат тамариску, саксаулу, джугуну (*Calligonum sp.*), тополю (*Populus sp.*), клену (вероятнее всего клену туркменскому – *Acer turcomanicum*), спиреантусу Шренка (*Spiraeanthus schrenkianus*). Клен туркменский произрастает в горах Копетдага, а ареал спиреантуса сейчас ограничен лишь предгорьями Каратау, пустыней Бетпак-Дала и бассейном р. Чу (Казахстан). В настоящее время на территории Каракумов он не встречается, но в прошлом мог быть распространен шире. Скорее всего, тополь, клен и спиреантус не использовались на топливо, а их угли проис-

ходят от сгоревших деревянных конструкций или предметов, поскольку в других местах пока они обнаружены не были. Заметим, что темно-шоколадная древесина спиреантуса традиционно используется для изготовления мелких столярных поделок (Деревья и кустарники СССР, 1966) и могла попасть на Гонур уже в виде готового изделия.

Отдельного внимания заслуживают результаты изучения скоплений обугленных древесных остатков, выявленных под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену кремля, которые представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стеной кремля, обрушившейся при большом пожаре.

Роль несущих балок в конструкции выполняли стволы тополя (диаметр балок составлял около 15 см, что соответствует стволам тополя высотой около 10 м) (рис. 1). Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта глиняной обмазкой, армированной ивовыми прутиками. Подобное устройство кровли до сих пор сохраняется на территории Средней Азии в традиционных постройках из сырцового кирпича (рис. 2–4).

Особое место в археоботаническом материале, происходящем с Гонур-депе, занимают фрагменты деревянных изделий и конструкций, сохранившихся в необугленном виде. Со-



Рис. 1. Сгоревшие балки под пилястрами стен кремля

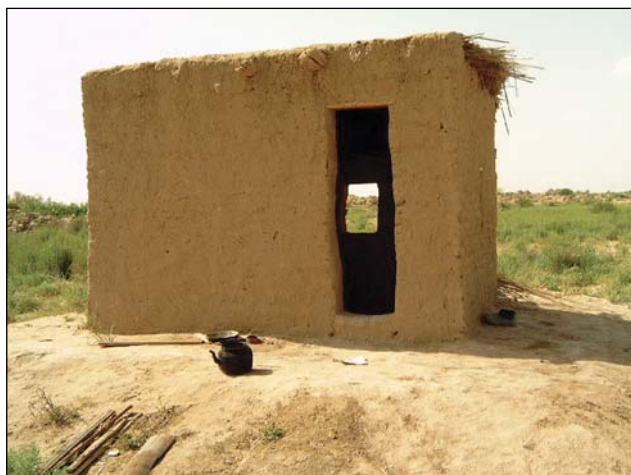


Рис. 2. Временная постройка из саманного кирпича (Туркменистан)



Рис. 3. Внутреннее устройство кровли (Туркменистан)



Рис. 4. Хозяйственная постройка (Таджикистан)

став древесных пород, из которых они были изготовлены, оказался достаточно разнообразным. Поскольку истлевшая древесина является более сложным объектом для ботанической идентификации, по сравнению с обугленной, подробнее остановимся на результатах микроскопического изучения этих находок.

В разные годы на памятнике были раскопаны пять «царских гробниц» (погребения 3200, 3225, 3240, 3900, 3915), где были обнаружены деревянные повозки (см., например: Дубова, 2004; Сарияниди, Дубова, 2010). М. Тенгберг, проводившая анализ образцов дерева из погребений № 3200, 3210, 3225, 3240, в трех из которых находились остатки повозок, идентифицировала их как иву (*Salix sp.*), вяз (*Ulmus sp.*) и ясень (*Fraxinus sp.*) (Тенгберг, 2008). К сожалению, она не приводит данных, из какого погребения и от какого предмета происходит каждый конкретный образец.

Весной 2009 г. в погребении 3900 была найдена деревянная четырехколесная повозка. Строение колес было идентично обнаруженным ранее: они состояли из трех массивных деревянных плах с хорошо сохранившимися бронзовыми ободьями, диаметр колеса – 100 см (Сарияниди, Дубова, 2010. С. 146) (рис. 5).

Центральная часть деревянных плах истлела, но фрагменты, контактировавшие с бронзовыми накладками, сохранили структуру древесины и позволили провести ботаническую идентификацию. Годичные кольца видны невооруженным глазом на радиальном разломе в виде темных и светлых полос шириной 1,8-2,0 мм. Под увеличением от 16 до 56 раз на поперечном разломе видна кольце-сосудистая древесина с 3-4 рядами крупных сосудов ($d = 200-250$ мкм), часть из которых заполнены солями. Вслед за этой зоной диаметр сосудов уменьшается до 100 мкм, затем видны сосуды в группах по 2-3 с диаметром 70 мкм и меньше. Переход от ранней древесины к поздней резкий. Группы более мелких сосудов



Рис. 5. Колесо повозки из погребения 3900

поздней древесины (по 5–8) вместе с трахеидами и древесной паренхимой собраны в полоски, имеющие косотангенциальное направление. Сердцевинные лучи узкие, значительно уже диаметра сосудов, многочисленные, расстояние между лучами 70–140 мкм (рис. 6). Такое микроскопическое строение характерно для вяза граболистного (*Ulmus carpiniifolia*).

Осенью 2009 г. была вскрыта еще одна «царская гробница» № 3915, разграбленная в древности, в северном углу которой были выявлены остатки древесины. Отпечаток от истлевшего деревянного изделия имеет форму дуги. Кроме того на отпечатке и сохранившейся древесине отмечаются следы бронзовых окислов и мельчайшие чешуйки бронзы. Это позволяет предполагать, что изучаемый объект являлся колесом повозки, разрушенной грабителями. Сохранившаяся древесина необугленная, сильно фрагментированная, темно-коричневого цвета. Наиболее крупные фрагменты достигают 75 мм в длину, 20 мм в ширину и 10–15 мм в толщину. Хорошо выделяются следы контакта с бронзой. Анатомические характеристики (диаметр крупных сосудов 250–300 мкм, мелких – 100 мкм, косотангенциальная поздняя древесина, узкие сердцевинные лучи) в целом соответствуют описанию образца от колеса повозки из погребения 3900, что позволяет также отнести изученный образец к вязу. Таким образом, можно сделать вывод, что при изготовлении колес повозок использовалась древесина вяза, поскольку эта порода имеет прочную, твердую, упругую древесину и до настоящего времени применяется для производства обозного инвентаря, мебели и других столярных изделий (Деревья и кустарники СССР, 1966). Вероятнее всего, что образец древесины из «царского могильника», определенный М. Тенгберг как вяз – также является фрагментом колеса. В настоящее время вяз граболистный (берест, карагач) (*U. carpiniifolia*) встречается в тугайных лесах вдоль рек в Западном и Северном Копетдаге. Поэтому, скорее всего, верно предположение М. Тенгберг (Тенгберг, 2008), что деловая древесина могла поступать на Гонур из предгорий Копетдага.

Уникальной находкой, обнаруженной в погребении 3900, является бронзовая лопата, в тулейке которой сохранился фрагмент деревянного черенка (рис. 7). Фрагмент клиновид-

ной формы имел размеры 52–53 мм в длину, 18,5–20,7 мм в ширину и 14,5 мм в толщину. Верхний срез фрагмента покрыт коричневой коркой, на нем прослеживается углубление, сходное со следом от гвоздя. Древесина сухая, неуглефицированная, достаточно прочная, местами пропитана солями меди (обусловившими сохранность древесины). Микроскопический анализ поперечного разлома показал, что древесина кольцесосудистая, состоит из 3 полных годичных колец и неполного четвертого (срублена весной), ширина их 2 мм, 2,5–3 мм и 3,5–4 мм. Годичные кольца состоят из 3 зон, более темной ранней (весенней) и поздней (осенней) древесины и светлой промежуточной. Ранняя древесина состоит из сосудов диаметром 100–125 мкм, расположенных радиальными рядами по 2–3, иногда до 6 крупных сосудов в ряду, внезапно уменьшающихся; сердцевинные лучи узкие. Промежуточная (летняя) древесина представляет собой зону паренхимных клеток с большими радиальными веретеновидными межклетниками. Зона поздней древесины, с мелкими клетками, без межклетников. На поперечном разломе видны черные блестящие бугорки (застывший млечный сок) (рис. 8). Эти характеристики позволяют отнести изученные фрагменты к скумпии кожевенной (*Cotinus coggygia*) (Гаммерман и др., 1946; Вихров, 1959).

Древесина скумпии содержит млечный сок, устойчива к гниению, может использоваться для дубления кожи и шкур, крашения тканей, в качестве негниющей подпорки на виноградниках, а также для инкрустации художественных изделий. Сейчас скумпия в Средней Азии выращивается как культурное,



Рис. 7. Бронзовая лопата в погребении 3900

декоративное растение и в дикорастущем состоянии здесь не встречается. Естественный ареал ее составляют Средиземноморье, Кавказ, Крым, Малая Азия, Китай и Гималаи (Деревья и кустарники СССР, 1966). Нельзя полностью исключать, что в III тыс. до н.э. ареал распространения скумпии мог включать и Среднюю Азию, но поскольку других подтверждений этому пока нет, скорее всего, дерево для изготовления данного черенка было импортировано или с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (учитывая археологические подтверждения контактов населения Древней Маргианы, – с долиной р. Инд и Гималаями).

В 2010 г. на раскопе 18 на востоке памятника было вскрыто погр. 4014 с весьма интересными находками. В качестве погребальных приношений погребенному в цисте были обнаружены разнообразные изделия: керамика, каменная миниатюрная колонка, бронзовый нож, бронзовое четырехзубое навершие жезла с фрагментом деревянной рукояти, бронзовая пластина, покрывавшая деревянную рукоятку специфической формы, а также нагрудное украшение треугольной формы с каменными мозаичными вкладками на деревянной основе, отороченная бронзовой каймой (типа тумора) (Дубова, 2012). Образцы древесины были отобраны для микроскопического анализа.

Древесина из четырехзубого навершия жезла имеет следующие признаки: законсервирована солями меди, невооруженным глазом годичные кольца не видны. На поперечном разломе наблюдается рассеянно-сосудистая древесина с большим количеством практически одинаковых сосудов диаметром 100–130 мкм, т.е. ранняя весенняя древесина не отличается от поздней осенней. Сердцевинные лучи узкие (однорядные), многочисленные, на продольном разломе гетерогенные (рис. 9). Все эти признаки позволяют идентифицировать древесину рукояти жезла как иву (*Salix sp.*).

Также в этом погребении была обнаружена рукоятка изделия неясного назначения, покрытая бронзовой пластиной. Рукоятка была выполнена из довольно хрупкой извилистой древесины, распавшейся на множество мелких фрагментов размером от 1,5×2 см до 4×1 см. Древесина пропитана белой солью, местами – солями меди зеленого цвета. На поперечном разломе 1 фрагмента видна кольце-

сосудистая древесина, 3 годичных кольца шириной 3,5–5 мм. Ранняя (весенняя) древесина состоит из 1 слоя крупных сосудов, диаметром 100–130 мкм, забитых белой солью. Переход к поздней древесине резкий. Сердцевинные лучи узкие, 1–3 клетки в толщину. Ширина сердцевинных лучей уже ширины сосудов. На поперечных разломах других фрагментов аналогичная картина (рис. 10).

Более всего описанные признаки соответствует таковым у экзохорды (*Exochorda sp.*). Это красивые древовидные кустарники (несколько видов) произрастают на Памиро-Алае, Тяньшане вплоть до Китая и на территории Туркменистана в настоящее время не встречаются (Деревья и кустарники СССР, 1966).

Обращает внимание, что древесина из навершия жезла и описанной выше рукоятки принадлежит разным видам. Таким образом, несмотря на то, что эти находки располагались в погребении рядом, они представляют собой самостоятельные изделия.

От основы треугольного украшения (тумора) из этого погребения удалось отобрать 3 мелких фрагмента необугленной, слегка забронзовевшей древесины. На поперечном разломе видна рассеянно-сосудистая древесина, сосуды эллиптической формы (деформированы сжатием). Большинство имеют размеры 125×75 мкм в ранней древесине и 75×50 мкм в поздней. Крупные сосуды расположены одиночно или по 3–4 клетки вдоль, сердцевинные лучи шириной в 1–4 клетки отделяют один ряд сосудов от другого. На продольном разломе сердцевинные лучи имеют клетки, различные по высоте, большей частью лежащие, краевые клетки более высокие, палисадные (рис. 11). С большой долей вероятности мы идентифицируем данную древесину как прутняк, или витекс (*Vitex sp.*).

В Туркменистане встречаются два слабо различимых вида этого растения: прутняк обыкновенный (витекс священный, Авраамово дерево) (*Vitex agnus-castus*) и прутняк ложносенелистный (*Vitex pseudonegundo*). Прутняк растет в сравнительно влажных местах – в горах, предгорьях, оазисах (Копетдаг, Прикопетдагские и Амударьинские оазисы) (Никитин, Гельдиханов, 1988). Растение обладает гормоноподобными свойствами (эстроген – прогестерон – тестостерон) и со времен

Гиппократы используется при лечении бесплодия, уменьшения лактации, импотенции. Кроме того прутняк является пряной культурой. Одно из его названий – монаший перец, поскольку по вкусу и действию он походит на перец. Примечательно, что 5–7 рассеченные листья прутняка напоминают коноплю, а побочным действием при употреблении его в пищу является галлюциногенный эффект. У данного растения используются практически все его части (цветки, листья, плоды, древесина). Вполне возможно выбор прутняка (витекса) для основы украшения является не случайным, тем более, если предположить, что украшение играло роль амулета.

Как уже отмечалось выше, к особой категории археоботанических объектов относятся отпечатки растений на обмазках, кирпичках и т.д. На Теменосе (Южный Гонур) обнаружено большое число ямок («ванн» и «чанов»), покрытых гипсовой обмазкой, со следами и пустотами, оставленных истлевшими прутьями (рис. 12–14). Анализ отпечатков веток, выявленных на внутренних слоях обмазок, показывает, что с наибольшей вероятностью они принадлежат иве. По-видимому, ивовые прутья служили для армирования вяжущего материала.

Сейчас на территории Туркмении встречается несколько видов ив, которые могут быть представлены деревьями и кустарниками. Чаще всего они растут по берегам рек, арыков. Мягкая и легкая древесина широко используется как строительный и поделочный материал, из гибких ветвей плетут корзины, плетни и мебель. Непосредственно на Гонуре ива использовалась для разных целей, для



Рис. 12. Остатки емкости с гипсовой обмазкой, армированной ивовыми прутьями (теменос Гонура)



Рис. 13. Фрагменты гипсовых обмазок стенок емкости, армированных ивовыми прутьями (теменос Гонура)



Рис. 14. Остатки гипсовой обмазки, армированного ивовыми ветками (теменос Гонура)

изготовления изделий (рукоятка бронзового жезла), устройства кровли и т.п.

Таким образом, можно резюмировать, что население Гонур-депе широко использовало древесину и изделия из дерева. В качестве топлива в основном сжигались саксаул (*Haloxylon sp.*), кустарниковые формы солянок (*Salso-la sp.*), тамариск (*Tamarix sp.*), реже – джужгун (*Calligonum sp.*) и ива (*Salix sp.*). На строительные цели шел тополь (*Populus sp.*), ива (*Salix sp.*). Изделия разного назначения изготавливались из клена (*Acer turcomanicum*), вяза (*Ulmus sp.*), ивы (*Salix sp.*), ясеня (*Fraxinus sp.*), спиреантуса Шренка (*Spiraeanthus schrenkianus*), скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*), экзохорды (*Exochorda sp.*), прутняка (*Vitex sp.*). При этом часть древесины и/или изделий из дерева поступало со стороны, что еще раз подтверждает наличие налаженных торговых контактов жителей Гонура с соседними, в разной степени отдаленными регионами.

Библиография

1. Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2008. С. 161-162.
2. Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России Берн: Хаупт, 2004. – 465 с.
3. Вихров В.С. Диагностические признаки древесины главных лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.
4. Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 144 с.
5. Деревья и кустарники СССР. М.: Мысль, 1966. 637 с.
6. Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.
7. Дубова Н.А. Мужское нагрудное украшение из погребения 4014 Северного Гонкра: тумор бронзового века // ТрМАЭ. Т.4 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 267–269.
8. Лисицына Г.Н. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 52–56.
9. Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. 240 с.
10. Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголок 21 // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 203-204.
11. Мухамедов Г.М. Хвойник шишконосный в пустыне Каракумы. Ашхабад: Ылым, 1972. 93 с.
12. Никитин В.В., Гильдиханов А.М. Определитель растений Туркменистана. Л.: Наука, 1988. 680 с.
13. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
14. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура. // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144–171.
15. Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // ТрМАЭ. Т.2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2008. С. 163–164.
16. Миллер Н.Ф. Предварительные археоботанические результаты раскопок 1989 года в центрально-азиатском селении Гонур Деде // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 192–199.
17. Miller N.F. Agricultural development in western Central Asia in Chalcolithic and Bronze Ages // Vegetation History and Archaeobotany. Proceedings of the 11th IWGP Symposium, Toulouse, 1998. Springer-Verlag, 1999. P. 13-19.
18. Moore K.L., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agricultural and herding in the early oasis Settlements of the Oxus Civilization // Antiquity. Vol. 68. N. 259. 1994. P. 418-427.

Исследование и реставрация мозаичного декора стенки ларца-дарохранительницы конца III тыс. до н.э. из царской гробницы 3230 Гонур-депе (Туркменистан)

В 2011 г. были начаты работы по консервации сохранившихся фрагментов стенок ларца-дарохранительницы, обнаруженных в процессе археологических раскопок гробницы № 3230 царского некрополя Гонур-Депе (рис. 1, 2, 3).

Фрагмент с условным номером 3230-16 хранился в Государственном Музее изобразительных искусств Туркменистана лежащим лицевой поверхностью вниз, поэтому на полевой фотографии он не виден. Возможно, что это была нижняя или боковая стенка перевернутого ларца-дарохранительницы.

В 2004 г. в процессе полевой консервации, фрагменты обнаруженных мозаик были зафиксированы профилактической заклеивкой из капроновой сетки на 10% полимерный клей Паралонид Б-72 (реставратор Н.И. Чудновская), после чего извлечены из завала и уложены на хранения и перемещения в фанерные ящики. Фрагмент стенки ларца-дарохранительницы поступил на реставрацию в 2011 г. в рунированном состоянии: по-

верхность фрагмента находилась под слоем лесса, засыпана лессово-песчаными комками, в которых, в разрозненном состоянии, были вкраплены кусочки мозаичных тессер из белого материала (рис. 4, 5, 6). По периметру фрагмента выкрошились куски штукатурного грунта и мозаичные вставки. Часть выпавших мозаичных вставок, собранных в небольшие пакетики, хранилась рядом с фрагментом. Сильно повреждена центральная часть фрагмента: участок основы деформирован, куски штукатурного грунта разбиты, и выпадают из основы.

На поверхности мозаики, а так же слева и справа по краям фрагмента лежали фаланги кисти человека. Это говорит о том, что мозаичная дарохранительница стояла непосредственно на одном и погребенных в данной гробнице. Для сохранения мозаики при ее выемке из гробницы кости вместе с остатками самой дарохранительницы были частично укреплены профилактической заклеивкой с тыльной стороны и сняты одновременно.



Рис. 1. Гробница 3230 с остатками стенок дарохранительницы с «ковровым орнаментом» в процессе расчистки. 30.09.2004. Фото Н. Дубовой.



Рис. 2. Тыльник стенки ларца-дарохранительницы из гробницы 3230 *in situ*. 2004 г. Фото Н.И. Чудновской.



Рис. 3. Обсуждение процесса реставрации стен дарохранительницы из погр. 3230 в Реставрационной лаборатории Музея изобразительных искусств Туркменистана. 29.03.2012 г.

Композиция орнамента

Декор стенок дарохранительницы выполнен в смешанной технике мозаики из различных минеральных материалов и полихромной росписи по известково-песчаному грунту. Мозаика представляет собой орнаментальный геометрический узор, так называемый «ковровый орнамент», составленный из квадратных и прямоугольных модульных кусочков из светлого материала. Мелкие квадратные и прямоугольные детали орнамента, образуют более крупные геометрические композиции из квадратов и ромбов, которые разделены между собой прямоугольными горизонтальными и вертикальными вытянутыми полосами. Сложный узор дополнен полихромными вставками красного и черного цвета, которыми заполнены поля между мозаичным орна-



Рис. 4. Общий вид фрагмента № 16 стенки ларца-дарохранительницы из гробницы 3230 после извлечения из временного хранилища до реставрации.



Рис. 5. Центральная часть фрагмента № 16 до реставрации. Видны сильные повреждения.



Рис. 6. Фрагмент № 16. Мозаика, в тех местах, где она соприкасалась с костными останками, сильно повреждена.

ментом, что дополнительно подчеркивает яркий цвет основного светлого материала мозаики. Поверхность некоторых мозаичных вставок, составляющих центр композиционного раппорта коврового орнамента, сохранила следы зеленоватой глазури(?) (рис. 7, 8)¹. Наличие глазури на поверхности тессер подтвердили лабораторные анализы, выполненные А.Я. Мазиной и А.В. Соколовым в 2014 г.²

1 Отсутствующие в основном тексте статьи иллюстрации представлены на цветной вклейке.

2 Процесс образования глазури на мозаичных вставках из этой и других гробниц «царского некрополя» Гонура пока не изучен. Однозначных доказательств того, что вставки специально покрывались слоем глазури, в настоящее время не имеется. Нельзя полностью исключать, что этот слой образовался в результате обжига исходного минерала и возгонки на поверхность его медьсодержащих компонентов. – *Примеч. редактора.*

Материалы мозаики

Что касается материалов, из которого выполнены мозаичные вставки, то визуально, нами выделены три вида:

Образец 1 – плотная белая основа (принятая нами первоначально за мрамор) с гладкой, маслянистой поверхностью квадратного в плане модуля примерно 5х5 мм и подколотыми на конус гранями на тыльной стороне. Исследуя образец под микроскопом стали видны следы механической обработки лицевой поверхности образца – доводка полированной поверхности (рис. 9, 10). Рентгенофазовый анализ, проведенный А.Я. Мазиной, А.В. Соколова (30.10.2013 г), показал, что основным компонентом является кальцит CaCO_3 (98%), а включения состоят из доломита $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$ (2%).

Образец 2 – аналогичный по форме образец, но выполненный из беловато-охристого материала. Квадратный в плане модуль с подколотыми гранями с тыльной стороны. Даже без микроскопа видны следы механической обработки лицевой поверхности этого мозаичного модуля (рис. 11, 12). Встречаются образцы разных оттенков этого белого материала. Согласно данным рентгенофазового анализа, порошок на 98% также состоит из кальцита CaCO_3 . В качестве незначительной примеси установлен кварц SiO_2 (1,5%); в следовых количествах присутствуют близкий альбиту щелочной плагиоклаз $\text{Na}[\text{AlSi}_3\text{O}_8]$, гематит Fe_2O_3 и минерал из семейства цеолитов (каркасные алюмосиликаты, содержащие в пустотах кристаллической решетки Na, Ca и молекулы воды) (определения А.Я. Мазиной и А.В. Соколова 30. 10. 2013 г).

Таким образом, тессеры в пробах №№ 1 и 2 практически полностью состоят из карбоната кальция. В порошках обеих проб под биноклярным микроскопом установлены его зёрна размером от 0,0 до 1 мм. Следует признать, что тессеры были изготовлены из известняка – осадочной породы кальцитового состава (А.Я. Мазина, А.В. Соколов 30. 10. 2013 г).

Образец 3 – тонкие, хрупкие пластинки квадратной и прямоугольной формы, со следами зеленовато-голубого блестящего слоя на лицевой поверхности (рис. 13–15). Тыльная поверхность этих пластин сохранила остатки черной массы. На фрагментах ларца-даро-

ханительницы из погребения 3230 все мозаичные тессеры со следами зеленой глазури, смонтированы на черную мастику.

Третий образец материала – самый хрупкий, легко крошится от неосторожного прикосновения. Тонкий слой предполагаемой «глазури» на поверхности этих тессар представляет собой слабый, распыленный налет зеленовато-бирюзового цвета. Не укрепленный слой глазури легко стирается. Исследованием материала гонурских мозаик из погребения № 3915 занимался А.М. Юминов. В его статье очень подробно описана возможная технологическая схема получения подобного материала и сделаны интересные выводы о том, что данный «материал не является природным соединением. «Скорее всего, он был синтезирован в результате термической обработки кремнесодержащего сырья» (Юминов, 2012. С. 190). Однако, следует подчеркнуть, что слова «не является природным соединением» не подразумевают того, что материал является искусственно созданным соединением,

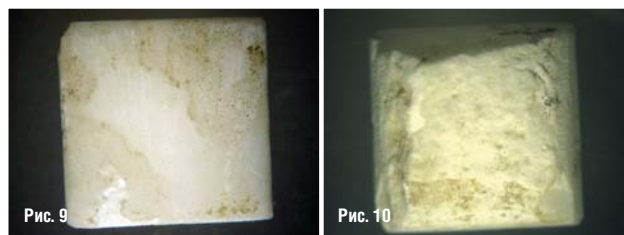


Рис. 9, 10. Лицевая и тыльная поверхность тессеры из мраморовидного известняка (проба № 1).

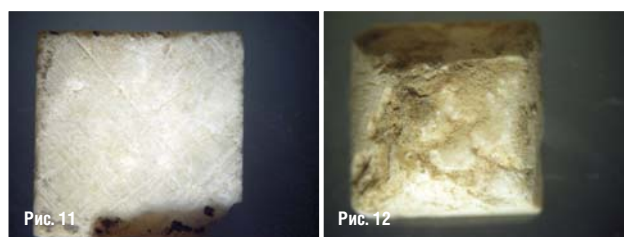


Рис. 11, 12. Лицевая и тыльная сторона тессеры из известняка (проба №2).

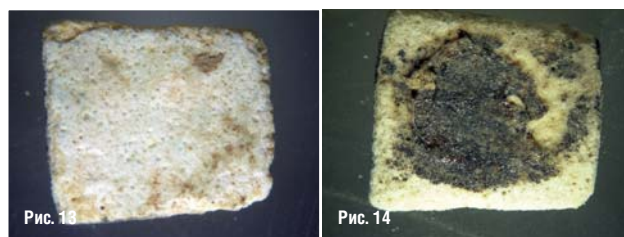


Рис. 13. Образец № 3 тессер из гробницы 3230. Лицевая сторона.

Рис. 14. Образец № 3 тессер из гробницы 3230. Тыльная сторона со следами черной мастики.

а только то, что структура природного материала изменилась под воздействием высокой температуры. Это доказывает и наше предположение о термической обработке – обжиге деталей, выточенных из природного материала (образец 3). Результаты рентгенофазового анализа (таблица) и рентгенофлуоресцентного спектрального анализа говорят о том, что во всех изученных пробах резко преобладает кремнезем (SiO_2), представленный кварцем и кристаболитом. Примесные компоненты, относящиеся к полевым шпатам (плагиоклаз и калиевый полевой шпат), присутствуют в очень малом количестве или даже отсутствуют. Таким образом, мягкие пробы, сложенные преимущественно кремнеземом, по всей видимости, были изготовлены из естественной породы – диатомита или трепела (А.Я. Мазина, А.В. Соколов 30. 10. 2013 г.).

Следы черной массы на тыльной стороне, как показали выполненные исследования, – это следы мастики из черного углеродсодержащего пигмента, кварца и гипса, дигидрата и ангидрида (рис. 16). В качестве связующего использована композиция из термически обработанных природных смол, идентифицировать которые не удалось, ввиду их деградации, как термической, так и возрастной (Киреева, 2014. С. 224–225).

Реставрация фрагмента мозаичной стенки ларца-дарохранительницы (инв. № 16-1)

Расчистка и укрепление лицевой поверхности мозаики.

Подбор и вклейка разрозненных мозаичных вставок

Размеры сохранившегося фрагмента стенки дарохранительницы – ширина 73 см, высота – 37 см. В самом начале работы, фрагмент, находящийся в ящике с невысокими краями, был условно разделен на четыре части сеткой из натянутых нитей, зафиксированными на рейках по краям ящика (рис. 17, 18). Это было сделано для фиксации первоначального местоположения мелких фрагментов мозаики, находящихся в разрозненном состоянии. Затем, поверхность была расчищена от хаотично разбросанных кусков штукатурного грунта: поднятые с поверхности каждого квадрата разрозненные



Рис. 17. Общий вид фрагмента № 16-1 из гробницы 3230 до реставрации. Начало работы с фрагментом.



Рис. 18. В процессе расчистки поверхности фрагмента № 16-1.

отдельные кусочки мозаики и комки лесса с мозаичными фрагментами были промаркированы и уложены в отдельные поддоны, соответствующие своему квадрату. Это очень облегчило дальнейшую работу по раскрытию, подбору и монтированию элементов декора на свое место.

Затем мозаика была осторожно очищена от поверхностных наслоений из лесса и песка. По мере раскрытия от лесса и песка участков мозаики и фрагментов полихромных росписей с распыленным красочным слоем, сразу же укреплялась растворами БМК-5, что дало возможность максимально сохранить полихромные росписи (рис. 19, 20).

По мере раскрытия мозаики, с ее лицевой поверхности были удалены фрагменты фаланг пальцев, прикрепленных к профилактической заклеяке в процессе полевой консервации. Мозаика в этих местах была частично разрушена: мозаичные кусочки



Рис. 19. Укрепление деструктированного грунта мозаичной основы фрагмента № 16-1.

сдвинуты, грунт разбит и деформирован, под некоторыми фрагментами костей – утрачен мозаичный орнамент. Предварительно очищенные от лесса и песка поверхности вокруг этих участков были укреплены р-рами БМК-5, затем, профзаклейка под костями размягчалась ацетоном, и кости удалялись. Небольшие разрозненные фрагменты мозаики на лессовом грунте, предварительно снятые с поверхности, обрабатывались отдельно. Они были расчищены и укреплены. Тыльная поверхность таких фрагментов была дополнительно зафиксирована профилактической заклежкой (рис. 21, 22).

Во время раскрытия лицевой поверхности мозаики от лессовых наслоений было отмечено, что многие мозаичные вставки плохо держались в своих гнездах и поэтому, в процессе консервации, они были подклеены к основе 10% р-ром БМК-5 (в ацетоне).

Укрепление красочного слоя полихромного декора.

Выравнивание деформированной поверхности основы фрагмента

В процессе реставрации, тогда, когда уже была раскрыта вся поверхность мозаики, раскрыт и укреплен красочный слой, стало очевидным, что часть мозаики в центре фрагмента сильно деформирована и смещена. Центральная часть мозаики до реставрации представляла собой локальный участок (см. рис. 5), с выпавший из штукатурного основания куском и затем, при полевой консервации, зафиксированный профилактической заклежкой к основному блоку. В процессе



Рис. 22. Подклейка тессер к предварительно укрепленной основе.



Рис. 23. Центральная часть фрагмента № 16-1 в процессе консервации.

расчистки и укрепления фрагмента, выпавший кусок штукатурки был отделен от фрагмента и обработан отдельно (рис. 23).

Для восстановления точной композиции рисунка орнамента в этом месте предварительно была сделана прорисовка сохранившегося орнамента и на его основе составлена схема реконструкции всей стенки ларца-дохранительницы (рис. 24, 24а). После этого, марлевая профзаклейка фрагмента была подрезана в нескольких местах, и фрагмент, согласно схеме-реконструкции, был установлен на место и зафиксирован на новую марлевую профилактическую заклежку (рис. 25–27).

В процессе расчистки мозаики от лессовых наслоений, участки грунта с полихромной росписью укреплялись небольшими фрагментами по мере их открытия. Укрепление проводилось 2,5% р-ром БМК-5 (в ИПС+Ус). В тех местах, где красочный слой был сильно



Рис. 24. Схема-реконструкция рапорта центральной части фрагмента.

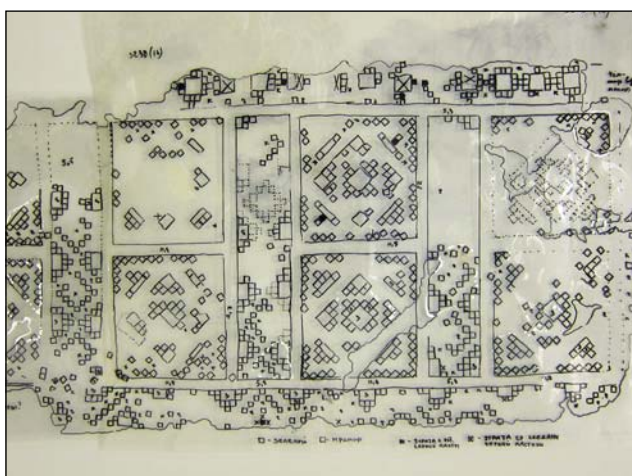


Рис. 24а. Прорись сохранившегося орнамента фрагмента.



Рис. 25. Схема-реконструкция орнаментального декора.

распылен, укрепление его проводилось вместе со слоем лесса на его поверхности. Только затем проводилась дорасчистка. Таким образом, удалось сохранить все фрагменты полихромной росписи декора (рис. 28, 29).



Рис. 27. Фрагмент центральной части стенки ларца установлен на место.



Рис. 28. Фрагмент центральной части стенки ларца из гробницы 3230 после восполнения утрат реставрационным грунтом.



Рис. 29. Общий вид фрагмента ларца-дарохранительницы из гробницы 3230 после расчистки от лессовых наслоений и укрепления красочного слоя и грунта.

Подбор и вклейка мозаичных вставок

В процессе расчистки мозаики от лессовых наслоений, с авторской поверхности были собраны разрозненные мозаичные модули, которые были систематизированы по



Рис. 30, 30а. Подбор разрозненных мозаичных вставок.

различным признакам: материал, размер и цвет (рис. 30, 30а).

После окончательной расчистки мозаичной поверхности и укрепления красочного слоя, основы и пустых гнезд, с утраченными модулями можно было приступить к подбору и вклейке разрозненных мозаичных вставок. Эта важная часть работы заняла много времени, но, тем не менее, индивидуальный подход к каждому кусочку мозаики был вполне оправдан после полученного результата. Совмещение этого индивидуального модуля только с «его» ячейкой, имеющей свое характерное углубление и индивидуальный размер, явилось важной частью реконструкции фрагмента древней мозаики.

В этой части работы также учитывалась последовательность расположения разных материалов и технологий в одном узоре мозаичного набора. На рис. 31 показано, как, казалось бы, утраченный кусочек вставки был обнаружен среди разрозненных тессер и затем нашел свое историческое место. На рис. 32 видно, что фрагменты одной тессе-

ры имеют разную сохранность. На вновь обретенном фрагменте еще сохранились следы зеленой глазури.

После подбора и вклейки отдельных элементов мозаики можно было приступить к следующему этапу – подведению реставрационного грунта в места утрат авторского. На этом этапе, реставрации фрагмент приобрел целостность. В качестве реставрационного грунта составлена композиция из (предварительно промытых) гонурского лесса и песка, замешанном на 7% р-ре ПВС.

Переконсервация тыльника фрагмента

Решение о переконсервации тыльника фрагмента № 16-1 были приняты по нескольким причинам. Во-первых, тыльная поверхность в процессе полевой консервации была укреплена вместе со случайными кусками лесса, которые налипли на авторский штукатурный грунт, который являлся основой и грунтом под мозаику. Во-вторых, нанесенная на тыльник марлевая профилактическая заклейка, местами не прилипла к тыльной поверхности мозаики, отставала от нее, создавая значительные трудности при расчистке и укреплении фрагмента

Переконсервация началась с предварительного укрепления лицевой поверхности мозаичной композиции марлевой профзаклейкой на модифицированном мучном клейстере (рис. 34). После высыхания заклейки, фрагмент был перевернут, и старая марлевая профзаклейка, выполненная еще в 2004 г. на Paraloid-72, была удалена с помощью ватно-марлевых компрессов, смоченных ацетоном



Рис. 33. Фрагмент стенки ларца-дарохранильницы из гробницы 3230 после подведения реставрационного грунта.



Рис. 34. Заклейка лицевой поверхности фрагмента марлевой профзаклейкой на модифицированном мучном клейстере.

(рис. 35). Избытки клея с тыльной поверхности также были удалены марлевыми тампонами, смоченными ацетоном. Одновременно, авторская поверхность кладки была освобождена от случайных комков глины, которые были закреплены на тыльной стороне мозаичной стенки профилактической заклежкой в процессе полевой консервации (рис. 36).

Чтобы сохранить авторскую поверхность тыльника фрагмента без изменений, было решено не покрывать ее слоями мастики, как этого требовала методика реставрации, а только восполнить реставрационным грунтом утраты сырцовый кладки – основы (мастика составлена из смеси промытого и просеянного гонурского песка и лесса, замешанного на 10% БМК-5 в ацетоне).

После дополнительного пропитки штукатурной основы р-рами БМК-5, на тыльную поверхность были наклеены два слоя мар-



Рис. 35. Отделение от тыльника фрагмента № 16-1 старой профилактической заклейки.



Рис. 36. Тыльная поверхность фрагмента № 16-1 укреплена двумя слоями марлевой профзаклейки.

левой профилактической заклейки на 10% БМК-5 в ацетоне.

Монтирование фрагмента № 16-1 на новое основание и доведение до экспозиционного вида

Т.к. сохранность стенок ларца-дарохранительницы фрагментарна, и конструкция этой находки не достаточно понятна, мы вынесли на Реставрационный совет нашу концепцию временного экспонирования трех сохранившихся фрагментов ларца-дарохранительницы на трех отдельных основах. Фрагмент № 16-1 из гробницы 3230 был смонтирован на пенопластовую плиту с помощью пенополиуритана. Поля пенопластовой пластины затонированы светлым гонурским лессом (рис. 37).

Если, в процессе изучения материала по мозаикам, мы сможем получить новые сведения и предложить конкретное решение этой конструкции дарохранительницы, то пенопластовая основа фрагментов может быть повторно использована в качестве новой конструкции. Для этого не потребуется перемонтирования уникальной мозаики.

Конструктивная схема изготовления мозаичных орнаментов ларца-дарохранительницы.

Конструктивная схема сборки ларца-дарохранительницы хорошо видна на фотографии, выполненной в поле в 2004 г. Можно предположить, что в качестве основы был использован деревянный каркас, переплетение реек которых составлял основной геометрический узор данной мозаики. Ширина реек – 13–15 мм. С тыльной стороны реставрируемого

фрагмента хорошо видно, что основа мозаики разделена на ровные блоки, составленные из треугольников и квадратов, разделенных по вертикали вытянутыми прямоугольными блоками. Сверху и снизу они обрамлены по всей длине прямоугольным горизонтальными блоками такой же ширины (см. рис. 2).

Деревянная обрешетка была основой и каркасом для известково-песчаного штукатурного раствора, из которого были составлены стенки ларца-дарохранительницы из гробницы 3230. Исследования показали, что подготовительный слой (штукатурка) – рыхлый, приготовлен на известковом вяжущем, карбонатизирован. В качестве наполнителя использован кварцевый песок с многочисленными включениями слюды, коричневатой охры и черного угольного пигмента (А.Я. Мазина, А.В. Соколов 12.07.2015 г.).

Деревянная основа обрешетки давно истлела, но остались следы в виде пустот – это отпечатки деревянных реек каркаса в штукатурке основе, заполненные песком (рис. 38).

Этот каркас являлся конструктивной основой ларца-дарохранительницы: громоздкую коробку внушительных размеров и основательного веса, или только стенки, приготовленные для монтирования, вряд ли можно было поднять и поставить на нужное место без внутреннего каркаса (по произведенным расчетам, размер одной из стенок, должен составить приблизительно 85×45 см). Конечно, такие предметы не предназначались для переноса и хранения вещей, а лишь только устанавливались на вечное хранение на предназначенное им место. Подобные ларцы, выполненные из таких «нетрадиционных» материалов, вероятно, имели значительный вес.

Для декорирования стенок ларца мозаикой и росписью, возможно, была выполнена предварительная разметка орнамента с помощью шаблона. Т.е. специально изготовленные шаблоны рисунка укладывались на еще влажную поверхность грунта и продавливались. Таким образом, на поверхность наносилась основная схема геометрического орнамента рисунка. Затем по рисунку в эту сетку клеивались мозаичные вставки.

Часть вставок (в основном, видимо, с зеленоватым слоем «глазури») в определенной композиционной последовательности клеи-



Рис. 38. Следы деревянных реек конструктивной основы.

валась на черную мастику (рис. 39), составленную из углеродсодержащего пигмента в смеси смол растительного происхождения (идентифицировать которые пока не представляется возможным). Выполненные анализы показали, что эта мастика термически обработана. Это может говорить о том, что для равномерного смешивания разных смол с пигментом, приготовление рабочей консистенции и придания ей пластических свойств, мастику требовалось прогреть (Киреева, 2014).

После того, как мозаичные модули были клеены, плоскости между мозаичными вставками идеально заглаживались, подготавливая таким образом поверхность под нанесение полихромных покрасок.

Полихромная роспись мозаичных композиций была выполнена в последнюю очередь, о чем свидетельствуют и некоторые тессеры, покрашенные по краям сверху. В качестве пигментов использованы красный минеральный железосодержащий и черный органический пигменты (А.Я. Мазина, А.В. Соколов 12.07.2015 г.).

Реставрационные материалы, использованные в нашей работе, обратимы, что отвечает основным принципиальным требованиям работы с уникальными артефактами.

Библиография

1. Киреева В.Н. Результаты технико-технологического исследования мозаичных вставок с Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 5. М., 2014. С. 224–225.
2. Писарева С.А. Результаты исследования состава материалов археологических образцов из раскопок на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 4. М., 2012. С. 192–196.
3. Юминов А.М. Мозаичные вставки из гробницы 3915 // ТрМАЭ. Т. 4. М., 2012. С. 189–191.

Реставрация бронзового котла из погр. 3900 на царском некрополе Гонура

Погребение 3900 было найдено и расчищено осенью 2009 г. к западу от «царской» гробницы 3220 (рис. 1). Венчик и часть боковой стенки бронзового котла были первыми предметами, появившимися в процессе расчистки котлована диаметром 6 м, а глубиной 3 м (Сарианиди, Дубова, 2010. С. 145). Изделие лежало на боку в северо-восточной части могильной ямы (рис. 2). Крупный круглодонный бронзовый сосуд имеет форму, близкую к шару диаметром в средней части 80 см. Общая высота котла – 91 см, максимальный диаметр в верхней части (у перегиба) – 100 см. Внутренний диаметр в середине составляет 74–75 см. Верхняя часть горла имеет диаметр 58–60 см. По мнению археологов, изделие было сброшено в могильную яму с ее краев (высота около 2,5 м) и, соответственно имеет сильную вмятину в боковой и придонной части. Устье его и венчик также погнуты. Подобного размера сосуды ранее не было обнаружены ни на одном из известных синхронных или близких по времени памятников, ни в данном регионе, ни в близлежащих. Сосуд весьма сходный по форме, но в два раза меньше описываемого, был найден в гробнице 3880



Рис. 1. Общий вид погребения 3900 на «царском некрополе» Гонура. Вид с востока. Сентябрь 2009 г.

(Сарианиди, Дубова, 2010. С. 160). Учитывая уникальность изделия, имеет смысл остановиться на процессе его закрепления и частичной реставрации. Данной теме и посвящен этот небольшой текст.

Сохранность металла сосуда в целом средняя. В верхней части, в области шва и несколько ниже его металл практически не сохранился. Он представлен в основном окислами. На основной части боковых поверхностей и в нижних части сосуда металл есть. На вмятине нижней части котла сохранность металла средняя.

Непосредственно на месте нахождения котла (в котловане 3900) он был очищен от грунта с помощью щетки и скальпеля. Таким же образом удалялись и активные соли. Расчищенные участки, по мере их освобождения, закреплялись специальным клеем – 10% раствором поливинилового спирта (ВЕКТОН).

После удаления твердого грунта с наружной стенки котла, было обнаружено, что все они (от дна до венчика) покрыты тонким слоем черного вещества, которые первоначально были приняты за копоть. Одна-



Рис. 2. Бронзовый котел в процессе расчистки в погр. 3900. Сентябрь 2009 г.

ко, анализы, проведенные археоботаником Л.В. Сатаевой в процессе расчистки данного погребения, показали, что они не являются копотью, а представляют собой остатки какого-то органического вещества. Как предполагают археологи, поскольку котел имел очень крупные размеры, поднять его с наполнением было весьма трудно. По всей видимости, использовавшиеся тогда методы изготовления ручек сосудов, особенно их креплений, вряд ли могли выдержать столь большой вес. Возможно, как полагает Л.В. Сатаева, имеющиеся на тулове котла черные следы вполне могут быть остатками кожаного мешка или чехла, в который сосуд помещался для переноски.

После прохождения стажировки в ГосНИИ реставрации МК РФ (г. Москва) в 2010 г. и благодаря помощи коллектива лаборатории по реставрации металла¹, работа по консервации уникального бронзового котла была продолжена. Котел, находившийся все еще на месте своего обнаружения в котловане № 3900, там, где это было возможно, был дополнительно очищен от активных окислов металла. Сразу же его стенки пропитывались 3% раствором бензотриазола в дистиллированной воде, а затем (для укрепления) обернуты одним слоем микалентной бумаги и дополнительно пропитаны 10% раствором поливинилового спирта (ВЕКТОН).

Когда все стенки снаружи были закреплены, была начата очистка внутренней части сосуда. Верхний слой, заполнявший горловину (толщиной до 10 см), оказался достаточно твердым. Это, скорее всего было результатом повышения влажности после соприкосновения грунта с современным воздухом. Ниже этого слоя сосуд, как ранее и весь котлован, был заполнен чистым материковым песком. Исследования показали, что никаких включений песок не имел, что является, кроме того, свидетельством, что котел был помещен в котлован, скорее всего пустым. По мере выемки грунта, внутренние поверхности стенок закреплялись тем же клеем ВЕКТОН, что и снару-

¹ Автор приносит самую сердечную благодарность всем сотрудникам лаборатории, и прежде всего, ведущему реставратору М.С. Шемаханской и зав. лабораторией М. Демидову за бесценные консультации и помощь в освоении методов работы с металлами.



Рис. 3. Бронзовый котел после его консервации на месте нахождения и выемки из погребения. Октябрь 2010 г.

жи. Поскольку металл нижней части сосуда имел хорошую сохранность, изнутри стенки были оклеены микалентной бумагой лишь в верхней части.

Весной 2012 г. было принято решение о выемке котла из котлована и сдаче его в Марьинский музей для хранения и проведения там дальнейших процедур по консервации и реставрации. С этой целью под дно сосуда был подложен кусок брезента, за наружные углы которого усилиями нескольких человек изделие было поднято на поверхность (рис. 3). На место оригинала в котлован был уложен муляж сосуда, изготовленный А.И. Нечвалодой (Нечвалода, Дубова, 2012).

Дальнейшая работа по реставрации проводилась в Марьинском музее. Помощь в работе оказывалась реставратором Музея М. Рзаковым. Слой микалентной бумаги, укреплявшей наружную часть котла с помощью клея



Рис. 4. М. Беглиев проводит предварительную очистку котла из погр. 3900 после его передачи в Марьинский музей. Справа, на боковой поверхности котла хорошо видны пятна черного цвета. Декабрь 2012 г.



Рис. 5. Очистка котла от микалентной бумаги.
Февраль 2013 г.

ВЕКТОН, убирался вручную путем смачивания его дистиллированной водой (рис. 4–6). Освободившиеся места закреплялись 10% раствором клея, а пустоты заполнялись воском («холодной сваркой»). Работа проводилась вручную и с помощью бормашины. После очистки от укреплявшего стенки слоя бумаги и закрепления всей поверхности котла воском, изделие было представлено в экспозиции музея (рис. 7).



Рис. 6. Последние этапы очистки котла.
На боковой поверхности видны утончения и перфорации.
Февраль 2013 г.



Рис. 7. Бронзовые котлы из погр. 3900 (крайний слева) и 3880 в экспозиции Марьинского музея.

Библиография

1. Нечвалода А.И., Дубова Н.А. Музеефицирование и муляжирование особо ценных предметов на Гонур Деде // ТрМАЭ. Т. 5. М.: Старый сад, 2012. С. 151–157.
2. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура. (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. СПб., Алетейя, 2010. С. 144–171.

Керамический сосуд с изображением «фасада храма»¹ с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-депе²

Осенью 2014 г. Маргианская археологическая экспедиция продолжила археологические исследования на памятнике эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане. Основные работы проводились на раскопе №12. Для изучения был выбран участок на юго-западе Северного Гонура за обводной стеной, расположенный к западу от помещения № 40, раскопанного в 2012 г. Раскоп размерами 6,5 x 5 м был ориентирован длинной осью по линии западной стены помещения № 40 (СВ–ЮЗ). Первый слой снятия был представлен плотной глиной (такыр), последующие – слоями золы с включением мелких угольков, кальцинированных костей и большим количеством битой керамической посуды. В раскопе было выявлено два помещения, обозначенные как № 53 и № 54 (рис. 1).

Помещение 53. Помещение имело четырехугольную форму, вытянуто по линии СВ–ЮВ, размеры 360 x 230 см. Комната пристроена с западной стороны к помещению № 40 и имеет с ним общую стену, сложенную, как и все остальные, из сырцового кирпича. В этой стене сделан проход шириной 60 см. В восточной стене также был сделан проход в смежное помещение № 54, шириной 100 см. Здесь же, в восточной стенке была оформлена трапезиевидная ниша (ширина 40 см, высота 35 см), углубленная в стену на 50 см. В северной стенке постройки оформлена открытая ниша

размерами 50 x 30 см. В северо-западном углу помещения на уровне пола устроено впускное погребение ребенка.

В юго-восточном углу помещения № 53 располагалась двухкамерная печь, состоящая из топки и духовки. Печь устроена на подиуме, на высоте 40 см от уровня пола помещения. Духовка имеет четырехугольную форму (78 x 105 см). Сверху поверхность духовки аккуратно облицована фрагментами крупного керамического сосуда (хума) и имеет небольшой уклон в северную сторону. Перед духовкой в северной части устроено углубление для выгребной формы (диаметр 70 см, глубина 20 см).

С восточной стороны от духовки располагалась камера-топка. Между топкой и духовкой, как обычно, имеется глиняная перегородка шириной 15–20 см. Топка имеет вид вытянутого желоба (ширина 40 см, длина 110 см, глубина 15–20 см). С северной стороны (в сторону помещения) камера открыта. Стенки, дно и пространство внутри топки сильно прокалины и имеют ярко-оранжевый цвет.

Аналогичные двухкамерные печи с выкладками из битой керамики найдены на Гонуре в большом числе. Особый интерес вызывает микрокомплекс, исследованный В.И. Сарианиди на раскопе № 8, между южным участком обводной стены и «Большим бассейном». Центральное место в этом комплексе строений занимал большой двор (помещение № 20). Пол помещения был покрыт толстым слоем глиняной обмазки. Здесь располагались три большие, приподнятые на невысокие платформы двухкамерные печи, вытянутые в одну линию и обращенные устьями к водоему. Духовка одной из них, как и в нашем случае, была аккуратно выложена фрагментами керамики (Сарианиди, 2008а. С. 140; Рис. 59, 150).

1 В англоязычной литературе для описания подобных изображений обычно используются термины «architectural motif» или «hut motif».

2 Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

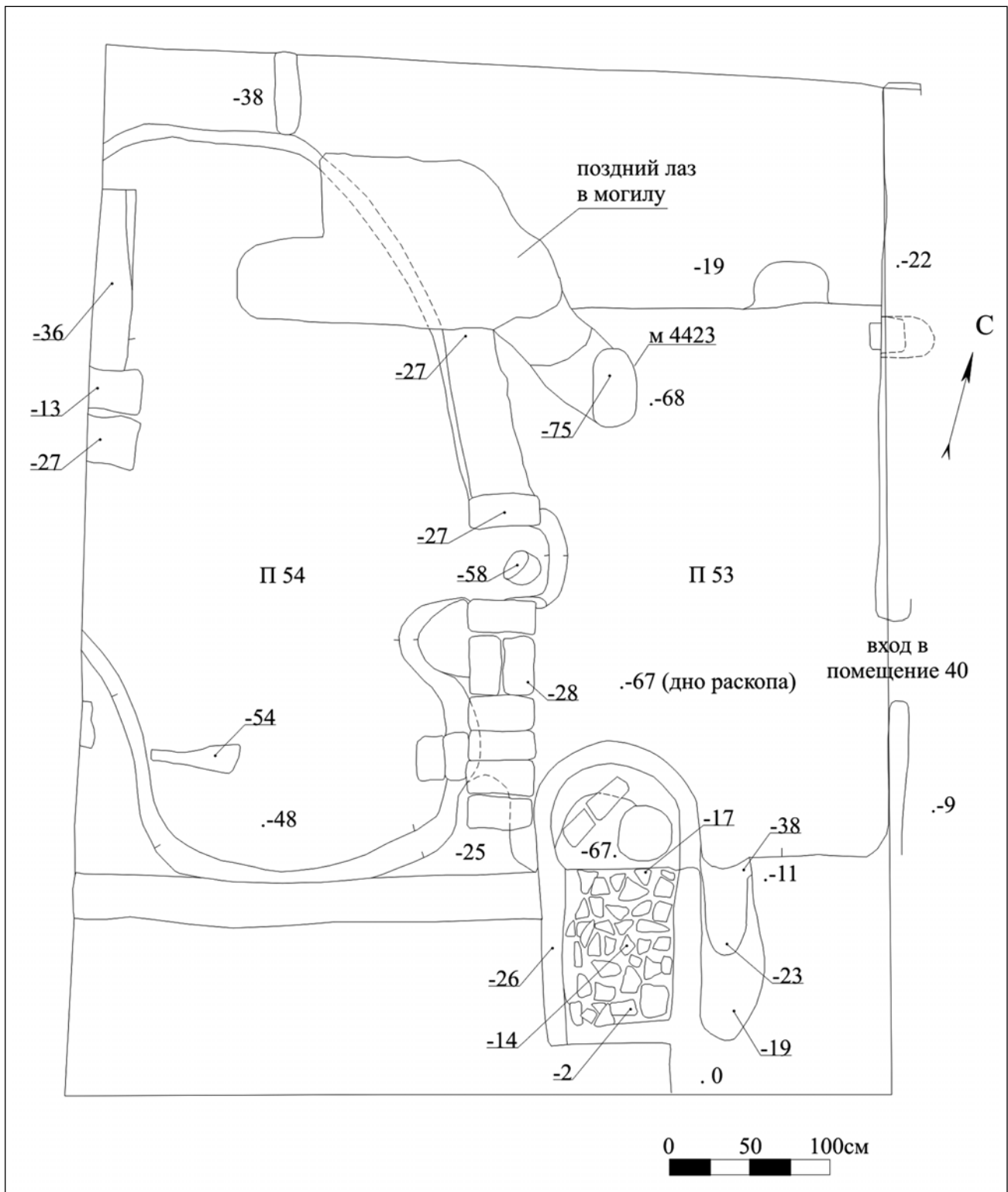


Рис. 1. Гонур-депе. План участка раскопа № 12, пом. 53, 54.

Ряд наблюдений позволил В.И. Сарияниди предположить неординарный характер этого помещения и связать его функционирование с отправлением культов, связанных с почитанием водной стихии (Сарияниди, 2008а. С. 141; 2008b. С. 13-14).

Помещение 54 подквадратной формы (320 x 360 см), располагалось к западу от помеще-

ния № 53 и имело с ним общую стену. Проход между помещениями 53 и 54 засыпан золой (мощность слоя 15 см), сверху на этот слой уложены кирпичи. Со стороны помещения № 54 на этом участке оформлена ниша шириной 50 см, высотой 30 см. Стенки ниши выступали вглубь помещения на 40 см и выложены сырцовым кирпичом. С северной стороны от

ниши в восточной стенке помещения сооружен небольшой обычный очаг размерами 55 х 45 см. Пол помещения № 54 имел глиняную обмазку мощностью 10 см. Под обмазкой зафиксирован слой золы (5–7 см), ниже — слой суглинка. В северо-западной части помещения в стенке раскопа фиксировались кирпичи, которые располагались на 15–20 см выше уровня пола на золистом слое заполнения.

Суммируя стратиграфические и планиграфические наблюдения, на исследованном участке можно выделить как минимум четыре фазы функционирования площадки.

I фаза – ранняя, до начала сооружения построек, представлена слоем золы и суглинка;

II фаза – связана со строительством помещения № 54;

III фаза – помещение перестало функционировать, было заброшено и засыпано золой и мусором;

IV фаза – связана со строительством поздней стены.

Таким образом, на данном участке раскопа 12 реконструируется два строительных горизонта.

Находки в исследованных помещениях немногочисленны, за исключением фрагментов керамической посуды. Первичная статистика по обнаруженной керамике сведена в табл. 1.

Как видно из табл. 1, в обоих помещениях абсолютно преобладает керамика, сделанная на гончарном круге. Судя по морфологии сохранившихся фрагментов дна, придонных частей и венчиков, набор керамических форм типичен для всего участка памятника. Аналогичная керамика встречена на разных участках Раскопа 12, как в помещениях, так и в качестве сопроводительного инвентаря в погребениях.

Остальные находки представлены керамическими «фишками-битами» и каменными орудиями: 2 отбойника (шаровидной формы и в виде куба), 3 фрагмента зернотерок, абразивы. Однако наибольший интерес представляют находки в помещении № 53 нескольких фрагментов керамических сосудов с нанесенными на них изображениями.

Фрагмент № 1 найден в небольшом углублении перед двухкамерной печью рядом с двумя упавшими кирпичами. Фрагмент представляет собой стенку довольно крупного сосуда (диаметр устья 20,5 см) с венчиком. Сосуд изготовлен на гончарном круге из ожелезненной глины (черепок в изломе имеет насыщенный красный цвет). Глина пластичная, без особых включений, в качестве естественных примесей можно отметить присутствие пылевидной желтой слюды. Внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом – тонким (не более 1 мм) слоем суспензии из нежелезненной глины. Рисунок был нанесен по красной основе, до обжига и нанесения ангоба. На внутренней поверхности сосуда присутствуют характерные следы деревянного инструмента, которым гончар моделировал форму емкости³.

На сосуде помещено изображение фасада «постройки», оформленное в виде прямоугольника с двумя вертикальными линиями с внутренних сторон. Верхняя часть имеет вогнутую, серповидную форму с двумя приостренными «шпилями» по краям (изображение одного из них не сохранилось). Справа от основного рисунка помещены 4 косые линии, выполненные в схожей технике. Однако их смысл не ясен из-за неполноты фрагмента (рис. 2).

3 Авторы выражают глубокую признательность А.И. Гуткову за проведенный им технологический анализ керамических фрагментов.

Таблица 1

Статистика керамических фрагментов, происходящих из пом. 53, 54 Раскопа 12 Гонур-депе

	Станковая		Лепная	
Помещение 53	стенки	457	стенки	119
	венчики	35	венчики	20
	придонная часть	27	придонная часть	23
Помещение 54	стенки	180	стенки	64
	венчики	65	венчики	9
	придонная часть	4	придонная часть	9



Рис. 2. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 53. Фрагменты сосуда с изображением «фасада храма».

Фрагмент №2 был найден в западной части помещения №53. Это – небольшой фрагмент стенки толстостенного сосуда, изготовленного на гончарном круге. Глина пластичная. Внешняя сторона сосуда покрыта тонким (до 1 мм) слоем ангоба из нежелезненной глины зеленовато-серого цвета. Сосуды, изготовленные из такой глины, встречаются как в помещениях, так и в погребениях раскопа 12. На фрагменте помещено изображение пиктограммы с геометрическим рисунком (рис. 3).

Фрагмент №3 найден в западной части помещения № 53. Это – довольно крупный фрагмент стенки сосуда, изготовленного ручным способом с применением лоскутной технологии. Исходное сырье представлено смесью глин: сильноожегленной пластичной и нежелезненной пластичной в соотношении



Рис. 3. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 53. Фрагмент сосуда с пиктограммой.

3:1. В формовочной массе присутствует естественная примесь пылевидного песка и искусственная примесь шамота в концентрации 1:3–1:4. Шамот трех видов: из сильно ожегленной глины, из ожегленной глины и из смеси ожегленной и не ожегленной глин. Присутствие в тесте шамота последнего типа может свидетельствовать об определенной степени преемственности керамических традиций (смесь глин в самом горшке и в шамоте). Сосуд изготовлен небрежно, с явными неровностями, характеризующими лоскутный налп. Внешняя поверхность заглажена мягким материалом.

На сосуде сохранился фрагмент рисунка, состоящего из одной горизонтальной и трех вертикальных линий, образующих подпрямоугольную фигуру. С известной долей вероятности можно предположить, что здесь воспроизведена нижняя часть рисунка, аналогичная изображению на фрагменте № 1.

Сосуды с прочерченными на них до обжига изображениями составляют на Гонуре значительную серию. Образы и сюжеты, представленные на них, различны: древовидные фигуры (В.И. Сарияниди сопоставлял их с идеей «Мирового древа»), растения, косые кресты, биконические и геометрические фигуры, изображения животных, человека и змей, сложные геометрические композиции (например, прямоугольная сетка, часть сегментов которой заполнена крестами, напоминающими игру в «крестики-нолики») и др. По мнению В.И. Сарияниди, большинство подобных сосудов являлись культовыми, на некоторых из них, кроме прочерченных изображений, венчики украшены наклепными фигурами животных (козлов, баранов, верблюдов), лягушек, змей, птиц, а иногда и людей (Сарияниди, 2008а. С. 285–287).

Стоит обратить внимание, что рисунки и знаки могли наноситься как на сосуды, изготовленные на гончарном круге, так и на домашнюю посуду, которая моделировалась вручную, иногда с небольшой подправкой на круге. При этом технология нанесения изображений в обоих случаях близка – прочерчивание по сырой глине до обжига. Представляется, что информативный потенциал этих материалов, как источника для реконструкции духовной жизни и мировоззрения насе-

ления Маргианы и Бактрии в эпоху бронзы, недооценен. Создание полного каталога, классификация всех известных на сегодняшний день изображений и знаков – одна из приоритетных задач, сформулированных для дальнейших исследований на Гонур-депе.

Вернемся к интересующему нас рисунку с «архитектурным мотивом» на фрагменте 1. Прямые аналогии подобным изображениям ранее были известны в материалах БМАК, как с территории собственно Маргианы, Бактрии, так и с ряда памятников Иранского плато и сопредельных регионов к западу и востоку от него. Речь идет главным образом о нескольких категориях каменных (стеатитовых и хлоритовых) изделий с характерными «архитектурными мотивами». Наиболее представительную серию составляют цилиндрические сосуды, плакетки с ручками в виде сумочки (так называемые «гири»), косметические шкатулки, каменные «идолы», косметические флаконы, а также миниатюрные флаконы-вазы с подставкой, представляющей собой модель здания (рис. 4).

Анализируя иконографию изображений на хлоритовых сосудах долины р. Халилруд в Джирофте, происходящих в основном из несанкционированных раскопок и хранящихся в частных коллекциях, иранские исследователи Х. Басафа и М.Х. Резаи выделяют семь групп сюжетов: сцены борьбы, анималистические мотивы, антропоморфные изображения, растительные мотивы, геометрические мотивы, мотив луга (посевов), архитектурные мотивы. Последние представлены в данной выборке примерно в 16% случаев (Basafa, Rezaei, 2014. P. 196–200, fig. 2).

Необходимо отметить, что сюжет этот, как правило, отражает определенный стереотип. Воспроизводится не конкретное здание, а своего рода образ постройки вообще. Изображения бывают двух типов. Первый – фасад постройки с двумя «шпилями», образующими вогнутую кровлю в виде полумесяца (как в нашем случае). При этом показаны двери, часто открытые. Встречаются ряды фасадов, разделенные колоннами. Второй тип изображений – ступенчатая пирамида, напоминающая постройку, похожую на месопотамский зиккурат. В некоторых случаях оба мотива могут сочетаться на одних и тех же предметах, об-

разуя ритмически организованные орнаментальные схемы.

При интерпретации данных сюжетов многие авторы признают ритуальный характер как самой изображаемой постройки, так и композиций, связанных с ней. Существование реальных прототипов подобных архитектурных форм подтверждается находками сходных по конструкции ритуальных сооружений на ряде памятников Ближнего Востока и Центральной Азии (Гале-Коочак, Мундигак, Алтын-депе) (Casal, 1961. Pl. XI–XV; Dumarcay, 1984. P. 47–66; Vallat, 2003. P. 92–97). Глиняные модели подобных «построек» найдены в погребениях некрополя «А» в Шахдаде (Nakemi, 1986. P. 45–49, fig. 7–11). Из могил в Шахдаде также происходят изображения-пиктограммы на керамике, выполненные в более упрощенной и грубой манере, но сохраняющие общую узнаваемую канву «архитектурного мотива» (Nakemi, 1986. Fig. 12–17). Аналогичные сюжеты в орнаментации керамики известны в Бампуре (Didier, 2007. P. 36, fig. 23; 3,4 и др.). По мнению Ю. Маджидзаде, сюжеты с акцентированным изображением фасада храма с дверью или дверным проемом на различных предметах могли быть связаны с обрядами инициации, а если говорить шире – с комплексом ритуалов «перехода» человека из одного состояния в другое, как в социальном, так и в физическом плане (Majidzade, 2003. P. 30).

Возвращаясь к изделиям из хлорита и стеатита, необходимо сказать, что они имеют очень широкое распространение – Месопотамия, Сузиана, долина Инда, Бактрия и Маргиана, южная и северная часть Персидского залива, побережье Арабского моря. Однако, по мнению некоторых исследователей, важным центром по производству таких изделий во второй половине III тыс. до н.э. могла являться провинция Керман в юго-восточном Иране. Здесь они в большом количестве найдены в Тепе-Яхья и Шахдаде. Неподалеку от Тепе-Яхья К. Ламберг-Карловским были обнаружены древние выработки по добыче стеатита и хлорита. На самом памятнике исследованы также мастерские по обработке камня (Lamberg-Karlovsky, 1970. Fig. 25, 26; Сариниди, 1990. С. 65; Kohl, 2001. P. 211, fig. 9.1). Все это позволило предположить, что Керман



Рис. 4. Хлоритовые и стеатитовые изделия с «архитектурными мотивами» из разных памятников: 1 – цилиндрический сосуд, Саар, Бахрейн (по: Muscarella, 2003); 2 – цилиндрический сосуд, долина Халилруд, Джирофт (по: Madjidzade, 2003); 3 – фрагмент плакетки из Тепе-Яхья (по: Nakemi, 1997), 4 – незавершенная плакетка в виде сумочки, Шахдад, некрополь «А» (по: Nakemi, 1997); 5 – шкатулка из Шахдада, некрополь «А» (по: Nakemi, 1997); 6 – каменный косметический флакон на подставке в виде модели постройки из Шахдада, некрополь «А» (по: Nakemi, 1997).

был одним из основных центров Ближнего Востока по добыче мягких пород камня и производству изделий из хлорита и стеатита, которые могли являться одним из объектов престижного импорта в другие регионы, включая Месопотамию (Накеми, 1997. Р. 11–40). При этом, по мнению автора, особое сходство обнаруживается между сосудами, происходящими из двух регионов – Кермана и Бактрии (Накеми, 1997. Р. 11).

На Гонур-депе изделия из стеатита представлены сосудами разных форм, косметическими флаконами, биконическими бусами и пряслицами. Использовался этот камень и при изготовлении весьма характерных для БМАК составных статуэток и печатей-амулетов. Большая часть рассматриваемых изделий (за исключением пряслиц и бус) происходит из материалов некрополей. В.И. Сарияниди уже в ранних работах, посвященных БМАК, указывал на особое сходство маргианских стеатитовых сосудов с аналогичными изделиями из Тепе-Яхья и Шахдада. Близость прослеживается в формах и, особенно, в стилистике резного орнамента. При этом Виктор Иванович считал, что вряд ли можно считать такие изделия прямым импортом из Керманского оазиса. По его мнению, наряду с крупными международными центрами типа Тепе-Яхья, могли существовать и независимые от них локальные, в том числе и в Маргиане (Сарияниди, 1990. С. 65–66).

Декор стеатитовых изделий, найденных в Маргиане, довольно разнообразен и представлен как орнаментальными схемами, так и композициями. Все они имеют аналогии в восточно-иранских материалах. Тем не менее, сюжеты, в основе которых лежит изображение фасада постройки или башни с кровлей в виде полумесяца, широко распространенные на памятниках Ближнего Востока, на стеатитовых сосудах Маргианы пока не встречены. Здесь, правда, хотелось бы обратить внимание на одну чрезвычайно интересную находку, сделанную не так давно на Гонуре. Речь идет о косметическом флаконе, найденном в верхнем слое раскопа 22 (Отчет о работах Маргианской археологической экспедиции..., 2013. С. 23–24). Стеатитовый косметический флакон декорирован «изображением гор» и тюльпана (довольно популярный сюжет в ис-

кусстве БМАК). Однако наибольший интерес представляет его форма, живо напоминающая «модели зданий», найденные в Кермане (рис. 5).

Кроме этого, необходимо упомянуть цилиндрическую печать, происходящую из женского погребения № 1393 некрополя Гонура. На ней помещена сложная сюжетная композиция, явно мифологического характера. Композиция разбита на два регистра: в верхнем изображены фантастические персонажи (птицы-андрокефалы, двуглавый человек, двуглавая змея). В нижнем регистре рядом с фигурой человека, сидящего на земле с подобранными под себя ногами, помещен стилизованный «архитектурный сюжет» или «фасад храма» (Сарияниди, 2001. С. 66–67, рис. 34; Sarianidi, 2007. Р. 106, fig. 181). Это пока единственные, хоть и не столь очевидные аналогии рассматриваемому изображению, происходящие непосредственно с Гонур-депе.

Таким образом, находка керамического сосуда с изображением «фасада храма» является еще одним подтверждением того, что население Маргианы было вовлечено в орбиту развития высоких цивилизаций Ближнего Востока. В.И. Сарияниди не раз писал о близости материальной и духовной культуры, исторических судеб БМАК с памятниками Восточного Ирана и Сиро-Анатолии (Сарияниди, 1990. С. 80–89 и др.). Здесь можно вспомнить о гипотезе, связывающей население БМАК с мархаши клинописных текстов, в то



Рис. 5. Гонур-депе. Раскоп 22. Стеатитовый косметический флакон в форме «модели здания».

время как Керман ассоциируется с Араттой или Симашки (Франкфор, 2006. С. 193–194; Francfort, Tremblay, 2010). Многочисленные находки на Гонуре изделий, сходных с таковыми из долины Инда и Элама позволяют говорить о БМАК как о стране, находившейся в центре, на перекрестке мировых торговых путей. Что касается гонурского керамического сосуда из помещения 53, он, очевидно, не мог являться предметом импорта. Помещенное на нем изображение в деталях повторяет ши-

роко распространенный на Ближнем Востоке сюжет, особенно часто встречающийся на стеатитовых изделиях из Восточного Ирана. В данном случае, это его местная, бактрийско-маргианская интерпретация, выполненная не в камне, а на керамике, в технике, типичной для Гонур-депе. Это еще одно свидетельство близости ритуально-мифологических представлений населения Маргианы, Бактрии и более южных территорий в конце III – нач. II тыс. до н.э.

Библиография

1. Отчет о работе Маргианской археологической экспедиции во время весеннего полевого сезона 2013 г. Архив Маргианской экспедиции.
2. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
3. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
4. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2008.
5. Сарияниди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 2 / Отв. ред. В.И. Сарияниди. М., 2008. С. 9-27.
6. Франкфор А.-П. Цивилизация Окса (БМАК) и местоположение Мархаши (2300 – 1800 до н.э.) // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции. 14-16 ноября. Мары, 2006. Ашхабад, 2006. С. 193–194.
7. Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / Eds. J. Aruz, R. Wallenfels. New Heaven; London: Yale University Press, 2003.
8. Basafa H., Rezaei M.H. A comparative study of chlorite vessels iconography discovered from Hellerud basin // Sociology and Anthropology. 2014. N 2(5). P. 196–200.
9. Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. Vol. II: Figures at planches. Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. Paris, 1961.
10. Didier A. Archéologie des confins indo-iraniens: Etude de la production céramique du Kech-Makran (Pakistan) dans la première moitié du III-em millénaire av. J.-C. Thèse de doctorat nouveau régime. T. II: Figures. Paris, 2007.
11. Dumarcay J. L'architecture de Mundigak // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T.73. 1984. P. 47–66.
12. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilization de l'Oxus. Iranica Antiqua. Vol. XLV. 2010.
13. Hakemi A. Les maquettes de Shahdad: modeles de batiments sacres du troisieme millenaire av. J.C.? // Fragmenta Historiae Elamicae. Recherché sur les civilization. Paris, 1986, p. 45–49.
14. Hakemi A. Kerman: the original place of production of chlorite stone object's in the 3rd Millennium BC. // East and West. Vol. 47. N 1–4. December, 1997. P. 11–41.
15. Kohl P.L. Reflection on the production of chlorite at Tepe Yahya: 25 years later // Excavations at Tepe Yahya, Iran: 1967–1975 / Ed. C.C. Lamberg-Karlovsky. Harvard, 2001. P. 209–228.
16. Lamberg-Karlovsky C.C. Excavations at Tepe-Yahya. Iran. Cambridge, 1970.
17. Madjidzade Y. Jiroft. The Earliest Oriental Civilization. Tehran, 2003.
18. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.
19. Vallat P.J. La Ziggurat // Dossiers de Archéologie. Jiroft fabuleuse découverte en Iran. (Complete issue on Jiroft with articles by archaeologists, coordinated by J. Perrot and Y. Madjidzadeh), October, 2003. P. 92–96.

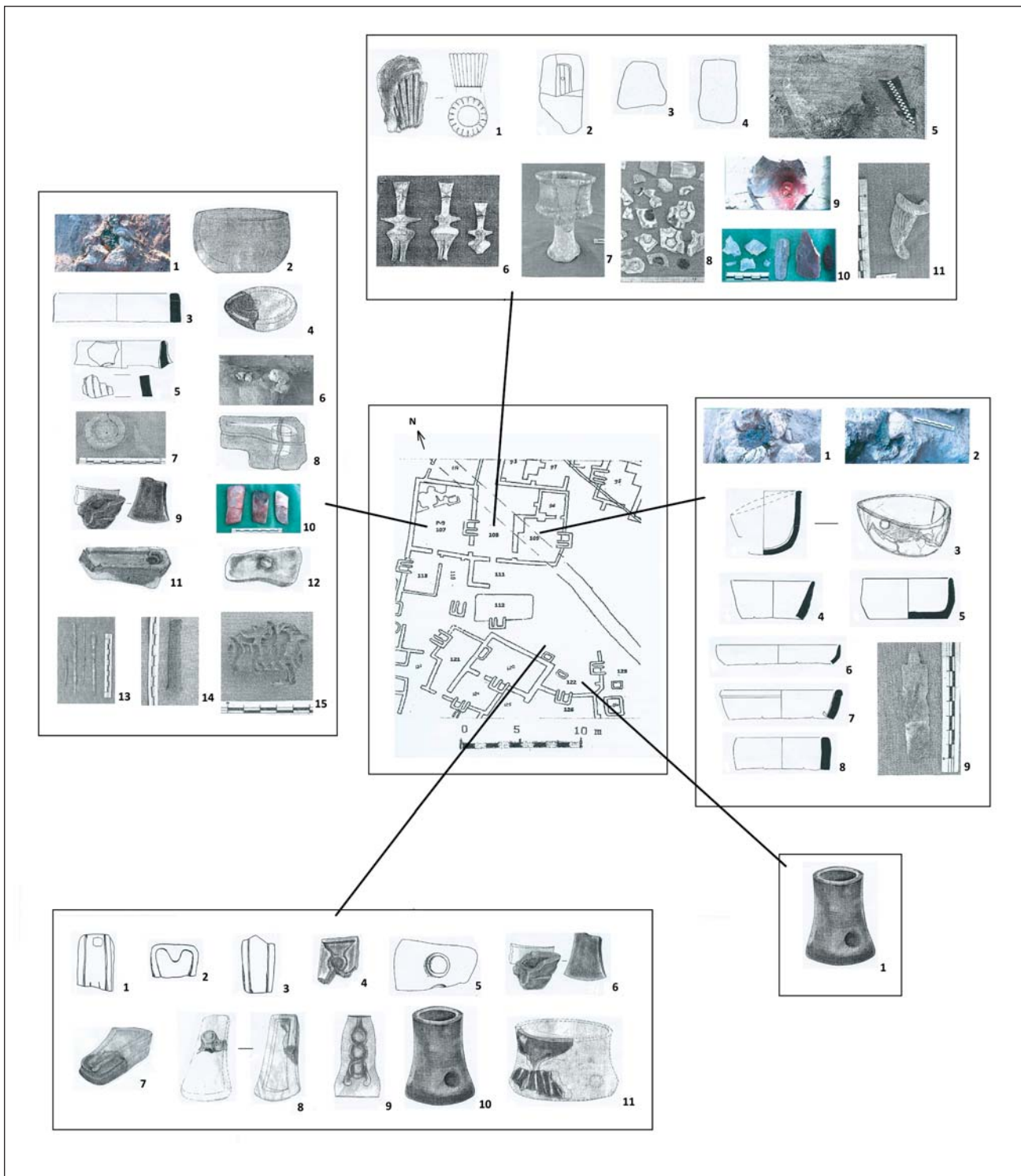


Рис. 2 к статье О.А. Папахристу.
План поздней мастерской и основные находки из помещений.

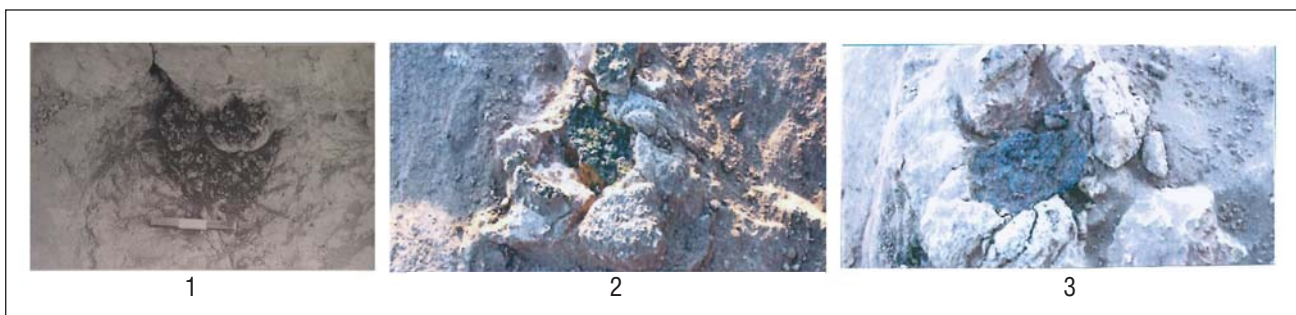


Рис. 6 к статье О.А. Папахристу.
Тигли из Шахдада и Гонур-депе. 1. Шахдад. Фотография тигля, вмантированного в пол, сделанная А. Хакеми в 1977 г. (Накеми, 1997. Р. 89, fig. 52); 2 – 3. Гонур-депе. Фотографии тиглей из пом. 109, сделанные в 2005 г. (Дубова, 2008. Рис. 8–9).

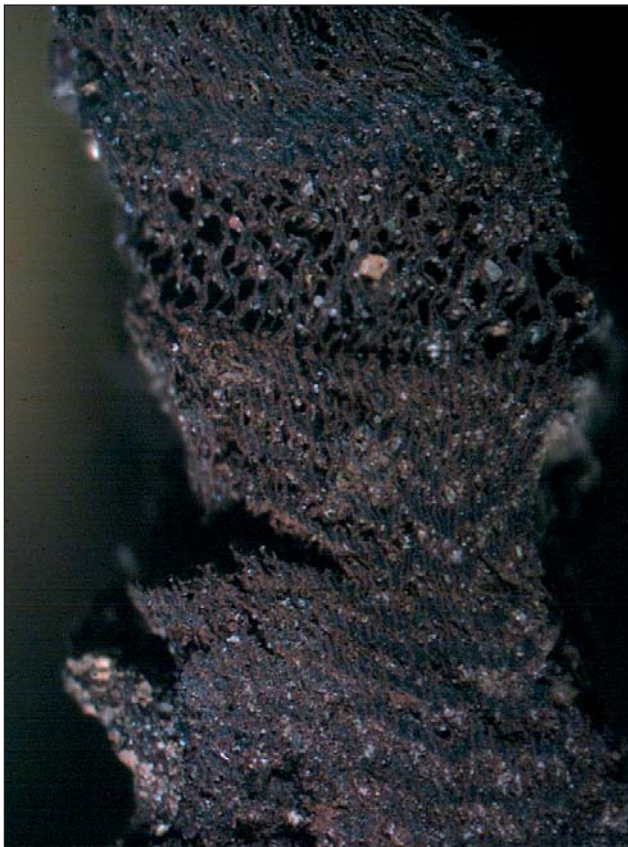


Рис. 6 к статье Л.В. Сатаевой. Микроскопическое строение древесины колеса из погребения 3900. (Увеличение $\times 16$, видна кольце-сосудистая структура, крупные сосуды ранней древесины, косо-тангенциальное строение поздней древесины).



Рис. 10 к статье Л.В. Сатаевой. Микроскопическое строение древесины из рукоятки от неясного предмета из погр. 4014 (Увеличение $\times 32$).



Рис. 8 к статье Л.В. Сатаевой. Микроскопическое строение древесины из тулейки бронзовой лопаты из погр. 3900. (Увеличение $\times 16$).

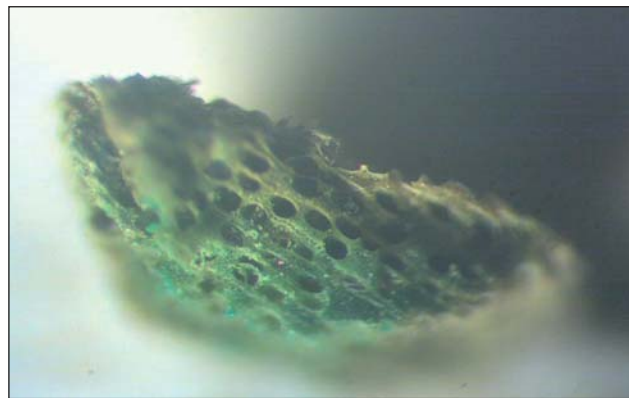


Рис. 11 к статье Л.В. Сатаевой. Микроскопическое строение древесины тумора из погр. 4014. (Увеличение $\times 32$).

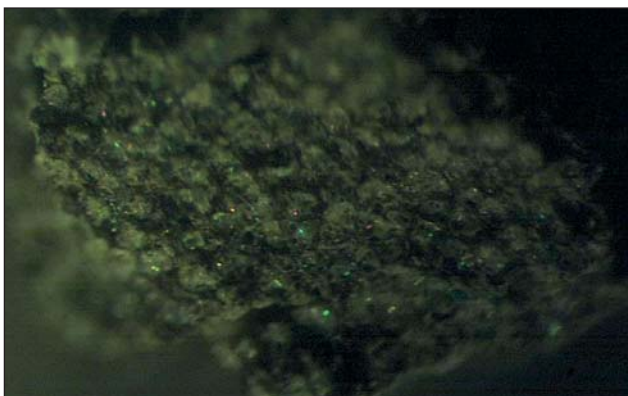


Рис. 9 к статье Л.В. Сатаевой. Микроскопическое строение древесины из бронзового четырех-зубого наконечника жезла из погр. 4014 (Увеличение $\times 32$).



Рис. 7 к статье Г.Э. Вересоцкой. Фрагмент декора ларца-дарохранильницы из гробницы 3230.

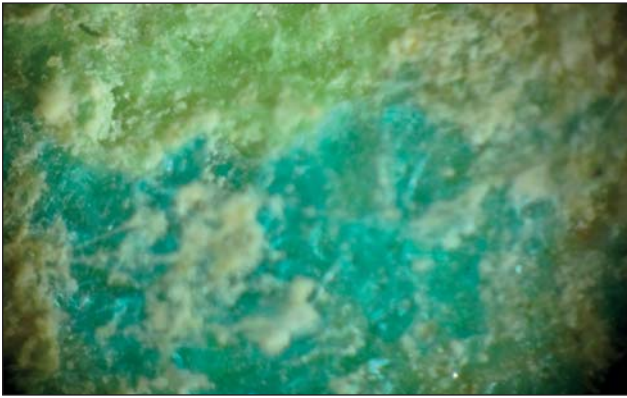


Рис. 8 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Глазурь на поверхности тессер от мозаики
из гробницы 3230 под микроскопом.



Рис. 21 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Общий вид фрагмента в процессе консервации.

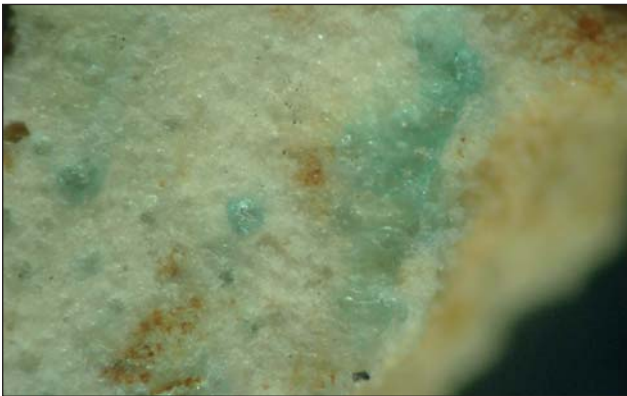


Рис. 15 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Образец № 3 тессер из гробницы 3230.
Глазурь под микроскопом.

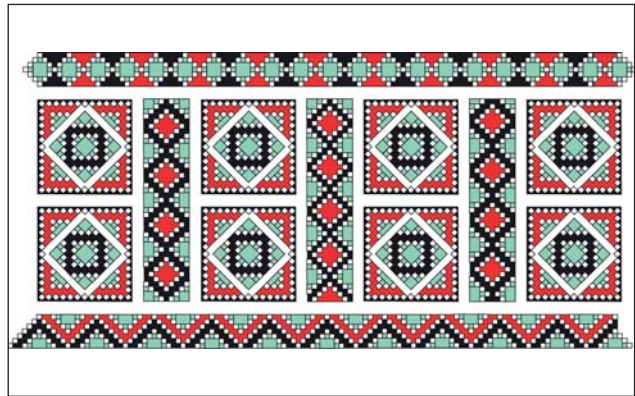


Рис. 26 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Цветная реконструкция орнаментального декора
фрагмента мозаики №16-1 из гробницы 3230.



Рис. 16 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Тессера из мягкого материала со следами глазури на
лицевой поверхности и остатками черной мастики на
тыльной стороне (Образец №3).



Рис. 20 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Фрагмент мозаики из гробницы 3230
до реставрации.

Рис. 31, 32 к статье Г.Э. Вересоцкой. Из разрозненных
тессер из гробницы 3230 подобран кусочек утраченной
мозаичной вставки для фрагмента № 16-1.



Рис. 37 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Стенка ларца-дарохранительницы после монтирования на новое основание.



Рис. 39 к статье Г.Э. Вересоцкой.
Черная мастика, на которую смонтированы центральные элементы мозаичных вставок.



Fig. 2 for the article by B. Lyonnet. Mentesh Tepe: Remains of the wooden cart (right), the two women skeletons, and the pottery vessels. Notice the partly excavated central pole between the wagon and the foot of the elder woman, and the impression of one of the wheels (above it on the picture).



Рис. 4 к статье С.П. Грушина и А.А. Тишкина.
Каменное изваяние чемурчешской культуры из офиса службы охраны культурного наследия г. Цинхэ (Китай).
Фото А.А. Тишкина.



Fig. 3 for the article by B. Lyonnet. Mentesh Tepe: Metal jewels from the Kurgan.



Рис. 5 к статье С.П. Грушина и А.А. Тишкина. Улаан худаг-I (по: Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012).



Рис. 9 к статье С.П. Грушина и А.А. Тишкина. Находки с территории Западной Монголии.
 1–3 – Улаан худаг-II, курган № 3; 4 – экспозиция музея в г. Ховде; 5 – Улаан худаг-I, курган № 12; 6 – Халзан узуур-II, курган № 2; 7 – Шарсум-I. 1, 3 – кость, 2 – свинец, 4–5, 7 – камень, 6 – керамика.



Fig. 6 for the article by M. Codebo & H.de Santis.
The settlement of Lothal (A acropolis; B warehouse block;
C water basin; D Lower Town)
(photo by Archaeological Survey of India).



Fig. 3 for the article by A. Benoit.
Axe with flared blade and scene of predation in a mountain
landscape on the heel of the socket, repeated on each side.
Detail view of the first side.



Рис. 1 к статье Н.М. Виноградовой и С. Бобомуллоева.
Могильник Фархор.
Общий вид погр. 19.



Рис. 2 к статье Н.М. Виноградовой и С. Бобомуллоева.
Могильник Фархор.
Каменный светильник из погр. 19.



Рис. 3 к статье Н.М. Виноградовой и С. Бобомуллоева.
Могильник Фархор. Погр. 19.
Каменные бусины, найденные около правой ноги.

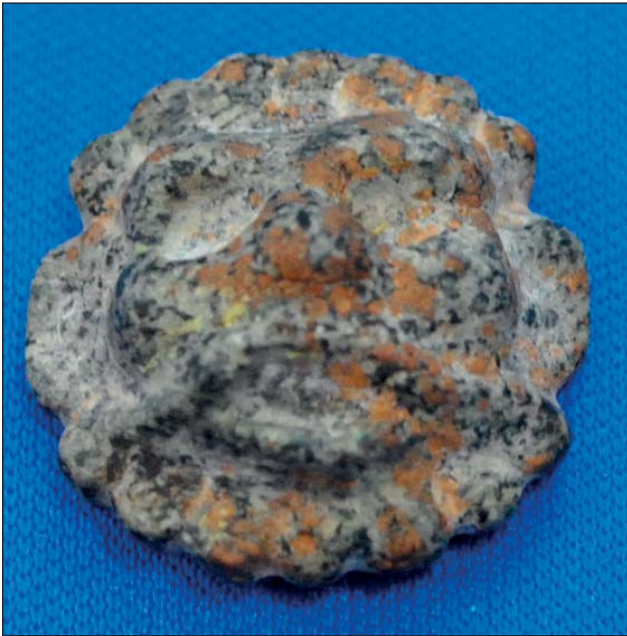


Fig. 2 for the article by S. Winkelmann.
Pin head from Gonur Depe with "Kersaspa-motif". National Museum Ashgabat. Photo by S. Winkelmann.



Fig. 3a for the article by S. Winkelmann.
Stone stamp seal from Afghanistan with motif of mask with wild hair and beard attacked by a snake From Linenthal collection. (Photos by Peter Linenthal).



Fig. 6 a,b for the article by S. Winkelmann.
Seal from Kovacs Collection.
(Photos by Rénee & Frank Kovacs).

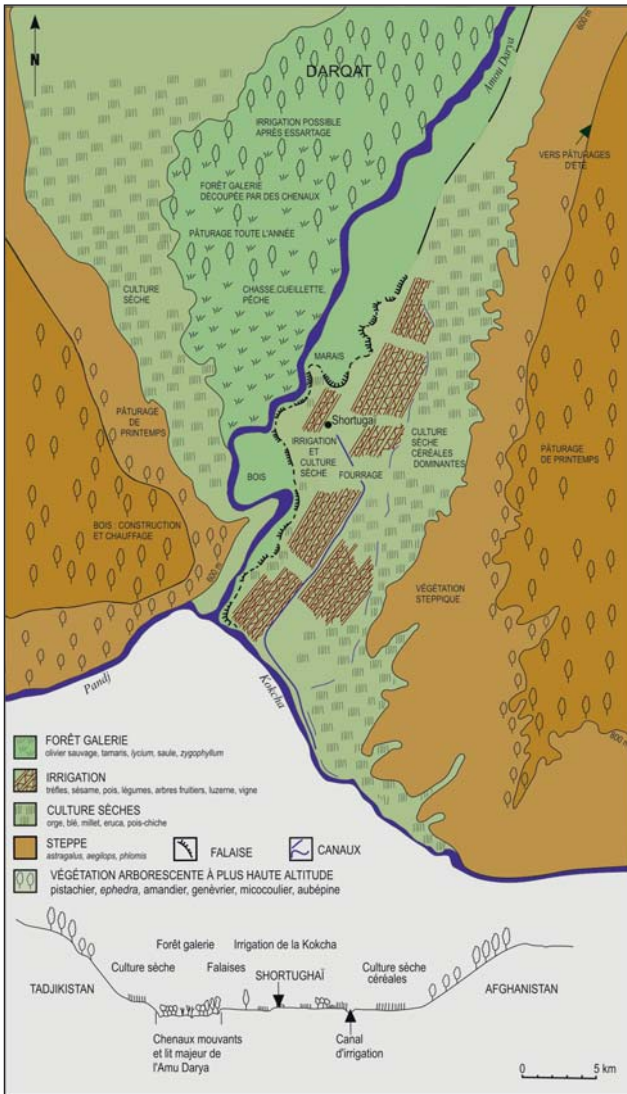


Fig. 2b for the article by H.-P. Francfort. Map of the environment of Shortughai.



Fig. 3b for the article by H.-P. Francfort. The snowy Hindu Kuch and the Kokcha bed seen from Ai Khanoum to southeast.

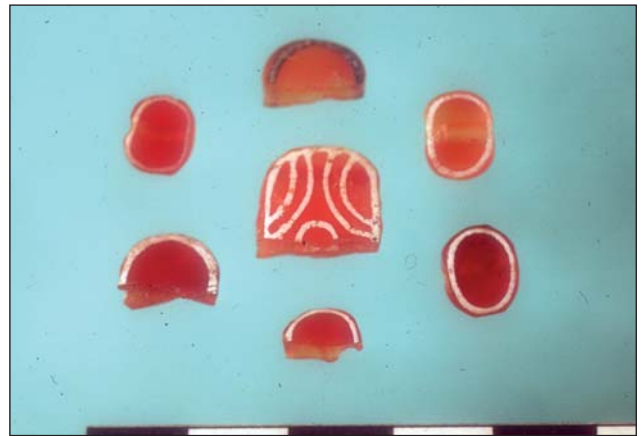


Fig. 31 for the article by H.-P. Francfort. Shortughai. Mound A. Etched carnelian beads of Indus manufacture. Period I (see: *Shortughai*, pl. XXXVI, 2).



Fig. 35 for the article by H.-P. Francfort. Shortughai. Gold objects including beads. Minute fragments have been collected too, indicating, along with the crucible and small rests, the work of goldsmiths on the site. Period I-II (see: *Shortughai*, P. 145-6, tab. 49-50; 207).

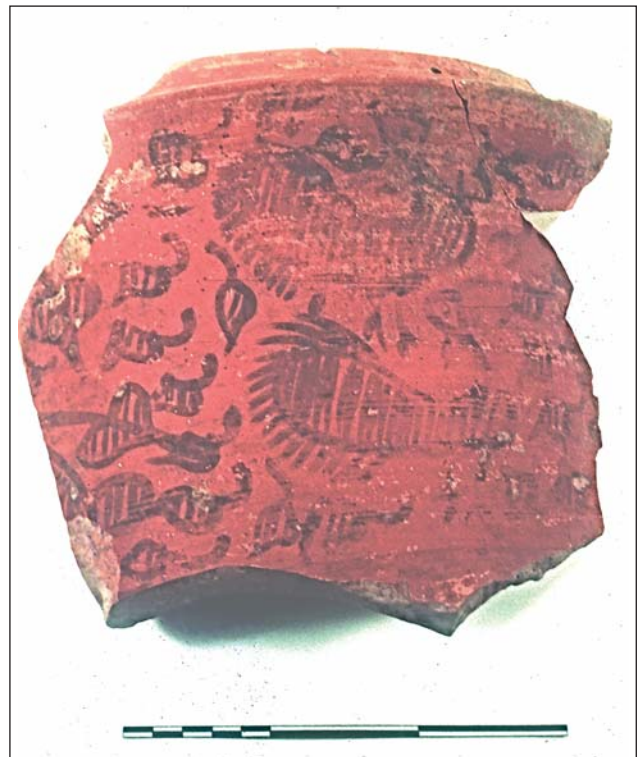


Fig. 6 for the article by H.-P. Francfort. Shortughai 1979. Indus painted pottery from mound A. Period I (see: *Shortughai*, pl. XXXIII, 1).

3

Страна Маргуш как перекресток культурных связей

В.И. Сарияниди

Новый взгляд на становление и пути развития древневосточной цивилизации

От редакционной коллегии. Ниже публикуется текст вступления к известной монографии В.И. Сарияниди «Древние земледельцы Афганистана» (1977. С. 3–6), написанной им на основе докторской диссертации. Здесь в сжатой, тезисной форме автором сформулировано несколько важнейших идей, в достоверности которых затем всю свою жизнь он старался убедить коллег. Почти все мысли были высказаны им в разных статьях еще в 1960-х годах, т.е. на десятилетие раньше. Поражает то, что исторических выводов, которые не принимаются исследователями, со временем остается все меньше. Мы размещаем это текст именно здесь, в третьей части мемориального издания, чтобы показать, как специалисты ныне подходят к решению близких вопросов.

Когда были открыты блестящие цивилизации Месопотамии и Египта, Ирана и Индии, представлялось, что именно этими древневосточными центрами и ограничивалась колыбель зарождения цивилизации Старого Света. В самом деле, многие десятилетия археологические раскопки в этих районах приносили все новые доказательства такому предположению, а сенсационные находки памятников древнего искусства, казалось, не оставляли никаких надежд на открытие столь высокой культуры в других областях в системе всего древневосточного мира.

Однако интенсивные археологические исследования послевоенного времени резко изменили наши представления о характере становления и путях развития древневосточной цивилизации.

Блестящие открытия англичан в Анатолии поразили научный мир. Почти фантастическим великолепием высочайшей культу-

туры, существовавшей здесь в VII—VI тыс. до н.э. Многогранное искусство Хаджилара и Чатал-Гуюка, начиная от настенных фресок и мелкой скульптуры до разнообразных украшений, еще долго будет являться темой углубленного исследования историков культуры, пытающихся под внешней формой вскрыть глубинные мифологические, эпические и религиозные представления людей, обитавших в Южной Анатолии в эпоху неолита и энеолита.

Не столь блестящие, но не менее сенсационные открытия были сделаны в эти же годы на крайнем юго-западе советской Средней Азии. Здесь, в Южном Туркменистане, на узкой кромке плодородных земель, зажатых с одной стороны скалистыми предгорьями Копет-Дага, а с другой — великой среднеазиатской пустыней Каракумы, складывается во многом самостоятельный древнеземледельческий центр.



Рис. 1. Прорисовка черно-красных фресок в помещении Песседжик-депе (по: Пилявский, 1974. С. 24).

Как установлено, уже в VI тыс. до н. э. плодородные оазисы предгорий Копет-Дага были усеяны неолитическими поселками джейтунской культуры. В ходе многолетних раскопок были определены основные признаки этой вновь открытой археологической культуры и намечено ее место в ряду синхронных культур в системе всего Древнего Востока.

Ярчайшую страницу в характеристику джейтунской культуры внесли выдающиеся открытия, сделанные археологом О.К. Бердыевым на поселении Пессиджик-депе. Как оказалось, здесь в пределах, видимо, столичного поселения находилось здание, резко отличающееся от остальных своими обширными размерами, а главное — наличием стенных полихромных фресок, включающих геометрические, зооморфные и антропоморфные изображения (рис 1). Это первое, но, безусловно, не единственное святилище, где стенные панно с охотничьими сценами живо напоминают тематически близкие сюжеты фресок Чатал-Гуюка, что выделяет Южную Туркмению в число немногих центров древнейшей культуры мирового значения

Лишь безвременная кончина О.К. Бердыева не позволила ему продолжить столь удачно начатые работы по открытию и исследованию памятников древнейшего искусства на территории СССР. О многогранности научного дарования могут свидетельствовать его плодотворные работы в составе Советско-Афганской археологической экспедиции. Наряду с чисто археологическими раскопками все свое свободное время он посвящал изучению быта и нравов туркмен, проживающих ныне в Северном Афганистане, результатом чего явилась написанная им историко-этнографическая монография «Девять месяцев в Афганистане»¹.

1 Эта книга, написанная на туркменском языке, к сожалению, так и не была издана и ныне хранится в семье О. Бердыева — Прим. ред.

Данью светлой памяти археолога О.К. Бердыева, столь много сделавшего в области изучения древностей Средней Азии и Афганистана, и является настоящая работа.

Джейтунская культура дала дальнейший толчок бурному развитию древних земледельцев Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы. Высказано вполне обоснованное мнение о существовании здесь особого южнотуркменистанского центра (Бердыев, 1976). Эта яркая и во многом самобытная «ананская» культура резко расширила ареал распространения древнейших земледельческо-скотоводческих племен далее в восточном направлении. Создавалось парадоксальное впечатление, что в то время как Иран, Туркменистан, индийский субконтинент все более втягивались в орбиту становления и развития раннеземледельческих культур, территория Афганистана оставалась в стороне от этого процесса. Было очевидно, что такое положение соответствовало не реальному положению вещей, а лишь отражало недостаточность наших знаний о начальных этапах становления древнеземледельческих культур этой части Юго-Западной Азии. В самом деле, лишь в 1922 г. правительство Афганистана впервые предоставило европейским археологам право на проведение раскопок на его территории. И уже эти первые полевые исследования французов на юге страны на поселении Нади-Али показали реальную перспективность поисков здесь древних цивилизаций, что позднее было подтверждено работами американских археологов. В результате этих исследований стало очевидным, что Южный Афганистан, по крайней мере, в IV тыс., входил в зону распространения древнеземледельческих культур, а возможно, здесь находился один из самостоятельных центров «культур расписной керамики».

И вместе с тем до самого последнего времени из процесса сложения раннеземледельче-

ских культур выпадал Северный Афганистан, где наиболее древние следы оседло-земледельческой культуры (да и то весьма скудные и отрывочные) относились к середине I тыс. до н.э. Однако благодаря работам совместной Советско-Афганской археологической экспедиции удалось установить, что уже во II тыс. до н.э. плодородные оазисы древней дельты р. Балх оказались густо заселенными древне-земледельческим населением, которое обнаруживает преимущественные историко-культурные связи не с югом страны, а с древним Хорасаном.

Стало очевидным, что расположенный в глубинах Азии Афганистан занимал промежуточное положение среди находящихся вокруг него оседло-земледельческих культур. Через его территорию проходили и скрещивались культурные линии связей, идущие в самых разных направлениях. В частности, древняя Бактрия являлась той территорией, где достаточно четко прослеживаются культурные веяния, идущие через Восточный и Центральный Иран вплоть до Луристана и в опосредованной форме — до Месопотамии. Эти параллели, порой еще отрывочные и аморфные, документируются монументальной архитектурой, металлическими изделиями (в том числе художественной бронзой), глиптикой Бактрии и дополняются явно импортными предметами месопотамского происхождения.

С другой стороны, хотя и в меньшей степени, но в той же Бактрии эпохи бронзы имеются косвенные данные, свидетельствующие о южных связях, идущих вплоть до городов харапской цивилизации долины Инда. Пока еще предполагаемые культурно-исторические связи прослеживаются в самой общей форме, и конкретный механизм их взаимодействия является делом будущих углубленных исследований. Вместе с тем их характер далеко выходит за рамки существования населения собственно Бактрии и составляет существенную страницу в истории племен Юго-Западной Азии во II тыс. до н.э.

Для примера остановимся на одном весьма существенном вопросе, связанном с начальным этапом распространения и сложения оседло-земледельческих племен Северного Афганистана. Можно считать доказанным, что материальная культура Бактрии и Мар-

гианы была единой (если не сказать идентичной), что и дает право выделить Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (рис. 2–5). Точно также можно утверждать, что появление его здесь шло с запада на восток, и что древний Хорасан являлся, если не центром происхождения, то той областью, через которую шла магистральная линия расселения.

С другой стороны, вполне определенные и характерные категории вещей, такие как бронзовые туалетные флаконы и булавки, топоры-тесла с выступающей втулкой, зеркала и металлические сосуды и в особенности печати особого «чанхударовского» типа практически в это же время, помимо Бактрии, появляются в постхарапской культуре Джукхар. Если добавить, что в долине Инда вместе с распространением этих категорий изделий по существу полностью исчезают антропоморфная пластика и печати собственно «харапского типа», то станет вполне осязаемой реальностью взаимосвязь этих явлений. В самом деле, при всей спорности происхождения культуры Джукхар отмеченные соответствия в изделиях бронзы и глиптики с Бактрией еще не дают права делать заключения об их прямой связи. Помимо северного пути проникновения подобных изделий, существовал, возможно, и южный. Доказательством этого могут служить хотя и скудные, но весьма показательные материалы Белуджистана (зеркало с антропоморфной ручкой) и в особенности инвентарь одной из могил в Мехи, почти полностью копирующий набор погребальных приношений Бактрии. Все еще слабая изученность памятников Южного Ирана препятствует более аргументированному доказательству существования наряду с северным, южного пути расселения, но оставляет вполне вероятным предположение об общем для них западном центре происхождения.

Важность поднятых проблем усиливается еще и тем, что рассматриваемые исторические события падают на середину II тыс. до н.э., время, с которым специалисты связывают расселение индоиранских племен. Нет никаких прямых данных, позволяющих связать эти события исключительно с Бактрией, но и нет оснований полностью исключать ее участие в

предполагаемых событиях. Косвенным свидетельством тому могут служить вылообразные бронзовые изделия Бактрии, находящие точные соответствия в майкопской культуре Кавказа и более пока нигде в системе Передней Азии неизвестные. Не на кавказский ли путь продвижения индоиранцев намекают эти фактические данные, тем более что длинные вилы Сиалка (аналогичные таким же из Бактрии) территориально занимают промежуточ-

ное место между этими двумя обширными регионами Передней Азии? (рис. 6)

С другой стороны, новейшие материалы этой древней страны не только решительно противоречат «среднеазиатскому пути» арийского продвижения, но и ставят проблему взаимоотношения степных и оседло-земледельческих племен на новую ступень их исследования. Не вдаваясь в детали всей проблемы в целом, отметим, что стоянки с керамикой

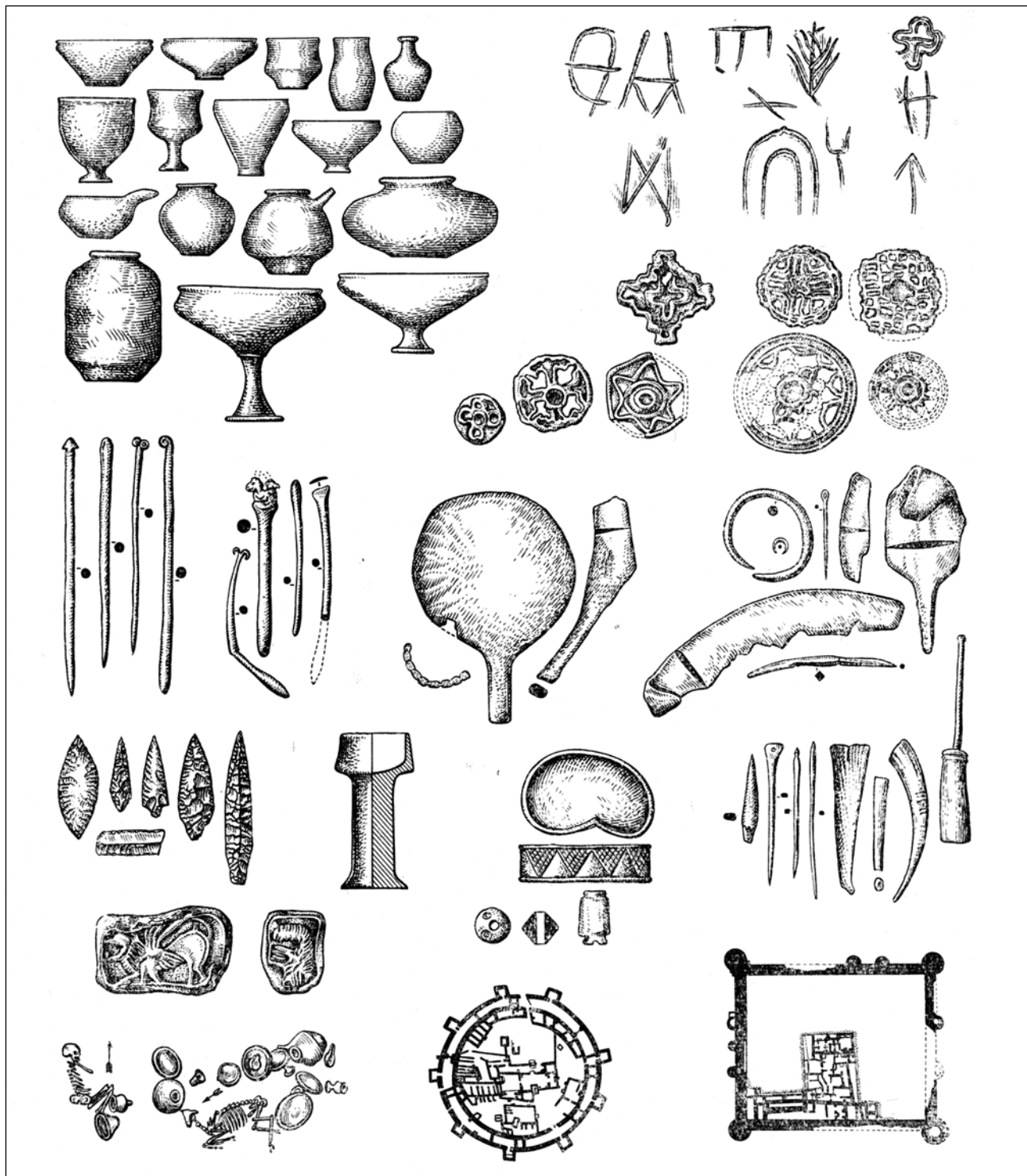


Рис. 2. Дашлинский археологический комплекс (по: Сарияниди, 1977. С. 140. Рис. 63)

андроновского типа известны теперь не только в непосредственном соседстве с земледельческими оазисами Маргианы, но и Бактрии, однако пока ничто не указывает на их повсеместное взаимное противоборство. И наоборот, так называемая «культура заман-баба» в низовьях р. Зеравшан может рассматриваться как продвижение «на север» (в поисках новых земель?) оседло-земледельческих племен Бактрии, которые, в конечном счете, оказались ас-

симилированными в среде местных степных племен. Очевидно, что и этот вопрос — объект будущих углубленных исследований, новый аспект старой проблемы взаимоотношения степных и земледельческих племен в середине — второй половине II тыс. до н.э.

Наконец, новейшие фактические данные выделяют Бактрию в один из немногих центров, где интеллектуальное развитие местного общества достигло чрезвычайно высокого для

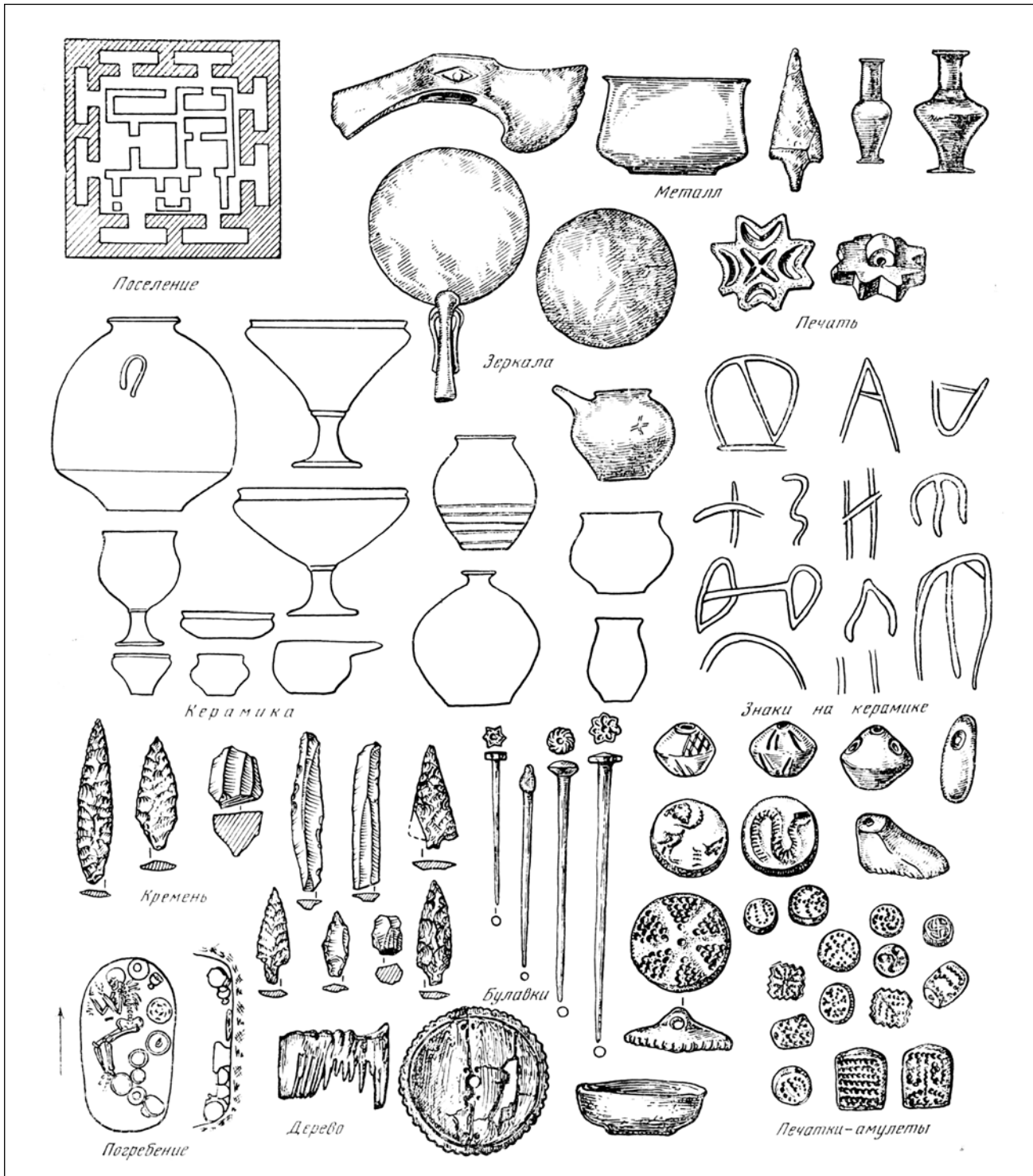


Рис. 3. Сапаллийский археологический комплекс (по: Сариниди, 1977. С. 141. Рис. 64)

своего времени развития. Для примера остановимся лишь на одной группе находок, глиптике, в особенности на каменных печатках-амулетах, гравированные рисунки которых в ряде случаев имеют тематическое значение. Уже предварительное рассмотрение показывает, что основная семантическая нагрузка их выражена в противопоставлении, в борьбе положительных (мирные животные, люди, птицы) и резко отрицательных (драконы, чуди-

ща) персонажей. Имеется много вариаций на эту основную идею, по существу отражающую борьбу добра и зла, тьмы и света, т.е. в конечном счете, ту этико-религиозную систему, которая получит свое законченное оформление в учении Зороастра. Нет никаких оснований с ненужной поспешностью возводить Бактрию в родину Зороастра, но есть все данные предполагать существование здесь развитых сложных мифологических воззрений, основанных

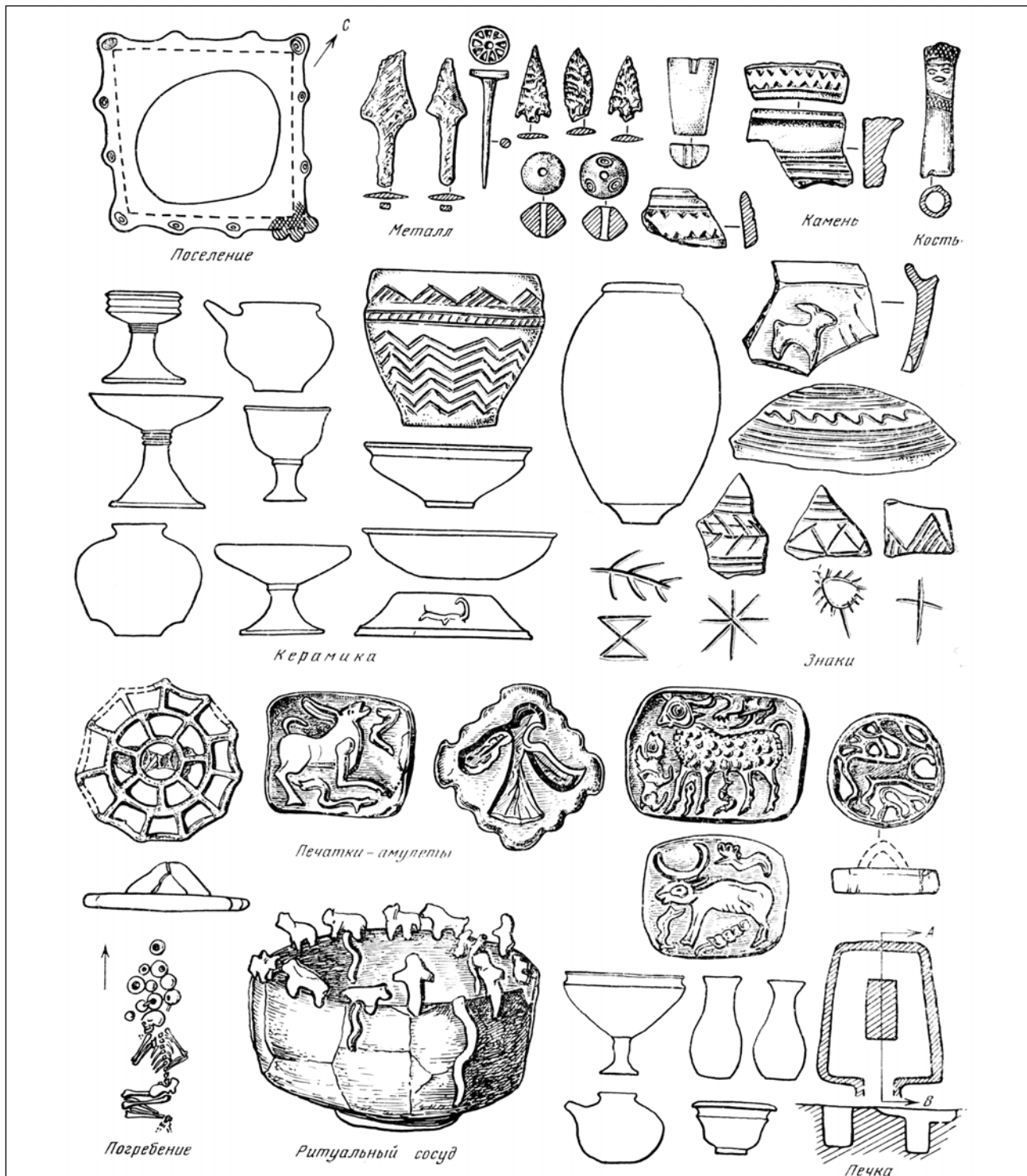


Рис. 4. Маргианский археологический комплекс (по: Сарияниди, 1977. С. 142. Рис. 65)

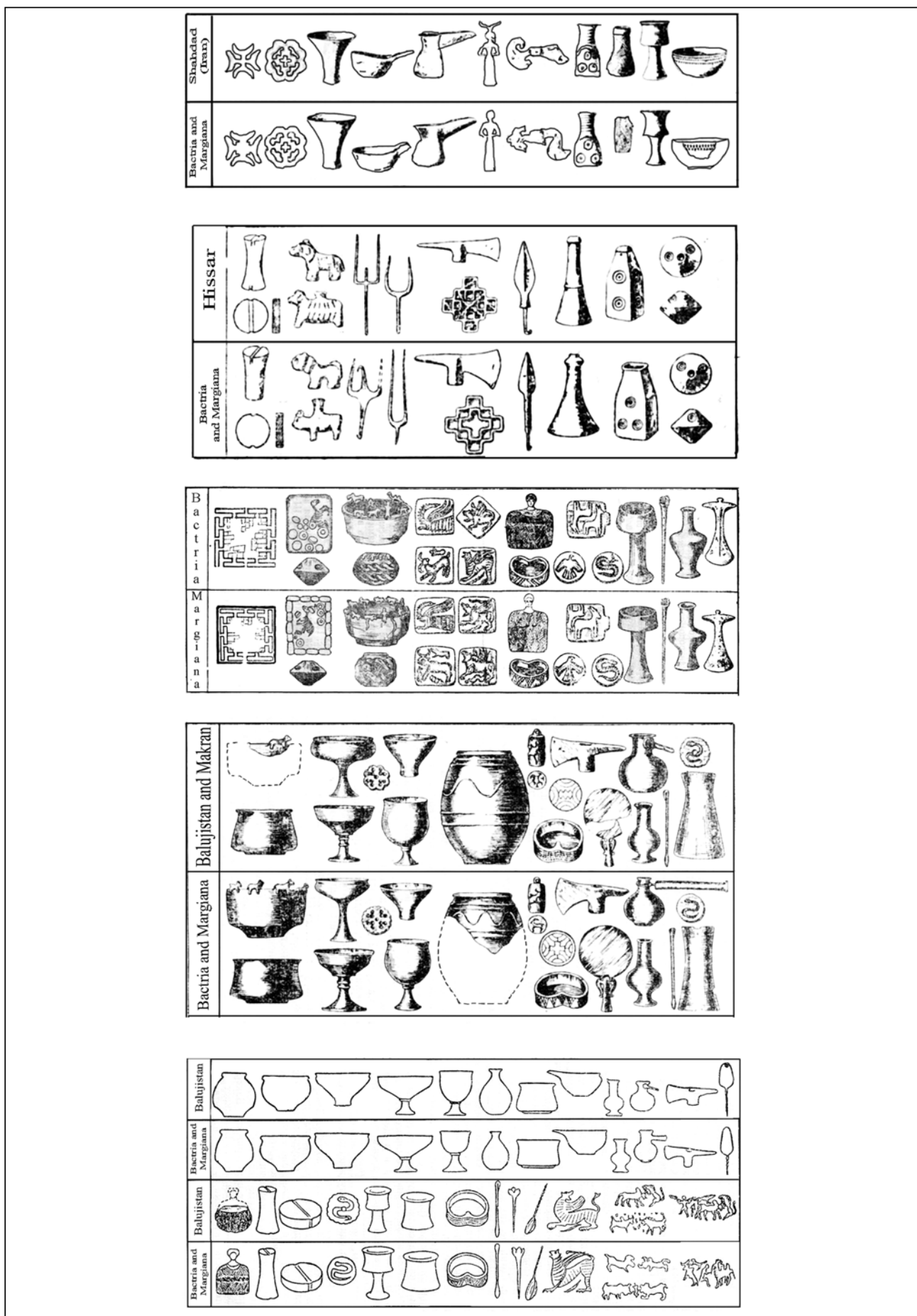


Рис. 5. Сравнительные таблицы Бактрии, Маргианы и Белуджистана с памятниками Шахдад и Тепе-Гиссар (сведено ред. по: Сариниди, 1990. С. 79, 81, 82, 86, 87).



Рис. 6. Вилообразный предмет из погр. № 12 на спутниковом к Гонур-депе памятнике Гонур-21. 2012 г.

на противоборстве положительного и отрицательного начал, что в переработанном виде могло затем войти в философскую концепцию основоположника новой религии. И, может быть, не случайно из той же Бактрии происходит металлический амулет с изображением (помимо дерева и птиц) верблюда и младенца (рис. 7), возможно отражая эпическую традицию, согласно которой проповедник новой религиозной системы в юности был погонщиком верблюдов, что как будто находит свое отражение в этимологии имени Зороастра.

Сказанного достаточно, чтобы оценить все значение новых прямых археологических фактов, полученных в ходе экспедиционных работ в Бактрии. Настоящая монография представляет собой не более как первичную обработку всего известного материала и по



Рис. 7. Оттиски лицевой и оборотной сторон амулета из разграбленной бактрийской могилы (по: Sarianidi, 1998. № 916).

существу является лишь началом будущих углубленных исследований на эту тему. Потребуется многие десятилетия и усилия многих специалистов, чтобы заглянуть в духовный мир бактрийцев, окутанный тьмой бесписьменной истории, но залогом будущих блестящих открытий уже сейчас являются богатейшие коллекции разнообразных памятников древнего искусства, в которых в зашифрованном виде отразились их сложные представления об окружающем и потустороннем мире. И уже сейчас можно утверждать со всей определенностью, что древнейшая Бактрия составляла не периферию, а самостоятельный, оригинальный центр древневосточного мира, являясь ареной многих исторических событий, захвативших Юго-Западную Азию во II—I тыс. до н. э.

Библиография

1. Бердыев О.К. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976.
2. Пилявский В.И. Памятники архитектуры Туркменистана. Л.: Стройиздат, 1974.
3. Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
4. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
5. Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998.

Неотправленное письмо или знаки страны Маргуш в степном пространстве Андрона

Археолог не может жить без мечты: найти нечто такое, харизматическое, которое поразит, захватит, увлечет и тайна мира ушедшего проявляется благодаря открытию и будет тебя нести на энергетической волне много, много лет. Каждый археолог мечтает об этом, но не каждому доступна эта дверь в магическое прошлое. Лишь некоторые становятся избранными, именно те, у которых оказывается ключ к этой двери. Они ее приоткрыли, и ушедшее время появилось в свете познания и заговорило языком предметов. Таких избранных археологов немного, и кажется, что звезды удачи им улыбаются, и времена раскрываются при помощи ключа в их руке. Избранным быть – нелегкая задача, колоссальный труд и, конечно же, необходима команда, которая составляет существенный элемент избранничества. Вот к такой бессмертной когорте избранных судьбой археологов принадлежит Виктор Иванович Сариниди.

Трижды событийность моей археологической жизни подарила встречу с Виктором Ивановичем. В 1980-е годы я участвовала в ВАСКе – Всесоюзной студенческой археологической конференции в Москве («васька» так мило прозвали этот научный форум студенты). «Васька» надо сказать весьма способствовала нашему археологическому формированию. Те, кто сегодня во многом определяют развитие отечественной археологии, вышли из «васьки». И вот перед нами выступал он, тот, кто открыл мистерию «золотого» холма Тиля Тепе.

Это было настоящее волшебство. На слайдах (никаких тогда «электронных носителей» не было) были представлены предметы удивительной красоты. Чудные вещи! До сих пор

помню, как мы восхищенно перешептывались друг с другом, и у всех была одна фраза: «вот бы найти такое!» Мечта об открытии витала в воздухе, великая археологическая мечта. Она воодушевляла, и ты, увлеченный ею, думал, что твое открытие впереди, и надо идти вперед, найти, и ключ от этой заветной двери окажется и в твоей руке. Неважно, в каких культурных слоях ты копаешься, в каких лесах, в каких степях или пустынях. Главное – это мечта, и суть не в золоте, а в том, что ты увидишь, откроешь и почувствуешь. С такими мыслями я покидала тогда аудиторию.

Позже в маленьком провинциальном казахстанском музее в Джезказгане именно мечта об открытии, которая родилась после той лекции, помогала мне во многих нелегких ситуациях. Тогда в продаже появился альбом с находками из «золотого» холма. Он был дорогой, и я не смогла его купить. Но почти каждый день я ходила в книжный магазин, чтобы листая его страницы, входить в мир бактрийского прошлого. Как я сожалела, что в любимой андроновской культуре нет этой роскоши торевтики, драгоценной россыпи бус... Минимализм Андрона сродни минимализму Малевича. Потом альбом купили, и походы в магазин стали редкими. Я осталась со своим Андроном и полевыми изысканиями один на один, без бактрийских изысков.

Вторая встреча состоялась в 1999 г. на Аркаиме. Памятник является одним из известных открытий 20-го века, которое сделали челябинские археологи во главе с Г.Б. Здановичем. То была знатная конференция «Комплексные общества Центральной Евразии». Собрание имен и светил международной археологии: аристократ лорд К. Ренфрю, вальжанный интеллектуал К. Ламберг-Карловский,

изящная умничка Катрин Линдуфф, Е.Е. Кузьмина с ее энциклопедическими познаниями... И среди них выделялся седовласый и углубленный в себя В.И. Сарияниди. Пожалуй, больше не будет такой конференции в степных полевых условиях. Это была новая энергия нового открытия. Артефакты урало-казахстанских степей «озвучивались» гимнами Ригведы и Авесты. Название памятника Гонур в долине реки Мургаб – пятой мировой цивилизации – у всех было на слуху. Наш степной Аркаим чем-то походил на него, и мы, представители уральской археологической школы, очень гордились этим открытием. Вот они – «круги цивилизации», брошенные на степную землю в виде укрепленного городища, подобно образу бактрийского Дашлы. И все ждали, что же скажет в своем докладе пришелец из страны Маргуш в страну Аркаим – В.И. Сарияниди.

Наука и есть наука. Почитание и величие ее. За научным характером Виктора Ивановича для нас открылись его замечательные человеческие черты. Теплый, дружелюбный с юмором, характер. Нас археологов среднего звена и возраста – Надежду Иванову, Ольгу Корочкову и меня – приставили к нему, помогать и ухаживать. Мы жили в одном домике. Он наградил нас прозвищем «три грации». Такое вот античное к нам было отношение. Сейчас мы уже далеко не «грации», а прозвище очень вспоминается. Так красиво нас больше никто и не называл. Он был очень прост в общении. Определения четкие, без комментариев. Сказано – значит так и есть. «Цыц, курицы – сказал он двум ученым дамам, которые обсуждали труд молодого ученого, и продолжил, – поддерживать надо оригинальные мысли, потом уже наука определит, верны они или нет, а не злословить». Да так сказал, что ученые дамы чуть с бревна, на котором сидели, не свалились.

Доклад его был из другого мира, который жил рядом с Хараппой и шумерами. А мы степняки так хотели, чтобы ветер далеких цивилизаций коснулся нашего степного ковыля и аркаимовского круга из суглинистых валов, разделенного радиусами стен жилых помещений. Для нас, степняков, Аркаим – это тетива времени, которая направила стрелу цивилизации в сторону Евразийской степи. После до-

клада, за чаем, Виктор Иванович сказал нам, «трем грациям»: «Только без обид, при всем степном величии Аркаима, его жители портянками утирались, а Гонур – это роскошь. Арийская роскошь». Эх, где уж нам простым степным странникам до этого маргианского, бактрийского совершенства... А ведь где-то знаки Гонура и Андрона (культур племен евразийской степи II тыс. до н. э.) пересекались! И капли гонурского величия пали на андроновскую почву.

О науке надо было говорить, а все наши разговоры уходили в сторону житейскую. Была установлена степень личностного доверия, и видимо, потому Виктор Иванович попросил меня найти камень гематит для украшения своей дочери Ирины. Это была просьба человека, который понимал суть времен, когда камень был частью магической энергии. Видимо, была какая-то тайна, связанная с гематитом. По народному поверью, этот камень (люди называют его кровавиком) – один из самых сильных талисманов защиты. Почти по А.С. Пушкину: «Храни меня, мой талисман!». Этой просьбой Виктор Иванович вовлек меня одним касанием в свой личный таинственный круг... Приехав в Караганду, я нашла мастера, и он сделал кабошон из гематита. Позже, во время поездки в Москву, при встрече у ст. метро Профсоюзная, я отдала его Ирине. Так была исполнена его жизненно-сакральная просьба.

Третья моя встреча с Виктором Ивановичем произошла в 2014 г., в Ашхабаде, на конференции по музееведению. Вернее, уже не с ним лично, а с раскопанным им наследием пятого центра древней цивилизации. Впрочем, увидеть эти находки, все равно, что встретиться с самим Сарияниди. Пока мне так и не удалось побывать на Гонуре. Последние пятнадцать лет я работала на раскопках своей Трои – памятниках Лисаковской округи эпохи бронзы (г. Лисаковск, Костанайская обл., Казахстан). Непознанное протозороастрийское присутствие в его находках. В своих «растрепанных портянках» андроновцы имели и свое яркое виденье мира, жившего параллельно с роскошью Гонура.

Смысл духовного и материального содержания этого пятого элемента земных цивилизаций стремился понять Виктор Иванович

и его замечательная команда. Искусство быть талантливым в археологии демонстрируют гонурские находки, их профессиональная реставрация. Это уже творческое наследие всей команды Сарияниди. И рассматривая великолепие гонурского предметного мира – верблюдов, идущих по серебряной поверхности кубка, составные фигурки с ухоженными руками, белизна которых подобна белизне рук принцесс, мозаичных орлов, готовых взлететь... – я вдруг осознала, что в степном пространстве Андрона дисперсно живет страна Маргуш. Арийское язычество, отраженное в андроновском язычестве.

Так вот родилось это неотправленное письмо мастеру, постигшему тайну древних мистерий, в котором отразились цитатами скромные андроновцы, «утиравшиеся портянками», но сохранившие свое благолепие, и жившие в своем язычестве. Жанр письма – свободный и не требует сносок, письменного оглядывания на фразы «великих». Он требует только энергии представления того, что тебя волнует как исследователя. Энергии символической значимости предмета. И потому можно легко пускаться в океан сравнений и аналогий. Впрочем, вот это неотправленное письмо.

Виктор Иванович! Хочу заверить Вас, что в пространство андроновской культуры «вклеилось» знаками великое маргианское. Мне это напоминает красивый ажур снежинок, который лег на спокойную плоскость оконного стекла. Знаки-интонации страны Маргуш, которые читаются в ритуальных текстах андроновцев. Вам было легко читать знаки жителей страны Маргуш. Такое впечатление, что Вы с ними разговаривали. Они знали Вас, доверяли Вам. Иначе, как Вы бы узнали, что эти руины принадлежали Дворцу песнопений. Наверное, его разрушенные стены, до сих пор хранят звуки гимнов Авесты. Кто знает, может, и андроновцы тоже знали эти строки. Мне кажется, что гимны Авесты вели Вас по раскопанным улочкам, по дворцовым переходам Гонура.

Так бывает у археологов:ходишь в пространство тех, кого раскапываешь – при этом никакой мистики – начинаешь жить их категориями. Повозки, золотые кубки, жреческие посохи даются именно тому, кто это все понимает и принимает. Кажется, что в этом

«нервном соревновании» (так вы обозначали постпогребальную ситуацию между грабителями и участниками похоронных процессий) – выиграла Вы и команда археологов, которая копала Гонур. Иначе бы сокровищница артефактов не открылась бы. Заветный ключ, оказался в Ваших руках.

Погребальные комплексы эпохи бронзы Лисаковской округи расположены весьма далеко от Гонура. Но какие-то вещевые знаки, интонации ритуальных текстов выразились в андроновском артефактном состоянии. Эти смысловые маргианские дисперсии тонкими нитями вплелись в культурную ткань степного пространства эпохи бронзы. Об этих гонурских интонациях, проявившихся на берегах реки Тобол, и хочу Вас известить.

Интонация первая. Сосуд-кубок. Эти редкие сосуды в виде кубка, которые появляются в сервизах саргаринско-бегазинского содержания степной бронзы в финале ее развития (X–VIII вв. до н.э.), считаются среднеазиатском изыском, подражанием-влиянием. Такая форма в бегазинском посудном сервизе – это выражение элитности. Изящные сосуды-кубки Свата и Маргианы стали примером для подражания в среде степных гончаров. Хочу Вам сообщить, что столь редкая форма приходит в формы сосудов степной бронзы гораздо раньше, чем в финале бронзы (рис. 1).

Кубковидный сосуд был найден в алакульском погребении на могильнике Лисаковский (конец XVIII–XVII вв. до н.э.). На всю коллекцию (а это около 400 сосудов) – он един-



Рис. 1. Могильник Лисаковский I. Кубковидный сосуд.

ственный. Красив этот сосуд и его сформированная ножка, прилепленная к днищу. Стоял он во рву элитного кургана, самого большого на могильном поле. Вот и думаю (простите мне эти мои фантазии, но, как известно они сердце греют и будоражат ум): почему у андроновских мастеров появилось желание делать такие кубки? Видимо, где-то в своих скитаниях-миграциях они подсмотрели эту форму и сделали сосуд-кубок из местной глины. Канон, стереотип культурных ценностей в изготовлении традиционных сосудов не позволил наладить массовую лепку таких ваз. Один раз подмеченная, увиденная интонация в форме сосуда, непохожая на привычные каждодневные формы степной керамики, была воплощена в одном единственном сосуде. То, что один раз поражает, захотелось повторить на местном материале и использовать в собственных ритуальных целях. Подобные сосуды-кубки предназначались, видимо, для кого-то редкого ритуала. Впрочем, также как и находки простой степной керамики на Гонуре несли свою информацию.

Еще тогда на Аркаиме Вы сказали, что есть совсем немного степных сосудов среди маргианской керамики и сосредотачиваются они в особых местах, а именно в культовых помещениях, где изготовлялся священный напиток арийцев – сома-хаома. В своей книге о стране Маргуш Вы развили эту идею. То есть, степная андроновская керамика, удостаивалась чести быть в знаковом, весьма значимом для маргушцев, пространстве. Священный и алкалоидный напиток сома изготовлялся из конопли и эфедры. Хочу заметить, что виды этих трав произрастают и на берегах Тобола. Может и андроновские кубковидные сосуды, столь редкие для степной керамики эпохи бронзы, и есть сосуды для этого культового напитка. Андроновцы были знакомы с процессом изготовления сомы-хаомы из местных растений. Отсюда и произошла эта «встреча» сосудов на перекрестках арийских миграций, знаки которых сохранились в кубковидной форме андроновской посуды и во фрагментах степной керамики в местах изготовления сомы-хаомы на Гонуре.

Интонация вторая. Морская раковина. В Гонуре присутствует «гламурный» ряд украшений. Он несравним с простым изяществом



Рис. 2. Могильник Лисаковский I.
Подвески из ископаемых раковин *Corbicula fluminalis*.

андроновских. Но есть одна деталь, которая объединяет ювелирные декоры маргианцев и андроновцев – это подвески из морских ракушек. Виктор Иванович, меня уже давно «пытает» вопрос: «Почему алакульские или андроновские женщины (одна из бывших «граций» Ольга Корочкова считает, что пленительность термина «андроновская культура» такова, что мы до сих пор его используем по отношению к алакульской и федоровской традициям степных культур эпохи бронзы II тыс. до н.э.) так любили себя украшать подвесками из ракушек?». Причем использовались ископаемые ракушки (*Corbicula fluminalis*) – моллюски, которые когда-то водились при впадении рек в моря (рис. 2). В условиях степной аридной зоны в эпоху бронзы взять эти раковины можно было только из древних известковых морских отложений родом из палеозоя. Алакульские дамы не мыслили свой костюм без украшений, которые символизировали морскую стихию. Причем нужно было еще, и найти местонахождение этого древнего ракушечного царства. Представляется мне, что андроновцы – это палеонтологи эпохи бронзы: когда-то миллионы лет назад на месте реки Тобол было древнее море, в известковых обрывах которого и брали андроновцы обывственные панцири ракушек, чтобы потом сделать из них подвески для украшения своей одежды и головных уборов. И еще думается, что память об арийских продвижениях из районов, суша которых омывается теплыми морями, воплотилась в это желание иметь украшение из ракушек. Символ моря был обязательным оберегом-талисманом в женском костюме. Такая вот предметная память о тех

походах-проходах «арийского» племени с андроновским акцентом.

Интонация третья. Знак-символ. Орнамента на маргианских вещах – это собственная языковая система. И Вы совершенно правы, говоря о том, что пока не найденная письменность на Гонуре представлена текстами-знаками, символами, сюжетами на печатях, расшифровке которых посвящено множество страниц. Эх, какие же они говорящие эти знаки! Выстраиваются целые мифы. Они событийны. Они основательны, как библейские притчи. Такова информационная система Гонура.

Тема, столь любимая мною в Андроне – это знаки-символы на женских украшениях. Они могут приоткрыть андроновскую ментальность, позволяют заглянуть в пленительный мир андроновских дум. Основа знаковой системы Андрона – это геометрия орнаментальных композиций на керамике и украшениях. Информативное звено, которое характеризует главные аспекты культуры. Перенос орнаментальных текстов с керамики одной культуры на керамику другой практически невозможен, так как будет потеряна информационное поле носителей культуры. Встреча, обмен знаками чаще всего происходит в поле магического, которое обладает архетипичной сущностью. Тогда возможна «перезапись» с одного носителя на другой. В Андроне таким носителем информации являются бронзовые круглые бляшки, которые принадлежат женским лицевым подвескам. Как известно, охранная магия женского – культура глобальная. Орнамент на этих бляшках в большой степени сходен с орнаментальным мотивом на вещах Маргианы и Бактрии. Декоративное назначение этих бляшек – украшать лицо женщины. Магико-практическая – защищать свою носительницу. И что я хочу Вам сообщить, это то, что большинство орнаментов на этих бляшках очень схожи, если не сказать, идентичны, орнаментам, которые родом из маргианских, бактрийских краев. Кажется, что они происходят из одного списка знаков: астральные символы, Мировое древо, свастика, прообраз мандалы, геометрия, возможно, планов священных городов (рис. 3–6). Конечно, я не склонна думать, что андроновские мастера, которые штамповали эти брон-

зовые бляшки, увидели гонурский символизм, и механически решили перенести его на бляшки, украшавшиеся лицо андроновской дамы. Стиль, сакральное значение – delicate интонации, списать их невозможно. Суть знаков должна быть понята, прочитана и признана в информационном поле. И на ювелирных гарнитурах, которые обрамляли женское лицо, знаки-символы понимались всеми, кто их видел. Были весьма популярны нашивные бляшки на головной убор в виде ромба – точная копия глиняной модели символа женской фертильности из храма Иштар. Глубинное, шумерское.

Думаю, что Вы догадываетесь, к чему я все веду: по всей видимости, существовала единая знаковая система из особо значимых, почитаемых элементов-символов. Происхождение этой системы могло относиться к тому времени, когда история начиналась в Шумере. И поскольку архетипичность символов была очевидна, они проникают в другие культурные тексты и тем самым определяют на многие тысячелетия свою магию. Это как иллюстрации к арийским ритуалам, которые уже исчезли. Жаль, что тогда, при встрече на Ар-

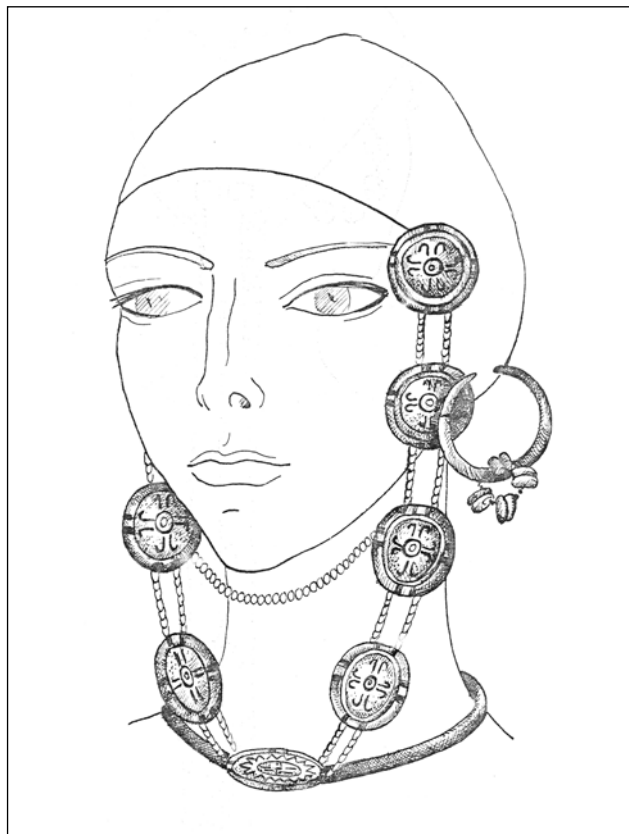


Рис. 3. Реконструкция андроновского головного женского убора с челюстно-лицевой подвеской.

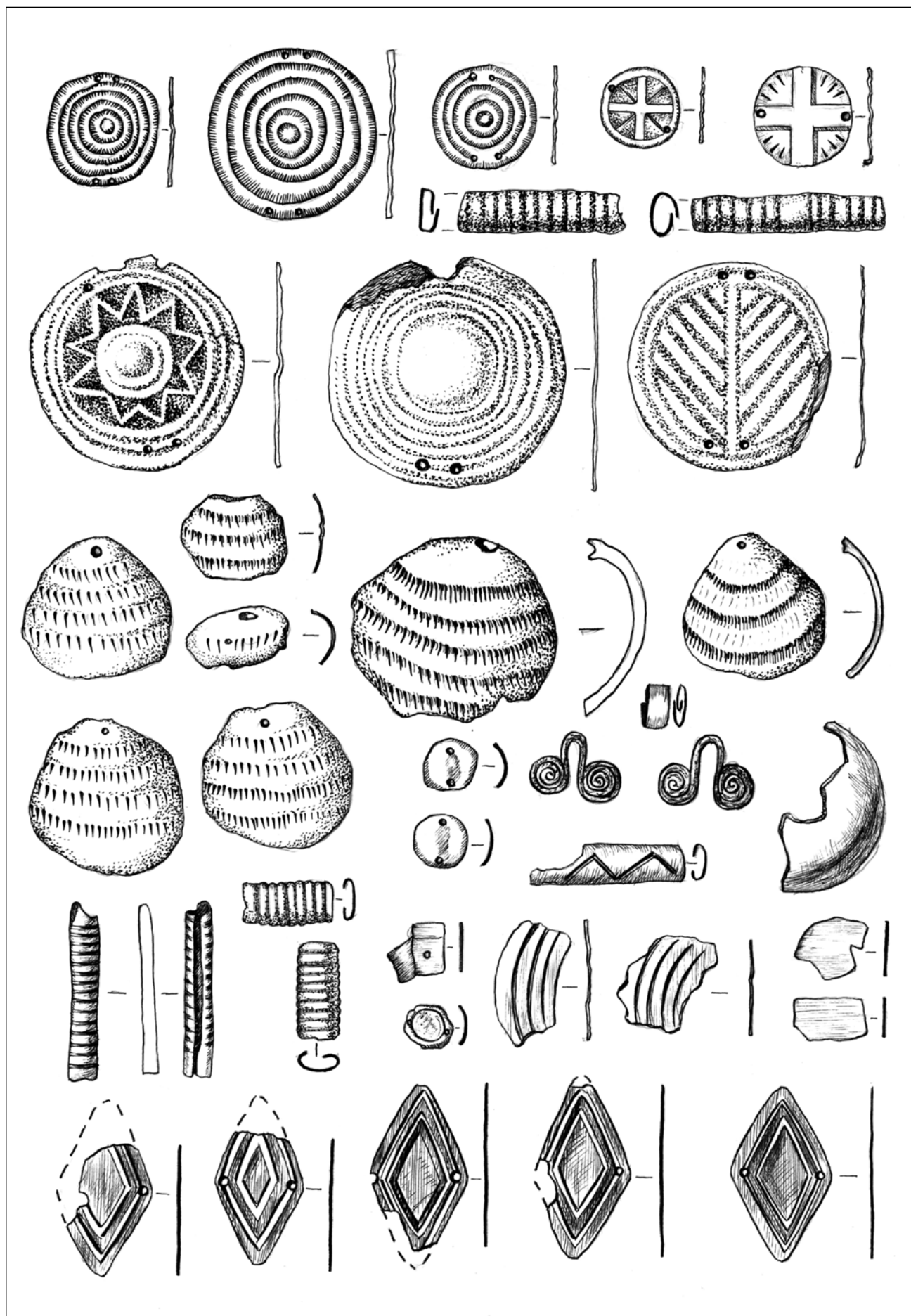


Рис. 4. Могильник Лисаковский. Детали андроновского ювелирного декора.

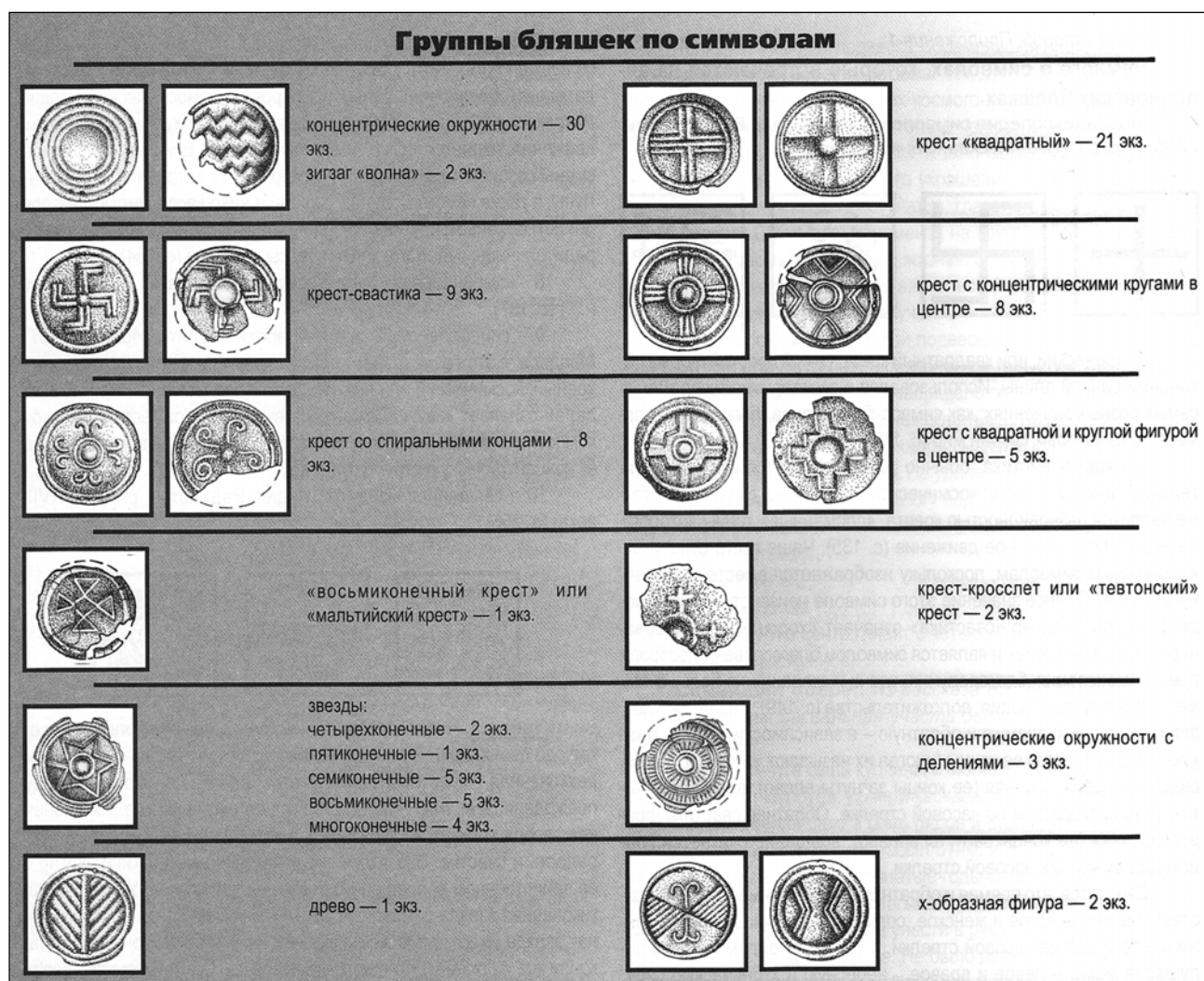


Рис. 5. Знаки-символы на андроновских (алакульских) бляшках.

каиме, тема символики женских украшений только начала зарождаться в моем научном арсенале.

Геоксюрский крест с месопотамским акцентом, ставший главным орнаментальным мотивом на керамике Намазга-депе, Алтын-депе, Анау (IV–III тыс. до н.э.), нашел свое ме-



Рис. 6. Могильник Лисаковский I. Изображение свастики на дне сосудов.

сто на андроновских бляшках и украшениях середины II тыс. до н.э. (рис. 7). Причем на поверхности андроновской посуды он отсутствует. Ступенчатые пирамиды, зигзаги, составные кресты – орнамент на украшении как некий мотив памяти, послание, выдержанное временем. Он, пришедший с берегов Тигра, Ефрата, Мургаба на берега наших степных рек, с предгорной полосы Южного Туркменистана в холмистую степь Сарыарки, и переживший века в виду своей вечной магической сущности – защищать, быть оберегом.

О многом еще можно написать. Есть в погребениях эпохи бронзы Лисаковской округи так называемые вторичные и фракционные погребения (отдельные части костяка) и обряд выставления одного черепа или его части (рис. 8–10). Кефалотафия (с греческого – похороны головы) в андроновском погребальном обряде реализуется в трех вариантах: женское погребение, детское погребение, на жертвеннике.



Рис. 7. Могильник Лисаковский I. Подвеска-крест.

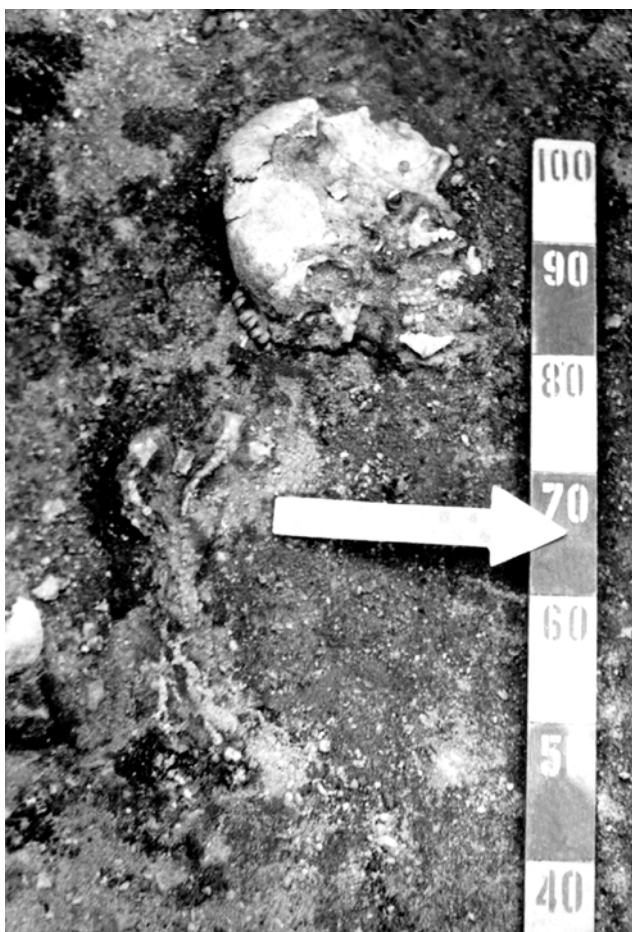


Рис. 8. Могильник Лисаковский I. Погребение головы (черепа) с украшениями.



Рис. 9. Могильник Лисаковский III .
Выставление черепа ребенка в стенке погребения.



Рис. 10. Могильник Лисаковский I.
Вторичное погребение.

Череп вместе с подходящим статусу набором украшений находился в погребальном пространстве и хоронился отдельно. В редких случаях его сопровождали две или три кости рук или ног. Детский череп выставлялся

особняком. Черепная коробка или нижняя челюсть являлись элементами жертвенных приношений. Проникновение и разрушение самого захоронения в этом случае отсутствует, погребальный инвентарь находится *in situ*. В погребальном обряде Гонура подобные погребения трактуются Вами как первые проявления зороастрийских ритуалов.

Федоровская традиция кремировать своих ушедших в иной мир соплеменников вряд ли могла зародиться в степной зоне. Возможно, это святость огня, узаконенная погребальной традицией, возникшая из протозороастрийских ритуалов. Появление их Вы узрели и осознали в материалах Гонура. Как много интонаций пришедших в евразийский степной простор Андрона из страны со звонким названием Маргус...

Вы легко перешли по Мосту Разделителю – Чинват. Иначе быть не могло. Под вашими ступнями праведника мост стал шириной в

девять копий или двадцать семь стрел. Распорядитель судеб Заратуштра с большой честью провел Вас в рай. Митра благословил Вас. И гимны Авесты сопровождали Вас...

В мирах обоих этих
Ты сохрани нас, Митра,
Чьи пастбища просторны,
И в этом мире плотском,
И в том духовном мире,
Храни от лживой Смерти,
От Ярости от лживой
И лживых войск враждебных,
Вздымающих кровавые
Ужасные знамена,
От нападений Ярости,
Злой Яростью гонимых
И Тленьем, что от дэвов.

Спасибо, Виктор Иванович, за возможность ощутить величие Гонура – этой пятой мировой цивилизации!

Библиография

1. Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Сб. ст./ Отв. Ред. Э.Р. Усманова – Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013.
2. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск; Караганда, 2010.
3. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary / Eds. J. Black, A. Green. L.: British Museum Press, 1992. P. 152

Виктор Иванович Сарияниди и миры Древнего Востока

Немногим людям посчастливилось открывать новые миры, но еще реже их находили в самых неожиданных местах, где, казалось бы, ничего нет и быть не могло – посреди пустыни. Да, к моменту открытия Гонура уже были найдены Намазга и Алтын-депе (Masson, Sarianidi, 1972), с редкой преемственностью культур в первом случае, и с великолепными находками во втором. Да, уже задолго до этого территорию Туркменистана обследовала ЮТАКЭ (Сарияниди, Усманова, 1967). Но то, что удалось найти и раскопать Виктору Ивановичу, в корне изменило наши представления об этом крае и его истории. Именно раскопки Гонура показали существование здесь цивилизации – развитого общества, производившего достаточное количество прибавочного продукта, чтобы аккумулировать значительное число предметов роскоши, имевшие четко выраженную специализацию ремесла, а следовательно имевшие классовое расслоение и государственный аппарат. По уровню развития материальной культуры оно не уступало городским цивилизациям Ближнего Востока, а по древности (ок. 2500–1500 до н.э. – Зайцева и др., 2008. С. 179) – несколько раньше или синхронно культурам долин рек Инд (2500–1900 до н.э.) и Хуанхэ (ок. 2100–1100 до н.э.) (Dani, Masson, 1992. P. 303; Одзава и др., 1999. С. 119, 224). Именно открытие Гонура заставило нас посмотреть по иному на всю историю Древнего Востока, показало нити, которые связывают его в единое целое с древнейших времен, и тем самым позволило нам по новому представить сам механизм развития обществ Древнего Востока – не изолированно друг от друга, а в тесном взаимодействии и обмене достижениями, идеями, материальными ценностями.

Гонур – не единственное великое открытие В.И. Сарияниди. Не менее важны и

некрополь и городище Тилля-тепе в Афганистане, не только давшие редкие образцы материальной культуры эллинистической Бактрии, но и показавшие связи культур Бактрии с Китаем и с северными кочевниками (Сарияниди, 1983). Есть и ряд других памятников разведанных и раскопанных Сарияниди, таких как Тоголок, Дашлы, Улуг, и, возможно, нам еще только предстоит оценить их значение для истории Средней Азии в будущем.

Часто В.И. Сарияниди сравнивают с другим видным археологом Генрихом Шлиманом. Насколько правомочно такое сравнение и что оно дает для оценки их роли в развитии археологической и исторической науки? Различны и эпохи, и регионы, и условия в которых они трудились, различны и их методы работы (Шлиман, все-таки, оставался самоучкой-любителем, совершившим много ошибок при раскопках Трои, в отличие от Сарияниди, прошедшего хорошую археологическую школу со студенческих лет). Но и тот и другой оставили значительный след в археологии, были пионерами в своих областях. Здесь дело не только в количестве редких предметов материальной культуры, в том числе, золотых изделий, найденных этими двумя археологами (хотя и по этому показателю Сарияниди опережает Шлимана), но и в оценке их роли в истории открытия древних цивилизаций.

Шлиман известен тремя важными открытиями – Троя, Микены и Кнос. Все они связаны с ранней историей Греции, до доорийского завоевания. В двух последних случаях, Шлиман лишь начал исследование памятников, которые в основном были изучены в последующие периоды. Только Троя была раскопана Шлиманом в значительной степени, хотя исследования там продолжаются уже более столетия. Сарияниди, успевший

раскопать на Гонуре целый город с дворцом, храмами и некрополями, нашел совершенно новую цивилизацию, о которой не сохранилось записей письменных источников, и существование которой в данном месте не предполагали его предшественники совсем. Таким образом, значение работы Сариниди как археолога заключается, прежде всего, в открытии новой цивилизации, находившейся в центре Азии, на перекрестке торговых путей и путей миграций.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), выделенный Сариниди как новая цивилизация, имел связи как с культурами Ближнего Востока, так и Индостана, что показывает ряд находок в стране Маргуш и их параллели. В.И. Сариниди неоднократно отмечал связи Гонура с соседними и более отдаленными культурами, говоря о находках каменных колонок в Годари Шах (Афганистан), золотых сосудов в Кветте (Пакистан), амулетов в Бахрейне, сериях находок орудий труда и оружия в Шахдаде (Иран) (Sarianidi, 2002. С. 317–319), подчеркивая вероятное влияние БМАК

на соседние и более отдаленные культуры. С другой стороны, он выделяет и элементы чужеземной культуры, такие как испытывавшие северо-месопотамское влияние «слепые окна» в дворцово-храмовых помещениях Гонура, и характерные для среднего Ефрата камерные могилы, или найденную там же печать с письмом долины Инда (Sarianidi, 2005. С. 116–118, 247; Сариниди, Дубова, 2013. С. 158). Можно дополнить этот список и рядом других параллелей (Лаптев, 2014), таких как сходства в керамике, каменном инвентаре, каменной и бронзовой пластике. Безусловно, что с продолжением раскопок в Маргиане и вокруг, а также с внимательным изучением наследия Сариниди, этот список будет только дополняться.

В.И. Сариниди предложил и точное объяснение феномену «международного» характера культуры древнего Маргуша – торговлю лазуритом. Еще в 1968 г., до появления основных находок в Маргуше и даже до начала раскопок его наиболее значительного памятника, Гонур-Депе – он выдвинул гипотезу великого лазуритового



Гонур. 22 апреля 2013 г.

Слева направо: В.И. Артемьев, Т. Инагаки, С.В. Лаптев, Виктор Иванович, М.М. Потапов.

пути – предшественника Великого Шелкового (Сарияниди, 1968). При этом Сарияниди основывался на том факте, что лазурит, чрезвычайно редкий и ценный в древности минерал как раз происходит из этого региона. И лишь позже, благодаря как блестящим находкам на Гонуре, прежде всего в годы независимости, так и вокруг БМАК – перед нами стала вырисовываться более-менее полная картина этого пути. Так, лишь в последние годы стало ясно, что уже в IV тыс. до н.э., он уже включал в себя Верхний Египет, о чем свидетельствуют многочисленные находки лазуритовых изделий в культуре *нагада* (Такамия, 2001). Лазурит импортировался на Ближний Восток не в редких случаях, а, можно сказать, в больших количествах, как это показывают находки в Эбле (Сирия), причем и в качестве необработанного сырья (Сируку, 1988. С. 43, 174). И именно данное обстоятельство наглядно показывает нам значимость обмена именно этим продуктом, то есть позволяет именовать этот важный путь обмена, проходивший через центр Азии в разные ее концы, именно лазуритовым. Нам еще предстоит выяснить восточные ответвления этого пути, хотя, как показывают находки в Юго-восточной Азии, в начале нашей эры лазурит проникает уже и туда (Лаптев и др., 2012).

Торговля лазуритом, безусловно, оказывала влияние и на развитие отношений между отдаленными территории Азии в целом, а как ценное сырье для изготовления предметов роскоши – и на пути развития политогенеза в ряде цивилизационных очагов, прежде всего на Ближнем Востоке. Оказывала она влияние и на технический прогресс. Ведь именно недостаток в лазурите и других ценных минералах вызывает появления их искусственного заменителя в украшениях – стекла (Miho Museum, 2001. С. 8–9, 150).

Так в чем же значение найденного Сарияниди БМАК? Прежде всего, был найден новый ранний центр культурогенеза и политогенеза в Азии. Он имеет особое значение, связывая Ближний Восток с Индией уже во второй половине III – первой половине II тыс. до н.э. Ранее Индия включалась в этот процесс гораздо на более поздней ступени политогенеза. О связях в период Индской ци-

вилизации практически не говорилось. Тем самым уже на ранних ступенях политогенеза Индия включается в единое историко-географическое пространство. В Азии, пока остается вопрос лишь о степени независимости исторического развития долины р. Хуанхэ. Но и здесь многое могут дать материалы раскопок в Средней Азии. Тем самым Средняя Азия теперь справедливо переосмысливается как один из центральных регионов полито- и культурогенеза, а не его периферия, как считалось раньше. Особое место в процессе развития контактов в древнем мире справедливо уделяется Гонурской цивилизации (Berdimuhamedow, 2015. S. 39).

И наконец, обнаружение БМАК стало недостающим звеном, соединяющим ранние урбанистические центры типа Намазги, с более поздними культурами позднего бронзового и железного века, показывающим непрерывность развития цивилизации в этом регионе.

Следует отметить, что саму цивилизацию В.И. Сарияниди понимал как совокупность экономических, политических, и культурных процессов (Сарияниди, 2008. С. 36–39), то есть как понятие комплексное. Нередко он обращается к проблеме возникновения цивилизации в Маргуше, оценивая свои находки (Сарияниди, 2002. С. 331–332; 2008, С. 36–39).

Многое успел В.И. Сарияниди и в теории, и в практической работе по реконструкции древней истории Средней Азии. Но много вопросов и проблем он оставил решать нам.

Виктор Иванович был всегда открыт к дискуссии, стремился к чему-то новому. Много он хотел сделать, но не все успел. Многие исторические проблемы волновали его. Так, в последний год жизни, он говорил автору этих строк о том, что хорошо бы подробнее заняться связями Гонура с древней Анатолией, расспрашивал о сходствах с бронзой Ордоса. Хотелось заняться этими вопросами с ним вместе, хотелось еще больше интересного узнать и научиться от этого замечательного ученого и человека с широкой улыбкой. И все же, он и сейчас продолжает с нами говорить языком своих многочисленных работ, отвечать на наши вопросы и задавать нам новые задачи.

Библиография

1. Дубова Н.А. Археологические работы на Гонур-депе – новый аспект палеоантропологии Туркменистана // *Türkemistanyň taryhy we medeni ýadygärlikleri*. Ашгабат: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2013. S. 153-166.
2. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депа // *ТрМАЭ. Т. 2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый Сад, 2008. С. 166-179.*
3. Лаптев С. Бакутория-Маругиана ко: ко фукуго: соно тиритэкина саки-ни цуйтэ (Бактрийско-маргианский археологический комплекс: проблема его географических границ) // *Bulletin of the Miho Museum. Vol. XV. 2014. С. 117-139* (на японском языке).
4. Лаптев С., Мацудзаки М., Сиратаки Д., Накаи И. Камбодзия-но кодай гарасу то тэннэн иси корэкусэн-но кагаку сосэй бунсэки (Химический элементный анализ древнего стекла и предметов из натурального камня из Камбоджи) // *XIX Хэрэнидзуму-исура:му ко:когаку кэнкю: (XIX Конференция по эллинистической и исламской археологии)*. Матида: хэрэнидзуму-исура:му ко:когаку кэнкю:кай, Кокусикан дайгаку Ираку кодай бунка кэнкю:сё. 2012. С. 1-9 (на японском языке).
5. Одзава М., Тани Т., Нисиэ К. Тю:гоку-но ко:когаку (Археология Китая). Токио: -До:сэйся, 1999. (на японском языке).
6. Сарияниди В.И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.: Наука, 1967.
7. Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // *КСИА. Вып. 114. М., 1968. С. 3-9.*
8. Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983.
9. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.
10. Сарияниди В.И. В поисках страны Маргуш. М., 1993.
11. Сарияниди В.И. Маргуш. Туркменистан. Древне-восточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат: *Türkmen döwlet neşirýat gullary*, 2002.
12. Сарияниди В.И. Проблемы Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса // *КЦ 2002–2003. СПб: Европейский Дом, 2004. С. 181-190.*
13. Сарияниди В.И. Гонур-депе. Туркменистан. Город царей и богов. Ашгабат: *Miras*, 2005.
14. Сарияниди В.И. Маргуш. Туркменистан. Тайна и правда великой культуры. Ашгабат: *Türkmen döwlet neşirýat gullary*, 2008.
15. Сарияниди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // *ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый Сад, 2008а. С. 9–27.*
16. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый Сад, 2010.
17. Сарияниди В.И. Археология Гонура и Авеста // *Türkemistanyň taryhy we medeni ýadygärlikleri*. Ашгабат: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2013. S. 119–152.
18. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // *ТрМАЭ. Т. 4 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый Сад, 2012.*
19. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Сокровища древней Маргианы. Фотоальбом / Гл. ред. В.М. Хармов. Ашхабад: *Türkmen döwlet neşirýat gullugy*, 2013.
20. Сарияниди В.И., Усманова З.И. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции – двадцать лет // *СА. 1967. № 1. С. 314-317.*
21. Сируку ро:до дай бунмэй тэн. Сируку ро:до – уми-но мити (Выставка цивилизаций Великого Шелкового пути. Шелковый путь – морской путь). Нара: Сируку ро:до хаку кё:кай, 1988. (на японском языке).
22. Такамия И. Дзэн 4 сэннэнки Найру гава гэрю:икини окэру рапису радзури-но ко:эки ни цуйтэ (О торговле лазуритом в нижнем течении р. Нил в IV тыс. до н.э.) // *Ниси Адзия ко:когаку. № 2. 2001. С. 21–37* (на японском языке).
23. Berdimuhamedow G. *Türkmen mediniýeti*. Ашгабат: *Türkmen döwlet neşirýat gullugy*, 2015.
24. *History of Civilizations of Central Asia / Ed. by A.H. Dani, V.M. Masson. Paris: UNESCO Publishing, 1992. Vol. I.*
25. Masson V.M., Sarianidi V.I. *Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids*. NY; Washington: Praeger Publishers, 1972.
26. Miho Museum. Кодай гарасу тэн дзуоку (Каталог выставки древнего стекла). Сигараки: *Miho Museum*, 2001 (на японском языке).
27. Sarianidi V. *Die Kunst des alten Afghanistan*. Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986.
28. Sarianidi V. *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions, 2007.

Gonur and the Ivory Road

This is a fond tribute to a giant of the archaeology of Central Asia, whom I had the privilege to meet many times during his visits to Paris and the Louvre Museum. It has been one of the most exciting experiences of my career to visit Gonur in 2005, in company with Olivier Lecomte and Agnes Benoit. Our hosts from Gonur camp had managed to produce a fabulous feast, a long table was set under the stars, in the clear desert night, and covered with wild game and fruits while bottles of vodka and various liquors kept appearing as soon as the previous were emptied (fig. 1). I was sorry I could speak only a few words of Russian and Viktor Iv. was uneasy in English. Then I remembered his Mediterranean origins, and my many years excavating in Cyprus: so we started a conversation in modern Greek, in the middle of Turkmenistan! The vodka certainly helped.

Viktor Sarianidi's pioneer work in Central Asia and his spectacular discoveries have set the frame for our understanding of the routes between East and West followed by raw materials, goods, specialized crafts and professionals.

Many distinguished scholars have since based their synthetic views on these discoveries (Prominently: Amiet, 1986; Kennoyer, 1994; Potts, 1994; Jarrige, 1988; See an overview in the exhibition organized by Aruz, Wallenfels, 2003). I venture to add a few reflections inspired by my first contacts with the material from Gonur.

The occurrence of foreign artifacts and materials, on sites located as far away as Egypt, Iran, North Syria and the Persian Gulf has attracted the attention of scholars in the second half of last century, who paid special attention to the relations between the Indus and Syro-Mesopotamia, in a bipolar view for the emergence of complex societies (Wheeler, 1960. P. 90–93). The treasures from Sumer offered a strong case for a centripetal view of the world economy. Semi-precious stones, preeminently lapis lazuli and carnelian, were present in the royal tombs at Ur. The origin and circulation of lapis lazuli from Afghanistan to the west were recognized early (Herrmann, 1966; Moorey, 1994), its importance as symbol of purity in Sumerian literature pointed out (André-Salvini, 1995). Evidence for



Fig. 1. Gonur camp, 2005, with Ahmend Khalmyradow (leftmost), Rejep Jepbarov and Olivier Lecomte (right).

working and redistribution in Syria during the Early Bronze Age was assessed at Ebla (Pinnock, 1988, 1993), while late occurrence of lapis jewellery at the end of the second millennium on the coastal site of Ugarit (Caubet, 2007). The geographic origin and the early pyro-technology used to produce etched carnelian beads was identified (Reade, 1979); an ethno-archaeological approach was employed to understand the manufacture of the spectacularly long tubular beads favored by the Harappa civilization and Sumer (Inizan, 1995, 2000). The origin of these precious stones being assessed, their circulation from the East into Mesopotamia was first understood as answering a demand from one major center – Mesopotamia – to another – the Indus – through zones at the periphery.

With the exploration of Central Asia by Russian archaeologists in the 1960's, the revelation of the Bronze Age civilizations in the Oxus and Margiana shifted the focus from a bipolar view to a more complex, multi-polar model. Central Asia was taken into account as an innovative center, alongside Sumer, the Indus and Elam, with its metropolis of Susa (Amiet, 1988). Routes across the Iranian plateau were shown to play a decisive role in the circulation of raw materials, of types of artifacts, of iconography. They linked distant communities through a multiform network of relations (Amiet, 1986; Francfort, 1994). Among the most striking parallels between the finds from Susa and those from Gonur are the solid wood chariot wheels protected by metal band rims (Amiet, 1986. P. 152; Tallon, 1987. P. 301-307; Sarianidi, 2008. P. 320, fig. 180). The use of the same type of chariots was admitted as evidence for the existence of societies who shared common technologies and held similar warrior's ideologies. Other interesting instances are the calcite alabaster «fruit bowls» and carinated cups, whose distribution stretches along a large community linked with Elam (Amiet, 1986. P. 165; Jarrige, 1988. N° 165-169; Casanova, 1991). The network may have extended as far as inner Syria, as attested by the many artifacts carved out of chlorite, a soft green stone mined in coastal Syria, Oman and Eastern Iran. Chlorite vessels decorated with a rich figurative imagery have been unearthed all over the Near East, from the Oxus to the Euphrates. An exhibition in the Metropolitan Mu-

seum in New York presented examples issued from many different sites (Aruz, Wallenfels, 2003. P. 325–345). Around 2200–1800 BC, chlorite was used to carve complex statuettes where the dark stone is combined with limestone and lapis to obtain color effects. Male genies of the mountain, whose skin displays snake-like scales and deep scars, are associated with majestic female figures wearing flounced dress and elaborate coiffure. Often designated as «princesses», these lovely statuettes are more probably depicting deities: several were found in the necropolis of Gonur (Sarianidi, 2005, 2007, 2008), and fragments have been uncovered all over Iran, Afghanistan and as far as Pakistan and India (Jarrige, Hassan, 1989; Meadow, 2002). The goddesses from Gonur are deeply rooted in a Margiana-Bactrian tradition (Amiet, 1986; Benoit, 2004, 2005) but they present interesting parallels with statuettes from further west, found at Susa (Amiet, 1985) and North Syria: a cultic stand from Ebla carries two female figures made in a comparable composite technique. The excavator identifies the group as the images of a deified dead queen being honored by the living queen (Matthiae, 2009).

In this global network linking multiple centers far away from each other, men would travel long distance, carrying crafts and ideas, and bringing animal and vegetal living species. One instance is the rose wood, *Dalbergia sissoo*; a balsamic tree from India, it was acclimatized by man in Iran and the Makran and its wood and leaves were exploited by the Sumerians (Tengberg, Potts, Francfort, 2008). Sumerian literary sources of the late 3rd millennium mention living exotic animals from the East were brought to Mesopotamia: macaque monkeys, water buffalo¹. The Bactrian double humped camel is mentioned in early Babylonian texts and there is evidence from visual arts of its acclimatization in Sumer long before the appearance of the dromedary (Horowitz, 2008). My suggestion is that live elephants were also imported from India and bred in the Near East.

Asiatic elephant (*Elephas Maximus*) was known to exist in the Syrian steppe during Antiquity: New Kingdom Egyptian texts and Mid-

¹ Sumerian sources quoted in: Civil, 1983. P. 55, 1.107-1.108 ; Cooper, 1983, 1.21-1.23; Attinger, 1984; Lion, 1992. P. 357.

dle Assyrian literary sources record hunts of live elephants in the Orontes valley during the second half of the II Mill. BC (list collected in: Collon, 1977; Fisher, 2007). Later texts of the early first millennium list only the tributes of hides and tusks, a clear indication of the rarefaction of the animal by that time. Isolated bone remains have been recovered in a number of Syrian sites and one connected skeleton has been found in the Late Bronze Age palace of Qatna (Pfälzner, Dohmann-Pfälzner, 2010). Therefore, the view has long been that it was a «Syrian» elephant, an isolated branch of the Asiatic species, dating back to the Pleistocene era. However, no bone remains is dated prior to the middle of the II Mill. BC. In all of the Near East, there are only a few small artifacts made of elephant ivory during the early dynastic period in Mesopotamia. While ivory workshops were active during the late III and all of the II Mill. in Syria, the Levant and Anatolia, hippopotamus ivory was the preferred material and Mesopotamia and Elam preferred working with shell (see: Caubet, Poplin, 2003 for a rare example of dugong or sea-cow ivory). In my opinion, the rare elephant ivory pieces were carved out of tusks imported from the India, alongside precious stones, following the same routes (Caubet, Poplin, 2010). The evidence from the texts, crossed with those from the bone remains and the ivory production, argue against the presence of living elephant in the Near East until it was imported by man and acclimatized in inner Syria, at some time prior to the Late Bronze Age. By then, in the second half of the II Mill. BC, official records from Egyptian and Assyria rulers boast of the large number of elephants they hunted during their campaigns in Syria. Although these texts imply the hunts took place in the wilderness, it is not probable that those elephants belonged to wild herds, which would have been a problem in a densely populated and urbanized country; rather, they must have been kept in hunting reserves established in the humid and grassy plain of the Orontes river, a favorable environment for them to thrive and reproduce. Zoological gardens stocked with exotic beasts were the Bronze Age forerunners of the paradises of Persian kings. Elephants, lions and other wild animals were kept under the protection of local rulers as a sign of their royal status. The «hunts» record-

ed by Pharaoh were a deliberate destruction of a royal symbol of the vanquished enemy, a *tabula rasa* operation on the part of conquerors asserting their might over Syria (Gabolde, 2000).

When and how were elephants imported India into the Near East is an open question, where the evidence from Gonur weighs significantly. The earliest textual sources mentioning elephant, among other exotic animals (supra), are dated to the Akkadian period, in later part of the 3rd millennium. With the early II Mill. BC, this was a significant time for the exchanges between East and West and coincides with the *floruit* of the Oxus civilization. The Indus seal from Gonur depicting an elephant should not be taken as proof of the passage of live elephant from India to Central Asia, but it is at least a sign of an interest in the animal (Sarianidi, 2005. P. 258, fig. 114). An interest that translated into the importation of tusks and the emergence of a local production of ivory artefacts, in a large variety of types, shapes, techniques, and iconography. Types of objects include inlays for furniture, cosmetic implements such as combs and spoons, games and seals. There are parallels in contemporary finds from either Mesopotamia and/or the Harappan culture. The board game belongs to the «20 cases» type which originated in Sumer during the III Mill BC (Sarianidi, 2007. P. 152, fig. 32, 33). The practice spread to Egypt and the East, with examples of boards in Susa, Shahr-i-Sokhta (Eastern Iran) and India (Bardiès-Fronty, Dunn-Vaturi, 2012). It was played with dices of different shapes and materials. Those from Gonur are the «stick dice» (Sarianidi, 2002. P. 151), a type originated in the Indus (Dales, 1968; Finkel, 2004) which spread to Central Asia and Iran: a piece comes from Dzharkutan, Uzbekistan (E. Luneau, personal communication) and another from Tureng Tepe in North-Western Iran (Boucharlat, Lecomte, 1987. P. 183, 7.37 et Pl. 101, 2). The ivory finds and the game and dice from Gonur provide good evidence for the interaction between East and West. Board games, a social practice connected with status, was a pastime for the wealthy and leisurely, a tool for teaching competition and strategy to future warriors and rulers; they were often associated with fate and divination, and endowed with ideologies connected with beliefs in the afterlife. The facts that the Gonur game and dice were

made of ivory, a luxurious material imported from afar, must have enhanced the status of the owner.

The iconography displayed on the Gonur ivories is entirely original and has no equivalent either in the Indus or Syro-Mesopotamia, it is rooted into the Margiana-Bactria culture: motives like the scorpion, the tulip and quatrefoil engraved on inlay plaques, the horned snake-dragon depicted on spoon and mosaic, have parallels only on metal seals and chlorite vessels produced in the same southern Central Asian tradition.

Ivory working was one of the many skilled production that developed in Gonur. The appearance of other sophisticated technologies made it

a truly creative and original centre. One other instance is found in the mastering of the chemical properties of vitreous materials to produce faience vessels, jewellery and cultic objects. Such complex technologies were developed independently in other contemporary centres in Sumer, Elam, or Harappa, with their own recipe, types and iconography (Caubet, 2012). The evidence from ivory working is another clear indication that Gonur was not a mere transit outpost on the ivory road for the circulation of elephant tusks between India and the Near East. It was a major creative centre who invented its own production, with an original iconography to serve its own purpose and identity.

Bibliography

1. Amiet P. Quelques témoins des contacts de Suse avec les pays du Levant aux 3e et 2e millénaires // *Miscellanea Babilonica. Mélanges Maurice Birot*, Paris: ERC. 1985. P. 9-15.
2. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 // Paris: RMN, 1986.
3. Amiet P. La civilisation de l'Indus, le Proche-Orient et l'Asie centrale // *Les cités oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan* / Ed. J.-F. Jarrige. Paris: Association française d'action artistique, 1988. P. 194-202.
4. André-Salvini B. L'idéologie des pierres en Mésopotamie // *Cornaline et pierres précieuses. La Méditerranée, de l'Antiquité à l'Islande*. / Caubet A., Paris: La Documentation Française, 1999. P. 373-400.
5. *Art of the First Cities. The Third Millennium BC from the Mediterranean to the Indus* / Eds. Aruz J., Wallenfels R. NY: The Metropolitan Museum of Art, 2003
6. Attinger P. Remarques à propos de la «Malédiction d'Accad» // *RA. T. 78*. 1984. P. 99-121
7. *Art du jeu, jeu dans l'art. De Babylone à l'Occident médiéval* / Eds. Bardiès-Fronty I., Dunn-Vaturi A.E. Paris: RMN, 2012
8. Benoit A. Études: à propos d'un don récent de la Société des Amis du Louvre, les «Princesses de Bactriane». *La Revue des Musées de France. Revue du Louvre*. N 4. Octobre 2004. S. 27-35.
9. Benoit A. «Les princesses de Bactriane» // *Arts and Cultures*. 2005. P. 36-45.
10. Boucharlat R., Lecomte O. *Les fouilles de Tureng Tépé (sous la direction de Jean Deshayes). 1. Les périodes sassanides et islamiques*. Paris: ADPF, 1987
11. Casanova M. *La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie centrale aux III^e et II^e millénaires avant J.C.* [Mémoires de la Mission archéologique française en Asie centrale. N V.]. Paris, ADPF-ERC, 1991
12. Caubet A. Une demeure d'argent et d'or, un palais de pur lapis-lazuli // *He Unfurrowed his Brow and Laughed. Essays in honour of Nick Wyatt* / Eds. Wilfred G., Watson E. Münster: Ugarit Verlag, 2007. P. 39-43.
13. Caubet A. De l'Indus à l'Euphrate. Quelques cas de circulation des biens et des savoirs // *Orientalismes. De l'archéologie au musée. Mélanges offerts à Jean-François Jarrige* / Ed. V. Lefèvre. Indicopeustoi, Archaeologies of the Indian Ocean, Brepols, Turnhout (Belgique). 2012
14. Caubet A., Poplin F. Une statuette sumérienne en ivoire de dugong // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*. 2003. P. 361-373 [paru en 2005].
15. Caubet A., Poplin F. Réflexions sur la question de l'éléphant syrien // *Dur-Katlimmu 2008 and Beyond. Studia Chaburensia I* / Ed. H. Kühne (éd.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 1-9.
16. Civil M. Enlil and Ninlil. The Marriage of Sud // *JAOS*. 1983. Vol. 103. P. 43-64.
17. Collon D. Ivory // *Iraq*. Vol. 39. 1977. P. 219-222.
18. Cooper G. *The Curse of Agade*. Baltimore-London, 1983.
19. Dales G.F. Of Dice and Men // *Journal of the American Oriental Society*. 1968. Vol. 88, No. 1 (Jan. - Mar.). P. 14-23.
20. Finkel I. Dice in India and beyond // *Mackenzie C., Finkel I. Asian Games: The Art of Contest*. NY: Asia Society, NY, 2004. Section 2. P. 39-45.
21. Francfort H.-P. The Central Asian Dimensions of the Symbolic System in Bactria and Margiana // *Antiquity*. Vol. 68. P. 406-418.
22. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhashi et la civilisation de l'Oxus // *Iranica Antiqua*. 2010. Vol. XLV. P. 51-224.

23. Frenze D. Ivory production and trade in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe, Turkmenistan // 43rd Annual conference on South Asia. Madison: University of Wisconsin, in print.
24. Gabolde M. Les éléphants de Niyi d'après les sources égyptiennes // Des ivoires et des cornes dans les mondes anciens / Eds. J.-C. Béal, J.-C. Goyon. Lyon: Université Lumière, 2000. T. 2. S. 194–123.
25. Herrmann G. Lapis lazuli. The Early Phases of its Trade // Iraq. 1968. Vol. XXX. P. 21-57.
26. Inizan M.-L. La cornaline de l'Inde et la voie du Golfe au III^e millénaire // Cornaline et pierres précieuses. La Méditerranée, de l'Antiquité à l'Islam/ Ed. A. Caubet. Paris : La Documentation Française, 1995. S. 125–138.
27. Inizan M.-L. Importation de cornalines et agates de l'Indus en Mésopotamie. Le cas de Suse et Tello // Cornaline de l'Inde. Des pratiques techniques de Cambay aux techno-systèmes de l'Indus / Ed. V. Roux. Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme. Paris, 2000. P. 473–501.
28. Jarrige J.-F., Hassan M.U. Funerary Complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the light of Recent discoveries at Mehrgarh and Quetta // SAA 1985 / Eds. Karen Frifelt, Per Sørensen. L., 1989. P. 150–166.
29. Les cités oubliées de l'Indus : archéologie du Pakistan / Ed. Jarrige J.-F. Paris: Musée national des arts asiatiques, Guimet, Association française d'action artistique, 1988.
30. From Sumer to Meluhha. Contributions to the Archaeology of South and West Asia in Memory of Georges F. Dales Jr. / Ed. Kenoyer J.M. Wisconsin Archaeological Report 3. Madison, 1994.
31. Lion B. La circulation des animaux exotiques au Proche-Orient antique // XXXVIII^e RAI La Circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien. Paris : ADPF ERC, 1992. P. 357-365.
32. Matthiae P. The Standard of the maliktum of Ebla in the Royal Archives Period // Zeitschrift für Assyriologie. 2009. Bd. 99. Pt. III. P. 270–311.
33. Meadow R. The Chronological and Cultural Significance of a Steatite Wig from Harappa // Iranica Antiqua. Vol. XXXVI. 2002. P. 191–202.
34. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian Materials and Industries. Oxford: Clarendon Press, 1994.
35. Pfälzner P., Dohmann-Pfälzner H. Elefantenknochen und über 50 Schädel // Antike Welt. Bd. 41. 2010. N 4. P.75–78.
36. Pinnock F. Observation on the Trade of Lapis-Lazuli in the IIIrd Millenium B.C. // Wirtschaft und Gesellschaft von Ebla. Akten der internationale Tagung. Heidelberg 4–7 Nov. 1986 / Ed. Hauptmann Waetzoldt. Heidelberg, 1988. P. 107–110.
37. Pinnock F. Materiali e Studi archeologici di Ebla. II. Roma: Le perle del Palazzo Reale G, 1993
38. Potts D.T. A New Bactrian Find from Southern Arabia // Antiquity. 1993. Vol. 67. N 256.
39. Potts, D.T. Patterns of Trade in 3rd Millenium BC Mesopotamia and Iran // World Archaeology. Vol. 24. 1993. N 3.
40. Reade J. Early Etched beads and the Indus-Mesopotamia Trade. [British Museum Occasional Paper. N 2]. L., 1979.
41. Sarianidi V. Margush. Turkmenistan. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab River. Ashgabat, 2002.
42. Sarianidi V. Gonur depe. Turkmenistan. City of Kings and Gods. Ashgabat, 2005.
43. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007.
44. Sarianidi V. Margush. Turkmenistan. Mystery and True of the Great Culture. Ashgabat, 2008.
45. Tallon F. Métallurgie susienne. I: de la fondation de Suse au XVIII^e siècle avant J.-C. Notes et documents des Musées de France. N 15. Paris: RMN, 1987
46. Tengberg M., Potts D.T., H.P. Francfort H.-P. The golden leaves of Ur // Antiquity. Vol. 82. 2008. P. 925–936.
47. Wheeler M. The Indus Civilization. (2nd ed.). Cambridge, 1962.

Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени

Труды В.И. Сариниди, еще со времен студенчества, стали для меня образцом высочайшего уровня научного исследования и трепетного отношения к найденному материалу. Маргианская экспедиции под его многолетним руководством, открыв новый древнейший пласт человеческой цивилизации, щедро одарила науку уникальной информацией, в том числе – по древнейшему колесному транспорту. Хотя мы и не были лично знакомы, меня всегда вдохновлял в его лице пример беспрецедентного, высочайшего научного и трудового подвига ученого и его невероятная госпожа Удача – она ему благоволила, она его избрала и когда-то очень нежно поцеловала! Участвовать в этом юбилейном сборнике памяти Виктора Ивановича для меня высокая честь и большая ответственность. Пусть главное дело его жизни живет в нашей памяти и продолжается в наших скромных трудах...

Бронзовый век в истории человеческой цивилизации представляется эпохой, в которую на Евразийском и Африканском континентах впервые произошла глобализация: самые передовые инновации, изобретенные в Месопотамии очень быстро распространились на огромных территориях (Childe, 1954. С. 1–17; Новоженев, 1994. С. 223–227; Черных, 2009. С. 173–287; Епимахов, 2012. С. 5–9; Wallerstein, 1976. Р. 343–352; Kristiansen, 2007. Р. 25–37; Бронзовый век..., 2013. С. 342–446). В это время сложились каналы коммуникации, посредством которых эти новые изобретения распространялись в самые отдаленные регионы (Новоженев, 2012. С. 170–184, 308–315; 2014. С. 34–39, 109–120).

Яркой иллюстрацией этого тезиса могут стать некоторые материалы Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) и собственно процесс формирования на юге Центральной Азии этого мощного очага цивилизации. В.И. Сариниди объясняет его возникновение миграцией из Шумера или Северной Месопотамии (возможно – Анатолии) части населения, осевшего затем на берегах Мургаба и активно взаимодействовавшего с Хараппой–Мелуххой (Сариниди, 2008;

2010). А.П. Франкфор связывает материалы БМАК с известной по клинописным письменным источникам страной Марахши (Маркаши) и ее локализацией на географической карте Древнего Востока (Франкфор, 2006. С. 193–194).

Абу А.-Х. Бакри (2012. С. 267–278) обращает внимание на развитую систему коммуникаций БМАК, в основе которых лежали дальние поставки лазурита в разные регионы Ближнего Востока: выявлен ряд прямых аналогий гонурским материалам в находках поселения Телль Эль-Даб'а – древнего города Аварис – столице гиксосов, правивших в XVIII–XVII вв. до н.э. По мнению К. Рихольта, кризис в египетском Среднем царстве начался примерно в 1805 г. до н.э. (Ryholt, 1997). В это время гиксосы (вероятнее всего, – полиэтническая группа купцов, торговцев-воинов¹ из Сирии, Палестины и, видимо, из страны Маргуш) осели в Нижнем Египте и основали собственную династию со столицей в Аварисе. Их конкурентное преимущество состояло в монополии на лазурит, во владении некоторыми передовыми навыками и знаниями, в число которых

¹ Некоторые исследователи считают их семитами (Spalinger 2005. Р. 230–235).

входило обладание эпохальным и революционным вооружением – пароконной боевой колесницей. Мы поддерживаем гипотезу, основанную на анализе радиоуглеродных датировок, согласно которой, появление и распространение боевых колесниц в Египте связано именно с вторжением гиксосов (Чечушков, 2014. С. 274–285).² Поскольку это событие произошло позднее как минимум на два столетия от времени изобретения колесниц в урало-казахстанских степях на рубеже III–II тыс. до н.э., то этот факт способен подтвердить выводы о развитых коммуникациях и культурных контактах населения евразийских степей со своими южными и юго-западными соседями.

Однако таким выводам как будто бы противоречат данные антропологии из Гонур-депе, которые характеризуются полиморфизмом, где ярко выражен переднеазиатский антропологический компонент – безусловно, связанный с той его частью, где в IV тыс. до н.э. жили шумеры. Их облик хорошо известен по антропоморфной пластике. Присутствует определенное сходство с веддоидными черепами из долины р. Сват и Мохенджо-Даро. Не было отмечено присутствия антропологических типов, сходных с палеоевропейским населением евразийских степей. В то же время, засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья, Южного Приуралья и носителей алакульской культуры, что может скорее свидетельствовать о движении с юга

в более северные районы, чем из степей — в южном направлении. Это сходство, вероятно, указывает на участие одинаковых антропологических пластов в сложении как южно-туркменских, так и степных племен (Дубова, 2006. С. 169–173).

Как нам представляется, эти данные все же не противоречат пониманию направленности контактов гонурского населения как с юга на север, так и в обратном направлении – в виде передачи знаний о колесницах, например, через взятых жен или наложниц из северного, степного, мира, при значительных родственных связях с Мохенджо-Даро (Мелуххой), с Месопотамией и не родственных, а коммерческих – даже с Египтом. Такие торговые связи вполне могли существовать и с северными, степными, кланами. Решающее значение здесь может играть хронологическая последовательность этого процесса и детальное определение его этапов с учетом радиоуглеродной хронологии. Косвенно, такое понимание направленности коммуникаций в Маргиане подтверждают данные лингвистики (Лубоцкий, 2010).

Таким образом, Маргиана предстает своеобразным форпостом передовых коммуникаций Древнего мира, где соединились пути между различными отдаленными регионами и распространялись передовые знания, изобретения, идеи, что в свою очередь стимулировало развитие и производство собственных транспортных средств. Такое понимание исторической природы маргианской столицы на наш взгляд наиболее соответствует представлению о Гонур-депе как о караванном прото-городе (Ростовцев, 2010. С. 16–41).

Гонурские повозки

Из приведенных описаний достоверно о конструкции кузовов найденных здесь телег возможно говорить только по фрагментарно сохранившимся остаткам дерева в погребениях 3200 и 3900. В первом случае повозку закатывали во «двор» гробницы, а во втором случае – сбрасывали на дно с высоты более 2-х метров (Дубова, 2004. С. 260; Сарияниди, Дубова, 2008. С. 28–83; 2010. С. 144–171).

Предположение о том, что ее конструкция при падении могла разрушиться, маловероятно, поскольку в процессе своей эксплуатации она должна была выдерживать гораздо

2 Памятники синташтинско-петровского типа (в нашем понимании – раннеандроновские, соответствующие раннему этапу формирования Андроновской КИО) содержат убедительную серию свидетельств знакомства населения с пароконной колесницей (Епимахов, Чечушков, 2006; 2010; Чечушков, 2013). Суммарный интервал синташтинских датировок, полученных к настоящему моменту – 2010–1770 (68,2%) или 2200–1650 (95,4%) гг. до н.э. и может быть синхронизирован с Древневавилонским царством не позднее правления Хаммурапи (1848–1806 гг. по «длинной» хронологии). Появление колесничного комплекса Митанни может быть датировано 17 в. до н.э. и связано с завоеваниями индоевропейских племен, мигрировавших в Месопотамию с севера. Начало Второго переходного периода в системе радиоуглеродной хронологии Египта датируется 1746–1645 (68,2%) или 1871–1616 (95,4%) гг. до н.э. (Hassan, Robinson, 1987). Окончание может быть датировано между 1596–1582 (68%) гг. до н.э. или 1601–1573 гг. до н.э. (Bronk Ramsey 2010, Online materials. P. 26; см. подробнее: Чечушков, 2014. С. 274–285).

большие нагрузки. Допускаем поломку оси и отрыв колеса при падении, но не разрушение кузова. Это обстоятельство представляется важным, поскольку при расчистке и первой и второй телег зафиксированы существенные разницы высоты фиксации верхних краев предполагаемых «сидений» от настила или рамы повозки в районе одной из осей. Так, у повозки из гробницы 3200 оно возвышается на 60 см, а у другой повозки (из могилы 3900)

– на полметра. Не слишком ли высокое и неудобное сиденье для повозки, общая длина кузова которой едва превышает один метр, а ширина платформы (расстояние между колесами) – чуть больше 80 см? (расстояние между осями в первом случае 1,1 м, во втором – 1,15 м). Высота подобных сидений на новотиторовских телегах, например, не превышает 30 см, при значительно больших габаритах самой телеги (рис. 1).

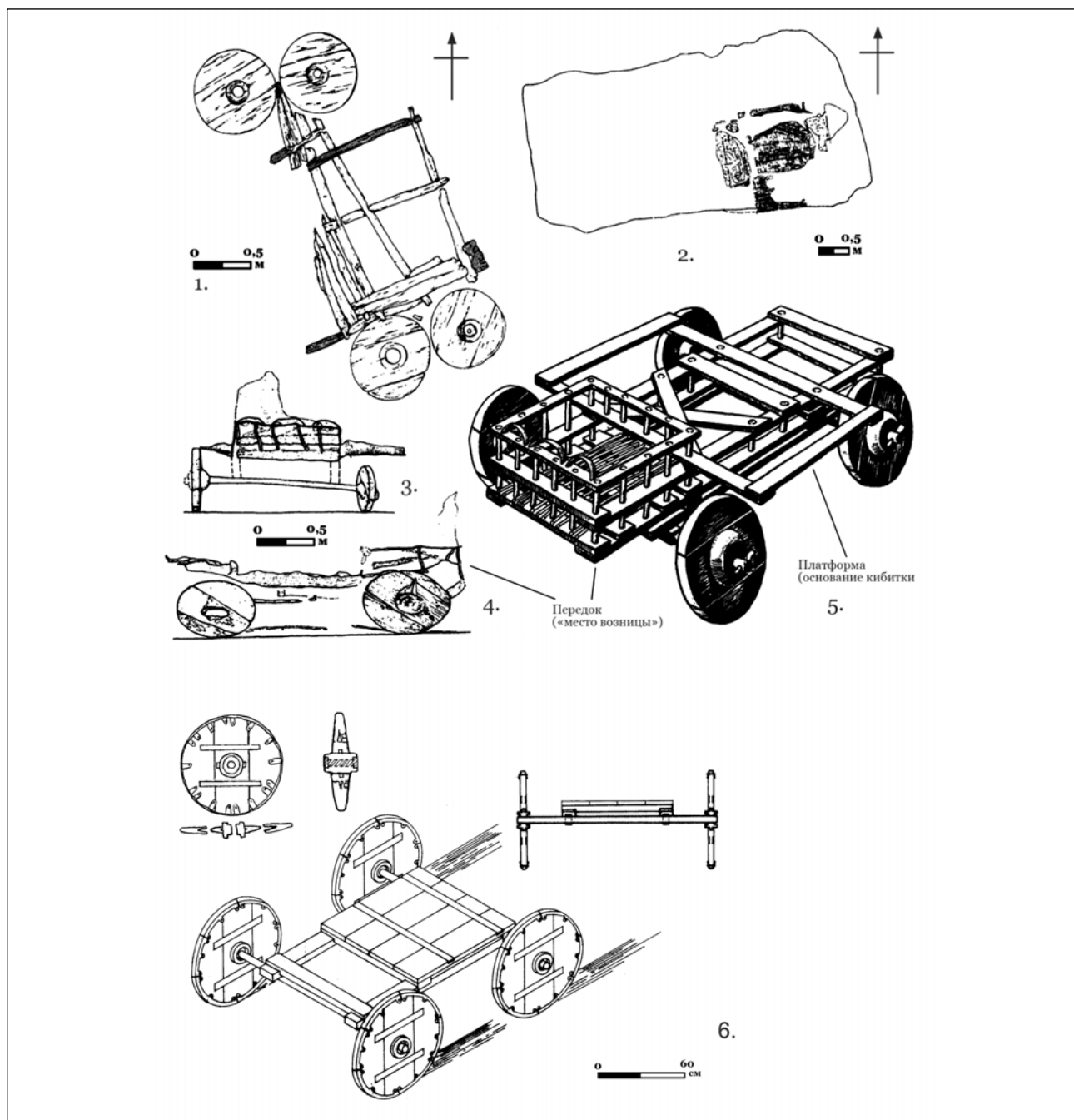


Рис. 1. Маргиана и Предкавказье. Реконструкции гонурской и новотиторовской повозок:

1 – могильник Лебеди I 2/116, нижний горизонт расчистки повозки; 2 – Малаи I 9/25, верхний горизонт расчистки повозки; 3 – Останий 1/150, вид с севера или спереди на повозку 1; 4 – то же, вид с востока; 5 – реконструкция повозки, без циновки-настила и кибитки (Гей, 2000. С. 185. Рис. 55); 6 – Гонур-депе. Реконструкция колеса и повозки из погр. 3200 (Сарианиди, Дубова, 2010. С. 144–171).

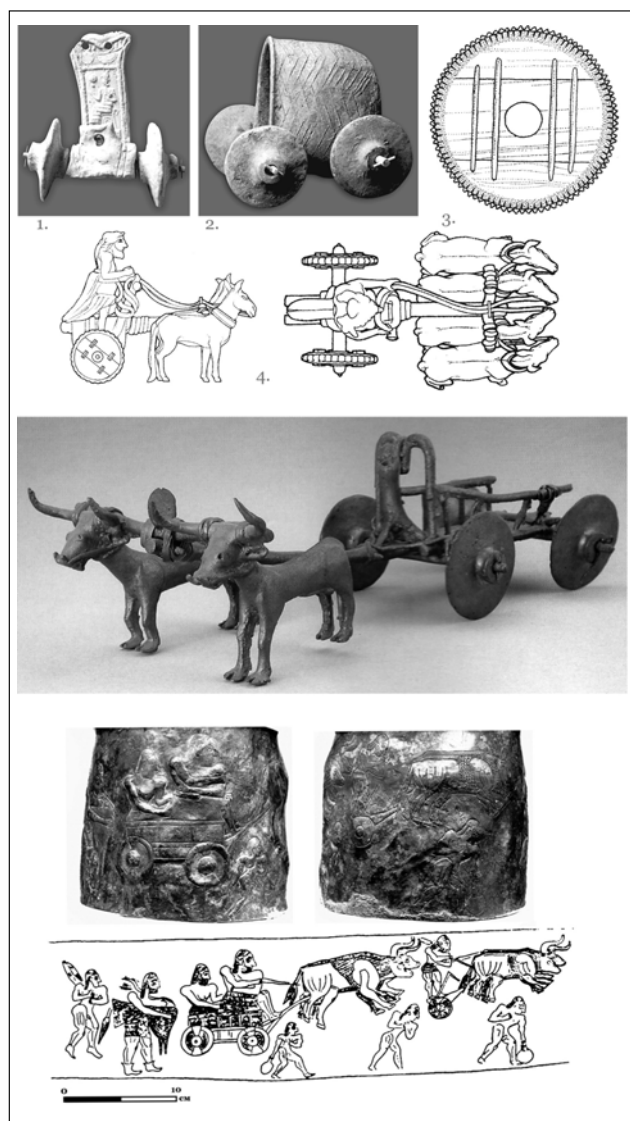


Рис. 2. Ближний Восток, Анатолия и Бактрия.

1 – терракотовая модель повозки с восседающим божеством (foto Musee du Louvre); 2 – терракотовая модель фургона, Сирия (foto Allard Pierson Museum, Amsterdam); 3 – колесо из Суз; 4 – модель из Тель Аграба (Littauer, Crouwel, 1979. Fig. 5, 7); 5 – бронзовая модель из Алачахуюка (Burmeister, 2004. S. 18. Abb. 4); 6 – серебряный сосуд из Бактрии. Лувр. АО 28518. Высота – 0,132 м, диаметр – 0,143 м (Foto Musee du Louvre)

Вполне возможно, что рассматриваемые кузова гонурских телег снабжены высоким постаментом, возвышающимся над передней осью и защищающим экипаж. Это распространенный в тот период на древнем Ближнем Востоке тип «боевых телег», запечатленных, например, на известном мозаичном панно «Штандарт из Ура». Впрочем, четырехколесные боевые телеги с высоким передком, равно как и повозки с сиденьем, использовались в течение всего III тыс. до н.э. и в Шумере, и в Эламе (Littauer, Crouwel, 1979). С практиче-



Рис. 3. Вверху: два звена от бронзовой «шины» повозки из погр. 3200 и общий вид колес. Фото (Дубова, 2004. С. 260); внизу: колесо повозки из погр. 3900 в процессе расчистки, вид с востока (Сарианиди, Дубова, 2010. С. 144–171).

ской точки зрения, универсальное использование высокого передка-сиденья вполне допустимо в случае боевой угрозы – как защитного устройства, а при транспортировке – как сиденья. Телеги с высоким передком и низкими бортами известны и в Анатолии (Алачахуюк). Судя по габаритам раскопанных в Гонуре телег, они разрабатывались как «боевые телеги» для экипажа из одного-двух человек, стоящих и сидящих на платформе, аналогично изображению на бактрийском сосуде (рис. 2).

Важным диагностическим элементом гонурских телег являются бронзовые П-образные сегменты, усиливающие и формирующие обод колес (рис. 3)³. Этот технологический элемент

³ Подобные элементы колес выставлены в экспозициях многих музеев мира: в Лувре из раскопок в Сузах и из Бактрии; в Музее А. Пирсона в Амстердаме из коллекции ближневосточных памятников; в Национальном музее в Тегеране из луристанских памятников.

хорошо известен в синхронных памятниках из соседних регионов. Такая бронзовая шина защищала и усиливала внешний край колеса, уберегала от разрушения в процессе эксплуатации и была совершенно необходима при длительных поездках и перевозке тяжелых грузов, поскольку именно деревянный и незащищенный внешний край (обод) деревянного колеса был наиболее уязвимым и подверженным разрушению в процессе эксплуатации. Так степные повозки из северных регионов Евразии не имели таких бронзовых шин, и их производители вынуждены были искать аналогичные технические решения. Например, манычские катакомбные повозки (мог. Улан IV) имели съемные колеса (такие широкие ободья-шины) со специальными ступицами особой конструкции, которые позволяли в процессе эксплуатации оперативно менять целиком колесо телеги при том, что оси и ступицы повозки оставались на месте (Шишлина и др., 2013. С. 119).

Различные эквиды – ослы и полуослы – широко применялись в синхронных ближневосточных запряжках, в отличие от лошадей, верблюдов и даже быков. Материалы Гонурдепе позволяют предполагать возможность запряжки пары ослов (погребение 3900), но их совместного тягловое усилие вряд ли было достаточно для эффективной эксплуатации такой весьма тяжелой телеги. Лошади также должны быть исключены из списка упряжных животных, поскольку в остеологических материалах памятника найдено только восемь особей лошадей (Сатаев, 2008. С. 138–160) при более 3-х тысячах раскопанных здесь погребений – и это при том, что поголовье лошадей в синхронных степных памятниках (Ботай) насчитывает сотни, если не тысячи голов (Зайберт, 2009. С. 279–292).

Наиболее приемлемыми кандидатами на роль гонурских упряжных животных являются быки (волы) и верблюды. При этом костей быков не обнаружено в погребениях с повозками, но они достаточно широко представлены в остеологических материалах, происходящих из гонурских жертвенных печей, и – напротив: анатомически целые скелеты двугорбых верблюдов-бактрианов найдены в захоронениях с повозками (Сатаев, 2008. С. 144–145).

Так, в погребении 3200 найдены скелеты жеребенка, двух верблюдов и собаки; в

погребении 3225 – двух верблюдов (старого и молодого, у старого между горбами зафиксированы остатки «сидения» и рога степной антилопы – джейрана); в погребении 3900 – скелеты двух ослов, двух верблюдов и восьми собак. Таким образом, верблюд или пара верблюдов – наиболее вероятные упряжные животные гонурских телег. Не исключаются и ослики для маленьких повозок. Допустимо использование одного упряжного животного – сильного и выносливого верблюда – и применение инновационной комбинации коротких оглобель и кожаных ремней. Известная глиняная модель телеги со скульптурным навершием (протомой) одного верблюда из Анау-тепе косвенно это подтверждает. Любопытно, что похожая глиняная модель обнаружена в Уре (Woolley, 1934. Pl. 188). Возможно, зафиксированные в могиле 3225 остатки «седла» между горбами взрослого верблюда – есть остатки приспособления наподобие ярмогаток у лошадей, к которому крепились ремнями эти «оглобли».

Выделим основные структурные элементы и особенности гонурского погребального обряда с повозками:

- этот погребальный обряд совпадает по самым основным позициям с выделенным в петроглифах «изобразительным рядом» композиций с повозкам⁴ (Новоженев, 2012. С. 98–123; 286–308);
- он имеет структурные аналогии в синхронных погребениях с повозками из северных, степных регионов (ранний этап новотиторовской культуры);
- совершенно определено выделяются две разные погребальные традиции: установка целой телеги в могилу (3200, 3900) и размещение ее в разобранном виде – «имитация» погребения повозки (3225), так же, как это установлено для северных, степ-

4 На основании статистических закономерностей, выделенных на значительном массиве композиций (более 500 объектов) с повозками в изобразительных памятниках Центральной Азии и Евразии в целом, автору удалось выявить наиболее часто встречаемые с изображениями повозок другие образы – «изобразительные ряды» для разных регионов и исторических периодов. Различия в составе этих рядов позволяют предполагать различия в представлениях о повозках, отражающих в свою очередь особенности самоидентификации оставившего их населения и развитие их собственных черт идентичности во времени.

ных, погребений с повозками (Новоженков, 2012. С. 286–308);

- явная элитарность этих погребений;
- выкладка стенок могилы сырцовыми кирпичами, устройство различных глиняных площадок и поминальных костров, что находит полные аналогии в погребальном обряде с колесницами в урало-казахстанских степях (Зданович, 1988. С. 71–76; 135–140);
- человеческие жертвоприношения (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 378–380);
- погребения сопровождаются культовыми бронзовыми жертвенными сосудами – устойчивая традиция их изготовления (Кукушкин, 2011. С. 110–117);
- развитый культ собаки – практически всегда они сопровождают погребения с повозками;
- зарождающийся культ лошади;
- культ рыбы: найдены удивительные расписанные красной краской фигурки рыб;
- наличие «атрибутов власти»: сломанных каменных посохов, каменных дисков, скипетров (булав-дубинок), жезлов – «гарпунов»;
- наличие специальных сигнальных труб (для обучения лошадей?) и для коммуникации;
- поразительное сходство сопроводительного инвентаря, позднее определенного как колесничный комплекс вооружения⁵.

Все элементы перечисленной выше структуры находят позднее свое развитие и поразительные аналогии в степных раннеандроновских колесничных погребениях урало-казахстанских степей и даже Китая времен династии Шан (Чечушков, 2013. С. 12–19; Новоженков, 2011. С. 247–256; 2012. С. 185–307; 2014. С. 92–121). Идею значительного влияния ВМАК на развитие и происхождение степных

колесниц, как следствие развитых коммуникаций между этими регионами, так же развивает в своем исследовании М. Тойфер (Teufer, 2012. S. 270–312).

Синхронные ближневосточные повозки и их датировка

Шумерские телеги обнаружены в Кише и в Уре, в царском некрополе. Реконструкция одной из них – с изогнутыми прутьями над платформой и высоким передком, позволяет предположить установку в могиле фургона, запряженного парой быков (Woolley, 1934; Кожин, 1982. С. 48–52). Эламские могилы с повозками в могильнике Донжон в Сузах содержали совместно с остатками повозок фрагменты керамики с изображением крытой телеги. Датировка большей части эламских могил с повозками определена в пределах РД IIIa, что соответствует по «средней» хронологии 2723–2600 гг. до н.э., по «короткой» – 2500–2400 гг. до н.э. Могилы в Кише. Также, как модели фургонов и двуколок из Тель Хуейры и Алачахуюка (рис. 2, 5) в Анатолии, датируются периодом РД II (Littauer, Crouwel, 1979. P. 16).

Остатки шумерских и эламских повозок, в сочетании с синхронными изобразительными материалами, позволили выделить их древнейшие виды, которые применялись здесь в первой четверти III тыс. до н.э. Отметим генетическую связь изображений на глиняных табличках из Урука IVa: крытой волокуши – подвижного дома на катках – и фургонов, представленных в этих погребениях. Последние целесообразно рассматривать как крытый вариант «боевой» телеги, нашедший свое продолжение в значительной по количеству серии игрушек-моделей из глины. Тема их изучения представляется очень перспективной. Уже выделены 9 основных типов таких повозок (как двухколесных, так и четырехколесных, включая фургоны) во всем ближневосточном регионе, начиная от убейдского и до старовавилонского периода (в том числе – в Анатолии); предложена их классификация (Bollweg, 1996. S. 10-13; см.: Wrede, 2003).

На Среднем Востоке более ранние образцы моделей колес с двухсторонними втулками, датируемые началом IV тыс. до н.э., происходят из раннеземледельческого поселения Сиалк в Иране. Известны модели колес из Шах-тепе, Намаз-

⁵ Многочисленные кремневые и костяные наконечники стрел; Г-образные бронзовые предметы – «гарпуны»-стрекала: возможно, такие предметы стали прообразом крюков-багров из таких разновременных памятников, как могильник Ацису (Кукушкин, 2011. С. 110–116), как багор из погребения 32 в Большом Ипатовском кургане и как изображения на чечурчекских антропоморфных стелах (см.: Новоженков, 2014. С. 36–37); костяных удлиненных пластинок с отверстиями по краям от защитного панциря: Каменный Амбар 5 и более ранняя по времени – Ростовка (Епимахов, 2005). В гонурских материалах, отнесенных к более раннему периоду, эти пластины сделаны из слоновой кости и богато орнаментированы.

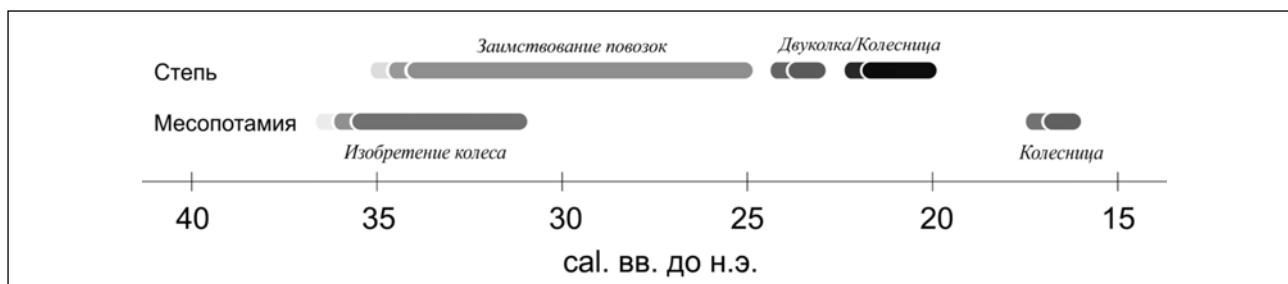


Рис. 4. Схема периодизации древнейшего колесного транспорта в системе радиуглеродной хронологии (Чечушков, 2014. С. 274–285).

га III (Туркменистан) и модель повозки с протомой упряжного животного – верблюда (Анау III), а также отпечатки цилиндрических печатей (Кузьмина, 1980. С. 11–35), которые датируются периодом РД I (Сафронов, 1989. С. 164).

В слоях конца IV – начала III тыс. до н.э. поселения Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана встречаются глиняные (с деревянными осями) и терракотовые модели одноосных двухколесных повозок с центральным дышлом, запряженные парой быков, но уже во второй половине III тыс. до н.э., появляются модели четырехколесных телег с высокими бортами и двумя оглоблями, изредка – в верблюжьей упряжке (Кирчо, 2009. С. 25–33). Способ передачи тяги с помощью оглобель здесь появляется очень рано. Представляется, что сам по себе факт знакомства с оглобельным способом упряжки совсем не означает широкого практического их использования в реальной жизни. В противном случае, мы имели бы значительно большее количество таких источников и скорее всего – изобразительных. Недостатки технологии производства древнейших повозок и отсутствие креативных технических идей, делали их слишком тяжелыми для одного упряжного животного. Только верблюд мог быть достаточно эффективным в таких конструкциях, однако ареал его обитания ограничен только южными регионами Центральной Азии, что собственно и определяет территорию их распространения.

В Хараппе (ок. 2300–1750 гг. до н.э.) обнаружены главным образом двухколесные модели повозок со своеобразной, овальной «в профиле» платформой кузова и сохранившимися прутьями, образующими основу перекрытия этих повозок. Колесные повозки хараппской цивилизации имеют достаточно своеобразную конструкцию, отличающуюся от синхронных ближневосточных повозок (Шер, 1980. С. 215).

Какой-либо эволюции транспортных средств в Хараппе не наблюдается. Более того, не зафиксировано явного влияния гонурской или шумер-эламской транспортной традиции: четырехколесные повозки не были заимствованы, несмотря на наличие развитых культурных и торговых контактов⁶. Упряжными животными использовались только быки (зebuобразные). Не найдены здесь и погребения с остатками реальных повозок.

Синхронизация находок из разных частей юга Евразийского континента – актуальная задача, поскольку ее решение позволяет прояснить детали процесса распространения колеса в самые отдаленные районы и выявить особенности развития локальных транспортных средств и каналов коммуникации. Для материалов Гонур-депе имеется солидная серия из 59 радиуглеродных калиброванных дат, определяющих время существования маргианской столицы в пределах 2500–1500 гг. до н.э. Наиболее интенсивно его использование было на рубеже 2000 г. до н.э. К 1500 г. до н.э. жизнь на памятнике прекратилась (Зайцева, Дубова и др., 2008. С. 166–179). Эти даты могут стать реперными для других регионов с целью построения периодизации поступательного развития транспорта и выделения этапов его эволюции. Такая синхронизация позволяет определить время появления отдельных инноваций и изобретений, что в свою очередь позволяет определять приоритет таких изобретений за той, или иной территорией.

И.В. Чечушков предпринял такую попытку (рис. 4), сравнив и калибровал при помощи

⁶ Особенность этих связей состояла в их направленности исключительно из Шумера в Меллухху, но не наоборот. Этот вывод происходит на основании анализа археологических материалов: хараппские вещи найдены в Шумере и практически отсутствуют в Хараппе (см.: Ламберг-Карловски, 1990. С. 3–21). По-видимому, это были коммерческие, торговые контакты.

специального программного обеспечения опубликованные и новые радиоуглеродные даты погребений и находок ближневосточных повозок, которые в наибольшей степени совпали с так называемой «длинной» хронологией (Чечушков, 2014. С. 274–285). Автор отмечает, что древнейшие свидетельства существования колесного транспорта в Месопотамии относятся ко второй половине IV тыс. до н.э. (3600–3100 гг. до н.э. в системе радиоуглеродной хронологии, далее – cal.). Однако свидетельства эти единичны. Хронология ранних династических периодов Месопотамии укладывается в III тыс. до н.э., что, в целом, делает широкое распространение колесного транспорта на Ближнем Востоке синхронным с его появлением в Европе и в Северной Евразии (Bakker et al, 2006).

Согласно Е.Н. Черныху, степные памятники Майкопско-Новосвободненской общности (МНО) широко датируются между 4050–3050 гг. до н.э., а формирование ямной общности относится, вероятно, к концу IV тыс. до н.э. (3300–3000 гг. до н.э.) (Chernykh, 2008. Р. 73–93). Майкопские транспортные средства могут быть синхронизированы с поздними периодами Урука и отнесены ко второй половине IV тыс. до н.э. Как полагает И.В. Чечушков, распространение колесного транспорта в среде носителей ямной культуры синхронизируется с Раннединастическими периодами, но, по-видимому, происходит уже совершенно независимо.

Двухколесные повозки в Месопотамии могут быть датированы cal. 2900–2600 гг. до н.э. Это существенно древнее дат Большого Ипатовского кургана, где обнаружена древнейшая из известных в Евразийской степи двухколесная повозка (cal. 2292–2202 гг. до н.э. – 68,2%) (Большой Ипатовский курган, 2007. С. 111). Однако эти катакомбные древности могут быть хронологически соотнесены с третьей династией Ура (cal. 25–20 вв. до н.э. или 2159–2051 гг. до н.э. по «длинной» хронологии). Анализ дерева показал, что повозка из Большого Ипатовского кургана произведена из кавказских пород, т.е. в целом технология была «местной» и независимой от Месопотамии. Однако вряд ли возможно однозначно ответить на вопрос, был ли тип двухколесных повозок развит в степи самостоятельно, или же мастера следовали за технологиями Ближ-

него Востока (см. подробнее: Чечушков, 2014. С. 274–285). Отчасти прояснить этот вопрос позволяют изобразительные памятники.

Петроглифы

как индикатор коммуникаций

Северные изобразительные памятники Центральной Азии, происходящие из степных и полупустынных районов Казахстана и Узбекистана – Байконур, Каратау (Сауыскандык, Баганалы, Арпаузен, Койбагар и др.), Тамгалы, Кулжабасы, Сармышсай, Букантау – наглядно свидетельствуют о распространении четырехколесных повозок гонурского типа и соответственно населения их использовавшего, на север, по долинам небольших рек, протекающих в меридиональном направлении.

Эти северные памятники повествуют о развитии здесь культе верблюда, наряду с культом лошади и быка, демонстрируют разные способы запряжки в телеги как пары, так и одного верблюда, а также парные запряжки быков, например, в Кулжабасы (рис. 5). Еще



Рис. 5. Южный Казахстан. Кулжабасы. Фото плоскости 362 (Самашев и др., 2011. С. 372)

далее на север региона, в Минусинской котловине – на юге Сибири, так же зафиксирован очаг древнейшего колесного транспорта, представленный в изобразительных памятниках, и демонстрирующий несколько иные типы повозок: четырехколесные фургоны и двухколесные А-образные двуколки (Есин, 2012. С. 14–47; Новоженев, 2014а. С. 90–100). Этот очаг связывается с южно-казахстанской и центрально-казахстанской группами изобразительных памятников через колесничные петроглифы, известные на Алтае, в Тарбагатае, в Синьцзяне и Монголии. Таким образом, эти петроглифы картографируют каналы коммуникации во всем центрально азиатском регионе. Рассмотрим подробнее известные в каждом регионе изображения повозок и запечатленные на них инновации с целью прояснения направленности векторов коммуникации.

Минусинская котловина

В настоящее время в этом самом северном регионе известны 10 хорошо сохранившихся изображений древнейших повозок, 9 из которых найдены на стенах и плитах, вторично использованных в могильниках, и одна – в петроглифах на горе Тепсей (Есин, 2012. С. 39–41; Новоженев, 2014а. С. 90–100). Во всей этой серии выделены четырехколесные и двухколесные повозки. Если телеги представлены повозками «платформенного», открытого типа и крытым фургоном, то двухколесные – только одним типом – А-образными двуколками. Они имеют раму в виде сильно вытянутого треугольника, широкая часть которого является кузовом с колесами, а узкая – дышлом, с прикрепленной поперечной перекладной – ярмом. Показаны невысокие боковины кузова, сделанные очевидно из жердей (Есин, 2012. Рис. 9).

Абсолютно сходная реальная двуколка обнаружена в уже упомянутом выше катакомбном погребении 32 Большого Ипатовского кургана в Ставрополе (Большой Ипатовский..., 2007. С. 107–112; Belinskij, Kalmykov, 2004. S. 201–220). Очевидно, что такая поразительная аналогия недвусмысленно свидетельствует о времени и месте происхождения подобного типа повозок и, соответственно, позволяет предполагать возникновение окунев-

ской культуры из ямно-катакомбной среды (Подольский, 2007. С. 113–128). Что касается четырехколесных минусинских повозок – телег и фургона, – то их реальные прототипы также хорошо документированы в памятниках МНО Предкавказья и степной полосы Евразии (Избицер, 1994. С. 12–19; 2010. С. 187–194; Izbitser, 2013. P. 9–17; Гей, 2000). Знаменский фургон, запряженный парой быков и изображенный с детальными прорисовками бортов и перекрытия этой кибитки, повторяет многие конструктивные особенности раскопанных здесь новотиторовских телег. В качестве упряжных животных исключительно изображены пары быков (Есин, 2012. С. 25)⁷.

Таким образом, минусинские двухколесные повозки демонстрируют ряд прогрессивных инноваций и достижений в своих конструкциях, а также в селекции крупного рогатого скота, неизвестных ранее в регионах Северной Евразии. Они коренным образом отличаются по конструкции от конских упряжек на колесах со спицами – истинных колесниц, повсеместно распространившихся в Центральной Азии в более поздний период. Эти своеобразные упряжки, конструкция которых изначально разрабатывалась для использования только волов и коров, совершенно не приспособлены для использования в них эквидов и, очевидно, никак не могут быть связаны конструктивно с гонурскими. Одна-

⁷ Высказывалось мнение об использовании окуневцами одомашненной лошади (Миклашевич, 2006. С. 191–211), однако, не все приведенные автором изображения могут быть определены как лошади – в некоторых случаях – это поврежденные сколами фигуры волов, коров или комолых быков, а полосы на головах объясняются особенностями окуневского искусства, предполагающего «боевую раскраску» животных (у лосей, например) и личин. Не исключено использование примитивного веревочного капцуга или недоуздки в качестве поводка для домашней лошади, но нет пока никаких данных об использовании лошадей для запряжки их в двуколки, так же как нет материальных свидетельств дистанционного управления лошадей – псалиев, например. Напротив имеется множество свидетельств использования ошейников и носовых колец (носовых петель) для управления упряжкой, запряженной волами или коровами в «окуневских» петроглифах. Значительная серия аналогичных носовых колец обнаружена в памятниках МНО (Корневский, 2011. С. 86), а с прикрепленной к нему веревкой является стандартным способом управления такими упряжками. Важным средством дистанционного управления упряжными животными стали специальные предметы – кнут (хлыст), стрекало, крюки-багры, «вилки», так же широко представленные в этих памятниках (Новоженев, 2014а. С. 96–97).

ко это утверждение не вполне справедливо для четырехколесных минусинских повозок – фургонов, запряженных быками.

Байконур

Приблизительно в 200 км западнее г. Джезказгана, в Казахском мелкосопочнике (в Бетпак-дале), на берегах небольшой одноименной степной реки обнаружено несколько групп петроглифов и две многофигурные композиции с повозками (Новоженов, 2002. С. 22–26. Табл. 28, 33). В третьей группе на массивной наклонной плите (длинной более 8 м), выбита композиция (рис. 6), в которой участвуют лучник с «хвостом» и собакой, стреляющий в быка; лошади, верблюды, горные бараны, степные антилопы и открытая четырехколесная повозка с центральным дышлом, запряженная парой верблюдов-бактрианов. Рядом с ней изображена процессия из людей (9 фигур) и другая телега также открытого типа, на которой изображен возничий, управляющий с помощью вожжей парой крупных лошадей, запряженных в эту повозку с центральным дышлом. Повозки показаны детально, с проработкой элементов упряжи и ярма и даже некоторых ремней оголовья.

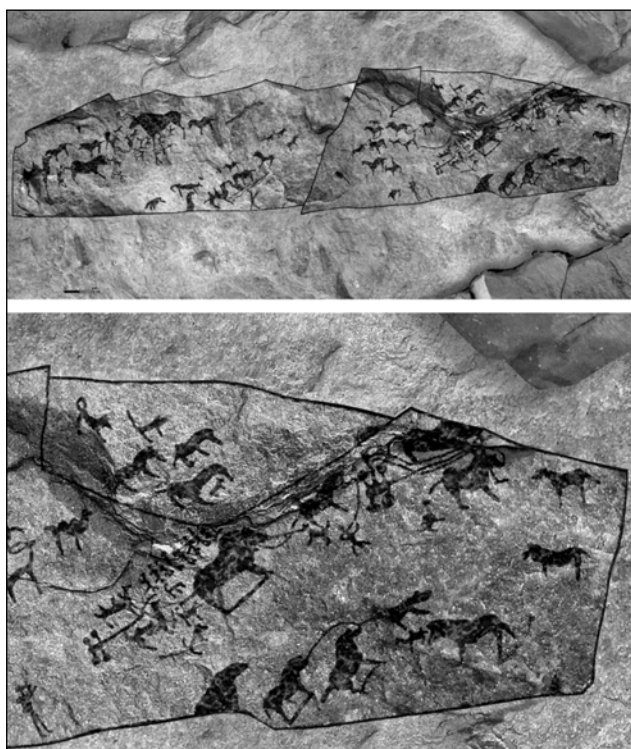


Рис. 6. Казахский мелкосопочник. Байконур III, плита 2. Авторская визуальная реконструкция первоначального вида (Новоженов, 2002; 2012)

Очевидно, что среди многих скрытых смыслов этой композиции, явно выделяется тема миграции или переселения какого-то клана близких родственников.

Другая многофигурная композиция (рис. 7), в этой же группе байконурских петроглифов, изображена на плите длиной более 2-х м. Здесь очень маленькая повозка на двух сплошных колесах с центральным дышлом запряжена парой верблюдов и показана в окружении многочисленных фигур людей, животных и знаков. Обе композиции относятся к наиболее раннему хронологическому горизонту этого памятника (Новоженов, 2002. С. 42–50). По многочисленным изображениям коней в легко узнаваемой сейминско-турбинской манере они датированы раннеандоновским периодом (рубеж III–II тыс. – XVIII в. до н.э.), что очевидно совпадает с периодом наивысшего расцвета Гонур-депе. Байконурские телеги конструктивно соответствуют найденным здесь повозкам открытого типа с центральным дышлом и запряжены парой верблюдов и очень крупных лошадей. Колеса показаны на длинных осях, они дискового типа и небольшого диаметра. Пропорции фигур композиции, соотношение их разме-

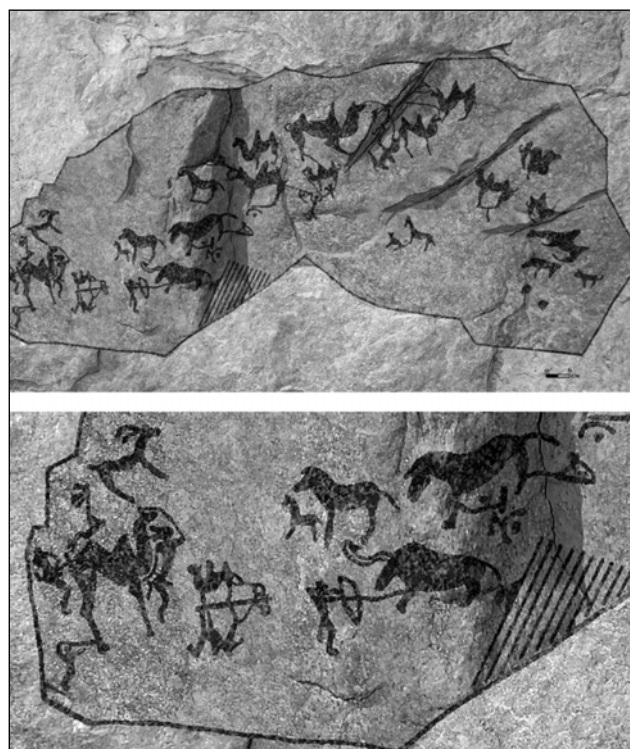


Рис. 7. Казахский мелкосопочник. Байконур III, плита 17. Авторская визуальная реконструкция первоначального вида (Новоженов, 2002; 2012)

ров между собой, позволяют предполагать небольшой размер самих повозок, их колес, вполне сопоставимый с габаритами гонурских телег, в сравнении с фигурами возничего и собственно упряжных животных. Отсутствие в северных, степных регионах явно выраженной военной угрозы, могло повлечь за собой трансформацию кузова этих повозок: расширение грузоподъемности и полезной площади платформы за счет удаления в конструкции кузова защитного передка. Потребность в преодолении значительных и малонаселенных степных пространств и соответствующая модернизация кузовов повозок стали, вероятно, более актуальной задачей, чем защита экипажа повозки от врагов.

**Отроги хребта Каратау
(Сауыскандык, Баганалы, Арпаузен,
Койбагар и др.)**

Очень близкие к только что описанному «репертуару» и манеру изображения демонстрируют существующие в сходном степном

ландшафте аналогичные и синхронные петроглифы отрогов хребта Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977; 2007; Мургабаев и др., 2006. С. 68–73; Швец и др., 2008; Самашев и др., 2013), расположенные на юге Казахстана и на севере Узбекистана (Хужаназаров, 2004. С. 108–114), а так же в Кызыл-Кумах, в Букантау (Оськин, 1976; 1990. С. 141–145).

Коллекция обнаруженных здесь синхронных повозок более многочисленна и разнообразна по типам транспортных средств: она насчитывает несколько десятков экземпляров, среди которых представлены четырехколесные повозки с центральным дышлом, открытыми и крытыми платформами, запряженные парами верблюдов или быков, иногда – одиночными фигурами верблюдов; большая серия двухколесных повозок с центральным дышлом, среди которых уже появляются классические изображения колесниц в плановой проекции, запряженные парой лошадей (рис. 8, 9). В Семиречье, в более восточном регионе, в предгорьях Джунгарского Алатау, на

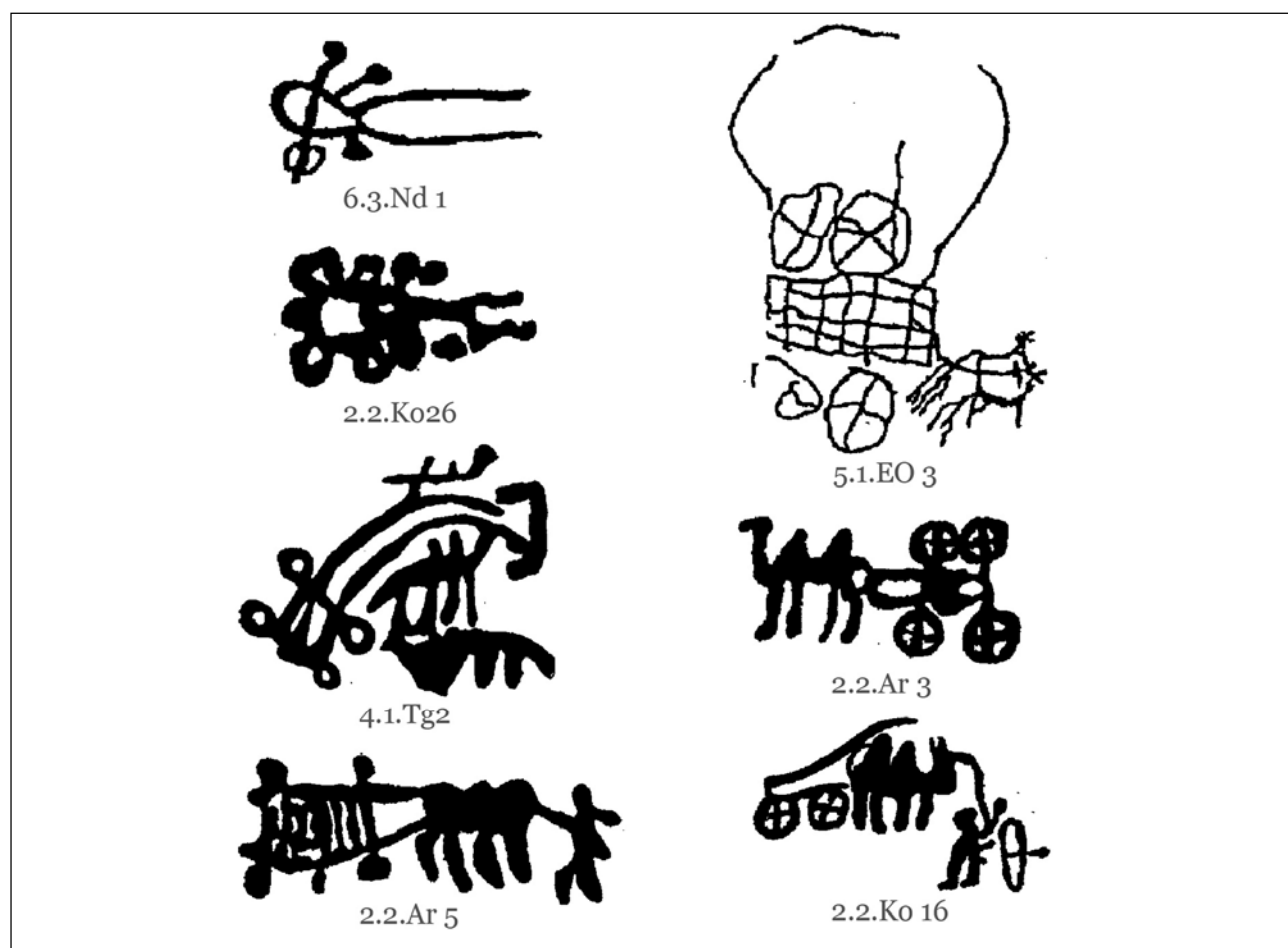


Рис. 8. Каратау, Казахский мелкосопочник и Семиречье. Тамгалы, Арпаузен, Койбагар, Ешкиольмес. Повозки (Кадырбаев, Марьяшев, 2007)

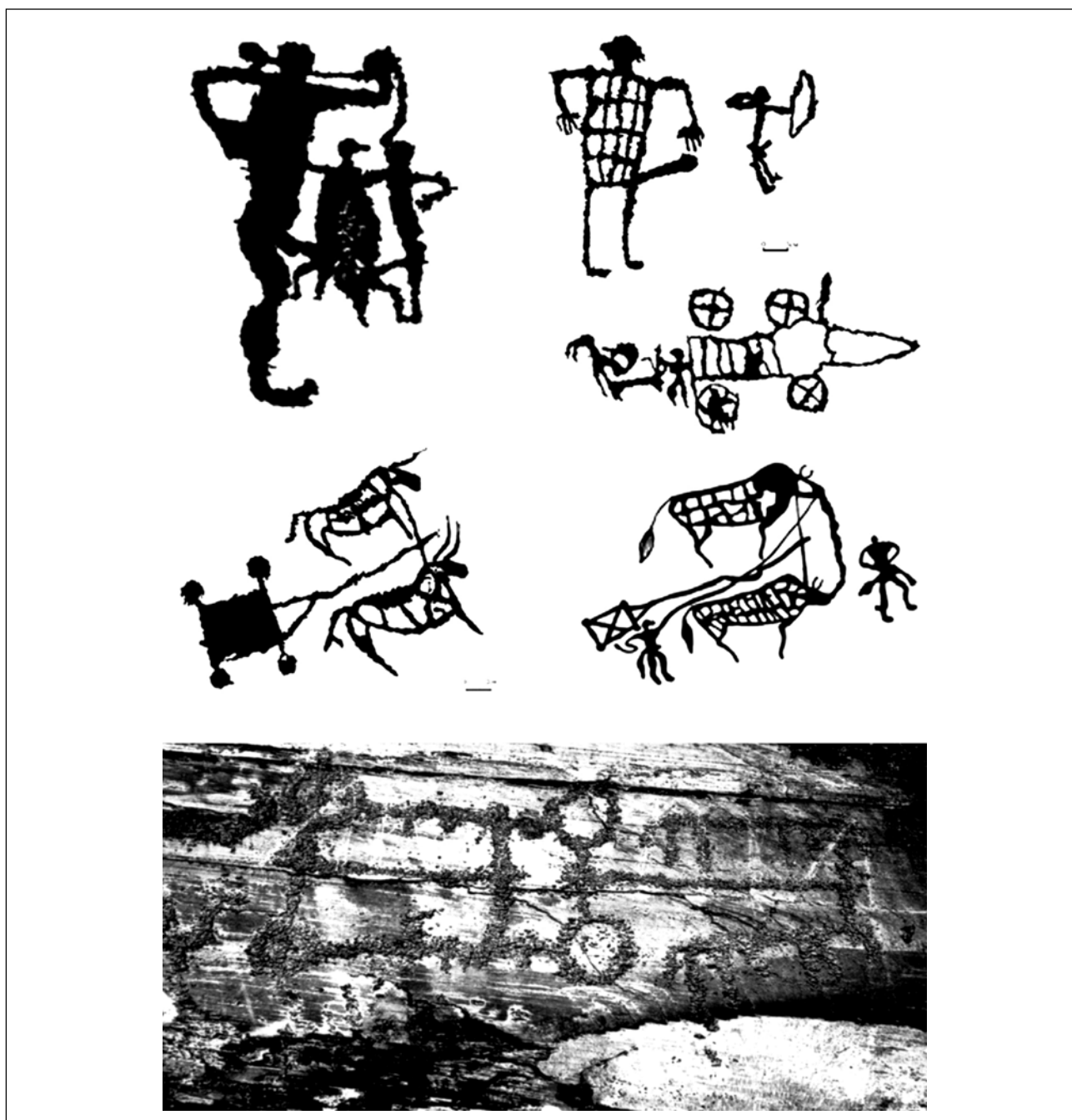


Рис. 9. Отроги хребта Каратау. Сауыскандык (прорисовки) и Баганалы (фото). Повозки и антропоморфные персонажи (Мургабаев и др., 2006; Швец и др., 2008; Самашев и др., 2013. С. 71–88).

памятнике Ешкиольмес, обнаружено изображение фургона, запряженного парой лошадей, и выполненное иной техникой – тонкими резными линиями и гравировкой.

Пазлы коммуникации

Поразительное сходство гонурских материалов и БМАК в целом с центральноазиатскими сюжетами в петроглифах уже отмечалось многими исследователями (Рогожинский, 2011. С. 87–99; Марьяшев 2011. С. 36–40; Shvets, 2012) и нашло яркое выраже-

ние в древнейших петроглифах Саймалы-Таша (Шер, 1980) в виде самобытного «битреугольного стиля» изображения животных и прежде всего – быков. Соединение «северного» и «южного» импульсов на рубеже III и II тыс. до н.э., видимо, и привело к возникновению андроновской изобразительной традиции, нашедшей свое яркое воплощение на скалах Центральной Азии (Новожинов, 2012а. С. 114–145; 2014).

А.Е. Рогожинский выделяет ряд конкретных сюжетов, запечатленных на скалах

южных казахстанских изобразительных памятников, сходных с материалами гонурских погребений, и приводит множество таких соответствий (Рогожинский, 2011. С. 87–99). Петроглифические памятники Казахстана (Каратау, Сауыскандык, Баганалы), Узбекистана (Нура-тау) и вдоль Каракорумского шоссе в Пакистане (Чилаз), по мнению некоторых исследователей, связаны с окуневской изобразительной традицией⁸ (Швец, 2011. С. 134–138; Jettmar, 1982. P. 293–308; Есин, 2012. С. 37), что дает основание, в том числе, и для гипотез о контактах окуневцев с Хараппской цивилизацией и об их миграциях (Соколова, 2010. С. 87–94). Однако двуколки А-образного типа появляются на территории Индии слишком поздно – только после арийского завоевания (поселение Инамгаон, рисунок на фрагменте керамики). На указанных территориях окуневские памятники, которые могли бы картографировать такую миграцию, неизвестны, и напротив, открыты и изучены памятники ямно-афанасьевского круга (Карагаш, Григорьевка 2 и др. в Центральном Казахстане, заманбабинская группа в долине Зеравшана (Новоженев, 2012б. С. 68–73; Евдокимов, Ломан, 1989. С. 34–46; Мерц, 2010. С. 49–58; Кукушкин, 2014. С. 401–414). Эти выявленные исследователями памятники и их контакты, несомненно, свидетельствуют о развитой системе коммуникаций между северной и южной частями Центральной Азии через казахские степи, но вряд ли имеют что-то общее с перемещениями окуневского населения на юг. Выявленный факт сходства рассмотренных материалов может свидетельствовать о мощном южном инновационном импульсе в рамках туранского коммуникативного канала, который формировался в самые последние века III тыс. до н.э. и оказал существенное влияние на культурогенез андроновской культурно-исторической общности, обусловив ее отличие от синхронных степных культур⁹ (Новоженев, 2012. С. 308–336).

8 При этом многие композиции выполнены в сейминско-турбинском стиле. Мы категорически не согласны с окуневской атрибуцией этих возможных контактов и определяем их как раннеандоновские (см.: Новоженев 2012а. С. 114–145 и др.).

9 Как, впрочем, и «северный» путь коммуникации – через расселявшиеся в широтном направлении по всему континентальному поясу степей племена ямно-афанасьевского круга.

Новации в конструкциях здесь свелись к раннему изобретению оглобельного способа упряжки (в Туране), что привело к замене двух тягловых животных на одно и замене тяжелых дисковых колес – на более легкие, со спицами. Это изобретение в свою очередь, в сочетании с успехами в селекции лошади на северных, степных, территориях, привело к революционному изобретению колесницы. В Туране стали очень рано запрягать вместо быков – верблюдов, а в Хараппе, как позднее и в Китае, развивались повозки практически одной конструкции: на двух больших колесах со спицами – (арба) универсального грузо-пассажирского назначения, запряженные парой быков – которые сохранились вплоть до этнографической современности в своей первоначальной форме.

Таким образом, во всем «южном поясе» древнейших земледельческих цивилизаций на Евразийском континенте, от Шумера до Хараппы, в начале III тыс. до н.э. четырехколесные экипажи представлены типом боевых телег с высоким передком, поручнями и низкими боковыми стенками, с узким кузовом, достаточным для возничего и пассажира и который трансформируется в зависимости от практических потребностей социума. В Месопотамии в могилах зафиксированы остатки фургонов, а в южных и восточных памятниках континента (за исключением Знаменской стелы в Минусинской котловине) они практически неизвестны. Здесь использовались открытые четырехколесные грузопассажирские платформы, которые, впрочем, легко могли трансформироваться в мобильные жилища, о чем свидетельствуют значительно более поздние пазырыкские материалы (Новоженев, 2014б. С. 142–151).

В синхронный гонурскому период, в ближневосточном регионе впервые появляются двуколки двух типов – «сидячие повозки» с массивным дышлом, на котором сидел возничий, и повозки с открытой площадкой, представляющие собой двухколесную версию боевой телеги. Использование двуколок в военном деле не зафиксировано. Они могли применяться как транспорт для связи и охоты. Нет никаких свидетельств существования здесь А-образных двуколок.

Все типы повозок имели составные трехчастные дисковые колеса, которые враща-

лись на неподвижных осях. Не исключено использование подвижных осей, вращающихся вместе с зафиксированными на них парой колес.¹⁰ Дышло – изогнутое или прямое. Впервые в качестве упряжных животных используются верблюды и эквиды – азиатские «полуослы» (*Equus hemionus*) и ослы (*Equus asinus*), очень редко – лошади (*Equus caballus*). Упряжка, как правило, состояла из 2-х или реже – из 4-х животных: двух тягловых и двух пристяжных. В Туране в упряжках активно использовались верблюды и

10 Упоминания о таких колесных парах имеются в индоиранских письменных источниках, факт их использования не подтвержден пока археологическими материалами, есть только косвенные свидетельства – «профильное» изображение двуколки на Аскизской стеле (Минусинская котловина), где видимый в колесе торец оси показан прямоугольным (см.: Кузьмина, 1994. С. 163–190; Есин, 2012. С. 14–47). Такие колесные пары известны у кочевников Центральной Азии в этнографическое время. И сегодня в монгольской степи можно встретить остатки именно таких осей с закрепленными на них неподвижно колесами, которые еще недавно использовались в повседневной хозяйственной деятельности монгольских кочевников.

быки в парных и одиночных (только верблюды) упряжках. Боевые телеги – четырехколесные повозки применялись как передвижные платформы, с которых метали дротики и копья под прикрытием высокого передка. Они так же использовались как грузо-пассажирские платформы, на которых могли, кроме того, устанавливаться сборно-разборные конструкции – мобильные жилища (кибитки, протоюрты) или просто легкие навесы для защиты от солнечных лучей. Эти повозки могли разворачиваться только по большой дуге (20–40 м), пока их передние оси не стали подвижными в горизонтальной плоскости.

Таким образом, уникальные находки остатков гонурских повозок, их детальное исследование, позволяют существенно конкретизировать этапы и историю развития коммуникаций и колесного транспорта на Древнем Востоке и, особенно, в Центральной Азии, а так же позволяет прояснить происхождение некоторых северных археологических культур степного пояса Евразии в эпоху бронзы.

Библиография

1. Абу А.-Х. Бакри. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даба и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Т. 2. С. 267–278.
2. Алтынбеков К., Новоженев В.А. Реконструкция андроновской колесницы // Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 256–273.
3. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кулжабасы. Алматы: Изд-во Института археологии МОН РК, 2004.
4. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Байтанаев Б.А. Новые петроглифы Каратау. Алматы, 2007.
5. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Мало-го Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: Археологическая экспертиза, 2013.
6. Большой Ипатовский курган на Ставрополье: Коллективная монография / С.Н. Корневский, А.Б. Белинский, А.А. Калмыков. М.: Наука, 2007.
7. Бронзовый Век Европа без границ Четвертое – первое тысячелетия до н.э. / Под ред. Ю.Ю. Пиотровского. Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013.
8. Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000.
9. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992.
10. Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Наука, 2004. С. 254–281.
11. Дубова Н.А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, 2006. С. 169–173.
12. Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетей, 2010. С. 484–503.
13. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во университета, 1989. С. 34–46.
14. Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар – 5). Кн 1, электронное приложение Ч. 1, 2. Челябинск, 2005.
15. Епимахов А.В. К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла // Вестник Челябинского

- государственного университета. 2012. N 34 (288). История. Вып. 53. С. 5–9.
16. Епимахов А.В., Чечушков И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Зауралья. Степь (проблемы культурогенеза) / Под ред. С. Г. Боталова. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 168–182.
 17. Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно Алтая. № 1(3). 2012. С. 14–47.
 18. Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009.
 19. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Наука, 2008. С.166–178.
 20. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: изд-во Уральского университета, 1988.
 21. Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III – II тыс. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
 22. Избицер Е.В. Колесница с тормозом или реконструкции без тормозов // Stratum plus. № 2. 2010. С. 187–194.
 23. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы, 2007.
 24. Кирчо Л.Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (37). 2009. Новосибирск. С. 25–33.
 25. Кожин П.М. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тысячелетия до н.э. по первые века н.э. (происхождение и древняя история колесного транспорта). М., 1982. Деп. ИНИОН. № 13481.
 26. Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: ИД «Форум», 2011.
 27. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус, 2011.
 28. Кузьмина Е.Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // ВДИ. 1980. № 4. С. 11–35.
 29. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ, 1994.
 30. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М; СПб, 2008.
 31. Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. 2011. № 2. С. 110–116.
 32. Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401–414.
 33. Ламберг-Карловский К.К. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н.э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. 1990. № 1. С. 3–21.
 34. Лубоцкий А. Кем были люди из Гонура и на каком языке они говорили? // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 18–22.
 35. Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы. Т. 1. 2011. С. 36–40.
 36. Мерц В.К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т.М. Потемкиной. Курган, 2007. С. 71–75.
 37. Мерц И.В. История изучения эпохи ранней бронзы Восточного и Северо-Восточного Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 49–58.
 38. Мерц В.К., Мерц И.В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 134–144.
 39. Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. Вып. 2 / Сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: изд-во Элекс-принт, 2006. С. 191–211.
 40. Мургабаев С., Елеуов М., Самашев З. Үлкен Қаратау петроглифтері // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. № 3 (42). Алматы, 2006. Бишкек, 68–73.
 41. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: изд-во Аргументы и Факты – Казахстан, 1994.
 42. Новоженев В.А. Петроглифы Сары Арки. Алматы: изд-во Института археологии, 2002.
 43. Новоженев В.А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 1. С. 247–256.
 44. Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под редакцией Е. Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012. 500 с., ил.
 45. Новоженев В.А. Андроновская изобразительная традиция: конец мифа? (методологический аспект) // Археология и история Сары Арки. Караганда: изд-во КарГУ, 2012а. С. 114–145.

46. Новоженев В.А. Древнеямные памятники Сарыарки в контексте синхронных памятников степной Евразии и наскальная изобразительная традиция // Маргулановские чтения 2012. Материалы ежегодной научно-практической конференции. Астана: изд-во ИА им. А.Х. Маргулана, 2012б. С. 68–83.
47. Новоженев В.А. Индоевропейские коммуникации в свете распространения древнейшего колесного транспорта: модель кочевой прародины // Материалы и исследования по культурогенетическим процессам в эпоху бронзы и РЖВ. Материалы стендовой конференции и круглого стола «Традиционная культура казахов и протоказахов (вопросы генезиса и преемственности), приуроченных к 60-летию профессора А.Т. Толеубаева. Исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. Аль-Фараби. Вып. 4. Алматы: «Казак университети», 2013. С. 19–71.
48. Новоженев В.А. Ямно-афанасьевские изобразительные коммуникации населения Сарыарки в эпоху ранней бронзы // Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения: Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации». 26-27 апреля 2013 г. Алматы: «Казак университети», 2013а. С. 100–117.
49. Новоженев В.А. Кочевая прародина индоевропейцев / Под редакцией А.В. Епимахова. Алматы: Остров Крым, 2014.
50. Новоженев В.А. К вопросу о происхождении А-образного типа двуколок Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2(58). Новосибирск, 2014а. С. 90–100.
51. Новоженев В.А. Повозки ранних кочевников в центре Азии // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития археологической и этнологической науки в Казахстане», приуроченной к 80-летию КазНУ имени аль-Фараби и 90-летию почетного академика НАН РК У.К. Шалекенова (16 мая 2014 г.) / Отв. ред. Б.К. Калшабаева. Алматы: «Казак университети», 2014б. С. 142–151.
52. Оськин А.В. Петроглифы Букантау // Природа. 1976. № 10. С. 83–89.
53. Оськин А.В. Небесные светила в символике петроглифов Букантау // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 141–145.
54. Подольский М.Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 113–128.
55. Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2011. С. 87–99.
56. Ростовцев М. И. Караванные города. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010.
57. Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Энер, 2006.
58. Самашев З.С., Франкфор А.-П., Новоженев В.А., Видаль П. Памятники древнего искусства Казахстана: новые исследования // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово, 1995. С. 15–16.
59. Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана (Rock Art of Kazakhstan). Сеул; Астана: Фонд истории Северо-Восточной Азии, Астанинский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2011.
60. Самашев З., Байтлеу Д., Кариев Е., Мургабаев С. Исследование археологического комплекса Баганалы в Шиелинском районе Кызылординской области // Археологические исследования степной Евразии. Сб. статей к 70-летию В. В. Евдокимова. Караганда: изд-во КарГУ, 2013. С. 71–88.
61. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
62. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
63. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
64. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. М.: Старый сад, 2010.
65. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-депе (раскоп 16) // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 28–83.
66. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб., 2010. С. 144–171.
67. Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. М., 2008. С. 144–160.
68. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989.
69. Соколова Л.А. Окунево и Хараппа – свидетельства контакта // Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 87–94.
70. Франкфор А.-П. Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаши около 2300–1800 гг. до н.э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, 2006. С. 193–194.
71. Хужаназаров М.М. Памятники Узбекистана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 108–114.
72. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с., ил.
73. Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2013.

74. Чечушков И.В. Распространение колесного транспорта в свете радиоуглеродной хронологии // Кочевая прародина индоевропейцев. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 274–285.
75. Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесницы и упряжь как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, 2010. С. 182–229.
76. Швец И.Н. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе: материалы международной научной конференции. Кемерово, 2011. С. 134–140.
77. Швец И.Н., Самашев З.С., Мургабаев С., Бедельбаева М.В. Петроглифы местонахождения Сауыскандык: к проблеме культурных контактов древнего населения Евразии // Чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008.
78. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
79. Шишлина Н.И., Ковалев Д.С., Ибрагимова Э.Р. Повозки катакомбной культуры Евразийских степей // Бронзовый век: Европа без границ. Четвертое – первое тыс. до н.э. / Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 119–126.
80. Bakker J. A., et al. Bronocice, Flintbek, Uruk, Jebel Aruda and Arslantepe: the earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East. *Palaeohistoria: Acta Et Communicationes Instituti Bioarchaeologici Universitatis Groninganae*. 2006. 47/48. P. 10–28.
81. Belinskij A., Kalmykov A. Neue Wagenfunde aus Graben der Katakombengrabkultur im Steppengebiet des zentralen Vorkaukasus // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. S. 201–220.
82. Bollweg J. Vorderasiatische Wagentypen // *Spiegel der Terracottaplastic bis zur Altbabylonischen Zeit*. Freiburg: Univ. Verlag; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999.
83. Bronk Ramsey C. et al. Radiocarbon-Based Chronology for Dynastic Egypt // *Science*. 2010. 328. P. 1554–1557.
84. Burmeister St. Der Wagen im Neolithikum und Bronzezeit: Erfindung, Ausbreitung und Funktion der ersten Fahrzeuge // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. S. 13–40.
85. Chavalas M. *The Age of Empires, 3100-900 BCE // Companion to the Ancient Near East*. Wiley, 2005. P. 34–47.
86. Chernykh E. The «Steppe Belt» of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age // *Trabajos de Prehistoria*. 65. №2. Julio-Diciembre 2008. P. 73–93.
87. Childe V. G. The diffusion of wheeled vehicles // *Ethnographisch-Archäologische Forschungen*. 2. 1954. P. 1–17.
88. Jettmar K. Petroglyphs and early history of the upper Indus Valley: The 1981 expedition - a preliminary report // *Zentralasiatische Studien*. Bd. 16. 1982. P. 293–308.
89. Jettmar K. *Die Religionen des Hindukusch*. Stuttgart: Kohlhammer, 1975.
90. Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. Vol. 81. 2007. P. 353–367.
91. Hassan F. A., Robinson W. High precision radio-carbon chronometry of ancient Egypt, and comparisons with Nubia, Palestine, and Mesopotamia // *Antiquity*. Vol. 61. 1987. P. 119–135.
92. Izbitser E. The royal cemetery at Ur and early wheels // *Tyragetia*, s.n. Vol. VII [XXII]. №. 1. 2013. P. 9–17.
93. Kristiansen K. Eurasian Transformations: Mobility, Ecological Change, and Transmission of Social Institutions in the Third Millennium and Early Second Millennium B.C.E. // *The World System and the Earth System*. Walnut Creek, CA, 2007.
94. Littauer M.A., Crouwel J.H. *Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East*. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979.
95. Littauer M.A., Crouwel J.H. The Origin of the true chariot // *Antiquity*. Vol. 70. 1996. P. 934–939.
96. Littauer M.A., Crouwel J.H., Raulwing P. *Selected Writings on Chariots and Other Early Vehicles, Riding and Harness*. Leiden; Köln: E.J. Brill, 2002.
97. Oppenheim A.L., Reiner E. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization*: Univ. of Chicago Press, 1977.
98. Ryholt K. *The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B.C.* CNI Publications 20. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1997.
99. Shvets I.N. *Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archäologie Kasachstans*. Bd. 1. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern, 2012.
100. Spalinger A.J. *Warfare in Ancient Egypt* // Ed. Snell D.C. *Companion to the Ancient Near East*. Wiley, 2005. P. 229–242.
101. Teufer M. *Der Streitwagen: eine «indo-iranische» Erfindung? Zum Problem der Verbindung von Sprachwissenschaft und Archäologie* // *AMIT*. Bd. 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2012. S. 270–312.
102. Wallerstein I.A. *World-System. Perspective on the Social Sciences* // *British Journal of Sociology*. 1976. Vol. 27. N 3. P. 343–352.
103. Woolley C. D. *The Royal cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931*. *Ur Excavation Reports*. Vol. 2. L.; Philadelphia, 1934.
104. Wrede N. *Uruk. Terrakotten I*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003.

A Grave with a Wooden Wagon in Transcaucasia (Azerbaijan). Its Relations with Central Asia

When I first met Victor Sarianidi 40 years ago, he had been excavating for only a few years (since 1969) the first settlements and graves of the BMAC in northern Afghanistan (Кругликова, Сарияниди, 1976) and he had just also started to work at Gonur (in 1972). Yet, the main features of his extraordinary discoveries were already there and, with his brilliant intuition, he had properly, to my mind, coined it with the name «Bactria-Margiana archaeological complex». Since then, he endlessly added more and more material to it, and, very quickly, he and others (Сарияниди, 1976, Amiet, 1977 for the first articles) underlined its connections with a wide world including the Indian/Harappan one, central Iran (Shahdad), Elam, Syria and Anatolia, not forgetting the northern Steppes (see for instance, Сарияниди, 1990; Sarianidi, 1998a, b). This led him to finally accept to date the BMAC between the last centuries of the IIIrd and the first ones of the IInd Mill. BC.

In his search for an explanation of this sudden blooming in an area where no Chalcolithic remains have yet been discovered, he stuck until the end of his life to that of the migration of new populations, the Aryans, who had brought with them their religion which later became Zoroastrianism (Sarianidi, 2008). Yet, other possibilities can be considered. In 2001, I presented one of them in my habilitation thesis named “*Mari et la Margiane*”¹. Reconsidering together the different ties with all the regions² around Bactria and Margiana as shown by archaeological discoveries, the written sources from the western regions (essentially the texts from Mari in Syria, but also those from the Assyrian Merchants,

etc.) and the recent investigations made by the Germans on tin sources along the Zeravshan Mountains (Alimov *et al.*, 1998), I proposed that this sudden burst of wealth and mixture of foreign elements was essentially due to the search for tin and lapis lazuli so much prized at that time. Of course, this idea that trade was an important clue to explain the BMAC had already been advanced earlier (Amiet, 1977; Lamberg-Karlovsky, 1990, 1993), but it had never been developed to this stage and others were searching for its local roots and chose to name it the *Oxus Civilization* (Francfort, 1989. P. 339sq). The ‘trade world system’ has since then become very popular.

There is one area, the Caucasus, west of the Caspian Sea, which, in our search for relations, few of us, including Victor, have investigated. Recent discoveries in Transcaucasia, however, show that connections certainly also existed with Central Asia.

It is with pleasure that I present them here, in honor and memory of Victor.

A kurgan of the second half of the 3rd millennium in Azerbaijan

Excavations conducted since 2008 on the site of Mentesh Tepe, in Azerbaijan (fig. 1), have provided a wealth of new information on the local cultures of the area from the Neolithic to the Early Bronze Age (see for instance: Lyonnet *et al.*, 2012). Their tight connections with northern Mesopotamia, especially during the Late Chalcolithic, have been the main focus of this research (Lyonnet, 2012). After the site had been deserted at the end of the Vst Mill. BC, it was

1. This work (Lyonnet, 2001) is still not published but was presented in an abstract form at the South Asian Conference in Paris in July 2001 (Lyonnet, 2005) and partly also in: Kohl, Lyonnet, 2008.
2. Most of the earlier works had concentrated on segments of the trade roads (like Elam and Bactria, or Bactria and the Indus, Mari and Elam, etc.). However, Amiet though he mainly spoke of Elam and its relations with Bactria, also mentioned connections with Old Babylonian Syria and with Egypt (Amiet, 1986. P. 195-204).

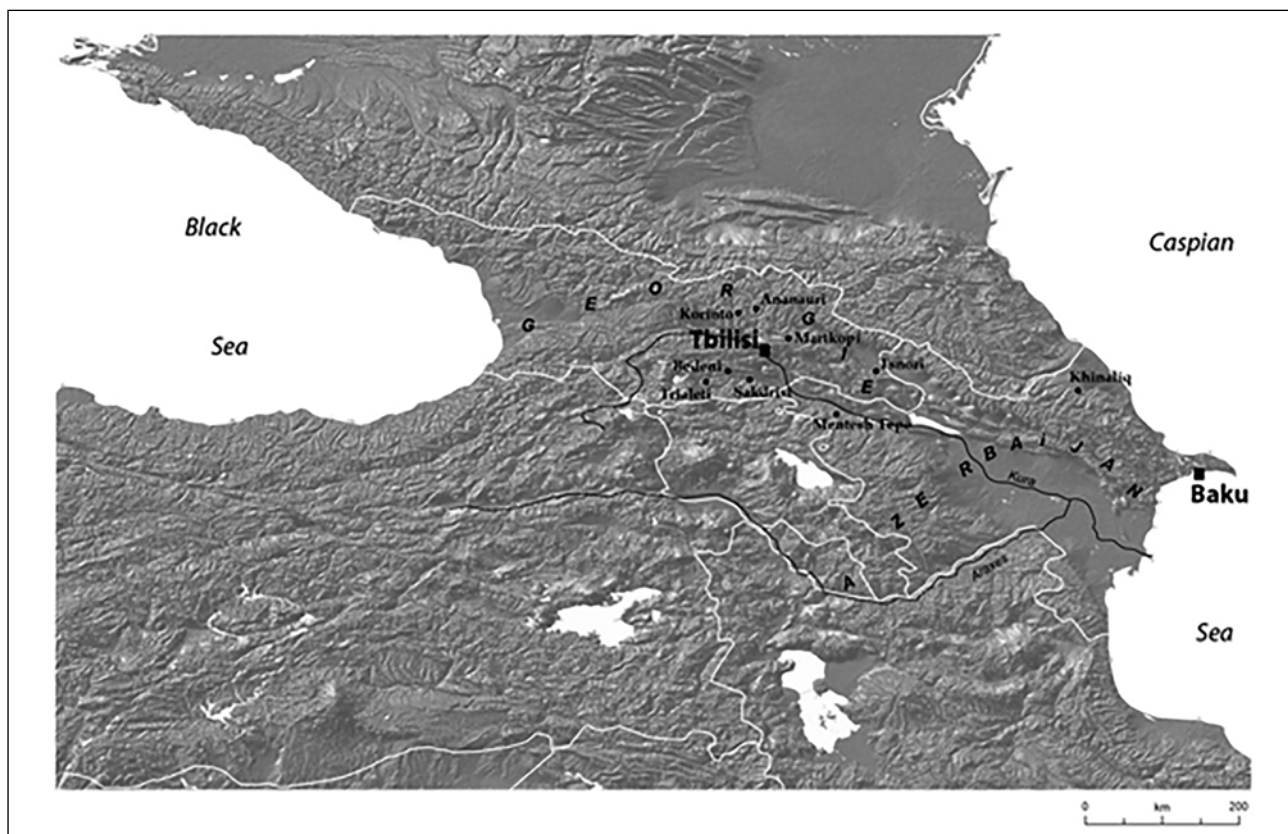


Fig. 1. Position of the Transcaucasian sites mentioned in the text.

used for various and successive burials during the Early Bronze Age. The oldest is a collective grave under kurgan dating to the beginning of this period. It is followed by individual burials (Poulmarc'h et al., 2014). The latest is another large grave under kurgan³ dating to the second half of the IIIrd Mill. BC which will be the object of this article.

Under a tumulus of river pebbles, the exact dimensions of which are unclear due to modern destruction, itself resting on a thin layer of limestones, a large chamber of about 7x7x2m was discovered, its angles pointing to the cardinal directions. It had been partly dug into the Chalcolithic and Neolithic levels of the site and partly into the virgin soil. The floor was covered with mats. A central pole (diameter 40cm) deeply sunk into the soil supported a wooden roof made of trunks and beams of *juniperus*⁴ closely set together and covered with mats. To seal the chamber, a thick layer of greenish clay was probably originally laid on top of this roof, but it later seeped into the chamber. No remains of any kind have been found along the walls to let us suppose that they

were covered by wood, mats or any kind of textile, leather or fur, though it should be stressed that what is left of the wooden beams or other organic items mentioned here consists only of a film one millimeter thick or, more often, only of its impression left on the surrounding clay. The western part of the roof was very badly damaged and not even traceable, preventing the identification of a possible violation of the grave from there. No traces of any ramp to enter the chamber have been noticed on the two thoroughly excavated northern and eastern sides.

In the middle and eastern side of the chamber the remains of a wooden wagon with four plain wheels were discovered (fig. 2 — here and later in the book some figures are on the color inset). One of the wheels was clearly visible, while only parts of the others or their deep imbedding into the mat and the floor could be detected. To the west laid several complete large vessels, remains of basketry and of a possible leather container. To the south of the wagon were lying two skeletons of women, heads to the SW. One, mature, was rather richly adorned, while the oth-

3. The excavations of this second kurgan were made under the direction of Laure Pecqueur, archaeoanthropologists, Inrap, Paris.
4. Identification of one of the beams due to Alexia Decaix, Ph. D. student in archaeobotany, Museum National d'Histoire Naturelle (MNHN), Paris.

er, young, had only hair-spirals near her head. Their curious position seems to have been purposely arranged since no sign of perturbation of their skeletons has been noticed. The richest one wore hair-spirals and a spiral bracelet on each arm; a small pointed casket made in two similar halves was probably attached to her clothes⁵ at her right shoulder (fig. 3), while over 60 triangular beads made of red agate were discovered along the upper part of her skeleton, part of which could have been sewn on her costume because of their position. Under the bracelet of her left wrist, different beads were found pointing at the presence of one or two other bracelets. One (?) is made of small oval very fragile whitish or greenish beads that could be made of faience⁶. The other one (?) is composed of ten square whitish beads of various sizes all decorated with different types of concentric circles (fig. 4). Analysis has shown that these last beads are made of a paste issued from heated steatite/talc to which clay was probably added⁷, while the metal items of both women are made of bronze (2–11% tin), except for the small casket which is in a copper-silver alloy (50% Ag, 43% Cu)⁸.

In the filling of the chamber and clearly above its floor, around the wagon, 12 segmented beads made of gold as well as a spiral hair-ring and a finger-ring in the same precious material were discovered (fig. 3). In the same area another ring made from a *Conus* shell⁹, imported from the Gulf or the Indian Ocean, was also found. These precious items can only be associated with the bones of a skeleton in total disorder discovered on top of the roof of the chamber (on the eastern side), above the wagon, mixed with the river pebbles and the lime stones of the tumulus. A few small bones of this skeleton had also slipped down and were found nearby the precious beads. All these bones belong to an old man. Though we have no real evidence of grabbing neither in the tumulus nor in the chamber, there is a little doubt that he was the main individual of the burial and that his body was pulled

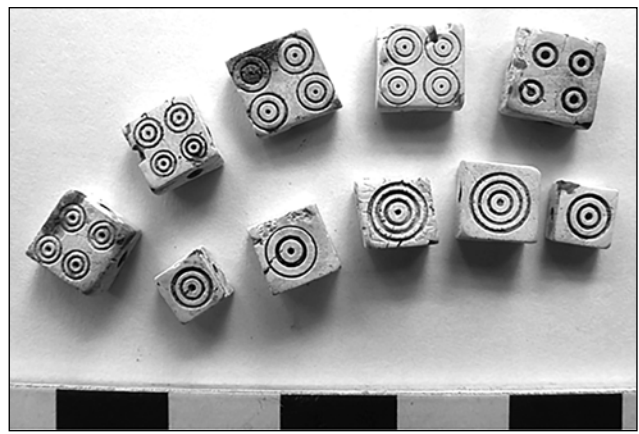


Fig. 4. Mentesh Tepe: The paste beads from the Kurgan.

out of the chamber probably not long after inhumation. The few beads left were possibly sewn on his clothes and difficult to grasp, and they later seeped inside the chamber after the roof fall down.

14C cal. dates made on a bone of the elder women (POZ-63144, between 2575 and 2452 BC, 95,4% probability), on a bone of the man (Poz-63143, between 2480 and 2299 cal. BC, 95,4% probability) and on one piece of wood from the roof (SacA 31993/Gif-12989, 2491–2333 cal. BC, 95,4% probability) place the grave around 2400 BC. The pottery, though still very close to that of the late phase of the Kura-Araxes culture (black polished on the outside, buff or reddish inside and in some cases along the rim on the outside), presents however some completely new shapes like a goblet with a handle, a vessel with carinated shoulder, jugs with large belly, etc. This, together with the jewels, the wooden wagon, the kurgan and its ritual, fits totally the grave within the so-called Early Kurgan culture¹⁰ mainly known in Georgia.

The “Early Kurgan culture”

During the second half of the IIIrd Mill. BC important changes took place in Transcaucasia. The Kura-Araxes Culture that had developed there for about a millennium comes to an end, giving place to a new one, the most strik-

5. Remains of textile are visible on the surface of the casket.

6. Analysis is in progress. The greenish color could also come from the vicinity with the copper-alloyed bracelet.

7. Analysis was made by Sonia Ostaptchouk, UMR 7194, MNHN, Paris.

8. Analysis made by A. Courcier at the Bochum Laboratory, Germany. The gold beads will be analyzed in the near future.

9. Identification due to Chloé Martin, MNHN, Paris.

10. The name ‘Early Kurgan Culture’ given to the Martkopi and Bedeni phases is no longer appropriate since the discovery in Transcaucasia of much earlier kurgans dating back to the first half of the IVth Mil. BC (see: Lyonnet *et al.*, 2008, 2011).

ing feature of which is its burials under kurgans, hence its name. Many agree that there is no abrupt end of the Kura-Araxes and that it coexisted for a while in its last phase with the Early Kurgan Culture (EKC hereafter) (Джапаридзе, 1993; Djaparidze, 1993; Kohl, 2007. P. 113; Lyonnet, 2014). The EKC is followed without break, at the beginning of the II Mill. BC, by the Trialeti culture at the beginning of the IInd Mill. BC. The two cultures share many features.

Only very few settlements related to the EKC have yet been discovered and excavated. Sedentary life does not seem its main characteristics and much of what we know of this culture comes therefore from its burials. Kurgans suddenly reappear¹¹, some being of imposing dimensions (diam. 100 m, height 20 m). They are found in various environments from high plateaux (like Bedeni and Trialeti) to valleys (like Ananauri, Tsnori, or Martkopi) (see fig. 1) and this may point at a mobile way of life with vertical transhumance. Though the construction of the tumulus may differ depending on the area where the grave is located (earth, stones, pebbles...), all the large kurgans present a central chamber, sometimes divided in two, often constructed with rows of timbers (roof, walls, floor), or with stones. In the richest of them, one (or sometimes two) wooden cart/wagon(s) with four plain wheels has(ve) been discovered, together with gold beads and/or hair-spirals, semi-precious stone beads or rings, “paste” beads either indented or similar to those found at Mentesh¹², pendants made in animal teeth, ceremonial weapons, as well as textile material and food offerings. Though these rich burials were intended for one individual, apparently a man of social importance, other skeletons not as richly furnished – usually women – have also been found in the chamber and are interpreted as human sacrifices to accompany the major inhumation.

Two main phases have been distinguished, the earlier, Martkopi, starting around 2500 BC according to the most recent calibrated dates, the latter, Bedeni, starting around 2300 BC. The rarity of settlements and the limited number of excavated kurgans, however, prevent a very clear view of the differences between them. The first excavations had tended to link the wooden wagons to the Bedeni phase (Кущнарева, 1993. C. 103), but recent discoveries like those at Mentesh may change this point of view and link them also to the Martkopi phase.

Besides these novelties in the burial ritual and in the construction of the grave, the introduction of precious metals in the jewelry as well as that of tin bronze, which, at that time, was only dedicated to jewelry and not to weapons, have to be especially underlined since they are not attested in the previous Kura-Araxes period.

Gold deposits are quite numerous in the Smaller Caucasus but their exploitation is difficult to date. Recent work on the gold mine of Sakdrisi in Eastern Georgia (fig. 1) is the first to attest its exploitation during the Kura-Araxes period, in the first half of the IIIrd Mill. BC¹³ (Stöllner et al., 2010). As for tin, though the geological conditions would not exclude the presence of some deposits in the Smaller Caucasus, no real evidence for its use is known as yet¹⁴.

The obvious wealth visible in some of the EKC kurgans led to consider that Transcaucasia had entered a period of social differences with a leading elite, in contrast with the previous Kura-Araxes period where all the members seemed more or less equals, at least in death.

The origins of these new features are still a matter of debate between the tenants of local roots and those of an intrusion of northern groups. In one of these kurgan burials, at Korinto in Southern Ossetia (Djaparidze, 1993), specific pins are, indeed, strikingly similar both in shape and decoration to those well known in the Pit Grave and Catacomb Cultures. This, togeth-

11. See footnote 10.

12. A recent discovery of several dozens of such beads, together with numerous *Conus* shell rings has recently been made by I. Aliev in a hoard at Khinaliq (Guba district), at the eastern tip of the Greater Caucasus, close to the border with Daghestan. An important number of metal items were found with them (Aliev et al., 2013). I sincerely thank I. Aliev for showing me this important find.

13. Curiously, evidence of the use of gold during this period is extremely rare. The oldest gold items discovered in Transcaucasia are beads in a kurgan dated to the first half of the IVth Mill. BC, contemporaneous with the Maikop Culture (Lyonnet et al., 2008; Лионне и др., 2011).

14. Information from A. Courcier, whom I thank.

er with the timber construction of the chambers and the wooden wagons¹⁵, the pendants in animal teeth, the amber beads¹⁶ and the geographical position of the hoard from Khinaliq¹⁷ recently discovered, certainly do play in favor of the second proposal.

It is usually considered that we are dealing here with a political and/or warrior elite which took power over the Kura-Araxes population and it is during this period that fortifications seem to appear. In the absence of sufficient data to prove this, another possibility is considered here, i.e. that of a rich mobile group trading goods between the steppes, Transcaucasia and beyond.

Exchanges and trade during the 3rd millennium

The oldest dates for the BMAC hardly go beyond the XXIInd or XXIIIrd cc. BC. But Central Asia had been a focus of interest for the Ancient East much before that time.

Lapis-lazuli, the main sources of which are in eastern Afghanistan is, indeed, the best known material that was looked for from very early times (Сарианиди, 1968; Herrmann, 1968; Sarianidi, 1971; Casanova, 2013). Other resources, however, may have been exploited as evidenced by the settlement of Sarazm in the Zeravshan Valley, dated between ca. 3500–2500 BC (Аванесова, 2012). There, ceramics from cultures of various geographical areas like North-Eastern Iran, Baluchistan, the Kopet Dagh, and Kel'teminar have been found together (Lyonnet, 1996), as well as a cylinder seal. The exact nature of what was searched for at this settlement is still unclear, but the area is rich in various metal ores, among which tin¹⁸, as mentioned

above. The time-span of Sarazm, however, does not plead much in favor of this metal alloy which was then rarely used¹⁹ and for which other sources may have been exploited like the Kestel mines in the Taurus mountains (Yener, Vandiver, 1993).

The Early Kurgan Culture in Transcaucasia rises at about the time of the Early Dynastic III period, and it continues during the Akkadian period. This is exactly when exchanges, diplomatic gifts and/or trade in luxury items (gold, lapis-lazuli, carnelian, chlorite vessels, shell from the Indian ocean, etc.) concern a wide area as shown by the discoveries made in the Royal Cemetery of Ur²⁰, Mari, Ebla, Susa, Jiroft and Tepe Yahya IVB, Shahdad, Mohenjo-Daro, the Gulf, etc. We also know from the Lagash cuneiform texts that copper from Oman was then coming through Dilmun (see: Edens, Kohl, 1993). It is at that time, too, that tin seems to be used more regularly and a few comparisons with Central Asiatic sites point towards a possible source in Afghanistan or in the Zeravshan mountains²¹.

The Early Kurgan Culture is contemporary with cultures from the central part of the Kopet Dagh area, and does share a few features with them which could be explained by interrelations. It is the case for the grey-black, carinated ware of Ak Depe type (Кирчо, 1999) and of some of the Sumbar catacombs. In collective graves of this same area (Sumbar I-III / Parkhai I), diadems with punched decoration and tripartite spearheads (Хлопин, 1983. Fig. 17, 78) are very close to those found in Kura-Araxes sites (Кушнарцева, 1993. Fig. 29, 4; 30, 31). A few parallels can also be found further east with the Namazga IV and V culture. This is the case of beads made of a white paste with different

15. Wooden wagons have been found in great number in graves under kurgans of the Novotitorovo Culture, in the steppes north of the Kuban (northern Caucasus), dated to the IIIrd Mill. BC (Геё, 2000).

16. They were recently discovered in a large kurgan with a chamber made of oak timbers containing two wagons excavated by Z. Makharadze at Ananauri (Makharadze, 2014).

17. See footnote 12.

18. The existence of tin in the mountains bordering the southern side of the Zeravshan Valley has first been mentioned in the archaeological literature by B.A. Litvinskij (Litvinskij 1950).

19. Sporadic use of tin is attested during the attested during the Dynastic Archaic I Period and a little more during the first half of the IIIrd Mill., for instance during Dynastic Archaic I, at Kish Cemetery Y (Moorey, 1994. P. 253) and at Qara Quzak in northern Syria (tin-alloyed pins and spearheads - Montero-Fenollós, 1998).

20. For a recent dating to the ED IIIb period of the Royal Cemetery of Ur, see Marchesi, Marchetti, 2011. P. 64–65.

21. Jewels from the Royal Cemetery are in bronze (Stech, Pigott, 1986), as is a contemporaneous cruciform compartmented stamp-seal discovered at Mari (Beyer, 1989) similar in shape to those of Mundigak IV, 2–3 (Casal, 1961. P. 256–257) and Shahr-i Sokhta (II)–III (Tosi, 1983. P. 157). The Ebla texts of the IIIrd Mill. mention the purchase of tin, though they do not mention where from (Archi, 1987) and four to six of the items discovered in the *Vase à la cachette* in Susa are in bronze (Amiet, 1986. P. 126).

shapes, among which rectangular with indentations or square with concentric circles, like those found at Martkopi, kurgan 4 (Djaparidze, 1993. Fig. 7), at Mentesh Tepe or at Khinaliq. Similar beads have been discovered at Susa where they are considered to come from Central Asia (Amiet, 1986. P. 144, 147-148; Fig. 97, 3; 100a). Indeed, the same beads are attested at Altyn Depe (Masson, 1981. P. 42; Pl. XXII, 4)²² and are quite often found in the Zeravshan valley²³ at the heart of the tin sources and where Andronovo populations live. It should also be noticed that the indented cruciform motifs frequently painted on the Namazga IV pottery or copied on stone seals (Кирчо, 1999), or used as a mosaic decoration at Gonur (Sarianidi, 2006. Fig. 70) and frequently associated with the previous beads as at Altyn or Susa, are attested on the game-board found in the Royal Cemetery of Ur and at Susa, in levels unfortunately poorly dated (Amiet, 1986. P. 143-144; Fig. 97, 3 left).

One can but be intrigued by the absolutely unique case in Mesopotamia offered by the extra-ordinary wealth, especially in gold, lapis and carnelian, and by the similarly unusual ritual in the “Royal” Cemetery of Ur with its wooden wagons and human sacrifices. Rare later texts dating to the Old Babylonian period do mention analogous rituals for famous kings (Tinney, 1998. P. 26–28), but they are not attested archaeologically. As it has already been underlined (Pollock, 1999. P. 11), Woolley’s “royal” attribution to some of the tombs of the Ur cemetery cannot be ascertained because the few inscribed artifacts with royal names that have been found in them are not directly associated with the main burials. They could, therefore, be only offerings. Some scholars have proposed that these rich persons were priests instead. But is it plausible that the highest elite of southern Mesopotamia, be it related to palaces or to temples, be buried in a dump area and surrounded by hundreds of simple graves? Our knowledge of the Early Dynastic society, its beliefs and burial customs, is indeed extremely limited both on the archaeological point of view and on that of the written sources,

and this question probably cannot be answered with certainty. Since we have no clue as to who were buried in these wealthy graves, we are left with purely hypothetical propositions. As such, and on the basis of comparable features (though not complete similarity) between these «royal» graves and the Martkopi and Bedeni kurgans, is it possible that both may have been the burials of rich merchants trading goods between Transcaucasia, Central Asia, the Indus and Mesopotamia?

Conclusion

The Trialeti culture which immediately follows the Early Kurgan one in Transcaucasia at the turn of the second millennium is also famous for its very rich kurgans. Its role in the international exchanges and trade with Anatolia and the Aegean at that time has already been underlined (Rubinson, 2003, Abramishvili, 2010).

It is at that time that the BMAC is at its apogee, and Victor Sarianidi has given all the convincing evidences for the incredible variety of influences or imports in Central Asia from far away areas.

As said in the introduction, the role of tin and lapis in these exchanges is considered here as essential, though many other items or material could also have been traded or exchanged. Caravans of animals could transport quite a lot of material, but it is probable that the owners of wooden carts would have also played an important role in this trade²⁴, hence their possible own wealth. Different roads were certainly used and kept changing from the most northern ones through the steppes to the northern-, central-, southern-Iranian ones and/or the Gulf ones.

It is proposed here that, for some centuries just before the BMAC flourished, the Martkopi and Bedeni populations had developed exchanges through the steppes with the Andronovo groups, and that they also had moved further south, as the Royal Cemetery of Ur possibly points out.

22. The beads are said to be in ivory on the plate, but in «gypsum» on P. 42.

23. At Afrasiab (Аванесова, 1991. P. 72, 89; Fig. 60, 2), at Заман Ваба (Гулямов и др., 1966. Pl. VIII, 5).

24. Others consider, though, that the low maneuverability of such wagons would have prevented long distance transportation of goods (Burmeister, 2010).

Bibliography

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991.
2. Аванесова Н.А. Древние горняки Зарафшана // Археология Узбекистана. Вып. 1(4). 2012. С. 1-35.
3. Джапаридзе О. У истоков истории Грузии. Тбилиси: Университет Тбилиси, 1993а.
4. Гей А.Н. Новотиторовская культура. Москва: РАН, 2000.
5. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент: Фан, 1966.
6. Кирчо Л.Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана. СПб., 1999.
7. Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1963-1873 гг. М.: Наука, 1976. З. 3-20.
8. Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. СПб.: РАН, 1993.
9. Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Джелилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С. Могильник эпохи позднего энеолита Союз Булаг в Азербайджане // РА. 2011. № 1. С. 48-61.
10. Литвиниский Б.А. к истории добычи олова в Узбекистане // Труды САГУ. Вып. 11. Гуманитарные науки. Кн. 3. Ташкент, 1950. С. 51-68.
11. Массон В.М. Алтын-депе. Труды ЮТАКЭ. Т. 18. Л.: Наука, 1981.
12. Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. М. С. 3-9
13. Сарияниди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1. С. 42-68.
14. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш / Отв. ред. А.А. Росляков. Ашхабад, 1990.
15. Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Субмарских могильников). Л.: Наука, 1983.
16. Abramishvili M. In search of the origins of metallurgy. An overview of South Caucasian evidence // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. V. Chr. / Eds. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbäcker, E. Pernicka. Bonn: Dr. R. Habelt GmbH, 2010. P. 167-178.
17. A(ə)liev I.N., Ağayev H.S. Xinalıq qoruğu ərazisində aparılan arxeoloji işlər // Azərbaycanca Arxeoloji Tədqiqatlar 2012. 2013. P. 180-185.
18. Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjakov J., Cierny J., Jakubov J., Lutz J., Parzinger H., Pernicka E., Radililovskij V., Ruzanov V., Shirinov T., Starshinin D., Weisberger G. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien // *Eurasia Antiqua*. 1998 4, 137-199.
19. Amiet P. Bactriane proto-historique // *Syria*. T. LIV(1-2). 1977. S. 89-121.
20. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens, 3500-1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986.
21. Beyer D. Un nouveau témoin des relations entre Mari et le monde iranien au IIIe millénaire // *Iranica Antiqua*. T. XXIV. 1989. S. 109-120.
22. Burmeister S. Transport im 3. Jahrtausend vor Christus. Ware die Wagen ein geeignetes Transportmittel im Überlandverkehr? // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. V. Chr. / Eds. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbäcker, E. Pernicka. Bonn: Dr. R. Habelt GmbH, 2010. P. 223-235.
23. Casal J.-M. Fouilles de Mundigak [Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. XVII]. T. 1,2. Paris: Klincksieck, 1961.
24. Casanova M. Le lapis-lazuli dans l'Orient ancien. Production et circulation du Néolithique au IIe millénaire. Paris, 2013.
25. Djaparidze O. Über die ethnokulturelle Situation in Georgien gegen Enden des 3. Jahrtausends v. Chr. // Between the Rivers and over the Mountains. *Archaeologia Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata* / Eds. M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink. Roma: La Sapienza, 1993b. P. 475-491.
26. Edens C.M., Kohl P.L. Trade and World Systems in Early Bronze Age Western Asia // Trade and Exchange in Prehistoric Europe / Eds. C. Scarre, F. Healy. Oxford: Oxbow Books and La Société Préhistorique Française Eds. 1993. P. 17-34.
27. Francfort H.-P. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. T. 1, 2. [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. II], Paris: de Boccard, 1989.
28. Herrmann G. Lapis-lazuli: the early phases of its trade // *Iraq*. Vol.30. 1968. P. 21-57.
29. Kohl P.L. Integrated Interaction at the Beginning of the Bronze Age: New Evidence from the Northeastern Caucasus and the Advent of Tin Bronzes in the Third Millennium BC". // *Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasia and Beyond* / Eds. A.T. Smith, K.S. Rubinson. Los Angeles: The Cotsen Institute, University of California, 2003. P. 9-21.
30. Kohl P.L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
31. Kohl P.L., Lyonnet B. By Land and By Sea : the Circulation of materials and peoples c. 3500-1800 B.C. //

- Intercultural Relations between South and Southwest Asia. Studies in Commemoration of E.C.L. During-Caspers (1934-1996) / Eds. E. Olijdam, R.H. Spoor [BAR International Series. 182]. London, 2008. P. 29-42.
32. Lamberg-Karlovsky K. The Bronze Age of Bactria // Bactria, an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan / Eds. G. Libabue and S. Salvatori eds. Venice: Erizzo, 1990. P. 13-21.
 33. Lamberg-Karlovsky K. Reflections on the Central Asian Bronze Age // Information bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia. 19. M., 1993. P. 29-40.
 34. Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanesova). Sarazm (Tadjikistan). Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien) [Mémoires de la Mission Française Archéologique en Asie centrale. T. VII]. Paris: De Boccard, 1996.
 35. Lyonnet B. Mari et la Margiane ou 'la circulation des biens, des personnes et des idées' dans l'Orient ancien à la fin du 3^e et au début du 2^e millénaires avant notre ère. Mémoire pour Thèse d'Habilitation. Paris I-Panthéon-Sorbonne, 2001 (n.d.).
 36. Lyonnet B. Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: the Tin Trade // *South Asian Archaeology 2001* / Eds. C. Jarrige, V. Lefèvre. Vol. I. Paris: ERC, 2005. P. 191-200.
 37. Lyonnet B. Mentesh Tepe pottery // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 44. 2012. S. 97-108.
 38. Lyonnet B. The Early Bronze Age in the Republic of Azerbaijan in the light of recent discoveries // *Paléorient*, Vol. 40. N 2. 2014. P. 115-130.
 39. Lyonnet B., Akhundov T., Almamedov K., Bouquet L., Courcier A., Jellilov B., Huseynov F., Loute S., Makharadze Z., Reynard S. Late Chalcolithic Kurgans in Transcaucasia. The cemetery of Soyuq Bulaq (Azerbaijan) // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 40. 2008. S. 27-44.
 40. Lyonnet B., Guliyev F. (in collaboration with L. Bouquet, G. Bruley-Chabot, M. Fontugne, P. Raymond, A. Samzun). Mentesh Tepe // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 44. 2012. S. 86-97.
 41. Marchesi G., Marchetti N. Royal Statuary of Early Dynastic Mesopotamia. Winona Lake: Eisenbrauns, 2011.
 42. Makharadze Z. Les riches kourganes du Bronze ancien en Géorgie orientale // *La Lettre du Collège de France*. T. 38. 2014. S. 45.
 43. Montero-Fenollós J.L. La metalurgia en el Próximo Oriente Antiguo (III y II milenios a.C.). Editorial AUSA, Barcelona, 1998.
 44. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamia Materials and Industries. The Archaeological Evidence. Oxford: Clarendon Press, 1994.
 45. Pollock S. Ancient Mesopotamia. The Eden that Never Was. Cambridge University Press. Cambridge, 1999.
 46. Poulmarc'h M., Pecqueur L., Jalilov B. An overview of Kura-Araxes Funerary Practices in the Southern Caucasus // *Paléorient*, Vol. 40. N. 2. 2014. P. 231-246
 47. Rubinson K.S. Silver Vessels and Cylinder Sealings: Precious Reflections of Economic Exchange in the Early Second Millennium BC // *Archaeology in the Borderlands. Investigations in Caucasia and Beyond* / Eds. A.T. Smith, K.S. Rubinson. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2003. P. 128-143.
 48. Sarianidi V.I. The Lapis Lazuli Route in the Ancient East // *Archaeology*. Vol. 24. № 1. 1971. P. 12-15.
 49. Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrism. Athens, Kapon Editions, 1998a.
 50. Sarianidi V.I. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. M.: Pentagraphic Ltd, 1998b.
 51. Sarianidi W. Gonur-Depe, City of Kings and Gods. Ashgabat, Miras, 2006.
 52. Sarianidi V.I. Zoroastrianism: a New Motherland for an Old Religion. Thessaloniki; Kyriakidis Brothers, 2008.
 53. Stech T., Pigott V. The Metals Trade in South West Asia in the Third Millennium BC // *Iraq*. Vol. 48. 1986. P. 39-64.
 54. Stöllner T., Gambašidze I., Hauptmann A., Mindiašvili G., Gogočuri G., Steffens G. Goldbergbau in Südostgeorgien – Neue Forschungen zum frühbronzezeitlichen Bergbau in Georgien // *Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. V. Chr.* / Eds. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbäcker, E. Pernicka. Bonn: Dr. R. Habelt GmbH, 2010. P. 103-138.
 55. Tinney S. Death and Burial in Early Mesopotamia. The View from the Texts // *Treasures from the Royal Tombs of Ur* / Eds. R. Zettler, L. Horne. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1998. P. 26-28.
 56. Tosi M. Development, Continuity and Cultural Change in the Stratigraphical Sequence of Shahr-i Sokhta // *Prehistoric Sistan*. Vol. I / Ed. M. Tosi. Rome: IsMEO, 1983. P. 127-180; Pl. LXI-LXXXI.
 57. Yener K.A., Vandiver P. Tin processing at Göltepe, an Early Bronze Age site in Anatolia // *American Journal of Archaeology*. Vol. 97. 1993. P. 207-238.

Образ колесничего и культ священного напитка: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников эпохи бронзы)

В эпоху бронзы на территории евразийских степей в разное время сложилось несколько культурно-исторических общностей (ямная, катакомбная, срубная, андроновская), в погребениях которых зафиксированы остатки повозок, колесниц или их частей. Четырех- или двухколесная повозка, запряженная быками, а позднее боевая двухколесная колесница, запряженная конями, играли заметную роль, как в жизни, так и в ритуалах и представлениях населения евразийских степей эпохи бронзы. Этническая и языковая атрибуция этих археологических культур является достаточно сложной задачей, однако многие исследователи связывают эти культурные образования с индоиранцами. Это позволяет привлечь для реконструкции ритуалов и представлений степного населения эпохи бронзы письменные источники, прежде всего, «Ригведу», созданную индоариями. Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров определяют роль повозки в жизни ведийских ариев следующим образом: «Они жили, скорее, на колесах, передвигаясь с места на место в сопровождении своих стад, нежели оседло, на одном постоянном месте; повозка была важнее дома, и даже не потому, что в ней они проводили столько же и даже больше времени, чем в “стационарном” доме, столько потому, что сама повозка рассматривалась как “малый” дом, “малая” родина, где все было интимно связано с человеком и все было на век: постоянной была вечно передвигающаяся повозка, переменным был неподвижный дом... Не дом и оседлость определяли образ жизни, но передвижение в повозке и его возможности» (Елизаренкова, Топоров, 1999. С. 489–490).

Вопрос о времени существования индоиранской общности и времени ее распада изучается не только лингвистами, но и археологами, однако эта проблема пока остается далека от окончательного разрешения. Е.Е. Кузьмина считает, что памятники синташтинского типа, отличительной чертой которых является ярко выраженная колесничная атрибутика, отражают период индоиранского единства, в дальнейшем на их основе происходит сложение андроновской культуры (Кузьмина, 2008. С. 200–201). В памятниках синташтинского типа и, прежде всего, в погребениях воинов-колесничих, представляется возможным выделить следы ритуала, связанного с культом священного напитка, наподобие ведийского Сомы или иранского Хаомы, и реконструировать его роль в колесничных культурах эпохи бронзы евразийских степей.

Колесничный комплекс и образ колесничего в ритуальной практике населения евразийских степей

Погребения с остатками колесниц и другим колесничным инвентарем являются одной из характерных черт памятников синташтинского и петровского типов, получивших распространение на территории Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. В синташтинских и петровских погребениях остатки двухколесных колесниц представлены, как правило, отпечатками нижней части колес со спицами. Они фиксировались на дне погребальной камеры в виде канавообразных, попарно расположенных параллельных углублений, в которых сохранились древесный тлен и отпечатки ободьев и спиц.

Другой яркой чертой погребального ритуала синташтинского и петровского населения являются находки в погребениях с остатками колесниц парных захоронений лошадей. Лошади представлены целыми костяками или в виде ритуальных комплексов, состоящих из черепов и костей ног. Наиболее выразительные находки происходят из Синташтинского большого грунтового могильника. Захоронения одной или нескольких пар целых туш лошадей размещались на перекрытии погребальной камеры. Кости коней на дне могильных ям, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног, которые нередко также располагались парами. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы,

В этом могильнике имеются погребения, в которых зафиксированы следы лишь одного из двух ритуалов. В погр. 6, 11, 30 представлены только следы ритуала, включающего установку частей колесницы (колес) и помещение упряжных коней в виде комплексов из черепов и костей ног на дно могильной ямы. В погр. 2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении ямы. В некоторых погребениях зафиксированы следы обоих ритуалов. Так, в погр. 4 на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – два черепа лошадей. В погр. 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – кости ног и два черепа, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками (Генинг и др., 1992. С. 125–126, 132–135). Вероятно, мы имеем дело со следами двух разных ритуалов, которые отличались как по сценарию, так и по времени отправления.

Сначала обратимся к рассмотрению того обряда, остатки которого фиксируются на дне могильной ямы. Следы этого ритуала могли варьировать. Наиболее полный вариант представлен в погр. 30 (рис. 1). У юго-западной

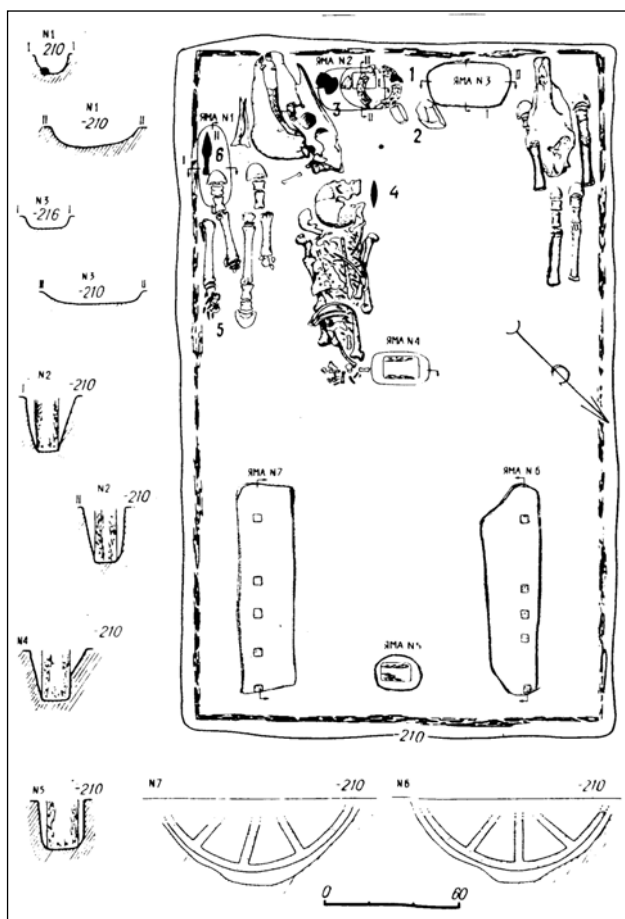


Рис. 1. Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 30. Дно погребальной камеры. План (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

стенки на дне ямы, по ее углам, находилось по конскому черепу, рядом с одним – пара костяных псалиев (рис. 3, 5, 6), и возле каждого из них – кости четырех ног. Под костями коня, находящегося у юго-восточной стенки, располагалась ямка-тайник, на дне которой лежал бронзовый наконечник копья (рис. 2, 1). На кости задних конечностей этого коня был положен колчан, в котором находились 11 кремневых и 2 костяных наконечника стрел (рис. 2, 2-12; 3, 4). У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных канавообразных углубления, в которых сохранились отпечатки ободьев и спиц от колес. В юго-западной половине ямы в кучу были сложены кости человека. Все кости найдены целыми, но тазовые были отчленены от крестца, а нижняя челюсть – от черепа. Череп был уложен в юго-западной стороне скопления. Рядом с черепом человека лежал бронзовый нож (рис. 3, 1). Среди колесничного инвентаря погр. 30 присутствует также комплекс, связанный, по мнению авторов, с культом Сомы. Он рас-

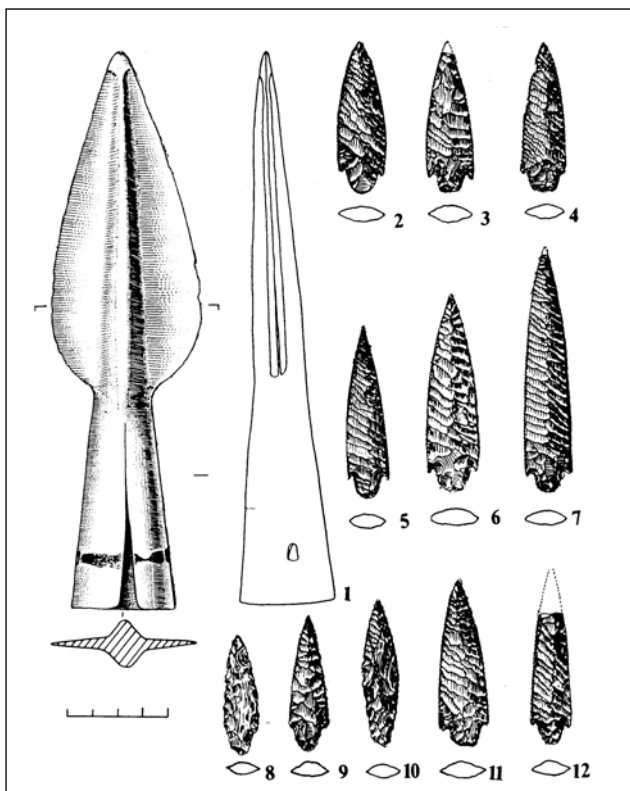


Рис. 2. Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 30.

Инвентарь: 1 – бронзовый наконечник копья; 2–12 – кремневые наконечники стрел (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

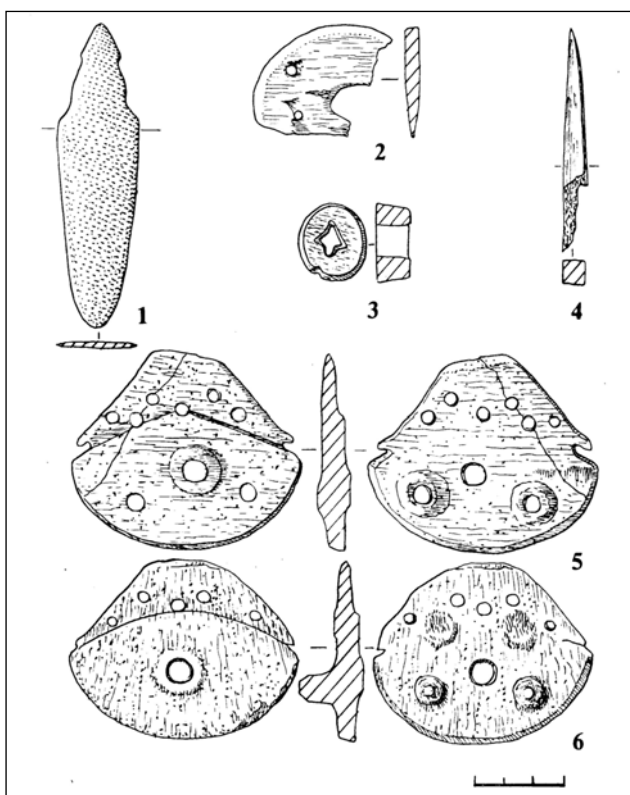


Рис. 3. Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 30.

Инвентарь: 1 – бронзовый нож; 2, 3 – костяные изделия; 4 – костяной наконечник стрелы; 5, 6 – костяные псалии (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

полагался в голове умершего у середины юго-западной стенки и был представлен крупным сосудом и двумя камнями зеленого цвета: крупный камень являлся основанием давилки, а пестообразный – толкушкой (Генинг и др., 1992. С. 208–214, 218). Таким образом, в погр. 30 в наиболее полном виде представлен колесничный комплекс. Исследователями предложена следующая реконструкция ритуала: около левого конского черепа положили узду с двумя костяными псалиями. Вероятно, это объясняется тем, что эта лошадь была коренной, управляемой возничим, который стоял в кузове колесницы с левой стороны. Правую сторону занимал колесничий, вооруженный копьем и луком (Генинг и др., 1992. С. 218).

В других погребениях этого могильника комплект колесничного вооружения представлен в неполном составе. В некоторых погребениях присутствуют лишь черепа и кости ног коней. Так в погр. 6 в районе ног умершего находились остатки двух конских черепов и костей конечностей. В погр. 11 у северо-западной стороны в нише между стенкой ямы и погребальной камерой были обнаружены два конских черепа и череп коровы. На одну из лошадиных голов была надета уздечка с псалиями. В этой же нише находился еще один псалий. У южной стенки камеры размещались кости ног коней (Генинг и др., 1992. С. 137, 140, 155, 161). В других погребениях находят лишь углубления от колес, но присутствие коней как бы подразумевается. Так, в погр. 12 на дне могилы было расчищено пять колесных углублений, но только пара углублений в западной половине камеры содержала тлен от обода и спиц деревянного колеса. Над ними обнаружены разрозненные кости человека, предварительно очищенные от мягких тканей, два сосуда, наконечники стрел и два псалия, вероятно, от уздечки. В погр. 19, 28 обнаружено по паре колесных углублений, расположенных параллельно друг другу и размещенных в ногах умершего (Генинг и др., 1992. С. 163–167, 180–183, 202–203. Рис. 91, 106). Независимо от вариативности ритуала (или его сохранности?) весь комплекс находок в данных погребениях убедительно воссоздает образ двухколесной колесницы, запряженной парой лошадей.

Характерной чертой ритуала с использованием образа колесницы являются обрядовые действия, включающие разделение на части и составление из них новой целостности. Эти ритуальные действия являются отличительной чертой обряда жертвоприношения индоиранских народов. По одному сценарию разворачиваются индоарийские ритуалы *пурушамедха* (жертвоприношения человека) и *ашвамедха* (жертвоприношение коня). Жертва путем ритуального расчленения, отождествления и составления в новом порядке, становилась воплощением всего мироздания – нового Космоса или новой жизни.

В рассмотренных погребальных комплексах нашел отражение не весь цикл жертвоприношения, а лишь его заключительная фаза – создание «составной» жертвы. Подобные ритуальные действия совершенно очевидны в отношении костяков коней, которые были принесены в жертву, разъяты на части и составлены в новом порядке. Сложнее распространить реконструируемый комплекс ритуальных действий на другой элемент ритуала – колесницу. Погребальные комплексы, содержащие следы колесниц, вызывают немало споров среди исследователей. Прежде всего, это вопрос о том, ставились ли в погребения целые экземпляры или только части колесниц, преимущественно колеса. Исследователи Синташтинского могильника, где обнаружено наибольшее число погребений с остатками колесниц, предполагают, что в могилы ставились целые экземпляры (Генинг и др., 1992. С. 165–168, 183–185 и т.д.). Н.Б. Виноградов считает, что преобладала традиция помещения в погребальные камеры отдельных частей повозки, прежде всего, колес (Виноградов, 2003. С. 265). Он обратил внимание на то, что в некоторых погребениях количество углублений для колес не всегда соответствует реконструируемой двухколесной боевой колеснице. По его наблюдениям на дне ямы 12 Синташтинского большого грунтового могильника находилось, по меньшей мере, четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес. По две пары углублений располагались в противоположных половинах дна ямы, а последнее – ближе к середине одной из длинных сторон. Н.Б. Виноградов предполагает, что либо в яме была

представлена имитация четырехколесной повозки, либо имитация двух двухколесных. Но нельзя полностью исключать, что было вкопано и пять колес (Виноградов, 2003. С. 264–266). Еще более убедительным является материал могильника Каменный Амбар 5, где в яме 6 кургана 2 расчищено лишь одно колесное углубление (Костюков и др., 1995. С. 162). Традиция помещения в могилы отдельных колес прослеживается и в памятниках потаповского этапа срубной культурно-исторической общности, примерно синхронных синташтинско-петровским комплексам. В захоронении VI Утевского могильника (курган 6, погр. 4) на одной из коротких стен погребальной камеры обнаружены отпечатки округлого предмета, возможно, колеса (Васильев и др., 1992. С. 52).

В данной дискуссии предположение Н.Б. Виноградова представляется более обоснованным. Исходя из логики ритуала жертвоприношения, характерного для индоиранского населения и включающего разделение жертвы на части и составление новой целостности, можно предполагать, что в жертву приносилась вся боевая колесница полностью, включая лошадей. Но в погребальную камеру помещался составной «образ» жертвы. Наиболее полный вариант этого «образа» представлен в погр. 30 Синташтинского большого грунтового могильника. Он составлен из двух параллельно установленных колес со спицами и пары лошадей в виде костей ног и голов с остатками упряжи.

Материалы из погр. 30 делают очевидным, что ритуал, связанный с разделением на части и составлением новой целостности, относился не только к коням и колеснице, но и к самому человеку. Состояние и расположение костей умершего в этом погребении ближе к понятию «образа», а не реального захоронения. Кости человека были очищены от мягких тканей и сложены в виде компактного скопления подпрямоугольной формы. Причем череп вместе с бронзовым ножом был положен с юго-западной стороны, как в обычных погребениях с труположением (Генинг и др., 1992. С. 208–210. Рис. 111, 112, 1). В данном случае мы имеем дело с вторичным захоронением, которому предшествовали какие-то ритуальные действия, связанные с нарушением целостности тела умершего, а затем созданием из раз-

розненных частей «куклы». Не исключено, что кости человека были во что-то завернуты, например, в одежду умершего. Состоящая из очищенных костей и одежды «кукла» могла использоваться в обряде в качестве «образа» умершего, которого поместили в погребение в сопровождении вооружения, характерного для воина-колесничего (бронзового копья, колчана со стрелами, бронзового ножа, конской узды). «Кукла» располагалась рядом с костями одного из коней, с которым связана целая серия предметов вооружения. Подобный ритуал, вероятно, имел место и в погр. 12. Таким образом, материалы синташтинских погребений свидетельствуют о совершении грандиозного ритуала жертвоприношения, в ходе которого были разъяты на части, а затем составлены из них в новом порядке колесница, пара запряженных коней и сам воин-колесничий. Создается впечатление, что основной целью ритуала было именно создание «образа» воина-колесничего и колесницы из ритуально значимых частей.

Наиболее ранние письменные свидетельства подобного ритуала зафиксированы в «Ригведе» (далее РВ), где имеется описание жертвоприношения богами первочеловека Пуруши. В.Н. Топоров, анализируя гимн Пуруше (РВ. X. 90), отмечает, что в ходе ритуала жертвоприношения совершается переход от изначальной целостности через множественную расчлененность к вторичной составной целостности (Топоров, 1979. С. 217–218). В гимне, во-первых, подчеркивается, что жертва приносится целиком, полностью (РВ. X. 90. 8, 9): «Из этой жертвы, всецело (полностью) принесенной...». Во-вторых, отмечается, что важнейшей ритуальной операцией при жертвоприношении Пуруши было его расчленение на определенные части (РВ. X. 90. 11): «Когда Пурушу расчленили, / На сколько частей разделили его?». В-третьих, в ходе ритуала происходит создание новой целостности (РВ. X. 90. 14): «Из пупа возникло воздушное пространство, / Из головы развилось небо, / Из ног – земля, стороны света – из уха. / Так они устроили миры». Здесь речь идет не просто о создании основных элементов космоса, а о творении высшей ценности во Вселенной – мирового (космического) порядка, который строится из трех миров (небо, земля, воздуш-

ное пространство) и четырех сторон света. По тому же принципу в этом гимне создается социальный порядок, состоящий из четырех варн (РВ. X. 90. 12): «Его рот стал брахманом, / Его руки сделались раджанья, / Его бедра (стали) вайшья, / Из ног родился шудра».

По тому же сценарию разворачивается обряд жертвоприношения коня – ашвамедха, занимающий одно из центральных мест в ведийской ритуальной практике. Начало древнейшей упанишады Брихадараньяки (1.1.1) содержит знаменитое истолкование ритуала ашвамедхи, где перечислением частей жертвенного коня задается вся Вселенная, как в пространственном, так и во временном аспекте.

Вероятно, составная жертва имела определенные преимущества перед изначальной, она становилась ритуальным воплощением упорядоченной Вселенной. Следовательно, основным недостатком изначальной жертвы являлось то, что она несоставная, представляет собой первозданную слитность, и, соответственно, не пригодна для упорядочения. Только в ходе ритуала она может быть разъята на части, а уже затем построена в определенном порядке. Поэтому создание составной целостности являлось главной целью ритуала жертвоприношения.

Две формы жертвы – изначальная целостность и составная – были опосредованы действиями, имеющими космогонический характер. Две формы жертвы – это два состояния Вселенной: несозданной/неупорядоченной (до начала творения) и созданной/упорядоченной (в результате творения). В лингвистическом аспекте эта дихотомия была рассмотрена Б.Л. Огибениным, который, в свою очередь, отводит существенную роль в преобразовании неорганизованной Вселенной универсальному космическому принципу *rita* (Огибенин, 1968. С. 12–16, 47–51). В.Н. Топоров отмечает, что посредством *rita* достигается порядок круговращения Вселенной. Кроме того, это слово обозначает и сам ритуал. Рассматривая семантическую мотивировку данного ведийского слова, он возводит его к и.-евр.**ar-* ‘(при) соединять’, ‘пригонять (друг к другу)’, ‘прилаживать’, ‘устанавливать’, ‘связывать’. Из того же индоевропейского корня выводимо также др.-греч. ‘приводить в порядок’, ‘выстраиваться в ряд’ (Топоров, 1988. С. 25–26).

Традиция установки в погребение боевой колесницы прослеживается уже у катакомбного населения, которое, по мнению большинства исследователей, принимало участие в формировании памятников синташтинского типа. Двухколесная повозка на сплошных колесах была обнаружена в катакомбном погребении кургана «Тягунова могила» (курган 11, погр. 27) в Запорожской области. Причем среди деталей повозки найдено стрекало с бронзовым четырехгранным наконечником. Н.Н. Чередниченко и С.Ж. Пустовалов рассматривают эту находку как древнейшую одноосную боевую колесницу, которая непосредственно использовались в военном деле. Авторы считают, что в этой могиле был захоронен воин-колесничий, принадлежавший к высшему слою военной знати (Чередниченко, Пустовалов, 1989. С. 104–106; 1991. С. 213).

Высказаны различные мнения о назначении и роли колесниц в погребальном обряде. Ряд исследователей считает, что это были боевые колесницы (Чередниченко, Пустовалов, 1991. С. 213; Генинг и др., 1997. С. 214–219 и др.). Н. Бороффка полагает, что конные колесницы «должны рассматриваться в большей степени как предмет роскоши для демонстрации социального статуса определенной группы людей, а не как собственно средство войны или охоты» (Бороффка, 1999. С. 80). По мнению В.И. Кузина-Лосева, повозка в погребениях имела знаковый характер, указывающий на неординарный статус погребенного (Кузин-Лосев, 1996. С. 85–86). Н.Б. Виноградов, на основании изучения синташтинских комплексов, приходит к заключению, что при интерпретации погребений с остатками колесниц необходимо учитывать высокую степень семиотичности погребальной обрядности. На основании изучения синташтинских комплексов, он полагает, что некая престижность помещения в могилу определенным персонам деталей двухколесных повозок может являться «воспроизведением модификации объемного «макета» индоевропейского мифа о путешествии души» (Виноградов, 2003. С. 264).

Предположение о знаковой роли колесниц или их частей в погребальном обряде населения степных культур эпохи бронзы находит подтверждение и в текстах «Ригведы». Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров считают,

что в «Ригведе» повозка или колесница – это не столько реалии ведийского быта, сколько сакрализованный и мифологизированный предмет (Елизаренкова, Топоров, 1999. С. 490. Прим. 7).

Для объяснения этого ритуала вполне уместно обратиться к хеттской традиции, так как она сложилась на индоевропейской основе. Вероятно, сакрализовано было само передвижение в двухколесной повозке, запряженной лошадьми. В одном из ритуальных хеттских текстов (512/i Rs. 2–6) противопоставляется два вида повозок – тяжелая четырехколесная повозка, запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, и легкая двухколесная колесница, запрягавшаяся лошадьми и предназначавшаяся для военных целей, для торжественных церемоний и состязаний. Ритуальное назначение двух типов хеттских повозок проявляется в царских погребальных обрядах. Легкая колесница, которая именуется также «колесницей для сидения», служит для усаживания образа, изображения умершего (иначе говоря, «куклы» – С.С.). Образ умершего подвозят на этой колеснице к «палатке», снимают с колесницы, вносят в «палатку» и усаживают на золотой престол, после чего совершается обряд жертвоприношения. Останки умершего кладут на тяжелую повозку, запрягаемую быками, и везут к месту сжигания трупов (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 724–726).

Достаточно четко культовая и мифологическая роль колесницы, запряженной конями, нашла отражение в «Ригведе». Боевая колесница (*ratha*) именуется божественной, ей приносят жертвенные дары: «Радуясь этому нашему жертвенному приношению, / О, божественная колесница, прими жертвенные дары!» (РВ. VI. 47. 28). В гимнах «Ригведы» на подобных колесницах разъезжают боги, состязающиеся и воюющие друг с другом. Такой колесницей возничий управлял стоя. Подобная техника езды на боевых колесницах, нашедшая отражение в «Ригведе», является достаточно древней и восходит ко времени индоиранского единства. Об этом свидетельствуют общие индоиранские названия самой колесницы и война-колесничего **rathai tar* – «стоящий на колеснице» (Грантовский, 1998. С. 64; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 728–729).

В реальных военных действиях воин-колесничий управлял ею стоя, а после его смерти эта колесница служила для усаживания «образа» умершего.

Таким образом, в ритуальной практике синташтинского и петровского населения двуконная колесница, составленная из частей, вероятно, предназначалась для «образа» умершего. Новая составная целостность, созданная из ритуально значимых частей, могла быть воплощением представлений о возрождении, переходе умершего к новому жизненному циклу.

Парные захоронения полных костяков лошадей и реконструкция ритуала

В некоторых погребениях Синташтинского большого грунтового могильника содержатся парные захоронения полных костяков лошадей, которые размещаются на перекрытии или в верхнем заполнении камеры. В погр. 2 на перекрытии обнаружены четыре целых костяка лошадей. Сначала одна туша была положена вдоль продольной стенки головой на СЗ, затем три – поперек ямы, головами на СВ. В погр. 3 на перекрытии камеры вдоль восточ-

ной стенки размещены две туши коней, головами на С. Одного из них положили на левый бок, другого – на брюхо с подогнутыми ногами, частично перекрывая первый. В погр. 4 на перекрытии камеры располагались попарно четыре туши коней. В погр. 5 на перекрытии были размещены попарно туши шести лошадей. В западной половине ямы две лошади лежали на левом боку, головами на С, две – на левом боку, головами к Ю. В северо-восточной части ямы находилось еще две туши на правом боку (рис. 4). В заполнении погр. 10 поперек ямы на правом боку головами к Ю были захоронены две туши молодых коней. В погр. 12 на перекрытии погребальной камеры были размещены попарно 4 лошади. Они располагались мордами друг к другу, ногами в противоположные стороны. В погр. 19 на перекрытии также находилось две пары коней: одна пара размещалась вдоль ямы ногами друг к другу, головами на Ю, другая – в противоположной половине ямы, головами на В (рис. 5). В заполнении погр. 26 вдоль стенок располагались скелеты двух коней, лежавших на боку, ногами к середине могилы и черепами на ЮЗ. В погр. 29 на перекрытии размещались

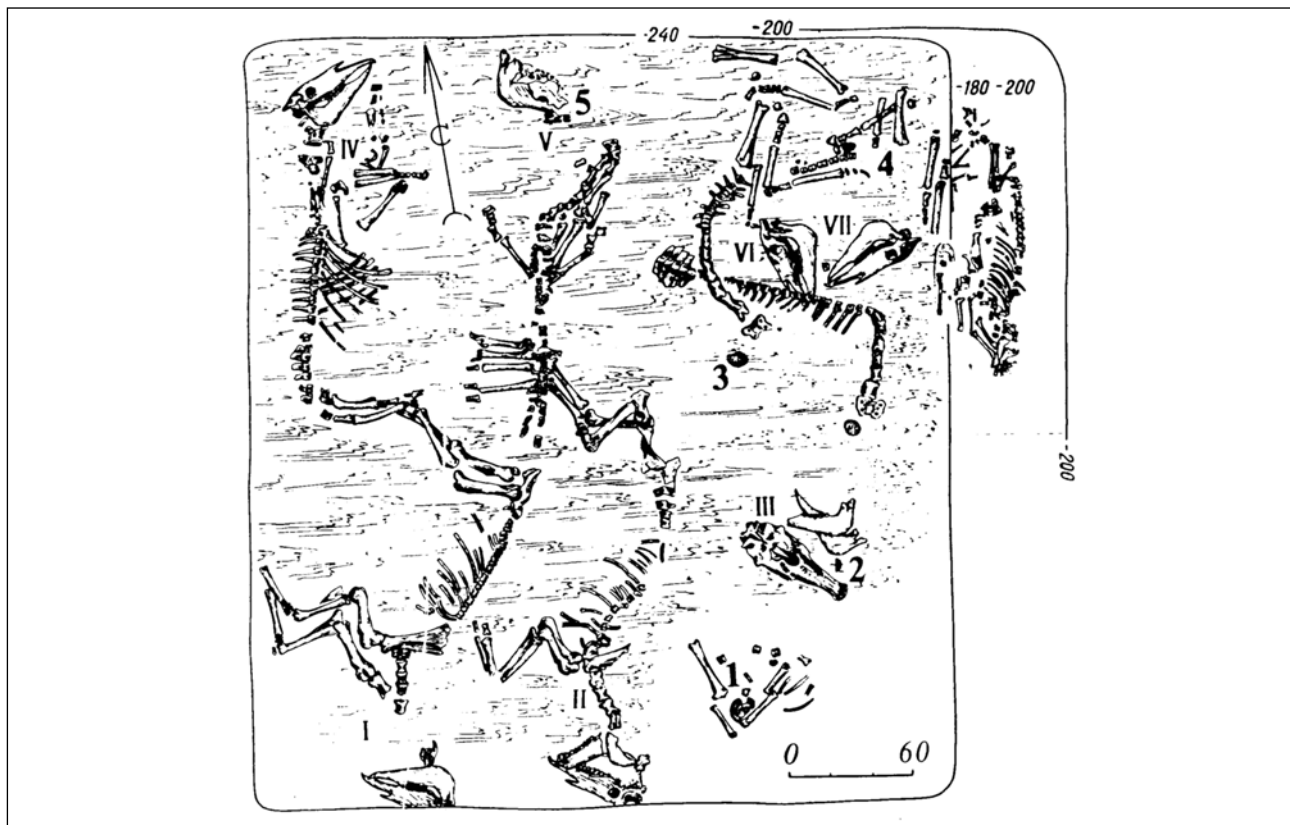


Рис. 4. Синташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 5. Костяки коней и барана на перекрытии погребальной камеры (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

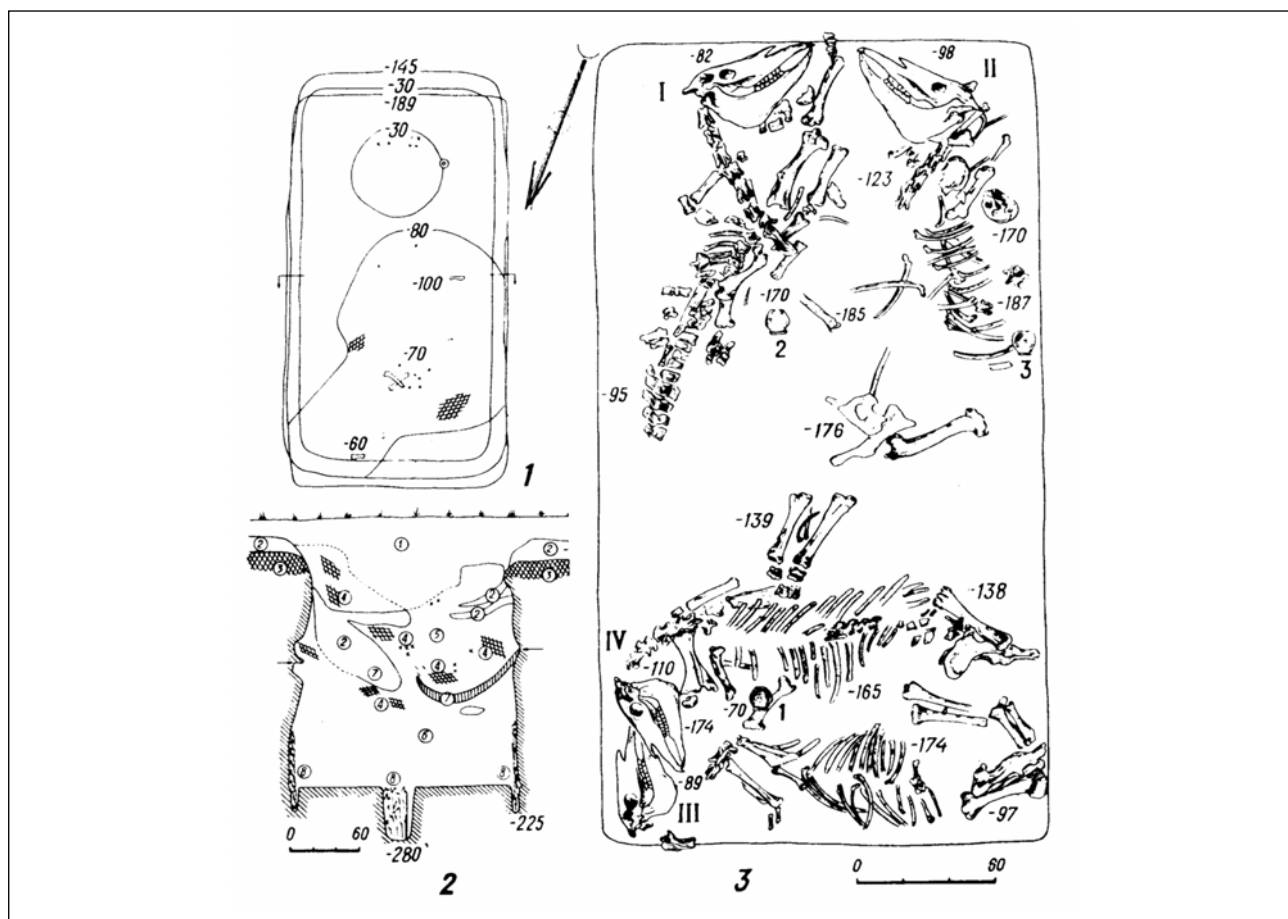


Рис. 5. Сиинташтинский большой грунтовой могильник. Погребение 19. Костяки коней в верхней части погребальной камеры (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

две туши коней головами к СЗ, ногами друг к другу (Генинг и др., 1992. С. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207).

В синташтинском могильнике Бестамак I два полных костяка лошадей находились в заполнении могил 1, 22, 35 и на перекрытии могилы 140 (Косинцев, 2010. С. 48). По-видимому, с тем же ритуалом были связаны парные захоронения целых костяков коней на специально подготовленной площадке рядом с могильной ямой, что является характерной чертой памятников петровского типа Северного Казахстана (Аксаيمان, Берлик II, Новоникольский) (Зданович, 1988. С. 73–76, 78–81; Косинцев, 2010 С. 49) и нуртайского типа Центрального Казахстана (Аяпберген, Нуртай, Ащису) (Ткачев, 2002. С. 158; Кукушкин, 2006а. С. 48; 2006б. С. 50, 59–65). Для североказахстанских комплексов характерно расположение пары лошадей вдоль длинных сторон могильной ямы, для центрально-казахстанских – возле западной или юго-запад-

ной торцовых стенок центрального каменного ящика.

Изучению «колесничных» лошадей, в числе из синташтинских и петровских погребальных комплексов, посвящена специальная работа П.А. Косинцева (2010. С. 21–54). Он относит к этой категории лошадей, которые запрягались или предполагались к запряжке в колесницы, и считает, что в обоих случаях «колесничные» лошади должны были специально готовиться для этого и проходить специальный тренинг. Исследователь рассматривает как те комплексы, что представлены целыми костяками, так и те, что помещались в виде черепов и костей конечностей. П.А. Косинцев отмечает, что среди погребенных лошадей в синташтинских комплексах преобладают самцы – из 12 особей, у которых определен пол: 10 особей – самцы, и только 2 особи – самки. Более половины особей (64%) имели среднюю высоту в холке 136–144 см, 27% имели высоту ниже среднего – 128–136 см и только отдельные особи – выше среднего (144–152

см) и мелкие. По тонконогости половину (49%) составляли полутонконогие особи, значительно количество тонконогих лошадей – 37%. Отдельные особи были крайне тонконогими и среднетонконогими. Исследователь полагает, что это указывает на то, что это специально отобранные из табуна особи. Он считает, что в синташтинской культуре «можно говорить о критериях отбора “колесничных” лошадей». Отбирались преимущественно полувзрослые и взрослые самцы, несколько меньших размеров, чем большая часть особей в табуне» (Косинцев, 2010. С. 30–31). На памятниках петровского типа среди изученных парных захоронений в трех случаях особи заметно отличались по размерам, а в четырех – различались по возрасту. Во всех случаях, где определен пол, в парных захоронениях находились самцы, относившиеся, в основном к группе тонконогих. Преобладали особи средней высоты в холке (60%), заметно меньше было особей ниже среднего роста (28%) и немного (12%) выше среднего роста. Все они относились к группам тонконогих (65%) и полутонконогих (35%). П.А. Косинцев высказывает предположение, что в среде петровского населения преобладал более жесткий отбор, по сравнению с синташтинским (Косинцев, 2010. С. 31).

Проведя анализ остатков «колесничных лошадей» в разных археологических культурах (синташтинской, петровской, потаповской, алакульской, срубной), он отмечает, что они обладают сходством по изученным параметрам: половому и возрастному составу, высоте в холке и тонконогости.

Материалы памятников синташтинского типа позволили провести сравнение по этим параметрам остатков лошадей из поселений. Оно показало их значимые различия. Опираясь на полученные результаты, П.А. Косинцев приходит к выводу, что «колесничные» лошади – это реальная своеобразная группа лошадей, которую отличает не только особое положение в пространстве погребального комплекса, но и специфические характеристики, что может быть результатом как целенаправленного отбора из табуна особей с нужными параметрами, так и специального тренинга (Косинцев, 2010. С. 32).

В среде индоиранского населения достаточно распространенным явлением также

были конные состязания на похоронах (Топоров, 1990. С. 12–47). Наиболее известным текстом, описывающим похоронный обряд, в состав которого входят колесничные ристалища, является 23 песнь «Илиады». В ней описываются похороны Патрокла, кстати, искусного колесничего. Прежде всего, для нас важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, соби́рание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания – колесничные ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничным состязаниям уделено основное место, другие виды соревнований даны короче и менее конкретно.

Опираясь на данные «Илиады», можно предположить, что синташтинское население так же практиковало состязания двуконных колесниц на похоронах воинов. Эти состязания были приурочены к пороговой ситуации в жизни человека. Причем они были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, и участники состязаний являлись своего рода отправителями культа. Представляется вполне вероятным предположение, что синташтинские и петровские парные захоронения целых костяков лошадей, размещавшихся в верхнем заполнении, на перекрытии могилы или рядом с ней имели отношение к подобному обряду.

Безусловно, для колесничных ристалищ в упряжку подбирались лошади одного пола с примерно равными характеристиками (возраст, рост, экстерьер). Именно такой принцип отбора нашел отражение в «Илиаде» Гомера. Так, в конных состязаниях на похоронах Патрокла участвуют запряжки, состоящие только из жеребцов или только из кобылиц: «Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя. / Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда...» (II. XXIII. 376–377). В другой песне о кобылицах Эвмела Феретиада говорится: «Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых, / Масти одной, оди-

наковых лет и хребтом как под меру» (П. II. 764–765).

Обращаясь к интерпретации памятников синташтинского и петровского типов, следует учитывать, что, во-первых, согласно определениям П.А. Косинцева, в синташтинских парных захоронениях лошадей преобладали жеребцы (10 из 12), а в петровских представлены только жеребцы. Во-вторых, в петровских парных захоронениях особи этих животных в ряде случаев различались по размеру и возрасту. Эти различия можно объяснить тем, что в жертву приносилась не вся парная упряжка, победившая в колесничных гонках, а только один из коней. Подтверждение этому предположению можно найти уже в «Ригведе». Об этом свидетельствуют следующие строки гимна, обращенного к Соме: «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломе» (РВ IX. 87. 1).

Другой гимн «Ригведы» позволяет уточнить, по какому принципу отбирали коня для жертвоприношения в победившей упряжке. Безусловно, богам посвящалось самое лучшее. Лучшего коня запрягали в упряжке с правой стороны: «Хороший выбор поистине делают они. / Хорошего коня запрягают справа. Хороший взгляд у сына Вивасвата» (X. 164. 2). Сыном Вивасвата зовется Яма. Слово «хороший», как отмечает Т.Я. Елизаренкова, выступает здесь в качестве ключевого и магического, с него начинается каждая пада. Правая сторона считалась благоприятной. К тому же, употребляемый здесь для правой стороны термин *dākṣiṇa* имеет еще одно значение – «южный», а юг является областью, где царил и пировал с питарами-предками на высшем небе Яма (Ригведа. Мандалы V–VIII. 1999. С. 542). Отношение к питарам в «Ригведе» было двойственным. С одной стороны, их почитали и просили у них поддержки. С другой, в похоронных обрядах отгораживались от них, стараясь себя обезопасить (Елизаренкова, 1999а. С. 463–464). Принесение в жертву лошади, находящейся в упряжке справа, вероятно, должно было настроить Яму и предков на хорошее отношение к умершему или к жертвователям.

В ритуалах народов, имеющих индоевропейские корни, достаточно отчетливо про-

слеживается традиция принесения в жертву коня, находящегося в упряжке с правой стороны. В.В. Иванов, рассматривая древнеиндийский обряд ашвамедхи и римский ритуал *Equus October*, отмечает, что «правая лошадь в упряжи имеет особую ритуальную значимость в ...древнеиндийском и римском ритуалах: в Риме и в Индии приносили в жертву правую лошадь в той упряжи, что выходит победительницей на состязаниях» (Иванов, 1997. С. 196).

Кроме того, в этих ритуалах в жертву приносился именно жеребец. При ашвамедхе царь в день солнечного равноденствия выпускал на свободу своего самого сильного белого жеребца. Освобождение коня происходило на берегу пруда. В течение года конь, в сопровождении знатных воинов, свободно двигался в любом направлении, а воины подчинялись власти царя все области, куда ступала нога его коня. Ровно через год в день солнечного равноденствия процессия возвращалась. Тогда в течение двенадцати дней царь подвергался воздержанию и физическим испытаниям (т.е. повторяет судьбу коня за прошедший год – С.С.). Затем жеребца впервые после целого года воздержания случали с кобылицей и впрягали с правой стороны вместе с тремя другими жеребцами в колесницу, на которой царь, следуя на восток, приезжал к пруду. Здесь три главные жены царя умащали и украшали коня, затем привязывали его к столбу, над которым иногда устанавливалось колесо, и убивали его (Кузьмина, 1977. С. 37–38). В Риме большой государственный праздник *Equus October* справлялся, как и индийская ашвамедха, в день равноденствия – 15 октября, в честь бога войны Марса. Правый конь четверки, запряженной в колесницу, победившую на ристалищах, объявлялся священным и его приносили в жертву (Кузьмина, 1977. С. 38).

На основании приведенных аналогий можно предположить, что синташтинское и петровское население также, вероятно, приносило в жертву жеребца, запряженного в колесницу с правой стороны. По-видимому, в пару с ним в жертву приносили жеребца из другой упряжки, не обязательно того же возраста и роста. Вероятно, в этом выборе основную роль играло ритуальное противопо-

ставление правый/левый, где правая сторона рассматривалась как наиболее значимая.

В работе Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой, посвященной ритуалу, связанному с парными захоронениями лошадей в памятниках синташтинского, петровского, потаповского типов, а также алакульских и раннесрубных, содержится определение пола лошадей, проведенное Л.Л. Гайдученко, но пока полностью не опубликованное (Зданович Д.Г., Куприянова, 2010. С. 130–161). Авторы отмечают, что к настоящему времени в могильниках Южного Зауралья и Северо-Западного Казахстана определен пол 14 пар лошадей. Наиболее крупная серия (10 пар) происходит из могильника Бестамак I. Во всех случаях пары лошадей были определены Л.Л. Гайдученко как разнополюе – жеребец и кобыла, в большинстве случаев разного возраста и разного роста. На основании этих определений авторы строят свои выводы о связи захоронений таких пар лошадей с образом разнополюх близнецов в индоевропейской мифологии (Зданович Д.Г., Куприянова, 2010. С. 149–150).

Таким образом, складывается довольно сложная ситуация: используя практически один материал, биологи приходят к разным заключениям относительно пола лошадей в парных захоронениях. У нас нет оснований не доверять выводам А.П. Косинцева, тем более что они подкреплены добротными опубликованными результатами, представленными в многочисленных таблицах и подробном приложении (Косинцев, 2010. С. 21–54), тогда как определения, сделанные Л.Л. Гайдученко, подкрепляются лишь ссылкой на его рукопись. Однако нельзя полностью игнорировать выводы и этого исследователя. Можно допустить, как частный случай, что в паре с жеребцом, который находился в победившей упряжке с правой стороны, в жертвенный комплекс помещали иногда кобылу, причем не обязательно того же возраста и роста. Следует предполагать, что в этом выборе основную роль играло ритуальное противопоставление правый/левый, где правая сторона рассматривалась как мужская, а левая как женская. С этой точки зрения представляет интерес обрядовое поведение жен царя в ритуале ашвамедхи: после убийства коня они должны были трижды обойти его слева направо, затем трижды спра-

ва налево и снова трижды слева. В.В. Иванов считает, что «выявляемое здесь преобладание левой стороны, очевидно, объясняется ритуальной ролью соотнесения левой стороны с женщиной», что до сих пор сохраняется в некоторых индийских обрядах (Иванов, 1997. С. 187–188).

Возвращаясь к описаниям ритуалов, в ходе которых происходило жертвоприношение коня, следует отметить, что они, как правило, были связаны с состязаниями. В римском ритуале *Equus October* состязания имели место как до, так и после принесения коня в жертву. До жертвоприношения проходили колесничные ристалища, после него – разыгрывалось ритуальное соревнование между двумя группами за голову коня (Иванов, 1997. С. 193). Затем эту голову, украшенную венком, прикрепляли к стене царского дворца, а хвост животного несли к Региа, где кровь стекала на алтарь (Кузьмина, 1977. С. 38). Подобные состязания устраивались также на стыке Старого и Нового года. Например, у ведийских ариев существовал обряд обновления царской власти *ваджанья*, который представлял собой воинский ритуал, одним из центральных моментов которого являлось состязание 17 колесниц, в котором непременно побеждала колесница царя (Альбедиль, 2005. С. 168; Васильков, 1996. С. 105).

Отличительной чертой синташтинских парных захоронений лошадей является помещение их непосредственно в могильную яму. Таким образом, прослеживается отчетливое стремление замкнуть образ колесницы в пространстве могильной камеры. Дно могилы, где размещался сам умерший с колесничным инвентарем, являлось, вероятно, символическим воплощением кузова колесницы. Пара лошадей, которая располагалась над погребенным (на перекрытии или в верхнем заполнении могилы) символизировала, по видимому, саму запряжку. Различные исследователи неоднократно сравнивали котлован могильной ямы в таких погребальных комплексах с кузовом колесницы, запряженной парой коней, которая движется вверх, чтобы достичь неба (Кукушкин, 2006б. С. 61, 63, 65; Зданович, Куприянова, 2010. С. 148).

Для нас несомненный интерес представляет тот факт, что уже в предшествующее время

у катакомбных групп населения появляются такие погребения, которые исследователи считают возможным толковать как образ повозки. А.Н. Гей считает, что в раннекатакомбных памятниках Предкавказья, наряду с осмыслением входной шахты, как вместилища реальной или символической повозки, получает развитие и идея отождествления камеры катакомбы с крытой кибиткой, в пространстве которой умершие располагались в соответствии со схемой «три постели». Направление символического движения такой кибитки мыслилось совпадающим с направлением длинной оси камеры и оси расположения тел двух из трех наличных или подразумеваемых покойников – обитателей символического дома на колесах. Третий погребенный имел поперечное расположение относительно других, однако его лицо было обращено в направлении движения повозки. В более поздних манычских катакомбных культурах схема «трех постелей» деградирует, что, по мнению А.Н. Гей, свидетельствует о формировании новой парадигмы, согласно которой символическим воплощением крытой повозки-кибитки выступает уже не камера, а вся катакомба в целом. Камера мыслится как крытая часть кузова со сводчатым верхом, где и лежит покойник, обращенный лицом по направлению движения. Входная шахта представляет собой передок повозки и место размещения символической запряжки. О последнем говорит обычай размещения именно во входных шахтах западно-манычских катакомб костей двух-четырёх быков. Причем, как отмечает исследователь, именно в катакомбных могилах западно-манычской и восточно-манычской катакомбных культур «мы сталкиваемся с наиболее выработанной, законченной и в то же время оторванной от физической реальности и превращенной в символ, а по тому и не распознанной до сих пор формулой, предусматривающей полное отождествление погребального сооружения и повозки (Гей, 1999. С. 97–99).

Дальнейшую тенденцию развития данного символического образа мы имеем в синташтинских и петровских погребальных комплексах, в которых место повозки занимает колесница. В то же время на основании материалов Синташтинского большого грунтового могильника можно прийти к заключению,

что данная традиция находилась еще в стадии формирования и поисков средств выражения. Об этом свидетельствуют, прежде всего, те погребения, где остатки полной упряжки (колесничего, колесницы и коней), составленной из частей, локализуются только на дне могилы (погр. 30 и др.). Вектор ритуала, в данном случае разворачивается, в основном, в горизонтальной плоскости.

Особого рассмотрения требуют синташтинские погребения, на дне которых размещалась полная упряжка, составленная из частей, а в верхнем заполнении – парное захоронение целых костяков коней. Так в погр. 4 Синташтинского большого грунтового могильника на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине зафиксированы два параллельных углубления для колес, в южной – два черепа лошадей. В погр. 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной – кости ног и два черепа, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками (Генинг и др., 1992. С. 125–126, 132–135). Такую традицию можно определить как «колесница в колеснице», причем аналогичная ситуация отмечена для катакомбных памятников, где встречаются находки «повозки в повозке» (помещение в некоторых случаях реальных повозок в шахтах и камерах самих катакомб). Возникновение подобной ситуации А.Н. Гей определяет как «ритуальный алогизм» и предлагает объяснение, обращаясь, прежде всего, к хеттской традиции, где при похоронах хеттского царя особая роль принадлежала двум повозкам, на одной из которых транспортировали к месту погребения тело умершего, а на другой везли его изображение. Опираясь на эту аналогию, исследователь приходит к выводу, что лиц наивысшего социального ранга в катакомбном обществе также хоронили с двумя повозками – символической и реальной (Гей, 1999. С. 102). Подобное объяснение в определенной степени можно распространить и на синташтинские захоронения. Составленный из костей умершего и частей реальной колесницы образ колесничего помещался на дно могилы, в кузов символической колесницы,

упряжкой для которой служила пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении ямы.

В памятниках петровского типа наблюдается дальнейшее развитие традиции, связанной с символической колесницей (что является дополнительным подтверждением точки зрения тех исследователей, которые считают, что синташтинские памятники в большинстве случаев предшествуют петровским). Парные захоронения лошадей помещаются уже не в могильную яму, а выше – на дневную поверхность, нередко даже на специально насыпанную глинистую или зольную площадку, расположенную рядом с могильной ямой (Берлик П, Аксайман, Аяпберген, Нуртай, Ацису) (Зданович, 1988. С. 73–76, 78–81; Ткачев, 2002. С. 158; Кукушкин, 2006а. С. 48; 2006б. С. 50, 59–65). Эта площадка могла служить в ритуале границей между мирами. Таким образом, прослеживая линию развития традиции, связанной с символической колесницей, следует отметить, что вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Подобный образ колесницы вполне мог рассматриваться как вариант мировой оси, где могильная яма соотносится с нижним миром, дневная поверхность – со средним, глинистая площадка и насыпь – с верхним. По этой оси душа умершего, дары и просьбы жертвователей достигали обители богов и предков.

По-видимому, со временем у индоиранских групп населения образ колесницы в ритуале становится все более символичным. Постепенно он утрачивает сходство с первоначальным реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого нередко укрепляется колесо. Например, в ведийском ритуале ваджапея во время гонки колесниц жрец-брахман вращал по ходу солнца колесо, насаженное на вкопанный в землю шест. Другим значимым моментом этого ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп-юпа. Рукой он должен был коснуться его наверху в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба» (Альбедиль, 2005. С. 168; Васильков, 1996. С. 105). В «Ригведе» имеется следующее описание жертвенных столбов: «Они выглядят, как рога рогатых (животных), / Столбы с на-

вершиями, (стоящие) на земле. / Прислушиваясь к переключке жрецов, / пусть помогут они нам в состязаниях!» (III, 8, 10). Б.Л. Огибенин в комментарии к этому тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель (Огибенин, 1968. С. 83). Следовательно, нельзя исключать предположения, что в индийских ритуалах жертвенный столб с укрепленным на вершине колесом когда-то служил для передачи образа символической колесницы, которая, соответственно, выполняла функции мировой оси. В дополнении к этому следует отметить, что В.В. Иванов, рассмотрев ряд индоевропейских по своим истокам ритуалов, приходит к выводу, что в ашвамедхе жертвенный столб и сам конь, а в римском *Equus October* царский дворец и голова лошади, являются ритуальными символами, эквивалентными мировому дереву (Иванов, 1997. С. 186).

Некоторые исследователи рассматривают парные захоронения разнополых лошадей на памятниках степной бронзы как отражение культа плодородия (Зданович, Куприянова, 2010. С. 149–150). С этим можно согласиться лишь отчасти. Представляется, что синташтинские и петровские могилы, в верхнем заполнении, на перекрытии или рядом с которыми помещались парные костяки лошадей, имели отношение к обряду, связанному с гонками на колесницах и созданием символической колесницы, которая воспринималась как вариант мировой оси, помогающий достичь неба. Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара – возрождения жизни или обретения новой жизни на небе среди предков-питаров, либо восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

Синташтинские погребения с «давильными камнями» и культ ритуального напитка

В памятниках синташтинского типа и, прежде всего, в тех могильниках, которые входят в Синташтинский комплекс, прослеживается интересная закономерность: набор предметов, связанный, по мнению исследователей, с приготовлением культового напитка типа Сомы (включает камень-основание давильни и пест-толкушку), встречается, как

правило, в погребениях воинов, с характерным «колесничным» инвентарем (псалии, углубления для колес от колесницы, копья, наконечники стрел, тесла, топоры). Особенно выразительный материал содержится в погр. 30 Синташтинского большого грунтового могильника, где наиболее полно представлен комплекс атрибутов воина-колесничего, в том числе и упомянутый набор предметов, связанный с культом Сомы (Генинг и др., 1992. С. 208–214, 218).

Комплексы, в составе которых присутствует как оружие, так и давящие камни, есть и в других погребениях этого могильника. В погр. 16 прослежена сложная внутримогильная конструкция из двух вписанных друг в друга деревянных камер. Захоронение совершено во внутренней камере. В южной части дна были прослежены две продольные ямки – углубления для колес. Над ними, вероятно, в кузов сложили кости человека, очищенные от мягких тканей, в сопровождении множества вещей из бронзы (кольцо, обоймочка, перстень со спиральным щитком), из кости (гарпун, наконечники стрел, ритуальная лопаточка) и из камня (наконечник стрелы). В могиле имелся также набор «для приготовления сомы» – пест-толкушка и плоский пест-терочник из плотного зеленоватого сланца. Нижний камень для приготовления напитка положили между стенками камер в северо-восточном углу, а в западной стороне поставили сосуд и положили бронзовый нож. В восточной части ямы, между стенками деревянных камер поместили кости жертвенных животных – черепа и кости конечностей овец, коз и коров (Генинг и др., 1992. С. 149–154). Представляет интерес могила 6, где прослеживается та же картина, за исключением канавок – углублений для колес. Зато в центре этой камеры была выкопана яма для установки центрального столба-бруса, поддерживавшего перекрытие. К северу от него уложили умершего в скорченном положении на правом боку, головой на ЗСЗ. За его спиной были помещены два бронзовых ножа, шильце, тесло, каменная булава и два давящих камня «для приготовления Сомы». Авторы специально останавливаются на характеристике этих камней. Нижний крупный камень, пирамидальной формы с плоским основанием,

представлял собой давящую площадку; верхний, крупный пест, использовался как толкушка-упала. К югу от центрального столба были установлены «несколько сосудов, по-видимому, деревянных, от которых сохранились медные скобки и гвоздики». К северу от столба перед погребенным были положены две головы лошади и кости их ног, что, как отмечают исследователи, характерно для могил с колесницами. Отсутствие же в погребении самой колесницы они объясняют тем, что колесница могла быть установлена в южной, практически пустой половине камеры. Здесь могильная яма прорезала водоносный слой, поэтому органические остатки не сохранились (Генинг и др., 1992. С. 137–140). В погр. 39 этого же могильника, в деревянной камере захоронили двух человек лицом друг к другу. Особенно богатый набор инвентаря находился при костяке Б. В его изголовье находился крупный глиняный сосуд, рядом – мешок с астрагалами (46 штук), два костяных псалия от уздечки, бронзовый боевой топор и набор «для приготовления Сомы» – каменный пест и плита; у плеча – каменная булава, на груди – бронзовый нож, каменный амулет; на пальцах рук – по медному кольцу. Сзади у стенки камеры поместили колчан с 12 стрелами; возле ног, вероятно, поместили деревянное блюдо с медными гвоздиками (Генинг и др., 1992. С. 228–230). В погр. 14 Синташтинского комплекса С1 на дне обнаружено три углубления. По мнению исследователей, там могла быть установлена колесница. Захоронение подверглось сильному разрушению. Наименее потревоженной оказалась северная часть камеры, где у дна расчищены развалы двух сосудов, три каменные плиты и два песта (рис. 6). В южной части обнаружены остатки двух костяных псалиев. Большая часть вещей найдена в грабительском перекопе: фрагменты девяти сосудов, четыре бронзовых двулезвийных ножа, бронзовый серп, три бронзовых тесла, два бронзовых шила, два бронзовых рыболовных крючка, бронзовый перстень, фрагменты бронзовых скоб для починки сосудов, пять кремневых наконечника стрел, каменные навершия булавы. Найдены также костные останки человека. По мнению исследователей, это было коллективное захоронение (Генинг и др., 1992. С. 266–268, 276–277).

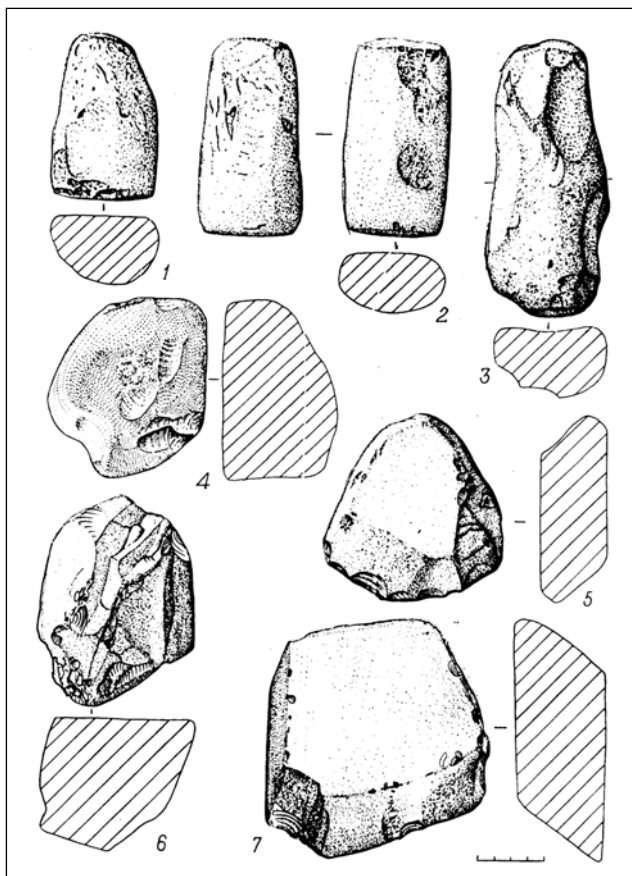


Рис. 6. Синташтинский комплекс. Памятник С I. Погребение 14. Изделия из камня (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992).

В могильнике Каменный Амбар 5 представляют интерес синташтинские погребения 5 и 6 кургана 2. В погр. 5 было захоронено восемь человек, среди них – три мужчины 17–18, 22–24 и 25–27 лет, три подростка неясной половой принадлежности 13–16 лет и два ребенка в возрасте 1,2–2 лет. Несмотря на ограбление, почти не потревоженным оказалось скопление в северо-западной части дна. Оно включало два сосуда, бронзовые изделия (тесло, шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети) и пест из яшмовидной породы. В юго-восточной половине дна, в числе прочих вещей, обнаружены бронзовые наконечник копья, четыре псалия из рога лося, три кремниевых наконечника стрел и два «терочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы. В южном углу обнаружено скопление из 147 астрагалов. На уровне перекрытия в восточном углу находилось два черепа лошади, у середины ЮЗ стенки – скелет жеребенка, череп и хвост взрослой лошади. В погр. 6 в ЗЮЗ углу на уровне перекрытия обнаружены черепа и кости конечностей двух лошадей. В

могиле захоронено шесть человек, в том числе двое мужчин 45 и 15–17 лет, двое подростков 11–13 и 13–15 лет, двое детей – 1–1,5 года и грудной младенец. На дне, в ногах одного из мужчин зафиксировано удлиненно-овальное углубление, предположительно для установки колеса. Погребение нарушено, инвентарь концентрировался, в основном, в пределах грабительского лаза. Среди находок следует отметить бронзовые нож и тесло, кремниевые наконечники стрел, «терочник» из серой яшмы и пест из кварцевого порфира. Однако исследователи оставляют вопрос о назначении пестов и «терочников» открытым (Костюков и др., 1995. С. 160–162, 176). С определенной долей осторожности можно предположить, что эти предметы являлись давальными камнями.

Таким образом, присутствие в погребениях с колесничным инвентарем набора давальных камней «для приготовления Сомы», является достаточно распространенным явлением. Одним из доказательств того, что это не случайное совпадение, служат погребения, где сосуд, перевернутый вверх дном, помещен в центр композиции из предметов, являющихся принадлежностью воина-колесничего.

Наибольший интерес представляет расположение вещей в погр. 1 кургана 2 синташтинско-петровского могильника Кривое озеро (рис. 7, 8). При зачистке дна могильной ямы у восточной стенки были выявлены два параллельных углубления для установки колес. Между этими углублениями, почти на равном расстоянии от каждого, на дне обнаружены стоящий вверх дном сосуд и бронзовый наконечник копья, лежащий острием на восток. Эти вещи находились в непотревоженном состоянии. В западной части ямы найден роговой псалий, в заполнении ямы встречались мелкие кости лошади (Виноградов, 2003. С. 67). Важным представляется то, что перевернутый сосуд и наконечник копья являются как бы центром всей композиции, включающей следы от установленных колес. По мнению Н.Б. Виноградова, сосуд, имеющий небольшое и слегка выпуклое дно, не использовался в быту и был специально изготовлен для ритуала (Виноградов, 2003. С. 67). В данном случае наиболее значимо то, что перевернутый сосуд составлял единую композицию

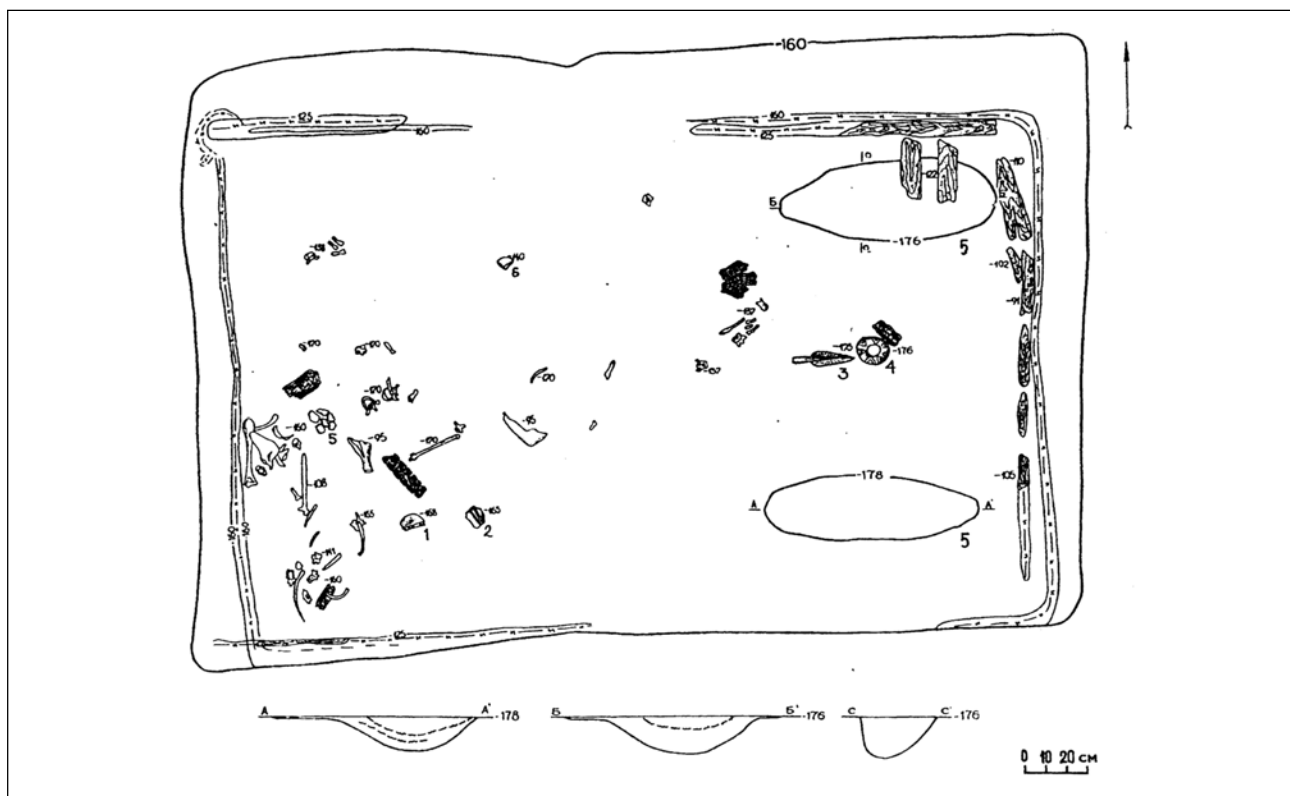


Рис. 7. Могильник Кривое озеро. Курган 2. Яма 1.

Остатки на дне: 1 – псалий; 2 – фрагмент сосуда; 3 – бронзовый наконечник копья; 4 – сосуд; 5 – углубления для колес (по: Виноградов, 2003).

с вещами, входящими в колесничный комплекс, к которому следует отнести углубления для установки колес, копье и псалии.

Еще один ритуальный комплекс, где перевернутый сосуд помещен в центр композиции из вещей, являющихся принадлежностью воинов, представлен в нуртайском могильнике Бозенген (могила 7 курган 24) из Центрального Казахстана. Памятники нуртайского типа Центрального Казахстана хронологически и культурно близки петровским Северного Казахстана. Этот ритуальный комплекс определен А.А. Ткачевым как кенотаф. Могила представляла собой каменный ящик трапециевидной формы. На перекрытии стояли три поминальных сосуда и находились кости конечностей крупного рогатого скота. Основные находки были сосредоточены на дне в западной половине ящика, занимая квадрат размером 0,8 x 0,8 м. В центре квадрата находился установленный вверх дном сосуд. Углы квадрата были образованы четырьмя костяными наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы под углом 45 градусов. Древки наконечников должны были образовывать пирамиду и сходиться над сосудом. Это сооружение было

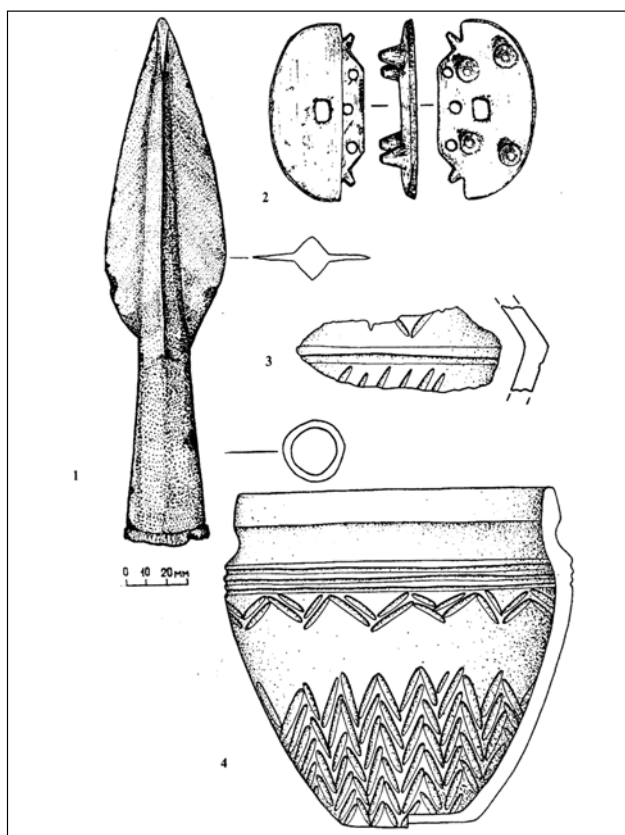


Рис. 8. Могильник Кривое озеро. Курган 2. Яма 1.

Погребальный инвентарь: 1 – бронзовый наконечник копья; 2 – роговой псалий; 3 – фрагмент сосуда; 4 – сосуд (по: Виноградов, 2003)

покрыто двумя видами ткани из грубо- и тонковолокнистых нитей. Отдельные куски этих тканей встречены на разных уровнях заполнения могилы. На ткань были нашиты пастовые бусы, образующие концентрические круги. На дне могильной ямы в разных местах обнаружено семь костяных наконечников стрел, подвеска из раковины и кусочек красной охры (Ткачев, 2002. С. 226). В данном комплексе границы пространства имеют форму квадрата, образованного 4 костяными наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы. В центре находится перевернутый сосуд.

Перевернутый сосуд помещался также в центр композиций из черепов и костей ног жертвенных животных – лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Скот, особенно лошади – не менее важная составляющая военного быта скотоводов. Так в индийском эпосе «Махабхарата» говорится, что «ваджра воина (кшатрия) – его кони» (Мбх I. 158. 49–50). Жертвенный комплекс I (уч. Б, В/9) Синташтинского большого грунтового могильника находился в яме размерами 130 x 115 см, ориентированной по сторонам света. Вдоль восточной стенки располагались параллельно в ряд пять черепов лошадей, все положены на нижние челюсти лицевыми частями к середине ямы. Симметрично им, вдоль западной стенки, также размещались пять черепов, лицевыми частями к центру. Крайний северный череп принадлежал лошади, остальные четыре – безрогим быкам. В середине южной стенки, между черепами, стоял вверх дном крупный сосуд. От него, полосой по центру ямы, поверх черепов, лежали в большом количестве кости ног и первые позвонки лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Аналогичные кости, но в меньшем количестве, имелись и под черепами. Кроме того, в жертвенный комплекс входили еще два черепа барана. Один находился в юго-восточном углу, рядом с черепом лошади, второй, установленный вверх затылочной частью, – в середине южной стенки, рядом с сосудом (Генинг и др., 1992. С. 234–235). Таким образом, перевернутый сосуд и череп барана представляли собой своеобразный центр композиции, от которого шли три ряда: средний – из костей ног и два по краям – из черепов. Представляют интерес материалы погр. 39 этого же могильника. В восточной

нише, образованной стенкой ямы и деревянной камерой и имеющей ширину более 30 см, обнаружен жертвенный комплекс, включавший шестнадцать черепов и костей ног овец, коров и лошади. Все они были расположены в определенном порядке: по краям – по пять черепов и соответствующее количество костей ног овец; в центре вверх затылочной частью поставлен череп лошади. К северу от него уложены два черепа коров, мордами к северу, а к югу – три черепа коров, поставленных мордами вверх. Пространство между черепами было заполнено костями ног тех же животных (Генинг и др., 1992. С. 233–234). Здесь центром композиции и своеобразной осью (также в перевернутом состоянии) служил череп коня.

Достаточно сложным для понимания является повторяющийся факт помещения в центр композиции именно перевернутого сосуда. В данном случае представляется уместным обратиться к материалам по восточно-романскому фольклору. Т.Н. Свешникова и Т.В. Цивьян показали, что переворачивание пустой и наполненной посуды имеет различное семантическое значение. Пустая посуда заключает в себе особую опасность, и ее переворачивание помогает нейтрализовать зло. Переворачивание наполненного сосуда «имеет смысл возвращения земле взятого у нее, для того, чтобы снова получить у земли плодородие и богатство». В подтверждение они приводят ряд примет, например, «если у тебя прольется ведро с водой прямо у колодца, будет веселье», если пролить стакан с вином – к веселью и прибытку. По свадебному обычаю принято выходить навстречу жениху и невесте с полными ведрами, которые ставят перед молодыми. Жених опрокидывает их ударом правой ноги и отдает выкуп, по другому варианту – ведро переворачивает невеста (Свешников, Цивьян, 1997. С. 368, 370). Несмотря на то, что в обрядах, связанных с переворачиванием сосуда, сами сосуды играют вспомогательную роль вместилищ влаги, тем не менее, следует отметить признак наполненного сосуда, как благоприятный для человека.

Мотив переворачивания сосуда, наполненного влагой, присутствует и в гимнах «Ригведы». Данный мотив связан с различными ведийскими божествами, обитающими на небе. Они подтягивают из колодца или ис-

точника и переворачивают небесную бадью, воды из которой текут с небес на землю. В данном случае для нас представляет интерес тот факт, что в некоторых ведийских гимнах сосуд переворачивают боги, связанные с военной функцией. Прежде всего, это Маруты, которые в ведийских гимнах всегда предстают во множественном числе, как отряд (толпа) воинов-колесничих, разъезжающих по небосводу в полном боевом облачении: «Снабженные топорами, копьями, мудрые / С прекрасными луками, стрелами, колчанами, / О сыновья Пришни, вы обладаете прекрасными конями, прекрасными колесницами. / Прекрасно вооруженные, о Маруты, вы выезжаете для блеска» (РВ V. 57. 2). Маруты изливают на землю дождь, переворачивая небесную бадью: «(Та) бадья неба, которую очень щедрые мужи / Подтянули для почитающего (их), – / (Из нее) они изливают дождь на два мира» (РВ V. 53. 6). «Выплеснули небесную бадью эти / Маруты, (сыновья) Рудры...» (РВ V. 59. 8). «И вот они развязывают потоки алого (жеребца), / Как кожаный мешок (для воды); они заливают землю водой» (РВ I. 85. 5). В этих гимнах небесные воды в виде дождя по существу выполняют функцию мировой оси, проходящей через все миры.

Возвращаясь к синташтинским жертвенным комплексам, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции, можно предположить, что в ходе подобных ритуалов переворачивался сосуд, наполненный водой или каким-то напитком. В таком случае перевернутый сосуд мог выступать символом мировой оси в виде льющихся с неба космических вод. Мне уже приходилось высказывать предположение, что переворачивание сосуда в ритуале могло быть связано с культом ритуального напитка типа Сомы/Хаомы (Сотникова, 2006. С. 25–31). К этому можно добавить, что в гимнах «Ригведы» Сома предстает как космическая опора, проходящая через трехчастную Вселенную: «Он вылит, опора неба, поднесенный пьянящий напиток; / Трехчастный, он течет вокруг миров...» (РВ IX. 86. 46); «На пупе земли опора великого неба, / (Сома) был вылит в реки, в волну вод...» (РВ IX. 72. 7).

Таким образом, присутствие в погребениях с колесничным инвентарем набора дагильных камней «для приготовления Сомы»

и наличие жертвенных комплексов, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции из вещей, являющихся принадлежностью воина-колесничего, свидетельствуют о значительной роли культового напитка в жизни и ритуале этой категории населения. Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на их интерпретации следует остановиться особо.

Ритуал приготовления Сомы и колесничные состязания

Для выяснения смысла подобных ритуальных действий обратимся к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся» (Топоров В.Н., 1997. С. 533). По текстам «Ригведы» реконструируется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Т.Я. Елизаренкова со ссылкой на Т. Оберлиса отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы. От Сомы он возрастает и усиливается и в нем возникает также желание щедро одаривать. Отсюда тесная связь Индры с людьми, выжимающими для него Сому (Елизаренкова, 1999б. С. 340). Индра, как правило, выступает в окружении толпы Марутов (РВ V.57.1): «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единокорные, / На золотых колесницах (нам) на благо!»; (РВ I.169.8): «Ты, о Индра, вместе с Марутами добудь / Для потомков Маны достаточные для всех людей дары с коровами во главе!»; (РВ I.166.11): «Маруты окружают Индру, восхваляя (его) отовсюду». Они помогают Индре в расправе над демонами (РВ VIII.7.23–24): «Они переехали Вритру по суставам, / Пере(ехали) горы,.../ Они .../ (Поддержали) Индру в борьбе с Вритрой». Маруты, как и Индра, часто вступают в сражения в состоянии опьянения Сомой (РВ I.87.1): «Очень бодрые, страшно сильные, брызжущие (энергией), / Несгибаемые, непоколебимые, пьющие сому из выжимок...».

Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся манда-ла IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение. Порой тексты просто перегружены образами, что затрудняет понимание. Чтобы понять эту образность необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давящими камнями, затем он очищался через цедилку из овечьей шерсти и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным, и его пьют боги (Индра, прежде всего) и люди (Елизаренкова, 1999б. С. 326, 328).

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало». Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы – это *urdh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)» (Елизаренкова, 1999б. С. 328–329). Таким образом, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил.

В таком случае появление в синташтинских воинских захоронениях комплексов, связанных с культом Сомы (сосуды и давящие камни), вполне объяснимо. Однако являлись ли воины-колесничие изготовителями ритуального напитка или только его потребителями – вопрос спорный. Я.В. Васильков, опираясь на данные «Ригведы» и «Махабхараты», подробно останавливается на сюжете о Трите и его братьях. Этот сюжет, по его мнению, восходит к индоевропейской древности. Трита был одним из первых, кто научился выжимать и применять в обряде сок растения сомы/хаомы. Я.В. Васильков, со ссылкой на Брюса Линкольна отмечает, что во всех индоиранских традициях Трита не бог, а смертный герой. Он также высказывает мнение, что у иранцев и ранних индийцев первые выжиматели сомы/хаомы были воинами или царями. Кроме того, этот исследователь обращает вни-

мание на взаимоотношения Триты с Индрой: «...ведийский Трита обычно побеждает дракона, побуждаемый Индрой (РВ X.8.9) или пользуясь его помощью (РВ II.11.19; V.86,1; X.48.2). Сам же он помогает Индре в его борьбе, поднося тому придающий силу напиток – сому (РВ IX.34.4; 86,20; ср. VIII.12.16). Эти отношения Брюс Линкольн вполне убедительно объяснил как отношения смертного воителя (героя) с воителем-богом, когда они взаимно укрепляют силы друг друга: Индра посылает герою Трите победу, а Трита приносит богу в жертву сому, чтобы придать ему силы для его космической битвы» (Васильков, 2009. С. 54; 2010. С. 46–50).

С определенной долей вероятности можно предположить, что культ бодрящего напитка, дающего прилив физических сил, был характерен именно для «колесничных» культур (типа синташтинской, петровской) как средство добывания победы в состязаниях, а, возможно, и в реальных военных действиях. Одним из подтверждений этого положения являются те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, в гимнах, обращенных к Соме, потоки сока, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц. Чаще всего Сома — это конь или кони, запряженные в колесницу и стремительно мчащиеся к финишу на состязании: «Словно скакуны, погоняемые погонщиками, / Они устремились к захвату добычи / Через сито из овечьей шерсти, (эти) быстрые (кони)» (РВ IX.13.6); «Сок, словно скакун, устремившийся к награде, / Громко ржет в цедилке, / Когда он потек сквозь (нее), преданный богам» (РВ IX.43.5); «Он проскочил через цедилку, / Как конь, приносящий награду на бегах, – через дышло. / Сок правит богами» (РВ IX.45.4); «Выжатый, буланый (конь) — стебель (сомы) / Понесся кругами по цедилке, словно колесница, посланная за добычей» (РВ IX.92.1).

В других случаях Сома – это быстрая колесница, участвующая в ристалище: «Вот эта мужественная колесница / Мчится сквозь овечью шерсть, / Направляясь к тысячной награде» (РВ IX.38.1); «Эти быстрые соки сомы, / Словно колесницы, приносящие награду,

/ Были посланы вперед, (как) выпущенные стада» (РВ IX.22.1); «Вперед выступили соки сомы ради богатства, / Словно грохочущие колесницы, / Словно скакуны, ищущие славы, / Погоняемые, словно колесницы, / Они помчались из-под рук (жреца), / Подобные наградам тех, кто решает исход» (РВ IX.10.1-2).

Наконец, Сома – это правящий конем колесничий: «Этот возница, непобедимый в водах, / Начищаясь между двух рук (жреца), Сома усаживается в чанах» (РВ IX.20.6); «С пониманием силы действия мы следовали / За колесничим, рядящимся в воды...» (РВ IX.16.2).

Целью колесничных состязаний было добывание победы, а приносящим ее был именно сок Сомы, который, вероятно, употребляли участники соревнований как мощное стимулирующее средство для достижения успеха. Поэтому сок Сомы предстает в тексте «Ригведы», прежде всего, как «завоеватель награды» (РВ IX.21.7; IX.64.29; IX.80.2; IX.87.4), «приносящий награду» (РВ IX.22.1), «выигрывающий ставку» (РВ IX.62.18), «приносящий великую ставку (в игре)» (РВ IX.16.5). Причем эта награда завоевывается для предков: «Как для предков – неустанный покоритель сотен, / Покоритель тысяч — ты добивался награды, о сок, / Так очищайся для новой удачи!» (РВ IX.82.5).

Однако обожествлялся не только священный напиток Сома. Особым почитанием были отмечены также давяльные камни, с помощью которых выжимался сок. В «Ригведе» несколько гимнов мандалы X специально посвящено давяльным камням для Сомы (РВ X.76; X.94; X.175). В одном из стихов гимна давяльные камни изображены как кони, везущие десять пальцев жреца, выжимающего сок Сомы (РВ X.94.6-8): «Когда они взрели, пыхтя (и) заглатывая, / Их фырканье было слышно, как у скаковых коней. Пропойте (славу камням) с десятью... десятью подпругами, / Десятью построшками, десятью сбруями, / Десятью поводьями, нестареющим, / Везущим десять дышел, десять запряженных (пальцев). / Эти камни-кони с десятью ремнями, / Приятная их узда движется кругами, / Они вкусили сливки первого стебля / Выжато-того сока сомы». Такое восприятие давяльных камней через отождествление со скаковыми

конями свидетельствует о том, что помещение их в могилы воинов-колесничих было не случайным. В целом, можно сказать, что «конская» символика в процедуре изготовления ритуального напитка Сомы была всеобъемлюща.

Проблема идентификации Сомы-растения

До сих пор спорным является вопрос о том, из какого растения изготавливался напиток Сома древними ариями или Хаома древними иранцами. В качестве кандидатов для Сомы были предложены различные типы мелких кустарников и трав – эфедр, мак, конопля, мандрагора, дикая рута и даже гриб – мухомор. Во многом такая ситуация возникла потому, что ни в «Ригведе», ни в «Авесте» практически нет описания Сомы как реального растения, так как внимание ведийских поэтов было направлено не на описание природного облика, а на ритуал приготовления из него священного напитка. Поскольку внешних данных оказалось недостаточно для идентификации Сомы в «Ригведе», то было высказано предложение судить о растении Сома прежде всего по тому, какое действие оказывает этот напиток на того, кто его выпил. Но и здесь исследователи не пришли к единому мнению, так как тексты «Ригведы» и многие используемые в них термины допускают многозначное толкование (Елизаренкова, 1999б. С. 342–353). Основной спор разгорелся по вопросу о том, был ли Сома галлюциногенным напитком или нет. Так Т.Я. Елизаренкова отмечает, что ей трудно согласиться с Х. Фальком, который идентифицирует Сому с эфедрой и утверждает, что растение Сома, как оно описано в «Ригведе», не вызывает галлюцинаций. В частности Х. Фальк говорит, что «кроме всего прочего, галлюциногенные средства вызывают видения; шаманы употребляют их для посещения сферы предков или богов. Но нет ничего шаманского или визионерского ни в ранних ведийских текстах, ни в ранних иранских» (цит. по: Елизаренкова, 1999б. С. 351–352). Т.Я. Елизаренкова приходит к выводу, что Сома был не только стимулирующим, но и галлюциногенным растением. Она подробно останавливается на характеристике таких претендентов на роль Сомы как эфедр

и мухомор, но отвергает эфедру на том основании, что она не обладает галлюциногенными свойствами. Вместе с тем, Т.Я. Елизаренкова на основании изучения ряда гимнов Ригведы (IX.113.8,10; X.119.2-3 и др.) отмечает, что во всех этих случаях речь идет о галлюцинациях, вызванных Сомой и удивительно напоминающих шаманский полет, что «по способности вызывать видения, в частности ощущения полета, Сома явно напоминает мухомор (а не эфедру), с которым его на основании гимнов РВ отождествить, тем не менее, не удается» (Елизаренкова, 1999б. С. 352). Поэтому она оставляет этот вопрос открытым.

Вероятно, при решении данного вопроса следует учитывать, что текст «Ригведы» создавался на протяжении многих сотен лет, в нем нашли отражения взгляды не только ведийских ариев, но и их далеких индоиранских предков, обитавших в далеких от Индии евразийских степях. На роль таких предков, по мнению ряда исследователей, может претендовать население, оставившее памятники синташтинского и петровского типов (Кузьмина, 2008. С. 200–201). Культ ритуального напитка типа Сомы мог существовать уже в колесничных культурах, но играть в них не столь всеобъемлющую роль, как впоследствии у ведийских ариев. Не исключено, что одной из возможных сфер применения священного напитка являлись ритуальные колесничные состязания. Можно предположить, что употребление такого напитка давало участникам, прежде всего, прилив физических сил и бодрость, так как именно об этом взывают участники конных состязаний в некоторых гимнах «Ригведы». В этом плане представляет интерес гимн VIII.48, один из немногих, где дается описание психического состояния человека, вкусившего Сомы: «Ты нам, сома, повсюду (будь) наделителем жизненной силы! / Ты войди (в нас), создавая солнечный свет, о (бог) со взглядом героя!» (48.15); «Вот исчезли недомогания, болезни. / В бегство обратились силы тьмы: они испугались. / В нас поднялся сома крепчайший» (48.11); «Выпиты эти славные (соки сомы), уносящие вширь: / Как ремни – колесницу, вы связали меня в суставах. / Да предохранят меня эти соки сомы (от того), чтоб не поскользнулась нога, / И да удержат они меня от перелома! / Как огонь, добытый

трением, зажги меня! / Дай (нам) озарение! Сделай нас лучше!» (48.5,6).

Но вряд ли способность напитка вызывать галлюцинации была на пользу соревнующимся, скорее все-таки во вред. Среди предложенных различными исследователями растений, претендующих на роль Сомы, заслуживает внимания, прежде всего, эфедра, так как она не обладает галлюциногенными свойствами.

Согласно описаниям эфедры – это кустарник, представленный многими разновидностями (до 40), разной высоты (от 50 см до 4 м). Имеет гнутый ствол, напоминающий ствол дерева и многочисленные переплетающиеся веточки без листьев зеленого или желтоватого цвета, состоящие из сочленений. Растение содержит в себе эфедрин, заключенный, прежде всего, в его зеленых побегах. Больше всего эфедрин содержат те сорта, которые растут в горах. Эфедра произрастает в основном в Евразии, причем область ее распространения необычайно широка (Елизаренкова, 1999б. С. 343).

К. Абдуллаев в работе «Культ Хаомы в древней Центральной Азии» (2009) подробно останавливается на характеристике тех растений, которые могли использоваться для приготовления данного напитка. Кроме того, используя работы из области ботаники и фармакологии, он рассматривает вопрос о воздействии этих растений на организм. Для нас представляет интерес действие эфедры. Как препарат эфедрин относится к группе психостимуляторов. К этой группе относятся вещества, объединенные общим признаком – все они вызывают активизацию деятельности нервной системы. В результате их употребления появляется чувство легкости, бодрости, улучшается настроение, ускоряется темп мышления. Умеренные дозы стимуляторов вызывают краткий период сильной эйфории. Представляет интерес, что воздействие эфедрин сходно с эффектом адреналина, но в отличие от последнего действие эфедрин развивается медленнее, но действует он дольше. После приема внутрь он начинает действовать через 15–30 минут, максимальный эффект достигается через 30–60 минут, продолжительность действия 3-4 часа (Абдуллаев, 2009. С. 53–54).

В «Ригведе» имеются косвенные подтверждения об относительно кратком про-

межутке времени, по истечении которого священный напиток начинает действовать на организм. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, воздействие Сомы начиналось сразу же после того, как он был выпит. Об этом говорит очень частое употребление форм аориста в мандале IX, что неоднократно отмечалось различными исследователями. Аорист выражает действие, которое только что на глазах произошло. Но сколько времени продолжалось действие Сомы, сказать на основании гимнов «Ригведы» невозможно (Елизаренкова, 1999б. С. 347–348). Следует заметить, что быстрое стимулирующее воздействие ритуального напитка на организм человека более всего соответствует духу ритуала, связанному с состязанием на колесницах, поэтому наиболее подходящим на роль Сомы растением представляется эфедра. В дополнении к этому выводу можно добавить, что препараты с эфедрином применяются в качестве допинга спортсменами (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С. 174–175).

При рассмотрении данного вопроса важная роль отводится лингвистическим данным. Как отмечает Т.Я. Елизаренкова, современные названия эфедры во многих индийских, дардских языках восходят к слову *soma-* (Елизаренкова, 1999б. С. 344). В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский считают, что названия эфедры в разных иранских языках (в большинстве восточноиранских) безупречно возводятся к древнеиранскому *hauma-*. На основании этого они делают вывод, «что в эпоху древнеиранской общности... хаому готовили, очевидно, из эфедры». Кроме того, исследователи отмечают, что эфедра (или хвойник), некоторые разновидности которой богаты алкалоидом эфедрином, используются до сих пор, несмотря на то, что рецепт утрачен, для приготовления культового напитка зороастризма – хаомы. Представляется достаточно значимым их мнение, что хаома, по-видимому, обладала преимущественно возбуждающим и стимулирующим действием, а не опьяняющим или одурманивающим. В то же время В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский не исключают того, «что в более отдаленные времена в разных регионах предки иранцев использовали и другие источники для изготовления культовых

напитков...» (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С. 174–175).

В этой же статье приводятся интересные данные о внешнем виде предметов для приготовления хаомы. Они отмечают, что эфедру для приготовления этого напитка толкли в ступках. Ступки, пестики и чаши, обнаруженные в Персеполе при раскопках ахеменидской царской сокровищницы, сделаны из твердого зеленого камня различных оттенков. Арамейские надписи на этих предметах (VI–V вв. до н.э.) показывают, что они происходят из Арахосии, где добывался этот камень, цвет которого напоминает цвет веточек эфедры (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С. 175). В погребениях Синташтинского комплекса некоторые давяльные камни также имели зеленоватый цвет. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в погребении 16 плоский пест-терочник изготовлен из зеленоватого сланца, в погр. 30 из камня зеленого цвета были сделаны основание давяльни и пестобразный камень-толкушка. В погр. 1 Синташтинского малого грунтового могильника каменный пест изготовлен из сланцевой породы зеленоватого цвета (Генинг и др., 1992. С. 153, 208, 214, 300).

Сома, мухомор и шаманский полет

Вероятно, необычное воздействие ритуального напитка типа Сомы/Хаомы на организм человека воспринималось как непосредственное вселение Сомы-божества в человека или приобщение его к сонму богов. Как и положено божественной субстанции, воздействие Сомы в Ригведе носит амбивалентный характер. С одной стороны, говорится о достижении блаженства: «Мы выпили сому, мы стали бессмертными, мы пришли к свету, мы нашли богов» (РВ VIII.48.3); «Где немеркнущий свет, / В (том) мире, где помещено солнце, / Туда помести меня, Павамана, / В бессмертный нерушимый мир!» (РВ IX.113.7). С другой стороны, в гимнах неоднократно содержатся просьбы к Соме не наносить вреда человеку: «(Будь) очень милостивым к нам, сочувственным, / Не помрачающим (наш) разум, надежным, / Будь нам, о Сома, благом в сердце! / Не приведи нас, Сома, в смятение! Не напугай нас, о царь! / Не убей вспышкой у нас в сердце!» (РВ VIII.79.7,8); «О сома-царь, поми-

луй нас на счастье! / Тебе мы посвятили себя, знай это! / Играет сила действия и страсть, о сок сомы. / Не выдай нас на потеху врагу!»; «Я хочу соединиться с мягкосердечным другом, / Который, когда выпит, пусть не причинит мне вреда, о правящий булаными конями» (РВ VIII.48.8,10). По-видимому, не менее важным моментом было соблюдение определенных пропорций составляющих в ходе приготовления напитка или количества в его потреблении.

В этом отношении несомненный интерес представляет гимн X.119. Несмотря на то, что этот гимн несложен по языку, он вызывает многочисленные споры среди исследователей и комментаторов. По жанру – это гимн-самовосхваление. Его тема – бог или человек, выпивший слишком много Сомы. Может быть даже сам Индра, так как из всех богов он был больше всего привержен употреблению этого напитка (Ригведа. Мандалы IX–X, 1999. С. 517). На основании некоторых строк этого гимна действительно можно говорить о возникновении ощущения, похожего на полет (X.119.2,3): «Как ветры буйные, / Понесли меня вверх выпитые (соки сомы) – / Не напился ли я сомы? / Понесли меня вверх выпитые (соки сомы), как быстрые кони – колесницу – / Не напился ли я сомы?». Однако в этих строках не содержится явного указания на галлюцинации и «шаманский полет». В то же время следует учитывать, что при употреблении психостимуляторов происходит ускорение темпа мышления и создается иллюзия ускорения (Абдуллаев, 2009. С. 54). Поэтому возникающие у героя ощущения могут иметь и другое объяснение. В рассматриваемом гимне речь идет скорее об «иллюзии ускорения», которое сопоставляется с ощущением полета, возникающем в результате быстро мчащейся колесницы, что и отмечается в тексте гимна (119.3). Следует отметить, что в «Илиаде» пара коней в ходе колесничных состязаний прямо сопоставляется с полетом птиц (II.764).

В гимне «Ригведы» герой также отмечает, что непомерно увеличился в размерах (119.11,12): «Обе половины вселенной – / Ни что против одного моего крыла – / Не напился ли я сомы? / Ростом я превзошел небо, / Пре(взошел) эту великую землю – / Не напился ли я сомы?» (119.7, 8); «На небе одно мое

крыло, / Другое поволок я внизу – / Не напился ли я сомы? / Я великий-великий, / Я поднялся до туч – / Не напился ли я сомы?». Упоминание крыльев в данном случае также не связано однозначно с полетом, так как в комментарии к гимну сказано, что согласно индийской традиции его произносит сам Индра, принявший образ перепела или перепел – сын Индры (Ригведа. Мандалы IX–X, 1999. С. 517). Автор гипотезы о Соме-мухоморе Р.Г. Уоссон использует эти строки гимна для доказательства своей гипотезы. Он отмечает, что вкушение мухомора приводит к изменению оптических размеров в сознании, человеку начинает казаться, что сам он маленький, а окружающие его предметы непомерно большие. Однако, как отмечает Т.Я. Елизаренкова, в этом гимне все происходит наоборот: герой ощущает себя непомерно большим, а предметы вокруг себя неправдоподобно маленькими (Елизаренкова, 1999б. С. 349–350).

К этому можно добавить, что часть препаратов группы психостимуляторов, в том числе эфедрин, имеют способность искажать восприятие окружающей действительности и поэтому близко граничат с галлюциногенами. Кроме того, суждения человека становятся легковесными, поверхностными (Абдуллаев, 2009. С. 54), что также нашло отражение в данном гимне (X.119.9,10): «Ну-ка положу я эту / Землю там или тут – / Не напился ли я сомы? / Поколочу я быстренько / Землю там или тут – / Не напился ли я сомы?».

Для выяснения вопроса об использовании мухомора, в связи с шаманским полетом, обратимся к этнографическим свидетельствам различных народов Сибири и Севера. В.Г. Богораз приводит следующие представления, бытующие у чукчей: «опьяняющие мухоморы представляют собою «особое племя»... Они очень сильны, и когда растут, то прорывают своими крепкими головами плотные корни деревьев и рассекают их надвое. Они прорастают сквозь камни и раздробляют их в мелкие куски. Мухоморы являются к пьяным людям в странной человекообразной форме. Так, например, один мухомор явится в виде однорукого и одноного человека, а другой – похожим на обрубок. Это не духи, а именно мухоморы как таковые. Число их, видимое человеком, соответствует тому, сколько он их съел. Если

человек съел один мухомор, он увидит одного мухоморо-человека, если съел два-три, увидит соответствующее число. Мухоморы берут человека за руки и уводят его на тот свет, показывают ему все, что там есть, проделывают с ним самые невероятные вещи. Пути мухоморов извилисты. Они посещают страну, где живут мертвые» (Богораз, 2011. С. 5). Ю.Б. Симченко, также работавший среди чукчей, отмечает, что те, кто принимает мухомор, делают это для того, чтобы мухомор сводил их в такое место, куда сам не попадешь, по большей части в «Землю, где живут мертвые люди». Путешествие к земле мертвых предпринимают в том случае, если к человеку во сне начинают приходить умершие родители или дети. Для этого брали пять мухоморов, съедали их и ложились спать. По сообщению одного из информаторов, тело оставалось на месте, а душа уходила туда, куда мухоморы ведут. «Мухоморы – они разные, как люди. Большие мухоморы бывают очень добрые... Он (мухомор – С.С.) сам все знает. Он знает, где твой отец, и прямо тащит тебя по дороге к мертвым людям. Если дорога хорошая, то быстро протаскивает и подводит к тому месту, где отец находится». В землю мертвых ходили, чтобы попросить детей, узнать, кто родится или что затевает дух болезни. Гораздо реже с просьбой о детях «под мухомором» ходили в верхний мир (Симченко, 1993. С. 50–51, 56–57). Таким образом, согласно этнографическим данным, мухоморы вместе с человеком путешествуют по дорогам пешком, они выступают в качестве проводников в «Землю, где живут мертвые люди». Однако о «полете» нигде не упоминается. В целом создается впечатление, что мухоморы, как и положено грибам, максимально приближены к земле, укоренены в ней, в силу этого им доступна, прежде всего, земля нижнего мира, где пребывают умершие родственники, где скрываются духи болезней. Об этом свидетельствуют некоторые правила обращения с грибами, которые бытуют у северных народов. Найденный мухомор выкапывают так, чтобы ни один волосок корневой системы не пострадал. Нельзя прерываться, когда его выкапываешь, «иначе он убежит». Землю с корнями не отряхивают, иначе «он тогда что-нибудь сделает, когда его съедят» (Симченко, 1993. С. 43–44).

Представляет интерес также то, что мухомор употребляли простые люди, не шаманы. Более того, как сообщает Ю.Б. Симченко, все информаторы отмечали, что шаманы без всякого мухомора и к верхним людям ходили и к тем, кто мертвые, а простые люди прибегали к этому средству, когда поблизости не оказывалось шамана (Симченко, 1993. С. 51). Ю.Б. Симченко, рассматривая вопрос, связанный с употреблением мухоморов на материале разных народов Сибири, приходит к таким выводам: «Мухомор никогда не был средством для шаманов. Он никогда не был шаманским средством общения с духами. И хантыйские шаманы, и самоедские шаманы, и чукотские шаманы, и корякские шаманы, с которыми мне довелось дружить, в один голос утверждали, что мухомор – средство для того, чтобы просто человек, не шаман, получил шанс пообщаться с иным миром через посредника – мухомора, который, якобы, гриб, а не совсем гриб, и вроде бы человек, хотя и не человек. Если человек-шаман – это заботящийся о своих близких кровниках, то мухомор – шаман для всех. Мухомор – это шаман для всех» (Симченко, 1993. С. 64). Следовательно, употребление мухомора северными народами не было связано ни с полетом, ни с шаманами, оно вообще не было ритуализировано. Так Ю.Б. Симченко приводит следующий пример профанного употребления мухомора, свидетелем которого он был сам. Старая женщина, которой было уже за 60, узнала в больнице, что у нее родился внук. По чукотским обычаям, она должна была срочно сообщить об этом своему мужу и своему сыну, которые в это время были в оленеводческой бригаде километрах в сорока от поселка. Отважная женщина надела дорожную обувь, комбинезон, приняла мухомор, подождала немного, «чтобы гриб разобрал как следует, и ударилась бежать по прямой – сквозь ледяные переправы, кочкарные равнины и глубокие снега. Когда мы через несколько часов прибыли в ту же бригаду по другой дороге, из другого места, то застали ее в отличной форме. Как говорят чукчи – «в сухой одежде», не вспотевшей. Для старухи за шестьдесят это неплохой результат. – Мухомор притащил, – заявила старуха лукаво» (Симченко, 1993. С. 57–58).

Этот пример не единственный. По сообщению того же автора, когда местный моло-

дой парень впервые принял мухомор, то «совершил ряд подвигов: нарубил и притащил огромные вязанки тальника, бегом утащил санки с непосильным для обычного состояния грузом, перетащил тяжеленный камень, который поднимали лишь легендарные силачи. Он же говорил, что человеку «под мухомором» нельзя перечить, нельзя возражать. Мухомор, который сидит в нем, не терпит возражений посторонних лиц». Угры также считали, что мухомор придает храбрости до безрассудства (Симченко, 1993. С. 58, 61). Подобное воздействие мухомора, придающего физическую силу человеку, но делающего его поведение неконтролируемым, вряд ли является подходящим для ритуала, тем более для такого сложного, как состязание на колесницах.

Данные лингвистики также не свидетельствуют в пользу отождествления священного напитка Сомы с мухомором. Представляет интерес сопоставление угорского названия мухомора с индоиранскими терминами, так как контакты этих групп населения уходят в глубокую древность. Угорские народы (ханты и манси) называют мухомор *панк* (хант.), *панкх* (манс.). В северовогульском (мансийском) языке это слово означает также «опьянение, пьянство». В марийском языке слово *понго* и в мордовском *панга*, *панго* означает просто «гриб» (Элиаде, 2000. С. 367; Кулемзин, 2000. С. 196). Исследователи не исключают индоиранского происхождения этого термина, сопоставляют его с древнеиндийским *бханга* и авестийским *бангха*, *банха* (Элиаде, 2000. С. 367; Бонгард-Левин, Грантовский, 1974. С. 89–92). В «Атхарваведе» *бханга* – конопля и получаемый из нее возбуждающий напиток, то же слово в современных индийских языках. *Бханг* или *банг* означает сильнодействующий наркотик. В «Авесте» это не обязательно конопля, но, возможно, и белена, так как позже слово *банг* в Иране (в том числе в зороастрийской традиции) означало именно белену и изготавливаемые из нее наркотические средства. Имеются различные данные об употреблении в древности и раннем средневековье белены с целью достичь состояния экстаза. В «Авесте» *банха* непосредственно связывается с культом божества экстаза, магии и прорицания. Это не только растение и его продукт, но и состояние культового экстаза (Бонгард-Левин, Грантовский,

1974. С. 89–92). Таким образом, иранский *банг* – это наркотик, приготовлявшийся либо из конопли, либо из белены. Банг принял, в частности, праведный жрец Ардавираз, чтобы заснуть и совершить путешествие на тот свет (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С. 174). В данной случае мы имеем прямое соответствие с использованием мухомора у северных народов с той же целью.

Таким образом, угорское название мухомора и его использование сопоставляется, прежде всего, с индоиранскими названиями тех растений, которые имеют наркотические свойства. К этому следует добавить, что угорская практика употребления мухомора в некоторой степени сакрализована. У хантов гриб-мухомор считался живым существом и возник якобы из слюны небесного бога. В сакральных песнях он известен как лакомство духов. Различные категории населения, имеющие отношение к сакральной сфере, употребляли его как галлюциногенное средство. В.М. Кулемзин отмечает, что «по рассказам употреблявших мухомор, ответы на вопросы дают не только прибывшие духи, но и пляшущие мухоморы. Одурманивание вызывает желание петь и говорить с духами» (Кулемзин, 2000. С. 196–197). В другой работе с участием этого автора встречается сообщение о том, что у хантов среди лиц, умеющих вступать в контакт с миром духов, выделяется категория «мухоморщиков», «которые ели мухомор и в полубредовом состоянии общались с духами» (Кулемзин, Лукина, 1992. С. 120). Вместе с тем, имеются сведения, что по верованиям хантов, употреблять мухомор мог любой желающий, при этом он забывался и начинал петь мухоморную песню, в которой раскрывал свои и чужие помыслы, тайны и грехи (Головнев, 1997. С. 82).

А.В. Шаповалов считает возможным говорить о существовании двух различных моделей использования мухоморов: профанная – на северо-востоке, где эти грибы ели практически все члены сообщества, и сакральная – в Западной Сибири, где мухоморы потребляли только отдельные лица и строго ритуально. Но даже в последнем случае, по его мнению, это не шаманская практика, а магическая, которая предшествовала шаманской. Он полагает, что у обских угров шаманизм находился

на стадии формирования и поэтому вбирал в себя всевозможные магические техники сновидцев, фокусников, ворожеев, прорицателей, сказителей (Шаповалов, 2003. С. 143–144). Практически противоположную точку зрения на обско-угорский шаманизм отстаивает М.Ф. Косарев. Он считает, что здесь мы имеем дело не с «незавершенностью» шаманских верований, а с их упадком. Он отмечает, что говоря об урало-сибирском шаманизме крайне важно учитывать, что «он формировался, развивался и существовал в теснейших контактах с ведийско-буддийско-зороастрийскими мировоззренческими комплексами и генетически им родствен» (Косарев, 2003. С. 302, 310). М.Ф. Косарев полагает, что деструктивную роль в обско-угорском шаманизме могла сыграть социальная специфика обско-угорского общества в раннесредневековое время. В период перехода к средневековью или даже несколько ранее в обско-угорской среде существовали параллельно две системы верований: шаманистская и зороастрийская, в ее упрощенной митраистической форме. Первая (шаманистская) господствовала в основном в простонародье, а вторая (митраистская) – в элитарной богатырской верхушке. В то же время и у первых, и у вторых мог иметь место определенный мировоззренческий синкретизм. Причем в героический период мировоззрение элитарной военной касты могло подавлять простонародные верования (Косарев, 2003. С. 308). Точка зрения М.Ф. Косарева представляется более убедительной, прежде всего потому, что в ней учтены роль и результаты угро-индоиранского взаимодействия, имеющего длительную историю.

Таким образом, в ходе рассмотрения свидетельств об употреблении мухомора разными народами Сибири как в профанной, так и в ритуальной сферах, мы нигде не находим упоминаний о шаманском полете. Более того, повсеместно отмечается, что употребление мухомора ведет к неконтролируемому поведению, что мало соответствует серьезному духу ритуала.

Вероятно, в древности у индоиранского населения существовала достаточно сложная система употребления в ритуалах различных растений (возможно и грибов) психостимулирующего и галлюциногенного характера.

Выбор растения и рецепт приготовления напитка у разных народов и в разные исторические периоды, по-видимому, зависел от целей ритуала.

Вполне возможно, что предки угров в некоторых случаях в культовой практике употребляли мухомор, так как у хантов, к примеру, сохранилась следующая традиция. Певец-сказитель вначале съедал несколько мухоморов, отчего впадал в исступление и мог петь всю ночь напролет, даже, казалось бы, давно забытые героические песни (Мифология хантов, 2000. С. 25).

В индоарийском обществе эпохи «Ригведы» и древнеиранском эпохи ранних текстов «Авесты» служители культа для общения с богами или предками могли употреблять напитки, для приготовления которых использовались различные галлюциногенные растения – конопля, белена и т.д., в том числе, видимо, и такие, которые создавали ощущение шаманского полета. Для доказательства последнего предположения особый интерес представляет гимн 136 из X, самой поздней книги «Ригведы» (X.136.3,4): «Возбужденные состоянием аскета / Мы оседлали ветры, / Только тела наши вы, / Смертные, видите перед собою». / Он летит по воздуху, / Глядя вниз на все формы. / Аскет каждому богу добрый / Друг, готовый на благое деяние». В комментарии к гимну Т.Я. Елизаренкова отмечает, что экстатическое состояние вызвано неким напитком, который в тексте назван ядом и, судя по всему, не является Сомой (Елизаренкова, 1999б. С. 530). В то же время нельзя исключать и того, что ведийские арии использовали Сому-эфедру в ритуалах, связанных с гонками на колесницах или, к примеру, в состязаниях поэтов – сочинителей гимнов и т.п.

Вполне возможно, что уже синташтинское население могло использовать ритуальный напиток, основным составляющим которого была эфедрa, в качестве мощного стимулятора физических сил для состязаний на колесницах. Это не исключает того, что в каких-то других ритуалах синташтинское население использовало и галлюциногены. Но подтвердить или опровергнуть данное положение можно будет только после проведения трассологического анализа «давяльных камней». Однако для этого недостаточно будет простого

эксперимента по растиранию стеблей эфедры, семян конопли или другого растения. Исследователям придется отчасти повторить сам процесс приготовления культового напитка, так как согласно последним исследованиям, стебли растения предварительно отмачивались в воде несколько дней или даже месяцев, и только затем растирались с помощью давящих камней для получения сока (Сарианиди, 2008. С. 18; 2010. С. 72).

Памятники БМАК и культ священного напитка

Несомненный интерес представляет тот факт, что в эпоху бронзы употребление культового напитка было распространено достаточно широко, возможно, не только в среде индоиранского населения. Наиболее выразительные археологические следы приготовления священного напитка представлены на памятниках, расположенных в древней дельте реки Мургаб и относящихся к БМАК. Материалы ряда памятников БМАК свидетельствуют о том, что уже в то время существовали храмы, специализировавшиеся на производстве священного напитка. В.И. Сарианиди полагает, что можно говорить о пяти раскопанных храмах, имеющих подобное назначение – Тоголок-1, Тоголок-21, Теменос Гонура, храмы на раскопах 13 и 15 Северного Гонура (Сарианиди, 2008. С. 19). Особый интерес представляют находки в пом. 34 на памятнике Тоголок-21. По своему устройству это помещение отличалось от всех остальных: вдоль его стен были устроены специальные ступенчатые кирпичные возвышения, в которые были вкопаны пифосы. Органические остатки со дна пифосов были исследованы Н.Р. Мейер-Меликян (МГУ). По ее заключению это были микроскопические остатки веточек эфедры. Здесь же на полу пом. 34 была обнаружена костяная трубочка с гравированными изображениями больших человеческих глаз, употреблявшаяся для питья ритуального напитка. Внутри трубочки обнаружена пыльца мака, причем не в виде единичных спор, а большими скоплениями. В других помещениях этого памятника был обнаружен полный набор предметов, необходимых для приготовления священного напитка: большие чаны и «ванночки» для предварительного от-

мачивания растений, каменные терки, пестики, ступки, небольшие цедилки со сквозными отверстиями на дне. Кроме того найдены сосуды стандартной конической формы, средних размеров, с большим отверстием в центре дна. Прикрытые клочком шерсти, они могли применяться для процеживания (Сарианиди, 1989. С. 157–158). На пестике из пом. 38 сохранились микроскопические остатки маковых зерен (Сатаева, 2009. С. 316). В.И. Сарианиди считает, что Тоголок-21 являлся своеобразным «кафедральным собором», связанным с ритуальными возлияниями и культом огня (Сарианиди, 1989. С. 158).

Памятник Тоголок-1 представлял собой скорее сельский храм. С изготовлением священного напитка связывается пом. 9, где также обнаружена специальная кирпичная платформа с вмазанными в нее нижними донцами от крупных сосудов и фрагмент цедилки. Кроме того, из других помещений происходят костяные трубочки с гравированными изображениями человеческих глаз и фрагменты ритуальных сосудов (Сарианиди, 1990. С. 164–166). На теменосе Гонура для приготовления священного напитка предназначалось, прежде всего, пом. 137. Оно также имело кирпичное возвышение-подиум, в которое были специально углублены три чаши, покрытые внутри многими слоями гипсовой обмазки. В этой обмазке обнаружены, по определению Н.Р. Мейер-Меликян, многочисленные отпечатки зерен конопли. В этом помещении и в пом. 193 обнаружены пять целых и три разломанные «керамические подставки», которые могли использоваться для отцеживания от стеблей и зерен конопли сока при его окончательном приготовлении. Отпечатки зерен конопли и керамическая подставка для отцеживания обнаружена также в пом. 330. Кроме того, в углах ряда помещений были встроены «ванночки», в которых тоже зафиксированы остатки конопли. В пом. 90 сохранилось возвышение с углубленной чашей, покрытой гипсовой обмазкой. На дне ее находился каменный амулет с гравированным изображением растения, напоминающего мак. На полу помещения встречены каменные терки и пестики. С этого памятника также происходит костяная трубочка с гравированными глазами (Сарианиди, 1997. С. 150, 152–155, 157–158).

Представляет интерес определения растений, из которых изготавливался напиток. Если в Тоголоке-21 это эфедрa и мак, то на теменосе Гонура – конопля. Эти различия требуют своего объяснения. Можно предложить два возможных варианта. Во-первых, в данном обществе практиковалось использование нескольких видов ритуального напитка в зависимости от целей обряда, и каждый храм, соответственно, имел свою более узкую специализацию в этой области. Во-вторых, в рецепт изготовления ритуального напитка входило сразу несколько растений – стимулирующего и галлюциногенного характера. Так Х. Ниберг, хотя и считает эфедрu наиболее подходящим для роли Сомы растением, но не исключает того, что священный напиток Сому/Хаому могли готовить более чем из одного растения (Елизаренкова, 1999б. С. 344). Позднее к такому же выводу приходит К. Абдуллаев. Находки следов эфедры, мака и конопли в маргианских храмах, по его мнению, свидетельствует о том, что служители культа во всех тонкостях изучили свойства данных растений и готовили напиток по сложному рецепту. Суммарное воздействие компонентов этого напитка было одновременно галлюциногенным и тонизирующим (Абдуллаев, 2009. С. 55).

Раскопки маргианских храмов значительно расширяют сведения о процедуре приготовления ритуального напитка. Прежде всего, становится очевидным факт длительного отмачивания растений в больших глиняных пифосах, имеющих изнутри толстый слой белой гипсовой обмазки. По замечанию Н.Р. Мейер-Меликян, такие растения как эфедрa и конопля обладают неприятным запахом и являются очень жесткими. Для более удобного перетирания стеблей и последующего выдавливания сока, они долго отмачивались в воде, набухали и становились более мягкими (Сарианиди, 2008. С. 18; 2010. С. 72). Маргианские материалы отражают достаточно сложную и длительную процедуру изготовления ритуального напитка, которая, по-видимому, была связана с довольно сложными идеологическими представлениями и ритуалами, потребовавшими создание специальных культовых сооружений – храмов. Насколько полно эти представления и ритуалы соответствовали именно индоиранским сказать трудно.

Всеми исследователями, рассматривавшими эту проблему, неизменно отмечается одно из основных отличий – отсутствие у индоиранского населения традиции возведения храмов (Пьянков, 1989. С. 179–182 и др.).

Маргианская традиция изготовления священного напитка совершенно отлична от синташтинской. Изготовителями и потребителями этого напитка были, вероятно, прежде всего, служители культа – жрецы. На памятнике Тоголок-1 найдена могила 20, представляющая собой захоронение молодой женщины 20-25 лет, предположительно жрицы, которая при жизни, вероятно, служила в этом храме. Захоронение совершено в яме огромных размеров 5,5х4,5х1,5 м и сопровождалось насильственно умерщвленным погонщиком с двумя быками. В пользу жреческой принадлежности женщины, по мнению В.И. Сарианиди, свидетельствуют находки двух культовых сосудов и миниатюрной колонки с богатой инкрустацией (Сарианиди, 1990. С. 164–165). По-видимому, к жреческому инвентарю следует отнести и медную «воронку с ситечком», которая также обнаружена в этой могиле. Она могла использоваться для отцеживания полученного сока от стеблей растения. Такая находка позволяет предполагать, что погребенная женщина имела отношение к приготовлению культового напитка. Как отмечает В.И. Сарианиди в другой своей работе, воронки-ситечки, нередко сделанные из серебра и даже золота и предназначенные для отцеживания сока при изготовлении ритуального напитка, найдены многократно в аристократических могилах (Сарианиди, 2010. С. 73). Таким образом, причастность к изготовлению, а, может быть, и потреблению ритуального напитка у маргушцев выражалась помещением в могилу ситечек-цедилок, а не давящих камней, как у синташтинских воинов-колесничих. Кроме того, «давящие камни» маргушцев имели специфическую форму. Они представляли собой круглые плоские каменные плитки с полусферическим выступом в центре (Сарианиди, 2008. С. 19; 2010. С. 72).

Достаточно важным моментом представляется хронологическое и этнокультурное сопоставление синташтинских комплексов и маргианских памятников, на которых зафиксированы следы изготовления ритуального

напитка типа Сомы/Хаомы. Калиброванные даты для памятников синташтинского типа имеют значения 2030-1740 гг. до н.э. (при вероятности 68,2%) и 2300-1400 гг. до н.э. (при вероятности 95,4%), петровские соответственно 1880–1750 гг. до н.э. и 1940-1690 гг. до н.э. (Епимахов, 2010. С. 16). Из маргианских памятников имеются калиброванные даты для теменоса Гонура: 2300–1520 гг. до н.э. (при вероятности 68,2%) и 2500–1400 гг. до н.э. (при вероятности 95,4%) (Зайцева и др., 2008. С. 169–170. Табл. 1.). Время существования всего памятника Гонур Депе – 2500–1500 гг. до н.э. Наиболее интенсивная жизнь на нем приходится на рубеж III–II тыс. до н.э., а к 1500 гг. до н.э. жизнь на памятнике полностью прекратилась (Зайцева и др., 2008. С. 179). Таким образом, синташтинские и петровские памятники в целом синхронны по времени существованию теменоса Гонура. Вместе с тем, следы контактов маргианского населения со степными андроновскими племена достаточно редки и в основном приходятся на достаточно поздний период существования маргианских памятников. Присутствие небольшого количества степной керамики отмечаются исследователями для Гонур Депе.

Наиболее ранний эпизод контактов представлен целым лепным сосудом, обнаруженным в пом. 500 на теменосе Гонура. Рядом с ним на полу обнаружен небольшой пифос, три каменные терки и половинка «миниатюрной колонки». В своей работе В.И. Сарияниди определяет эту находку как сосуд андроновского типа (Сарияниди, 1997. С. 158. Рис. 11, 1). Однако, даже принимая во внимание горшковидную форму сосуда и плавную профилировку его стенок, следует признать, что ни по пропорциям, ни по орнаменту он не соответствует андроновской посуде. Статья П.М. Кожина, посвященная характеристике лепной керамики развитого бронзового века Средней Азии, содержит приложение, в котором дается характеристика пяти образцов лепной керамики из различных раскопов Гонур Депе и его окрестностей (Гонур 20) (Кожин, 2012. С. 220–221). Он отмечает, что «значительные находки сделаны в окрестностях Гонура на малых поселениях и отдельных могильниках, отмечающих конечный этап доживания городской культуры БМАК» (Кожин, 2012. С.

212). Эту ситуацию он объясняет следующим образом: степное население издавна освоило северные периферийные районы БМАК, но его активность пресекалась, пока местные земледельческие центры были сильны, многолюдны и были способны контролировать все пространство своих границ. По мере упадка аграрных оазисных культур активность степняков возрастала, они старались приблизить границы своего расселения к земледельческим центрам (Кожин, 2012. С. 211).

Этот вывод о сравнительно позднем появлении степного населения подтверждается антропологическими материалами с Гонур Депе. Н.А. Дубова отмечает, что в эпоху бронзы в антропологическом отношении значительная примесь степного населения, части которого свойствен палеоевропеоидный (низко-широколиций и долихокранный) европеоидный тип, заметно прослеживается лишь в северных среднеазиатских районах. «На Гонуре (т.е. в южных районах Туркменистана) о проявлении минимальной примеси антропологического компонента, которую можно связать со скотоводческим окружением, можно говорить не ранее середины II тыс. до н.э.» (Дубова, 2008. С. 201, 205; 2010. С. 500).

Вопрос об этнокультурной атрибуции БМАК является спорным. Мнение В.И. Сарияниди на происхождение БМАК, по мере все более всестороннего изучения памятников, менялось. В одной из ранних работ он отмечает, что «дозороастрийские храмы Бактрии и Маргианы относятся к периоду до разделения индоиранского единства, возможно, накануне ухода индоариев на индийский субконтинент» (Сарияниди, 1989. С. 166). Впоследствии он становится сторонником гипотезы В.Т. Гамкрелидзе и Вяч.В. Иванова, которые территорию индоевропейской прародины локализовали в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии и время ее существования относили к V–IV тыс. до н.э. Как отмечает В.И. Сарияниди, выйдя оттуда, переднеазиатские арии появляются в восточной части современного Туркменистана, где, включив в свой состав местные племена, жившие в предгорьях Копетдага, создают на рубеже III–II тыс. до н.э. памятники в Маргиане. «Примерно в это же время другая, по-видимому, также переднеазиатская волна

арийцев отмечается в Бактрии (современный Афганистан). Далее вновь пришедшие из Передней Азии племена могли на своих конях, запряженных в колесницы, устремиться на северо-восток, в долину р. Инд» (Сарианиди, 2010. С. 114; 2012. С. 11–124). Однако далеко не все исследователи согласны с подобной этнокультурной атрибуцией маргианских памятников. В частности, Е.Е. Кузьмина считает, что их формирование связано с кризисом культуры юга Туркмении в эпоху Намазга V, когда часть избыточного населения переселилась на Мургаб. Вторым компонентом культуры БМАК она считает Элам, причем появление эламского компонента она связывает с миграцией населения с этой территории. Тогда как связи с Анатолией, по ее мнению, отражают не миграцию, а широкие культурные связи (Кузьмина, 2008. С. 47–48). Однако независимо от решения вопроса об этнокультурной принадлежности БМАК, не следует исключать того, что некоторые элементы культа священного напитка типа Сомы/Хаомы «Ригведы» и «Авесты» могли иметь истоки в среде маргианского населения эпохи бронзы.

Таким образом, археологические материалы эпохи бронзы значительно расширяют сведения об индоиранском культе священного напитка Сомы/Хаомы. Они показывают, что истоки этого культа, вероятно, не обязательно следует искать в археологических культурах, имеющих индоиранскую атрибуцию. Свой вклад в создание столь сложного культа могли внести и скотоводческое синташтинско-петровское население евразийских степей, которое большинство исследователей определяют как индоиранское, и те лесные, лесостепные культуры эпохи бронзы, которые считаются предками угров, и земледельческое среднеазиатское население городской культуры БМАК, вопрос об этнокультурной принадлежности которой пока является спорным.

Заключение

Предпринятая попытка реконструкции ритуалов и представлений населения эпохи бронзы евразийских степей (в основном синташтинского и петровского) позволила сделать следующие выводы:

В ритуальной практике синташтинского и петровского населения двуконная колесни-

ца, составленная из частей, вероятно, предназначалась для «образа» умершего. Новая составная целостность, созданная из ритуально значимых частей, могла быть воплощением представлений о возрождении, переходе умершего к новому жизненному циклу.

Синташтинские и петровские могилы, в верхнем заполнении, на перекрытии или рядом с которыми помещались парные костяки лошадей, по-видимому, имели отношение к обряду, связанному с гонками на колесницах и созданием символической колесницы, которая воспринималась как вариант мировой оси, помогающий достичь неба. Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара – возрождения жизни или обретения новой жизни на небе среди предков-питаров, либо восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

Присутствие в синташтинских погребениях с колесничным инвентарем набора давящих камней «для приготовления Сомы» и наличие жертвенных комплексов, в которых перевернутый сосуд был помещен в центр композиции из вещей, являющихся принадлежностью воина-колесничего, свидетельствуют о значительной роли культового напитка в жизни и ритуале этой категории населения. Священный напиток мог использоваться воинами в ходе ритуалов, связанных с гонками на колесницах. Этот напиток давал прилив физических сил, и его воздействие на организм начиналось практически сразу после употребления. Поэтому наиболее вероятным претендентом на роль Сомы-растения представляется эфедра. По-видимому, в тот период сами воины были изготовителями и главными потребителями напитка. Данный вывод не исключает того, что в каких-то других ритуалах синташтинское население могло использовать галлюциногены. Но подтвердить или опровергнуть это положение будет возможно только после проведения трассологического анализа «давящих камней».

Археологические материалы эпохи бронзы значительно расширяют сведения об индоиранском культе священного напитка Сомы/Хаомы. Они показывают, что истоки этого культа, вероятно, не обязательно следует искать в археологических культурах, имеющих индоиранскую атрибуцию. Свой вклад в соз-

дание столь сложного культа могли внести не только скотоводческое синташтинско-петровское население евразийских степей, которое большинство исследователей определяют

как индоиранское, но также земледельческое среднеазиатское население городской культуры БМАК, вопрос об этнокультурной принадлежности которой пока остается спорным.

Библиография

1. Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный институт Центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.
2. Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 155-170.
3. Богораз В.Г. Чукчи: Религия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 208с.
4. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.
5. Бороффка Н. Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-II тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 80-81.
6. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. 1992. № 1. С. 52-63.
7. Васильков Я. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М.: Республика, 1996. С. 105.
8. Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47-62.
9. Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: «Европейский Дом», 2010. 400 с.
10. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. 362 с.
11. Гамкрелидзе В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. 1329 с.
12. Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: «Восточная литература», 1999. С. 78-113.
13. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. 408 с.
14. Головнев А.В. Числовые символы хантов (от 1 до 7) // Народы Сибири: история и культура (Серия «Этнография Сибири»). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 82-89.
15. Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. 343 с.
16. Дубова Н.А. Антропология Гонур депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 201-205.
17. Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 484-503.
18. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригveda. Мандалы V-VIII. М.: Наука, 1999. С. 487-525.
19. Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригvedы // Ригveda. Мандалы V-VIII. М.: Наука, 1999а. С. 452-486.
20. Елизаренкова Т.Я. О Some в Ригvedе // Ригveda. Мандалы IX-X. М.: Наука, 1999б. С. 323-353.
21. Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономический и социальный аспекты). Автореф. на соиск. степ. докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 55 с.
22. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166-179.
23. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
24. Зданович Д.Г. Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала. Челябинск: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. С. 130-161.
25. Иванов В.В. Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśa-* 'конь' (жертвоприношение коня и дерево *aśattha* в древней Индии) // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 171-220.
26. Кожин П.М. Лепная керамика кочевников развитого бронзового века в Средней Азии // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 199-221.

27. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
28. Косинцев П.А. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Изд-во ООО «ЦИКР Рифей», С. 21–79.
29. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Самар. пед. ун-т, 1995. С. 156–207.
30. Кузин-Лосев В.И. К проблеме происхождения повозок в Приуралье в начале поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 82–87.
31. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
32. Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. Вып. IV: Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М.: Наука, 1986. С. 169–228.
33. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
34. Кукушкин А.И. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2006. С. 47–51.
35. Кукушкин А.И. Могильник Аяпберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. С. 50–69.
36. Кулемзин В.М. Панк // Мифология хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. С. 196–197.
37. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск, Наука, 1992. 136 с.
38. Лившиц В.А., Стеблин-Каменский И.М. Протозороастрим? // ВДИ. 1989. № 1. С. 174–176.
39. Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М., 1968. 115 с.
40. Пьянков И.В. Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации // ВДИ. 1989. № 1. С. 179–181.
41. Сарияниди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–169.
42. Сарияниди В.И. Сельский храм Тоголок-1 в Маргине // ВДИ. 1990. № 2. С. 161–167.
43. Сарияниди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148–168.
44. Сарияниди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 9–22.
45. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 200 с.
46. Сарияниди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Деве в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 11–28.
47. Сатаева Л.В. Возможности использования фиторесурсов юга Средней Азии в ритуалах древнего населения // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 315–318.
48. Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В. К функции посуды в восточнороманском фольклоре // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 344–375.
49. Сотникова С.В. О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. С. 25–31.
50. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 289 с.
51. Топоров В.Н. О двух типах древнеиндийских текстов, трактующих отношение целостности-расчлененности и спасения // Переднеазиатский сборник. Вып. III. М.: Наука, 1979. С. 215–228.
52. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
53. Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.
54. Топоров В.Н. Индра // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 533–535.
55. Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. К вопросу о боевых колесницах и колесничих в обществе катакомбной культуры // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов научно-практического семинара. Донецк, 1989. С. 104–106.
56. Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 4. С. 206–216.
57. Шаповалов А.В. К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 139–147.
58. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

The Bronze Age roots of the Nuristani *urei*

In this short paper, dedicated with greatest respect to the memory of V.I. Sarianidi, I have chosen to return to a category of material that first caught my attention over thirty years ago. The delay in examining this issue has meant that access to the source of the material is out of the question. On the other hand, in the years that have passed since I first became interested in these objects, the Bronze Age of Margiana has come into much sharper focus, thanks almost entirely to the honorand of this volume.

Introduction

The study of ceramics occupies an inordinately large proportion of time on many archaeological projects that focus on the Neolithic and later periods of human history in Western and Central Asia. Yet one can often question whether the ends justify the means, whether the effort, measured in hours of toil, is commensurate with the insights gained (Philip, 2014). It is clear to most scholars who have worked intensively with ceramics that, beyond establishing a typology, a relative chronology, and perhaps detecting foreign contacts, the challenge of interpreting the diversity of types identified is rarely met. While more and more studies have emphasized the *chaîne opératoire* of ceramic production (Petrie, 2012), and while this is certainly an important component in any attempt to understand the place of ceramics in ancient society, studies of function have been much rarer and lagged far behind in interpretive power. Intuitive attempts at divining the function of specific types, based on visual analogies with modern forms, have a long history in Near Eastern archaeology (e.g. Delougaz, 1952). On the other hand, certain text corpora, such as economic and lexical cuneiform sources from Babylonia, contain a plethora of designations for ceramic vessels, often qualified by size and/or intended contents (wine, beer, oil, milk, etc.), but most of these designations are

difficult if not impossible to assign to specific, archaeologically attested types (Sallaberger, 1996).

Within the repertoire of shapes found widely in Bronze Age Central Asia, tall, hollow-footed chalices or pedestal vases, particularly those from the Early and Late Gonur necropolises, were discussed at length by Viktor Sarianidi (Sarianidi, 1998. Fig. 12). Parallels in both Anatolia (Beyçesultan) and the Harappan world were noted, and, echoing the views of James Mellaart, Sarianidi suggested that such vessels «could have been used for drinking water or wine mixed with water». At the same time, Sarianidi observed, «in some tombs of the BMAC, remains of food, that is bones of small cattle, were found in these vases» (Sarianidi, 1998. P. 38). Vessels of this type, moreover, constitute part of the archaeological signature of the expansion of BMAC material beyond the core area. To cite just a few examples, identical shapes have been discovered in the Mehrgarh VIII cemetery in Pakistan (Santoni, 1988. Fig. 1); in the late 3rd millennium BC, Umm an-Nar-type tomb at Tell Abraq in Sharjah (United Arab Emirates) (Potts, 2000. P. 127) and in the Saar cemetery on Bahrain (Ibrahim, 1982. Pl. 49.3).

The narrowness of the lower, pedestal portion of such vessels, combined with the depth of the bowl or cup part, and their resemblance to a host of historic and modern forms, from oversized wine glasses to chalices used for Holy Communion, certainly leads one to suppose that vessels of this sort were used for drinking liquids, even if two hands may have been required to hold them. Regardless of whether the liquid drunk from these vessels was water, wine, beer, milk or something else, it is interesting to note that graves 1999 and 2900 in the Gonur necropolis yielded several bronze strainers (Sarianidi, 1998. P. 148, fig. 13; P. 154, fig. 44; 2007. Fig. 90). Elsewhere, strainers are typically associ-

ated with wine consumption (e.g. Moorey, 1980; Sarianidi, 2007. P. 86) since, generally speaking, ancient wine required straining to remove grape must (McGovern, 2003. P. 359).

In addition to the broad class of ceramic chalices or pedestal vases attested in Bronze Age Central Asia it is also interesting to note that similar shapes occur in base (copper/bronze) and precious metals (silver and gold), both inside and outside the region. Silver examples are attested at Gonur (Sarianidi, 2006. P. 234–235, fig. 94; 2007. P. 149, fig. 16) while gold examples with hammered repoussé decoration and chasing are known from the Fullol (Afghanistan) (Tosi, Warkdak, 1972. Fig. 2a, 8) and Quetta hoards (Pakistan) (Jarrige, 2006. P. 42). A copper or bronze example of Central Asian type was excavated at Asimah in Ras al-Khaimah, in association with a stone funerary alignment dating to the late 3rd millennium BC (Vogt, 1994. Figs. 54.3; 80).

Silver *urei* of Nuristan

In 1819 Mountstuart Elphinstone noted that the inhabitants of Caufiristaun (Kafiristan), in addition to being «celebrated for their beauty and their European complexion, worshipped idols, drank wine in silver cups or vases, used chairs and tables, and spoke a language unknown to their neighbours» (Elphinstone, 1819. P. 427). In fact, Elphinstone never saw any examples of the silver vessels about which Capt. Alexander Burnes later observed, «in winter they sit round a fire and talk of their exploits. They drink from silver cups, trophies of their spoil in war. The wine, which is both light and dark, will keep for years and is made by expressing the juice under the feet into a large earthen jar, described to be of delicate workmanship» (Burnes, 1838. P. 328). Remarkably, it was not until 1953 that, while participating in the third Danish Central Asian Expedition, the Danish botanist Lennart Edelberg finally saw two such silver chalices (fig. 1), known in the local Nuristani dialect as *urei*, at Zhönchigal (Edelberg, 1966. P. 156–158). In all Edelberg documented five examples. In addition to the two examples which were simply photographed, a further two were acquired in 1954 (fig. 2) and subsequently donated to the National Museum in Denmark. A fifth was purchased in 1964 and given to the Kabul Museum (Edelberg, 1966. P. 193).



Fig. 1. Silver Nuristani *urei* photographed in Zhönchigal in 1953 (after: Edelberg, 1966. Fig. 4).



Fig. 2. Silver Nuristani *urei* acquired in 1964 by Lennart Edelberg and subsequently donated to the Danish National Museum (after: Edelberg, 1966. Fig. 5, 6).

The Nuristani *urei* have hollow stands, with a slightly flaring base, and large bowls, often decorated beneath the rim. The exterior has a petal-like pattern, with raised lines achieved through hammering. Interestingly, such silver vessels were associated with tripod stands equipped with a designated extension to hold them (fig. 3,4). According to the Nuristani author Safar Wakil Gharzai, who wrote in 1960 «every man had his own silver cup, and... the bride's father used to give the bride a cup to take with her on her journey to the bridegroom's house» (Edelberg, 1966. P. 197).

The function of the Nuristani *urei* is clear, and wine seems to have been the only liquid consumed in them. Wine-making and consumption in pre-modern Nuristan have been well-documented. In 1889 Sir George Scott Robertson noted that «Large plain wooden, tub-like vessels are to be seen in most well-to-do- houses. They



Fig. 3. Iron tripod stand with wooden bowl and silver Nuristani *urei* photographed at Muldesh in 1964 (Edelberg, 1966. Fig. 27).



Fig. 4. A silver Nuristani *urei* in a holder attached to a tripod stand, photographed in 1964 (Edelberg, 1966. Fig. 8).

are capable of holding several gallons of wine. At large gatherings they are placed in convenient positions for having their contents dipped into, and handed round in bowls and drinking cups. Clumsy long-handled cups are used for skimming purpose...Wine is sometimes handed round in shallow tin bowls, but these are rare as compared with those made of walnut-wood» (Robertson, 1896. P. 502). Of freshly made wine he wrote «goatskins were filled with juice through a kind of wooden funnel. That was all. The first sweet grape juice in the goatskin is very pleasant. In eight or ten days it becomes sour by fermentation, and is then wine. There is no process of straining and the fluid is most uninviting in appearance. Probably it is to remove the scum from near their lips that the Káfir always blows into the wine-bowl before drinking. The wine is usually poor and thin, but even then is usually diluted with water. Wine which had been kept for two or three years was, however, clear and distinctly strong. Some Europeans think ordinary Káfir wine pleasant to drink. I have never seen a Káfir drunk» (Robertson, 1895. P. 559). In Robertson's time, however, drinking vessels were more likely to be made of walnut wood than metal. «Carved wooden vessels of all sizes are used to hold milk, honey, wine, and other articles of food or drink», he wrote. «They are more or less cylindrical in shape, and are nearly as deep as their greatest diameter, which is about midway between the top and the bottom» (Robertson, 1900. P. 500).

From Bronze Age Margiana to 20th century Nuristan

The Nuristani *urei* are strikingly reminiscent, in overall shape, of the sort of Bronze Age ceramic and metal chalices from Central Asia and elsewhere described above. While we cannot say for certain that the Bronze Age exemplars were used for wine consumption, the formal similarity between the two categories of chalice is undeniable. Future residue analysis may be able to confirm whether Bronze Age chalices functioned like their modern Nuristani counterparts. Their presence in graves leads one to suggest that liquids were consumed at mourning ceremonies, or that such vessels were deposited with the dead. In pre-modern Nuristan, as Robertson noted, wine was freely consumed at

mourning ceremonies, particularly in honoring those who had fallen in battle (Robertson, 1900. P. 636).

As noted above, bronze strainers or filters were found in the Gonur necropolis and both «grape (*Vitis vinifera*) pips and stems were found in the Gonur samples» (Hiebert, 1994. P. 132). Furthermore, palaeobotanical evidence from both Gonur and Mehrgarh suggests that «Grape

had become an established crop throughout these arid and oasis areas certainly by the mid-third millennium B.C. ... Its occurrence at Gonur is thus a continuation of a long tradition of viticulture» (Miller, 1993. P. 151). As the ethnographic accounts preserved from Nuristan and the *urei* themselves show, that tradition carried on much longer in this region, well into the modern era.

References

1. Burnes Capt. A. On the Sia-pósh Kaffirs with specimens of their language and costume // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1838. Vol. 7. P. 325–333.
2. Delougaz P. *Pottery from the Diyala region*. Chicago, 1952. [Oriental Institute Publications. № 63].
3. Edelberg L. Nuristanske sølvpokaler (Silver cups of Nuristan) // Kuml. 1965. 1966. P. 153–200.
4. Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy. Vol. 2. London, 1819.
5. Hiebert F.T. *Origins of the Bronze Age civilization in Central Asia*. Cambridge, 1994.
6. Ibrahim M. Excavations of the Arab Expedition at Sār el-Jisr. Bahrain, 1982.
7. Jarrige J.-F. Le «Trésor» de Fullol // Afghanistan: Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul / Ed. Cambon P. Paris, 2006. Pp. 42–53
8. McGovern P.E. *Ancient wine: The search for the origins of viniculture*. Princeton, 2003.
9. Miller N.F. Preliminary archaeobotanical results from the 1989 excavations at the Central Asian site of Gonur Depe, Turkmenistan // IASCCA. N 19. 1993. P. 149–163.
10. Moorey P.R.S. 1980. Metal wine sets in the Ancient Near East // *Iranica Antiqua*. Vol. 15. 1980. P. 81–197.
11. Petrie, C.A. Ceramic production. // *A Companion to the archaeology of the Ancient Near East*. / Ed. Potts, D.T. Vol. 1. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P. 279–294
12. Philip G. Some thoughts on the relationship between the practice of ceramic studies and explanatory frameworks for the Late Bronze Age in the Middle East // *Recent trends in the study of Late Bronze Age ceramics in Syro-Mesopotamia and neighbouring regions* / Eds. Luciani M., Hausleiter A. Berlin: Orient, 2014 [Archäologie. N 31]. P. 25–45.
13. Potts D.T. *Ancient Magan: The secrets of Tell Abraq*. L., 2000.
14. Robertson G.S. *The Káfirs of the Hindu-Kush*. 2nd edition. L., 1900.
15. Sallaberger W. *Der babylonische Töpfer und seine Gefäße nach Urkunden altsumerischer bis altbabylonischer Zeit sowie lexikalischen und literarischen Zeugnissen*. Gent, 1996 [Mesopotamian History and Environment. Series II. Memoirs 3].
16. Santoni M. Aspects matériels des cultures de Sibiri et de Mehrgarh VIII (plaine de Kachi, Baluchistan, Pakistan) à la fin du troisième et au début du deuxième millénaires // *L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Âge du fer* / Ed. Gardin J.-C. Paris, 1988. P. 135–141.
17. Sarianidi V. *Margiana and Protozoroastrism*. Athens: Kapon edition, 1998.
18. Sarianidi V. *Goñurdepe, Türkmenistan. City of Kings and Gods*. Aşgabat, 2006.
19. Sarianidi V. *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon edition, 2007.
20. Tosi M., Wardak, R. The Fullol hoard: A new find from Bronze-Age Afghanistan // *EW*. Vol. 22. 1972. P. 9–17.
21. Vogt B. *Asimah: An account of a two months rescue excavation in the mountains of Ras al-Khaimah, United Arab Emirates*. Dubai, 1994.

Prehistoric Contacts between Central Asia and India

The current paper is dedicated to the soul of the father of Central Asian Archaeology – Victor Ivanovich Sarianidi, who left us only with his body, as his scientific heritage is still alive among us. Victor Ivanovich's archaeological discoveries in Central Asia had directed me personally to be interested in Central Asian Bronze Age cultures and their possible contacts with other contemporary cultures, like Egypt, Minor Asia, Mesopotamia, Arabian Gulf and the Indus Valley cities. Here I would like to say that I am so grateful for him, however we met only one time during his lifetime.

INTRODUCTION

The discovery of the Bronze Age civilization in south-western Central Asia (Southern Turkmenistan) filled the remaining blank in the ancient «Middle Asian» interaction sphere. Depending on some discovered materials in several sites there, archaeologists noted some contacts of Central Asia with the cultures of the neighboring regions, especially with Harappan culture during the Namazga V period (2300–1800 BCE) (Массон, 2006. С. 65).

Already E. Mackay and later S. Piggott emphasized the possibility of contacts between Harappan people and the region of Kopet-Dag (Mackay, 1938; Piggott, 1950, 1952). The excavation work of the soviet/Russian/Turkmenian archaeologists confirmed their suggestion and moreover uncovered new materials characterizing the Indian-Central Asian cultural contacts during late Chalcolithic and Bronze Age period. They fairly specified that such contacts might be an interaction or direct trade contacts (Щегленко, 1970. С. 59).

Then in the 1970s, Victor Sarianidi discovered the Oxus Civilization, also known as the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC), in the Murghab Oasis (Turkmenistan), which dated back to 2200–1700 BCE. Excavations are continued till now on +40 hectare site of Gonur Depe, its possible capital center. The Oxus Civilization has unique architecture, an exceptionally rich material culture, and contacts with Mesopotamia, the Indus Valley and the Iranian Plateau (Lamberg-Karlovsky, 2013. P. 21).

Here once again archaeologists noted the presence of Indian artifacts in BMAC sites (Gonur Depe, Dashly-3, Togolok 21 etc.) and BMAC materials in Swat valley, Harappa and Mohenjodaro (fig. 1).

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

A. From Central Asia

Archaeological materials uncovered in Central Asia (Southren Turkmenistan, Uzbekistan and Northern Afghanistan), which could serve as an evidence of contacts with India, include two main groups of artifacts: imported Indian artifacts and finds reflecting Indian impact, so the analogies with Harappan materials are many and varied.

Ivory. Although, theoretically ivory could come equally from Africa and/or from the Indian subcontinent, but in our case considering the Indian analogies of many other finds from Central Asian sites, we can assume its Indian origin, even without providing special analysis of the bone itself (Сарианиди и др., 2014. С. 131). So, among objects that were found in south Turkmenistan and undoubtedly were carried there from the Indus valley are artifacts of elephant ivory (Gupta, 1979. P. 165–167), which are of particular interest here.

At Altyn Depe 11 oval and square flat chips, 2 discs decorated with an engraving, and four rectangular sticks decorated with notches and concentric rings on three sides were found (Ганялин, 1967. С. 216, рис. 6: 1, 6, 10–20; С. 24, 25). An ornament on the fourth, they come from

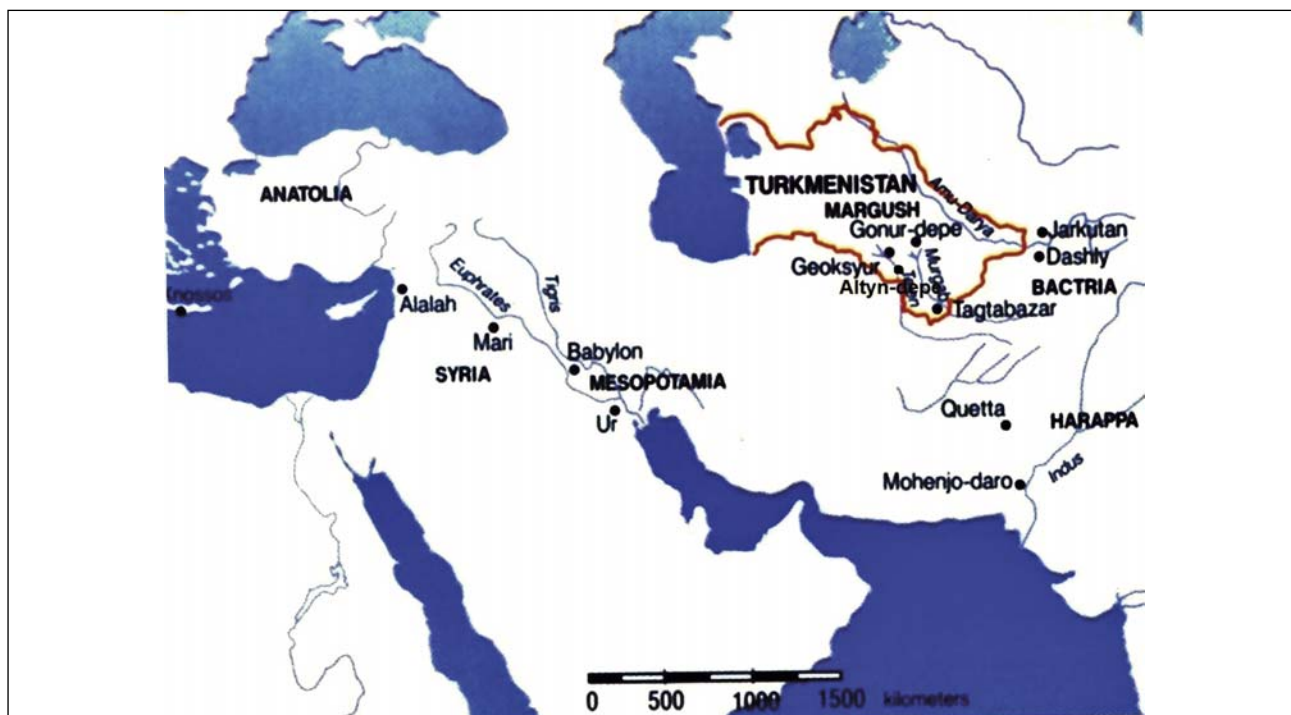


Fig. 1. Major Central Asian and Indian sites (after Sarianidi, 2009).

a cache sealed into the wall of one of the houses at the «tower excavation»; and finally ring-shaped ivory beads uncovered in the Excavation 7 at Altyndepe in the priests' tomb. Absolutely identical analogies of these artifacts were numerous found in the upper as well as the lower layers of Mohenjo-Daro (Marshall, 1931. Vol. I. P. 560–561; Vol. 2. Pl. CXLIII, 47, 49, 51). These artifacts in Central Asia belong to the earliest phase (priests' burial) and later phase (tower excavation) of the Namazga V complex.

Such ivory sticks are described as having a role in fortunetelling (according to 4th century A.D. Sanskrit texts) (Brown, 1964. P. 34) in which the thrown sticks with rings representing numbers 1 to 4, that is, their various combinations, are interpreted. Both at Altyndepe and Mohenjo-Daro the number 4 is replaced with an ornament, but there is no doubt that they were employed to the same end, particularly since at Altyndepe four sticks were also found. Moreover, one such stick was found in the tomb of the «prominent citizen» to the east of the Tower Mound (Masson, 1988. P. 93. Pl. XXII, 5). Finally, in 1973 was uncovered a rich burial of a woman again at Altyndepe, and its grave goods also include a small decorated ivory objects of Harappan origins (Masson, 1988. P. 159).

So objects of elephant ivory from the region of the early Indian Harappan civilization were

found in Central Asia (Altyndepe) decorating the houses of the elite and burials of priests (Kohl, 1981. P. 13).

Recently in Gonur Depe were found several objects of elephant ivory: «game board» or «dice» – a wooden panel decorated with an ivory



Fig. 2. Ivory objects from tomb 3220 at Gonur Depe (after Sarianidi, 2009).

grating, ivory sticks, small counters of various forms with an ornaments of funnel-shaped goblets with a scorpion engraved on them (tomb 3220) (fig. 2) (Sarianidi, 2009. P.206, fig. 107), «fortune telling sticks» were also discovered in the «royal sanctuary» of Gonur Depe, ivory plates with through-cut holes for affixing with surface decorated with engraved crossing lines (tomb № 3235) (fig. 3, 4) (Sarianidi, 2009. P. 206, fig. 115; Sarianidi, 2010), ivory hairpins from tomb 3230 at Gonur Depe, one of which had a top in the form of puppy bud (Sarianidi, 2009. P. 206, fig. 113), finally ivory hair combs were found in the aristocratic tombs of North Gonur (fig. 5) (Sarianidi, 2009. P. 104, fig. 33). Analogies to such ivory objects are well known in the Indus Civilization cities (Pakistan and India). Especially close analogies come from Chanhudaro and Mohenjo-Daro (Sarianidi and др., 2014. С. 131).

Ivory objects were not only found at Altyn Depe and Gonur Depe, there were also unique ivory discs unearthed at Djarkutan (Southern



Fig. 3. Ivory Plates with decorated with engraved crossing lines from tomb 3235(after Sarianidi, 2009).



Fig. 4. An ivory hair comb from North Gonur (after Sarianidi, 2009).



Fig. 5. Ivory artifacts from the chamber tomb 3245, Royal Necropolis of Gonur Depe (after Sarianidi, 2010).

Uzbekistan), where we can also find the depictions of the pipal leaves (typical Indus motif) (Сарианиди и др., 2014. С. 134).

Ceramics. Some influences can be also traced in ceramic complexes. The most detailed system available for classifying Indus pottery was devised by G.F. Dales and J.M. Kenoyer (1986) for pottery from Mohenjo-Daro, and before by Wheeler for burial R-37 (Wheeler, 1947; Dales, Kenoyer, 1986). Among main 45 identified types of Harappan ceramic, there are only 12 types could find analogies in the vessels' forms discovered in the sites of Southern Turkmenistan. For example: dish on stand, jar with rounded body, ellipsoidal vessel, miniature vessels, deep bowl, perforated jar, round stand and cylindrical vases. Only these forms are general for Harappan culture and southern Turkmenistan. This means that 20% of the Harappan ceramic has analogies in the ceramic vessels of Namazga V (Щетенко, 1970. С. 60). A Harappan origin is suggested also for the Altyn pot-like vessels on a base (Mackay, 1938: Vol. 2. Pl. LII: 10; Pl. LV: 12; Wheeler, 1947. P. 104) (fig. 6).

Ceramic stands, which are characteristic of the third developmental stage of Altyn Depe, are found in the lower layers of Mohenjo-Daro, although they are very rare and no indicator (Mackay, 1938: Vol. 2. Pl. LXII, 25, 26). They are, however, widespread in the upper layers (Mackay, 1938: Vol. I. P.206, Pl. LVII, 23, 24), and also in Chanhudaro (Mackay, 1943. Pl. XXVI, 4-11) and Harappa (Wheeler, 1947. P. 115. Pl. XLV; Masson, 1988. P. 93).

The funeral ceramics of Gonur Depe necropolis also contained some vessels, showing

common in Southern Turkmenistan during the Middle Bronze Age (Masson, 1988. P. 93). However, they are quite unusual in Hissar metallurgy but typical for the early sites of the Indus valley (Mackay, 1938. Vol. 7. Pl. CXXVIII: 15). Here one can also find parallels to the metal frying pan with long handle found in one of the Altyn Depe burials (Mackay, 1938. Pl. XXV: 17, 24), pins with double-helical-head or with an animal formed end (Gupta, 1979. P. 316), bracelets with two or three spirals and beads – however they have Harappan parallels, but they could also bear Iranian or Mesopotamian influence (Щетенко, 1970. С. 60).

We have more impressive metal work parallels between funeral gifts and personal decorations between Gonur Depe and Swat valley, for example the most popular and characteristic Swat pins with tops in the form of a disk with a small ball underneath (Antonini, 1973. P. 242) were found in Gonur Depe necropolis (here made of silver) (Sarianidi, 1998. Fig. 25: 8). In addition, pins decorated with small rings that were found in Swat (Antonini, Stacul, 1972. Fig. 24: c) strongly resemble one such pin from Margiana (Sarianidi, 1998. Fig. 34: 1) and they may have a common origin in North Mesopotamia (Mallowan, 1937. Pl. XVI).

Generally speaking, the main pin types of the Swat graveyard (Stacul, 1987. Fig. 24) were known not only in Margiana but also in the whole territory of the BMAC (Sarianidi, 2001. P. 40, 180). These and some other parallels obviously proved that the Swat graveyards were left by the tribes, coming from the area of the BMAC.

It is very unique to find in one burial of Altyn Depe, a silver seal in the form of three-headed creature with a fine engraving and a loop for hanging it from one side, while the hollow surface on the other (fig. 7) (Массон, 1967. Рис. 9, 1-3). This seal resembles three-headed beasts famous in Harappan seals (Щетенко, 1968. Рис.



Fig. 7. Silver seal from Altyn Depe (after Masson, 1988).

2, 1-3; Gupta, 1967. P. 14-15). Although the figures are different in Altyn Depe and Harappa (in Harappan seals they are heads of predators or artiodactyls, while in Altyn Depe it was heads of birds), nevertheless if we involve other materials (for example a round copper plaque decorated with figures of both sides from Mohenjo-Daro), we can notice that even some details were manufactured in identical style (the leg and the head with the beak). It is important here to mention a find in the Harappan levels from Amri (period IIIC): square steatite seal with depiction on one side and with a hoop for hanging on the other, which is identical with the example described before (Casal, 1964. Fig. 116, 27). Here we can conclude that emergence of seals with loops, which are not characteristic for Indus Valley culture, may reflect certain Central Asian (Southern Turkmenistan) influences?

It is important to mention the discovery at Altyn Depe of bronze pot-like vessels on a base (Marshall, 1931: Vol. 3. Pl. CXLI, 6) which were probably a resultant prototype having a high enough value, in comparison with the ceramic, to serve as a trade object (Masson, 1981. P. 93). Finally, very representative is a metal «two-tooth fork» from Swat (Antonini, Stacul, 1972. Pl. LVI: d) that is analogous to forks from Yaz-Depe in Margiana (Sarianidi, 2001. P. 41, 181).

Seals. Among the numerous finds in South Turkmenistan (Altyn Depe, Anau-Depe and Gonur Depe), particular interest attaches to stamp seals. Two of them come from Altyn Depe and made of alabaster or gypsum, the image on which are sufficiently characteristic for them to be confidently assigned to the category of artifacts of the Harappan type (fig. 8). The first seal is approximately square, on its face two signs of the proto-Indian script, on the back a square projection measuring 9x9



Fig. 8. Two seals of proto-Indian type from Altyn Depe (after Masson, 1988).

millimeters, 3 mm high, with a drilled hole for hanging. The seal measures 14x15 mm and is 4 mm thick. It was found in 1975 at excavation 9, room 105. The second one is also approximately square, on its face a swastika depicted with double lines within a square frame. On its back there is an oval projection 3 mm long and 2 mm high, pierced by a hole for hanging. The seal is somewhat worn, apparently indicating that it had been used repeatedly in antiquity. The seal measures 11.5x13 mm and 3 mm thick. It was found in 1972 at excavation 7, in room 7 (Masson, 1981. P. 150-151, fig. 1, 2).

It is important that Altyn Depe seals were uncovered in a ritual center including a tomb for priests, where various valuable artifacts were found near the altar, including the golden head of a bull and the seal number 2. Stratigraphically the burial ensemble falls into the transition between Namazga IV and V assemblages, while the first one was found in the «elite quarter» in association with the burial assemblages (Namazga V) (Masson, 1981. P. 150). Thus the context of the seals permits two important conclusions to be drawn: seals of this type belonged to the category of particularly valued artifacts (found in the shrine and in the elite quarter) and existed over a long period (Masson, 1981. P. 151).

As already noted, the figures on the seals leave no doubt that they belong to the class of seals of proto-Indian type. Thus seals depicting a swastika filling the entire field are quite common for finds at Mohenjo-Daro (Marshall, 1931: Vol. 3. P. 374, pl. CXIV, P. 500–515). As for the second seal the signs incised in it are typical of proto-Indian script and are listed in the catalogue of signs compiled on the basis of the Mohenjo-Daro materials under nos. 15 and 96 (Marshall, 1931. P. 434, 439).

N.V. Gurov proposed that ψ means «hand», «handful», «sacrificial tribute» while the other sign is probably the name of the divinity. Thus it may mean together «Great God» or «Great Divinity» (Гуров, 1971. С. 19–21). Naturally, since there is still no generally accepted interpretation of the proto-Indian texts, there is possible different reading of the same signs (Krishnarao, 1973; Rao, 1973)

The shape of the Altyn Depe seals, with perforated boss on the back, and their dimensions are common in Harappan glyptics, where they



Fig. 9. Anau seal (after Hiebert, 2002).

vary in size from 15 to 25 mm. Somewhat unusual for Harappan glyptics is the absence on the seal of an image accompanying the signs, but seals that have only signs are also known in Indian materials but rare (Masson, 1988. P. 152).

A third seal was found in 2000 at Anau-Depe, it has the same dimensions as the Altyn Depe seals, on its face geometric symbols depicted (fig. 9) (Hiebert, 2002), which also could be interpreted as a proto-Indian signs? Most scholars agree that the two seals from Altyn Depe are local imitations of Harappan seals, and the Anau seal appears to add one more example of how Central Asians may have been experimenting with a symbol system on the periphery of the literate world (Hiebert, 2002. P. 11). Finally, at Gonur Depe was found an Indus seal, depicting an elephant and inscription (Sarianidi, 2005. P. 258, fig. 114) (fig. 10).

Faience objects and beads. Faience objects were found in the necropolis of Gonur Depe



Fig. 10. Harappan Seal from room 19 on the south of North Gonur (after Sarianidi, 2005).

rather often and they are usually white with blue stains. Faience here was used for producing seals and amulets (Sarianidi, 2001. Pl. 22: 1, 3, 4, 6–11, 13, 14) as well as small decorations such as miniature beads, including biconical ones, small beads that were fastened three or four together. Faience empty cones (diameter up to 2.5 cm and 1.5 cm high) were found with two opposite holes located on the base as well as toothed «small rings» (Sarianidi, 2001. P. 201). They could be fixed on dresses and closely resemble the same items of the Harappan civilization (Marshal, 1931. Pl. CXLV), where they were very popular. Small faience items from graves of the Gonur Depe necropolis have also close parallels in burials of Swat (Stacul, 1987. Fig. 43, D-H).

However all known bangles (bracelets) discovered in the necropolis of Gonur Depe are made of copper and silver (in rare cases they are silver-plated), we have ones of faience were found for the first time in the intact burial № 1799 at the wrists of a female, and single fragments of similar bangles from plundered graves. This kind of objects is more characteristic for the Harappan population (Sarianidi, 2001. P. 57, 191).

In the burials 41 and 60 of the excavation 5 at Altyn Depe were found many beads, among which are etched carnelian ones, whose form is typical for Harappan beads, one carnelian bead was found in the BMAC palace at Dashly-3 (McIntosh, 2008. P. 168). Such beads were found in Harappa (burial R-37), Chanhu-Daro (Harappan levels), Mohenjo-Daro (lower and upper layers), Lothal and Rangpur (Щетенко, 1970. С. 60).

Human figurines. Indian impact can be seen also on figurines found in southern Turkmenistan. Beside the traditional female statues and anthropomorphic figurines, which had deep roots in the Art of ancient farmers of Kopet-Dag, appeared totally new type of male statues with erotic heartfelt and well manufactured forms (Щетенко, 1970. С. 60). Specimens of this new type were uncovered in Altyn Depe, Namazga Depe, Ulug Depe, Khapuz Depe and in general looks like Harappan prototypes (Щетенко, 1970. С. 61).

In the Swat valley were unearthed small figurines that have heads with «crowns» that widen upwards (Antonini, Stacul, 1972. Pl. XLVIII, XLIX) and closely resemble identical ones from

Turkmenistan and Margiana (Sarianidi, 1998. Fig. 16, 2). Moreover, these statuettes from Margiana and Swat had one common iconographical type: they were all shown standing, however at the same time usually South Turkmenistan figurines were always shown seated (Sarianidi, 2001. P. 4, 181). It does mean that it was an impact of the Swat valley (Indus culture). At Gonur Depe an unusual female statuette with a cuplike hollow on the head was found (Sarianidi, 1998. Fig. 11, 1) that is clearly analogous to figurines from the Swat necropolis.

Animal figurines. A marble ram was found in tomb 3320 at Gonur Depe and was used as a pillow for an adult man. It is remarkable that the style of the ram statuette reminds one of an analogous one found far from Margiana, in the Indus valley (fig. 11) (Sarianidi, 2009. P. 206, fig. 108, 109). Moreover, a Harappan figurine of a bull was found in the BMAC palace at Dashly-3 (McIntosh, 2008. P. 168).

During the archaeological work of 2012 at Gonur Depe was found a figurine of monkey (fig. 12, 13) in the tomb № 4150 (Сарианиди и др., 2014. С. 132-134, рис. 5, 10; рис. 7, 1). It is 3.4 cm height and made of pure white faience and was covered with a thin greenish layer, the remains of which are preserved in the animal's bell, back, and the inner side of the hand. The figure stands on flat ground with bent legs and paws resting on the knees. The fingers of front

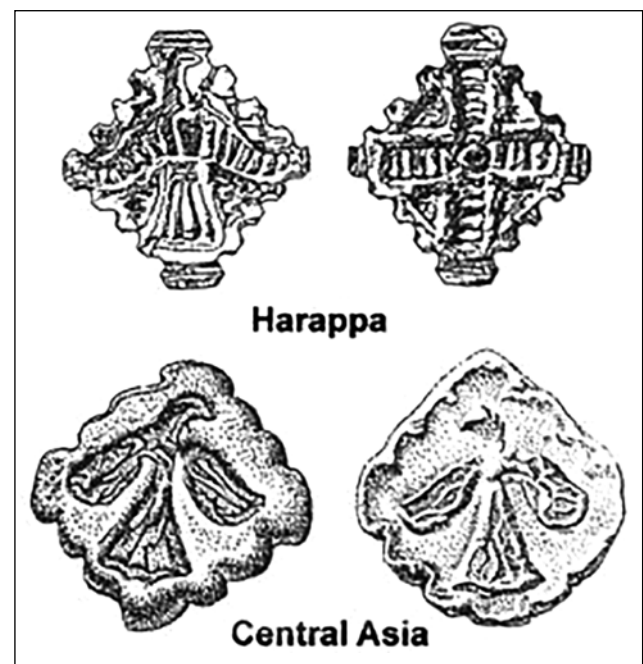


Fig. 11. An eagle seal from Harappa and a comparable example from Gonur Depe (after Mukhtar, 2014).



Fig. 12a. Stone ram sculpture from tomb 3220, Gonur Depe (after Sarianidi, 2009)



Fig. 12b. Stone ram sculpture from Mohenjo-Daro, Indus Valley (after Sarianidi, 2009)

and rear paws are clearly marked. The monkey's tail is only depicted on the back. Two round ears firmly pressed to the head. The muzzle is slightly rotated to the side and upward, on it are marked round eyes (depicted as circles), nose and mouth (Сарианиди и др., 2014. С. 132).

There were no analogies of this figurine in Central Asia, while we can find similar ones in Mohenjo-Daro materials. The first similar one (Сарианиди и др., 2014. Рис. 7, 4), made of soft limestone (fig. 13, 2) and E. McKay believes that it was unfinished figurine (about 21 cm). The monkey's position and many details are identical to the Gonur Depe figurine. The second analogy from Mohenjo-Daro (Сарианиди и др., 2014. Рис. 7, 2) is referred to in the literature as hairpin made of steatite with a small hole in its base.



Fig. 13. Monkey's figurine from Gonur Depe.

On this hairpin there is a figure of two embracing monkeys (fig. 13, 3). Their heads and faces are very similar to the Gonur's monkey (the same elongated muzzle with marked nose and mouth, round pressed ears and round eyes, and other details) (Sarianidi et al., 2014. P. 132). The third figurine from Mohenjo-Daro (Сарианиди и др., 2014. Рис. 7, 3), made of grayish-green faience, also shows a crouching monkey (fig.13, 4) and is similar to Gonur Depe figurine with similar mouth, nose and eyes.

The depicted animal is definitely the brown monkey (*Macacus rhesus*), which lives in the plains and foothills of India and Pakistan. This fact indicates that the Gonur's figurine was a directly imported from the Indus valley (Сарианиди и др., 2014. С. 133).

B. From Indus Culture Sites

Here we can provide some examples of objects of central Asian origin discovered in India. A few Namazga artifacts were found in Harappan sites, including animal-headed bronze pins (McIntosh, 2008. P. 168). In the ceramic assem-



Fig. 14. Monkey's figurines (1) from Gonur Depe and Indus sites (2, 3, 4) (after Сарияниди и др., 2014).

blage of India there is a very rare examples of dish with crimped stem from Harappa, which is typical for ceramics of Namazga V (Щетенко, 1970. С. 61). South Turkmenian beads and pieces for inlaid work in form of step pyramid were also found among Indian materials. Such motive was so popular in the culture of Kopet Dagh people.

Terracotta figures representing seated women and modeled in the Central Asian (Geoksyur) style have been found in a number of early agricultural sites which precede the Harappan culture in the Indus Valley (Dani, 1970-1971; Dales, 1974. P. 174, fig. 83). The location of such sites, particularly in the northern zone (that is, in territorial proximity to the southern Afghanistan assemblages) is evidence that behind these analogies are realistic, historical contacts (Masson, 1988. P. 115).

Toward the last centuries of the third millennium a restricted inventory of BMAC artifacts appear on a number of sites on the Iranian

Plateau and in the Indus Valley and the Persian Gulf: i.e.: Susa, Tepe Yahya, Shahdad, Khinaman, Hissar, Jiroft, Harappa, Mohenjo-Daro, and Tell Abraq. Even foreign objects recovered from the Indus Civilization are relatively rare (Lamberg-Karlovsky, 2013. P. 41).

Recently in the «royal sanctuary» at Gonur Depe was found stone statuette of a kneeling man, unfortunately only its lower part has been preserved (fig. 14) (Sarianidi, 2005. P. 118, 121, fig. 30; Sarianidi, 2009. P. 89-90; 104-105, fig. 31; Сарияниди, 2010. С. 113; Сарияниди и др., 2014. С. 133). It should be noted here that one knee is bent lower than the other, and one can trace that the left palm rested on the raised knee of the left leg. Several similar statuettes of people on bent knees and on one of them the left palm rested on the knee, in the same way as the Gonur statuette is posed, were discovered in the Indus Valley cities (fig. 15). It is remarkably that such statues with bent legs were not found on the In-

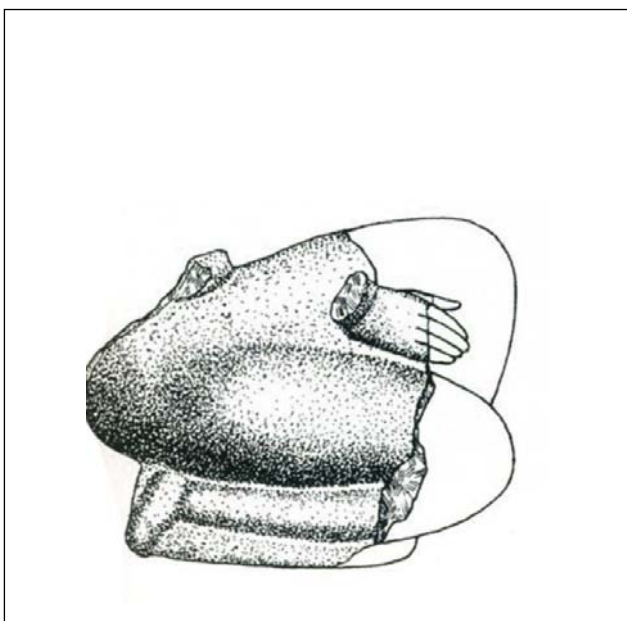


Fig. 15a. Stone Statuette fragment from Mohenjo-Daro, Indus Valley (after Sarianidi, 2009)



Fig. 15b. Reconstruction of a stone statuette fragment, royal sanctuary, Gonur Depe (after Sarianidi, 2009)

dian subcontinent in the earlier period, though in Margiana they were rather popular (especially on seals of Bactria and Margiana). So such similarity testifies that this motif was spread from Bactria and Margiana (BMAC) down to the Indian subcontinent. Moreover, analyzing the latest materials from the Indus valley (such as a wig from a composite statuette uncovered in the late layers of Mohenjo-Daro by R. Meadow) G. Possele concluded that there were existing contacts between BMAC and Indus civilization. Even there are evidences of presence Central Asian tribes (BMAC) in the settlements of the Harappan civilization near 2000 BC (Sarianidi, 2009. P. 104). Although according to some researchers this statuette of the kneeling man is indicating an impact of the Indus valley cultures on BMAC (Сарианиди и др., 2014, С. 133). BMAC seals are also attested at Mohenjo-Daro and Harappa (fig. 3, 4) (Lamberg-Karlovsky, 2013. P. 41; Mukhtar, 2014. P. 227). Moreover, there are evidences of caravans led by Central Asian merchants to Indus basin as remains of camel had been found at Harappa (Jah, 1977. P. 38; Bhat, 2014. P. 53).

Anthropological evidence. It is well known that anthropological data allow tracing actual movements of people from/to different regions with different outward appearance of their inhabitants and can differentiate between migrations of tribes and adoption of cultural traditions and languages as resultant from cultural contacts or influences. It is for this reason that anthropological studies in such an involved situation as the historical dynamics of the population of the III–II Mill. BC in Central Asian area have so much importance (Babakov et al., 2001. P. 219).

In this sense, the necropolis of Gonur Depe is of a great interest, as, its materials could help in answering several questions concerning the formation of Middle Asian population and development of the specific characteristics of its outward appearance. Moreover, as a capital city of Margush, Gonur's anthropological materials could shed light on the emergence of several anthropological variations on the territory of Middle Asia during Bronze Age while earlier characteristic of the entire area had been one and the same more or less homogeneous Mediterranean anthropological type (Babakov et al., 2001. P. 219).

The general cranial parameters of the skulls from the necropolis of Gonur are rather typical of the contemporary (Bronze Age) population of the Middle East from Mesopotamia in the west to North-Western India in the east. It is important that they show very great proximity to that of Mohenjo-daro, while Harappa series are also typologically most similar to the Gonur group series. In all these groups the basis is composed of the population which had taken shape as a result of a long metisation process between Trojoids (who were most likely Veddo-Australoids — from the racial point of view) and Holarctoids (ancient Europoids — from the same racial point of view). All these series are relatively close to each other from the geographical point of view too (Babakov et al., 2001. P. 114, 228, 229, tab. 9, pl. 9.).

So, having a rather archaic morphology and a number of traits bringing them closer to Veddooids, in the variations of the basic parameters of their skulls the Gonur people find their nearest parallels with the population of Uzbekistan, Northwest Pakistan (Swat valley) and North India (Mohenjo-Daro and Harappa) (Bernhardt, 1967; Babakov et al., 2001. P. 240; Dubova, 2006. P. 92, 93).

So here, in addition to the archaeological evidence, we have an anthropological fact: morphological features of Gonur individuals find certain similarity as with Veddooid people of the Indus valley sites. Can we consider it possible that, in addition to trade and cultural relations between these two regions, there were, apparently, some kind of movement of the population (Дубова, 2010. С. 500–501).

The linguistic-ethnic aspect. The discovery of seals of proto-Indian type at central Asian Altyn Depe, including seals with proto-Indian inscriptions, raises the problem of the ethnic affiliation of the local population during the Chalcolithic and Bronze Age in south Central Asia. It was proposed that Dravidian speakers, founders of Harappan civilization early colonized Central Asia (Winters, 1990. P. 120, 140). Masson suggested that the people of Altyn Depe spoke Proto-Dravidian (Masson, 1981. P. 119–122). Thus one can see the creators of the Altyn Depe civilization, like their contemporaries at Harappa, as tribes of the proto-Dravidian ethnic groups (Masson, 1988. P.159). So, this ethnic aspect to-

gether with trade contacts could explain the nature of the relations between India and Central Asia in ancient times. Such kind of suggestions can be better proved by the anthropological data from central Asian sites (especially Gonur Depe).

Indus and Central Asian trade routes. The Central Asian Bronze Age cultures (Namazga V-VI and BMAC, ca 2300–1700 BC) obviously demonstrate an interaction with their contemporary neighbors, especially with Harappan culture. This was confirmed by the discoveries at several sites of Central Asia (Altyn Depe, Anau-Depe, Gonur Depe and Dashly-3, Djarkutan etc.) of Harappan materials, which allow us to assume that these two cultures had clear connections. Were such materials a result of trade?

But here we can say that the arrival of elephant ivory or objects made of it, for example, at main Central Asian sites (Altyn Depe, Gonur Depe, Djarkutan etc.) which occurred over a considerable period of time, is one of the vivid proofs of ancient commercial ties between Southern Turkmenistan and India. Such contacts could explain the influence of specimens from Harappa on a whole list of categories of objects found at mentioned sites of Central Asia, on one side, and the Namazga and BMAC impacts on Harappa, on the other. Furthermore, the presence of BMAC artifacts to the south hints strongly at regional trade.

Therefore the question here is: was there a northern overland route reaching from the Indus Valley to the northeast and to the settled oases on the southern edge of the Kara-Kum beside the southern ocean or coastal route to Sumer?

After the collapse of the Proto-Elamite trading system, corresponds to Namazga V influenced not by Elam but by Harappa and the route between them was made clear by the excavations at Shortugai (Frankfort, Pottier, 1978). The Indus civilization controlled the lapis-lazuli and the route to the Central Asian copper and tin fields (Brentjes, Tosi, 1983. P. 240–241). Apparently, these are remains of one of the trading stations situated on the trade routes uniting early cultures and civilizations (Masson, 1981. P. 112).

The importance to the Harappans of sources from the north is indicated by the fact that, rather than merely sending traders to the re-

gion, they established an Indus trading outpost at Shortugai, at the confluence of the Kocha and Amu Darya Rivers in Afghanistan to facilitate their procurement of local resources. In addition, turquoise and jadeite could be obtained from the neighboring Namazga culture in the Kopet Dagh area of Southern Turkmenistan (McIntosh, 2008. P. 168). Trade with the latter is confirmed by the presence of Harappan materials in Central Asian sites discussed before.

Long time ago it is widely accepted among the scholars that there were maritime trade roads from Lothal to the Mesopotamian cities (Rao, 1965. P. 30-37; Dales, 1962; Possehl, 1979; McIntosh, 2008). It could be, as it was mentioned before, that there was overland road through southern Baluchistan connecting ancient Indus civilization with Elam and Sumer (Массон, 1964. С. 192), and through them with Southern Turkmenistan. Such conclusion could be supported by the discovery of South Turkmenian parallels in Makran coastal region sites, for example: vases on stems, pots, cylindrical vases, twin vessels, semi-rounded cups, seals, pins, mirrors, mace with a head in form of camel, some ornamental patterns (Stein, 1931. Pl. XI, XIII, XIV, XVI, XXII, XXX, XXXII; Stein, 1937. Pl. VIII, A, 347; K, 2; XVIII, 258; XIX, 176, 254; XXXI, 3, 7, 10; XXXII, 9, 10; XXXIV, 2–4, 16-17). These examples had no analogies in Harappan culture, but they resemble similar things in southern Turkmenistan (Литвинский, 1952. Рис. 5, 6 and other).

However, there are some reasons to suggest that there were direct roads from Harappa and Mohenjo-Daro to the foothills of Kopet-Dag. First road was the northern one, which could go through Khyber Pass to Kabul. From there went to the west till Herat, along the southern Khibaba spurs there is a chain of convenient passes. In Herat the way could go to the north-west and, bypassing Herirud River, reach the foothills of Kopet Dagh (Щетенько, 1970. С. 63).

The route from Mohenjo-Daro to Altyn Depe was shorter. Starting point of this route was the Bolan Pass, from which through the Quetta and Kandahar valleys to Seistan or beyond. In this part of the route, the uncovered archaeological materials, mentioned before, support existing of such route during Bronze Age. To describe the rest of the route we will depend more on geo-

graphical facts, since eastern Iran is still poor studied by archaeologists. So, here the route in Ferrah maybe turned to the north and by Herat in the passes Rabat-Mirza and Seng merged with the northern route coming from Harappa (Щетєнко, 1970. С. 63). It is possible, however that there was a third suggestion: the northern route was not yet known during the Harappan Culture and inhabitants of the Indus valley hold contacts with the western tribes through Bolan Pass only (Щетєнко, 1970. С. 63).

More detailed description for the northern route via which the Harappans traded with Afghanistan and Central Asia was proposed by McIntosh (2008): the route started in Punjab; it passed through Late Kot Diji territory along the Gomāl River, or followed the Indus north through Swat and then along the Kabul River through the Khyber Pass into northern Afghanistan, where there were copper, silver, and lead sources (McIntosh, 2008. P.167).

It is important here to remember Shortugai, a settlement in the north of Afghanistan in ancient Bactria, situated on both banks of the Amu Darya (Francfort, 1989). This settlement appeared as the most northern colony of the Indus culture that is well documented by typical Harappan building technique, ceramics made on the potter's wheel with typical Harappan decoration, seals, beads and objects made of shells. Perhaps this Indian settlement-colony was established to control and develop the neighboring rich deposits of lapis lazuli and control its trade. A.-P. Francfort notes also some contacts of Shortugai with Namazga V culture.

As it was mentioned before, the last centuries of the third millennium BC had seen the emergence in Central Asia and Northern Afghanistan of BMAC. Over subsequent centuries, it expanded west and south. It took over Shortugai and its region and ended the Indus trade. It also expanded into Seistan, bringing it into vicinity of the Indus realms. Distinctive BMAC material, such as stamp seals with geometric, floral, and avian designs, and local products reflecting BMAC designs began to appear in the Indus cities, now in decline, and beyond them in the villages and small towns of the Deccan where, for example, sealing with the BMAC-style motifs were found at the Ahar-Banas set-

tlement of Gilund. The stylistic similarities with BMAC material were particularly marked in Baluchistan and the Kachi plain, where in addition there were camel and horse figurines at Pirak after 1700 BC. This must reflect a resumption of links between Iranian plateau and South Asia across the passes of Baluchistan, making use of pack and draft animals (McIntosh, 2008. P. 196–197).

Therefore, the second millennium saw a reversion to the earlier communications networks operating between the northern part of the Indian subcontinent and its western neighbors, the Iranian plateau and southern Central Asia (McIntosh, 2008. P. 197). The beginning of the second Mill. BC was the period when BMAC flourished in Central Asia and Harappan civilization started to decay in Indus Valley. Perhaps, particularly during this period BMAC people moved to the Indus Valley region and the evidence of these movements comes from the presence of BMAC artifacts in the Upper layers of Mohenjo-Daro (ca 2000 BC), also in Quetta valley, Sibri and Mehi. (Mukhtar, 2014. P. 228)

CONCLUSION

According to the archaeological materials discovered in Central Asian and Indus Valley sites, we can assume that: the cities of the Indus Valley Civilization were one of the most important trade partners of the trading cities of Central Asia (Southern Turkmenistan, Uzbekistan, and North Afghanistan). Such kind of trade relations was mutual and supported, first of all, by the fact that the Harappans were interested in the resources of Central Asian region as lapis lazuli, tin, turquoise and jadeite. Indian traders reached Central Asia through some overland trade routes directed to the northeast until the foothills of Kopet Dagh.

In addition to trade contacts we could conclude, depending on the anthropological materials and analysis, that some kind of real population movements took place at this time (III–II Mill. BC) between Central Asian and Indus Civilization cities, as morphological features of Gonur Depe individuals find close certain similarity with Veddoid people of the Indus valley sites. So there have been mutual trade relations between Central Asia and Indian subcontinent, sometimes transforming into tribal migrations.

Moreover, the ethnic-linguistic factor had also played an important role in favor of these movements of people.

Due to the big amount of Indian or Indian related objects discovered in Central Asian sites (more than Central Asian in India), one can say that the Indus people were the initiators for these relations at their initial stage, or the direc-

tion of relations was more from India to Central Asia. Later on, after the formation of BMAC in Central Asia, such relations took direction more from Central Asia to India. This happened especially when Harappan civilization started to decay in the beginning of the second Mill. BC, as if BMAC peoples sensed a vacuum in the Indus Valley region and moved in to fill it.

Bibliography

1. Ганялин А.Ф. Раскопки в 1959-1961 гг. на Алтын-Депе // СА. 1967. С. 10–25
2. Гуров Н.В. Некоторые проблемы лингвистической интерпретации протоиндийских текстов. Автореф. ... дис. канд. филол. н. Л., 1971.
3. Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 484–503
4. Литвинский Б.А. Намазга-депе по данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. 1952. №4. С. 30–52.
5. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.;Л.: Наука, 1964. 467 с.
6. Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3. С. 165–190.
7. Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 344 с.
8. Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 200 с.
9. Сарияниди В.И., Боровка Н.Г., Дубова Н.А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э.: Новые данные по Гонур-Депе (погребение 4150) // ТрМАЭ. Т.5. М.: «Старый сад», 2014. С. 127–137
10. Щетенко А.Я. Работы на стратиграфическом раскопе Алтын-депе в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 114. М., 1968. С. 39–45
11. Щетенко А.Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-хараппских параллелях // КСИА. Вып. 122. М., 1970. С. 59–63.
12. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 B.C. avant J.-Ch. // Editions de RMN. Paris, 1986. 332 p.
13. Amiet P. De l'Élam à la Margiana // Winkelmann S. Seals of the Oasis. From the Ligabue Collection. Venice: Il Punto, 2004. P. 10 -18.
14. Antonini S. More about Swat and Central Asia // EW. Vol. 23. № 3–4. 1973. P. 235–244.
15. Antonini S., Stacul G. The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan). Roma, 1972. 536 p., ill.
16. Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vassiliev S.V., Pestryakov A.P., Khodzhayov T.K. Human Skeletal Remains from the Necropolis of Gonur Depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. Appendix 1. Moscow, 2001. P. 219–240.
17. Baumer Ch. The History of Central Asia. The Age of Steppe Warriors. NY., 2012. 384 p., ill.
18. Bernhardt W. Human Skeletal Remains from Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshavar. 1967. Vol. III. P. 291–407.
19. Bhat M. A. Indus Valley Civilization – Its Economy // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. VI. № 1. P. 47–56.
20. Brentjes B., Tosi M. On Proto-Elamite Iran // Current Anthropology. 1983. Vol. 24. № 2. P. 240–241.
21. Brown W. The Indian Games of Pachisi, Chauper and Chausar // Expedition. Vol. 3. Is. 2. May 1964. P. 32–33.
22. Casal J. Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1962. Vol. II. 13 p., 140 fig., XIV plates.
23. Casal J. Fouilles d'Amri. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1964. Vol. II. 174 p
24. Dales G.F. Harappan Outposts on the Makran Coast // Antiquity. 1962. Vol. 36. № 142. P. 86–93.
25. Dales G.F. A Suggested Chronology for Afghanistan, Baluchistan and the Indus Valley // Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London, 1965. P. 257–284.
26. Dales G.F. Turkmenistan, Afghanistan und Pakistan // Frühe Stufen der Kunst, Propyläen Kunstgeschichte / Eds. Mellink M.J., Filip J. Berlin: Propyläen Verlag, 1974. Vol. 13. S. 166–182.
27. Dales G.F., Kenoyer J. M. Excavations at Mohenjodaro, Pakistan: The Pottery. [University Museum Monograph]. Philadelphia: The University Museum, 1986. Vol. 53. 586 p., 102 fig.
28. Dani A. H. Excavations in Comal Valley // Ancient Pakistan. 1970-1971. № 5. P. 5–177.

29. de Cardi B. Excavations and Reconnaissance in Kelat, West Pakistan // *Pakistan Archaeology*. Karachi, 1965. № 2. P. 86–182.
30. Dubova N. Gonur Population according to the Anthropological Data // *Ancient Margiana is the New Centre of the World Civilization. Materials of the International Scientific Conference Mary 14–16 November*. Mary, 2006. P. 89–93.
31. Fairservis W.A. Excavations in Qwetta Valley, West Pakistan // *AMNH*. Vol. 45. Pt. 2. NY, 1956. P. 169–402.
32. Fairservis W.A. Archaeological Surveys in Zhob and Loralai Districts. West Pakistan // *APAMNH*. 1959. Vol. 47. № 2. P. 273–448.
33. Francfort H.-P. (avec des contributions de Ch. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echalié, A. Kermorvant, G. Willcox). Fouilles de Shortugai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris, 1989. Vol. I, II. № 2. 586 s., ill.
34. Francfort H.-P., Pottier M.H. Sondage préliminaire sur établissement protohistorique harappeen et postharappeen de Shortugai // *Arts asiatique*. 1978. № 34. P. 29–86.
35. Gupta S.P. India and Soviet Central Asia // *Soviet Land*. 1967. № 16. P. 14–15
36. Gupta S.P. The Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands. Delhi. 1979. Vol. II. 593 p.
37. Hiebert F.T. The Context of the Anau Seal // *Sino-Platonic Papers*. 2002. Vol. 124. P. 1–34.
38. Hiebert F.T, Lamberg-Karlovsky C.C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands // *Iran*. 1992. Vol. 30. P. 1–17.
39. Jah D. N. Ancient India. New Delhi. 1977. 285 p.
40. Kohl Ph. (Ed.) The Bronze Age Civilization of Central Asia. Paris, 1981. 440 p.
41. Krishna Rao M.V.N. Foreign Rulers in the Indus Seals // *Radiocarbon and Indian Archaeology* / Eds. Ghosh A., Agrawal D.P. Bombay, 1973. P. 279–290.
42. Lamberg-Karlovsky C.C. The Oxus Civilization: La Civilización del Oxus // *CuPAUAM*. 2013. Vol. 39. P. 21–63.
43. Lawler A. Neglected Civilization Grabs Limelight // *Science*. New Series. 2003. Vol. 302. № 5647. P. 979.
44. Mackay E.J.H. Further Excavation at Mohenjo Daro. Vol. 1.2. New Delhi. 1938. 764 p.
45. Mackay E. J. H. Chanhu-daro Excavations 1935-1936 [American Oriental Series. 20]. New Haven, 1943. 338 p., ill.
46. Mallowan M. The Excavations at Tall Chagar Bazar and on Archaeology Survey of the Habur Region // *Iraq*. Vol. IV. L., 1937. P. 91–177.
47. Marshall J. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. L., 1931. Vol. 1–3. 730 p.
48. Masson V. M. Seals of a Proto-Indian Type from Altyn Depe // *The Bronze Age Civilization of Central Asia Recent Soviet Discoveries* / Eds. Kohl Ph.L., Lamberg-Karlovsky C.C. NY, 1981. P. 149–162.
49. Masson V. M. Altyn Depe. Philadelphia, 1988. 170 p.
50. McIntosh J. The Ancient Indus Valley: New Perspectives. California, 2008. 456 p.
51. Mukhtar A. Ancient Pakistan: An Archaeological History. Vol. III: Harappan Civilization – The Material Culture. Reidsville NC., 2014. 480 p.
52. Piggott S. Notes on Certain Pins and Mac-Head from Harappa Culture. *AI*. 1950. Vol. 4. P. 26–33
53. Piggott S. Prehistoric India to 1000 BC. L, 1950. 289 p.
54. Possehl G. L. Lothal A Gateway Settlement of the Harappan Civilization // *Ancient Cities of the Ancient Indus* / Ed. Possehl G.L. New Delhi, 1979. P. 212–218.
55. Possehl G. L. Seafaring Merchants of Meluha // *SAA*. New Delhi. 1995. P. 87–99.
56. Potts D. Umm an-Nar Type Compartmented Soft-stone Vessel from Gonur Depe, Turkmenistan // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2008. Vol. 19. P. 168–181.
57. Rao S.R. Shipping and Maritime Trade of the Indus People // *Expedition*. 1965. Vol.7. № 3. P. 30–37.
58. Rao S.R. The Indus Script – Methodology and Language // *Radiocarbon and Indian Archaeology* / Eds. Ghosh A., Agrawal D.P. Bombay: Tata Institute of Fundamental Research, 1973. P. 323–340.
59. Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrism. Athens: Kapon Editions. 1998. 190 p., ill.
60. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. Moscow, 2001. 246 p., ill.
61. Sarianidi V.I. Gonur: City of Kings and Gods. Ashgabat: Miras, 2005. 328 p., ill.
62. Sarianidi V.I. Margush: Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabat, 2009. 341 p., ill.
63. Stacul G. The Gray Pottery in the Swat valley and the Indo-Iranian Connections (1500–300 BC) // *East and West*. Rome, 1970. Vol. 20. № 1-2. P. 91–102.
64. Stacul G. The Fractional Burial Customs in the Swat Valley and Some Connected Problems // *EW*. Vol. 25. 1975. № 3–4. P. 323–332.
65. Stacul G. Prehistoric and Protohistoric Swat, Pakistan. Rome, 1987. 237 p., ill.
66. Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia // *MASI*. 1931. № 43. P. 88–103.
67. Stein A. Archaeological Reconnaissance in North-Western India and South-Eastern Iran. L., 1937. 267 p., ill.
68. Wheeler R.E.M. Harappa 1946: The Defense and Cemetery R-37 // *AI*. 1947. Vol. 3. P. 59–130
69. Winters C.A. The Dravido-Harappan Colonization of Central Asia // *Central Asiatic Journal*. 1990. Vol. 34. № 1-2. P. 120–144.

Alignments towards heavenly North Pole in Lothal (India), Turkmenistan and Egypt

1. ARCHAEOLOGICAL INTRODUCTION¹

1.1. Murghab Delta sites

Turkmenistan is approximately 488 km² in size, 387 km² of which are covered by ten different types of deserts. The Parapamiz and Kopet Dagh mountain ranges and plateaus frame the country's south-western border. The main rivers are the Amu Darya, Tejen and Murghab. The source of the latter river lies in the Hindukush of Afghanistan and it transverses Turkmenistan from south to north and flows through the south-eastern part of the Karakum desert. Progressively dryer climatic conditions and resulting desertification have greatly reduced the extent of the Murghab's alluvial fan over the past five millennia. For this reason, the majority of archaeological sites are now located in the desert.

For the present research – i.e. to detect the orientation of the architectural structures in the ancient time and to have an idea of the employment of such techniques – we selected four archaeological sites:

a) The ancient capital during the Middle – Late Bronze Age (MBA) 2300 – 1500² BC Northern Gonur (On the Track of Uncovering a Civilization, 2010);

b) The Temenos³ or Gonur South of the Late Bronze Age-LBA, 1950-1500 BC;

c) Togolok-21 (late Bronze Age LBA, 1950 – 1500 BC);

d) The Big Kiz Kala, Shahryar Ark palace and Imaret-Pavilion of Ancient Merv (Iron Age 2-IA 2, 900–550 BC – 1300 AD)⁴.

1.2 Lothal

The Indus Civilization harbour-site of Lothal is located within a small *doab*⁵ created by the confluence of the Bhogavo and Sabarmati rivers about 30 km before their flowing into the Gulf of Khambhat and the Arabian Sea (Gujarat, India). The urban settlement consisted of an acropolis, with the public and the ritual buildings; a lower town with the residential and the craft areas; a huge brick – lined water basin (220x40x4 m), variously interpreted as a water supply tank or a dockyard, that was discovered immediately to the East of the site.

The archaeological site covers about eight hectares and was discovered in 1954, as the result of a systematic archaeological survey of the Saurashtra-Kathiawar Peninsula in the State of Gujarat, India.

The site was only partially excavated and documented in detail by S.R. Rao, an archeologist of the Archaeological Survey of India, between 1955 and 1962. An enormous corpus of data relevant to the structural setting of the site and its *material culture* was published, over almost thirty years, by S.R. Rao in different books and papers, but mostly in the official report of the excavations, published by the Archaeologi-

1 By Henry de Santis.

2 There are differences between the results that we gave in our previous paper (Cerasetti et al, 2013) and the results written in this paper. This difference is due to the different archeological times of the foundation and of the abandon of Gonur North and Gonur South. In our previous paper (Cerasetti et al, 2013) we used the times that the Italian Archeological Mission gave to us. In this paper we use the dates according to N. Dubova. Of course, different times provide different astronomical results.

3 The Temenos, as Sarianidi names it, is a great religious complex that may have served the entire region in the later Bronze Age.

4 Actually Merv is a group of sites of different periods and among them we have: Big Kiz Kala (6th century AD), an Abbasid semi-fortified two floors palace with corrugated walls; Seljuk palace (11th century AD) located at the center of Shahryar Ark, the citadel of the site of Sultan Kala; the Timurid Imaret Pavilion (16th century AD). For a complete description of the monuments of Merv see: Hermann, 1999.

5 *Doab* is a Hindi word that means neck between two rivers.

cal Survey of India in two separate volumes: vol. 1, about the environmental context and the structural features of the site (Rao, 1979), and vol. 2, which illustrates in detail the material culture found at Lothal (Rao, 1985).

The excavations, carried out by S.R. Rao, disclosed an urban settlement clearly ascribable to the Indus Civilization⁶, which flourished on a local pre-Harappan chalcolithic site (Rao, 1979. P. 24–25). The site's occupation was divided into two main periods separated by a short break: Period A is dated since about 2450 to 1900 BC, perfectly matching to Phases 3B and 3C of Harappa (Rao, 1979. P. 28–33); Period B was related to the Late Harappan occupation dated from about 1800 to 1600 BC (Rao, 1979. P. 33–36).

In Lothal archaeologists found an *acropolis* raised upon a system of artificial boxes – like platforms that supported the public and the ritual buildings – and a *lower town* with the residential and craft areas. However, the most impressive structure is undoubtedly the huge water basin, covered with baked bricks and excavated by S.R. Rao immediately to the east of the site. According to the excavator (Rao, 1979. P. 63–64, 123–134; fig. 19), it was roughly trapezoidal, measuring 212,40 m on the western embankment, 209,30 m on the eastern one, 34,70 m on the southern one and 36,70 m on the northern one. The walls rise 1,80 m over their foundation level and about 1,00 m over the ground level, with their inner faces of the strictly vertical. According to S.R. Rao, a 12,20 m wide inlet was originally present in the northern embankment, while it was latter closed and replaced with a 7,00 m wide another one, opened at the southern end of the eastern embankment.

The debate about the function of this unique structure is still open and the different possible interpretations highly influence several other

main archaeological questions about the site. The basin was originally interpreted by S.R. Rao as a dock for small boats that reached Lothal from the Gulf of Khambhat through the Sabarmati-Bhogavo river system (Rao, 1979. P. 125–134). This hypothesis was supported by several scholars. Later, other scholars considered it just a big reservoir for irrigation and/or drinking water, while others just rejected both theories without proposing any solid alternatives. In a recent paper, Rear Admiral Retd. S.C. Bindra (2003) evaluated all possible interpretations proposed of the Lothal basin in great detail. Considering the technical features of the structure and the rough environmental data available at the moment, he rejected the possible use of the basin for storing fresh water, in favor of its interpretation as an inland tidal dock (Bindra, 2003. P. 16–18).

2. ARCHAEOASTRONOMICAL SURVEYS⁷

We got all our measurements using the following tools: spherical surveyor's cross with direct reading of 5° centesimal degrees⁸; gravity inclinometer with direct reading of 1°; radio-controlled clock repeatedly compared with the Italian Master Clock I.N.R.I.M.; prismatic compass Recta with direct reading of 1° and 0,5° estimated. The azimuths got using astronomical methods are free from magnetic influences.⁹

2.1 Turkmenistan

The outcomes of the archaeoastronomical surveys¹⁰ that we present here concern structures and buildings of the following sites:

- Gonur North (lat. 38°12'50"N; long. 62°02'14"E; m 182 a.s.l.) (fig.1);
- Gonur South (Temenos) (lat. 38°12'33"N; long. 62°02'06"E; m 170 a.s.l.) (fig.2);

6 Named too: Indus – Saraswati Civilization ISC; Sindhu – Saraswat Civilization SSC (thanks to Ajinkya Sudhir Umbarkar).

7 By Henry de Santis.

8 In the centesimal scale, the circumference is subdivided into 400°, i.e. 400 centesimal degrees, instead of 360°, i.e. sexagesimal degrees: $\alpha^{\circ} = \alpha^{\circ} \cdot (360/400)$; $\alpha^{\circ} = \alpha^{\circ} \cdot (400/360)$.

9 We urge our colleagues archaeologists to orientate the excavation maps using astronomical methods instead of magnetic methods (compass), because the first ones are much more accurate (they allow the orientation of the maps within an error's range of $\pm 1^{\circ}$ or better), free of magnetic influences and unchanging over the time (i.e., they allow archaeoastronomical researches also much time after the end of the excavations and the drawing of the maps). The simplest method is to determine the local meridian (i.e. the axis N – S, or $360^{\circ} - 180^{\circ}$ at the local (or true, or astronomical) noon (Codebò, 2014b. P. 149–152).

10 A special thanks goes to V.I. Sarianidi and N.A. Dubova for their kind support and the permission to measure the structures in Gonur North and South. We would like to thank also M.A. Mamedov, R. Denega and the staff of the Ministry of Culture of Turkmenistan for the help given to the Italian archaeological mission, B. Cerasetti and M. Tosi for the hospitality granted during the surveys.



Fig. 1. The settlement of Gonur-Depe with indication of measurements
(photo by G. Davtian, published with kindly permission of V.I. Sarianidi and N.A. Dubova)

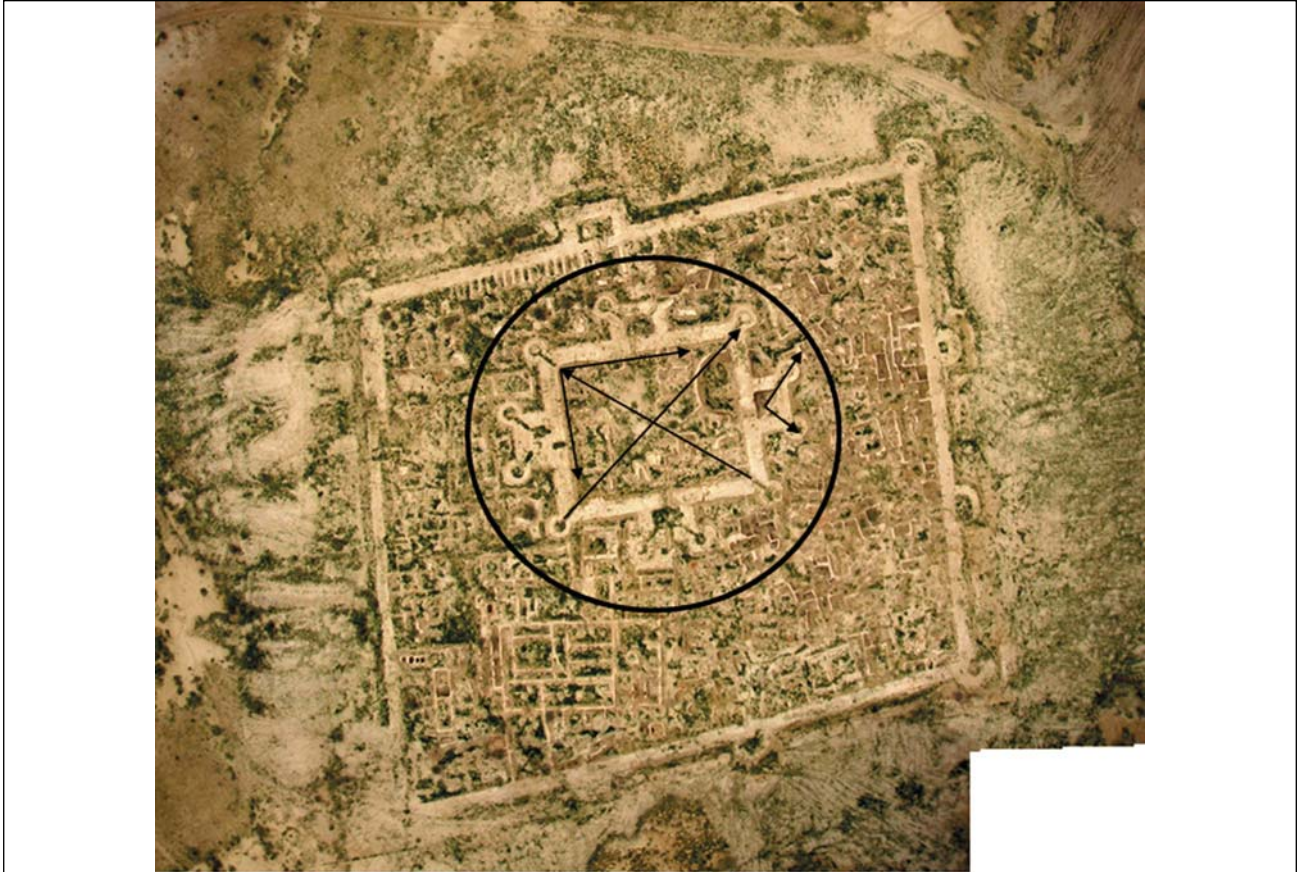


Fig. 2. The alleged observatory of Gonur South with indication of measurements
(photo by G. Davtian, published with kindly permission of V.I. Sarianidi and N.A. Dubova).

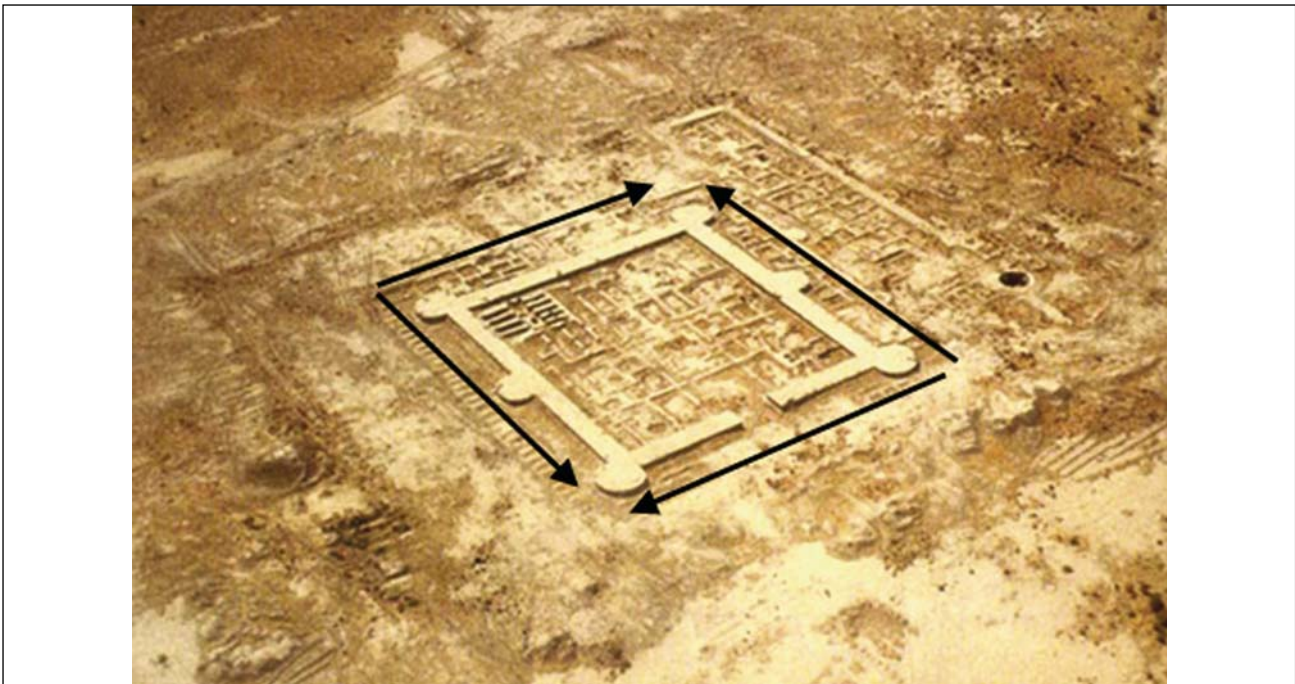


Fig. 3. The archaeological complex of Togolok 21 with indication of measurements (photo published with kindly permission of V.I. Sarianidi and N.A. Dubova).

- Togolok 21 (lat. $38^{\circ}06'15''\text{N}$; long. $61^{\circ}59'38''\text{E}$; m 188 a.s.l.) (fig.3);
- Ancient Merv.

The measurements are based on the relative immutability of Sun's and Moon's seasonal positions on the skyline. This is not the case of the stars! Indeed, their positions change considerably (1° in 71,583 years; approximately: 1° in 72 years¹¹) because of the precession of the equinoxes and it is necessary to develop long and complex calculations to reconstruct their secular movements. Moreover, possible settings in a row of stars must be estimated by probabilistic methods.

2.1.1 *Gonur North*

We measured this site from the structure of the internal walls surrounding the palace and the ruins of the palace. The East and West walls are oriented along the N – S line (i.e. the meridian), with a medium axes of $2^{\circ}16' \leftrightarrow 182^{\circ}16'$. The northern side of the walls are oriented along the E – W line (i.e. the equatorial line) with an azimuth of $89^{\circ}46' \leftrightarrow 269^{\circ}46'$. On the other hand, only the southern wall was built with a little digression ($6,7^{\circ}$) in azimuth, quantifiable at about: $275^{\circ}44'$. This difference might be intentional and

this subject deserves further research. The walls inside the ruins, as well as the palace, were built almost exactly in orientation with the four cardinal points (azimuth $0^{\circ}41' \leftrightarrow 180^{\circ}41'$ and $90^{\circ}41' \leftrightarrow 270^{\circ}41'$).

2.1.2 *Gonur South (Temenos)*

More interesting are the reasons of the building of this alleged observatory, because from the inside several Moon's positions and one Sun's specific position can be observed. In details:

- The internal walls are oriented approximately N – S – E – W, with an azimuth of $351^{\circ} \leftrightarrow 171^{\circ}$ and $81^{\circ} \leftrightarrow 261^{\circ}$. These differences from meridian and equatorial axes are the result of a precise choice, carried out by the builders using positional astronomy. As we discussed briefly below, these orientations let the observers see many astronomical phenomena.
- It was not possible to take astronomical measures of the more external walls because of the poor conservative state of these structures, but they reflect, basically, the orientations of the internal perimeter.
- Towers of the corners of the walls:

¹¹ The speed of the equinoctial precession is $0^{\circ}00'50.290966''$ J2000 per tropic year; i.e. approximately $0^{\circ}00'50.29''$ per tropic year.



Fig. 4. The Big Kiz-kala fortress with indication of measurements (photo by H. De Santis).

a) **NW tower corner:** set to match the Moon at its northern utmost amplitude¹² (a.k.a. Moon Solstice or widest *Lunistice*)¹³, a position that the satellite gets every 6798 days¹⁴, when it gets its maximum declination: $+29^\circ$ about. It has been proved that this astronomical phenomenon was known in ancient times;

b) **NE and SW tower corners:** exactly the opposite; maybe they allow to observe the rising of a star or of a constellation. Further researches need to test the authenticity of these alignments;

c) **SE tower corner:** rise of the Moon at its southern utmost amplitude, the other position that it reaches every 6798 days, as we mentioned above, and when it gets its minimum declination: -29° about.

- Intermediate towers at the centre of each single side:

a) **N side.** NW tower: Moon setting at its northern utmost amplitude; NE tower: still doubtful at the moment;

b) **S side.** SW tower: still doubtful at the moment; perhaps stars; SE tower: Moon rising at its southern utmost amplitude;

c) **E side.** NE tower: still doubtful at the moment; perhaps stars; SE tower: Sun rising at winter solstice;

d) **W side.** NW tower: Moon setting at its northern utmost amplitude; NE tower: still doubtful at the moment.

It is possible to infer that the Temenos or Gonur South was used like a Moon and Sun observatory.

2.1.3 Togolok 21¹⁵

The astronomical survey of the town and external perimeter walls shows that they are oriented, almost exactly, towards the four cardinal points (azimuth $359^\circ 17' \leftrightarrow 179^\circ 17'$ and $90^\circ 11' \leftrightarrow 270^\circ 11'$). Therefore, it was possible to determinate: equinoctial axes, solstice rising/setting points and astronomical midday observing the culmination of the Sun above the horizon. More researches need about the intermediate positions 45° , 135° , 225° , and 315° .

2.1.4 Ancient Merv

The Big Kiz Kala (lat. $37^\circ 39' 18''\text{N}$; long. $62^\circ 09' 09''\text{E}$; m 242 a.s.l.) (fig. 4) was built to

12 The amplitude is the distance of rising (rising amplitude) and setting (setting amplitude) points of a heavenly body from the East and West cardinal points.

13 The Moon gets four *lunistices* (i.e. four standstills) in a time-range of 6798 days: two widest when its declination is about $\pm 29^\circ$ and two shortest when its declination is about $\pm 18.18^\circ$. Widest and shortest lunistics follow one another every 3399 days, i.e. about 9 years. At the widest lunistics, the Moon rises and sets, every month, more north and more south, respectively, than the Sun. This is the most relevant orientation of the Chalcolithic necropolis of St. Martin de Corléans (3100–1900 BC) in Aosta, Italy (Cossard et al., 1991). At the shortest lunistics, the Moon rises and sets closest to the Sun. Several European megalithic monuments are oriented towards the four lunistics.

14 6798 days are 18 years and 224 days, i.e. 18 years, 7 months and 12 days, i.e. 18.61 years.

15 Unfortunately, in our previous article «Archaeoastronomical surveys in Turkmenistan» (Cerasetti et al, 2013) photographs numbers 4–5 and 6–7 have been mutually inverted in printing: the ones number 4–5 are really et al, Shahryar Ark Palace and Imaret Pavilion and the ones number 6–7 are really Big Kiz Kala fortress.



Fig. 5 a, b. The Shahryar Ark palace (left side) and the Imaret-Pavilion (right side) (photos by H. De Santis).

match both the direction of the summer solstitial sunrising and the winter solstitial sun setting. It is possible to observe these positions through the big holes in the walls of the structure.

The minor axes of Shahryar Ark's building (lat. $37^{\circ}40'20''\text{N}$; long. $62^{\circ}10'15''\text{E}$; m 234 a.s.l.) (fig. 5a) are roughly oriented along the equinoctial line, with an azimuth of $96^{\circ} \leftrightarrow 276^{\circ}$.

Finally, the Imaret Pavilion (lat. $37^{\circ}38'27''\text{N}$; long. $62^{\circ}10'00''\text{E}$; m 230 a.s.l.) (fig. 5b) does not match particular directions, but it was roughly built towards the summer solstitial sunrising and the winter solstitial sunsetting with an error of 6° .

2.2 India: Lothal¹⁶

The following measures of azimuth have been taken since 5 to 14 February 2009 in Lothal (lat. $22^{\circ}31'23''\text{N}$; long. $72^{\circ}14'56''\text{E}$; m 13 a.s.l.) (fig. 6):

Internal structures of the acropolis:

azimuth N – S $358^{\circ}53' \leftrightarrow 178^{\circ}53'$;

azimuth E – W $88^{\circ}58' \leftrightarrow 268^{\circ}58'$.

Internal structures of the warehouses block:

azimuth N – S $359^{\circ}20' \leftrightarrow 179^{\circ}20'$;

azimuth E – W $89^{\circ}28' \leftrightarrow 269^{\circ}28'$.

Water basin:

azimuth N – S $357^{\circ}54' \leftrightarrow 177^{\circ}54'$;

azimuth E – W $91^{\circ}49' \leftrightarrow 271^{\circ}49'$.

Lower town:

azimuth N – S $347^{\circ}12' \leftrightarrow 167^{\circ}12'$;

azimuth E – W $74^{\circ}36' \leftrightarrow 254^{\circ}36'$.

3) ARCHAEOASTRONOMICAL DISCUSSION¹⁷

3.1) During our surveys in Lothal (Codebò et al, 2013) and in Turkmenistan (Cerasetti et al, 2013) we noted that the axes of the buildings, 25th century BC old, were oriented towards the cardinal point North with a little gap. It is well known that the five Pyramids of the 4th Pharaonic dynasty¹⁸ in Egypt (and one of the 3rd dynasty), of the 26th century BC, are very well oriented towards the heavenly North Pole, as we summarize in tab. No. 1 (according to Cimmino, 1990. P. 152; Magli, La Porta, 2003. P. 158; Magli, 2005. P. 373), with a gap less than $0^{\circ}15' \pm 0.2'$ (Belmonte, 2001). Such precision opened a wide debate among scholars on how it was possible to obtain it. Discarding assumptions that do not offer sufficient guarantees of adherence to the scientific method, it seems at present that the best theory able to explain such precision is the observation of the simultaneous culmination (lower or upper or both) of a couple of circumpolar stars. It seems that this method is conditioned only by the limit of the human vision (Magli, 2005. Ch. 18)¹⁹.

16 We would like to thank the Italian archaeological mission, M. Tosi and D. Frenez, for the hospitality granted during the surveys.

17 By Mario Codebò.

18 2630 – 2510 BC according to Cimmino 2003, pp. 74 and 468; 2650 – 2400 BC according to Magli & La Porta 2003, p. 37.

19 As some authors pointed out, the accuracy of the alignments towards the North Pole of the six pyramids converges at the Cheops's pyramid, according to their traditional dating from the oldest one to the newest one, and then it diverges, again. Besides the classical explanations (i.e. the equinoctial procession), we wish point out that the accuracy of the Cheops's pyramids is at the limit ($3'-4'$) of the resolute power (i.e. the power to distinguish two very little points) of the human eye by night because the pupils are dilated (Ferreri, 1989. P. 36 – 37): it is likely that Egyptian builders could not get greater accuracy. Therefore, if the sequence of the datings of the pyramids is right, we can also think that progressive accuracy from the oldest and the less accurate – the Meidum pyramid – to the most accurate and newest – the Cheops's pyramid – was the attempt to get the greatest possible accuracy and when it was got this interest diminished up to disappear completely.

Gaps from the heavenly North Pole of the pyramids of 3rd – 4th dynasty

Pyramid	Resort	Pharao	Cimmino, 2003	Magli, La Porta, 2003; Magli, 2005 (East side) ²⁰
Meidum	Meidum	Huni (3 rd dynasty)		-20.6' ±1.0'
Double Slope	Dahshour	Snofru (4 th dynasty)		-17.3' ±0.2'
Red Pyramid	Dahshour	Snofru		-8.7' ±0.2'
Great Pyramid	Giza	Cheops – Khufu (4 th dynasty)	+3.1'	-3.4' ±0.2'
Chephren	Giza	Chephren – Ka'fra (4 th dynasty)		-6.0' ±0.2'
Mikerinos	Giza	Mikerinos – Menkaure (4 th dynasty)		+12.4' ±1.0'

For our surveys in Lothal, Gonur North, Gonur South and Togolok 21, we calculated:

1) the date of the spring aequinox²¹ of the year that archaeologists believe it more likely for the «building», using the Javascript software *Equisol* that Agostino Frosini²² compiled using the formulae of the chapter 20 of two books of Jean Meeus (Meeus, 1988, 1990)²³;

2) Right Ascension α , Declination δ and Polar Distance PD ²⁴ of Thuban (α Draconis, mag. 3,65), that was the visible North Polar Star in the 3rd millennium BC²⁵ at each spring aequinox using the software Solex 11,0 by Aldo Vitagliano²⁶ because

of its greater precision due to the use of numerical integration, instead of the classical formulae of Newcomb²⁷ (Meeus, 1988; 1990. Ch. 14, 15,16)

Then, we calculated the *maximum digression*²⁸ of Thuban for each spring aequinox of the years 2550, 2450, 2400, 2300, 2250, 1950, 1900, 1800, 1600, 1550, 1500 BC. Of course, Thuban also gets an azimuth of 0° when it culminate the upper and the lower meridian. But because in 25th – 24th century Thuban was not exactly on the North Pole and therefore it performed a small orbit around the North Pole, we thought that the builders might have directed more eas-

20 There is a complex and controversial theory of Kate Spence about the W – E shift of orientation of the Giza Pyramids that involves the simultaneous meridian transit of two circumpolar stars (Kochab, i.e. β Ursae Majoris and Mizar, i. e. ζ Ursae Majoris or Phecda, i.e. γ Ursae Majoris and Megrez, i. e. δ Ursae Majoris). It is described and debated in details in: Belmonte, 2001; Magli, 2005; Castellani, 2009.

21 The choice of this day is obviously fictitious, necessitated by the needs of astronomical calculation that requests year, month, day, hour, minutes and seconds of time. It would be equally possible to select any other day of the year.

22 All the software of Agostino Frosini are free downloadable in the URLs <http://archaeoastronomy.it/download> and http://www.webalice.it/agostino.frosini/Archaeoastronomy%20Program/pagina_iniziale.html.

23 In order to allow to the readers to compare these results with the results that we printed in our previous papers (Cerasetti et al, 2103; Codebò et al, 2013), we use here the same calculation procedures and algorithms, although using only the software Solex the results are a little more accurate.

24 α : the distance of a heavenly body from the vernal point Υ ; δ : the distance of an heavenly body from the heavenly equator; PD : the distance of a heavenly body from the pole, or, that is the same, the complement to 90° of δ ($90^\circ - \delta$). All results are rounded off to the unity (without decimals).

25 According to Meeus 2009, pp. 353-363, Thuban was the visible North Polar Star from the 3860 BC to 1820 BC.

26 Free downloadable in the URL <http://chemistry.unina.it/~alvitagl/solex/>. Although in the meantime prof. Vitagliano provided the new version Solex 12,0, we chose to use here the “old” version Solex 11,00 in order to provide consistent and comparable results with our previous ones (Cerasetti et al, 2013).

27 At a distance of some thousands of years Newcomb’s formulae accumulate big errors. We created the JavaScript softwares *FK4 B1900.0* and *FK4 B1950.0* with the formulae of Newcomb (Codebò, 2011, 2013; Frosini, 2012).

28 The *maximum digression* is the maximum distance that a circumpolar star gets from the local meridian. These stars do not transit at the *prime vertical* (which is the maximum circle crossing the cardinal point East, the Zenith, the cardinal point West and the Nadir); they never rise nor set and, therefore, they ever revolve around the heavenly poles. The “list” of the circumpolar stars changes in the millennia because of the equinoctial precession. This is the formula to calculate the maximum digression: $\text{sen } Z = \cos \delta \cdot \sec \varphi$, being Z the azimuthal angle, δ the star’s declination (of the time) and φ the local latitude. If latitude is North, the star’s azimuth is equal to Z if the star is at East and is equal to $360^\circ - Z$ if the star is at West. If the latitude is South, the star’s azimuth is equal to $180^\circ - Z$ if the star is at East and is equal to $Z - 180^\circ$ if the star is at West.

A star is circumpolar when the sum of the its declination’s absolute value plus the latitude of the observer is equal or more than 90° and declination and latitude have the same mathematical sign: $|\delta| + |\varphi| \geq 90^\circ$.

ily their alignments to the azimuth of Thuban's Maximum Digression.

At least, we compared – each other – the azimuths measured “on the field” and the maximum digression (E or W)²⁹ of Thuban. We omitted in this study Ancient Merv because it is out of our range of investigation time.

At 12 April 2550 BC, UT 21:33:40, JD³⁰ 790137.3983908399³¹ (spring equinox), Thuban's equatorial coordinates were α 12h22m44s and δ +88°35'43". Its PD was 1°24'17". Its maximum digression was 1°37'18"E and 358°22'42"W. It is clear that the orientation of the Great Pyramid, with a gap less than 0°15', was towards the heavenly North Pole directly and not towards Thuban.

At 12 April 2450 BC, UT 02:21:50, JD 826661.5985007524, Thuban's equatorial coordinates were α 12h20m11s and δ +88°02'09". Its PD was 1°57'51". Its maximum digression in Lothal was 2°07'35"E and 357°52'25"W.

At 11 April 2400 BC, UT 04:27:46, JD 844923.6859598407, Thuban's equatorial coordinates were α 12h20m00s and δ +87°45'04". Its PD was 2°14'56". Its maximum digression in Gonur Depe was 2°51'46"E and 357°08'14"W.

At 10 April 2300 BC, UT 09:17:27, JD 881447.8871289854, Thuban's equatorial coordinates were α 12h20m22,914s and δ +87°11'29,59". Its PD was 2°48'30,41". Its maxi-

imum digression in Gonur Depe was 3°34'31,12"E and 356°25'28,88"W.

At 10 April 2250 BC, UT 11:24:23, JD 899709.9752674614, Thuban's equatorial coordinates were α 12h20m48s and δ +86°54'26". Its PD was 3°05'34". Its maximum digression in Lothal was 3°20'54"E and 356°39'06"W.

At 08 April 1950 BC, UT 01:25:00, JD 1009282.5590385204, Thuban's equatorial coordinates were α 12h25m36s and δ +85°13'24". Its PD was 4°46'36". Its maximum digression was:

- a) in Gonur South 6°06'00" E and 353°55'00"W
- b) in Togolok 21 6°04'29"E and 353°55'31"W

At 07 April 1900 BC, UT 03:38:15, JD 1027544.6515674359, Thuban's equatorial coordinates were α 12h26m45s and δ +84°56'27". Its PD was 5°03'33". Its maximum digression in Lothal was 5°28'41"E and 354°31'19"W.

At 06 April 1800 BC, UT 08:28:48, JD 1064068.8533363591, Thuban's equatorial coordinates were α 12h28m38" and δ +84°23'00". Its PD was 5°37'00". Its maximum digression in Lothal was 6°04'55"E and 353°55'05"W.

At 04 April 1550 BC, UT 20:13:56, JD 1155379.3430125397, Thuban's coordinates were α 12h34m16s and δ 82°59'09". Its PD was 7°05'51". Its maximum digression in Gonur North, Gonur South and Togolok 21 is showed in table 5.

3.2) For Lothal (Tab 2. No. 2–3) we got by archaeologists three dates: the foundation 2450

Table 2

Lothal's foundation (12 April 2450 BC, UT 02:21:50)

Settlement	Dating	Settlement's azimuth	Difference with the North Pole ³²	Thuban's Maximum Digression	Difference ³³	Thuban's Polar Distance ³⁴
Water basin	2450 BC	357°54'	-2°06'00"	2°07'35"E 357°52'25"W	0°01'35"	1°57'51"
Acropolis	2450 BC	358°53'	-1°07'00"	2°07'35"E 357°52'25"W	1°00'35"	1°57'51"
Warehouses	2450 BC	359°20'	-0°40'00"	2°07'35"E 357°52'25"W	1°27'35"	1°57'51"
Warehouses	2250 BC ³⁵	359°20'	-0°40'00"	3°20'54"E 356°39'06"	2°40'54"	3°05'34"
Lower town	2450 BC	347°12'	12°48'00"	2°07'35"E 357°52'25"W	10°40'25"	1°57'51"

29 Maximum Digression East if the building's azimuth is East. Maximum Digression West if the building's azimuth is West.

30 JD means Julian Day that is a system of time computation invented by Joseph Scaliger in 16th century in order to make easier the astronomical calculations. It begins from 1 January 4713 BC, at the noon, and goes on nonstop today yet.

31 Please note that, according to the Système International d'Unités SI, the comma must be used to separate the decimals and that the point (or dot) is only a license.

32 The difference between the heavenly North Pole – that is, by definition, 360° or 0° – and the settlement's azimuth.

33 The difference between the measured azimuth and the maximum digression of Thuban in the same direction: E or W.

34 Thuban's polar distance is the difference between the latitude of the North Pole 90° and the Thuban's declination in that time.

35 Uncertain dating.

Lothal's abandonment (equinox 07 April 1900 BC, UT 3:38:15)

Settlement	Settlement's azimuth	Difference with the North Pole	Thuban's Maximum Digression	Difference	Thuban's Polar Distance
Water basin	357°54'	-2°06'00"	5°28'40"E 354°31'20"W	3°22'40"	5°03'32"
Acropolis	358°53'	-1°07'00"	5°28'40"E 354°31'20"W	4°21'40"	5°03'32"
Warehouses	359°20'	-0°40'00"	5°28'40"E 354°31'20"W	4°48'40"	5°03'32"
Lower town	347°12'	12°48'00"	5°28'40"E 354°31'20"W	-7°19'20"	5°03'32"

BC; the construction of the warehouses 2250 (but it is a dating of old excavations, reliability and accuracy of which are therefore questionable) and the abandonment 1900 or 1800 BC.

It is clear that the Water Basin has the closest alignment towards Thuban. It is well known that the different structures of Lothal were built in different times that unfortunately are not well known by the archaeologists. For the warehouses we got two different dates of foundation – 2450 and 2250 BC – but the second one is not sure because of the low accuracy of the old excavations. The first date shows a better according with the azimuth of Thuban at its W maximum digression. The impossibility to get accurate dating of the single structure is a misfortune, because the differences of the measured azimuth might show the alignment towards Thuban in different times, *chasing* its shifting over the time. Someone could be tempted to use this *azimuth-shift* as an astronomical method of dating, but it is a «dangerous» operation because of several reasons: we are not sure that the differences of measured azimuths are surely due to the *azimuth-shift* over the time; different azimuths may be the effect of errors of measurement or of deterioration of the buildings, etc. During the 13th meeting of the Istituto Internazionale di Studi Liguri (International Institute of Ligurian Studies), which occurred in Genoa and in Sanremo (Italy) in 2002 (Codebò, de Santis, 2009) the question was debated and the conclusion of the majority of participants was that it is not possible to date ancient monuments with

astronomical methods³⁶. The question, anyway, is still open.

A separate problem is posed by the Lower Town, whose azimuth differs from Thuban's Maximum Digression well 10°: it is evident that the Lower Town was not aligned towards Thuban. We looked for the time in which the azimuth of maximum digression of Thuban corresponded to the azimuth of the Lower Town and we found about 1000 BC, but archaeological evidences show that the city was abandoned in 1900–1800 BC³⁷. Therefore, the azimuth of the Lower Town had no astronomical significance, at least as alignment towards the North Pole.

At the time of the abandonment of Lothal (about 1950 BC) Thuban's coordinates were α 12h25m36s, δ +85°13'24" (at the spring equinox 08 April 1950 BC, UT 1:25:00, JD 1009282, 5590385204 (tabl. 2 bis).

Because of the “big” difference between the settlement's azimuths and the maximum digression of Thuban at the time of the abandonment of Lothal, people *must* necessarily have noticed that the whole heavenly sphere was changed: Thuban shifted from its original alignment buildings' axes more than 3°!

3.3) When Gonur North was founded in 2300 BC, Thuban's coordinates at 10 April 2300 BC, UT 09:17:27, JD 881447,8871289854 (spring equinox), were α 12h20m23s and δ +87°11'30"; PD 2°48'30"; maximum digression 3°34'31"E and 356°25'29"W. Therefore the measured azimuth 2°16' of Gonur North's East and West walls differs by -1°18'31" from

36 But, please, see the different opinion of Karen Tokhatyan (2009. P. 83-87) and of Paris Herouni (2004. P. 39-46; 2009. P. 88-95) and the respective debate following their reports (2009. P. 96-97).

37 At 06 April 1800 BC Thuban's equatorial coordinates were RA 12h28m38s and δ +84°23'00". Its PD was 5°37'00" and its maximum digression was 6°04'55"E and 353°55'05"W.

Thuban’s E maximum digression (Tabl. 3): the concordance is similar to the one of Lothal’s acropolis and warehouses but less than the water basin³⁸. But the concordance of the azimuths of the walls inside the ruins and of the palace is, again, very close with the azimuth of heavenly North Pole. Moreover, the walls inside the ruins and the palace have azimuths very close towards the East and West cardinal points (tabl. 3).

Assuming that Gonur South and Togolok 21 were founded in 1950 BC., tabl. 4 shows the correlation of Thuban’s coordinates α 12h35m16,619” and δ 82°42’33,07” with the azimuth of these two settlements at the date of the equinox 8 April 1950 BC, UT 01:25:00,

³⁸ Please, note that the concordance between the Gonur Depe’s azimuth 02°16’ and Thuban’s Maximum Digression is better (only 0°35’40”) using the foundation time (2400 BC) gave to us by the Italian Archeological Mission (Cerasetti et al, Codebò, de Santis 2013).

JD 1009282,5590385204. It is plain that Gonur South was not oriented neither toward the heavenly North Pole nor towards the maximum digression of Thuban, but it is oriented towards solstices and lunistics (Cerasetti et al, 2013) and, therefore, it cannot be oriented towards the four cardinal points. We think that the original target of the builders was to study Sun’s and Moon’s movements, probably for religious aims. According to this point of view, we think that the so closest alignment of Gonur South towards the North Pole – with an error of only 4’20”! – at the time of its abandonment (tabl. 5) is a mere coincidence. Indeed, also if we suppose that the builders were able to calculate the motion of precession, they should not have known already when Gonur South was abandoned.

On the contrary, Togolok 21 was oriented towards the heavenly North Pole with an accuracy greater than the one allowed by Thuban (like-

Table 3

Gonur North’s foundation (10 April 2300 BC. UT 09:17:27)

Settlement	Settlement’s azimuth	Difference with E and W cardinal points	Difference with the North Pole	Thuban’s Maximum Digression	Difference	Thuban’s Polar Distance
E and W walls	2°16’		2°16’	3°34’31”E 356°25’29”W	-1°18’31”	2°48’30”
North walls	89°46’ ↔ 269°46’	-0°14’				
Internal walls and palace	0°41’ ↔ 180°41 90°41’ ↔ 270°41’	+0°41’	0°41’	3°34’31”E 356°25’29”W	-2°53’31”	2°48’30”

Table 4

Gonur South’s and Togolok 21’s foundation (08/04/1950 BC, UT 01:25:00)

Settlement	Settlement’s azimuth	Deviation from North Pole	Thuban’s Maximum Digression	Difference	Thuban’s Polar Distance
Gonur South	351°	-9°00’00”	6°04’30”E 353°55’31”W	-2°55’31”	4°46’36”
Togolok 21	359°21’	-0°39’00”	6°04’30”E 353°55’31”W	5°25’29”	4°46’36”

Table 5

Gonur North’s, South’s and Togolok 21’s abandonment (4/4/1550 BC, UT 20:13:56)

Settlement	Settlement’s azimuth	Deviation from North Pole	Thuban’s Maximum Digression	Difference	Thuban’s Polar Distance
Gonur North	2°16’	2°16’	8°56’29”E 351°03’32”W	-6°40’29”	7°00’51”
Gonur South	351°	-9°00’00”	8°56’27”E 351°03’33”	-0°03’33”	7°00’51”
Togolok 21	359°21’	-0°39’00”	8°55’40”E 351°04’20”W	8°16’40”	7°00’51”

wise the Egyptian pyramids and parts of Gonur North).

When Gonur Depe (North and South) and Togolok 21 were abandoned during 16th BC³⁹, Thuban's coordinates at the spring equinox 04 April 1550 BC, UT.20:13:56, JD 1155379,3430125397, were: α 12h34m16,174m and δ 82°59'08,88". Tabl. 5 shows the relation between azimuth settlements, heavenly North Pole and Thuban's maximum digression.

4. CONCLUSIONS

It must be clear that the following conclusions are not a closing demonstration but rather a working hypothesis on which it will be necessary to carry out careful researches for a long time.

It is obvious that the six Egyptian pyramids⁴⁰, the Water Basin of Lothal, the inner walls and the palace of Gonur North and Togolok 21 were oriented towards the true heavenly North Pole with an accuracy⁴¹ better than the one allowed by the contemporary north polar star Thuban, whereas Lothal's Acropolis and Warehouses (not the lower town) and Gonur North's east and west walls were orient-

ed towards Thuban's maximum digression (i.e. with the help of the contemporary polar star). We have not yet enough data to distinguish possible differences between the alignments of successive phases of building. But what emerges clearly is that in all these settlements the builders looked for the same orientations towards the North, although using different methods: the orientation towards North – and therefore towards the four cardinal points – was the preferred one in this wide area, unlike it happened contemporary in Europe where orientations towards North and cardinal points are quite absent and where copper aged civilizations preferred orientations towards sunrises, sunsets, moonrises, moonsets, solstices, equinoxes, lunistics (Hoskin, 2006), and neglected the observation of the motion of the stars⁴², although with some exceptions⁴³. Orientations towards cardinal points became more frequent during the 1st millennium BC (Sassatelli, 1992).

But the most intriguing, unexpected, deduction following from our researches in Lothal, Gonur Depe and Togolok 21 is the fact that, at the time of the abandonment of the towns (table

39 From 1811 to 691 BC the polar star was κ Draconis. But it was not a "good" polar star: indeed, its least distance from the true North Pole was 4°42' in 1311 BC (Meeus, 2009. P. 358).

40 In Cheops' pyramid there are four ducts: two, opened, from the King's Room and two, close, from the Queen's Room, all towards South and North sides of the pyramid. South and North ducts from the King's Room are respectively oriented towards the belt of Orion and Thuban. South and North ducts from the Queen's Room are respectively oriented towards Sirius – Sothis and probably Kochab (β Ursae Minoris). This allowed to Robert Bauval to propose the dating 2450 BC \pm 25 for the Great Pyramid (Magli, 2005. P. 359). Also the statue of the *Serdab* – i.e. the place in which occurred the ceremony of the *Mouth's Opening*, essential for the «post mortem» survival of the Pharaoh – of the Pharaoh Djoser «looked to» the North Pole through two little holes. Because the two regions of the North Pole and of Sirius and Orion – this last is the *Duat*, i.e. the «Kingdom of the Dead» – were the heavenly region that the Pharaoh had to get to revive, according to the «Texts of the Pyramids», Giulio Magli interprets the pyramids of the 3rd and 4th dynasty – and especially the Great Pyramid, as «astronomical machines» for the rebirth of the Pharaoh (Magli, 2005. Ch. 4, 17, 18). If this hypothesis is verified, it could provide a logical explanation of why any mummy was never found in these pyramids: immediately after death, the pharaoh's mummy could be put in either or in both of the rooms – the king's one and the queen's one – just the time required for the Akhu – i.e. the immortal soul – of the king reached the heavenly North Pole and the Duat through the ducts on them oriented. After this ritual time, the mummy could be removed from the rooms of the pyramid and placed in its tomb, where the Khat and Ka – i.e. the mummy and the «double» of the dead pharaoh – would rest forever.

41 The methods to get such accuracy may be the same ones described for the six pyramids. Please read: Belmonte, 2001; Magli, 2005; Castellani, 2009

42 But Egypt had both solar and stellar cults (Magli 2005, p. 349).

43 These are the others monuments (not all of the III Mill. BC) with orientations towards the four cardinal points: Carahunge (Herouni, 2004); the quadrangular cromlech of Crocuno in French Brittany, 3000–1500 BC (Hadingham, 1978); Callanish south standing stones row in the Scottish isle of Lewis, 1500 BC. (Hadingham, 1978; Burl, 1983, 1988, 1993; Proverbio, 1989; Ruggles, 1999); the Campuriundu stones circle in Finale Ligure, Italy (date unknown) (Codebò, 1997); the dolmens – with their corridors – of Roccavignale, Savona, Italy (date unknown) (Codebò, 1997); the Etrurian town of Marzabotto – 5th century BC – in Italy (Sassatelli, 1992). More other, during the proofread, we received news about two other monuments of the III Mill. BC N-S oriented: Poggio Rota (Grosseto, Italy), studied by A. Gaspani, and some sites of Giordania, studied by Andrea Polcaro. Here we have neither the time nor the space to discuss them. Few European monuments have alignments towards stars: the copper aged – III Mill. BC – necropolis of Saint Martin de Corléans in Aosta (Cossard et al., 1991), Callanish – II Mill. BC – (Proverbio, 1989. P. 151) and few other (Hoskin, 2006. Ch. 3, 4).

n. 5), Thuban had manifestly shifted from its original alignments with buildings and towns. People could not fail to notice it! This shifting, together with the shifting of the sunrise/sunset points through the Zodiac⁴⁴, showed to them that the heavenly sphere was not always the same through centuries, but it rather changed. We think that this manifest change allowed to the ancient people to realize the existence of the equinoctial precession – the consequences, even if not the causes! – at least

2000 years (and maybe more) before Hipparchus (Codebò, 2014).

An acknowledgments

We thank for their help to us: Archeological Survey of India, Barbara Cerasetti, R. Denega, Nadezhda A. Dubova, Dennis Frenez, Giulio Magli, Mukhammed A. Mamedov, the Ministry of Culture of Turkmenistan, Viktor I. Sarianidi, Maurizio Tosi, Ajinkya Sudhir Umbarkar, Larisa N. Vodolazkaya.

References⁴⁵

1. Belmonte J.A. On the orientation of old kingdom Egyptian pyramids // *Archaeoastronomy. Supplement to the Journal for the History of Astronomy*. 2001. N 26
2. Bindra S.C. Lothal: A Harappan port town revisited // *Puratattva*. T. 33. 2003. P. 1-22.
3. Burl A. *Prehistoric Astronomy and ritual* [Shire Archaeology]. 1983.
4. Burl A. *Prehistoric Stone and circles* [Shire archaeology]. 1988.
5. Burl A. *From Carnac to Callanish*. New Haven; London: Yale University Press, 1993.
6. Castellani V. *Archaeoastronomical measuring: from Stonehenge to Pyramids* // XIII Meeting “Archaeoastronomy: a debate between archaeologists and astronomers looking for a shared method”. Proceedings of the Istituto Internazionale di Studi Liguri / Eds. Codebò M., de Santis H. Bordighera (Italy), 2009.
7. Cerasetti B., Codebò M., de Santis H. *Archaeoastronomical surveys in Turkmenistan* // Atti dell’XI Convegno S.I.A. [Proceedings of the 11th S.I.A. Meeting], Bologna, 2013. (http://www.archaeoastronomy.it/surveys_turkmenistan.htm).
8. Cimmino F. *Dizionario delle dinastie faraoniche*. Milano: Bompiani, 2003.
9. Cimmino F. *Storia delle piramidi*. Euroclub, 1990.
10. Codebò M. *Prime indagini archeoastronomiche in Liguria* // *Memorie S.A.It.* Vol. 68. N 3. Palermo, 1997 (http://www.archaeoastronomy.it/prime_indagini_archeoastronomiche.htm).
11. Codebò M., de Santis H (Eds). *Archaeoastronomy: a debate between archaeologists and astronomers looking for a shared method* // XIII Meeting Bordighera (Italy). Proceedings of the Istituto Internazionale di Studi Liguri / Eds. Codebò M., de Santis H. Bordighera (Italy), 2009 (<http://www.archaeoastronomy.it/convegno.htm>).
12. Codebò M. *Il calcolo FK4 B1950.0 della precessione delle stelle* // Atti del XIII Seminario ALSSA di Archeoastronomia [Proceedings of the 13th ALSSA Workshop]. Genova, 2011 (<http://www.archaeoastronomy.it/calcoloFK4.htm>).
13. Codebò M. *Il calcolo FK4 B1900.0 della precessione delle stelle* // Atti del XIV Seminario ALSSA di Archeoastronomia [Proceedings of the 14th ALSSA Workshop]. Genova, 2013 (http://www.archaeoastronomy.it/CALCOLO_FK4_B1900.htm).
14. Codebò M. *The knowledge of the Aequinoctial precession before Hypparcus* // *Cielo e Terra: fisica e astronomia, un antico legame*. Saggi di storia della fisica e dell’astronomia e dell’archeoastronomia. Ariccia: Aracne Editrice, 2014. (http://www.archaeoastronomy.it/The_knowledge.htm).
15. Codebò M., *The importance of archaeoastronomy in archaeological excavations* // “My life is like a summer rose”. Maurizio Tosi e l’Archeologia come modo di vivere. BAR International Series. 2690. Cambridge, 2014b. (<http://www.archaeoastronomy.it/codebo%20libro%20tosi.pdf>)
16. Codebò M., de Santis H., Frenez D. *Archaeoastronomical surveys in Lothal (India)* // Atti dell’XI Convegno S.I.A. [Proceedings of the 11th S.I.A. Meeting]. Bologna, 2013 (<http://www.archaeoastronomy.it/Lothal.htm>).
17. Cossard G., Mezzena F., Romano G. *Il significato astronomico del sito megalitico di Saint Martin – de Corléans ad Aosta*. Aosta: Tecnimage press, 1991.
18. Ferreri W. *Il libro dei telescopi*. Milano: Il Castello, 1989.
19. Frosini A. *Presentazione del software di calcolo FK4 B1950.0* // Atti del XIV Seminario ALSSA di Archeoastronomia [Proceedings of the 14th ALSSA Workshop]. Genova, 2013 (http://www.archaeoastronomy.it/CALCOLO_FK4_B1900.htm).

⁴⁴ 30° wide (a modern astrological constellation) every 2147,5 years.

⁴⁵ First results of the archeological excavations at Gonur Depe and Togolok 21 are described in: Сарианиди Древности страны Маргус. Ашхабад, 1990 (Sarianidi V.I. Drevnsoti strany Margush, Ashgabat, 1990), that we could not read because of our ignorance of the Russian language.

- astronomia [Proceedings of the 14th ALSSA Workshop]. Genova, 2012. http://www.webalice.it/agostino.frosini/Archaeoastronomy%20Program/pagina_iniziale.html.
20. Hadingham E. I misteri dell'antica Britannia. Roma: Newton Compton, 1978 [original title: Circles and standing Stones].
 21. Herrmann G. Monuments of Merv: traditional buildings of the Karakum. Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. London, 1999.
 22. Herouni P.M. Armenians and old Armenia. Yerevan: Tigran mets, 2004.
 23. Herouni P.M. The prehistoric observatory of Carahunge in Armenia // International Meeting «Archaeoastronomy: a debate between archaeologists and astronomers looking for a shared method». Proceedings of the I.I.S.L. Bordighera (IM), 2009.
 24. Hoskin M. Stele e stelle, Ananke, Torino, Italy [original book: Tombs, temples and their orientations, Okarina Book, Bognor Regis, W Sussex, U.K., 2001].
 25. On the Track of Uncovering a Civilization. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi. Transactions of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 3 / Eds. Kozhin P.M., Kosarev M.F., Dubova N.A. Sankt-Petersburg: Aletya, 2010.
 26. Magli G. Misteri e scoperte dell'archeoastronomia. Roma: Newton Compton, 2005.
 27. Magli G., La Porta C. Piramidi, stele, megaliti: un enigma dal passato. Roma: Newton Compton, 2003.
 28. Meeus J. Astronomical formulae for calculators. Richmond, Virginia: Willmann-Bell Inc., 1988.
 29. Meeus J. Astronomia con il computer. Milano: Hoepli, 1990.
 30. Meeus J. Mathematical astronomy morsels 5th. Richmond, Virginia: Willmann-Bell inc., 2009.
 31. Proverbio E. Archeoastronomia. Milano: Nicola Teti, 1989.
 32. Rao S.R. Lothal: a Harappan Port Town (1955-1962) // Memoirs of the Archaeological Survey of India N 78. Vol. 1. New Delhi, 1979.
 33. Rao S.R. Lothal: a Harappan Port Town (1955-1962) // Memoirs of the Archaeological Survey of India. N 78. Vol. 2. New Delhi, 1985.
 34. Ruggles C. Astronomy in prehistoric Britain and Ireland. New Haven; London: Yale University Press, 1999.
 35. Sassatelli G. La città etrusca di Marzabotto. Bologna: Grafis edizioni, Casalecchio di Reno, 1992. Italy, 2006.
 36. Tokhatyan K. Carahunge. The prehistoric observatory in Armenia // International Meeting «Archaeoastronomy: a debate between archaeologists and astronomers looking for a shared method». Proceedings of the I.I.S.L. Bordighera (IM), 2009.

Bactria-Margiana Archaeological Complex: how terminology hides historical processes

The paper will offer an overview of the results of a long standing archaeological project in the Murghab delta focusing on the Bronze Age civilization of the area and its relationship with surrounding regions. The main aim is to describe environmental, international exchanges and possibly political organization change. Consequently, it aims also at attempting a discussion about the use of the “BMAC” or alternatively “Oxus Civilization” labels largely employed in the literature without any or scanty consideration of the deep changes that occurred from Middle to Late to Final Bronze Age in southern Central Asia.

The archaeological evidence contrasting the oasis perspective is consistent with a view of an open alluvial plain during the Middle Bronze Age and an ongoing political integration process apparently centred on Gonur 1 North, the largest site of this period in the delta. During the Middle Bronze Age the delta was almost completely free of sands and irrigation channels allowed large areas to be agriculturally exploited. At the end of the Middle Bronze Age Gonur 1 North was abandoned possibly as a consequence of political struggles. During the following Late Bronze Age the population increased, as evidenced by a larger number of new settlements in the delta, but the political organisation went through a new, less integrated setting based on smaller centres when compared with Gonur 1 North. This new political asset was responsible for a reduced access to previously available resources and, as well, a reduced capacity to manage environmental problems to a regional scale.

This paper is a tribute to the long standing efforts by Victor Sarianidi to disclose the role played by south Central Asia civilizations in Bronze Age Near and Middle East Bronze Age

archaeology. On the subject we had very conflicting perspectives and discussions, but our friendship never gave out. I will never forget his generosity and cordiality.

INTRODUCTION

The Murghab river delta, the Margiana of the ancient Greeks, is only one of the many fossil and sub-fossil remains of the endoreic system that characterizes Central Asia water courses (Miroshnikov, 1987, 1992). Where arid conditions are prevailing since the Pleistocene (Gerasimov, 1978. P. 323), variation in human population size and in agricultural strategies are usually positively correlated with river flow regimes. It is generally thought that human



Sandro Salvatori in Ashgabad, 2005.

groups living in these regions were forced, for the instability of the water flow, to adaptive strategies in environmental exploitation activities. Observed on a large time scale this phenomenon of progressive reduction of Central Asian rivers flow surely played a role in environmental transformation and consequently had some influence on population dynamics and human groups cultural responses. Adaptive processes, often considered to be dependent variables of environmental instability and crisis, can modify, even on a short time scale, the structural architecture of social organization. Avoiding further speculation on the degree of success that adaptive mechanisms or resilience can achieve, it seems that they invariably move towards a production intensification and a hierarchical organization of the political power.

From our point of view the reconstruction of the historic geomorphology of arid and semi-arid environments and changing river flow and course (Cremaschi, 1998; Cattani, Salvatori, 2008; Ninfo, 2007) are basic to the effort of locating ancient sites and understanding not only settlement patterns but also social and political transformation. In such a perspective the Murghab delta, thanks to the unusually good state of conservation of the archaeological record, proved to be a privileged laboratory for the historical research.

The results of the «Archaeological Map of the Murghab Delta» project¹, and the reanalysis of previously acquired data allow to suggest a model for the complex population dynamics of the deltaic region. It is significantly different from the models suggested earlier by other scholars and incompatible with the most popular migratory hypotheses.

AN ARCHAEOLOGICAL OVERVIEW

Middle Bronze Age

In this period we see a generalised distribution of sites dating to the Namazga V period of the Turkmenistan piedmont chronology with differences due to regional processes (Удеумурадов,

1993; Salvatori, 1998, 2008a). The period, in terms of absolute chronology, covers the time span from 2400/2300 to about 2000/1900 BC (Salvatori, 2002; Jungner, 2004; Алекшин, Кирчо, 2005; Зайцева и др., 2008). In Margiana we can notice a phenomenon of urban growing very similar to that known in Southern Turkmenistan piedmont, from the Aribend region (Namazga Depe) to the Meana-Chaacha one (Altyn Depe) (Массон, 1956; Masson, 1988; Kohl, 1984, 2007). Unfortunately the Middle Bronze Age in Bactria and its strong links with contemporary Margiana are almost exclusively known through the materials from extensively looted cemeteries (Bactria: an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan, 1988; Pottier, 1984; Sarianidi, 1986a) and excavations at sites in southern Uzbekistan (Аскарлов, 1973, 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983).

In Margiana the large settlement of Gonur 1 North that chronologically covers, as far as we know up to date, all the Middle Bronze Age², is an undeniable example of an urban centre with political, administrative and possibly religious buildings. Inside the city wall a small elite cemetery was excavated with impressively rich and many imported grave goods (Sarianidi, 2007; Potts 2003, 2008a; Salvatori 2010). Immediately to the west of the town is a large cemetery of about 4000 graves hardly representing only the population of a town which is the home of the ruling class of the Murghab area (Sarianidi, 2007; Сарияниди, Дубова, 2010). Most of the graves were looted immediately after the collapse (Salvatori, 1995; Sarianidi, 2007. P. 29) of the town and we have evidence of reuse of looted materials from early Late Bronze Age sites like Togolok 21 (Сарияниди, 1990. Pl. LXXXIX; Hiebert, 1994a. Fig. 9.19; Salvatori, 2008b)

Middle Bronze Age sites are mainly located in the central and northern sectors of the delta but some has been also recorded in the southern sector. The limited number of Middle Bronze Age sites actually known in this southern part of the

1 The international project has been conducted from 1990 to 1994, under the direction of A. Gubaev (Turkmenistan State University, Ashgabad), G. Koshelenko (Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow) and M. Tosi (Italian Institute for Africa and the Orient – IsMEO, Rome). From 1995 to 2005 several campaigns were carried out to optimize data and study materials (Archaeological Map of the Murghab Delta III, 2008).

2 A later cemetery was placed on top of the mound during the Late Bronze Age, possibly linked to the so called «Temenos» of Gonur South.



Maurizio Cattani (leftmost) visiting Gonur excavations. 2002.
Photo from the private archive of S. Salvatori.

delta can be due to the well known phenomenon of higher silt deposition at the deltaic fan base and the accumulation of later anthropic deposits on older ones. The two factors are respectively documented by M. Cremaschi's inspection of a modern canal section south of Togolok (Cremaschi, 1998), by a more recent geomorphological survey carried out by A. Ninfo (2007) and by the deep sounding excavated by V. Sarianidi at the Togolok 1 site (Сарианиди, 1990).

A quite different interpretation model is necessary to cope with population dynamics in the delta and with Middle Bronze Age sites distribution. Between 1995 and 2002 we organised a survey operational model based on specifically planned east-west transects to verify a new hypothesis (Cattani, Salvatori, 2008). This strategy brought to the discovery of many new Bronze Age sites and among them two very large settlements (M723 and M746). These two last sites were found to fit exactly in the Thiessen' polygonal frame applied to the regional distribution of the second rank sites (Salvatori, 2008a, Fig. 5.2). The other major result of this transect survey strategy was the discovery of an ubiquitous presence of Bronze Age potsherd concentrations in all the open *takyrs* crossed by the transects³. This suggests that during the Middle Bronze and the beginning of the Late Bronze Age the delta was almost completely free of sand and open to agricultural ex-

ploitation, the only constraint being represented by the available technology and social co-operation in irrigation canals excavation⁴.

The new data indicate that the Middle and early Late Bronze Age settlement pattern was not shaped according to the "oasis hypothesis" uncritically followed by many scholars (e.g., Frachetti, Rouse, 2012; Frankfort, 2005; Hiebert, 1994; Kohl, 2007; Lamberg-Karlovsky, 2013)⁵ but to spatial rules and to the structural complexity of the political and administrative organization in an open space and, as expected, along the branches of the delta.

The Middle Bronze Age settlement pattern (Salvatori, 2008a), which is centred on the major site of Gonur 1 North, went through a crisis which brought to the collapse of the central place but leaving apparently intact frame, with replacement, of the satellite system of second rank settlements. The appearance of new second rank and smaller sites during the Late Bronze Age (Salvatori, 2008a) is, to us, a clear evidence that the ongoing crisis was not environmental nor demographic but political in nature.

Late Bronze Age

After the collapse of the Gonur North town the function of a central unifying site seems not to be replaced and the rank-size analysis shows a strong convexity (Salvatori, 2008a) in the resulting curve ($RSI = + 0.351$), which stands for a strong independence of the individual site clusters. Indeed, during the Late Bronze all the new major settlements at the centre of the polygons are fortified sites with individual storage structures fitting the model suggested by C.C. Lamberg Karlovsky (1994, 2013).

Unfortunately previous excavation activities in the area paid scarce attention to the pottery sequence and it is thus impossible to analyze at the desirable detail the internal development of Late Bronze Age settlement pattern. According to a study made by A. Piankova (1989, 1993, 1994) we can tentatively describe a three phases sequence (named Taip, Gonur South and Togolok phases) clearly antedating the Final Bronze

³ Recent, more detailed work has been accomplished on a restricted area around the Egri Bogaz sites in the northern sector of the delta (Markofsky, 2010; Markofsky, Bevan, 2012) and in the eastern delta south of Auchin (Cerasetti, 2012: Fig. 4).

⁴ Traces of ancient irrigation canals have been evidenced by Cremaschi (1998, P. 17).

⁵ Settlements are not organized in physical oases but clustered along branches of the Murghab river, a common location in antiquity which favors the planning of irrigation canals for agricultural purposes.

Age Takhirbai 3 period. If this sequence can be roughly applied to the major sites, the same doesn't happen with most of the small sites because of the lack of publication of the pottery collected on their surface.

Final Bronze Age

Toward the end of the Late Bronze Age, sand dunes were covering large areas of the delta and moreover its central and northern sectors. Many sites were threatened and covered by sand, forcing residual population to move their settlements to the south. At the same time the decreasing number of sites seems to point to a population size contraction. Together with the sands pastoral groups, borrowing a new material culture, are entering the delta. Steppe people are now in all southern Turkmenistan from the piedmont to Margiana and also beyond to southern Uzbekistan, Tajikistan and Northern Afghanistan (Hiebert, 2002; Hiebert, Moore, 2004; Cattani, 2008b).

A large number of campsites with concentrations of incised steppe-like ware (Incised Coarse Ware) have been located in the sandy areas of the ancient Murghab delta (Salvatori, 2008a). These apparently small pastoral nomadic groups were approaching the Murghab and the Turkmenistan piedmont during the Late Bronze Age (as evidenced by the recently excavated site of Ojakly to the north-east of Gonur 1 North: Rouse, Cerasetti, 2014), while during the Final Bronze Age (Takhirbai 3 phase) they apparently concentrate mainly in the Takhirbai area in close proximity to local farmers. The steppe-like potsherds collected at those sites strongly remind the Tabazagyab production. The evidence of more stable settlements of foreign nomadic groups and of their integration with local farmers dates to the Takhirbai 3 phase. This is the case of site 1211-1219 excavated by M. Cattani (2008a). The last site, with its semi-subterranean huts of a type known in Khorosmia (Итина, 1977), provided the stratigraphic evidence of steppe-like and local pottery association, an evidence which can be provisionally interpreted as the result of a social and economic integration of the newcomers with the local farmers. Finally, survey data prove that during the Final Bronze Age a strong contraction and a southern shift-

ing of the settlement pattern occurred in the delta (Salvatori, 2008a). This new population distribution seems to be related to the ongoing desertification of the old delta and the political and organizational crisis of the local farming communities. The rank-size analysis of the sites dated to the period produces a strongly concave curve ($RSI = -0.939$) which is possibly due to the Takhirbai 3 site' size. However, the site is actually a huge area where Late Bronze, Final Bronze (together with steppe-like pottery) and Iron age potsherds have been collected (Cattani, 2008b). No serious attempt at disentangle the relative distribution has been done so that we have no idea about the site extension during each cultural phase.

DISCUSSION

During the Middle Bronze Age, the Murghab delta is definitely one of the centres of an urban civilization that covers a macro-region including the Northern Khorassan (Biscione, Vahdati, 2011), the Turkmenistan piedmont (Altyn Depe, Namazga Depe, Ulug Depe), the ancient Murghab Delta, southern Uzbekistan and Tajikistan, and northern Afghanistan.

In this period and on the overall area we can observe the spread of a material culture that, in spite of local variants (Salvatori, 1998, 2008b; Masimov et al., 1998), is substantially homogeneous and well recognizable mainly through pottery and metal production but also throughout more macroscopic traits like defensive architecture. This homogeneity was improperly extended to the Late Bronze Age thus shadowing the differences marking the transition from the former to the other period. This produced the coinage of the two labels of «Bactria-Margiana Archaeological Complex» (BMAC) (Sarianidi) and «Oxus Civilisation» (Francfort) here questioned.

Both labels, though differently inadequate (the first one indeed excludes the Koped Dagh piedmont and the Northern Khorasan; the second is more geographically limited focusing on the region crossed by the Amu Darya river, the Oxus of the Greeks), have the merit to highlight the presence of an imposing and distinctive urban civilization that surely played an important role in the cultural and political processes of the Middle East in the second half of the III Mill.

BC from the Mediterranean to the Indus Valley, from northern Central Asia to the Gulf.

Within the frame of Southern Central Asia archaeology it can't be but underlined the leading role played by the more than 40 years long work of Victor Sarianidi both in northern Afghanistan (Сарианиди, 1976, 1977) and in the Murghab delta (Сарианиди, 1990; Сарианиди, Дубова, 2010; Sarianidi, 2002, 2007). Later activities by American scholars (Hiebert, 1993, 1994; Hiebert, Moore 1993) and the Italian-Russian-Turkmen project for the Archaeological Map of the Murghab delta (Archaeological Map of the Murghab Delta, 1998; Archaeological Map of the Murghab Delta III, 2008) contributed to the knowledge of the cultural history of the area and on the distribution of Bronze Age sites in the delta. On the Kopet Dagh Piedmont the work of Russian archaeologists at Namazga Depe (Куфтин, 1956; Ганялин, 1956; Хлопин, 1966), Altyn Depe (Masson 1988; Алекшин, Кирчо, 2005) and Ulug Depe (Сарианиди, 1969, 1971, 1972; Сарианиди, Качюрис, 1968; Масимов, 1972) disclosed the local alternative of the Southern Asia urban civilization and now the French-Turkmen archaeological mission at Ulug Depe is providing fresh data on the Middle Bronze Age of the area (Lecomte, 2011, 2013; Lecomte *et al.* 2002; Boucharlat *et al.*, 2005). Recent archaeological activities in northern Khorasan discovered graves and surface pottery assemblages strongly correlated with the material culture of the Southern Central Asia Middle Bronze culture (Biscione, Vahdati, 2011; Vahdati, 2010). In the southern Uzbekistan site of Djarkutan the German-Uzbek archaeological mission (Huff, 1997, 2000a, 2000b, 2001; Huff *et al.* 2001; Kaniuth, 2007; Kaniuth, Teufer, 2001; Teufer, 2005) followed by a more recent French-Uzbek project (Bendezu-Sarmiento, Mustafakulov, 2013) are providing new and important data on this civilization on the northern bank of the Amu Darya. All these archaeological efforts produced an enormous amount of data that, though still unsatisfactory as recently

emphasized by C.C. Lamberg-Karlovsky (2013), can help to draw a more complex picture of the Bronze Age cultural and political processes of the area.

Archaeological research and excavations in the Murghab delta revealed, from the point of view of settlement organization, a complex pattern where Gonur North was, during the Middle Bronze Age, the regional political centre. Here a political elite was located that mastered local and international economical activities (Salvatori, 2008b).

At Gonur North as well as at Altyn Depe, in the Kopet Dagh piedmont, Indus valley materials and seals arrived (Sarianidi, 2007; Masson, 1988); moreover, Mesopotamian seals of the Akkadian (Sarianidi, 2007) and possibly of the Ur III periods, arrived at Gonur North (Potts, 2008b) as well as chlorite vessels from the Iranian Kerman and the Gulf (Sarianidi, 2005; Potts, 2003, 2008a; Salvatori, 2010).

In the so called «Royal Graves» at Gonur golden and silver vessels together with golden and semi-precious stones jewels have been found. Graves with chariots from the same cemetery remind the Royal graves of Ur (Wolley, 1934) as well as the renowned Sintashta tumulus grave (Gening *et al.*, 1992).

From the Middle Bronze Age looted cemeteries of northern Afghanistan (Dashly, Farukabad and Nechka deltaic fans) a great amount of metal and stone objects has flooded the Kabul antiquary market and, as the Gonur findings, they reveal strong and possibly regular international relationships and exchanges (Pottier, 1984; Bactria: an ancient Oasis..., 1988; Salvatori, 2008b). They witness therefore an amazing richness and the accessibility to a wide set of stone materials surely foreign to the alluvial plains of southern Turkmenistan and northern Afghanistan⁶.

Certainly, the Gonur palatial and urban settlement with his material culture richness, diversity and complexity provides the most vivid and well-structured picture of a civilization that still need study to be properly defined on the

6 Usually these deltaic formations are referred to as endoreic, a definition that portraits the present time geomorphological asets. We think that during the Middle Bronze Age and also before, the Murghab river was possibly flowing into the Uzboi river on the north while the northern Afghanistan deltas of Dashly, Farukabad and Nechka in the Amu Darya river. The incoming of the desert sands is a later phenomenon (Late Bronze Age) that was possibly driven by the climatic change affecting the area from the end of the III Mill. BC (Fouache *et al.*, 2013). Water overexploitation for agricultural activities coupled with more general phenomena could have influenced the river flow reduction (Francfort, Lecomte, 2002; Salvatori, 2008a).

political, administrative, ideological (religious) and international trade grounds (Lamberg-Karlovsky, 2013). However, the town exhibits all the expected traits of a regional central place deeply involved in an interregional and international complex system of trade and possibly political relationships (Potts, 2002). Moreover, the settlement pattern suggests that the system attained a complex internal organization that seems approaching a state level⁷. Unfortunately the lack of local written sources strongly constrains our possibilities to fully understand the political context within which relations with contemporary Mesopotamian, Iranian and Indus Valley state organizations⁸ were constructed. Nonetheless, the Southern Central Asia urban civilization ability to act on the international trade system during the second half of the III Mill. BC is well attested by the presence of a merchant colony at Shahdad (Salvatori, Tosi, 1997; Salvatori, 2008b) and possibly of central Iran merchants at Gonur as suggested by Trans-Elamite cylinder seals (Amiet, 1986; Potts, 1981; Pittman, 2001; Francfort, 2010) found in graves (Graves 23 and 1393: Sarianidi, 2007. Figs. 180-181) as well as in the settlement (Excavation area 6, Sarianidi, 2004. Fig. 17).

Similar Southern Central Asia commercial enclaves could have been organized at Susa, where bronze compartmented seals and stone columns (Amiet, 1986: seals – Fig. 105; columns – Figs. 97.4, 101, 102) typical of the Middle Bronze Age of Southern Central Asia (Salvatori, 2008b⁹) have been found, and in the Indus Valley, where bronze compartmented seals are recorded (During-Caspers, 2004a, 2004b).

The analysis of metal compartmented stamp seals outside Southern Central Asia clearly shows that the three main areas of Margiana, Bactria and the Kopet Dagh piedmont were involved, possibly in an autonomous though coordinated way, in the international trade system (Salvatori, 2008b. P. 79). The analysis of chlo-

rite phials distribution from central Iran to the different areas of the Southern Central Asia civilization produced similar complex results (Salvatori, 2008b. Fig. 6.3).

The emerging plurality of commercial flow, if substantiated by new data, could prove the regional organization and distinctiveness of the political elites of the Southern Central Asia civilization as well as the possibly federative character of the state that could explain the great cultural homogeneity and the more or less perceivable differences (Lamberg-Karlovsky, 2013. P. 57-58).

Important evidences of the spread of this culture to the south of the Kopet Dagh chain, in Northern Khorasan (Kohl, 1984), is now emerging to the south of the Atrek River thanks to survey and excavations in the Jajarm plain (Vahdati, 2010). Graves with typical Southern Central Asia Middle Bronze Age furniture have been recently excavated at Tepe Chalow (Biscione, Vahdati, 2011) near the village of Sankhast, at about 45 km to the north-east of Jajarm. Detailed publication of the graves and a systematic archaeological survey of the region will surely clarify the role of Northern Khorasan in the frame of the Southern Central Asia civilization.

At the end of the Middle Bronze Age, at about 1900 BC, the Gonur North settlement was abandoned and the same happened to all the contemporary sites in the Murghab delta. In the same period we can place the collapse of the large urban centres of Altyn Depe and Namazga Depe and the well perceivable reduction of other towns of the area like Ulug Depe (Kohl, 1984).

In the Murghab delta almost all the former sites were in a short lapse of time replaced by new settlements all characterized by defensive walls with circular and semicircular towers, a distinctive feature that is in strong contrast to the typical Middle Bronze Age square or rectangular towers. Usually the new settlements are placed in the vicinity of the former ones (e.g.,

7 The proposal of Lamberg-Karlovsky suggesting to compare the fortified settlements of the Murghab delta to the «Central Asian Khanates of the 19th century» (1994) and its political organization to a the Gaelic «tanistry» system (2013. P. 57-58) is suggestive and could also explain the control, based on elite alliances, on a so large area as that covered by this Middle Bronze Age civilization.

8 The recently published important attempts to connect historical events of the period, as known from Mesopotamian written sources, to the Southern Central Asia archaeological record remain highly conflicting in the suggested identification of the area with the Šimaški kingdom (Potts, 2008b) or, alternatively, with the Marhaši one (Francfort, Tremblay, 2010).

9 To the secondary context examples listed in Salvatori, 2008b can be added the two stone columns found in the «cenotaph» of Ulug Depe (Lecomte, 2011).

Gonur South just to the south of Gonur North (Sarianidi, 1993); Togolok 21 (Sarianidi, 1986b) to the south of Togolok 1, or sometime on top of the Middle Bronze mounds. As far as we know, no site of the Late Bronze Age reaches the size of Gonur North (Salvatori, 2008a).

In Bactria the situation is less clear but apparently also there the Middle Bronze sites were replaced, on a reduced scale, by new fortified settlements. The Middle Bronze phase of the area is, as stated above, mainly known from the rich inventory provided by intensively looted cemeteries of northern Afghanistan but also by some settlements, like Dashly 3 in Afghanistan, Sapalli Depe and Djarkutan, in southern Uzbekistan (Salvatori, 2008b. P. 77). Recent excavations at Djarkutan revealed a new and larger city wall around the settlement and the palace of the Middle Bronze Age characterized, as in the Murghab delta, by square towers (Huff, Teufer, 2010. Fig. at p. 24; Bendezu-Sarmiento, Mustafakulov, 2013. P. 214). The new discovery makes more easy to compare the Djarkutan plan with Dashly 3 in Afghanistan, Gonur North in the Murghab delta, and Altyn Depe in the Kopet Dagh piedmont.

As in Margiana at the beginning of the II Mill. BC, also in Bactria a strong and sudden discontinuity in settlement size and architectural plans can be observed. The settlement encircling wall are now provided with circular and semicircular towers (e.g., the so called «Temple» of Djarkutan in Uzbekistan and the site of Dashly 1 in Afghanistan)¹⁰.

A second discontinuity trait is, both in Bactria and Margiana, the disappearance of the characteristic bronze compartmented stamp seals replaced by those known as «stone amulets» (Sarianidi, 1986a, 1998; Baghestani, 1997; Salvatori, 2000).

During the Late Bronze Age, cemeteries of the previous period are almost systematically looted (Salvatori, 1995; Bendezu-Sarmiento, Mustafakulov, 2013) in search of precious metals and stone materials (Salvatori, 2008b). This phenomenon could have been driven by a changing access to such resources due to the collapse

of the Middle Bronze structured organization of the territorial control.

Also the international trade routes of the former period seem to be strongly reduced and only the Indus Valley corridor was operational, possibly more from Bactria than from Margiana. Central Asia goods still arrive to the Gulf (Crawford, Al Sindi, 1995; Potts, 1994; Salvatori, 2008b).

The political order of the Middle Bronze Age is definitely collapsed at the beginning of the II Mill. BC for still obscure reasons, but as we pointed out above, it did not produced a demographic crisis in all the area from the Kopet Dagh piedmont to Bactria. In the former area the most imposing urban centres (namely Altyn Depe and Namazga depe) were almost completely abandoned but to imagine a complete depopulation of the area is possibly an overstatement (Kohl, 1984. P. 137-138). We cannot measure the phenomenon in Bactria, while in the Murghab delta the number of settlements apparently increased.

CONCLUSIONS

The overall archaeological data are now clearly showing that we cannot disregard the discontinuity among the three distinctly separated Bronze Age phases of Southern Central Asia civilization. Geographic (territorial) distribution, socio-politic and economic organisation, demographic trends, international relationships, differential collapse dynamics, defensive architecture, important elements of the material culture like seals, stone object manufacture and metal work are all clear markers of change.

The transition from Middle to Late Bronze Age is clearly marked by the collapse of a proto-state or complex chiefdom centralised organization while the transition from Late to Final Bronze Age is marked, in Margiana and possibly in northern Afghanistan, by a settlement pattern and demographic strong reduction possibly due to an ongoing and dramatic environmental crisis that borrows an inexorable sand ingression drastically reducing the agricultural potential of the deltaic areas.

¹⁰ At my knowledge semi-circular towers have been recorded in the Near East only at Tel Arad (2550-2000 BC: Ilan, 2001. Figs. 18.2-3); circular ones at Tuqan (1700-1600 BC: Burke, 2004) and at Tell Qannas (2200-1700: Strommenger, 1979, Fig. 7f; Burke, 2004).

Each of these stages is differentially characterised and cannot be described, not only archaeologically but also in a historic perspective, under generic labels like «BMAC» or «Oxus Civilization».

The main problem is the unspecific use of those labels¹¹ so common in the archaeological literature (e.g., Parpola, 2002; Luneau, 2013; Lamberg-Karlovsky, 2003, 2013; Hiebert, 1994, 2002). Too often the two first periods (Middle and Late Bronze Age) are considered together in spite of the many and deep differences between them. Moreover, some scholars don't include in the «BMAC» or «Oxus Civilisation» the third phase (Final Bronze Age) and this represents another misconception of the cultural process. The Final Bronze Age is the ending phase of a process encompassing the whole of Southern

Central Asia and marking the end of the urban trajectory of the area with the last Bronze Age agglomerates and the widespread apparently peaceful presence of steppe pastoralists in the area (Cattani, 2008b).

Finally, we do not have a synthetic label to substitute the «BMAC» or «Oxus Civilization» ones but we can suggest to stress a processual divide of the three stages of this Southern Central Asia Urban Civilization as follows: 1) phase of integration and expansion (Middle Bronze Age); 2) phase of political disintegration (Late Bronze Age); phase of urban and demographic collapse (Final Bronze Age). Such a divide could provide a base for a historic and definitely processual perception of cultural and political dynamics and thus to properly place the area in the cultural and political history of the wider Middle East as recently and bravely attempted by D.T. Potts (2008) and H.-P. Francfort and X. Tremblay (2010).

11 See for a rear criticism of the use of those labels Kaniuth 2010.

Bibliography

1. Алексин В.А., Кирчо Л.Б. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Санкт-Петербург, 2005.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
3. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
5. Ганялин А.Ф. К стратиграфии Намазга-депе // ТрИИАЭ. Т. 2. Ашхабад, 1956. С. 37-66.
6. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
7. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймер П., Мэллори Д., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // ТрМАЭ. Т. 2 / Гл. ред. Сарияниди В.И. М.: Старый сад, 2008. С. 166-179.
8. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
9. Куфтин Б.А. Полевой отчет: о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 году // ТрЮТАКЭ. 1956. Т. 7. С. 260-290.
10. Масимов И.С. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе // Каракумские Древности. Вып. IV. 1972. С. 35-46.
11. Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтин // Труды ЮТАКЭ. Т.7. Л., 1956. С. 291-373.
12. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2 / Гл. ред. В.И. Сарияниди. М., 2008.
13. Сарияниди В.И. Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1968. М., 1969. С. 434-435.
14. Сарияниди В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Деде // АО 1970. М., 1971. С. 433-434.
15. Сарияниди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // Успехи Среднеазиатской Археологии. Вып. 1. М., 1972. С. 53-55.
16. Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Вып. 1. М., 1976. С. 21-86.
17. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
18. Сарияниди В.И. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
19. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура. Предварительное сообщение // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди [Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3] / Ред. Кожин П.М., Косарев М.Ф., Дубова Н.А. М., 2010. С. 144-171.
20. Сарияниди В.И., Качурис К.А. Раскопки на Улуг-депе // АО 1967. М., 1968. С. 342-345.
21. Удеумуратов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат, 1993.
22. Хлопин И.Н. Вышка Намазга-депе // АО 1965. М., 1966. С. 73-74.

23. Amiet P. *L'âge des échanges inter-Iraniens, 3500-1700 avant J.-C.* Paris, 1986.
24. *Ancient interactions: East and West in Eurasia* / Eds. Boyle K., Renfrew C., Levine M. Cambridge, 2002.
25. *Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995* / Eds. Gubaev A., Koshekenko G., Tosi M. Roma, 1998.
26. *The Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. Salvatori S., Tosi M. Oxford, 2008 [B.A.R. S1806].
27. *Archaeological Reports from the Tabqa Dam Project. (Annual of the American Schools of Oriental Research 44. ASOR)* / Ed. Freedman D.N. Cambridge, MA, 1979.
28. *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Uzbekistan* / Eds. Boroffka N., Hansen S. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut Eurasien-Abteilung, 2010.
29. *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. Bendezu-Sarmiento J. [Chaires d'Asie Centrale 21-22]. Paris, 2013.
30. *Bactria: an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan* / Eds. Ligabue G., Salvatori S. Venice, 1988.
31. Baghestani S. *Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China.* Leidorf, 1997.
32. Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S. *Le site proto-urbain de Dzharkutan durant les âges du bronze et du fer. Recherches de la Mission archéologique franco-ouzbèke-Protohistoire // L'archéologie française en Asie centrale Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. Bendezu-Sarmiento J. [Chaires d'Asie Centrale 21-22]. Paris, 2013. S. 207-236.
33. Biscione R., Vahdati A. *Excavations at Tepe Challow, Northern Khorasan, Iran // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici.* 2011. Vol. 53. P. 236-241.
34. Boucharlat R., Francfort H.-P., Lecomte O. *The Citadel of Ulug Depe and the Iron Age Archaeological Sequence in Southern Central Asia // Iranica Antiqua.* 2005. Vol. 40. P. 479-514.
35. *The Bronze Age Civilization of Central Asia* / Ed. Kohl Ph.L. Armonk-New York, 1981.
36. Burke A.A. *The Architecture of Defense: Fortified Settlements of the Levant During the Middle Bronze Age.* PhD Thesis. The University of Chicago, 2004.
37. Cattani M. *Excavations at Sites No. 1211 and No. 1219 (Final Bronze Age) // Archaeological map of / Eds. Salvatori S., Tosi M. 2008: 119-131.*
38. Cattani M. *The Final Phase of the Bronze Age and the "Andronovo Question" // Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. Salvatori S., Tosi M. Oxford, 2008b [B.A.R. S1806]. P. 133-151.
39. Cattani M., Salvatori S. *Transects and Other Techniques for Systematic Sampling // Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. Salvatori S., Tosi M. Oxford, 2008 [B.A.R. S1806]. P. 1-28.
40. Cerasetti B. *Remote Sensing and Survey of the Murghab Alluvial Fan, Southern Turkmenistan: The Coexistence of Nomadic Herders and Sedentary Farmers in the Late Bronze Age and Early Iron Age // Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 12 April - 16 April 2010. The British Museum and UCL, London / Eds. Matthews R., Curtis J. Vol. 1, Wiesbaden, 2012. P. 539-558.*
41. Crawford H., Al Sindi K. *A Seal in the Collections of the National Museum, Bahrain. Arabian Archaeology and Epigraphy.* 1995. N 6. N. 1-4.
42. Cremaschi M., *Palaeohydrography and Middle Holocene Desertification in the Northern Fringe of the Murghab Delta // Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995* / Eds. Gubaev A., Koshekenko G., Tosi M. Roma, 1998. P. 15-26.
43. *Culture Through Objects: Ancient Near Eastern Studies in Honour of P.R S. Moorey* / Eds. Potts T.F., Roaf M., Stein D. Oxford, 2003.
44. During-Caspers 1994a: E. C. L. During-Caspers, *Widening Horizons; Contacts between Central Asia (the Murgabo-Bactrian Culture) and the Indus Valley Civilization towards the Close of the Third and the Early Centuries of the Second Millennium B.C. // Annali.* 1994a. Vol. 54 (2). P. 171-198.
45. During-Caspers E.C.L. *Non Indus Glyptic in a Harappan Context // Iranica Antiqua.* 1994b. Vol. XXIX. P. 83-105.
46. Fouache et al. 2013: É. Fouache, H.-P. Francfort, C. Cosandey, C. Adle, J. Bendezu-Sarmiento, A.A. Vahdati, *Les régions de Bam et de Sabzevar (Iran) : une évolution dans l'implantation des sites archéologiques et dans la gestion des ressources en eau compatible avec l'hypothèse d'une aridification croissante du climat entre 2500-1900 BC // L'archéologie française en Asie centrale Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. Bendezu-Sarmiento J. [Chaires d'Asie Centrale 21-22]. Paris, 2013. S. 559-572.
47. Frachetti M.D., Rouse L.M. *Central Asia, the Steppe, and the Near East, 2500-1500 BC // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East* / Ed. D. Potts. Oxford, 2012. P. 688-705.
48. Francfort H.-P. *La civilisation de l'Oxus et les Indo-Iraniens et Indo-Aryens en Asie centrale // Āryans, aryens et iraniens en Asie centrale* / Eds. Fussman G., Kellens J., Francfort H.-P., Tremblay X. Paris, 2005. P. 253-304.
49. Francfort H.-P. *Birds, Snakes, Men, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay Dedicated to Professor Victor I. Sarianidi on a Cylinder Seal from Gonur Depe // On the Track of Uncovering a Civilisation. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi [Transactions of Margiana archaeological Expedition. Vol. 3] / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. Sankt-Petersburg: Aletheia, 2010. P. 67-85.*

50. Francfort H.-P., Lecomte O. Irrigation et société en Asie centrale des origines à l'époque achéménide // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2002. T. 57(3). S. 625-663.
51. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus // *Iranica Antiqua*. 2010. Tl. XLV. S. 51-224.
52. Gerasimov I.P. Ancient Rivers in the Deserts of Soviet Central Asia // *The Environment History of the Near East and Middle East since the Last Ice Age* / Ed. Brice W.C. London: Academic Press, 1978. P. 319-334.
53. Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Centre in Iran, Roma, 1997.
54. Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Anthropology, Massachusetts, 1994.
55. Hiebert F.T. Excavations of Domestic Quarters from Gonur Depe (north): Excavations of Spring 1989 // *Information Bulletin IASCCA*. N 19. 1993. P. 78-95.
56. Hiebert F.T. Bronze Age Interaction between the Eurasian Steppe and Central Asia // *Ancient interactions: East and West in Eurasia* / Eds. Boyle K., Renfrew C., Levine M. Cambridge, 2002. P. 237-248.
57. Hiebert F.T., Moore K.M. New Stratigraphic Excavations at Gonur Depe (north) // *Information Bulletin IASCCA*. N 19. 1993. P. 96-108.
58. Hiebert F.T., Moore K.M. A Small Steppe Site near Gonur // *Near the Sources of Civilizations. The Issue in Honor of the 75th Anniversary of Victor Sarianidi*. / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M., 2004. P. 294-302.
59. *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. I: The down of civilization: earliest times to 700 BC / Eds. Dani A.H., Masson V.M. Paris, 1992.
60. Huff D. Deutsch-Uzbekische Ausgrabungen auf dem Džandaulattepe und in Džarkutan, Südszbekistan, 1993-1995 // *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. 1997. Bd. 18. S. 83-95.
61. Huff D. Džarkutan. Archaeological research on Tepe VI // *O'zbekiston moddiy madaniyati tarixi*. 2000a. T. 31. C. 58-69.
62. Huff D. Tempel oder Palast? Dscharkutan – Monumentalbauten und Siedlung im bronzezeitlichen Baktrien // *Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jahrhundert* / Ed. Kyrieleis H. Mainz, 2000b. S. 115-118.
63. Huff D. Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien // *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999* / Eds. Eichmann R., Parzinger H. Berlin, 2001. S. 181-197.
64. Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev C. Uzbek-German Archaeological Researches in the Surkhan Darya Region // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharestan. Actes du colloque de Termez* / Eds. Leriche P., Pidaev Ch., Gelin M., Fourniau V. 1997. Paris, 2001. S. 219-233.
65. Huff D., Teufer M. Džarkutan, Usbekistan // *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan* / Eds. Boroffka N., Hansen S. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut Eurasien-Abteilung, 2010. S. 22-27.
66. Ilan D. Household Archaeology at Arad and Ai in the Early Bronze Age II // *Studies in the Archaeology of Israel and Neighboring Lands in Memory of Douglas L. Esse [SAOC 59]* / Ed. Wolff S.R. Chicago, 2001. P. 317-354.
67. Johnson G.A. Rank-Size Convexity and System Integration: A View from Archaeology // *Economic Geography*. 1980. Vol. 56(3). P. 234-247.
68. Jungner H. A collaboration for developing archaeological researches in Turkmenistan // *Near the Sources of Civilizations. The Issue in Honor of the 75th Anniversary of Victor Sarianidi*. / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M., 2004. P. 290-293.
69. Kaniuth K. The Metallurgy of the Late Bronze Age Sapalli Culture (Southern Uzbekistan) and its Implications for the «Tin Question» // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 23-40.
70. Kaniuth K. Long distance imports in the Bronze Age of Southern Central Asia. Recent finds and their implications for chronology and trade // *AMIT*. Bd. 42. 2010. S. 3-22
71. Kaniuth K., Teufer, M. Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // *AMIT*. Bd. 33. 2001. S. 89-113.
72. Kohl Ph.L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to Early Iron Age, Paris. 1984.
73. Kohl Ph.L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.
74. *Near the Sources of Civilizations. The Issue in Honor of the 75th Anniversary of Victor Sarianidi* / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M., 2004.
75. *On the Track of Uncovering a Civilisation. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi [Transactions of Margiana archaeological Expedition. Vol. 3]* / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. Sankt-Petersburg: Aletheia, 2010.
76. *Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jahrhundert* / Ed. Kyrieleis H. Mainz, 2000.
77. Lamberg-Karlovsky C.C. The Bronze Age Khanates of Central Asia // *Antiquity*. 1994. Vol. 68 (259). P. 398-405.
78. Lamberg-Karlovsky C.C. Civilization, State, or Tribes? Bactria and Margiana in the Bronze Age // *The Review of Archaeology* 2003. Vol. 24(1). P. 11-19.
79. Lamberg-Karlovsky C.C. The Oxus Civilization // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid (CuPAUAM)*. 2013. T. 39. S. 21-63.
80. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium / Eds. Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D.T. Cambridge Mass, 2001.

81. Lecomte O. Ulug-Depe: 4000 years of evolution between plain and desert // *Monuments of History and Culture of Turkmenistan. Discoveries, Researches and Restoration for 20 years of Independence* / Ed. Mamedov M.A. Aşgabat, 2011. P. 221–237.
82. Lecomte O. Activités archéologiques françaises au Turkménistan // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. Bendezu-Sarmiento J. [Chaiers d'Asie Centrale 21–22]. Paris, 2013. S. 165–190.
83. Lecomte O., Francfort H.-P., Boucharlat R., Mamedov M.A. Recherches archéologiques récentes a Ulug Dépe (Turkménistan) // *Paléorient*. 2002. Vol. 28 (2). P. 123–132.
84. La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Toxharestan. Actes du colloque de Termez / Eds. Leriche P., Pidaev Ch., Gelin M., Fourniau V. 1997. Paris, 2001.
85. Luneau É. Les mutations sociopolitiques de la période finale de la civilisation de l'Oxus (Asie centrale, âge du Bronze): quels indicateurs de changements? // *Les marqueurs archéologiques du pouvoir. Actes de la 4e Journée doctorale d'archéologie*. Paris, 27 mai 2009 / Eds. Brunet O., Sauvin Ch.-E., Al-Halabi T. Paris, 2013. S. 221–241.
86. Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999 / Eds. Eichmann R., Parzinger H. Berlin, 2001.
87. *Monuments of History and Culture of Turkmenistan. Discoveries, Researches and Restoration for 20 years of Independence* / Ed. Mamedov M.A. Aşgabat, 2011
88. *Les marqueurs archéologiques du pouvoir. Actes de la 4e Journée doctorale d'archéologie*. Paris, 27 mai 2009 / Eds. Brunet O., Sauvin Ch.-E., Al-Halabi T. Paris, 2013.
89. Markofsky S.B. *Illuminating the Black Sands: Survey and Settlement in the Bronze Age Murghab Delta, Turkmenistan*. PhD Thesis, Institute of Archaeology, University College London, 2010.
90. Markofsky S.B., Bevan A. Directional analysis of surface artefact distributions: a case study from the Murghab Delta, Turkmenistan // *Journal of Archaeological Science*. 2012. Vol. 39(2). P. 428–439.
91. Masimov E., Salvatori S., Udeumuradov B. Preliminary analysis of the Bronze Age material collected by the Margiana Archaeological Project and a First Chronological Assessment // *Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995* / Eds. Gubaev A., Koshekenko G., Tosi M. Roma, 1998. P. 35–46.
92. Masson V.M. *Altyn-depe*. Philadelphia, 1988.
93. Miroshnikov L.I. Central Asia: Towards the Issue of Geographic Boundaries of a Historico-Cultural Region // *Information Bulletin IASCCA. Special Issue*. M., 1987. P. 53–57.
94. Miroshnikov 1992: Miroshnikov L.I. A note on the meaning of the term "Central Asia" as used in this book // *History of civilizations of central Asia*. Vol. I: The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. / Eds. Dani A.H., Masson V.M., Paris, 1992. P. 477–480.
95. Ninfo A. *Missione Turkmenistan* // *Quaderni del Dottorato. Università degli Studi di Padova. Dipartimento di Geografia, Dottorato «Uomo e Ambiente»* / Ed. Bertoincin M. N 1. Padova, 2007. P.113–125.
96. Parpola A. Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Sakta Tantrism: On the Scythian/Saka affiliation of the Dasas, Nuristanis and Magadhans // *Iranica Antiqua*. 2002. Vol. 36. P. 233–324.
97. Piankova L. Pottery Complexes of Bronze-Age Margiana (Gonur and Togolok 21) // *Information Bulletin IASCCA*. N 16. 1989. P. 27–54.
98. Piankova L. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // *Information Bulletin IASCCA*. N 19. 1993. P. 109–27.
99. Piankova L. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // *Antiquity*. 1994. Vol. 68(259). P. 372–87.
100. Pittman H. *Glyptic Art of Period IV* // *Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium* / Eds. Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D.T. Cambridge Mass, 2001. P. 231–268.
101. Pottier M.-H. *Matériel Funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Age de Bronze*. Paris, 1984.
102. Potts D.T. Echoes of Mesopotamian Divinity on a Cylinder Seal from Southeastern Iran // *RA*. 1981. Vol. 75. P. 135–142.
103. Potts D.T. South and Central Asian elements at Tell Abraq (Emirate of Umm al-Qaiwanin, United Arab Emirates) c. 2200 BC–AD 400 // *SAA 1993* / Eds. A. Parpola, P. Koskikallo. Helsinki, 1994. P. 615–628.
104. Potts D.T. Total pre-station in Marhashi–Ur relations // *Iranica Antiqua*. 2002. Vol. 37. P. 343–358.
105. Potts D.T. A soft-stone genre from southeastern Iran: 'Zig-zag' bowls from Magan to Margiana // *Culture Through Objects: Ancient Near Eastern Studies in Honour of P.R. S. Moorey* / Eds. Potts T.F., Roaf M., Stein D. Oxford, 2003. P. 77–91.
106. Potts D.T. An Umm an-Nar-type compartmented soft-stone vessel from Gonur Depe, Turkmenistan // *Arabian archaeology and epigraphy*. 2008. Vol. 19/2. P. 168–181.
107. Potts D.T. Puzur-Inšušinak and the Oxus Civilization (BMAC): Reflections on Šimaški and the geo-political landscape of Iran and Central Asia in the Ur III period // *Zeitschr. f. Assyriologie*. 2008b. Bd. 98. S. 165–194.
108. *Quaderni del Dottorato. Università degli Studi di Padova. Dipartimento di Geografia, Dottorato «Uomo e Ambiente»* / Ed. Bertoincin M. N 1. Padova, 2007.
109. Rouse L.M., Cerasetti B. Ojakly: A Late Bronze Age Mobile Pastoral Occupation Site in the Murghab Delta, Turkmenistan. *Journal of Field Archaeology*. 2014. Vol.39 (1). P. 32–50.
110. *SAA 1993* / Eds. A. Parpola, P. Koskikallo. Helsinki, 1994.
111. *SAA 2003. Proceedings of the Seventeenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists (7-5 July 2003, Bonn)* / Eds. Franke-Vogt U., Weisshaar H.-J. Aachen 2005.

112. Salvatori S. Gonur-Depe 1 (Margiana, Turkmenistan). The Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report on the 1994 excavation Campaign // *Rivista di Archeologia*. 1995. T. XIX. P. 5-37.
113. Salvatori S. The Bronze Age in Margiana // *Archaeological Map of the Murghab Delta*. Preliminary Reports 1990-1995 / Eds. Gubaev A., Koshekenko G., Tosi M. Roma, 1998. P. 47-55.
114. Salvatori S. Bactria and Margiana seals: a typological survey and a new assessment of their chronological position // *East and West*. 2000. Vol. 50. P. 97-145.
115. Salvatori S. Project «Archaeological Map of the Murghab Delta» (Turkmenistan): Test trenches at the Bronze Age Sites of Adzhi Kui 1 and 9 // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2002. N. 8(1-2). P. 107-178.
116. Salvatori S. The Margiana Settlement Pattern from the Middle Bronze Age to the Parthian-Sasanian Period: a Contribution to the Study of Complexity // *Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. Salvatori S., Tosi M. Oxford, 2008a [B.A.R. S1806]. P. 57-74.
117. Salvatori S. Cultural Variability in the Bronze Age Oxus Civilisation and its Relations with the Surrounding Regions of Central Asia and Iran // *Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies* / Eds. Salvatori S., Tosi M. Oxford, 2008b [B.A.R. S1806]. P. 75-98.
118. Salvatori S. Thoughts on Grave 3245 in the «Royal Graveyard» of Gonur (Murghab delta, Turkmenistan) // *On the Track of Uncovering a Civilisation. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi* [Transactions of Margiana archaeological Expedition. Vol. 3] / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. Sankt-Petersburg: Aletheia, 2010. P. 244-257.
119. Salvatori S., Tosi M. Postscriptum. Some Reflections on Shahdad and Its Place in the Bronze Age of Middle Asia // Hakemi A. Shahdad. *Archaeological Excavations of a Bronze Age Centre in Iran*, Roma, 1997. P. 21-138.
120. Sarianidi V.I. Die Kunst des alten Afghanistan: Architektur, Keramik, Siegel, Kunstwerke aus Stein und Metall. Leipzig, 1968a.
121. Sarianidi V.I. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane. *Arts Asiatiques*. 1986b. T. 41. S. 5-21.
122. Sarianidi V.I. Excavations at Southern Gonur. *Iran*. 1993. Vol. XXXI. P. 25-37.
123. Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998.
124. Sarianidi V.I. Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murgab River. Ashgabat, 2002.
125. Sarianidi V.I. Palace-temple ensemble of North Gonur // *Near the Sources of Civilizations. The Issue in Honor of the 75th Anniversary of Victor Sarianidi*. / Eds. Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M., 2004. P. 229-253.
126. Sarianidi V.I. Goñurdepe. City of Kings and Gods. Ashgabat, 2005.
127. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.
128. Strommenger E. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Habuba Kabira // *Archaeological Reports from the Tabqa Dam Project*. [Annual of the American Schools of Oriental Research 44. ASOR] / Freedman D.N. Cambridge, MA., 1979. P. 63-78.
129. *Studies in the Archaeology of Israel and Neighboring Lands in Memory of Douglas L. Esse* [SAOC 59] / Ed. Wolff S.R. Chicago, 2001.
130. Teufer M. The Late Bronze Age Chronology of Southern Uzbekistan. A reanalysis of the Funerary Evidence. // SAA 2003. Proceedings of the Seventeenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists (7-5 July 2003, Bonn) / Eds. Franke-Vogt U., Weisshaar H.-J. Aachen 2005. P. 199-209.
131. Vahdati A.A. Tepe Pahlavan: A Neolithic-Chalcolithic Site in the Jajarm Plain, North-Eastern Iran // *Iranica Antiqua*. 2010. Vol. 45. P. 7-30.
132. Woolley C.L. *Ur Excavations Volume II: The Royal Cemetery*. Oxford, 1934.

How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai revisited forty years later

Introduction

The discovery of the site of Shortughai by the survey team by Prof. Jean-Claude Gardin (archaeologist director of the survey of Eastern Bactria), Pierre Gentelle (geographer, geomorphologist) and Dr. Bertille Lyonnet (archaeologist, ceramologist) and the present author episodically, occurred in a dusty sunset at the end of a day in autumn 1975. After the surface collection of potsherds, no one of us was able to

identify this pottery and we were hesitating between late Kushan and early Middle Age for instance. But one day Prof. Louis Dupree, American archaeologist posted at Kabul, visited us at the DAFA and told us that there was Indus Civilization material. But we remained quite doubtful and skeptical. Then, after the closing of the season in November, and the return to France of Prof. Paul Bernard (Director of DAFA and Ai Khanoum excavations), Jean-Claude Gardin,



Fig. 1a. Map of the territories of the Oxus Civilization.

Pierre Gentelle, Bertille Lyonnet, I remained alone posted in Kabul during the winter, being then the assistant-director of the DAFA. Then, at some point in December, the Director of the Archaeological Survey of India, Prof. B.K. Thapar, the excavator of the Indus site of Kalibangan, came to Kabul from New Delhi, and visited DAFA. I displayed the mysterious Shortughai potsherds for him in my office on tables, and he immediately made three groups of them: 1) definitely Indus; 2) perhaps Indus; 3) not Indus. Immediately I wrote to the team in Paris, where doubts were great among skeptical colleagues about the possible presence of Indus remains in North-Eastern Afghanistan, on the Oxus, «for obvious historical reasons» said one of them (fig. 1a,b, 2a,b).

Nevertheless, Profs Jean-Claude Gardin and Paul Bernard took the decision to excavate a trench at Shortughai during the next field season that is in fall 1976 and this operation was to be carried on by the present author and Marie-Hélène Pottier, as a new excavation simultaneously with the continuing Ai Khanoum great excavation and the survey. The first publications of this exciting discovery appeared soon (Francfort, Pottier, 1978; Lyonnet, 1977).

After the completion of this first large sounding, V.I. Sarianidi and I.T. Kruglikova came in November 1976 for visiting our excavations, Ai Khanoum and Shortughai: Viktor has been the first and only scholar, colleague and friend who visited the site. I remember his astonishment when he looked at the material and when he examined the fresh sections inside the trench. But we had already met before. First in



Fig. 2a. Shortughai 1977. Mound B seen from mound A. The tents in background are in the direction of Darqat «jungle» and Farhor.

Paris, in May 1976 at the big international colloquium organized by Jean Deshayes «Le plateau Iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique», where he showed his last Western Bactrian Bronze Age discoveries to an amazed public of scholars in the brand new Musée des Arts et Traditions Populaires in the Bois de Boulogne (Deshayes, 1977). It was the time when the first antiquities from plundered burial of Bactria were arriving in the antique shops in Kabul. Working at Ai Khanoum at that time, on the Hellenistic period, I was just discovering the enormous importance of the Bronze Age civilization in Bactria, which Viktor knew already for years. He was renowned for being the discoverer of the Bronze Age Civilization of Central Asia in Turkmenistan and in Afghanistan, a civilization he called «Bactro-Margian Archaeological Complex» (or BMAC). But for me, since one year, since 1975, it was the time where I noticed and discovered with surprise, astonishment, and filled with wonder, the far reaching connections of the Bronze Age of Bactria; for instance the *kaunakes* Mesopotamian type dress of the small composite female statuettes indicated relations with Mesopotamia (André Parrot's «Sumer» and Edith Strommenger's «Mesopotamia», books in the DAFA library were my only references at hand). Then in 1976, during his visit at Shortughai, in the field, Viktor told me directly: «Henri-Paul you must specialize in Bronze Age Archaeology, you will see it is very easy...» Indeed, quite, in a way, he was perfectly right with this familiar advice that I finally followed. It took me nevertheless a couple of months before to become an acceptable specialist of the protohistory of Central Asia.

After this successful first sounding, three more seasons of excavations were organized (1977, 1978, 1979), plus one season of study in Kabul (1980), but the revolutions and the war broke out. A few articles were published before the final monograph, which was published without comparative illustrations, for economy reasons, a mistake we can say now (Francfort, 1981, 1982, 1983, 1984a, b, 1985a,b, 1988; Francfort et al., 1989; Francfort, Pottier, 1978).

To honor the memory of V.I. Sarianidi who each year faithfully brought me from Moscow to Kabul some archaeological publications, adding with a big smile: «this is for finishing your dis-

sertation, you lazy boy!», Viktor who invited and guided us to visit the Dashly sites in 1974, after we finished our excavations, Viktor who visited not only the DAFA library, but also came to my home in Kabul, with the late Prof. G. Pugachenkova, after the end of our respective field seasons, at Christmas 1974/1975. Viktor who came several times in Paris, and one of his last visits was in 2003, when he lectured at the Collège de France, invited by Prof. Gérard Fussman; I took him to the Chartres cathedral, where he discovered, he told me, «another France». Finally one more time in France, we met again near a Christmas tree, in a winter after his 2004 jubilee and the open air banquet organized at the site of Gonur Depe in Margiana.

The following text is a reassessment of the chronological questions concerning the sequence of Shortughai, its material culture and its cultural belonging (vs Oxus Civilization or BMAC), in the light of nearly forty years of thinking, reflections and new discoveries. How and when the twins met, Jayhun and Sayhun, Indus and Oxus (Civilizations).

1. Chronology

Questions of gaps and timings, transitions and evolutions that are to be reopened:

1. Stratigraphy and statistics: presence, absence and proportions in quantities;
2. Continuity and discontinuity? Gaps in layers? Gaps in the evolutions of forms?
3. A gap between periods II and III phases A and B, mounds A and B?

The problem of the chronology and characterization of period I and II, that is of phase A, and the problem of chronology and characterization of period III and IV, that is of phase B.

1. Period I (fig. 3–6), the time of the first occupation of the site by its earliest settlers, is characterized by the level Nr6 of mound A (Francfort *et al.*, 1989. P. 41–42, 250–255, etc.; see: Pl. II, III, IV, V). It is well defined as Early Mature Indus, that is around 2500–2400 (Quivron, 2000). But we may notice that within this chronological range, the first settlers may have arrived at the end of it, around 2400–2300 and not necessarily on January 1st 2500 BC. We can also notice that they arrived well equipped with their original cultural material set (architecture, pottery, arts and crafts even imported



Fig. 3. Shortughai 1979. Indus architectures of mound A. Periods I and II (see: *Shortughai*, pl. II).

species – plants and animals – and *Xancus Pyrum* shell bangles, etc.), and they immediately cultivated lands on the terrace near their buildings (Francfort *et al.*, 1989. P. 42, 57–58; Pl.V, 4; XIII, 1), while digging a long irrigation canal taking its water from the Kokcha (30 km far away) and not from the Pandj, too deep below terraces (Francfort *et al.*, 1989. P. 251; Pl.



Fig. 4. Shortughai 1979. Indus jar in situ in architecture of early Indus settlement. Period I (see: *Shortughai*, pl. VII, 4).

31; Gentelle, 1978; 1989). Such an elaborated irrigation technique may have originated in the Indus plain, that is what we thought in the past, but now we know that such sophisticated terrace irrigation existed too in Sarazm approximately at the same period if not even earlier (new researches conducted in 2012-2014 in Sarazm by the late Dr. Roland Besenval, Prof. Eric Fouache et Lucie Cez). Anyhow, Eastern Bactria was a region irrigated during the Bronze Age, since the middle of the III Mill., in Shortughai, Archi, Taluqan, Askalan and Kalafgan (Gardin, 1998. P. 105–108. Carte D, p. 220)

2. Period IV, at the end of the Shortughai occupation, around 1700-1500, is relatively easily defined (Francfort *et al.*, 1989. Pl. XIV, 3, 4; Pl. XVI, 1–6 to Pl. XVII, 1–4, and for material, Pl. XLII, 3; description – P. 38–40; Pl. 11 – plan of habitat with the location of the period IV deposits in B excavation; see also: Pl. X, 5,6; for tombs Bishkent and Mollali see: Pl. XI).

It is quite well dated, around 1700–1500, thanks to the Mollali-Bostan ensemble studies, the Vakhsh and Bishkent cultures (Mandel'shtam, 1968; P'jankova, 1982, 1986, 1989, 2003; P'jankova et al., 2009; Vinogradova, 2004a, b; 2009; Vinogradova et al., 2008, 2010; Vinogradova, Kaniuth & Teufer) and the Bustan VI (Avanesova, 1995, 1997, 2010, 2013) by excavations, but perhaps there is a greater range for of these cultural profiles that are in close temporal relationship but not exactly overlapping in the same chronological slot (see below and Teufer, 2014). However, the Shortughai IV period is composite, heterogeneous; it is not a single culture, but



Fig. 5. Shortughai 1976. Indus seal, found on mound B (moved in Antiquity). Period I (see: *Shortughai*, pl. XLI, 2).

a real occupational horizon, marking the coming of various peoples in this site.

a) Mollali (fig. 7, 8) and Bishkent (fig. 9–11) type of burials: (Francfort *et al.*, 1989. P. 51. Pl. XI, 1–3) were dug into the ruins of the already abandoned Indus mound (A). They are well characterized and show some cultural diversity during the final period. The



Fig. 7. Shortughai 1979. Mollali type burial found on mound A, cutting earlier Indus wall and in part cutted by later Hellenistic storage bin (silo). Period IV (see: *Shortughai*, pl. XI, 1-2).



Fig. 8. Shortughai 1979. Potteries found as deposit in the Mollali type burial. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XXIV, 1-6).



Fig. 9. Shortughai 1976. Bishkent type burial found on mound A, cutting earlier Indus architectures. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XI, 3).



Fig. 10. Shortughai 1976. Potteries found as deposit in the Bishkent type burial. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XXV, 1-6).



Fig. 11. 10. Shortughai 1976. Potteries found as deposit in the Bishkent type burial. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XXV, 1-6).

Shortughai data alone do not permit to put the Mollali, Bishkent Bustan in chronological order. That is why we grouped them in a single cluster in period IV, with the layers and habitation structures of the late levels of mound B;

- b) Bostan-like unbaked clay artefacts like tokens or “spoons” (fig. 12–13) (Francfort *et al.*, 1989. P. 51. Pl. X, 5–6; tab. 8. P. 39) were found in the form of deposits in the late layers of mounds A (post-Indus) and in late B; they look exactly the same as in the Bustan VI cemetery excavated by N. Avanesova in the Surkhan Darya valley; the burial of a



Fig. 12. Shortughai 1978. Burial of sheep or goat in the settlement of mound B (head cut by later pit) with deposit of unbaked clay and stone. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XIV, 3).

sheep or goat accompanied by such deposit in an abandoned part of settlement B (level 2–recent) is typical (fig. 12);

- c) C14: (Francfort *et al.*, 1989. P. 241-242). Retrospectively looking at the C14 dates that received from two laboratories, it must be said that for some reason, either our sample collecting procedures, or the handling, or the storage, or the lab’s machines, the set is relevant but not consistent for the details of the successive periods, beyond a general span of time, between ca. 2300–1700. But in any case we do not have enough of C14 (only 16) or other analyses for Shortughai, that is certain.

The transition from period I to period II is not too difficult to apprehend, since they are in stratigraphic continuity on mound A, but quite hard to date precisely for lack of datable material, as we shall see below. The transition from III to IV similarly, is materialized in the stratigraphy of mound B, but bestowing numbers for a date is not so easy, since a possible chronological gap has been proposed, if not evidenced (Francfort *et al.*, 1989. P. 93). Now what about periods II and III relationships in the materiality of layers and in the profile of artefacts etc? This is a much more difficult question to solve since it is at the transition from II to III point that the settlement moved from mound A to mound B and therefore we do not have any stratigraphic superimposition of layers ordered or continuity, except in the morphology of artefacts. The statistics performed on the morphology of potteries sets allowed to reconstitute a small



Fig. 13. Shortughai 1978. Unbaked clay deposits (cones, «spoons») found in mound B. Period IV (see: *Shortughai*, pl. XLII, 1).

Table 1

Chronology of the areas at Shortughai

Period/Excavation	Mound A	Sounding O	Soundings F and I	Mound B
Period I	A 6 A 5 A 4			
Period II	A 3 A 2 (A O-1; A D)	O 5-6	F 5-6 I 2	
Period III		O 4-3 O 2-1 (O 0)	F 3-4 (F 2-1)	B 4 B 3 B 2A
Period IV			I 1 I 0	B 2R B 1 + BD

chronological gap between the two periods. The other excavations, separated soundings were distributed according to stats on potteries and other internal (Shortughai) comparative studies: of soundings F, O, I, just one showed Indus potteries, the others were later and so gave us the opportunity to draw tentative chronological contour maps for the different periods (Francfort *et al.*, 1989. Pl. 2b).

So, in 1984–1989 the chronology of Shortughai was like tabl. 1 (Francfort *et al.*, 1989. Tab. 23. P. 93; see P. 102–103 for comments on evolution). This table is still valid, the question of the possible gaps concerns the transitions between period II and III and period III and IV. We have just seen above the question of period III to period IV.

Now we have to return back to the data in order to precise more, with more recent finds.

2. Characterization of periods II and III

Data from Shortughai and surroundings in comparison with more recent discoveries:

1. The date of the late/post-Indus pottery was difficult to assert on morphological basis only, since, except one dish on stand from Makoni Mor (P’jankova *et al.*, 2009) no parallels were known in any of the Late/Post Indus cultures of the Subcontinent or elsewhere. In spite of clear continuities from the original Indus period in the morphology of pots (cord impressions, dishes on stems, etc.), bricks size, molding the lower part of jars (fig. 14, 15; Francfort, 1985b; Francfort *et al.*, 1989. P. 71–73) etc. showing that there

was still some local tradition from the original settlers, with changes that, we surmised, were perhaps induced by the relationships with the Western Oxus Civilization (BMAC) of Central Bactria (the Dashly and Sapalli ensembles) and its extension eastwards. The situation changed very recently in 2013 after the discovery of a Bronze Age cemetery at Farhor (Tadjikistan), just 24 km north of Shortughai (Bobomullaev *et al.*, 2014). There, in the burials excavated by the team of the Museum of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of Academy of Sciences of Tajikistan in collaboration with Dr. N. Vinogradova, as well as in the Farhor museum, collected surface stray finds, material is perfectly matching the Shortughai artifacts from our excavations of 1976–1979. I just mention here one example among many others: the complete similarity between a buff large cup on stand of great diameter with an angular rim and an



Fig. 14. Shortughai 1978. Pottery mould for the lower parts of jars (not a stand) with exterior mark in shape of Greek Ψ. Mound B. Period III (see: *Shortughai*, pl. XXI, 1).



Fig. 15. Shortughai 1978. pottery mold for the lower part of jars (not a stand) with interior mark in shape of a window. This mark was found in relief on the lower part of some jars. Mound B. Period III; see: *Shortughai*, pl. XXXI, 2-3.

inner decoration made out of an incised spiral, discovered in one of the late layers of the mound A occupation (Period II) on a floor level, under the fallen bricks of a destroyed wall (almost just under the mixed layer underneath the much later Graeco-Bactrian occupation farm buildings) (fig. 16–19): the exact parallel is visible in the Farhor museum, dug out of a tomb of this site. Shortughai is therefore not any more an *unicum* in Eastern Bactria, a *hapax* of the Bronze Age in Central Asia, except still for its Indus period's settlement. Shortughai pottery disks on squat stands, present at Farhor, give the same kind of evidence (fig. 20). See also some potteries of



Fig. 16. Shortughai 1976. Mound A. Section showing strata of periods I and II, a pit (well) dug by plunderers at the end of Bronze Age and on top the clay foundations of Hellenistic farm. On the right side: a wall and a vase left on the room's last floor, under fallen down mud bricks (see next figs.). Period II.



Fig. 17. Shortughai 1976. Mound A. Bottom of the reservoir of the vase seen in section of fig. 15. The mark of the stem fixation is clear. Period II.



Fig. 18. Shortughai 1976. Mound A. Interior of the reservoir of the vase seen in section of fig. 15. The spiral incised decoration is typical of vases on stem or with flat bottom of this period. Period II.

quite specific local aspect (fig. 26, 27). In same perspective, and this is very important, some of the finds of Gelot and moreover Darnaichi cemeteries offer parallels with Shortughai II material (Teufer, 2014) and the dates proposed correspond quite well. It is too early however to be more specific. The Farhor finds are not yet dated by laboratory methods, but it is clear that beside the Shortughai II-type material, some finds



Fig. 19a. Shortughai 1976. Mound A. Vase on stem with typical angular rim. Period II.
19b: drawings (from *Shortughai...*, pl. 54; pl. XXII, 2).

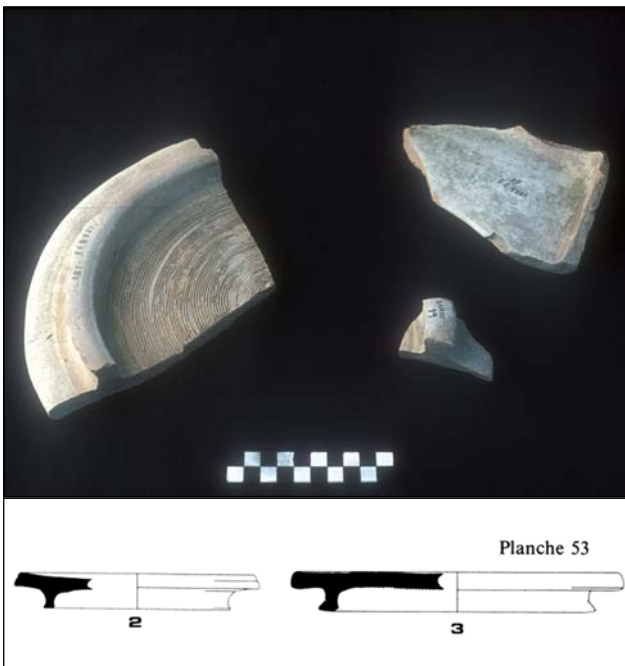


Fig. 20. Shortughai 1978. a) Mound B. Disks on squat foot. Period III.
b) drawings (from *Shortughai...*, pl. 53; pl. XXII, 5-6).

demonstrate that Early Bronze Age material is also present in Farhor. We cannot comment in details here but some elements will be given below since it is of enormous importance for all the archaeology of the Bronze Age of Central Asia.

2. The questions of the transition from Shortughai II to Shortughai III, the evanescent translation from mound A to mound B can now receive a fresh light.

a) For the mound B, the most ancient structure, a pit (Pit-1), is a key for interpretation (fig. 20): pottery firing area of period II or early phase of period III? See, in Francfort *et al.*, 1989 (below = *Shortughai*):

- i. See documents on Pit-1: Photo, pl. XIII, 4; section: Pl. 6; description: P. 39-40 ;
- ii. *Shortughai*. P. 28: Pit-1 was recognized recognized as a pottery firing pit, with comparisons;
- iii. *Shortughai*. P. 93: statistics on the Pit-1 pottery show that «we observe a clear cut difference between period II and period III»;
- iv. *Shortughai*. P. 243-244: the Pit-1 contains ten times more pottery than the habitat layers;
- v. *Shortughai*. P. 86. tab. 17, line «Niv. B4»: statistics put Pit-1 definitely into period II and not in period III; because the typical Indus (period I) vases are absent, no more appearing in the assemblage (painted vases, Indus cooking pots with recess, plates + perforated jars, scoops, terracotta cakes, etc.), because the typical vases of period III are not there (the cylindrical goblets for one example), but in period III, the vases “on stand” are not any more in use, while they were common in period II with hollow large vases (not the Indus plates or dishes and not either the conical BMAC-Oxus vases, but specific shapes and decorations as we shall see), as well as incisions inside (fig. 18–19) ;
- vi. *Shortughai*. P. 249. tab. 82: the counting of types of potteries of Pit-1 by broad functional categories: it contains seven times more storage pottery than the dwellings; fourteen times the quantity of consumption vases than the habitation layers and twice the quantity of

cooking pottery; this confirms that it is not refuse from habitation layers;

vii. *Shortughai*. P. 246: by having put together, in the same level and in Period III the Pit-1 (T1) and the subsequent walls and layers we concluded (wrongly): «this quarter develops on the basis of the settlement of level n°4 [i.e.: the pit and subsequent dwellings] strongly continuing the Indus tradition» (fig. 21a).

- b) We published this conclusion on the Pit-1 (T1) belonging to the level 4 of mound B excavations, after long discussions with the collaborators of the digs, as therefore belonging to period III, mainly because of the stratigraphic observations: there was not a millimeter of sterile (abandonment) layer between the last use of the pit and the constructions of the buildings walls and occu-



pational floors (see section on the fig. 20b). We thought therefore that the first settlers in mound B were already living somewhere nearby and that they were firing their vases in this Pit-1. But this is not correct. I think now that the Pit-1 was used to fire the potteries of the settlers of mound A (period II), that is before mound B was used as settlement. But what happens now to the sequence of Shortughai, if we consider Pit-1 as belonging to Period II (and not III?). If this is the case, simply, the quantity of pottery data from this stratigraphic unit belongs to Period II and the stratigraphic and cultural sequence profile changes: it has to be linked to phase A (Period II) and to mound A settlement's occupation. In this case, the difference between the two phases A and B (and Periods II and III) is greater and a possible gap between the two mounds/phases/periods is more possible.

- 3) The Indus seal (fig. 35, 36) was found on mound B, just by chance or related to pottery making, or taken from a LBA pit from mound A, etc.?

1. The Oxus or BMAC material at Shortughai is also a question since it is a minority and no layer typical of the Oxus was found there. However, a number of artefacts show a clear connection and contemporaneity between the two regional sets.

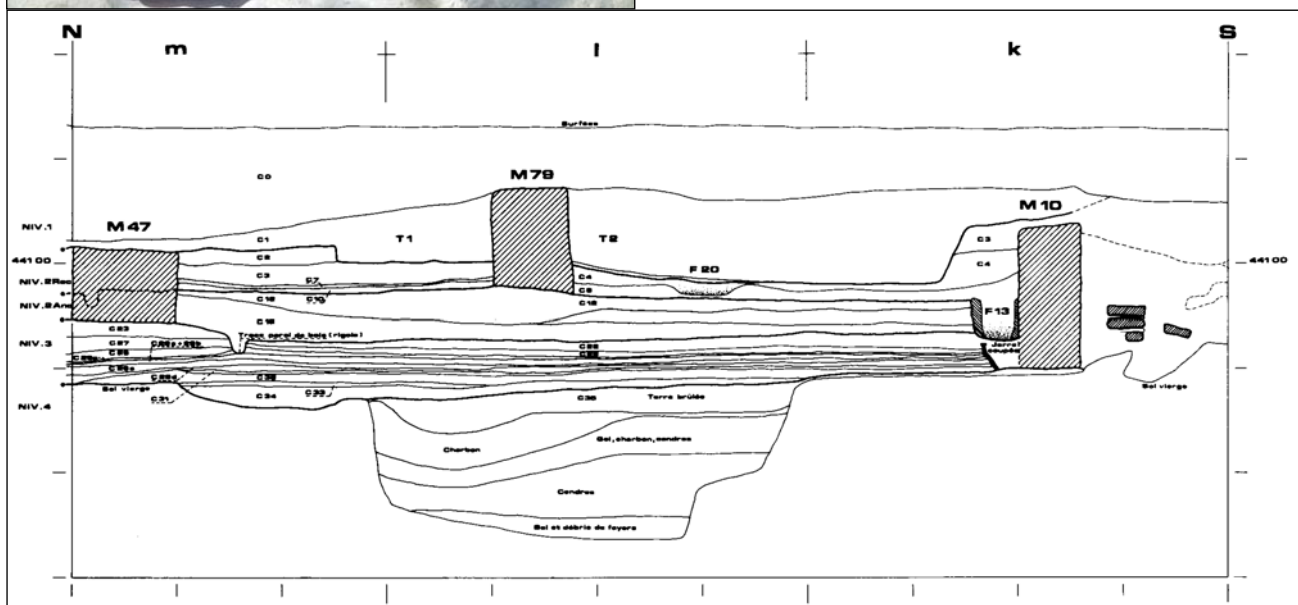


Fig. 21. Shortughai 1978. a) Mound B. Pottery firing pit (Pit-1) with later constructions (after the filling up of pit) and later storage clay grain bins (left for study and here seen from outside). Period II (the pit) and Period III (walls and silos). b) drawing of section (from *Shortughai...*, pl. 12) (see: *Shortughai*, pl. XIV, 1).

- a) Metal (bronze pin, mirror...) (fig. 22–24) (Francfort *et al.*, 1989. P. 148–158. Pl. 76–77; XXXVIII–XL, tab. 52–53, on copper at Shortughai in general) and stone (staff...)



Fig. 22. Shortughai 1976. Mound B. Bronze pin ornamented with three heads of markhor (*Capra falconeri*). Period III (manufacture Period II?) (see: *Shortughai*, pl. XXXIX, 4).



Fig. 23. Shortughai 1978. Mound B. Copper mirror with handle. Period III (manufacture Period II?) (see: *Shortughai*, pl. XXXIX, 3).



Fig. 24. Shortughai 1979. Mound A. Copper mirror without handle. Period III (manufacture Period II?) (see: *Shortughai*, pl. XL, 1).

(fig. 25) (Francfort *et al.*, 1989. P. 123. Pl. 69, 3. Pl. 88) artefacts, and others were found in Eastern Bactria (a handle weight in survey: Lyonnet, 1997. P. 48, fig. 12) at Shortughai and Farhor. They correspond to material from the Oxus Civilization, spread from Bactria to Margiana; therefore imports, imitations and cultural overlap existed between the region of Eastern Bactria (i.e. Shortughai-Farhor) and the Oxus/BMAC of Western Bactria and further North and West. That is during the Bronze Age and not only the Late Bronze Age as was commonly thought some years ago when it was considered that Tajikistan and Eastern Bactria were peopled by colonists coming from the Western part of Central Asia (Turkmenistan, Uzbekistan) during the Late Bronze Age.

- b) The steppe (Andronovo type) pottery appear during Period II (1 fragment) and becomes more significant, though in small quantities during Periods III and IV (Francfort *et al.*, 1989. P. 80. Pl. 58, 11–15; XXVI, 5). It shows that the links with the steppes world did not begin too late (Francfort *et al.*, 1989. P. 101, 82, 242) (fig. 28, 29).
- c) The problem of the pottery of periods II and III and of its lack of comparative material is better understood now: it is not simply copied on Oxus/BMAC vases, but rather a mix of Indus continuity and Oxus «inspiration» (Francfort *et al.*, 1989. P. 174; 271–274). A key is found in Makoni-Mor, but also in Darnaichi/Gelot where the «Oxus» is more visible than in Shortughai (Teufer, 2014), and



Fig. 25. Shortughai 1976. Mound B. Fragment of dark stone «scepter» of Oxus type. Period IV (manufacture Period II?) (see: *Shortughai*, pl. 69, 3).

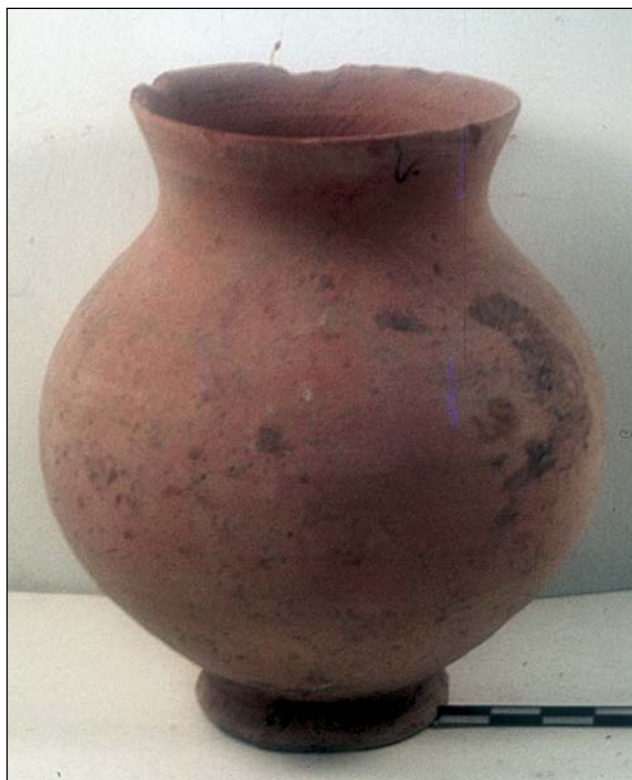


Fig. 26. Shortughai 1979. Mound A. Pottery in Indus tradition but similar to Oxus types. «Mollali deposit», Period IV (see: *Shortughai*, pl. XXIV, 4).



Fig. 27. Shortughai 1979. Mound A. Pottery in Indus tradition but similar to Oxus types. «Mollali deposit», Period IV (see: *Shortughai*, pl. XXIV, 6).



Fig. 28. Shortughai. Mound B (one from A and one from sounding O). Pottery in Andronovo tradition. Periods III-IV (see: *Shortughai*, pl. XXVI, 5).



Fig. 29. Shortughai. Mound B. Pottery in Andronovo tradition. Periods III-IV.

moreover in Farhor but still to be better defined (Bobomullaev et al., 2014). We can however consider here the very interesting hypothesis of M. Teufer (Teufer, 2014) in favor of a long duration of the Vakhsh culture. This hypothesis extends considerably the chronological span, from ca. 2300 to 1500, by considering the shapes of vases and moreover by putting in sequence the C14 dates of some burials from Darnaichi and Gelot to Saridzhar, and therefore encompassing the earlier excavated and late dated sites of a «Vakhsh culture» complex otherwise and until now rather well defined in morphology, location and chronology (Luneau et al., 2011). We can admit this clustering and ordering of Eastern Bactrian material in one site, but we think more satisfactory to propose to name it the «Panj culture» in this case, a more «covering» concept. Such concept of «Panj culture» can be useful since its extension will be defined by its material and also by both its chronological span (like Shortughai Periods II and III together, plus IV in part) and its spatial extension, i.e. Vakhsh, Kyzyl-Su, and Panj regions in Tajikistan and Afghanistan, and perhaps more to be discovered. Nevertheless the usual «Vakhsh culture» name may be kept for the sake of commodity for a local part, a subset of this ensemble. A complete definition and description of the «Panj culture» has still to be elaborated, but we can already foresee that its homogeneity shall not be too great (and we have not said anything of the steppe «Andronovo» type of pottery present too from Shortughai to many other sites of the «Panj culture» ensemble) and that the Oxus/

BMAC profile will be only a part of it, but important. On the other hand, its Indus and earlier in the Eneolithic roots with Taloqan (Lyonnet, 1981, 1988) do not have to be neglected, but we do not have any site with the transition in stratigraphy. However, some artefacts from the Farhor cemetery site seem to refer too to the Early Bronze Age if not to the Eneolithic, such as: thick river stone handled weights, some so-called drill-heads and perhaps some fine stone beads which find parallels notably at Sarazm.

3. Historical interpretation and hypotheses

Shortughai is revisited with the help of the recent finds at Farhor and with reference to the works of V.I. Sarianidi allows proposing some preliminary historical interpretations.

The Middle Eastern connection (Elam and Mesopotamia) can now be reexamined, thanks to the excavations at Gonur Depe by V.I. Sarianidi. We surveyed extensively the evidence for the publication of the Shortughai monograph (Francfort *et al.*, 1989. P. 339–421) and then a couple of years ago with the late Xavier Tremblay, and proposed that the land or kingdom of Markhashi of the ancient Mesopotamian texts could have been the Oxus Civilization rather than the Kerman region for many good reasons (Francfort, Tremblay, 2010). Among the characteristics of the Markhashi kingdom is generally recognized its close ties and proximity with the land of Meluhha, that is the Indus Civilization. Of course Indus artefacts, one seal, some objects and potteries (jars) were found at Gonur Depe, but there is no spatial direct proximity. On the other hand, Shortughai, as representative of the Indus civilization in Central Asia, i.e. near the Oxus Civilization, displays the better possible links, as expected for a Markhashi land located on the territory of the Oxus basin, the BMAC (fig. 30, 31). Not only is the Meluhha vicinity clear for the Shortughai period I (Indus with all realia, architecture, pottery, beads, bangles, animal, vegetal and mineral: water buffalo, zebu, flax, sesame...). But the periods II and even III of Shortughai provide too, for the end of the III and the early II Mill. BC, the expected vicinity. But even if the Indus tradition of Period I that we evidenced as continuing in part during pe-



Fig. 31. Shortughai. Mound A. Long cylindrical carnelian beads of Indus manufacture. Period I (see: *Shortughai*, pl. XXXVI, 3).

riod II is diminishing, and if the Oxus elements predominate in Period III (less Indus tradition traces and more Bactria-related finds), the links with NE India-Pakistan were not necessarily cut off. We must keep in mind that Eastern Bactria, by the road of the Dorah Pass via Badakhshan, Chitral and Swat, is easily connected to Northern India/Pakistan. And we can recall here the Indus finds made in the Swat valley by G. Stacul. That means that the Markhashi (Oxus Civilization) connection with Meluhha (Indus Civilization), as mentioned by the texts of Akkadian, Ur III and Isin-Larsa between 2300 and 1750 (exactly the period of flourishing of the Oxus Civilization) was not cut by the end of the exclusively Indus character of the Shortughai outpost of Period I. We can envision that the interface, the «port of trade», the «border», the «customs» simply was located further far away on the road to the South-East. That means also that the lapis-lazuli was not the only thing attracting people in Eastern Bactria, in the Panj region. But Farhor has not (yet?) showed any Indus material (see below).

The Indus/Southwards and Sogdian/Northwards connections of Eastern Bactria have to be revisited, from the Eneolithic period. The sites of Taloqan, Sarazm and Mundigak, as stated elsewhere, are the only known predecessors of Shortughai displaying relation between the Indus basin and Central Asia. The ancient itinerary from the Indus to the Zeravshan is not clear presently, a way South of Hindu Kuch via Mundigak might have been possible (Razzokov, Mutin, in press) but it is not impossible that Eastern Bactria was on the road. The further finds at Farhor will undoubtedly complete the picture. Indeed, the mean-

ing of the Farhor cemetery recent discoveries and excavations are of tremendous importance. It completely and definitely invalidates the old model of a migration out of the Kopet Dagh piedmont by the cities people moving eastwards to «colonize» Margiana, Bactria and reaching Eastern Bactria at the final phase of the Bronze Age. Almost all scholars followed this Kopet Dagh migration model and, more than thirty years ago, on the evidence of Shortughai and Western Bactria, I was practically alone to argue for refuting it (Francfort, 1984a; Francfort *et al.*, 1989. P. 367–371). Finally, we have to completely restate the question of the origin and evolution of the Oxus Civilization. This is not the place to do it here but we may indicate that the Indus Civilization is not at its origin, except in part for the Eastern Bactrian «variant» that we call here «Panj culture». It may be said too that in Margiana, a part of the Namazga IV and moreover Namazga V tradition was continuing. In short, we may consider, as the best working hypothesis, that the Oxus Civilization proper appeared or «emerged» somewhere in the Northern piedmonts of the Hindu Kuch in Afghanistan (not in the South, Mundigak shows it).

Historical interpretations and hypotheses: I shall indicate here only some of the directions of reflections at the present stage of research.

Face to face Indus-Oxus on the Panj near Darqat, how and why? We may imagine any scenario, but each one will not be easy to validate. In any case, looking at Shortughai and Farhor as two face to face border settlements belonging to two territorial empires does not seem to be the best hypothesis, as being too anachronical. The Panj and the Darqat Island in the middle are not to be imagined as a borderline, like the Rhine between France and Germany in the last centuries. Let us look at the environmental conditions of both the occupations.

Locally, for the installation of the Shortughai settlers as well as for Farhor, the environmental «Sarazm model» seems to work. There is a large riverine jungle with its big biomass, irrigation is locally possible for subsistence (on lower terrace near Kyzyl Su for Farhor, on upper terrace as we saw above and perhaps the lower terrace of Eshan Qishlak for Shortughai), as is the access to the loess hills, for dry farming, grazing and pistachio trees for instance (see in Francfort *et al.*, 1989; G. Willcox «Etude

archéobotanique», p. 175-185; J. Desse «Etude archéozoologique» P. 187–206; Th. Berthoud, J. Riederer, K. Maxwell-Hyslop, J. Liszak-Hours «Métaux» P. 207–209; synthèse «Ecologie» P. 269–274, map pl. 1; 105; chart flow P. 319).

Regionally, as seen above, roads and ways of communications are present, leading to remote areas: there is a sort hub on the Panj in Eastern Bactria, between Shortughai and Farhor via Darqat. From there it is possible to travel South via the Kokcha, Badakhshan to Indus basin. It is possible too to follow the Vakhsh and Kyzyl-Su valley leading far away North, a road used in later times to reach the Northern mountainous areas as well as leading to Xinjiang, China. And travelling westwards was not difficult by following the Panj and Amu Darya course downstream on land or by boat. But why settle here, in this precise region, coming from such remote regions such as the Indus?

Beside metals (fig. 32), the search for lapis lazuli is the more commonly used theory for explaining the Indus presence at Shortughai. The same may work with Farhor, but was it so? We may question the lapis hypothesis since Shortughai is located on the «wrong» side of the mines regarding the Indus, i.e. in the Oxus basin and not in the Indus basin, and the site could be used as a lapis working sit: we know that lapis was exploited and worked on the site, at least obtained from pebbles collected in the river bed (fig. 33). That means that if lapis is the reason for the set-



Fig. 32. Shortughai 1976. Mound A. Fragments of crucibles with remains of copper slag and in one of them a drop of gold. Period I-(II) (see: Francfort, Pottier, 1978. P. 37. Pl. VII, 9-11).



Fig. 33. Shortughai. Mound A. Lapis lazuli fragments; notice middle left a raw pebble: lapis was collected in the Kokcha river bed, not necessarily extracted in mines at Sar-i Sang. Period I-II (see: *Shortughai*, P. 251, 270–271, 393–395, etc.).

tlement of Shortughai, it was only for the «Western Bactrian» market and further West, where lapis was highly prized, much more than in the Indus where it was little used (Francfort *et al.*, 1989. P. 252, 260, 347s., 394. Pl. VI, 2). Is that plausible? Perhaps, but we may question such form of economic «imperialism». But there is another resource, extremely desirable and abundant in the sands of the Panj, as it is abundant in the sands of the Zeravshan: gold. At Shortughai, we found inside of one of the crucibles, a drop of gold indicating that goldsmith were active and small remains of gold in Period I at mound A (Francfort *et al.*, 1989. P. 209, 269, 271, 390, 403) (fig. 34). The Darqat and Panj section of the course is exactly where the river begins to be calm, and where the sands are deposited in the river bed, mixed with gold dust. We know by ancient texts and by ethnographic evidence that the sands were washed there in the Middle Age to the 1970s, by using ancient techniques: gold washing of auriferous sands on goat skins and collecting the gold dust by using wooden pans. If we consider now that the Zeravshan River becomes less turbulent where Sarazm is located too, there is a consistency in both the location of the sites and the coming of peoples from far away, after gold (and maybe more). The gold artefacts found in Sarazm excavations struck the late Roland Besenval by their weight and carving from the blocks in the case

of the «princess's necklace». This hypothesis has still to be verified, but it seems better fit to the archaeological data and historical evidence: gold dust, with and perhaps more than lapis lazuli, could have been the main reason for the coming of ancient people in the Shortughai-Farhor area.

In any case, the «Panj culture» of Eastern Bactria, between Oxus and Indus, will deserve thorough investigations in the future, in all aspects of its material culture and functioning. If for instance we take into consideration the two seals found at Shortughai, one is clearly Indus, but the other is very similar to the so-called «Jhukar» seals of late- or post-Indus, a fact that we still cannot explain properly today (fig. 35, 36). More field work and reflection are required, and the inspiring memory of Viktor I. Sarianidi will, no doubt, motivate researchers for more investigations.



Fig. 35. Shortughai. Indus and «Jhukar» type seals, face.



Fig. 36. Shortughai. Indus and «Jhukar» type seals, back.

Bibliography

1. Аванесова Н.А. К проблеме относительной хронологии и периодизации сапаллинской культуры // Археология Узбекистана. 2010. № 1. С. 110–143.
2. Аванесова Н.А. Бустон – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013. 300 с.

3. Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия АН Республики Таджикистан. Отд. общественных наук. 2014 № 3. С. 39–47.
4. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА. Т. 145. Л.: Наука, 1968. 182 с.
5. Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильников эпохи бронзы низовий Вахша и Кызылсу). М., 1982.
6. Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе: Дониш, 1989. 252 с., илл.
7. Пьянкова Л.Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (московский район) в 2002 г. // АРТ. Вып. 28. Душанбе, 2003. С. 194–228.
8. Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВРАН, 2004а. 304 с.
9. Виноградова Н.М. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // АВ. № 11. 2004б. Р. 71–94.
10. Виноградова Н.М. Относительная и абсолютная хронология земледельческих памятников Юго-Западного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь / Ред. С.И. Потабенко, Г.А. Кошленко. М., 2009. С. 88–103.
11. Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Г. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 г. // АРТ XXXIV. 2010. С. 105–149.
12. Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангуртгута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М.: ИВРАН, 2008. 480 с.
13. Avanesova N.A. Bustan VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional): témoignages de cultes du feu // Arts Asiatiques. Vol. L. 1995. P. 31–46.
14. Avanesova N.A. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // AMIT. Bd. 29. 1997. P. 147–178.
15. Le plateau Iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Actes du Colloque international N 567 du CNRS. Paris, 22–24 mars 1976 / Ed. Deshayes J. Paris: CNRS, 1977. 348 s.
16. Francfort H.-P. The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria) // SAA 1979 / Ed. H. Hartel. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1981. P. 191–202.
17. Francfort H.-P. Shortughai – Induskultur an den Ufern des Amudarja // Das Altertum. 1982. Bd. 28(2). P. 91–98.
18. Francfort H.-P. Excavations at Shortughai in Northeast Afghanistan // American Journal of Archaeology. Vol. 87(4). 1983. P. 518–519.
19. Francfort H.-P. The early periods of Shortughai (Harappan) and the western Bactrian culture of Dashly // SAA 1981 / Ed. B. Allchin. Cambridge: CUP, 1984a. P. 170–175.
20. Francfort H.-P. The Harappan settlement of Shortughai (N.E. Afghanistan) and some aspects of Central Asia in the Bronze Age // Frontiers of the Indus Civilization / Eds. B.B. Lal, S.P. Gupta. New Delhi, 1984b. P. 301–310.
21. Francfort H.-P. The relationship between urban lowlands and mountainous areas in protohistory as seen from Shortughai // Journal of Central Asia. VIII(2). 1985a. P. 125–131.
22. Francfort H.-P. Tradition harappéenne et innovation bactrienne à Shortughai // L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque franco-soviétique de Dushanbe / Ed. J.-C. Gardin (ed.). Paris: CNRS, 1985b. P. 95–104.
23. Francfort H.-P. A propos de l'urbanisation du site de Shortughai (Afghanistan). Une approche archéologique des transformations de l'économie de production // Bulletin du Centre Genevois d'Anthropologie. 1988. T. 1. P. 15–34.
24. Francfort H.-P. (avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J.-C., Kermorvant A., Willcox G.) Fouilles de Shortughai : recherches sur l'Asie centrale protohistorique [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. II]. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. 586 s., ill.
25. Francfort H.-P., Pottier M.-H. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et post-harappéen de Shortughai (Afghanistan du N.-E.) // Arts Asiatiques. 1978. XXXIV. P. 29–87.
26. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la Civilisation de l'Oxus // Iranica Antiqua. 2010. XLV. P. 51–224.
27. Gardin J.-C. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). T. 3 Description des sites et notes de synthèse [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. IX], Paris: E.R.C., 1998. 217 s.
28. Gentelle P. Etude géographique de la plaine d'Ai Khanoum et de son irrigation depuis les Temps Antiques [Mémoires de l'U.R.A. N10]. T. 2. Paris: CNRS, 1978. 145 s.
29. Gentelle P. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). T. 1. Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. III]. Paris: E.R.C., 1989. 218 s., ill.
30. Lineau E., Vinogradova N.M., P'jankova L.T., Mukhitdinov Kh. Ju. Productions céramiques de la culture du Vakhsh (Tadjikistan, âge du Bronze): de nouvelles perspectives chrono-culturelles // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 42. 2011. P. 283–312.
31. Lyonnet B. Découverte de sites de l'âge du bronze dans le N.E. de l'Afghanistan: leurs rapports avec la civilisation de l'Indus // Annali. Vol. 37. 1977. P. 19–35.
32. Lyonnet B. Etablissements chalcolithiques dans le Nord-Est de l'Afghanistan : leurs rapports avec les civilisations du bassin de l'Indus // Paléorient. Vol. 7(2). 1981. P. 57–74.
33. Lyonnet B. Les relations de la bactriane orientale avec le monde indo-baluche à partir des données céramologiques, du 3e au 2e millénaires avant notre ère // L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. Actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19–26 novembre 1985 [Mémoires de la M.A.F.A.C., vol. I] / Ed. J.-C. Gardin. Paris, Diffusion de Boccard, 1988. P. 143–151.
34. Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). T. 2. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. VIII], Paris: E.R.C., 1997. 447 s.
35. P'jankova L.T. Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Vachsh-Tal, Süd-Tadzhikistan // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 36. Munich: Verlag C.H. Beck, 1986. 100 s., ill.
36. P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloe S., Kaniuth K., Teufer M. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadjikistan // AMIT. Bd. 41. 2009. P. 97–140.
37. Quivron G. The Evolution of the Mature Indus Pottery Style in the Light of the Excavation at Nausharo, Pakistan // EW. Vol. 50(1–4). 2000. P. 147–190.
38. Teufer M. Der Übergang von der Spätbronze- zu Früheisenzeit in Mittelasien // Das Altertum. Bd. 59. 2014. P. 109–148.

Axe representing a hunting scene in a mountainous landscape

The metal axe that we are going to present is part of a private collection¹. It is decorated on each side with an extraordinary predatory scene involving a wild sheep and a lioness, in which the lioness has clearly got the upper hand, in spite of the steep surroundings with which this animal is not familiar (fig 1, 2). This scene in the mountain can be justifiably compared to the one which appears on the silver conical goblet from the Ashgabat Museum of Fine Arts, uncovered by Viktor Sarianidi in October 2004, during the excavations of a royal necropolis, in the south of the Gonur Palace. This vase was found in the royal grave # 3235 (Sarianidi, 2005; 2005a. P. 255, N 109–110; P. 256, N 111 drawing).

It is because of the fact that there is a certain likeness between both objects that we offered to comment on a work of art which, although devoid of a precise archaeological context, belongs to the cultural heritage of the Oxus civilisation between approximately 2350 and 1750 before J-C. As a matter of fact, the copper axe underlines a vision of nature in the wild in a mountainous landscape, using multiple angles, as does the Ashgabat conical goblet, with its embossed and sharp background.

Description of the weapon

The axe in question here is made of a blade with widened edges and of an oval socket, joined to the blade by a thick band to strengthen it. This socket is part of a rare type with upper

and lower recessed edges forming an open angle with unequal sides. The scene which appears in its wider part, near the heel (external side of the socket) and on the latter, is given life with bas and high relief elements, even in the round (fig. 3, 4). The way to read this is perpendicular to the blade, which means that to fully understand the drama that is unfolding, the axe must be presented vertically. Above the decorations, a median perforation corresponding to the hole for the rivet aimed at securing the fitting of the handle.

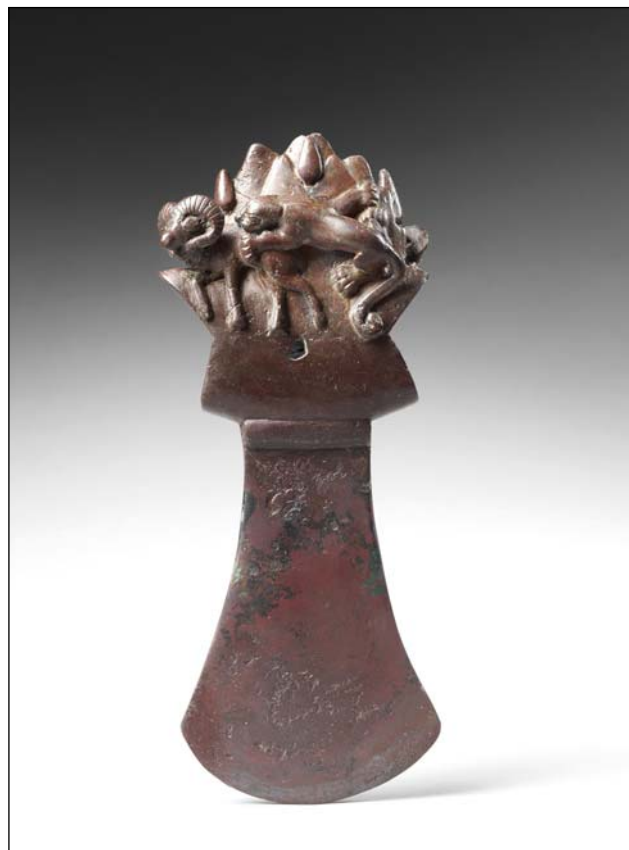


Fig. 1. Axe with flared blade and scene of predation in a mountain landscape on the heel of the socket, repeated on each side. Copper with probable presence of arsenic and lead. H 22 cm; L 8.8 cm; Th. 4.4 cm; H. of the scene 7 cm. Central Asia. Oxus civilization or BMAC, between 2350 and 1750 BC. General view of the first side.

¹ Axe made of a blade with widened edges representing a predatory scene in a mountainous landscape on the heel of the socket, repeated on each side. Copper presumably alloyed with arsenic and lead. H. 22 cm; L 8,8 cm; thickness 4,4 cm; H. of the scene 7 cm. Central Asia. Oxus Civilization or BMAC, between 2350 and 1750 BC.



Fig. 2. General view of the same axe of the second side.



Fig. 4. Detailed view of the of the same axe of the second side

The Elamite and Central Asia practice of giving prestigious weapons as insignia of dignity

Very decorated weapons, particularly axes and hammers, are well known in the Iranian world. They appear in south-east Iran towards 2300 before J-C, especially in Shahdad, which produced a first copy of it with a small lion lying on the heel (Hakemi, 1997. P. 542, item N 4302) and then they are made in the Luristan region (Amiet, 1976. N 18 and 19) and very quickly adopted by the Oxus civilisation or BMAC (Bactria-Margiana Archaeological Complex) but with a such an enriched iconography that the most beautiful pieces are found in Central Asia. They continued to be manufactured until around 1750 before J-C.

We know why they were made in great number, since seals impressions found in Susa illustrated a local practice, where a king or a prince gave an axe or a hammer to an important subject to thank him for his services and honour him as well. The most well-known of these scenes is on the Louvre Museum impression (Amiet, 1966. P. 258, N 187; 1972. N 1678. Bulla with seal impression, excavated in Susa by Roland de Mecquenem in 1925 – Louvre Museum, Near East Department, Inv. Sb 2294) where you can see the king from the Simashki dynasty, Idadu II, handing over to the scribe Kuk Simut an axe with a widened blade, in the shape of a fan decorated on the heel with a wing with notched edges. The widened blade, characteristic of the beginning of the second millennium is like “belched out“ by a dragon head (fig. 5). The ceremony has an almost religious aspect to it since it takes place in the presence of the goddess Lama who, with her raised arms, seems to intercede for her disciple. The text says: “*Idahu, prince of Suse, dear to Inshushinak, to Kuk-Simut, scribe, his beloved servant, gave this cylinder*” (Translation by V. Scheil, 1925, P. 148–149). And on the cylinder, the granted honour is perpetuated.

Two other impression seals record the same custom: on the one of the Iran Bastan Museum of Teheran, recounted on a tablet (Amiet, 1966. P. 256–257. N 186; 1972. N 1679), an important dignitary hands to someone opposite him a curved object which could be a hammer or an axe. The inscription says: “*Imazu, son of Kindattu, king*

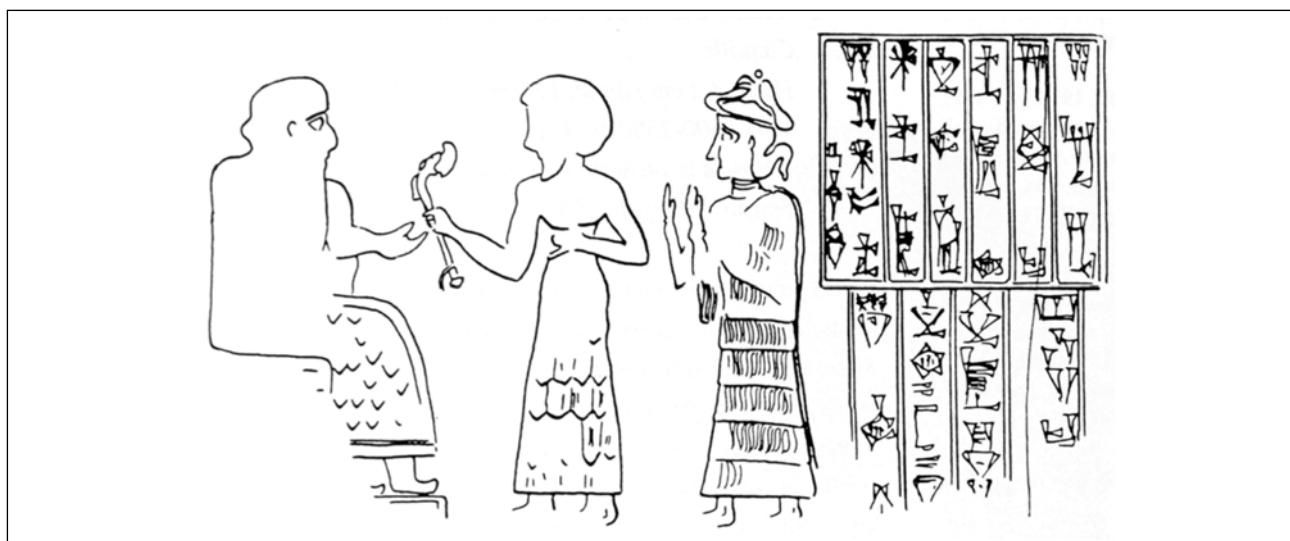


Fig. 5. Seal impression of the scribe Simut Kuk, of official Idadu II, King of Simashki. Drawing by Pierre Amiet. Twentieth century BC.

of Anshan”. There the sovereign acknowledges the merit of his own son; on the impression in the Susa castle, this time without any inscription (Amiet, 1972. Vol. II. Pl. 194–195, N 2324), a figure which is standing, here again followed by the goddess Lama, hands over a curved object to another figure sitting down.

The custom is also documented by writings on axes. For example, the axe from Mr. Foroughi’s collection (Dossin, 1962. P. 156–157; Pl XXIII, N 12), has an inscription from the king of the Sukkalmah dynasty, Attahushu, prince of Susa around 1900 before J-C: “Attahushu, son of Silhaha’ s sister, who holds the ... from the people of Susa to Ibni-Adad, his servant, gave this bronze axe” (Sollberger, 1968. P. 31)

Sovereigns themselves possessed ceremonial axes: the hammer, engraved with the name of Shulgi (2094–2047), king of the Third dynasty of Ur, is evidence of it. It reads: “The divine Shulgi, powerful heroe, king of Ur, king of Sumer and Akkad” (Louvre Museum, Near East Department, Inv. Sb 5637; Amiet, 1966. P. 243, N 176). This item is decorated with two bird heads and a fin in the shape of a plume divided in three streaks with three ribs ending in a scroll.

Description of the decorations of the axe

The hunt takes place on a steep slope of a mountain range with four peaks, behind which stands out in the background another mountain range with three peaks. In this setting where the landscape outside plays an important role, a lioness attacks on the side a wild sheep and

covers with its front left paw the left flank of its victim. In fact, it is almost the epilogue that we are being shown because the battle has ended and the horned animal no longer fights back. As a matter of fact, there aren’t any traces on the ground reflecting the position of its legs and besides, one of them, in the front, is oddly at right angle (fig. 3, 4). One can therefore envisage that the animal is already lying on its side, which effectively corresponds to the hunting technique of felines who attack and throw their prey on the ground before killing it.

The lioness is not however completely victorious as it is totally unbalanced on a very steep slope and it clings with one paw to the defeated animal and with the other three paws to the ground which gives way underneath : the four toes open at the end of each member reflect the considerable effort made and the attempt to plant its claws in the ground like crampons ; the front right paw, completely extended, seems to grab the side of the mountain (fig. 4). The hind legs are widely spread apart and diagonal to better cling to the slippery ground. The long rolled up tail also seems to contribute to this great effort to grip.

There is therefore an attempt to dramatize the scene to make it more lively and perhaps to highlight the courage of the feline. The presence of hunting lionesses in a mountainous landscape is not rare : the silver conical goblet of the tomb 3235 confirms it. But here, the feline seems to have ventured in the high mountain: the terrain then becomes its enemy

because it is the wild sheep's habitat, however defeated, not the lioness's.

It is true that predators' life is not always easy when depicted by the images of the Oxus civilisation. The lioness of this axe is not the only one to suffer; the wolf chasing a hare on the conical goblet already mentioned, is tired out: he slows down and sticks out his tongue out of exhaustion (for illustration, see note 1).

Realistic scene or metaphorical scene?

The above description shows an action scene taken like a snapshot, with an undeniable realistic character. The details of the animals' anatomy also come from an acute sense of observation. The caprin is an *ovis orientalis* of Urial origin, wearing on either side of its head horns in the shape of a sickle, pointing forward and marked with growth grooves indicating its age. It is a mature aged animal which the lioness attacked. Its chest is covered by a long woolly beard, spreading on three levels (fig. 4) and its hooves are well indicated with a slightly bigger delineation in relation to the paw. His tail is short. This type of wild sheep usually lives in the north-east of Iran, Turkmenistan, Uzbekistan and Afghanistan, which coincides with the origin of the axe. It is in fact known that craftsmen of the Oxus civilization borrow a lot from the local fauna.

The feline can be identified as a lioness because its fur has no spots and the terrain is obviously one it is not familiar with. Lions have five toes to their front paws, four of which rest on the ground and four to their hind legs and their supple and long body ends with a long tail. So the observation is truly faithful.

If the fauna is depicted with great attention to details, it is not quite the case with the landscape where the scene takes place as it is conjured up in a more metonymical way. The conifer forest is suggested by a few cones in relief and outlined in a simplified way, which makes you think of cedars or larches. If they were able to restore the round of the lioness's eyes in the cast, the different levels of the tree branches could have been represented by grooves, as it is the case on silver vases of the same civilisation. The external background remains probably just a background, aimed at depicting the drama.

The notion of perspective is well integrated, with the mountain ranges divided in two levels. If the scene depicted on the axe is realistic and borrows from the wild images of an unequal fight between a wild sheep and a lioness, without us being able to extrapolate some symbolical value, the two species represented have not been selected randomly. In the family of herbivores which often play the part of the victims, the BMAC art enhances only wild species with big horns such as wild sheep and ibexes. Lions are not the only predators of herbivores and yet from the IV millennium, they appear as such, both in sculptures and in glyptic, as if they were the masters of the wild.

Frequency of predatory scenes

One also notices in the art works of Central Asia a strong liking for predatory scenes which exceeds the simple theme of hunting. These scenes are so present in art works and in very varied art forms that they can be regarded as necessary images: on a mosaic panel decorating one of the houses like tombs of the Necropolis discovered in 2004, a big snake swallows an herbivore (Sarianidi, 2005. P. 226, N 86) and from this same tomb comes an Egyptian like spoon used for applying make-up representing a winged snake swallowing a calf who panic-stricken lifts his head (Sarianidi, 2005. P. 244, N 104). On the axe of the George Ortiz's collection, a lion attacks a wild boar (Afghanistan, una historia milenaria, 2001. P. 106, N 20), and on the axe from the British Museum, from the Oxus treasure², a tiger, with his head turned back, tears with its claws the back of an ibex. An elongated pearl from the Ligabue Collection is the support for a scene depicting an attack of a wild sheep by a watch dog with a turned up tail (Bactria, an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan, 1988. P. 193, fig. 44). On a silver seal from Gonur (Sarianidi, 2002. P. 273), a young ibex and a wolf recognizable because of its bushy tail, with its paws on its prey, are facing each other; on the lid of a silver pyxide, exhibited at the MET, two satiated wolves are resting between the two halves of a calf, whereas on the

² This item was first published in 1922 by M. Rostovtzeff, 1922 (Pl. 11-a). Also, O.-M. Dalton, 1964 (Pl. XXIV, fig. 193) and Rachel Maxwell-Hyslop, 1987. P. 17 and followings.

edge of the same pyxide, two rows of lions are devouring its parents upturned on their backs (Art of the first Cities, 2003. P. 360–362, N 254). On the belly of a make-up small copper bottle, in the embossed decoration, a snake gulps down a rabbit from behind (Sarianidi, 2002. P. 111) and on another small bottle from the same origin, a snake is threatening a buckram symbolical of the herbivore world (Sarianidi, 2005. P. 196, N 63). The list is endless. Such a frequency cannot be reduced to simple decorative preoccupations and one wonders whether there might be a magical protection in these predatory scenes.

Origin of the setting up of scenes in an external landscape

There is no need to repeat what some authors such as Pierre Amiet (Amiet, 1973. P. 93, N 266–269) or Henri-Paul Francfort (Francfort, 2007. P. 109) have already said at length about the importance of the landscape in Akkadian art and especially its insertion in hunting or war scenes (see the Stele of king Naram Sin). It is obvious that craftsmen from Oxus knew this type of scene and got their inspiration from it. But it is also clear that, as early as the protoelamite period, numerous seals showed animals in the wild, already using various perspective techniques and that this heritage is present here.

The technique used to make the axe

The technique used to make this axe is that of lost wax cast from a single mould, which was broken when the object was removed from the mould and one can suggest, without committing oneself too much that the material is copper alloyed with arsenic and lead since this metal thus mixed corresponds to a tradition which lasted in East Iran and Central Asia well after the invention of bronze. The presence of lead enables to slow down the time it takes for the metal to solidify as it must keep melting to fill in the numerous crevices of an intricate mould.

One can then visualise the stages of fabrication of the item: the general shape of the weapon was made of wax, taking care to leave the necessary holes for the fitting of the handle (socket and hole for the rivet). At the same time, two representations of the scene were shaped in wax, one next to the other to make sure they are identical. They are nevertheless some slight varia-

tions since, in one case, the lioness covers up the herbivore more (fig 4), giving the surface which is meant to be seen, a bigger or a smaller volume depending on the part of the body. These rules concerning representations emphasizing the upper body of the animal and giving less emphasis to the legs and the rest of the body were established at the end of the Uruk period.

The back of the scene is flat to facilitate applying on either side of the socket what corresponds to the body of the wild sheep and part of the lioness's body, including the tail. The tops of the wax models which were taller than the heel and which corresponds to the two mountain ranges to which the lioness's upper body is attached, were stuck back to back, which had the advantage of making the back invisible. Only the wild sheep's heads are sticking out (*en deport*) on each side and one observes that they are flat at the back (fig. 6). If the axe had not had two sides, the metallurgist worker would not have been able to create such a detailed scene sticking out of the heel of the socket. In fact, each scene is propped up by the other.

Under the lioness's tail, a vacuum appears. In the construction of the wax model, it must have been filled up by a very small clump of clay, then scraped with a tool once the mould had been



Fig. 6. Transverse view of the same axe.

broken. If this space had been initially made of wax, it would now be made of metal.

Conclusion

The axe commented here is therefore an important reference in the iconography of the art of the Oxus civilization. It is consistent with the empathetic vision of the wild that its inhabitants had and with the social custom of giving insignia of honour and with their more exuberant or-

nement than in the Elamite world. But this exuberance is such here that we need to talk about a sculpture, which uses volumes in a material difficult to work with when the piece comprises so many different levels and details. Because of its technical complexity, the axe with the hunting scene is evidence of the Central Asian metal workers' exceptional skills at working with copper between the end of the III millennium and the beginning of the second before J-C.

Bibliography

1. Afganistan, una historia milenaria. Exhibition Catalogue. Barcelone: Centro Cultural de la Fundacion "La Caixa", 2001. 206 p.
2. Amiet P. Bas-reliefs imaginaires de l'Orient ancien d'après les cachets et les sceaux-cylindres. Exhibition Catalogue. Paris: Hôtel de la Monnaie, 1973. 204 p.
3. Amiet P. Élam. Auvers-sur-Oise: Archée, 1966. 608 p., 435 ill.
4. Amiet P. Glyptique Susienne des origines à l'époque des Perses et Achéménides [Memoires de la Delegation archeologique en Iran. T. 43]. Paris: Paul Geuthner, 1972. Vol. II. 196 prints.
5. Amiet P. Les antiquités du Luristan. Collection David-Weill. Paris: De Boccard Diffusion, 1976. 116 p.
6. Art of the first Cities. Exhibition Catalogue. New York: Metropolitan Museum, 2003. 540 p.
7. Bactria, an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan / Eds. Giancarlo Ligabue and Sandro Salvasori. Venice, 1988. 244 p.
8. Dalton O.-M. The Treasure of the Oxus, with other examples of early oriental Metalwork. London, 1964. Third edition. 158 p., 81 fig., 41 prints.
9. Dossin G. Bronzes inscrits du Luristan de la collection Foroughi // *Iranica Antiqua*. Vol. II. 1962. P. 149-164. Pl. XIII-XXXIV.
10. Francfort H.-P. L'Art de la Civilisation de l'Oxus à l'Age du Bronze (2300-1700 av. J.-C. env.) et ses relations avec les régions voisines // *Sulla Via Delle Oasi. Tesori Dell'Oriente Antico* / Eds. G. Ligabue, G. Rossi-Osmida. Padoue: Il Punto, 2007. P. 102-127.
11. Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Centre in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p.
12. Maxwell-Hyslop R. British Museum Axe N° 123268: a Bactrian Bronze // *Bulletin of the Asia Institute*. Detroit Michigan. N I. 1987. P. 17-26.
13. Rostovstzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1921. 260 p., 32 prints.
14. Sarianidi V. Margush, Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab river / Ed. V.M. Hramov. Ashgabat, 2002. 360 p.
15. Sarianidi V. Turkménistan. Les tombes royales de Gonur Dépe // *Archéologia*. N 420. Mars 2005. S. 34-39.
16. Sarianidi V.I. Gonur depe. City of kings and gods / Ed. V.M. Hramov. Ashgabat, 2005a. 328 p.
17. Scheil V. Quelques particularités du sumérien en Elam // *Revue d'Assyriologie et archeologie Orientale*. T. 22, 1925. P. 148-149.
18. Sollberger E. A Tankard for Atta-hušu // *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. XXII. N 2. 1968. P. 30-33.

Some thoughts about the wild haired snake-man on BMAC- seals

Seals from Bronze Age Margiana and Bactria present a large number of mythological creatures. Some of them have direct precursors in Iranian iconography, some have been transferred and transformed into a new appearance (Winkelmann 2013, 2014), and some of them seem to be new creations of the artists of Bactria Margiana Archaeological Complex (BMAC), whose semantic meaning is not clear so far. Among these is the male figure with wild hair and beard, frequently shown in an abbreviated manner as grotesque frontal human face (fig. 1, 2, 3).¹

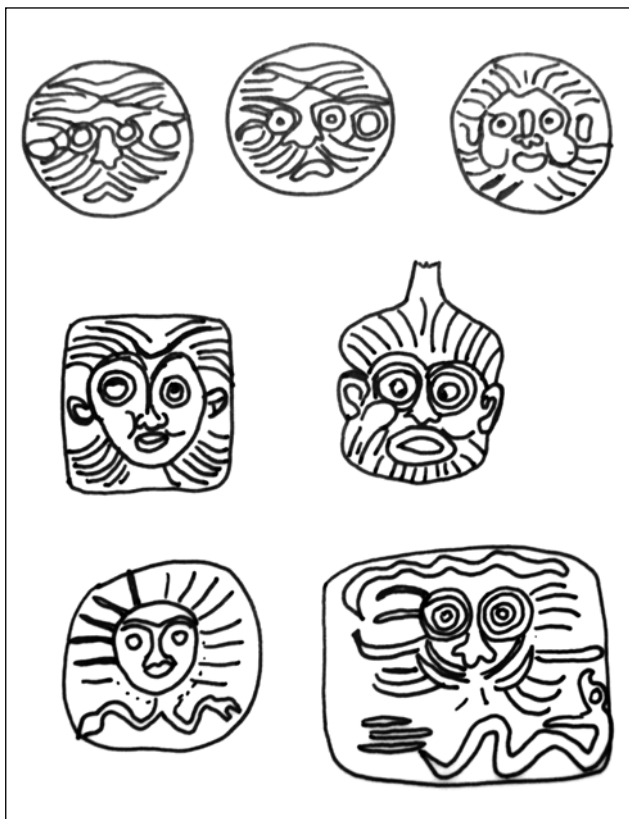


Fig. 1. Seals and pin from Bactria and Margiana with face with wild hair and beard (so-called «Kersaspa-motif») (After Sarianidi, 1998. N 907.1, 907.2, 905.1, 906.1, 2007 p. 176.4. and seal from Linenthal collection, drawings by the author).

This face is full and chubby, with large round protruding eyeballs set in deep rimmed sockets, a straight nose and flared nostrils, round or semicircular ears and remarkable wild hair and beard. Sometimes the curious face is combined with snakes that arise from the chin or surround the face in shape of a guilloche from entwined snakes (fig. 2) (Sarianidi, 1998. N 1235; bi-facial Murghab style seal in Linenthal collection and a round stamp stone seal in al-Sabah Collection – LNS 268 S). But most depictions show the face with wild hair and beard alone. In this manner the face appears on stamp and compartmented seals from Bactria and Margiana. Stratified seals and a pin from Gonur Depe necropolis, grave 2790 clearly connect this creature with the BMAC (Sarianidi, 1998. N. 51, 52, 53, 904, 905, 906, 907, 1235; 2007. P. 176, 177; see also: Winkelmann, 2014. Fig. 4). Seals from the art trade clearly show, that these two depictions – face alone or face with snakes – are only an abbreviated version of a prior more complex elaborated motif (fig. 3, 4).



Fig. 3. Stone stamp seal from Afghanistan with motif of mask with wild hair and beard attacked by a snake From Linenthal collection. (Photos by Peter Linenthal).

1 I am very grateful for the help of Rénee Kovacs and Peter Linenthal who read the manuscript, gave me some valuable hints and corrected my English.



Fig. 4. Bronze stamp seal (formerly Kovacs Collection).
(Photo by Renée Kovacs).

The first seal with this developed motif has been published and discussed by Azarpay 1991 (fig. 4) (Azarpay, 1991. Fig. 2, 3; Sarianidi, 1998. N. 52; 1999. Fig. 25. Other rare bronze stamp seals: Sarianidi, 1998. N. 77, 82, 85, 99, 229, 230, 239. Nearly all are smaller than the seal in question). The bronze stamp seal from the Kovacs Collection (diam. 3,3 cm, height 1,4 cm, thickness 0,6 cm) presents a supernatural being, a horned and winged man with human body in kneeling posture with frontal upper body and face. The shoulders are broad and the head is large and round. Lower body and legs are depicted in left profile. Two small curved wings arise from the broad shoulders formed by three wavy lines each. A snake with globular eye and open jaws seem to form a double belt, the head turned to the seal's rim. Wild hair and beard characterize the dominant round face of the central creature with large round starring eyes, pronounced nose, broad large nostrils, and long mouth formed by a straight line. His distinctive shaggy hair and beard are parted at forehead and chin, flaring to the sides. Two thin bovine horns protrude from the round ears, the unusual position of horns chosen because of lack space above his head. His human upper arms end in snakes with round eyes and wide open jaws turned to the seal's rim.

A bronze stamp seal with a nearly identical but slightly varied creature was published by Sarianidi (fig. 5a) (Sarianidi 1998, N 53). The central creature has the same frontal face with wild hair and beard, the same human body with frontal upper part, broad shoulders with small curved wings, the belted waist with one snake arising from it and the lower body and bent legs in profile. But this creature is not horned. Two snakes instead of horns arise from his head with

their open jaws turned to the rim. A separate snake arises from his right foot and his arms end not in snakes but in the busts of two winged and bearded lion dragons with human heads and round eyes, typical for the BMAC art.

A compartmented seal from Afghanistan shows the creature with large frontal mask and chest in stylized manner, the hair merging with the beard, surrounding the head (fig. 5b). He is sitting on the haunches, with small lower body and legs. The creature has no wings and no horns or snakes growing out from the head. But two lines arise from the neck following the contour of the creature's body and ending on the lower seal's rim. Two short lines are situated here between the long lines and the body of the mixed being. We do not fail to see here two stylized snakes with open jaws turning their heads to the rim.

A fourth seal (Kovacs Collection) is published here for the first time with the kind allowance of Renée and Frank Kovacs (fig. 5c, 6). The bronze stamp seal has a diameter of 39.5 mm, it is 5.5 mm thick, and has 12.5 mm

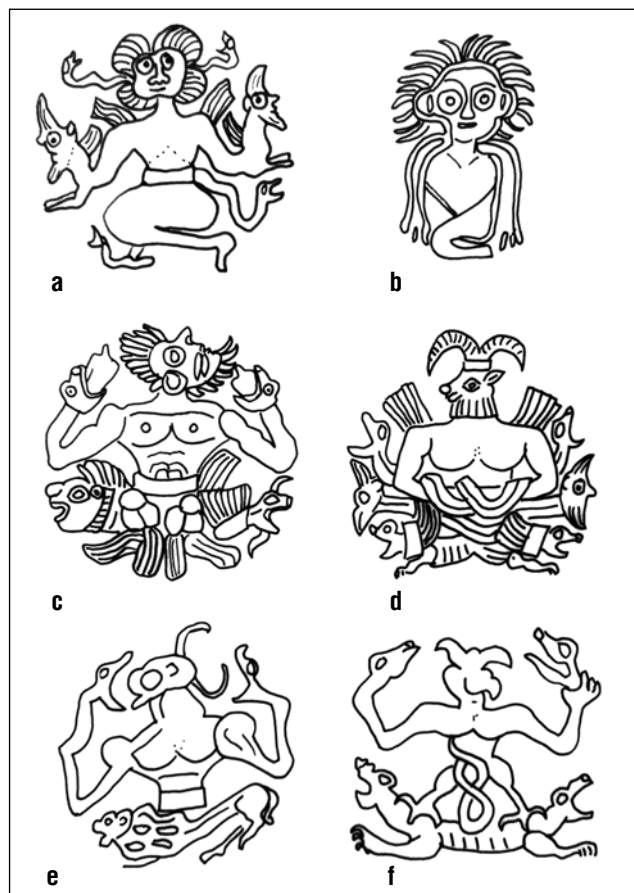


Fig. 5. Depictions of mixed beings from Afghanistan on stamp seals (a, c, d, e, f,) and a compartmented seal (b) (after: Sarianidi, 1998. N 53, 51, 55.1, 905.2, 912.2).

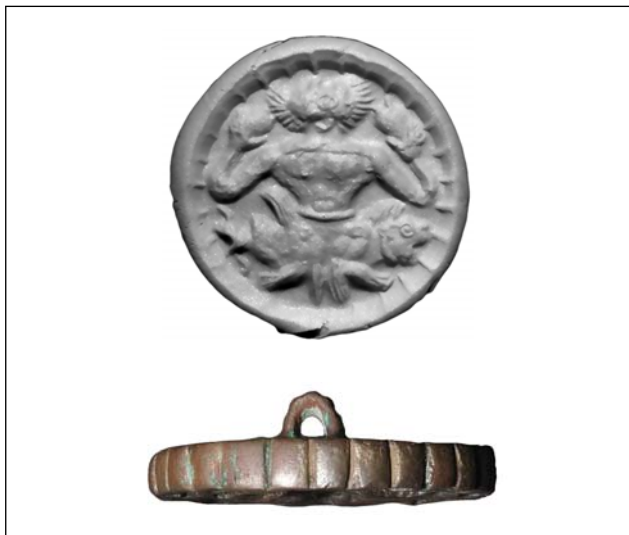


Fig. 6. Seal from Kovacs Collection.
(Photos by Rénee & Frank Kovacs)

total height with loop. It is the same style with scalloped edges and flat loop and appears to be by the same engraver as on the fig. 3.

The seal shows again the frontally depicted belted central creature with wild hair and beard, here without horns and wings. But the head is turned 90 degrees upward, such that hair and beard flare to left and right. The raised arms end in snakes with goggled eyes and opened mouth. The snakes have something between the wide opened jaws what looks like the lower body of animals whose head and upper body are already eaten. A comparable depiction appears on a square stamp seal portraying a kneeling bird-man holding two snakes which are eating two ibexes whose hind legs are already in the mouth of snakes (fig. 9c) (Sarianidi, 1998. N 916.1).

In contrast to other seals discussed here, the lower body and legs of the central creature are not visible. They are merged with the bodies of a lion and of the typical horned, winged and bearded lion-dragon of BMAC art forming a ligature.

Two further seals can be combined with this example, showing similar ligatures. The first seal is an elaborated compartmented seal. It portrays a goat-headed and winged creature with human body, whose lower body merges with two Bactrian lion dragons (fig. 5d). From his upper body two snakes and two snake dragons grow out (Sarianidi, 1998. N 55). This ligature of lower body merging with lion dragons and the snakes arising from the body connects this seal with the seal discussed above.

The second seal is a round bifacial stone stamp seal from Afghanistan. One side is carved with the typical frontal face. The second side depicts a bull-headed man with snake arms, merging his lower body below the broad belt with the body of one quadruped (fig. 5e) (Sarianidi, 1998. N 905.2). Although Sarianidi describes the animal as possibly dog because of the thin long body it seems to be rather a lion as the animal has a clear mane. The unusual slim body is may be chosen because of lack space under the upper body of the bull man.

These seals with a ligature of the central creature with felines or feline-mixed beings seem to be abbreviated appearances of a central creature standing on one or two felines or lion-dragons. This developed manner is depicted on a third stamp seal (fig. 5f). It portrays a bird-man-mixed creature with human body and arms but bird's head and claws. The bird-man stands legs splayed on the back of two dragons, has two entwined snake bodies hanging down from his waist and holds the heads of the snakes that have been cut without any connection with the snake bodies.

The bull-man on the round stamp seal (fig. 5e) seems to be related to a further bull-headed man on a figurative compartmented seal (fig. 7a). He is not kneeling but standing and holds a three headed snake arising from an arm pit, while two other snakes grow out from his shoulders. We can add here another compartmented seal portraying a naked man as snake holder with the stylized heads of two snakes arising from his shoulders (fig. 7b). He is additionally associated with two eagles flanking his waist. This association with eagles could be reflected in the wings of the creatures on the seals discussed above or in the eagle's head of the bird man holding snakes (fig. 7c).

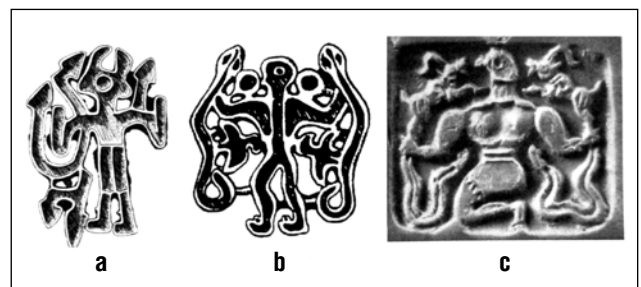


Fig. 7. Snake holders in BMAC: as bull man, as man with snake shoulder and as bird man.
(Sarianidi, 1998: a) N 32, b) N 30, c) N 916.2).

While all the other parallels from the art trade discussed above show snakes and arms of the central figure merged together, the figures of the last four seals hold the snakes in their hands. This suggests that the curious snake arms are also ligatures of the arms and hands with the snakes they are holding. A possible connecting link between the figure which holds snakes and the figure with arms that have been merged with the snake's head is the seal on fig. 5f, that shows the central being holding only snake's heads in his hand.

The creature with snake arms thus becomes a composite creature acting as snake holder.

This connection is underlined by a further bronze stamp seal from the al-Sabah Collection (LNS 1725 M) showing nearly exactly the same central horned, winged, belted and kneeling naked male composite creature as on fig. 3 with human body, and wild mask, his head and upper body facing us, his bent legs turned to the left. He has the same broad shoulders and accentuated thoracic muscles, slim waist and arms, legs and feet, typical of humans shown on BMAC seals. But, in contrast to the other male creature, he is clearly holding two long, thin sinuous snakes by the neck while the snakes attack his head with wide open jaws. This clearly characterizes the creature as appearance of the long known snake holder-motif.

Summing up we have different mixed beings, mainly with a frontal face, in two positions, standing or sitting on the haunches, over felines or feline composite creatures or without them, but all these central creatures are united by the fact that they hold snakes and are often associated with more snakes.

The meaning of the very interesting creature on these seals and pins is still under discussion. Sarianidi identified this being as the later Iranian mythological hero "Kersaspa", described in the Avesta as being disgusting, ferocious and savage (Sarianidi, 2007. P. 176–177, fig. 1–10). Azarpay thinks it has an apotropaic function and could be a precursor of the later Indo-Iranian monster Azi Dahāka (Azarpay, 1991. P. 1, 2, 5).

We can check these theories by checking the development of the depicted mythological motifs and of single components appearing inside the scenic depiction as there are the different

appearances of the figure holding snakes or additional elements like felines.

Thus, the seal depictions combine at least two main motifs or concepts: The first one is the long known and wide-spread motif of the snake holder, whose roots may lie in Chalcolithic motifs of Ancient Near East, seen on seals and pottery in an area reaching from Turkey and Mesopotamia to Iran. The snake holder itself seems to be one of the earliest mythological ideas of mankind appearing in the so-called "Master of animals"-motif. The snake holder is only one version of the "master of animals"-motif showing man's dominance over wild animals including hoofed animals, felines and snakes (Winkelmann, 2003, 2005). The second motif is the male being with wild hair and beard, which is so far only known from the BMAC art. The BMAC-motif of the man with wild hair and beard is combined with the conception of the snake holder in Bactria-Margiana art. A third motif could be a man with snake arms or with snakes arising from the body.

As for the man with snake arms it is not yet clear if we have here a separate mythological figure or only a variation of the snake holder, created by the proposed merging of arms and snakes (fig. 5). But a possible antecedent appears on a recently published cylinder seal from Jalalabad (Fars) belonging to the Kerman culture (Ascalone, 2008. Fig. 1; Winkelmann, 2014. P. 209, 210; fig. 4.1, left). It presents a man who has snake arms as well as snakes emerging from his body (fig. 8). A second cylinder seal presents a kneeling bearded man with a crown- or cap-like bull's head resting on its own and with two snakes emerging from its arm pits (fig. 9). Edith Porada published this seal as

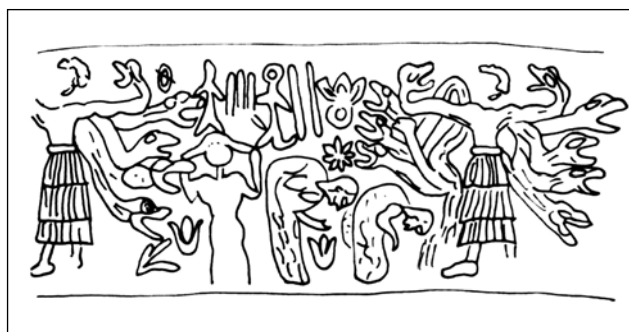


Fig. 8. Cylinder seal from Jalalabad (Fars).
(Drawing after Ascalone, 2008. Fig. 1).



Fig. 9. Cylinder seal from Southeast Iran or BMAC. (Drawing after Porada, 1993. Pl. 29).

possibly from Southeast Iran (Porada, 1993. Pl. 29).² The goddess and lion dragons on this seal suggest that it is rather a BMAC seal than an Iranian one. But it seems to be a connecting link between the man with many snakes arising from the body and the snake holder with only one snake arising from the body.

Coming back to the snake holder: the early snake holders appeared in two versions: as a man or a mixed creature combining elements of man and hoofed animals

Both these versions belong to Iranian tradition starting in chalcolithic Luristan art at the latest.³ Many seals of this time show either

a man as a snake holder (Rashad, 1990. N 201, 209, 214) or a mixed being usually with the head of an ibex (Rashad, 1990. N 204, 323, 324, 331, 335, 338, 340, 346, 347, 1114, 1142, 1143, 1153, 1154, 1155. Older Discussion of “Dieu Ibex” see: Osten-Sacken, 1992), to a smaller extent also of a ram (fig. 11a). This composite creature is generally known as “Dieu Ibex”. New studies show that this name is misleading: the being is neither a god nor a demon but a mythological figure expressing the merging of the male hero with his zoomorphic substitute. The depiction of a hoofed animal can express two semantic meanings. It may represent a real animal or a male hero (Winkelmann, 2013. P. 47. Fig. 2a-d; 2014. P. 216). This is clearly to be seen in the following Proto-Elamite art, in which animals act as humans. Here, hoofed animals, especially bulls, act as master of animals and in many other functions of a high ranking man (Amiet, 1961. Pl. 35. N 353. Pl. 36. N 559–566; Pl. 37, N 567–580; Pl. 38, N 581–591; Pl. 38bis, N D; Amiet, 1972. Pl. 107, N 101; Pl. 108, N 1002–1010; Pl. 109, N 1011–1018; Pl. 33, N 1415; Winkelmann, 2013. Fig. 2). The merging of substitutes – here of man and hoofed animal – is one of the most important principles of ancient

2 Not clear so far is the connection between the figure with snakes arising from the arm pits and a divinity appearing on clear southeast Iranian cylinder seals. These seals present an enthroned divinity of ambiguous gender with snakes arising from the shoulder. See: Amiet, 1986. Fig. 132, 10, 12; Porada, 1962. Fig. 13; 1993. Pl. 28.

3 Oldest dated seals from Obeid and Uruk period (see: Rashad, 1990. Pl. 4, 6, 9).



Fig. 10. Proposed development of man with snake arms. Left possible antecedents, right BMAC motifs (Winkelmann, 2014. Fig. 4).

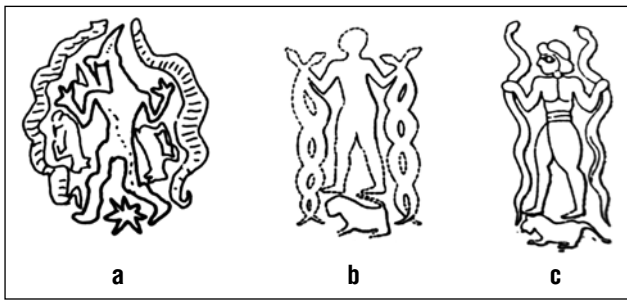


Fig. 11. Snake holder with felines: a) “Dieu Ibex” as snake-holder (Luristan, 4th mill. BC) (after: Osten-Sacken, 1992. Fig. 64); b, c) naked man as snake-holder standing on a feline (Susa and Chogha Mish, Late Uruk period) (b) – after: Deloughaz, Kantor, 1996. Pl. 158 A; c) after: Boehmer, 1999. Pl. 95. Fig. 48. Catalogue N 45).



Fig. 12. Anthropomorphic snake holder on felines: a) ligature. Susa (Late Uruk-period) (Amiet, 1961. N 240); b) fully developed motif. Khafadji-bowl (Kerman culture) (Porada, 1962. Fig. 12).

Near Eastern art leading to many different creatures over the millennia, the ibex- or goat-man („Dieu Ibex“), a ram-man, a bull-man, and an antelope-man.

It is interesting to note that the early “Dieu Ibex” of 4th millennium B.C. is often flanked by felines (fig. 11a) (Rashad, 1990. N 212, 286, 337, 345, 346, 348, 812, 813, 1138, 1114). This combination finds a new pictorial expression during late Uruk period in Iran and Mesopotamia where the snake holder is overwhelmingly a naked man, wearing only a belt and standing on one or two felines, usually lions (fig. 11b, c).

This tradition continues into the Kerman culture where the snake holder often stands or kneels on felines that are now leopards (fig. 12b, 15). But the motif underwent further changes: The artists of the Kerman culture varied the depictions of persons, animals and composite beings creating a variety of new appearances of the acting figures of a motif. Thus the snake holder or master of animals could appear in three different guises. First, he is shown as a man, either naked or with a skirt (fig. 12b) (Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 119, 123). Second, he could act as the long known man-hoofed-animal-mixed-being, who appears in many new variations and appearances in the Kerman culture (for instance as bull-man, as antelope-man, animal-headed or human-headed) (fig. 13) (Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 119, 125; see also: al Sabah collection LNS 309S).

Third, Kerman artist also added new elements of other animals to the man or male composite being, mostly elements of birds of prey and felines. Thus, a snake holder can appear with feline’s head, paws (fig. 14) or tail. In some cases the snake holder appears as leopard with human head and horn (Al-Sabah Collection, LNS 308) or with a beak, claws or the wings of a raptor (fig. 15a) (Majidzadeh, 2003. P. 15–17; Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 119). One curious appearance of this type of snake holder is a man with his hip in shape of a bull’s head and claws instead of feet (fig 15b) (Porada, 1993. Pl. 15).

This phenomenon goes back on the use of ligatures, a typical principle of early III millennium art. Well known is the combination of many interacting beings into a single being, demonstrated in fig. 12a, showing the snake holder who originally stands on felines and holds snakes (fig. 12b), now melted into one creature with the up-

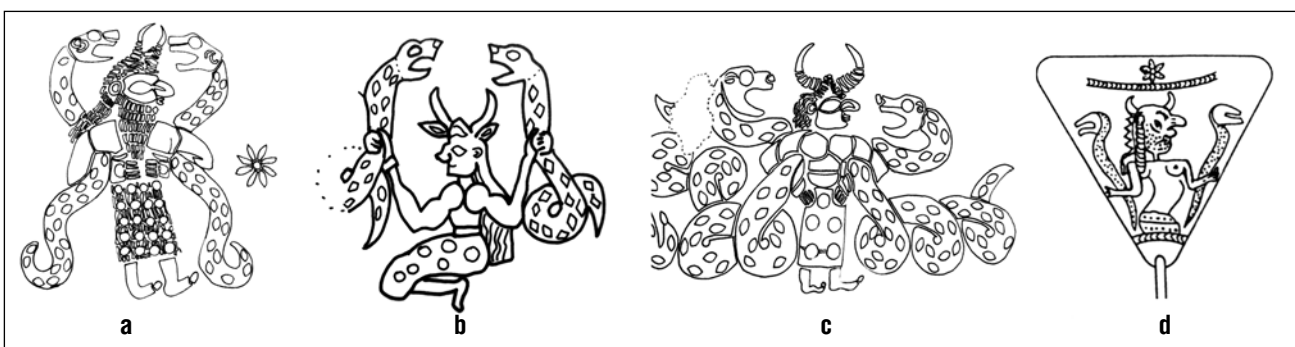


Fig. 13. Horned snake holders: a) Antelope-man; b–d) Bull-man (a–c) Stone vessels of Kerman culture; d) pin from Shadad) (a) and c) – Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 125, 119; b) after: Aruz, 2003. No. 235; d) after: Hakemi, 1997. Fig. Xf).

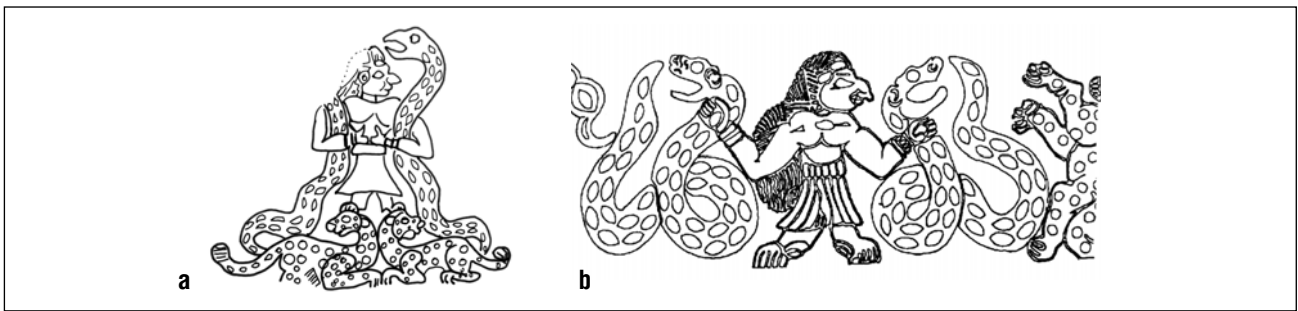


Fig. 14. Snake holder with feline paws: a) on leopards (after: Christies 25.11.1997, N 178); b) without felines. Kerman culture (after: Majidzadeh, 2003. P. 15).

per body and arms of man and the lower bodies of felines whose tails merge with snakes.⁴ Moreover, there are many other versions of ligatures, concerning the man, the felines or snakes that show the new quality of Kerman art. Thus, the snake holder with feline elements (mainly paws) represents the man who stands on felines. The artists of this culture also merged the man standing on a feline with his zoomorphic substitute that generates a being with elements of humans and hoofed animal. These creatures may also have bird elements like wings, beak or claws (fig. 15) (Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 119). The bird elements recall the hero described in the Etana myth, who was flew on the back of the eagle to heaven. If the man with bird elements acts as snake holder we could assume that the man (or composite being) who struggles with the snakes is the same mythological being that flew to heaven. Having in mind this development we can now

turn directly to the being which is depicted on the seals with frontal face.

It seems clear that the discussed seals with developed motif depict a Bactria-Margiana variety of the “snake holder” and may be of a man with snakes arising from his body. The man, the winged man, the bird-man, the bull-man and the goat-man as snake holder – as represented on other seals from Bactria and Margiana – seem to be a new appearance of foregoing varieties of this motif in Near Eastern art (Sarianidi, 1998. N 25, 30, 31 [standing human snake holder]; N 32, 50 [standing horned human snake holder]; N 55 [ibex-headed winged goat man holding snakes]; N 904 [winged snake holder]; N 26 [horned and winged snake holder, enthroned]; N 28, 29 [bird man as snake holder, standing]; N 57, 916, 917–920 [bird man as snake holder kneeling]; N 905 [bull man kneeling with snake arms]). The questions remains: How to interpret the head of the central figure on the “Kersaspa”-seals?

It makes sense to look back at the art of Kerman Culture. There are varieties of the snake holder also with feline elements but it is the feline-man mixed being that is still lacking among the many varieties of the snake holding being in BMAC. Looking for traces of this type, we will find first snake holding mixed

4 Well known examples of this include the transformation of two competing felines and snakes into a snake-necked panther (Amiet, 1961. N 198, 201, 209, 680, 424. Pl. 14bis C; 1972. N. 476). Another instance is the combat scene of a man flanked by felines and attacked by snakes, which is fused into a ligature whereby the upper body is that of a man but whose lower body is feline and their tails become snakes held by the man. This composition is typical of the Late Uruk period but is also seen on Early Dynastic II seals (cf.: Amiet, 1961. N 240, 916; 1972. N 475).

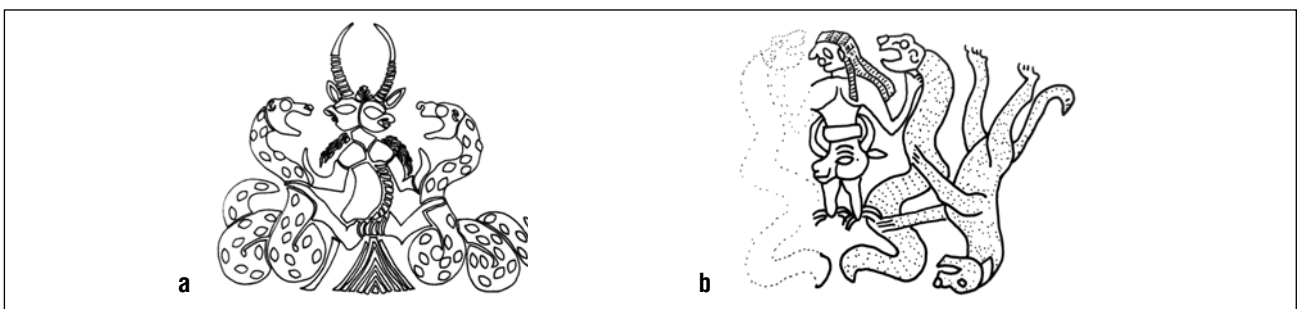


Fig. 15. Snake holders with elements of different animals: a) with antelope and bird elements (Objects from the Jiroft treasury, 2013. P. 119, 15); b) with hip in shape of the bull 's head and birds claws. Kerman culture (after: Amiet, 1986. Fig. 73 c).

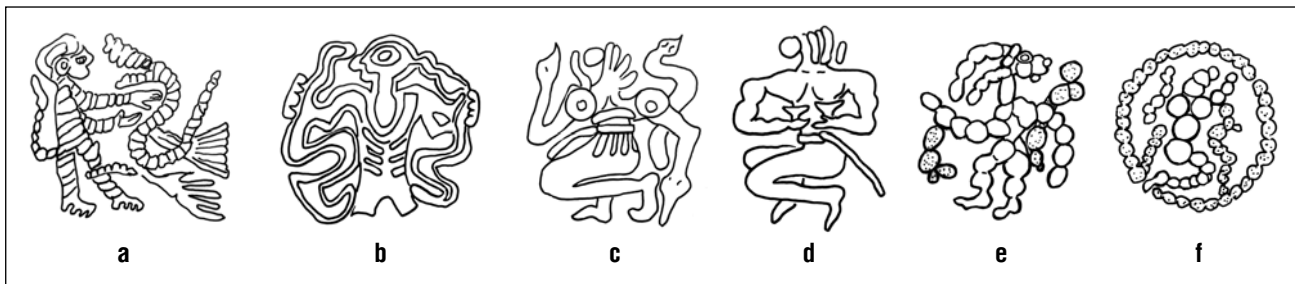


Fig. 16. Feline-man mixed beings on BMAC-seals: a, b) human headed; c, d) – lion-headed; e, f) – lion-headed with horns (after: Sarianidi, 1998. N 909.2, 31, 918.1, 920.1, 1037.1, 1046.1).

beings standing on felines mixed beings or merged with felines or feline mixed beings (fig. 5, 6) (Sarianidi, 1998. N 912 – horned bird man over two felines, holding snakes; N 905 – Bust of bull man with snake arms kneeling about a lion; N 55 – bust of winged and goat headed snake holder over two winged lions). Second, we have four small stone seals showing feline-human mixed beings in profile: a standing human headed feline that holds a winged snake dragon, a human headed feline attacked by a snake, and two animal-headed humans that seem to have a lion head with thick mane (fig. 16a–d) (Sarianidi, 1998. N 909.2 and 949.2 – human headed; N 918.1 and 920.1 – lion headed). The standing human headed feline-man has a striped body that seems to mark the feline’s coat (fig. 16a). These stripes recur on the body of a male snake-holder with an unusual big round ear, who could possibly interpreted as feline-mixed-being, too (fig. 16b) (Sarianidi, 1998. N 31). The both lion-headed figures are still more interesting: they have the same kneeling position and the same body with broad shoulders as the figures on the seals discussed above. Both are belted and both have a long strip that hangs down from the belt and should be interpreted as stylized snake (fig. 16c, d).

The being on fig. 16c wears a short skirt with a double belt. A stylized thin wing arises from the right shoulder while a snake curls behind his back. Both arms end in snake heads. The correlation with the seals discussed at the beginning is very clear, although only the right arm is raised while the left arm hangs down.⁵ The lion-headed man on the second seal is naked and has one belt with a long stripe or snake turning to the seal’s rim (fig. 16d). He differs from the discussed type inasmuch as he holds two vessels in his hands instead of two snakes. But the idea standing behind both depictions is the same: while the snake-holder still struggles with the snakes to get the drink or herb of fertility, the figure with vessels has already received the drink. The motif of a lion-headed snake holder or snake holder with snakes arising from the arm’s pit is also visible on drilled style seals of BMAC. One such seal presents a walking lion headed man who is additionally horned (fig. 16e). A second seal shows a kneeling being with uncertain head, surrounded by a snake and with a snake arising from the raised arm (fig. 16f).

Finally it makes sense to compare the frontally depicted head of the snake holder

⁵ Same posture on drilled style seal: Sarianidi, 1998. N 1046.1

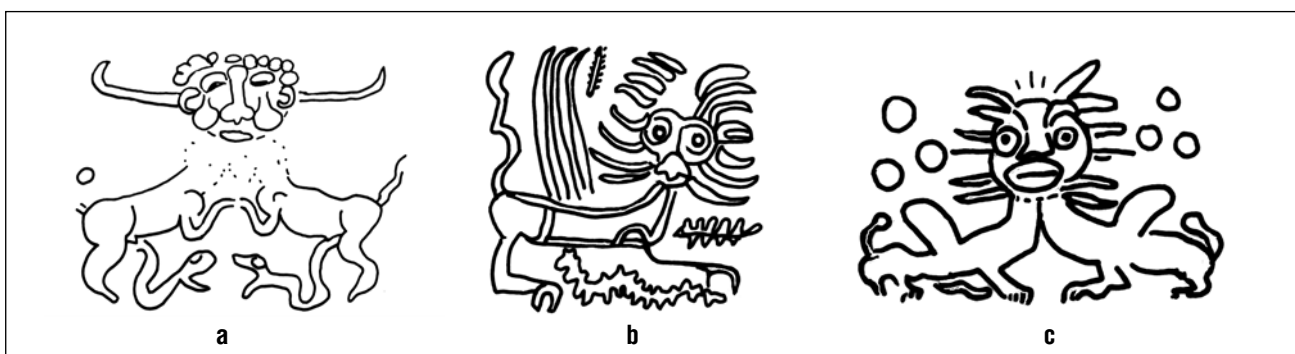


Fig. 17. Depictions of lions on BMAC seals (after: Sarianidi, 1998. N 965.1, 927.1, 1236).

with the frontal depictions of lions on BMAC seals (fig. 17).⁶ There are images of frontal lion heads with same round eyes and same wild hair reflecting the mane, nearly or fully identical with the head of the snake holder (Sarianidi, 1998. N 927.1, 965.1 and 1236 – two winged lions with one head). Now we can understand the face and the head of our mysterious creature: his wild hair and beard are those of a lion. Thus, we can call him as combination of man and feline. Bearing in mind that interacting figures can be combined into a single being (the principle of ligature) the snake holder with lion elements derives from the snake holder who is associated with felines.

It is remarkable that a similar figure already appears on Sumerian seals in Fara-style: it is a man rendered with full face and frontal human body, whose legs are foreparts of merged lions, postured as holding latter by their tails, which end in serpent heads. His hair is indicated either by curls in shape of round circles surrounding the head, by circles on a short stem or, more stylized, by short lines (Amiet, 1961. N 903, 904, 905, 913, 915, 918, 928, 945, 958, 959; Pl. 72bis. D, E, G, I; in other compositions also on N 896, 907, 939, 946, 947, 950).⁷ It is easily to recognize here a lion-headed man acting in a composition that is a Mesopotamian variety of the motif of snake

holder over felines. This creature goes back to Late Uruk-period depictions from Susa, as well as the discussed depictions on objects from the Kerman culture. The latter, in turn, seem to be the forerunners of the different appearances of this motif in the art of BMAC.

The association with felines is presented in Near Eastern art by a snake holder with feline paws or a man or creature who merges with the lower body of the feline, who always holds snakes. The BMAC-artists created additionally new ways to express this association: they first used the feline head as characteristic feature of the ligature of the more complex scene of the snake holder standing on felines, similar to the Mesopotamian depictions. Second, they overtook the merging of the male body with the lower body of the felines, but they often modified the felines in depicting feline dragons, snake dragons or winged lions instead of the leopards portrayed in Kerman culture. Third: They created the hero whose arms merge with the snakes he is holding into snake arms. As an animal headed creature this figure stands in a clear line with old Near Eastern traditions from 5th to 3rd millennium BC. As composite being from feline and man it continues depictions of the Kerman culture, as composite being from man and snakes it developed an old motif in a new way.

6 A further bronze stamp seal from British Museum shows two winged lions with one frontal head over a snake. The head is horned and shows one to one the same facial features and hair and beard as we have on the first Kovacs-seal (British Museum, 2013. N 6001.3171). I thank Renée Kovacs for sending me this hint.

7 It could be well that this lion-headed man became the antecedent of the later so-called «Sechslockiger Held» (hero with 6 curls)

Bibliography

1. Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris 1961. 454 s.
2. Amiet P. La glyptique Susienne des origines à l'époque des Perses et Achéménides. [Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. T. 43]. Paris: Paul Geuthner, 1972. Vol. 1: 316 p., Vol. 2: 196 pl.
3. Amiet P. Bactriane proto-historique // Syria. Vol. LIV. 1977. P. 89–121.
4. Amiet P. Antiquités de Bactriane // La Revue du Louvre et du Musées du France. T. 28. N 3. 1978. P. 153–164.
5. Amiet P. Antiquités de serpentine // Iranica Antiqua. 1980. Vol. 15 P. 155–166.
6. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.C. Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1986. 332 p.
7. Art of the ancient cities. The third millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / Ed. J. Aruz. New York; New Haven; London, 2003. 540 p.
8. Ascalone E. Cultural interactions among Mesopotamia, Elam, Transelam and the Indus Civilization: The evidence of a cylinder stamp seal from Jalalabad (Fars) and its significance in the historical dynamics of South-East-Iran // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1. The reconstruction of environment: Natural resources and human interrelations through time. Art history: Visual communication / Ed. Hartmut Kühne. Wiesbaden: Harrassowitz, 2008. P. 254–275.
9. Azarpay G. The Snake-man in the art of Bronze Age Bactria // Bulletin of the Asia Institute. N 5. 1991. P. 1–10.

10. Baghestani, Suzanne. 1997: Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China. Rahden/Westdorf: Marie Leitdorf, 1997. 427 p.
11. Boehmer, R. M. Uruk. Früheste Siegelabrollungen. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1999. 214 p.
12. Christies 25.11.1997. Auction catalogue. London; New York, 1997.
13. Deloughaz P., Kantor H. J. Chogha Mish. Vol. I. The first five seasons of excavations 1961–1971. Chicago, 1996. Vol. 1, part 1: 508 p., part 2: 283 p.
14. Hakemi A. Shahdad. Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran. Rome, 1997. 721 p.
15. Majidzadeh Y. Jiroft. The earliest oriental civilization. Tehran, 2003. 248 p.
16. Osten-Sacken E. von. Der Ziegen-„Dämon“. Obed- und Urukzeitliche Götterdarstellungen. Neukirchen; Vluyn, 1992. 287 p.
17. Objects from the Jiroft treasury. Soft stone and alabaster objects (recovered collection) from Halil River Basin National Museum of Iran / with a report by Dr. Yousef Majidzadeh; Ed. Piran S. Tehran, 2013. 127 p.
18. Porada E. Alt Iran. Baden-Baden, 1962. 286 p.
19. Porada E. Discussion of seal, probably from Southeast Iran // *Iranica Antiqua*. Vol. 23. 1988. P. 139–148.
20. Porada E. Seals and related objects from early Mesopotamia and Iran // *Early Mesopotamia and Iran. Contact and conflict ca. 3500–1600 BC* / Ed. Curtis J. London, 1993. P. 44–53.
21. Rashad M. Die Entwicklung der vor- und frühgeschichtlichen Stempelsiegel in Iran. *AMI-Ergänzungsband 13*, Berlin, 1990. 303 p.
22. Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998. 336 p.
23. Sarianidi, V.I. Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab River, Ashgabat 2002. Ashgabat: Turkmendöwlethabarlary, 2002. 360 p.
24. Sarianidi V.I. 2005: Gonur Depe: City of Kings and Gods. Ashgabat, 2005: Turkmendöwlethabarlary, 2005. 328 p.
25. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur-depe. Second edition. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p., ill.
26. Sarianidi V.I. Margush. Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabat: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 341 p., ill.
27. Winkelmann S. Southeast-Iranian and Indo-Iranian elements on Bactrian and Murghab-style seals // *Proceedings of the 13th International Congress of South Asian Archaeology*. 1995 / Eds. Allchin, B. & R. Cambridge, 1997. P. 512–523.
28. Winkelmann S. Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur-depe // *AMIT*. Bd. 30. 1998. P. 1–16.
29. Winkelmann S. Von Formen und Stilen – ein Versuch der Gliederung baktrischer Stempel- und Rollsiegel // *Zwischen Nil und Hindukusch. Archäologie im Orient* / (Hrsg.) M. Mode. [Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft. Bd. 28] Halle, 1999. S. 112–211.
30. Winkelmann S. Intercultural relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and the Persian Gulf in the Field of Seals // *East and West*. Vol. 50. 2001. P. 43–95.
31. Winkelmann S. Berliner Schlangenbecken, Trichterbecher und Cincinnati-Mann – verkannte Schlüsselobjekte der altorientalischen Archäologie? // *Festschrift für Wolfgang Nagel zum 80. Geburtstag* / (Hrsg.) Jacobs B., Dittmann R., Eder C. Münster, 2003. P. 567–678.
32. Winkelmann S. Seals of the Oasis, from the Ligabue Collection. Venice: Il Punto Edizioni, 2004. 206 p.
33. Winkelmann S. Animali e miti nel Vicino Oriente Antico: un' analisi attraverso i sigilli // *Animals and myth, the imaginary in the ancient world* / Eds. Ligabue G., Rossi-Osmida G. Venice: Verlag Il Punto, 2008. P. 39–61.
34. Winkelmann S. Animals and myths in Ancient Near East. A general overview from the seals // *Central Asia Cultural Values*. N. 4. 2008. P. 27–54.
35. Winkelmann S. Transformation of Near Eastern Animal Motifs in Murghabo-Bactrian Art // *Animals, Gods and Men from East to West. Papers on Archaeology and History in Honour of Roberta Venco Ricciardi* / Eds. A. Perruzetto, F.D. Metzger, L. Dirven. [BAR International Series. S 2516]. Oxford, 2013. P. 47–64.
36. Winkelmann S. Trading religions from Bronze Age Iran to Bactria // *Trading religion: Religious Formation, Transformation, and Cross-Cultural Exchange between East and West, Dynamics in the History of Religions* / Eds. P. Wick, V. Rabens. Leiden, 2014. P. 199–229.

An Unusual Large Circular Compartmented “Stamp Seal” of the Goddess with Animals: Some Thoughts on the Religious Symbol System of the Central Asian Bronze Age Culture of Bactria-Margiana

An insight into the religious symbol system of the Oxus Civilisation,¹ a proto-urban sedentary cultural entity in the region of Bactria-Margiana in southern Central Asia (*ca.* 2300–1500/1400 BC),² is afforded by a large circular compartmented “stamp seal” (fig. 1).³ A portable high-value artefact fashioned out of the splendid medium of silver, a precious material that itself has symbolic power, it must have been produced for a special purpose.⁴ The “seal” features a powerfully balanced and symmetrical composition of a standing female figure rendered with anthropomorphic features and wings together with real-world animals and hybrid creatures.⁵ Situated in the region around the upper Oxus River (Amu Darya) comprising parts of present-day



Fig. 1. Large compartmented stamp seal featuring a standing goddess as the upper part of the vertical axis with quadruped dragons in lieu of wings and between addorsed lions, resting on intertwined serpents from the tips of which spring small caprids; the loop handle fashioned in the form of a seated female figure with knees tucked up and heels raised. Silver. Diameter 8 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Germany, private collection. Photo by the author.

1 A term introduced by Henri-Paul Francfort (1984).

2 The material culture of the Oxus Civilisation, *Outer Iran* in the words of Pierre Amiet, has been studied by a number of archaeologists from the former Soviet Union, foremost among whom was Viktor Ivanovič Sarianidi. In collaboration with colleagues affiliated with the Turkmen Academy of Sciences, to 1970th he discovered a group of Middle and Late Bronze Age archaeological sites with monumental architectural constructions, particularly in the Gonur and Togolok oases of historical Margiana (in Greek, Margush in Persian, mentioned in the trilingual inscription of Bisutun, Iran, dating to *ca.* 516 BCE) on the lower course of the Murghab River in the Kara Kum Desert of southeastern Turkmenistan, that were part of the same cultural complex. The later phases of the Late Bronze Age Oxus Civilisation (1800/1750–1500/1400 BCE) are characterised by largely aniconic phases (see recently: Luneau, 2014), hence the putative date of the manufacture of the present seal may be sought in the Middle Bronze Age period (2200/2100–1800/1750 BCE).

3 The seal belongs to one of the varied mostly circular metal “stamp seals” relief cast in bronze or copper alloy, but more rarely in silver or gold, which is classified as so-called “compartmented seal” (a term first used in 1943 by the British archaeologist Stuart Pigott – 1943. P. 179–180, fig. 4) fabricated in openwork and with closely related *champlevé* whereby the design was gouged out. The obverse of the seal is decorated in relief and with fine incisions, and fitted with a central loop handle which was held to make an impression into another material by means of the perpendicular strips at the reverse that form compartments, echoing the design at the obverse.

4 Seals of this type have been excavated from gravesites and are generally found near a corpse’s pelvic region indicating that they were probably attached to clothing or tied to a perishable belt-like object placed around the waist (Masson, Sarianidi, 1972. P. 122). The absence of printed impressions suggests that rather than serving as genuine seals, they functioned as status symbols, clan/family insignia with an ideological or protective/amuletic purport (Klochkov, 1999. P. 55. n. 46; cf.: Amiet, 1988a. P. 169).

5 In a previous paper, I introduced the compartmented seal in the context of a distinct hierarchical progression that may be deduced on the basis of available iconographical sources (see: Kuehn, 2010. P. 43–67). Since it may be hypothesised that some significant, indeed forceful meaning can be attached to the seal, the present paper attempts to reinvestigate its iconographic language taking into account variable and chronologically often uncertain iconographic elements in order to tentatively reconstruct some vital conceptualisations of the Oxus religious symbol system.

Turkmenistan (particularly Margiana along the Murghab River), western Tajikistan, southern Uzbekistan and northern Afghanistan (ancient Bactria), this Bronze Age culture is commonly referred to as the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC).⁶ Evidence so far uncovered shows it to be characterised by a distinctive iconography and style suggestive of a complex system. Viktor Ivanovič Sarianidi (1929–2013) of the Institute of Archaeology in Moscow, the main excavator of the Oxus Civilisation, whose memory is honoured in the present volume, remains the major contributor to the study of the iconographical scheme within the Oxus Civilisation, the interpretation of which continues to be the subject of much speculation.

It is worth noting that ceramic and metal objects, including prestige items like metal “stamp seals,” “attributes of power” (Francfort, 1994. P. 415) were present in much higher quantities in BMAC female burials. Even though the relative wealth of the grave goods might not necessarily correspond to an actual political and economic power in society and thus does not represent a reliable index, the gender difference reflected in the grave goods probably is not coincidental and indicates that women seem to have enjoyed a high social prestige as far as ritual was concerned their position must have been substantial in the Oxus Civilization (see: Luneau, 2008. P. 147; Biscioni, Bondioli, 1989. P. 67–69; Francfort, 1994. P. 415; 2010. P. 83).⁷

Even if we have not found textual references⁸ to the mythical identity of the goddess,⁹ and view the compositional scheme of the seal without preconceptions, the celestial connotation evident in BMAC belief system seems to imply a dipartite universe consisting of a supernatural world above (or heaven) and earth including the underworld,¹⁰ a belief which practically all human traditions reveal. Associated with water and the cycle of nature, the goddess is known to peacefully reign over the animal and plant worlds¹¹ as well as over mythical creatures that either serve as her vehicle or attribute or come under her dominance (Art of the First Cities, 2003. P. 370–371. Cat. N 261). The generic overtones and multiple layers of meaning observed in this configuration will be discussed in the context of the symbolic iconography of the Oxus corpus of metal compartmented seals and other glyptic art as well as that of its neighbouring regions.

The anthropological approach into the nature of myth advanced by Claude Lévi-Strauss entails the perception that symbolism and myth has universal structuring principles thanks to procedures of opposition, homology, symmetry and inversion which derive their meaning as part of a system and that their structural relationships can, to a certain extent, be deciphered.¹² In the attempt to focus human religious experience, a distinction of similar generality seems to have been made between a “mundane” realm and a “sacred” realm;¹³ even though it must be questioned to what extent such as division may

6 A term coined by Sarianidi (1977. P. 4–5).

7 In this context it is interesting to recall that in neighbouring Elam women of the ruling classes occupied prominent positions (Vallat, 1989. P. 46–49).

8 No textual or oral tradition can be drawn upon to elucidate the iconographic language of the Oxus Civilisation; indeed no inscription of the III or II millennium BCE that may be linguistically used has been found in Central Asia (Francfort, Tremblay, 2010. P. 159).

9 Myths have been defined by Alan Dundes (1984) and others as “sacred narratives” defining them as stories told in a religious context.

10 The pair of Heaven and Earth is ubiquitous in ancient religions. For instance the Babylonian pair AN/*šamû* ‘Heaven’ and KI/*eršetu* or Uraš, ‘Earth’ (see: Lambert, 2013. P. 311–315, 407–408, 334–335, 352–353).

11 She is connected to the cultivation and fertility of crops, such as wheat and millet, the emergence of increasing sedentary patterns of social organization, which finds reflection on a cylinder seal found at Gonur Depe in Margiana (in grave n. 23 at the Large Gonur necropolis) depicting the goddess with grain stalks springing from her body; Sarianidi 1998b. P. 324, N. 1785; 2007. P. 105, fig. 180; Francfort 2010, 69, fig. 3. Cf. Another cylinder seal from the “Temple of Sacrifices” of Gonur Depe features a standing female deity, hands at her waist, clad in a long garment, with four pairs of stalks springing from either side of her body (Sarianidi, 2006. P. 162, 283, fig. 137; 2008. P. 80, fig. 25; Francfort, 2010. P. 69, fig. 2; see also: Sarianidi, 2006. P. 217, fig. 79). Related “Trans-Elamite” cylinder seals were found in Tepe Yahya (Pittman, 2001. Fig. 10.46–10.49, 10.51; Francfort, 2010. P. 75, fig. 10), Shahdad (Hakemi, 1997. Fig. Ib.2, Ib.4; P. 355, N 2263), and Töd Treasury (Amiet, 1986. P. 299, fig. 132.2 and 4; 2007a, fig. 4a–b; Winkelmann, 1997; 2003, fig. 25a).

12 His seminal articles (on art and myth, respectively) were both reprinted in: Structural Anthropology, 1978.

13 For a discussion of the distinction between these religious phenomena, between profane and sacred, see: Assmann, 1984. P. 9–10.

be justified since, as Jan Assmann succinctly points out, “in an early culture, everything has a religious basis” (Assmann, 2001. P. 2). Yet at the same time the “sacred”¹⁴ and the forms of dealing with it were conspicuous and distinguished from everyday life. By implication, beings that participate in the sphere were deemed “deities,” and thus super-, or extrahuman, beings or powers, hence “divine” (on the ambiguous conception and polysemic nature of divinity [Panikkau, 2004. P. 264–276; Ludwig, 2006. P. 59–66]).

The “divine” identity of the goddess on the seal under discussion, displayed in her posture, gesture and dress, is underlined by the presence of a pair of wings emanating from her shoulders that are spreading out on either side and stress her celestial and protective nature. Outstretched wings are also an attribute of the ancient Mesopotamian Inanna/Ishtar, the goddess of beauty/love, creatress of the gods/all mankind, mother of those who give birth/midwife as well as of battle/war,¹⁵ at least from the Akkadian period onward (ca. 2350–2150 BC). Wings emerge from both bareheaded and horned¹⁶ female deities of Bactria-Margiana (fig. 2, 3, respectively), a characteristic also featured on Eastern Iranian seals. These basic iconographic similarities between BMAC discoveries and the Mesopotamian and Iranian cultural sphere may be due to various interactions such as intensive cross-regional and cross-cultural economy allowing for reciprocal impact. On the whole the people of Bactria-Margiana drew inspiration from neighbouring religious iconography but maintained a distinctive imagery of their own.¹⁷



Fig. 2. Circular compartmented loop-handled stamp seal with winged goddess with caprids in lieu of wings seated on a quadruped dragon. Silver. Diameter 4,1 cm, height including loop handle 1,3 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Germany, private collection. Photo by the author.



Fig. 3. Circular compartmented loop-handled stamp seal with winged goddess seated on a quadruped dragon. Silver. Diameter 6.5 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Paris, Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales, Acquisition 1992 AO 30226. Photo by the author.

Although her body with gently tapered waist is shown frontally, the head is depicted in profile, and her hair is swept back at the ear to form an intricate roll. The refined countenance of the bare-headed and bare-chested goddess is closely related to that of the female deity depicted on a Bactrian compartmented silver seal now preserved in the Musée du Louvre, Paris (fig. 3).¹⁸ In contrast to renderings of the standing (for in-

14 The notion extends to sacred places, such as temples or sanctuaries, sacred time such as festivals as well as sacred activities or rituals (Assmann, 2001. P. 2).

15 Inanna (in Sumerian, Ishtar in Akkadian) had very ancient roots and was part of an amalgamation of Sumerian and Akkadian religious and political beliefs, extending back to 3000 BCE. Characterised by a coincidence of opposites, she embodied in herself a wide variety of Mesopotamian goddesses (Art of the First Cities, 2003. P. 213–214, cat. N 139). As Jan Assmann (2008. P. 139, 148) points out the Babylonians were perhaps the first to match and equate Sumerian and Akkadian gods “by defining their common functional definition or cosmic manifestation” allowing for a “mutual translation.”

16 As distinctive headdress of divine status the horned cap was known in ancient Mesopotamian art from the early III millennium BCE onwards. A visual image of power and strength for a deity, the wide-sweeping horns may well be derived from the horns of wild cattle (*bos primigenius*), which must have been a truly awe-inspiring beast. Even after the domestication of cattle it remained a separate species throughout the Near Eastern world. For a discussion of the horn motif in ancient Near Eastern literature and iconography, see: Siring, 1980.

17 The BMAC symbolic system is “an original expression of more general Eurasian mythological universe of very ancient origin,” and as Henri-Paul Francfort (1994. P. 406, 416) so succinctly put it that “the brilliant eclectic Middle Eastern formal aspect of the Oxus Civilization is just the colourful blanket covering deeper structures of ‘archaic’ Eurasian type.”

18 It shows the goddess seated sidesaddle on a recumbent dragon with its tail curled above the back. From her shoulders and upper arms emerge wing-like the foreparts of small caprids (Art of the First Cities, 2003. P. 370–371, cat. N 261; Pottier, 1984. P. 179, fig. 332; P. 227, Pl. 4, fig. 332; Amiet, 1986. P. 147, 198, fig. 184; Sarianidi, 1998b. P. 26, N 16–1; 2002. P. 262, upper row; Kuehn, 2010. P. 61, fig. 27a, b).

stance, Kuehn, 2010. P. 60, figs, 24a, b, 25a, b; see also fig. 5) or seated (for instance, Kuehn, 2010. P. 60, fig. 26a, b, 28a, b; see also fig. 3) goddess on other known seals, the goddess's head is turned to the left, a characteristic she shares with the standing female figure on the inscribed silver vase clad in similar tufted garments dated to the reign of the Elamite king Kutik-Inshushinak (ca. 2090 BC), now housed in the Iran Bastan Museum in Tehran (fig. 4b) (for the entire figure, see: Girshman, 1968. P. 242, fig. 10; for a view of the crouched and more ample, long-haired female figure on other side of the vase, see: Art of the First Cities, 2003. P. 367, fig. 92). Roman Girshman identifies the slender standing female figure, which however is rendered without wings, as the Elamite goddess of war and victory, Narunde, who is found only in the III millennium (Girshman, 1968. P. 243–244).¹⁹ As on the two Bactrian silver seals (fig. 2, 3), the goddess wears only a long flounced/tufted *kaunakes*-type skirt, a garment worn not only in Mesopotamian Sumer (ca. 2800–2000 BC) but also in neighbouring Elam in southwestern Iran. However, unlike the representation of the Elamite figure who wears a full-length dress (fig. 4a), the BMAC goddess's breasted upper body is shown nude to the waist. Bent at the elbows her arms are held across the abdomen, the hands, which are no longer extant, might have been joined, the distinctive gesture of the goddess.

The hieratic intensity noted in the depiction of the latter is accentuated in her ceremonial posture. She forms the upper part of the vertical axis, flanked on either side by two addorsed lions with upward-curling tails that divide the seal horizontally (fig. 4b). A rare gold stamp seal shows the standing winged deity, the head is depicted in profile to the right, in a closely related position. Nude to the waist bearing a torque (or clad in a diaphanous garment defined by a neckline which would explain why the breasts are not discernible), she is clad in the same long skirt out of which “grow” the foreparts of two addorsed inward-looking lions (fig. 5). The necks and bodies (with the exception of the haunches and legs) of the latter are covered with rows of juxtaposed

scales, an otherwise ophidian characteristic associating them with snakes. As animals of the desert lions frequently embody might, majesty and unapproachability representing not only aggressive strength but also exemplifying life forces and regenerative powers. These aspects are illustrated on a two-sided chlorite discoidal stamp seal laminated with gold foil that features a lion



Fig. 4a. Inscribed vase depicting two female figures, portrait of the standing figure.

Silver. Iran, reign of Puzur-Inshushinak, ca. 2090 BCE.
After Girshman 1968, p. 241, fig. 11.



Fig. 4b. Large compartmented stamp seal with a standing goddess as the upper part of the vertical axis with quadruped dragons in lieu of wings and between addorsed lions (detail). Silver. Diameter 8 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Germany, private collection. Photo by the author.

¹⁹ It is important to bear in mind Assmann's (2008, p. 148) keen insight that “[i]n pre- and early historical times, reciprocity and mutuality meant a process of growth and enrichment for all cultures involved.”



Fig. 5. Circular stamp seal with standing winged deity and lions. Gold. Switzerland, Schaffhausen, Museum zu Allerheiligen, Sammlung Ebnöther, inv. no. Eb 33345. *Arts of the first cities*, 2003. P. 371–372, cat. N 262.



Fig. 6. Circular two-sided discoidal stamp seal (obverse) with lion in profile with scorpion-tail, bifid tongue projecting from his open mouth and bifurcating double-headed serpent springing from his belly. Chlorite laminated with gold foil. After: Ligabue, Salvatori, 1988. Fig. 60.



Fig. 7. Large compartmented stamp seal with a standing goddess as the upper part of the vertical axis with quadruped dragons in lieu of wings (detail). Silver. Diameter 8 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Late III–early II millennium BC. Germany, private collection. Photograph by the author.

in profile, oriented to the left, characterised by a mighty scorpion-tail, a bifid tongue projecting from his open mouth and a bifurcating double-headed serpent, the open jaws of which reveal rows of sharp teeth and bifid tongues, which

springs from his belly (fig. 6) (comparable depictions exist mainly on Murghab-style cushion-shaped stamp seals; see for instance: Sarianidi, 1986a. P. 256, fig. 108, 109). This representation of the great feline “engendering” snakes associates it with arachnids²⁰ and ophidia, both of which carry chthonic associations. Comparable depictions with snakes connected to the “bellies” of lions and other animals are frequently depicted on Oxus seals and glyptic art and link the lion with the ophidian attribute of fertility-fecundity and reproduction (for instance, Kuehn, 2010. P. 50, fig. 9b; P. 51, fig. 10b; P. 57, fig. 20b).

Perhaps the most striking feature of the goddess is her wings. These take the form of powerful recumbent quadruped dragons which burst forth from her shoulders (fig. 7). The necks and chests of the feline-bodied dragons are covered with imbricate scales signifying the close relation of the creatures with snakes. In contrast to the lion heads that look ahead, the dragon heads *regardant* are at eye level with the female deity. They are crowned by single curved horns and have curled goatee beards projecting from the chin, their gaping long puckered snouts have turned-up tips (distinctly visible on the dragon head to the left), revealing rows of teeth and long projecting tongues which are directed towards the deity. The body of the goddess and the dragons thus are conjoined as a single image giving the impression of endless mutability. The wing-like emergence of natural animal attributes from the shoulders of the otherwise anthropomorphic body of the goddess are known on other examples of BMAC visual and mythic culture. It appears on the above-discussed Bactrian compartmented seal, on which paired caprids emerge wing-like from the shoulders and upper arms of the goddess who is enthroned on a dragon (fig. 3) (see: N 22; cf. Francfort, 2010. P. 5, 10, fig. 4). Another Bactrian copper alloy compartmented seal shows raptorial birds with outspread wings, perhaps eagles or circatus gal-

²⁰ Depictions of scorpions on BMAC seals may indicate the protective power of the dangerous creature (see: for instance, Sarianidi, 1986a. P. 289; 2006. P. 279 [on a stone seal from Margiana]; 2006. P. 231, fig. 92 [on an ivory disc from Margiana]; Amiet, 1988a. P. 170, fig. 15d [compartmented copper alloy seal, Musée du Louvre, Paris, Département des Antiquités Orientales, inv. no. AO 26343]; *Bactria an Ancient Oasis Civilization*, 1988. Cat. N 49 [compartmented copper alloy seal, lower left corner]; N 50 [compartmented copper alloy seal, lower left corner]; N 64 [gold scorpion pendant]). In astral mythology Innana/Ishtar is connected from most ancient times with the constellation Scorpio. In Babylonia, scorpions were regarded as religious symbols. Starting in the late Kassite period (1651–1157 BCE), the scorpion was labelled a symbol of the goddess Ishara, who was equated with Ishtar (Van Buren, 1937–1939. P. 1–28).



Fig. 8. Circular compartmented loop-handled stamp seal with standing goddess with raptorial birds in lieu of wings and flanked by a pair of leaping felines.

Copper alloy. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Late III–early II millennium BC. After: Sarianidi, 1986c. P. 6–8, figs. 1 and 12.

licus, that appear to “come out” of the shoulders of the standing goddess (cf. Francfort, 1994. P. 411), that arise in lieu of wings, and flanked by a pair of leaping felines with open mouths (fig. 8) (Sarianidi, 1986c. P. 6–8, fig. 1, 12).²¹ At the same time, her body is seen to visually conflate with these animal attributes.

The main body parts of the goddess known to transform into a natural or mythical animal are thus her wings – entailing a therianthrope process, during which these creatures issue from her body – by means of her celestial attribute (Francfort, 2008. P. 4; she is also known to “beget” plants – see Sarianidi, 2007. P. 105, fig. 180; for associations of the goddess with the tulip, see: Teufer, 2007; cf. Pottier, 1984. P. 202, Pl. 20, N 150). On the above-discussed gold seal, her lower body is, at the same time, also seen to “merge” with the bodies of the lions as if conjoined as a single image (fig. 5). This “integrated message” (Francfort, 1992. P. 181) concurrently juxtaposes two principles into a unified being. Its nature as dialectic category simultaneously contrasts and fuses two images of non-contiguous categories, anthropomorphic and theriomorphic features, and makes them continuous. The resulting representations are neither separate nor unified, associated with the intermediate stages of the creation. This process gives rise to a “divine” therianthrope representation which

²¹ See also another Bactrian copper alloy compartmented seal featuring the goddess with the same birds issuing from either side of her lower body (Sarianidi, 1986c. P. 6–8, fig. 2, 13).

perhaps synthesises the qualities that define the nature of the goddess. Owing to their ambiguity as awe-inspiring yet ostensibly also benign creatures – their nature thus merging two opposing metaphorical principles – it may reasonably be conjectured that the serpent-dragons also afford an insight into the nature of the divinity. It is thereby of note that the BMAC dragon himself also acquired wings alluding to his aerial as well as possible “celestial” aspect (see, for instance: Kuehn, 2010. Fig. 2–5, 7b, 8b, 9b, 10b, 11b, 13, 16, 18b, 20b, 22b).

The same partly therianthrope aspect is found in neighbouring regions. A comparable ideogrammatic expression is rendered on “Trans-Elamite” or “East Iranian” cylinder seals (ca. 2200–2100 BC), on which serpent-dragon heads are shown to rise from the shoulders of a seated male or female deity, one of which is crowned by a bull’s head (on the other the head is damaged and thus not clearly decipherable) (fig. 9, 10) (Cf. Amiet, 1986. P. 299, fig. 132.10; 1998. P. 5, 7, fig. 1, 2; Porada, 1993. P. 48; fig. 28; The



Fig. 9. Seal impression of cylinder seal with a cult scene with a deity crowned by a bull head with serpents springing from the shoulders seated on a chair (detail).

Shell. Putative origin: Southeastern Iran. ca. 2200–2100 BC. After: Porada, 1993. Fig. 28.



Fig. 10. Seal impression of cylinder seal with a cult scene with a deity with serpents springing from the shoulders seated on a chair on a platform temple (detail).

Shell. Putative origin: Southeastern Iran. ca. 2200–2100 BC. After: Amiet, 1986. Fig. 137.



Fig. 11. Seal impression of cylinder seal with serpents growing out of the armpits of a genuflecting male figure crowned by a bull head with outstretched raised arms (detail).

Shell. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Late III–early II millennium BC. Jonathan P. Rosen Collection, New York. After: Sarianidi, 2002. P. 310.

Royal City of Susa, 1992. P. 7, fig. 8; Francfort, 2010. P. 72, fig. 5; for a comparable representation on another Iranian cylinder seal see: Amiet, 1986. Fig. 137; Francfort, 2010. P. 72, fig. 5; cf. Francfort, 2008. Fig. 15, 16). The ophidian character of the chthonic god Tishpak, tutelary god of the ancient Sumerian city-state of Eshnunna in central Mesopotamia during the Akkadian period (ca. 2350–2150 BC) is likewise expressed by horned and crowned *bashmu*, or “venomous,” serpents emerging from his shoulders (The Royal City of Susa, 1992. P. 111, fig. 36; Peyronel, 2013. P. 53, fig. 2).²² These are closely related to the heads of the quadruped serpent-dragon, *mushhushu*, the “awe-inspiring” snake (cf. Wiggermann, 1992. P. 147), which serves as

his symbolic animal and vehicle. This distinct characteristic is shared by the god Ningishzida, “Lord of the True Tree” (Lambert, 1990. P. 289–300), the personal deity of Gudea (ca. 2150–2125 BC), ruler of the city-state of Lagash (modern Tell al-Hiba) in southern Mesopotamia which for a period of fifty to sixty years enjoyed great importance. In his anthropomorphic manifestation the god is likewise identified by *bashmu* serpents rising from his shoulders (cf. Wiggermann, 1992. P. 166). A related symbolic concept can be observed on yet another “Trans-Elamite” cylinder seal which shows serpents growing out of the armpits of one of two genuflecting warrior-like male figures with outstretched raised arms whose head is crowned by a bull’s head

²² The paired ophidian protrusions may be associated with the god’s symbol, the serpent-dragon *mushhushu*, who might be the dragon whose origin is described in the Labbu myth (Wiggermann, 1989. P. 126; 1992. P. 154). The *mushhushu* is likewise associated with other chthonic gods of vegetation, who died and were resurrected together with the cycles of nature (Lambert, 1990. P. 290, 300), such as Ninazu, Ningishzida, Tishpak, Ashshur, Ninurta, or Nabû, etc. (see: Wiggermann, 1997a; Lambert, 1985. P. 87–94). The influence of these chthonic gods of vegetation declined in the second half of the II millennium BCE and later played no longer a part in the Mesopotamian national pantheon. Their cult centres, as F. Wiggermann shows, were all located across the Tigris near the Iranian mountains. Their characteristics may have developed through imported religious ideas from beyond the Tigris where, especially in Elam and the Iranian mountains, a religious interest in serpents goes back to pre-historic times (cf. Wiggermann, 1997).



Fig. 12. Circular compartmented loop-handled stamp seal with winged genuflecting male deity flanked by a pair of diagonally-undulating serpents.

Copper alloy. Southeastern Turkmenistan, Margiana, North Gonur, Room 273. Late III–early II millennium BC.

After: Sarianidi, 2005. P. 129, fig. 33.



Fig. 13. Circular stamp seal with loop handle with genuflecting winged and horned superhuman figure with serpents in lieu of arms and a serpent at the waist.

Copper alloy. Diameter 3.3 cm, height including loop handle 1.4 cm maximum. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Late III–early II millennium BC. Frank L. Kovacs Collection, Los Angeles, CA. After: Sarianidi, 2002. P. 285.

(fig. 11) (The head of the other figure is crowned with a lion's head [see: Porada, 1993. P. 48, fig. 29; Sarianidi, 2002. P. 310; Francfort, 2010. P. 72, fig. 6]. The figures with muscular arms, which exude a virile bellicose power, have been described in detail by E. Porada [1988. P. 139–141]); they are rendered in a pose indicative of an attitude of worship as featured on several BMAC

seals. A point of resemblance is afforded on a copper alloy compartmented seal, found during the excavations of the fortified settlements of Gonur (room 273 in North Gonur). It depicts a winged male deity with naked upper body, oriented to the left in the same kneeling manner, and flanked by diagonally-undulating serpents covered with a scaly imbrication; the garment that covers his lower body is likewise covered with a snake-scale pattern as if conjoined with the serpents as a single image (fig. 12). On a circular copper alloy stamp seal attributed to Bactria serpents are likewise seen to spring from the shoulders of a horned genuflecting superhuman figure with flaming “wings” with his torso rendered *en face* (fig. 13) (cf. Azarpay, 1991. P. 4, fig. 2).²³ However, here the serpents replace his arms curving upwards to end in open-jawed ophidian heads; a third serpent being conceptualised as a girdle around his hips.²⁴ In the light of subsequent religious concepts in the Iranian world, Guitty Azarpay tentatively interprets the mythical anthropomorphic figure with serpentine arms as a prototypical Azhi dahāka (Azarpay, 1991. P. 6; cf. the East Iranian statuettes identified by Francfort as anthropomorphised dragons [Azarpay, 1994. Fig. 3–5]), whose name is explained as “snake man” or “hominoid serpent” (Schwartz, 1980. P. 123–124),²⁵ the anthropomorphic manifestation that derived from the earlier Indo-Iranian serpent-dragon, Azhdahā, who in a much later development of the Iranian myth blocks the passage of heavenly waters and causes drought (Boyce, 1975 [repr. 1996]. P. 64, 91–92).²⁶

As Henri-Paul Francfort emphasises there is no male snake deity in the Oxus pantheon (Francfort, 1994. P. 408). Hominoid serpent-

²³ Related postures are known throughout Central Asia, the Iranian Plateau, Elam and the Indus Civilisation (cf. Azarpay, 1991. P. 3, N 12; Sarianidi, 2008. P. 307, fig. 176). A striking similarity exists with an anthropomorphic mask-like head with closely comparable horizontally-projecting bovine horns rendered on a two-sided Murghab-style seal. It shows a split representation or two opposing profiles of the massive quadruped body (perhaps bovine) joined at the head and “engendering” serpents with menacingly open mouths in confronted arrangement (see: Sarianidi, 1986a. P. 262, fig. 122; 2002. P. 270, centre). Analogies to the mask-like head are further shown in another two-sided Murghab-style seal featuring only a head characterised by round bulging eyes, inflated nostrils, windswept hair and “whiskers” (Sarianidi, 1986a. P. 259, fig. 110; cf. Francfort, 1994. P. 414).

²⁴ The seal has been discussed by G. Azarpay (1991. P. 1–10).

²⁵ However, the traditional connection of Avestan *dahāka* may be with the Pashto *lōy* “big, huge” and hence Azhi dahāka would come to mean “huge serpent” (cf. Skjærvø, 1998. P. 194; Christensen, 1941. P. 20–22).

²⁶ The gradual “debasement” of the dragon in the Indo-Iranian conception led to it becoming an antagonist of true religion in Zoroastrian sources, identified with *Zahhāk* (Dahhāk), the tyrannical and illegitimate ruler of Iran. In later Zoroastrian Pahlavi sources, the Avestan demon Azhi Dahāka is transformed into an early Iranian historicised mythological foreign usurper, called Azhdahāk or *Zahhāk* (Skjærvø, 1998. P. 194). The pair of serpents that spring from his shoulders are a reminiscence of his once reptilian body (Khāleqi-Moḩlaq, 1998. P. 199).



Fig. 14. Large compartmented stamp seal featuring intertwined serpents from the tips of which spring small caprids (detail).

Silver. Diameter 8 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Germany, private collection. Photo by the author.

dragons are however known from the Eastern Iranian world, dated to the late third to the beginning of the second millennium BC. These unprovenanced composite stone statuettes represent an anthropomorphic being with a scarred bearded face entirely covered with a scaled ophidian skin, which have been discussed by Francfort, who suggested that on the basis of small holes which could be used for insertion, at least one of the statuettes might have been furnished with attached metallic horns and wings (a composite statuette, now preserved in the Musée du Louvre, Paris, Département des Antiquités Orientales, inv. no. AO 21.104 – Francfort, 1994. P. 406–418, 414; *Art of the First Cities*, 2003. P. 344–45, Cat. N 244).

The gigantic reared coils of two closely intertwined mythical serpents, chthonic animals *par excellence*, form the dais on which the goddess is “enthroned” serving to divide the scene horizontally into upper and lower registers (fig. 14). The column thus created splits the seal vertically into left and right sides. Recognisable by all of the known features of serpents in nature the reptiles’ coils are accentuated by a tiny, dotted pattern. Yet their upward-curving reptilian heads, near-identical to those of the dragon heads, are likewise punctuated by large bulging eyes, horned and bearded with open jaws and projecting tongues. At the base of the column, small hoofed animals spring from the tips of the



Fig. 15. Seal impression of cushion-shaped two-sided stamp seal of rectangular outline with kneeling bird-headed figure holding serpents from which spring small caprids (obverse). Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. After: Sarianidi, 2000. P. 208, fig. 6.

serpents’ outward-curving tails. Possibly representing wild caprids, their heads are distinguished by raised pointed ears, elliptical eyes, squarish muzzles with slightly opened mouths and projecting goatee beards topped by large, backward-curving horns with numerous ridges along their length. Known for their speed and leaping abilities, the agile and lively animals also represent strength and power, often interpreted as symbolic of virility. Within the thematic content of this seal, these animals seem to posture as symbols of material bounty. To this may be added an important composition on a Murghab-style cushion-shaped stamp seal²⁷ which shows a genuflecting raptorial bird-headed figure holding the necks (?) of upright writhing serpents

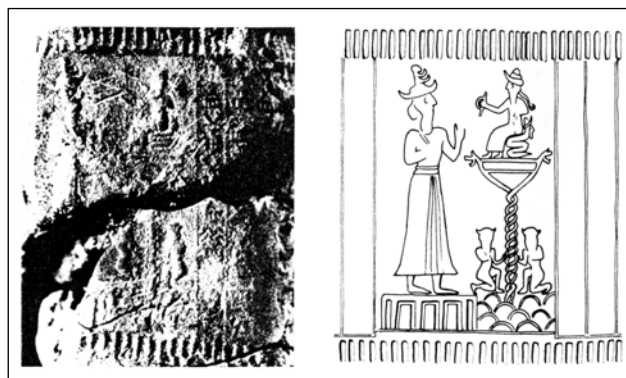


Fig. 16. Drawing of a seal impression on a clay tablet with deity before a god on a serpent throne and dais supported by entwined serpents.

Tablet. Clay. Height c. 3,9 cm. Iran, Haft Tepe. Old Elamite period, c. 1700 BC (Period IVg). Iran Bastan Museum, Tehran. After: Harper, Aruz, Tallon, eds., 1992, p. 118, fig. 40.

²⁷ These comprise a great variety of intaglio carved stone seals, frequently of square or rectangular outline with lentoid or three-edged section, classified as “Murghab-style” seals (named after the Murghab River which is associated with the settlements in Margiana) and drilled for the most part with one string hole through the longitudinal axis. Some of these seals were found near the neck or wrists of the deceased in burials excavated at Margiana and thus are thought to have been worn as amulets (Sarianidi, 1986a. P. 223). However, imprints of these seals have also been discovered on oval and round bullae, suggesting the further possibility of some form of utilitarian function (Hiebert, 1994. P. 152).

in his outstretched hands. These emerge from under the armpits of the figure and from their jaws (or tails?) seem to spring small caprids (fig. 15). The serpent's role is hereby clearly associated with the engendering of herds, an essential ingredient for the continued prosperity of the Oxus civilisation.

A notable point of resemblance with the serpent-dragon column is found in a probably somewhat later cylinder seal impression of the judge Ishme-karab-ilu from the Elamite city of Kabnak (Haft Tepe) in southwestern Iran, dated *c.* 1700 BC (fig. 16) (cf. Amiet, 1973. P. 37, N 48; Pl. IX, N 48; a fragmentary tablet with the same seal impression was exhibited in 1978 at the Museum of Haft Tepe, Iran [cf. de Miroschedji, 1981. P. 3, N 7; Pl. II, N 5; Collon, 1987. P. 169–170, Cat. N and fig. 795; The Royal City of Susa, 1992. P. 118, fig. 40). The impression shows the god seated on the canonical Elamite coiled serpent-throne. It stands on a dais held in place by an upright column formed of the bodies of two tightly entwined mythical serpents, their open-jawed heads projecting to either side of the foundation of the throne. The entwined serpent column issues from a cluster of stylised mountains flanked on either side by kneeling mythical figures. Facing the enthroned divinity is a large standing god wearing the distinctive divine headdress of the Elamite pantheon. According to Pierre de Miroschedji's translation of the long accompanying inscription, the serpents are identified as the deities Napirisha, the human-faced serpent, and Inshushinak, probably a god of fertility, the horned and bearded serpent (Amiet, 1966. P. 320, figs. 239A, B; P. 378-379, fig. 286 ABC; de Miroschedji, 1981. P. 15–17). The serpent-throne motif is also known from the greater Mesopotamian tradition but seems to have developed in Elam and thence to have been appropriated in neighbouring Mesopotamia (de Miroschedji, 1981; Negahban, 1991. P. 79). In the Oxus Civilisation, it is only the goddess who is enthroned on a recumbent quadruped dragon and not on a coiled bearded serpent. An exception is represented on a



Fig. 17. Circular compartmented loop-handled stamp seal with winged raptor-headed and -taloned figure of a deity enthroned on a coiled serpent.

Silver. Diameter 4.6 cm, height including loop handle 0.9 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Late III–early II millennium BC. Collection Le Berre, Paris, inv. N 11.

After: Amiet, 1986. Fig. 182.

Bactrian circular compartmented silver seal featuring what appears to be her winged anthropomorphic likeness but with raptorial head seated sidesaddle, a position generally reserved for the goddess, on a huge coiled serpent (fig. 17) (cf. de Miroschedji, 1981. P. 20, Pl. 11, fig. 2; Sarianidi, 1983. P. 518, Pl. 36, fig. 5; 1986. P. 284, schematic drawing bottom left, 286; Amiet, 1986. P. 147, 197, fig. 182). The hands are not held according to the common convention at the waist but are bent at the elbows and outstretched to hold onto the seal's simple rim. Moreover, the arms terminate in what appear to be talons that also demarcate the feet. It is significant though that this deity is seated on a coiled serpent but *not* on a quadruped dragon.²⁸

The vivid expression of the animal nature of all the creatures reflects the immediacy of the Oxus Civilisation visual symbolism. Extraordinary attention has been paid to the definition of the individual figures on the compartmented silver seal. This may naturally be referred to the observation of the apparent phenomena of animal life, whose reproductive processes were of vital economic significance for the intensive subsistence practices associated with the oasis-based irrigation agriculture of Bactria-Margiana. As Francfort points out “this cycle was widespread in Eurasia before the advent of the Indo-Iranian or Indo-Aryan speaking peoples,

²⁸ On a the above-mentioned cylinder seal excavated at Gonur Depe in Margiana (in grave 23 at the Large Gonur necropolis) the goddess portrayed with vegetal stalks springing from her body is seated on a horned serpent (Sarianidi, 1998b. P. 324, N 1785; 2002. P. 278, lower figure; 2007. P. 105, fig. 180; Francfort, 2010. P. 69, fig. 3).



Fig. 18. Seated female figure with knees tucked up and heels raised cast in the form of the loop handle of a large compartmented stamp.

Silver. Diameter 8 cm. Putative origin: Northern Afghanistan, Bactria. Germany, private collection. Photo by the author.

who later adopted and adapted various parts of it” (Francfort, 2010. P. 80). Embodying those animal powers that humans lack, the mistress of dragons and wild beasts the “divine” power that creates, sustains and manifests itself in a variety of life-forms within the earth and its cycles. The placement of the animals on either side of the central axis formed by the entwined serpent column and the body of the standing goddess dragons reaffirms the location of the cyclical process at the axial centre portraying a pictorial account of of continuous and ongoing process.

It is interesting to note that at the very centre of the seal a plastically modelled statue of a seated presumably female figure with knees tucked up and heels raised (fig. 18). The figure, cast in the round replacing the conventional loop handle, marks the appearance of a unique feature, apparently unrecorded before this time. Situated on top of the lower body, more precisely the pelvis region, of the goddess, the body of the sculpted figure is oriented towards her upper body thus forming part of the central vertical axis of the overall seal composition. In particular the head rendered with shoulder-length hair covering the ears shows signs of use-wear. The miniature cast figure is wrapped in an ankle-length garment, the hands placed above the knees. The identifica-



Fig. 19. Seated male figure with knees tucked up and wearing boots, upturned at front, cast on the butt of a flat triangular-bladed axe with concave sides and splayed shaft hole.

Bronze. After: Ligabue, Salvatori, 1988. Fig. 102.

tion of the figure as female is supported by an analogue representation in the same posture cast on the butt of a flat triangular-bladed axe with concave sides and splayed shaft hole (fig. 19).²⁹ The bearded and moustachioed, hence manifestly male figure sits on a low pedestal clad in a garment draped over his left shoulder but leaving his right shoulder bare and wearing boots, upturned at front, the distinctive footwear of male figures in the Oxus Civilization and beyond. His right hand is clenched on his right knee, while his left arm is completely hidden by his garment. The butt of the axe around the shaft hole, beneath the sitting figure, is engraved with geometric motifs comprising hachured lines along the edges terminating in a large blossom; the interstices are covered by a scale-like pattern which have been interpreted as symbolising the stylised representation of mountains (cf. Salvatori, 1988. P. 181).

²⁹ In a conversation Prof. H.-P. Francfort remarked upon the notable similarity between this figure and the male figure sitting on an axe (Bactria an Ancient Oasis Civilization, 1988. Fig. 102–103) whom he tentatively proposes to have analogies with the figure of a “priest”, akin to the Mohenjo-Daro sculptural figure named “priest-king” by Sir John Marshall (Karachi, National Museum of Pakistan. Inv. N 50.832; Marshall, 1931. P. 356–357, Pl. 98). It is of note that in neighbouring Elam the title of “high-priestess” existed and was used in the same manner as that of her male colleagues (Akkadian *paschischu rabu* with the addition of “female”) (see: Koch, 2007. P. 154).

What was the function of the female figure on the silver seal? What was her social position? It seems reasonable to think that she was accorded a special status and must in some way be in rapport with the standing female deity who appears to be associated with bringing forth all kinds of living animals. Patently and directly associated with the procreation of the animal world, as source of fertility-fecundity and the elemental mysteries of life and nature, the goddess seems to be linked with maintaining the eternal cycle of life.

The iconography makes abundantly clear that she is the great goddess who ranks first before all in power and authority in the hierarchical pantheon of the Oxus civilisation (Francfort, 1992. P. 197; 1994. P. 407, 410; 2008. P. 3–4; Kuehn, 2010. P. 64).³⁰ The lions, caprids, serpents and dragons that appear in scenes with the BMAC goddess characterise her as protectress and “mistress of animals” representing her mastery over nature in the widest sense³¹ as is evident in the configuration on this seal. Expressing a sense of close relation to the life that sustains animals and humans alike, she appears to represent the as experienced in the relationship of the people of Bactria-Margiana to animals and mythical creatures. Her celestial aspect underlines the mysterious connection between unapproachable distance and creative powers/fecundity. The consistency with which this symbolic structure reasserts itself indicates that significance was accorded to vertical axial balance, to bilateral symmetry, visual stability and to a hierarchy within a mythic order. It appears as if the transformation within this order is facilitated through the figure of the goddess as well as the ophidian and quadruped serpent-dragons.

The seal is framed by an elaborate interlace cable border which is worked in the same manner as the bodies of the intertwined mythical serpent supporting the standing goddess. Yet instead of the tiny, dotted pattern that accentuates the intertwined reptiles, the coils that compose the frame are enlivened with fine parallel lines. Since in the Oxus civilisation, coiled interlaces were sometimes interchangeably used with entwined serpents on which ophidian characteristics (such as the heads and tails) were clearly identifiable, it is conceivable that the guilloche frame might be semantically equivalent to sinuously intertwined serpents coiling around the seal. In this iconographic representation the coils would thus encircle a “cosmic setting” encapsulated in the seal. Moreover, the latter could possibly in some form be related to the element of water, perhaps comparable to the concept of the “waters” of *apsû* (Sumerian *abzu*), the great sweet water ocean and subterranean source of fresh water, hence life (“apsû” – CAD, Vol. A/2, 1968; cf. Galter, 1983. P. 80–84), surrounding the world, the primal monster made of fresh water depicted in the *Enûma Elish*, the Babylonian epic of creation which had achieved canonical status in Assyria by the late second millennium BC (cf. Lambert, 1966).³² The giant undulating serpents with dragon heads, one covered with scales, the other with a dotted pattern, which coil up the sides of the monumental fourteenth-century-BC stele of king Untash-Napirisha, identified by an inscription on his arm, dedicated to Inshushinak, “the lord of Susa [the ancient Elamite capital],” may possibly convey an associated *Weltanschauung* (fig. 20) (Amiet, 1966, P. 374, fig. 282; de Miroschedji, 1981. P. 15–17, pl. 8; Amiet, 1988b. P. 95, figs. 53, 54;

30 In neighbouring Elam the feminine element, in the human as well as in the divine world, enjoyed a prominent position (Vallat, 1989. P. 46–49). In a treaty between Khita and Naram-Sin from the third millennium (2300 BCE) invoking the gods of Elam, the goddess Pinengir (later probably called Kiririsha, “Great Goddess”) appears in first place as the highest deity of the Elamite pantheon at the head of the thirty-seven male and female divinities whose names were preserved on the tablet (Koch, 2005. P. 568; *eadem*, 1995, P. 1960–1961; *eadem*, 2007. P. 154. While parallels with the Mesopotamian goddesses, Inanna/Ishtar or Nana, have been proposed, these goddesses did not attain such a high rank (Francfort, 2008. P. 4).

31 See the definition of “mistress of animals” by Keel, Uehlinger, 1998. P. 116, 140, 182–184.

32 Based on close parallels between the serpents and flowing water, P. Amiet (1980. P. 151. N. 153) has made such a suggestion with regard to ancient Mesopotamian glyptic representations. As confirmation he cites the association of the serpent-dragon serving as throne with the god holding the vase with flowing water on the Elamite rock reliefs in the highland region of Fars, at Naqsh-i Rostam and Kurangun (cf. Herzfeld, 1935. Pl. III; Seidl, Skjærvø, 1986; The Royal City of Susa, 1992. P. 130).

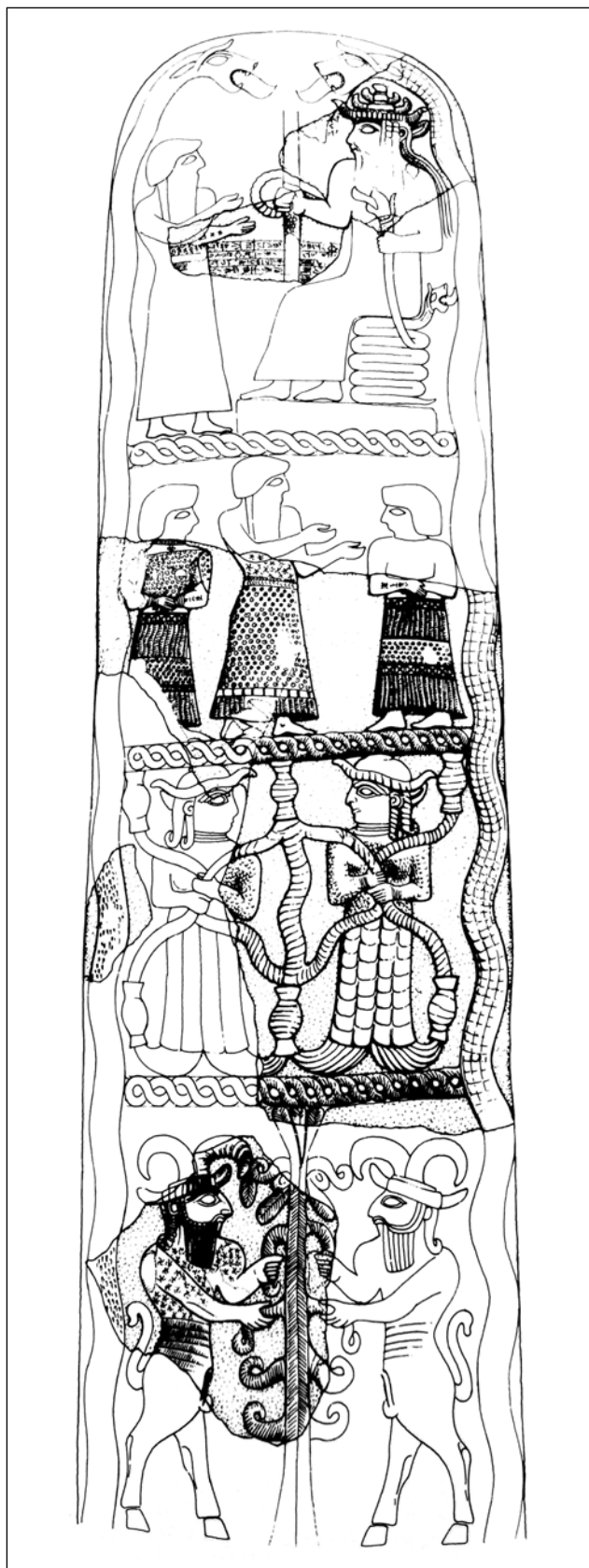


Fig. 20. Reconstruction of the stele of Untash-Napirisha. Sandstone. Reconstructed height 262 cm, width 80 cm. Middle Elamite period, 14th century BC. Southwest Iran, originally set up at Chogha Zanbil (Elamite Dur Untash) and later brought to Susa, Acropole. Paris, Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales, inv. N Sb 12. After: de Miroshedji, 1981. Pl. 7.

The Royal City of Susa, 1992. P. 127–130, fig. 80; Kuehn, 2008. P. 64, fig. 32).³³

That both the ophidian and the quadruped serpent-dragons are figured on the seal underlines their centrality in the iconography of the BMAC.³⁴ Ophidian creatures are known to move both above and below the surface alluding to an inevitable dislocation between the spheres of the living and the “other side.” Both are articulated within the larger structure, one which perhaps postulates the vertical axis and bilateral symmetry as a sign of necessary and coherent order and appears to express the desire for an essential balance in nature, and, consequently, in the life and death cycle.

The seal thus may be seen to represent a powerful metaphor of duality. The chthonian aspect of the mythical serpent is expressed through its position as entwined chthonian axis, not only supporting the feminine deity but forming one single axis with her body marking her as both a creator and potential destroyer simultaneously. These boundaries are constantly transgressed.

At the same time its celestial aspect appears to be emblematised by the potent drag-

33 The top register shows the king standing before the great god associated serpents and flowing waters. In one hand the latter holds a fire-spitting horned serpent-dragon sceptre-like in his hand and in the other the traditional emblems of divine power, a scaly-textured rod and ring. Crowned by a multiple-horned headgear he is seated on an interlaced serpent-throne with coils terminating in dragon heads. P. Amiet (1973. P. 17) believes the god’s attributes to be more evocative of the mountain god Napirisha, sometimes considered the highest god of the Elamite pantheon; P. de Miroshedji (1981. P. 15–17) identifies him with Inshushinak who is named in the inscription (cf. The Royal City of Susa, 1992. P. 118 and 130). F. Wiggermann (1996. P. 46) associates the god on a serpent-throne with the older Akkadian snake god Ishtaran with the significant difference that the anthropomorphic and theriomorphic parts have split into two separate entities whereas on 19th–to 17th-century depictions the serpent was still represented with a human head.

34 They both may be relatives of the Akkadian giant serpent *bašmu*, a mythological horned viper living in the sea and its swamps (Pientka-Hinz, 2009. P. 205). Probably the characteristics of the genus *cerastes* stood model for this creature, but the real habitat of these extremely dangerous venomous vipers is the desert or vegetated oases (Wagner, Wilms, 2010. P. 297; for instance P. 301, N 5; on its life-threatening venom – see: Warrell, 2004). The *bašmu* length is sometimes described as sixty ‘double miles’ that is six hundred kilometres. It is probably related to the great mythical dragons, *ušumgallu*, *mušhuššu* or *mušmahhu* (Wiggermann, 1994. P. 166–169; 1997. P. 34–35; Pientka-Hinz, 2009. P. 205; Collon, 1987. N 195).

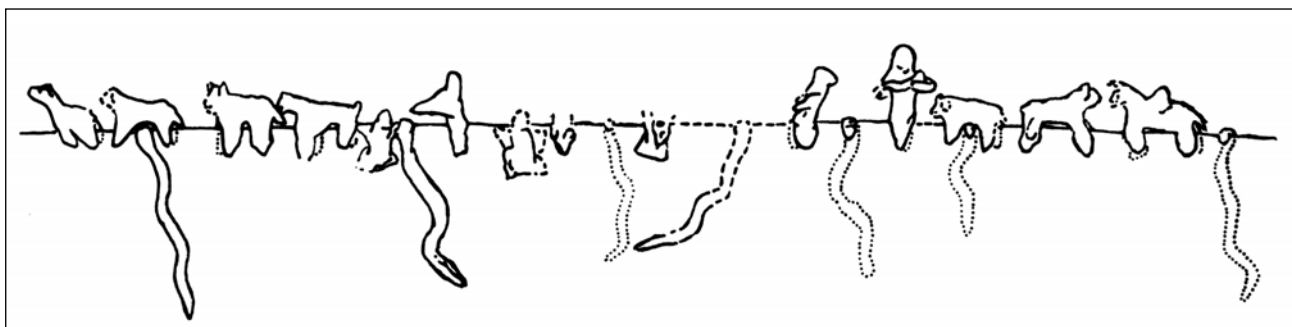


Fig. 21. Vessel with frieze of standing anthropomorphic figures, quadrupeds, birds and serpents. Clay. Southeastern Turkmenistan, Margiana, Togolok 1, "Temple". After: Sarianidi, 1986a. P. 138, central schematic drawing.

ons issuing from the shoulders of the goddess, serving her as wings and, it is tempting to suggest, symbolising the of the quadruped dragon through the body of the goddess. Hence, instead of small caprids, as featured on the Bactrian silver seal (fig. 3), or the raptorial birds, as on the Bactrian copper alloy seal (fig. 8), here emits dragons. She herself is "enthroned" on, or rather seems to arise from, intertwined mythical serpents from which, in turn, spring small caprids, akin to the imagery exemplified in the above-discussed Murghab-style seal (fig. 15). By association, the dragon may also be conceived as a benign being that fulfils a protective function or, by extension, one may hypothesise, the engendering of the dragon through the body of the goddess may allude to its creation.

The BMAC material culture clearly shows that the dragon is in some way linked to a hypothetical axis both with and through the goddess. The symbolic association of the dragon with ideas of transformation, and hence with passages from one season, stage or realm to another, suggests the possibility that the iconography of both the serpent and the quadruped dragon may also serve as vehicle symbolising some form of order.

In contrast to humans and animals, the goddess seems to have access to an inexhaustible abundance.

Of importance is her close association with serpents and its close relative, the dragon. In the basic repertoire of religious iconography guarded with extreme conservatism, even archaism, over millennia, the serpent is the representative par excellence of life and immortality and eternal life (cf. Heidel, 1949. P. 10).

This notion may perhaps be elucidated through a modelled frieze applied to the rim of cultic clay vessels from the area commonly known as the "Temple" at Togolok 1 oasis south of Gonur in Margiana. The frieze is composed of standing anthropomorphic figures (one figure holding what appears to be a child in the arms), quadrupeds, birds and serpents. The latter are writhing up the outer and inner walls of the vessel, their heads projecting above the rim. Some of the serpent heads seem to press against the bellies of the standing quadrupeds (fig. 21).³⁵ The frieze was interpreted by Sarianidi as a symbolic composition, possibly a kind of *imago mundi*, which reflects mythological beliefs of the Oxus Civilisation with serpents below and mammals and birds above (Sarianidi, 1986a. P. 141–142; cf. Francfort, 1994. P. 414).

The archaic nature of these conceptualisations is reflected in the depiction of a serpent on a steatopygous female clay figure from Kara Depe, dated by Masson and Sarianidi to the Namazga III period (early III millennium BC), where it is represented as wriggling up towards

³⁵ Inside the large bowl five miniature vessels were stored comprising two open vase-like containers, a small bowl, a stem bowl and a pouring vessel (Sarianidi, 1986a. P. 119, fig. 32; 1998. Fig. 10.1; 2006. P. 266, fig. 120; 2008. P. 274, fig. 160), which, according to Sarianidi, might have been used in a ritual context, perhaps in connection with the ephedra twigs and poppy seeds discovered in the so-called sanctuary of Togolok 21 in Margiana which might be indicative of the use of hallucinogenic beverages (Sarianidi, 1986a. P. 119–123, fig. 32–34; P. 138–142 with schematic drawings; 2002. P. 180–181, and figures; 2006. P. 263, fig. 117; 2008. P. 133, fig. 55). Two further clay bowls with similar compositions but featuring only quadrupeds and serpents were discovered at the same site (Sarianidi, 1998. P. 36, fig. 10.2 and 10.3 – Togolok 21). Similar vessels are known from Bactria (Sarianidi, 1981a. P. 180).

the seated figure's belly (fig. 22) (Masson, Sarianidi, 1972. P. 213).

It is thence not impossible that the overall iconography of the seal is not only associated with the parturition of animals but also of humans.

The underlying mythological nucleus may point to the conception that there is an intimate connection between the goddess, and—perhaps through the serpent—the source of life. Based on the above, we can hardly avoid the conclusion that she is a serpent and dragon goddess. Her association and sharing of characteristics with serpent deities, her overall association with fertility-fecundity, and, by extension, regeneration and “life-giving,” all point in that direction.



Fig. 22. Seated steatopygous female figure with serpent. Clay. Southern Turkmenistan, Kara depe. After: Masson, Sarianidi, 1972. Fig. 27.

Bibliography

1. Amiet P. *Elam*, Auvers-sur-Oise: Archée, 1966.
2. Amiet P. [in coll. with Lambert M., Desroches-Noblecourt Ch., Staroky J.] *Glyptique susienne des origines à l'époque des Perses achéménides: Cachets, sceaux-cylindres et empreintes antiques découverts à Suse de 1913–1967*. [Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. N 43. Mission de Susiane]. T. 1-2. Paris, 1972.
3. Amiet P. *Glyptique élamite, à propos de documents nouveaux // Arts asiatiques*. T. 26. 1973. P. 3–64.
4. Amiet P. *Antiquités du désert de Lut: À propos d'objets de la collection Foroughi // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. T. 68. 1974. P. 97–110.
5. Amiet P. *Antiquités de la Bactriane // La Revue du Louvre et des Musées de France*. T. 28. N 3. 1978. P. 153–164.
6. Amiet P. *L'iconographie archaïque de l'Iran: Quelques documents nouveaux // Syria*. Vol. LVI. N 3–4. 1979. P. 333–352.
7. Amiet P. *La glyptique mésopotamienne archaïque*, 2nd ed., Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1980. 210 s.
8. Amiet P. *L'âge des échanges inter-iraniens, 3500–1700 avant J.C.* [Notes et documents des musées de France]. Paris, 1986. 332 s., ill.
9. Amiet P. *Elam and Bactria; Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // Bactria an Ancient Oasis Civilization From the Sands of Afghanistan. 'Studies and Documents' / Eds. Ligabue G., Salvatori S.* Vol. III. Venice: Centro Studi Ricerche Ligabue, 1988a. P. 127–140, 159–180.
10. Amiet P. *Suse: 6000 ans d'histoire*. Musée du Louvre, Paris: Min. de la Culture et de la Communication, 1988b. 156 s.
11. Amiet P. *Déeses et Reines d'Élam // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 5. N 1. 1999. P. 4–11.
12. *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / Eds. Aruz J., Wallenfels R.* New York; New Haven; London, 2003. 540 p.
13. Aruz J. *Images in the Supernatural World: Bactria-Margiana Seals and Relations with the Near East and the Indus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 5. N 1. Leiden, 1998. P. 12–30.
14. Assmann J. *The Search for God in Ancient Egypt*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 288 p.
15. Assmann J. *Translating Gods: Religion as a Factor of Cultural (Un)Translatability // Religion: Beyond a Concept / Ed. Hent de Vries [The Future of the Religious Past / Ed. Hent de Vries]*. New York: Fordham University Press, 2008. P. 139–149; notes P. 861–864. [Reprint: Assmann J. *Translating Gods: Religion as a Factor of Cultural (Un)Translatability // The Translatability of Cultures: Figurations of the Space Between // Eds. S. Budick, W. Iser*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. P. 25–36.
16. *Bactria an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Studies and Documents / Eds. Ligabue G., Salvatori S.* Vol. III. Venice: Centro Studi Ricerche Ligabue, 1988. 244 p.
17. Azarpay G. *The Snake-Man in the Art of Bronze Age Bactria // Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 5. 1991. P. 1–10.
18. Biscione R., Bondioli, L. *Sapallitepa // Bactria an Ancient Oasis Civilization From the Sands of Afghanistan. 'Studies and Documents' / Eds. Ligabue G., Salvatori S.*, vol. III, Venice: Centro Studi Ricerche Ligabue, 1988. P. 67–69.
19. Boyce M. *A History of Zoroastrianism: The Early Period*. Vol. 1. Leiden, 1975 [repr. 1996].
20. Calmeyer P. *Middle Babylonian Art and Contemporary Iran // Later Mesopotamia and Iran*. London: British Museum Press, 1995. P. 33–45.

21. Christensen A. *Essai sur la démonologie iranienne*. Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 1941.
22. Collon D. *First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East*. London; Chicago, 1987. 208 p.
23. Douglas Van Buren E. The Dragon in Ancient Mesopotamia // *Orientalia*. Vol. 15. N 1/2. 1946. P. 1–45.
24. Douglas Van Buren E. The Scorpion in Mesopotamian Art and Religion // *Archiv für Orientforschung*. Bd.12. 1937–1939. P. 1–28.
25. Dubova N. Animal Burials and Their Cults in Margiana // *Defining the Sacred: Approaches to the Archaeology of Religion in the Near East* / Ed. Laneri N. Philadelphia: Oxbow Books, 2015.
26. *Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth* / Ed. Dundes A. Berkeley, CA: University of California Press, 1984.
27. Francfort H.-P. The Early Periods of Shortugai (Harapan) and western Bactrian culture of Dashly // *SAA 1981* / Ed. B. Allchin. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 170–175.
28. Francfort H.-P. Les sceaux de l'Oxus: diversité de formes et variabilité de fonctions // *Ancient Civilizations From Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 5. N 1. Leiden, 1989. P. 59–71.
29. Francfort H.-P. Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana // *South Asian Archaeology Studies* / Ed. G. Possehl. New Delhi; Bombay; Calcutta, 1992. P. 179–208.
30. Francfort H.-P. The Central Asian Dimension of the Symbolic System in Bactria and Margiana // *Antiquity*. Vol. 68. 1994. P. 406–418.
31. Francfort H.-P. A Note on the Hasanlu Bowl as Structural Network: Mitanni-Arya and Hurrian? // *Bulletin of the Asia Institute. New Series*. Vol. 22. Zoroastrianism and Mary Boyce with Other Studies. 2008. P. 171–188.
32. Francfort H.-P. Birds, Snakes, Men, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay dedicated to Professor Viktor I. Sarianidi on a Cylinder Seal from Gonur Depe // *On the Track of Uncovering a Civilization. A Volume in Honor of the 80th Anniversary of Viktor Sarianidi* [Transactions of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 3]. St. Petersburg: Aletheia, 2010a. P. 67–85.
33. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus // *Iranica Antiqua*. Vol. 45. 2010b. P. 51–224.
34. Galter H.D. *Der Gott Ea/Enki in der akkadischen Überlieferung: eine Bestandsaufnahme des vorhandenen Materials*. Dissertationen der Karl-Franzens-Universität, Graz. 58. Graz: Dbv-Verlag, 1983.
35. Ghirshman R. Notes iraniennes XVI. Deux statuettes élamites du plateau iranien // *Artibus Asiae*. Vol. 30. N 2/3. 1968. P. 237–248.
36. Heidel A. *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1949. 280 p.
37. Hinz W. *Altiranische Funde und Forschungen / mit Beiträgen von Rykle Borger und Gerd Gropp*. Berlin: de Gruyter, 1969. 273 S.
38. *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. I. Die altiranischen Namen. Fs. 1. Die avestischen Namen / Herg. Schwartz M., Mayrhofer M. [Orientalia. Vol. 49. Nova Series]. Pontificium Institutum Biblicum, 1980. P. 123–126.
39. Khāleqī-Motlaq Dj. Aždahā II. In *Persian Literature* // *Encyclopedia Iranica*. Vol. 3. Fc. 2. New York: Routledge, Kegan Paul, 1989. P. 191–205. <http://www.iranicaonline.org/articles/azdaha-dragon-various-kinds#pt2>
40. Koch H. Theology and Worship in Elam and Achaemenid Iran // *Civilizations of the Ancient Near East*. Vol. II and IV / Ed. J. Sasson. New York: Scribner, 1995. P. 1959–1969.
41. Koch H. *Frauen und Schlangen: Die geheimnisvolle Kultur der Elamer in Alt-Iran*. Kulturgeschichte der antiken Welt. Bs. 114. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2007. 176 S.
42. Koch H. Pinengir // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* / Ed. Michael P. Streck. Berlin: Walter de Gruyter. Bd. 10. 2005. 648 S.
43. Kuehn S. On the Role of the Ophidian and the Quadruped Dragon within the Iconography of the Mythological Scheme of the Oxus Civilization // *On the Track of Uncovering a Civilization. A Volume in Honor of the 80th Anniversary of Viktor Sarianidi* [Transactions of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 3]. St. Petersburg: Aletheia, 2010. P. 43–67.
44. Lambert W.G. DINGIR.ŠA.DIB.BA Incantations // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 33. 1974. P. 267–322.
45. Lambert W.G. The History of the *muš-ḫuš* in Ancient Mesopotamia // *L'animal, l'homme, le dieu dans le Proche-Orient Ancien: actes du Colloque de Cartigny. 1981* / Eds. Borgeaud Ph., Christe Y., Urio I. Les Cahiers du CEPOA. Université de Genève, Centre d'étude du Proche-Orient ancien. T. 2. Leuven: Peeters, 1985. P. 87–94.
46. Lambert W.G. *Enuma eliš*: The Babylonian Epic of Creation. The Cuneiform Text. Oxford: Clarendon Press, 1966. 47 p.
47. Lambert W.G. Seals from West Central Asia and Adjacent Regions // *AMI*. Bd. 19. 1986. P. 33–40.
48. Lambert W.G. A New Babylonian Descent to the Netherworld // *Lingering over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran* / Eds. Abusch T., Huehnergard J., Steinkeller P. [Harvard Semitic Studies. Vol. 37]. Atlanta, GA: Scholars Press. 1990. P. 289–300.
49. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. London: Penguin Books, 1978. 440 p.
50. Ludwig T.M. Gods and Goddesses // *Encyclopedia of Religion*. Vol. 6. Detroit, 2006. P. 59–66.
51. Luneau É. Tombes féminines et pratiques funéraires en Asie centrale protohistorique: Quelques réflexions sur le «statut social» des femmes dans la civilisation de l'Oxus // *Paléorient*. Vol. 34. N 1. 2008. P. 131–157.
52. Luneau É. La fin de la civilisation de l'Oxus: transformations et recompositions des sociétés de l'âge du bronze final en Asie Centrale méridionale: 1800-1500/1400 avant n.è. Paris: De Boccard, 2014.
53. Masson V.M., Sarianidi V.I. *Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids* / Transl. into English by Ruth Tringham. London: Thames and Hudson, 1972. 219 p.
54. Marshall J. *Mohenjo-Daro and the Indus Civilization*. Vol. 2. London: Arthur Probsthain, 1931. 924 p.

55. Miroschedji P. de Le dieu élamite du serpent et aux eaux jaillissantes // *Iranica Antiqua*. Vol. 16. 1981. P. 1–25.
56. Negahban E.O. Excavations at Haft Tepe, Iran. [Museum Monographs. N 70]. Philadelphia: University Museum of Archaeology and Anthropology, University of Pennsylvania, 1991. 156 p.
57. Paroda E. Discussion of a Cylinder Seal, probably from Southeast Iran // *Iranica Antiqua*. Vol. 23. 1988. P. 139–147.
58. Paroda E. Seals and Related Objects from Early Mesopotamia and Iran // *Early Mesopotamia and Iran: Contact and Conflict c. 3500–1600 BC. Proceedings of a Seminar in Memory of Vladimir G. Lukonin* / Ed. Curtis J. London: British Museum Press, 1993. P. 44–53.
59. Pedersen O. Archives and libraries in the City of Assur. Vol. 2. Uppsala: Almqvist, Wiksell, 1986. P. 41–76.
60. Peyronel L. Elam and Eshnunna: Historical and Archaeological Interrelations during the Old Babylonian Period // *Susa and Elam: Archaeological, Philological, Historical and Geographical Perspectives: Proceedings of the International Congress held at Ghent University, December 14–17, 2009* / Eds. Graef K. de, Tavernier J. [Mémoires de la Délégation en Perse. Vol. 58]. Leiden: Brill, 2013. P. 51–70.
61. Panikkau E. Deity // *Encyclopaedia of Religion*. Vol. 4. Detroit, 2004. P. 264–276
62. Pittman H. Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia and the Indus Valley. New York: Metropolitan Museum of Art, 1984. 102 p.
63. Pittman H. Glyptic Art of Period IV // *Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1975: The Third Millennium* [American School of Prehistoric Research Bulletin. N 45] / Eds. C.C. Lamberg-Karlovsky, D.T. Potts. Cambridge, MA: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University, 2001. P. 231–268.
64. Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze. Paris, 1984. 232 p., ill.
65. Salvatori S. Early Bactrian Objects in Private Collections // *Bactria an Ancient Oasis Civilization From the Sands of Afghanistan. Studies and Documents* / Eds. Ligabue G., Salvatori S. Vol. III. Venice: Centro Studi Ricerca Ligabue, 1988. P. 181–187.
66. Sarianidi V.I. Seal-Amulets of the Murghab Style // *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries* / Ed. Kohl P.L. New York, 1981b. P. 221–255.
67. Sarianidi V.I. Anthropomorphic Divinities of Ancient Bactria // *Ethnologie und Geschichte: Festschrift für Karl Jettmar* / Ed. Peter Snoy. Wiesbaden, 1983. P. 515–525.
68. Sarianidi V.I. Die Kunst des alten Afghanistan / transl. into German by Sabine Gebe. Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986a.
69. Sarianidi V.I. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // *Arts Asiatiques*. T. 41. 1986b. P. 5–21.
70. Sarianidi V.I. The Bactrian Pantheon // *IASCCA*. N 10. Moscow, 1986c. P. 5–20.
71. Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrianism. Athens: Kapon Editions, 1998a.
72. Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic, 1998b.
73. Sarianidi V.I. The Syro-Hittite Origin of Bactrian-Margiana Glyptics // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 6. N ¾. Leiden, 2000. P. 207–234.
74. Sarianidi V.I. Margush: Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab River. Ashgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2002. 360 p.
75. Sarianidi V.I. Gonurdepe. City of Kings and Gods. Ashgabat: Miras, 2006. 328 p.
76. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p., ill.
77. Sarianidi V.I. Margush: Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabat: Türkmen Döwlet Neşirýat Gullugy, 2008. 341 p., ill.
78. Spycket A. Kassite and Middle Elamite Sculpture // *Later Mesopotamia and Iran*. London: British Museum Press, 1995. P. 25–32.
79. Skjærvø P.O. Aždahā: in Old and Middle Iranian // *Encyclopedia Iranica*. Vol. 3. Fc. 2. New York: Routledge, Kegan Paul, 1989. P. 191–205. <http://www.iranicaonline.org/articles/azdahā-dragon-various-kinds#pt1>
80. Süring M.L. The Horn-Motif: In the Hebrew Bible and Related Ancient Near Eastern Literature and Iconography [Andrews University Seminary. Doctoral Dissertation Series. N 4]. Berrien Springs, MI: Andrews Univ. Press, 1980.
81. Teufer M. Zu bronzezeitlichen Tulpendarstellungen in Zentralasien und im Iran // *Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan* / Ed. Martina Blečić et al. [Narodni muzej Slovenije. Situla. N 44]. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. P. 183–208.
82. The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre / Eds. Harper P.O., Aruz J., Tallon F. New York: Metropolitan Museum of Art, 1992. 316 p.
83. Trokay M. Les origines du dieu élamite au serpent // *Mesopotamian History and Environment. Mésopotamie et Elam. Actes de la XXXVIème Rencontre Assyriologique Internationale. Gand, 10–14 juillet 1989 (= MHEO 1)* / Eds. Meyer L. de, Gasche H. Ghent: University of Ghent, 1991. P. 153–162.
84. Vallat F. Religion et civilisation élamites en Susiane // *Dossiers d'Archéologie*. T. 138. 1989. P. 46–49.
85. Veldhuis N. A Cow of Šin. *Ancient Mesopotamian Texts*. Groningen: Styx Publications, 1991. 78 p.
86. Wiggermann F.A.M. Tišpak, his seal and the dragon mušhuššu // *To the Euphrates and Beyond: Archaeological Studies in Honour of Maurits N. van Loon* / Eds. O.M.C. Haex, H.H. Curvers, P.M.M.G. Akkermans. Rotterdam: A.A. Balkema, 1989. P. 117–133.
87. Wiggermann F.A.M. Mesopotamian Protective Spirits: The Ritual Texts. *Cuneiform Monographs*. 1. Groningen: Styx and PP Publications, 1992. 226 p.
88. Wiggermann F.A.M. Transtigradian Snake Gods // *Sumerian Gods and Their Representation* / Eds. I.C. Finkel, M.J. Geller. Groningen, 1997. P. 33–55.
89. Wiggermann F. “Mushussu” // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* / Ed. Michael P. Streck. Bd. 8. Berlin: Walter de Gruyter, 1997a. S. 455–462.
90. Winkelmann S. Ein neues translamisches Siegel // *AMIT*. Bd. 29. 1997. P. 135–146.
91. Winkelmann S. Seals of the Oasis from the Ligabue Collection. Venice: Il Punto Edizioni, 2004. 206 p.

Ulug-depe and the transition period from Bronze Age to Iron Age in Central Asia. A tribute to V.I. Sarianidi

After the pioneering excavations of V.I. Sarianidi at Ulug-depe in the late 1960s, the site appeared as one of the rare settlements of Central Asia with an occupation during both the Bronze Age and the Iron Age. For him as for the French-Turkmen Archaeological Mission currently working at the site, it offers an excellent opportunity to study the transition period between the Bronze Age and the Iron Age. In this paper, we bring together some unpublished data from V.I. Sarianidi's excavations and the first results of our recent work concerning this issue. In order to reach an understanding, we set back Ulug-depe in the context of the neighbouring settlements of the Kopet Dagh piedmont, but also of the contemporary sites of Margiana and Bactria. Altogether, the data evidence a continuity of the occupation between the Late Bronze Age and the Early Iron Age, in a context of coexistence of different cultural communities, and a progressive, but short transition phase.

Introduction

Ulug-depe is located in the eastern Kopet-Dagh piedmont zone, 6km south of the village of Dushak in the Etrap of Kaahka. With a total area of 13ha and more than 30m high above the surrounding plain, Ulug-depe displays the longest stratigraphic sequence of Central Asia, from the Late Neolithic until the pre-Achaemenid period (Lecomte, 2011, 2013).

First excavations at Ulug-depe were laid from 1967 to 1970 by the Geoksjur expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR, headed by Viktor Ivanovich Sarianidi. During the four field seasons he led at Ulug-depe, V.I. Sarianidi opened six soundings that allowed him to draw the outlines of the stratigraphy of Ulug-depe. He thus evidenced levels from the Early Bronze Age (Namazga IV, hereafter NMG), the Middle Bronze Age (NMG V), the Late Bronze Age (NMG VI), the Early Iron Age (Yaz I), and the Achaemenid period (Сарианиди, 1967, 1968a, 1968b, 1969, 1971, 1972; Сарианиди, Качурис, 1968). Since 2001, the French-Turkmen Archaeological Mission (MAFTur) works in turn at the site, under the direction of M. Mamedov and O. Lecomte

(2001–2013) and J. Bendezu-Sarmiento (since 2014).¹ The work of the MAFTur contributed to refine the chrono-stratigraphy of the site, and it became clear that the last period of occupation should be attributed to the pre-Achaemenid period (Yaz II), the site being abandoned before the Achaemenid period (Lecomte, 2013; Lhuillier *et al.* in print 1). Due to the extent of the remains of this last stage, the layers related to the Yaz I period have been less intensively excavated.

However, a common goal to both the Soviet and the French missions was the study of the transition period between the late Bronze Age and early Iron Age, which is “one of the most intriguing mysteries of Central Asian archaeology”, according to V.I. Sarianidi himself (Sarianidi, 2007. P. 135). Indeed, the disappearance of the Bronze Age Bactrian-Margian Archaeological Complex (BMAC – corresponding to the

1 I would like to express my deepest gratitude to the three of them, for having invited me to work at Ulug-depe, and authorized me to publish. I owe much to prof. Olivier Lecomte, thanks to whom I was also able to access the unpublished data (field reports, photographs, drawings) Viktor Ivanovich Sarianidi gave him when he started to work at Ulug-depe in 2001.

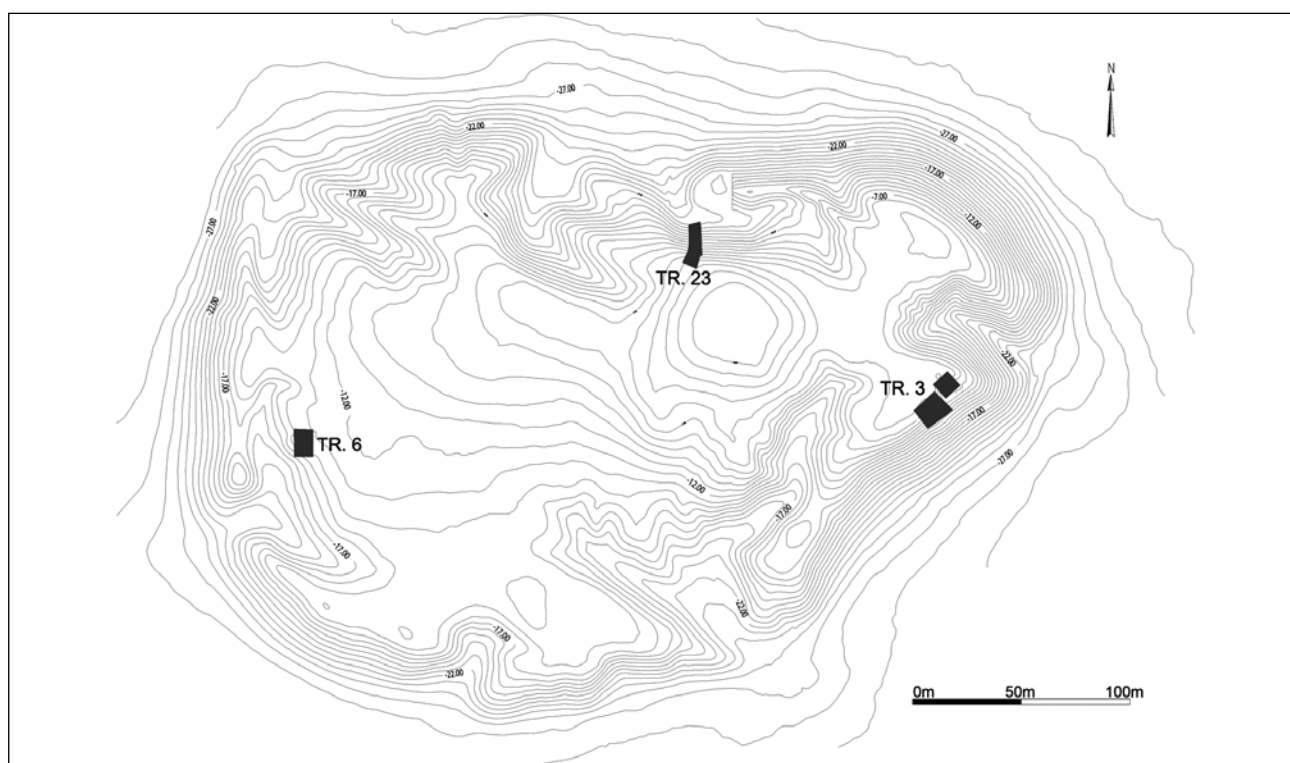


Fig. 1. Topographical map of Ulug-depe with the location of the soundings where the transition between Bronze Age and Iron Age has been observed (soundings N 3 and 6 opened by V.I. Sarianidi, and sounding N 23 opened by the MAFTur) (© MAFTur).

Namazga V–VI periods), and the subsequent appearance of the Painted Ware Cultures during the second half of the II millennium BC (Early Iron Age, or Yaz I period) is such a global transformation that it was long attributed to a “Barbarian invasion” from the steppes. E.E. Kuz'mina (Кузьмина, 2010) already underlined the major contribution made by V.I. Sarianidi to this issue; we intend here to complete and to highlight this work thanks to recent data gathered at Ulug-depe. Some recent synthetic works contributed to shed a new light on the transition period (Lhuillier, 2013a, 2013b; Luneau, 2014), but a problem remains, i.e. the stratigraphic approach of the transition. Indeed, most of the Yaz I sites are settled at the beginning of the Iron Age, even if the new settlements are usually located in the same oases as during the previous period.² As for now, few sites are known that are occupied during both the Bronze Age and the Iron Age, among which Ulug-depe displays one of the best stratigraphy, and appears as a key

site for the studying and understanding of the transformations that occurred at the end of the Bronze Age and led to the formation of the Early Iron Age culture.

The contribution of Viktor Ivanovich Sarianidi to the study of the Bronze Age – Iron Age transition at Ulug-depe

Among the six soundings V.I. Sarianidi opened, two are particularly relevant for the study of the transition period, soundings N 3 and N 6 (fig. 1).

Sounding N 3 is located on the eastern side of the *depe*, and was opened in 1967 by K.A. Kachuris, head of the Achaemenid Group of the Geoksjur expedition (Сарианиди, 1967; Сарианиди, Качурис, 1968), and excavated in 1968 by V.I. Sarianidi (Сарианиди, 1968a, 1968b, 1969). There, the team evidenced four main stages of occupation (NMG V, NMG VI, Yaz I,³ “Achaemenid”⁴), including some transition levels, leading V.I. Sarianidi to say that Ulug-depe offers the

² This process was well evidenced in Margiana (Salvatori, 2008) and in northern Bactria (Сверчков, Бороффа, 2007).

³ Following the seminal work of V.M. Masson at Yaz-depe (Массон 1959), V.I. Sarianidi dated the Yaz I period to the beginning of the I millennium BC. However, some recent works allowed to precise the general chronology of the Central Asian Proto-history, and to date the Yaz I period to the second half of the II millennium BC (ca. 1500–1300/1000–900 BC) (Francfort, Kuz'mina, 1999; Lhuillier, 2013a, fig. 74; Teufer et al., 2014, fig. 14).

⁴ It corresponds in fact to the pre-Achaemenid (Yaz II) period.

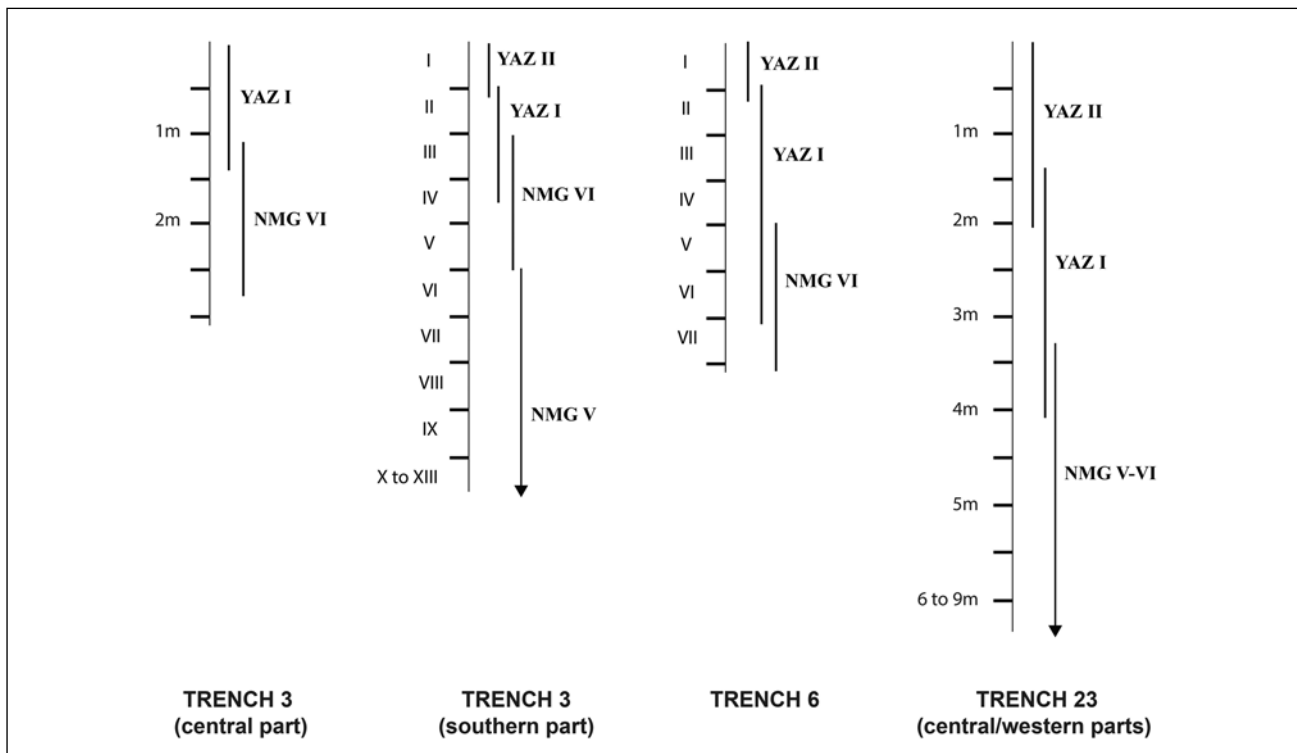


Fig. 2. Schematic stratigraphy of the soundings where the transition between Bronze Age and Iron Age has been observed (soundings N 3 and 6 opened by V.I. Sarianidi, and sounding N 23 opened by the MAFTur) (© J. Lhuillier/ MAFTur).

first opportunity to identify the transition period.⁵ The sounding has been divided into central and southern parts, and results of the excavation differ according to this spatial division. In the central part (fig. 2), the Yaz I level reaches 1,20 m thick and is characterised mainly by a massive brickwork and by typical handmade painted pottery. Beneath, a 0,20 m layer contains both Yaz I and NMG VI ceramics, in unspecified quantity. Then, V.I. Sarianidi reached a 1,20–1,30 m thick level comprising some graves (fig. 3; see also: Бендезу-Сармиенто, 2010. Table 2), characterised by a wheel-made pottery typical of the NMG VI period according to him (stands, pedestalled bowls, burnished red ware, and grey ware).

In the southern part of the trench (fig. 2, 4), excavation was made by 50 cm artificial layers (*jarus*). The two uppermost *jarus* are attributed to the Iron Age, and consist mainly in a huge “Achaemenid” dump-pit that was dug into the Yaz I levels, thus disrupting the stratigraphy. The third *jarus* is considered as a transition level since it contains both some beige-greenish

ware, wheel-made sherds, and some handmade painted sherds. But here again, the bottom of the pit partly disrupts the layers. Some handmade Yaz I pottery is still found in small quantities in *jarus* IV, because of the very bottom of the pit, and in *jarus* V–VI, because of the slope of the *depe* according to V.I. Sarianidi. He considers most of the ceramics from *jarus* IV–VI as typologically specific to the NMG VI period. From *jarus* VIII to *jarus* XIII, NMG V shapes replace this pottery, while the grey-ware ceramics disappears. As in the central part of the sounding, this trench suggests a gradual transition, which seems to be confirmed by the gradual reversal of the ceramics type as illustrated in fig. 5. However, the presence of the Yaz II dump-pit makes the southern part of sounding no. 3 unclear, despite



Fig. 3. Ceramics from the NMG VI graves (N 6, 14, 16) excavated in the central part of sounding N 3, including some grey-ware ceramics (after Sarianidi, 1967. Fig. 21).

⁵ «Раскоп 3 на Улуг-депе позволил проследить переход от слоев эпохи поздней бронзы к раннему железу, что до сих пор не удавалось сделать на других памятниках Южного Туркменистана» (Сарианиди, Качурич, 1968. С. 345).

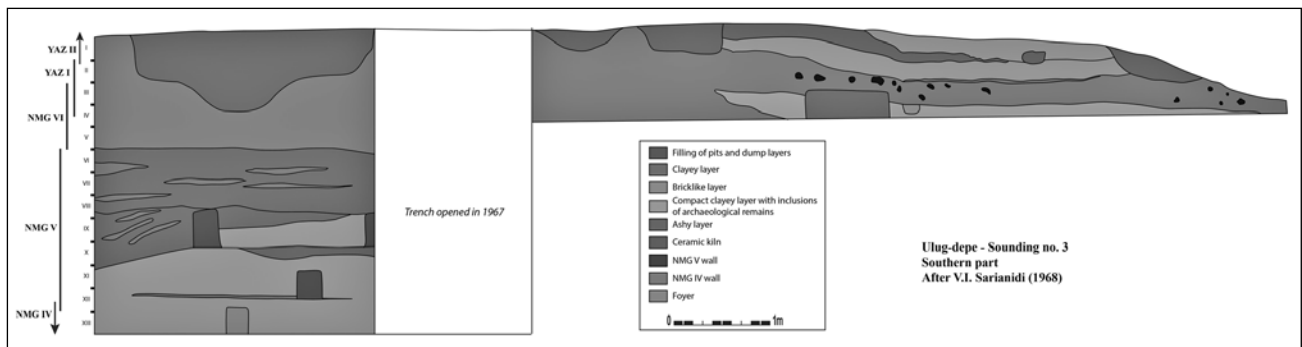


Fig. 4. Profile of the southern part of the sounding N 3 (redrawn from Sarianidi, 1968a. Fig. 3).

its long stratigraphy, and we shall be cautious with these results.

Maybe in order to bring forward a more complete answer to this problem, V.I. Sarianidi opened in 1970 a stratigraphic trench, Sounding no. 6, located at the opposite western side of the *depe* (Сарианиди, 1971, 1972) (fig. 1). Its stratigraphy covers a period from NMG VI to Yaz II, also excavated by *jarus* (fig. 2). *Jarus* II–IV are dated to the Yaz I period (according to the ceramics; fig. 6), *jarus* VII to the NMG VI period (according to the ceramics, too), and in-between *jarus* V–VI are attributed to the transitional phase. V.I. Sarianidi (1971) observed that the Yaz I complex does not replace the NMG VI complex, but coexists with it. Therefore, he suggests a gradual diffusion of the handmade painted pottery contemporaneous to a gradual

diminution of the NMG VI wheel-made pottery. This result is globally similar to that obtained in the central part of Sounding no. 3, and indicates a gradual, progressive transition, a hypothesis that the MAFTur intended to check.

**The work of the MAFTur:
some new elements toward an understanding
of the transition period**

In order to refine the general outlines of the chronology of the site, and especially to understand the nature of the occupation prior to the construction of the pre-Achaemenid city, the MAFTur opened another stratigraphic trench in 2010 (sounding N 23⁶; fig. 1) (Bendezu-

6 This trench was opened by Johanna Lhuillier, Laurianne Bruneau, and Julio Bendezu-Sarmiento.

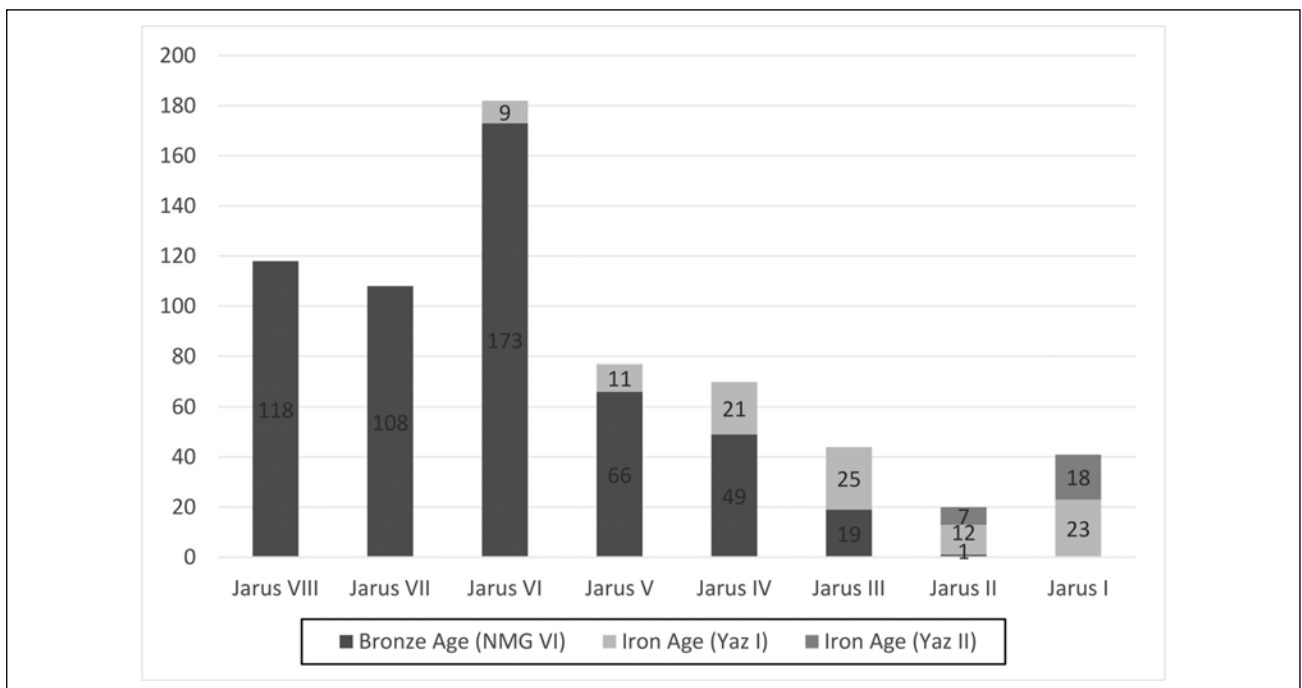


Fig. 5. Statistics of the quantity of ceramics found in the southern part of the sounding N 3, corresponding to the transition period between Bronze Age and Iron Age, from the lower to the upper *jarus*. Rims only have been used to make the counting (after Sarianidi, 1968a. P. 4–10).

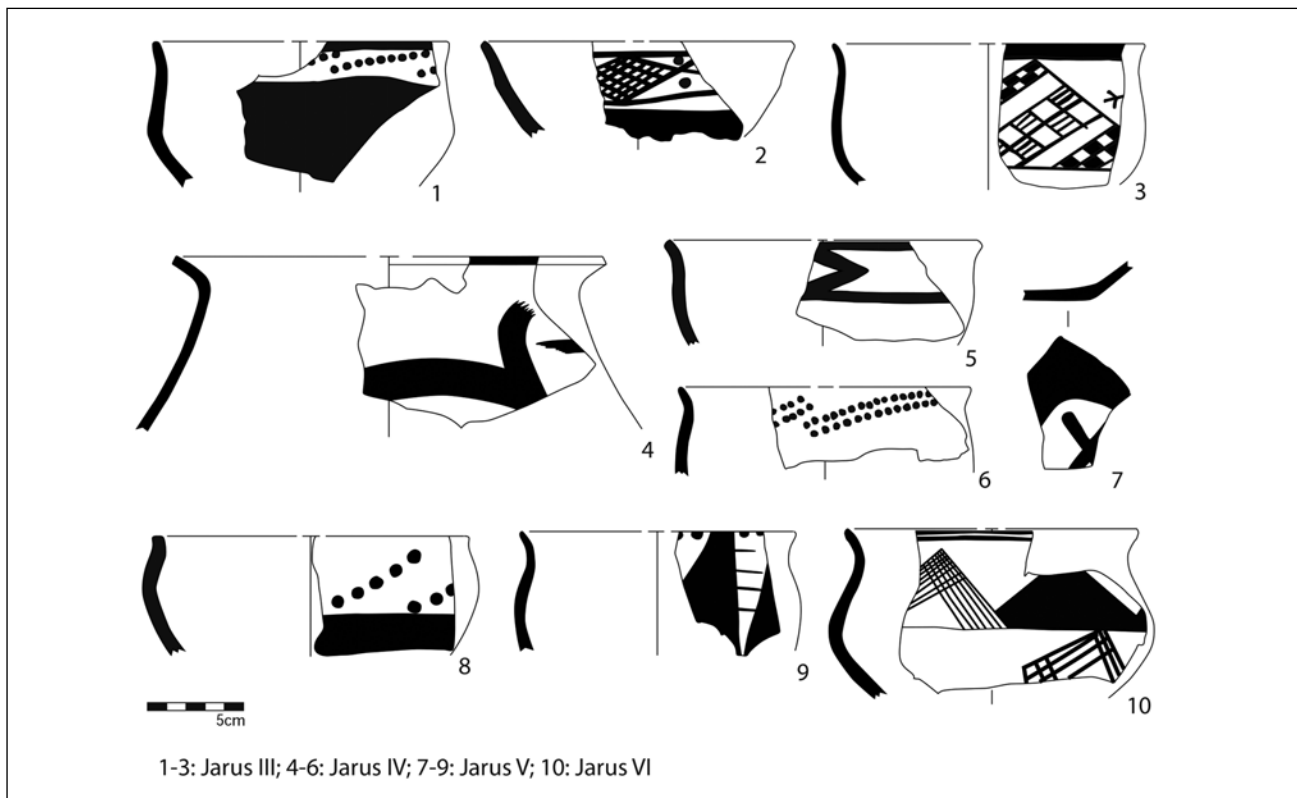


Fig. 6. Yaz I ceramics from sounding N 6 (redrawn from V.I. Sarianidi's unpublished drawings).

Sarmiento, Lhuillier, 2011). It was located in the northern side of the *depe*, at the foot of the pre-Achaemenid citadel, and facing the sounding N 1 where V.I. Sarianidi identified some NMG IV levels, a place allowing following the stratigraphy from the NMG IV period to the Yaz II period (11 m high). Among the many issues such a long stratigraphy could raise, we paid a special attention to the transition period between Bronze and Iron Age, to confirm or not the results obtained by V.I. Sarianidi in soundings N 3 and 6.

We identified four stages of occupation during the Yaz I period, each of them with

some architectural remains. The layers totalized a 2,50 m thickness (fig. 2), with a dip eastwards – the Yaz I levels being thicker in the western part than in the eastern part of the trench-, which indicates that this area already corresponds to the border of the *depe* at that time. Among the lowest layers of the first occupation stage -from 10cm thick in the eastern part of the trench to 80cm thick in the central and western parts-, ceramics is mixed, the majority being typical of the Yaz I period (fig. 7), while some sherds are already attributed to the Bronze Age (fig. 8).

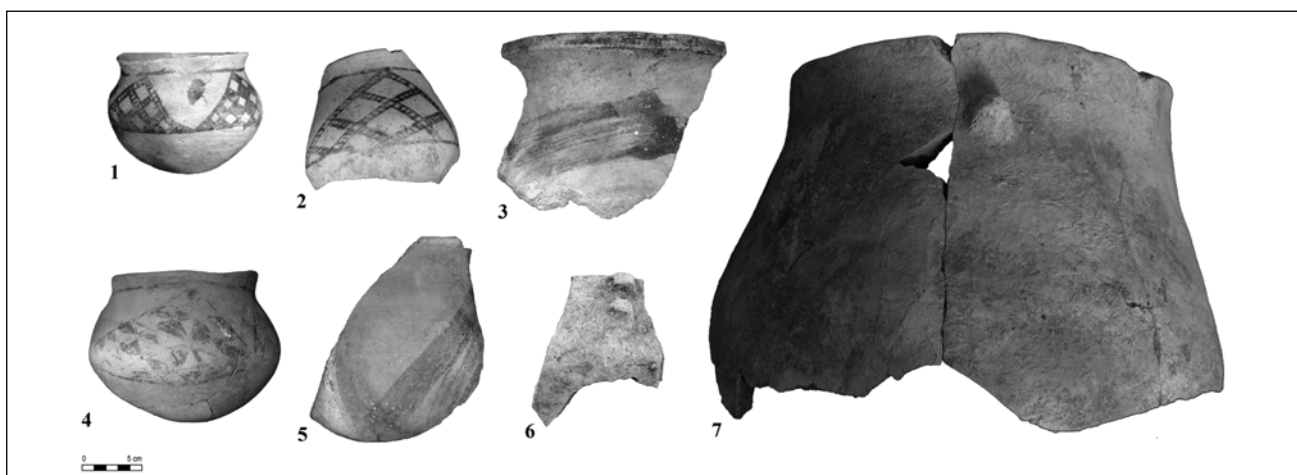


Fig.7. Yaz I ceramics from sounding N 23 (© MAFTur).

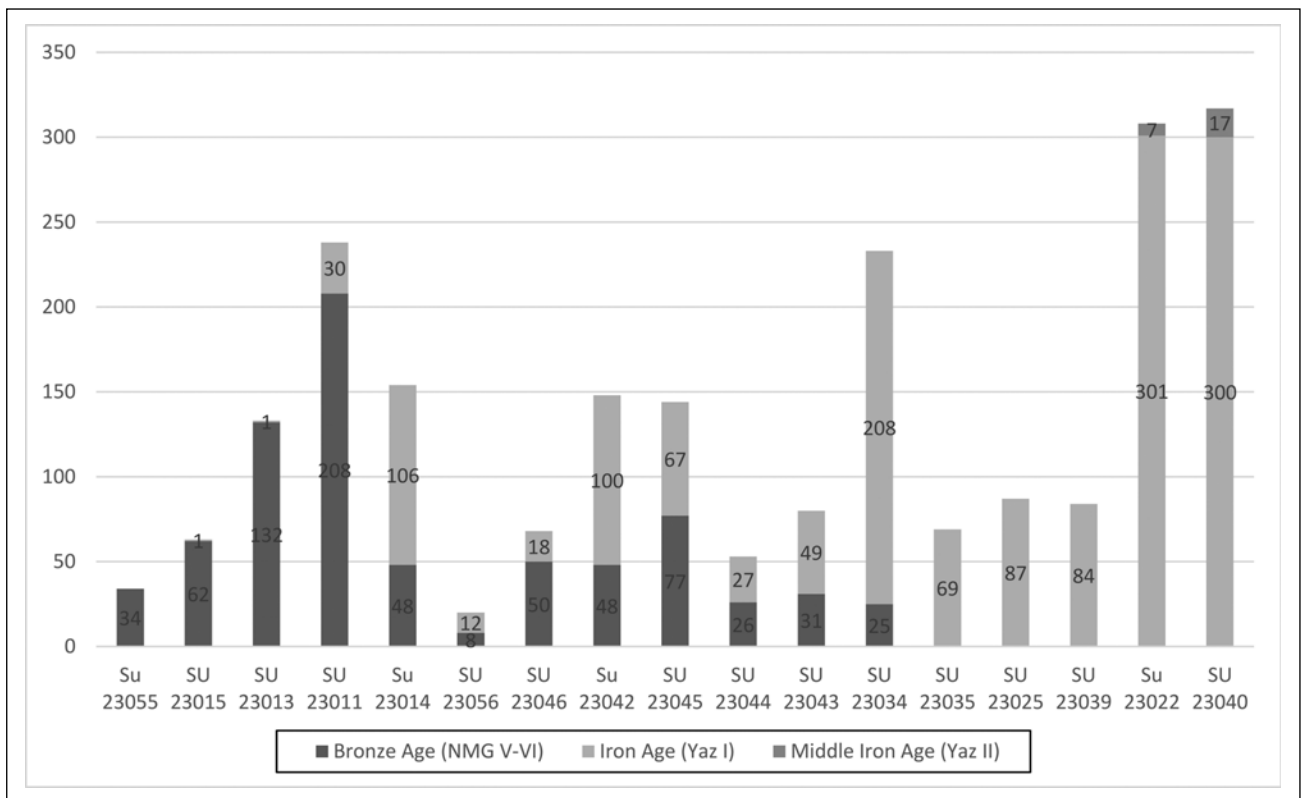


Fig. 8. Statistics of the quantity of ceramics found in the sounding N 23, in the layers corresponding to the transition period between Bronze Age and Iron Age, from the most ancient to the most recent stratigraphic units. Counting is based on the number of individuals (© J. Lhuillier/ MAFTur).

Immediately beneath, we identified the first layers attributed to the Bronze Age, according to the pottery (fig. 8, 9). In the eastern part of

the trench, we identified a 12 cm layer, well dated to the Bronze Age thanks to ceramics, and at the bottom of it a domestic oven surrounded

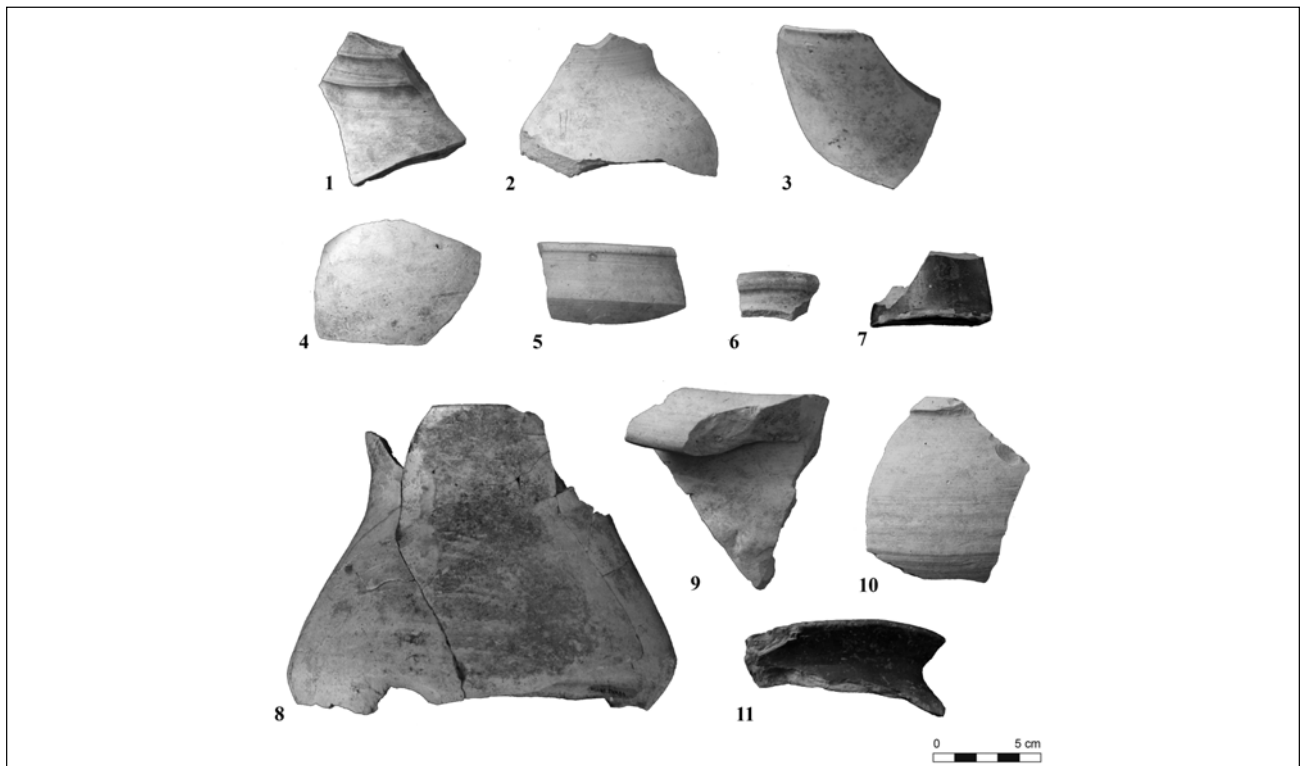


Fig. 9. NMG V (VI?) ceramics from sounding N 23. 1–7: ceramics from the uppermost BMAC layers; 8–11: ceramics from the lowermost BMAC layers (© MAFTur).

by some ashy layers. Two walls of the following Yaz I stage have been built directly on the top of these layers (fig. 10). At the same level, some Yaz I layers are still found in the western part of the trench, due to the dip.

All these elements suggest a stratigraphic continuity between the Bronze Age and the Iron Age levels, the Yaz I layers being located immediately at the top of the Bronze Age layers, without any evidence of hiatus (fig. 2). They corroborate the hypothesis made by V.I. Sarianidi of a gradual transition marked by a progressive, but quick inversion of the ceramics type.

Obviously, the location of sounding N 23 faces the same problem as soundings N 3 and N 6, i.e. the slope that can distort our understanding of the transition period. However, it raises some important issues, among which the dating of the BMAC remains. Indeed, some more Bronze Age structures have been identified deeper, including several mudbricks walls and an oven, and the BMAC levels (NMG V–VI) reached a total 5,50 m thickness. These structures have not been entirely excavated; we nevertheless were able to collect enough pottery sherds and other artefacts to date more precisely these levels.

As a result, the uppermost layers (fig. 9, 1–7) did not contain any of the shapes typologically distinctive of the NMG VI period as defined at the «Vyshka» of Namazga-depe or at Tekkem-depe (beakers with shallow walls, various kinds of bowls, pedestal bowls, stands) according to A. Ja. Shetenko (Щетенко, 1972. P. 529). Furthermore, there is no red-slipped, vertically

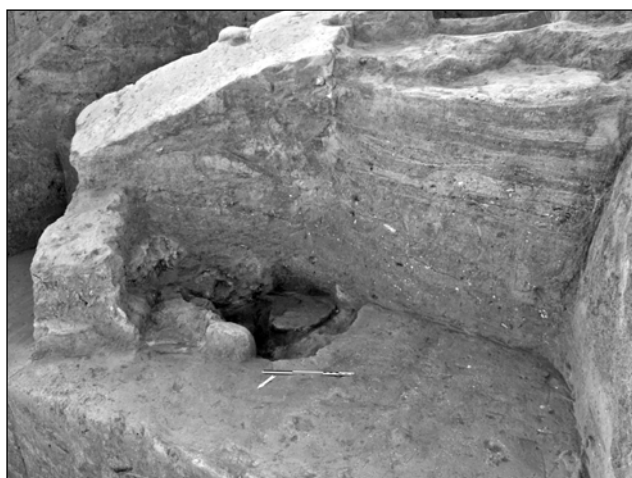


Fig. 10. The stratigraphic continuity between Bronze Age and Iron Age layers in sounding N 23. Note the Early Iron Age walls on the top of Bronze Age layers and oven
(© J. Lhuillier/MAFTur).

burnished ceramics, which is also regarded as typical for the period (Хлопин, 1968. P. 349). A burnished grey-ware beaker may be an exception (fig. 9, 7), since the grey ware is considered as typical for the NMG VI period (Хлопин, 1968. P. 349). With maybe this exception, the ceramics from these levels, as well as that from the lowermost levels (fig. 9, 8–11), displays more typological similarities with the NMG V type ceramics.

In this context, how to explain that the transition period is observed between the Yaz I material complex and the NMG V material complex, corresponding to the Middle Bronze Age, instead of the NMG VI complex of the Late Bronze Age? Yet, when V.I. Sarianidi determined the transition period in soundings N 3 and N 6, he identified some NMG VI typical ceramics. In his unpublished report about the sounding N 3 (Сарианиди, 1968a), he mentions some stands, one stem of a “fruit cup”, some unique samples of burnished red-slip vessels, one grey-ware sherd. Other shapes he lists are not specific to the NMG VI period. Most of this ceramics comes from graves he attributed to the NMG VI period (Сарианиди, Качурис, 1968. P. 344–345). Among them, a child was buried with a grey-ware beaker near the feet (fig. 3), similar to another beaker found in a grave at Tekkem-depe, in a level dated to the end of the NMG VI period according to A. Ja. Shetenko (Щетенко, 2002. P. 83–84). These elements suggests that the NMG VI pottery is attested at Ulug-depe, but remains scarce, and that the typical shapes or techniques are found in unique specimen.

As for now, the NMG VI period at Ulug-depe is represented mostly by burials (Бендезу-Сармиенто, 2010. P. 516, Table 2), which seem to be gathered in the eastern part of the site. Indeed, the MAFTur reopened and extended northwards the sounding N 3 (fig. 1), and identified both Early Iron Age and Bronze Age layers, but a preliminary study of the ceramics did not show any ceramics typologically specific to the NMG VI period, a result that has still to be confirmed by a complete study but suggests there is no occupation layer related to those graves. The typological study currently in progress of the Bronze Age ceramics, led by E. Luneau, confirms that the NMG VI ceramics is very scarce at Ulug-depe, which is quite surprising since Namazga-depe is about 30km far from Ulug-

depe only, while the technological study led by A. Dupont-Delaleuf did not allow to identify any processes specifically related to the NMG VI period (Dupont-Delaleuf, 2013).

Several hypotheses can explain it. It may be due to a concentration of the settlement during the NMG VI period in comparison with the previous NMG V period, the NMG VI layers being consequently found in some parts of the settlement only. However, in that case, the stratigraphic continuity between the NMG V and Yaz I levels observed in sounding N 23 remains an issue. It may also suggest that, in some places, the NMG V type ceramics lasted until the end of the Bronze Age, the NMG V type and the NMG VI type complexes corresponding to some cultural variants that coexisted in part, more than some periods.

The transition period at contemporary sites in the Kopet Dagh piedmont area

Of course, this important issue deserves more researches, and we may expect that a first answer come from the neighbouring settlements. Indeed, among the other sites that were occupied both during Bronze Age and Iron Age, four are located close to Ulug-depe, in the Kopet Dagh piedmont, Namazga-depe and Tekkem-depe, El'ken-depe, and Anau.

Furthermore, V.N. Pilipko recently published (Пилипко, 2010) the results of a survey he made at a site close to Ulug-depe, called Dushakskoe Selishche. According to the Yaz I type ceramics, the main occupation happened during the Early Iron Age. V.N. Pilipko also identified a few sherds with a red slip whose shapes he considers as typical of the NMG VI pottery (Пилипко, 2010. P. 232–233), suggesting a NMG VI occupation at the site. However, V.N. Pilipko makes it clear that there is no corresponding layer at the site; he suggests this ceramics either should be regarded as an addition to the usual complex of ceramics, or does not originate from the site and was brought there after its abandonment (Пилипко, 2010. P. 234, footnote 1). This discovery, difficult to interpret without any excavation, still suggests that the area of Dushak belonged to the NMG VI cultural sphere at a certain time and confirms the possible coexistence of NMG V (as evidenced at Ulug-depe) and NMG VI complexes (as evidenced at Dushakskoe Sel-

ishche), immediately before the beginning of the Iron Age.

Despite the extensive researches that were laid at Namazga-depe Vyshka and Tekkem-depe, only synthetic results are published. A. Ja. Shetenko (Щетенко, 2006) established a joint chrono-stratigraphic sequence for both sites, which shows that their upper levels are dated back to the Early Iron Age. After Stage 1 corresponding to a NMG V occupation, Stages 2–5 corresponding to a NMG VI occupation – including some temporary gaps – are followed by Stage 6 (Vyshka III₄ / Tekkem 7), which is characterized by Yaz I handmade painted pottery and by the first iron artefacts. These later artefacts are likely already related to Stage 7 that are attributed to an “Early Achaemenid” occupation likely corresponding to the pre-Achaemenid period.

According to A. Ja. Shetenko, there is a temporary gap between the NMG VI layers and the Yaz I layers, in Namazga-depe (Vyshka) as well as in Tekkem-depe (Щетенко, 2006. P. 327, 330). Based on the stratigraphic thickness of the corresponding levels at Namazga-depe, he evaluates this gap to about hundred years (Щетенко, 2006, 327).

However, the few indications about the pottery seem to provide different indications. Even if the Yaz I-type pottery is numerous in Vyshka III₄ levels only, it is already present in the previous levels Vyshka III_{1,3}, which may indicate a continuous occupation. The lack of quantitative data regarding the ceramics does not allow to be more precise; yet, in these levels, the Yaz I pottery seems to occur only in limited quantity, since the sherds have been recorded together with some “steppe” coarseware, reaching up to 16.7% of the total amount of pottery (Щетенко, 2002. P. 56–57; Щетенко, Кутимов, 1999. Fig. 5–6).

West of Namazga-depe, in the oasis of Etek close to the city of Kaakhka, the site of El'ken-depe was occupied from the Late Bronze Age to the Middle/Late Iron Age. A. A. Marushenko opened several trenches, in the border of the site as well as at the top, which all display a similar picture of the transition period between Bronze Age and Iron Age. The Early Iron Age layers (ED II period) cover the Late Bronze Age layers (ED I period), in the outside slope of settlement as well as at its higher point, where the

ED I uppermost layers are sealed by a mudbrick platform dated to the ED II period (Марущенко, 1959. P. 59–60; 62, Pl. III). A.A. Marushenko (1959. P. 61) compares the ED I ceramics with NMG VI ceramics discovered at Tekkem-depe and at Namazga-depe, thus attributing the ED I levels to the NMG VI period. The ED II levels are characterized by a handmade, sometimes painted, pottery that is typical for the Yaz I period (Марущенко, 1959. Pl. XII–XXI).

A.A. Marushenko observed in the lowest layers of the ED II period the coexistence of red-slip, sometimes burnished, wheel-made ceramics that is typical of the Late Bronze Age, and of handmade Yaz I type ceramics. Among these ceramics, typical convex-wall bowls and painted vessels are present in small quantity only, and they become abundant in the following layers. It indicates a progressive introduction of the Yaz I type pottery from the end of the Late Bronze Age. Both the stratigraphic continuity and the gradual replacement of the NMG VI type ceramics by the Yaz I type ceramics suggest a pattern of gradual transition period.

Situation at Anau, close to Ashgabat, is far from being as clear. The Yaz I type pottery was discovered among the layers of the last occupation stage of Anau South, called Anau IV. It is mixed with ceramics from the previous and the following periods (Pumpelly, 1908. P. 49; Schmidt, 1908. P. 149). However, H. Schmidt observed that it was found mainly in the “lower portion” of the upper layers, corresponding to an “intermediate occupation (barbarian?) between Cultures III and IV”, which was later called Anau IV A by V. M. Masson (Массон, 1959. Tabl. IV) to be distinguished from Anau IV, corresponding to the Middle/Late Iron Age occupation. Most of the iron artefacts have been found in these Anau IV layers, which is consistent with what has been later observed on contemporary settlements, where iron artefacts occurred usually only from the Yaz II period (Сагдуллаев, 1982; Ruzanov, 2005), leading some scholars to speak of Final Bronze Age for the Yaz I period (Lyonnet, 1997; Кузьмина, 2010). This fact lead R. Pumpelly (1908. P. 49) to observe that “the lateness of the appearance of iron in the series of Anau cultures is due [...] to a period of alternating abandonment and occupation by barbarians following upon the end of the copper culture”.

Indeed, according to R. Pumpelly, the Anau IV levels follow a period of abandonment of the site at the end of the Anau III Stage, and a long gap whose duration cannot be determined (Pumpelly 1908. P. 49, 52–53, fig. 18, pl. 5). We may yet wonder if this gap was as long, since H. Schmidt (1908. P. 149) also mentions the presence of some handmade Anau IV A pottery “into deeper layers [...], mixing there with the deposits of the older culture, though they are not so numerous as higher up”, suggesting a pattern of gradual introduction of the Yaz I ceramics in the Late Bronze Age levels, and a gradual replacement of the ceramics types similar as that observed at Ulug-depe and El’ken-depe, a hypothesis that cannot be confirmed without further excavations of these levels.

The transition period at contemporary sites in Central Asia

1. South of the Kopet Dagh, the Protohistoric sites of northern Khorasan are related to the Central Asian cultures. Many researches in the area have not been published yet, and as for now, only one site displays a stratigraphic sequence comparable to that of Ulug-depe, Nishapur-P. The site was excavated in 1937 by a team of the Metropolitan Museum of Art, who brought back a selection of material to the Museum, together with some photographs that F. Hiebert and R. Dyson used to identify the main stages of occupation (Hiebert, Dyson, 2002). Their work shows the co-occurrence of Yaz I ceramics and of NMG V–VI ceramics at the site (the lack of any distinctive shapes did not allow them to assign more precisely these ceramics to the NMG V or the NMG VI periods). Only one sounding – sounding PE – documents a stratified context with ceramics from the NMG III period to the Yaz I period (Hiebert, Dyson, 2002. P. 123, fig. 11), though these data are not precise enough to infer a direct continuity from Bronze Age to Early Iron Age.

2. Some sites in Margiana can provide complementary data on the transition period from Bronze Age to Iron Age. First, several sites of the Togolok oasis (Togolok 16, 19, 20, 22, 23, 25, 27, 29) display some Yaz I type pottery among the surface material, together with some NMG VI-type ceramics (Сарианиди, 1990. P. 47–48, 51–53). It is usually limited to a few sherds, some-

times painted (Сарианиди, 1990. Pl. LIV, 1–5). Most of these sites consist of surface scatters of ceramics, without any stratigraphic layers, which does not allow characterizing the transition period, though it shows the co-occurrence of NMG VI and Yaz I ceramics at the same sites.

Two sites of the Takhirbaj oasis provide some more information. At Takhirbaj 1, some Late Bronze Age pottery has been found among the surface material and in very low quantity in the stratigraphic layers, under the Yaz I levels (Cattani, 1998. P. 98–99). At Takhirbaj 3, the Yaz I occupation has been identified in the eastern part of the site, directly under the virgin soil in some places (Сарианиди, 1990. P. 55) but partly overlapping the Bronze Age levels in other places, which is “perhaps a continuation of it” (Cattani, 2008. P. 139). More Bronze Age levels are located at the centre of the site, and the Bronze Age ceramics is abundant among the surface findings, leading V.I. Sarianidi to consider that the site testifies of the transition period between Bronze Age and Iron Age (Сарианиди, 1990. P. 56).

3. In southern Bactria, very few settlements of the Early Iron Age have been excavated due to the recent history of Afghanistan, and Tillyatepe remains until now the only site where some elements may indicate a continuous occupation from the Bronze Age to the Iron Age. V.I. Sarianidi opened a stratigraphic trench south-east of the citadel, in the middle of a cotton field standing at the place of the former settlement surrounding the citadel (Сарианиди, 1989. P. 17–18). There, he identified a level, 1m thick and located on the virgin soil, he attributes to the Bronze Age based on wheel-made ceramics. This level contains also two painted sherds, suggesting an introduction of the Yaz I type ceramics when the Bronze Age wheel-made ceramics was still predominant. Above it are found some Yaz I layers corresponding to different stages of occupation.

4. In northern Bactria, the situations seems to be different from what has been observed in the Kopet Dagh piedmont, Margiana and Southern Bactria, the stratigraphic data being associated with some evidences of morphological continuities among the ceramics.

In southern Uzbekistan (North-Western Bactria), and in the current state of research,

only one site has been occupied during the Bronze Age and the Iron Age, Dzharkutan. The Early Iron Age occupation is not limited to some dump-pits, as the first excavations may have suggested (Аскарлов, 1976; Шайдуллаев, 2000), but is characterized by a small village (Bendezu-Sarmiento, Mustafakulov, 2013; Lhuillier et al, 2013; in print 2). This village – which comprised pit-houses, lot of pits and silos – is covering all of the previous area of the Bronze Age citadel. The first pit-houses were dug when the architecture of the Bronze Age was still standing, since they are usually found inside the rooms, either without any gap in the occupation, or after a short abandonment. Because of the very nature of the Early Iron Age settlement with pit-houses and pits, the Bronze Age levels are disturbed and it is difficult to be more precise. Together with the Yaz I type ceramics found in the Early Iron Age levels, some vessels reproduce Bronze Age shapes (pedestalled bowls, small pots with a disk-shaped base, medium-sized pots and bowls with a moulded base, spouted pots) with distinctive Yaz I type fabrics and technologies (Lhuillier et al, 2013. Fig. 3C; in print 2. Fig. 30–32), what appears as a sign of continuity with the local Bronze Age culture.

A comparable situation has been observed in south-western Tajikistan (North-Eastern Bactria). At Karim-Berdy, two fragments of wheel-made, pedestalled vessels of the Bronze Age have been found in a pit-house of the Early Iron Age together with some Yaz I-type ceramics (Teufer et al, 2014. P. 139–140, fig. 36). At Saridzhar 2, on the contrary, one painted Yaz I sherd has been found among some Late Bronze Age sherds in levels of the last occupation stage in Area A, illustrating the transition phase (Teufer et al, 2014. P. 127, 137, fig. 20). One painted Yaz I sherd has also been found in the upper layer of the Late Bronze Age site Teguzak (Пьянкова, 1986. P. 100), while four Yaz I type sherds have been found in the upper layers from sounding N 4 at the Late Bronze Age site Kanguurtut (Виноградова и др., 2008. P. 173, fig. 38, 51–54). According to M. Teufer, some handmade bowls with an S-rim from Saridzhar have analogies among ceramics of the Chust culture, which belongs to the Handmade Painted Ware cultures of the Early Iron Age (Заднепровский,

1962; Lhuillier, 2013a). Furthermore, the comparison of the Early Iron Age ceramics from Karim-Berdy and the Late Bronze Age ceramics from Saridzhar reveals a continuity of the shapes (Teufer et al, 2014. P. 143, fig. 37) similar to what has been observed at Dzharkutan.

Conclusion

The common point to most of the examples listed above is some evidences of a continuity of the occupation between the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age, and of a progressive transition phase. Based on the limited thickness of the corresponding stratigraphic levels, this phase seems to be quite short, and if there is a gap, it is short too. Of course, this should not hide the fact that the sites with both Bronze Age and Iron Age levels represent only a small part of the known Yaz I type sites (about 15 sites on about 250 listed in a previous study dedicated to the period; cf.: Lhuillier, 2013a). However, it confirms that the cultural transformations leading to the formation of the Painted Ware Cultures results from local processes and are not due to the coming of new populations, these populations being usually associated with steppe-related nomads being responsible of the “Age of barbarian occupation”.

In southern Turkmenistan, some “steppe” coarse ware – or incised coarse ware (Cerasetti, 1998) – has been found in stratified context in many BMAC settlements in the Late Bronze Age layers (at Namazga-depe Vyshka, Tekkem-depe, Anau, El’ken-depe, Sermancha-depe, Takhirbaj 3). This steppe coarse ware is identified mainly as Sargar – Alekseev type ceramics, a component of the Andronovo culture dated back to the mid-second millennium BC, but some sherds are related to the Alakul period, reflecting long presence of the steppe-related populations (Кутимов, 2014. P. 91–92; Щетенко, Кутимов, 1999). At Tekkem-depe, a shard of a handmade bowl with an incised ornament specific to the steppe-related ceramics and a red slip specific to the BMAC at the same time confirms the settlement was not abandoned at the time of the steppe-related occupation, according to Ju. Кутимов (Кутимов, 2014. P. 92).

The presence of steppe coarse ware in Southern Turkmenistan during the Late Bronze Age evidences long-term, pacific relationships be-

tween the mobile pastoralists and the local agriculturalists. The work led in the Murghab region, especially at Ojakly (by the joint Italian-Turkmen project and by the American-Italian-Turkmen team), suggests a close interaction of the two groups, based on technical transfer and trade interactions (Cattani, 2008; Rouse, Cerasetti, 2014). However, the two groups always kept their own cultural identities, and in that case, it is difficult to figure out why suddenly, after 300 years of presence in the region, they would have acculturated enough to lead to the formation of a very new culture at the beginning of the Early Iron Age. Furthermore, the steppe coarse ware is not attested at all the settlements with Bronze Age and Iron Age levels: for example, at Ulug-depe no steppe coarse ware has been found in the Bronze Age levels, despite the many soundings yet opened, and the contact with the steppe-related groups cannot be taken as the only prerequisite for the formation of the Yaz I culture. No steppe coarse ware has been found in the Yaz I levels of those sites, in the Kopet Dagh piedmont as well as in Margiana; it thus difficult to figure out why the steppe-related mobile pastoralists would have totally stop to produce their ceramics after having settled there.

The stratigraphic data from Northern Bactria give the same impression of a pacific coexistence of different and interacted cultural communities. At Teguzak or at Kangurtut, ceramics related to the final stages of the Sapalli culture, the Vakhsh culture and the Yaz I culture are found in the same levels (Пьянкова, 1986; Виноградова и др., 2008), as also at Dzharkutan (Luneau et al, 2011; Lhuillier et al., in print 2), while some Vakhsh ceramics may come from the Yaz I levels at Bandykhan/Majdatepa according to the identification made by E. Luneau (Luneau, 2010. P. 388; Сверчков, Бороффа, 2006. P. 195). If this is confirmed, this later site may illustrate an overlapping of the Vakhsh culture with both the final stage of the Sapalli culture and the beginning of the Yaz I period. We may thus suggest a pattern of coexisting cultures, maintaining distinct cultural and material identities, but interacting in some cases.

We may thus consider the hypothesis of a coexistence of several cultural variants, different according the region, explaining the scarcity of the NMV VI ceramics at Ulug-depe, where

the NMG V ceramics would have been in use longer than at some neighbouring sites. Then, we should make a clear distinction between the NMG VI cultural variant, and the Late Bronze Age chronological period.

The interaction of these different cultures into a multicultural society, stimulated by the internal weakening of the BMAC during the NMG VI period that led it to turn into a new

culture, likely contributed to the formation of the Painted Ware Cultures. Then, the transition period should be more considered as a short-time coexistence of different cultural communities (or of different material complexes shared by a single community?) leading to a gradual transformation of the material culture than as a real transition, i.e. the change from one state to another.

Bibliography

1. Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J. Iron Age in Turkmenistan: Ulug depe in the Kopetdagh piedmont // Historical and Cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, Researches and restoration for 20 years of independence / Ed. M.A. Mamedov. Ashgabat, 2011. P. 238–249.
2. Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S. Le site proto-urbain de Dzarkutan durant les âges du bronze et du fer. Recherches de la Mission archéologique franco-ouzbèke. Protohistoire // L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels. Cahiers d'Asie Centrale. 21–22 / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris, 2013. P. 207–236.
3. Cattani M. Excavations at Takhirbaj tepe (THR-1) (1992–1993). Preliminary notes // The Archaeological Map of the Murghab delta. Preliminary Reports 1990–95 / Eds. A. Gubaev, G.A. Koshelenko, M. Tosi. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche. Reports and Memoirs. Series Minor. Vol. III. Rome, 1998. P. 97–104.
4. Cattani M. The Final Phase of the Bronze Age and the “Andronovo Question” in Margiana // The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposals for a Redefinition of the Research Strategies / Eds. S. Salvatori, M. Tosi, B. Cerasetti. Oxford, 2008. P. 133–151.
5. Cerasetti B. Preliminary Report on Ornamental Elements of “Incised Coarse Ware” // The Archaeological Map of the Murghab delta. Preliminary Reports 1990–1995 / Eds. A. Gubaev, G.A. Koshelenko, M. Tosi. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche. Reports and Memoirs. Series Minor. Vol. III. Rome, 1998. P. 67–74.
6. Dupont-Delaleuf A. Evolution des techniques céramiques durant la Protohistoire en Asie centrale : l'exemple d'Ulug-Depe // L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels. Cahiers d'Asie Centrale. 21–22 / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris, 2013. P. 317–334.
7. Francfort H.-P., Kuz'mina E.E. Du nouveau dans la chronologie de l'Asie centrale du Chalcolithique à l'Age du Fer // 14C et Archéologie. Actes du congrès de Lyon, 6–10 avril 1998 / Eds. J. Evin, C. Oberlin, J.-P. Degas. Mémoires de la Société Préhistorique Française. T. 26. Rennes, 1999. P. 467–469.
8. Hiebert F.T., Dyson R.H. Prehistoric Nishapur and the Frontier between Central Asia and Iran // Iranica Antiqua. 2002. Vol. XXXVII. P. 113–149.
9. Lecomte O. Ulug depe 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and Cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, Researches and Restoration for 20 years of independence / Ed. M.A. Mamedov. Ashgabat, 2011. P. 221–237.
10. Lecomte O. Activités archéologiques françaises au Turkménistan // L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels. Cahiers d'Asie Centrale. 21–22 / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris, 2013. P. 165–190.
11. Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500–1000 av. n.è.). Mémoires de la MAFAC. T. XIII. Paris, 2013a.
12. Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale: un aperçu de l'assemblage céramique de la deuxième moitié du 2^e millénaire av. J.-C. // Iranica Antiqua. 2013b. Vol. XLVIII. P. 103–146.
13. Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O., Rapin C. Les cultures à céramique modelée peinte de l'âge du Fer ancien : quelques pistes de réflexion d'après les exemples de Koktepe, Dzarkutan (Ouzbékistan) et Ulug-depe (Turkménistan) // L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels. Cahiers d'Asie Centrale. 21–22 / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris, 2013. P. 357–372.
14. Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O. Ulug-depe and an overview of the Iron Age in Turkmenistan // Journal of Iranian Archaeology. Vol. 4. 2013. P. 78–89.
15. Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S. et al. Excavation at Dzarkutan (Uzbekistan): a settlement of the early Iron Age in southern Central Asia // A millennium of History. The Iron Age in Southern Central Asia (2nd and 1st millennia BC). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovič Sarianidi. Proceedings of the conference held in Berlin (June 23–25, 2014) / Eds. J. Lhuillier, N. Boroffka. Berlin, in print 2.
16. Luneau E. L'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1750–1500/1450 avant n.è.) : la fin de la civilisation de l'Oxus. Unpublished PhD dissertation. University Paris I. Panthéon-Sorbonne. Paris, 2010.
17. Luneau E. La fin de la civilisation de l'Oxus. Transformations et recompositions des sociétés de l'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1500–1500/1400 av. n.è.). Mémoires des Missions Archéologiques Françaises

- en Asie centrale et en Asie moyenne. T. XVI. Paris, 2014. 508 s.
18. Luneau E., Vinogradova N.M., P'jankova L.T., Mukhitdinov Kh. Ju. Productions céramiques de la culture du Vakhsh (Tadjikistan, âge du Bronze): de nouvelles perspectives chrono-culturelles // AMIT. Bd. 43. 2011. S. 283–312.
 19. Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale. Vol. 2 (1974–1978). Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. 8. Paris, 1997. 447 p.
 20. Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, Growth, and Influence of Environment. The Carnegie Institution of Washington Publication N 73. Washington DC., 1908. 408 p.
 21. Rouse L. M., Cerasetti B. Ojakly: A Late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab Region, Turkmenistan // Journal of Field Archaeology. 2014. N 39. P. 32–50.
 22. Ruzanov V. D. Addendum to the early Iron Age in Central Asia // Civilizations of Nomadic and Sedentary Peoples of Central Asia / Ed. K. Tashbaeva. Samarkand, 2005. P. 147–154.
 23. Salvatori S. The Margiana Settlement Pattern from the Middle Bronze Age to the Parthian-Sasanian : a Contribution to the study of complexity // The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and methodological proposals for a redefinition of the research strategies / Eds. S. Salvatori, M. Tosi, B. Cerasetti. Oxford, 2008. P. 57–74.
 24. Sarianidi, V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007. 340 p.
 25. Schmidt H. The Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, Growth, and Influence of Environment / Ed. R. Pumpelly. The Carnegie Institution of Washington Publication N 73. Washington DC., 1908. P. 83–216.
 26. Teufer M., Vinogradova N.M., Kutimov Ju., Des Übergang von der Spätbronze zur Früheisenzeit in Mittelasien // Das Altertum. 2014. Band 59. N 2. P. 109–148.
 27. Аскарлов А.А. Расписная керамика Джаркутана // Бактрийские Древности. Гредварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Ред. В. М. Массон. Ленинград, 1976. С. 17–19.
 28. Бендесу-Сармиенто Х. Погребальный обряд и человеческие останки из городища Бронзового Века Улуг-депе // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 513–535
 29. Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Канггурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008. 472 с.
 30. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. Т. 118. М.;Л., 1962. 328 с.
 31. Кутимов Ю.Г. К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайлович Массона. Труды ИИМК. Т. XLII. 2014. С. 86–96.
 32. Кузьмина Е.Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной Бронзы (РЖВ) в работах В.И. Сарияниди // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 29–38.
 33. Маруценко А. А. Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Т. 5. 1959. С. 54–109.
 34. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. Т. 73. Л., 1959. 216 с.
 35. Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 году // АРТ. Вып. 19 (1979). 1986. С. 89–103.
 36. Пилипко В.Н. Душакское селище (Южный Туркменистан) // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 226–236.
 37. Сагдуллаев А. С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА. 1982. Вып. 2. С. 229–234.
 38. Сарияниди В.И. Отчет о работах Геокюрского отряда экспедиции Института археологии АН СССР в 1967 г. Архив ИА РАН (Unpublished report in the Archive of the Institute of Archaeology of RAS), 1967.
 39. Сарияниди В.И. Отчет о работах Геокюрского отряда археологической экспедиции ИА АН СССР на поселении Улуг-депе. Архив ИА РАН (Unpublished report in the Archive of the Institute of Archaeology of RAS), 1968a.
 40. Сарияниди В.И. Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1967. 1968b. С. 342–343.
 41. Сарияниди В. И. Продолжение работ на Улуг-Депе // АО 1968. 1969. С. 434–435.
 42. Сарияниди В. И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970. 1971. С. 433–434.
 43. Сарияниди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. Вып. 1. 1972. С. 53–55.
 44. Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. Москва, 1989. 240 с.
 45. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. 315 с.
 46. Сарияниди В.И., Качури К. А. Раскопки на Улуг-депе // АО 1967. 1968. С. 342–345.
 47. Сверчков Л. М., Бороффка, Н. Памятники Бандихана // АО 2004–2005. 2006. С. 193–203.
 48. Сверчков Л. М., Бороффка, Н. Археологические исследования в Бандихане в 2005 г // Труды Байсунской Научной Экспедиции. Археология, история и этнография. Вып. 3. 2007. С. 97–131.
 49. Шайдудлаев Ш. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000. 126 с.
 50. Щетенко А.Я. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе // АО 1971. 1972. С. 529–530.
 51. Щетенко А.Я. Археологические комплексы эпохи поздней бронзы южного Туркменистана // Археологические вести. N 9. 2002. С. 51–63.
 52. Щетенко А.Я. О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. II (XXVII). 2006. С. 317–345.
 53. Щетенко А.Я. Кутимов Ю.Г. Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (южный Туркменистан) // Археологические вести. N 6. 1999. С. 114–123.
 54. Хлопин, И. Н. Раскопки на Намазга-депе // АО 1967. 1968. С. 349–350.

Some more exceptional discoveries at Ulug-depe

Founded in 2001, the French Archaeological Mission in Turkmenistan aims to explore and study the multi-chronological site of Ulug-depe, from the Neolithic to the historical periods. In 2014 our work highlighted an exceptional discovery for the region and the period of the Middle Bronze Age: a quite disrupted, but rather rich burial, situated on a «high terrace» similar to the one found at the proto-urban site of Altyn-depe.

A significant site

Located in the prefecture of Kaahka (175 km east of the capital, Ashgabat; fig. 1), Ulug-depe is situated halfway between Namazga-depe (45 km to the west) and Altyn-depe (45 km to the

east). Discovered in 1930 by A. Marushenko, the site was partially excavated in the late 1960's by Viktor Ivanovich Sarianidi. The results of his study showed the historical importance of Ulug-depe, as being one of the most significant proto-urban site in Southern Central Asia.

Smaller than Namazga-depe and Altyn-depe, Ulug-depe stretches on an area of 13–15 ha on the top and 26 ha at its base, to a height of over 30 m. Its current elevation does probably not match its physical and historical reality, and ten meters can easily be added to its height, as the proximity of Kopet Dagh (13 km away), and the close presence of a ancient bed of the Kelet river caused many episodes of colluvium and alluvial deposits.



Fig. 1. Ulug-depe between Namazga-depe and Altyn-depe (© MAFTUR).

With an occupation stretching from Neolithic (VI millennium BC) to the Achaemenid period (I millennium BC), Ulug-depe presents the longest stratigraphic sequence known in Central Asia. Alongside Namazga-depe, Altyn-depe, and Khapuz-depe, it can be considered as one of the major components of the ancient cultures in Central Asia that formed the Bactrian-Margian Archaeological Complex (BMAC), also known as Oxus civilization.

Today Ulug-depe is recognized as one of the key sites for the study of interplay between Central Asia, Elam, Mesopotamia and the Indus civilization, but also for helping understand the major Central Asian chrono-cultural interconnections, that are still being discussed in the scientific community.

At the end of the Sixties, during three excavation campaigns (1967, 1968, 1970), the team of the Geoksjur expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR, directed by V.I. Sarianidi, managed to identify the main features of the stratigraphy from a half-dozen soundings carried out on various areas of the site, numbered 1 to 7. With the exception of a few articles, almost all of this research remains unpublished.

Apart from a few observations dealing with the results of the excavations, specifically in regard to the Bronze Age and Iron Age (Сарианиди, 1967, 1968, 1969, 1971, 1972; Сарианиди, Качурис 1968; Массон, Сарианиди, 1972), and research work on the ceramic material (Масимов, 1971, 1972), the graves (around fifty in total), almost all of them from the Bronze Age, were only partially processed at the time (Сарианиди, Качурис, 1968; Сарианиди, 1969).

Due to its scientific significance, and thanks to the continued support of Viktor Ivanovich Sarianidi, work on the site resumed in 2001 under the direction of Olivier Lecomte (MAFTUR/CNRS) and Mohamed Mamedow (National department for the protection, investigations and conservation of historical and cultural heritage). Currently the work led by Julio Bendezu-Sarmiento (CNRS/DAFA) and Mohamed Mamedow confirms the importance of this site throughout history, particularly during the Chalcolithic, Bronze Age, and Iron Age periods (among others: Lecomte, 2011, 2013; Lecomte et al., 2002; Bendezu-Sarmient,

Lhuillier, 2011; Lhuillier, 2013; Lhuillier et al., 2013, 2015; Luneau, 2014).

The «High Terrace», a significant discovery

In 2014, the trench 41 was opened on the north-eastern flank of the tepe. The excavation, stretching on a 170 sq. m. surface, revealed a massive structure, unfortunately poorly preserved, on the slope of the tepe. This horizontal terrace was occupying two thirds of the oriental part of the trench, and was constructed with dense, homogeneous blocks of *pakhsa*¹. Quite difficult to identify, these blocks do not have standard dimensions, and several amongst them have more or less triangular faces of variable dimensions (105 x 110 x 50 cm, 110 x 160 x 95 cm, 100 x 90 x 150 cm, 80 x 40 x 60 cm, 75 x 50 x 60 cm).

The results of surveys and the study of the stratigraphy indicate that the ceramic material found between the blocks and within the *pakhsa* itself can be dated to the period known as Namazga V (Middle Bronze Age, end of the III – beginning of the II millennia BC)². Our preliminary results show that this high terrace was 10 m long, for at least the same width, and for a minimum height of 4 m. However, these dimensions may still evolve into a larger size, as that of the similar platform (12 m wide and 6 m high) found at Altyn-depe by V.M. Masson (1981).

This kind of construction, generally identified as “ritual buildings”, is usually dated from the III millennium BC. It is the case of the one discovered at Tureng Tepe on the Iranian plateau (Deshayes, 1975), at Konar Sandal and Nad-i Ali in the Afghan Sistan (Ghirshman, 1942; Dales, 1977; Besenval, Francfort, 1994) and at Mundigak (Casal, 1961).

However, the exact function of these buildings, along with the facilities that were probably built at their top, still remains unknown as of today. What seems certain is the combination of this type of architecture with burials, like the tomb of a “priest” featuring a “prestigious” material (small columns and disks) associated with a cult on the high terrace

1 Pakhsa – rammed, broken clay.

2 On the other hand the high terrace was already built on layers dating from the Middle Bronze Age.



Fig. 2. Ceramic vases characteristic of the Namazga V period (© MAFTUR).

of Altyn-depe. The same kind of prestigious material, more ritual than utilitarian, was found on the terrace of Tureng Tepe, and the terrace of Ulug-depe seems to adopt the same rule.

An exceptional burial on the terrace

A pit dug on the northern part of the upper terrace (the tomb “Stratigraphic Unit N 41084”) has delivered an exceptional archaeological material. Unfortunately, the limits of the grave remain unclear, as a runoff of water caused the formation of a deep gully in this very part, also probably victim of ancient looting.

In the filling, and especially at the bottom of the pit, human remains were discovered that a first anthropological study identified as belonging to a female individ (Bruzek, Murail, 2006).

Qualitatively and quantitatively very poorly preserved³, the individual seemed to rest on the left side (head to the east), the right leg flexed (the left one was no longer in place). The left hand, partially connected, was lying on the hipbone of the same side.

The female was wearing a belt made of small, white limestone beads. A second set of human bones, including a right hand, was also discovered in the filling of the pit, close to the body in place. These remains may belong to the same individual, and the hand was associated with limestone beads similar to the ones used for the belt, probably from a bracelet.⁴

These scattered human remains were associated with fifteen ceramic vases and eight ala-

baster vases, exceptionally opulent items characteristic of the Namazga V period (fig. 2). An imprint of a wicker basket, associated with the vessels, was also discovered.

Accompanying material: the ceramic vases

The fifteen ceramic vases display eight different morphological categories, seven of them typical of the Oxus civilization: 1 small globular flask, 1 carinated flask, 1 medium bottle with globular body, 1 medium bottle with ovoid body, 1 bi-conical cup, 1 carinated bowl with S-shaped rim, and 1 large ovoid jar. We can find many examples of these shapes on neighbouring sites: in the Kopet Dagh area at Altyn-depe (Masson, 1988. Pl. VI, 1, 10, 12; Pl. VI, 15; Pl. XXXI; Pl. XXXII, 4, 6; Pl. XXXII, 11; Pl. XXXIV, 14; Pl. XL, 2; Pl. XXXIII, 15; Pl. XXXIV, 10–11); in Margiana at Gonur-depe (Udeumuradov, 2002. Type 22, 24, shape 103) or Adjı Kui 9 (Adjı Kui Oasis, 2011. Type 1.A.5; Type 2.C.3; Type 2.H.1-2; Type 2.I.1; Type 3.B.1,3,4; Type 5, shape 105), but also at Auchin-depe (Masson, 1959. Pl. I, 1, 3; Pl. II, 2; Pl. III, 2, 6). All these ceramics were discovered in levels dated to the Middle Bronze Age, generally associated with burials, except for the large jar, which remains a rather unusual shaped in a funerary context.

³ Only a few fragmentary elements of the spine, pelvis and other bones were found in place.

⁴ Dozens of beads were discovered in both the filling of the pit and during the search of the gully that had cut the grave.

As for the eighth form, it attests to the long distance contacts that existed between the Oxus civilization and other contemporary civilizations at the end of the III–early II millennia BC. This form can be described as a small globular pot, with convex base and narrow neck, featuring painted decoration (foreground, centre-right on the fig. 2).

This vase was covered with a thick concretion, and its painted decoration, covering all the body and base, appeared in full only after restoration (fig. 3). The central part consists of a horizontal frieze depicting vertical zigzags alternating with a vegetal pattern featuring reticulated motifs. This frieze is framed on both sides by three parallel horizontal lines. The base and lower part of the body are covered by a radiant pattern.

There are no analogies for this type of vase in Central Asia, although a ceramic of roughly the same shape, but not bearing any decoration was discovered at Gonur-depe (Udeumuradov, 2002. Type 18, shape 99).

Vases featuring a pale fabric with red-brown painted decoration are known in the Indus civilization during the Bronze Age. Among the many existing examples we can cite the globular jars of the Late Harappan phase (Krishnan, Rajesh, 2014. Fig. 6–7). The combination of

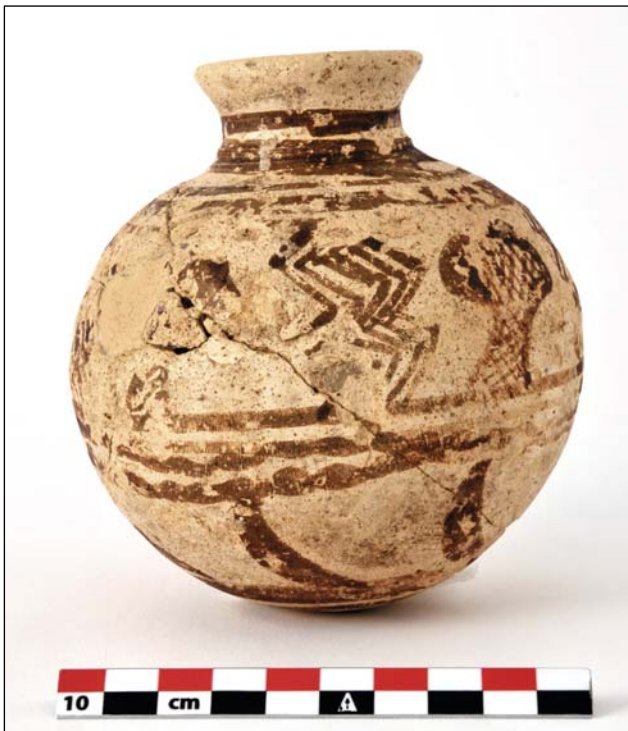


Fig. 3. Small globular pot, with convex base and narrow neck with painted decoration (© MAFTUR).

vertical geometric patterns to define panels depicting vegetable or animal motifs is common. However, no accurate similarities have been identified (Quivron, 2000).

In the neighbouring region of Makran, globular jars of the Bronze Age (periods IIIc and IV) are similar but not identical, as they present a slightly discoid base, while the painted decoration is only displayed on the upper part of the body (Didier, Mutin, 2013. Fig. 6–7).

The use of vertical zigzags alternating with figurative motif is also prevalent in Sialk, period III, during the first half of the III millennium (Ghirshman, 1938. Pl. XII, XVII, XXI, LXVI). All these analogies seem to point to an origin of this type of production in the Indo-Iranian region.

A unique discovery: alabaster vases and jewellery

By “alabaster”, we mean real alabaster, as long as translucent white gypsum, and veined marble. It is therefore difficult to comment on the exact nature of the stone used here without extensive physicochemical analysis. However we can postulate that many of these vessels seem to come from a same deposit, as one can observe the same veining.

These vessels include (fig. 4):

1 – A dish with flat base and vertical wall with analogies in the XVc series of Susa, and in many other sites of the Iranian plateau (Casanova, 1991. P. 37, Pl. 10);

2 – A small pot with ovoid body, with analogies in Margiana at Gonur-depe (Sarianidi, 2007. P. 111, N 194–195), in Southern Bactria (Pottier, 1984. N 215; P. 34, fig. 28; P. XXVI), but also in the Vb-c series of Susa and few other sites of the Iranian plateau (Casanova, 1991. P. 35, 5).

3 – A flask with quadrangular body, and vertical mouldings.

4 – A globular pot with long neck.

5, 6, 7 – Three goblets with cylindrical body.

8 – A globular vessel with analogies in Margiana at Gonur-depe (Sarianidi, 2007. P. 112, 197), in Southern Bactria (Pottier, 1984. N 216–218; P. 34, fig. 29; P. XXVII). This form, along with the one from 5 – seems to be characteristic of Central Asian sites (Casanova, 1991. P. 40).



Fig. 4. Alabaster vases (© MAFTUR).

The goblets with cylindrical body are among the items traded with the Indus civilization, exchanges attested to by the treasure of Quetta, which contains two “chalices” of this type (Catalog, 1988. N 168–169).

With the exception of these two forms, the others are either attested throughout the Iranian plateau or, on the contrary, seem to be known only through the specimens discovered at Ulug-depe. It is therefore difficult to comment on the origin of these vases, or to try to ascertain a unique origin. During the Bronze Age, Afghanistan and Pakistan were known centres of alabaster production, while in Iran, Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya in Iran were major craft centre, especially thanks to the closeness of alabaster deposits.

In addition to the eight vessels found in the tomb, a ninth vessel was accidentally discovered by one of us in 2001 on the surface of the site, not far from the grave (fig. 5). This was another “chalice” even more delicate than the ones found *in situ*. Given the place where it was discovered, this vase seems to be linked itself to the same exceptional funerary complex.

Finally, regarding the jewellery pieces (dozens of elements), they present a wide variety of shapes and materials (fig. 6): gold, lapis lazuli, carnelian, agate, turquoise, mineral composite (frit).

The etched carnelian beads belong to the production characteristic of the Indus civilization, reflecting a social hierarchy

established at Ulug-depe, and relations based on a long-distance international trade.

As well as the beads, alabaster vessel occupies a significant place in the inter-Iranian trade, and illustrates once more the opulence of this exceptional ensemble, and of the female individual who was buried in this grave. This observation leads us to wonder about the social relations between genders, and the strong role that women could have in the proto-historic societies of Central Asia (Luneau, 2008, 2014).



Fig. 5. «Chalice» alabaster vase (© MAFTUR).



Fig. 6. Jewellery pieces of exceptional burial (© MAFTUR).

Conclusion

It was during the apogee of the Oxus civilization, around the late III and early II millennium BC that the greatest range of exchanges with neighbouring regions (Indian subcontinent, Iranian plateau, Mesopotamia, Gulf regions) was reached. The site of Shortughai (Francfort et al., 1989), a Harappan settlement in the heart of the territory of the Oxus civilization in Bactria, attests to the vitality of these exchanges. Contacts with the Indus civilization in particular were known since the seventies, and were more recently confirmed by the discovery of Harappan seals in Altyn-depe (Masson, 1988. Pl. XXII, *1a, 1b*), and by numerous discoveries of seals, ivory sticks, and zoomorphic and anthropomorphic sculptures in Gonur-depe (Sarianidi et al., 2014).

The high terrace, and above all, the tomb of Ulug-depe help thus shed some light on these exchanges. Indeed to our knowledge it is the first time that such amount of alabaster vases featuring a wide morphological variety is discovered. According to M. Casanova (1991. P. 96), the alabaster vases “are no ordinary objects, but hold a significant value provided by the materials they are made of, and by the difficulty brought by their importation; a high value which would explain their use as instruments with symbolic meaning”. In addition, stone and metal object were usually the ones circulating, while the example of the painted vase discovered at Ulug-depe, a unique discovery to date in Central Asia, shows that the most fragile objects, but of great value, could also travel long distances.

Bibliography

1. Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J. Iron Age in Turkmenistan: Ulug-depe in the Kopetdagh piedmont // Historical and Cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, Researches and Restoration for 20 years of independence / Ed. M.A. Mamedov. Ashgabat, 2011. P. 238–249.
2. Besenval R., Francfort H.-P. The Nad-i Ali ‘Surkh Dagh’: A Bronze Age monumental platform in Central Asia? // From Sumer to Melluha: contributions to the Archaeology of South and West Asia in Memory of George F. Dales / Ed. J. M. Kenoyer. Wisconsin Archaeological Reports. 1994. Vol. 3. P. 3–14.

3. Bruzek J., Murail P. Methodology and reliability of the sex diagnosis from the skeleton // *Forensic Anthropology and Medicine, two complementary sciences. From recovery to cause of death* / Eds. A. Schmitt, C. Cunha, J. Pinheiro. Totowa, 2006. P. 225–242.
4. Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. T. XVII. Paris, 1961.
5. Casanova M. La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie centrale aux III^e et II^e millénaires av. J.-C. Paris, 1991.
6. Catalog. Les cités oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan. Catalogue de l'exposition du Musée National des Arts Asiatiques Guimet. Paris, 1988. P. 111–128.
7. Dales G.F. New excavations at Nad-i Ali (Sorkh Dagh), Afghanistan. Berkeley, 1977.
8. Deshayes J. Les fouilles récentes de Tureng Tépé: la terrasse haute de la fin du III^e millénaire // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*. T. Novembre-Décembre. 1975. P. 522–530.
9. Krishnan K., Rajesh S.V. Ceramics // *History of Ancient India. Volume II: Protohistoric Foundations* / Eds. D. K. Chakrabarti, M. Lal. New Delhi, 2014. P. 235–262.
10. Didier A., Mutin B. La production céramique protohistorique du Makran pakistanais dans la compréhension des relations indo-iraniennes // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Cahiers d'Asie Centrale. N 21–22. 2013. P. 461–486.
11. Francfort H.-P. [avec la collaboration de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J.-C., Kermorvant A., Willcox G.] Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. Paris, 1989.
12. Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan: 1933, 1934, 1937. Vol. I. Paris, 1938.
13. Ghirshman R. Recherches préhistoriques en Afghanistan. Fouilles de Nad-i Ali dans le Seistan Afghan // *Revue des arts asiatiques*. T. 13/1, 1942. P. 10–22.
14. Lecomte O. Ulug depe 4000 years of evolution between plain and desert // *Historical and Cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, Researches and restoration for 20 years of independence* / Ed. M. A. Mamedow. Ashgabat, 2011. P. 221–237.
15. Lecomte O. Activités archéologiques françaises au Turkménistan // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Cahiers d'Asie Centrale. N 21–22. 2013. P. 165–190.
16. Lecomte O., Francfort H.-P., Boucharlat R., Mamedow M. Recherches archéologiques récentes à Ulug-Dépé (Turkménistan) // *Paléorient*. Vol. 28. N 2. 2002. P. 123–132.
17. Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500–1000 av. n.è.). Mémoires de la MAFAC. T. XIII. Paris, 2013.
18. Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O. Ulug-depe and an overview of the Iron Age in Turkmenistan // *Journal of Iranian Archaeology*. 2015. Vol. 4/ 2013. P. 78–89.
19. Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O., Rapin C. Les cultures à céramique modelée peinte de l'âge du Fer ancien: quelques pistes de réflexion d'après les exemples de Koktepe, Dzharkutan (Ouzbékistan) et Ulug-depe (Turkménistan) // *L'archéologie française en Asie centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels*. Cahiers d'Asie Centrale 21–22 / Ed. J. Bendezu-Sarmiento. Paris, 2013. P. 357–372.
20. Luneau E. Tombes féminines et pratiques funéraires en Asie centrale protohistorique. Quelques réflexions sur le "statut social" des femmes dans la civilisation de l'Oxus // *Paléorient*. Vol. 34. N 1. 2008. P. 131–157.
21. Luneau E. La fin de la civilisation de l'Oxus. Transformations et recompositions des sociétés de l'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1500-1500/1400 av. n.è.). Mémoires des Missions Archéologiques Françaises en Asie centrale et en Asie moyenne XVI. Paris, 2014. 508 s.
22. Masson V.M. Altyn-depe. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1988. 170 p.
23. Adji Kui Oasis. Vol. II / Ed. Rossi-Osmida G. La cittadella delle Statuette. Padua, 2011. 302 p.
24. Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du Bronze. Paris, 1984. 232 p.
25. Quivron G. The Evolution on the Mature Indus Pottery Style in the Light of the Excavations at Nausharo, Pakistan // *EW*. Vol. 50. N. 1/4 (34). 2000. P. 147–190.
26. Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens, 2007. 340 p.
27. Udeumuradov, B.N. Ceramic material from Gonur-depe Necropolis / Ed. G. Rossi-Osmida, Margiana. Gonur-depe Necropolis: 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Padua, 2002. P. 133–143.
28. Масимов И. Раскопки керамических печей эпохи бронзы в южной Туркмении // *Археологические открытия 1970 года*. Москва, 1971. С. 432–433.
29. Масимов И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-Депе // *Каракумские Древности*, Вып. IV. Ашхабад, 1972. С. 35–46.
30. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и Исследования по Археологии СССР 73. Ленинград, 1959.
31. Массон В. М., Алтын-депе. Ленинград, 1981.
32. Массон В. М., Сарияниди В. И. Каракумы. Заря цивилизации. Москва, 1972.
33. Сарияниди В.И. Отчёт о работах Геоксюрского отряда экспедиции Института археологии АН СССР в 1967 г. Unpublished report, 1967.
34. Сарияниди В.И. Отчёт о работах Геоксюрского отряда археологической экспедиции ИА АН СССР на поселении Улуг депе. Unpublished report, 1968.
35. Сарияниди В. И. Продолжение работ на Улуг-Депе // *Археологические открытия 1968 г.* 1969. С. 434–435.
36. Сарияниди В. И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // *Археологические открытия 1970 г.* 1971. С. 433–434.
37. Сарияниди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // *Успехи среднеазиатской археологии*. Вып. 1. 1972. С. 53–55.
38. Сарияниди В.И., Бороффка Н., Дубова Н.А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э. Новые данные по Гонур-депе (погребение № 4150) // *Transactions of the Margiana Archaeological Expedition*. Vol. 5ю Gonur Depe Studies in 2011–2013 / Ed. V. Sarianidi. M., 2014. P. 127–137.
39. Сарияниди В.И., Качурус К.А. Раскопки на Улуг-депе // *АО 1967*. 1968. С. 342–345.

К изучению памятников раннежелезного века Туркменистана

Первые открытия памятников раннежелезного века на территории Туркменистана относятся к началу XX в. – раскопки Анау (Пампелли, Шмидт). В 1939 г. А.А. Марущенко, обобщая и анализируя результаты работ на холме Анау, внес изменения в хронологию, данную Р. Пампелли и предложил считать конец II – начало I тыс. до н.э. началом железной эпохи, к которой он отнес и «культуру Мадау» (Марущенко, 1939. С. 96–101).

Исследованиями памятников Мургабско-го оазиса и подгорной полосы Копетдага дана характеристика культуры типа Яз I, II и III. Хронологическая колонка развития культуры раннежелезного века, полученная стационарными археологическими исследованиями на поселении Яз-депе (Яз I, II и III), стала эталонной для Центральной Азии (Массон В., 1959).

В систему крупных поселений древних земледельцев предгорной полосы Копетдага входит Улугдепе (Яссыдепе), расположенный в 4 км южнее станции Душак Каахкинского этрапа Ахалского веляята. Холм высотой более 30 м, общей площадью около 20 га вытянут с востока на запад. В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. В.И. Сарияниди на Улугдепе исследовались слои раннежелезного века. Были изучены керамические печи для обжига глиняной посуды, характеризующие уровень древнего гончарного производства (Сарияниди, 1969. С. 434–435; 1971. С. 433–434; 1972. С. 53–55; Сарияниди, Качурис, 1968. С. 342–345).

Культура древнеземледельческого населения эпохи поздней бронзы (Намазга VI) и раннего железа (типа Яз I, II и III) существенно отличается от культуры архаического Дахистана (Юго-Западный Туркменистан). На крайнем юге Западного Туркменистана выделяются три природных и историко-куль-

турных ландшафта, расположенные в бассейне рек Атрек, Сумбар и Чендыр (Атрекский, Сумбарский и Чендырский соответственно).

Особенности природно-климатических условий, присущие межгорным долинам, открытым к Каспийскому морю, богатство растительного и животного мира Юго-Западного Копетдага, плодородие почв, относительное обилие водных и естественных ресурсов способствовали развитию материальной культуры населения этого региона.

В письменных источниках античного времени территория Юго-Западного Туркменистана, именовавшаяся Гирканией, осваивалась и интенсивно использовалась человеком в V – I тыс. до н.э.

Первые сведения о памятниках эпохи бронзы и раннего железа долины Сумбара были получены М.Е. Массоном (Массон М., 1931. С. 53–56). В 1930 г. аналогичные памятники в подгорной полосе Копетдага и на территории Мисрианской равнины открыты и обследованы А.А. Марущенко, который назвал их «культурой Мадау» (Марущенко, 1935).

В 50-х годах XX в. памятники раннего железного века Мисрианского оазиса были исследованы В.М. Массоном (Массон В., 1956). В 70-х годах XX в. изучалась история заселения и древнее орошение этого оазиса (Кесь и др., 1980). В 1980–1990-х годах проведены археологические исследования в Бенгуванском оазисе и стратиграфические исследования на поселении Изат-кули (Мурадова, 1991).

В 1994–1998 гг. Туркмено-Французской экспедицией на поселении Геокчикдепе проведены археологические раскопки, отразившиеся в публикациях О. Леконта (Lecomte, 1999, 1999a) и Э.А. Мурадовой (2004). С 2010 г. туркмено-испанская археологическая экспедиция, возглавляемая профессором Мадридского университета Х. Кордоба, успешно про-

должает раскопки на Геокчикдепе (Cordoba, 2011, 2011a).

Памятники энеолита, поздней бронзы и раннего железа, находящиеся в Сумбарской долине, планомерно исследовались с 1968 по 1991 гг. И.Н. Хлопиным (Хлопин, 1997). На Пархай-депе, впервые обнаруженном в 1968 г., вскрыты слои, относящиеся к раннежелезному веку (Хлопина, 1981). Систематические раскопки на могильниках Сумбар I, Сумбар II, Пархай I и II имели существенное значение для решения вопросов культурогенеза (Хлопин, 1983; Хлопин, 2002).

В долине Чендыра не проводилось археологических исследований, нет публикаций о памятниках этого историко-культурного ландшафта. Были выявлены памятники, датированные IV–VII, IX–XII вв. (устное сообщение Е. Атагаррыева). С целью закрытия лакуны в археологическом изучении долины Чендыра, осенью 2014 г. автором данной статьи была осуществлена целенаправленная рекогносцировка этого историко-культурного ландшафта. В результате были обследованы и нанесены на карту все памятники, находящиеся там, хронологические рамки которых охватывают II – I тыс. до н.э.; IV–VII; IX–XII вв. н.э. На памятниках Тархан-депе, Акдепе, Сейпел и Кичи Сейпел впервые выявлен археологический материал эпохи бронзы и раннего железа.

Тархан-депе расположено на расстоянии 15,6 км к востоку от могильника с каменными стелами Гызыл-Ымама, к юго-востоку на расстоянии 4,21 км от Акдепе, южнее посёлка Ярты-гала. От Тархандеде до Изат-кули (Мисрианская равнина) – 143 км. Тархандеде – конусообразный холм с крутыми склонами высотой 19 м. Общая площадь холма – 0,67 га. На склонах холма видна каменная кладка строений. Камень – серый известняк. На поверхности холма найдены фрагменты венчиков сероглиняного бокалообразного сосуда, венчики сероглиняных триподов, ножка сероглиняного трипода, венчики красноглиняных чашеобразных и горшкообразных сосудов (рис.1), фрагменты венчиков сасанидского периода. Материал показывает, что памятник существовал в II – I тыс. до н.э.; в IV – VII и IX – XII вв. н.э.

Ак-депе расположен на расстоянии 11,4 км к востоку от могильника с каменными

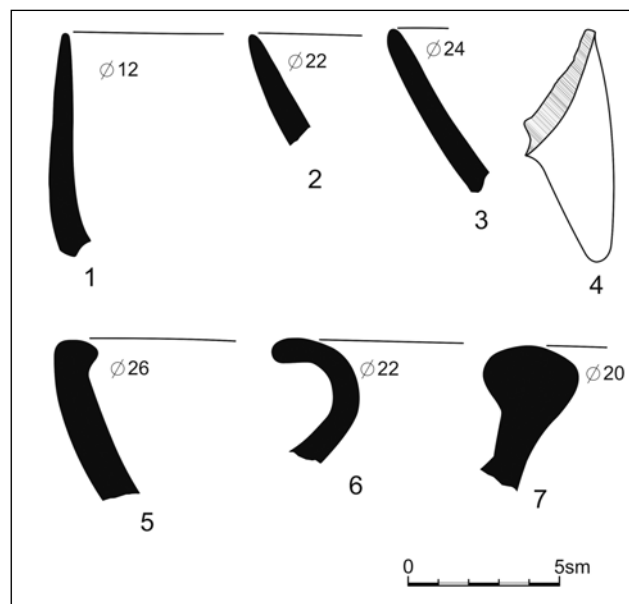


Рис. 1. Тархандеде. Керамика. 1-4 – сероглиняная; 5-6 – красноглиняная; 7 – светлоглиняная.

стелами Гызыл-Ымама между селами Ак-оба и Ярты-гала. От Акдепе до Гаррыгала 33,07 км. Акдепе представляет собой поселение с выделенным укреплением (цитадель), имеющим проход с юга. Холм цитадели вытянут с запада на восток. Вход осуществлялся с юга. Высота цитадели – 15 м, её площадь – 1,3362 га. В северной и восточной частях поселения за линией современных хозяйственных строений сохранились всхолмления (остатки поселения), идущие по периметру поселения, высотой 4 м. Общая площадь Акдепе (цитадели и прилегающих древних строений) – 4,6849 га. Строительный материал – камень (серый известняк).

Склоны холма цитадели усыпаны сероглиняными черепками. На основном холме, высотой 15 м найдены ножка светлоглиняного и фрагмент ножки красноглиняного триподов, венчик банкообразного красноглиняного сосуда, фрагмент горла сероглиняного кувшина (у венчика – следы скола от вертикальной ручки), фрагменты венчиков сероглиняных, красноглиняных и светлоглиняных чашеобразных сосудов. На восточном холме найдены манжетовидный венчик сероглиняного хума, фрагмент верхней части горшкообразного сероглиняного сосуда с отогнутым наружу прямым венчиком, фрагмент сероглиняного трипода, фрагмент венчика сероглиняного кувшина, фрагмент венчика бокалообразного сероглиняного сосуда, венчики сероглиняных

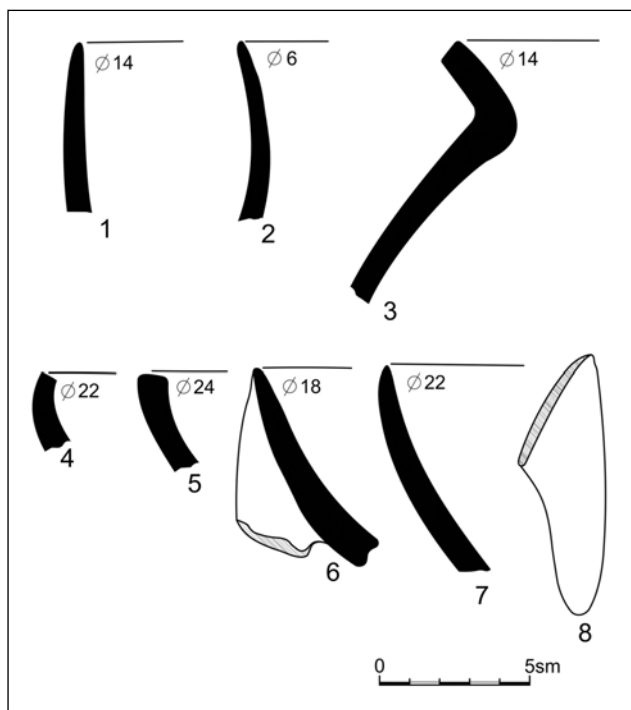


Рис. 2. Акдепе. 1-8 – сероглиняная керамика.

и красноглиняной чаш, ножки сероглиняных и светлоглиняного триподов (рис. 2, 3). Найденные на поселении Акдепе фрагменты сероглиняных, светлоглиняных и красноглиняных сосудов типичны для керамического комплекса культуры архаического Дахиста-

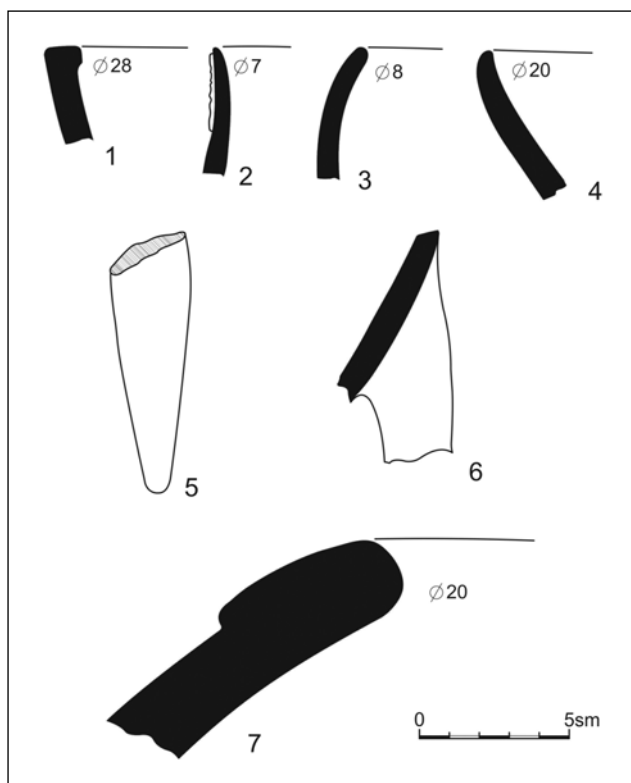


Рис. 3. Акдепе. Керамика: 1, 2, 6, 7 – сероглиняная; 3 – красноглиняная; 4, 5 – светлоглиняная.

на, хронологически относящегося к раннему железному веку. Есть и фрагменты венчиков сероглиняных сосудов, относящихся к эпохе бронзы. Обнаруженные фрагменты сосудов сасанидского периода свидетельствуют о том, что это поселение функционировало и в IV–VII вв. н.э. Таким образом, памятник функционировал в II–I тыс. до н.э. и в IV–VII вв. н.э.

Сейпел находится на расстоянии 4,98 км к востоку от могильника с каменными стелами Гызыл-Ымама. Сейпел – высокий холм с крутыми склонами. Высота холма 28 м. Общая его площадь – 2,1325 га. Строительный материал – камень (серый известняк). На поверхности холме собран археологический материал – фрагменты керамических сосудов: венчики сероглиняных чашеобразных сосудов (триподов), фрагмент венчика сероглиняного горшкообразного сосуда с отогнутым наружу прямым венчиком, ножки сероглиняного и красноглиняного триподов (рис. 4, 1-5). Найденные фрагменты сосудов находят прямые аналогии на Мадаудепе, поселениях Бенгунанского оазиса, Изат-кули, Тангсикыльджа, Чыглыкдепе, Геокчикдепе, расположенным на Мисрианской равнине. Хронология памятника: II–I тыс. до н.э.; IV–VII; IX–XII вв. н.э.

Кичи Сейпел расположен на расстоянии 3,93 км к востоку от могильника с каменными стелами Гызыл-Ымама. Кичи Сейпел – холм высотой 23 м. Общая площадь – 0,7766 га. Строительный материал – камень (серый известняк). На холме собран археологический материал: фрагменты керамических сосудов (фрагмент прямого венчика сероглиняного горшкообразного сосуда эпохи бронзы, фрагмент горла сероглиняного кувшина со следами скола от ручки, фрагмент венчика красноглиняного, вертикально залощённого тонкостенного кувшинчика с раструбообразным горлом со следами скола от ручки, фрагменты валикообразного красноглиняного и загнутого внутрь валикообразного венчика светлоглиняного (цвет черепка в изломе) чашеобразных сосудов (рис. 4, 6-9). Материал показывает, что памятник существовал в II–I тыс. до н.э., в IV–VII и IX–XII вв. н.э. Присутствует и керамика XIV в. н.э.

Таким образом, рекогносцировочное обследование Чендырской долины позволило впервые обнаружить памятники, относящие-

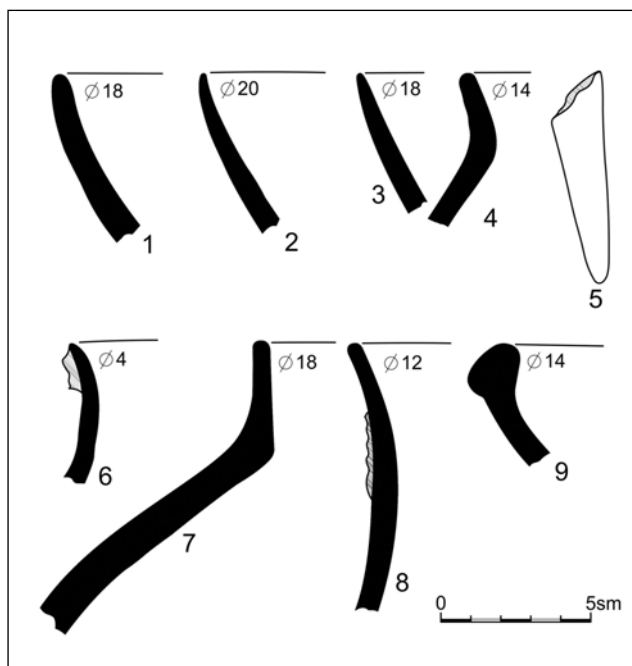


Рис. 4. Сейпел. Керамика: 1-4 – сероглиняная; 5 – красноглиняная;

ся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Впервые выявлен археологический материал, документально констатирующий факт существования памятников эпохи бронзы и раннежелезного века, аналогичных известным памятникам, расположенным на Мисрианской и Чатской равнинах (Мадау-депе, Тангсикыльджа, Чыглык-депе, Изат-кули, Геокчик-депе, поселениям Бенгуванского оазиса). Открытие раннего железного века в долине Чендыра расширяет ареал распространения культуры архаического Дахистана, генетические истоки которой уходят в долины Сумбара и Чендыра.

Библиография

1. Атагарриев Е., Лисицына Г.Н. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины – Чатского земельного массива // КД. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 166–183.
2. Атагарриев Е., Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Работы на Мешед-Мисрианской равнине в 1971 г. // КД. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 92–110.
3. Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М., Наука, 1980. 126 с.
4. Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии Юго-Западной Туркмении // КСИА. Вып. 132. М.: Наука, 1972. С. 3–11.
5. Марущенко А.А. Археологические открытия последних лет в Туркменистане // Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института. № 1. Ашхабад, 1935.
6. Марущенко А.А. Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. М.; Ашхабад, 1939. С. 96–101.
7. Массон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТрЮ-ТАКЭ. Т. 7. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1956. С. 385–458.
8. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с.

Стратиграфическими исследованиями на Мадау-депе (Массон В., 1956), поселениях Бенгуванского оазиса (Мурадова, 1991. С. 13–27), Тильки-депе (Лисицына, Прищепенко, 1972), Чыглык-депе (Атагарриев, Лисицына, 1970), Тангсикыльджа (Атагарриев и др., 1977), Изат-кули (Мурадова, 1991. С. 51–71) установлено, что культурные слои с керамикой культуры архаического Дахистана лежат непосредственно на древнедельтовых отложениях Сумбара и Атрека.

Археологические исследования долин Сумбара, Чендыра и Атрека свидетельствуют не только о непрерывной преемственной линии развития культур этого региона, но и о миграциях, имевших место в бронзовом веке. В нижних культурных слоях Изат-кули найдена керамика, аналогичная керамике сумбарской культуры. По-видимому, в конце II тыс. до н.э. на Мисрианской и Чатской равнинах начало селиться население, мигрировавшее с Сумбара и Чендыра. Это население двинулось в новые плодородные оазисы, где они построили плотины на реке Атрек, провели сеть искусственных ирригационных каналов. Осваивая новые земли, они научились сооружать постройки из сырцового кирпича. Так возникли небольшие и крупные поселения с выделенным центральным укреплением, культовые монументальные строения. Происходил процесс постепенного формирования и развития урбанизированных структур, характеризующий эпоху раннего железа.

9. Массон М.Е. Силуэты Сумбарского района (Историко-археологический очерк) // Туркменоведение. № 3–4(29). Март–апрель, 1931. С. 53–56.
10. Мурадова Э.А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991 г. 141 с.
11. Мурадова Э.А. Стратиграфия поселения Геокчик-депе // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 368–370.
12. Сарияниди В.И. Продолжение работ на Улуг-Депе // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 434–435.
13. Сарияниди В.И. Исследование слоёв раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 433–434.
14. Сарияниди В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. Вып. 1. Л.: Наука, 1972. С. 53–55.
15. Сарияниди В.И., Качурис К.А. Раскопки на Улуг-Депе // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 342–345.
16. Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука ЛО, 1983. 244 с.
17. Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург: ИИМК, 1997. 302 с.
18. Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2002. 336 с.
19. Хлопина Л.И. Стратиграфия поселения раннего железного века Южной Туркмении Пархай-тепе // Известия АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 2. С. 75–82.
20. Cordoba J. La cultura de la Edad del Hierro en Dehistan (1300–500 a.c.). Excavaciones y estudios en la llanura de Misrian // Informes y trabajos. Excavaciones en el exterior. 2011. N 9. P. 728–751.
21. Cordoba J. Turkmen-Spanish archaeological mission in Geokchik depe // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Discoveries, researches and restoration for 20 years of independence. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011a. P. 257–261.
22. Lecomte O. Le complexe culturel de Geoktchikdepe // Dossiers d'Archeologie. № 352. Janvier 1999. P. 54–66.
23. Lecomte O. Iran et «non-Iran» // Dossiers d'Archeologie. № 243. Empires Perses. 1999a. P. 14.

Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года

Настоящая статья посвящена памяти В.И. Сарияниди, выдающегося археолога и исследователя Центральной Азии. Раскопки В.И. Сарияниди в Маргиане и открытие им Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) позволяет в настоящее время по-новому оценить результаты археологических исследований на могильнике Фархор в Южном Таджикистане.

С 2013 г. экспедиция Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана под руководством С. Бобомуллоева проводит полевые исследования на некрополе Фархор в Пархарском районе Хатлонской области. Самые интересные результаты были получены при обследовании возвышенности Уртобоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар¹. Это южная часть лессового массива Уртабоз на стрелке двух рек – Пянджа и Кызылсу. Высота массива над примыкающим к его основанию с юга и востока райцентром Пархар составляет 30-50 м. С севера на юг массив прорезает автомобильная дорога Душанбе–Фархор. Все холмы в местности Чилтанбобо сплошь покрыты современными могилами. По направлению север–юг протяженность кладбища составляет 550–600 м, с запада на восток – 300–350 м. В процессе устройства этих могил были обнаружены многочисленные предметы, датируемые эпохой средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.). Среди них изделия из камня (мраморные гири, жезлы, сосуды из оникса), глиняная модель «дома», серебря-

ные браслеты и керамические сосуды (Виноградова, 2011; Бобомуллоев и др., 2014, 2015; Vinogradova, 2014). На склонах лессовых холмов, в местах, свободных от современных погребений, было заложено восемь раскопов (рис. 1). В 2013 г. в трех раскопах (№№ 1, 2, 3) были выявлены восемь погребений (№№ 1-8) эпохи средней бронзы (Бобомуллоев и др., 2014). Весной 2014 г. вскрыты еще несколько площадей (раскопы №№ 4, 5, 6, 6а, 7) и расчищены 12 могил (№№ 9–20)².

В большинстве случаев захоронения совершены в слое чистого лесса. Заполнение погребальных камер по цвету почти не отличается от лесса, в котором они были выкопаны. Для некоторых захоронений в 2013 г. была зафиксирована катакомбная конструкция могильных сооружений (Бобомуллоев и др., 2014. С. 40, 41, 43). С уровня древнего горизонта холма вертикально или под углом копали входную яму. Затем в ее стенке, обращенной к повышению склона, устраивали нишу для погребальной камеры, причем последняя оказывалась на большой глубине. Детские захоронения имеют ямную конструкцию и могилы находятся на небольшой глубине. Далее обратимся к описанию раскопов №№ 4, 5, 6 и 6а, открытых весной 2014 г.

Раскоп 4 (рис. 2) находится в юго-западной части современного кладбища, в 97 м северо-восточнее раскопа 2 (рис. 1). В результате раскопок были обнаружены три погребения №№ 9, 10, 11.

1 Пархар (тадж. Фархор) – административный центр Фархорского района Хатлонской области Таджикистана, расположенный в долине р. Пяндж, в 2 км от афганской границы.

2 В статье не рассматриваются материалы погребения 20 раскопа 7, которое относится к эпохе поздней бронзы.

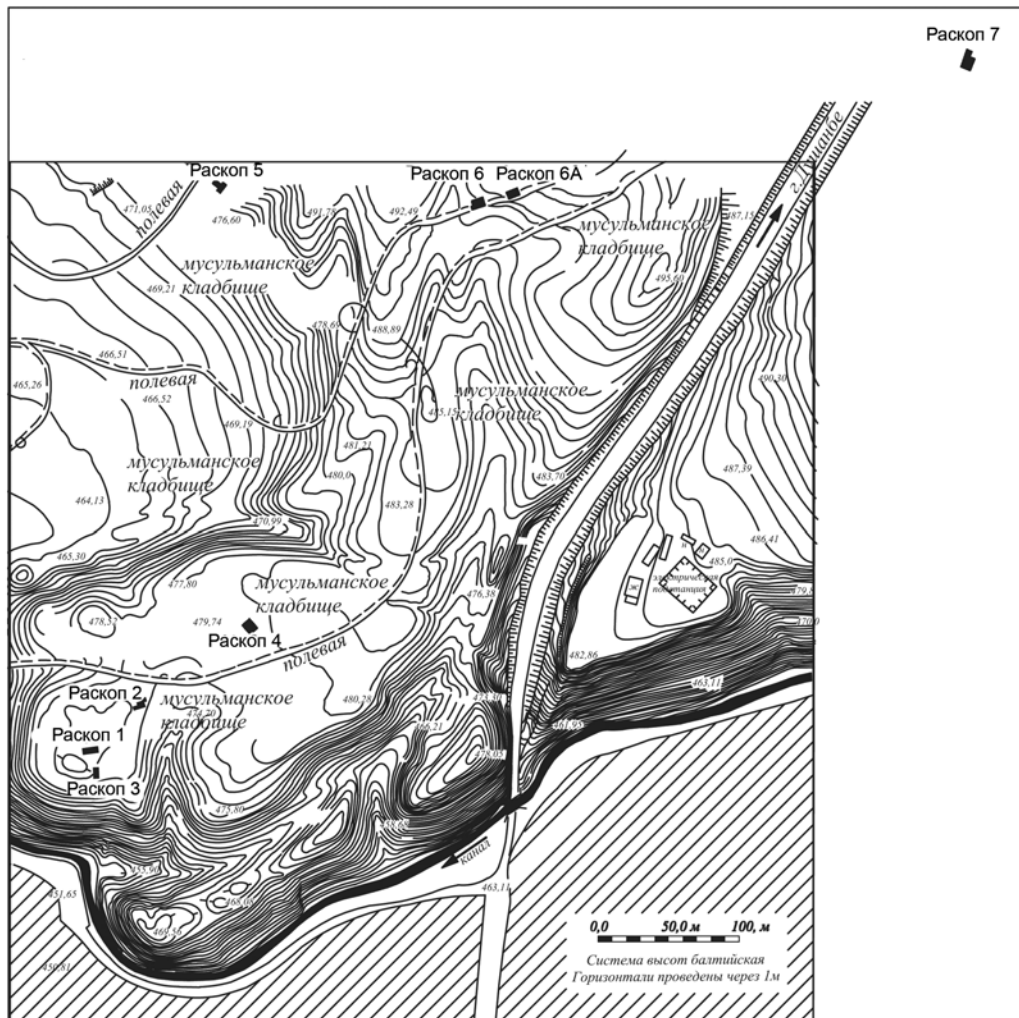


Рис. 1. Могильник Фархор. Локализация раскопов 1–6А.

Погребение 9 обнаружено на глубине 2,1 м от дневной поверхности в слое чистого леса (рис. 3А). Конструкция могильной ямы не прослеживается. Судя по глубине залегания скелета могила могла быть с входной ямой и подбоем для захоронения. Размеры погребальной камеры примерно 1,3 x 0,9 м. Скелет лежит на правом боку в скорченном положении, головой ориентирован на СЗ; руки согнуты в локтях перед лицом. За затылком около шейных позвонков была найдена агатовая бусина (рис. 3А: 1) и у грудной клетки – подвеска из полосчатого известняка (рис. 3А: 2)³. По определению антрополога Н.А. Дубовой скелет принадлежал грацильной женщине 35-45 лет средиземноморского облика.

Погребение 10 (рис. 3Б) открыто на глубине 2,0 м от дневной поверхности. Конструк-

ция могильной ямы, как и в погребении 9, не прослеживается. Размеры погребальной камеры 1,5 x 0,9 м. Скелет лежит на правом боку в скорченном положении, головой на СЗ; руки согнуты в локтях перед лицом. У таза погребенного расчищено скопление бус: 43 каменных бусины бочковидной формы из известняка с прожилками кальцита (рис. 3Б: 5), две бусины бабочковидной формы (*butterfly-shaped beads*) из бирюзы (рис. 3Б: 1, 2) и три бусины продолговато-удлиненной формы из песчаника (рис. 3Б: 3, 4). Череп был посмертно деформирован. Костяк, по определению Н.А. Дубовой, принадлежал женщине 25-35 лет, скорее всего средиземноморского облика с относительно невысоким лептопрозопным лицом.

Погребение 11 (рис. 4) обнаружено на значительной глубине – 2,5 м от дневной поверхности. Могила могла быть с входной ямой и подбоем для захоронения. О существовании дромоса косвенно свидетельствует находка

³ Все определения камней выполнены в Центральной лаборатории Управления геологии Таджикистана Ф.Ш. Искандаровым.

каменной стрелы из халцедона ($L=4,5$; $S=1,5$ см)⁴, которая была найдена в северо-западной части раскопа за границами погребальной камеры (рис. 4: 7). Примерные размеры погребальной камеры могут быть не меньше, чем 1,5 x 1,6 м. Захоронение – парное, оба скелета лежат в скорченном положении, головой на СЗ-З. Скелет № 1 лежит на правом,

скелет № 2 – на левом боку. Кости, погребенного на правом боку, по определению Н.А. Дубовой, принадлежат мужчине 25–35 лет. За затылком этого скелета найдена большая бусина из агата подпрямоугольной формы, двояковыпуклая в поперечном сечении (рис. 4: 2). Второй скелет принадлежит женщине того же возраста. Здесь погребальный инвентарь намного богаче, чем в мужском захоронении. За спиной скелета найдены пряслице

4 L – длина, S – ширина бусины.

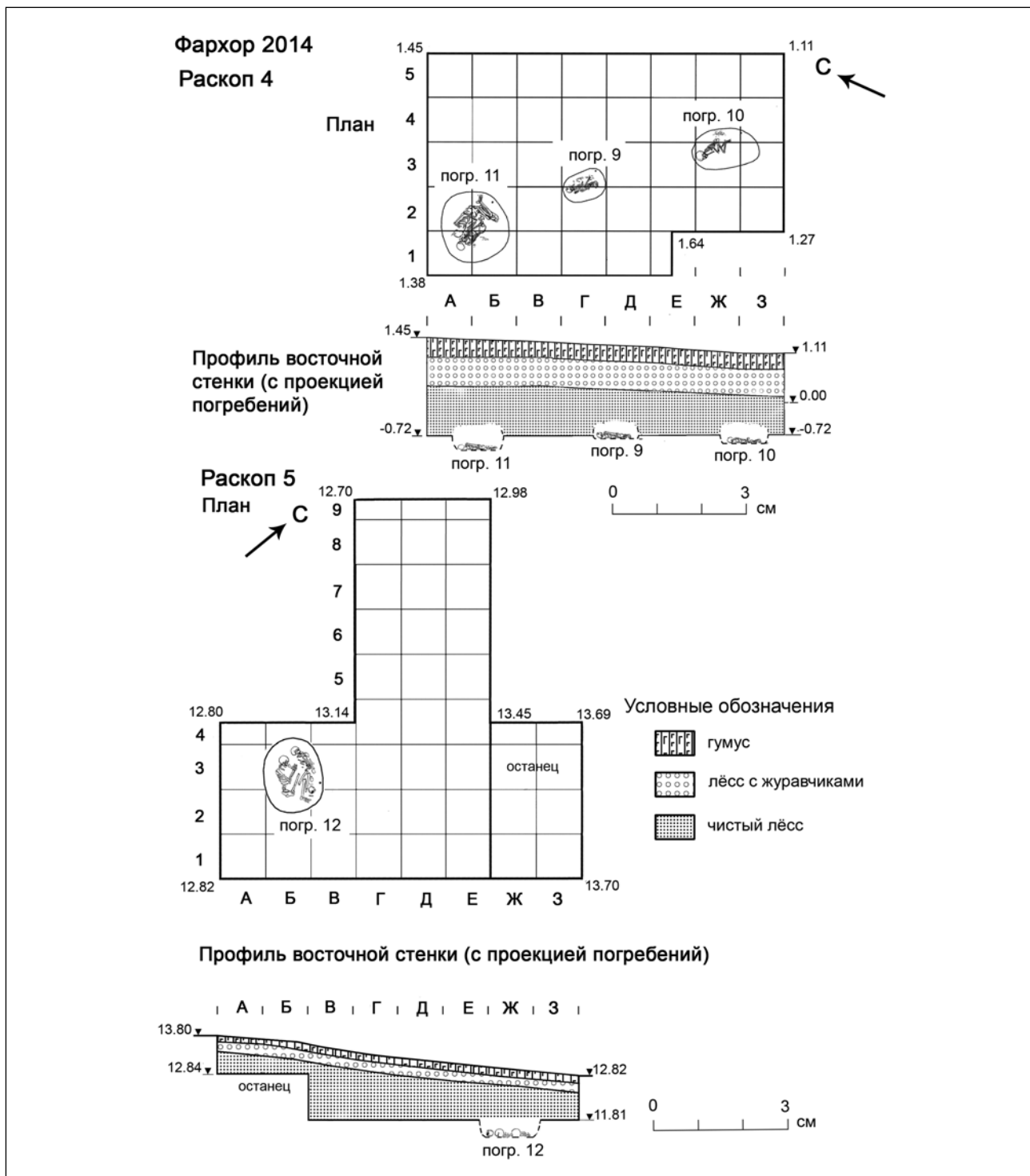


Рис. 2. Могильник Фархор: раскоп 4, план, погр. № 9–11; раскоп 5, план, погр. № 12.

округлой формы из известняка (рис. 4: 3) и алебастровые пронизки (рис. 4: 6а, 6б) цилиндрической (16 шт.) и бочковидной формы (1 шт.). Около груди расчищены крупная агатовая пронизка (L=2,2; S=1,9см) подовальной формы, двояковыпуклая в поперечном сечении (рис. 4: 1) и около шейных позвонков – крестовидная бусина из лазурита и 13 бусин из агата бочковидной формы (рис. 4: 4а, 4б). У таза скелета встречаются мелкие бусины

– бисер из бирюзы и лазурита (рис. 4: 5а, 5б), всего 158 шт.

Раскоп 5 находится в северо-западном углу кладбища, в 315 м севернее раскопа 4 (рис. 1). Здесь открыто только одно погребение № 12 (рис. 2).

Погребение 12 (рис. 5) обнаружено на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Предположительные размеры погребальной камеры

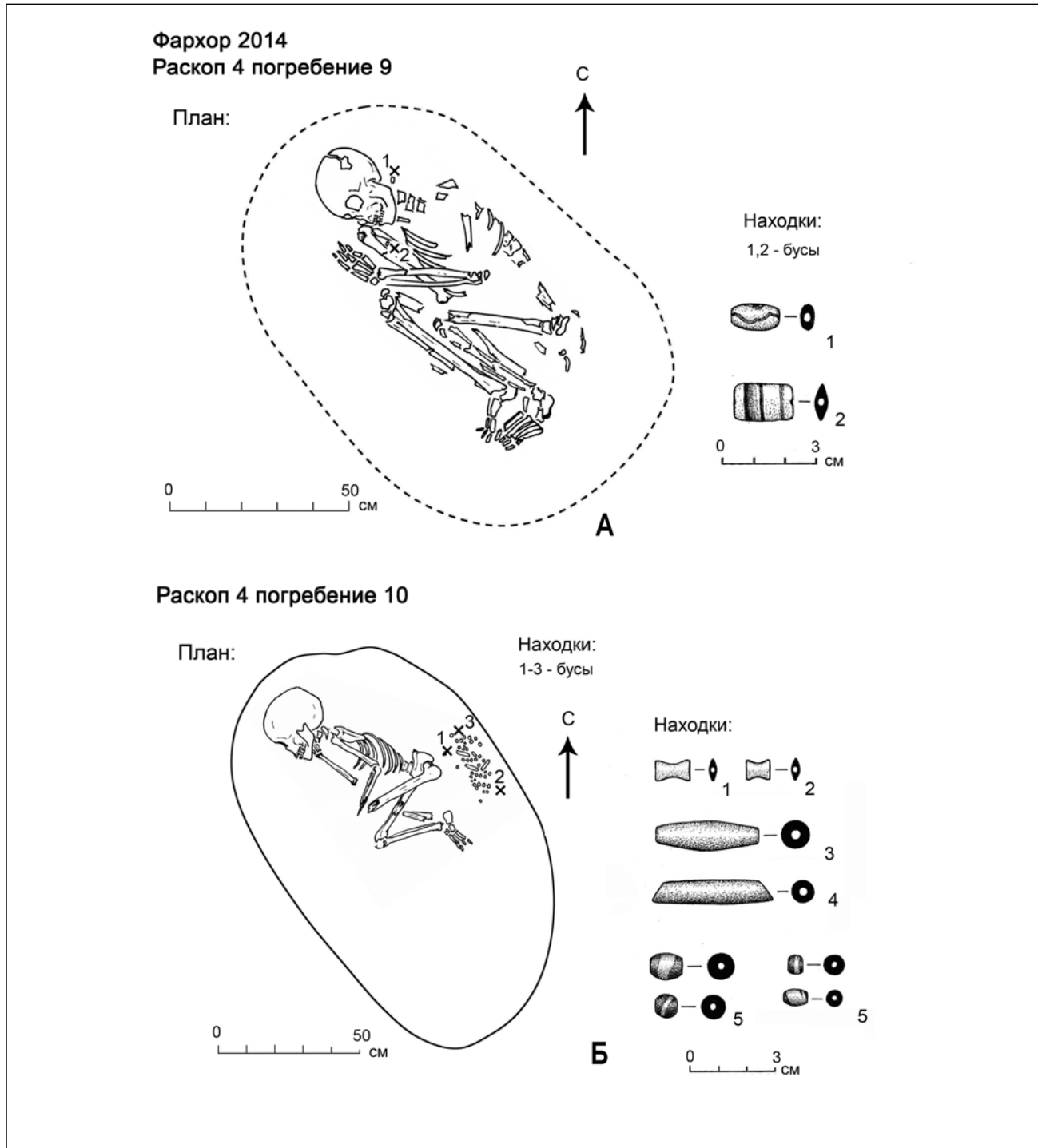


Рис. 3. Могильник Фархор: А - раскоп 4, погр. № 9. План захоронения и погребальный инвентарь; Б - раскоп 4, погр. № 10. План захоронения и погребальный инвентарь.

1,65x1,3 м. Захоронение – парное, оба погребенных найдены в скорченном положении, головой на З. Скелет (№ 1) лежал на правом боку и был несколько смещен при подзахоронении второго умершего. Весь погребальный инвентарь в могиле связан именно с этим скелетом. В ногах находился лепной горшок (H=14; D=15,5; d1=12,5; d2=8,6 см) плохого обжига с примесью в тесте шамота и известняка (рис. 5: 2)⁵. Рядом с горшком лежали обломок ножа (рис. 5: 4) и ба-

ранья кость. У шеи найдена большая подвеска (L=4,7; S=3,4 см) усеченно-овальной формы из агата (рис. 5: 1). Под костями рук погребенного расчищены каменная стрела (L=3,6; S=1,6 см) из кремня (рис. 5: 7), две бусины из агата (рис. 5: 3, 5), одна – из песчаника (рис. 5: 6) и бусы из алебастра – 11 шт. (рис. 5: 8).

5 D – диаметр тулова, d1 – диаметр венчика, d2 – диаметр дна, H – высота.

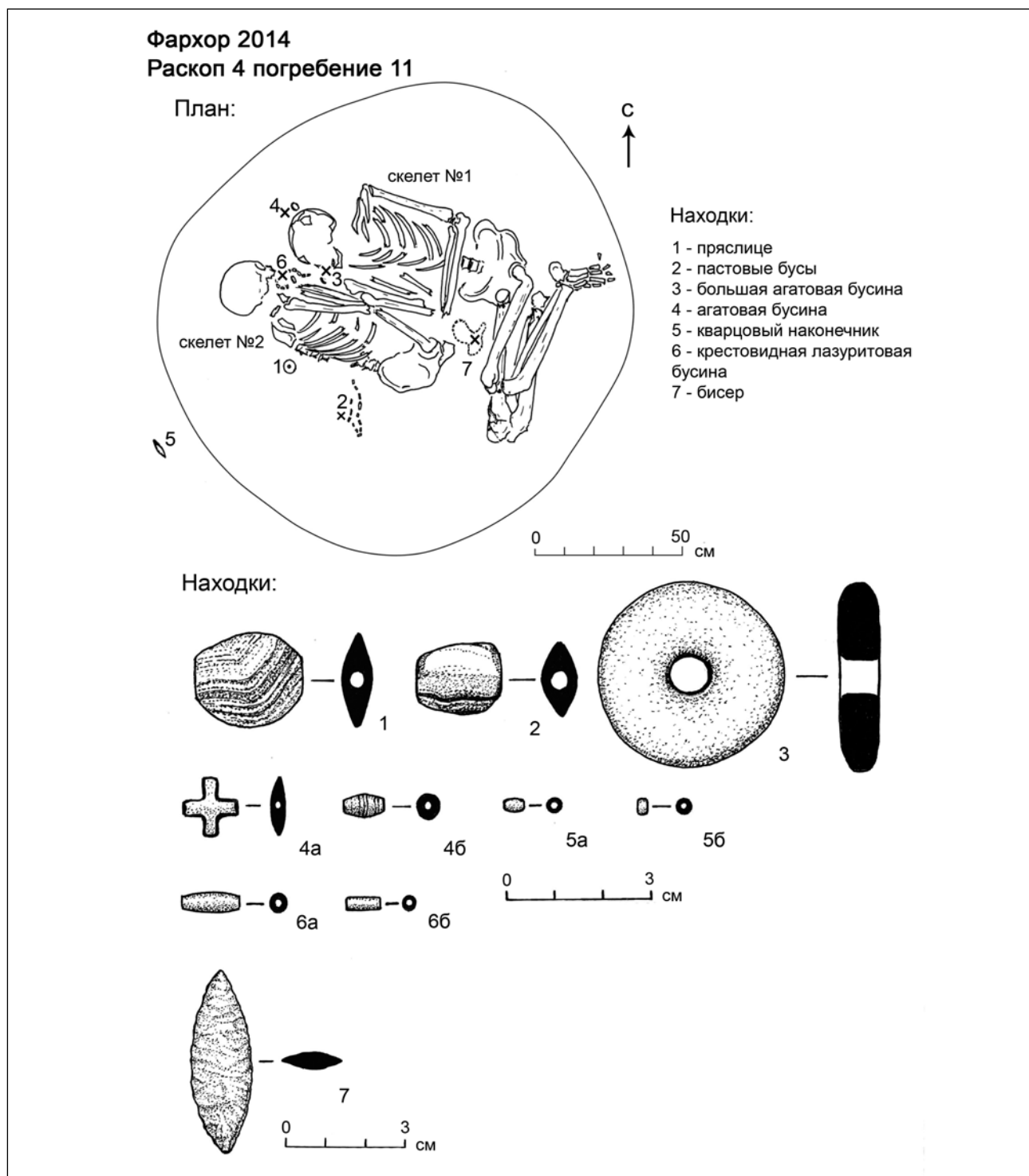


Рис. 4. Могильник Фархор, раскоп 4, погр. № 11. План захоронения и погребальный инвентарь.

По определению Н.А. Дубовой скелет № 1 – женский 25–35 лет⁶. По ее мнению, обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа сближается с расовым

6 Преимущественное положение мужских костяков на правом боку, особенно в парных захоронениях, а также наличие в наборе погребального инвентаря – ножа и каменной стрелы – позволяет предположить, что это могло быть мужское захоронение.

типом населения среднеазиатского междуречья.

Второй скелет также женский 25–35 лет. Лежал на левом боку с согнутыми в локтях руками. Погребальный инвентарь отсутствует.

Раскоп 6 (рис. 1, б) заложен на грунтовой дороге в северной части кладбища, в 360 м северо-западнее раскопа 4 и 210 м восточнее раскопа 5 (рис. 1). Здесь открыто три погребения №№ 13, 14 и 15.

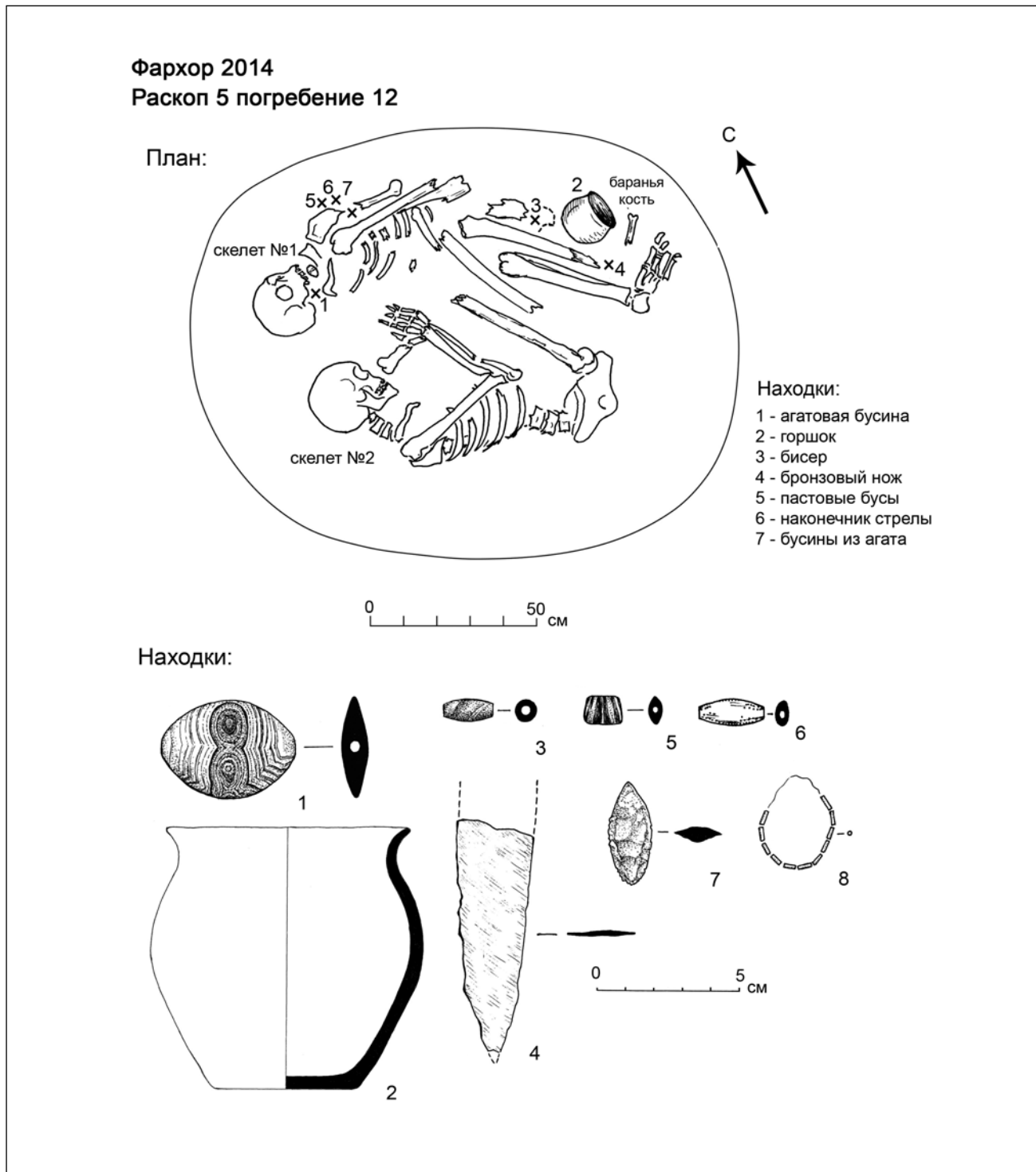


Рис. 5. Могильник Фархор, раскоп 5, погр. № 12. План захоронения и погребальный инвентарь.

Погребение 13 (рис. 10) обнаружено на глубине 2,1 м. от современной дневной поверхности. На дне могильной ямы (1,1 x 0,9 м) расчищено захоронение со скелетом очень плохой сохранности. Он лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Около шейных позвонков погребенного расчищены пронизки бочковидной формы из гипса – 14 шт. (рис. 7: 1), агата (рис. 7: 3) и одна бусина усечено-ромбовидной формы из ракушечника

(рис. 7: 4). Около грудной клетки было найдено каменное навершие из известняка (рис. 7: 2) и две гальки.

Погребение 14 (рис. 8) открыто на глубине 2,0 м от современной дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Размеры погребальной камеры 1,45 x 1,40 м. В могиле расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ. Руки согнуты в локтях и ки-

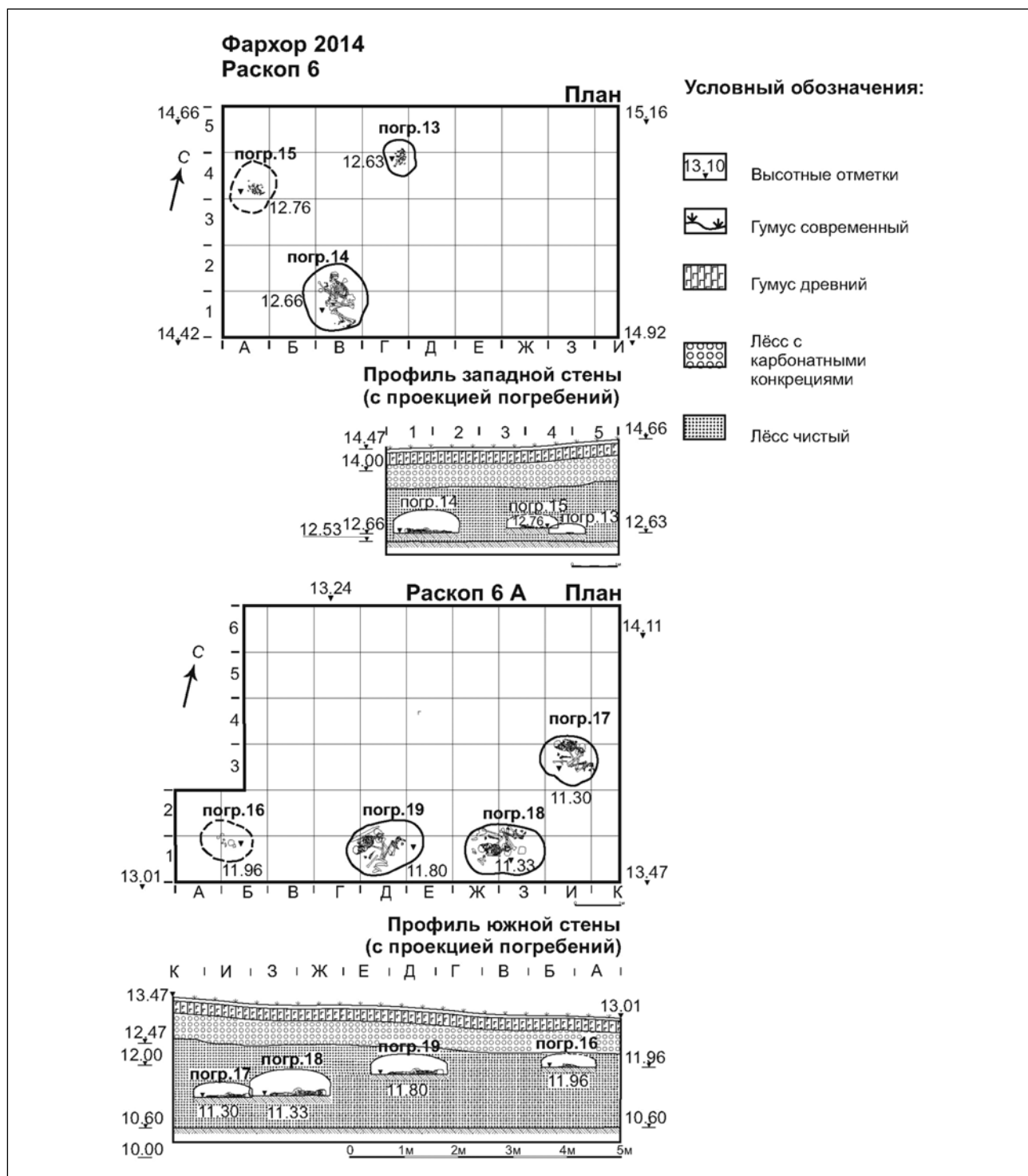


Рис. 6. Могильник Фархор: раскоп 6, план, погр. № 13–15; раскоп 6А, план, погр. № 16–19.

сти рук покоятся на коленях. Перед лицом умершего стоял небольшой лепной сосуд с примесью шамота в тесте (H=3,8; d1=4,5; d2=3,5 см), на котором лежала косметическая бронзовая лопаточка (L=17 см) (рис. 8: 1). Около рук найдено каменное навершие из гипса (рис. 8: 3) и четыре бусины из агата (рис. 8: 6) и известняка (рис. 8: 4, 5, 7). Пол определен как мужской, возраст от 20 до 30 лет.

Погребение 15 (рис. 9А) открыто на глубине 1,8 м от современной дневной поверхности. Примерные размеры могильной ямы 1,5 x 1,5 м. Погребение в древности было разграблено. Костяк разбит на мелкие фрагменты. По всей камере разбросаны фрагменты керамики и многочисленные бусы разной формы. После реставрации из черепков удалось склеить сосуд (рис. 9А: 1). Он – гончарный, горшковидной формы с легким подкосом,

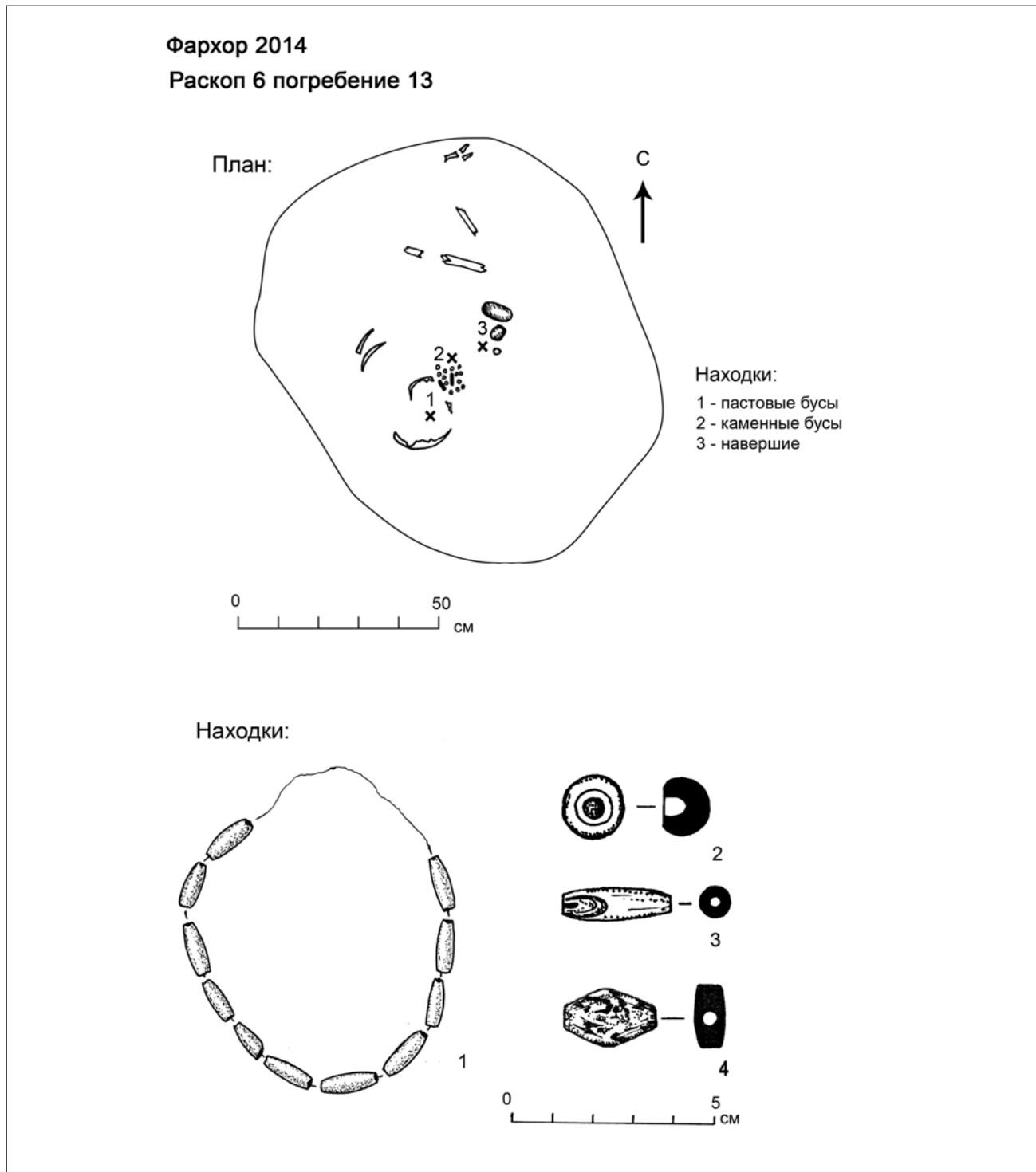


Рис. 7. Могильник Фархор, раскоп 6, погр. № 13. План захоронения и погребальный инвентарь.

глина светлокориичневая с примесью песка и слюды (D =22, d1=11, d2 =8, H =20,6 см). На внешней поверхности сосуда сохранились следы красного ангоба и горизонтального лощения. Бусы представлены различными формами: крупная бочковидная пронизка из агата (рис. 9А: 2), небольшие бусины бочковидной (6 шт.) или чечевичной формы (11 шт.) и одна цилиндрическая пронизка (рис. 9А: 3-5).

Раскоп 6а находится в 25 м западнее раскопа 6 (рис. 1; 6). Здесь открыто четыре могилы (№№ 16, 17, 18 и 19).

Погребение 16 (рис. 9Б) раскопано на небольшой глубине 0,95 м. от современной дневной поверхности. Конструкция погребения не прослеживается, скорее всего, оно было устроено в яме. Размеры могильной ямы не установлены. Скелет археологами определен как принадлежащий ребенку, со-

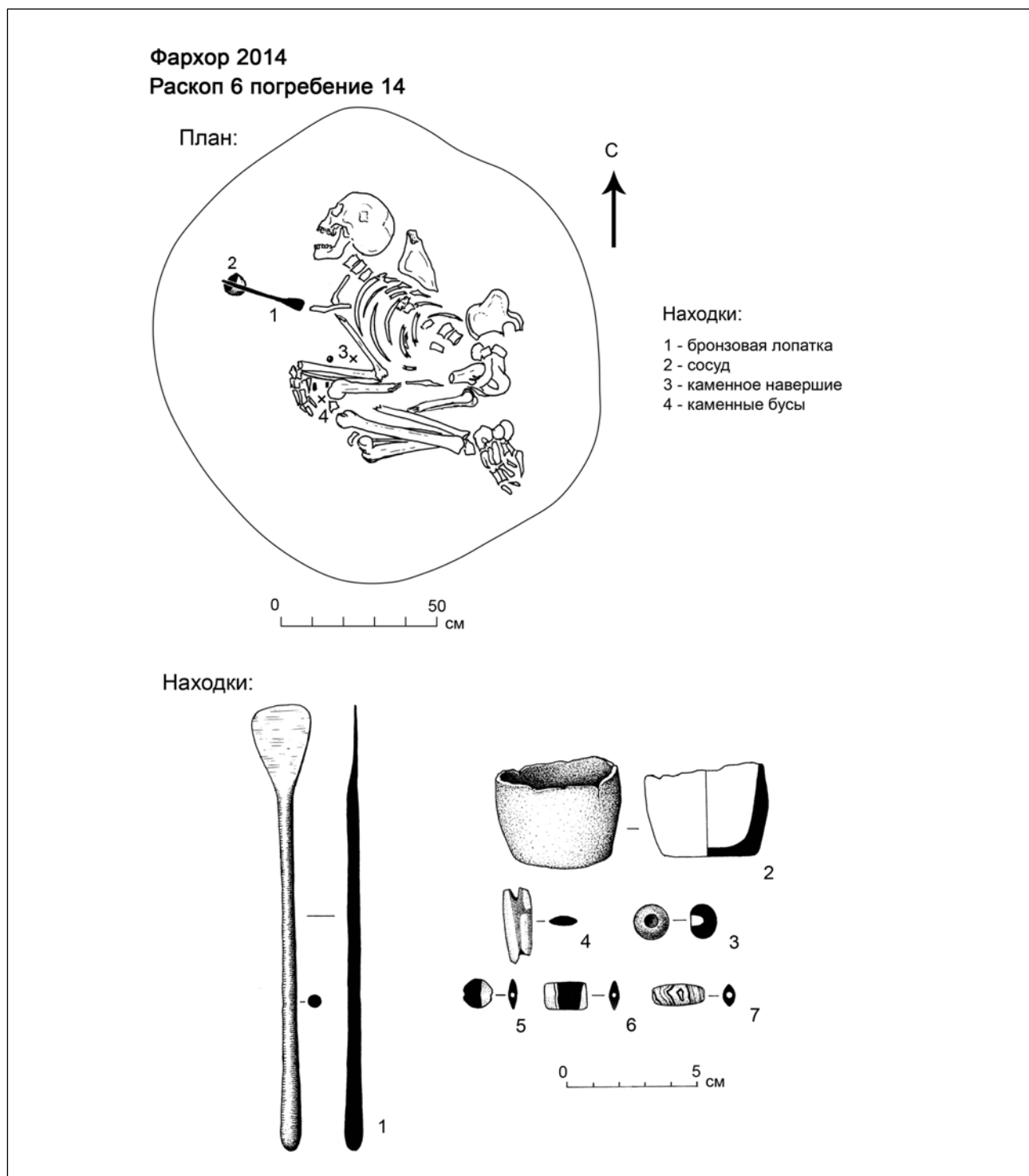


Рис. 8. Могильник Фархор, раскоп 6, погр. № 14. План захоронения и погребальный инвентарь.

хранился очень плохо. Судя по положению ног и фрагментам черепа в могиле, умерший лежал на правом боку. У головы расчищена крупная агатовая бусина бочковидной формы (рис. 9Б: 1). В области шейных позвонков найдены две гальки и биконическое пряслице из известняка (рис. 9Б: 2). У ног лежали бусины из гипса крестовидной и ромбовидной формы (рис. 9Б: 3, 4), всего 16 штук.

Погребение 17 (рис. 10) обнаружено на значительной глубине – 2,5 м. от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Могила, скорее всего, была с входной ямой и подбоем для захоронения. Погребальная камера размером 1,10 x 1,25 м. На дне могилы расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой СЗ. Руки согнуты в локтях, правая лежит у головы, левая – у пояса погребенного. У рук было расчи-

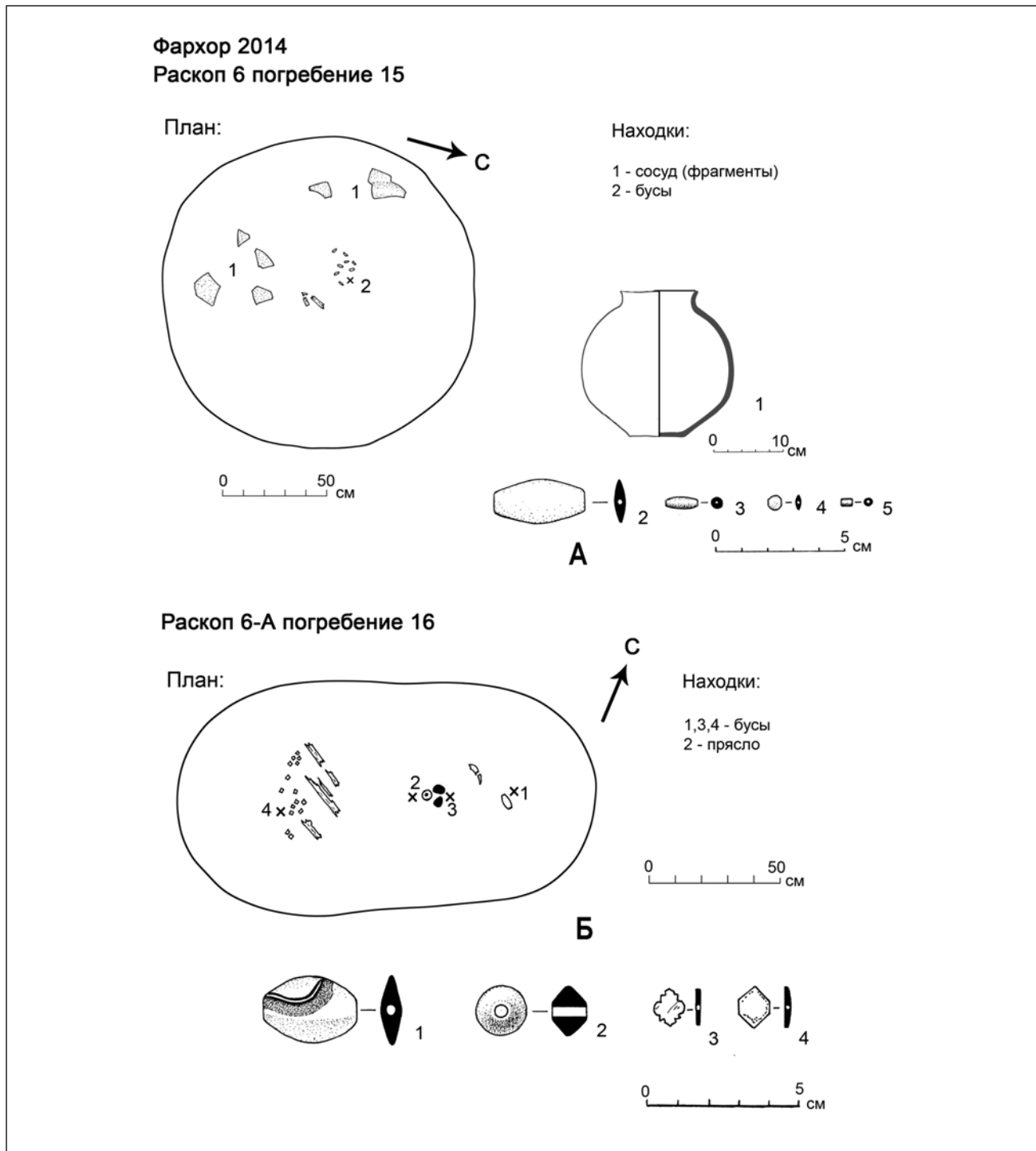


Рис. 9. Могильник Фархор: А – раскоп 6. План, погребальный инвентарь погр. № 15; Б – раскоп 6А, план и погребальный инвентарь, погр. № 16.

щено бронзовое зеркало (D = 6,7 см), круглое, несколько вогнутое (рис. 10: 1). Около таза найден бронзовый обломанный стержень от косметической лопаточки (рис. 10: 2) и перед лицом умершего лежала галька из местного камня (рис. 10: 4). На небольшом расстоянии от гальки расчищено навершие из алебастра (рис. 10: 3) и несколько бусин чечевичной и дисковидной форм (рис. 10: 5-7). По определению Н.А. Дубовой, костяк принадлежал гра-

цильной женщине 30-40 лет средиземноморского типа.

Погребение 18 (рис. 11) открыто на глубине около 2 м от современной дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Погребальная камера значительных размеров 1,2 x 1,8 м. В могиле лежал скелет в скорченном положении на левом боку, головой на З. Руки согнуты в локтях, левая кисть руки лежит у головы,

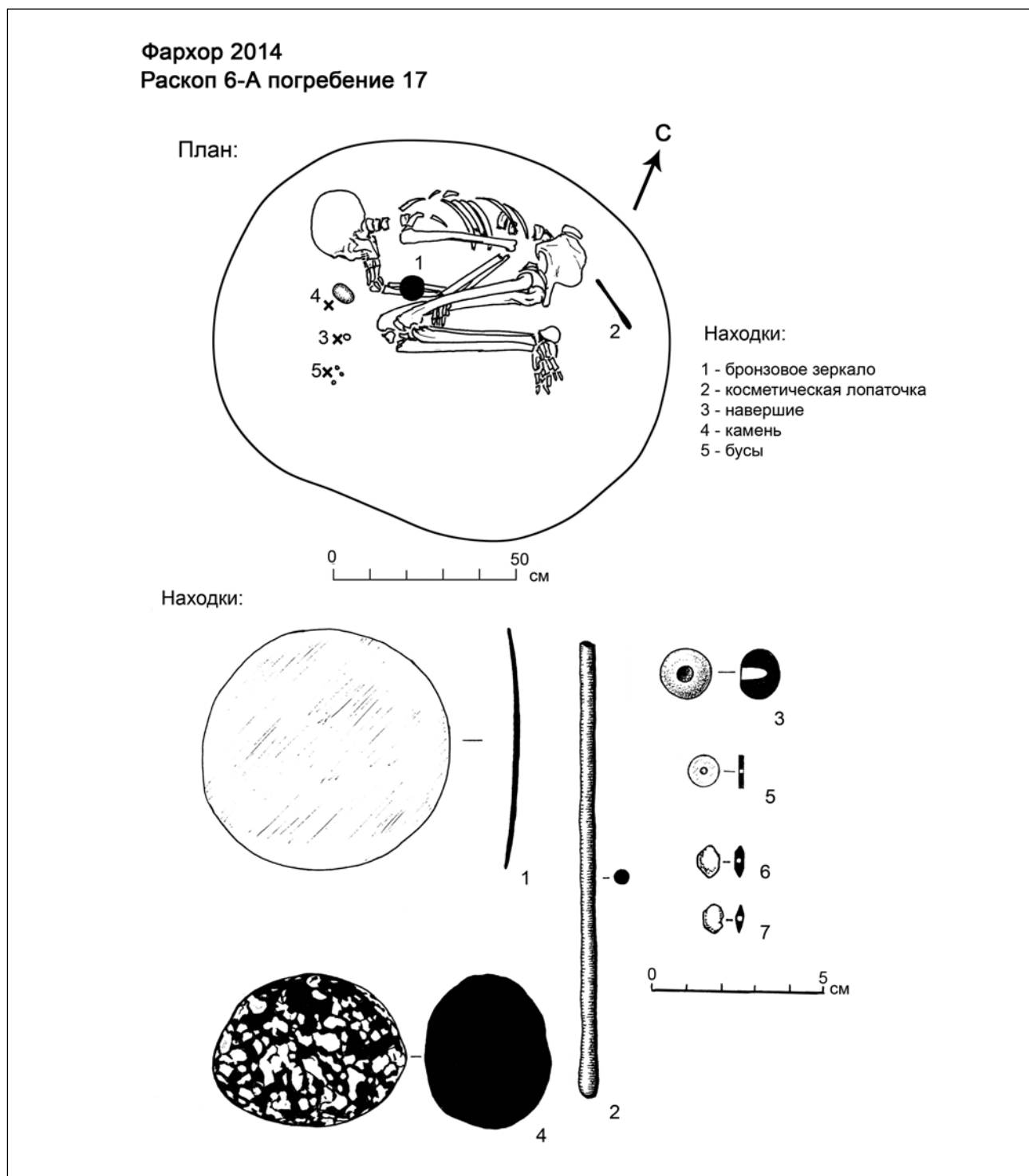


Рис. 10. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 17. План захоронения и погребальный инвентарь.

правая – у пояса. Перед лицом находился гончарный сосуд баночной формы с покрытием белым ангобом с внутренней и внешней стороны (D=14; d1=13,8; d2=13; H=11см) (рис. 11: 1). Рядом с сосудом находилось бронзовое зеркало (D = 6,4 см), круглое, вогнутое, как в погр. 17 (рис. 11: 2). За головой расчищены россыпи бус из агата (7 шт.; рис. 11: 6а), бирюзы (1 шт.; рис. 11: 6б), сердолика (5 шт.; рис. 11: 6в) и золота (1 шт.; рис. 11: 6в). В об-

ласти предплюсны обнаружены многочисленные бусы из алебастра крестовидной (41 шт.; рис. 11: 3а) или ромбовидной формы (43 шт.; рис. 11: 3б, 3в). За спиной лежал каменный светильник прямоугольной формы с орнаментом в виде прорезанных кругов (L=9,5 см; D=3,8x3,1 см) и крышкой (рис. 11: 5). В светильнике высверлено отверстие для масла глубиной 3,5 см и диаметром 1,4 см. Рядом со светильником найдена бронзовая косметиче-

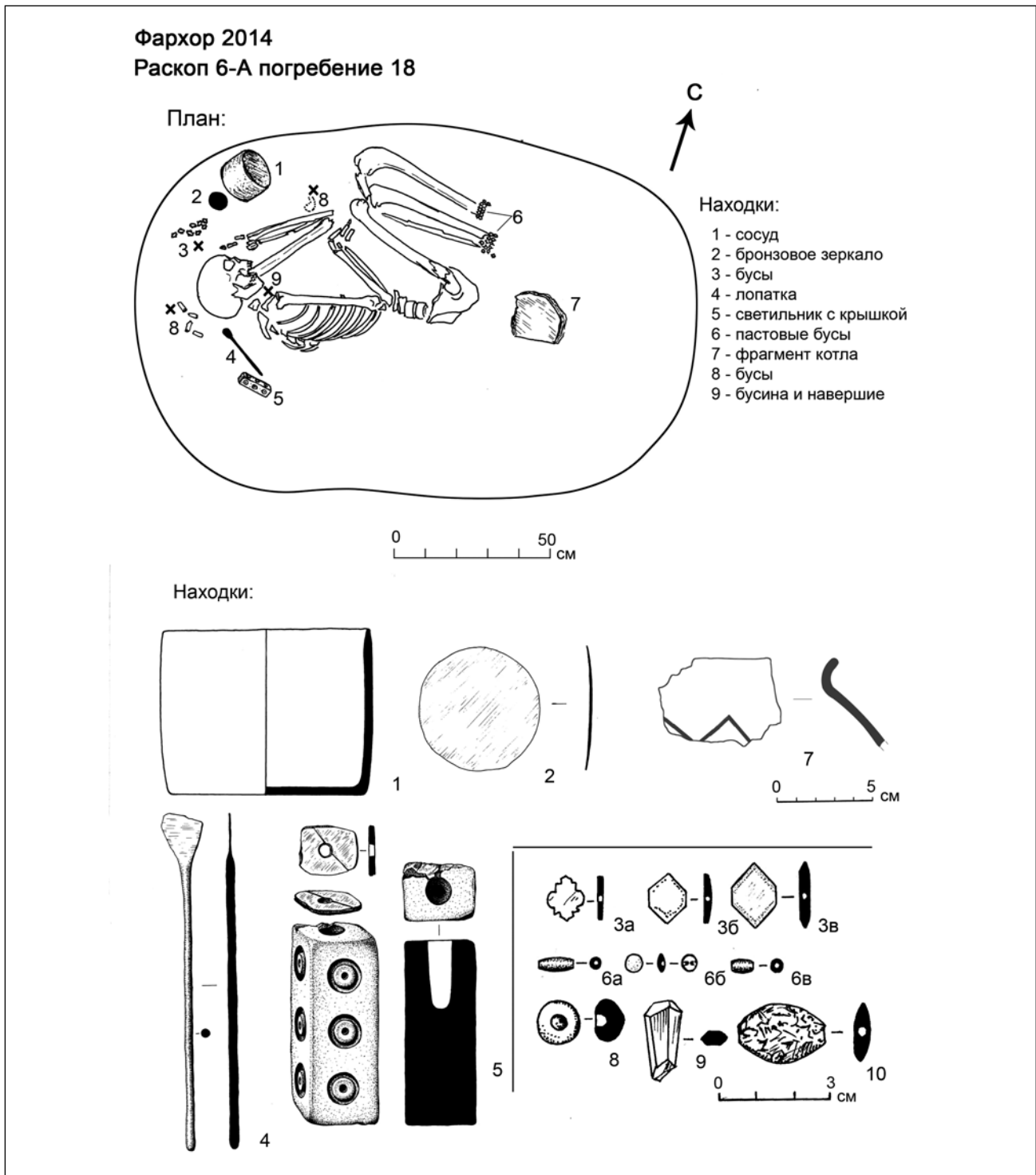


Рис. 11. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 18. План захоронения и погребальный инвентарь.

ская палочка с навершием в виде лопаточки (L=14 см) (рис. 11: 4). У ног скелета расчищен венчик лепного сосуда с поправкой на кругу и с углубленным зигзагообразным орнаментом. Внешняя поверхность покрыта красным ангобом, в глине – примесь шамота (рис. 11: 7). Около шейных позвонков найдено каменное навершие из гипса и подвеска из известняка (рис. 11: 18, 10). Костяк принадлежал женщине 40–50 лет.

Погребение 19 (рис. 12) раскопано на большой глубине – 2,4 м от дневной поверхности. Конструкция могильной ямы не прослеживается. Судя по глубине залегания погребения, могила могла быть с входной ямой и подбоем для захоронения. Погребальная камера размером 1,15 x 1,7 м. На дне могилы расчищен скелет в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся перед грудью. В погреб-

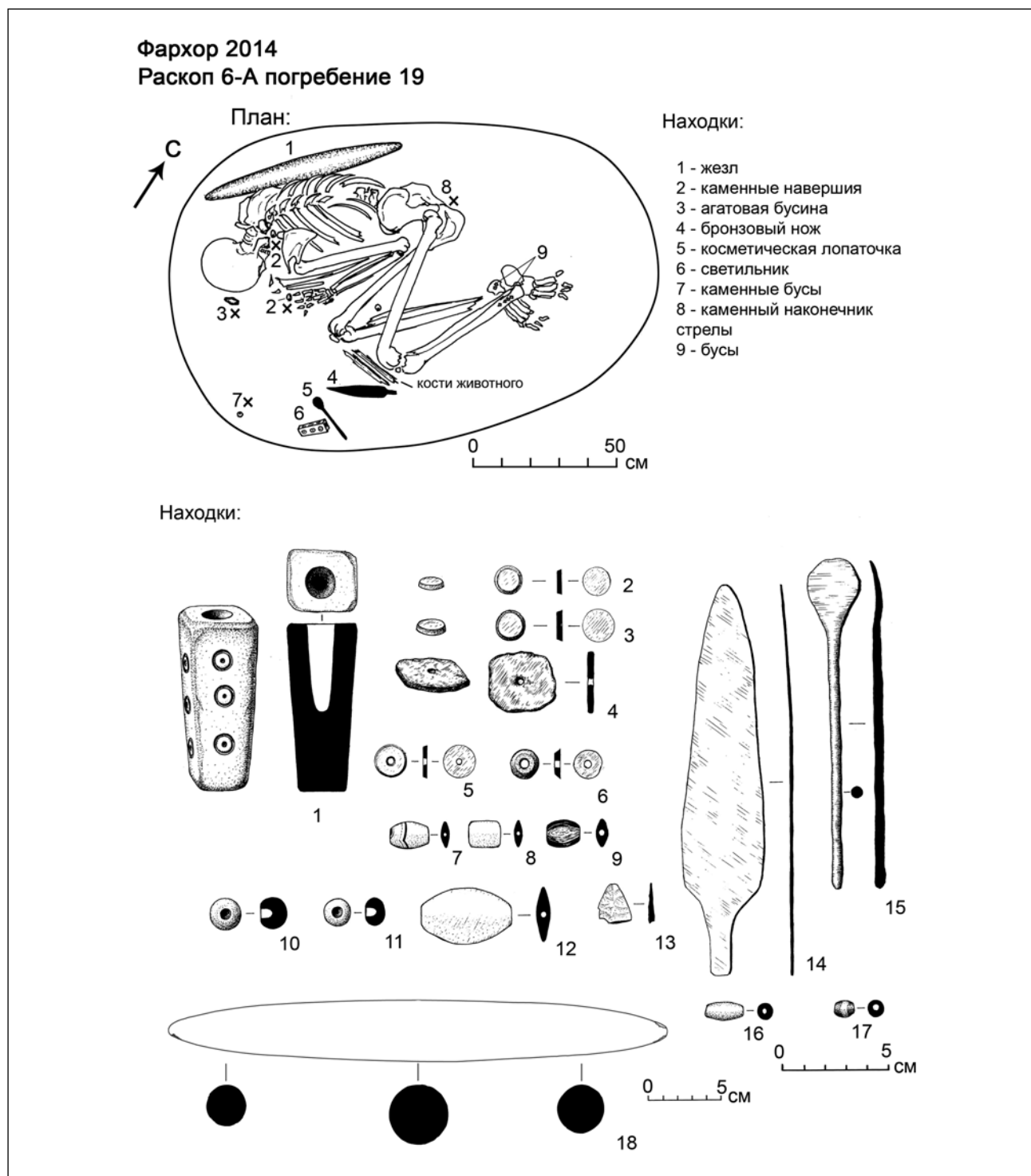


Рис. 12. Могильник Фархор, раскоп 6А, погр. № 19. План захоронения и погребальный инвентарь.

бени имеется богатый сопровождающий инвентарь. За спиной погребенного расчищен каменный «жезл» из песчаника (L= 65 см). Он представляет собой удлиненный, плавно суживающийся к обоим концам предмет с круглым в поперечнике сечением. Диаметр центральной части изделия составляет 7,5 см, вес «жезла» – 5,900 г (рис. 12: 1). У лба погребенного найдена крупная пронизка миндалевидной формы из агата, длиной 4,7 см (рис. 12: 3). Другие вещи, сопровождающие покойного, располагались следующим образом: около предплечья – два каменных округлых навершия из известняка (рис. 12: 2, 2а), около колен – кости животного (ребра) и бронзовый двулезвийный нож (рис. 12: 4). Клинок ножа листовидной, удлиненной формы (длиной > 15,5 см, наибольшая ширина – 3,7 см). Черенок ножа – плоский, прямоугольной формы (длина 3,5 см, ширина – 2,7 см). Нож найден рядом с костями животного (барана?), то есть был положен в могилу вместе с мясной пищей. Рядом лежали каменный светильник из гипса с крышкой (рис. 12: 6, 6а). Светильник подпрямоугольной формы, чуть расширяющийся кверху (H = 7,8 см; D верх. части = 3,2 x 2,9 см; D нижн. части = 2,8 x 2,5 см). Крышка (3 x 2,5 см) с небольшим отверстием для фитиля закрывалась сверху небольшими кольцевидными (рис. 12: 6г, 6д) и круглыми крышечками (рис. 12, 6а, 6б). Емкость для горючего вещества неглубокая – 2,5 см. На стенках светильника имеются изображения прорезных кругов с округлыми углублениями в центре (рис. 12: 6). Рядом со светильником найдена бронзовая косметическая палочка с навершием в виде лопаточки (L=15 см) (рис. 12: 15).

Кроме того, у покойного были найдены бусы на ногах: 3 бусины на правой ноге и 13 – на левой. Одна бусина подквадратной формы сделана из бирюзы (рис. 12: 9б), другие – бочковидной формы, удлиненные или короткие, изготовлены из агата (рис. 12: 9а, 9в), оникса (рис. 12: 7) или песчаника с примесью кальцита (рис. 12: 7а). Еще одна бусина из гипса находилась у края погребальной ямы в юго-восточной части. Под тазом погребенного был расчищен обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 12: 8). По определению Н.А. Дубовой, костяк принадлежал мужчине 35–45 лет.

Некоторые итоги

Раскопы, заложенные весной 2014 г., находятся на значительном расстоянии друг от друга: раскоп 4 – 315 м от раскопа 5 и в 360 м от раскопов 6, 6а. Раскоп 5 расположен в 210 м от раскопов 6 и 6а. Кроме того, все раскопы находятся на разных холмах и поэтому пока трудно заключить, относятся ли погребения к разным могильникам или одному большому некрополю. Захоронения ничем не отмечены на древней поверхности холма. Могилы не перекрывают друг друга, причем каждая из них отделена от другой расстоянием от 1 до 4 м. Глубина залегания захоронений (до 2–2,5 м от современной дневной поверхности) позволяет предположить подбойно-катакомбную конструкцию погребальных сооружений. Это подтверждается катакомбной конструкцией могилы 4 раскопа 1 (Бобомуллов и др. 2014. С. 40–41). Для детских захоронений характерно погребение в ямах (погр.16) на небольшой глубине. Покойники похоронены в скорченном положении. Мужчины лежали на правом боку, женщины – на левом и в некоторых случаях – на правом. Устойчивая ориентировка умерших не наблюдается, доминирует СЗ или СЗ-З направление. В двух могилах (погр. 11, 12) обнаружены двойные захоронения. В погребении 11 – захоронения мужчины и женщины и в могиле 12 погребены, по определению антропологов, две женщины. В обоих случаях кости одного из скелетов несколько смещены (рис. 4, 5), что может свидетельствовать об их последовательном захоронении через небольшой промежуток времени. По инвентарю хронологических различий не наблюдается. В двух случаях в могилах (погр. 12, 19) присутствуют кости животного (барана?), и рядом был положен нож. Погребальный инвентарь располагается около головы, шейных позвонков, рук, таза, ног и за спиной. В могилу помещали керамику (по одному сосуду – погр. 12, 14, 15, 18), металлические и каменные изделия – ножи (погр. 12, 19), косметические лопаточки (погр. 14, 17–19), зеркала (погр. 17, 18), светильники (погр. 18, 19), «жезлы» (погр. 19), каменные навершия (погр. 13, 14, 17–19), прясла (погр. 11, 16), наконечники стрел (погр. 11, 19), гальки (погр. 13, 16, 17). В каждом погребении имеются многочисленные бусины, пронизки, подвески из лазу-

рита, агата, бирюзы, сердолика и золота (одна бусина из погр. 18), известняка, песчаника и алебастра.

Перейдем к рассмотрению археологического материала, найденного в захоронениях. Особое внимание здесь будет уделено культурно-хронологическому аспекту. Погребальный инвентарь погр. 9, 10 (раскоп 4) состоит только из бус. В могиле 11 кроме бус найден каменный наконечник стрелы из халцедона и пряслице из известняка. Из этих находок особый интерес представляют две бусины из бирюзы бабочковидной формы (рис. 3: 1, 2). Эта форма впервые появляется в фархарских погребениях Южного Таджикистана. Сходные изделия известны из некрополя А Шахдада в Иране. Они сделаны из лазурита и металла (Nakemi, 1997. С. 656, Нб.1: 658, Нд.3). Аналогии этим бусам имеются также в Гиссар III С (Schmidt, 1937. Pl. LXVII: H 3593). Другая форма бус крестовидной формы из лазурита была найдена в погр. 11 около шейных позвонков (рис. 4: 4a). Подобные крестовидные бусины из алебастра (квадратные со ступенчато вырезанными краями) были открыты в сопровождающем инвентаре других могил фархарского некрополя – погр. 16 и 18 (на ногах – 43 шт.). Аналогии крестовидным бусам имеются, прежде всего, в материалах южных земледельческих памятников: Туркменистана – Алтын-депе (Кирчо, 2005. С. 391, рис. 22), Пархай II (Хлопин, 2002. С. 63, табл. 94: 4); Северного Афганистана – разграбленные могильники (Сарианиди, 1979. С. 25, рис. 1; Amiet, 1977. С. 102, fig. 12). Как импорт из южных областей они встречаются в могильнике Заманбаба в низовьях р. Зеравшан в Таджикистане (Гулямов и др., 1966. С. 154, рис. 48; табл. VIII, XX).

Далее обратимся к материалам раскопа 5 (рис. 1), который находится на другом холме и заметно удален от раскопа 4. Здесь было открыто только одно парное погр. 12. В могиле среди погребального инвентаря имеется большая агатовая бусина и каменная стрела из кремня, как в погр. 11. Крупные бусины (амулеты), найденные у головы или груди погребенных, широко известны на памятниках земледельческих культур (Кирчо, 2005. С. 419; Sarianidi, 2007. P. 120, fig. 227). Как импорт встречаются и в могильниках степной бронзы (Мандельштам, 1968. Табл. XX,3; XXI,9;

Гулямов и др., 1966. Табл. XXa, 14). Каменные наконечники стрел могильника Фархор имеют миндалевидную форму, с обеих сторон поверхности обработаны ретушью. Следов крепления наконечника к древку не обнаружено. По своей форме и способу обработки эти стрелы находят ближайšie аналогии на юге Средней Азии и Афганистана (Кирчо, 2005. С. 338, рис. 21, 50; Сарианиди, 1976. С. 79, рис. 49: 17–21). Некоторые параллели можно провести с каменными стрелами культуры Заманбабы (Гулямов и др., 1966. Табл. XIX, 4, 8). Особый интерес представляет находка лепного горшка вместе с обломком бронзового ножа и костями барана (рис. 5: 2). Наиболее близкие аналогии этому сосуду по форме, составу примесей в тесте имеются среди посуды группы VI могильника Заманбаба (Гулямов, 1966. Табл. XIVB: 1, 7). Некоторые параллели можно привести с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам, 1968. С. 151, табл. X: 8 – ямы со спуском).

Раскоп 6 находится в 210 м восточнее раскопа 5 (погр. 13–15). Здесь особое внимание привлекают находки из погр. 14, где перед лицом умершего находился небольшой лепной сосуд с примесью шамота в тесте и косметическая бронзовая лопаточка (рис. 8: 1). Сосуд – плоскую усеченно-конической формы с расширяющимися кверху стенками и срезанным венчиком – можно сравнить с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника (Мандельштам, 1968. С. 151, табл. XVI: 6 – ямы со спуском). Косметические стержни с наконечниками различной формы имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческого круга Южного Туркменистана, Афганистана, Ирана и существуют в широком хронологическом диапазоне с конца IV до начала II тыс. до н.э. (Алексин, 2010. С. 34–43). В некоторых случаях их находят внутри металлических или керамических косметических флакончиков (Алтын-депе – Кирчо, 2005. С. 372; Гонур – Sarianidi, 2007. P. 93, fig. 116, 117). Наш стержень с наконечником в виде лопаточки можно сравнить с подобными находками из Алтын-депе (Кирчо, 2005. С. 350, рис. 4, 5), Дашлы 3 (Сарианиди, 1976. С. 81, рис. 51: 1; Сарианиди, 1984. С. 26, рис. 18, 14) и Сапаллитепа (Аскаров, 1973. С. 164, рис. 26, 29, 32). Аналогичные предметы, скорее всего, как привозные

изделия, были найдены в погребениях степных культур в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1968. С. 149, табл. VIII: 3, 4) и Заманбабе в низовьях Зеравшана (Гулямов и др., 1966. Табл. XVI: 1–5, 10, 18).

Погр. 15 было сильно разрушено, но удалось определить форму сосуда (рис. 9А: 1). Как выше было отмечено, он – гончарный, горшковидной формы с легким подкосом, глина светлокорицевого цвета с примесью песка и слюды. На внешней поверхности сосуда сохранились следы красного ангоба и горизонтального лощения. Наиболее близкие аналогии этому сосуду находим в Дашлы 1 (Сарианиди, 1977. С. 62, рис. 25: 4), Дашлы 3 (Francfort, 1989. P. 359, fig. 41) и поздних погребениях могильника Гонур (Sarianidi, 1998. P. 39, fig. 12).

Особенно интересные результаты были получены на раскопе 6А, который находится в 25 м западнее раскопа 6 (рис. 1, 6). Здесь открыто четыре могилы (№№ 16–19). Погр. 16 было разграблено. Примечательны находки бусин из гипса крестовидной и ромбовидной формы на ногах погребенного (рис. 9Б: 3, 4). Аналогии крестовидным формам были приведены ранее для погр. 11. Ромбовидные бусы также находят многочисленные аналогии на памятниках земледельческих культур: Алтын-депе (Кирчо, 2005. С. 387, рис. 20, 21), Гиссар III (Schmidt, 1937. Pl. LXIX: H3698), некрополь А Шахдада (Накеми, 1997. P. 656, Нб6) и Сапаллитепа (Аскарлов, 1973. С. 95, рис. 47). Как привозные изделия встречаются на памятниках степной бронзы в бассейне р. Зеравшан: Заманбаба (Гулямов и др., 1966. С. 154, рис. 48: 5) и сакральный комплекс Жуков (Аванесова, 2008. С. 26, рис. 4: 2, 3).

В погр. 17, как и в могилах 13 и 16, вместе с сопровождающим инвентарем около головы и груди погребенного были найдены гальки из местного камня (рис. 10: 4). Такой обряд захоронения характерен для погребальных памятников вахшской и бешкентской культур – Гелот (Виноградова и др., 2012. С. 143) и Ранний Тулхарский могильник (Мандельштам, 1968. С. 65). Н.Н. Скакун на основании остатков красной охры на гальках из Гелота определила эти предметы как краскотерки. В могиле 17 найдены два металлических предмета – стержень от косметической лопаточки и зеркало без ручки (рис. 10: 1, 2). Подобные

зеркала встречаются в большом хронологическом диапазоне (от периода среднего энеолита до раннего железного века) и имеют широкий круг аналогий среди земледельческих и степных культур (Кирчо, 2005. С. 406; Kaniuth, 2006. С. 72–73).

Особый интерес представляют погр. 18 и 19, где имеется особенно богатый сопровождающий инвентарь. В женском захоронении 18 были найдены гончарный сосуд баночной формы с белым ангобом по всей поверхности и фрагмент венчика лепного горшка с прочерченным орнаментом в форме зигзага (рис. 11: 1, 7). Для баночного сосуда с почти вертикальными стенками ближайшие аналогии находим в гончарной посуде астрабадской культуры северо-восточного Ирана (Станкевич, 1978. Рис. 26: 71А). Другие параллели несколько отличаются от нашего экземпляра более вогнутыми внутрь стенками сосуда: Дашлы 3 (Francfort, 1989. P. 356, fig. 38), Гиссар III (Schmidt, 1937. Pl. LVII: H 2381), Гонур 1 (Сарианиди, 1990. С. 215, табл. X: 10). Среди лепной керамики похожие формы встречаются в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1968. С. 152, табл. XI: 8), в Маконимор (P'jankova et al., 2009. P. 118, Abb. 23: 7). Другой фрагмент сосуда из этого погребения – венчик лепного сосуда с поправкой на кругу и с углубленным зигзагообразным орнаментом; внешняя поверхность покрыта красным ангобом, в глине имеется примесь шамота (рис. 11: 7). Судя по указанным выше характеристикам, этот фрагмент может быть отнесен к земледельческой лепной посуде. Орнамент в виде углубленных линий в форме зигзага или нанесенный с помощью техники лощения, довольно часто встречается на памятниках астрабадской культуры северо-восточного Ирана (Станкевич, 1978. Рис. 22); Гиссар III (Schmidt, 1937. Pl. XXXVIII: H2586; XL, H5231) и Шахтепе (Arno, 1945. С. 185, fig. 351).

Кроме указанных выше предметов в могиле 18 были еще найдены каменный светильник с крышечкой, бронзовая косметическая палочка с навершием в виде лопаточки и многочисленные бусы крестовидной и ромбовидной формы. Каменный светильник с крышечкой впервые в Таджикистане появляется в инвентаре фархорских погребений (рис. 11: 5). На стенках со всех четырех сторон име-

ются изображения трех прорезанных кружков. Наиболее близкие аналогии нашему светильнику можно найти на Алтын-депе – погр. № 828 времени раннего Намазга IV (Кирчо, 2005. С. 350, рис. 4: 23). На квадратном в поперечном сечении светильнике – факеле (по терминологии Л.Б. Кирчо) на каждой стороне изображен орнамент из четырех прорезанных кружков. Г.Ф. Коробкова после изучения этого светильника под микроскопом установила, что кружки прорезаны циркульным резцом (Кирчо, 2014. С. 70). По заключению Л.Б. Кирчо, светильники на Алтын-депе представлены почти исключительно в погребениях и культурных слоях ранней бронзы (на раннем этапе средней бронзы найден единственный экземпляр в погр. 893) и являются типичным признаком комплекса времени Намазга IV (Кирчо, 2005. С. 452). На стенках каменных косметических флаконов⁷ памятников Ирана, Южного Туркменистана и Афганистана часто имеются изображения прорезанных кружков: Гонур (Sarianidi, Dubova, 2013. С. 193), Гиссар IIIС (Schmidt, 1937. Pl. LX: H3498; P. 217, fig. 130), Шахдад, некрополь А (Nakemi, 1997. P. 618, 619), из разграбленных могил в Северном Афганистане (Amiet, 1977. P. 97, fig. 7: 4).

Самый богатый сопровождающий инвентарь был открыт в погр. 19 (рис. 12). В могиле наряду с другими вещами (бусы, навершия, обломок стрелы) у колен погребенного мужчины лежали кости животного, бронзовый нож, светильник с орнаментом в виде прорезных кругов и бронзовая косметическая лопаточка. За спиной лежал каменный «жезл» из песчаника (рис. 12: 1). Бронзовый двулезвийный нож (рис. 12: 4) с клинком листовидной формы и плоским черенком прямоугольной формы находит многочисленные аналогии на земледельческих памятниках Центральной Азии и Ирана (Kauniuth, 2006. P. 96, 97) и датируется в широком хронологическом диапазоне (Намазга III – Намазга VI).

Каменный жезл впервые найден в Южном Таджикистане *in situ* (рис. 12: 1). Каменные «жезлы» часто находят на поверхности холмов, занимаемой могильником Фархор. Несколько «жезлов» из серого сланца было выявлено на могильнике Гелот (Виноградова и др.,

2009. С. 41) и в долине р. Кызылсу (Виноградова и др., 2003. С. 108, рис. 5: 3). Все эти находки обнаружены вне погребального контекста. На поселении Алтын-депе «жезлы» выявлены в «святилище» и в погр. № 362 – «посох» (Кирчо, 2005. С. 415). Эти предметы встречаются также в слоях Гиссара IIIВ (Schmidt, 1937. P. 222. Pl. LXIV: H 2894) и в погребальных комплексах Белуджистана (Кирчо, 2005. С. 415).

Приводимые выше аналогии предметам погребального инвентаря захоронений позволяет сделать вывод о связях древнего населения Фархора с земледельческими племенами юга Средней Азии (Алтын-депе, Гонур-депе), Ирана (Гиссар IIIС, Шахдад) и Афганистана (Дашлы 1, 3).

Могильник Фархор – один из самых ранних памятников эпохи бронзы (периоды Намазга IV–Намазга V) на территории Южного Таджикистана. Эта территория всегда рассматривалась исследователями в качестве окраины по отношению к основным центрам существования цивилизации древневосточного типа. Новые материалы свидетельствуют о возможном формировании здесь в конце III – начале II тыс. до н.э. еще одного локального центра бактрийско-маргианской цивилизации, которая синтезирует в своей культуре месопотамо-эламские эталоны с местными бактрийскими традициями. П. Амье писал об определенном воздействии Элама («второго Шумера») на сложение бактрийской цивилизации: «Граница сферы влияния Элама, сначала находившаяся в Восточном Иране, продвинулась до Бактрии» (Amiet, 1988. S. 135).

Материалы погребений Фархора позволяют также проследить контакты с населением культур степной бронзы Таджикистана – могильники Заманбаба и Ранний Тулхарский (ямы со спуском), некрополи Гелот и Дарнайчи. Частично это подтверждается антропологическими исследованиями. По заключению Н.А. Дубовой, костные останки 11 индивидуумов, происходящие из 8 погребений, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика. Несколько большей массивностью отличается скелет из погр. 19. На общем фоне выделяется скелет 1 из погр. 12. По ее мнению, обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа сближается с

7 По форме они очень напоминают светильники.

антропологическим типом населения Среднеазиатского междуречья. Археологические материалы Фархора свидетельствуют о тесных контактах местных земледельцев с носителями степных культур и, возможно, формировании в этой контактной зоне этнокультурных групп со смешанным населением – исконно

оседлыми жителями культурных оазисов и полукочевыми племенами. В погребальном инвентаре могильника Фархор впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о древнейшем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры (Бобомуллов и др., 2014. С. 42).

Библиография

1. Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М. Древние номанды Зеравшана // Культура кочевников Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 13–35.
2. Алексин В.А. Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. В.А. Алёшин, Л.Б. Кирчо, Л.А. Соколова, В.Я. Стеганцева. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 34–43.
3. Аскарлов А.А. Сапаллитапа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
4. Бобомуллов С., Виноградова Н.М., Бобомуллов Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия АН Республики Таджикистан. Отд. общественных наук. 2014. №3 (235). С. 39–47.
5. Бобомуллов С., Виноградова Н.М., Бобомуллов Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // Записки ИИМК. Вып. 11. СПб., 2015. С. 47–66.
6. Виноградова Н.М. Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // ВДИ. 2011. № 4. С. 84–98.
7. Виноградова Н.М., Гётцельт Т., Пьянкова Л.Т. Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // РА. 2003. № 1. С. 103–116.
8. Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. 2009. Вып. 33. С. 35–66.
9. Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // АРТ. 2012. Вып. 35. С. 136–166.
10. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана [Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. 1]. Ташкент: ФАН, 1966. 267 с.
11. Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын Деде) [Тр. ИИМК РАН. Т. 16. Ч. II]. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 347–421.
12. Кирчо Л.Б. Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона [Труды ИИМК РАН. Т. XLII]. СПб., 2014. С. 62–85.
13. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане [МИА № 145]. Л.: Наука, 1968. 182 с.
14. Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976. С. 21–86.
15. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.). М.: Наука, 1977. 172 с.
16. Сарияниди В.И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография, археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 23–28.
17. Сарияниди В.И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. М.: Наука, 1984. С. 5–32.
18. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад. 1990. 315 с.
19. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 245 с.
20. Станкевич И.Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековые народы Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 17–31, илл.
21. Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002. 336 с.
22. Amiet P. Bactriane proto-historique // Syria. 1977. T. 54. Fasc. 1–2. S. 89–121.
23. Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // Bactria an Ancient Oasis Civilization From the Sands of Afghanistan. 'Studies and Documents' / Eds. Ligabue G., Salvatori S. Vol. III. Venice: Centro Studi Ricerche Ligabue, 1988a. P. 159–180.

24. Arne T.J. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm. 1945. 367 p.
25. Francfort H.-P. (avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Dese J., Echallier J.-C., Kermorvant A., Willcox G.) Fouilles de Shortughai : recherches sur l'Asie centrale protohistorique [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. II]. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. T. 1 – texte, 517 p.; T. 2 – 105 ill. + XLII Pl.
26. Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran [Reports and memoirs. Vol. 27]. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1997. 721 p., ill.
27. Kaniuth Kai. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien [Archäologie in Iran und Turan. Bd. 6]. Mainz, 2006. 259 s.
28. P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadjikistan // AMIT. Bd. 41, Berlin. 2009. S. 97–140.
29. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, 2007. 340 p.
30. Sarianidi W., Dubova N. Treasures of Ancient Margiana, Ashgabat. 2013. 208 p.
31. Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. [Publications of the Iranian Section of the University Museum]. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.
32. Vinogradova N.M. Preliminary Results of the Excavations at the Necropolis of Farkhor, a Middle Bronze Age Site in Southern Tadjikistan // Revue d'archéologie de l'orient ancien. Actualité des recherches archéologiques. N 2. Paris. 2015. S. 21–27.

Чемурчекская культура в Центральной Азии (краткий обзор имеющихся результатов изучения)¹

Материалы, полученные Виктором Ивановичем Сарияниди в ходе археологических раскопок в Туркменистане, не только открыли миру удивительные свидетельства древней цивилизации Маргианы, но и обозначили ряд важных проблем древней истории, среди которых рассмотрим только одну. Она касается реконструкции этнокультурной ситуации на территориях, относительно близких к месту расположения Гонур-тепе, а также определению возможных контактов и степени влияния города на скотоводческое население. К сожалению, пока выявлено мало данных в тех регионах, где исследования только начинаются. В этом отношении Синьцзян является характерным примером. Однако в ходе изучения имеющихся памятников может быть обозначена перспектива для сравнительного анализа и целого ряда сопоставлений. Очень важно определить роль и место центрального памятника Маргианы, Гонур-тепе в системе складывавшихся социально-экономических, военно-политических, религиозных и других отношений в период ранней бронзы на территории Центральной Азии. Этот период характеризуется активными этнокультурными процессами, в которые были вовлечены различные популяции людей. Об этом свидетельствуют выявленные археологические памятники ярких и самобытных общностей древних скотоводов и металлургов. К одному из таких феноменов относится чемурчекская культура, выделен-

ная китайскими археологами на территории Синьцзяна и активно изучаемая российским исследователем А.А. Ковалевым (Kovalev, 1999, 2000; Ковалев, 2005, 2007, 2009, 2011 и др.).

В результате целенаправленных археологических исследований двух российско-монгольских экспедиций (Международной Центральноазиатской, созданной в свое время Санкт-Петербургским государственным университетом, Институтом истории АН Монголии, Улан-Баторским государственным университетом и Санкт-Петербургским государственным Музеем-институтом семьи Рерихов; а также Буянтской, организованной Алтайским и Ховдским государственными университетами при участии Улан-Баторского университета) на территории Монгольского Алтая и сопредельных регионов за последние 15 лет открыты и исследованы десятки погребальных и ритуальных объектов чемурчекского типа, накоплен существенный археологический материал, получена серия радиоуглеродных дат. Эти обстоятельства определяют необходимость краткого обобщения полученных сведений.

Впервые так называемые чемурчекские комплексы были зафиксированы и раскапывались на территории Синьцзяна (Синьцзян шэхуй..., 1981). Их полевое изучение началось в первой половине 60-х гг. XX в. в Джунгарии и в западных отрогах Монгольского Алтая. В 1961 г. китайский исследователь Ли Чжэн провел археологические разведки, а в 1963 г. И. Маньбай в долине р. Чемурчек (Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР) осуществил раскопки своеобразных памятников (Ковалев, 2012а–б). Эти работы положили основу для дальнейшего изучения выявленных

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

объектов. В 1996 г. китайский исследователь Ван Бо на территории Джунгарии, опираясь на результаты собственных работ и на материалы, полученные предшественниками, выделил «чемурчечскую культуру» (Ван Бо, 1996. С. 274–285).

В 1998–2000 гг. были раскопаны 12 прямоугольных оград периода ранней бронзы в бассейне р. Алкабек (Курчумский район Восточно-Казахстанской области Казахстана) (могильники Ахтума, Айна-Булак-I и II, Копа, Булгартаботы) (Ковалев и др., 2004. С. 183–190; Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007; Древнейшие европейцы..., 2014). Под руководством А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатара в начале 2000-х гг. исследовались шесть чемурчечских курганов вблизи центра Булган сомона Ховдского аймака Монголии (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четыре прямоугольные погребальные ограды в Уланхус сомоне Баян-Ульгийского аймака Монголии (Кулала-ула (Хул уул), курган №1; Кургак-гови (Хуурай говь), курган №2; Кумди-гови (Хундий говь); Кара-тумсик (Хар хошуу) (еще один чемурчечский курган такого типа был обнаружен на левом берегу р. Цаган-гол). Как позже оказалось, ареал подобных погребальных сооружений охватывал бассейны рек Ховд и Буянт (Ковалев, 2012а; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2012; и др.).

За последние годы в этом же регионе Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией (руководители А.А. Тишкин и Д. Эрдэнэбаатар) раскопаны 11 курганов на следующих памятниках: Улаан худаг-I и II, Халзан узуур-II, Шарсум-I, Полигон-I, Хуурай салааны ам-I, Бэлэн усны дэнж-I (Тишкин и др., 2008, 2010, 2012; Грушин и др., 2014; и др.). Еще один объект исследован в 2014 г. на комплексе Баян-Энгэр, расположенном на границе Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии (Грушин, Тишкин, Фрибус и др., 2014; Грушин и др., 2015). Кроме этого, рядом с г. Ховдом в 2015 г. обнаружен еще один могильник, состоящий из трех полуразрушенных объектов с каменными ящиками. Он получил обозначение Дурвийн Хутул-VI (географические координаты кургана №1, полученные GPS-приемником, такие: N – 48° 02,336'; E – 91° 40,842'). Сведения о памятнике приводятся впервые. Имеются пер-

спективы выявления и других аналогичных объектов.

В 2015 г. исследовался сугубо ритуальный комплекс чемурчечского типа в Баян-Ульгийском аймаке Монголии у китайской границы, где зафиксированы своеобразные каменные конструкции и получен массив изображений, выполненных на плитах (Ковалев, 2015). Еще один подобный объект обнаружен неподалеку.

В 2007 г. в Змеиногорском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай) раскопан курган №1 (с каменным ящиком в центре) на могильнике Усть-Каменка-II, предположительно отнесенный к чемурчечской культурной традиции (Грушин, Ковалев, 2010; Грушин, 2014). Кроме этого, на сопредельных территориях обнаружены объекты и находки, имеющие близкие аналогии среди чемурчечских древностей: например, каменный сосуд из Угловского района Алтайского края (Кирюшин, 2002; Грушин, Кирюшин, 2009), изваяние у с. Иня в Республике Алтай (Ковалев, 2007), могильник Аймырлыг в Туве (Стамбульник, Чугунов, 2006) и др.

В результате осуществленных работ уже накоплен значительный археологический материал на основе изучения памятников чемурчечской культуры (общности). Он позволяет представить обобщенные характеристики.

Ареал чемурчечской культуры, как видно из распространения зафиксированных комплексов, включает юго-восточный Казахстан, восточную часть Синьцзяна, Западную Монголию, отдельные объекты и находки встречаются в Туве, на Алтае и его предгорьях (рис. 1). Культура в основном демонстрируется по раскопанным погребениям, хотя выявлены и другие памятники.

Погребальные конструкции (рис. 2: 1–4; рис. 3–7) чемурчечской культуры, а также сопровождающие их статуи и другие сооружения, имеют свои локальные особенности в различных регионах распространения. Исследованные сооружения Синьцзяна на могильнике Чемурчеч (Кэмурци) представляли собой прямоугольные каменные ограды из вертикально установленных плит. Ограды ориентированы, как правило, длинной осью по линии запад–восток (З–В), а в ряде случаев – с юга на север (Ю–С). С восточной стороны ограды (или в случае расположения ограды по



Рис. 1. Местонахождения исследованных чумчеческих памятников:

1 – Кэрмуци; 2 – Айна-Булак- I и II, Копа, Булгартработы, Ахтума; 3 – Ягшийн Ходо, Хэвийн ам, Хух удзуурийн дугуй, Буурал харын ар, Эрэгнег уул, Хадат овоо; 4 – Кулала ула, Кургаг Гови 2, Кумди Гови, Кара Тумсик, 5 – Улаан худаг-I и II, Полигон-I, Шарсум-I, Халзан узуур- II, Хуурай салааны ам, Бэлэн усны дэнж-I; 6 – Усть Каменка-II; 7 – Баян Энгэр; 8 – Хар чулуун-I (по: Ковалев, 2012a, рис. 1 – с дополнениями авторов)

оси Ю–С – с южной стороны) установлены каменные статуи (рис. 3) либо каменные столбы. Внутри ограды находились ящики, сложенные из огромных плит, часто специально подтесанных. Каждая такая могила в основном содержала останки нескольких погребенных. Каменные ящики внутри ограды, как правило, были перекрыты общей земляной насыпью высотой до 1,5 м; имелись ящики, впущенные в насыпь (Ковалев, 2012б).

Булганский тип памятников был выделен А.А. Ковалевым (2010). Конструкции такого

типа представляют собой ориентированные длинной осью по линии З–В крупные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 человек), в большей или меньшей степени размещенные ниже уровня древнего горизонта. Снаружи ящик был укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь, окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой выложен рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана Ягшийн ходоо № 3 лицом на юг установлена статуя. Стенки булганских

склепов были в древности расписаны красной краской. Не смотря на то, что памятники в долинах Ховда и Буянта имеют свои особенности, вероятно, они также относятся к булганскому типу.

Одним из ярких открытий последних лет стало обнаружение росписей, сделанных на плитах погребальных камер (рис. 2: 5). Ри-

сунки выполнены минеральной краской от бледно-розового до кирпичного цвета. Обычно подобные изображения интерпретируются как созданные охрой, хотя состав красителя мог быть различным. В основе композиций лежат геометрические мотивы: ромбы (иногда вписанные друг в друга или расположенные «лесенкой»), зигзагообразные фигуры, напо-

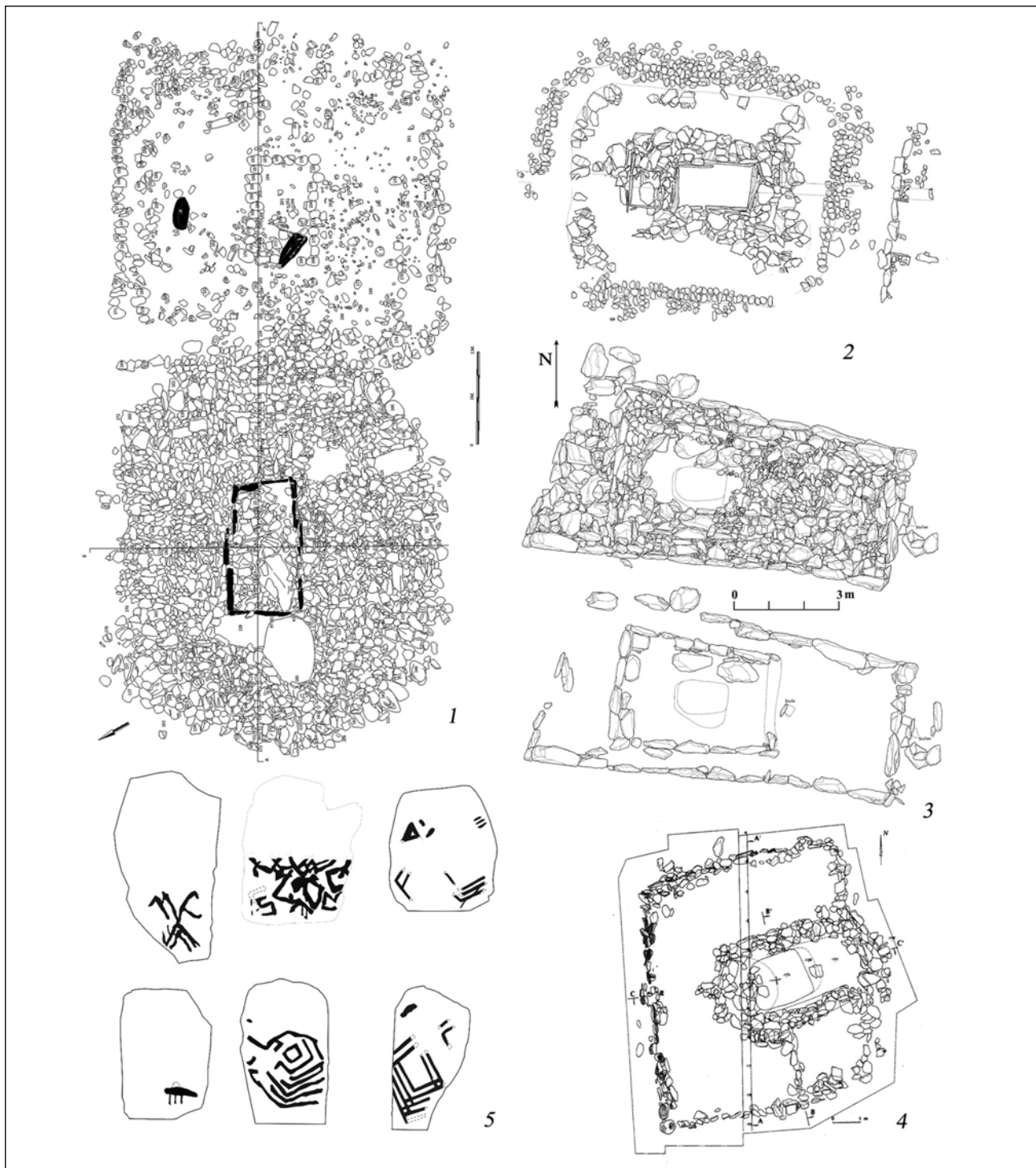


Рис. 2. Варианты погребальных конструкций чемурчекской культуры:

1 – Улаан худаг-I, курган № 1; 2 – Хэвийн ам 1; 3 – Кара Тумсик; 4 – Ахтума (по: Ковалев, 2012а); 5 – росписи красной краской на плитах погребального ящика в кургана № 3 могильника Бэлэн усны дэнж-I (по: Грушин, Тишкин, Фрибус, Мунхбаяр, 2014).

минающие меандр, элементы сетки, фигуры в виде крестов (Грушин и др., 2014). Расписанные стены погребальных камер известны в таких чечурчеческих памятниках, как могильник Ягшийн ходоо 3, Хух уздуурийн дугуй 1, Хуурай салааны ам-1, Бэлэн усны дэнж-1 (Ковалев, 2012б. С. 123, 130–131).

Ритуальные постройки и изваяния (рис. 2-1, рис. 3–7). К ритуальным комплексам чечурчеческого типа относятся квадратные или прямоугольные ограды, пристроенные к основным насыпям курганов с востока или представляющие самостоятельные сооружения. Первые имели закрытый камнями проход в пространство кургана. Одним из основных элементов ритуальной пристройки являлась прямоугольная оградка из уложенных горизонтально плиток, в которой, судя по остаткам кальцинированных костей и прокаленной почвы, разводился костер. Она сооружалась в центре основной ограды и была ориентирована по одной оси с погребальным ящиком кургана (Тишкин и др., 2012).

Одним из обязательных элементов ритуальных пристроек к курганам являлись каменные стелы и/или антропоморфные изваяния, выполненные с разной степенью проработки деталей (от символических (практически необработанных) поставленных вертикально камней до реалистических с проработанными деталями лица рук и проч.). Они устанавливались у северной стенки ритуальной ограды и были обращены «лицом» к центральной четырехугольной оградке со следами огня. Дополнительными элементами таких конструкций являлись различные пристройки, порталы и дополнительные стелы. К чечурчеческой культуре А.А. Ковалев отнес также три округлые ритуальные выкладки, исследованные в урочище Хар говь (Мунх-Хайрхан сомон Ховд аймака). Там были обнаружены шлифованные каменные орудия (Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007).

Погребальные и ритуальные конструкции чечурчеческой культуры сопровождаются каменными изваяниями (рис. 3–4). К настоящему времени, по данным А.А. Ковалева (2012б), известно около 60 чечурчеческих статуй. Большинство из них установлено у курганов или в прямоугольных ритуальных оградах. Две аналогичные статуи обнаружены в Монголии

в комплексе исследованных курганов Ягшийн ходоо 3 и Хух уздуурийн дугуй 1-1. Характерными особенностями чечурчеческих статуй является выпуклый валик по контуру головы, от которого часто прямо вниз опускается выпуклый нос; глаза изображаются выпуклыми кружками или дисками; на шее изображена выпуклая гривна или ожерелье. Последнее иногда имеет несколько рядов. В ряде случаев с «гривны» спускаются треугольные фестоны. Подчеркнут контур мускулистой мужской груди. На спине в ряде случаев в виде двух «завитков» изображены лопатки, либо вдавленная линия позвоночного столба. В руках, часто с растопыренными пальцами, изображенный персонаж может держать посох или лук, в двух случаях также зафиксировано изображение быка, который «удерживается» идущим от правой руки поводом. Выпуклым контуром показан «рыбий» рот; иногда – подковообразные усы. На голове иногда прослеживается контур «башлыка» (Ковалев, 2012б).

Следует указать, что информация о чечурчеческих статуях пополняется. Наряду с известными изваяниями (Ковалев, 2012б), часть которых находится в уже музеефицированных комплексах, зафиксированы новые объекты. Так, во время поездки в Китай один из авторов статьи в г. Цинхэ в офисе службы охраны культурного наследия сфотографировал характерную статую (рис. 4), *первоначальное месторасположение которой осталось неизвестным.*

Предметный комплекс (рис. 8–10). Не смотря на то, что практически все курганы были ограблены еще в древности, в настоящее время получена достаточно представительная серия предметов материальной культуры. Наиболее яркими и культурно диагностируемыми находками являются каменные сосуды (рис. 8: 1–10; рис. 9: 4, 5, 7). Целые емкости и их фрагменты обнаружены как внутри погребальных ящиков, так и в курганных насыпях. По особенностям орнамента их можно условно разделить на несколько групп (Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2013). Первая – это неорнаментированные сосуды. Большинство таких изделий обнаружено в Синьцзяне. Вторую группу составляют изделия, украшенные поясом из треугольников с опущенными вниз

вершинами. Подобные сосуды найдены на территории Монголии, на юге Западной Сибири и в Синьцзяне (Молодин, Глушков, 1989; Кирюшин, 2002; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010). В третью группу входят емкости с изображениями животных и людей. Они известны и в Туве (Стамбульник, Чугунов, 2006). Часть сосудов носит следы починки с использованием бронзовых скоб и затычек.

Еще одной представительной серией находок в чемурчекских памятниках являются керамические сосуды, обнаруженные как внутри погребальных ящиков, так и в насыпях курганов (рис. 8: 11–19; рис. 9: 6). Сосуды характеризуются баночной сферической формой с плоским или округлым дном. Часть сосудов не орнаментирована, другая – украшена. Орнамент наносился под венчиком в виде

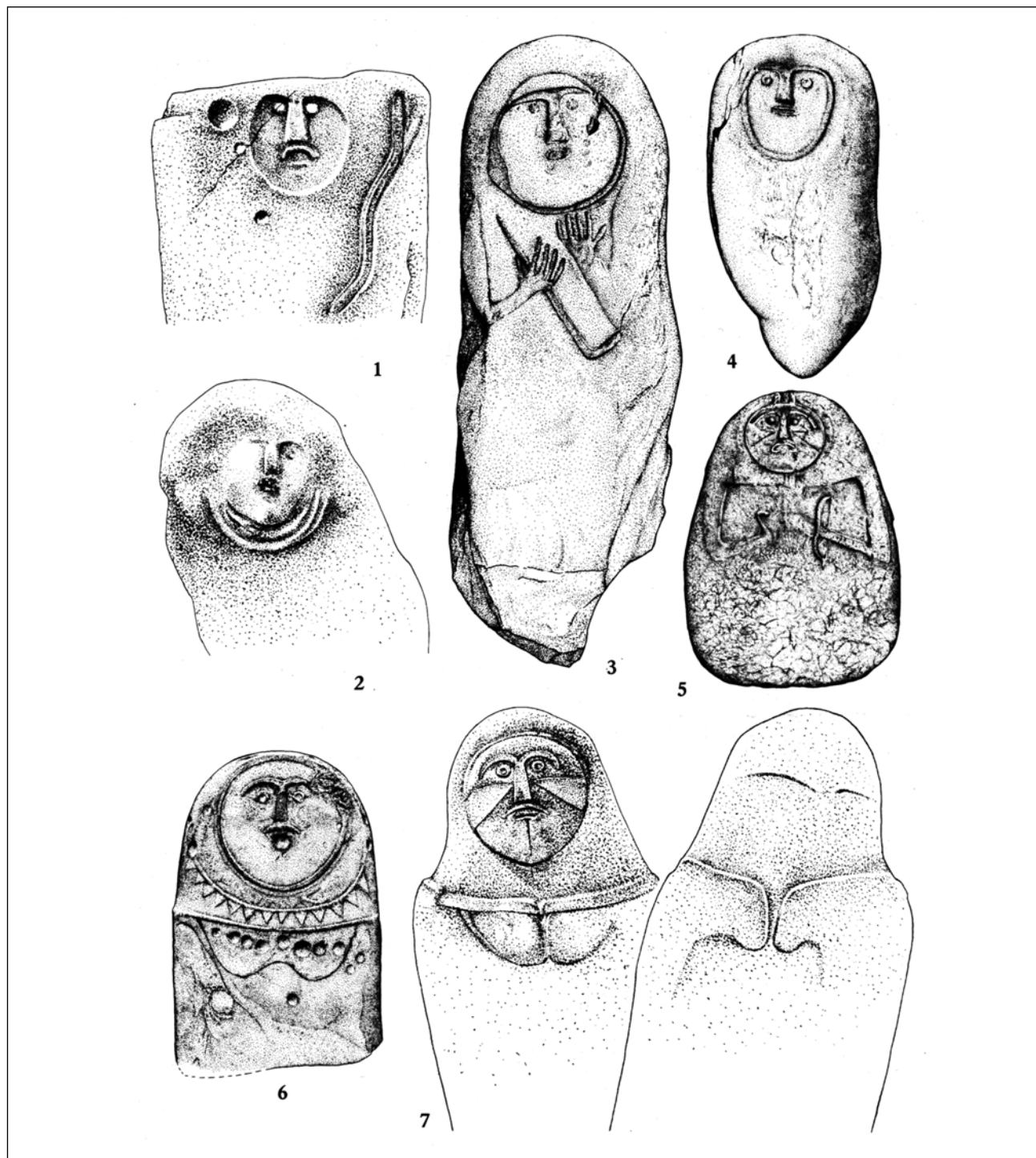


Рис. 3. Чемурчекские каменные статуи:

1, 2 – Каратас 1; 3 – Чемурчек 3 № 2; 4 – Фуюнь; 5 – Ягшийн ходоо 3; 6 – Кайнарл 2 № 2; 7 – Кайнарл 1 (по: Ковалев, 2012а, рис. 13).



Рис. 6. Хуурай салааны ам, курган № 1 (по: Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012).

прочерченной линии с поясом заполненных треугольников, поясов насечек, или валиков. В казахстанских памятниках найдена керамика, украшенная «шагающей гребенкой» и гребенчатым штампом.

Каменный инвентарь (рис. 10: 1–3, 16, 20, 21, 23, 25) представлен лавролистными наконечниками стрел с прямой или вогнутой базой, скребками, каменными шарами с отверстием в центре, каменными пестами, дисками или скреблами, аргиллитовым бисером и сердоликовой бусиной. Известна находка каменной шлифованной мотыги трапециевидной формы с выделенными желобками для насада (рис. 10: 25). На могильнике Чемуручек (Кэрмуци) обнаружена каменная литейная форма для отливки металлического кельта-лопатки (рис. 10: 16). Костяной инвентарь (рис. 9: 1, 3; рис. 10: 10, 11, 15, 17, 18, 22) включает лопаточки, трубочки, орудия для обработки кожи, наконечники стрел, кинжал. Изделия из металла представлены свинцовыми и бронзовыми колечками, обоймами, металлическими скобами для починки каменных сосудов и шильями (рис. 9: 2; рис. 10: 4–8, 13–14, 19).



Рис. 7. Хуурай салааны ам, курган № 2 (по: Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012).

Культурно-хронологическая характеристика

Результаты радиоуглеродного анализа по костям, углю и дереву из чемуручских курганов Монголии (всего 29 определений) указывают на то, что эти памятники сооружались в период как минимум со 2-й четверти III по первые века II тыс. до н.э. (Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2010; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2012; Мунхбаяр, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2015; и др.). Курган Кургак-гови 2, расположенный рядом с афанасьевским курганом Кургак-гови 1, свидетельствует, что на раннем этапе своего пребывания на территории Монгольского Алтая чемуручское население могло сосуществовать с афанасьевским. Почти все радиоуглеродные даты чемуручских памятников «булганского типа» падают на период 2500–2000 гг. до н.э., однако выделяется несколько определений, относящихся к более позднему времени – 2000–1700 гг. до н.э. (Ковалев и др., 2008; Ковалев, 2009; и др.).

Находки из чемуручских курганов в Монголии показывают широкие культурные связи населения Монгольского Алтая того периода. Керамические сосуды, обнаруженные в курганах Ягшийн ходоо 1, 3, представляют различные традиции керамического производства: причем плоскодонный сосуд, найденный в кургане, аналогичен керамике елунинской культуры раннего бронзового века степного Алтая (Кирюшин, 2002. С. 48–51). Аналогичны найденным в елунинских памятниках свинцовым украшениям и свинцовые височные кольца из этих двух курганов (Кирюшин, Тишкин, 2000). Баночный кера-

мический сосуд из кургана Кара-Тумсик, сплошь орнаментированный отпечатками гребенчатого штампа, аналогичен керамике раннего этапа окуневской культуры (Лазаретов, 1997. С. 31–36; Леонтьев, 2006). Для окуневской, самуськой и кротовской культур характерны каменные шары с отверстием типа найденных нами в курганах Кулала ула 1 и Кумди гови (Семенов, 1997. С. 157–158). Костяные изделия для обработ-

ки кожи (так называемые трепала), найденные в курганах Кулала ула 1, Кургак гови 2 и Кумди гови, во множестве обнаружены на поселениях елунинской культуры (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011; и др.). По мнению А.А. Ковалева (2011), единство культуры населения Джунгарии и Монгольского Алтая определяется проявлением культурного компонента, принесенного на эти земли

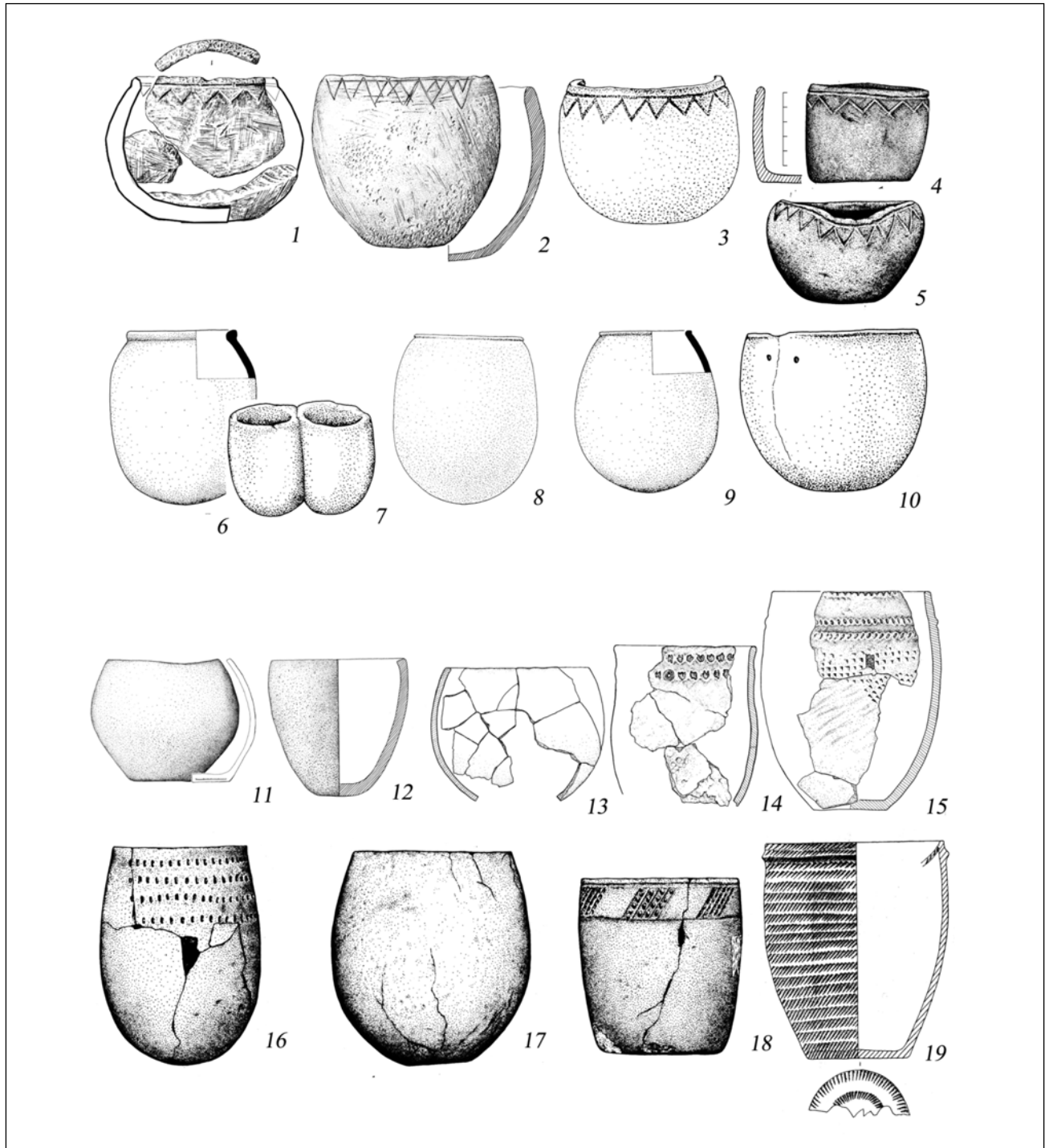


Рис. 8. Каменные (1–10) и керамические (11–19) сосуды чемурчекской культуры (по: Ковалев, 2012а; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2013).

мигрантами из Западной Европы (а именно Западной или Южной Франции) не позднее середины III тыс. до н.э. Согласно заключению сотрудников кафедры антропологии и археологии Монгольского государственного университета (г. Улаанбаатар), все поддающиеся определению кости черепов из че-

мурческих погребений проявляют европеоидные черты (Ковалев, 2012а).

В заключение необходимо отметить, что изучение чемурчекской культуры продолжается. Многие вопросы, связанные с ее формированием и распространением, остаются нерешенными. До настоящего времени прак-



Рис. 10. Предметный комплекс чемурчекской культуры: 1–3, 16, 20, 21, 23, 25 – каменные орудия; 4–8, 13, 14, 19 – металлические орудия и украшения; 10, 11, 15, 17, 18, 22 – костяные орудия (по: Ковалев, 2012а; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012).

тически полностью отсутствуют поселенческие памятники, что не позволяет провести полноценную реконструкцию многих аспектов жизнедеятельности населения данной культуры, таких, например, как хозяйство, социальные аспекты и прочее. Погребальные памятники в подавляющем большинстве сво-

ем разграблены, в связи с чем процесс накопления репрезентативных антропологических материалов и орудийных комплексов протекает крайне медленно. Дальнейшие полевые исследования подобных комплексов позволят продвинуться вперед в решении обозначенных проблем.

Библиография

1. Ван Бо. Чемурчек вэньхуа чутань [Предварительное изучение культуры Чемурчек] // Каогу вэньхуа яньцзю. Сибэй дасюэ каогу чжуань чэнли сыши чжоу нянь вэньцзи (1956–1996) [Исследование по археологии и культурному наследию: Сборник статей, посвященный сорокалетию факультета археологии Северо-Западного университета (1956–1996)]. Ляньчжоу, 1996. С. 274–285 (на кит. яз.).
2. Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 118 с.
3. Грушин С.П., Ковалев А.А. Исследования на могильнике Усть-Каменка-II в северо-западном Алтае // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 140–142.
4. Грушин С.П., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Фрибус А.В. Цветные изображения на каменных плитах погребальных комплексов ранней бронзы в Западной Монголии // Труды Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 15–19.
5. Грушин С.П., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Фрибус А.В. Результаты археологических исследований на памятнике Баян-Энгэр // Тухийн товчоон. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2015. Т. VIII. С. 87–96.
6. Грушин С.П., Тишкин А.А., Фрибус А.В., Мунхбаяр Ч., Леонтьева Д.С., Сайберт В.О., Миляев Г.А., Спиненко О.В. Особенности археологического комплекса Баян Энгэр (Монгольский Алтай) // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул: Азбука, 2014. С. 25–27.
7. Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с.
8. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследования в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2014. 416 с.
9. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
10. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 171 с.
11. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (20). С. 67–75.
12. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.+вкл.
13. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России. История горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8–12.
14. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.
15. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 г.) // «АВ»: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–76.
16. Ковалев А.А. Чемурчекский феномен как продукт эволюции мегалитов Атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европы и памятников чумурчекской культуры) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 130–140.
17. Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 183–244.
18. Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Санкт-Петербург. гос. музей-институт семьи Рерихов [и др.], 2012а. С. 32–55.

19. Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемуручека и прилегающих территорий. СПб.: Б.и., 2012б. 160 с.
20. Ковалев А.А. Бассейн Верхней Кобдо как чемуручская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 391–395.
21. Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгатай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 183–190.
22. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центрально-азиатской экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 80–85.
23. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центральноазиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 89–103.
24. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки чемуручских курганов в Булган сомоне Ховд аймака Монголии в 2010 году // Чемуручский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Санкт-Петерб. гос. музей-институт семьи Рерихов [и др.], 2012а. С. 3–14.
25. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочивания бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 172–186.
26. Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Вып. 1. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
27. Леонтьев С.Н. К вопросу керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник. Вып. 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 260–272.
28. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
29. Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Чемуручек булшны он цагийн тухай асуудалд // Эрдэм шинжилгэлгээний бичиг. 2015. № 7(19). С. 65–80 (на монг. яз.).
30. Семенов В.А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Вып. 1. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.
31. Синьцзян шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо [Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна]. Синьцзян Кээрмуци му фацзюэ цзяньбао [Краткое сообщение о раскопках могил в Кэрмуци, Синьцзян] // Вэньу. 1981. №1. С. 23–32 (на кит. яз.)
32. Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 293–302.
33. Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // Теория и практика археологических исследований. Вып.4. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 85–92.
34. Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 434–436.
35. Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. История открытия комплексов ранней бронзы в центральной части Ховд аймака Монголии // Чемуручский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Санкт-Петерб. гос. музей-институт семьи Рерихов [и др.], 2012. С. 15–31.
36. Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Каменные сосуды из памятников ранней бронзы долины Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2(8). С. 117–128.
37. Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемуручской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул: Пять плюс, 2012. С. 104–114. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 3).
38. Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 70–83.
39. Kovalev A. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archäologischer Daten // Eurasia Antiqua. Bd. 4 (1998). 1999. S. 247–271.
40. Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek // Eurasia Antiqua. Bd. 5 (1999). 2000. S. 135–178.

Сокращения

АВ	Археологические вести
АО	Археологические открытия, Москва
АРТ	Археологические работы в Таджикистане
ВА	Вопросы антропологии
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ВкА	Вестник антропологии
ИИМК	Институт истории материальной культуры (АН СССР; РАН).
КД	Каракумские древности, Ашхабад
КИО	Культурно-историческая общность
КСИА	Краткие сообщения Института археологии (АН СССР), Москва
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, г. Москва
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва
МКАЭН	Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МНМ	Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991.
На пути открытия цивилизации	На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди [Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3] / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб: Алетейя, 2010. 712 с.
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Тр МАЭ	Труды Маргианской археологической экспедиции. Москва: Старый сад.
ТрХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Москва.
ТрЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад
УСА	Успехи среднеазиатской археологии, Ленинград
У истоков цивилизации	У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В.И. Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М. Дубова Н.А. М., Старый сад, 2004.
ЭО	Этнографическое обозрение, Москва

List of abbreviations

ADPF	Association pour la diffusion de la pensée française
AI	Ancient India, Archaeological Survey of India, New Delhi.
AJPA	American Journal of Physical Anthropology
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan
AMI	Archäologische Mitteilungen aus Iran
APAMNH	Anthropological Papers of American Museum of Natural History, NY.
BNE	Bioarchaeology of the Near East
DAFA	Délégation Archéologique Française en Afghanistan
CAD	The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, eds. A.L. Oppenheim and E. Reiner, Chicago, IL: Oriental Institute, 1956.
CuPAUAM	Cuadernos de Prehistoria y Arqueología Universidad Autónoma de Madrid, Madrid.
EI ²	The Encyclopaedia of Islam, 2 nd edition, 11 vols., Leiden, 1960-2005, Extract from The Encyclopaedia of Islam CD-ROM v.-1.0.
EIr	Encyclopaedia Iranica Online. Available: http://www.iranica.com/newsite/ . Accessed August 2015.
ERC	European Research Council, Paris
ER	Encyclopaedia of Religion, eds. Lindsay Jones and Charles J. Adams, Detroit: Macmillan Reference, 2005.
EW	East and West, Rome
IAS	International Institute for Asian Studies, Leiden.
IASCCA	Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia
IJA	International Journal of Anthropology
IJOA	International Journal of Osteoarchaeology
Later Mesopotamia and Iran	Later Mesopotamia and Iran: Tribes and Empires 1600–539 BC. Proceedings of a Seminar in Memory of Vladimir G. Lukonin, ed. by John Curtis.
MASI	Memoirs of the Archaeological Survey of India, Calcutta-New Delhi.
PSD	The Sumerian Dictionary of the University Museum of the University of Pennsylvania, ed. Åke W. Sjöberg, University of Pennsylvania, University Museum, Philadelphia, PA: Babylonian Section of the University Museum, 1984–1994.
RA	Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale. Paris: Presses Universitaires de France
RIA	Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie / Ed. Michael P. Streck. Berlin: Walter de Gruyter.
RMN	Réunion des musées nationaux. Paris
SAA	South Asian Archaeology

Содержание

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предисловие.....	7
<i>Дубова Н.А.</i> Виктор Иванович Сарияниди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги.....	8
<i>Кожин П.М., Дубова Н.А.</i> Маргиана в среднеазиатской археологии	58

I. СЛОВА ДРУЗЕЙ

<i>Пилипко В.Н.</i> За барханами не только прошлое, за барханами – жизнь	80
<i>Гарнер Р.</i> Посвящение памяти Виктора	93
<i>Антонова Е.В., Летникова Л.В., Станкевич И.Л.</i> Незадолго до Гонура	95
<i>Курпалидис Г.М.</i> Подвижничество и горизонты прошлых цивилизаций (О Викторе Ивановиче Сарияниди)	97
<i>Мурадов Р.Г.</i> Рядом с легендой.....	102
<i>Ковалева Н.А.</i> Виктор Сарияниди – последний Крылатый Лев Маргианы	108
<i>Парпола А.</i> В память: Маргианский тигр.....	125
<i>Беглиев М.Ы.</i> Так начиналось мое знакомство с Виктором Ивановичем и с Гонуром.....	133
<i>Нечвалода А.И.</i> Последняя фотография. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди.....	136
<i>Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Сатаева Л.В.</i> В одной лодке под названием «Гонур»	141
<i>Хазели Р.</i> (Кей Ашкан Ардалан Афшарнадери) Великий человек в поисках Иранведжа и зороастрийской цивилизации согласно географии Авесты	148
<i>Мурадова Э.А.</i> Мэтр археологии	150
<i>Артемяев В.И., Урманова А.М.</i> Беседы на закате	154
<i>Бабаков О.</i> Вспоминая В.И. Сарияниди.....	169
<i>Вртанесян Г.С.</i> Передняя Азия, Маргиана и Сибирь	171
<i>Туркишова Я.</i> Неутомимый археолог.....	173

Сапармамедова О. «Лев Каракумов» и «легенда среднеазиатской археологии»	176
Вересоцкая Г.Э. Сарианиди Виктор Иванович. Короткие встречи	178
Сидиропулос Н. Вечер памяти	188

II. ГОНУР-ДЕПЕ ПРИНОСИТ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Антонова Е.В. К интерпретации погребений баранов в БМАК	191
Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на «Царском некрополе» Гонура	204
Оразов А. Эпоха бронзы в Маргиане: строительные материалы и конструкции	224
Папахристу О.А. Опыт сопоставления: мастерская металлистов на городище Гонур-депе (Туркменистан) и квартал металлистов на городище Шахдад (Иран)	232
Краус С. Металлургические исследования на Гонур-депе, Туркменистан	257
Юминов А. М., Тютев Я. М. Каменные орудия из разрушенной мастерской административно-культурного комплекса Гонур-депе	265
Куфтерин В.В. Особенности биологической и социальной адаптации населения страны Маргуш.....	272
Нечвалода А.И. Древнее население Гонур-депе: визуальный образ палеопопуляции по данным антропологической реконструкции	295
Сатаева Л.В. Результаты исследований остатков древесины из раскопок Гонур-депе	307
Вересоцкая Г.Э. Исследование и реставрация мозаичного декора стенки ларца-дарохранильницы конца III тыс. до н.э. из царской гробницы Гонур-депе (Туркменистан)	315
Беглиев М.Ы. Реставрация бронзового котла из погр. 3900 на царском некрополе Гонура	324
Фрибус А.В., Грушин С.П. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» из новых раскопок Гонур-депе	327

III. СТРАНА МАРГУШ КАК ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Сарианиди В.И. Новый взгляд на становление и пути развития древневосточной цивилизации	335
Усманова Э.Р. Неотправленное письмо или Знаки страны Маргуш в степном пространстве Андрона.....	343
Лаптев С.В. Виктор Иванович Сарианиди и миры Древнего Востока	352

Кобе А. Гонур и путь слоновой кости	356
Новоженков В.А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени	361
Лионне Б. Могилы с деревянной повозкой в Закавказье (Азербайджан). Ее связи со Средней Азией	378
Сотникова С.В. Образ колесничего и культ священного напитка: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников эпохи бронзы).....	386
Поттс Д. Пути нуристанских урей	418
Бакри А.Х. Доисторические контакты между Центральной Азией и Индией	422
Кодебо М., де Сантис Г. Пространственная ориентация на Небесный Северный Полюс в Лотхале (Индия), в Туркменистане и Египте	436
Сальватори С. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс: как терминология вуалирует исторические процессы	449
Франкфор А.-П. Как встретились близнецы: цивилизации бронзового века Инда и Окса в Восточной Бактрии. Вновь Шортугай через сорок лет.....	461
Бенуа А. Топор, изображающий охоту в горном ландшафте	476
Винкельманн С. Некоторые мысли о змее-человеке с косматыми волосами на печатях БМАК	482
Кюн С. Необычная круглая перегородчатая «печать» с изображением Богини с животными: Некоторые размышления о системе религиозных символов среднеазиатской культуры эпохи бронзы Бактрии и Маргианы	492
Луилье Ж. Улуг-депе и Переходный период от бронзового к железному веку в Центральной Азии. Отдавая дань В.И. Сариганиди	509
Бендесу-Сармиенто Х., Луилье Ж. Еще несколько особенных открытий на Улуг-депе	522
Мурадова Э.А. К изучению памятников раннежелезного века в Туркменистане	529
Виноградова Н.М., Бобомуллов С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г.	534
Грушин С.П., Тишкин А.А. Чемурчекская культура в Центральной Азии (историографический обзор и краткая характеристика)	553
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	564

Table of contents

EDITORIAL

Foreword	6
<i>Dubova N.A.</i>	
Victor Ivanovich Sarianidi. Life. Works. Friends. Colleagues.....	8
<i>Kozhin P.M., Dubova N.A.</i>	
Margiana in the Central Asian Archaeology.....	58

I. WORDS OF FRIENDS

<i>Pilipko V.N.</i>	
Behind the Dunes are not only the Past, Behind them is a Life.....	80
<i>Garner R.</i>	
Submission to Victor's Memorial.....	93
<i>Antonova E.V., Letnikova L.V., Stankevitch I.L.</i>	
Shortly before Gonur.....	95
<i>Kourpalidis G.M.</i>	
Asceticism and The Horizons of Past Civilizations (About Victor I. Sarianidi)	97
<i>Muradov R.G.</i>	
Close to the Legend.....	102
<i>Kovaleva N.A.</i>	
Victor Sarianidi – Last Winged Lion of Margiana	108
<i>Parpola A.</i>	
In memoriam: The Tiger of Margiana	125
<i>Begliev M.Y.</i>	
So my Acquaintance with Viktor Ivanovich and Gonur Depe began.....	133
<i>Nechvaloda A.I.</i>	
Last Photo. Memory of Victor Ivanovich Sarianidi.....	136
<i>Sataev R.M., Kufterin V.V., Sataeva L.V.</i>	
In the Same Boat Called «Gonur»	141
<i>Hazeli R. (Kei Ashkan Ardalan Afshanderi)</i>	
A Great Man in Search of the Iran Veydzh and Zoroastrian Civilization	
According to the Geography of the Avesta	148
<i>Muradova E.A.</i>	
Maitre of Archaeology.....	150
<i>Artemiev V.I., Urmanova A.M.</i>	
Talks at Sunset	154
<i>Babakov O.</i>	
Remembering Victor Ivanovich Sarianidi	169
<i>Vrtanesyan G.S.</i>	
Southwestern Asia, Margiana and Siberia	171
<i>Tirkishova Ya.</i>	
The Tireless Archaeologist	173

<i>Saparmammedova O.</i>	
«Lion of Kara-Kum» and «The Legend of the Central Asian Archaeology»	176
<i>Veresotskaya G.E.</i>	
Sarianidi Victor Ivanovich. Brief Meetings	178
<i>Sidiropoulos N.</i>	
The Memorial Evening	188
II. GONUR DEPE IS BRINGING NEW DISCOVERIES	
<i>Antonova E.V.</i>	
On the Interpretation of Burials of Sheep in BMAC	191
<i>Sataev R.M., Dubova N.A.</i>	
Burials of Dogs at the «Royal Necropolis» of Gonur	204
<i>Orazov A.</i>	
Bronze Age in Margiana: Building Materials and Constructions.....	224
<i>Papachristou O.A.</i>	
Experience of Comparison: Metalworkers' Workshop at Gonur Depe (Turkmenistan) and the Metalworkers' Quarter at Shahdad (Iran)	232
<i>Kraus S.</i>	
Metallurgical Investigations at Gonur Depe, Turkmenistan	257
<i>Yuminov A.M., Tyutev Ya. M.</i>	
Stone Tools from the Destroyed Workshop at Administrative-Ritual Complex of Gonur Depe	265
<i>Kufterin V.V.</i>	
Features of the Biological and Social Adaptation of the Population of Margush Country	272
<i>Nechvaloda A.I.</i>	
Ancient Population of Gonur Depe: Visual Image of the Paleopopulation According the Physical Anthropological Data	295
<i>Sataeva L.V.</i>	
Results of the Investigations of the Wood Residues from Gonur Depe excavations	307
<i>Veresotskaya G.E.</i>	
Research and Restoration of Mosaic Wall decoration of the Casket-Ostensory of the End of the III Millennium BC from the Royal Tomb of Gonur Depe (Turkmenistan).....	315
<i>Begliev M.Y.</i>	
Restoration of the Bronze Cauldron from the Tomb 3900 at the Royal Necropolis of Gonur Depe	324
<i>Fribus A.V., Grushin S.P.</i>	
Ceramic Vessel with the Image of «the Temple Façade» from the New Excavation at Gonur Depe.....	327
III. MARGUSH COUNTRY AS A CROSSROAD OF CULTURAL RELATIONS	
<i>Sarianidi V.I.</i>	
New View on the Formation and the Development of Ancient Oriental Civilization	335
<i>Usmanova E.R.</i>	
Unsent Letter or Signs of Margush Country in the Steppe Space of Andron	343
<i>Laptev S.V.</i>	
Victor Ivanovich Sarianidi and Ancient Oriental Worlds	352

<i>Caubet A.</i>	
Gonur and the Ivory Road	356
<i>Novozhenov V.A.</i>	
Communications and Transport of Margush Country Inside the Both Space and Time	361
<i>Lyonnet B.</i>	
A Grave with a Wooden Wagon in Transcaucasia (Azerbaijan). Its Relations with Central Asia.....	378
<i>Sotnikova S.V.</i>	
The Image of the Charioteer and the Cult of the Sacred Drink: Reconstruction of Rituals and Beliefs (Based on the Bronze Age Sites).....	386
<i>Potts D.T.</i>	
The Bronze Age Roots of the Nuristani Urei.....	418
<i>Bakry A.H.</i>	
Prehistoric Contacts between Central Asia and India	422
<i>Codebò M., de Santis H.</i>	
Alignments Towards Heavenly North Pole in Lothal (India), Turkmenistan and Egypt	436
<i>Salvatori S.</i>	
Bactria-Margiana Archaeological Complex: How Terminology Hides Historical Processes	449
<i>Francfort H.-P.</i>	
How the Twins Met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai Revisited Forty Years Later	461
<i>Benoit A.</i>	
Axe Representing a Hunting Scene in a Mountainous Landscape	476
<i>Winkelmann S.</i>	
Some Thoughts About the Wild Haired Snake-Man on BMAC Seals	482
<i>Kuehn S.</i>	
An Unusual Large Circular Compartmented «Stamp Seal» of the Goddess with Animals: Some Thoughts on the Religious Symbol System of the Central Asian Bronze Age Culture of Bactria-Margiana	492
<i>Lhuillier J.</i>	
Ulug-depe and the Transition Period from Bronze Age to Iron Age in Central Asia. A tribute to V.I. Sarianidi	509
<i>Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J.</i>	
Some more exceptional discoveries at Ulug-depe.....	522
<i>Muradova E.A.</i>	
On the Study of the Early Iron Age Sites in Turkmenistan.....	529
<i>Bobomulloev S., Vonogradova N.M., Bobomulloev B.</i>	
Preliminary Results of the Investigations of Farhor Cemetery – the Middle Bronze Age Site on the South of Tajikistan in the 2014 Spring	534
<i>Grushin S.P., Tishkin A.A.</i>	
Chemurchek Culture in the Central Asia (Historiographical Review and a Brief Description)	553
ABBREVIATIONS	564

Научное издание

**ТРУДЫ МАРГИАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Том 6

Памяти Виктора Ивановича Сариниди

Редакционная коллегия:

Надежда Анатольевна Дубова (главный редактор),
Елена Вадимовна Антонова, Павел Михайлович Кожин,
Михаил Федорович Косарев,
Руслан Гельдыевич Мурадов, Роберт Мидхатович Сатаев,
Алексей Алексеевич Тишкин

Рецензенты:

д.и.н. Обыденнова Гюльнара Талгатовна,
д.и.н. Чвырь Людмила Анатольевна,
к.и.н. Аржанцева Ирина Аркадьевна

Москва 2016

ISBN 978-5-89930-150-6